ИСТОРІЯ ПЕДАГОГИКИ

КАРЛА ШМИДТА,

ИЗЛОЖЕННАЯ

ВО

ВСЕМІРНО-ИСТОРИЧЕСКОМЪ РАЗВИТІИ И ВЪ ОРГАНИЧЕСКОЙ СВЯЗИ СЪ КУЛЬТУРНОЮ ЖИЗНЬЮ НАРОДОВЪ.

Исторія педагогики отъ Лютера до Песталоцци.

Изданіе третье, дополненное и исправленное

ВИХАРДОМЪ ЛАНГЕ.

ПЕРЕВОДЪ

ЭДУАРДА ЦИММЕРМАНА.

ТОМЪ ТРЕТІЙ.

Изданіе К. Т. Солдатенкова.

МОСКВА.
Тип. Мартынова и К° (бывш. Грачева и К°), Тверская, д. Хомяковыхъ.
1880.

С О Д Е Р Ж А Н І Е:

II.

ПОСЛѢ ХРИСТА.

Міровая эпоха гуманнаго воспитанія.

Отъ Лютера до Песталоцци.

Реформація.

Творческій процессъ разумнаго воспитанія.

(стр. 5—88).

а) Сущность реформаціи.

СТРАН.

СТРАН.

II. **Противодѣйствіе іерархизму.**

(стр. 239—490.)

Абстрактно-человѣчное воспитаніе.

I. РЕАЛИЗМЪ

(стр. 495—703)

ИСТОЧНИКИ.

Anhalt. Darstellung des Erziehungswesens im Zusammenhange mit der allgemeinen Culturgeschichte. Jena. 1846.
— Die Universitäten. Jena, 1846.
Arnstädt. François Rabelais. Leipzig, 1872.
Basedow's Schriften.
Baur, G. Comenius. (Schmid's Encyclopädie.)
— Basedow, Campe, Bahrdt. (Schmid's Encyclopädie.)
Beck. Ernst II. von Gotha-Altenburg. Weimar, 1865.
Bellermann. Johannes Bugenhagen. Berlin, 1859.
Biedermann. Deutschland im 18 Jahrhundert. Leipzig, 1858.
— Friedrich der Große. Braunschweig, 1859.
Bloch. Balthasar Schuppius. (Programm der Königl. Realschule zu Berlin, 1863).
Bonnell. Friedrich Gedike. (Schmid's Encyclopädie.)
Breue. Meierotto. Berlin, 1802.
Böcheler. Frankreich. (Schmid's Encyclopädie.)
Christoffel. Huldreich Zwingli Elberfeld, 1857.
Cornova. Die Jesuiten als Gymnasialschullehrer.
— Ratio atque institutio studiorum soc. Jesu. Amsterdam, 1635.
— Les Provinciates ou lettres écrites par Louis de Montalte (Pascal) à un provincial de ses amis.
— Ratio et institutio studiorum societatis Jesu. Superiorum permissu. Moguntiae, 1600.
Dittmar. Christliches Vermächtniß oder schuldige Vorsorg eines treuen Vaters von Moscherosch. Frankfurt a. M., 1833.
M. v. E. Die 31 Instructionen für Jesuiten-Novizen. Protest. Monatsblätter von Gelzer, 1864.
Eckstein. Programme der Francke'schen Stiftungen in Halle.
Die Gestaltung der Volksschule durch den Francke'schen Pietismus, Leipzig, 1867.
— Johann, Matthias Gesner.
— Ernesti. (Schmid's Encyclopädie.)
Eisenlohr. Felbiger. (Schmid's Encyclopädie.)
Fischer, K. Baco von Verulam. Leipzig, 1856.
Förster. Ueber Ratichius. Halle, 1760.
Francke, A. H. Ausführliche Ordnung und Lehrart für das Pädagogium. Halle, 1701.
— Oeffentliches Zeugniß vom Werk, Wort und Dienst Gottes. Halle, 1702.
— Segensvolle Fußstapfen 2c. Halle, 1709.
— Kurtzer und einfältiger Unterricht 2c. Halle, 1748.
Frédéric le Grand. Berlin, 1848.
Freytag. Bilder aus der deutschen Vergangenheit. Leipzig, 1865.
Froböse. Luther's ernste, kräfige Worte an Aeltern und Erzieher. Göttingen, 1822.
Fulda. Herr Ulrich Zwingli leerbichlein wie man die Knaben Christlich unterweysen und erziehen soll, mit kurtzer anzayge aynes gantzen Christlichen Lebens. Erfurt, 1844.
Gedike. Gesammelte Schulschriften. 1789 und 1792.

— Luther's Pädagogik. Berlin, 1792.
Geschichte, pragmatische, der vornehmsten katholischen und protestantischen Gymnasien und Schulen in Deutschland aus authentischen Originalnachrichten I Band. Leipzig, 1780.
Gesner's kleine deutsche Schriften. Göttingen und Leipzig, 1756.
Gindely. Ueber Comenius Leben und Wirksamkeit in der Fremde. Wien, 1850.
Gräfe. Die deutsche Volksschule. Leipzig, 1850.
Gröbel. Luther's Gedanken über Schul- und Erziehungswesen. Dresden, 1816.
Guericke, A. H. Francke. Halle, 1827.
Gymnasien, die, Oesterreichs und die Jesuiten. Leipzig, 1859.
Hahn. Das Unterrichtswesen in Frankreich. Breslau, 1848.
Hantschke. Luther über Schulen. Lippstadt, 1830.
Hase. Das geistliche Schauspiel. Leipzig, 1858.
Havemann. Mittheilungen aus dem Leben von Michael Neander. Göttingen, 1841.
Heeren. Christian Gottlieb Heyne. Göttingen, 1813.
Heiland. Dramatische Aufführungen. (Encyclopädie von Schmid.)
Heinike. Ueber alte und neue Lehrarten unter den Menschen. Leipzig, 1783.
— Metaphysik für Schulmeister und Plusmacher. Halle, 1785
— Ueber graue Vorurtheile und ihre Schädlichkeit. Kopenhagen und Leipzig 1787.
Hegel. Geschichte der Philosophie und Philosophie der Geschichte (Sämmtliche Werke, 9. und 15 Band.)
Helfert, v. Die österreichische Volksschule. Prag, 1860.
Henry. Das Leben Johann Calvin's. Hamburg, 1835.
Heppe. Geschichte des deutschen Volksschulwesens. 1 Band. Gotha, 1858.
Herzog. Calvin. (Herzog's Real-Encyclopädie.) Stuttgart und Hamburg, 1854.
Hettner. Literaturgeschichte des 18 Jahrhunderts. Braunschweig, 1856.
Holzapfel. Mittheilungen über Erziehung und Unterricht in Frankreich; 1853.
Huber. Die englischen Universitäten. Cassel, 1839—1840.
Julius. Die Jesuiten. Leipzig, 1854.
Kämmel. Bugenhagen. (Encyclopädie von Schmid.) Gotha, 1859.
— Fenelon. (Schmid's Encyclopädie.)
Kapp, F. Ueber die Begründung der Selbständigkeit der gelehrten Schulen durch ie Reformation. Hannover, 1830.
Kapp. V. F. Trotzendorf. Baireuth, 1785.
Kehr. Zweiter Jahresbericht über das Lehrerseminar in Gotha.
Keil. Geschichte des jenaischen Studentenlebens. Leipzig, 1858.
Keller, F. E. Geschichte des preußischen Volksschulwesens. Berlin, 1873.
Die Kirchen- und Schulordnungen von Braunschweig 1619, Lüneburg 1643 Wolfenbüttel 1651 und 61, Cassel 1656, Gotha 1654—1698 rc.
Klassen. Jacob Micyllus. Frankfurt, 1849.
Klemm Die Frauen. Dresden, 1859.
Klix. Baco von Verulam. (Schmid's Encyclopädie.)
— Bernhardi. (Schmid's Encyclopädie.)
Koch. Philipp Melanchthon's Schola privata. Gotha, 1859.
Kramer, G. A. H. Francke. (Encyclopädie von Schmid.)
Krause. Wolfgang Ratichius oder Ratke. Leipzig, 1872.
Krüger. Die Primanerarbeiten gegen Ende des siebzehnten und im Anfang des achtzehnten Jahrhunderts. Braunschweig. 1860.
Landerer. Philipp Melanchthon. (In Herzog's Real-Encyclopädie, 9. Band. Stuttgart und Hamburg, 1858.
Lang. Ein Gang durch die christliche Welt. Berlin, 1859.
Lange. Calvin. (Encyclopädie von Schmid.) 1859.
Lautbecher. J. A. Comenius Lehrkunst. Leipzig, 1853.
Ledderhose. Leben und Schriften des J. F. Flattich. Heidelberg, 1859.
Lehr- und Erziehungsplan der Societät Jesu. Landshut, 1813.
Liebert. Milton. Hamburg, 1860.
Lübker. Gelehrtenschulwesen. (Schmid's Encyclopädie).
Maßmann. Wolfgang Ratichius und seine Lehrkunst. (Freimüthige Jahrbüchrr für das Volksschulwesen. VII).

Matthes. Ph. Melanchthon, sein Leben und Wirken. 1841.
Meiners. Geschichte der Entstehung und Entwicklung der hohen Schulen. Göttingen, 1802—1805.
Melanchthon. Opera, quae supersunt, omnia. Einzelne Bände des 1834 eröffneten Corpus Reformatorum.
Mezger. Gymnasialprogramm. 1833, 1834, 1841.
Montaigne's, Michel. Gedanken und Meinungen. Berlin, 1793.
Nasemann A. H. Francke. (Programm der Realschule im Waisenhause zu Halle.)
Neander, M. Bedenken, wie ein Knabe zu leiten und zu unterweisen. Zum dritten Male durchgesehen. 1782.
Niemeyer. Geschichte der Pädagogik für das achtzehnte Jahrhundert.
— Ansichten der deutschen Pädagogik und ihrer Geschichte im achtzehnten Jahrhundert. (Programm von 1801.)
— Ratichius. (Programm des Pädagogik zu Halle.) 1840—1843.
— Philipp Melanchthon als praeceptor Germaniae. Halle, 1817.
Niethammer. Der Streit des Philanthropinismus und Humanismus. Jena, 1808.
Palmer. Wesen und Werth des Philanthropinismus (in den Prolegomenen der „evangelischen Pädagogik.") Stuttgart, 1853.
— J. V. Andrä. (Schmid's Encyclopädie.)
— Bengel. (Encyclopädie von Schmid.)
Pappenheim. Amos Comenius. Berlin, 1871.
Pinzger. V. F. Trotzendorf. Hirschberg, 1825.
Planck. Melanchthon, Praeceptor Germaniae. Nördlingen, 1869.
Programm des Gymnasiums zu Hirschberg. (Ostern 1863.)
— der königl. Realschule zu Berlin vom Jahre 1863.
Rathmann. Beiträge zur Lebensgeschichte Basedow's aus seinen Schriften und andern echten Quellen. Magdeburg, 1791.
Raumer, K. v. Geschichte der Pädagogik. 1. Theil. Stuttgart, 1843.
Reimann. Beschreibung der v. Rochow'schen Lehrart. Berlin, 1800.
Reineccius. De Philippi Melanchthonis in scholas meritis. (Biedermanni select. scholast. Vol. II. Fasc. I.)
Resewitz. Gedanken, Vorschläge und Wünsche zur Verbesserung der öffentlichen Erziehung, 1783.
Reuchlin. Jansenismus. (Herzog's Real-Encyclopädie.)
Richter, Albert. Der arme Teufel. Freie deutsche Schulzeitung, 1873.
— Karl. Pädagogische Bibliothek.
Rochow's Schriften.
Rückert. Lehrbuch der Weltgeschichte. II Band. Leipzig, 1859.
Ruhkopf. Geschichte des Schul- und Erziehungswesens in Deutschland. Bremen, 1794.
Rousseau. Emil.
Sainte-Bevue. Port-Royal. Paris, Hachette.
Schärer. John Locke. Leipzig, 1860.
Scherr. Deutsche Cultur- und Sittengeschichte. Leipzig, 1858.
Schlichtegroll. Nekrolog Basedow's. 1790.
Schmid, E. Das Leben Melanchthon's. Elberfeld, 1861.
Schöll. Methodismus. (Real-Encyclopädie.) 1858.
Schriften von Baco, Locke, Moscherosch, Ratichius, Comenius.
Schriften von Campe, Salzmann, Trapp ꝛc.
Schuppius. Sämmtliche Schriften. Ausgabe von 1663.
Seyffarth. Die Dorfschulen. Berlin, 1867.
— Die Seminarien für Volksschullehrer. Berlin, 1869.
Spinoza. Opera quae supersunt omnia. Jenae. 1802.
Stötzner. Ein von der Volksschule vergessener Pädagog des vorigen Jahrhunderts. Leipziger Blätter 1867, Heft 2.
Sturmii de institutione scholastica opuscula selecta (In Vormbaum's Schul-ordnungen.)
Tholuck. Das kirchliche Leben des 17. Jahrhunderts. Berlin, 1862.
— Molinos. (Herzog's Real-Encyclopädie.)

Trendelenburg. Freidrich d. G. und sein Staatsminister Freiherr v. Zedlitz. Berlin, 1859.
Ulrich Pragmatische Geschichte der vornehmsten katholischen und protestantischen Gymnasien und Schulen. Leipzig, 1780.
Vial. Conrad Mel. (Programm des Gymnasiums zu Hersfeld.)
Veesenmeyer. Literarische Nachricht von Luthers Schriften. Stuttgart, 1819
Völter. Flattich. (Encyclopädie von Schmid.)
Vömel. Ueber Philipp Melanchthon's Einfluß auf das Schulwesen. In Schwarz Darstellungen.) Leipzig, 1833.
— Schulrede über J. Sturm. (In Schwarz Darstellungen.) Leipzig, 1853.
Vormbaum. Evangelische Schulordnungen. Gütersloh, 1860.
Wachsmuth. Allgemeine Culturgeschichte. III Theil. Leipzig, 1852.
Wahlert. Luther über Kinderzucht. Lippstadt, 1828.
Weicker. Das Schulwesen der Jesuiten nach den Ordensgesetzen. Halle. 1863.
Willisch. De Luthero, restauratore rei scholasticae. Altenb., 1717.
Wiss. De Luthero scholarum instauratore. Rinteln, 1817.
Wittstock. Rabelais und Montaigne. Deutsche Warte. 1873.
Wolfii, Hieronymi commentaricolus (eine Selbstbiographie, im 8 Theile von Reiske's Oratores Graeci enthalten).
Zeller. Das theologische System Zwingli's. Tübingen. 1853.
Zumpt. De Luthero scholarum in Germania conditore et emendatore. Berlin, 1818.

ПЕРІОДЪ РАЗУМНАГО ВОСПИТАНІЯ, ОТЪ ЛЮТЕРА ДО ПЕСТАЛОЦЦИ.

1.

Поприще исторіи и христіанско-европейская міровая культура.

Дореформаціонное человѣчество и дореформаціонная исторія возникли изъ развалинъ древняго міра и стояли на нихъ. Выступили невѣдомые древнему міру народы и основали новыя государства съ новымъ духомъ и новою религіею. Христіанство въ высшемъ значеніи слова религія самыхъ вдумчивыхъ и наиболѣе организованныхъ народностей: при его глубокой задушевности оно не могло быть воспроизведено и развито во всей полнотѣ и во всей его сущности распустившимися во внѣшности и формальности народами дохристіанской эпохи. Для наиболѣе чистаго, духовнаго воспринятія христіанства потребовались новыя племена, которыя при посредствѣ своей задушевности и величія своей идеальности проникли бы въ глуби новой религіи, а потомъ, возбужденныя ею къ свойственной имъ новой жизни, создали бы новый государственный, нравственный и научный міръ. Не такова *реформаціонная эпоха.* Тѣ же народы, что и въ дореформаціонномъ мірѣ, на тѣхъ же мѣстахъ, какъ и прежде, остались носителями всемірной исторіи. Но внутренняя жизнь их была богата, стихійная сила ихъ довольно значительна для того, чтобы воспрепятствовать всякому застою и сообщить движеніе новому, поступательному развитію въ церкви, наукѣ и искусствѣ. На эту внутреннюю жизнь и на эту стихійную силу повліяли извнѣ новые мощные двигатели.

Европейскія государства, дотолѣ разрозненныя, лишенныя взаимныхъ сношеній, общаго связующаго средоточія и общей цѣли, вступаютъ съ этихъ поръ въ живую и непрерывную связь между собою; мало того, съ открытіемъ Америки и изслѣдованьемъ морского пути въ Остъ-Индію политическіе, торговые, промышленные и культурные инте-

ресы европейскаго міра переплетаются съ судьбами всѣхъ странъ свѣта. Съ этой лишь поры исторія, которая доселѣ была исторіею племени и племенъ и которую человѣкъ, считая себя средоточіемъ космоса, называетъ всемірною, дѣйствительно стала исторіей человѣчества, ибо съ этой поры начинается самое многостороннее взаимнодѣйствіе всѣхъ отраслей многочленнаго человѣческаго рода и развитіе ихъ другъ черезъ друга и въ связи одна съ другой. Океанъ сталъ широкимъ путемъ міровой торговли, а съ обмѣномъ товаровъ соединился обмѣнъ идей, будучи облегченъ изобрѣтеньемъ книгопечатанья и расширенъ учрежденіемъ почтъ.

Такимъ образомъ государства Европы впервые вступили другъ съ другомъ въ матерьяльную и духовную связь, въ систему и союзъ государствъ, въ одну большую семью, у которой Германія составляетъ сердце. При такой только системѣ политическаго равновѣсія и было возможно то, что мелкія державы, особенно въ Германіи, слишкомъ слабыя для состязанія на поприщѣ всемірной политики, но охраняемыя въ своихъ правахъ и самостоятельности всеобщею организаціею государствъ, могли обратить свою дѣятельность на мирныя искусства, и съ ихъ многочисленными столицами и университетами сдѣлаться средоточіями культуры. Система политическаго равновѣсія возбудила въ то же время соревнованіе между отдѣльными державами, такъ что онѣ матерьяльно и духовно разными путями стремились достичь всего высшаго; препятствуя притомъ возникновенію европейской всеобщей монархіи, она же развила въ единичныхъ народахъ любовь къ свободѣ и самостоятельность, одушевленіе къ національности и отечеству, хотя съ другой стороны нерѣдко также злоупотреблялась для прикрасы власти.

Съ наступленіемъ новаго историческаго развитія существовало еще двойное самодержавство Римскаго папы и Германскаго императора. Оба престола впрочемъ были уже потрясены: они начали колебаться. Власть папы пала, оттого что прогнила и не въ силахъ была вынести свѣта науки; власть императора поникла, оттого что ослабла государственная связь и единичные члены сдѣлались самостоятельными. Папство и Римско-германская имперія въ дореформаціонную міровую эпоху уже болѣе не носители прогресса и потому уже не средоточія исторіи. Франція, благодаря хитрой политикѣ Людовика XI, подавила власть знати, соединила съ короною важнѣйшія вассальныя владѣнія и предстала націей съ неограниченною почти волею монарха: она быстрыми шагами шла къ неограниченному самодержавію Людовика XIV. Управленіе общими дѣлами совокупности людей, называемой обыкновенно государствомъ, сдѣлалось зависимымъ отъ прихоти и произвола

единаго человѣка, пока наконецъ та совокупность цивилизованныхъ людей, у которой принципъ неограниченнаго самодержавія достигъ господства, испуганная усилившеюся порчею, не образумилась и не попыталась замѣнить неограниченное самодержавіе другою государственною формою, въ которой особь съ ея духовными и физическими потребностями добилась своего права и была заявлена равноправность всѣхъ. Естественное право единичныхъ лицъ противъ государственнаго произвола неограниченнаго державца было возстановлено въ кровавыхъ потокахъ революціи. Въ Англіи, послѣ того какъ въ борьбѣ алой и бѣлой розы сокрушена была сила Норманнскаго феодализма, сталъ все болѣе и болѣе преобладать германскій элементъ общей свободы: сначала при Тюдорахъ среднее сословіе соединилось съ королевскою властью противъ дворянства, съ тѣмъ чтобы впослѣдствіи при Стюартахъ поднять борьбу въ одно время противъ престола и дворянства: конституціонная монархія была результатомъ этой борьбы и поприщемъ, на которомъ смогла развернуться цѣлесообразность въ практической жизни, этотъ жизненный девизъ Англичанина. Скандинавскія державы, соединенныя Кальмарскимъ союзомъ, вновь расторглись: послѣ распаденія, соревнованіе между Даніею и Швеціею побудило ихъ къ болѣе энергической дѣятельности. Въ Польшѣ при Ягеллонахъ сложилась дворянская анархія, повлекшая за собою наконецъ упадокъ государства. Россія, освободилась отъ монгольскаго ига и положила основаніе своему единодержавному могуществу, которое, опираясь на первобытную силу славянскихъ племенъ, помышляетъ о всемірномъ владычествѣ. Изъ Константинополя юношески бодрое варварство Турокъ угрожало Европѣ и вызвало ее на бой противъ полумѣсяца, который въ теченіе столѣтій былъ жаломъ для христіанскихъ націй и наконецъ оказался лишнимъ въ Европѣ и безполезнымъ для европейской исторіи. Между тѣмъ какъ въ столицѣ Португаліи стекались сокровища Африки, Бразиліи и Индіи, распалась Италія — соблазнительная добыча для иноземныхъ завоевателей, а Швейцарія въ то же время продавала за поскудную плату кровь своихъ сыновъ.

Цивилизація изъ европейскихъ странъ распространилась по міру. Въ Азіи на индѣйскихъ побережьяхъ лишь съ прибытіемъ Европейцевъ развилась новая жизнь. Въ Западную и Южную Африку проникъ лучъ свѣта благодаря лишь португальскимъ открытіямъ. Америка стала историческою страною съ водвореніемъ въ ней Европейцевъ, для того, чтобы вскорѣ потомъ также войти въ историческое средоточіе.—Европа налагаетъ на міръ отпечатокъ своей цивилизаціи, не подавляя при-

томъ чужеземныхъ элементовъ, а напротивъ, воспитывая себѣ изъ нихъ мощныхъ пособниковъ для духовной свободы. Поступательное движеніе цивилизаціи въ человѣчествѣ совершается въ христіанско-европейскихъ формахъ. Изъ Европы, а именно изъ средоточія ея, Германіи, положенъ также починъ борьбѣ за святѣйшую изъ идей, за свободу религіи,—борьбѣ, слѣдствіемъ которой было признаніе и распространеніе утвержденной христіанствомъ гуманности, уважающей человѣка и порождающей стремленіе къ общечеловѣческому началу, ставшему въ разрѣзъ съ прежнимъ духомъ узкосердія. Отсюда человѣческая дѣятельность сдѣлалась вольнѣе и неограниченнѣе, права нѣсколькихъ стали правами многихъ, и потомъ всѣхъ. Отсюда и наука также, преодолѣвъ всѣ препятствія, стремилась постичь вселенную и сдѣлать потомъ свои завоеванія общимъ достояніемъ для всѣхъ, перейти отъ умозрѣній къ жизни: свѣтъ генія озаряетъ даже крестьянскія хижины. Отсюда религіозная истина все болѣе и болѣе признавалась общимъ достояніемъ, которымъ не властны распоряжаться ни священство, ни государство: на мѣсто наружнаго авторитета вступилъ разумъ, возвѣстившій Бога Отцемъ всѣхъ, а любовь—исполненіемъ закона. Отсюда наконецъ высшее изъ искусствъ, педагогика, пыталось все болѣе и болѣе вывести свои начала изъ природы человѣка и сдѣлать ихъ предметомъ и дѣломъ народовъ.— Германія—духовное солнце, согрѣвающее и озаряющее человѣчество. *)

---

*) Автору слѣдовало бы, хоть изъ скромности, оговорить, что и это солнце не безъ пятенъ. Да и вообще надо быть поосторожнѣе при сравненіи историческихъ явленій съ естественными. *Примѣч. переводч.*

РЕФОРМАЦІЯ.

Творческій процессъ разумнаго воспитанія.

а) СУЩНОСТЬ РЕФОРМАЦИИ.

2.

Принципъ реформаціи.

Этотъ богатырскій подвигъ духа нѣмецкой націи подобенъ мощному взрыву, подготовленному вѣками совершавшимся накопленіемъ горючаго матеріала. Накопленіе это совершалось церковью, т. е. тѣмъ монархически организованнымъ обществомъ духовныхъ лицъ, которое покушалось быть посредникомъ между божествомъ и человѣчествомъ. Духовенство всѣхъ религій споконъ вѣка присвоивало себѣ такого рода посредничество. Христіанская церковь въ первомъ, благодатномъ періодѣ своемъ была попечительною и воспитывающею матерью народовъ, но потомъ стала алчною и властолюбивою владычицею; священники погрязли во внѣшностяхъ, и часто даже въ нравственной порчѣ. Вслѣдствіе этого одна житейская область за другою вырывалась изъ-подъ господства всеобъемлющихъ властителей. Государственная и національная жизнь порывалась отвоевать обратно свою автономію, нравы и нравственность покушались подняться вновь на собственной почвѣ; наука пошла своими собственными путями; религіозное чувство и религіозное сознаніе возстали противъ церковной опеки: вездѣ обнаруживался сильный порывъ къ реформѣ и развился до чрезвычайныхъ размѣровъ. Самымъ мощнымъ факторомъ, вызвавшимъ реформацію, было безъ сомнѣнія вновь пробудившееся во всѣхъ слояхъ и областяхъ нѣмецкой жизни стремленіе къ образованію, не удовлетворявшееся уже ничѣмъ изъ всего, что ему до сихъ поръ предлагалось. Это стремленіе было возбуждено великими изобрѣтеніями и открытіями XV столѣтія, особенно паденіемъ Птоломеевой систе-

мы міра и открытіемъ Америки. Не даромъ засадили въ тюрьму Галилея: духовенство чуяло свѣжій утренній воздухъ и предчувствовало умственную духовную грозу. Тому же содѣйствовало, подрывая въ большомъ размѣрѣ отжившую ветошь, возрожденіе классическихъ ученій съ ихъ новыми образовательными идеалами и методами преподаванія. Возникло стремленіе къ чисто человѣчному образованію и враждебно выступило противъ церковнаго воспитанія съ односторонне предвзятою цѣлью.

Реформація была прежде всего реформаціею церкви, возвратомъ церковнаго ученія и церковной жизни къ ихъ первоначальнымъ основамъ, источникамъ и нормамъ и обновленіемъ послѣдней на этомъ стародавнемъ и надежномъ основаніи. Потомъ она имѣла общее человѣческое, міровое и культурно-историческое значеніе и дѣйствіе. Евангеліе становится свободнымъ и освобождаетъ насъ. Освободившееся образованіе содѣйствуетъ религіозному освобожденію, а послѣднее освобождаетъ духъ вообще, укрѣпляетъ и поднимаетъ волю, облагороживаетъ этико-духовную и соціальную жизнь вездѣ, гдѣ вступятъ въ противорѣчіе идея съ явленіемъ, действительность съ истиною, настоящій бытъ съ шагнувшимъ впередъ самосознаніемъ. Настаетъ новый, христіанско-гуманный вѣкъ. Господствовавшій принципъ авторитета уступаетъ мѣсто свободному изученію по первичнымъ источникамъ. Протестантскій новый духъ даетъ философіи, хотя и не мгновенно, но за то настойчиво дѣйствующій толчокъ; въ области исторіи и языковѣдѣнья пробуждается изученіе источниковъ; естествознаніе не довольствуется болѣе такъ называемымъ голословнымъ реализмомъ, въ которомъ коснѣютъ еще педагоги реформаціоннаго вѣка, а напротивъ, возносится къ непосредственному наблюденію природы, какъ того требуетъ Беконъ. Въ нравственной области все традиціонное и стародавнее поневолѣ склоняется передъ вольнолюбивою мощью истины; нравственная автономія, право совѣсти, сила нравственной идеи, свободная нравственная личность признаются всѣми. И какъ личность каждой особи, такъ и всѣ нравственные союзы освящаются и оцѣниваются по ихъ самодостоинству. „Настоящіе священные ордена“, говоритъ Лютеръ, „это—церковь съ раздѣленіемъ на учителей и слушателей, это—государство какъ совокупность власти и подданныхъ, это — семья или домохозяйство, заключающее въ себѣ супругъ, родителей и дѣтей, хозяевъ и прислугу. Во всѣхъ этихъ учрежденіяхъ есть божески святой урядъ; во всѣхъ онъ побораетъ діавола; всѣ получили свое право отъ Бога и Божья назначенія; всѣ имѣютъ своимъ призваніемъ преуспѣяніе царства Божія въ человѣчествѣ. Всякое нравственное призваніе въ жизни

считается божескимъ, всякій законный трудъ—богослуженьемъ".

Такой громадный переворотъ въ духовной жизни естественно долженъ былъ повліять также рѣшительно и на воспитаніе. Сами реформаторы уже обратили все свое вниманіе на систему воспитанія, обученія и школъ. Лютеръ называетъ воспитаніе великимъ дѣломъ, ибо оно весьма важно для Христа и для всего міра. Къ этой педагогической ревности побуждала вопервыхъ забота о благѣ единичной души, потомъ забота о прочности вновь основанной церкви и наконецъ о благосостояніи гражданскаго общества. Всеобщее священство всѣхъ людей необходимо требовало христіанскаго наставленія и христіанскаго воспитанія, а предписаніе всѣмъ ссылаться на Библію, какъ на единственный источникъ всякой вѣры, требовало искусства чтенія и пониманія.—Церковь, будучи по евангелическимъ понятіямъ не учрежденіемъ, но общиной, нуждается для своего управленія въ научно образованныхъ служителяхъ, а слѣдовательно и въ наукѣ и научныхъ заведеніяхъ, какъ въ университетахъ, такъ и въ гимназіяхъ. Итакъ, необходимо вопервыхъ народное обученіе, а вовторыхъ — основаніе и улучшеніе высшихъ учебныхъ и ученыхъ заведеній.

Признаніе разныхъ житейскихъ областей выраженіемъ истинно человѣческой, т. е. въ сущности божеской жизни, побуждаетъ одно сверхчувственное воспитаніе людей для небеснаго только царства считать крайнею односторонностью; воспитаніе человѣка для человѣка, его образованіе для цѣлей домашней, гражданской, обще-человѣческой жизни оказалось вполнѣ законнымъ и необходимымъ, и даже святымъ долгомъ христіанской общественной жизни.

Прекрасно выразился Карлъ Шмидтъ о сущности реформаціи, а именно:

Принципъ германской реформаціи—задушевность, непосредственная увѣренность въ божественномъ,—совѣсть; а подвигъ ея—попытка возстановить опять то, что совѣсть считаетъ своимъ содержаніемъ, — вѣчно существенное, божественное въ человѣческомъ и человѣческое въ божественномъ. Совѣсть, сознаніе Бога въ человѣческомъ духѣ, божественнымъ инстинктомъ какъ чувство данная истина и правда, внутренній судъ въ человѣкѣ—вотъ что породила реформація, возставъ противъ безсовѣстности папства, — вотъ что, выражая вѣчно истинное и признавая и допуская одно только это какъ свое содержаніе, живетъ и движетъ въ реформаціи. Съ возвѣщеніемъ совѣсти единственнымъ принципомъ въ духовной жизни возвѣщена была демократія духа, передъ которой исчезаетъ всякая исключительность единоспасенія и достигла господства истинная гуманность. Совѣсть, это всеобщее

чувство (sensus communis), эта увѣренность въ свое единство съ Богомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ съ человѣчествомъ, приводитъ человѣка къ сознанію, что вопреки индивидуальности всѣмъ людямъ присуще нѣчто общее, и что вопреки этому всеобщему каждая особь представляетъ собою отдѣльную монаду, своеобразную опредѣленность Божьей воли. Это сознаніе, — побуждающее человѣка чувствовать и мыслить себя принадлежащимъ къ совокупности однородныхъ существъ, такъ что въ своихъ житейскихъ дѣлахъ онъ руководится и можетъ руководиться тѣми чувствами и мыслями,—вотъ что составляетъ сущность гуманности. Протестантизмъ это—христіанство гуманности.

А потому передъ нимъ и отъ него должно было пасть все, что противорѣчитъ гуманности.

Аристократія католической церкви, въ которой міянинъ увольняется отъ религіи въ ея истинномъ смыслѣ, такъ какъ ее продѣлывалъ папа съ своими духовными полководцами, возвѣщая въ буллахъ и синодахъ истины вѣры, была поэтому побѣждена протестантскою демократіею духа, признающею право собственнаго внутренняго рѣшенія, причемъ всякая религіозная душа должна сама вознестись къ Богу. Привилегіи, благодаря которымъ міянинъ воленъ былъ погрузиться въ свѣтскость, предаваться любви и рыцарскимъ потѣхамъ, лишь бы онъ отчиталъ на четкахъ предписанныя молитвы, а аскетизмъ и мораль стояли между тѣмъ на столпахъ пустыни и по наружному виду обитали за монастырскими стѣнами: эти привилегіи были отмѣнены; совѣсти единичныхъ людей вмѣнялось въ обязанность вести нравственную жизнь и каждому христіанину поставлялось задачею быть священникомъ, и каждой христіанкѣ быть священницей, и старымъ и молодымъ, господину и рабу, хозяйкѣ и служанкѣ, ученому и неучу. Свободный, личный, нравственный человѣкъ, опирающійся на автономіи разума и совѣсти,—вотъ завоеваніе германской реформаціи.

А потому съ этихъ поръ ханжество и замѣняется нравственнымъ подвигомъ, внѣшніе догматы внутреннею вѣрою. Одна только вѣра спасаетъ—вотъ что стало паролемъ, лозунгомъ. Твое внутреннее бытіе—это твое истинное бытіе: вотъ реакція религіозной совѣсти противъ ханжества и внѣшности католицизма. „Берегись и никакому предмету на землѣ, хотя бы то были ангелы съ небесъ, не придавай великаго значенія, такъ чтобы вопреки твоей совѣсти это не отклоняло тебя отъ ученія, признаваемаго и почитаемаго тобою за божественное"—этими словами совѣсть, задушевность, объявляется основою въ человѣкѣ, въ которомъ открывается Богъ. Потому также реформація и возвращается къ непосредственно духовному откровенію Божья Духа, къ Свя-

щенному Писанію, въ которомъ каждая личность находитъ себѣ удовлетвореніе по своимъ потребностямъ: при этомъ возвратѣ субъекта къ первичному откровенію человѣческое самосознаніе должно быть и стать одно съ Божьимъ сознаніемъ,—христіанинъ долженъ вступить въ непосредственное отношеніе къ Богу, Богъ долженъ въ немъ стать человѣкомъ, въ немъ долженъ народиться Христосъ.

Такова сущность протестантской вѣры. Она не что иное какъ своимъ содержаніемъ восполненная, проникнутая и одухотворенная задушевность; содержаніе же ея Христосъ, Богочеловѣкъ. Онъ не ученіе, но жизнь, не знаніе, но совѣсть—не просто разсудочное присвоеніе теологическихъ правилъ, но подвигъ, подвигъ преданности всего внутренняго человѣка истинно человѣческой сущности, идеалу человѣка, Христу. Сопровождающій эту внутреннюю и задушевную вѣру разсудочный, теоретическій анализъ ея содержанія еще не сама вѣра, точно такъ же какъ весьма свѣдущій и освоившійся съ христіанскими ученіями человѣкъ отнюдь еще не вѣрующій. Выводы богословской науки оцѣниваются въ протестантизмѣ лишь по мѣрѣ ихъ отношенія къ его основному принципу, и научное изложеніе догматики должно расширяться по мѣрѣ того, какъ увеличивается кругозоръ знанія и науки. А потому наука, догматика и догмы подлежатъ измѣнчивости и совершенствованію, и расходящіяся теологическія школы имѣютъ между собою то общее, что онѣ допытываются и добиваются отвѣчающаго извѣстному состоянію знанія научнаго формулированья вѣроученія, тогда какъ напротивъ того, христіанская вѣра, какъ и само христіанство, будучи совершенствомъ, вѣчно одна и та же;—это подвигъ воскрешенія Христа въ самой Богомъ данной индивидуальности.

Итакъ, принципъ протестантства состоитъ въ уничтоженіи всякаго эгоизма, этого рабства души; ибо вѣрующій поступается всѣми частными и чувственными интересами ради божественнаго. Въ протестантизмѣ вмѣстѣ съ вѣрою въ одно и то же время и непосредственно дана любовь: человѣкъ, постигшій Бога въ вѣрѣ,—Бога, который не чуждое ему существо, а напротивъ, сама собою сообщающаяся грѣшнику любовь,—вмѣстѣ съ Нимъ вмѣщаетъ въ себѣ тѣмъ и любовь; онъ поэтому не можетъ не отдать и не удѣлить другимъ какъ всего себя, такъ и всего, что есть въ немъ. Съ реформаціею христіанскій духъ во всѣхъ отношеніяхъ изъ отчуждаемости и свѣтскости католицизма вернулся къ своей собственной задушевности: а вмѣстѣ съ тѣмъ и германскій духъ существенно достигъ своего истиннаго назначенія. Отличающаяся широкою и богатою индивидуальностью жизнь Германцевъ взамѣнъ отвлеченнаго равенства добивается

признанія особеннаго и своеобразнаго, а въ то же время всеобщаго и существеннаго въ особенномъ, т. е. проявленія органической стихійной жизни въ жизни человѣка. Религія для германскихъ народовъ есть дѣло совѣсти. Потому-то они не предоставляютъ постороннему лицу распоряжаться религіозными дѣлами, а напротивъ, устроиваютъ ихъ сами по мѣрѣ знанія и совѣсти своей индивидуальности. Потому-то они и могли и могутъ проникнуться сознаніемъ, что каждый народъ имѣетъ такого Бога, каковъ онъ самъ, что народъ всю свою вѣру, любовь и надежду, свою степень образованія и все свое духовное направленіе влагаетъ въ свой религіозный взглядъ, — что какъ индивидуальность, такъ точно и богосознаніе единичныхъ людей, племенъ, народовъ, государствъ и пр. имѣютъ одинъ и тотъ же оттѣнокъ, что единственное кольцо Лессинга будетъ настоящимъ, надлежащимъ и одареннымъ чудною цѣлебною силою лишь для того, кому отецъ назначилъ его отъ начала. Потому-то въ протестантизмѣ истину представляетъ не церковь, а Христосъ. Въ протестантизмѣ религія стоитъ на первомъ, а церковь лишь на второмъ планѣ, ибо онъ прежде всего требуетъ увѣренности въ отпущеніи грѣховъ и спасенія; въ католицизмѣ же церковь занимаетъ первое, а религія второе мѣсто, ибо онъ прежде всего заботится о повиновеніи, подчиненіи волѣ, велѣніямъ и уставамъ церкви. „Римское католичество—говоритъ Шлейермахеръ—ставитъ отношеніе единичной личности къ Христу въ зависимость отъ его отношенія къ церкви, а протестантизмъ наоборотъ—отношеніе единичной личности къ церкви отъ ея отношенія къ Христу". Въ католицизмѣ церковь не что иное какъ совокупность наружно связанныхъ съ нею видимыхъ членовъ; въ протестантизмѣ же истинная церковь есть невидимая, имѣющая свое пребываніе въ человѣческомъ сердцѣ, она не что иное какъ совокупность истинно вѣрующихъ. Видимая церковь въ протестантскомъ мірѣ многообразно расчленяется по народамъ, государствамъ, племенамъ и группамъ, тогда какъ католическая въ ея отвлеченной всеобщности представляется однимъ замкнутымъ цѣлымъ. Въ протестантизмѣ священникъ самъ передъ собою отвѣтственъ за свое слово: его проповѣдь есть дѣло его совѣсти и сердца; потому вся его жизнь, какъ въ церкви, такъ и внѣ ея, имѣетъ и должна согласоваться съ его вѣрованіемъ. Въ католицизмѣ священникъ двойственный человѣкъ: внѣ церкви онъ принадлежитъ себѣ и даже мірскимъ наслажденіямъ; въ церкви же онъ не является самимъ собою, тамъ онъ лишь органъ ея, она сама говоритъ изъ него, и онъ обязанъ излагать ея ученіе, все равно, согласенъ ли онъ съ нимъ въ душѣ своей или нѣтъ—подобно законовѣду, осуждающему преступника на смертную казнь по государственнымъ законамъ хотя бы

онъ въ душѣ своей и былъ противникомъ смертной казни. Католицизмъ возстаетъ какъ противъ жизни, такъ и противъ науки и подавляетъ и ту и другую;—протестантизмъ же изъ нѣдръ души проникаетъ науку и жизнь и указываетъ такимъ образомъ и той и другой ихъ высшее и истинное средоточіе. Итакъ, въ протестантизмѣ богослуженіе не составляетъ уже болѣе особаго дѣла при другихъ дѣлахъ, отбываемаго въ извѣстные часы молитвами, хожденіемъ въ церковь и т. п.; оно обнимаетъ всего человѣка, оно—молитва безъ перерыва, самопреданность вѣчному и божественному не только въ часы, когда духъ въ безмолвномъ созерцаніи погружается въ самого себя, но также и въ то время, когда онъ дѣломъ и словомъ выходитъ на поприще свѣтской жизни.

Изъ этого духа и изъ этого протестантскаго основнаго принципа возникаетъ также новое пониманіе этической жизни. Самостоятельность личности, ставшей въ реформаціи и вмѣстѣ съ нею могуществомъ, обнаруживается и заявляетъ свои права болѣе всего въ эмансипаціи женщины. Католицизмъ считалъ женщину подчиненнымъ существомъ, такъ какъ настоящій человѣкъ, т. е. священникъ не имѣлъ съ нею никакого нравственнаго общенія и не признавалъ ее равноправною. Въ протестантизмѣ жена признается равною мужу. Это признаніе въ эпоху реформаціи и подняло ее надъ обычнымъ ея уровнемъ. Какъ при введеніи христіанства, такъ же точно дѣйствовала она и при осуществленіи реформаціи. Сестра Карла V, королева Марія Венгерская, переписывалась съ Лютеромъ. Герцогиня Екатерина Саксонская и Елизавета Бранденбургская, принцесса Маргарита Ангальтская и др. устно и письменно содѣйствовали реформаціи; Анна Штольбергъ была первою протестантскою игуменью монастыря Кведлинбургскаго; Магдалина Гаймеръ изъ Регенсбурга и Екатерина Юнкеръ изъ Эгера въ качествѣ сочинительницъ духовныхъ пѣсенъ ратовали за ту же реформацію. Послѣдняя вмѣстѣ съ женщиною признала законность, необходимость и святость брака. Священническому и монашескому безбрачію она противопоставила половую любовь какъ законъ природы. „Слово, — сказалъ Лютеръ, — сказанное Богомъ: Плодитесь и множитесь, не заповѣдь, а скорѣе дѣло Божье. Это не что иное, какъ искони насажденная природа, и такое же свойство, какъ и подлежащіе къ тому члены. Какъ Богъ никому не повелѣваетъ быть мужчиной или женщиной, но создаетъ ихъ такими; такъ точно не повелѣваетъ Онъ размножаться, но создаетъ ихъ такъ, что они должны размножаться. Родить дѣтей такъ же глубоко внѣдрено отъ природы, какъ ѣсть и пить“.—Посты и бичеванія не вмѣняют-

ся ни во что. „Ибо, сказалъ опять-таки Лютеръ,—если Господь Богъ воленъ создать хорошихъ, большихъ щукъ и хорошій рейнвейнъ, то и я также воленъ ѣсть ихъ и пить его; Господу Богу вѣдь угодно, чтобы ты радовался или смѣялся отъ полноты души“.—Съ этихъ поръ всякое призваніе въ жизни считается божескимъ, всякій необходимый, жизнью требуемый трудъ—богослуженіемъ, церковь и государство, семья и община считаются нравственными и слѣдовательно божественными уставами жизни. Разумъ вступаетъ въ свои права. Цвингли основываетъ систему христіанской вѣры на послѣдовательности человѣческаго мышленія, а Лютеръ изъ природы и разума выводитъ положительныя заповѣди Божьи. „Почему преподаютъ и соблюдаютъ десять заповѣдей? Потому что естественные законы нигдѣ не изложены такъ хорошо и стройно, какъ у Моисея. Субботу или воскресенье справляютъ не ради Моисеева закона, а потому что природа научаетъ насъ предаваться по временамъ отдыху, дабы люди и скотъ подкрѣплялись. Кто не нуждается въ отдыхѣ, тотъ пускай нарушитъ субботу и отдохнетъ за то въ другой день, какъ потребуетъ того природа“. У Лютера вездѣ проявляется субъективность, эта стоящая выше всякаго человѣческаго авторитета неприкосновенность лично пріобрѣтеннаго убѣжденія. Отсюда неуважительное мнѣніе его объ отцахъ церкви. О пророкахъ онъ говоритъ: „Они изучали Моисея; Исаія всю свою силу заимствовалъ изъ псалтыря; они были весьма святые, трудолюбивые люди, ревностно помышляли о божескихъ дѣлахъ, оттого Богъ говорилъ съ ними въ ихъ совѣсти, и пророки сочли это за извѣстное откровеніе.“

Противоположность между свѣтскимъ и духовнымъ уничтожается. И тутъ тоже опять-таки Лютеръ низвергаетъ преграды. „Всѣ христіане во истину духовнаго званія. Если папа или епископъ мѵропомазуетъ, постригаетъ посвящаетъ и назначаетъ, то изъ этого выходятъ только лицемѣры и болваны, но отнюдь не духовные люди“. „Священникъ правитъ всѣмъ. Священники же всѣ, обладающіе духомъ Христовымъ. Имъ обладаютъ всѣ принадлежащіе Христу, а принадлежатъ же ему всѣ вѣрующіе въ него.“

Но съ уничтоженіемъ различія между духовнымъ и свѣтскимъ устраняется также и противоположность между тѣмъ и другимъ: природа вступаетъ въ свои права и пробуждается охота изслѣдовать природу. Самъ Лютеръ привѣтствуетъ это признаніе природы: „Мы теперь на разсвѣтѣ будущей жизни, ибо начинаемъ вновь пріобрѣтать познаніе о тваряхъ.“

Это познаніе проявилъ, побуждаемый какъ и Лютеръ реформаціоннымъ духомъ, Коперникъ (ум. 1543), открывъ великую истину: „Солнце—средоточіе планетной системы; зем-

ля вращается не только вокругъ своей оси, но также и вокругъ солнца". Начиная съ этого открытія міръ движется безъ чудесъ и произвола, полный разума и истины, въ вѣчной, спокойно зиждущей законности. Небо уже болѣе не твердый, раскинутый надъ землею сводъ, къ которому блестящими точками прикрѣплены звѣзды. Это надъ землею развернувшееся небо не представляетъ уже болѣе того мѣста, гдѣ вездѣсущее божество имѣетъ свое особое сѣдалище и жилище. Вселенная разбилась на безчисленные міры, вращающіеся въ безпредѣльности—какъ обоготворенный организмъ—съ неизмѣримо скорою медленностью, расточая жизнь, наслаждаясь жизнью, и Вседержитель не пріуроченъ уже ни къ какому особому мѣсту, къ которому Онъ, хотя бы и не былъ объятъ имъ, но во всякомъ случаѣ относился иначе, нежели къ другимъ мѣстамъ. Міръ есть явленіе, Богъ — основа и настоящая сущность этого явленія, ядро и свѣтило вещей. Астрономія была великою союзницею протестантизма.

Этимъ реформаціоннымъ духомъ и воспитаніе также должно было пробудиться къ новой жизни: католицизмъ строитъ попреимуществу церкви, тогда какъ протестантизмъ, напротивъ—школы. Протестантизмъ почитаетъ разнородныя житейскія званія различными частями царства Божія, а потому онъ необходимо и послѣдовательно требуетъ, чтобы школа была и сдѣлалась образовательнымъ заведеніемъ для различныхъ званій, съ тѣмъ чтобы въ школѣ и изъ нея получали приличное своему званію образованіе не одинъ только правитель, не только священникъ, не только дворянинъ, не только богачъ, и не одинъ только мужъ, а напротивъ, и управители и управляемые, священникъ и міряиинъ, учитель и проповѣдникъ, судья и врачъ, мужъ и жена. Уваженіе къ особи необходимо ставило задачею развивать въ дѣтяхъ посредствомъ ученія и дисциплины твердое и опредѣленное сознаніе своихъ правъ въ Богѣ и передъ Нимъ, и воспитать ихъ такъ, чтобы они дѣйствовали въ качествѣ членовъ протестанской общины и вполнѣ вникли въ ту задачу свою. Такія мысли составляли основныя положенія всеобщей народной школы, появившейся до тѣхъ поръ лишь въ отдѣльныхъ разбросанныхъ мѣстностяхъ. Въ латинской школѣ доселѣ преподавали лишь стародавнюю науку для образованія служащихъ въ духовныхъ и мірскихъ вѣдомствахъ, нѣмецкія же счетныя и писарскія школы были приготовительными заведеніями для дѣловыхъ людей, а женскія училища подготовляли только къ званію домохозяйки, тогда какъ народная школа была явнымъ знаменіемъ, что индивидуальная личность должна быть воспитана и образована для развитія дарованнаго ей отъ Бога образа Божія. Въ этомъ смыслѣ на-

родная школа есть неотъемлемый продуктъ и собственность протестантизма. Принципъ реформаціи, чтобы всякій христіранинъ былъ самъ своимъ священникомъ и самъ въ себѣ совершилъ спасеніе, къ которому онъ призванъ, чтобы слѣдовательно всякій вступилъ въ непосредственное отношеніе къ Богу и истинѣ,—это также и принципъ народной школы; такъ какъ переводомъ Библіи и богослуженіемъ на нѣмецкомъ языкѣ реформаторы проложили путь всеобщей религіозной жизни, и Библія сдѣлалась народною книгою, которая, поддерживая уединенное размышленіе и домашнюю молитву, содѣйствовала освобожденію отъ всякаго священническаго вліянія и образовала вмѣстѣ съ тѣмъ средоточіе божественной службы, то этимъ, точно такъ же какъ и нѣмецкимъ пѣснопѣніемъ, положены были основы народнаго образованія и народной школы. Самъ Лютеръ написалъ въ вопросахъ и отвѣтахъ свой большой и малый катехизисъ для учителей и дѣтей и изложилъ въ немъ простымъ языкомъ главныя и душеспасительныя истины христіанства. Библія сдѣлалась книгою для чтенія какъ въ народной школѣ, такъ и для юношества вообще. Библія въ протестантской семьѣ сперва служила для дѣтей единственною книгою съ картинками, а потомъ сдѣлалась единственною книгою для домашняго чтенія. Съ этою цѣлью она вскорѣ и была украшена политипажами: Кельнская (1470—1489) и такъ называемая мірская Библія (biblia paupeum) были уже снабжены политипажами, меріанская Библія 1630-го г. славилась своими картинками, а Нюрнбетская 1641-го г. украсилась Сандраръ товыми прекрасными гравюрами;—„когда библія съ открытой для всѣхъ полки стала скрываться въ библіотекѣ,“ тогда только библейская исторія сдѣлалась дѣтскою книгою, съ картинками; Библейская исторія Гюбнера, пережившая съ 1714-го г. 99 изданій, какъ въ городахъ такъ и въ селахъ, то и дѣло давалась въ руки дѣтямъ на радость и успокоеніе ихъ. Чтеніе, письмо и заучиванье наизусть были главными занятіями въ народной школѣ; впослѣдствіи къ этому присоединили счетъ, знаменитымъ руководствомъ для котораго долго служила ариѳметика Адама Ризе 1551-го г., а потомъ къ этому вмѣстѣ съ „Другомъ дѣтей“ присовокупили еще „Общеполезныя знанія“. Такимъ образомъ сложились преподавательскіе и учебные предметы для народной школы, и Песталоцци, этотъ преобразователь ея, могъ уже изречь свое „да будетъ.“

Высшія учебныя заведенія поддерживались и расширялись на счетъ имуществъ упраздненныхъ монастырей и фундушей. Самъ Лютеръ былъ того мнѣнія, что безъ знанія древнихъ языковъ не могутъ быть ни поняты, ни проводимы высшіе интересы церкви, государства и жизни, и классическіе языки, особенно латынь, сдѣлались

вмѣстѣ съ религіею главными предметами преподаванія, какъ въ городскихъ, такъ точно и въ государственныхъ или монастырскихъ школахъ и въ академическихъ гимназіяхъ. Реформація въ ученой школьной системѣ осуществила то, къ чему стремился гуманизмъ: основателемъ ея былъ Меланхтонъ, а Іоаннъ Штурмъ далъ полный гимназическій уставъ въ своей книгѣ de literarum ludis recte aperiendis. Гуманистическія гимназіи съ ихъ предметами преподаванія представляютъ собою одну изъ существенныхъ сторонъ высшихъ протестантскихъ учебныхъ заведеній. Вводя насъ въ Грецію и Римъ, они обнажаютъ передъ нами главные и первичные корни великаго дерева человѣчества и, благодаря соразмѣрности древнеклассическихъ художественныхъ произведеній, развиваютъ въ юной душѣ мѣру, ясность и гармонію, пластику созерцанія и послѣдовательность мышленія. Они вводятъ насъ въ юношескій возрастъ человѣчества и на двухъ относительно совершенныхъ образцахъ обнаруживаютъ божественный ходъ всемірной исторіи.—Однако реформація предметомъ своихъ изслѣдованій, а вмѣстѣ съ тѣмъ и школъ, сдѣлала не одну только исторію, какъ развитіе и воспитаніе человѣчества черезъ Бога и къ Богу: обокъ съ историческою книгою она указала еще на другую великую книгу откровенія, —на природу, и обрѣла въ ней систему высшаго разума. Вслѣдствіе этого она сдѣлалась создательницею естественныхъ наукъ, поясняющихъ все устойчивое въ преходящемъ, законъ въ явленіяхъ, доводя этимъ путемъ съ одной стороны матеріальные интересы, промышленность, торговлю и ремесла до нечаемаго прежде размаха, но съ другой стороны, способствуя въ прямомъ отношеніи искусствамъ и наукамъ,—мало того, представляя собою одну изъ главныхъ составныхъ частей всѣхъ наукъ, изслѣдующихъ вѣчный духъ и законы его въ самыхъ разнородныхъ его откровеніяхъ. Естественныя науки, конечно, должны были сдѣлаться также предметомъ преподаванія въ школѣ, тѣмъ болѣе что онѣ представляютъ поводъ непосредственно путемъ созерцанія добывать истины, поясняющія, углубляющія и дополняющія тотъ запасъ знанія, какой предлагается намъ исторіею и древностью. И дѣйствительно, онѣ наравнѣ съ исторіей и языками должны были войти въ составъ высшей учебной системы. Протестантскій духъ призналъ это требованье вполнѣ законнымъ и создалъ реальныя школы, имѣющія своимъ средоточіемъ естественныя науки вмѣстѣ съ исторіею современныхъ народовъ и ихъ языкомъ,—это приготовительныя заведенія для тѣхъ, чьи духовныя наклонности направлены на изученіе законовъ природы и на примѣненіе ихъ къ достойному преобразованію человѣ-

ческой жизни съ его естественной стороны или на исполненіе какого-либо техническаго званія, тогда какъ гуманистическая гимназія служитъ приготовительною школою для тѣхъ, чьи занятія вращаются главнѣйше въ области мышленія или идей.

Университеты благодаря реформаціи сдѣлались убѣжищемъ и очагомъ свободы мысли. Основаніе къ этой свободѣ положено было уже тѣмъ, что Лютеръ въ качествѣ академическаго преподавателя изобличилъ во лжи торгъ индульгенціями, сокрушилъ іерархію и проложилъ для христіанскаго человѣчества путь къ новой эпохѣ. Академическому преподавателю послужило во благо то, что до него многихъ уже погубило. „Умствующаго монаха Лютера—говоритъ Вутке—церковное начальство заключило бы при первомъ звукѣ противорѣчія въ мрачные монастырскіе подвалы, въ которыхъ истомился, быть можетъ, не одинъ пытавшійся быть реформаторомъ; но окруженнаго нѣсколькими сотнями восторженныхъ студентовъ профессора никто не отважился тронуть. Голосъ монаха безслѣдно прозвучалъ бы въ пустынныхъ переходахъ его монастыря, проповѣдникъ убѣдилъ бы лишь свой приходъ, быть можетъ свой городъ, а въ крайнемъ случаѣ свой кантонъ и нѣкоторыя сосѣднія мѣста, но слова профессора Лютера въ теченіе немногихъ лѣтъ разнеслись по всѣмъ весямъ нѣмецкой земли“. Эта протестантская свобода университетовъ обнаруживается въ академической свободѣ студентовъ, основанной на правѣ и уваженіи индивидуальности; она проявляется въ духѣ науки и уваженіи къ ней, а также во всей и особенно внутренней научной университетской жизни, въ успѣшномъ изученіи Священнаго Писанія въ подлинникѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и классической филологіи вообще, главнѣйше—въ успѣшномъ изученіи математики и естественныхъ наукъ, что болѣе всего способствовало освобожденію научнаго изслѣдованія, такъ какъ въ сущности и повело къ уничтоженію схоластической философіи и теологіи. Основной характеръ протестантскихъ университетовъ составляетъ академическая свобода, этотъ настоящій животворный духъ университета, какъ выражается Фихте, этотъ благорастворенный воздухъ, въ которомъ живѣе всего развиваются и зрѣютъ всякіе плоды ученія. Какъ судятъ о реформаціи, говоритъ Дальманъ, точно такъ же слѣдуетъ судить и объ университетахъ, усвоившихъ себѣ духъ реформаціи.

Реформація же величайшее міровое событіе со временъ введенія христіанства и величайшій подвигъ германскаго народа. Она представляетъ право внутренняго міра противъ окоченѣлой внѣшности католицизма; она—актъ освобожденія особи отъ стѣсняющей власти наружнаго автори-

тета, съ тѣмъ чтобы подчинить особь единственно существенной духовной объективности, первоначальному откровенію христіанства, жизни человѣка въ Богѣ и Бога въ человѣкѣ. Она поэтому представительница принципа полнѣйшей свободы вѣры и совѣсти, слѣдовательно такой области, въ которой господствомъ пользуется—не авторитетъ церкви или преданія,—а стоящее превыше всякаго внѣшняго авторитета, выше церкви и буквы, христіанское сознаніе, совѣсть, служащая посредницею между вѣрою единичнаго лица и объективнымъ христіанствомъ. Вслѣдствіе этого она не только покровительница науки, но и провозвѣстница основнаго положенія, что истина освобождаетъ, однако признавая вмѣстѣ съ тѣмъ еще другую истину, что знаніе отнюдь еще не безусловное средоточіе въ духовной жизни, а напротивъ, что практикѣ энергической любви, одушевленію ко всеобщимъ интересамъ, практическимъ идеямъ добродѣтели, законности и религіи слѣдуетъ приписать, если не преимущество передъ теоріею, то—одинакое съ нею право. Она поэтому требуетъ осуществленія разума въ мірѣ, христіанскаго разумнаго государства, воплотившаго въ себѣ разумную христіанскую церковь какъ духовное жизненное начало, она требуетъ — государства, душою которому служитъ церковь, эта область внутренняго міра,—и требуетъ церкви, дѣйствительная, реальная жизнь которой осуществляется въ государствѣ, какъ въ организованной нравственности. Такимъ образомъ реформація основана на положеніи, высказанномъ уже Юстиномъ: „Христосъ, это тотъ вѣчный разумъ, которому можетъ быть причастенъ весь человѣческій родъ, а христіане—всѣ, живущіе согласно съ вѣчнымъ разумомъ".

---

b) ГЕРОИ РЕФОРМАЦІИ КАКЪ ПЕДАГОГИ.

3.

Лютеръ.

Реформаторы принимали не только косвенное, но и прямое участіе въ дѣлѣ воспитанія. Ихъ реформація коснулась какъ внѣшней, такъ и внутренней жизни всего народа; потому-то народъ и былъ вовлеченъ въ реформаціонную борьбу. Вслѣдствіе этого потребность образованія пробудилась даже въ низшемъ людѣ. Реформаторы и сами сознавали, что ихъ дѣло можетъ восторжествовать только при помощи образованія народа. Потому они съ живѣйшимъ интересомъ, какъ словомъ, такъ и дѣломъ, содѣйствовали воспитанію.

Самъ Лютеръ на почвѣ воспитанія также стоялъ во главѣ дѣятелей, обращая вниманіе на множество грубыхъ злоупотребленій въ школахъ, внося руководимыми и предписываемыми имъ визитаціями новую жизнь въ среду учителей молодежи, настаивая на основательномъ изученіи языка, какъ на основѣ всякаго ученаго образованія и какъ на источникѣ чистыхъ религіозныхъ понятій, написавъ новыя руководства для преподаванія религіи, указывая на цѣлесообразные методы для отдѣльныхъ наукъ, образуя въ связи съ Меланхтономъ множество отличныхъ учителей, какъ для высшихъ, такъ и для низшихъ школъ и увѣщевая державцевъ и правительства заботиться о школѣ и воспитаніи юношей.

Лютеръ родился 10-го ноября 1483-го г.; онъ получилъ строгое воспитаніе въ школѣ въ Мёрѣ и въ родительскомъ домѣ, а съ 14-ти-лѣтняго возраста занимался въ латинской школѣ въ Магдебургѣ и Эйзенахѣ; 18-ти лѣтъ отъ роду онъ изучалъ въ Эрфуртскомъ университетѣ правовѣдѣнье, схоластическую философію и римскихъ классиковъ; въ 1505-мъ г. онъ вмѣстѣ съ его Плавтомъ и Виргиліемъ былъ отправленъ въ Августинскій монастырь, а въ 1508-мъ приглашенъ въ Виттенбергъ преподавателемъ этики и діалектики. Изъ собственной внутренней борьбы, изъ сочиненій Августина, Таулера и др. и изъ нѣмецкой теологіи, изъ вникновенія въ Священное Писаніе и въ виду безбожной жизни въ Римѣ онъ вынесъ сознаніе, что человѣка спасаетъ не дѣло, а вѣра, т. е. самое искреннее, живое убѣжденіе. Побуждаемый этимъ сознаніемъ, онъ въ 1517-мъ г., наканунѣ праздника всѣхъ Святыхъ, прибилъ къ замковой церкви въ Виттенбергѣ 95 положеній на латинскомъ языкѣ противъ дачи индульгенцій, приглашая на публичное состязаніе, также на письменныя возраженія на нихъ со стороны тѣхъ, кто не могъ бы явиться лично. Центръ тяжести этихъ положеній заключался въ слѣдующихъ статьяхъ: „6. Папа не можетъ отпустить ни одного грѣха, а развѣ только пояснить и подтвердить то, что отпущено Богомъ". 21. Проповѣдники индульгенцій заблуждаются, утверждая, будто отпущеніемъ папы человѣкъ избавляется отъ всякой муки и достигаетъ вѣчнаго блаженства". „36. Всякій христіанинъ, истинно раскаившійся и сокрушающійся о своихъ грѣхахъ, обрѣтаетъ полное отпущеніе отъ муки и вины, не нуждаясь для этого вовсе въ индульгенціи". „62. Настоящее истинное сокровище церкви это—святое Евангеліе славы и милосердія Божія".

Пока остальной міръ(—какъ вѣрно говоритъ Гегель—) находился въ Остъ-Индіи и Америкѣ, собирая богатства и созидая мірское владычество надъ странами, которыя окружали бы шаръ земной и гдѣ никогда не закатывалось бы

солнце, въ это же время то, чего христіанство искало прежде въ земномъ, каменномъ гробѣ, простой монахъ своими положеніями обнаружилъ въ болѣе глубокомъ гробѣ безусловной идеальности всего чувственнаго и внѣшняго, въ духѣ и сердцѣ,—въ сердцѣ, которое крайне оскорблено предложеніемъ наружныхъ средствъ для удовлетворенія потребностей души, (а именно, купить на простыя деньги отпущеніе грѣховъ, эту высшую потребность алчущей души, и тѣмъ увѣриться въ единеніе ея съ Богомъ,—въ сердцѣ, которое постигаетъ, преслѣдуетъ и устраняетъ всякое нарушеніе безусловнаго отношенія истины во всѣхъ отдѣльныхъ чертахъ ея. Первый смѣлый шагъ Лютера къ разрыву съ католицизмомъ сдѣланъ распространеніемъ его 95 положеній. Онъ завершилъ этотъ разрывъ на имперскомъ сеймѣ въ Вормсѣ, гдѣ, вынуждаемый къ отреченію, заявилъ: „Ваше Императорское Величество и вы милостивые курфюрсты и князья требуете отъ меня посильнаго, простого и точнаго отвѣта; я дамъ такой, у котораго не будетъ ни роговъ, ни зубовъ, а именно; пусть опровергнутъ и убѣдятъ меня свидѣтельствами Священнаго Писанія или гласными, ясными и точными доводами и доказательствами (ибо я не вѣрю ни папѣ, ни соборамъ, такъ какъ на дѣлѣ оказалось и обнаружилось, что они часто заблуждались и противорѣчили сами себѣ), — а иначе, убѣдившись въ положеніяхъ, мною выведенныхъ и изложенныхъ, и подчинивъ совѣсть свою слову Божію, я не могу и не хочу отречься ни отъ чего, ибо опасно и не должно поступать противъ совѣсти. Вотъ я передъ вами, и не могу иначе, помоги мнѣ, Господи. Аминь!“

Опирающаяся единственно на совѣсть вѣра именно и сдѣлала Лютера столь смѣлымъ и столь великимъ. Вымышленная вѣра, говоритъ онъ, слышитъ о Богѣ, о Христѣ, о его воплощеніи и спасеніи и воспринимаетъ все это въ томъ видѣ, какъ слышала, и, пожалуй, остроумно толкуетъ объ этомъ, но она все-таки не что иное какъ суетное заблужденіе и безплодная болтовня, отъ которой въ сердцѣ не остается ничего кромѣ звука и отголоска Евангелія, ибо она не обновляетъ и не преобразуетъ сердца, а оставляетъ человѣка такъ, какъ застала его, въ прежнемъ видѣ, при прежнемъ мнѣніи и настроеніи. Мы требуемъ, да вѣруетъ всякій, что онъ одинъ изъ тѣхъ, кому даны благодать и милосердіе Божіе, дабы онъ былъ чадомъ Божіимъ во Христѣ и получилъ отпущеніе грѣховъ, не колебался и не сомнѣвался болѣе. Историческая вѣра не даетъ этого. Мы ждемъ спасенія отъ Христа, не оттого что онъ намъ является извнѣ, а оттого что онъ внѣдряетъ насъ своему тѣлу. Ни что не дѣлаетъ насъ благочестивыми и праведными кромѣ вѣры, помимо которой никто не можетъ достичь милосердія Божія, ибо она боже-

ское въ насъ дѣло, преобразующее и возрождающее насъ въ Богѣ. „Истинная вѣра та, которая не сомнѣвается. Помни твердо навсегда, что вѣра въ благодать Божію благонадежна, ибо она не что иное, какъ постоянное, несомнѣнное, неколебимое упованіе на милосердіе Божіе“. „Путемъ вѣры человѣкъ становится Богомъ; вѣра ведетъ человѣка отъ людей къ Богу“. „Какъ ты вѣровалъ, такъ и будетъ тебѣ: во что ты вѣровалъ, то и твое; а не вѣровалъ, — не получишь. Черезъ вѣру духъ уже въ небесахъ“. Такъ какъ вѣра самое сокровенное и искреннее въ насъ, то—говоритъ Лютеръ—я не могу никого ни побуждать, ни принуждать къ ней, ибо на это властенъ одинъ только Богъ и Онъ одинъ дѣлаетъ, что она жива въ душѣ человѣка. „А изъ понужденія порождается только лицемѣріе, наружный обычай, обезьянство и человѣческое постановленіе, откуда потомъ выходятъ ханжи, лицемѣры или пустосвяты“. Истинная вѣра состоитъ въ усвоеніи благодати. Отъ нея исходитъ вмѣняемость заслугъ Христа или очищеніе, а отсюда вытекаетъ святость.

Съ этими основными мыслями Лютеръ сдѣлался реформаторомъ христіанства. Онъ сдѣлался имъ вслѣдствіе того, что не только мыслилъ ихъ и формулировалъ въ систему, но будучи предназначенъ къ тому отъ природы, онъ осуществлялъ и проводилъ эти мысли энергично и страстно, какъ въ бурю и непогоду, такъ и въ ведро;—въ немъ совмѣщались сильная воля и смѣлый подвигъ, пылкій характеръ, носимый глубокою нѣмецкою душою, соловей въ Виттенбергѣ, принесшій съ собой весну, Титанидъ взявшій приступомъ и разгромившій небо папства, — проницательность духа, ясность воззрѣнія, сила изложенія, и все это поддерживалось однимъ средоточіемъ: неколебимою увѣренностью и любвеобильнымъ самопожертвованьемъ въ Богѣ. „У этого монаха—предрекалъ д-ръ Полихъ Мелерштадтъ—такая превосходная голова, что, я вполнѣ увѣренъ, онъ посрамитъ всѣхъ докторовъ, возбудитъ совершенно новое ученіе и преобразуетъ всю римскую церковь; ибо онъ всѣми силами налегъ на творенія пророковъ и апостоловъ и опирается на слово Іисуса Христа, такъ что ни софисты, ни скоттисты, ни альбертисты, ни ѳомисты, ни же всѣ философы не въ силахъ опровергнуть его“. Онъ и по наружному виду сложенъ былъ реформаторомъ:—мужъ здороваго и крѣпкаго тѣлосложенія, коренастаго, но соразмѣрнаго стана, съ полнымъ лицомъ, здоровымъ цвѣтомъ кожи, соколиными глазами, яснымъ, свѣтлымъ голосомъ. „Природа—говоритъ Антонъ Вариллья̀съ—какъ будто къ нѣмецкому тѣлу приставила итальянскую голову. И дѣйствительно, онъ отличался чрезвычайною живостью, трудолюбіемъ, бодростью, здоровьемъ. Никто ревностнѣе его не изучалъ философію и

схоластическую теологію. Онъ обладалъ превосходнымъ умомъ, острымъ и проницательнымъ разсудкомъ, счастливою памятью, сангвиникохолерическимъ темпераментомъ; оттого-то преобладающею страстью его была истинная жажда славы". —Лютеръ олицетворялъ собою религіозную и этическую сущность нѣмецкаго народа; оттого онъ и сталъ вожакомъ своей эпохи.

Реформаторъ церкви необходимо долженъ былъ сдѣлаться также и реформаторомъ школъ. Лютеръ сознавалъ, что отъ богопротивнаго домашняго быта и негоднаго учительскаго сословія происходитъ порча церкви, тогда какъ христіанское воспитаніе въ семьѣ и школѣ составляетъ твердую основу христіанской церкви. Потому онъ и пытался проповѣдями и сочиненіями, переводомъ Библіи, своими катехизисами, своею азбукою „Дѣтскимъ учебникомъ", своимъ воззваніемъ къ ратманамъ всѣхъ городовъ нѣмецкой земли, учредить христіанскія школы, настаивая на визитаціи церквей, наконецъ, совершенствуя и поднимая своимъ непосредственнымъ вмѣшательствомъ учебную организацію. Онъ самъ духовно возрастилъ себя, изучая діалектику, физику и этику, латинскихъ классиковъ, Цицерона, Виргилія и Ливія, а потомъ точно такъ же Священное Писаніе и отцевъ церкви, особенно Августина, схоластическія сочиненія Гавріила Биля, Петра д'Элльи и главнѣйше Оккама, Герсона и нѣмецкую теологію, съ тѣмъ чтобы впослѣдствіи въ качествѣ профессора преподавать въ Виттенбергскомъ университетѣ сперва этику и діалектику, а потомъ въ качествѣ доктора теологіи читать лекціи о посланіи къ Галатамъ и пр. и побороть схоластиковъ и Аристотеля, при своемъ реформаціонномъ дѣлѣ размыслить кстати о воспитаніи и изложить эти мысли въ проповѣдяхъ и толкованіяхъ Библіи, въ письмахъ и застольныхъ рѣчахъ.

Лютеръ считалъ дѣтей самыми милыми залогами и узами въ бракѣ, лучшимъ руномъ съ овецъ. „Въ нихъ обнаруживается Божіе всемогущество, мудрость и искусство. Чѣмъ болѣе дѣтей, тѣмъ болѣе счастія!„ Потому-то родители и должны воспитать дѣтей своихъ по заповѣди Божіей. „По этому поводу говоритъ онъ, хотѣлось бы мнѣ сказать слово беременнымъ женщинамъ, которыя своею небрежностью губятъ плодъ во чревѣ. Мать обязана беречь себя ради дѣтища во чревѣ ея". „Когда родилось дитя, то непріятно и неестественно, если мать не кормитъ его своею грудью: вѣдь Богъ на то и далъ ей груди и молоко. Если у дѣтей грубыя кормилицы, то и они выходятъ такими же, какъ это оказывается на опытѣ". „Духовно родители да пекутся о томъ, какъ бы лучше руководить дѣтей и наставлять ихъ, пока еще можно вести, исправлять и воспитать ихъ. Родители обыкновенно повинны

въ порчѣ дѣтей. Они вообще портятъ дѣло въ двухъ отношеніяхъ: либо чрезмѣрными ласками и баловствомъ, либо чрезмѣрною раздражительностью и строгостью!“

Изъ всѣхъ дѣлъ самое великое и наилучшее воспитать хорошо молодыхъ людей. Для того чтобы христіанство вошло въ свою силу, слѣдуетъ по истинѣ начать съ дѣтей; и выйдетъ нѣчто прекрасное. „Да сознаетъ всякій, что онъ обязанъ, подъ опасеніемъ лишиться милосердія Божія, воспитать своихъ дѣтей главнѣйше въ страхѣ и познаніи Божіемъ, и смотря по способностямъ обучать и наставлять ихъ, чтобы они были полезны гдѣ понадобится“. Что касается нрава, то родители не должны доводить дѣтей до злобы и малодушія. „Отъ этого нравъ дѣтей, самъ по себѣ еще нѣжный, дѣлается совсѣмъ боязливымъ и робкимъ, и въ нихъ зарождается ненависть къ родителямъ, такъ что бѣгутъ изъ дома и дѣлаютъ то, чего иначе никогда бы не сдѣлали“. И точно, чего ждать отъ человѣка, который питаетъ ненависть и недовѣріе къ своимъ родителямъ и совсѣмъ въ нихъ отчаивается. „Застѣнчивое и малодушное дитя не способно ни на какое дѣло, робѣетъ и боится всякій разъ, когда ему надобно приняться за что нибудь. И, что всего хуже, если такая боязнь съ дѣтства вкоренится въ человѣкѣ, то ея не искоренишь во всю жизнь. Ибо, трепеща передъ каждымъ словомъ отца или матери, дѣти впослѣдствіи во всю жизнь пугаются даже шороха листа. Дурно поэтому, если дѣти изъ-за жестокаго наказанія не взлюбятъ родителей или ученики возненавидятъ своихъ учителей. „Многіе неумѣлые школяры губятъ отличныя дарованія своею бранью, свирѣпостью, своими розгами и побоями, обращаясь съ дѣтьми какъ палачъ или тюремщикъ съ ворами“. „Школяры въ Германіи всюду оказались ослами и олухами, научивъ своихъ дѣтей быть такими же пустыми ослами, и ничему болѣе. Legor, legeris, legitur, cujus partis orationis, служили пытками для малютокъ. Разъ меня высѣкли пятнадцать разъ къ ряду до обѣда. Родители мои тоже жестоко обращались со мною, такъ что я сдѣлался крайне робкимъ. Мать отколотила меня разъ за дрянной орѣхъ до крови; суровость ихъ и строгое обращеніе со мною были причиною, что я убѣжалъ потомъ въ монастырь и сдѣлался монахомъ. Надо наказывать такъ, чтобы при розгѣ было и яблоко“. Не слѣдуетъ также позволять нянькамъ, стращать дѣтей разными пугалами, особенно ночью. Необходимо напротивъ воспитать ихъ такъ, чтобы они боялись вещей, которыхъ слѣдуетъ бояться, а не дѣлать ихъ просто боязливыми. „Св. Павелъ поучаетъ между прочимъ, чтобы ихъ воспитали въ страхѣ и гнѣвѣ Господ-

немъ; т. е. ихъ должно учить всему, что слѣдуетъ, и наказывать за ослушанье. Ибо необходимо и то и другое,—учить ихъ всему, что имъ нужно знать о Богѣ, и наказывать ихъ, если они этого не соблюдаютъ. А потому заботься о томъ, чтобы твои дѣти прежде всего обучались духовнымъ предметамъ, такъ чтобы они сперва преданы были Богу, а потомъ уже мірскимъ дѣламъ. Но Божье ученіе состоитъ въ томъ, чтобы дѣти познали Господа нашего, Іисуса Христа, чтобы они постоянно хранили въ свѣжей памяти, какъ Онъ пострадалъ за насъ, что дѣлалъ и что заповѣдалъ намъ. Если же они, зная все это, не будутъ любить Бога, благодарить Его, молиться Ему и слѣдовать Христу; тогда необходимо приступить къ карѣ Божіей, а именно: тогда представь имъ страшный судъ Божій и гнѣвъ Его противъ злыхъ. Кто смолоду узнаетъ все это, а именно благодѣянія и обѣтованія Божіи, поучающія любить Господа, и кары и угрозы Его, поучающія страху Божію, то онъ и на старости лѣтъ будетъ знать это. Вотъ что было бы богоугоднѣе представлять дѣтямъ, а не людскую, т. е. нашу личную кару. И все это не безъ причины, потому что изъ этого они научаются обращать свое вниманіе на Господа и бояться не людей, а Его. Ибо, если пріучить ихъ только къ страху родительскому, то дойдетъ до того, что наконецъ даже въ богоугодныхъ дѣлахъ они будутъ бояться людей и сдѣлаются оттого малодушными. Потому, надлежитъ дѣтей воспитывать такъ, чтобы они не боялись родителей, но знали бы, что прогнѣвятъ Бога, если не будутъ повиноваться своимъ родителямъ. Такимъ образомъ они не сдѣлаются малодушными, напротивъ, лишась потомъ своихъ родителей, они все-таки не отступятъ отъ Бога ни въ счастіи, ни въ горѣ: ибо вслѣдствіе страха Божія они научились бояться и родителей, но не Бога вслѣдствіе страха родительскаго". Итакъ цѣль воспитанія слѣдующая: „Надлежитъ не только съ охотою служить юношеству, но также не соблазнять его ни словомъ, ни дѣломъ, а напротивъ, воспитать къ лучшему, да научаются молиться, быть скромными, покорными, умѣренными, вѣрными, кроткими и правдивыми, не клясться, не ругаться, и вести себя добронравно какъ въ рѣчахъ, такъ и въ молитвахъ". Богъ предписываетъ старшимъ всячески предохранять юношей, чтобы изъ нихъ не вышли плотскіе, испорченные, распутные люди, какъ то всегда бываетъ, если не предупредить этого надлежащимъ воспитаніемъ. Ибо „мы на опытѣ видимъ, что юность подобно пороху чрезвычайно легко воспламеняется отъ всякаго зла и соблазна".

Изъ всего этого видно, что воспитаніе дѣтей одна изъ высшихъ задачъ родителей. „Бываютъ однако люди, служащіе Богу съ необыкновеннымъ рвеніемъ; они постятся, носятъ суровое платье и исполненные благоговѣнія блюдутъ многія вещи; а истиннымъ богослуженіемъ въ своемъ домѣ,—именно надлежащимъ воспитаніемъ дѣтей, они необдуманно пренебрегаютъ. Но вѣрь мнѣ, гораздо нужнѣе радѣть и заботиться о хорошемъ воспитаніи дѣтей, нежели объ отпущеніи грѣховъ, о молитвахъ, о посѣщеніи чужедальнихъ церквей, или о приношеніи обѣтовъ". „Родители губятъ своихъ дѣтей, завѣдомо пренебрегая ими и возрощая ихъ безъ наставленія и страха Божья: хотя родители не подаютъ имъ дурного примѣра, но они все-таки портятъ ихъ, спуская имъ многое по излишней плотской любви. Естественно, всякому отцу и всякой матери нравится и любо то, что дѣлаетъ ихъ дитя, все въ немъ для нихъ прекрасно. Но слѣдуетъ воздерживаться отъ этого и не думать о томъ, что это твое дитя, если хочешь воспитать его въ страхѣ Божіемъ. Люди, балующіе своихъ дѣтей, понесутъ и грѣхи послѣднихъ, такъ какъ бы сами совершили ихъ". „Да, говорятъ они, вѣдь это еще дѣти, они еще не понимаютъ, что дѣлаютъ. Правда. Но собака, лошадь или оселъ тоже вѣдь не понимаютъ, что дѣлаютъ; а ихъ все-таки пріучаютъ уходить, подходить, слѣдовать за нами, дѣлать то или не дѣлать чего либо, хотя бы они и не понимали этого. Люди, балующіе такимъ образомъ дѣтей своихъ, понесутъ и грѣхи ихъ такъ какъ бы они сами ихъ совершили". „Да потому всякому семейному человѣку крайне необходимо обращать на душу своего дитяти болѣе глубокое, болѣе ревностное вниманіе, нежели на плоть, отъ него порожденную, и считать свое дитя дорогимъ. вѣчнымъ сокровищемъ, ввѣреннымъ ему отъ Бога на храненіе, да не украдутъ и не погубятъ его дьяволъ, міръ и плоть". „Еслибъ молодая женщина стала расхаживать въ нарядѣ французской королевы, то это всѣмъ казалось бы чуднымъ и великолѣпнымъ дѣломъ, и всѣ смотрѣли бы на нее, разиня ротъ. Но когда женщина добронравно воспитаетъ дѣтей, то противъ такой красы всякіе жемчуги, бархатъ и золотая парча не что иное какъ ветхій изодранный заплатанный плащъ нищаго". „Другіе портятъ дѣтей тѣмъ, что передаютъ имъ поносныя слова и ругательства, а также дурные примѣры и тѣлодвиженія. Въ этомъ тяжко грѣшатъ, ибо нѣжный и неопытный возрастъ черезъ чуръ легко заражается такими рѣчами: и что всего хуже, дитя надолго усвоиваетъ себѣ эти грязныя слова, подобно тому какъ пятно держится на чистомъ сукнѣ гораздо крѣпче, нежели на грубомъ и суровомъ. Съ молодыми людьми слѣдуетъ быть осторожнѣе, нельзя при

нихъ говорить и дѣлать все то, что говорятъ и дѣлаютъ обыкновенно. Дѣти и безъ того склонны къ соблазну и осердчанію, а потому родители не должны подавать имъ еще болѣе повода къ этому своими словами и жестами. Но много ли родителей поступаютъ какъ слѣдуетъ? Оттого-то такъ плохо вездѣ на свѣтѣ, оттого у людей не стало болѣе ни благонравія, ни честности, ни вѣры, ни вѣрности. Молодые люди думаютъ, что они такъ же властны и имъ не возбраняется дѣлать то же, что дѣлаютъ родители". „Нѣкоторые портятъ своихъ дѣтей еще тѣмъ, что подаютъ имъ поводъ пристраститься къ свѣту, заботясь лишь о томъ, чтобы ихъ дѣти ходили смѣлѣе, прыгали, танцовали и наряжались, нравились людямъ, возбуждали свои прихоти и стояли въ уровень съ свѣтомъ. Въ наше время найдется мало людей, которые пеклись бы о томъ, чтобы дѣти ихъ снабжены были всѣмъ, что касается Бога и спасенія души; снабжаютъ болѣе всего платьями, удовольствіями, богатствомъ и почестями. Пріучать дѣтей, чтобы они добивались только веселья, почестей и благъ или власти этого міра, значитъ воспитывать ихъ посвѣтски. Ходить въ приличномъ нарядѣ и порядочно кормиться—это потребность, а не грѣхъ; лишь бы дитя въ душѣ своей оказалось способнымъ и впредь было бы способно сожалѣть о томъ, что эту жалкую жизнь на землѣ нельзя ни устроить, ни повести какъ бы слѣдовало, и что встрѣчается между прочимъ больше нарядовъ и имущества, нежели потребно для прикрытія тѣла, для защиты отъ холода и для питанія, а потому поневолѣ приходится дурить за одно съ другими и терпѣть такое зло, чтобы изъ-за лучшаго не нажить себѣ чего-нибудь по хуже".

Потомъ воспитатели должны избѣгать также монашескаго воспитанія дѣтей. „Соломонъ, который былъ настоящимъ наставникомъ, не возбраняетъ молодежи веселиться съ людьми, какъ монахи запрещаютъ своимъ питомцамъ, потому что изъ такихъ выходятъ лишь деревяшки и пентюхи, какъ выразился Ансельмъ: молодой человѣкъ, запертый и удаленный отъ людей, подобенъ нѣжному плодовому дереву, посаженному въ тѣсный горшокъ. И точно, монахи засадили у себя юношей, какъ птицъ сажаютъ въ клѣтку, такъ что они не видятъ, ни слышатъ людей, и ни съ кѣмъ не смѣютъ разговаривать. Это вредно для молодежи. Молодымъ людямъ необходимо слышать, видѣть и испытать многое, лишь бы держали ихъ въ страхѣ и почтеніи. Юношѣ полезно быть болѣе среди людей; лишь бы честно развивали въ немъ правдивость и добродѣтель и сдерживали его отъ пороковъ. Крутая монашеская неволя крайне вредна молодымъ людямъ, радости и наслажденія имъ такъ же необходимы, какъ ѣда и питье; этимъ лучше всего поддерживается ихъ здоровье."

„Какъ трудно настоящее воспитаніе? А мы все таки больше радѣемъ о разныхъ другихъ вещахъ, нежели о воспитаніи дѣтей. На это не обращаютъ вниманія ни державцы, ни властители, ни граждане, ни начальство. Недостатки какъ съ одной, такъ и съ другой стороны. Богъ да поможетъ намъ исправиться. Христіанство оттого въ такомъ дурномъ состояніи, что никто не заботится о молодежи; чтобы вновь поднять его, поистинѣ слѣдуетъ начать съ дѣтей.“ „Если женатый человѣкъ въ жизнь свою не сдѣлалъ ничего болѣе, какъ воспиталъ лишь свое дитя въ страхѣ Божіемъ, то по моему онъ исполнилъ свой долгъ и ему не зачѣмъ ходить къ С-му Іакову или въ Римъ на богомолье. Вѣдь мы въ нашихъ дѣтяхъ можемъ удостоиться и неба и ада, а не радѣемъ объ этомъ! Какая тебѣ польза, если ты самъ по себѣ благочестивъ, да пренебрегаешь воспитаніемъ своихъ дѣтей?“ — „Итакъ, что можетъ быть важнѣе и славнѣе настоящаго воспитателя, — и что же тебѣ слѣдуетъ дѣлать? Ты обязанъ добросовѣстно наставлять, поучать, воспитать и увѣщать порученное тебѣ юношество, въ надеждѣ, что нѣкоторые окажутся дѣльными, а другіе нѣтъ. Желающій дѣлать добро долженъ принять къ свѣдѣнію, что онъ дѣлаетъ это тщетно и безъ пользы расточаетъ свои благодѣянія: оттого что всегда бываетъ больше такихъ людей, которые отказываются отъ добраго совѣта и пренебрегаютъ имъ, нежели такихъ, которые послѣдуютъ ему. Мы должны довольствоваться тѣмъ, что благое дѣло не совсѣмъ пропадаетъ; и если изъ десяти прокаженныхъ хотя одинъ возвратится къ намъ и признаетъ благодѣяніе, то и этого достаточно. Итакъ, если изъ десяти учениковъ хотя одинъ подчинился воспитанію и прилежно учился, то и довольно; значитъ благое дѣло наше не совсѣмъ еще пропало. Такъ и ты обязанъ трудиться въ твоемъ званіи, прилагать всѣ старанія, и хотя бы Богъ опредѣлилъ иначе, чѣмъ ты предполагалъ, все таки покорно предоставь Ему верховное господство, не сѣтуй на это и не унывай.“

„Если твой сынъ благочестивъ, то скажи: Благодарю Господа, Онъ далъ и развилъ его; если же твой сынъ не угодилъ, то скажи: такова ужъ наша жалкая человѣческая жизнь: я трудился, воспитывалъ хорошо моего сына, но Господу Богу не было угодно, чтобы онъ удался, — да будетъ благословенно имя Господне.“

Если родители въ воспитаніи дѣтей поступаютъ противъ Божьей заповѣди и воспитываютъ ихъ по свѣтски, то дѣти не обязаны повиноваться ихъ приказаніямъ. Ибо по тремъ первымъ заповѣдямъ надлежитъ Бога чтить болѣе, нежели родителей. Не то чтобы Онъ хотѣлъ родителей лишить уваженія, но Онъ не хочетъ толь-

ко, чтобы родителей предпочли Богу и Его слову. Почтеніе, какое дѣти обязаны оказывать родителямъ, требуетъ уже, чтобы ты былъ и оставался имъ покорнымъ, хотя бы они и приказывали что-либо противъ твоей воли. Дѣти должны знать, что они обязаны оказывать почтеніе благочестивымъ родителямъ, что они должны обращаться къ нимъ за совѣтомъ и сообразоваться съ ихъ волею. Что можетъ быть благочестивѣе на свѣтѣ, какъ чтить своихъ родителей и выражать имъ свою благодарность?

Домашнее воспитаніе должно поддерживаться *школою*, ибо послѣдняя должна сдѣлать дѣтей разумными людьми, что способствуетъ также преуспѣянію города и государства. „Лучшее и богатѣйшее достояніе города и сила его состоитъ въ томъ, чтобы у него было какъ можно болѣе образованныхъ, ученыхъ, разумныхъ, честныхъ и благовоспитанныхъ гражданъ; тогда они могутъ собирать, хранить и употреблять надлежащимъ образомъ сокровища и всякое добро. Кто виноватъ, что теперь во всѣхъ городахъ такъ рѣдки дѣльные люди, какъ не начальство, предоставившее юношамъ рости, какъ ростутъ деревья въ лѣсу и не наблюдавшее за тѣмъ, какъ насъ учатъ и воспитываютъ? Оттого то они и выросли такъ безтолково, что годятся не на постройку, а лишь на безполезную изгородь и на потѣшные огни.“

„Когда школы преуспѣваютъ, тогда все обстоитъ благополучно и церковь пребываетъ правдивою. Юные ученики и студенты—сѣмена и источники церкви. Ради нея необходимо имѣть и поддерживать христіанскія школы. Богъ хранитъ церковь чрезъ посредство школъ. Тамъ юношество готовится, пріучается и воспитывается къ благочестію и ко всякимъ честнымъ и христіанскимъ званіямъ, откуда избираются и назначаются наставники и церковнослужители.“ „Школы необходимы также для внѣшней поддержки мірского сословія, дабы мужи управляли надлежащимъ образомъ землею и людьми, а жены блюли и содержали какъ слѣдуетъ домъ, дѣтей и прислугу.“ „Да, говоришь ты, пусть всякій самъ учитъ своихъ сыновей и дочерей и строго воспитываетъ ихъ. Отвѣтъ: да, мы видимъ, какъ учатъ и воспитываютъ. Если воспитаніе удалось и доведено до высшей степени, то все это ограничивается лишь немногими принужденными и почтительными пріемами; не то все выходятъ пустые чурбаны, не умѣющіе ни о чемъ говорить, ни посовѣтовать, ни помочь кому бы то ни было. Но если бы ихъ учили и воспитали въ школахъ и заведеніяхъ, гдѣ есть ученые и благонравные наставники и наставни-

цы, обучающіе языкамъ, разнымъ искусствамъ и исторіямъ; то они ознакомились бы тамъ съ исторіей и разными языками, съ судьбою разныхъ городовъ, государствъ, князей, мужей и женъ, и могли бы въ короткій срокъ словно въ зеркалѣ видѣть передъ собою нравы, жизнь, средства и предпріятія, удачу и неудачу отъ начала міра: согласно съ этимъ они могли бы затѣмъ развить свой умъ и пройти свой жизненный путь въ страхѣ Божіемъ, сверхъ того изощриться и уразумѣть изъ тѣхъ же исторій, къ чему стремиться и чего избѣгать въ жизни, совѣтовать равномѣрно другимъ и управлятъ ими." „Тратятъ же время и трудъ на то, чтобы дѣтей научить играть въ карты, пѣть и танцовать, отчего же не потратить его столько же, чтобы обучить ихъ чтенію и другимъ искусствамъ, пока они еще молоды и досужи, способны и охочи къ тому? Какъ жаль мнѣ теперь, что я не читалъ поболѣе поэтовъ и исторій и никто меня не обучалъ имъ. Вмѣсто того мнѣ пришлось читать чортово дермо, философовъ и софистовъ, съ большою тратою, съ великимъ трудомъ и вредомъ, такъ что теперь мнѣ не малаго стоитъ вымести весь этотъ соръ". „Ты говоришь: Да, вѣдь не всякій въ состояніи обойтись безъ своихъ дѣтей и воспитывать ихъ барчуками; имъ нужно работать дома и проч. Отвѣтъ: Я вовсе не того мнѣнія, чтобы устроили такія школы, какія были до сихъ поръ, гдѣ ученикъ лѣтъ 20 или 30 сидѣлъ надъ Донатомъ и Александромъ, и все-таки ничему не научился. Міръ теперь сталъ иной, и многое въ немъ измѣнилось. По моему мнѣнію мальчиковъ слѣдуетъ отправлять на одинъ или на два часа въ школу, а остальное время они все-таки могутъ заниматься дома, изучать ремесло и дѣлать все что нужно, такъ чтобы одно шло вмѣстѣ съ другимъ: народъ вѣдь еще молодой и вездѣ поспѣетъ къ дѣлу. Проводятъ же они вдесятеро болѣе времени, играя въ палки, въ мячъ, бѣгая и возясь другъ съ другомъ. Точно также и дѣвушка успѣетъ сходить днемъ на одинъ часъ въ школу и не упускать дома своего дѣла; проспитъ же, пропляшетъ и проиграетъ она еще болѣе времени." „Для дьявола гораздо пріятнѣе, чтобы было болѣе неотесанныхъ чурбановъ и негодяевъ, лишь бы людямъ не такъ-то хорошо жилось на землѣ. Школы, что ростутъ и преуспѣваютъ, суть плоды Слова и сѣмена церкви. Если будемъ споспѣшествовать имъ, то, Богъ дастъ, все пойдетъ къ лучшему. Потому, берегитесь всѣ, какъ бы не проспать и не дать чорту стать Богомъ и Господомъ. Простолюдинъ не думаетъ о томъ, что, имѣя способнаго сына, онъ Богу и міру обязанъ послать его въ

школу и заставить учиться; напротивъ, всякій того мнѣнія, что онъ властенъ воспитывать сына по своей волѣ, вопреки слову и уставу Божью. Да и ратманы въ городахъ и все начальство поступаютъ такъ же, какъ будто они уволены отъ этого и все имъ отпустится. Никто не думаетъ о томъ, что Богъ строго велитъ и хочетъ, чтобы воспитали дарованныхъ имъ дѣтей на славу и на служеніе Ему, а это не можетъ совершиться безъ школы; напротивъ того, всякій пристрастенъ къ мірской наживѣ и стремится къ ней съ своими дѣтьми, какъ будто Богъ и христіанство не нуждаются въ священникахъ, проповѣдникахъ, духовникахъ, а мірское начальство въ канцлерахъ, совѣтникахъ и писаряхъ. Потому я и подтверждаю, что начальство обязано даже понуждать подданныхъ, чтобы они отдавали дѣтей своихъ въ школу. Ибо если начальство можетъ понудить способныхъ къ тому гражданъ носить копья и ружья, когда приходится воевать: то тѣмъ скорѣе можетъ и должно оно принудить подданныхъ отдавать дѣтей въ школу, такъ какъ тутъ предстоитъ болѣе лютая война съ дьяволомъ, только и помышляющимъ о томъ, какъ бы ему тайкомъ высосать города и государство. А потому наблюдайте здѣсь всѣ, кто можетъ, чтобы начальство, видя способнаго мальчика, посылало его въ школу. Если отецъ бѣденъ, помогайте ему изъ церковнаго имущества. На это богатые должны бы оставлять капиталы по духовному завѣщанію, какъ то дѣлали учредители нѣкоторыхъ стипендій; вотъ какъ слѣдовало бы по настоящему дарить свои деньги въ церкви. Этимъ не спасешь усопшихъ душъ, за то поможешь сохранить службу Божью какъ для живыхъ, такъ и для грядущихъ, да не попадутъ они въ чистилище, а вознесутся прямо на небо.“ „Конечно, если оставить высшія школы и монастыри такими, какъ они были до сихъ поръ, то я скорѣе соглашусь, чтобы мальчикъ никогда ничему не учился и сталъ бы нѣмымъ. По истинѣ, я того мнѣнія, и прошу и желаю, чтобы эти ослиные хлѣвы и дьявольскія школы либо погрузились въ бездну, либо преобразились въ христіанскія училища. Но Богъ такъ щедро наградилъ насъ и далъ намъ такъ много людей, готовыхъ воспитать и обучать молодое поколѣніе, что намъ не слѣдовало бы легкомысленно упускать милость Божью, дабы Онъ не тщетно побуждалъ насъ. Благо, теперь Божіею милостью все устроилось такъ, что дѣти могутъ охотно и играя учиться не только языкамъ, но и другимъ искусствамъ и исторіямъ. Теперь наша школа уже не адъ и не чистилище, гдѣ насъ мучили, заставляя сидѣть надъ Causalibus и Temporalibus, гдѣ мы, не смотря на розги, на нашъ трепетъ, страхъ

и наши вопли, ничему путному не научались. Прежде школы были настоящими тюрьмами и адомъ, учителя же тиранами и тюремщиками, такъ что бѣдныхъ дѣтей жестоко то и дѣло сѣкли, а учились они съ великимъ трудомъ и чрезмѣрнымъ прилежаніемъ, но все это приносило мало пользы. Напротивъ того, ученый и добросовѣстный школяръ наказываетъ, наставляетъ и руководитъ дѣтей такъ, чтобы они прилежно занимались и упражнялись въ письмѣ; все для того, чтобы они узнали и уразумѣли этимъ путемъ разнаго рода полезныя искусства, благонравіе и добродѣтели, и чтобы впослѣдствіи охотно и съ любовью дѣлали то, что прежде по принужденію учителя дѣлалось ими неохотно и по неволѣ. Рачительнаго и благочестиваго учителя, вообще всякаго добросовѣстно воспитывающаго и обучающаго мальчиковъ, нельзя достаточно вознаградить и отплатить деньгами, какъ говоритъ даже язычникъ Аристотель. И если бъ я могъ или вынужденъ былъ покинуть священническую должность и другія занятія, то охотнѣе всего рѣшился бы занять мѣсто школяра и учителя. Ибо я убѣжденъ, что послѣ священнической должности это самое полезное, самое высокое и лучшее дѣло, и не знаю даже, которое изъ обоихъ званій выше. Я хотѣлъ бы, чтобы въ священники избирали только того, кто прежде былъ школяромъ. Теперь молодые люди хотятъ тотчасъ же поступить въ священники, избѣгая школьныхъ трудовъ. Но если кто содержалъ школу, хоть бы около 10 лѣтъ, тотъ можетъ покинуть ее съ доброю совѣстью, потому что этотъ трудъ великъ, а цѣнятъ его мало".

Изъ всѣхъ предметовъ преподаванія первый и самый важный религія. „Какъ въ высшихъ, такъ и въ низшихъ школахъ самымъ важнымъ и обыденнымъ урокомъ должно быть прежде всего Священное Писаніе, а для младшихъ учениковъ Евангеліе. Всякому христіанину на девятомъ или десятомъ году отъ роду слѣдовало бы знать все священное Евангеліе, гдѣ найдетъ онъ своеимя или свою жизнь. Пряха или швея дочь свою съ малыхъ уже лѣтъ учитъ своему мастерству. Гдѣ не руководятся Священнымъ Писаніемъ, туда, конечно, никому не совѣтую отдавать свое дитя. Все должно, погибнуть, если не занимаются ревностно словомъ Божіимъ". „Потому, Отче нашъ, Вѣрую и десять заповѣдей слѣдуетъ тщательно передавать молодому и простому люду и всегда въ одномъ и томъ же видѣ, такъ чтобы не измѣнять ни одного слова, не заучивать и не говорить это одинъ годъ иначе, нежели другой. Проповѣдуя среди ученыхъ и разсудительныхъ людей, ты можешь вы-

казать свое искусство, испещрять свою рѣчь и прибѣгать къ мастерскимъ оборотамъ; но среди молодого люда соблюдай извѣстную вѣчную форму и всегдашнее однообразіе и учи ихъ сперва членамъ вѣры, а именно десяти заповѣдямъ и т. д. по тексту отъ слова до слова, такъ чтобы они повторяли за тобою и выучили все наизустъ. Когда они вполнѣ усвоятъ себѣ текстъ, то поясни имъ также смыслъ, чтобы они поняли все въ немъ изложенное; но по порядку, одно за другимъ. Когда они хорошо поняли первую заповѣдь, — примись за вторую, и такъ далѣе, а иначе они будутъ такъ завалены, что ничего порядкомъ не запомнятъ. Окончивъ съ ними такимъ образомъ краткій катехизисъ, примись за большой и передай имъ болѣе богатый и болѣе обширный смыслъ его. Особенно разбирай тщательнѣе ту заповѣдь и тотъ членъ, въ которыхъ болѣе всего нуждается народъ твой. Такъ напр. восьмую заповѣдь о кражѣ ты долженъ болѣе всего разбирать среди ремесленниковъ, торговцевъ, также среди крестьянъ и прислуги, потому что у этихъ людей часто встрѣчаются разнаго рода обманы и воровства. Приводи по возможности болѣе примѣровъ изъ Св. Писанія о томъ, за что Богъ каралъ и благословлялъ такихъ людей. Особенно же побуждай начальство и родителей править честно и отдавать дѣтей въ школу, доказывая имъ, что это долгъ ихъ и что они тяжко грѣшатъ, не исполняя своей обязанности; ибо, подобно злѣйшимъ врагамъ Господа и людей, они тѣмъ губятъ и опустошаютъ какъ Божье, такъ и мірское царство; напоминай имъ также, какой ужасный вредъ наносятъ они не стараясь воспитать дѣтей въ священники, проповѣдники, писаря и т. п. и что за это Богъ страшно покараетъ ихъ".

При религіи *языки* самый вяжный предметъ преподаванія. „Дьяволъ, какъ видно, не давалъ ходу языкамъ въ высшихъ школахъ и монастыряхъ; они всегда сильно возставали противъ этого, и еще до сихъ поръ возстаютъ; дьяволъ чуялъ конечно, что тамъ, гдѣ преуспѣваютъ языки, царству его грозитъ проломъ и ему не легко будетъ опять заткнуть его. Онъ не могъ вполнѣ препятствовать ихъ успѣхамъ, но все-таки замышляетъ, какъ бы стѣснить ихъ, съ тѣмъ чтобы они сами собою опять сгинули и пропали. Недобрый гость забрался къ нему этимъ путемъ, а потому онъ и хочетъ угостить его такъ, чтобы тотъ прогостилъ не долго". „Никто не зналъ, для чего Богу угодно было создать языки, пока не убѣдились наконецъ, что это сдѣлано ради Евангелія, которое Онъ хотѣлъ впослѣдствіи открыть, съ тѣмъ чтобы обличить и разрушить царство антихриста". „Итакъ, дорожа Евангеліемъ, мы тѣмъ ревностнѣе должны отстаивать языки, ибо Богъ не даромъ Свое Писаніе велѣлъ написать на двухъ языкахъ, Ветхій Завѣтъ

на еврейскомъ, а Новый на греческомъ". „Еврейскій языкъ самый лучшій и богатый словами, онъ чистъ, не нищенствуетъ, обладаетъ своимъ собственнымъ оттѣнкомъ. Греческій, латинскій и нѣмецкій языки нищенствуютъ, у нихъ множество composita, составныхъ словъ, какихъ на еврейскомъ вовсе нѣтъ. Но греческій языкъ все-таки слѣдуетъ назвать священнымъ, такъ какъ онъ предъ всѣми другими избранъ для того, чтобы на немъ писался Новый Завѣтъ, и чтобы изъ него какъ изъ источника путемъ перевода Новый Завѣтъ перешелъ въ другой языкъ, освятивъ также и послѣдній". „Не слѣдуетъ забывать, что безъ языковъ намъ не сохранить Евангелія. Языки суть тѣ ножны, въ которыя вложенъ этотъ ножъ духовный; они тотъ ларецъ, въ которомъ хранится это сокровище. Они тотъ сосудъ, въ которомъ содержится этотъ напитокъ; они тотъ кемнотъ, въ которомъ лежитъ эта пища. И, какъ указываетъ само Евангеліе, они тѣ коробы, въ которые собираютъ хлѣбы и рыбы и крохи. Да, если станемъ пренебрегать языками, то не только утратимъ Евангеліе, но дойдемъ наконецъ до того, что не будемъ умѣть ни говорить, ни писать вѣрно, ни полатыни, ни понѣмецки". „Въ концѣ концовъ, вѣдь святой духъ.... не сталъ-бы заниматься легкомысленными и безполезными дѣлами; а онъ самъ считалъ языки столь полезными и необходимыми въ христіанствѣ, что часто приносилъ ихъ съ собою съ неба. Одно это уже должно бы побуждать насъ изучать ихъ тщательно и добросовѣстно, и не пренебрегать ими, такъ какъ онъ самъ возбуждаетъ ихъ теперь на землѣ. Толкованія всѣхъ древнихъ отцовъ, изучавшихъ Писаніе, безъ знанія языковъ, таковы, что они то и дѣло прибѣгаютъ къ непонятнымъ, неуклюжимъ и неумѣстнымъ выраженіямъ и какъ слѣпые ощупью ходятъ около стѣны, искажая очень часто истинный текстъ и придавая ему смыслъ сообразно съ своею набожностью. Какъ солнце къ тѣни, такъ и языкъ относится къ толкованію всѣхъ отцовъ". „Такъ какъ христіанамъ подобаетъ изучать Священное Писаніе, какъ свою собственную книгу, и грѣшно и постыдно, что мы не знаемъ нашей собственной книги и не понимаемъ языка и словъ нашего Бога; то тѣмъ болѣе еще грѣшно и постыдно, что мы не учимся языкамъ, особенно когда Господь посылаетъ и даетъ намъ людей и книги и все, что необходимо для этого, какъ бы поощряя насъ и желая открыть намъ свою книгу".

Языки лучше всего изучаются на практикѣ. „Всякій изъ насъ выучивается нѣмецкому или иному языку гораздо скорѣе по устнымъ разговорамъ дома, на рынкѣ или на проповѣди, нежели по книгамъ. Буквы—это мертвыя

слова; устныя рѣчи—это слова живыя, онѣ не совсѣмъ вѣрно и хорошо передаются на письмѣ, но устами выражаютъ духъ и душу человѣка. Скажи, былъ ли на свѣтѣ хоть одинъ такойязыкъ, которому научились бы говорить правильноихорошо по грамматикѣ? развѣ неправда, что даже и языки, обладающіе самыми точными правилами, какъ напр. латинскій и греческій, изучаются скорѣе упражненіемъ и навыкомъ, нежели по правиламъ? Наука грамматика учитъ и указываетъ, что значатъ и выражаютъ слова; но сперва надлежитъ изучить и знать, что такое вещь или предметъ. Потому, всякій, кто хочетъ проповѣдывать и учить, обязанъ знать сперва и то и другое, т. е. и самый предметъ, и какъ онъ называется, а потомъ уже говорить о немъ; грамматика же учитъ лишь названію словъ, какими обозначаются предметы. Кто не обладаетъ знаніемъ предмета или дѣла, тому не поможетъ знаніе словъ. Но кто постигъ и понялъ самое дѣло, тотъ будетъ учить вѣрно и трогать сердца хотя бы онъ былъ некраснорѣчивъ и нерѣчистъ. Итакъ, пониманіе словъ или грамматика облегчается для насъ, если мы вѣрно понимаемъ самое дѣло; Горацій также говоритъ, что слова легко даются, если вѣрно схвачено, понято и разсмотрѣно дѣло: если же непонимаютъ самаго дѣла, то тщетно всякое знаніе словъ. Не слѣдуетъ однако толковать или понимать это такъ, какъ будто я отвергаю грамматику, которая все-таки очень нужна; я утверждаю только: кто вмѣстѣ съ грамматикою не будетъ изучать также дѣла въ Писаніи, тотъ никогда не будетъ хорошимъ учителемъ".

При языкахъ не слѣдуетъ пренебрегать *реальными знаніями*. „Теперь мы здраво смотримъ на природу, лучше нежели во времена папства. По милости Божіей мы начинаемъ постигать дивныя дѣла и чудеса даже въ цвѣткѣ, думая при этомъ, какъ всемогущъ и благъ Господь; потому мы хвалимъ и славимъ и благодаримъ Его. Въ твореніи мы познаемъ, какъ сильна власть Его слова: онъ сказалъ и стало такъ. Даже въ персиковой кости: хоть скорлупа ея очень тверда, но она въ свое время все-таки должна раскрыться отъ весьма мягкаго ядра внутри". Математику Лютеръ совѣтуетъ преподавать въ университетахъ; въ астрономіи онъ былъ противъ Коперника; онъ отвергалъ истину астрологіи, такъ какъ Исавъ и Іаковъ, рожденные въ одно и тоже время, и слѣдовательно подъ однимъ и тѣмъ же созвѣздіемъ, были во всѣхъ отношеніяхъ непохожи другъ на друга. *Исторію* онъ высоко цѣнилъ. „Знаменитый Римлянинъ Варронъ говоритъ, что лучшій способъ преподаванія будетъ тотъ, если къ слову присоединятся примѣры или образцы. Потому что, благодаря имъ, рѣчь понимается яснѣе и гораздо легче усвоивается: а иначе, если рѣчь не сопровож-

дается примѣрами, то какъ бы правдива и хороша она ни была, но все-таки не трогаетъ нашей души; она и не такъ ясна и не твердо усвоивается; потому-то и важна такъ исторія. Все, чему научаютъ насъ философія, мудрецы и нашъ разумъ и что они могутъ придумать полезнаго для честной жизни, мощно изображается въ примѣрахъ и очеркахъ исторіи и представляется такъ сказать нашимъ очамъ, какъ будто мы сами присутствуемъ при этомъ и передъ нами совершается все, что слова путемъ поученій перадавали слуху. Мы видимъ тамъ, какъ поступали, дѣйствовали и жили благочестивые и мудрые люди, и какова была судьба ихъ, или какъ они были вознаграждаемы; а потомъ такъ же, какъ жили порочные и неразумные, и какъ имъ воздавалось за это. И если разсудить основательно, то изъ исторій и бытописаній словно изъ живого ключа истекли почти всѣ законы, искусства, благіе увѣты, предостереженія, угрозы, страхъ, утѣшеніе, сила, наставленіе, осторожность, мудрость, благоразуміе и всякія добродѣтели: оттого что исторія не что иное, какъ указанія, напоминанія и знаменія Божьихъ дѣлъ и рѣшеній касательно того, какъ Онъ блюдетъ, управляетъ, препятствуетъ, караетъ и милуетъ міръ, особенно людей, смотря потому, зло или добро заслужилъ каждый изъ нихъ. А потому-то лѣтописцы самые полезные люди и лучшіе учители, такъ что намъ остается лишь чтить, восхвалять и благодарить ихъ, а долгъ великихъ державцевъ, государей и королей печься о томъ, чтобы тщательно записывались современныя имъ событія и собирались въ книгохранилищахъ, не щадя притомъ никакихъ издержекъ на содержаніе и воспитаніе способныхъ къ этому людей. Но только превосходный мужъ, обладающій львинымъ сердцемъ, способенъ безбоязненно писать правду. И дѣйствительно, большинство писателей, въ угоду властителямъ и друзьямъ своимъ, умалчиваетъ о порокахъ или невыгодахъ своей эпохи, или объясняютъ ихъ въ хорошую сторону: то слишкомъ превозносятъ мелкую или ничтожную добродѣтель, то по пристрастію къ отчизнѣ или по ненависти къ чужеземцамъ разукрашаютъ или искажаютъ событія, смотря по тому, любятъ ли кого изъ нихъ или ненавидятъ. Оттого лѣтописи кажутся чрезвычайно подозрительными, и Божье дѣло омрачается гнуснымъ образомъ, такъ какъ лѣтописи изображаютъ дѣло Божіе, т. е. милосердіе и гнѣвъ Его, чему надлежитъ вѣрить такъ же, какъ еслибъ все это стояло въ Библіи, то онѣ по настоящему должны писаться съ величайшимъ тщаніемъ, съ достовѣрностью и истиною".

Діалектику Лютеръ считаетъ необходимою наукою для воспитанія, поставляя ей впрочемъ надлежащіе предѣлы. „Діалектика не научаетъ и не дѣлаетъ способнымъ всякаго занимавшагося ею и хорошо знающаго ее преподавать всѣ

предметы; она служитъ только средствомъ и орудіемъ, при помощи котораго мы правильно и порядочно преподаемъ то, что знаемъ и понимаемъ. Я не могу говорить ни о рудникахъ, ни о горномъ производствѣ, потому что не знаю, какъ углублять шахту или шурфовать, или какъ изслѣдовать жилы; все это знаютъ рудокопы; еслибъ я занимался такимъ дѣломъ и изучалъ его, то съумѣлъ бы и говорить объ немъ не хуже любого мастера. Діалектика не даетъ матеріала, о чемъ говорить и что преподавать; но поучаетъ только, какъ слѣдуетъ преподавать и какъ излагать предметъ по порядку, вѣрно и правильно, коротко и ясно. Діалектика полезное и необходимое искусство, изучать которое необходимо такъ же, какъ ариѳметику и счетоводство. Бываютъ, правда, остроумные люди, отъ природы способные дѣлать разные выводы и считать въ умѣ, но все это ненадежно и опасно, если въ помощь къ этому не присоединится еще искусство. И точно, діалектика отлично научаетъ, какъ слѣдуетъ порядкомъ и вѣрно говорить о вещахъ, откуда что заимствовать, какъ отличать правильное отъ неправильнаго, и какъ вѣрнѣе познавать и соображать или судить. Плодъ и польза діалектики главнѣйше въ томъ, чтобы умно и точно, коротко и ясно, но возможно вѣрнѣе опредѣлить и изобразить предметъ.— „Діалектика поучаетъ, а *риторика* доказываетъ и возбуждаетъ: послѣдняя относится къ волѣ, а первая къ уму. Діалектика говоритъ просто, безъ прикрасъ и правдиво, такъ какъ бы я сказалъ: дай мнѣ напиться. Риторика же украшаетъ и говоритъ: Дай мнѣ искрометнаго сока, что такъ восхитительно играетъ и веселитъ людей. Краснорѣчіе—не изысканная и неподдѣльная красота словъ, а напротивъ,— это изящная рѣчь, искусно, ясно и отчетливо изображающая предметъ или вещь, подобно прекрасной живописи“.

Тѣлесныя упражненія и музыку Лютеръ считаетъ полезными искусствами, которыми нельзя пренебрегать при обученіи. „Древніе очень умно придумали и устроили, чтобы люди упражнялись и занимались честнымъ и полезнымъ дѣломъ, дабы не предаваться кутежу, распутству, обжорству, попойкамъ и игрѣ. Оттого мнѣ болѣе всего нравятся эти упражненія и забавы, а именно музыка и турниръ съ фехтованіемъ, борьбою, и т. п.; первая разгоняетъ душевныя заботы и унылыя мысли; а послѣдній придаетъ тѣлу красоту, ловкость, поддерживаетъ здоровье прыганьемъ и т. п. Настоящая же цѣль та, чтобы не предаваться кутежамъ, распутству, игрѣ, какъ на бѣду теперь бываетъ при дворахъ и въ городахъ, гдѣ только и слышно: За твое здоровье! выпьемъ! А потомъ проигрываютъ сто или болѣе гульденовъ. Вотъ что выходитъ, когда презираютъ и покидаютъ подобныя благопристойныя упражненія и турниры.“

„Музыка одна изъ лучшихъ искусствъ. Ноты оживляютъ текстъ. Она разгоняетъ тоску души. Короли, князья и властители должны поддерживать музыку, ибо великимъ государямъ и правителямъ подобаетъ блюсти хорошія свободныя искусства и законы. Музыка лучшая отрада для опечаленнаго человѣка, она ублажаетъ, подкрѣпляетъ и освѣжаетъ душу. Музыка на половину воспитательница и укротительница, дѣлающая людей мягче и кротче, благонравнѣе и разумнѣе. Я всегда любилъ музыку. Кто владѣетъ этимъ искусствомъ, тотъ повадливъ и на все способенъ. Музыку необходимо поддерживать въ школахъ. Школяръ долженъ умѣть пѣть, иначе и видѣть его не хочу. Молодыхъ людей слѣдуетъ назначать въ священники не иначе, какъ если они хорошо занимались музыкой и упражнялись въ ней. Музыка прекрасный, высокій даръ Божій и сродни теологіи. Я ни за какія блага не хотѣлъ бы лишиться своей скудной музыки. Молодежь надлежитъ всегда пріучать къ этому искусству, потому что оно развиваетъ хорошія способности въ человѣкѣ. Пѣть — это лучшее изъ искусствъ и упражненій. Ему нѣтъ никакого дѣла до міра: оно избѣгаетъ и судовъ и распрей. Пѣвцы не предаются заботамъ, напротивъ, они веселы и пѣснями разсѣиваютъ и прогоняютъ заботы.“

Такимъ образомъ Лютеръ затронулъ всѣ струны учебныхъ предметовъ и назначилъ имъ мѣсто въ организмѣ преподаванія. Онъ, конечно не могъ еще надлежащимъ образомъ оцѣнить значеніе естественныхъ наукъ и самъ даже подчинялся Птоломееву міровоззрѣнію. Какъ бы иначе говорилъ и дѣйствовалъ онъ, еслибъ не представлялъ себѣ землю средоточіемъ міра, а человѣка, какъ властелина земли, конечно цѣлью и вѣнцомъ всего творенія! Истинная свобода духа достигнута всеобщимъ признаніемъ Коперникова ученія и той науки, которую Лютеръ, какъ сынъ своего вѣка, цѣнилъ менѣе всего. Естествознаніе призвано довершить освобожденіе индивидуальнаго человѣческаго духа отъ лжи и заблужденій. Все, чего могъ достичь нашъ реформаторъ, состояло въ очищеніи и освобожденіи религіозной жизни и, вѣрный самому себѣ, онъ въ религіи обрѣтаетъ средоточіе всякаго преподаванія. Лютеръ и самъ впрочемъ еще не въ состояніи преобразовать школы по этому своему взгляду на предметы преподаванія, и въ составленномъ въ 1528-мъ г. „Наставленіи визитаторамъ въ Саксонскомъ курфиршерствѣ,“ произведеніи Лютера и Меланхтона вмѣстѣ, начертанъ только планъ ученой латинской школы, при чемъ исторія и естественныя науки совсѣмъ почти упущены изъ виду.

Университеты Лютеръ старается очистить отъ схоластики и ввести въ нихъ двоякое улучшеніе, какъ въ учебномъ,

такъ и въ нравственномъ отношеніи. „Университеты нуждаются въ хорошемъ преобразованіи; я долженъ сказать это, хотя оно и непріятно другимъ. Университеты, въ томъ видѣ какъ они были устроены до сихъ поръ, не что иное какъ Gymnasia Ephehorum et Graecae gloriae, гдѣ ведется вольная жизнь, мало преподаются Священное Писаніе и христіанская вѣра, и гдѣ даже болѣе нежели Христосъ, господствуетъ одинъ только слѣпотствующій языческій учитель Аристотель. Мой совѣтъ былъ бы, чтобы книги Аристотеля: Physiconum, Metaphysicae, de anima, Ethicorum, считавшіяся доселѣ лучшими, были совершенно отмѣнены вмѣстѣ съ другими, излагающими естественные предметы, такъ какъ по нимъ ничему не научишься, ни естественнымъ, ни духовнымъ предметамъ. Я допустилъ бы еще, чтобы удержали логику, риторику и поэзію Аристотеля или читали ихъ съ пользою въ болѣе сокращенномъ видѣ, съ тѣмъ чтобы научить молодыхъ людей хорошо говорить и проповѣдывать, но комментаріи и толкованія слѣдовало бы отмѣнить, точно также, чтобы риторика Цицерона, какъ и логика Аристотеля, читались просто, безъ дальнихъ комментарій и толкованій. При этомъ изучались бы еще языки латинскій, греческій, еврейскій, математическія науки, исторія. Я того мнѣнія, что никакое папское, ни императорское правительство не можетъ обойтись безъ хорошаго преобразованія университетовъ; и опять-таки, нѣтъ болѣе дьявольски зловредныхъ заведеній какъ непреобразованные университеты.“

Въ теологическомъ факультетѣ Лютеръ положилъ первое основаніе къ свободному развитію, совѣтуя вмѣсто „лживаго, коварнаго язычника,“ и даже вмѣсто святыхъ отцевъ назначить Священное Писаніе главнымъ предметомъ богословія и отрѣшивъ такимъ образомъ теологическій факультетъ отъ отъ закабалившихся его авторитетовъ. „Мои любезные теологи избавляютъ себя отъ труда и занятій, откладывая въ сторону Библію и читая Сентенціи (богословскія мнѣнія). Я того мнѣнія, что съ послѣднихъ слѣдовало бы начинать молодымъ теологамъ а библію предоставить докторамъ. А теперь все навыворотъ, такъ что библія заканчивается съ бакалаврствомъ, а Сентенціи составляютъ послѣдній предметъ, навсегда связанный съ докторствомъ. Какъ помочь этому? Могу одно лишь посовѣтывать, вознести смиренную молитву къ Богу, да снабдитъ Онъ насъ докторами теологіи. Докторомъ искусства или медицины, правъ или Сентенцій могутъ сдѣлать папа, государь и университеты; но, будь увѣренъ, докторомъ Священнаго Писанія, помимо Святаго Духа съ небеси, не сдѣлаетъ никто.“ „Писанія святыхъ отцевъ слѣдовало бы читать въ теченіе извѣстнаго времени, такъ чтобы чрезъ ихъ посредство войти въ Священное Писаніе. Св.

Писаніе нашъ единственный вертоградъ, въ которомъ всѣ мы обязаны упражняться и трудиться.“ А правовѣдѣніе? „Мірское право, помилуй Богъ! какъ запущено оно! Хотя оно гораздо лучше, искуснѣе, честнѣе духовнаго, въ которомъ кромѣ названія ничего нѣтъ хорошаго; но и въ немъ также черезъ чуръ много лишняго. Мнѣ кажется, что земскія права и обычаи предпочитаются общимъ имперскимъ правамъ, такъ что къ послѣднимъ прибѣгаютъ только въ случаѣ крайности. У каждой страны свои собственные обычаи и своя вѣра; дай-то Богъ, чтобы она управлялась точно также собственными немногосложными законами, какъ было до тѣхъ поръ, пока не изобрѣли этихъ правъ, безъ которыхъ обходится же много странъ. Подробныя и черезъ чуръ изысканныя права затрудняютъ только людей, и болѣе мѣшаютъ, чѣмъ способствуютъ дѣлу.“ — „Таковы наши высшія учебныя заведенія, въ которыхъ бо́льшая и лучшая часть нашей молодежи обречена какъ бы на жертву всесожженія, ради того чтобы тамъ обучались и вполнѣ освящались юноши. И точно, всякій думаетъ, будто нельзя пристроить своего сына лучше, и будто угождаетъ Богу, принося тамъ въ жертву своихъ дѣтей, для того чтобы образовать ихъ. Въ высшія учебныя заведенія не слѣдовало бы посылать всякаго, какъ дѣлается это теперь, оттого что заботятся лишь о многочисленности и каждому хотѣлось бы быть докторомъ; напротивъ, должно назначать туда только самыхъ способныхъ, хорошо образованныхъ въ низшихъ школахъ, и князья или магистраты обязаны слѣдить за тѣмъ, чтобы въ высшія посылались одни только даровитые ученики.“

Для поддержки школъ необходимы *библіотеки*. „Всѣ желающіе и радѣющіе, чтобы въ Германіи поднялись и поддерживались школы и языки, должны помнить, что не надо щадить ни трудовъ, ни издержекъ на обзаведеніе хорошихъ библіотекъ и книгохранилищъ особенно въ большихъ городахъ, гдѣ это весьма удобоисполнимо. И дѣйствительно, для того чтобы сохранились Евангеліе и науки, необходимо, чтобы онѣ были изложены и собраны въ книгахъ и закрѣплены въ письменахъ. Это необходимо не только для того, чтобы духовные и свѣтскіе правители наши могли читать и учиться; но и для того, чтобы сохранились и не пропадали хорошія книги вмѣстѣ съ дарованными намъ милостью Божіею науками и языками. Однако не совѣтую набирать въ домъ всякія книги безъ разбора и думать только о накопленіи ихъ. Желательно было бы дѣлать выборъ, а не просто собирать сплошь комментаріи всѣхъ юристовъ, толкованія всѣхъ богослововъ, сочиненія всѣхъ возможныхъ философовъ и рѣчи монаховъ. Напротивъ, я выбросилъ бы весь этотъ хламъ и снабдилъ бы свою библіотеку дѣльными книгами, посовѣтовавшись

объ этомъ съ учеными людьми. Въ ней, вопервыхъ, должны бы находиться Ветхій и Новый завѣтъ на латинскомъ, греческомъ, еврейскомъ, нѣмецкомъ и на разныхъ другихъ языкахъ. Потомъ—лучшіе толкователи и отцы церкви, и тѣ и другіе на греческомъ, еврейскомъ или латинскомъ, смотря по подлиннику. Затѣмъ книги необходимыя для изученія языковъ, а именно поэты и ораторы, все равно будутъ ли то язычники или христіане, на греческомъ или латинскомъ языкѣ. Ибо по нимъ слѣдуетъ изучать грамматику. Сверхъ того тамъ должны бы находиться книги о свободныхъ искусствахъ и разныхъ наукахъ. Наконецъ юридическія и медицинскія, хотя и тутъ также необходимо сдѣлать выборъ хорошихъ комментаторовъ. Первое мѣсто между ними должны занимать хроники и лѣтописи на какомъ бы то ни было языкѣ. Ибо онѣ крайне необходимы для пониманія мірскихъ дѣлъ и для управленія ими, а сверхъ того также для созерцанія чудесъ и дѣлъ Божіихъ.“ Эти книги слѣдовало бы изучать, но только не всѣ заразъ. „Ибо чтеніе разныхъ книгъ производитъ большую путаницу, такъ что изъ нихъ не научишься ни чему вѣрному и прочному. Все равно какъ люди живущіе вездѣ, куда бы ни прибыли, и не водворившіеся ни въ одномъ опредѣленномъ мѣстѣ, не живутъ нигдѣ и никогда не бываютъ у себя дома. Подобно тому какъ въ свѣтѣ мы ежедневно пользуемся сообществомъ не всѣхъ добрыхъ друзей, а только немногихъ и избранныхъ: такъ точно должны мы свыкнуться и освоиться съ нѣсколькими лучшими книгами, и основательно изучить ихъ. Необходимо сократить число книгъ и выбрать только лучшія. Ибо отъ множества разныхъ книгъ и отъ многаго чтенія не будешь ученъ; а напротивъ, перечитывай часто дѣльныя вещи,—вотъ что сдѣлаетъ тебя ученымъ.“

Таковъ Лютеръ какъ реформаторъ системы воспитанія. Она главнѣйше и прежде всего касалась такихъ школъ, въ которыхъ главнымъ предметомъ преподаванія былъ латинскій языкъ (а къ нимъ во время Лютера принадлежали какъ высшія, такъ и низшія учебныя заведенія). Изученіе классической древности служило подготовкою для реформаціоннаго дѣла Лютера; онъ и настаивалъ особенно на изученіи классической, но только свободной отъ всякой схоластики и чисто человѣчно постигаемой древности. Для такой-то латинской школы, служившей истинною подготовкою къ государственной и церковной службѣ, онъ и требовалъ прежде всего новой, на нравственномъ и религіозномъ началѣ, на строгомъ, христіанскомъ духѣ основанной жизни. Кромѣ того онъ домогается еще школъ „нѣмецкихъ и женскихъ“, какъ заведеній служащихъ для подготовки — гражданъ къ ихъ занятіямъ и дочерей къ ихъ призванію въ качествѣ домохозяекъ. Слѣдовательно, онъ признавалъ лишь

такія школы, которыя подготовляли бы каждаго къ какому либо особому званію въ жизни. Онъ еще не постигъ значенія протестантской народной школы, признающей христіанина и человѣка самого по себѣ, независимо отъ избираемаго имъ званія. Однако и для народной школы также заложилъ онъ первый краеугольный камень и начерталъ первыя основныя правила, издавъ для мѣщанъ и крестьянъ руководства къ самостоятельному изученію Священнаго Писанія. Это сдѣлалъ онъ снерва въ 1518-мъ г. въ своемъ „Толкованіи понѣмецки Отче нашъ для простолюдинъ, а не для ученыхъ", потомъ въ 1520-мъ г. въ своемъ „краткомъ изложеніи десяти заповѣдей, символа вѣры и Отче нашъ", гдѣ указываетъ на то, что „всякому христіанину, не имѣющему возможности прочесть Священное Писаніе, предписывается изучить и знать десять заповѣдей, символъ вѣры и Отче нашъ, такъ какъ въ этихъ трехъ членахъ по истинѣ основательно и въ избыткѣ изложено все, что заключается въ Священномъ Писаніи и постоянно проповѣдывается и все, что необходимо знать христіанину. Человѣку необходимо знать три вещи, для достиженія вѣчнаго блаженства: во первыхъ, что ему дѣлать и чего избѣгать; во вторыхъ, если ему кажется, что онъ не можетъ ни сдѣлать, ни избѣгнуть этого, то да знаетъ онъ, откуда ему взять, гдѣ искать и допытаться, чтобы исполнить одно и избѣгнуть другого, а втретьихъ, да знаетъ онъ, какъ ему искать и добиться этого". Въ 1526-мъ г. наконецъ онъ положилъ настоящее основаніе народной школы въ предисловіи къ своей „Нѣмецкой обѣднѣ и чину богослуженія". „Итакъ, нѣмецкое богослуженіе прежде всего нуждается въ простомъ, безъискусственномъ, хорошемъ катехизисѣ. Катехизисомъ же называется преподаваніе, имѣющее цѣлью обучать и наставлять язычниковъ, желающихъ сдѣлаться христіанами, во что имъ вѣрить, что дѣлать, чего избѣгать и что имъ надлежитъ знать въ христіанствѣ. Это преподаваніе или наставленіе я не могу представить ни проще, ни лучше того, какъ оно установлено уже отъ начала христіанства и какъ удержалось до сихъ поръ, а именно въ трехъ членахъ: десять заповѣдей, символъ вѣры и Отче нашъ. Въ этихъ трехъ членахъ просто и коротко изложено почти все, что необходимо знать христіанину. Но такъ какъ у насъ еще нѣтъ особыхъ приходовъ, то необходимо чтобы это ученье по временамъ или ежедневно, смотря по необходимости, проповѣдывалось съ каѳедры, и чтобы у себя дома оно сообщалось и читалось по вечерамъ и утрамъ дѣтямъ и прислугѣ, которыхъ хотятъ сдѣлать христіанами; и притомъ, чтобы они не только заучивали наизусть слова, какъ дѣлалось до сихъ поръ, но также спрашивая ихъ о каждомъ членѣ, заставляя отвѣчать, что каждый изъ нихъ

значитъ и какъ они его понимаютъ. Эти вопросы можно заимствовать изъ нашего молитвенника, въ которомъ коротко изложены всѣ три члена, или придумывать ихъ самому, такъ чтобы наконецъ весь запасъ христіанскаго познанія былъ собранъ въ двухъ статьяхъ, какъ бы въ двухъ сумочкахъ въ сердцѣ, а именно въ вѣрѣ и любви".

Эти слова воспламенили исполненные реформаціею умы. Уже въ 1527-мъ г. въ Страсбургѣ явились „Дѣтскіе отвѣты и вопросы объ обыкновенныхъ предметахъ христіанской вѣры"; а въ тоже время и катехизисъ Бренца; въ 1528-мъ г. катехизисы Лахманна и Гретера для Гейльбронна, и Рюрера и Альтгаммера для Ансбаха; наконецъ въ 1529-мъ г. образцовыя произведенія Лютера, его большой и краткій катехизисы, — излагающіе главные члены вѣры въ томъ видѣ, „какъ отецъ долженъ преподавать ихъ своимъ домочадцамъ".

Какъ въ этомъ случаѣ, такъ и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, сказанное изъ глубины души и изъ жизни выхваченное правдивое слово Лютера воспламеняло всѣ сердца. Какъ по призыву его возникла христіанская народная школа сперва „въ видѣ примкнувшей къ проповѣдямъ церковной катехизаціи, производимой священникомъ въ извѣстное время съ дѣтьми и съ другими прихожанами, особенно съ слугами въ церкви"; точно такъ же онъ и воззваніями своими возбуждалъ умы въ семьяхъ, съ тѣмъ чтобы вводили въ нихъ христіанское воспитаніе дѣтей, и воодушевлялъ правителей и князей, чтобы они учреждали оживляемыя реформаціоннымъ духомъ школы, прямо побуждая ихъ притомъ вводить обязательное обученіе.

Высокія слова великаго человѣка проникали въ сердца народовъ, оттого что они были выраженіемъ и отпечаткомъ его собственнаго сердца. Самъ Лютеръ былъ однимъ изъ величайшихъ воспитателей и наставниковъ. Если бы кто усомнился въ этомъ, то пусть онъ взглянетъ на него какъ на отца семейства, гдѣ онъ оправдалъ свое слово: „Бракъ имѣетъ двѣ конечныя цѣли, вопервыхъ, онъ долженъ быть врачемъ, чтобы предохранить отъ распутства; а вовторыхъ, главнѣйшая цѣль его, чтобы мужъ и жена жили вмѣстѣ и воспитали дѣтей."—Пусть онъ взглянетъ на него во всей душевной его полнотѣ—когда на колѣняхъ онъ молится передъ смертнымъ одромъ тринадцатилѣтней дочери: „Я сильно люблю ее, но если Ты, Боже милосердый, рѣшилъ взять ее къ себѣ, то да будетъ воля Твоя!" Потомъ—какъ обнимаетъ онъ своими руками умирающую дочь, прильнувъ къ ея ланитамъ, чтобы облегчить ей послѣднюю борьбу, хотя собственное сердце его надрывается—наконецъ какъ запираетъ онъ домикъ своей любимицы, обращаясь къ роднымъ съ словами: „Дитя мое теперь впол-

нѣ обезпечено, какъ тѣломъ, такъ и душою", и утѣшая въ то же время свою жену, говоря: „Не чудно ли, вѣдь мы знаемъ, что она успокоилась и что теперь хорошо ей, а все-таки печалимся".—Пусть онъ взглянетъ на него, какъ бесѣдуетъ онъ дѣтскимъ языкомъ съ своими дѣтьми, оправдывая тѣмъ свои правила о преподаваніи: „Обучать слѣдуетъ просто, внятно, ясно и показывать на самомъ дѣлѣ то, чему учатъ, но не представлять и не показывать одно, а въ то же время преподавать или называть что либо другое. Вѣдь нелѣпо было бы, еслибъ я показалъ тебѣ бѣлое, а назвалъ бы чернымъ. Не слѣдуетъ воображать себя черезчуръ умнымъ и презирать игры дѣтей. Христосъ, чтобы воспитать людей, долженъ былъ стать человѣкомъ. И мы, чтобы воспитать дѣтей, должны стать такими же дѣтьми". Своему сынку, Гансу Лютеру, онъ пишетъ: „Мнѣ пріятно, что ты хорошо учишься и ревностно молишься. Продолжай и впредь такъ же, сынокъ мой. Когда ворочусь домой, то привезу тебѣ прекрасный подарокъ. Я знаю прелестный, веселый садъ, въ немъ гуляютъ много дѣтей въ зеленыхъ кафтанчикахъ, они собираютъ прекрасныя яблоки подъ деревьями, и груши, вишни, сливы и черносливъ, поютъ, прыгаютъ и веселятся; у нихъ также красивыя, маленькія лошадки съ золотыми уздечками и серебряными седлами. Я спросилъ владѣльца сада: чьи эти дѣти? Онъ отвѣтилъ: это все дѣти, которые охотно молятся, учатся и благочестивы? Я сказалъ на это: Добрый господинъ, у меня тоже сынокъ по имени Гансъ Лютеръ, нельзяли и ему попасть въ этотъ садъ, ѣсть также прекрасныя яблоки и груши, ѣздить на красивой лошадкѣ и играть съ другими дѣтьми? Владѣлецъ отвѣчалъ: Если онъ охотно молится, учится и благочестивъ, то и онъ можетъ попасть въ этотъ садъ. Точно также и Липпъ и Іостъ, и когда они придутъ сюда, то получатъ еще дудочки, бубны, лютни и разные струнные инструменты, и будутъ танцовать и стрѣлять изъ маленькихъ самострѣловъ. Потомъ онъ показалъ мнѣ прелестный лугъ въ саду, принаровленный для танцевъ, тамъ висѣли чудесныя золотыя дудочки, бубны и прекрасные серебряные самострѣлы. Но было еще рано и дѣти обѣдали, такъ что я не могъ дождаться танцевъ, и сказалъ владѣльцу: Ахъ, добрый господинъ, я пойду поскорѣе и напишу все это моему сынку Гансу, чтобы онъ ревностно молился и прилежно учился и былъ благочестивъ, чтобы и ему также попасть въ твой садъ. Но вѣдь у него еще тётка Лёня, онъ и ее возьметъ съ собою: владѣлецъ отвѣтилъ: Хорошо, пойди и напиши ему все это. Итакъ, милый мой сынокъ, учись и молись ревностно, и скажи также Липпу и Іосту, чтобы и они тоже учились и читали, тогда вы всѣ вмѣстѣ попадете въ тотъ садъ. Затѣмъ да храни тебя Богъ, кланяйся теткѣ

Лёнѣ и поцѣлуй ее отъ меня. 1530-го г. Твой любящій отецъ Мартинъ Лютеръ."—Лютеръ потому-то и сдѣлался реформаторомъ воспитанія, что былъ также реформаторомъ семейной жизни. Весьма вѣрно выразился Густавъ Фрейтагъ: „Своимъ ученіемъ и своими сочиненіями онъ освятилъ домашнюю молитву, бракъ и воспитаніе дѣтей, общественную жизнь и школу, нравы, удовольствія, всякія сердечныя побужденія и народныя потѣхи, онъ старался всюду установить новые рубежи, всюду подвести болѣе глубокія основы. Не было такой области человѣческихъ обязанностей, о которой онъ не заставилъ бы поразмыслить своихъ соотчичей. Если онъ то и дѣло поощрялъ современниковъ самостоятельно допытываться, оправдывается ли наша прихоть сердца или нѣтъ, и чѣмъ обязанъ отецъ ребенку, подданный начальству, ротманъ горожанамъ; то достигнутый имъ успѣхъ былъ столь значителенъ оттого, что онъ даже и въ этомъ отношеніи освободилъ совѣсть единичнаго лица и вмѣсто наружнаго понужденія, наперекоръ властолюбивымъ затѣямъ, всюду ввелъ полное задушевности самообладаніе"

Въ 1546-мъ г. этотъ мужъ умеръ такъ же какъ жилъ,—великъ.

4.

Меланхтонъ и Бугенгагенъ.

Не такой геній какъ Лютеръ, и не такой величавый, глубоко захватывающій законченный и энергичный характеръ, какъ онъ, но необыкновенный, многосторонній талантъ и благородная личность, полная чистаго, цѣломудреннаго чувства, прямой и спокойный, воздержный и миролюбивый, глубокомысленный и добивавшійся совершенства формъ, олицетворенная гуманность въ классическомъ смыслѣ, но носимая и просвѣщаемая нравственною строгостью христіанства,—таковъ *Филиппъ Меланхтонъ*,—при его малорослом и худощавомъ станѣ незамѣтная съ виду личность, но и по наружности уже обращающая на себя вниманіе наблюдателя своимъ высокимъ и открытымъ челомъ и соразмѣрностью своего тѣлосложенія. Онъ родился 16-го февраля 1497-го г. въ Бреттенѣ; кроткій и благочестивый нравъ его матери, Варвары, благотворно повліялъ на воспріимчивую душу ребенка, а суровая строгость отца, Георга Шварцерда, укрѣпила нравъ отрока и показала ему мужа, какимъ онъ долженъ быть. Первоначальное обученіе онъ получилъ отъ домашняго наставника, Іоанна Гунгара, который своимъ точ-

нымъ грамматическимъ методомъ уже сообщилъ ему наклонность къ основательному изученію филологіи (facit me grammaticum *), говоритъ самъ Меланхтонъ). Потомъ онъ поступилъ въ латинскую школу въ Пфорцгеймѣ въ ученье къ ректору Георгу Зимлеру, ознакомившему его съ греческими и латинскими поэтами. Въ то же время вступилъ онъ въ тѣсныя сношенія съ Рейхлиномъ, который сообщилъ сильный толчокъ стремленіямъ даровитаго отрока, снабдилъ его греческою грамматикою и лексикономъ и перевелъ его нѣмецкое имя „Schwarzerd" („черноземъ") въ греческое „Меланхтонъ". Тринадцати лѣтъ отъ роду онъ въ Гейдельбергскомъ университетѣ изучалъ грамматику, риторику и діалектику, съ 1512-го года въ Тюбингенѣ у Зимлера и Штаде, Брассикана и Бебеля филологію, сверхъ того правовѣдѣнье, математику, астрономію и медицину, а съ 1514-го года также и теологію, которая въ публичныхъ лекціяхъ все еще состояла изъ схоластическихъ тонкостей. Частныя занятія навели его на творенія святыхъ отцовъ и на чтеніе Священнаго Писанія. А вмѣстѣ съ тѣмъ сношенія съ Рейхлиномъ, Эразмомъ, Ульрихомъ Гуттеномъ и пр. возбудили въ немъ убѣжденіе, что истинное библейское христіанство не то что схоластическая теологія. Онъ былъ свидѣтелемъ борьбы этихъ мужей съ темными людьми, видѣлъ ихъ натискъ противъ іерархіи, видѣлъ ихъ безустанный трудъ на службѣ свободной науки, ихъ мощное вліяніе на весь образованный міръ, видѣлъ, какъ около нихъ толпой собирались люди, выбиравшіе при помощи книгопечатанья классическія творенія древности изъ-подъ монастырской пыли, видѣлъ, какъ всѣхъ охватило одно лишь стремленіе:—реформація науки, борьба противъ средневѣковаго варварства. Въ виду всего этого онъ уже приступилъ къ своей учительской дѣятельности. Получивъ въ 1514-мъ г. званіе магистра, онъ, 17-ти лѣтъ отъ роду, назначенъ былъ академическимъ преподавателемъ и объяснялъ любознательнымъ ученикамъ Виргилія, Теренція и Цицерона. Представленный Рейхлиномъ курфюрсту Саксонскому въ качествѣ преподавателя греческаго языка, онъ въ 1518-мъ г. занялъ эту каѳедру въ Виттенбергѣ, и такимъ образомъ вступилъ на поприще, на которомъ ему суждено было исполнить свою всемірноисторическую миссію. Здѣсь онъ сошелся съ Лютеромъ, и эти величайшіе мужи своего времени скоро постигли, что служатъ дополненіемъ одинъ другому. Лютеръ и Меланхтонъ—мужъ дѣла и мужъ мысли!—Оба они отличаются другъ отъ друга данными отъ природы наклонностями: Лютеръ съ преобладавшею силою чувства, имѣвшею своимъ средоточіемъ совѣсть, а на окружности въ качествѣ рычага духъ борьбы

*) Сдѣлалъ изъ меня грамматика.

и разрушенія; Меланхтонъ съ преобладающею силою мысли, руководимою благодушіемъ; оттого первый въ глубинѣ души охваченъ германскою мистикою и часто увлекаемъ ею къ пантеизму, а послѣдній одушевленъ духомъ гуманной науки; первый всѣмъ внутреннимъ существомъ своимъ коренится въ нѣмецкомъ національномъ характерѣ, а второй всею своею личностью принадлежитъ классической древности. Оттого они въ развитіи своемъ и шли разными путями: Лютеру все приходилось брать съ бою, Меланхтонъ рано уже безпрепятственно пользовался самою богатою духовною пищею. По предмету своихъ занятій они также отличались другъ отъ друга. Лютеру долго пришлось блуждать по тернистому пути схоластическихъ тонкостей, пока ему не удалось пробиться: Меланхтонъ рано уже предпочитаетъ чистаго Аристотеля схоластическому и смолоду уже пользуется древними классиками. Они отличаются другъ отъ друга и по роду и по интересу теологическаго изученія: Лютеръ потрясающимъ личнымъ опытомъ и тревогою своей совѣсти вовлекается въ теологію и въ монастырскую жизнь; Меланхтонъ охваченъ уже гуманистически-реформаціоннымъ движеніемъ своей эпохи, и побуждаемый этимъ стремится повліять на очищеніе теологіи. Какъ различны наклонности, побужденія и развитія обоихъ: такъ тоже различны и результаты. Что Лютеръ постигаетъ въ самобытной геніальности и разглашаетъ въ пророческомъ духѣ, то же самое Меланхтонъ пытается облечь въ полномѣрные и поэтичные образы. Лютеръ выступаетъ религіознымъ бойцомъ, непреклоннымъ, вызывая весь міръ на борьбу; Меланхтонъ является на реформаціонномъ поприщѣ многосторонне-образованнымъ мужемъ науки, который вслѣдствіе своихъ сношеній съ свѣтомъ пришелъ къ убѣжденію, что нельзя во что бы то ни стало проводить всегда высшее и совершеннѣйшее, а потому приходится домогаться лишь лучшаго и возможнаго при данныхъ условіяхъ. „Я рожденъ— говоритъ Лютеръ—вести борьбу съ ватагами и бѣсами; мой духъ, тревожный и бурный, изрыгаетъ цѣлые лѣса̀ и груды словъ; мнѣ приходится корчевать пни и чурбаны, и я, словно суровый полѣсовщикъ, пролагаю и уготовляю путь; но Филиппъ Меланхтонъ подвизается осторожно и тихо, онъ созидаетъ и насаждаетъ, сѣетъ и поливаетъ ревностно, по мѣрѣ дарованныхъ ему отъ Бога обильныхъ способностей.“ Вслѣдствіе взаимнаго ихъ различія и благодаря ему оба они служили дополненіемъ другъ другу. Лютеръ, которому суждено было творческою силою сокрушить гнилые столпы церкви, то и дѣло подстрекалъ Меланхтона, увлекая его на поприще реформаціи, безъ чего послѣдній былъ и остался бы лишь вторымъ Эразмомъ. Меланхтонъ, напротивъ того, былъ осмотрительнымъ путеводителемъ Лютера, останавли-

ваясь и отыскивая путь, когда тотъ въ неукротимой отвагѣ, казалось, сбивался съ него,—необходимый, ясный и проницательный мыслитель для реформаціи, онъ, какъ заявляетъ самъ, выразилъ многое точнѣе противъ прежняго; онъ обрѣлъ свой идеалъ въ полезномъ и практически назидательномъ; какъ сынъ оружейника, онъ отчеканиваетъ въ чистыя формы руду изъ глубины добытую Лютеромъ, сыномъ рудокопа, и пускаетъ ее въ обращеніе въ обширныхъ кругахъ; благодаря болѣе всего своей осмотрительности, а также своему богатому знанію, онъ доставляетъ реформаціи доступъ какъ къ державцамъ и властителямъ, такъ и къ образованнымъ и ученымъ, тогда какъ Лютеръ мечетъ свои искры въ толпы народныя.

Каковъ самъ Меланхтонъ, таковы и творенія его. Прежде всего его *теологическія* сочиненія. Аугсбургское вѣроисповѣданіе и Апологія свидѣтельствуютъ о свѣтломъ умѣ его, ибо въ нихъ онъ просто и ясно изложилъ основныя мысли реформаціи. Его loci communes rerum theologicarum, *) появившіяся впервые въ 1520-мъ г. безъ подписи, о которыхъ Лютеръ заявилъ „liber invictus nec solum immortalitate, sed etiam canone ecelesiastico dignus,“**) излагаютъ наглядно и поучительно, ясно и коротко христіанское вѣро- и нравоученіе и основаны на главной мысли, что христіанство этическое явленіе жизни, которому въ человѣкѣ отвѣчаетъ этическая наклонность. Въ своихъ толкованіяхъ Священнаго Писанія онъ какъ грамматикъ не признаетъ чистаго ученія безъ дара языковъ, но требуетъ также знанія діалектики и риторики, вообще научнаго образованія для изложенія библіи. „Omnis bonus theologus et fidelis interpres doctrinae christianae necessario debet esse primum grammaticus, deinde dialecticus, denique testis.“ ***) Онъ былъ притомъ не отстаивавшимъ упорно найденную имъ разъ навсегда формулу теологомъ, а напротивъ, научнымъ изслѣдователемъ, животворно развивающимся далѣе въ своихъ ученіяхъ: о чемъ и свидѣтельствуютъ продолжавшіяся передѣлки и дальнѣйшее развитіе его loci theologici, его объясненіе посланія къ Римлянамъ и Колоссеянамъ, особенно же его confessio Augustana variata 1540-го г. Меланхтонъ былъ первымъ протестанскимъ догматикомъ,— главнымъ теологическимъ сореформаторомъ, — ученымъ религіознымъ мужемъ и религіознымъ ученымъ, у котораго

---

*) Общія мѣста о богословскихъ предметахъ.

**) Книга недосягаемая не только по безсмертной славѣ, но достойная быть также духовнымъ канономъ.

***) Всякій хорошій богословъ и вѣрный толкователь христіанскаго ученія необходимо долженъ быть прежде всего грамматикомъ, потомъ діалектикомъ и наконецъ толкователемъ.

наука не отдѣлялась отъ мудрости, ни мудрость отъ страха Божія и вѣры.

Но это составляетъ одну только половину дѣятельности Меланхтона. Почетное званіе „Наставникъ Германіи" (Praeceptor Germaniae) онъ болѣе всего заслужилъ своею дѣятельностью въ области философіи и филологіи. Онъ трудился надъ физикой, астрономіей, математикой, даже надъ медициной, этикой, политикой, психологіей и метафизикой, надъ грамматикой, діалектикой, риторикой и исторіей, обработалъ большую часть изъ этихъ наукъ въ особыхъ учебникахъ, обладая рѣшительнымъ научнымъ дарованіемъ, необыкновенною живостью и подвижностью ума, отличною способностью соображенія и наблюденія, здравымъ естественнымъ разсудкомъ, счастливою памятью, врожденнымъ художественнымъ чувствомъ, неутомимымъ трудолюбіемъ и рѣдкою добросовѣстностью, онъ изумлялъ современниковъ громадностью своихъ познаній и своей учености. Въ философіи онъ реформаторъ Аристотелева ученія. Въ астрономіи онъ помимо гражданской пользы добивается еще религіознаго значенія, ибо ради звѣздъ, говоритъ онъ заодно съ Платономъ, человѣку даны глаза; однако въ ней онъ не можетъ подняться далѣе астрологіи. Въ своихъ декламаціяхъ и посвященіяхъ онъ выказываетъ свои познанія въ математикѣ, правовѣдѣньи и медицинѣ,—вездѣ распространяя свѣтъ истинно научнаго образованія. Потому-то онъ и хотѣлъ назваться магистромъ свободныхъ искусствъ (magister artium liberarum), а не докторомъ богословія (Doctor theologiae), и „образовать молодые умы, возбуждать ихъ къ добродѣтели и красотѣ, вотъ что по его мнѣнію было самою святою, полезною и благодатною цѣлью жизни." Такимъ образомъ онъ, какъ истинный палигисторъ, между современниками былъ на самомъ дѣлѣ „Наставникомъ Германіи." и послѣ него, за исключеніемъ Лейбница и Шлейермахера, не появлялось ни одного университетскаго наставника съ равнымъ ему всеобъемлющимъ, энциклопедическимъ знаніемъ и съ такимъ же успѣхомъ преподававшаго столь разнородные предметы.

Изученіе классической древности было настоящей его стихіей; онъ почти противъ своей воли вовлеченъ былъ въ качествѣ бойца на поприще реформаціи. Въ классической древности онъ жилъ по собственному желанію, отдаваясь влеченію своего сердца. При этомъ онъ вполнѣ сознавалъ различіе между язычествомъ и христіанствомъ, впрочемъ не примиряя между собою вполнѣ различныя точки зрѣнія въ пониманіи того и другого: считая съ одной стороны путь евангелія единственнымъ путемъ спасенія и исключая изъ неба язычниковъ, даже лучшихъ изъ нихъ, оттого что надъ ними будто бы тяготѣетъ первородный

грѣхъ и они естественными силами могутъ добиться лишь гражданскихъ правъ, онъ въ locis отъ 1545-го г. говоритъ о доблестныхъ дѣлахъ и добродѣтеляхъ Сципіона и Ѳемистокла и прибавляетъ къ этому, что эти люди также дарованы намъ Богомъ, отъ котораго исходитъ всякое добро, притомъ онъ представляетъ себѣ и другимъ въ утѣшеніе и для соревнованія мудрыя изреченія и правила древнихъ, особенно ихъ примѣръ. Съ этой точки зрѣнія онъ словомъ и дѣломъ неутомимо пекся о распространеніи классическихъ знаній. Пониманію и распространенію въ школахъ знанія древностей содѣйствовалъ онъ своими *учебниками,* которые отличаются ясностью и точностью опредѣленій и расположенія.

Греческая грамматика Меланхтона, „написанная имъ чуть-ли не въ отрочествѣ для отроковъ,“ явилась въ 1513-мъ г. Въ предисловіи между прочимъ онъ совѣтуетъ „съ латынью соединять греческое, потому что безъ греческаго нельзя знать латинскій языкъ, и для того чтобы придать красоту римскимъ произведеніямъ, надо запастись изяществомъ греческихъ твореній.“ Сама грамматика начинается съ просодіи, съ переносныхъ удареній, voces encliticae. Потомъ слѣдуютъ пять склоненій. Чтобы пріятно разнообразить сухіе примѣры тутъ вставлено толкованіе вступленія въ Гезіодову Ѳеогонію съ переводомъ. Въ концѣ глаголовъ излагается отрывокъ о Терситѣ во 2-ой книгѣ Иліады. Вся грамматика заканчивается глаголами на μι; синтаксиса вовсе нѣтъ.

Латинская грамматика, составленная для Меланхтонова ученика, Эразма Эбнера изъ Нюрнберга, потомъ въ 1525-мъ г. изданная безъ согласія Меланхтона Мицилдемъ (Гольдштейномъ въ Нюрнбергѣ) и съ 1525-го до 1735-го г. перепечатанная по малой мѣрѣ 51 разъ, въ болѣе или менѣе измѣненномъ видѣ, употреблялась даже въ католическихъ школахъ и до 1734-го г. продержалась во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ Саксоніи. Грамматика, которая по его словамъ „учитъ вѣрно говорить и писать“ раздѣляется на 4 части: орѳографію, просодію, этимологію и синтаксисъ, слишкомъ подробно изложенныя для употребленія въ школахъ. Правила о родѣ многосложны и запутаны, переплетены множествомъ сомнительныхъ вопросовъ изъ Присціана и Квинтиліана. Синтаксисъ излагаетъ „правила сочетанія словъ“. Съ грамматическимъ преподаваніемъ съ самаго начала слѣдуетъ связать чтеніе Теренція и Плавта, „такъ чтобы рѣчь наконецъ отзывалась латинскою фразою“.

Въ 7-мъ изданіи предшествуетъ всему хвала грамматикѣ, особенно въ отношеніи къ теологамъ. „Какъ важно для церкви,—сказано тамъ—чтобы мальчики были хорошо обучены языку! Ибо чистота божественнаго ученія не можетъ быть поддерживаема безъ научныхъ познаній, такъ какъ

многіе важные спорные вопросы рѣшаются по буквальному смыслу и для разъясненія необходимо имѣть подъ рукой множество точныхъ выраженій. А потому законоучитель, вовсе не знающій грамматики, не что иное какъ нѣмая личность или просто наглый крикунъ! Кто не вникаетъ въ способъ изложенія слова Божья, тотъ не можетъ и любить его. Ignoti nulla cupido (*), сказано весьма вѣрно. Какимъ же законоучителемъ будетъ тотъ, кто не любитъ, не понимаетъ и не въ состояніи излагать божественнаго ученія? — Второй части грамматики, синтаксису, предшествуетъ обращенное къ сыну Юстуса Іонаса предисловіе Меланхтона. Оно направлено противъ тѣхъ, которые безъ грамматическаго изученія, а просто лишь читая авторовъ, хотятъ сдѣлаться филологами. Эти никогда не будутъ ни точны ни основательны. Ихъ ложный взглядъ проистекаетъ вслѣдствіе отвращенія отъ строгости правилъ, что впослѣдствіи грозитъ перейти въ отвращеніе отъ всякаго законнаго порядка.

Для преподаванія діалектики Меланхтонъ въ 1520-мъ г. написалъ учебникъ, долженствовавшій проложить путь къ пониманію Аристотеля, а въ 1547-мъ Erotemata Dialectices, которыхъ въ 2 мѣсяца уже распродано было 3000 экземпляровъ. Въ посвященіи Іоанну Камерарію на вопросъ: нельзя ли обойтись безъ діалектики, такъ какъ у нѣкоторыхъ она замѣняется отличнымъ прирожденнымъ остроуміемъ, онъ отвѣчаетъ такимъ образомъ: она необходимое искусство, ибо наставляетъ посредственные умы и служитъ имъ пособіемъ; отличные же умы она руководитъ, держитъ ихъ въ надлежащихъ предѣлахъ и пріучаетъ искать и любить настоящую истину. Даровитые могутъ потомъ и сами читать Аристотеля и притомъ погречески. Діалектика необходима также для утвержденія церковнаго ученія.—Сама діалектика излагается въ видѣ формальной логики и пропедевтики къ систематической философіи. По его словамъ она „искусство и методъ какъ должно преподавать“, и эта цѣль достигается „опредѣленіемъ, раздѣленіемъ и доводами“. Прежде всего излагаются десять Аристотелевскихъ категорій. Помимо указаній „самаго близкаго сродства и отличительныхъ свойствъ“ опредѣленію помогаетъ еще указаніе „причины, части, дѣйствія и случая“. За ученіемъ о раздѣленіи слѣдуетъ наставленіе, какъ распредѣлять „простыя предложенія“ по слѣдующимъ вопросамъ quid sit res, quae causae, quae partes, qui effectus (**). Сужденіе у него распадается на категорическое и гипотетическое; потомъ излагаются силлогизмы, энтимемы, индукція и примѣръ, а для развлеченія отъ сухихъ правилъ прибавляется: Qui bene bibit, bene dor-

(*) Невѣжды ничего не любятъ.

(**) Какой предметъ, какія причины, какія части, какое дѣйствіе.

mit, Qui bene dormit, non peccat, Qui non peccat, erit beatus. Ergo, qui bene bibit, erit beatus (*).

Для изученія риторики Меланхтонъ въ 1519-мъ г. написалъ три книги о риторикѣ (De rhetorica libri tres)—первоначальное руководство для пониманія риторическихъ книгъ Цицерона и Квинтиліана. По нимъ можно ознакомиться съ величіемъ краснорѣчія, чтобы не воображать себѣ, подобно инымъ нахальнымъ глупцамъ, будто достигъ уже вершинъ краснорѣчія, когда научился писать письмецо. Напротивъ, краснорѣчіе принадлежитъ къ самымъ труднымъ задачамъ и требуетъ глубокой учености, большого дарованія, долгаго упражненія, проницательнаго ума. Риторика служитъ дополненіемъ діалектикѣ: послѣдняя поучаетъ, первая трогаетъ (dialectica docet, rhetorica movet). При помощи одного теоретическаго обученія нельзя сдѣлаться ораторомъ; для этого необходима природная сила (vis naturae) и обширныя познанія (copia doctrinae). Риторика указываетъ лишь на порядокъ, члены и украшенія рѣчи (series, membra и ornamenta orationis) и на ея части. Вмѣстѣ съ словами постоянно принимаются въ соображеніе предметы, а потому риторика должна излагать изобрѣтеніе, расположеніе, выраженіе, воспоминаніе и произношеніе (inventio, dispositio, elocutio, memoria и pronunciatio). Къ изобрѣтенію принадлежатъ вѣрное опредѣленіе и знаніе причины, дѣйствія, частей, противоположности, сродства, сочетанія (causae effectus, partes pugnantia cognata, comitantia). Начало (exordium) должно сдѣлать слушателя благорасположеннымъ, внимательнымъ (benevolus, attentus, docilis). Искусство выраженія (elocutio) занимается грамматическими правилами, правильною рѣчью, потомъ фигурами и украшеніями.

Грамматику, діалектику и риторику — т. е. тривій—Меланхтонъ изложилъ подробно. Но не столь подробно квадривій—т. е. ариѳметику, геометрію, музыку и астрономію, хотя трудился и по этой части. Въ 1549-мъ г. онъ издалъ свои „Начала физическихъ ученій“ (Initia doctrinae physicae), въ которыхъ, примкнувъ къ Аристотелю, излагаетъ порядки, качества, движеніе всѣхъ тѣлъ и формъ въ природѣ, (series, qualitates, motus omnium corporum et specierum in natura), и въ посвященіи которыхъ Нордгаузенскому бургомистру Мейенбургу онъ говоритъ: „Хотя нельзя вполнѣ проникнуть въ природу вещей и понять причины чудесныхъ твореній Бога, пока не постигнемъ самаго опредѣленія Вѣчнаго Отца, Сына и Святаго духа, однако и въ этомъ нашемъ мракѣ всякое созер-

(*) Кто хорошо пьетъ, тотъ спитъ хорошо; кто хорошо спитъ, тотъ не грѣшитъ; кто не грѣшитъ, тотъ будетъ счастливъ. Итакъ кто хорошо пьетъ, тотъ будетъ счастливъ.

цаніе и изслѣдованье строя прекрасныхъ твореній служитъ приступомъ къ познанію Бога и къ добродѣтели, да научаемся и мы также любить и блюсти строй и мѣру во всѣхъ нашихъ дѣйствіяхъ. Такъ какъ люди отъ Бога явно одарены для созерцанія природы, то намъ слѣдуетъ любить и блюсти ученіе о началахъ, законѣ, движеніяхъ и качествахъ или силахъ тѣлъ. Въ нашихъ изслѣдованьяхъ мы не должны пугаться неизвѣстности столь многихъ вещей въ природѣ; вѣдь Богу угодно, чтобы мы въ твореніи шли по слѣдамъ Его. Такимъ образомъ мы приготовляемся къ той вѣчной академіи, гдѣ вполнѣ изучимъ физику, когда великій зодчій Самъ покажетъ намъ первообразъ міра". Мы должны лишь—такъ увѣщеваетъ онъ—искать истины прямымъ путемъ, не принимать за геніальность пустую забаву блестящими мыслями, а напротивъ, находить удовлетвореніе въ истинѣ. Тогда и физическія изслѣдованья послужатъ въ пользу церкви, если напр. чаще будутъ говорить о строѣ творенія, но также и о нарушеніи этого строя и о злѣ, послѣдовавшемъ за отпаденіемъ человѣка отъ Бога.

Меланхтонъ также первый *психологъ* между протестантами. Въ 1540-мъ г. онъ издалъ свое твореніе о душѣ, о чемъ впослѣдствіи часто читалъ лекціи. (De anima. Corp. Ref. B. XIII). Знаніе души и тѣла человѣка считалъ онъ крайне необходимымъ какъ въ религіозномъ, такъ и въ нравственномъ интересѣ. Человѣкъ по немъ микрокосмъ (внутренній міръ), въ которомъ повторяются законы макрокосма (внѣшняго міра), и въ послѣднемъ отражается первый. Его книга о душѣ была первою попыткою психологіи, или скорѣе полной антропологіи, ибо въ ней и тѣло тоже разсматривается какъ орудіе души. Въ своихъ психологическихъ изслѣдованьяхъ Меланхтонъ пользовался твореніями Платона, Галена и особенно Аристотеля, но онъ отнюдь не былъ ихъ простымъ послѣдователемъ, а приспособилъ ихъ мнѣнія къ своимъ христіанскимъ воззрѣніямъ и, сообразуясь съ послѣдними, старался также дополнить ихъ. Сущность души онъ опредѣляетъ просто какъ постоянно движущій принципъ организма, или какъ безконечный, отличный отъ тѣла и безсмертный духъ. Мы знаемъ его,—такъ думалъ онъ,—лишь по его силамъ и внѣшнимъ проявленіямъ, но и послѣднія также мы не въ состояніи вполнѣ постичь въ земной жизни. Происхожденіе понятій путемъ чувственнаго наблюденія и отвлеченія казалось ему невѣроятнымъ; поэтому онъ оспоривалъ мнѣніе, будто душа не что иное какъ пустой сосудъ, въ который понятія вносятся наблюденіемъ. Онъ, напротивъ того, былъ убѣжденъ въ существованіи коренныхъ идей, предназначенныхъ служить исходными точками всякихъ дальнѣйшихъ мыслей, коль скоро онѣ возбуждаются чувственными ощущеніями. Эти предполагаемыя

врожденныя понятія подраздѣлялъ онъ на умозрительныя и практическія. Къ первымъ причислялъ напр. аксіому: Все что совершается, должно имѣть причину; а къ послѣднимъ: Истина существуетъ ради самой себя,—Договоры слѣдуетъ соблюдать и т. п. Старый аристотелевскій споръ „о дѣятельномъ и страдательномъ разумѣ“, рѣшилъ онъ просто по здравому человѣческому смыслу, объяснивъ, что разумъ смотря по обстоятельствамъ бываетъ то дѣятельнымъ, то страдательнымъ.—Отстоявъ въ своей антропологіи единство и нематерьяльность души, онъ затѣмъ приступаетъ къ описанію тѣла и отправленію его органовъ, и доказываетъ этимъ, что онъ обладалъ немаловажными анатомическими и медицинскими познаніями, пріобрѣтенными имъ главнѣйше изученіемъ Галена. Впрочемъ въ его изложеніяхъ помогали ему также друзья его, врачи Леонарди, Фуксъ въ Тюбингенѣ и Яковъ Милихъ въ Виттенбергѣ. Такимъ образомъ онъ составилъ обширное, превосходное твореніе по тогдашнему состоянію науки. Вслѣдъ за анатомическими и психологическими главами идутъ изслѣдованья о внутреннихъ чувствахъ, какихъ по Галену онъ признавалъ три: способность постиженія, разсудокъ и память; съ ними связана способность вожделѣнія, то желающая, то отталкивающая предметы и проявляющаяся въ разныхъ душевныхъ движеніяхъ. Правителемъ надъ внутренними чувствами поставленъ разумъ, разсматривающій доставляемый первыми матеріалъ и при посредствѣ достовѣрныхъ основъ возводящій его въ истину. Философія даетъ три такихъ основы истины: всеобщій опытъ, знаніе первыхъ причинъ и силлогизмъ; христіанство присовокупляетъ еще четвертую основу: откровеніе. Разумъ имѣетъ предметомъ Бога и міръ. Къ разуму присоединена воля, способность свободнаго выбора и дѣйствія въ отношеніи какого либо разумомъ предлагаемаго предмета. Она, воля, неизмѣнно направлялась бы къ Богу, еслибъ человѣческая натура не была помрачена грѣхомъ; это помраченіе заставило ее отклониться отъ первоначальнаго направленія. Что касается вопроса о свободѣ воли, то Меланхтонъ нѣсколько разъ мѣнялъ свое мнѣніе въ этомъ отношеніи. Въ первомъ изданіи его Loci theologici (1521) человѣческая воля представляется совершенно несвободною, а судьба человѣка вполнѣ предопредѣленною Божьимъ милосердіемъ. Опытъ, вынесенный имъ изъ инспекторскихъ разъѣздовъ убѣдилъ его въ опасности ученія, по которому все совершающееся, какъ добро, такъ и зло, испоконъ вѣка предопредѣлено Богомъ. Подлежавшіе его осмотру священники новой церкви проповѣдывали только евангеліе и милосердіе, но ни раскаянья, ни закона; мало того, они передъ грубою еще толпою осуждали даже добрыя дѣла какъ излишнія, предполагая быть вполнѣ евангелическими. Та-

кого рода явленія приводили въ ужасъ Меланхтона и побуждали его къ настойчивому размышленію о свойствѣ воли. Извѣстныя мѣста изъ Библіи (напр. Іоан. 8,44), какъ казалось ему, утверждали, что въ самомъ человѣкѣ находится причина его собственнаго грѣха и что нельзя отрицать нѣкоторой свободы выбора. „Если мы грѣшимъ—говоритъ онъ въ одномъ изъ новыхъ изданій своихъ Loci, — то слѣдуетъ обвинять нашу волю и нечего искать причины въ Божьемъ предопредѣленіи; да убѣдимся, вмѣстѣ съ тѣмъ, что обѣтъ милосердія касается всѣхъ и что Богъ поможетъ борющемуся.“ — Размышляя о свойствѣ воли, Меланхтонъ пришелъ къ заключенію, къ которому до и послѣ него приходили многіе: свободу воли трудно доказать логическимъ путемъ, но для простого здраваго смысла она разумѣется сама собою и необходимо должна предполагаться въ практической жизни, что и подтверждается самообвиненіемъ со стороны совѣсти. — Безсмертіе души Меланхтонъ доказываетъ теологическими доводами; философскіе же онъ приводитъ лишь для того, чтобы показать, какъ они недостаточны и сомнительны.—Вполнѣ несостоятельными оказываются его изслѣдованья о сновидѣніяхъ, которымъ онъ прямо приписываетъ прорицающую силу. Этотъ предразсудокъ его, въ ложномъ свѣтѣ котораго онъ разсматриваетъ упомянутое состояніе души, мѣшаетъ ему прійдти къ какому нибудь разумному выводу.

Для *этики* Меланхтонъ издалъ толкованіе Аристотеля. Въ 1538-мъ г. онъ выпустилъ очеркъ нравственной философіи (Philosophiae moralis epitome), въ которой приводятся уже различія между философскою и христіанскою этикою. Полное построеніе теологической нравственной системы находимъ лишь въ его очеркѣ нравственной философіи (Ethicae doctrinae elementa). Тутъ нравственность основывается на откровенной волѣ Божіей, возвѣщенной сперва при сотвореніи человѣка, потомъ пророками и наконецъ полнѣе всего Христомъ. „Высшее благо и высшая цѣль человѣка—Богъ; нравственное добро состоитъ въ отвѣчающихъ волѣ Божіей поступкахъ, а добродѣтель—въ наклонности повиноваться этой волѣ, избрать ее одну въ руководители.“—Меланхтоновъ опытъ богословской нравственности не имѣлъ себѣ преемниковъ; впослѣдствіи обратились просто опять къ Аристотелю.—Примѣненная къ гражданскому устройству нравственность въ эпоху реформаціи называлась политикою. И въ ней также Меланхтонъ значительно уклонялся отъ Аристотеля. Питая сначала въ Виттенбургѣ сомнѣніе касательно божественнаго права начальства, онъ впослѣдствіи перешелъ къ мнѣнію, что его слѣдуетъ считать установленнымъ и поддерживаемымъ самимъ Богомъ, слѣдовательно истинно божескимъ постановленіемъ. Оно, по его словамъ,

обязано даже наказывать богохульцевъ и еретиковъ. Въ высшей степени достойно сожалѣнія, что такой человѣкоубійственный, отрицающій всякую свободную духовную жизнь взглядъ могъ еще утвердиться даже въ головахъ реформаторовъ, ибо онъ долженъ былъ повести и дѣйствительно повелъ къ самымъ пагубнымъ послѣдствіямъ. Право возставать противъ безразсудныхъ и несправедливыхъ законовъ, несогласныхъ съ совѣстью, онъ готовъ признать за христіанскими подданными; но они должны долготерпѣливо относиться къ начальству, когда оно дѣлаетъ ошибки. Тиранамъ, приказывающимъ поддерживать ложное ученіе или преслѣдовать невинныхъ, обязаны воспротивиться другіе державцы. Въ этикѣ своей онъ, какъ кажется, идетъ далѣе и признаетъ даже за частными лицами право не только сопротивляться тиранамъ, но даже и убивать ихъ; однако онъ готовъ допустить это въ томъ лишь случаѣ, когда самъ тиранъ частное лицо и возмущается противъ законнаго правительства, или когда онъ, занимая правительственную должность, завѣдомо беззаконно поступаетъ съ своими подчиненными; если же несправедливость его не доказана, то слѣдуетъ ей подчиниться, лишь бы не умалить значенія правительства. Онъ всякому образу правленія придавалъ одинаковое значеніе; но признается, что самъ лично охотнѣе всего водворился бы въ вольномъ имперскомъ городѣ. Въ благоустроенной аристократіи, по его мнѣнію, господствуетъ болѣе уваженія къ закону, нежели въ монархическомъ государствѣ, гдѣ черезчуръ многое зависитъ отъ произвола державца и измѣнчивыхъ вліяній двора.

Помимо этихъ трудовъ Меланхтонъ много сдѣлалъ для объясненія классиковъ. Онъ часто пояснялъ „Обязанности“ Цицерона, толковалъ письма его, прибѣгая къ замѣчаніямъ и доводамъ, разбиралъ рѣчи Цицерона въ отношеніи риторики, перевелъ олимпійскія рѣчи и филиппики Демосѳена, потомъ также многое изъ Эсхина, Лукіана, Ѳукидида и Плутарха, издалъ замѣтки къ Гомеру, Гезіоду, Софоклу, Еврипиду, къ Облакамъ Аристофана, объяснилъ также Тиртея, Ѳукидида, Ѳеогнида, Пиндара, Виргилія и пр.—Такъ Меланхтонъ съ своими учебниками и пр. по всѣмъ отраслямъ заботился о распространеніи классическихъ ученій въ школахъ. Такая забота вытекала изъ убѣжденія, что только основательное классическое образованіе служитъ средствомъ для вѣрнаго пониманія христіанства, создаетъ истинныхъ ученыхъ и поддерживаетъ дѣло реформаціи. Онъ пишетъ: „Изъ всѣхъ человѣческихъ украшеній религіи не было болѣе почтенной и прекрасной чѣмъ наука. Люди, лишенные всякаго знанія древности, кажется мнѣ, могутъ судить о религіи и о другихъ уважаемыхъ предметахъ нисколько не вѣрнѣе тѣхъ, которые, какъ

выражается Платонъ, въ пещерѣ видятъ образы лишь издали, но не разсматриваютъ самихъ предметовъ вблизи". „Принимающіеся за изученіе Священнаго Писанія безъ опоры и пособія другихъ наукъ подлинно какъ будто собираются летать, не имѣя крыльевъ. Но нелѣпѣе всего разсуждаютъ тѣ, которые нынѣ того мнѣнія, будто благочестіе не что иное какъ презрѣніе всѣхъ добрыхъ наукъ и всякаго образованія, какія достались намъ отъ древности". „Если гуманистическія науки не будутъ дѣльно изучаемы, то хотѣлось бы знать, какихъ теологовъ приготовимъ мы? Для изученія священныхъ предметовъ и религіи, науки, т. е. древніе языки рѣшительно полезны". „Если мы опять охладѣемъ къ изящнымъ наукамъ и не будемъ болѣе старательно и ревностно изучать ихъ, то спрашиваю тебя, какихъ теологовъ произведемъ мы? Свойство священныхъ предметовъ таково, что всякій достигаетъ въ нихъ столько, сколько дается святымъ духомъ. Но если къ этому не присоединится умѣнье говорить и знанье языковъ, то все-таки еще многаго не будетъ доставать тѣмъ, которые излагаютъ святые предметы".

Какъ Меланхтонъ благотворно дѣйствовалъ своими учебниками на школы, точно такъ же вліялъ онъ и на учебныя дѣла своими совѣтами. Къ нему съ разныхъ сторонъ обращались за помощью для учрежденія и организаціи школъ. Нюрнбергцы избрали его даже въ ректоры своей вновь учреждаемой гимназіи. Онъ однако отказался отъ этого мѣста, оттого что не могъ покинуть Виттинбергъ, не оказавшись неблагодарнымъ къ курфюрсту Фридриху, и оттого что такая должность была ему не по силамъ. Она требуетъ-де риторически образованнаго мужа, который былъ бы въ состояніи риторически образовать юношество. А онъ для этого не годится: слогъ его сухъ и вялъ, не цвѣтущъ, скуденъ и безсоченъ; а рѣчь гимназическаго учителя должна быть цвѣтущая и богатая.—По его предложенію въ Нюрнбергъ были призваны Эобанъ Гессъ и Іоахимъ Камераріи. Самъ же онъ въ 1526-мъ году произнесъ рѣчь при освященіи гимназіи, причемъ восхвалялъ Нюрнбергъ и его гражданъ за ихъ попеченіе о образованіи молодежи и сравнилъ его съ Флоренціей.

Меланхтонъ оказалъ также громадное вліяніе своими лекціями въ Виттенбергскомъ университетѣ. На этихъ лекціяхъ, имѣвшихъ предметомъ толкованіе Новаго, а въ теченіе нѣкотораго времени также и Ветхаго Завѣта, догматику, греческихъ и латинскихъ классиковъ, этику, діалектику и физику, находились слушатели (—на нѣкоторыхъ лекціяхъ до 2000 человѣкъ—) изъ всѣхъ сословій и странъ, Нѣмцы, Французы, Англичане, Поляки, Венгерцы, Датчане, даже Итальянцы и Греки. Такимъ образомъ послѣ 42-хъ

лѣтней дѣятельности онъ оказался наставникомъ нѣсколькихъ тысячъ ученыхъ; пользовавшіеся высокою славою ректоры школъ въ шестнадцатомъ столѣтіи, Іоаннъ Штурмъ въ Страсбургѣ, Вал. Тротцендорфъ въ Гольдбергѣ, Михаилъ Неандръ въ Нордгаузенѣ, Іерон. Вольфъ въ Аугсбургѣ и пр., были его учениками. Академическое преподаваніе его привлекало больше содержаніемъ, образованною формою, поучительнымъ и особенно возбуждающимъ самостоятельность слушателей методомъ, нежели блестящимъ изложеніемъ. Хотя при живости его онъ не былъ лишенъ естественнаго краснорѣчія, хотя онъ риторическими упражненіями старался какъ теоретически, такъ и практически преодолѣть не очень сильный органъ и запинавшійся языкъ; но рѣчь его была все-таки тихоструйнымъ, орошающимъ землю и украшающимъ окрестность ручьемъ въ противоположность бурно клокочущему лѣсному потоку Лютерова слова, и его декламаціи, хотя и устно произносимыя, были все-таки болѣе научными изложеніями, нежели строгими рѣчами (по этой-то причинѣ онъ никогда и не могъ рѣшиться выступить въ качествѣ священника, хотя сочинилъ не одну проповѣдь для другихъ и надѣлялъ академическую молодежь совѣтами по гомилетикѣ, т. е. духовному краснорѣчію —). Но онъ увлекалъ ее „искусствомъ съ какимъ владѣлъ богатымъ матеріаломъ своего знанія, неизысканнымъ умѣньемъ, съ какимъ умственный запасъ свой примѣнялъ въ настоящемъ мѣстѣ, въ самомъ точномъ видѣ, но безъ школьнаго, ученаго педантизма, свѣжестью изложенія, то и дѣло дополняемаго самыми удачными примѣрами, изреченіями, доводами и выраженіями, тѣснымъ сочетаніемъ знанія и чувства въ своихъ лекціяхъ, такъ, что сообщалъ свои мысли не только для ума, но также для сердца и всего человѣка“. Онъ увлекалъ болѣе всего своимъ любвеобильнымъ отношеніемъ, къ молодежи. „У Меланхтона было въ обычаѣ, какъ выражается Камерарій, никому ни въ чемъ не отказывать. Многіе обращались къ нему съ просьбою о рекомендательныхъ письмахъ, другіе съ тѣмъ, чтобы онъ исправилъ письменное сочиненіе. Иные прибѣгали къ нему за совѣтомъ по своимъ дѣламъ, другіе разсказывали ему о публичныхъ и частныхъ случаяхъ, заслуживавшихъ его вниманія, а нѣкоторые приходили къ нему даже съ своими жалобами“. Могу увѣрить по правдѣ, сказалъ самъ Меланхтонъ, что я питаю отеческую любовь и привязанность ко всѣмъ учащимся и меня сильно тревожитъ все, что грозитъ имъ опасностью.

Изъ этой любви къ учащимся вышла также его частная школа (Schola privata). Правда, къ основанію этого пансіона и учебнаго заведенія въ своемъ домѣ побуждала его господствовавшая въ Виттенбергѣ дороговизна жизненныхъ

припасовъ; тѣмъ еще болѣе, что весь окладъ его, состоявшій сначала изо ста мейсенскихъ гульденовъ, возросъ потомъ вслѣдствіе прибавки до 200, затѣмъ до 300, а съ 1541 г. до 400, публичныя же лекціи не приносили ему никакого дохода, такъ какъ онъ привыкъ читать даромъ, а сверхъ того пользовались у него убѣжищемъ угнетенные всякаго рода, и никто не обращался къ нему вотще,—всѣ эти причины и побуждали его, правда, учредить институтъ для тѣлеснаго и духовнаго развитія учащихся: но главною причиною все-таки было то, что онъ всею душою радѣлъ о воспитаніи и хотѣлъ молодымъ людямъ, поступавшимъ въ университетъ большею частью неподготовленными и безъ знанія классической литературы, доставить необходимую подготовку, въ которой нуждались они для того, чтобы извлечь пользу изъ своихъ занятій. И въ самомъ дѣлѣ, съ той поры какъ разошлось по міру слово Лютера, сказавшаго, что заключить молодого человѣка въ монастырь и удалить его отъ людей, все равно что посадить молодое, плодовитое дерево въ тѣсный горшокъ,—монастырскія школы все болѣе пустѣли, а Виттенбергскій университетъ, считавшійся главнымъ учебнымъ заведеніемъ въ Европѣ, все полнѣлъ, хотя отроки и не пользовались тамъ особеннымъ присмотромъ, оттого что въ Виттенбергѣ не было гимназіи въ качествѣ приготовительнаго заведенія къ университетскимъ занятіямъ и учащіеся сверхъ того бродили безъ необходимаго въ ихъ возрастѣ надзора, безъ опредѣленныхъ занятій и безъ всякаго установленнаго порядка въ жизни, дичая при этомъ какъ въ научномъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи. При такихъ обстоятельствахъ студенты большею частью вынуждены были обучаться и воспитываться въ частныхъ заведеніяхъ, лишь бы извлечь настоящую пользу изъ пребыванія своего въ Виттенбергѣ; потому-то Меланхтонъ, побуждаемый просьбами многихъ родителей, обращавшихся къ нему въ виду незрѣлости ихъ дѣтей, съ тѣмъ чтобы онъ принялъ ихъ въ свой домъ для научнаго и нравственнаго образованія, а также и для тѣлеснаго ихъ развитія, рѣшился наконецъ учредить свою частную школу. Этимъ онъ заодно исполнилъ обѣщаніе, о которомъ писалъ Эобану Гессу: „Люди, презирающіе мірскія науки не лучше относятся также и къ теологическимъ; они прикрываютъ лишь свою лѣнь подъ такимъ предлогомъ. Мы, признающіе изящныя науки въ ихъ истинномъ значеніи, должны стремиться къ тому, чтобы возбуждать неопытную въ этомъ молодежь и представлять ей все, что ни есть лучшаго. Боже праведный! какія превратныя вещи въ своей теологіи и съ нею произведутъ на свѣтъ тѣ, которые хотятъ казаться умными и мудрыми единственно вслѣдствіе презрѣнія къ добрымъ дѣламъ. Что можетъ породить такое заблужденіе

кромѣ новой, притомъ еще болѣе нелѣпой и болѣе нечестивой софистики, нежели прежняя! Вотъ когда, мой Эобанъ, покажи, что ты царь, и вели своимъ Лидянамъ, своимъ актерамъ, питаться лукомъ. Мы съ тобой ужь никогда не окажемся лѣнивыми солдатами на службѣ".

Въ частной школѣ Меланхтона первое мѣсто между учебными предметами занимали латинскій и греческій языки. Грамматика, а именно въ видѣ этимологіи, синтаксиса и просодіи, была при этомъ душою преподаванія. Когда мальчики уже усвоятъ себѣ падежи и времена, то преподаваніе производилось большею частью на латинскомъ языкѣ. Въ то же время приступали къ чтенію классиковъ, изъ коихъ на первой очереди былъ обыкновенно Теренцій, любимый писатель Меланхтона, и притомъ такъ, что мало по малу (—ежедневно не болѣе какъ по 10 стиховъ—) весь Теренцій заучивался наизусть. Проза изъ греческихъ авторовъ переводилась на латинское изустно и письменно. При чтеніи соблюдалось правило: Non multa, sed multum. (*) Для письменныхъ сочиненій въ синтаксическомъ отношеніи давалъ онъ правила (praecepta, praeceptiones), наставленія для подражанія и упражненія (imitatio et exercitatio); при подражаніяхъ ученики преимущественно должны были обращать вниманіе на фразы и составъ предложеній (phrasin и compositionem periodorum). Когда такимъ образомъ была вполнѣ усвоена формальная и синтаксическая часть грамматики, то изучалась просодія и примѣнялась къ метрическимъ упражненіямъ, къ переводамъ греческихъ уроковъ, къ свободнымъ амплификаціямъ ихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ къ поэтическимъ произведеніямъ. Меланхтонъ то и дѣло побуждалъ къ такого рода стихотворству, ибо былъ того мнѣнія, что вслѣдствіе упадка поэзіи въ Римѣ понизилось также и краснорѣчіе. Поэтому онъ не ограничивался одними увѣщаніями, но иногда для поученія и поощренія своихъ учениковъ самъ принимался за болѣе или менѣе свободные метрическіе переводы отдѣльныхъ мѣстъ изъ греческихъ поэтовъ, частью также за свободныя амплификаціи мыслей изъ Платона, Плутарха и пр.—Хотя классическая древность, и особенно грамматика, были главными учебными предметами въ частной школѣ, однако не упускались изъ виду также и другія науки. Тамъ изучали исторію, географію, математику, а взрослымъ воспитанникамъ для религіознаго пониманія и назиданія служили loci communes.—Въ домашнемъ и учебномъ порядкѣ первое мѣсто занимала ежедневная утренняя молитва, послѣ чего читался отрывокъ изъ Священнаго Писанія. Передъ обѣдомъ молили Господа о благословеніи такими словами:

(*) Не многое, но много.

His epulis donisque tuis benedicito, Christe, ut foveant jussu corpora fessa tuo, non alit in fragili panis modo corpore vitam, sermo tuus vitae tempora longa facit. (*)

Послѣ обѣда читалась благодарственная молитва: Postquam epulis exemta fames mensaeque remotae dicemus grates nos tibi, summe pater. Non haec humanas vires alimenta juvabant, divina si non hae foveantur ope. Namque tuo vivunt agitata a Numine cuncta, adflatu spirant cuncta valentque tuo. Nunc etiam gratis animis alimenta ministra, atque immortali pectora pasce cibo. Et quia cura sumus tua, nos, pater optime, serva. Et studia et vitae tempora cuncta rege. Cumque epulas dederis, rerum pater optime, nobis, adde epulis vires pro bonitate tua. Amen. (**)

За столомъ одинъ изъ учениковъ предсѣдалъ, а именно тотъ, который на состязаніи учащихся представилъ лучшее сочиненіе въ прозѣ или стихахъ. На этомъ музоугодномъ состязаніи, въ которомъ иногда принимали участіе также и молодые люди, не принадлежавшіе къ частному заведенію, а случайно тутъ присутствовавшіе, желавшіе и способные выступить на арену,—Меланхтонъ былъ судьею, и побѣдитель (Proëdros) или царь поэзіи въ этомъ состязаніи (rex poeticus in convivio) награждался плющевымъ вѣнкомъ, короткими стихами, составленными самимъ Меланхтономъ, какъ отъ своего, такъ и отъ имени остальныхъ соучастниковъ. Другой ученикъ, царь дома или мальчиковъ (rex domus или puerorum), назначался Меланхтономъ по собственному его усмотрѣнію, а именно въ праздникъ Богоявленія, для поддержки порядка между домашними, для поощренія трудолюбія и зависящаго отъ того успѣха въ наукахъ и благонравіи. Для дальнѣйшаго научнаго и нравственнаго развитія онъ въ торжественныхъ случаяхъ устроивалъ сценическія представленія. Такія представленія въ школахъ во время Меланхтона состояли изъ нелѣпыхъ шутокъ и уродливыхъ произведеній драматическаго искусства. Потому изъ любви къ классической литературѣ онъ опять прибѣгнулъ къ драматическимъ твореніямъ Грековъ и Рим-

(*) Да снидетъ на эту пищу и эти дары твое благословеніе, Іисусе Христе, дабы маніемъ твоимъ оживились утомленныя тѣла; не одинъ только хлѣбъ поддерживаетъ жизнь въ бренномъ тѣлѣ, но и слово Твое можетъ продлить срокъ существованія.

(**) Послѣ трапезы утоливъ голодъ и отставивъ столы, возблагодаримъ Тебя, Отче Всевышній; эта пища не возстановила бы силъ въ человѣкѣ, если бъ не освящалась вліяніемъ божескимъ. Вѣдь волею Твоею живетъ все движущееся, Духомъ Твоимъ все дышетъ и крѣпнетъ. Теперь же надѣли пищей благодарныя сердца и насыти безсмертныя души. Вѣдь мы забота Твоя, Отецъ всеблагій, и да храни насъ, и управляй всѣми нашими дѣлами и всѣмъ бытіемъ, даровавъ намъ пищу, всеблагій Отецъ нашъ, по благости Твоей придай къ ней также и силы намъ.

лянъ, къ Эврипиду и Сенекѣ, къ комедіямъ Плавта, особенно же къ Теренцію, и давалъ ихъ для представленія своимъ ученикамъ. Меланхтонъ руководился при этомъ тѣмъ убѣжденіемъ, что такое изученіе и представленіе театральныхъ піесъ не только доставитъ учащейся молодежи большую пользу въ формальномъ отношеніи, но также что въ трагедіяхъ и комедіяхъ древнихъ Грековъ и Римлянъ содержится запасъ этическихъ элементовъ, который слѣдуетъ исчерпывать и примѣнять на пользу и утѣху какъ актеровъ (Actores), такъ и зрителей (Spectatores). Роли онъ раздавалъ пансіонерамъ, сообразуюсь съ ихъ способностями, и— мало по малу твердо заученныя наизустъ—онѣ разыгрывались безъ суфлера въ театральныхъ костюмахъ (in veste scenica). Все это завершалось большею частью веселою вечеринкой. Ибо и веселье также не исключалось изъ частной школы. Шутки были связаны съ дѣломъ, и повторявшіяся часто веселыя собранія не нарушали духа истиннаго благонравія.

Частная школа просуществовала лишь отъ 1519-го и почти до 1529-го г. Вслѣдствіе неблагопріятныхъ обстоятельствъ и бремени общественныхъ занятій она была закрыта Меланхтономъ. Однако вліяніе ея продлилось долѣе ея существованія, оттого что по ея образцу не только возникли другія частныя заведенія въ Виттембергѣ, но нѣкоторыя изъ учрежденій ея послужили также указаніями для общественныхъ школъ той эпохи.

Какъ частною школою, такъ же точно и своими лекціями и изданіемъ классиковъ и учебниковъ Меланхтонъ осуществилъ на дѣлѣ то, что во вступительной рѣчи „объ исправленіи юношескаго обученія“ (de corrigendis adolescentiae studiis) отъ 22-го августа 1518-го г. въ Виттенбергѣ выставилъ какъ свою программу,—а именно, формальнымъ и матеріальнымъ знаніемъ классической литературы возбудить и питать новыя стремленія и новую жизнь въ умахъ и сердцахъ молодежи. Въ началѣ этой рѣчи онъ сѣтуетъ на запущеніе и упадокъ всѣхъ наукъ въ Германіи. Начиная съ 800-го г. Германія всегда была „свѣдущѣе въ военномъ искусствѣ, нежели въ наукахъ“, и со временъ Карла Великаго и Алкуина Нѣмцами почти ничего не сдѣлано для науки. Схоластика изъ Шотландіи перешла во Францію, а оттуда въ Германію, и вотъ, исполняясь удивленія къ серафимскимъ и херувимскимъ докторамъ (doctores seraphici u cherubici), всѣ стали презирать классиковъ, и сочиненія ихъ потопили въ Летѣ. Признавали одного только Аристотеля, но увы, въ какомъ видѣ! Въ схоластическихъ переводахъ онъ былъ дотого „искаженъ и истерзанъ, что занимался даже гаданіемъ бѣснующейся Сивиллы“. Всѣ науки въ жалкомъ положеніи; юриспруденція, медицина, теологія въ упадкѣ; логика, физика и этика за-

глохли. Въ діалектикѣ преобладаетъ пустая болтовня; философствовать значитъ просто пустословить. Пренія о номинализмѣ и реализмѣ лишили эту полезную науку всякаго уваженія и довѣрія и возбудили только путаницу и разладъ. Необходимо поэтому по всѣмъ наукамъ возвратиться къ источникамъ. Гомеръ для Грековъ былъ „источникомъ всѣхъ познаній"; точно такъ же Виргилій и Горацій для Римлянъ. Правда, приверженцы стараго порядка поносятъ новый и думаютъ, что изученіе вновь расцвѣтающей литературы при большомъ трудѣ даетъ мало плодовъ. Праздные люди бросились де на все греческое изъ хвастовства; а еврейскій языкъ нововводителей не стоитъ вниманія; истинное ученіе гибнетъ отъ этого; философія покинута. Но отъ подобныхъ обвинителей, отъ этихъ псевдо-аристотелевскихъ софистовъ, отъ людей, составляющихъ прямую противоположность Сократу погибла истинная наука. Сократъ сказалъ: я знаю только то, что ничего не знаю. А тѣ люди, наоборотъ, не знаютъ одного только, а именно, что они ничего не знаютъ. При новой учебной системѣ учащимся слѣдуетъ давать подлиннаго Аристотеля въ оригиналѣ, Квинтиліана и Плинія, математику, поэтовъ, ораторовъ, историковъ и настоящую философію. Въ этихъ наукахъ нуждается какъ священникъ, такъ и правовѣдъ; первый обязанъ понимать поеврейски, а послѣдній погречески. Съ упадкомъ этихъ наукъ церковь также пришла въ упадокъ, и ее исказили человѣческіе примыслы.

Этихъ мыслей и идущихъ изъ нихъ дѣлъ Меланхтонъ твердо держался въ теченіе всей своей жизни. Лучшее „средство для возрожденія наукъ"—говоритъ онъ—есть основательное изученіе языковъ, при которомъ вѣрно и ясно постигается подлинникъ источниковъ и возвышаются хранящіяся въ нихъ научныя сокровища. Въ рѣчи „объ изученіи краснорѣчія" онъ совѣтуетъ читать древнихъ поэтовъ, историковъ, ораторовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ заняться письменными упражненіями въ прозѣ и стихахъ. Основательное точное знаніе латинскаго и греческаго языковъ, такъ чтобы ученый могъ „ясно, мѣтко и изящно" выражать свои мысли, а потому говорить и писать полатыни, и въ школахъ даже исключительно говорить на этомъ языкѣ, вотъ его идеалъ и его требованье. Отъ богослова же онъ особенно требуетъ знанія языка для пониманія Священнаго Писанія. Съ невѣжествомъ рука объ руку идетъ недобросовѣстность.—То же самое было основною мыслью произнесенной въ 1536-мъ г. рѣчи о философіи. Въ ней Меланхтонъ совѣтуетъ изучать не только языки, но также философію и другіе предметы, такъ какъ всѣ они служатъ для пользы и украшенія церкви. Невѣдѣнье помрачаетъ религію, ведетъ къ ужаснымъ расколамъ, къ варварству и разстройству человѣческаго

рода. Ненаучная теологія—одно изъ величайшихъ золъ, — это путаница ученій, такъ какъ важнѣйшее не ясно толкуется, и то что слѣдуетъ разъединять, перемѣшивается безъ разбора, а что, напротивъ того, по существу своему должно быть связано, то разрывается. Такое ученіе порождаетъ множество заблужденій, нескончаемые расколы, оттого что при этой путаницѣ одно и то же понимается однимъ такъ, а другимъ иначе. Такъ какъ каждый отстаиваетъ свои мнѣнія, то возникаютъ споры и распри. А совѣсть между тѣмъ предана сомнѣнію; эта мука сомнѣнія часто доводитъ до того, что начинаютъ отчаяваться во всякой религіи. Ученость, напротивъ того, потому уже полезна для церкви, что неучи оказываются болѣе наглыми и небрежными. Ученые, привыкши къ основательности, знаютъ де, какъ легко ошибиться; самый трудъ, полагаемый ими на изслѣдованья, порождаетъ въ нихъ скромность. Лишь истинно научный мужъ можетъ быть другомъ истины. — Эту мысль онъ поясняетъ далѣе въ сказанной въ 1535-мъ г. рѣчи о любви къ истинѣ (de amore veritatis). Чрезвычайно много, говоритъ онъ, зависитъ отъ того, чтобы человѣкъ смолоду питалъ сильную ненависть ко лжи и ко всѣмъ, принимающимъ на себя видъ мудрости. Слѣдуетъ всею душою стремиться единственно къ тому, чтобы добиться истины и излагать ее по возможности проще и яснѣе. „Софистика своими ложными ученіями навлекла религіозные расколы и войны. Люди, глумящіеся надъ истиною въ наукѣ, точно такъ же поступаютъ и съ откровеніемъ“.

Меланхтонъ былъ рожденъ педагогомъ. Онъ всегда былъ искреннимъ другомъ дѣтей. Разъ какой-то Французъ засталъ его сидящаго въ комнатѣ: одною рукою онъ заботливо качалъ колыбель, а въ другой держалъ книгу. Замѣтивъ удивленіе чужеземца, Меланхтонъ съ самою нѣжною любовью сталъ объяснять ему обязанности отца семейства и то, какъ Господь благоволитъ къ дѣтямъ. А въ письмѣ къ Спалатину отъ 1523-го г. онъ самъ заявляетъ о своемъ внутреннемъ призваніи быть наставникомъ юношества. Объяснивъ въ немъ свое желаніе быть уволеннымъ отъ теологическихъ лекцій тѣмъ, что онъ неспособенъ отправлять такую важную должность и потому, по поговоркѣ, чувствуетъ себя при этомъ какъ бы осломъ, носящимъ дары, да ктомужъ и безъ него уже такъ много теологическихъ прелекторовъ, что юношество скорѣе обременяется нежели обучается, онъ заключаетъ свое объясненіе словами: Postremo aptior fortasse fuerim ad docendas pueriles literas *). И тутъ также онъ показалъ себя образцомъ истинно научной

*) Можетъ быть впослѣдствіи я пригожусь болѣе для преподаванія наукъ ребятишкамъ..

скромности,—мужемъ, равнодушнымъ какъ къ хвалѣ, такъ и къ лести, никогда не домогавшимся ни почестей, ни славы, ни милости людской, имѣвшій право подъ конецъ своей жизни сказать: „по мѣрѣ данныхъ мнѣ отъ Бога силъ я въ моей учительской должности послужилъ научному обученію юношества и не гнался за блестящимъ именемъ въ этой школьной пыли". Онъ былъ любитель истины, стремившійся сочетать между собою ученія очищеннаго христіанства съ образовательными сокровищами древности и побудившій протестантизмъ вступить въ неразрывную связь со всѣми духовными, разумными, нравственными и эстетическими пріобрѣтеніями какъ стараго, такъ и новаго времени. Онъ былъ поборникъ духа, ратовавшій за истину и потому никогда не заканчивалъ, а напротивъ, постоянно стремился далѣе проникнуть въ глубь; вслѣдствіе этого онъ при жизни уже объявленъ былъ еретикомъ фанатиками неподвижнаго, коснаго догмата и то и дѣло осуждался буквоѣдами всѣхъ эпохъ; такъ въ началѣ 17-го столѣтія Леонгартъ Гуттеръ въ Виттенбергѣ воздвигъ себѣ геростратовскій памятникъ тѣмъ, что на публичномъ диспутѣ, когда сослались на авторитетъ Меланхтона, сорвалъ въ ярости висѣвшій на стѣнѣ портретъ его и при всѣхъ истопталъ ногами,—точно также въ 18-мъ столѣтіи изваянный Лессингомъ на камнѣ, какъ образецъ всѣхъ фанатиковъ, главный пасторъ Гётце въ Гамбургѣ, нападками на Меланхтона вполнѣ выказалъ свою ревность въ качествѣ протестантскаго инквизитора. Онъ былъ и есть наставникъ Германіи, какъ по едва ли кѣмъ досягаемому объему своего знанія, такъ и по вліянію, простиравшемуся благодаря его методу и его учебникамъ на два столѣтія,—какъ по глубоко философскому пошибу его духа, вслѣдствіе чего онъ пытался разнороднѣйшія знанія связать въ одно гармоническое цѣлое, такъ и по высокой цѣли своихъ стремленій, для которой наука была лишь средствомъ постичь человѣческую жизнь въ ея самыхъ разнообразныхъ условіяхъ и воздѣйствовать на послѣднюю въ большихъ размѣрахъ.—Меланхтонъ кончилъ свою богатую жизнь 19-го апрѣля 1500-го г. Единственною до конца занимавшею заботою его было жалкое состояніе церкви. Во мнѣ нѣтъ никакой скорби, говорилъ онъ зятю своему, врачу Пейцеру, у меня одна только забота, чтобы была единая церковь во Христѣ. Потому онъ, вздыхая, по нѣскольку разъ повторялъ слова Писанія: Да будутъ они одно, какъ и мы одно. Когда въ послѣднія мгновенія Пейцеръ спрашивалъ, не желаетъ ли онъ еще чего, то Меланхтонъ отвѣчалъ: „Ничего кромѣ неба." Когда онъ скончался, то на рабочемъ столѣ его нашли листъ бумаги, на которомъ было написано, почему онъ не боится смерти: Discedes a peccatis, liberaberis ab aerumnis et a rabie theologorum, ve-

nies in lucem, videbis Deum, intueberis filium Dei, disces illa mira arcana, quae in hac vita intelligere non potuisti, cur sic simus conditi, quae sit copulatio duarum naturarum in Christo (*).

Вмѣстѣ съ Меланхтономъ замѣчательнѣйшимъ изъ мужей, окружавшихъ реформатора Лютера и своею разумною и обширною дѣятельностью болѣе всѣхъ оказавшій услуги церковному и учебному дѣлу въ Германіи былъ

Іоаннъ Бугенгагенъ.

Онъ родился въ 1485-мъ г. въ Воллинѣ, что въ Помераніи, обучался въ своемъ родномъ городѣ и въ Штеттинѣ, потомъ, изучивъ основательнѣе въ Грейфсвальдскомъ университетѣ философію, теологію и сверхъ того классиковъ, онъ въ 1503-мъ г. уже сдѣлался руководителемъ школы въ Трептовѣ на р. Регѣ, а въ 1517-мъ г. былъ приглашенъ въ учрежденную настоятелемъ бельбухскимъ, Іоанномъ Больдуаномъ, коллегію (Collegium Presbyterorum s. Sacerdotum) въ качествѣ толкователя Священнаго Писанія; но вслѣдствіе Лютерова сочиненія „о Вавилонскомъ плѣненіи" онъ до того увлекся новою истиной, что поспѣшилъ въ Виттенбергъ, и 29-го апрѣля 1521-го г. приписался къ тамошнему университету въ качествѣ академическаго гражданина. Съ этихъ поръ началась его реформаторская дѣятельность. Ставъ вскорѣ вѣрнымъ и искреннимъ другомъ Меланхтона и Лютера, онъ сдѣлался профессоромъ теологіи, а въ 1523-мъ г. также пасторомъ въ приходской церкви въ Виттенбергѣ. Здѣсь онъ заявилъ себя мужемъ, не только одареннымъ основательною ученостью и чрезвычайнымъ остроуміемъ, но и обладавшимъ, при глубокомъ пониманіи потребностей народной жизни, также даромъ „создать сообразно съ особыми условіями и при всемъ томъ вполнѣ въ духѣ евангелія новый строй жизни, въ которомъ воспитаніе и наставленіе юношества получили весьма широкое значеніе, подготовлявшее твердыя основы для дальнѣйшаго развитія".

Этотъ свой даръ проявилъ онъ самымъ блестящимъ образомъ, когда въ тотъ же годъ при его содѣйствіи въ Саксоніи введена была великая церковная визитація, при чемъ совѣтомъ и большою частью брауншвейгскихъ гражданъ онъ избранъ былъ для устройства церкви: Бугенгагенъ завершилъ тутъ свою дѣятельность, издавъ Брауншвейгскій

(*) Ты удалишься отъ грѣховъ, освободишься отъ скорбей и отъ гнѣва богослововъ, выйдешь на свѣтъ, увидишь Бога, узришь сына Божія, постигнешь дивныя таинства, которыхъ не могъ понять въ этой жизни, для чего мы созданы такими именно какъ есть и какъ слиты во Христѣ два естества.

церковной уставъ. Онъ вмѣнилъ въ обязанность христіанское воспитаніе юношества и слѣдовательно заведеніе школъ, связавъ это съ крещеніемъ, получающимъ все свое значеніе лишь вслѣдствіе соединеннаго съ нимъ христіанскаго обученія. „Потому прежде всего необходимо устроить хорошія школы и для этого назначить при окладѣ честныхъ, добросовѣстныхъ магистровъ и помощниковъ, во славу Всемогущаго Бога, на пользу юношества и въ угоду всему городу, чтобы бѣдные неграмотные молодые люди хорошо тамъ воспитались и обучились десяти заповѣдямъ, сvмволу вѣры и Отче нашъ. Слѣдуетъ также учить ихъ пѣть латинскіе псалмы; при томъ еще наукамъ, такъ чтобы они не только понимали все это, но сверхъ того, чтобы со временемъ оттуда выходили хорошіе учителя, проповѣдники, правовѣды, врачи, благочестивые, скромные, честные, правдивые, покорные, радушные, ученые, миролюбивые, не буйные, но бодрые граждане, которые потомъ и дѣтей своихъ воспитали бы къ лучшему, а впослѣдствіи также и внучатъ“. Вся духовная жизнь должна подлежать „суператтенденту“, который помимо проповѣдей обязанъ еще читать латинскія лекціи для ученыхъ, а сверхъ того наблюдать за ученіемъ, дисциплиной, школами и церковнымъ имуществомъ; при немъ долженъ состоять адьюторъ. Для мужскаго пола надлежитъ устроить двѣ „латинскія школы“ съ тремя классами и съ тремя или четырьмя учителями въ каждой. При латинскихъ школахъ должны состоять двѣ „нѣмецкія“ для мальчиковъ и четыре „для дѣвицъ“: главнымъ предметомъ въ нихъ должно быть преподаваніе катехизиса вмѣстѣ съ обученіемъ пѣнію. Бѣднымъ надо облегчить по возможности доступъ въ заведенія, но отнюдь не допускать негодныхъ закоулочныхъ школъ.

Пока онъ еще занятъ былъ устройствомъ дѣлъ въ Брауншвейгѣ, гамбургскій магистратъ испросилъ у саксонскаго курфюрста отпускъ для Бугенгагена, съ тѣмъ чтобы онъ и у нихъ также привелъ въ порядокъ церковныя дѣла. Въ 1528-мъ г. онъ отправился въ Гамбургъ, урядилъ тамошнія отношенія и передалъ въ 1529-мъ г. магистрату церковный уставъ для Гамбурга, въ которомъ повторяются главныя черты брауншвейгскаго устава, но приводятся нѣкоторыя особенности относительно учебной системы. Въ открытой въ Іоанновомъ монастырѣ латинской школѣ (такъ наз. Іоаннеумѣ) предполагалось пять классовъ (Іоса) съ семью учителями, обязанными вести латинское преподаваніе до того, чтобы въ четвертомъ классѣ, считая съ низшаго, умѣли читать Виргилія и метаморфозы Овидія, притомъ книги Цицерона о должностяхъ и его письма, а въ пятомъ—обучались бы діалектикѣ и риторики, первоначальнымъ основаніямъ математики и греческой литературы и еврейской азбукѣ. Въ середу до обѣда

предписывались репетиціи по всѣмъ классамъ; а суббота назначалась для изученія катехизиса; обученіе пѣнью имѣло особенною цѣлью церковное богослуженіе и должно было доходить до совершенства. По четыре раза въ недѣлю Суператтендентъ и его помощникъ, также другіе священники, если окажутся способными, ректоръ и субректоръ школы, два юриста, медикъ и хирургъ обязаны читать публичныя лекціи.

Только что Бугенгагенъ возвратился изъ Гамбурга въ Виттенбергъ, какъ вызванъ былъ въ Любекъ, гдѣ учинилъ подобную же организацію училищъ и гдѣ въ 1537-мъ г. при Екатерининскомъ монастырѣ уже открыта была латинская школа. Послѣ этого наступилъ короткій отдыхъ, во время котораго онъ лишь издали помогъ бременскому магистрату устроить церковныя дѣла въ Бременѣ; затѣмъ въ 1535-мъ г. Бугенгагенъ отправился въ Померанію, гдѣ его церковная и школьная организаціи встрѣтили сильное противодѣйствіе и гдѣ по винѣ дворянства онъ относительно школъ едва успѣлъ постановить, чтобы устройство ихъ было предоставлено городамъ, чтобы грейфсвальдскій университетъ ограничился пока восемью преподавателями (четыре профессора искусства, два теолога и два юриста), и чтобы въ маленькихъ городахъ одно и то же лицо могло занимать мѣсто шульмейстера и городского писца. Въ 1537-мъ г. онъ по приглашенію Христіана III отправился въ Данію, гдѣ составилъ церковный уставъ для Даніи, Норвегіи, Шлезвига и Голштиніи, организовалъ копенгагенскій университетъ, самъ прочелъ въ немъ нѣсколько лекцій и въ теченіи одного полугодія занималъ даже должность ректора, ввелъ нѣкоторыя улучшенія въ латинскихъ учебныхъ заведеніяхъ и учредилъ въ Шлезвигъ-Голштиніи школы изъ 5-ти отдѣленій во всѣхъ городахъ и мѣстечкахъ, но нигдѣ не допускалъ закоулочныхъ училищъ.

Въ 1542-мъ г. Бугенгагенъ находится въ Браунщвейгъ-Вольфенбюттельскомъ герцогствѣ и составляетъ для него церковный уставъ, въ которомъ забота его о распространеніи учебной системы простирается также и на сельскихъ жителей: „Въ деревняхъ кистеръ обязанъ содержать хотя маленькую школу, въ городахъ имъ тоже можно воспользоваться для низшаго обученія, и въ этой должности онъ подчиняется въ такомъ случаѣ шульмейстеру". Преподаваніе латинскаго языка въ этомъ церковномъ уставѣ распредѣлено въ точности. Тутъ въ первомъ классѣ, начиная съ низшаго, обучаютъ чтенію латинскихъ энхиридій, въ которыхъ изложены 10 заповѣдей, Отче нашъ, Символъ вѣры и все, что относится къ катехизису; потомъ учениковъ слѣдуетъ упражнять въ Донатѣ и Катонѣ, а окончивъ эти книги, повторять ихъ всякій разъ сначала; при этомъ ежедневно по вечерамъ задаются по 2 вокабулы съ ихъ нѣ-

мецкимъ значеніемъ. Во 2-мъ классѣ приступаютъ къ грамматикѣ Филиппа, переводятъ на нѣмецкое Езопа, упражняются при этомъ въ склоненіяхъ и спряженіяхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ изучаютъ педагогію Мозеллана и лучшіе разговоры Эразма; по вечерамъ ученикамъ этого класса, умѣющимъ уже писать орѳографически вѣрно, задается латинскій текстъ на домъ, а на слѣдующее утро они обязаны сказать его наизустъ. Третій классъ переходитъ къ синтаксису, читаетъ Теренція и отрывки изъ Плавта, также избранныя письма Цицерона; по одному разу въ недѣлю пишутъ на заданныя темы стихи и письма. Четвертый классъ занимается болѣе всего Виргиліемъ, изъ котораго иногда говорятся заученные наизустъ отрывки; читаются однако также метаморфозы Овидія и „о должностяхъ" Цицерона; съ чтеніемъ связано объясненіе конструкцій и риторическія фигуры, къ чему примыкаютъ діалектика и риторика.

Организовавъ затѣмъ еще церкви въ Гильдесгеймѣ, Бугенгагенъ возвратился въ Виттенбергъ и съ этихъ поръ ревностно исполнялъ обѣ должности свои при университетѣ и въ приходѣ, находясь въ искреннемъ согласіи съ своими теологическими и реформатскими друзьями.

Вскорѣ затѣмъ лишился онъ Лютера, съ которымъ жилъ душа въ душу: онъ былъ его духовникомъ, благословилъ его на бракъ съ Екатериною фонъ-Бора, ухаживалъ за нимъ во время болѣзни и утѣшалъ его въ дни скорби, тогда какъ Лютеръ во время частыхъ продолжительныхъ отлучекъ Бугенгагена принималъ на себя его пастырскую должность и проповѣди, и шутя называлъ себя подставнымъ и подпасторомъ Бугенгагена; это были двѣ истыя нѣмецкія натуры, строго и глубоко вникавшія въ жизнь, и при всемъ томъ, твердо уповая на Бога, даже въ дни скорби сохранявшія душевную бодрость. Тотчасъ же по смерти Лютера разразилась внѣшняя война и внутренняя борьба въ церкви. Бугенгагенъ писалъ потомъ въ 1547-мъ году герцогу Альбрехту Прусскому: „Царство Христово хотятъ попрать коварствомъ, злорѣчіемъ и силою. Мы взываемъ здѣсь съ нашими дѣтьми втайнѣ и всенародно въ нашихъ церквахъ и проповѣдяхъ, и молимъ Небо во имя Христа, да умилосердится надъ нами Богъ и да не поступитъ съ нами по грѣхамъ нашимъ, а ради имени своего: Сохрани насъ, Господи при словѣ Твоемъ и останови убійства папъ и турокъ". Въ 1558-мъ г. умеръ этотъ неутомимо дѣятельный мужъ,—соединившій въ себѣ съ богатымъ запасомъ теологическаго и филологическаго знанія глубокое религіозное чувство,—приравниваемый Лютеромъ Амвросію, а другими прославляемый какъ апостолъ; Бугенгагенъ, говоритъ Меланхтонъ, нашъ грамматикъ, —діалектикъ, Іонасъ—ораторъ, а Лютеръ все во всемъ. Прямота и честность его нрава и

необычайная способность найтись въ самыхъ запутанныхъ обстоятельствахъ жизни, легко и пріятно вращаться межъ личностями всякаго званія доставили ему любовь и уваженіе знатныхъ и простолюдинъ. На каѳедрѣ онъ привлекалъ религіознымъ содержаніемъ своей рѣчи и простымъ, искреннимъ, хотя и неизысканнымъ, дюжимъ изложеніемъ. Онъ оказалъ еще особую услугу своею передачею библіи по Лютерову переводу на нижнегерманское нарѣчіе, сдѣлавъ такимъ образомъ Священное Писаніе народною книгою также и въ нижнегерманскихъ краяхъ. Его педагогическую дѣятельность Кеммель совмѣстилъ въ слѣдующихъ 10 пунктахъ: 1) предписаніе родителямъ и начальству о христіанскомъ воспитаніи дѣтей, какъ обязанности заповѣданной Богомъ и принятой на себя при ихъ крещеніи; 2) указаніе на важность учебныхъ заведеній какъ для духовнаго, такъ и для мірскаго управленія, а потому и требованье, чтобы вездѣ учреждались школы; 3) заложеніе всеобщаго, охватывающаго также и сёла, народнаго обученія подъ строгимъ надзоромъ духовенства и начальства; 4) поощреніе пользоваться способными учителями для дальнѣйшаго образованія взрослыхъ членовъ общины при посредствѣ лекцій; 5) попеченіе о дѣльныхъ учителяхъ, о надлежащемъ окладѣ и обезпеченіи ихъ, и на оборотъ, строгое преслѣдованье дурныхъ учителей и уничтоженіе закоулочныхъ школъ; 6) введеніе умѣренной платы за школу, но вмѣстѣ съ тѣмъ благодушное увѣщаніе щадить бѣдныхъ; 7) въ латинскихъ школахъ главное дѣло латынь при весьма скудномъ лишь соучастіи греческаго и еврейскаго; а въ отношеніи первой опять-таки требованье постоянныхъ упражненій (заучиванье на память отрывковъ, сочиненіе писемъ и стиховъ, также школьныхъ комедій); 8) обученіе слову Божію, отлагаемое до субботы, въ тѣсной связи съ церковнымъ преподаваніемъ; 9) попеченіе о церковномъ пѣніи и учрежденіе пѣвческихъ хоровъ для церковной службы; 10) выборъ способныхъ къ ученью студентовъ и поддержка ихъ стипендіями. Завѣтнымъ изреченіемъ его жизни было:

Si Iesum bene scis, satis est, si cetera nescis,
Si Iesum nescis, nil est, quod cetera discis. *)

---

*) Если ты хорошо позналъ Іисуса, то этого достаточно, хотя бы ты и не зналъ остальнаго; если же Іисуса не знаешь, то ничего не стоитъ все остальное знаніе.

5.

Цвингли и Кальвинъ.

Христіанство—это религіозно-нравственная сущность жизни человѣческой. Католицизмъ былъ исключительно религіознымъ христіанствомъ и потому онъ оледенѣлъ какъ церковь исключительно духовенства. Нравственный моментъ въ немъ совершенно утратился. Поэтому реформаціи предстояло въ самомъ корнѣ взяться за религіозно-нравственную сущность, за всецѣлое христіанство. Безъ возрожденія благочестія изъ его глубочайшей, изъ его религіозной основы, нравственное христіанство не могло породить истинно христіанскую нравственность, а вновь возрожденное благочестіе не могло по истинѣ развиться безъ нравственнаго направленія, оттого что лишено было почвы: потому-то реформація и должна была возникнуть съ этихъ двухъ сторонъ. Она возникла съ нравственной стороны въ Швейцаріи, а съ религіозной въ Саксоніи. Подвигъ Лютера былъ и есть по преимуществу религіозный. У него все зависитъ отъ единенія благочестивой души съ Богомъ. Исходя отъ живого чувства человѣческой грѣховности и жажды спасенія, онъ путемъ вѣры достигаемое блаженство ставитъ себѣ цѣлью, къ которой стремится и въ которой вполнѣ устокоивается; но онъ, а съ нимъ вмѣстѣ и церковь его, весьма мало напротивъ заинтересованы тѣмъ, что проистекаетъ отъ спасительной вѣры и поэтому добровольно уступаетъ начальству церковное управленіе. Реформатская же церковь, наоборотъ, домогается, правда, и даже весьма ревностно, блаженства, но только независимо отъ всякаго церковнаго авторитета, единственно путемъ вѣры, и точно также прямо въ искренности религіознаго сознанія, ищетъ залогъ милосердія Божія и своего спасенья; однако эта увѣренность въ блаженствѣ не есть цѣль, къ которой стремится религіозная жизнь, а лишь безусловное предположеніе, съ котораго она начинаетъ. Опираясь на это предположеніе и съ нимъ неразлучно она потомъ энергически обращается къ дѣятельности, которою и проявляется вѣрованіе какъ единичнаго лица, такъ и всей общины. Реформатская церковь—какъ мѣтко выражается Целлеръ—не успокоивается на внутреннемъ вѣрованіи своихъ членовъ и на свободномъ проявленіи его въ христіанскихъ дѣлахъ; напротивъ, она считаетъ своею задачею добиться практической власти, независимо отъ чуждаго вліянія, самой устроить свои дѣла и посредствомъ церковной дисциплины и уставовъ побуждать своихъ сочленовъ къ христіанской жизни. Центръ тяжести реформатовъ находится въ нравственной жизни, но не въ отдѣляющей отъ себя рели-

гію и благочестіе, а напротивъ въ нравственности, основанной на благочестіи, упованіи на Бога и на неколебимости вѣрующей души.

Реформація возстала прямо противъ католицизма, какъ противъ односторонне-религіозной церкви: оттого-то лютеранская реформація, какъ историческій моментъ той эпохи, имѣла болѣе сильное и болѣе широкое вліяніе нежели реформатская; на сторонѣ первой была мощь воодушевленія. Другой же реформаціи, наоборотъ, по сущности ея свойственна была бо́льшая трезвость; она поэтому дѣйствовала лишь медленно, но устойчиво, и ей принадлежала будущность. Лютеранство имѣло существенно и болѣе всего въ виду церковь и ея догматы, богослуженіе и таинства, т. е. объективное; а цвингліанизмъ и кальвинизмъ существенно и попреимуществу основаны на внутренней вѣрѣ, они субъективны и практически дѣятельны. Лютеръ—теологъ до мозга костей и такова же его церковь: она церковь теологическая. Цвингли—христіанствомъ носимый гуманистъ, такова же и его реформатская церковь: она церковь христіанской гуманности; тогда какъ лютеранская, лишенная развитія, твердѣла и твердѣетъ въ коснѣющемъ правовѣріи, въ то же время реформатская церковь, съ безпощадною, вполнѣ убѣжденною и до страстности порывистою практическою энергіею, создала себѣ общинную жизнь, и въ своемъ религіозномъ міросозерцаніи, путемъ науки и жизни, то и дѣло развивала и оплодотворяла догматъ. Герои и основатели этой реформатской церкви, равные по значенію Лютеру и Меланхтону, были Цвингли и Кальвинъ.

Ульрихъ Цвингли родился 1-го января 1481 г. въ Вильдгаузенѣ при Боденскомъ озерѣ, и ребенкомъ воспитался раздающеюся въ горной странѣ величавою рѣчью Бога. Подъ этими высями, гдѣ близъ неба съ такою мощью гласитъ небесное и божественное, гдѣ отъ ущелья къ ущелью, грохоча, перекатываетъ громъ, возглашая: „Я Богъ Всемогущій, гряди передо Мною и будь благочестивъ“, гдѣ на разсвѣтѣ, когда ледяныя горы рдѣютъ отъ свѣта Божія, Предвѣчный какъ-бы ступаетъ по земнымъ высямъ,—тамъ-то въ отрокѣ пробудилось чаянье о величіи и могуществѣ Божіемъ, исполненный которымъ онъ впослѣдствіи началъ борьбу свѣта противъ царства тьмы. Въ школѣ въ Базелѣ онъ вскорѣ превзошелъ всѣхъ своихъ сотоварищей, особенно въ діалектикѣ, а въ Бернѣ, при помощи Генриха Вёльфлина (Lupulus) ознакомился съ латинскими ораторами и поэтами; въ Вѣнскомъ университетѣ онъ пріобрѣлъ потомъ богатый запасъ знанія и тщательно изучилъ философію въ Базелѣ, тогдашнемъ научномъ средоточіи Швейцаріи, гдѣ въ то же время былъ самъ преподавателемъ въ школѣ св. Мартина. Съ дѣльными занятіями, пишетъ Миконіусъ,

онъ соединялъ остроуміе и шутку въ дружескомъ кружкѣ; потому что былъ веселаго нрава, и разговоры его отличались чрезвычайнымъ умомъ и интересомъ. Окончивъ свое ученіе, онъ избранъ былъ въ священники въ Гларусѣ, гдѣ и прославился какъ библейскимъ содержаніемъ, такъ и искренностью своихъ проповѣдей. Призванный барономъ Герольдсеккомъ въ качествѣ священника въ Эйнзидельнъ, онъ не только продолжалъ свои учебныя занятія, но также и въ проповѣдяхъ своихъ все открытѣе возставалъ противъ злоупотребленій церкви, и наконецъ, въ 1518-мъ г., возмущенный нахальствомъ продавца индульгенціи Бернгарда Самсона, вступилъ въ открытую борьбу съ папствомъ. „Слово Божіе—единственно достовѣрный путеводитель какъ въ вѣрѣ, такъ и въ жизни". „Христосъ—одно наше спасенье". „Божіе имя болѣе всего прославляется тогда, когда наше имя поносится людьми; если тѣло погибаетъ, то Онъ одаритъ душу вѣчною жизнью". Съ такими мыслями Цвингли вышелъ на поприще борьбы. Онъ былъ приглашенъ въ Цюрихъ, откуда далеко разносилась проповѣдь его; городской магистратъ до того былъ возбужденъ ею, что уже въ 1520-мъ г. указомъ предписалъ священникамъ, духовникамъ и проповѣдникамъ въ городахъ и селахъ, свободно и вездѣ одинаково, согласно съ духомъ Божіимъ и подлиннымъ священнымъ Писаніемъ обоихъ завѣтовъ, проповѣдывать святое Евангеліе и посланія святыхъ апостоловъ, возвѣщать и внушать лишь то, что могутъ они доказать и подтвердить сказанными Писаніями.

Религіозную отвагу и силу свою Цвингли черпалъ изъ своего воззрѣнія на Божію сущность. Богъ, по мнѣнію его, безусловный духъ: Онъ даровалъ бытіе всѣмъ вещамъ, и такъ какъ Онъ могъ дать имъ его лишь изъ своего собственнаго, то Богу и слѣдуетъ приписать безконечное бытіе. Итакъ, Богъ—безусловное бытіе, но также и безконечная причина, и притомъ причина всякаго блага для человѣка. Онъ — всякое бытіе, всякое благо, всякая истина. Все сущее существуетъ не только чрезъ Него, но также и въ Немъ, короче—Онъ—все самъ. Онъ сущность всего дѣйствительнаго, бытіе всякаго бытія, бытіе всѣхъ предметовъ, источникъ и вещество ихъ. И такъ какъ все существуетъ лишь въ Богѣ и чрезъ Него, то Богъ единственная причина всего, а всякія конечныя причины суть простыя посредницы, онѣ лишь несамостоятельные органы безконечнаго духа. Мы говоримъ обыкновенно, будто звѣзды изливаютъ свѣтъ, будто земля производитъ траву и быліе и т. п.; по истинѣ одинъ лишь Богъ свѣтитъ въ звѣздахъ и дѣйствуетъ въ стихіяхъ. Вся природа—только проявленіе силы Божіей, она по своей сущности не что иное какъ непрерывное созиданіе и дѣйствіе Божье. Если же Богъ—высшее благо, если наше бытіе и всѣ наши силы происходятъ отъ Него,

то можемъ ли сомнѣваться въ томъ, что и дѣйствія этихъ силъ проистекаютъ отъ Него же? Можно ли вѣрить, что Богъ хотя и предвидитъ все, но не имѣетъ власти урядить все напередъ? Мы лишь орудія въ десницѣ Его; все, что мы дѣлаемъ, въ концѣ концовъ Его дѣло, и объ иной свободѣ, которая не была бы зависимою отъ Бога, не можетъ быть и рѣчи.—Итакъ, для Цвингли религіозное состояніе не что иное, какъ жизнь въ Богѣ; вѣра не что иное, какъ бракъ души съ Богомъ; помазанье Святымъ Духомъ значитъ, чтобы Богъ духомъ Своимъ внутренне увѣрилъ насъ, что человѣкъ будетъ божескимъ существомъ. Потому-то именно вѣра сама по себѣ есть непосредственно подвизающееся побужденіе. Человѣкъ — такъ Целлеръ мѣтко выражаетъ взглядъ Цвингли—побуждается духомъ, какъ безусловно господствующею надъ нимъ властью; причину такого состоянія своего, точно такъ же какъ и ручательство въ его истинѣ и прочности, онъ долженъ искать—не въ самомъ себѣ, ни во внѣшнихъ средствахъ, а только въ Богѣ, какъ въ единственной, безусловной причинности; безусловная вѣрность благочестиваго самосознанія можетъ отразиться для него лишь въ убѣжденіи объ его личномъ призывѣ или выборѣ; если поэтому онъ поразмыслитъ о причинѣ и содержаніи своей вѣры, то настоящимъ предметомъ ея окажется божественное предопредѣленіе такого выбора; предъ этою безусловною религіозною причиною всякое конечное посредничество вѣры, какъ въ человѣкѣ, такъ и внѣ его, лишается своего значенія; тѣмъ еще безусловнѣе напротивъ того, побужденіе и сила религіознаго дѣйствія, которое, опираясь на всемогущую волю Божію, не отступаетъ ни передъ какимъ конечнымъ препятствіемъ.—Вотъ источникъ непосредственно духовнаго соотношенія Цвингли съ Богомъ въ молитвѣ: „Я знаю, Господи, Ты поддержишь Твою славу, правду и истину, какъ бы ни свирѣпствовали и ни бѣсновались враги. Я знаю, Ты подашь мнѣ, слугѣ Твоему, руку помощи. И хотя бы жизни моей грозила опасность и я погибну, но все-таки не сомнѣваюсь, Ты и по смерти моей довершишь Твое дѣло, да восторжествуетъ всюду имя Твое“.

Вотъ что было причиною мужества, съ какимъ выступилъ Цвингли. Извнѣ его подкрѣплялъ вдохновенный кружокъ друзей истины,—малорослый, любвеобильный, но мужественный Леонъ Іудэ, ученый и благородный священникъ Энгельгардтъ, осторожный и кроткій Комтуръ Шмидтъ и пр. Съ ними совѣщался онъ о важныхъ вопросахъ Евангелія, и поучался отъ нихъ, оставляя въ сторонѣ всякія личныя отношенія.

„По моему мнѣнію, истина для человѣческой души то же, что солнце для міра. Вездѣ, гдѣ всходитъ оно, мы радостно привѣтствуемъ его и бодро принимаемся за дѣло. Точно

также и душа наслаждается въ свѣтѣ истины, откуда бы она ни свѣтила ей. Какъ для міра нѣтъ ничего желаннѣе солнца, такъ и для души ничто не можетъ быть пріятнѣе, дороже и выше истины". Чтобы достичь этой истины, онъ отъ личныхъ и письменныхъ сношеній съ своими друзьями переходилъ къ святымъ и великимъ мужамъ прошедшаго, просвѣщеннымъ Богомъ, дабы возвѣщать вѣчную истину. Кто хочетъ вѣрно понять Священное Писаніе, тотъ долженъ хорошо освоиться какъ съ языками, на которыхъ оно первоначально сочинено, такъ и съ условіями и воззрѣніями эпохи, въ которую оно писано: исходя отъ такой мысли, Цвингли изучалъ Новый Завѣтъ въ подлинникѣ, а такъ какъ при изученіи Ветхаго его не удовлетворяли ни вульгата, ни переводъ семидесяти толковниковъ, то онъ въ самый разгаръ своей реформаторской дѣятельности рѣшился изучить еще еврейскій языкъ. „Потому что незнаніе еврейскихъ оборотовъ рѣчи—говоритъ онъ въ предисловіи къ своему толкованію пророка Исаіи—относительно многихъ мѣстъ Писанія подало поводъ къ ложному пониманію и объясненію; не только у тѣхъ неучей и наглецовъ, которые тѣмъ неуступчивѣе во всѣхъ своихъ приговорахъ, чѣмъ менѣе знакомы съ древностью, но даже у ученыхъ и благочестивыхъ людей". При свѣтѣ вѣры, воспылавшей въ душѣ его отъ писаній пророковъ и апостоловъ, передъ духовнымъ его взоромъ развернулись въ полномъ блескѣ также художественныя красоты Грековъ и Римлянъ. Онъ чаялъ видѣть въ нихъ слѣды божественнаго откровенія, дарованнаго имъ Божьимъ милосердіемъ. „Религія, говоритъ онъ, не ограничивается одними лишь рубежами Палестины, ибо Богъ создалъ не одну эту землю, но и весь міръ. Такъ и животворящая и просвѣщающая сила Его Духа дѣйствуетъ всюду. Все божественно, что истинно, свято и непреложно; ибо непреложенъ одинъ Богъ. Итакъ, кто говоритъ истину, тотъ говоритъ отъ Бога и просвѣщенъ Богомъ. Потому-то я смѣло называю божественнымъ даже и то, что заимствовано отъ язычниковъ, лишь бы оно было свято, направлено къ благочестію и неоспоримо. Потому что все это необходимо происходитъ отъ одного лишь Бога, откуда и отъ кого оно непосредственно ни дошло бъ до насъ. Если я поэтому ссылаюсь иногда на библейское свидѣтельство, то это нисколько не пугаетъ меня, хотя бы и осуждали за то люди, не понимающіе, что всякое писаніе имѣетъ право называться священнымъ, если оно возвѣщаетъ волю и мысль святаго, чистаго, вѣчнаго и непреложнаго Духа. Итакъ, если у Платона или Пиѳагора ты найдешь иное, что по твоему соображенію вытекаетъ изъ источника божественнаго Духа, то не долженъ пренебрегать этимъ, потому только, что оно писано смертнымъ;

напротивъ, старайся тѣмъ еще болѣе освоиться съ божествомъ, чтобы все яснѣе и яснѣе созерцать свѣтъ истины, такъ какъ мы видимъ, что даже не дерзавшіе явно исповѣдывать вѣру въ единаго Бога все-таки носили Его въ своей душѣ. Гдѣ бы ни проявилась эта вѣра, вездѣ она отъ Бога, если-бъ даже человѣкъ жилъ между звѣрьми. Я привожу слова Сенеки и Платона, оттого что они черпали изъ источника божеской истины. И въ самомъ дѣлѣ, мы, не обращая вниманія на то, кто говоритъ или пишетъ иное, а лишь на то, что оно значитъ, охотно заимствуемъ истину даже отъ язычниковъ, такъ какъ мы знаемъ, что всякая истина отъ Бога, кѣмъ бы она ни была открыта".

Пытливый умъ Цвингли кромѣ классиковъ, добивался истины еще во всеобщей, особенно въ отечественной исторіи и вмѣстѣ съ тѣмъ въ лѣтописяхъ христіанской церкви. Онъ и тутъ также обратился къ надежнымъ источникамъ и этимъ путемъ обогатился запасомъ достовѣрныхъ историческихъ свѣдѣній. Кромѣ изученія всемірной исторіи онъ занимался еще естественными науками, стремясь при посредствѣ ихъ постичь Творца вселенной. „Кто, пишетъ онъ, умомъ своимъ восходитъ отъ видимыхъ вещей къ созерцанію невидимаго божества, тотъ совершаетъ благое дѣло, достойное Господа и самого себя, не безъ просвѣщенія отъ Бога". „Не возвѣщаютъ ли даже и животныя изъ рода мышей о мудрости и предвѣдѣніи Господа? Когда ежъ такъ искусно перетаскиваетъ въ свою нору кучу плодовъ, перекатываясь на нихъ и такимъ образомъ натыкая ихъ на свои иглы? Или когда сурокъ выставляетъ на возвышеніи сторожа, чтобы онъ своимъ свистомъ во̀-время предупредилъ объ опасности разбредшихся и занятыхъ работой товарищей, а остальные между тѣмъ всюду собираютъ мягкое сѣно и служатъ другъ другу повозкой, причемъ одинъ изъ нихъ ложится на спину, схватываетъ и держитъ лапками сѣно, наваленное ему на животъ и на грудь, другой же берется за хвостъ своего обращеннаго такимъ образомъ въ повозку товарища и тащитъ его въ нору, съ тѣмъ, чтобы за тѣмъ предаться спячкѣ въ суровую зиму? Какой голосъ, какая рѣчь въ состояніи такъ высоко прославить мудрость Божью, какъ эти звѣри? Не свидѣтельствуютъ ли даже безчувственные предметы и существа о томъ, что и имъ также постоянно присущи могущество, милосердіе и животворная сила Господа? Земля напр., эта всепитающая кормилица никогда не скрываетъ неумолимо своихъ богатыхъ запасовъ. Роса, дождь, рѣки оживляютъ, орошаютъ и освѣжаютъ все. А горы, эти тяжелыя, грубыя, неподвижныя громады, дающія землѣ устой и крѣпость, словно кости мясу,—не говорятъ ли онѣ о ненарушимомъ могуществѣ Божіемъ и о всемъ значеніи Его дивнаго величія? Итакъ, въ этихъ предметахъ мы усматриваемъ

присутствіе Божьей силы, сообщающей имъ существованіе, жизнь и движеніе, точно такъ же, какъ и въ самомъ человѣкѣ“. Цвингли любилъ также музыку. Уже въ школѣ въ Базелѣ музыкальныя дарованія его возбуждали всеобщее удивленіе, а въ Цюрихѣ избранный кружокъ любителей пѣнья и музыки подчинился его опытному руководству для устройства домашнихъ концертовъ. Эти концерты послужили образцами для гражданъ и поселянъ, изъ домовъ которыхъ прекрасное четырехголосное духовное пѣніе перешло въ церковь реформатской Швейцаріи.

Музыка привела ученаго, мыслителя и реформатора къ семейному очагу. Посвятивъ раннее утреннее время главнѣйше молитвѣ и Священному Писанію, онъ отправлялся потомъ въ церковь проповѣдывать или въ аудиторію, исполняя тамъ попеременно должность профессора ветхо-и новозавѣтной экзегетики, обѣдалъ въ 11, бесѣдовалъ послѣ обѣда съ своею семьей и отправлялся гулять до 2 часовъ; послѣ этого предавался изученію классической литературы, пользуясь затѣмъ короткимъ отдыхомъ въ кругу домашнихъ и своихъ друзей. Тутъ время проходило въ разговорахъ особенно съ его супругою о христіанскомъ воспитаніи дѣтей; надлежащій уходъ за дѣтьми составлялъ для обоихъ отраду домашняго счастія. Этотъ чрезвычайно остроумный, глубокомысленный и непоколебимо-мужественный человѣкъ сидѣлъ тутъ у колыбели своихъ малютокъ, распѣвая дѣтскія пѣсни и подыгрывая на лютнѣ или на другомъ музыкальномъ инструментѣ. Сердце его дивно отзывалось этимъ малюткамъ; а какъ строго понималъ онъ ихъ воспитаніе, это видно изъ основного положенія его педагогическихъ правилъ. Вотъ оно: „Человѣческая душа подобна саду, который безъ ухода поростаетъ сорными травами. Потому и слѣдуетъ ее блюсти и образовать смолоду. Когда исполнимъ это, то пріобрѣтемъ драгоцѣнное сокровище; когда же не образуемъ души, то не разовьются ни глаза, ни рука, ни языкъ, а напротивъ, самъ человѣкъ сдѣлается подчиненнымъ существомъ. Можно ли изъ сада, полнаго сорныхъ травъ, добыть хорошихъ плодовъ? Отчего сироты и побочныя дѣти большею частью выходятъ дурными? оттого что они лишены родителей, образующихъ и воспитывающихъ ихъ. Сатана любитъ гнѣздиться въ сердцахъ юношей и старается запятнать и испортить эти чистые еще сосуды. Потому-то требуется крайнее попеченіе, чтобы воспитать ихъ въ законѣ и страхѣ Господнемъ, и чтобы эти новые сосуды исполнились добрыхъ нравовъ и правилъ. Многіе стараются повѣсить свой портретъ и всюду блистать имъ, чтобы возвысить свою родословную и прославить свой родъ; а подобіемъ Божіимъ и нашими истинными, живыми подобіями мы пренебрегаемъ и не радѣемъ объ нихъ. Зем-

лед́лецъ тщательно разводитъ въ извѣстномъ порядкѣ то деревья, то виноградную лозу, то иву, то овощи или хлѣба, чтобы садъ его былъ насажденъ плодами всякаго рода. Если-бъ родители и наставники съ такою же заботливостью пеклись о образованіи ума молодежи, то въ настоящее время она была бы въ лучшемъ состояніи. Недостаточно обучать дѣтей чтенію и письму, необходимо пріучать ихъ также къ добрымъ нравамъ и уряжать весь образъ жизни ихъ. Виноградная лоза какъ и всякое вьющееся растеніе безъ разбора цѣпляется за все, что ни попало, пристаетъ ко всему и обвивается вокругъ любого столба. Такое дерево или естественный столбъ для дѣтей—ихъ отецъ. Потому-то родители и должны печься о надлежащемъ воспитаніи дѣтей своихъ".

На этой главной мысли Цвингли основана написанная имъ для своего пасынка, Герольда Мейера, статья о томъ, какъ воспитать и обучать юношество въ добрыхъ нравахъ и христіанскомъ благочестіи. Она появилась въ 1523-мъ г. подъ заглавіемъ: Quo pacto ingenui adolescentes formandi sint, *) а въ 1524-мъ, въ нѣмецкомъ переводѣ: „Учебникъ Ульриха Цвингли, какъ христіански наставлять и воспитать мальчиковъ." Статья содержитъ въ себѣ краткія, относящіяся ко всѣмъ житейскимъ условіямъ знатнаго молодого человѣка поученія и указанія. Само посвященіе уже указываетъ на эту цѣль: „Предлагаю тебѣ первое правило о томъ, какъ наставлять молодой умъ дворянина въ дѣлахъ, касающихся Господа Бога. Второе—въ дѣлахъ, касающихся его самого. Третье — въ дѣлахъ, касающихся другихъ людей." — Итакъ, прежде всего о томъ, какъ наставлять юношество въ божественныхъ дѣлахъ. Въ этомъ правилѣ сказано: Хотя не въ людской власти вселить въ человѣческое сердце вѣру въ единаго Бога, если-бъ мы витійствомъ превосходили даже знаменитаго и краснорѣчиваго Перикла, и хотя одинъ только Отецъ небесный, привлекающій насъ къ себѣ, въ состояніи сдѣлать это; но, по словамъ Павла, вѣра все-таки возникаетъ когда слушаемъ, особенно когда слушаемъ слово Божье. Потому юношеству слѣдуетъ внушать вѣру самыми чистыми и наиболѣе свойственными устамъ Божіимъ словами, и вмѣстѣ съ тѣмъ молить, чтобы Тотъ, Кто только и можетъ сдѣлать насъ благовѣрными, просвѣтилъ взоромъ тѣхъ, кого мы наставляемъ и поучаемъ словами. Мнѣ кажется, было бы также сообразно съ ученіемъ Христа, если-бъ мы видимыми предметами вели юношество къ познанію Бога, представляя предъ ихъ очи прекрасное зданіе вселенной, и наглядно показывая, какъ легко каждый предметъ подвергается из-

*) Какимъ способомъ образовать благородныхъ юношей.

мѣненію, а неизмѣненъ и постояненъ лишь Тотъ, Кто всѣ эти столь многообразные предметы привелъ въ твердый и дивный порядокъ. Кто такъ мудро и прекрасно урядилъ все, о Томъ и предполагать нельзя, чтобы Онъ не радѣлъ потомъ о Своемъ твореніи; вѣдь мы и въ людяхъ порицаемъ домохозяина, не пекущагося и нерадѣющаго о своихъ домочадцахъ. Юноша научится изъ этого, что Промыслъ Божій печется обо всѣхъ вещахъ, уряжаетъ всѣ предметы, никогда не оскудѣвая. Когда такимъ образомъ человѣческой душѣ внушено вѣрное понятіе о Промыслѣ, то она никакъ не можетъ подвергнуться ни боязни, ни постыдной скаредности. Тогда она знаетъ также, что всего желающаго надо испрашивать у Бога, и въ такомъ случаѣ она сочла бы позоромъ молить Господа о чемъ-либо недостойномъ Его исполненія. Наставляемый вами юноша, уразумѣетъ послѣ этого тайну евангелія и пойметъ, что первородный грѣхъ отравилъ весь родъ человѣческій, что съ тѣхъ поръ люди чинятъ всякія дѣла по немощи и слабости, по страстямъ и соблазнамъ, и что отъ такого бѣдствія спасъ ихъ только Христосъ, ободрившій доведенную до отчаянія совѣсть, освободивъ насъ отъ грѣховъ нашихъ. Вѣрующіе въ Христа рождены отъ Бога и потому не грѣшатъ, но умѣютъ жить истинно и правдиво. Поэтому евангеліе слѣдуетъ преподавать ясно и съ великимъ рвеніемъ; указывать также, какими дѣлами болѣе всего можемъ угодить Богу, т.-е. тѣми же, которыя онъ безпрерывно проявляетъ въ отношеніи къ намъ, а именно: справедливость, благочестіе, истина, вѣрность и милосердіе. Ибо Богъ есть духъ, а потому истинно чтить Его можно не какою-либо иною жертвою, но лишь преданною Ему душою.

Когда такимъ образомъ душа юноши образовалась путемъ вѣры для истинной добродѣтели, то необходимо развить и урядить все прекрасное: послѣ правилъ о христіанскомъ наставленіи слѣдуютъ предписанія къ изученію языковъ и этическія правила жизни, опирающіяся на примѣръ Христа. Юноша не можетъ настроить свою душу лучше, какъ занимаясь денно и нощно словомъ Божіимъ; а это онъ учинитъ съ тѣмъ бо̀льшимъ успѣхомъ, чѣмъ тверже усвоитъ себѣ еврейскій и греческій языки, потому что безъ перваго едвали можно вѣрно постичь и понять Ветхій,—а безъ послѣдняго Новый Завѣтъ. Для остальной жизни сверхъ того весьма полезенъ еще латинскій языкъ. Орудіемъ этихъ трехъ языковъ необходимо снабдить всякаго кто хочетъ добиться небесной мудрости, съ которою никакая земная не можетъ сравниться, а тѣмъ еще менѣе чтиться наравнѣ съ нею; но вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ долженъ соединять смиренный и любомудрый образъ мыслей. Достигнувъ это-

го, онъ обрѣтетъ всяческіе образцы правдивой жизни, и особенно лицо Христа, самый совершенный и законченный образецъ всѣхъ добродѣтелей. У него онъ и научится говорить и молчать вóвремя; онъ постыдится говорить въ незрѣлыхъ лѣтахъ о предметахъ подобающихъ лишь опытности зрѣлаго возраста при видѣ того, какъ Христосъ рѣшился возражать лишь 30 лѣтъ отъ роду, хотя 12-ти лѣтъ уже передъ книжниками выказалъ опыты своего ума. Если юноша не имѣетъ сказать ничего необходимаго, ни полезнаго, то пусть лучше не говоритъ совсѣмъ. Онъ долженъ ревностно заниматься краснорѣчіемъ и притомъ соблюдать пристойное выраженіе лица и устъ, а также движеніе рукъ, чтобы и ими прилично выражать то, что хочетъ, и не слишкомъ размахивать. Всѣмъ этимъ онъ долженъ пользоваться въ мѣру, такъ чтобы оно служило всегда истинѣ, а не имѣло поползновенія нравиться другимъ. Душа прежде всего должна быть тверда и непорочна, тогда она легко совладаетъ съ безпорядочнымъ движеніемъ наружныхъ членовъ такъ, чтобы мы не хмурили ни лица, ни лба, не искажали рта, не качали головой и не размахивали то и дѣло руками, а напротивъ, во всемъ этомъ соблюдали непринужденную, ровную и простую скромность и пристойность. Въ пищѣ юношѣ также необходимо блюсти мѣру. Пусть, будетъ она проста и не дорога. Голодъ слѣдуетъ утолять ѣдою, но не совсѣмъ изгонять его. Юноша обязанъ какъ яда избѣгать излишества вина: будь смолоду старъ, если хочешь прожить до глубокой старости. Всего глупѣе, если мы дорогими платьями добиваемся почета и славы: такимъ образомъ пришлось бы высоко чтить и уважать даже лошаковъ папы; вѣдь такъ какъ они сильны, то и въ состояніи снести болѣе золота, серебра и драгоцѣнныхъ камней, нежели самый сильный мужчина. Христіанинъ долженъ воздерживаться отъ избытка и пышной одежды точно такъ же, какъ и отъ любого признака зла вообще. Когда для юноши наступила пора любви,—то да остережется онъ отъ безумной влюбчивости и отъ всякой безразсудной связи и да изберетъ такую возлюбленную, характеръ и нравъ которой онъ надѣялся бы вынести даже въ пожизненномъ брачномъ состояніи. Нечего, кажется запрещать христіанскому юношѣ скряжничество и славолюбіе, такъ какъ этотъ порокъ и у язычниковъ уже считался позорнымъ? Тотъ не христіанинъ, кто предается скупости; этотъ порокъ не только погубилъ того или другого человѣка, но уничтожалъ самыя цвѣтущія царства, сокрушалъ сильнѣйшіе города, совершенно разрушалъ всѣ зараженныя имъ республики. Юношѣ не слѣдуетъ пренебрегать ни межевымъ искусствомъ, ни ариѳметикой, да и не черезъ-чуръ долго заниматься ими; они, конечно, приносятъ намъ боль-

шую пользу, если мы ихъ знаемъ, и представляютъ великія препятствія, если не знаемъ ихъ; однако всякій, посѣдѣвшій на нихъ, извлечетъ изъ нихъ такую же пользу, какъ и тѣ люди, которые, чтобы не впасть окончательно въ тунеядство, прогуливаются отъ нечего дѣлать изъ одного мѣста въ другое. Упражненія въ фехтованіи я отнюдь не порицаю; лишь бы оно производилось для защиты отечества, а не съ иною цѣлью. Наконецъ, я желалъ бы, чтобы всѣ, а особенно предназначенные служить слову Божію, думали что имъ приходится достигать правъ гражданства, какъ бы находясь среди древнихъ Массилійцевъ, не принимавшихъ къ себѣ въ сограждане никого, кто не зналъ бы какого нибудь ремесла, могущаго доставить ему пропитаніе. Въ такомъ случаѣ праздность, этотъ корень и зародышъ всякаго распутства, была бы искоренена и наше тѣло было бы здоровѣе, крѣпче и сильнѣе.

Наконецъ Цвингли въ своемъ педагогическомъ сочиненіи предлагаетъ еще правила для публичной и общественной жизни: Благородная душа прежде всего должна помнить, что человѣкъ рожденъ не для того, чтобы жить для одного себя, а напротивъ, чтобы быть всѣмъ для всѣхъ людей. А потому юноша смолоду да стремится и пріучается къ благочестію, справедливости, истинѣ, правдивости, вѣрѣ и постоянству; потому что эти добродѣтели его послужатъ въ пользу и благо всему христіанству, общественнымъ интересамъ, его отечеству, всѣмъ вообще и каждому въ особенности. Христіанская душа въ счастіи и несчастіи другихъ будетъ поступать такъ, какъ будто все это приключилось ей самой: когда другіе благоденствуютъ, то она будетъ радоваться, какъ будто сама испытываетъ это, и наоборотъ, точно такъ же печалиться. Приличныхъ радостей не слѣдуетъ запрещать юношѣ. При этомъ, да и вообще, онъ не долженъ говорить и дѣйствовать по внушенію и побужденію гнѣва. Всѣ наши рѣчи и поступки да будутъ таковы, чтобы мы были полезны и содѣйствовали тѣмъ, съ кѣмъ обращаемся. Если мы вынуждены журить или порицать кого-нибудь, то необходимо дѣлать это умно и толково, кротко и осмотрительно, такъ чтобы изгнать порокъ, но тутъ же привлечь къ себѣ человѣка и тѣснѣе связать его съ собою. Выше и дороже всего послѣ Бога обязаны мы чтить родителей. Слѣдуетъ во всемъ уступать имъ; и если-бъ они поступили даже не въ духѣ Христа, присущемъ также и намъ людямъ, то не дерзайте буйно возставать противъ нихъ, а напротивъ, объясните имъ съ величайшею кротостью, какъ должно бы говорить и дѣйствовать, и если они не согласятся съ этимъ, то лучше оставить ихъ, но отнюдь не позорить.

Въ честной душѣ ничто не должно возбуждать такого сильнаго негодованія противъ самой себя, какъ если у нея, хотя бы даже невольно, вырвется что-нибудь лживое; не говоря уже о томъ, какъ постыдно должно быть для христіанина, если онъ самъ передъ собою окажется легкомысленнымъ и лживымъ завѣдомо, говоря ложь или повторяя чужую. Христіанинъ обязанъ говорить истину своему ближнему. Человѣкъ съ двусмысленною душою непостояненъ во всѣхъ путяхъ своихъ. Рѣчь—это зеркало сердца. Если она суетна и лжива, то это самый вѣрный знакъ, что внутри все гораздо хуже. Истину обязаны мы соблюдать не только въ рѣчахъ, но и во всѣхъ своихъ поступкахъ такъ, чтобы мы никогда не дѣйствовали для одного лишь вида, обманчиво. Какъ сердце — источникъ всѣхъ поступковъ, такъ точно должны выражать это и лицо, и глаза, и вся наружность. Совершенъ будетъ тотъ, кто потщится слѣдовать одному Христу.

Вотъ что говорилъ Цвингли о воспитаніи „хотя и безъ всякой связи и порядка,“ однако „все это, исполненное въ такомъ духѣ“ благочестивыми и благородными юношами, можетъ и должно „предстать на дѣлѣ въ самомъ стройномъ порядкѣ.“ Это по истинѣ первая прямодушная попытка сопоставленія евангельскихъ правилъ о воспитаніи въ протестантской церкви съ эпиграфомъ: „Тотъ еще не христіанинъ, кто только проповѣдуетъ и много говоритъ о Богѣ, но тотъ, кто съ Богомъ тщится творить благія дѣла.“

Это и было завѣтнымъ словомъ Цвингли — мужа съ постоянно яснымъ лицомъ, изобличавшимъ бодрую, доблестную отвагу героя, но пылавшимъ благороднымъ негодованіемъ, когда правдивая душа встрѣчалась съ лицемѣріемъ, упорствомъ и безуміемъ. Не однимъ только словомъ, но и дѣломъ также пытался Цвингли распроетранить исшедшую отъ него реформацію по всѣмъ кантонамъ Швейцаріи, въ Германіи, Франціи и Италіи. Когда потомъ въ Швейцаріи обѣ стороны (—вѣрные папѣ кантоны Ури, Швицъ, Унтервальденъ, Люцернъ и Цугъ, и реформатскіе съ Цюрихомъ и Берномъ во главѣ—) сомкнутыми рядами вступили въ открытый бой, то онъ самъ явился на полѣ битвы, оттого что хотѣлъ скорѣе лишиться жизни, нежели уступить властямъ, возставшимъ противъ Бога и Его слова. „Я безъ страха готовъ на все, ибо Господь опора моя“: съ этими словами онъ ринулся въ бой. — „Что за бѣда? Они могутъ убить тѣло, но не душу!“ вотъ его послѣднія слова. Пораженный вражескимъ копьемъ, онъ палъ подъ грушевымъ деревомъ, сложивъ руки, съ молитвою на устахъ, съ устремленнымъ къ небу взоромъ. „Хочешь ты исповѣдаться, привести къ тебѣ священника?“ спрашивали грабившіе воины. Уста его не могли болѣе отвѣчать, но энергическое чело

дало знакъ: „Нѣтъ!“ „Такъ умри же закоснѣлый еретикъ!“ сказатъ начальникъ Вокингеръ изъ Унтервальдена, нанеся ему смертельный ударъ; потомъ трупъ его рукою палача былъ четвертованъ и обращенъ въ пепелъ.

Не непосредственно и не особыми педагогическими сочиненіями, какъ наприм. Лютеръ, Меланхтонъ и Цвингли, вступилъ Іоаннъ Кальвинъ (по-французски Cauvin, Chauvin отъ chauve—calvus, лысый) въ область воспитанія. Кальвинъ требуетъ божескаго образованія всей своей общины. Передъ Богомъ всѣ должны сознавать себя въ состояніи питомства. Такимъ образомъ онъ никого не признаетъ совершеннолѣтнимъ; не признавая поэтому въ общинѣ различія между зрѣлымъ и незрѣлымъ возрастомъ, и не придавая этому никакого значенія, онъ и на дѣтей, помимо взрослыхъ, не обращаетъ особеннаго вниманія. Родившись 10 іюля 1509-мъ г. въ Нойонѣ, что въ Пикардіи, онъ рано уже обнаружилъ свойственную ему нравственную строгость характера, почему и былъ предназначенъ для церковнаго поприща и отправленъ въ Парижъ. Тамъ посѣщалъ онъ разныя школы и ревностно изучалъ науки. Пасторская должность снабдила его средствами продолжать ученіе; впрочемъ онъ вынужденъ былъ покинуть мѣсто по приказанію отца, задавшагося мыслью, что изученіе права откроетъ болѣе блистательное поприще его многообѣщающему сыну. Кальвинъ отлично изучалъ новыя науки, однако духомъ своимъ онъ по правдѣ жилъ исключительно въ религіозныхъ вопросахъ, возбуждавшихъ въ немъ такія неразрѣшимыя противорѣчія, что мысль о Богѣ наполняла его боязнью и страхомъ. Слѣдствіемъ этой внутренней борьбы было, что онъ охладѣлъ къ папству и, по смерти отца, опять принялся за свои теологическія занятія въ Парижѣ, гдѣ часто проповѣдывалъ въ собраніяхъ евангелистовъ, заканчивая обыкновенно словами: Если Богъ за насъ, то кто же можетъ быть противъ насъ? Здѣсь онъ издалъ на свой счетъ двѣ книги Сенеки „о милосердіи“, снабдивъ ихъ толкованіемъ, съ явнымъ намѣреніемъ склонить короля къ болѣе кроткимъ мѣрамъ относительно протестантовъ. Та же мысль составляла средоточіе въ знаменитомъ посвященіи Франциску I книги Institutio Christiana, изданной Кальвиномъ въ Базелѣ, гдѣ онъ жилъ въ 1535-мъ г. Пусть король узнаетъ ученіе, неистово преслѣдуемое огнемъ и мечемъ и самыми гнусными клеветами, тогда,—какъ вполнѣ увѣренъ былъ Кальвинъ—онъ велитъ прекратить гоненія. Ученіе это онъ изложилъ въ своей Institutio съ высокою простотою, тѣсно связавъ догматику съ моралью. Руководящимъ началомъ въ этомъ изложеніи былъ религіозно-нравственный интересъ. Даже въ ученіи о предопредѣленіи онъ заботится не объ умозрѣніи, но о томъ, чтобы въ противоположность господствующей порчѣ и шаткимъ правиламъ

о грѣхѣ и милосердіи выставить все ничтожество и всю беззаслужность всякихъ человѣческихъ дѣйствій и придать твердую основу спасенію путемъ вѣры. Отсюда и главная мысль его: „Мы лишь путемъ вѣры можемъ быть причастны спасенію во Христѣ; но правду и вѣру не можемъ дать себѣ сами, а должны испросить ихъ у Бога". Душа обрѣтаетъ свое спасеніе лишь въ церкви, и мы можемъ вступить въ жизнь только тогда, когда она родитъ насъ въ лонѣ своемъ, вскормитъ своею грудью, приметъ насъ подъ свой кровъ и свою защиту. Ученье—душа церкви; воспитаніе можно уподобить нервамъ, поддерживающимъ связь съ различными членами и содержащимъ ихъ въ порядкѣ. Оно—узда для злодѣевъ, побужденіе къ добру, родительская лоза.

Въ Женевѣ Кальвинъ пріобрѣлъ средоточіе своей реформаторской дѣятельности. Въ 1536-мъ г. онъ издалъ тамъ катехизисъ на французскомъ языкѣ (въ 1538 г. на латинскомъ),—извлеченіе изъ Institutio, безъ вопросовъ и отвѣтовъ. Здѣсь также въ 1541-мъ г. устроилъ онъ свой великій педагогическій институтъ: реформатскую церковь,—ѳеократію по своему воззрѣнію, въ которой царемъ Богъ, а свѣтская власть господствуетъ лишь во имя Его, блюдетъ законъ и печется также о спасеніи души. Средоточіе силы въ этой церкви, жизненное начало ея составляютъ не человѣческія постановленія, а одно евангеліе: оно обезпечиваетъ за человѣкомъ спасеніе путемъ вѣры во Христа. Истину евангелія въ Св. Писаніи познаютъ совѣсть и святымъ духомъ просвѣщенный разумъ человѣка. Святой Духъ образуетъ единство въ церкви и упрочиваетъ ея вѣчное неизмѣнное существованіе при самыхъ разнородныхъ воззрѣніяхъ человѣческаго духа. Въ послѣдней инстанціи соборы рѣшаютъ о смыслѣ священныхъ писаній, имъ принадлежитъ исключительное право признать, измѣнить и отмѣнить символъ вѣры. Наружнымъ основнымъ принципомъ противъ католическаго господства и самымъ сильнымъ средствомъ для того, чтобы сломить духовное высокомѣріе служитъ пресвитеріанское правленіе, въ которомъ священникамъ противопоставлено двойное число міря нъ, такъ что послѣдніе въ случаѣ нужды всегда могутъ имѣть на своей сторонѣ большинство голосовъ. Произволъ единичнаго лица долженъ быть по возможности ограниченъ. Народъ вездѣ какъ можно чаще долженъ также подавать свой голосъ. Для того Кальвинъ хотѣлъ воспользоваться конгрегаціонною проповѣдью: приспособленною къ поученію взрослыхъ рѣчью, по окончаніи которой всякій изъ народа, имѣющій возразить что-либо, могъ выйти и вступить съ священникомъ въ преніе. То же самое имѣлось въ виду при публичной катехизаціи дѣтей, причемъ послѣднія во всеуслышанье отвѣчали на вопросы священника. Нравственное благо-

чиніе поддерживалось состоявшею изъ старшинъ и священниковъ консисторіею: она блюла церковный урядъ противъ богохульниковъ, клеветниковъ, пьяницъ, любодѣевъ, драчуновъ, сварливцевъ, презрителей богослуженія и церковныхъ законовъ, сверхъ того также противъ распространителей иновѣрческихъ мнѣній, не обращая никакого вниманія на различіе сословій, имущества и пола. Упущеніе въ богослуженіи влекло за собою денежную пеню. Зрѣлый мужъ, не причастившійся въ Троицынъ день и пропустившій съ сыномъ своимъ вечерню, подвергался вмѣстѣ съ нимъ публичному покаянію. Домашнія посѣщенія, совершаемыя обыкновенно священникомъ вмѣстѣ съ однимъ изъ старшинъ, сопровождались испытаніемъ въ вѣрѣ, и слѣдовало неумолимо доносить о всякомъ уклонѣ отъ ученія, если прикосновенные упорствуютъ въ своихъ мысляхъ, а сверхъ того также обо всѣхъ проступкахъ противъ благонравія. Игроковъ, съ картами на шеѣ, привязывали къ позорному столбу.

Вотъ та ѳеократическая педагогика, въ которую Кальвинъ вводитъ прежде всего избранныхъ, чтобы при ихъ помощи подчинить воспитанію какъ толпу взрослыхъ, такъ косвенно и міръ несовершеннолѣтнихъ. И къ несовершеннолѣтнимъ также примѣняется строгій нравственный уставъ. Кальвинъ особенно напираетъ на то, что предписываемое Ветхимъ Завѣтомъ почтеніе къ родителямъ заключаетъ въ себѣ покорность, и эта заповѣдь не отмѣняется ни чрезмѣрною строгостью, ни угрюмостью, ни даже свирѣпостью родителей. Въ 1563-мъ г. засадили на три дня на хлѣбъ и на воду дѣвочку, за то что она ругала свою мать; потомъ заставили ее послѣ проповѣди публично выразить раскаянье. Другое дитя въ 1568-мъ г. (4 года спустя по смерти Кальвина) было обезглавлено, за то что оно било отца и мать. Суровый законодатель, говоритъ Генри, хотѣлъ, чтобы дѣти воспитывались съ крайнею строгостью; однако учителямъ запрещалось через-чуръ свирѣпствовать, и одинъ изъ нихъ въ 1563-мъ г., еще при жизни Кальвина, былъ смѣненъ и приговоренъ заявить публично раскаянье, за то что выбилъ зубъ одному изъ своихъ учениковъ.

Женевская учебная система была организована Кальвиномъ частію по Штурму, съ которымъ онъ въ Страсбургѣ состоялъ въ сношеніяхъ, частью по французско-нидерландской педагогикѣ. Необходимость изученія древнихъ языковъ, по его мнѣнію, вытекаетъ изъ толкованія библіи. Однако Теренцій исключается изъ чтенія древнихъ классиковъ, за то систематически изучаются историки. Діалектика предшествуетъ риторикѣ и преподается непремѣнно во второмъ классѣ; въ первомъ же предписано изучать риторику. Между гимназіей и университетомъ учреждена была по образцу Штурма академія, т. е. семина-

рія для духовенства реформатской церкви, ректоромъ въ которой былъ *Беза* и въ которой самъ Кальвинъ читалъ теологическія лекціи. Религіозные предметы стояли въ уставѣ для учениковъ на первомъ планѣ. По воскресеньямъ отправлялись три службы, а по середамъ одна, и каждый день по одному часу упражнялись въ псалмопѣніи. Въ этихъ учебныхъ учрежденіяхъ, Кальвина помимо Безы поддерживалъ особенно его собственный учитель, *Матюринъ Кордье*, обращенный въ Парижѣ другомъ своимъ Робертомъ Этьенномъ (Стефанусомъ) къ евангелію; онъ странствовалъ въ качествѣ учителя по разнымъ городамъ Франціи и Швейцаріи, пробылъ 7 лѣтъ въ Невшателѣ, 12 лѣтъ ректоромъ въ Лозаннѣ, а въ 1541-мъ г. былъ вызванъ въ Женеву съ окладомъ въ 400 фл., кромѣ денегъ за школу и квартиры, и неутомимо до конца жизни пекся о благѣ женевскаго юношества.

Усердіе Кальвина къ учебной системѣ было, какъ справедливо замѣчаетъ Ф. Ланге, менѣе теоретичное, но болѣе практичное, нежели стремленіе нѣмецкихъ реформаторовъ. Школа была у него лишь подчиненнымъ моментомъ въ великомъ образовательномъ учрежденіи человѣчества, въ церкви. Ей онъ посвящалъ вполнѣ всю свою крайне напряженную дѣятельность. Въ интересѣ ея онъ не признавалъ и ни во что не ставилъ даже свою собственную личность. Относительно себя самого онъ соблюдалъ нравственный уставъ еще строже нежели относительно другихъ. Наружная жизнь его отличалась самой безпритязательной простотою. Какъ долженъ былъ удивиться кардиналъ Садолетъ, когда въ Женевѣ онъ справлялся о дворцѣ Кальвина и его повели въ скромное жилище пользовавшагося обширною властью мужа! Окладъ его въ Женевѣ состоялъ изъ этого самого жилища, изъ 2 бочекъ вина, 12 полосъ земли и 50 талеровъ. Въ подруги своей жизни онъ избралъ женщину, соединявшую прелесть и скромность съ простотою, умѣренностью и кротостью. Въ отношеніи къ людямъ онъ съ изумительнымъ терпѣніемъ выносилъ ихъ проистекающіе отъ слабости недостатки, такъ что не пугалъ и не стѣснялъ совѣсти слабыхъ неумѣстною строгостью, но и не щадилъ также порока злыхъ снисхожденіемъ и лестью. Вслѣдствіе своего холерическаго темперамента онъ легко поддавался гнѣву; но непрестанно также боролся противъ этого порока. „Изъ всѣхъ моихъ крупныхъ и многихъ недостатковъ, говоритъ онъ, мнѣ всего болѣе приходится бороться противъ моего нетерпѣнія, и хотя усилія мои не совсѣмъ тщетны, однако я все еще не могу вполнѣ обуздать дикаго звѣря (гнѣвъ)“. При вспыльчивости, гнѣвѣ, внезапно вспыхивавшемъ противъ зла, въ немъ же проявлялись величайшая робость, кротость и радушіе, — непоколебимая

твердость и смиреніе, доходившее до сокрушенія. Въ немъ преобладалъ не разсудокъ; его руководителемъ не было также чувство; онъ былъ мужъ совѣсти, которой покорялись у него какъ умственная дѣятельность, такъ и чувство. Потому-то онъ и былъ пророкомъ въ ветхозавѣтномъ смыслѣ, и потому также у него, какъ у изральскаго народа, руководимаго въ его ѳеократіи божескою совѣстью, нѣтъ мѣста педагогическимъ умозрѣніямъ. Такъ какъ онъ постоянно руководился совѣстью, то и все существо его проникнуто было самою искреннею любовью къ истинѣ. Духъ истины, говоритъ Генри, но не мысль, движетъ имъ во всемъ, какъ въ маломъ, такъ и въ великомъ. Въ борьбѣ истина развиваетъ въ немъ мужество, во внутренней жизни—благочестіе, постоянно руководимое глубокимъ чувствомъ выбора; отнюдь никакого колебанія въ вѣрѣ, всегда присущее душѣ чувство Божьей близости.

Маія 27-го 1564-го г. умеръ непреклонный мужъ, жизненнымъ девизомъ котораго было: „Приношу мое истекающее кровью сердце въ жертву Господу Богу". Могила его, по собственной волѣ покойнаго, не отмѣчена никакимъ памятникомъ. Оставшееся послѣ него имущество, состоявшее изъ 225 талеровъ, было роздано ученикамъ гимназіи, бѣднымъ и дѣтямъ его брата. Кальвинъ былъ борецъ на поприщѣ реформаціи,—борецъ въ своей семейной жизни: своей жены, Иделетты де Бюри лишился онъ уже по прошествіи девяти лѣтъ, а единственный сынъ его умеръ ребенкомъ; борецъ какъ въ своей собственной духовной жизни, такъ и до конца дней своихъ съ тѣлесными недугами всякаго рода. И онъ героемъ вышелъ изъ борьбы. Жизнь Кальвина—это педагогика для педагога.

6.

Итогъ дѣятельности реформаторовъ въ воспитаніи.

Творцы протестантизма средоточіе своего мышленія и своихъ дѣйствій нашли въ религіозной реформѣ. Такъ какъ они сдѣлали библію единственною руководительницею вѣры, и, согласно съ этимъ, должны были навести каждаго освобожденнаго въ своей совѣсти и поставленнаго въ непосредственное отношеніе къ своему Творцу единичнаго человѣка на ревностное изысканіе и изслѣдованіе слова Божія, то мысль о обобщеніи элементарнаго образованія какъ въ чтеніи и письмѣ, такъ и въ религіи, необходимо вытекала изъ ихъ стремленій. Имъ поэтому пришлось преобразовать

наличныя училища и дать толчокъ къ основанію народной школы. Открытіе училищъ для дѣвицъ, и введеніе религіознаго преподаванія въ учебный планъ существовавшихъ городскихъ школъ для писарей и счетоводовъ, были поэтому первыми дѣлами ихъ учебнореформаторскаго духа,—которыя заключали въ себѣ зародыши въ новому развитію и подготовили разрывъ съ средневѣковымъ понятіемъ о школѣ. Ими заложены первыя основы протестантскимъ высшимъ и ученымъ заведеніямъ и положенъ первый починъ къ народному училищу. Школа была признана существеннымъ орудіемъ въ царствѣ Божьемъ.

Таково было новое направленіе, рѣшительно и энергично принятое реформаторами въ области воспитанія. Но они еще не въ силахъ были выдержать вновь принятое ими направленіе; они не могли еще довести его до конца. Въ связи съ современностью они должны были не только заплатить дань своей эпохѣ, но, находясь сами на вершинной точкѣ ея, были вынуждены избрать отчасти такіе пути, которые могли скорѣе удалить отъ предполагаемой цѣли, нежели приблизить къ ней.

1) Реформаторы смотрѣли на школу какъ на необходимую потребность церкви. Главное усиліе ихъ было направлено на то, чтобы школу, которая въ послѣдніе дореформаціонные вѣка стремилась освободиться и частью освободилась въ городахъ, подъ вѣдѣніемъ гуманистовъ, отъ церковныхъ узъ, вновь преобразовать въ церковное учрежденіе. Самъ Лютеръ смотрѣлъ на школу лишь какъ на подготовительное заведеніе для проповѣдниковъ, священниковъ и правителей. Школьное образованіе имѣло для реформаторовъ настоящее значеніе только въ видахъ церкви и въ отношеніи къ ней.

Такое воззрѣніе основателей протестантизма отвѣчало міросозерцанію ихъ эпохи; оттого ихъ взглядъ и встрѣтилъ себѣ всеобщее одобреніе и сочувствіе. Церковь считалась все еще, или вѣрнѣе, стала теперь считаться опять хранительницею духовнаго образованія, и въ качествѣ протестантской церкви она въ то время дѣйствительно и была ею. Реформатская церковь была вершинною точкою образованія и науки XVI столѣтія; всѣ прогрессивные умы наполнялись и поддерживались ею. Подобно тому, какъ при первомъ появленіи христіанства, религія поглощала всю духовную дѣятельность людей и въ ней сосредочивался весь энтузіазмъ умовъ: точно такъ же и въ реформаціонную эпоху религія вновь сдѣлалась главнымъ средоточіемъ, откуда разсматривались и обсуждались всѣ отдѣльныя сферы духовной жизни. Притомъ же служители реформатской церкви были въ самомъ дѣлѣ прогрессисты; а потому въ ихъ рукахъ школа вѣрнѣе всего и была предохранена отъ всякой католической реак-

ціи. Однако, что въ извѣстный вѣкъ было успѣхомъ, то же самое, оставаясь вѣчно однимъ и тѣмъ же, становится понятнымъ шагомъ въ болѣе развитую эпоху. Такъ и въ настоящемъ случаѣ, то же самое, что въ рукахъ реформаторовъ считалось знаменемъ поступательнаго движенія, стало въ рукахъ ихъ преемниковъ, послѣдователей и распространителей поворотомъ назадъ. Школамъ скоро пришлось испытать всѣ невыгоды ихъ подчиненной связи съ церковью, когда, впутавшись въ теологическія распри, онѣ были вынуждены принять въ свои стѣны также и ненависть партій. Подчиненіе учебныхъ заведеній церкви задерживало свободное развитіе протестантской школы даже до нашихъ дней, и она тогда лишь вполнѣ развернетъ свою дѣятельность, когда этому подчиненію положенъ будетъ рѣшительный конецъ.

2) Такъ какъ по духу реформаціи и по смыслу реформаторовъ требовалось, чтобы каждый единичный человѣкъ самъ сносился съ своимъ Богомъ и слѣдовательно сознательно постигъ и усвоилъ свое религіозное отношеніе, то и попеченіе о школахъ и образованіи должно было распространиться на всѣ слои общества. Реформаторы и хотѣли поэтому, чтобы всѣ классы народа участвовали въ благодѣяніяхъ школьнаго обученія. Но сами они не были еще въ состояніи организовать народную школу. Они настойчиво и энергично указывали лишь на условія, при которыхъ она могла выступить: а именно, на народный языкъ, на библію, на церковную пѣснь и церковное пѣніе. Центръ тяжести ихъ учебныхъ заведеній находился въ ученой школѣ: помимо общей цѣли — гражданскаго образованія, они постоянно напирали на особенную цѣль обученія,—на сохраненіе и утвержденіе новаго слова вѣры. Оттого-то почти исключительное пристрастіе ихъ къ латинской учебной системѣ, въ связи съ обученіемъ христіанству въ реформаторскомъ духѣ, тѣмъ болѣе, что въ ихъ время нѣмецкій языкъ и нѣмецкая литература были разработаны весьма слабо, а естественныя науки находились еще въ состояніи младенчества, такъ что, если бы реформаторы и предугадывали ихъ значеніе, то онѣ все-таки не были еще способны сдѣлаться предметами преподаванія.

Реформаторы, съ этими гуманистически-христіанскими школами своей эпохи, занимали ея высшую ступень: образованіе дѣльныхъ учителей для церкви и школы, также просвѣщенныхъ государственныхъ мужей,—вотъ что было первою и ближайшею необходимостью. Но ошибка ихъ, или скорѣе ошибка ихъ преемниковъ, состояла въ томъ, что реформаціонную организацію школъ считали дѣломъ вѣковѣчнымъ, а не только къ временной, къ одной лишь извѣстной эпохѣ приспособленнымъ и требованьямъ ея отвѣчающимъ,

явленіемъ. Оттого и вышло, что ученыя школы окоченѣли въ правовѣрномъ догматизмѣ, отвлеченно и односторонне отстаивая древніе языки, и что ради мудрости Грековъ и Римлянъ изъ училищъ вытѣснили самый христіанскій духъ, а черезъ это и вмѣстѣ съ тѣмъ изгнали какъ родной языкъ, такъ и реальныя науки и затормозили ихъ дальнѣйшее развитіе.

Реформаторы заложили основы какъ для протестанской школы, такъ и для церкви. Но только однѣ основы. Они на первый случай обвели ихъ только досчатою переборкою, предоставивъ будущимъ вѣкамъ, подъ защитою отъ непогодъ, продолжать внутри постройку, сообразно съ тѣми основами.

ПОСЛѢ РЕФОРМАЦІИ.

ПЕРІОДЪ РАЗУМНАГО ВОСПИТАНІЯ.

7.

Обзоръ.

Принципъ реформаціи могъ получить лишь толчокъ отъ своихъ первыхъ творческихъ представителей, но не былъ еще всесторонне приведенъ въ исполненіе. Напротивъ, какъ все преходящее, онъ могъ развиться лишь мало по малу. Сами реформаторы смѣло поставили великій вопросъ, но во многихъ отношеніяхъ цѣпко держась прошедшаго и безсознательно запутавшись въ немъ. У самого Лютера была еще голова Януса.

Въ созидаемомъ на реформаторахъ дальнѣйшемъ развитіи, изъ двухъ содержащихся въ воззрѣніяхъ каждой эпохи моментовъ, поступательнаго и попятнаго, прежде всего выступило и должно было—по вѣчному уставу исторіи, которая, основываясь на непрерывности, никогда не отрѣшается отъ прошедшаго, а напротивъ созидаетъ на немъ свое будущее, подобно тому какъ цвѣтъ смѣняетъ почку, т. е. уничтожаетъ ее, но также и сохраняетъ,—итакъ, прежде всего должно было рѣшительно выступить на первый планъ лицо, обращенное къ прошедшему; но оно все-таки не могло опять воспроизвести прошедшее въ прежнемъ его видѣ; а напротивъ, преобразованная древность должна была предстать и явиться въ новомъ видѣ и новой формѣ.

Первая пора въ пореформаціонномъ періодѣ является эпохою *абстрактно-теологическаго воспитанія*. Она простирается отъ реформаціи до восемнадцатаго вѣка и характеризуется преобладаніемъ отвлеченныхъ теологическихъ и филологическихъ знаній, тогда какъ истинная философія находится еще внѣ круга научной разработки, исторія лишь отрывками допускается въ публичномъ преподаваніи, а естественныя науки воздѣлываются болѣе ради матеріальныхъ, нежели научныхъ интересовъ. Бѣконово противодѣйствіе исключительному поклоненію древнимъ и философскіе проблес-

ки Декарта и Спинозы еще не пробились на полный свѣтъ; они не всѣми понимаются и потому составляютъ достояніе единичныхъ только личностей. Однако во второй половинѣ семнадцатаго столѣтія Ньютонъ и Лейбницъ подобно небеснымъ метеорамъ далеко распространяли яркій свѣтъ кругомъ, въ шестнадцатомъ же вѣкѣ Штурмъ и Тротцендорфъ, а въ семнадцатомъ Коменій благотворно и плодовито вліяли на воспитаніе. Потомъ съ наступленіемъ восемнадцатаго столѣтія піэтизмъ знаменательно втѣсняется въ теологію, обративъ религію въ задушевное дѣло, втѣсняется такъ же и въ воспитаніе, между тѣмъ какъ Франковы заведенія и устроенная въ 1706-мъ г. Землеромъ школа явились мѣстами для изученія реальныхъ знаній, и затѣмъ отсюда уже въ области педагогической практики выступилъ наружу рядъ новыхъ развитій. Параллельно съ піэтизмомъ въ католической области идетъ янсенизмъ; а правовѣрію или ортодоксіи протестантства отвѣчаетъ іезуитизмъ католичества.

Вторая эпоха въ пореформаціонномъ періодѣ, а именно эпоха *абстрактно-человѣческаго воспитанія*, получила первыя свои основы, когда въ Англіи Локкъ (ум. 1704), Шафтсбери и Толандъ, прежде всѣхъ назвавшій себя вольнодумцемъ (Freethinker), возстали противъ уважаемыхъ дотолѣ авторитетовъ, противъ теологіи и филологіи. Французская „Энциклопедія", на которую подписался самъ главный инквизиторъ Испаніи, была самымъ рѣзкимъ глашатаемъ этого періода, Фридрихъ Великій былъ его рѣшительнымъ представителемъ при дворѣ, и вся знать составляла толпу его послѣдователей. Сословіе ученыхъ было замѣнено литераторами (hommes de lettres). Историческія и естественныя знанія сдѣлались лозунгомъ этого періода; филологія расширена до археологіи; противъ церковной ортодоксіи возстала мощная оппозиція, и отмѣна іезуитскаго ордена, а также устраненіе пытки были плодами общихъ его усилій. Въ воспитаніи онъ проявился въ видѣ гуманизма съ великими филологами Геснеромъ, Гейне, Эрнести и пр., и въ видѣ реализма, возвѣщеннаго Жанъ-Жакомъ Руссо и осуществленнаго Базедовымъ въ его филантропинѣ.

Третья эпоха въ пореформаціонный періодъ, *христіанско-гуманное воспитаніе*, начинается съ Іоанна Генриха Песталоцци и получаетъ извѣстный складъ отъ Фребеля и Дистервега. Воспитаніе принимаетъ систематическій, научный видъ и обращаетъ свое вниманіе на толпу, особенно на пренебрегаемую дотолѣ часть ея, на такъ называемое простонародье. Идея существеннаго равенства и равноправности всѣхъ людей сдѣлалась руководящею силою вслѣдствіе французской революціи, давшей также толчокъ къ демократическому преобразованію политическихъ и соціальныхъ усло-

вій въ цивилизованномъ мірѣ, особенно въ Германіи. Благодаря блестящей дѣятельности ея великихъ мыслителей и поэтовъ возникаетъ идеалъ чисто-человѣчнаго, независимаго отъ всякой учености образованія и въ то же время стремленіе сдѣлать его общимъ достояніемъ всѣхъ, такъ какъ одно лишь оно является освобождающею, укрѣпляющею, спасающею, всякіе общественные недуги поборающею силою. Всѣ передовые умы руководятся и побуждаются одною, истинно-христіанскою, гуманною мыслью: Богу угодно, чтобы всѣмъ людямъ давалась помощь и чтобы всѣ они достигли познанія истины. Міросозерцаніе, господствующее надъ эпохою, не признаетъ болѣе постыднаго разобщенія земного и того свѣта, не признаетъ и дуализма, котораго даже реформація не могла еще устранить. Міръ является великимъ органическимъ жизне-цѣлымъ, озареннымъ и просвѣщеннымъ, управляемымъ и носимымъ Божьимъ духомъ, а человѣкъ микрокосмомъ, въ которомъ оживаетъ Божественное и восходитъ къ сознанію самого себя. Развить это божественное, составляющее ядро человѣка, до безусловнаго господства какъ въ единичной личности, такъ и въ цѣломъ человѣческомъ родѣ,—вотъ задача воспитанія. Законы и постановленія его предписываются человѣческою природою, въ которой какъ въ зеркалѣ отражается макрокосмъ. На основѣ естествознанія и особенно антропологіи созидаются наука и искусство воспитанія, и между предметами преподаванія даютъ по возможности большой просторъ естественнымъ наукамъ въ полной увѣренности, что этимъ, съ одной стороны, удовлетворяютъ христіанскому принципу обожествленія земного, а съ другой—требованіямъ многообразной, богатой, практической жизни. Къ великому стремленію современной эпохи возвести истину, добро и прекрасное во владыкъ земного бытія, достойно примыкаетъ также и воспитаніе, и оно готово принять на себя львиную долю въ дѣлѣ спасенія чисто-человѣческаго, т. е. божественнаго начала отъ путъ безумія, безобразія и чувственности. Подвергаясь презрѣнію, насмѣшкамъ, пораженіямъ, а по временамъ и стѣсненію со стороны внѣшней власти, всеобщее естественное образованіе человѣка всякій разъ вновь подымаетъ чело свое, и въ концѣ концовъ оно выйдетъ изъ борьбы побѣдителемъ, истиннымъ благодѣтелемъ всего общества и благороднѣйшимъ дѣтищемъ христіанско-гуманнаго духа.

Такъ идетъ впередъ исторія, — медленнымъ, но твердымъ шагомъ. Какъ въ духовной жизни единичнаго лица, такъ и въ потокѣ всемірно-историческаго развитія возникаютъ новыя мысли—сначала неуклюже, не ясно даже для того, кто провозглашаетъ ихъ и непонятно для тѣхъ, къ кому обращена, какъ бы въ упоеніи, рѣчь его. Онъ гибнетъ отъ этихъ мыслей и вмѣстѣ съ ними, но не онѣ съ нимъ:

въ новыхъ носителяхъ являются онѣ яснѣе, опредѣленнѣе, пока наконецъ яркія и свѣтлыя, подобно солнцу, съ побѣдоносною силою дневного свѣтила, не разгонятъ тумана, облекавшаго дотолѣ человѣчество и не пробудятъ духа къ новой жизни. Великій воспитатель человѣчества идетъ съ своимъ великимъ питомцемъ тѣмъ же путемъ, какимъ малый воспитатель съ своимъ малымъ питомцемъ, — отъ несовершенства къ совершенству—не всегда по прямой линіи, но спиралями, такъ что кажущійся временно возвратный шагъ есть все-таки стремленіе впередъ цѣлаго.

Абстрактное христіанско-теологическое воспитаніе.

Характеръ абстрактнаго христіанско-теологическаго воспитанія какъ въ теологіи, такъ и въ филологіи не что иное какъ механизмъ, мелочное дѣло памяти, смерть, неволя. Слѣдствіемъ такого направленія былъ отрѣшившійся отъ дѣйствительности духъ, который всякое проявленіе жизни подчинялъ строгому уставу мрачной морали и перенесъ юношество, изученіемъ латинскихъ писателей, въ отграниченный и отжившій міръ, не приходившій ни въ какое существенное столкновеніе съ наличными условіями. Воспитаніе было іерархическое какъ въ протестантской, такъ и въ католической области.

I. ІЕРАРХИЗМЪ.

8.

Культурное развитіе шестнадцатаго и семнадцатаго столѣтій и школы этой эпохи.

Реформація была тѣмъ великимъ кризисомъ, когда въ теченье цѣлаго средневѣковья, особенно въ XV-мъ вѣкѣ, все сильнѣе и быстрѣе порывающаяся впередъ свобода пробилась наконецъ къ самостоятельной жизни не только въ церкви и теелогіи, но также въ государствѣ и наукѣ. Она поэтому не была безусловно новымъ почином; она скорѣе была слѣдствіемъ, которое, подготовляясь давно въ прошедшемъ, сдѣлалось теперь столь мощнымъ, что высказанное, предстало въ мірѣ живою истиной. Потому-то она и не разорвала исторической связи съ предшествовавшею эпохою, а напротивъ, развила свои вновь высказанныя идеи на почвѣ данныхъ условій и въ самой тѣсной связи съ существующими началами. Когда поэтому реформаціонный духъ, одолѣвъ свои первые порывы, очистился послѣ бурь и потугъ и принялъ твердое положеніе, какъ въ государствѣ, такъ и въ

церкви, то разсудокъ еще разъ отрѣшился отъ разума, чтобы выступить реакціей противъ фантазіи и чувства, стремившагося къ преобладанію какъ въ наукѣ, такъ и въ жизни. Наступилъ періодъ научнаго покоя, когда надлежало сперва возстановить вновь убыль силъ, потраченныхъ на реформацію. Вслѣдъ за Лютеромъ явилось прежде всего поколѣніе, ратовавшее въ мощныхъ усобицахъ за Лютерово дѣло. Затѣмъ шло поколѣніе эпигоновъ: въ концѣ столѣтія нѣмецкій протестантизмъ былъ, казалось, предохраненъ отъ внѣшней опасности; тогда въ протестантскомъ духовенствѣ возникли самодовольство и властолюбіе, всѣ пороки привилегированнаго сословія. Тогда начали возбуждать свѣтскую власть противъ еретиковъ; въ Лейпцигѣ чернь врамывалась въ дома реформатовъ; а въ Дрезденѣ казнили даже за еретичество придворнаго священника, конечно и по политическимъ причинамъ. Эпоха ортодоксіи начала господствовать около половины шестнадцатаго столѣтія, съ тѣмъ чтобы продлить свои дѣйствія до половины 17-го. Реформаторы хотѣли возвратиться къ первобытному христіанству, для котораго библія была ихъ единственнымъ источникомъ. Самъ Лютеръ сначала относился къ этому источнику съ полною свободой духа, но потомъ испугался послѣдствій своего собственнаго поступка, сдѣлался нетерпимъ противъ всякаго уклоняющагося мнѣнія и не питалъ никакого сочувствія къ вольнолюбивому порыву угнетенныхъ массъ, такъ что смѣло заявленная вначалѣ свобода вѣры и совѣсти мало по малу совершенно отошла на задній планъ и настало господство мертвой буквы, „бумажнаго папы“. Книги какъ Ветхаго, такъ и Новаго завѣта, всѣ безъ различія считались произведеніемъ Святаго Духа, въ которыхъ омраченный человѣческій разумъ, исключительно и безъ всякой самодѣятельности, долженъ былъ обрѣсти путь къ примиренію и блаженству. Исходя отъ такого предположенія, старались утверждать „чистое ученіе“ протестантизма и такимъ образомъ установили правовѣрную догматику, имѣвшую своимъ средоточіемъ окончательно испорченную съ паденія Адама природу человѣка и возстановленную опять Ансельмову теорію удовлетворенія, въ силу которой примиреніе можетъ совершиться со стороны Бога только жертвоприношеніемъ Богочеловѣка, а со стороны человѣка—вѣрою въ спасеніе чрезъ посредство кровавой смерти на крестѣ помимо всякой личной заслуги. Этою формулированною и обусловленною системою та нравственно свободная личность, которую протестантизмъ вознесъ было на свою хоругвь, была опять упразднена. Богъ и человѣкъ были вновь расторгнуты: человѣкъ уже не божественъ и потому онъ можетъ достичь божественнаго не органически, а только механически. Вѣра уже болѣе не свободное дѣло субъективнаго усвоенія божественнаго: она не

что иное какъ утвержденіе всѣхъ установленныхъ церковью догматическихъ представленій. Нравственная личность рознята, внутренній человѣкъ мечется въ разныя стороны между личнымъ убѣжденіемъ и внѣшнею вѣрою въ букву, и попранное ногами чувство собственнаго достоинства разражается наконецъ религіозною тираніею и нетерпимостью, въ чемъ ищетъ и находитъ отплату за свое уничиженіе и рабство.

Увлекаемый этою нетерпимостью буквы, Лютеръ на конференціи въ Марбургѣ явился уже не великимъ реформаторомъ, а напротивъ, лишь узкосердымъ богословомъ, — онъ требовалъ отъ правительства, чтобы оно изгоняло изъ страны всѣхъ отступавшихъ отъ чистаго ученія. Даже кроткій Меланхтонъ, движимый тѣмъ же фанатизмомъ буквы, хотѣлъ вступить въ связь съ католиками, чтобы тѣмъ легче подавить цвинглистовъ и еретиковъ; а по поводу открытія Коперника, онъ писалъ своимъ друзьямъ о необходимости побудить правительство, чтобы оно всѣми имѣющимися въ его рукахъ средствами подавило такое зловредное и безбожное ученіе.—Впрочемъ у Лютера и реформаторовъ эта нетерпимость проявлялась лишь единичными выходками: они были люди живой вѣры, а не мертвой догматики. Только послѣ ихъ смерти формальное идолослуженіе взяло верхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и развился духъ гоненія и кары. Этотъ духъ нетерпимости и возбудилъ всѣ тѣ „травли“ въ Англіи противъ диссидентовъ, въ Голландіи противъ арминіянъ, въ Германіи противъ кальвинистовъ и криптокальвинистовъ, а во всѣхъ странахъ противъ социніянъ. Тотъ же духъ гоненій и кары наконецъ нашептывалъ Калову взамѣнъ каждодневной молитвы: Imple me, Deus, odio hereticorum, *) а глубоко религіознаго Шпенера, по смерти его, онъ же лишилъ права христіанскаго погребенія. Да и откуда было сердцамъ исполниться любви, когда вѣра была мертва и опять стала особеннымъ и исключительнымъ дѣломъ помимо всякихъ другихъ дѣлъ? Грубость и своекорыстіе стали господствовать. Невѣроятная жесткость царила надъ семейною жизнью и школою; церковь была мѣстомъ осужденія еретиковъ, а духовенство подвизалось въ догматическихъ распряхъ.

Вотъ до чего дошли религіозныя воззрѣнія и подсказанныя совѣстью изреченія реформаторовъ, когда, отвердѣвъ и закоченѣвъ въ теологіи, они утратили движущій духъ своихъ творцовъ, духъ развитія. Окончательное затвердѣніе лютеранскаго вѣроисповѣданья въ формулы конкордій (1577) даже между лютеранами вызвало расколъ, прекратившійся

*) Исполни меня, Господи, ненависти къ еретикамъ.

лишь по поводу злостной и враждебной полемики противъ реформатовъ. Такъ всемірноисторическій духъ исчезъ изъ лютеранской церкви; онъ жилъ лишь еще въ кальвинизмѣ, имѣвшемъ въ Германіи, Франціи, Голландіи, Шотландіи, Англіи, Богеміи, Венгріи и Польшѣ многихъ и ревностныхъ послѣдователей.

Въ параллель съ протестантскимъ фанатизмомъ шелъ и католическій, даже рука объ руку съ нимъ; но онъ только былъ ловче, хитрѣе и осторожнѣе перваго. Тридентскій соборъ утвердилъ средневѣковой символъ вѣры во всей его строгости; суевѣріе поддерживалось во всѣхъ направленіяхъ и видахъ; въ народахъ религіозная ревность воспалялась до дикаго изувѣрства; шаткая мораль іезуитовъ служила продолженіемъ шаткости средневѣкового нравоученія, и южноевропейскіе католики вслѣдствіе этого попрежнему съ сильною страстью предавались какъ дозволеннымъ, такъ и запрещеннымъ чувственнымъ наслажденіямъ.

Ненависть противъ еретиковъ и духъ гоненія господствовали въ теченіе цѣлаго столѣтія какъ у католиковъ, такъ и у протестантовъ. Всѣ порывались превзойти другъ друга въ нелюбіи—подъ знаменемъ религіи любви.

Эта грубость духовныхъ воззрѣній отравила также и общественную жизнь. Вслѣдствіе вѣры въ дьявола, въ образѣ котораго слились древне-восточныя, іудейско-христіанскія, антично-языческія и сѣверно-миѳологическія понятія, въ протестантскій міръ также вторгся весь грузъ средневѣкового суевѣрія, вторглись домовые и злые духи, колдовства, бѣснованія и пр. Священники сдѣлались заклинателями бѣсовъ въ проявленіяхъ періодическаго сумасшествія, ипохондріи, эпилепсіи и лунатизма, также гонителями колдовства, которое считалось за одно съ еретичествомъ, такъ какъ оно основывалось на связи съ дьяволомъ и слѣдовательно на разрывѣ окрещеннаго съ церковью Христовой. Церковь въ помощь себѣ вооружила на этотъ конецъ мірскія судилища, и гоненія вѣдьмъ, бывшія, по словамъ Гаубера, политическимъ подлогомъ папъ, съ цѣлью продлить такимъ образомъ инквизицію, а слѣдовательно и папскую власть, съ этихъ поръ наполняли міръ своими ужасами. Въ 1585-мъ г. въ Комо, въ верхней Италіи, преданы костру 41 вѣдьма, въ 1609-мъ въ Швеціи въ Морѣ 72 женщины и 15 дѣтей, а въ Испаніи, въ Логроньѣ, въ 1610-мъ г. цѣлая толпа вѣдьмъ. Эти гоненія происходили также въ Португаліи, Великобританіи, Даніи, Швеціи, Польшѣ и Венгріи. Но нигдѣ вѣдьмы не преслѣдовались такъ систематично и основательно, какъ въ Германіи. Протестантское и католическое духовенство, князья, магистраты и юристы, съ толстою книгою Шпренгера и его сотрудниковъ „Молотомъ вѣдьмъ“ (Malleus maleficarum), подъ мышкой, въ 16-мъ

и въ три первыя четверти 17-го вѣка дружно разводили костры для сожиганія своихъ жертвъ. Чародѣйство неодолимымъ ужасомъ обуяло всю Германію. Все, самое высокое и низкое, самое важное и смѣшное, все лучшее и худшее, бѣдность и богатство, здоровье и недугъ, красота и безобразіе, добродѣтель и порокъ и пр. — все могло возбуждать подозрѣніе въ колдовствѣ, и если подвохи судей и свидѣтелей не достигали цѣли, то признанія добивались пытками; обвиненныхъ и уличенныхъ такимъ образомъ, смотря по обстоятельствамъ, терзали напередъ раскаленными щипцами, а послѣ того сжигали живьемъ.

Духъ гоненій вывелъ, передъ всѣми остальными государственными учрежденіями, на первый планъ полицію, а въ ней и заодно съ нею цензуру, запреты и сжиганіе книгъ. Запрещеніе лютеранскихъ сочиненій Карломъ V положило починъ этому дѣлу. Скоро всѣ католическіе князья Германіи стали подражать императору въ такого рода запретахъ. Въ 1540-мъ г. въ Нидерландахъ явился первый „Указатель запрещенныхъ книгъ“ (Index librorum prohibitorum), и вскорѣ затѣмъ въ Германіи и во Франціи послѣдовали подробные законы о цензурѣ и печати, а въ Италіи, Испаніи и Португаліи—съ ихъ іезуитами и доминиканцами въ качествѣ движущихъ рычаговъ, въ видѣ судей и шпіоновъ—они дошли до самой утонченной строгости; евангелическіе князья и правительства, въ свою очередь, не уступали имъ въ этомъ отношеніи и также легко находили для того палачей. Бенедиктъ Карпцовъ (1595—1666), благовѣрный христіанинъ, ходившій каждый мѣсяцъ къ святому причастію и прочитавшій пятьдесятъ три раза Священное Писаніе, въ качествѣ фанатическаго исполнителя буквы закона, произнесъ чуть-ли не до 20,000 смертныхъ приговоровъ!

Такъ было во всѣхъ странахъ Европы. Въ Испаніи господствовали клиръ, знать и нищіе, іезуиты и инквизиція. Въ Португаліи университетъ въ Коимбрѣ разливалъ вокругъ себя скудный свѣтъ. Во Франціи, вслѣдствіе возведенія большого числа мѣщанъ въ низшую знать, дворянство сдѣлалось зависимымъ отъ двора, тогда какъ среднее сословіе не имѣло значенія, а деревенское населеніе стонало подъ гнетомъ феодальной системы, дворъ же былъ притономъ пышности, къ позорищамъ котораго принадлежало также мучительное сожиганіе лютеранъ. У итальянскихъ деспотовъ, не гнушавшихся ни ядомъ, ни кинжаломъ, при совершенной утратѣ чувства законности, развилось бандитство. Въ Бельгіи введеніе французскаго языка въ общественныхъ дѣлахъ подавило національную литературу. Въ Англіи 39 статей господствующей церкви воздвигли государственное зданіе, въ которомъ не было мѣста ни религіозной задушевности, ни богословскому изслѣдованію.

Въ Германіи чиновники и дипломаты обезнѣмечили языкъ нелѣпымъ подражаніемъ итальянскому, французскому и испанскому, а юристы исказили также и право: уголовное уложеніе Карла V пыталось, правда, въ эту смутную эпоху возстановить общую законную основу; но вопреки его „Каролинѣ" продолжали попрежнему пытать, терзать, разрывать, колесовать, четвертовать и жарить.

Однако этому отвлеченному идеализму въ теологіи и наукѣ реализмъ благотворно противодѣйствовалъ въ нравственной жизни и въ дѣйствительности. При нѣкоторыхъ изъ германскихъ дворовъ господствовали еще дюжая простота и естественность, пока наконецъ въ 17-мъ вѣкѣ не вторглись и туда пестрая надутая изысканность и чопорность. Многія изъ княгинь еще добивались и заслуживали почетнаго званія доброй домохозяйки и отчасти сами закупали все необходимое для кухни, погреба, кладовой и все бѣлье. Въ то же время онѣ пеклись о томъ, чтобы при помощи способнаго, соединяющаго въ себѣ какъ ученаго, такъ и свѣтскаго человѣка, гувернера доставить своимъ сыновьямъ и дочерямъ необходимыя предварительныя познанія, послѣ чего юноши посѣщали высшее учебное заведеніе, или отправлялись для дальнѣйшаго образованія къ болѣе богатому двору. Знать все еще вращалась въ рыцарско-романтическихъ преданьяхъ, но настоящую стихію свою она находила лишь въ страсти къ охотѣ, въ попойкахъ, выплясках, собакахъ, лошадяхъ и картахъ. Богатые городскіе патриціи напротивъ того чиннѣе жили въ блескѣ и роскоши. Мѣщанское житье-бытье вообще было полно крѣпости и дюжести, въ обществѣ ничѣмъ почти не стѣснялось и не обходилось безъ грубыхъ шутокъ, но было тѣмъ не менѣе степенно. Въ домашнемъ быту господствовалъ благоразумный разсчетъ въ связи съ задушевною чистотою. Жена была вѣрною, дѣятельною подругою мужа, ласковою успокоительницею и дополнительницею его, разсудительною и рачительною хозяйкою, заботливою попечительницею и воспитательницею своихъ дѣтей. Преимущество отдавалось уже не тѣлесной красотѣ женщины, какъ въ рыцарскую эпоху, а напротивъ—благородству души.—Нравственная жизнь семьи стояла выше церковной ортодоксіи: семья была святымъ убѣжищемъ, гдѣ протестантизмъ сохранялся въ его свѣжей первобытной силѣ. Семья непосредственнымъ нушеніемъ и практическою дѣятельностью продолжала также развивать далѣе нравственные зародыши въ своихъ членахъ.—

На такой тощей почвѣ *воспитаніе* въ школѣ могло имѣть лишь скудный успѣхъ. Въ католическихъ странахъ іезуиты завладѣли учебными заведеніями и наполнили ихъ своимъ вылощеннымъ до блеска, но тѣсно ограниченнымъ знаніемъ. Возбужденіе фанатизма въ угоду римско-католи-

ческой церкви, пылкая ненависть къ еретикамъ, обученіе разнымъ знаніямъ и искусствамъ, лишенное основательности и пытливости, дрессировка въ латыни, навыкъ къ приличію,—вотъ тотъ ослѣплявшій блескъ, который вводилъ въ заблужденіе самыхъ высокоодаренныхъ протестантовъ и которому въ эпоху контрреформаціи преданы были даже сыновья евангелическихъ родителей—большею частью изъ дворянъ. Въ Италіи іезуиты уничтожили пышное умственное богатство гуманизма. Въ Бельгіи они въ Дуэ создали себѣ свой Ингольштадтъ. Въ Польшѣ съ 1622-го г. подавили научность, ученость и національную литературу. Въ Богеміи они сдѣлались чумою народной и научной жизни.

Въ протестантизмѣ заодно съ реформаторами и черезъ нихъ пробудилась свѣжая жизнь, а вмѣстѣ съ тѣмъ возникло стремленіе къ воспитанію и обученію. Меланхтонъ съ своими учениками особенно содѣйствовалъ основанію школъ. Вскорѣ расцвѣли Нюрнбергъ при Камераріусѣ и Эобанѣ Гессѣ, Гольдбергъ при Тротцендорфѣ, Страсбургъ при Штурмѣ, Франкфуртъ на Майнѣ при Мициллусѣ, Ильфельдъ при Неандрѣ, Нордгаузенъ при В. Фаберѣ. Сверхъ того образовались еще средняго рода учебныя заведенія, занявшія мѣсто между гимназіями и университетами: академическія гимназіи въ Цербстѣ, Страсбургѣ, Данцигѣ, Гамбургѣ, Бременѣ, Цюрихѣ, Эльбингѣ и пр.—Въ странахъ внѣ Германіи въ первомъ ряду протестантскихъ учебныхъ заведеній стояли замѣчательныя до 1621-го г. школы въ Богеміи, гдѣ начиная съ 1579-го и до 1593-го г. вышелъ также въ шести томахъ переводъ библіи „Братьевъ общинной жизни“ какъ достославный памятникъ староевропейской литературы, — учебныя заведенія Сониніанъ въ Раковѣ, въ Англіи Вестминстерская и Павловская школы въ Лондонѣ, школа въ Итонѣ, Грисгамскій колледжъ, школы вь Гарро и Рёгби, — учебное заведеніе ремонстрантовъ въ Амстердамѣ, датскія школы въ Рёскильдѣ, Копенгагенѣ, Ааргусѣ, Сорёэ, шведская школа въ Стренгнесѣ,, венгерская въ Дебречинѣ и Сарошъ-Патакѣ, лифляндская въ Дерптѣ и пр.

Такимъ образомъ всюду созидались приготовительныя заведенія для ученаго сословія, въ которыхъ мѣщанство по возможности также старалось образоваться. Для знати въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, въ Сорёэ, Зигенѣ, Люнебургѣ, открывались особыя учебныя заведенія, гдѣ предметы преподаванія въ сущности не отличались отъ предметовъ ученыхъ школъ, такъ какъ латынь тогда считалась тоже и дѣломъ дипломатіи. Въ семнадцатомъ вѣкѣ появилось такъ-назыв. гувернёрское воспитаніе. Въ этомъ отношеніи Лонейсъ въ своемъ „Воспитаніи и наставленіи молодыхъ господъ (1679)“ требуетъ именно, чтобы добронравные пажи и отроки одно-

го возраста назначались въ товарищи молодому господину, чтобы послѣдній хорошо изучалъ науки и искусства, чтобы его тщательно наставляли въ истинной вѣрѣ и благочестіи, въ надлежащемъ обращеніи съ родителями и родственниками, учителями, слугами и подданными.

Точно также выдѣлилось и воспитаніе принцевъ крови. Наставникъ и гувернёръ пеклись здѣсь объ основательной правовѣрной религіозности, объ умѣренности и о благородно-вольномъ образѣ мыслей. Тѣлесное воспитаніе установлялось придворнымъ медикомъ: къ столу вюртембергскаго и пфальцскаго принцевъ (1562,1581) отнюдь не подавалось ни грубой говядины, ни свинины, ни соленой рыбы, ни кислой капусты, ни гороху, бобовъ или чечевицы, и вообще допускалось мало овощей; питались только яицами, молодой говядиной, рыбой, плодами и т. п., а пили пиво, коричную воду и немного вина. Всякая сильная бѣготня, всякое прыганье запрещалось. Дисциплина была строгая, розги настоятельно предписывались и были дѣломъ обыденнымъ. Инструкція для Георга III Саксонскаго (род. 1647) гласитъ: „Въ 7 часовъ принцъ долженъ вставать, произнося „Господи помилуй“; вовремя его одѣванья окружающіе должны пѣть духовную пѣснь; потомъ принцъ съ находящимся на лицо придворнымъ штатомъ отправляется къ заутренѣ, наконецъ въ свой покой для особой молитвы, а въ проповѣдные дни—въ церковь; потомъ слѣдуютъ отъ 8 до 10 два урочныхъ часа, имѣющихъ начинаться короткою молитвою о Божьей помощи и заканчиваться благодарственнымъ псалмомъ. Время отъ 10 до 11 часовъ назначается для игръ и увеселеній, затѣмъ обѣдъ, потомъ послѣобѣденные урочные часы, наконецъ одинъ свободный часъ для танцмейстера. Отъ 4 до 5 вечера урочный часъ, отъ 5 до 6 часъ для игръ и ужина, въ 8 часовъ общая молитва со всѣмъ придворнымъ штатомъ, послѣ чего принцъ удаляется въ свой покой, раздѣвается, совершаетъ свою особую молитву, и ровно въ 9 часовъ ложится въ постель.“

О ходѣ преподаванія извѣщаетъ насъ „Дворцовая учебная книга, т. е. исторія и истинное описаніе, какъ велось и шло обученіе и наставленіе милостиваго молодого господина курфюршества Пфальцскаго, герцога Фридриха, пфальцграфа Рейнскаго и пфальцграфини дѣвицы Христины, отъ начала и до пятаго года, составленная медикомъ и библіотекаремъ курфиршества Пфальцскаго, Іоакимомъ Струппіемъ Гельнгаузенскимъ, 1583 г.“ „Порядокъ и распредѣленіе часовъ“ были слѣдующіе: Въ первый годъ семилѣтняго принца, въ его такъ называемый „годъ благодушія (annus pietatis), преподавались нѣмецкій катехизисъ и первоначальная грамотность“: библейскіе тексты, чтеніе, письмо, склоненія, по 3 часа въ день, утромъ отъ 8 до 9, послѣ обѣда

отъ 2 до 4, при чемъ подъ конецъ приводились всякій разъ названія разныхъ предметовъ. Второй годъ „можно назвать годомъ Доната или этимологіи“; отъ 7 до 8 часовъ молитва, глава изъ библіи, объясненіе грамматическихъ правилъ, отъ 9 до 10 послѣднія заучиваются наизустъ, отъ часу до двухъ чистописаніе, отъ 3 до 4 часовъ Лютеровъ катехизисъ, изученіе нравовъ, сентенціи Катона. Третій годъ, „годъ настоящей грамматики“, когда при этимологіи проходится также и синтаксисъ: отъ 7 до 9 часовъ грамматическія правила, отъ часу до двухъ писаніе, отъ 3 до 4 толкованіе сентенцій изъ Сираха, Цицерона и пр. Четвертый годъ вмѣстѣ съ повтореніемъ пройденной грамматики посвящается преимущественно латинскому языку; отъ 7 до 8 часовъ объясняются стихи Мурмеллія, письма Цицерона и пр., отъ 9 до 10 пишется какое нибудь сочиненіе, отъ часу до 2 диктовка, отъ 3 до 4 исправляется сочиненіе и повторяются грамматическія правила. Пятый годъ по возможности приравнивается четвертому, съ прибавкою только по получасу въ день для греческаго языка. Ordo lectionum: Capita pietatis tradantur, Ciceron. epp. exponantur, componatur argumentum, ratio legendi graeca item declinandi et conjugandi, emendentur scripta *). Шестой годъ назначался болѣе всего для діалектики и реторики, а потомъ седьмой, восьмой, девятый, десятый назначались для наукъ, ариѳметики, физики, сферики, географіи, этики, правовѣдѣнья, исторіи и для законовъ, причемъ не упускались изъ виду ни правила благочестія, ни письменныя упражненія.

„Принцесса круглый годъ должна во имя Святыя Троицы вставать въ 7 часовъ утра, освѣжить тѣло, умывшись, причесавшись, одѣвшись чисто и исполнивъ все необходимое, прочесть утреннюю молитву, пройтись и покушать супцу. Послѣ ученія въ 9 часовъ она опять должна пройтись, притомъ шить, прясть, вязать, плесть кружева, облегчить также тѣло свое отъ всего излишняго, чтобы не пришлось потомъ неприличнымъ образомъ встать изъ-за стола. За обѣдомъ она должна вести себя чинно и скромно, вкушать тихо, хорошенько рѣзать и жевать, не пить вина, не ѣсть ни сыра, ни горячей рѣпы, потому что это истощитъ ея силы, и за столомъ отнюдь не сердиться, не ворчать и не пищать. Потомъ до ½ 2-го часа она должна учиться играть на какомъ нибудь инструментѣ. Послѣ 2 часовъ слѣдуетъ полдничать, до 3 часовъ учиться про себя, отъ 3 до ½ 4 часа опять брать урокъ и каждое преподаваніе начинать съ молитвы: Veni sancte spiritus и кончать Glor. patr. Она должна иногда

*) Порядокъ уроковъ: повторяются правила благочестія, объясняются письма Цицерона, пишутся сочиненія, упражняются въ чтеніи по гречески, также въ склоненіи и спряженіи, исправляются написанныя темы.

заглядывать въ женскую кухню и учиться стряпать, особеняо присмотрѣться и поучиться въ дворцовой аптекѣ и аптечномъ саду. Вечеромъ въ 8 часовъ должна она исполнить свою вечернюю молитву и пропѣть къ ней псалмы, поиграть на инструментѣ, прочесть также главу изъ библіи съ надлежащимъ толкованіемъ для лучшаго пониманія текста. Она должна, особенно по субботамъ, мыть голову, ноги и все свое тѣло, что вообще благоприлично и здорово для государскихъ дѣтей. Она должна выучить наизусть понѣмецки воскресное Евангеліе. Каждый день въ недѣлѣ должна она сказывать наизустъ катехизисъ съ объясненіемъ понѣмецки и полатыни, также по одному изъ седьми прошеній молитвы Господней, читать ежедневно по одному псалму и по одной главѣ изъ библіи. Со всѣми своими окружающими должна она строго и вполнѣ воздерживаться отъ всякихъ легкомысленныхъ пѣсенъ, поносныхъ словъ и суетныхъ украшеній, но говорить и пѣть объ иныхъ благочестивыхъ и скромныхъ предметахъ„.

Реформація сообщила школамъ новый толчокъ и вдохнула въ нихъ новую жизнь. Впрочемъ, какая бы жизнь ни пробудилась въ первыхъ протестантскихъ школахъ, но схоластическая форма господствовавшей тогда теологіи и рабски-ограниченное усвоеніе цицероновскаго витійства скоро сдѣлались ихъ исключительнымъ содержаніемъ, а завзятый латинистъ (homo latinus) ихъ высшимъ идеаломъ. Вѣдь если человѣческая природа въ конецъ испорчена первороднымъ грѣхомъ до того, что человѣкъ на нравственной почвѣ не отличается отъ камня, то можетъ имѣть мѣсто одно только воспитаніе извнѣ во внутрь, переламливающее извращенную и закоснѣлую волю во что бы то ни стало самыми жестокими наказаніями, чтобы потомъ очищенную отъ плевелъ почву засѣять мало по малу новымъ сѣменемъ. И если невѣжество простого люда оказывается всего удобнѣе для церкви и государства, то школьное образованіе конечно должно быть низведено до низшей степени. Воспитаніе стало тогда мертвымъ механизмомъ: оно сводилось лишь къ тому, чтобы все историческое, или скорѣе іерархическое, теологическое и догматическое въ христіанствѣ по возможности ранѣе запечатлѣвалось въ дѣтской душѣ и накрѣпко усвоивалось ею. Крайнею и высшею цѣлью воспитанія была исключительно церковная жизнь, а въ ней—одинаковость всѣхъ сплошь, нашколенная только выправка. Движеніе, жизнь и развитіе были чужды воспитанію, какъ въ высшихъ, такъ и въ низшихъ его школахъ. Университеты излагали науку въ рабской неволѣ, а студенты между тѣмъ бушевали въ подневольной необузданности. Латинскія школы бездушно прозябали на грамматикѣ и реторикѣ Рима, и только протестантское христіанство, заучиваемое ими механически, придало имъ новый оттѣнокъ.

Математика, исторія и физика, также гимнастика вовсе пренебрегались ими; латынь и религія были главными предметами преподаванія. Точно тоже и на католической почвѣ: организма не было и слѣда, все одна только дрессировка. Собственно народная школа заявляла самыя скудныя требованья, но и ихъ-то не была въ состояніи выполнить, оттого что учителя были—ремесленники.

Іерархическое воспитаніе заглохло въ формализмѣ. Ученый компиляторскій духъ и труженичество толкователей—вотъ что было стихіей учителей, культура ума и памяти на слова—была цѣлью учениковъ. Однако въ этой односторонности скрывается въ то же время историческое значеніе іерархическаго воспитанія. Чтобы овладѣть древнимъ міромъ, какъ истипнымъ образовательнымъ средствомъ, надлежало прежде всего собрать остатки его, соединить, связать, а потомъ сблизить съ воззрѣніями современности, т. е. истолковать ихъ: вотъ предварительныя работы, на которыхъ могла создаться истинная наука о древности. Притомъ іерархическое воспитаніе въ протестанской области начертало первый планъ народной школы и сдѣлало религію изъ ея глубочайшаго нѣдра, изъ алчущаго спасенія чувства, средоточіемъ преподаванія, чѣмъ и установило вѣчную и несокрушимую основу для всеміpно-историческаго развитія педагогики.

I. ПРАВОВѢРНОЕ ВОСПИТАНІЕ.

а) Латинскія школы

9.

Евангелическіе школьные уставы съ ихъ распорядками касательно латинскихъ училищъ.

Къ первымъ педагоческимъ созданіямъ реформаторовъ принадлежатъ двѣ школы въ Эйслебенѣ, основанныя Лютеромъ въ 1525-мъ г. по приказанію графа Альбрехта фонъ-Мансфельда. Одна изъ этихъ школъ была высшая, а другая низшая. Надзоръ надъ обѣими Лютеръ поручилъ М. Іоанну Агриколѣ. Послѣдній родился въ 1492-мъ г. въ Эйслебенѣ. Въ качествѣ Лютерова ученика онъ въ 1519-мъ г. велъ протоколъ нри диспутѣ его съ Эккомъ. Онъ былъ сперва ректоромъ и священникомъ въ Эйслебенѣ, потомъ отправился во Франкуртъ на Майнѣ, а послѣ того на Шпейерскій сеймъ въ санѣ придворнаго священника курфирста Саксонскаго, Іоанна Постояннаго. Онъ умеръ въ 1566-мъ г.

придворнымъ священникомъ въ Берлинѣ. Должность учителя въ Эйслебенѣ Агрикола исправлялъ съ успѣхомъ, свидѣтельствовавшимъ о его даровитости, чрезвычайной душевной силѣ и о знаніяхъ его, такъ что Лютеръ въ своихъ письмахъ называетъ его самымъ вѣрнымъ наставникомъ Эйслебенской школы. Супруга его Ильза также открыла школу для женской молодежи, и преподавала христіанство и разные достойные изученія предметы. Вѣроятно для школы Ильзы и составилъ Агрикола свои, въ 1527-мъ г. напечатанные, „Сто тридцать простыхъ вопросовъ для малолѣтнихъ дѣтей въ нѣмецкой дѣвичьей школѣ въ Эйслебенѣ.“ Учебный планъ упомянутаго высшаго заведенія найденъ въ 1865-мъ г. Фридрихомъ Лоренцомъ Гоффманомъ въ Гамбургской городской библіотекѣ и былъ потомъ обнародованъ. Этотъ документъ старѣе всего, что до сихъ поръ извѣстно въ этомъ родѣ. Составителями его считаются Іоаннъ Агрикола и Германъ Тулихъ. Планъ этотъ коротокъ, сжатъ и ясно высказываетъ, что именно требуется отъ новой школы. Избрана трехклассная система, положенная также въ основу Меланхтоновскаго курсаксонскаго школьнаго устава. Первый классъ—элементарный, а третій—высшій. О латинскомъ преподаваніи говорится очень подробно. Только въ третьемъ классѣ преподаются греческій и еврейскій языки. Въ видѣ желанія заявляется: „ut non modo dicendi artes traderentur, sed etiam mathemata et totus orbis artium“ *) Ученики по одному часу въ день должны обучаться музыкѣ. Относительно преподаванія религіи сказано: Учитель долженъ объяснить одного изъ евангелистовъ, одно посланіе Павла, или притчи Соломона, но весьма просто, такъ чтобы юноши не вдавались въ теологическія пренія, а усвоили себѣ самыя чистыя религіозныя ученія и умѣли отличать ихъ отъ лицемѣрнаго благочестія, побуждаясь тѣмъ къ страху Божію, добросовѣстности и добронравію. Помимо греческихъ и римскихъ классиковъ упоминаются еще въ качествѣ учебныхъ книгъ: Педологія Мозеллана, для перваго класса, новѣйшія буколики для второго, Эразма „О полнотѣ выраженія,“ его же „Правила, какъ писать письма,“ греческая грамматика Эколампадія для третьяго класса. Замѣчательная книжечка, „Педологія“, во многихъ школьныхъ уставахъ назначалась учебникомъ, такъ, между прочимъ, въ гамбургскомъ Бугенгагена отъ 1529-го г., въ курсаксонскомъ отъ 1528-го и въ магдебургскомъ отъ 1553-го г. Первое изданіе этой книжки появилось въ 1518-мъ г. Сочинитель ея, Мозелланъ (Шаде), былъ друженъ съ Эразмомъ, но на этотъ трудъ его побудилъ Поліандръ. Содержащіеся въ со-

---

*) «Чтобы преподавались не только словесныя, но также математическія и всѣ другія науки.»

чиненіи разговоры относятся къ разнымъ житейскимъ, особенно учебнымъ предметамъ. Тамъ говорится напр. de vindemia et aucupio, de ludendi ratione, de nuptiis, balneis ac viscerationibus, de jejunii violata religione, deque divae Catharinae studiorum praesidiis nomine, de variis spectaculis, de bacchanalibus Christianorum, de spectaculis comoediarum tragoediarumque exhibendis etc. *) Одно изъ важнѣйшихъ сочиненій Агриколы вышло въ 1527-мъ г. въ Эйслебенѣ: „Христіанское воспитаніе дѣтей въ словѣ и ученіи Божіемъ, изъ школы въ Эйслебенѣ. Господину Эрнсту, герцогу въ Брауншвейгѣ и Каспару, графу въ Мансфельдѣ." Сотрудникъ Агриколы, Германнъ Тулихій родился въ 1486-мъ г. въ Падерборнскомъ округѣ, а умеръ въ 1540-мъ ректоромъ Іоанновской школы въ Люнебургѣ.

Предлагаемъ здѣсь какъ рѣдкость вышеупомянутый короткій учебный планъ.

JOANNES AGRICOLA ET HERMANNVS TVLICHIVS.

Professores Scholae Islebianae.

Lectori S.

Constitvervnt Vtili Consilio Scholam Nobilissimi Comites A Mansfelt, Vbi Liberi Popularium dicionis suae a prima pueritia ad religionem & ad alias uirtutes formentur & adsuefiant, & percipiant eas artes, quae uel ad docendam religionem, uel ad Ciuilem statum rerum conseruandum conducunt. Compertum est enim his annis cuiusmodi motus in rebus publicis excitarint hi, qui adhibiti ad docenda sacra, aut religionis uim atque naturam non plane tenebant, aut quia nullis alijs literis erant exculti, perspicue docere non poterant, aut uano praetextu religionis in artes alias seuiebant & ciuilem disciplinam labefactabant. Proinde, ut rectis opinionibus de religione, deque alijs rebus, statim rudes animi imbuantur, conducti sunt, qui & sacras & prophanas literas probe doceant. Neque vero leuiter merentur de patria Comites, cum haec studia in pueris excitant, quae ad alendos bonos mores non parum momenti adferunt. Videmus enim fere primae institutioni reliquam uitam respondere, & tales euadere ciues quales a teneris puerilis disciplina finxit. Proprie autem regium munus est moribus populi consulere.

---

*) О сборѣ винограда и о птицеловствѣ, о правилахъ игры, о бракѣ, о баняхъ и угощеніяхъ, о нарушеніи поста, объ имени великой Катерины, покровительницы ученыхъ занятій о разныхъ зрѣлищахъ, о празднествахъ христіанъ, о томъ какъ представлять комедіи и трагедіи, и проч.

Et ut teneant in hoc ludo pueri certam operarum & studiorum suorum racionem, praelectionum ordinem illis publice praescribemus, quem in puerilibus artibus percipiendis sequi uidetur in primis utile.

Distribuimus autem scholam in classes, ut tanquam intra certa detineremus infirmam aetatem, cogeremusque ordine gradum facere subinde ad difficiliora. Solent enim nonnunquam pueri offensi asperitate in primis rudimentis, imparati & illotis manibus irruere ad superiorem literarum partem. Id est autem conari sine pennis uolare. Proinde classibus factis tantisper illos ad prima elementa grammatices alligabimus dum maturuerint ingenia & uires uidebuntur sufficere maiori oneri. Nam ut tempore rosas prouenire uenustissimas dicunt Germani, ita in puerilibus studijs conducet praestare ne ante tempus attingant eiusmodi literarum partem, ad quam percipiendam nondum sunt idonei.

Prima.

Prima classis est Elementariorum, qui lectionem discent ex uulgatis libellis, qui extant in hunc usum conscripti, & preculas quasdam, & sententias continent. Accedent & paedalogia Mosellani, Aesopi fabulae & carmen de moribus, quod Catonis nomine circumfertur, Et Mimi Laberij. Haec ediscent pueri & interpretabitur praeceptor, ut illi nonnihil uerborum inde mutuentur ad qualemcumque usum latine loquendi.

Secunda.

Secunda est eorum, pui grammaticas praeceptiones discunt; pessime enim consulunt puerorum studijs qui praeceptiones uetant attingere, putantque rectius disci grammaticam aliunde. Interim tamen etiam autores proponendi sunt, Terentius & Virgilius, ubi experiantur regulas, & unde petant supellectilem uerborum. Ediscent autem Terentium & Virgilii Bucolica. Profuerit & recenciorum bucolica cognoscere, quae digna lectione uidebuntur, nam id carminis genus ualde quadrat ad puerilem captum. Sunt autem hi adsuefaciendi ad stylum exercendum, scribentque & solutam orätionem, narraciunculas, epistolas, & uersiculos. Argumenta pro suo iudicio proponent doctores. Ita & domi & in schola erit quod agant.

Tertia.

Tertia. Vbi praeceptiones grammaticas probe didicerint, tum demum tradantur dialectica & rhetorica, Erasmi libelli de duplici copia. Et propanantur historici, deligantur ex Liuio iucundissimi libri, enarretur Salustius. Iterum Poeta Virgilius,

Horatius, Metamorphosis Ouidij, de Ponto & Tristium. Et deligantur ex orationibus Ciceronis hae quae minimum habent obscuritatis, quales sunt pro Archia, pro M. Marcello & similes. Enarranda etiam Officia, De Amicitia, de Senectute. Hi quoque stylum exerceant scribendis uersibus, & soluta oratione pro suis quisque uiribus. Singulis septimanis biduum recognitionibus scriptorum ab utraque classe adsignetur, qui dies, quia erunt alioqui uacui, collocentur in enarrationem Plauti, & epistolarum Ciceronis, Modum scribendarum epistolarum Erasmi. Aphthonium uersum a Mosellano.

Ex tertia Classe, qui mediocre iam robur in latinis literis fecerunt, & firmioribus ingenijs esse uidebuntur, incipiant graece discere, Elementale, Oecolampadij grammaticen, nonnullos Luciani dialogos, deinceps Hesiodum, Homerum. Nonnulli in his adhibeantur & ad hebraicas litteras. Dabitur autem opera in tanta uarietate linguarum ac literarum, ut ordine & racione leuetur onus. Neque uero ferendi uidentur qui pueros adigunt ad graece aut hebraice discendum, priusquam promouerant aliquousque in latinis.

Erit optabile, ut non modo dicendi artes traderentur sed etiam mathemata & totus orbis artium. Sed est habenda aetatis racio, quam cum infirmam suscipiamus docendam, uisum est primum tradere dicendi artes, quae ad reliquas discipiinas discendas uiam faciunt. Quod si res sucesserit spes est fore ut accedant Mathemata. Et tamen quotidie una hora impartienda est musicae.

Sed haec studia ita erunt fortunata si cum pietate coniuncta fuerint, quemadmodum Christus inquit, Primum querite regnum dei, & cetera adjicientur uobis. Et praecepit deus Deuter: VI. ut liberos doceamus religionem. Itaque in tractationem sacrorum singulis septimanis dies Dominicus conferetur. Et uniuersae scholae interpretabitur praeceptor aut unum ex Euangelistis, aut aliquam Pauli epistolam, aut Salomonis gnomas. Id fiet simplicissime ne adsuefiant ad rixandum adolescentes, sed ut religionem quam purissimam addiscant & a simulatione pietatis possint discernere, ut ad timorem dei, ad fidem, postremo ad bonos mores inuitentur.

Et ut acuatur cura discendorum sacrarum in pueris, non sufficiet his multa praelegisse. Sed cogentur ediscere orationem Dominicam, Symbolon Apostolorum, Decalogum, lectissimos psalmos, & certos alios locos scripturae, qui ne e memoria excidant, exiget tanquam pensum diei Dominici preceptor, ut recenseantur ordine memoriter.

Evr. Cordvs.

Quid vos hoc uideo dulces sub sidere Musae
Incolere Hercinij barbara rura iugi,

Vnde haec in medio vobis fiducia bello
Hos inter strepitus uestra ne dona placent?
Huc pius ille comes, clarissima stemmate proles
Inclytus Albertus noster Apollo uocat,
Et ueluti sparsas aquila turbante columbas
Colligit, & larga nos miseratur ope
Vnus hic dis alter Mecoenas surgit in annis
Alter hic Augustus numina nostra colit. *)

---

*) ІОАННЪ АГРИКОЛА И ГЕРМАННЪ ТУЛИХІЙ.

Профессора въ Эйслебенской школѣ.

Читателю Привѣтъ.

Благороднѣйшіе графы фонъ-Мансфельтъ устроили съ благою цѣлью школу, въ которой дѣти подданныхъ его съ самыхъ юныхъ лѣтъ должны обучаться религіи и прочимъ добродѣтелямъ и изучать науки, полезныя какъ для пониманія религіи такъ и для сохраненія государственнаго строя. Ибо дознано, какія перемѣны произведены въ общественныхъ дѣлахъ тѣми, которые, взявъ на себя обязанность преподавать священныя науки, либо неясно понимали силу и сущность религіи, либо не умѣли обучать вразумительно, такъ какъ сами не были обучены никакимъ другимъ предметамъ, и гоняясь за одними лишь пустыми обрядами, ратовали противъ другихъ знаній и лишали значенія мірскія науки. Потому назначены учителя, которые въ состояніи хорошо преподавать какъ священныя, такъ и мірскія науки, дабы необразованные умы съ этихъ поръ получали правильныя понятія не только о религіи, но и о прочихъ предметахъ. Графы оказываютъ не малую услугу отечеству, пріучая дѣтей къ такимъ занятіямъ, которыя способствуютъ образованію добрыхъ нравовъ. Ибо мы видимъ, что почти вся остальная жизнь зависитъ отъ первоначальнаго воспитанія и что граждане выходятъ такими, какими наставленіе образовало ихъ съ самаго дѣтства. Цари обязаны ревностно печься о нравахъ народа.

Для того, чтобы дѣти въ этой школѣ соблюдали извѣстный порядокъ работъ и занятій, мы напишемъ для нихъ программу уроковъ, которая, какъ намъ кажется, будетъ всего полезнѣе для изученія дѣтскихъ наукъ.

Мы раздѣляемъ школу на классы, съ тѣмъ чтобы удерживать еще слабый возрастъ, какъ бы въ извѣстнаго рода изгородяхъ, и заставлять ихъ постепенно переходить отъ болѣе легкаго къ болѣе трудному. Ибо иногда дѣти, недовольныя сухостью первыхъ началъ, а между тѣмъ еще достаточно неприготовленныя порываются неумытыми руками къ высшимъ наукамъ. Это все равно, если-бъ мы вздумали летать, не имѣя крыльевъ. Потому мы въ учрежденныхъ классахъ будемъ до тѣхъ поръ учить дѣтей первымъ основамъ грамматики, пока не окрѣпнутъ ихъ способности и силы ихъ не окажутся достаточными для болѣе трудныхъ занятій. Потому что какъ красивѣйшія розы, по словамъ Германцевъ, выростаютъ только со временемъ, такъ и дѣтямъ въ занятіяхъ ихъ необходимо показать, чтобы они до времени не приступали къ наукамъ, къ которымъ еще не подготовлены.

Классъ I.

Въ первомъ классѣ дѣти проходятъ элементарныя свѣдѣнія. Здѣсь они учатъ уроки по легкимъ книжкамъ, нарочно для того составленнымъ и

После того какъ Лютеръ въ 1524-мъ г., въ своемъ утвердившемъ нѣмецкую учебную систему посланіи „къ бургомистрамъ и ратманамъ всѣхъ городовъ нѣмецкой земли касательно того, чтобы они сооружали и содержали христіан-

---

содержащимъ въ себѣ нѣкоторыя молитвы и изреченія. Къ этому присоединяется педологія Мозеллана, басни Эзопа, стихотвореніе о нравахъ, извѣстное подъ именемъ Катонова, и мимы Лаберія. Пусть дѣти изучаютъ это въ первомъ классѣ, а учитель долженъ объяснять имъ, чтобы они заимствовали изъ этого нѣкоторыя слова, полезныя для любого разговора.

Классъ II.

Во второмъ классѣ дѣти изучаютъ грамматическія правила; хуже всего споспѣшествуютъ занятіямъ учениковъ тѣ, которые запрещаютъ касаться правилъ и думаютъ, будто лучше изучать ихъ инымъ способомъ. Въ то же время дѣтямъ предлагаются авторы: Теренцій и Виргилій, у которыхъ они должны видѣть правила на опытѣ и заимствовать обильный запасъ словъ. Пусть изучаютъ они Теренція и буколики Виргилія. Полезно также познакомить ихъ съ буколиками новѣйшихъ писателей, какія окажутся достойными чтенія, потому что этотъ родъ стихотвореній всего ближе подходитъ къ дѣтскимъ понятіямъ. Дѣти должны пріучаться къ упражненію въ сочиненіяхъ. Пусть пишутъ они прозой небольшіе разсказы, письма и стишки. Тэмы задаются преподавателями по ихъ усмотрѣнію. Такимъ образомъ они будутъ заняты, какъ въ школѣ, такъ и дома.

Классъ III.

Когда ученики хорошо усвоятъ себѣ грамматическія правила, то должны преподаваться: діалектика и риторика, сочиненія Эразма о сугубой полнотѣ выраженія. Необходимо предлагать имъ также историковъ. Изъ Ливія слѣдуетъ выбирать самыя занимательныя книги; необходимо передавать имъ Саллюстія. Потомъ ознакомить ихъ съ Виргиліемъ, Гораціемъ, съ Метаморфозами Овидія, его Посланіями съ Понта и Печалями. Изъ рѣчей Цицерона выбрать наиболѣе понятныя, какъ напр. въ защиту Архія, М. Марцелла и т. п.; объяснять также книги о должностяхъ, о дружбѣ и о старости. Ученики должны, каждый по своимъ способностямъ, обработывать свой слогъ, дѣлая сочиненія въ стихахъ и прозѣ. Каждую недѣлю въ томъ и другомъ классѣ слѣдуетъ назначить по два дня на повтореніе писателей; а такъ какъ эти дни иногда окажутся свободными, то употребить ихъ на изложеніе Плавта и на письма Цицерова, на знакомство со способомъ сочиненія писемъ Эразма и на изученіе Аѳоніева стиха изъ Мозеллана.

Тѣ изъ учениковъ третьяго класса, которые достаточно развились и оказали уже посредственные успѣхи въ латинскомъ языкѣ. пусть начинаютъ учиться по-гречески, изучать сначала элементарныя правила, потомъ грамматику Эколампадія, затѣмъ нѣкоторые діалоги Лукіана и наконецъ Гезіода и Гомера. Нѣкоторымъ изъ нихъ слѣдуетъ предложить изученіе еврейскаго языка. Но при такомъ разнообразіи языковъ и наукъ необходимо уроки расположить такъ, чтобы порядкомъ и благоразуміемъ облегчить ихъ трудность. Невыносимыми оказываются учителя, если принуждаютъ дѣтей изучать греческій или еврейскій языки прежде, нежели они хоть сколько нибудь успѣли въ латинскомъ.

скія школы“, обратилъ вниманіе на необходимость реформы учебной системы, церковное законодательство вскорѣ также издало постановленія касательно устройства школъ. Штральзундскій церковный уставъ отъ 1525-го г. уже содержитъ въ себѣ отдѣлъ „О школѣ;“ сочиненный Іоанномъ Бренцомъ въ 1526-мъ г. церковный уставъ Галле также разсуждаетъ „О школѣ“; составленное Францомъ Ламбертомъ Reformatio ecclesiarum Hassiae отъ 1526-го г. содержитъ въ себѣ постановленія о школахъ для мальчиковъ и дѣвочекъ. Но болѣе обширное вліяніе имѣлъ лишь сочиненный Меланхтономъ въ „Предписаніи визитаторамъ въ курфюршествѣ Саксонскомъ“ въ 1528-мъ г. появившійся „*Саксонскій учебный планъ*“, распространяемый и приводимый въ исполненіе Бугенгагеномъ, Юстомъ Іонасомъ, Урбаномъ Регіемъ, Юстомъ

Желательно, чтобы преподавалась не только словесность, но также математика и полный курсъ наукъ. Но при этомъ необходимо сообразоваться съ возрастомъ. Если намъ придется учить дѣтей младшаго возраста, то лучше сначала преподавать словесныя науки, прокладывающія путь къ изученію другихъ. По изученіи ихъ, можно надѣяться, что они преуспѣютъ также и въ математикѣ. Впрочемъ каждый день слѣдуетъ посвящать по одному часу на музыку.

Однако занятія тогда только будутъ успѣшны, когда будутъ соединены съ благочестіемъ, какъ и Христосъ сказалъ: ищите прежде царствія Божія, а прочее все приложится вамъ. И въ Ветхомъ Завѣтѣ также Богъ повелѣлъ учить дѣтей религіи. Итакъ въ недѣлѣ воскресный день долженъ посвящаться на изученіе религіи. Пусть учитель въ этотъ день объясняетъ всей школѣ одного изъ евангелистовъ, или одно изъ посланій ап. Павла, или притчи Соломона. Пусть это дѣлается по возможности благодушнѣе, такъ чтобы юноши не пріучались къ спорамъ, но изучали бы самую чистую религію, чтобы они отличали ее отъ лицемѣрнаго благочестія и пріучались къ страху Божію, къ вѣрѣ и наконецъ къ благонравію.

Чтобы возбудить въ дѣтяхъ рвеніе къ изученію религіи, необходимо много читать съ ними. Пусть они изучаютъ молитву Господню, символъ апостольскій, десятословіе, лучшіе псалмы и другія извѣстныя мѣста Св. Писанія. Для сохраненія всего этого въ памяти наставникъ долженъ заботиться о томъ, чтобы дѣти повторяли все по порядку, что и надлежитъ дѣлать по воскресеньямъ.

Эвр. Кордусъ.

Зачѣмъ, прелестныя музы, находитесь вы въ этихъ мѣстахъ?
Зачѣмъ поселились вы въ дикихъ герцинскихъ лѣсахъ?
Откуда у васъ смѣлость такая въ пылу самой войны?
Развѣ пріятны ваши дары въ разгарѣ военнаго шума?
Сюда призываетъ насъ нашъ Аполлонъ,
Знаменитый Альбертъ, нашъ благочестивѣйшій графъ, потомокъ
Знатнѣйшаго рода. Онъ собираетъ насъ сюда, какъ
Голубей разлетѣвшихся въ разныя стороны при видѣ орла,
И защищаетъ насъ своею сильною мощью.
Онъ одинъ появляется въ наши дни, какъ второй Меценатъ,
И какъ второй Августъ высоко цѣнитъ сущность нашихъ занятій

Меніемъ, Фридрихомъ Миконіемъ и проч. въ сѣверной, а Буцеромъ, Бренцемъ, Шнепфомъ и друг. въ южной Германіи. По этому уставу дѣти въ теченіе всей недѣли каждый вечеръ и каждое утро должны принимать участіе въ преподаваемыхъ въ церкви урокахъ слова Божія и „въ качествѣ учениковъ“ по вечерамъ пѣть еще псалмы „полатыни“. Сверхъ того, чтобы сообщить юношеству надлежащее ученіе, нормою должно служить слѣдующее правило. Во первыхъ учителя обязаны тщательно обучать дѣтей одному латинскому, но не нѣмецкому, ни греческому, ни еврейскому, какъ то дѣлалось до сихъ поръ, обременяя дѣтей черезъ-чуръ разнообразными предметами, что не только безплодно, но даже вредно. Такіе учителя, какъ видно, не заботятся о пользѣ дѣтей, а занимаются многими языками единственно своей славы ради. Во вторыхъ, они вообще не должны обременять дѣтей множествомъ книгъ, а напротивъ, всюду избѣгать многообразія. Втретьихъ, учениковъ необходимо раздѣлять на кучки. Первая кучка состоитъ изъ дѣтей, обучающихся чтенію. Съ ними слѣдуетъ вести такой порядокъ: Во-первыхъ, они должны учиться читать по дѣтскому учебнику, въ которомъ содержатся азбука, Отче нашъ, символъ вѣры и другія молитвы. Когда дѣти выучили это, — слѣдуетъ дать имъ Доната и вмѣстѣ Катона: Доната для чтенія, а Катона для толкованія, такъ чтобы учитель объяснялъ одинъ или два стиха, а потомъ въ другой урокъ дѣти говорили бы ихъ наизусть, затверживая такимъ образомъ на память кучу латинскихъ словъ и запасаясь ими для разговоровъ. Они должны повторять это, пока не выучатся хорошенько читать, и по нашему мнѣнію было бы не безполезно, еслибъ слабые ученики, одаренные не особенно быстрымъ умомъ, повторяли Катона и Доната не одинъ только разъ, но даже два раза. При этомъ слѣдуетъ обучать ихъ письму и требовать, чтобы они ежедневно показывали свое писанье учителю. Дабы они усвоили себѣ много латинскихъ словъ, слѣдуетъ каждый день по вечерамъ задавать ихъ по нѣскольку, какъ и прежде дѣлалось въ школахъ. Ученики должны также заниматься музыкой и пѣть вмѣстѣ съ другими.

Другая кучка состоитъ изъ дѣтей, которыя умѣютъ читать и должны теперь учиться грамматикѣ. Съ ними слѣдуетъ поступать такимъ образомъ: Каждый день первый часъ послѣ обѣда дѣти должны упражняться въ музыкѣ, всѣ отъ мала до велика; потомъ учитель обязанъ вопервыхъ объяснять имъ басни Эзопа. Послѣ вечерни надлежитъ толковать педологику Мозеллана; когда эти книги изучены, то выбрать изъ разговоровъ Эразма наиболѣе полезные дѣтямъ и цѣломудренные. Тоже самое повторять вечеромъ другого дня. По вечерамъ, когда дѣти уходятъ домой, слѣдуетъ выписать имъ изреченія изъ того или дру-

гого поэта, съ тѣмъ чтобы къ утру они выучили ихъ наизусть, въ родѣ напр. amicus certus in re incerta cernitur *). Утромъ дѣти должны опять объяснять Эзопа. При этомъ учитель обязанъ просклонять нѣкоторыя имена существительныя и проспрягать глаголы, помногу или помалу, легкіе или трудные, все смотря по обстоятельствамъ, и спрашивать дѣтей о правилахъ и причинахъ склоненій. Когда дѣти изучили также правила словорасположенія, то въ этотъ урокъ надо ихъ заставлять, что называется, дѣлать конструкціи: это весьма полезно, а при всемъ томъ лишь немногими соблюдается. Когда дѣти такимъ образомъ изучили Эзопа, то слѣдуетъ дать имъ Теренція, котораго они также должны выучить наизусть: теперь они уже вѣдь подросли и потому способны болѣе трудиться. Однако учитель долженъ остерегаться, чтобы не черезъ-чуръ обременять ихъ. Послѣ Теренція учитель долженъ предложить дѣтямъ нѣкоторыя нравственныя піэсы Плавта, а именно aulularіam, trinummum и т. п. Урокъ до обѣда разъ навсегда слѣдуетъ назначить для того, чтобы въ это время не учить ничему кромѣ грамматики. Прежде всего этимологіи, потомъ синтаксису, затѣмъ просодіи. Окончивъ это, должно всякій разъ повторять съ начала, такъ чтобы дѣтямъ потверже вперить грамматику. Потому что если этого не сдѣлаютъ, то все ученіе окажется безплоднымъ и тщетнымъ. Дѣти притомъ должны говорить наизусть эти грамматическія правила, и ихъ надо понуждать и подстрекать твердо изучить грамматику. Если бы какой нибудь учитель наскучилъ этимъ дѣломъ, какъ случается часто, то его слѣдуетъ прогнать и отыскать для дѣтей другого, который занялся бы дѣломъ такъ, чтобы дѣти прилежно изучили грамматику.—Все это должно соблюдаться въ теченіе цѣлой недѣли, и дѣтямъ не слѣдуетъ давать каждый день новую книгу. Одинъ день, субботу или середу, слѣдуетъ назначить для обученія дѣтей христіанскому наставленію. Иные вовсе не занимаются Священнымъ Писаніемъ, а другіе не обучаютъ дѣтей ничему, кромѣ Священнаго Писанія; ни того, ни другого не слѣдуетъ допускать. Потому надо поступать такимъ образомъ: Учитель долженъ выслушать всю кучку, такъ чтобы одинъ за другимъ говорилъ наизусть Отче нашъ, сvмволъ вѣры и десять заповѣдей. Если же кучка слишкомъ велика, то въ одну недѣлю можно прослушать одну часть, а въ другую—остальную часть. Потомъ учитель долженъ просто и точно объяснить сперва Отче нашъ. А въ другой разъ сvмволъ вѣры, потомъ также и десять заповѣдей. Онъ обязанъ внушить дѣтямъ статьи, необходимыя для праведной жизни, какъ то страхъ Божій, вѣру, добрыя дѣла, но не упоминать о свар-

*) Несомнѣнный другъ узнается въ сомнительномъ дѣлѣ.

ливости. Онъ не долженъ пріучать дѣтей ругаться надъ монахами и другими людьми, какъ это дѣлаютъ крайне нелѣпые учителя. При томъ учитель обязанъ задавать ученикамъ вытвердить наизустъ нѣкоторые легкіе псалмы—111, 34, 128, 125, 127, 133— содержащіе въ себѣ запасъ всей христіанской жизни, какъ то ученія о страхѣ Божьемъ, о вѣрѣ и добрыхъ дѣлахъ. Надлежитъ также грамматически разобрать Матѳія; окончивши, слѣдуетъ то же самое повторить опять сначала; если же ученики подросли, то объяснять имъ два посланія Павла къ Тимоѳею, или первое посланіе Іоанна, или притчи Соломона. Помимо этого учителя не должны приниматься за чтеніе какой либо иной книги. Потому что безполезно обременять молодежь трудными и недоступными для нихъ книгами, подобно тому какъ иные своей славы ради преподаютъ наприм. Исаію, посланіе Павла къ Римлянамъ, евангеліе Іоанна и пр.

Когда дѣти хорошо изучили грамматику, то слѣдуетъ избрать самыхъ способныхъ изъ нихъ и образовать третью кучку. Въ послѣобѣденные часы они вмѣстѣ съ прочими должны упражняться въ музыкѣ. Потомъ имъ слѣдуетъ толковать Виргилія. Когда оконченъ Виргилій, то можно читать съ ними Овидіевы метаморфозы; а по вечерамъ „о должностяхъ“ Цицерона или его Семейныя письма. По утрамъ надлежитъ повторять Виргилія, а для упражненія въ грамматикѣ заняться конструкціями, склонять и разбирать риторическія фигуры. Въ предобѣденный часъ слѣдуетъ продолжать упражненія въ грамматикѣ. Если ученики усвоили себѣ этимологію и синтаксисъ, то предложить имъ метрику, по которой они научатся писать стихи. Это упражненіе весьма полезно, для того чтобы понимать сочиненія другихъ, при томъ же оно обогащаетъ мальчиковъ словами и дѣлаетъ ихъ способными на многое. Потомъ, когда они достаточно изучили всю грамматику, то тотъ же часъ надо назначить на діалектику и риторику. Второй и третьей кучкѣ слѣдуетъ по одному разу въ недѣлю задавать сочиненіе, какое нибудь посланіе или стихи. Мальчиковъ необходимо заставлять говорить полатыни и учителя сами должны по возможности не иначе какъ полатыни объясняться съ ними, что пріучитъ къ такого рода упражненіямъ и поощритъ ихъ.

Составленный въ 1528-мъ г. Бугенгагеномъ „*Брауншвейгскій церковный уставъ*“, вмѣстѣ съ Курсаксонскимъ, былъ по своему вліянію на другіе края однимъ изъ важнѣйшихъ въ шестнадцатомъ столѣтіи. Въ немъ между прочимъ говорится „объ училищахъ“ и предписывается, чтобы въ Брауншвейгѣ учреждены были двѣ хорошія латинскія школы для мальчиковъ. Въ одной изъ нихъ, въ Санктъ-Мартинѣ, предполагается держать магистра наукъ, потому

что хотя малолѣтнія дѣти въ началѣ какъ будто и не нуждаются въ знатныхъ учителяхъ, однако ученые и опытные наставники могутъ съ Божьей помощью обучить способныхъ дѣтей въ три года, или въ болѣе короткій срокъ, лучше, нежели другіе въ двадцать лѣтъ. Къ такому магистру необходимо приставить ученаго помощника, также кантора, который наравнѣ съ другими исполнялъ бы свою должность по назначенію магистра и обучалъ бы дѣтей пѣть. Затѣмъ еще одного помощника для самыхъ малолѣтнихъ мальчиковъ. Другая школа, въ Санктъ-Катеринѣ, должна имѣть ученаго ректора, кантора и одного помощника. Этихъ учителей не слѣдуетъ содержать какъ нищихъ, а напротивъ, опредѣлить каждому изъ нихъ по достоинству приличный окладъ. Вслѣдствіе этого магистру въ С-тъ-Мартинѣ и назначается опредѣленный годовой окладъ въ 50 гульденовъ, его помощнику въ 30, четвертому помощнику въ 20 гульденовъ; ректору въ Санктъ-Катеринѣ — въ 30, его кантору въ 20, а третьему помощнику въ 20 гульденовъ. На этотъ конецъ мальчики изъ болѣе богатыхъ семей обязаны вносить каждый ежегодно по 8 маріенгрошеновъ, а остальные по 12 матгейзеровъ. Итакъ, богатый человѣкъ можетъ посылать своего сына въ школу въ теченіе десяти лѣтъ, уплативъ за него столько же, сколько пришлось бы выдать служанкѣ въ одинъ годъ; но значеніе сына, право, гораздо важнѣе, нежели служанки, а воспитаніе, обученіе и честь сына, которому принадлежитъ все имущество, важнѣе труда служанки, которая въ свое время удалится. Дѣти въ училищѣ дѣлятся на три партіи, изъ коихъ двѣ первыя должны обучаться въ обѣихъ школахъ, а третья только въ С-тъ Мартинѣ. Все стараніе и весь трудъ въ нихъ должны служить къ тому, чтобы мальчики изучали надлежащимъ образомъ латынь, чтобы они умѣли хорошо читать, правильно писать, понимать авторовъ имъ излагаемыхъ, хорошо говорить полатыни и сочинять стихи и посланія. Это упражненіе слѣдуетъ постоянно продолжать такъ, чтобы оно служило еще для діалектики и реторики. Въ свое время можно обучать кого слѣдуетъ чтенію погречески и задавать ему Отче нашъ или главу изъ Новаго Завѣта на греческомъ языкѣ, а современемъ научить его по грамматикѣ склонять нѣкоторыя слова и пр., но лишь бы не слишкомъ много, такъ, чтобы магистры не тщеславились своимъ искусствомъ безъ пользы для мальчиковъ. Точно также можно познакомить учениковъ съ еврейскими буквами и научить чтенію на тотъ случай, если нѣкоторые изъ нихъ впослѣдствіи въ высшей школѣ, гдѣ преподаются восточные языки, окажутся способными и пожелаютъ изучить ихъ.

Курсаксонскій и Брауншвейгскій церковные уставы служили весьма полезными образцами для сѣверной Германіи.

А именно, многіе въ шестнадцатомъ вѣкѣ изданные церковные уставы указываютъ на „Саксонскій учебный планъ“ и совѣтуютъ принять его къ свѣдѣнью и наблюденію: такъ между прочимъ церковный уставъ Зёста 1532-го г., церковный уставъ Бремена 1534-го г. и пр. Въ самомъ Саксонскомъ курфюршествѣ онъ до конца шестнадцатаго столѣтія служилъ основою учебныхъ учрежденій. Въ герцогствѣ Саксонскомъ герцогъ Морицъ особенно занялся школами. Въ засѣданіи комитета въ Дрезденѣ въ 1543-мъ г. онъ впервые высказалъ планъ, изъ духовныхъ имуществъ основать три княжескія школы въ Мейссенѣ, Мерзебургѣ (въ 1550-мъ г. въ Гриммѣ) и въ Пфортѣ. Курфюрстъ Августъ I продолжалъ начатое предшественниками дѣло и послѣ учиненныхъ въ 1555-мъ и 1556-мъ гг. визитацій издалъ особенную инструкцію въ 1557-мъ г., въ которой о школахъ говорится: „Суперинтенденты и пасторы обязаны ревностно и тщательно печься о школахъ и заодно съ магистратомъ устроить ихъ надлежащимъ образомъ. Каждое полугодіе надлежитъ дѣлать экзаменъ мальчикамъ въ школахъ въ присутствіи священника, также бургомистра, городского писаря и другихъ двухъ свѣдущихъ лицъ изъ магистрата. А для пущей важности и для того, чтобы ученики поощрялись къ бо́льшему прилежанію въ ученіи, радовались экзамену и готовились къ нему, можно взять изъ общественной казны нѣсколько грошей и накупить булокъ и тому подобное, съ тѣмъ, чтобы раздать ихъ потомъ въ награду лучше другихъ отвѣчавшимъ на экзаменѣ и замѣтно исправившимся въ истекшее полугодіе“. Января 1, 1580 г. курфюрстъ обнародовалъ *уставъ*, „какъ надлежитъ вести въ его владѣніяхъ ученіе и службу въ церквахъ, а также въ обоихъ университетахъ, консисторіяхъ, княжескихъ и партикулярныхъ школахъ, визитаціи, синоды, и все что тѣсно связано съ этимъ“, причемъ учебный уставъ отчасти слово въ слово заимствованъ изъ Вюртембергскаго отъ 1559-го г.; только частныя школы дѣлятся здѣсь на 5 классовъ, діалектика и реторика преподаются уже въ первомъ изъ высшихъ классовъ, въ четвертомъ же проходятся четыре основныя дѣйствія, а въ пятомъ „вся ариѳметика“; къ частной школѣ присоединяются не только приготовительныя для будущихъ теологовъ монастырскія школы, какъ въ Вюртембергѣ, но также и княжескія, назначенныя для приготовленія ко всѣмъ академическимъ предметамъ. Въ уставѣ вмѣстѣ съ „нѣмецкими школами“, въ которыхъ учебными предметами служатъ чтеніе, письмо и религія, обращается особенное вниманіе на партикулярныя. Онѣ дѣлятся на пять классовъ. “Когда мальчики поступаютъ въ школу въ первый—низшій классъ,— то прежде всего слѣдуетъ имъ дать азбуку и сверхъ того Лютеровъ катехизисъ. Изучивъ то и другое, они пусть чи-

таютъ по складамъ Доната; а окончивъ чтеніе по Донату, пускай обучаются складамъ и чтенію по грамматикѣ Филиппи, а затѣмъ читаютъ Катона. Во второмъ классѣ мальчики приступаютъ къ грамматикѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ имъ задаются, объясняются и повторяются письма Цицерона; по субботамъ и праздникамъ учителя заставляютъ мальчиковъ списывать латинское евангеліе, а потомъ толкуются имъ притчи Соломона въ самомъ простомъ видѣ. Въ третьемъ классѣ учитель долженъ тщательно читать въ слухъ басни Камераріуса, а мальчики обязаны разсказывать; потомъ вмѣстѣ съ изученіемъ этимологіи и синтаксиса слѣдуетъ диктовать отборныя фразы изъ басень Каменаріуса; затѣмъ слѣдуютъ урокъ грамматики и избранныя письма Цицерона; послѣ музыки идетъ Теренцій, котораго мальчики заучиваютъ наизусть. Въ четвертомъ классѣ: полное собраніе Семейныхъ писемъ Цицерона, грамматика, музыка, комедіи Теренція, статьи Цицерона о дружбѣ и о старости, также первоначальныя правила греческой грамматики и ариѳметики. Пятый классъ: Діалектика и риторика; большая грамматика Филиппи, также его просодія; Виргилій и книги Цицерона о должностяхъ; греческая грамматика и одинъ урокъ изъ греческихъ басень Эзопа, рѣчи Исократа или Киропедія Ксенофонта, Гомеръ или Гезіодъ. Касательно пѣнья священники должны тщательно наблюдать за тѣмъ, чтобы въ церкви пѣлись не сочиненія канторовъ или иныхъ новыхъ, начинающихъ, а напротивъ, старыхъ весьма опытныхъ въ этомъ искусствѣ и отличныхъ композиторовъ, какъ-то Іоскина, Клементія (но не папы), Орланда и т. п., особенно же воздерживаться отъ сочиненныхъ по образцу плясовыхъ или непристойныхъ пѣсенъ, а напротивъ, наблюдать, чтобы все это было важно (grave), велелѣпно и мужественно, и побуждало бы людей къ христіанскому благоговѣнію. — Монастырскія или княжескія школы въ Мейсенѣ, Пфортѣ и Гриммѣ, обезпеченныя доходами Бенедиктинскихъ монастырей въ двухъ первыхъ—и Августинскаго монастыря въ послѣднемъ изъ городовъ, такъ что въ Мейсенѣ безплатно содержатся и приготовляются къ университету 60, въ Пфортѣ 100, а въ Гриммѣ 70 учениковъ, — должны каждая дѣлиться на три класса, а классы въ свою очередь на декуріи, во главѣ которыхъ находятся декуріоны. Мальчики въ княжеской школѣ должны оставаться по шести лѣтъ. Для пріема туда они обязаны пройти третій классъ партикулярной школы. Въ первомъ, низшемъ классѣ княжеской школы преподаются: этимологія, мимы Публія Сира, Катонъ, Семейныя письма Цицерона, „иногда задается короткая пѣснь или нѣсколько стиховъ, чтобы ученики съ самаго начала своего курса ознакомились съ поэтами“; латинскій катехизисъ. Во второмъ классѣ проходятся латинскій синтаксисъ, Семей-

ныя письма, Виргиліевы Буколики, Овидій о Понтѣ, Тибуллъ, собраніе латинскихъ фразъ, сверхъ того первоначальныя правила греческаго языка и Эзоповы басни (по-гречески), наконецъ ариѳметика и музыка. Въ третьемъ, высшемъ классѣ слѣдуетъ пройти всю латинскую грамматику Меланхтона съ прибавленіями Камераріуса, изъ Цицерона о должностяхъ и о старости, о дружбѣ вмѣстѣ съ Тускуланами, Георгики и Энеиду, прочесть также оды Горація, а въ греческомъ разбирать Исократа, Ѳеогнида, золотые стихи Пиѳагора, первую книгу Иліады и о воспитаніи дѣтей — Плутарха. Сверхъ того преподаются начальныя основы еврейскаго языка, діалектика, риторика, вопросы изъ сферики и основанія астрономіи М. Блебелія. Мальчики особенно должны пріучаться „красно и внятно говорить и писать полатыни", болѣе же всего изучать Цицерона, собирать фразы, писать сочиненія и „ежегодно разыгрывать комедіи Теренція и Плавта", чтобы „такимъ образомъ навыкнуть красно говорить полатыни". „Ибо, что касается языковъ, то дѣти отдаются въ школу преимущественно для того, чтобы они не только понимали авторовъ, особенно на латинскомъ языкѣ; но и сами умѣли бы красно и внятно говорить и писать полатыни; а потому учителя и должны задавать имъ много сочиненій разнаго рода и тщательно упражнять ихъ въ этомъ, прибѣгая притомъ къ тѣмъ способамъ, какіе избиралъ Цицеронъ въ своихъ произведеніяхъ". „Но вѣдь неразумно, какъ пишетъ св. Василій, остерегаться всякой вредной пищи, и притомъ не обращать никакого вниманія, чтобы не повредить душѣ вредными и соблазнительными ученіями; а потому наставники съ особенною осторожностью должны отдѣлять ядъ отъ меда и учить дѣтей, чтобы они ревностно остерегались и избѣгали пороковъ, приписываемыхъ поэтами въ ихъ сочиненіяхъ какъ молодымъ такъ и старымъ людямъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, если при объясненіи тѣхъ авторовъ въ предлежащемъ урокѣ встрѣтится что либо преступное и порочное, или противъ и вопреки нашей истинной христіанской религіи, то они должны добросовѣстно предостеречь юношество, и взамѣнъ того стараться внушить мальчикамъ все честное и согласное съ словомъ Божьимъ". Вообще „учителя должны ревностно поддерживать въ юношахъ страхъ Божій и христіанское благочиніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ добиваться, чтобы ученики не только умѣли хорошо говорить о словѣ и страхѣ Божьемъ, но и доказать это своею жизнью и своимъ поведеніемъ". Желательно было бы не прибѣгать къ розгамъ въ школахъ, но такъ какъ нельзя ихъ вовсе устранить, то учителя должны употреблять ихъ въ дѣло не съ жестокостью, а напротивъ умно и кротко. Если мальчикъ совершилъ большой проступокъ и дурно повелъ себя, такъ что

въ примѣръ другимъ необходимо прибѣгнуть къ строгой карѣ, то учителя должны посовѣтоваться между собою и рѣшить единогласно, какъ по справедливости слѣдуетъ поступить съ нимъ, чтобы исправить его и предостеречь другихъ мальчиковъ отъ подобныхъ вещей. Что же касается до дурныхъ и мелкихъ недостатковъ и слабостей, то иногда смотря по обстоятельствамъ слѣдуетъ притвориться, будто ничего не замѣтили, но все-таки дать понять мальчикамъ, что это отнюдь не утаилось отъ учителей и что оно весьма непріятно“. „Отъ добросовѣстнаго учителя требуются особенно три вещи. 1) Чтобы онъ былъ весьма свѣдущъ. 2) Чтобы былъ трудолюбивъ и неутомимъ и оказывалъ себя относительно мальчиковъ мужественнымъ и строгимъ, но все-таки дружелюбнымъ и кроткимъ. 3) Чтобы онъ зналъ, какимъ образомъ и какимъ путемъ слѣдуетъ обучать мальчиковъ. Ибо чему можетъ научить тотъ, кто самъ неученъ и ничему не учился? Когда же онъ будетъ злобенъ, нетерпѣливъ и необузданъ съ мальчиками, то они никогда не смогутъ угодить ему. Учителя не должны учить мальчиковъ такъ, какъ будто сами хотятъ на нихъ учиться, и отнюдь не воображать себѣ, будто они все уже исполнили, если мальчикъ въ состояніи проговорить наизустъ нѣсколько стиховъ полатыни и погречески; напротивъ, прежде всего надо положить хорошую основу, на которой могло бы утвердиться все зданіе. Потомъ они не должны спѣшить съ учениками и учить ихъ впередъ тому, чѣмъ предстоитъ имъ заниматься позже; равно—не слѣдуетъ быть гордымъ съ ними. Они обязаны, тщательно и неутомимо соблюдать свои уроки, побуждая такимъ образомъ и мальчиковъ къ труду; ибо если учитель безпеченъ и нерадивъ, то какого же прилежанія ждать отъ учениковъ“? „Вмѣстѣ съ тѣмъ, должны они приладить и вести занятія легкимъ путемъ, такъ чтобы мальчики поняли, что ученіе вовсе не такъ трудно, какъ они себѣ его вообразили. Все это достигнется, если ученикамъ никогда не будутъ задавать болѣе того, что они въ состояніи заразъ выучить, и если будутъ учить лишь тому, что необходимо, а остальное пропускать. Сверхъ того учителя должны все излагать не темно, но доступно, внятно и вразумительно, и объяснять все простыми общеизвѣстными примѣрами“.

Изъ школьныхъ уставовъ самымъ значительнымъ въ шестнадцатомъ столѣтіи былъ содержавшійся въ изданномъ герцогомъ Христофомъ въ 1559-мъ г. Вюртембергскомъ церковномъ уставѣ и въ томъ же году особо отпечатанный съ улучшеніями и дополненіями „*Школьный Уставъ*, какъ надлежитъ поступать съ обученіемъ и дисциплиною въ партикулярныхъ школахъ *Вюртембергскаго* княжества“. По этому уставу партикулярная или латинская школа въ полномъ составѣ дѣлится на шесть классовъ;

послѣдніе въ свою очередь, при большомъ стеченіи учениковъ, разбиваются на декуріи, и во главѣ каждой изъ нихъ одинъ изъ мальчиковъ состоитъ декуріономъ; избираемый еженедѣльно онъ обязанъ наблюдать „за своими ротными товарищами". Ежедневно полагается шесть урочныхъ часовъ: по утру лѣтомъ отъ 6 до 7, „послѣ утренней похлебки" отъ 8 до 10, зимой отъ 6 до 8, отъ 9 до 10, послѣ обѣда отъ 12 до 2, и (кромѣ четверга и субботы) отъ 3 до 4 часовъ. Классы, по мѣрѣ развитія мальчиковъ „по лѣтамъ, ученію и искусствамъ" получаютъ и соотвѣтственныя названія. Въ низшемъ, первомъ классѣ мальчики учатся читать полатыни, причемъ обращается вниманіе, чтобы они „выговаривали разборчиво и внятно гласныя и согласныя не какъ на своемъ родномъ языкѣ, но по латинскому нарѣчію". Тутъ читаются: Отче нашъ, образцы склоненій и спряженій, вопросы изъ Филиппіевой грамматики и Катонъ младшій; пишутъ ежедневно по два латинскихъ слова изъ номенклатуры предметовъ, которыя слѣдуетъ списать и выучить наизустъ. Также главу изъ нѣмецкаго катехизиса. Второй классъ: Катонъ и Публіевы мимы толкуются слово въ слово, причемъ учитель упражняетъ учениковъ въ составленіи фразъ. Потомъ въ репетиціи задавать изъ читаннаго сперва имя, затѣмъ глаголъ и изъ грамматическихъ вопросовъ указывать самымъ простымъ образомъ на правила склоненій и спряженій. На другой день слѣдуетъ вновь, объяснить урокъ предшествующаго дня и изучать потомъ этимологію, сверхъ того давать ежедневно одинъ или два урока грамматики, такъ чтобы она постоянно была въ ходу въ школѣ. Учитель ежедневно долженъ исправлять писанное, потомъ толковать Притчи Соломона, затѣмъ разговоры Зебальда Гейдена, также латинскій катехизисъ. Сверхъ того обязательно: „упражненіе въ музыкѣ", что продолжается ежедневно также и въ слѣдующихъ классахъ. Въ третьемъ классѣ читаются басни Камерія и разговоры Кастелліона, изъ коихъ „диктуются отборныя фразы". Далѣе слѣдуютъ письма Цицерона и Теренцій; послѣдняго слѣдуетъ „выучить наизустъ. Притомъ учителя должны разумно указывать на то, что онъ говоритъ не все отъ себя, а напротивъ изображаетъ разные пороки въ разныхъ лицахъ, и что слѣпые язычники ничего не знали о Богѣ, и всячески стараться, чтобы всѣмъ этимъ не соблазнялась нѣжная юность". Сюда присоединяется синтаксисъ, а по середамъ упражненіе въ стилѣ съ наставленіемъ „подражать фразамъ авторовъ изъ пройденныхъ уроковъ". Вслѣдъ затѣмъ по пятницамъ учитель обязанъ кротко и ясно указывать на пороки каждаго такъ, чтобы и остальные это слышали, и быть однакожь снисходительнымъ къ разнаго рода проступкамъ, такъ чтобы мальчики не падали духомъ. Въ че-

твертомъ классѣ читаются Цицероновы Семейныя письма, его сочиненія о дружбѣ и старости, и Теренцій. По окончаніи синтаксиса приступаютъ къ правиламъ просодіи. Сверхъ того по 6 часовъ въ недѣлю преподаются начала греческой грамматики и идетъ переводъ краткаго греческаго катехизиса Бренція. Пятый классъ: Дѣти должны затвердить все, чему до сихъ поръ учились, такъ чтобы они сносно писали и говорили полатыни и понимали греческія правила. Читаются Цицероновы Семейныя письма и о должностяхъ, Элегіи Овидія, евангеліе погречески и полатыни; потомъ слѣдуютъ просодія и упражненія въ стилѣ. „Для того чтобы мальчики отправлялись въ нашъ университетъ еще болѣе способными и лучше подготовленными къ его лекціямъ, мы назначили шестой классъ, въ которомъ сверхъ того изучаютъ болѣе трудныхъ авторовъ, а именно объясняютъ діалектику и реторику, рѣчи Цицерона, Энеиду Виргилія, пространный катехизисъ Бренція, Киропедію Ксенофонта, греческое и латинское евангеліи, повторяютъ также грамматику обоихъ языковъ и упражняются въ прозаическомъ и стихотворномъ стилѣ (Stylus solutus et ligatus)". Въ стилистическихъ упражненіяхъ смотрятъ не на то „много ли, а хорошо ли написаны сочиненія, и особенно обращается вниманіе на фразы и подражанія Цицерону". Здѣсь, такъ же какъ и во всѣхъ классахъ, идетъ нѣмецкое и латинское пѣнье. Притомъ мальчики „какъ въ школѣ, такъ и внѣ ея должны говорить между собою не понѣмецки, а полатыни" и „каждую недѣлю писать письма". А для того чтобы ученіе не было лишено дисциплины, благонравія и страха Божія, слѣдуетъ по утрамъ передъ началомъ урока всею школою, помимо другихъ молитвъ, благоговѣйно пропѣть Veni sancte, а послѣ обѣда къ началу урока первый и послѣдній стихъ изъ гимна Veni Creator Spiritus. По окончаніи же послѣдняго урока до и послѣ обѣда, передъ уходомъ учениковъ домой, одинъ изъ нихъ долженъ твердо и внятно повторить на память главу изъ катехизиса. Ежедневно до обѣда въ десять и послѣ обѣда въ два часа, прежде чѣмъ распускаются ученики, слѣдуетъ велѣть имъ пропѣть что нибудь помимо (календарныхъ стиховъ) Цизіояна и тщательно внушить это юношеству. Сверхъ ежедневныхъ повтореній катехизиса, въ первомъ и во второмъ классѣ, необходимо въ извѣстный часъ по пятницамъ проэкзаменовать рѣшительно всю школу, въ первыхъ двухъ классахъ понѣмецки, а въ остальныхъ полатыни. По субботамъ до обѣда учитель долженъ истолковать воскресное евангеліе либо погречески, либо по латыни, смотря по классу. Въ субботу къ вечернѣ всѣ мальчики должны процессіей идти въ хоръ. Также поступать по воскресеньямъ и праздникамъ, во время службы утромъ, въ обѣдъ или въ вечерню. Учитель долженъ на-

блюдать чтобы дѣти скромно вели себя въ церкви и внимательно слушали проповѣдь, дабы, когда ихъ спросятъ о ней, они сумѣли разсказать все, что запомнятъ. Но для того чтобы дѣти были воспитаны во благо церкви и общины Христовой, учитель долженъ соблюдать слѣдующія постановленія: 1) Вопервыхъ, чтобы всѣ мальчики были благочестивы, кротки и скромны, ревностно ходили въ школу и учились. 2) Чтобы они повиновались своимъ родителямъ, попечителямъ, пасторамъ и учителямъ и оказывали уваженіе всѣмъ кому подобаетъ. 3) Въ школѣ во время уроковъ, также и въ церкви, они должны быть смирны и не болтать, въ школѣ и внѣ ея говорить другъ съ другомъ не по нѣмецки, а по латыни, причемъ учителя обязаны нарочито наблюдать и особенно тщательно слѣдить за тѣмъ, чтобы они мирно и дружелюбно обращались между собою и не подавали повода къ брани, ссорѣ и дракѣ, а если случится что либо такое, то донести своему учителю. 4) Дѣти не должны также ходить безъ кафтана въ школу или въ церковь. 5) Ни дома, ни въ другихъ мѣстахъ они не должны пустословить про школу, ни безчестить передъ родителями своихъ учителей, ни соучениковъ и товарищей. 6) Отправляясь въ школу, мальчики должны по мѣрѣ надобности запастись книгами и прочимъ и приготовиться, такъ чтобы между уроками не бѣгать изъ школы, вообще не отлучаться; чего учителя, безъ особенной побудительной причины и безъ нужды отнюдь не должны дозволять имъ. 7) Каждый часъ, по окончаніи урока и въ каждомъ классѣ надлежитъ всякій разъ перечитывать особый реестръ или каталогъ, въ которомъ каждый изъ педагоговъ вписываетъ своихъ мальчиковъ, а отсутствующихъ отмѣчать точками; затѣмъ, если таковые не представятъ законной причины и свидѣтельства о своей отлучкѣ, то строго наказать ихъ, смотря по ихъ винѣ. Наконецъ, написавъ на доскѣ приведенные законы и правила, учитель обязанъ вывѣсить ихъ въ школѣ, такъ чтобы не только сами мальчики могли читать ихъ, но въ великопостные дни и самъ учитель прочитывалъ ихъ вслухъ и пояснялъ ученикамъ“.

Послѣ годичнаго публичнаго испытанія въ Штутгартѣ, способнѣйшіе, къ теологіи назначаемые ученики латинской школы, отъ 12-ти до 14-ти-лѣтняго возраста, переводятся въ монастырскія школы, основанныя герцогомъ Христофомъ и изъ имуществъ упраздненныхъ монастырей, воспитываются тамъ безплатно, если при поступленіи обяжутся остаться вѣрными изученію теологіи и безъ герцогскаго разрѣшенія не поступать на иноземную службу. Въ низшей монастырской школѣ, въ монастырѣ грамматистовъ, дѣти пользовались соотвѣтственнымъ пятому и шестому классамъ латинской школы преподаваніемъ, причемъ обращалось осо-

бенное вниманіе на теологію. Въ высшихъ монастырскихъ школахъ объясняютъ Цицерона, Виргилія, Демосѳена, проходятъ греческій синтаксисъ, продолжаютъ діалектику и реторику, упражняются къ пѣніи, читаютъ краткій учебникъ музыки, излагаютъ ариѳметику и сферологію, особенно же настаиваютъ на упражненіи въ стилѣ, и каждыя двѣ недѣли производятъ диспуты о предметахъ изъ грамматики, діалектики, реторики или сферологіи. Притомъ, въ будничные дни послѣ утренней молитвы, лѣтомъ и зимой, слѣдуетъ читать лекціи о теологіи, а въ знатнѣйшихъ монастырскихъ школахъ объяснять одну изъ книгъ Ветхаго Завѣта или одно изъ посланій Павла или другихъ апостоловъ, а въ школахъ грамматистовъ одного изъ четырехъ Евангелистовъ или дѣянія Апостоловъ, такъ чтобы учащіеся, смотря по умственнымъ ихъ способностямъ, обогащались какъ въ грамматикѣ, такъ и въ теологіи. Но самъ прелатъ обязанъ, трижды въ недѣлю, а преподаватель теологіи въ остальные дни читать теологическія лекціи, присоединяя къ этому объясненіе какой-либо особой книги священнаго писанія, и вести все къ тому, чтобы юношество наставлялось и воспитывалось какъ для собственнаго блага, такъ и для будущей церковной службы. Всѣ монастырскіе послушники должны также ежедневно пѣть и читать въ церкви, ревностно, по христіански и послушно посѣщать проповѣдь, а потомъ уроки, и ни подъ какимъ видомъ не пропускать ихъ, а быть и оставаться при нихъ съ начала до конца, и обращать вниманіе на всѣ церковные обряды и церемоніи; „если же кто-либо часто и помногу пропускаетъ ихъ и отлучается безъ особаго на то разрѣшенія и позволенія прелата и наставниковъ, тотъ въ наказаніе каждый разъ лишается вина".

Лучшіе монастырскіе ученики (назначено принимать 100 стипендіатовъ и ежегодно содержать ихъ въ заведеніи при магистрѣ, прокураторѣ и ихъ викаріяхъ) 16-ти или 17-ти лѣтъ отъ роду, выдержавъ экзаменъ, поступаютъ въ Тюбингенское заведеніе, гдѣ въ теченіе всего университетскаго курса пользуются вполнѣ даровымъ содержаніемъ. Туда принимаются только тѣ, „которое могутъ представить хорошее и удовлетворительное свидѣтельство отъ нашего священника, магистрата и учителей о поведеніи и благонравіи, и о томъ, что ни родители ихъ, ни сами они не обладаютъ такимъ имуществомъ, чтобы могли на свой счетъ продолжать ученіе; также о томъ, что они усвоили себѣ правила латинской грамматики и первоначальныя основанія греческаго языка, знаютъ порядочно діалектику и реторику, умѣютъ ихъ примѣнить къ лучшимъ авторамъ и занимались также стилистическими упражненіями." При строгой дисциплинѣ они помимо ихъ спеціальнаго предмета, теологіи, продол-

жаютъ изучать въ особенности еврейскій, греческій и латинскій языки и упражняться въ стилистикѣ и диспутахъ.

Таковъ планъ учебной организаціи герцога Христофа. Однако герцогу вскорѣ пришлось убѣдиться, что исполненіе не совсѣмъ отвѣчаетъ его плану. Партикулярныя школы, „за недостаткомъ педагоговъ и аудиторовъ", во многихъ мѣстахъ состояли изъ однихъ только низшихъ классовъ. Вслѣдствіе преимущественно этого онъ и основалъ педагогическій институтъ въ Штутгартѣ съ 5 классами, къ которымъ герцогъ Людвигъ присоединилъ шестой. Въ высшемъ классѣ читались: рѣчи Цицерона, Виргилій, комедіи Фришлина; а сверхъ того шли стилистическія упражненія, полатыни и погречески, преподавались также музыка, астрономія, діалектика, реторика, физика и этика.

Уставы и учрежденія въ *школахъ реформатскаго исповѣданія* имѣютъ съ Вюртембергскимъ школьнымъ уставомъ одинакія начала и основы. Пути и цѣли согласуются съ учебнымъ планомъ Штурма.

Педагогическій институтъ въ Гейдельбергѣ былъ первою ученою школою реформатскаго исповѣданія въ Германіи. Его „устройство и уставъ" вытекли изъ совѣщаній членовъ реформатскаго церковнаго совѣта и университета. Рарспредѣленіе уроковъ было составлено Олевіаномъ, придворнымъ проповѣдникомъ Фридриха III. Въ немъ значится: „Первый классъ. Въ 6 часовъ: діалектика; въ 7 часовъ: чтеніе Цицерона; въ 9 часовъ: повтореніе Цицерона; по одному разу въ недѣлю греческія упражненія. Отъ 12 до часу: рѣчи Исократа. Отъ часу до 2: повтореніе греческаго урока. Въ 3 часа: греческое. Въ 4 часа: философскія сочиненія Цицерона.—Второй классъ. Въ 6 часовъ: реторика попеременно съ легкими рѣчами Цицерона. Въ 7 часовъ: грамматика Филиппи. Въ 9 часовъ: Семейныя письма Цицерона. Въ 12 часовъ: грамматика Кленарда. Въ часъ. Новый Завѣтъ погречески и греческія грамматическія упражненія. Въ 3 часа: эклоги Виргилія. Въ 4 часа: общій урокъ съ первымъ классомъ.— Третій классъ. Въ 6 часовъ: краткая грамматика Филиппи. Въ 7 часовъ: избранныя письма Цицерона. Въ 9 часовъ: латинскій синтаксисъ Эразма. Въ 12 часовъ: начала греческаго языка. Въ часъ: греческіе переводы, Эзоповы басни, по выбору Штурма. Въ 3 часа: послѣдняя часть грамматики Филиппи. Въ 4 часа: попеременно эклоги Виргилія и просодія.—Четвертый классъ. Въ 6 часовъ: краткая грамматика Филиппи. Въ 7 часовъ: избранныя письма Штурма. Въ 9 часовъ: упражненія въ склоненіи и спряженіи. Въ 12 часовъ: важнѣйшія правила синтаксиса. Въ часъ: грамматическія упражненія. Въ 4 часа: вечерняя молитва въ церкви.—Пятый классъ. Въ 7 часовъ: склоненія и спряженія.

Въ 9 часовъ: младшіе ученики читаютъ; болѣе преуспѣвшіе говорятъ наизусть заданныя имъ правила грамматики. Отъ 12 до 2 часовъ: грамматическія упражненія. Отъ 3 до 5 часовъ: чтеніе и сказыванье наизусть нѣмецкаго катехизиса.— При томъ въ отдѣльныхъ классахъ постоянно возобновляемыя повторенія заученнаго и пройденнаго прежде. Въ первыхъ четырехъ классахъ слѣдуетъ также по два раза въ недѣлю подавать письменныя упражненія, исправляемыя учителемъ; въ низшемъ же классѣ мальчикамъ ежедневно задавать каждому по одному слову (напр. одному caput, а другому oculus и т. д.), причемъ каждый долженъ сказать свое слово полатыни и понѣмецки, но всѣ ученики должны записать у себя всѣ слова.

Женевскій учебный уставъ, въ 1559-мъ г. составленный Кальвиномъ и Безою, опирается на основныя правила Штурма. Въ видѣ „законовъ" седьмаго (младшаго) класса тамъ постановлено: Дѣтей слѣдуетъ ознакомить съ буквами, научить ихъ составлять слоги по латино-французской азбукѣ и потомъ бѣгло читать. Затѣмъ по латино-французскому катехизису приучать ихъ къ латинскому выговору. Старшіе начинаютъ также писать. Для шестаго класса предписывается: Въ первые 6 мѣсяцевъ въ году изучаются первыя начала склоненій и спряженій въ наивозможной простотѣ. Во второе полугодіе объясняется французская этимологія въ сравненіи съ латинскою и съ присовокупленіемъ легкихъ латинскихъ упражненій. При этомъ дѣти должны также привыкать говорить полатыни.—Въ пятомъ классѣ слѣдуетъ болѣе точное преподаваніе этимологіи и первыхъ началъ синтаксиса. Понемногу также письменныя упражненія и сочиненія.—Законы четвертаго класса слѣдующіе: Изучить вполнѣ правила синтаксиса. Въ чтеніи: Семейныя письма Цицерона. Притомъ легкія темы по цицероновскимъ образцовымъ письмамъ. Количество слоговъ по сжатымъ правиламъ въ элегіяхъ Овидія. Наконецъ чтеніе, склоненіе и спряженіе погречески.—Въ третьемъ классѣ изучается обстоятельнѣе греческая грамматика, обращая притомъ тщательное вниманіе на правила обоихъ языковъ, дѣлаются также упражненія. Читаются лучшіе писатели: письма Цицерона, о дружбѣ, о старости, Энеида Виргилія, Цезарь, назидательныя рѣчи Исократа—смотря по способностямъ учениковъ.—Во второмъ классѣ преподается полатыни исторія по Ливію. Греческая исторія по Ксенофонту, Полибію или Геродіану. Черезъ день чтеніе Гомера. Изучаются начала діалектики,—свойства предложеній и разныя виды доказательствъ излагаются съ возможною точностью и съ практическимъ указаніемъ на авторовъ. По субботамъ отъ 3 до 4 часовъ читается погречески евангеліе отъ Луки.—Въ первомъ классѣ діалектика проходится основательнѣе. Изу-

чаются также начальныя основанія реторики: правила при этомъ объясняются на рѣчахъ Цицерона, также на Олинѳійскихъ рѣчахъ и Филиппикахъ Демосѳена; сверхъ того на Гомерѣ и Виргиліи. Обращается особенное вниманіе на письменныя упражненія. По воскресеньямъ отъ 3 до 4 часовъ читаются нѣкоторыя посланія апостоловъ.

„Законы Неккарской школы“ („Leges Scholae Nicrinae“), изданные вѣроятно Іоанномъ Казиміромъ, обратившимъ свое особое попеченіе на Неккарскую школу въ Гейдельбергѣ и обнародовавшимъ въ 1587-мъ г. „уставъ и преобразованіе Неккарской школы“,—даютъ понятіе о томъ, какъ реформатскіе школы смотрѣли на воспитаніе и нравы и какъ въ нихъ предписывалось блюсти нравственность. Тамъ значится: „Такъ какъ школы должны поучать юношей разнымъ хорошимъ искусствамъ, благонравію и мудрости, съ тѣмъ чтобы они со временемъ въ состояніи были отправлять духовную и свѣтскую службу, приносить благую и скромную пользу церкви и общей отчизнѣ, во славу Божію, а подданнымъ и самимъ себѣ во благомудрости, и такъ какъ страхъ Божій служитъ самымъ вѣрнымъ къ тому основаніемъ, то каждому изъ воспитанниковъ этихъ школъ, и всѣмъ вообще, прежде всего необходимо внушить страхъ Божій, такъ чтобы они дѣйствовали и поступали согласно съ этимъ“. „Во всемъ остальномъ всѣ воспитанники обязаны слѣдовать одному лишь нашему курфюршескому въ городѣ Гейдельбергѣ введенному реформатскому катехизису и сообразно съ постановленіемъ каждаго класса тщательно затверживать его наизусть.“ Всѣ достигшіе высшаго умственнаго развитія, а именно перво-второ-и даже третье-классники должны, каждый по назначенію, ходить въ нашу церковь, по крайней мѣрѣ въ четыре большіе праздника въ году, ко святому причастію и приготовляться къ этому надлежащимъ образомъ“. „Такъ какъ безъ благочестивой молитвы мало надежды на благословеніе, и на успѣхъ въ дальнѣйшихъ трудахъ и занятіяхъ, то надлежитъ читать утренния и вечернія молитвы лѣтомъ въ 5 часовъ, а зимой, начиная съ осеннихъ каникулъ и до святой, въ 6 часовъ утра, по вечерамъ же какъ лѣтомъ, такъ и зимой постоянно въ 8 часовъ; кто не присутствуетъ при этомъ или проспитъ, того слѣдуетъ привести къ повиновенію розгами. За ругательства и божбу наказывать всѣхъ съ большою строгостью, и кто, услышавъ ругательства отъ другого, не донесетъ объ этомъ, тотъ подлежитъ равной карѣ съ ругателемъ, когда то обнаружится“. „Молитвы должны читаться перво-и второ-классниками; сперва слѣдуетъ однако пропѣть въ 4 голоса нѣсколько законовъ, по меньшей мѣрѣ два. Затѣмъ воспитанникъ, назначенный для молитвы, обязанъ прочесть вечеромъ главу изъ Новаго, а утромъ изъ Ветхаго завѣта;

послѣ того, сказать утреннюю и вечернюю молитву и вмѣстѣ съ тѣмъ Отче нашъ, а въ заключеніе пропѣть опять два закона".

Эти „школьные уставы" служили образцами для всѣхъ дальнѣйшихъ учебныхъ уставовъ и основаніемъ для школъ въ теченіе почти двухъ вѣковъ. Всѣ они единогласно въ противность средневѣковому католицизму отстаиваютъ новый, реформаторами возбужденный духъ и вводятъ въ школахъ гуманизмъ на основаніи реформаторскаго христіанства. Но они же въ свою очередь втѣсняютъ новый протестантскій духъ опять-таки въ предѣлы ортодоксіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и механизма. Они смотрятъ на школу лишь какъ на дополненіе къ духовному званію, какъ на дочь церкви, и не могутъ еще отдѣлить другъ отъ друга школу и церковь, какъ два самостоятельныхъ, одинаково полноправныхъ, саможивыхъ, нравственныхъ организма. Они поэтому и не въ состояніи еще понять, что для дѣльнаго гражданина, для истиннаго мужа науки и пр. требуется болѣе того, что достигается вдолбленіемъ катехизиса и механическимъ усвоеніемъ латинскаго языка. Исходя отъ такого воззрѣнія, кругозоръ котораго очерченъ въ сущности теологіею и латынью, они поэтому даже на еврейскій и греческій языки смотрятъ какъ на побочные предметы, и взглядъ ихъ рѣдко лишь досягаетъ до великихъ Грековъ (въ реформатскихъ учебныхъ уставахъ кругозоръ нѣсколько шире); они даже геометрію и ариѳметику не могутъ включить въ органическое преподаваніе, и едва признаютъ право за діалектикой и реторикой, которыхъ уже средневѣковье въ своихъ школахъ привело въ тѣсную связь съ латинскимъ языкомъ; они вовсе и не подозрѣваютъ образовательной силы родного языка и естественныхъ наукъ. Въ евангелическихъ учебныхъ уставахъ шестнадцатаго столѣтія еще и помину нѣтъ о гармоническомъ развитіи духовныхъ способностей. Но школьные уставы дали, что могли дать, и въ свое время они представляли прогрессъ своей эпохи, потому и служатъ основами для дальнѣйшаго развитія протестантскихъ школъ.—

10.

Свойство и дѣятельность латинскихъ школъ.

Шестнадцатое и семнадцатое столѣтія суть вѣка основанія латинскихъ школъ. Высшія и низшія латинскія школы возникли: 1510-го г. въ Лондонѣ (Павловская школа), 1514-го во Фрейбургѣ и Мейсенѣ, 1516-го въ Ви-

боргѣ (Данія), 1518-го въ Цвиккау, 1520-го въ Лейтчавѣ (въ Венгріи), 1521-го въ Цербстѣ и Гальберштадтѣ, 1521-го въ Трептовѣ, 1524-го въ Готѣ, Магдебургѣ, Веймарѣ, Лейпцигѣ, Ашерслебенѣ, Гадерслебенѣ, Нордгаузенѣ, Ульмѣ, Нордлингенѣ, Эрингенѣ, 1525-го въ Іенѣ и Штральзундѣ, 1529-го въ Нюрнбергѣ, 1527-го въ Альтенбургѣ и Заальфельдѣ, 1528-го во Франкфуртѣ на Майнѣ, Ольденбургѣ, Бременѣ, Госларѣ, 1529-го въ Гамбургѣ, Ригѣ, Аншпахѣ, 1530-го въ Любекѣ, Маріенбергѣ, Кронштадтѣ (въ Трансильваніи), 1531-го въ Гольдбергѣ, Марбургѣ, Аугсбургѣ, Сарошъ-Патакѣ (въ Венгріи), 1532-го въ Баутценѣ, Эйзенахѣ и Люнебургѣ, 1533-го въ Вейсенфельсѣ, 1534-го въ Ганноверѣ, Шнебергѣ и Гарделегенѣ, 1535-го въ Эйсфельдѣ и Циттавѣ, 1536-го въ Эльбингенѣ, 1537-го въ Вольгастѣ и Роскильдѣ (въ Даніи), 1538-го въ Страсбургѣ, Регенсбургѣ и Плаценѣ, 1539-го въ Эйнбекѣ, Кведлинбургѣ и Арнштадтѣ, 1540-го въ Лейпцигѣ, Берлинѣ, Герворденѣ, Гамельнѣ и Кульмѣ, 1541-го въ Галле, Цейцѣ и Шлезвигѣ, 1542-го въ Наумбургѣ и Швейнфуртѣ, 1543-го въ Ильфельдѣ, Мейсенѣ, Дортмундѣ, Мерзебургѣ, Гофѣ, Пренцловѣ и Штеттинѣ, 1544-го, въ Мейнингенѣ, 1546-го въ Копенгагенѣ, 1547-го въ Целле, 1548-го въ Грейфсвальдѣ, 1549-го въ Кольбергѣ, 1550-го въ Гриммѣ, Брауншвейгѣ и Дубячкѣ (въ Польшѣ), 1552-го въ Маріенбургѣ и Кольдингѣ, 1553-го въ Билефельдѣ, Гюстровѣ и Шверинѣ, 1555-го во Франкенгаузенѣ и Лаубахѣ, 1556-го въ Штаде и Пресбургѣ, 1557-го въ Дрезденѣ и Валькенридѣ, 1558-го въ Данцигѣ, 1559-го въ Лауингенѣ, 1560-го въ Бебенгаузенѣ, Маульброннѣ, Блауберенѣ, Денкендорфѣ и Килѣ, 1561-го въ Эрфуртѣ и Байрейтѣ, 1562-го въ Бреславлѣ (возобновленная Елизаветинская), 1564-го въ Бригѣ и Пархимѣ, 1565-го въ Галле, Гёрлитцѣ, Клостербергѣ и Гейдельбергѣ, 1567-го въ Дармштадтѣ и Фленсбургѣ, 1568-го въ Торнѣ, 1570-го въ Анкламѣ, 1571-го въ Темарѣ, 1572-го въ Зестѣ, 1573-го въ Виндсгеймѣ, 1574-го въ Берлинѣ, 1575-го въ Фридландѣ, 1576-го въ Велавѣ, 1577-го въ Шлейзингенѣ и Стокгольмѣ, 1578-го въ Нейштадтѣ на Гардтѣ, 1579-го въ Корбахѣ, 1580-го въ Дамѣ, 1582 въ Гейльброннѣ и Цербстѣ, 1583-го въ Дурлахѣ, 1584-го въ Вольфенбюттелѣ и Бременѣ, 1589-го въ Брауншвейгѣ, Ратцебургѣ и Штейнфуртѣ, 1595-го въ Касселѣ, 1596-го въ Лондонѣ (Грешемъ колл)., 1601-го въ Кобургѣ, 1607-го въ Берлинѣ (Іоах.) 1608-го въ Герѣ и Ганау, 1610-го въ Миддельбургѣ, 1614-го въ Гамбургѣ, 1632-го въ Амстердамѣ, 1633-го въ Старгардѣ, 1639-го въ Бременѣ, 1648-го въ Готенбургѣ (Швеція), 1651-го въ Нимвегенѣ (въ Голландіи), 1669-го въ Гефле (въ Швеціи), 1681-го въ Берлинѣ (Фридриха), 1682-го въ Альтонѣ, 1686-го въ Штутгартѣ, 1687-го въ Лингенѣ, 1688-го въ Эйзенбергѣ, 1689-го

въ Берлинѣ (Фридрихсверд.), 1695-го въ Галле (сиротскій домъ и педагогическій институтъ).

Починъ къ успѣшному развитію этихъ латинскихъ училищъ положили школы, основанныя протестантизмомъ. Въ послѣднихъ, на основаніи евангелическихъ учебныхъ уставовъ, классически филологическое образованіе поставлено въ извѣстное отношеніе къ евангелію, а христіанство въ свою очередь въ тѣсную связь съ классическими языками; полагали даже, что одно какъ бы обусловливалось и дополнялось другимъ. Въ высшей латинской школѣ въ Заальфельдѣ былъ напр. въ 1584-мъ г. слѣдующій учебный планъ (прогр. 1864):

Lectiones primae classis salfendensis:

	D. Lunae.	D. Martis.	D. Merc.	D. Jov.	D. Ven.	D. Saturni.
7—8.	Lat. Gramm.	Lat. Gramm.	Graec. Gramm.	Concio.	Concio.	Catechism.
8—9.	Cicero.	Cicero.	Exert. lat.	Lat. Synt.	Lat. Synt.	Evang. graece.
9—10.	Dialect.	Dialect.	—	Virgil.	Virgil.	Themata.
12—1.	Musik.	Musik.	—	Musik.	Musik.	explic.
1—2.	Terent.	Terent.	—	Terent.	Praec. mor. Cam.	
2—3.	Theognis.	Dialect.	—	Theognis.	Rhetor.	

Lectiones secundae classis:

In capitibus pietatis. Catechismus Lutheri, qui bis vel ter in anno absolvitur. Huic adjungitur singulis septimanis Psalmus Germanicus et repetitio partis alicujus Catechismi Lutheri Germanici. Item insigne aliquod dictum ex Evangelio recitatur.— In artibus. Epitome Etymologiae et Syntaxeos quae tum exponendo tum ediscendo ac recitando anni spatio absolvitur ac denuo repetitur. Item exercentur pueri in Graecis declinationibus simplicibus.—In lingua Latina. Epistolae Sturmii: Fabulae Camerarii; Catonis disticha moralia. Exercitia: Singulis septimanis argumentum Germanicum in Latinum vertendum proponitur. Item graece legere discunt.

Lectiones tertiae classis:

	D. Lunae.	D. Martis.	D. Merc.	D. Jov.	D. Ven.	D. Saturn.
7—8.	Lat. Gramm.	Lat. Gramm.	Catechism.	Epitome Phil.	Epit. Phil.	Catechism.
8—9.	Recit. sent.	Recit. sent.	Catechism.	Lat. Gramm.	Lat. Gramm.	Catechism.
9—10.	Epist. Phil.	Epist. Phil.	Epist.domin.	Recit. sent.	Recit. sent.	Ev. domini german.
12—1.	Scribendi exercitatio.		—	Scribendi exercitio.		—
1—2.	Declin. et Conjug.		—	Declin. et Conjug.		—
2—3.	Recitatio vocabulorum.		—	Praecepta morum.		—

Quarta Classis

nostrae latinae scholae distincta est in tres ordines. Tertius seu infimus continent eos pueros qui literarum singularum nomina, potestatem et figurae discunt probe cognoscere et internoscere.—Secundus ordo est eorum, qui connexiones literarum

cognoscunt et syllabas efferre sigillatim assuescunt. — In primum ordinem cooptantur pueri qui ad Epitomes Grammatices lectionem assuefiunt. Praeterea hi exercentur in ediscendo Catechismo Lutheri similiter in scribendo ac in declinando.—*).

Учебниками въ первомъ классѣ въ Заальфельдѣ служили: катехизисъ Хитрея до 1622-го г., потомъ Гуттера краткій учебникъ теол.; Меланхтона лат. грамматика до 1624-го, потомъ Ренія краткая лат. грамм., Кленарда греческая грамм. до 1627-го, затѣмъ греческая грамматика Ренія; Семейныя письма Цицерона, съ 1641-го Цицерона о должностяхъ, Виргилій; Теренцій до 1640-го, потомъ опять съ 1647-го до

---

*) Уроки перваго Заальфельдскаго класса:

	Понедѣльникъ.	Вторникъ.	Середа.	Четвергъ.	Пятница.	Суббота
7—8.	Лат. грамм.	Лат. грамм.	Греч. грамм.	Рѣчи.	Рѣчи.	Катехиз.
8—9.	Цицеронъ.	Цицеронъ.	Лат. упраж.	Лат. Синт.	Лат. Синт.	Греч. еванг.
9—10.	Діалект.	Діалект.	—	Виргил.	Виргил.	Темы.
12—1.	Музыка.	Музыка.	—	Музыка.	Музыка.	Объясн.
1—2.	Теренц.	Теренц.	—	Теренц.	Правила Кам. нрав.	
2—3.	Теогнидъ.	Діалект.	—	Теогнидъ.	Ретор.	—

Уроки втораго класса:

По закону Божьему: Катехизисъ Лютера, проходимый два или три раза въ годъ. Къ этому присоединяется по одному нѣмецкому псалму на семерыхъ и повтореніе нѣкоторыхъ частей нѣмецкаго Лютерова катехизиса. Заучивается также какой-нибудь замѣчательный текстъ изъ Евангелія.—Въ наукахъ: Сокращеніе этимологіи и синтаксиса, что объясняется, заучивается и говорится наизусть, проходится и снова повторяется въ теченіе года. Учениковъ упражняютъ также въ простыхъ греческихъ склоненіяхъ.—Въ латинскомъ языкѣ: письма Штурма: басни Камерарія; нравственныя стихотворенія Катона. Упражненія: предлагается на семерыхъ по одной нѣмецкой статьѣ переводить на латинское. Учатся также читать по гречески.

Уроки третьяго класса:

	Понедѣльникъ.	Вторникъ.	Середа.	Четверг.	Пятница.	Суббота.
7—8.	Лат. Грамм.	Лат. Грамм.	Катехизисъ.	Сокращ. Филол.	Сокращ. Филол.	Катехиз.
8—9.	Чтеніе сент.	Чтеніе сент.	Катехизисъ.	Лат. грам.	Латин. грамм.	Катехиз.
9—10.	Посл. Фил.	Посл. Фил.	Посл. Госп.	Произн. сент.	Произн. сент.	Св. Пис. нѣмецк.
12—1.	Письменныя упражненія.		—	Письменныя упражненія.		
1—2.	Склонен. и спряж.		—	Склонен. и спряж.		
2—3.	Чтеніе вокабуловъ,		—	Ученіе о нравахъ.		—

Четвертый классъ

нашей латинской школы раздѣленъ на три разряда. Третій или низшій содержитъ въ себѣ учениковъ, которые учатся правильно разпознавать и отличать названіе, значеніе и виды отдѣльныхъ буквъ.—Ко второму разряду относятся тѣ, которые ознакомились съ буквами и пріучаются составлять небольшіе слоги.—Въ первый разрядъ назначаются ученики, которые приступаютъ къ грамматическимъ правиламъ. Сверхъ того они учатся катехизису и упражняются въ письмѣ и въ склоненіяхъ.

1690-го и съ 1692-го до настоящаго времени. Съ 1641-го до 1646 читались Ревекка Фришлина, а въ 1691-мъ Плавтъ. Діалектика Лоссія въ 1622-мъ г. уступила мѣсто діалектикѣ Дитерици, точно также и реторика, употребленіе которой впрочемъ уже разъ отъ 1603-го до 1605-го было прервано реторикою по методѣ Рамуса. Стихотворенія Пиѳагора исчезаютъ въ 1586-мъ и уступаютъ мѣсто Исократу, который въ свою очередь часто подолгу вытѣсняется греческимъ евангеліемъ Посселіана, пока наконецъ послѣднее не замѣнилось греческимъ Новымъ Завѣтомъ. Въ 1612-мъ пользуются реторикою Конради, а въ 1641-мъ впервые является еврейскій языкъ вмѣстѣ съ учебникомъ логики М. Шарфія. Въ 1648-мъ упоминаются греческія сентенціи Лубина, а въ 1684-мъ вводится Гезіодъ, логика Бахманна, ораторскія статьи Фоссія, и живописный міръ Коменія. Во второмъ классѣ къ упомянутымъ въ планѣ учебникамъ присоединяются еще гражданскія права Эразма съ 1593-го г., которыхъ впрочемъ уже въ 1601-мъ вытѣсняетъ Дисциплина мальчиковъ. Въ 1684-мъ и въ этомъ классѣ также вводится Живописный міръ. Въ третьемъ классѣ помимо названныхъ въ планѣ учебниковъ появились еще словарь (вѣроятно Номенклатура Либера или Гейдина) и сокращеніе Адріана Юнія, ученіе о нравахъ, а съ 1596-го нѣмецкій псалтырь. Математика и реальные предметы появляются въ учебномъ планѣ лишь въ слѣдующемъ затѣмъ столѣтіи. Вообще, учебный планъ въ Заальфельдѣ отвѣчаетъ курсаксонскому школьному уставу 1580-го г., а при дальнѣйшемъ сравненіи оказывается, что здѣсь въ первомъ классѣ хотятъ достигнуть цѣли, предначертанной въ вюртембергскомъ учебномъ уставѣ 1559-го г. тремъ высшимъ классамъ, и что вмѣстѣ съ тѣмъ соперничаютъ съ княжескими школами.

Городскія школы, находившіяся даже въ самыхъ маленькихъ городахъ, были низшими учебными заведеніями. Религія и латынь составляли главные предметы преподаванія, и благодаря имъ говорить по-латыни стало дѣломъ обыкновеннымъ, такъ что не только мѣщане и ремесленники въ городахъ навыкли въ этомъ до извѣстной степени, но даже мѣстечки и большія деревни также искали учителей, способныхъ давать въ нихъ частные уроки латыни. Существовавшія во многихъ маленькихъ городахъ нѣмецкія школы были даже упразднены ради латинскихъ. Герцогъ Ульрихъ въ 1546-мъ г. въ инструкціи визитаторамъ предписалъ: „Такъ какъ во многихъ городахъ при латинскихъ школахъ существуютъ также нѣмецкія, служащія во вредъ первымъ, притомъ многіе изъ мальчиковъ способны къ изученію латыни и слѣдовательно къ прославленію Господа и управленію общеполезными дѣлами, то въ малыхъ городахъ слѣдуетъ закрыть тѣ нѣмецкія школы, ибо всякій латинскій

ученикъ при латыни и безъ того сумѣетъ писать и читать по-нѣмецки“. Преподаваніе въ этихъ школахъ длилось по 5-ти или 6-ти часовъ въ день, утромъ отъ 5-ти или 6-ти до 9-ти, а послѣ обѣда отъ 12-ти до 3-хъ. Главные уроки, особенно грамматика, были передъ обѣдомъ, а побочные, именно музыка, послѣ обѣда. Обученіе производилось по степенямъ въ трехъ классахъ, предписанныхъ саксонскимъ учебнымъ уставомъ. Чтеніе и письмо по лютеровой азбукѣ, заучиванье латинскихъ вокабулъ и латинскихъ нравственныхъ изреченій: вотъ что было задачею низшаго класса. Рѣшивъ эту задачу, принимались во второмъ классѣ, при непрестанномъ повтореніи склоненій и спряженій, за разговоры Эразма, а впослѣдствіи за комедіи Теренція и Плавта. Въ первомъ классѣ читались письма Цицерона или книги о должностяхъ и Виргилій, къ которому примыкали метаморфозы Овидія. При этомъ писались сочиненія и латинскіе стихи. Преподаваніе религіи въ обоихъ высшихъ классахъ производилось по-латыни и состояло частью въ заучиваньи наизусть лютерова катехизиса и въ объясненіи его, частью въ толкованіи болѣе легкихъ библейскихъ книгъ, какъ-то Матѳія и апостольскихъ посланій. Бесѣды учениковъ между собою и съ учителями должны были производиться по-латыни. Итакъ, все образованіе было теолого-латинское. Но сама латынь служила лишь средствомъ: она преподавалась въ видѣ подготовки тѣмъ, которые хотѣли посвятить себя духовному или ученому званію. Изученіе классической древности, какъ независимаго отъ христіанства, въ самомъ себѣ законченнаго образовательнаго міра, отступило на заднiй планъ. Такъ было въ городскихъ школахъ мелкихъ городовъ въ Саксоніи, Пфальцѣ, Шлезвигъ-Голштиніи и проч., во многихъ изъ нихъ до самаго девятнадцатаго столѣтія.

Школы большихъ городовъ имѣли въ виду ту же задачу, съ тою только разницею, что въ нихъ преподавались еще греческій и еврейскій языки, математика и философія, почти все, что читалось въ университетахъ и притомъ въ видѣ профессорскихъ лекцій, такъ что „ученики многое слушали и усвоивали себѣ, но ровно ничему не научались“. Въ *высшихъ городскихъ школахъ*, основанныхъ Меланхтономъ въ Нюрнбергѣ и Мюльгаузенѣ, Бугенгагеномъ въ Гамбургѣ, Любекѣ, Бременѣ и пр., учителя преподавали такъ, какъ и сами учились въ университетахъ, читая лекціи въ послѣдовательной связи. Они, какъ выражается Рукопфъ, только говорили своимъ ученикамъ, вмѣсто того чтобъ говорить съ ними, и потому не удивительно, что ученикамъ все казалось темнымъ и труднымъ и что весьма немногіе изъ нихъ дѣлали значительные успѣхи. На то же жаловался и Іеронимъ Вольфъ въ 1530-мъ г. „Онъ нѣсколько лѣтъ пользовался преподаваніемъ знаменитаго Зебальда Гейдена, но посту-

пивъ въ эгидскую гимназію въ Нюрнбергѣ, гдѣ тогда преподавалъ Іоакимъ Камерарій, онъ нашелъ все черезъ чуръ высокимъ и труднымъ. Учителямъ въ этихъ высшихъ городскихъ школахъ казалось важнѣе, заставить слушать самихъ себя и блистать передъ учениками въ высшихъ наукахъ, въ діалектикѣ, риторикѣ и греческомъ языкѣ, нежели принести имъ дѣйствительную пользу и цѣлесообразно обучать ихъ начальнымъ основамъ, особенно грамматикѣ. Естественнымъ слѣдствіемъ этого были невѣжество и торопливость, съ какою молодые люди спѣшили въ университетъ, не обладая притомъ надлежащими предварительными знаніями, особенно въ языкахъ".

Высшія городскія школы отличались отъ низшихъ болѣе всего тѣмъ, что въ первыхъ присоединялись особенно еще нѣкоторые учебные предметы и что въ нихъ, какъ въ предназначенныхъ преимущественно для будущихъ богослововъ, главнѣйше занимались грамматикой и сверхъ того тщательно изучали риторику и логику. Притомъ число уроковъ въ нихъ ограничивалось отъ 21-го до 22-хъ часовъ въ недѣлю; такъ что для свободной самодѣятельности при занятіяхъ предоставлялось болѣе простора, нежели въ низшихъ городскихъ школахъ. Наконецъ, на гимназіи, какъ напр. въ Нюрнбергѣ, смотрѣли болѣе какъ на учебныя заведенія для сыновей дворянскихъ семействъ, а еще не далѣе какъ въ 1708-мъ ректорамъ трехъ латинскихъ школъ, но не гимназій, сообщенъ былъ указъ магистрата, чтобы они оказывали ремесленнымъ мастерамъ помощь въ случаѣ запроса на учениковъ.

Да и вообще ученики низшихъ городскихъ школъ слишкомъ мало преуспѣвали, такъ что посвящавшему себя наукамъ необходимо было посѣщать высшія учебныя заведенія. Вотъ опять-таки причина, что многія низшія городскія школы стремились преобразиться въ высшія заведенія, принявъ въ число своихъ учебныхъ предметовъ греческій и еврейскій языки, математику и философію. Такъ между прочимъ и тривіальная школа въ Корбахѣ въ 1579-мъ г. преобразилась въ настоящую восьмиклассную гимназію съ 8—9-ью учителями.

Княжескія или *монастырскія* школы были тѣ же городскія, но въ болѣе широкихъ размѣрахъ. Съ преподаваніемъ религіи, получившимъ вслѣдствіе чтенія теологическихъ статей Меланхтона богословскій характеръ, связаны были молебствія во всякое время дня. Помимо религіи преподавались латинскій, греческій и еврейскій языки, діалектика и реторика. Еврейскій и греческій служили учебными предметами для пониманія библіи, а толкованіе классиковъ было подготовкой толкованію Священнаго Писанія. Сочиненіемъ латинскихъ стиховъ занимались съ особеннымъ пристрастіемъ. Схоласти-

ческій характеръ, говоритъ Э. Ангальтъ, усвоенный протестантскою наукою, выразился какъ въ поддержкѣ латинскаго, диспутаціоннаго языка, такъ и въ постоянныхъ диспутахъ, къ которымъ пріучали воспитанниковъ,—всѣ упражненія, заслуживали названія не гимнастики ума, а скорѣе гимнастики ученаго званія.

Академическія гимназіи стремились еще далѣе. Онѣ устроены были поуниверситетски и возникли изъ желанія отправлять молодежь въ болѣе зрѣломъ уже возрастѣ въ иностранные университеты, дабы она не заражалась ядомъ крипто-кальвинизма. Между прочимъ въ Данцигѣ открыты были профессорскія каѳедры для юриспруденціи, медицины и философіи, такъ что въ случаѣ нужды эти науки можно было пройти у себя на родинѣ: вотъ главный поводъ къ заложенію академической или знатной гимназіи (gymnasium academicum или illustre) въ 1640-мъ г.—Въ 1582-мъ г. основанная, пріобщенная великокняжескому ангальтскому дому, академическая гимназія въ Цербстѣ имѣла по „отчету" отъ 1681-го г. ректора реформатской религіи, обязаннаго преподавать публично теологію вмѣстѣ съ связанными съ нею священными языками, еврейскимъ и греческимъ, также священную и всемірную исторію, потомъ еще профессора богословія лютерано-евангелической религіи, обязаннаго учить вмѣстѣ съ тѣмъ метафизикѣ, а сверхъ того профессора правъ реформатской религіи, кромѣ юриспруденціи излагавшаго публично этику и политику, потомъ профессора медицины вмѣстѣ съ физикой и математикой, и наконецъ профессора краснорѣчія и логики, такъ что коллегія профессоровъ состояла изъ ректора, трехъ профессоровъ реформатскаго и одного лютеранскаго вѣроисповѣданія. Въ 1600-мъ г. въ гимназіи считалось „300 иностранныхъ и 206 туземныхъ студентовъ, и въ ней какъ тогда, такъ еще и долго послѣ того, ревностно производились диспуты". Академическія гимназіи были устраняемы, коль скоро ученыя школы и университеты достигли высшаго развитія; въ одномъ только Гамбургѣ до сихъ поръ еще существуетъ подобнаго рода средневѣковое заведеніе, неспособное ни жить, ни умереть, въ родѣ памятника давно минувшихъ временъ.

Городскія низшія и высшія, также княжескія школы, и академическія гимназіи,—все это были школы латинскія, въ которыхъ усвоивались на память обороты рѣчи Теренція и Цицерона, но не обращалось никакого вниманія на высшее содержаніе классическихъ произведеній древности, потому что дѣло шло лишь о языкѣ, объ умѣньи говорить и писать полатыни, къ чему присоединялась необходимая доля правовѣрной теологіи. Съ этой точки зрѣнія характеристичны въ особенности *темы*, задаваемыя первоклассникамъ этихъ школъ для разработки. Въ Мартинеумѣ въ Брауншвейгѣ заданы были: Chria de dicto Esaiae: Vae illis, qui

potando ceteros vincunt (Jes. 5, 22); Chria ex dicto ad Ephesios 4, 20: in Christo est veritas; также ex dicto Ezechielis 17, 24: de dicto ad Philipp. 3, 13 etc. Paraphrasis psalmi LX *). Oda на псал. 50: Сердце чисто созижди во мнѣ. Oratio Abimelechi se excusantis coram rege Saulo. Auditis legatis Assyriorum deliberat Ezechias, quid sit faciendum (гекзаметръ). Ethopoeia Mariae, cum recens natum in Iesulem in cunis vagientem adspiceret, disposita secundum triplex tempus praesens, praeteritum et futurum. Christum amare melius est, quam omnia scire **). Сверхъ того также латинскія изреченія и поговорки: Labor omnia vincit improbus. Chria verbalis de dicto Aristotelis: Ex ebriefate tamquam ex fonte aliquo infinita mala promanant. ***) Ласки господъ и птичьи пѣсни пріятно звучатъ, но не долговѣчны. Чѣмъ тощѣе песъ, тѣмъ больше блохъ (излагается понѣмецки и полатыни). Потомъ общія разсужденія: Theologiae operam dandam (а именно ad imitationem partis prioris pro lege Manilia). De linguae Graecae dignitate. De laude paupertatis. De vituperatione paupertatis. Oratio suadens vitam militarem ****) (двустишіе). Противъ страсти къ игрѣ. Христіане несчастливы. Comparatio praeceptoris cum Mose,—praeceptoris cum fonte.—scholae cum deserto Arabiae—Eliae cum Luthero,—hominis ignavi cum asino. Narratio de eversa Troja. Fabula de labore: Hercules et bubulcus *****). Преобладали впрочемъ темы по теологическимъ предметамъ. Въ день святаго Михаила 1688-го г. въ цѣломъ актѣ, состоявшемъ изъ девяти рѣчей разбиралось „ученіе объ ангелахъ“, причемъ темы распредѣлены были въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) de angelis in genere, 2) de natura et officiis bonorum angelorum (въ двустишіяхъ); 3) περὶ τῆς τοῦ σατανᾶ ὕβρεως (греческій гекзаметръ); 4) comparatio Goliathi cum diabolo; 5) oratio continens affèctum odii in Satanam, adimitationem orat. I. Catilin. elaborata; 6) de paritate angelorum cum hominibus; 7) de imparitate angelorum et hominum. 8) de

*) Хрія на слова Исаіи: Горе тѣмъ, которые храбры пить вино (Прор Ис. 5,22); хрія на слова къ Ефесянамъ 4, 21: истина во Іисусѣ; также на слова Іезекіиля 17, 24; на слова къ Филип. 3, 13 и пр. Переложеніе псалма LX.

**) Рѣчь Авимелеха, извиняющагося передъ царемъ Сауломъ. Выслушавъ ассирійскихъ пословъ, Іезекія обсуждаетъ, что дѣлать. Благовѣщенье Маріи, расположенное по тремъ временамъ: настоящему, прошедшему и будущему. Любить Христа лучше, чѣмъ знать все.

*) Настойчивый трудъ все преодолѣваетъ. Толкованіе на слова Аристотеля: Изъ пьянства, словно изъ родника, вытекаетъ нескончаемое зло.

****) Изложить искусство теологіи (а именно въ подражаніе первой части рѣчи Циц. за законъ Манилія). О достоинствѣ греческаго языка. Въ похвалу бѣдности. Въ порицаніе бѣдности. Рѣчь въ пользу военной жизни.

*****) Сравненіе наставника съ Моисеемъ,—наставника съ источникомъ,—школы съ Аравійскою пустынею, — Иліи съ Лютеромъ, — лѣнтяя съ осломъ. Разсказъ о разрушеніи Трои. Басня о трудѣ: Геркулесъ и пахарь.

praestantia hominis prae angelis (гекзаметръ; 9) eucharistica pro praesidio angelico (нѣмецкія стихи). *) Нѣмецкія сочиненія въ этомъ случаѣ рѣшительно и много хуже латинскихъ: первыя напыщены и растянуты, а послѣднія, хотя и пересыпаны кое-гдѣ варварскими словами, но все-таки отличаются хорошимъ латинскимъ отпечаткомъ.

Дисциплина въ латинскихъ школахъ была монашески строгая. Въ ней и съ нею имѣлось въ виду предохранить воспитанниковъ отъ соприкосновенія съ порочнымъ міромъ и породить тихій и скромный образъ жизни. Отдохновеніе и праздничное торжество сосредоточивались въ драматическихъ представленіяхъ, которыя совѣтывалъ Лютеръ, отвѣчая Целларію на запросъ его, какого онъ мнѣнія о такомъ представленіи: „Не слѣдуетъ возбранять мальчикамъ въ школѣ играть комедіи, вопервыхъ, чтобы они упражнялись въ латинскомъ языкѣ, а вовторыхъ чтобы въ комедіяхъ тонко и искусно были вымышлены и представлены такія лица, которыми поучались бы люди, всякій помнилъ свою должность и свое званіе и зналъ бы, что подобаетъ слугѣ, господину, молодымъ людямъ и старикамъ, такъ чтобы наглядно, будто въ зеркалѣ, представлялись разныя степени всѣхъ предметовъ, права и обязанности, какія всякій обязанъ соблюдать въ своемъ званіи. Сверхъ того въ нихъ описываются и обнаруживаются лукавые замыслы и козни пройдохъ и пр., свойства родителей и юношей, какъ первые доводятъ своихъ дѣтей до супружества, когда пришла пора, и какъ дѣти, повинуясь родителямъ, вступаютъ въ бракъ и пр. Все это представляется въ комедіяхъ, что весьма полезно и необходимо знать. Христіанамъ не слѣдуетъ совершенно избѣгать комедій изъ-за того только, что въ нихъ иногда встрѣчаются грубыя шутки и любовныя похожденія, ради чего запрещалось читать даже библію. Изъ-за этого не слѣдуетъ устранять ихъ и потому нельзя запрещать христіанину читать и играть комедіи.“ Въ курсаксонскомъ учебномъ уставѣ отъ 1580-го г. прямо говорится: „Мальчиковъ слѣдуетъ заставлять ежегодно играть комедіи Плавта и Теренція, чтобы они такимъ образомъ пріучались бойко говорить полатыни.“ Для представленій особенно пользовались піэсами Теренція; оттого что объ немъ Меланхтонъ сказалъ: „Совѣтую всѣмъ педагогамъ этого автора настойчиво предлагать юношеству для изученія. Потому что онъ, какъ мнѣ кажется, даетъ лучшее понятіе о свѣтѣ, нежели

*) 1) Объ ангелахъ вообще; 2) о свойствѣ и обязанностяхъ добрыхъ ангеловъ; 3) о гордынѣ сатаны; 4) сравненіе Голіаеа съ дьяволомъ; 5) рѣчь касательно наклонности къ злу въ сатанѣ, составленная въ подражаніе 1-й рѣчи Катилины; 6) о сходствѣ ангеловъ съ людьми; 7) о несходствѣ ангеловъ съ людьми; 8) о превосходствѣ человѣка надъ ангеломъ; 9) благодареніе за ангельскую помощь.

бóльшая часть философскихъ книгъ. Ни одинъ авторъ не научитъ болѣе чистому говору, ни одинъ не передастъ мальчикамъ болѣе подходящихъ оборотовъ рѣчи.“ Помимо Теренція въ шестнадцатомъ и семнадцатомъ столѣтіяхъ поставлено было на сцену большое число новолатинскихъ драмъ, сочиненныхъ Рейхлиномъ и Цельтесомъ, Ксистомъ Бетуліемъ, Никодимомъ Фришлиномъ, Мартиномъ Гейнекціемъ и др. Первоначальная цѣль школьнаго образованія расширилась при этомъ въ болѣе общую цѣль нравственнаго и церковнаго образованія. Преимущественно разработывали библейскіе предметы: Товія, Юдиѳь, Сусанну, Даніила, Есѳирь, блуднаго сына и пр. Сочинители ихъ были: Павелъ Ребгунъ, Іоакимъ Грефъ, Іоаннъ Акерманнъ, Георгъ Ролленгагенъ. Ими, точно такъ же какъ и церковными тенденціозными піэсами, непосредственно связанными съ великою реформаціонною борьбою, хотѣли влiять на народъ, а потому онѣ и писались на нѣмецкомъ языкѣ; такимъ образомъ óбокъ съ латинскими произведеніями возникла вполнѣ нѣмецкая драма, носимая самымъ живымъ соучастіемъ народа и развившаяся главнѣйше въ школьной комедіи. На публичномъ актѣ во Франкенбергѣ, что въ Саксоніи, въ 1530-мъ г., въ праздникъ Аугсбургскаго вѣроисповѣданья, третьеклассным ученикомъ Фогельзангомъ, была поставлена слѣдующая комедія:

Императоръ Карлъ V.

(Іоаннъ Готтл. Рихтеръ, 14 лѣтъ)

Что дѣлать намъ? Кто злую ересь укротитъ?
Монахъ ее такъ пылко разглашаетъ;
Какъ быть? Безсильны тутъ и мечъ и щитъ!
Вѣдь ересь ядъ и родъ нашъ отравляетъ.
Подайте же совѣтъ: нельзя намъ долѣ ждать,
А иначе и вамъ бѣды не миновать.

Первый совѣтникъ.

(Хр. Фр. Фогельзангъ, 10 лѣтъ.)

Когда монахъ не отрицаетъ
Зловредной ереси своей,
Когда народъ онъ соблазняетъ
И горе сѣетъ межъ людей,
То пусть надъ нимъ анаѳема гремитъ,
Тогда онъ намъ огнюдь не повредитъ.

Другой имперскій совѣтникъ.

(Готтфридъ Тимеръ, 8 лѣтъ).

А сверхъ анаѳемы костру его предать,
За то что вздумалъ онъ ученьемъ торговать,

Давно отринутымъ и преданнымъ забвенью.
Въ тюрьму его: онъ обреченъ грѣху и тлѣнью.

Курфюрстъ Іоаннъ Саксонскій.

(Д. Д. Генель, 13 лѣтъ).

Не дѣло рукъ людскихъ, не смертныхъ то ученье,
Что Лютеръ возгласилъ;
Самъ Богъ его защита и спасенье,
Ему ученье то внушилъ.
Въ жизнь отъ ученья не отстану:
Оно отъ Бога намъ дано;
И за него я биться не устану.
Хотя бы пасть мнѣ было суждено
Скорѣй готовъ я саномъ поступиться,
Чѣмъ эту вѣру порицать.
Хоть царской милости пришлось бы мнѣ лишиться,
Но буду до конца стоять.

Маркграфъ Бранденбургскій.

(I. Дан. Ульбрихъ, 11 лѣтъ).

Сложу свои сѣдины,
Сложу я жизнь свою,
Но до своей кончины
За вѣру постою.
Какъ слово Божье въ вѣкъ ненарушимо,
Такъ вѣра Лютера несокрушима.

Герцогъ Люнебургскій.

(I. Готтл. Шиферъ, 11 лѣтъ).

Да служитъ вѣра, что мы всѣ признали,
Намъ путеводною звѣздой;
Мы ни на пядь отъ ней не отступали,
Я схороню ее съ собой.

Князь Брауншвейгскій.

(I. Фр. Флейшеръ, 14 лѣтъ).

Слова Божья не нарушу,
За него отдамъ я душу,
Вѣра сердце веселитъ,
Умъ и душу ободритъ.

Ландграфъ Гессенскій.

(Хр. Эрнстъ Шпекъ, 12 лѣтъ).

Пускай грозитъ мнѣ казнь и заточенье,
Мнѣ вѣра Лютера послужитъ во спасенье.

Князь Ангальтскій.

(I. Сев. Зейберлихъ, 13 лѣтъ).

Я за Лютера стоять намѣренъ,
За меня и онъ ужь постоитъ.

Крѣпокъ нашъ союзъ и вѣренъ,
Насъ ничто не разлучитъ.
Ко Христу мы прибѣгаемъ,
На него лишь уповаемъ.

Депутатъ изъ Нюрнберга.

(Готтфр. Вернеръ, 10 лѣтъ).

Городъ Нюрнбергъ насъ прислалъ;
Онъ—его все населенье—
Вѣру Лютера призналъ,
Чая въ ней души спасенье.
За нее мы постоимъ,
Жизнь и душу отдадимъ.

Депутатъ изъ Рейтлингена.

Къ вѣрѣ чистой и святой
Городъ Рейтлингенъ приступитъ;
Сталъ онъ твердою ногой,
Ни на пядь онъ не отступитъ,
Слову Лютера внимая
И на Бога уповая.

Д-ръ Лютеръ.

(Готтфр. Кёлеръ, 13 лѣтъ).

Пускай грозятъ проклятьемъ,
Пускай костеръ горитъ,
Предъ вами я съ распятьемъ,
Готовъ я въ бой вступить;
Пускай самъ бѣсъ нагрянетъ,
Его не убоюсь,
Пускай весь адъ возстанетъ,
Я злобѣ посмѣюсь.
Вотъ Господа ученье,
И вотъ его законъ,
Пріютъ мнѣ вѣрный Онъ,
Мой щитъ, мое спасенье.

Два пастора, вмѣстѣ.

(Кёттерицъ, 12 и Гёпнеръ, 12 лѣтъ).

Боже! будь защитой намъ,
Нашей вѣры Ты ограда!
Не карай насъ по грѣхамъ,
Сокруши коварство ада;
Рати онъ на насъ направилъ.
А кружокъ нашъ еще малъ.
Боже, Самъ Ты насъ наставилъ,
Чадъ своихъ не покидалъ.
До конца жь насъ защити,
Зло, коварство отврати.

Крестьянинъ государю.

(Гансъ Заттлеръ, 15 лѣтъ).

Надежа-государь! Дозволь твоимъ рабамъ
Прямымъ путемъ стремиться къ небесамъ.
Умилосердися надъ Лютеромъ и нами,
Онъ учитъ насъ добру, онъ насъ влечетъ словами.
Будь милостивъ къ нему и мы тебя восхвалимъ
И имя Господа отъ всей души прославимъ.

Крестьянка.

(І. К. Ротэ, 9 лѣтъ).

Молю и я: Саксонскій родъ да возрастаетъ!
И церковь Божія и школа процвѣтаетъ!

Въ Заальфельдѣ школьная комедія впервые является во 2-й годъ службы ректора Іо. Рюдигера (1592—1613). См. прогр. 1864-го г. Въ 1593-мъ: duae hoc anno actae fuerunt Comoediae, altera Germanica, de filio Reguli Capernaitici ex Iohanne cap. 4., altera latina Terentii Adelphi, illa 25. haec 27. die Februarii *). Самая послѣдняя попытка, какъ кажется, сдѣлана тамъ при ректорѣ В. Фр. Видорфѣ (отъ 1813-го до 1822-го г.) 8-го марта 1815-го г.: на сцену поставленъ былъ „Учебный совѣтъ и три отца", а платою за входъ покрылись издержки представленія. Школьныя комедіи давались по преимуществу на масляницѣ, обыкновенно послѣ обѣда, а мѣстомъ въ большей части случаевъ служила ратуша. Тамъ приготовлялась сцена вмѣстѣ съ гардеробомъ.

Извѣстны также представленія въ Аннабергѣ (Готтшедъ, приб. VIII), Арнштадтѣ (прогр. 1846-го г.), Франкенбергѣ, Фрейбергѣ (Гёдеке, основ. 296), Гриммѣ (Гейландъ, прогр. 1858-го г.), Гальберштадтѣ (прогр. 1845-го г.), Галле (прогр. 1850-го г.), Кале (Гёдеке основ. 307), Мейнингенѣ (прогр. 1834-го г.), Лейпцигѣ (прогр. 1758-го г.), Магдебургѣ (Гёдеке, осн. 313), Эммерихѣ (архивъ Майнскихъ земель 1834-го г. II. 250), Плауенѣ (прогр. 1855-го г.), Кведлинбургѣ (Готтшедъ, приб. I. 137), Шлейзингенѣ (Гёдеке, основ. 310), Торгау (прогр. 1850-го г.), Веймарѣ (прогр. 1858-го г.), Циттау (прогр. 1856-го г.), Цвиккау (прогр. 1856-го г.). Вѣроятно также въ Альтенбургѣ (Гёдеке, основ. 309), Дессау, гдѣ училъ Греффъ, Эрфуртѣ (Гёдеке основ. 310), Гильдбурггаузенѣ, гдѣ наставникомъ былъ Лука старшій, авторъ представленной въ 1561-мъ г. въ Шлейзингенѣ комедіи о дивномъ сочетаніи божественной справедливости и милосердія,

---

*) Въ этомъ году представлены были двѣ комедіи, одна нѣмецкая, о сынѣ царскаго мужа въ Капернаумѣ изъ Іоанна гл. 4, а другая латинская: Адельфы Теренція, первая 25-го, а послѣдняя 27-го февраля.

и въ Шмалькальденѣ, гдѣ Киріакъ Шпангенбергъ отъ 1564-го до 1590-го г. поставилъ пять піэсъ.

Вмѣстѣ съ этими празднествами состояли экзамены какъ особыя школьныя торжества. Во Франкфуртѣ-на-Майнѣ въ 1561-мъ г. во францисканской школѣ производится экзаменъ, причемъ по просьбѣ ректора изъ „общей кассы" выдано 4 гульдена разной монеты въ награду лучшимъ ученикамъ. Эти награды уже въ 1571-мъ г. дошли до 4 талеровъ, а въ 1572-мъ до 8 гульденовъ. Въ 1583-мъ г. экзаменъ открытъ былъ рѣчью ректора, а въ 1585-мъ онъ длился отъ 18-го до 25-го марта. По окончаніи экзамена у ректора данъ былъ обѣдъ на казенный счетъ, при чемъ присутствовали и веселились ученики, учителя и часто даже нѣсколько пасторовъ.

Число учителей опредѣлялось состояніемъ „общей кассы" или городского благосостоянія. По саксонскому учебному уставу въ школѣ требовалось только три лица, и въ городахъ средней величины, въ Эйзенахѣ, Готѣ, Альтенбургѣ и пр., сначала было лишь по два или по три учителя. Ректоръ, старшій или младшій шульмейстеръ преподавалъ въ первомъ классѣ, а тамъ, гдѣ было лишь два учителя, также и во второмъ; если же при этомъ былъ еще гиподаскалъ (супремусъ, конректоръ, помощникъ), то ему доставался второй классъ. Канторъ въ третьемъ классѣ училъ начальнымъ основаніямъ, а музыкѣ во всѣхъ классахъ. Въ школахъ, какія застала уже реформація и гдѣ она измѣнила лишь учебные предметы, особенно преподаваніе религіи, число и названія учительскихъ мѣстъ остались по прежнему: въ Хемницѣ напр. во время перваго осмотра церквей было пять учителей; назначенный магистратомъ ректоръ избиралъ себѣ своего баккалавра и помощника и пр., а странствованіе вакхантовъ и стрѣлковъ мало по малу совсѣмъ прекратилось. При вновь учреждаемыхъ школахъ попечителемъ былъ или государь или магистратъ, назначавшій всѣхъ учителей или поручавшій это священнику. Нищенствующихъ монаховъ, вакхантовъ и стрѣлковъ напоминали еще бродячіе школьники, распѣвавшіе духовныя пѣсни въ городѣ передъ домами мѣщанъ и добывавшіе такимъ образомъ свое пропитаніе; изъ чего въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ранѣе, а въ другихъ позднѣе возникли пѣвческіе хоры съ ихъ префектами, подчиненными кантору какъ учителю музыки. Окладъ учителей большею частью былъ весьма скудный. Правда, церковный и учебный уставы пытались уже установить и повысить ихъ окладъ. Въ Вюртембергскомъ школьномъ уставѣ отъ 1559-го г. значится по этому поводу: „Дабы наставники получали за свой трудъ надлежащее вознагражденіе и могли пропитаться при этомъ, то желаемъ и предписываемъ, чтобы плата за ученіе всюду

оставалась за наставникомъ для его содержанія; но тамъ, гдѣ она выдавалась до сихъ поръ въ большемъ размѣрѣ, наложить на каждаго изъ учащихся латыни по четыре крейцера въ четверть года, все же остальное сверхъ того слѣдуетъ отмѣнить (чтобы по возможности менѣе обременять простолюдина). Къ этой платѣ мы каждому изъ наставниковъ, смотря по мѣстнымъ условіямъ и по его труду, назначили сверхъ того необходимый для его содержанія окладъ, и предписали, чтобы наши церковные старшины, занося это въ особую книгу, въ точности выдавали имъ черезъ выборныхъ каждую четверть года, такъ чтобы каждый изъ наставниковъ былъ вполнѣ вознагражденъ и обезпеченъ". Въ Бранденбургскомъ учебномъ уставѣ сказано: „Дабы наставники и ихъ помощники получали надлежащее содержаніе, то граждане обязаны сверхъ того, что предписано имъ нашими визитаторами, изъ общей кассы безотлагательно и въ точности вносить за своихъ дѣтей не только трехмѣсячную плату (Praecium), но также и вообще доставлять имъ щедрые подарки и оказывать добрыя услуги школьнымъ личностямъ, смотря по состоянію и по принятому въ любомъ данномъ мѣстѣ обычаю, въ родѣ того какъ напр. ученики въ Мартыновъ день и подъ новый годъ обходили дома съ пѣніемъ". Во многихъ мѣстахъ однако, какъ города по скудости своихъ доходовъ, такъ и начальства отказывались платить жалованье учителямъ. Денегъ вообще испоконъ вѣка не доставало для образовательныхъ цѣлей. Оттого-то учителямъ отчасти приходилось пользоваться посторонними доходами отъ свадебъ, крестинъ и похоронъ, и окладъ ихъ вообще былъ такъ малъ, что ректору въ среднихъ городахъ платилось отъ 20 до 30 гульденовъ (во Франкфуртѣ на Майнѣ Мольцеръ получалъ 150, но преемникъ его Освальдъ только 100, а на каждаго изъ помощниковъ назначалось по 80 гульденовъ), и благодаря лишь великодушію магистрата онъ получалъ еще 20 гульденовъ добавочныхъ на содержаніе помощника или баккалавра. Оттого-то такая частая смѣна учителей, пагубныя послѣдствія которой не озабочивали впрочемъ ратмановъ. При такихъ-то условіяхъ—вѣрно замѣчаетъ Рукопфъ—школа, благодаря развѣ счастливому случаю, пріобрѣтала способнаго и добросовѣстнаго наставника; господствовавшее отвращеніе отъ учительскаго званія естественно почти не умалялось, такъ что съ этихъ поръ, напротивъ того, на должность учителя смотрѣли какъ на чистилище, чрезъ которое надѣялись перейти вскорѣ въ рай пасторской должности. При своемъ назначеніи учитель получалъ инструкцію, гдѣ ему предписывались его обязанности и обыкновенно настаивалось болѣе всего на томъ, чтобы ректоръ во-первыхъ наблюдалъ за нравственностью своихъ учениковъ, препятствовалъ нововведеніямъ въ одеж-

дѣ и вообще строго радѣлъ о благонравіи. Въ Нордгаузенскомъ учебномъ уставѣ отъ 1583-го г. значится „объ обязанностяхъ назначенныхъ въ школѣ служителей въ учебныхъ дѣлахъ“: „Учителя должны всею душою признавать истинное евангелическое ученіе въ словѣ Божіемъ, символы вѣры, аугсбургское вѣроисповѣданіе, шмалькальденскія статьи, катехизисъ Лютера и заявленіе здѣшняго министерства отъ 1581-го г. и, если то потребуется, подписать ихъ, и не говорить противъ всего этого при ученикахъ, сослуживцахъ и другихъ. Они въ началѣ и концѣ каждаго урока, до и послѣ обѣда, должны заставлять тихо и набожно пропѣть школьныя пѣсни и прочесть молитвы, сложивъ руки или преклонивъ колѣна и обнаживъ головы. По субботамъ къ вечернѣ, а по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ къ заутрени, обѣднѣ и вечернѣ они со всѣми учениками, особенно съ находящимися въ первомъ, второмъ, третьемъ и четвертомъ классахъ, должны собраться въ школѣ, и когда заблаговѣстятъ въ послѣдній разъ, то каждый изъ нихъ долженъ вести своихъ мальчиковъ попарно въ назначенную церковь. Никто не смѣетъ опаздывать или отсутствовать безъ разрѣшенія пастора. Во время проповѣди учителя не должны ни читать, ни говорить, и обязаны наблюдать за тѣмъ, чтобы ученики были спокойны, а первоклассники записывали содержаніе проповѣдей вмѣстѣ съ доводами; потомъ они должны переспрашивать учениковъ обо всемъ, что ими усвоено. Они обязаны чтить магистратъ, министерство, инспекторовъ жестами, словами и дѣлами, терпѣніемъ и покорностью; добромъ отзываться объ нихъ, не позорить, ни осмѣивать ихъ, и не выставлять ихъ неучами и неопытными передъ учениками и сторонними людьми. Они должны повиноваться имъ во всемъ не противномъ совѣсти, слову Божію или школьнымъ законамъ. Они во всѣхъ дѣлахъ обязаны подавать добрый примѣръ своимъ ученикамъ. Въ школѣ и церкви они должны всегда пѣть и молиться вмѣстѣ съ остальными, слушая проповѣдь и лекцію, по утрамъ и послѣ обѣда не приходить въ школу лишь послѣ молитвы, не разговаривать въ это время съ другими, а до молитвы въ 9 или въ 3 часа не покидать школы. Они не должны пропускать ни одного получаса, ниже четверти часа, ни начинать слишкомъ поздно, ни кончать слишкомъ рано, ни проводить цѣлые часы въ болтовнѣ, прогулкѣ, чтеніи или въ намѣренномъ продленіи уроковъ безъ пользы. Каждый изъ учителей въ своемъ классѣ обязанъ составить прописи ученикамъ, дабы послѣдніе обучались хорошему нѣмецкому и латинскому письму, также греческому и еврейскому начертаніямъ, и переводили съ нѣмецкаго на хорошую латынь, а съ латинскаго на греческое. Писанное должно быть исправляемо каждымъ изъ учителей въ его классѣ, въ пя-

томъ ежедневно въ часъ, въ четвертомъ по понедѣльникамъ, вторникамъ и субботамъ, въ третьемъ и второмъ по середамъ, а въ первомъ по середамъ и субботамъ. Въ высшихъ классахъ учителя должны устроивать также упражненія въ диспутахъ и декламаціяхъ, по середамъ въ 8 часовъ, въ первомъ классѣ до 8½, во второмъ до 9, и если сочтутъ за полезное, то также и въ третьемъ. Учителя обязаны ввести строгую дисциплину и блюсти ее между учениками слѣдующимъ образомъ: 1) Они должны ревностно поучать юношество всему и настрого наказывать имъ все, что праведно, что по-христіански, честно и благочестиво, а тѣмъ, которые мало-мальски поступаютъ противъ этого, пригрозить неупустительной строгой карою. Когда же въ пятомъ классѣ будутъ читаться гражданскіе законы, въ четвертомъ Катонъ и Цвѣты (Flores), въ третьемъ басни, во второмъ Изократъ, а въ первомъ Өеогнидъ, этика и Теренцій, то они должны объяснять хорошенько и указывать, какъ слѣдуетъ вести себя по этимъ ученіямъ и примѣрамъ. 2) Сами они должны подавать добрый примѣръ въ одеждѣ, рѣчахъ, тѣлодвиженіяхъ и дѣлахъ, такъ чтобы не нарушать своими поступками того, что созидаютъ словами. 3) Въ школѣ и церкви при нихъ долженъ находиться корицѣй, записывающій отсутствовавшихъ, опоздавшихъ, болтавшихъ и бѣгавшихъ взадъ и впередъ, а сверхъ того въ школѣ и на улицахъ у нихъ должно быть изъ каждаго класса по два, отмѣчающихъ тамъ болтуновъ и гулякъ; для этого каждый день двое обязаны ходить по улицамъ и за городскими стѣнами, а если случится свадьба, то также и въ танцовальный залъ, дабы записывать всѣхъ стрѣляющихъ, играющихъ въ мячъ, занимающихся другими играми и слоняющихся. Въ первомъ, второмъ и третьемъ классахъ должны они приставить тайныхъ „волковъ", отмѣчающихъ болтуновъ изъ нѣмцевъ и все, что говорятъ они. Въ школѣ и церкви они постоянно обязаны тайкомъ наблюдать за тѣми, которые не пишутъ и не слушаютъ, а глазѣютъ по сторонамъ; также строго наказывать тѣхъ, которые, замѣтивъ что-либо зловредное въ другихъ, не донесутъ объ этомъ. 4) Они должны карать, и не забавы ради носить при себѣ розгу, но для того, чтобы наказывать за зло. По понедѣльникамъ, въ 7 часовъ ректоръ обязанъ обойти классы и по списку вызвать тѣхъ, которые въ воскресенье дурно вели себя въ церкви и высѣчь ихъ розгами. По середамъ, въ 8 часовъ, пока ректоръ и помощникъ его исправляютъ, адьюнктъ долженъ просмотрѣть „волка" въ первомъ и второмъ классахъ, замѣтить, сколько разъ кто болталъ, и если это случилось три раза, то задать ему два „удара" розгою по ладони. Каждый изъ учителей долженъ тутъ же высѣчь всѣхъ незнавшихъ своего урока. При поправкѣ ведется счетъ ошибкамъ, за три

взимается одинъ шиллингъ, за четыре два. Учителя не должны поступать тирански, не сѣчь дѣтей до крови, не топтать ихъ ногами, не подымать за уши или за волосы, не бить палкой или книгой по лицу, но наказывать въ мѣру, и не поддаваться вліянію своей личной страсти". Въ Эрингенскомъ учебномъ уставѣ отъ 1549-го г. учителямъ было приказано, „при расправѣ держать себя подобно отцамъ, дружелюбно на словахъ, строго противъ упрямыхъ, въ наказаніяхъ употреблять свой мечъ, т. е. розгу, въ мѣру, воздерживаться отъ побоевъ кулаками, отъ толчковъ, отъ дранья за волосы и т. п." А такъ какъ молодежь совсѣмъ избаловалась, „то слѣдуетъ назначить корицѐевъ или цензоровъ, которые въ церкви, на рынкѣ и на улицахъ записывали бы безпутныхъ и по пятницамъ предавали ихъ учителямъ для того, чтобы послѣдніе употребили въ дѣло свой мечъ". Въ качествѣ карающаго и поощряющаго средства предписываются три осла (asini): 1) disputantium, 2) germanice loquentium, 3) morum. „Кто у себя пріютитъ такого осла на ночь, тому задается одно правило или болѣе, по усмотрѣнію учителя, или нѣсколько стиховъ". При публичномъ вступленіи въ должность передача розги учителю со стороны магистрата было дѣломъ весьма обыкновеннымъ: „то былъ ихъ скипетръ, которымъ они торжественно утверждались и уполномочивались для отправленія школьнаго правосудія".

11.

Педагоги латинскихъ школъ.

Меланхтонъ имѣлъ рѣшительное вліяніе на организацію латинскихъ школъ. Онъ, правда, не былъ самъ представителемъ общественнаго учебнаго заведенія, но по его совѣту было устроено много школъ, и почти всѣ знатные педагоги въ нихъ были его учениками.

Вопервыхъ, ректоръ, и учитель при основанной по его плану Нюрнбергской гимназіи: Іоак. Камерарій и Эобанъ Гессъ.

I. Камерарій родился въ 1500-мъ г. въ Бамбергѣ, поступилъ 15 лѣтъ отъ роду въ Лейпцигскій университетъ и изучалъ тамъ у Крокуса и Мозеллана греческій языкъ. Съ 1521-го г. онъ слушалъ въ Виттенбергѣ Лютера и Меланхтона и, 24 лѣтъ отъ роду, издалъ свое первое произведеніе, переводъ одной изъ демосѳеновыхъ рѣчей, затѣмъ послѣдовали его замѣтки къ Тускаланамъ Цицерона. Въ 1526-мъ г. онъ, по рекомендаціи Меланхтона, сдѣлался старшимъ учителемъ греческаго и латинскаго языковъ въ новооснованной школѣ въ Нюрнбергѣ, былъ на имперскихъ сеймахъ

въ Шпейерѣ и Аугсбургѣ, потомъ назначенный герцогомъ Ульрихомъ Вюртембергскимъ въ преподаватели изящныхъ наукъ въ Тюбингенѣ, написалъ свои начала реторики; получивъ отъ Генриха и Морица Саксонскихъ порученіе—преобразовать Лейпцигскій университетъ, онъ вмѣстѣ съ Касперомъ Борнеромъ составилъ статуты его и долгое время былъ въ немъ ректоромъ и деканомъ. Память своего учителя и друга Меланхтона почтилъ онъ превосходнымъ жизнеописаніемъ; Гомера, Гезіода и другихъ греческихъ классиковъ онъ перевелъ на латинскій языкъ, и его „Правила отроческой жизни“ (Praecepta vitae puerilis) оказали большое вліяніе на школьный бытъ.

Вмѣстѣ съ Камераріемъ въ Нюрнбергѣ, по рекомендаціи Меланхтона, подвизался *Эобанъ Гессъ*, 1488—1541, также профессоръ въ Эрфуртѣ (гдѣ у него часто бывало до 1500 слушателей), а послѣ своей учительской должности въ Нюрнбергѣ, до смерти своей—профессоръ въ Марбургѣ. Живой, отъ закоснѣвшихъ школьныхъ путъ свободный умъ (имъ будто бы введено въ академическій языкъ прозвище „филистеръ“), соединявшій правдивый нравъ съ глубокою ученостью и пробудившій распространеніемъ греческой и римской литературы основательное теологическое изученіе.

Однимъ изъ лучшихъ учениковъ Меланхтона былъ *Яковъ Мициллъ*, 1503—1558, ректоръ во Франкфуртѣ и профессоръ въ Гейдельбергѣ. Отъ Эобана Гесса, къ которому онъ въ особенности примкнулъ, онъ унаслѣдовалъ искусство стихосложенія, а также наклонность къ исторіи: онъ одинъ изъ первыхъ пытался выяснить своимъ ученикамъ реальное содержаніе древности. Въ своемъ проектѣ для организаціи Франкфуртской школы онъ настаиваетъ на содержаніи избираемыхъ для грамматическаго изученія примѣровъ и чтеній и требуетъ вѣскихъ сентенцій и поучительныхъ авторовъ. Чтеніемъ надлежитъ расширять историческое знаніе; въ высшихъ классахъ слѣдуетъ ввести ариѳметическія упражненія; преподаваніе религіи онъ отложилъ на субботу. Мициллъ особенно дорожилъ переводомъ; метрическія упражненія назначены въ двухъ высшихъ классахъ; преподаваніе греческаго начинается въ четвертомъ. Школа по возможности должна состоять изъ пяти классовъ: Первоначальные ученики (Elementarii), донатисты (Donatistae), грамматики (Grammatici), метрики или стихоплеты (Metrici s. Poetastri), діалектики или историки (Dialectici s. Historici). На каждый изъ 4 низшихъ классовъ Мициллъ полагаетъ года по 2, такъ какъ въ низшій поступаютъ 6 или 7 лѣтъ отъ роду. Онъ предостерегаетъ отъ излишняго обремененія; изъ 3 часовъ до обѣда только два назначаются для преподаванія, а часъ промежуточный для отдыха и повторенія. Долгое сидѣнье вредно для учениковъ, а продолжительное преподаваніе уто-

мительно и тягостно для учителя. У учителя и учениковъ долженъ быть свѣжій умъ, если изъ уроковъ хотятъ извлечь значительную пользу. Въ низшихъ классахъ начинаютъ читать и писать: тамъ учатся буквамъ и складамъ; при этомъ ученику подсказываются латинскія слова для затверживанія наизусть; для этого можетъ служить также книжечка, если онъ настолько выучился уже читать. Однако Мициллъ предостерегаетъ при этомъ отъ мнемоническаго способа, по которому то нѣмецкія, то латинскія слова, риѳмуются между собою (lepus—der Has, sedebat—er sass) и сопоставлятся слова, хотя и сходныя по размѣру и риѳмѣ, но не имѣющія впрочемъ ничего общаго другъ съ другомъ: ему хотѣлось бы предметъ, какъ напр. человѣческое тѣло, домъ и т. п. разсмотрѣть вполнѣ, разобрать и переименовать все, что сюда относится. Заученное слѣдуетъ записывать, коль скоро ученики способны къ этому; пріобрѣтенное нагляднымъ путемъ и уже усвоенное склоненіе необходимо также излагать письменно. Въ слѣдующемъ затѣмъ классѣ переходятъ къ Донату: правила и примѣры его затверживаются напамять. Заученное по временамъ говорится наизусть и повторяется, сочиняются коротенькіе стишки и на нихъ упражняются въ склоненіяхъ и спряженіяхъ; стишки затверживаются напамять. Въ третьемъ классѣ изучаются и часто повторяются правила и исключенія изъ грамматики Меланхтона, читаются вслухъ буколики Виргилія и Теренцій; къ этому преимущественно присоединяется этимологія словъ и правила конструкціи; правила скандовки наглядно изучаются на Виргиліи. Большая часть каждаго урока посвящается на повтореніе читаннаго и заученнаго, а остальное время для дальнѣйшаго разъясненія. Помимо грамматическихъ упражненій, Теренцій даетъ примѣры, поощряющіе къ добродѣтели и предостерегающіе отъ порока; буколики Виргилія занимательны и удобопонятны. Въ извѣстные дни и часы задаются переводы съ нѣмецкаго на латинское, а съ послѣдняго опять на нѣмецкое; они должны быть легки и своими мыслями возбуждать умъ учащихся. Нравственныя сентенціи, изложенныя въ стихахъ, затверживаются на память, въ урокѣ закона божья изучается катехизисъ и объясняются воскресныя евангелія, чтобы ученикъ былъ подготовленъ и образованъ также для церковной жизни. Во второмъ классѣ, помимо этимологіи и синтаксиса, преподается построеніе періодовъ, сообщаются правила просодіи, различные размѣры стиховъ, объясняются фигуры рѣчи; къ этому примыкаетъ начальное преподаваніе греческаго. Читаются: Энеида Виргилія и письма Цицерона; помимо примѣровъ къ этимологіи и синтаксису на Цицерона наглядно изучается составъ періодовъ. Замѣчаются прекрасные и изящные обороты рѣчи.

На Виргиліи объясняютъ правила просодіи, метрики и ораторскія фигуры. Сверхъ того у него встрѣчаются лучшія изображенія временъ и мѣстностей; Цицеронъ напротивъ того даетъ основаніе философіи. Одинъ день въ недѣлѣ переводятъ съ нѣмецкаго на латинское; другой день болѣе способные ученики испытываютъ силы свои въ составленіи латинскихъ стиховъ. Тема для этого должна быть принаровлена къ способностямъ ученика: какой либо веселый разсказъ или тому подобное; поэтическое иногда перелагается въ латинскую прозу. По субботамъ читается и объясняется воскресное евангеліе.—Когда ученики вполнѣ изучили грамматику и усвоили себѣ извѣстное знаніе латыни и умѣнье писать, то въ первомъ классѣ приступаютъ къ реторикѣ и діалектикѣ. Для чтенія назначаются Гезіодъ, Гомеръ, Исократъ, Демосѳенъ на греческомъ, а на латинскомъ языкѣ Цицеронъ о должностяхъ, историческіе очерки Юстина и Флора, метаморфозы Овидія. Такимъ путемъ ученики должны усвоить себѣ правила благоустроенной рѣчи, методъ діалектики и знаніе міровыхъ судебъ. По одному разу въ недѣлю преподаются музыка и ариѳметика. По субботамъ читаются отрывки изъ евангелія или изъ посланій Павла.

Мициллъ много содѣйствовалъ также своими сочиненіями. Въ 1539-мъ г. онъ издалъ свои три книги „о метрикѣ“ (de re metrica),—на долгое время самое полезное изъ руководствъ; въ 1540-мъ свою передѣлку Меланхтоновой латинской грамматики, по особому желанію послѣдняго; въ 1541-мъ, вмѣстѣ съ Камераріемъ—Илліаду и Одиссею; а въ 1538-мъ переводъ Лукіана и пр. По части облегченія и распространенія всѣхъ касающихся древности знаній, литературная дѣятельность Мицилла занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ шестнадцатомъ столѣтіи.

Подобно Мициллу образованный и возбуждаемый Меланхтономъ, *Михаилъ Неандеръ*, (род. въ 1525-мъ, ум. въ 1595-мъ г.), подвизался въ качествѣ ректора при монастырской школѣ въ Ильфельдѣ у Гарца. Прибывъ туда, онъ засталъ тамъ 12 мальчиковъ, а 9 лѣтъ спустя послѣ того число ихъ увеличилось до 40. Въ теченіе 45 лѣтъ онъ совершенно одинъ обучалъ всю школу. Меланхтонъ заявилъ, что школа въ Ильфельдѣ „благодаря добросовѣстнымъ трудамъ Неандера—лучшая семинарія“ въ странѣ. Родоманнъ считаетъ Неандера самымъ способнымъ и наиболѣе благоуспѣшнымъ учителемъ; ибо въ теченіе 3—4 лѣтъ онъ своихъ учениковъ въ языкахъ и искусствахъ, а также въ основахъ катехетическаго знанія доводилъ до того, что они, выпущенные имъ, тотчасъ же могли занимать школьныя и церковныя должности. Особенно же они основательно знали три языка, такъ что не безуспѣшно подражали даже греческимъ классикамъ.

Неандеръ былъ не только хорошій Римлянинъ и Грекъ, но зналъ отлично медицину и химію, такъ что пригодными лѣкарствами могъ пользовать больныхъ учениковъ. Онъ занимался притомъ исторіей—и даже съ рѣшительнымъ пристрастіемъ. Въ своемъ лѣтописномъ перечнѣ (compendium chronicorum) онъ говоритъ о Іудеяхъ, Египтянахъ, Персахъ, Грекахъ и Римлянахъ, о переселеніи народовъ, Мугамедѣ и Сарацинахъ, объ Аргонавтахъ, т. е. о крестовыхъ походахъ, о Татарахъ и Туркахъ; онъ заключаетъ взглядомъ на пророчества Даніила. Естественныя науки имъ также не упускались изъ виду. Въ его „краткомъ объясненіи частей земного шара“ (orbis terrae partium succincta explicatio), послѣ очерка математической географіи и исторіи науки, слѣдуютъ Европа, Азія, Африка, моря и наконецъ острова, въ числѣ которыхъ описывается также и Америка. При описаніи земель и городовъ онъ приводитъ родившихся тамъ знаменитыхъ мужей: такъ напр., въ Кордовѣ Сенеку, Лукана, Авиценну и Аверроэса; въ Севильѣ —Бенедикта Урія Монтана, причемъ онъ тутъ же даетъ подробный отчетъ о его изданіи „Библіи полиглоты“ (т. е. изданной на нѣсколькихъ языкахъ). Въ его физикѣ вслѣдъ за введеніемъ, гдѣ говорится о философіи, о природѣ, Богѣ, богахъ и пр. излагается міръ, а именно ѳеирная область, гдѣ приводятся солнце, луна и звѣзды, т. е. предметы астрономіи,—и элементарная область, заключающая въ себѣ четыре стихіи и все, что состоитъ и возникаетъ изъ стихій, а именно метеоры (Meteora), металлы (Metalla), растенія (Stirpes) и животныя (Animalia). Въ астрономіи онъ отвергаетъ систему Коперника: „земля неподвижна; фанатическіе сумасброды утверждаютъ, будто она движется; лучше не имѣть никакихъ, чѣмъ такія извращенныя мысли“. 1) Meteora заключаетъ въ себѣ атмосферу и воды. 2) Metalla — минеральное царство; здѣсь онъ издѣвается надъ лживыми алхимиками, но выдаетъ за несомнѣнное, что въ Эйслеберскомъ шиферѣ найденъ отпечатокъ образа папы въ его облаченіи. 3) Stirpes—растительное царство; здѣсь онъ приводитъ много видовъ растеній и говоритъ особенно объ ихъ цѣлебныхъ свойствахъ, но съ такою же увѣренностью и о шотландскомъ деревѣ, на которомъ будто бы ростутъ гуси. 4) Animalia—царство животныхъ, помимо видовъ послѣднихъ сообщаетъ также объ ихъ цѣлебныхъ силахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Неандеръ разсматриваетъ тутъ же человѣка со стороны тѣла и души. Къ самопознанію причисляетъ онъ также знаніе человѣческаго тѣла, его внѣшнихъ и внутреннихъ органовъ. Къ разсматриванію тѣла примыкаетъ психологія, чѣмъ и заканчивается эта книга.

Методъ преподаванія Неандера изложенъ въ его „мысляхъ о томъ, какъ вести и наставлять мальчика, чтобы

онъ не гоняясь, не торопясь и не спѣша, съ охотой и любовью, начиная съ шести и до восемнадцати-лѣтняго возраста хорошо и скоро изучилъ законъ Божій, латинскій, греческій и еврейскій языки, искусства и наконецъ всеобщую философію". „Что касаетси до грамматики (сказано тамъ же), то замѣчу, краткая и пространная грамматика и пространный синтаксисъ Филиппи превосходныя книги и несравненныя сокровища для учителей, изобилующія отличными примѣрами, такъ что у насъ нѣтъ ничего подобнаго въ этомъ родѣ; сверхъ того необходимы не только по грамматикѣ, но и по всѣмъ другимъ искусствамъ и языкамъ книги, въ которыхъ знанія излагались бы подробно, обстоятельно и ясно, такъ чтобы учителя и ученики могли прибѣгать къ нимъ и черпать изъ нихъ все, что имъ пригодно и необходимо, точно такъ же какъ имѣемъ подобныя грамматики на греческомъ языкѣ Урбана, изданіе Газэ, и на еврейскомъ „Полное твореніе Мюнстера" и „Грамматику Ильи Левита". Всѣ научныя правила, предлагаемыя юношеству, должны быть ясны, точны, сжаты, по ученію Горація, который пишетъ: Quicquid praecipias esto brevis *), и по воззрѣніямъ Филиппи, который совѣтовалъ ученымъ людямъ, преподававшимъ въ имперскихъ городахъ во многихъ школахъ, чтобы они не читали его пространной грамматики, но тщательно и безъ выпусковъ изучали бы краткую; впрочемъ мальчики могутъ имѣть при себѣ и пространную, для того, чтобы они сами могли читать ее и заимствовать оттуда поболѣе примѣровъ. Но такъ какъ и краткая грамматика Филиппи черезъ-чуръ велика и растянута, и въ ней много вещей, которыя безъ ущерба для юношества можно бы пропустить и оставить безъ вниманія, то подготовкой къ грамматикѣ пусть послужитъ; „Учебникъ латинской грамматики Ф. Меланхтона, составленный для начинающихъ и донатистовъ", къ чему пускай примкнетъ еще; „Риѳмическій латино-нѣмецкій номенклаторъ", въ которомъ важнѣйшія „вокабулы латинскаго языка. извлеченныя опытными писателями, были бы подобраны по риѳмамъ, какъ напр. domus ein Haus (домъ), mus einn Maus (мышь). А такъ какъ въ школахъ прежде всего слѣдуетъ тщательно заниматься религіей, которой всѣ заведенія, всѣ науки, книги, сословія и начальства на свѣтѣ должны споспѣшствовать, подчиняться и служить, если не хотятъ предаться сатанѣ, то необходимо, кромѣ краткаго катехизиса, этого драгоцѣннаго сокровища Лютера, твердо заучиваемаго наизусть дѣтьми, имѣть имъ при себѣ Biblidion, т. е. сокращенную библію, въ которой всѣ важнѣйшіе тексты Священнаго писанія изъ всѣхъ главъ христіанскаго

*) Будь кратокъ во всѣхъ правилахъ.

вѣроученія, о религіозной и благочестивой жизни и о святыхъ нравахъ, излагались бы полатыни и понѣмецки по порядку книгъ и главъ, отъ начала и до конца библіи, и пояснялись бы короткими замѣтками. Такова слѣдующая книжечка: Panareton sive Biblidia latinogermanica. Такъ какъ нѣтъ на свѣтѣ лучшаго, болѣе изящнаго и болѣе необходимаго языка, нежели греческій и латинскій, и помимо нихъ ни на одномъ нарѣчіи не писано столько хорошихъ книгъ о философіи, теологіи, медицинѣ, юриспруденціи и о другихъ полезныхъ и для жизни необходимыхъ вещахъ, и такъ какъ въ наше время оба эти языка знакомы даже варварамъ, Туркамъ, Персамъ, язычникамъ, Татарамъ и Сарацынамъ, вообще во всѣхъ краяхъ, такъ что при ихъ помощи можно объѣхать весь свѣтъ,—то въ школахъ слѣдуетъ въ надлежащее время обучать юношество также и греческому языку. Для этого можно воспользоваться греческими таблицами (Tabula graeca), гдѣ все изложено точно, коротко и ясно и которыхъ въ нѣсколько лѣтъ отпечатано и продано болѣе десяти тысячъ экземпляровъ.

Если же мальчикъ шести или пяти съ половиной лѣтъ отъ роду принимается за ученіе, то слѣдуетъ не торопясь начать съ нимъ съ азбуки, и если при этомъ не спѣшатъ черезъ-чуръ и, внимательно слѣдя за нимъ, даютъ ему срокъ, то въ теченіе двухъ лѣтъ онъ выучится бѣгло и хорошо читать. Когда же онъ изучилъ азбуку и Отче нашъ, то ему слѣдуетъ дать затѣмъ „сокращенную грамматику Филиппи", но отнюдь не иную книгу, чтобы научиться складамъ и чтенію, и пусть его нѣсколько разъ къ ряду перескладываетъ и перечитываетъ этотъ учебникъ. Когда онъ восьми лѣтъ отъ роду выучился чтенію и ему наступитъ девятый годъ, то ему слѣдуетъ объяснять и заставлять его затверживать наизустъ изъ учебника не болѣе какъ по четыре строки въ день,—всякій разъ что нибудь новое, но какъ можно менѣе заразъ, и пусть его каждый день прежде всего говоритъ наизустъ отъ начала до конца все, что онъ затвердилъ наканунѣ. Такимъ образомъ онъ въ полгода безъ труда и натяжки изучитъ свой учебникъ, т. е. начала грамматики и всего Доната. Потомъ слѣдуетъ перебрать по порядку примѣры ко всѣмъ помѣщеннымъ въ учебникѣ правиламъ и при каждомъ примѣрѣ постоянно повторять соотвѣтственное ему правило, такимъ образомъ пройти весь учебникъ, потомъ также и синтаксисъ. Въ то же время пусть его твердитъ наизустъ свой катехизисъ и изъ номенклатора по два вокабула въ день, повторяя притомъ ежедневно всѣ вокабулы отъ первыхъ и до послѣднихъ напамять. Если онъ сверхъ того будетъ заучивать въ день хотя бы по одному короткому философскому изреченію о добродѣтеляхъ, о нравахъ и пр., то въ годъ онъ будетъ знать наизустъ до

300 прекрасныхъ сентенцій. Между тѣмъ онъ начинаетъ въ разные часы учиться письму и пѣнью, причемъ необходимо настаивать, чтобы мальчикъ писалъ хорошо и отличался красивымъ почеркомъ, ибо красота вообще пріятна въ жизни, а слѣдовательно она и тутъ также желательна и необходима, потому что хорошій почеркъ служитъ украшеніемъ не только ученому, но также и всякому человѣку, какого бы званія онъ ни былъ, даже простолюдину. Такъ какъ этотъ предметъ вмѣстѣ съ грамматикой и музыкой весьма важенъ, и иной, благодаря однимъ лишь этимъ тремъ предметамъ, часто назначается къ должности и дѣлу преимущественно передъ другими, гораздо болѣе учеными, то въ этихъ и тому подобныхъ упражненіяхъ слѣдуетъ продержать отрока въ теченіе всего девятилѣтняго возраста, и отнюдь не заниматься съ нимъ никакими иными предметами, не позволять ему идти далѣе, если онъ не отличается особеннымъ чрезвычайнымъ дарованіемъ, такъ что самъ порывается впередъ.—Мальчикъ десятилѣтняго возраста. Когда мальчикъ такимъ образомъ усвоилъ себѣ свой учебникъ, то ему можно предложить и изъяснить краткую грамматику, извлеченную изъ грамматики Филиппи и задавать каждый день выучивать наизустъ по нѣскольку правилъ, такъ что въ теченіе полугодія онъ съ небольшимъ трудомъ пройдетъ грамматику и синтаксисъ. Помимо того долженъ онъ твердить наизустъ латинскіе разговоры, правила изъ Цицерона, Плавта и Теренція, въ которыхъ ученымъ латинскимъ языкомъ, коротко и ясно излагаются и содержатся всякіе предметы, о чемъ приходится говорить и писать въ обыденной жизни. Въ этомъ десятилѣтнемъ возрастѣ мальчикъ начинаетъ также затверживать на память изъ краткой Библіи тексты Священнаго писанія полатыни и понѣмецки по одному или по два въ день, смотря по тому, велики они или малы. Хотя мальчикъ десяти лѣтъ отъ роду и былъ бы въ состояніи вытвердить грамматику, фразы и краткую библію, если предписаннымъ образомъ прилежно заняться съ нимъ, но такъ какъ все зависитъ отъ того, чтобы самымъ тщательнымъ образомъ изучить грамматику, латинскій языкъ и религію и усвоить ихъ себѣ въ самомъ твердомъ и наилучшемъ видѣ, чтобы знать все это такъ-же твердо, какъ дѣти знаютъ Отче нашъ, —такъ какъ все отъ этого зависитъ и мальчикъ преодолѣлъ уже самое сильное и наибольшее отвращеніе, то тѣмъ же занятіямъ, тѣмъ же ежедневнымъ упражненіямъ слѣдовало бы посвятить еще весь одиннадцатый годъ и съ мальчикомъ постоянно по нѣскольку часовъ въ день въ разныхъ видахъ излагать, повторять и говорить наизустъ грамматику, фразы и тексты Священнаго писанія, изложенныя въ краткой Библіи полатыни и понѣмецки, составлять и писать также сочиненія и упражняться въ

нихъ. Хотя бы мальчику насталъ уже двѣнадцатый годъ, все-таки необходимо настаивать, чтобы онъ помнилъ грамматику, но пусть также слушаетъ латинскихъ авторовъ, Виргилія, Теренція, Цицерона, Овидія, и оттуда выписываетъ въ свою реторическую тетрадь тексты, вокабулы и фразы, съ тѣмъ чтобы тщательно изучать ихъ, читать, повторять, говорить и писать. Въ этотъ же годъ онъ долженъ приступить къ изученію просодіи и къ сочиненію латинскихъ стиховъ. Отъ тринадцати до пятнадцати-лѣтняго возраста онъ переходитъ къ изученію греческихъ таблицъ. Затѣмъ слѣдуетъ ему пояснить сначала греческій Панаретонъ, припечатанный къ латино-германскому Библидіону, гдѣ изъ греческой библіи, изъ Ветхаго и Новаго Завѣта, собраны по-гречески всѣ лучшіе краткіе тексты. Потомъ изучать „благочестивыя и святыя сентенціи Нила епископа и мученика", гномологику, двѣ книги греческихъ апоѳегмъ (краткихъ изреченій), стихотворенія Пиѳагора, Фокилида, Ѳеогнида и пр., все, что въ схоластическомъ грекола̀тинскомъ руководствѣ весьма ясно изложено въ грамматическомъ отношеніи въ связи съ дѣльными грамматическими и философскими поясненіями. Въ греческомъ языкѣ онъ долженъ упражняться также письменно, что принесетъ ему большую пользу, а сверхъ того весьма полезно для него было бы писать греческіе стихи. Мальчика слѣдуетъ упражнять въ латинскомъ и греческомъ языкахъ такъ тщательно и такъ долго, — именно три года къ ряду, оотому, что это два лучшихъ языка въ мірѣ, на которыхъ описывается, представляется и излагается не только вся человѣческая премудрость на свѣтѣ, но обнимается даже большая часть небесной науки, такъ что они составляютъ основу наукъ, искусствъ и всякихъ знаній, и кто хорошо изучилъ ихъ, тотъ съ охотою также изучитъ въ короткій срокъ всѣ остальныя искусства и знанія.—Мальчикъ шестнадцати лѣтъ отъ роду. Хотя отрокъ все еще продолжаетъ заниматься обоими языками, но на шестнадцатилѣтнемъ возрастѣ можно съ нимъ приступить къ изученію еврейскихъ таблицъ и поступать при этомъ такъ же, какъ выше предписано преподавать и скоро изучать латинскую грамматику. Если мальчикъ въ еврейскихъ таблицахъ будетъ проходить лишь по два листика въ недѣлю, то онъ безъ большого труда окончитъ ихъ въ одно полугодіе. Потомъ слѣдуетъ ему для примѣра къ правиламъ грамматически разобрать краткій Лютеровъ катехизисъ по еврейски, также еврейское евангеліе или напр. книгу бытія, потому что какъ эти, такъ и всѣ историческія книги въ библіи гораздо легче, нежели книги Давида, Соломона и пророковъ, которыя весьма трудны даже въ грамматическомъ отношеніи. „Еврейскій языкъ не только полезенъ для теологовъ, но необходимъ также для всѣхъ учащихся, и

они въ теченіе всей своей жизни будутъ имъ пользоваться, потому что онъ родоначальникъ всѣхъ языковъ, всѣ они отъ него произошли, онъ всѣмъ имъ даетъ, а самъ не беретъ и не заимствуетъ въ свою очередь ничего отъ другого языка, и нѣтъ ни одного такого нарѣчія на свѣтѣ, которое не присвоило бы себѣ еврейскихъ словъ какъ бы въ наслѣдіе отъ родоначальника".—**Отрокъ семнадцати и восемнадцатилѣтняго возраста**. Теперь остались еще діалектика, реторика и физика. Но діалектику и реторику можно изложить ясно и коротко, такъ что мальчикъ въ четверть года или ужъ непремѣнно въ полгода въ состояніи изучить все, что необходимо и что пригодно и полезно ему знать; онъ такимъ путемъ не только разберетъ сочиненія краснорѣчивыхъ мужей и не только сможетъ составить и сочинить самъ такія же, но, что важнѣе всего въ этихъ обоихъ искусствахъ, онъ будетъ въ состояніи усвоить себѣ и примѣнять, читать и понимать сочиненія нашихъ теологовъ и искусственные въ нихъ термины. Какъ вообще всѣ искусства слѣдуетъ передавать и изучать въ мѣру, такъ точно необходимо соблюдать мѣру съ діалектикой и реторикой. Чѣмъ короче излагается предметъ и особенно правила во всѣхъ искусствахъ и языкахъ, тѣмъ лучше и полезнѣе будетъ для юношества, а потому должно опускать и устранять все, что не крайне необходимо. Послѣ діалектики и реторики можно съ ученикомъ въ эти два года пройти какъ слѣдуетъ физику, этику, исторію царствъ и народовъ и землеописаніе, все это изложенное на весьма немногихъ листахъ и страницахъ".

Неандеръ настаивалъ въ языкахъ на рѣзкое разграниченье элементарнаго отъ ученаго, того, что необходимо и общезаконно, отъ менѣе необходимаго и исключительнаго: главная заслуга его относительно языковъ состояла поэтому въ изданіи его краткихъ учебниковъ, прозванныхъ имъ libros schustricales. Но при обученіи латинскому, греческому и еврейскому языкамъ онъ не забывалъ также исторію, географію и естественныя науки. Изъ всѣхъ великихъ педагоговъ латинской школы онъ наиболѣе старался ввести въ преподаваніе реализмъ Меланхтона. Онъ былъ притомъ ревностный лютеранинъ и педагогъ, нашедшій міръ свой въ своей школѣ—оправдавъ слова, сказанныя про него однажды, какъ бы въ предчувствіи, отцомъ его: „Тебя надо отправить въ монастырь, ты не годишься для этого свѣта".

Такой же ученикъ Лютера и Меланхтона и ревностный послѣдователь лютеранскаго вѣроисповѣданія былъ *Іеронимъ Вольфъ*, признававшій однако за правило, что юношество не слѣдуетъ посвящать въ религіозныя распри и смущать путаницею мнѣній, такъ какъ задача его, обращать всѣ помыслы свои на благочестивую жизнь и на любовь къ Богу и людямъ; онъ также былъ исполненъ педагогическаго идеала

своей эпохи, что говорить и писать полатыни составляетъ задачу и цѣль школы; но въ то же время онъ считалъ древніе языки въ сущности вратами, ведущими къ основательному пониманію древнихъ классиковъ и къ наслажденію ими. Вольфъ родился въ 1516-мъ г. въ Эттингенѣ и въ 1527-мъ былъ отправленъ въ Нюрнбергъ къ Зебальду Гейдену, съ тѣмъ чтобы при немъ изучить начатки древнихъ языковъ. Обученный имъ, онъ въ 1530-мъ г. поступилъ въ гимназію, въ которой преподавали Камерарій и Эобанъ Гессъ. Однако вскорѣ затѣмъ онъ былъ вызванъ оттуда отцомъ, хотѣвшимъ побудить его къ изученію юридическихъ наукъ. Онъ сдѣлался писаремъ въ Гамбургѣ, но питалъ рѣшительное отвращеніе противъ всякихъ юридическихъ учрежденій и находилъ удовольствіе только въ Виргиліи и Теренціи, такъ что по прошествіи 5 лѣтъ отецъ позволилъ ему снова начать и продолжать свои занятія въ Нюрнбергѣ. Прибывъ туда, онъ съ Камераріемъ отправился въ Тюбингенъ и слушалъ тамъ лекціи о Софоклѣ, не извлекая впрочемъ изъ нихъ никакой соотвѣтствующей пользы, такъ какъ не былъ достаточно подготовленъ ни въ латинской, ни въ греческой грамматикѣ. Занявъ въ 1537-мъ г. еще разъ мѣсто писаря въ Вюрцбургѣ, онъ изъ любви къ наукѣ опять обратился къ школамъ, а именно въ Виттенбергъ къ Лютеру, Меланхтону и др., гдѣ и пробылъ до 1539-го г., а потомъ училъ по 8 часовъ въ день въ школѣ Зебальда Гейдена въ Нюрнбергѣ, получая въ годъ по 16 гульденовъ при скромномъ содержаніи и скудномъ пивѣ. Въ 1543-мъ г. онъ, по рекомендаціи Меланхтона, занялъ мѣсто ректора въ Мюльгаузенѣ; вскорѣ однако возвратился опять въ Нюрнбергъ, съ тѣмъ чтобы по приглашенію Вейта Дитриха приняться за обученіе 12 отличныхъ юношей. Но и здѣсь Вольфъ не зналъ ни отдыха, ни покоя; съ 1547-го г. онъ находился въ Страсбургѣ, гдѣ выпустилъ въ свѣтъ свое изданіе и свой переводъ Исократа; потомъ въ Базелѣ, гдѣ изготовилъ изданіе и переводъ Демосѳена. Въ 1557-мъ г. онъ достигъ наконецъ покойной пристани своей жизни и своихъ трудовъ. По предложенію Якова Фуггера онъ сдѣлался ректоромъ въ гимназіи Св. Анны, организовавъ ее по своей представленной магистрату статьѣ: „deliberatio de instauratione Augustanae scholae ad S. Annam“ (*).

Задача и цѣль гимназіи, по мнѣнію І. Вольфа, довести учениковъ преподаваніемъ религіи, древнихъ языковъ и философіи дотого, чтобы послѣ въ университетѣ они въ состояніи были жить самостоятельно и заниматься безъ помощи учителя. Свою гимназію раздѣлилъ онъ на пять классовъ, предполагая впослѣдствіи, когда окажется необходимымъ, увели-

*) Разсужденіе о возобновленіи Августанской школы Св. Анны.

чить число ихъ, разбивъ въ такомъ случаѣ низшій классъ на два. Каждый изъ классовъ долженъ подготовлять къ слѣдующему; всѣ классы вмѣстѣ должны составить цѣльный организмъ. На уроки каждый день полагается три часа передъ обѣдомъ и три послѣ обѣда. Въ 9 часовъ и въ 3 часа назначенъ короткій отдыхъ. Прогуливаясь въ это время взадъ и впередъ, ученики трехъ высшихъ классовъ обязаны говорить исключительно по латыни; а кто еще не умѣетъ, тотъ пускай молчитъ до тѣхъ поръ, пока не будетъ въ состояніи говорить правильно; молчаніе его похвально. Слѣдуетъ по возможности избѣгать побоевъ; надо руководить мальчиковъ словами, порицая и одобряя; пускай они въ наказаніе учатъ наизусть; болѣе всего надо стараться внушить имъ охоту къ ученію. Чтобы убѣдиться, готовъ ли ученикъ для высшаго класса, необходимо испытаніе; самый благонадежный экзаменъ—это ежедневныя репетиціи учителя. Никого не слѣдуетъ переводить въ высшій классъ, пока не усвоено то, чему учатъ въ низшемъ. Каждый изъ учениковъ обязанъ пробыть 18 мѣсяцевъ въ одномъ и томъ же классѣ, а потомъ перейдти въ другой. Въ низшемъ классѣ, гдѣ требуется, чтобы учителя были хотя не особенно учены, но терпѣливы и неутомимы къ труду, строги и ревностны, и куда мальчика отнюдь не слѣдуетъ принимать прежде пятаго года, пользуются простѣйшими элементарными таблицами, содержащими въ себѣ: Отче нашъ, символъ вѣры и застольныя молитвы. Кромѣ катехизиса преподаются еще грамматика Ривія и Катонъ. Въ этомъ классѣ три отдѣленія: 1) обучающіеся азбукѣ, 2) читающіе, 3) пишущіе и учащіе наизусть. Четвертый классъ: преуспѣвшіе ученики пусть утромъ и вечеромъ при молитвѣ читаютъ въ особенности Новый Завѣтъ, псалтирь, притчи Соломона и Іисуса, сына Сирахова. Въ этомъ классѣ изучаются: книжечка Эразма о гражданскихъ законахъ, изреченія и короткія письма Цицерона, а изъ грамматики Ривія все необходимое затверживается наизусть; начатки грамматики и часть этимологіи пройдены уже въ пятомъ классѣ. Отдѣльныя слова слѣдуетъ по возможности пояснять по ихъ собственному значенію. При объясненіи необходимо всякій разъ указывать ученикамъ на извѣстныя имъ правила грамматики. „Слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что не все латинское можно передавать по нѣмецки такими же точно словами и въ такомъ же порядкѣ, а напротивъ, приходится то прибавлять, то выпускать, то измѣнять нѣкоторыя слова; надо также стараться говорить на родномъ языкѣ безъ труда, не запинаясь, чтобы не быть непонятнымъ и осмѣяннымъ крестьянами“. Надлежитъ выписывать фразы Цицерона; а нѣмецкіе, мало уклоняющіеся отъ цицероновскихъ обороты рѣчи передавать на латинское, такъ чтобы ученики понемногу пріучались говорить и писать по латыни. Однако

они лишь тогда должны начать говорить и писать, когда, пробывъ съ годъ въ этомъ классѣ, изучили главныя правила синтаксиса.—Въ третьемъ классѣ приступаютъ къ греческому. На латинскомъ читаются Мурмеллія избранныя мѣста изъ римскихъ поэтовъ, изъ Овидія, Тибулла, Катулла и Проперція, а также третья и четвертая книга Цицероновыхъ писемъ, и его же „о дружбѣ" и „о старости". Тутъ же преподается между прочимъ метрика; письменныя сочиненія становятся обширнѣе, но не слишкомъ растянутыми.—Во второмъ классѣ кончаютъ двѣ послѣднія книги грамматики Ривія,—синтаксисъ и просодію. Читаются Цицероновы „семейныя письма", Овидія элегіи или его „изъ Понта", Буколики и георгики Виргилія, а изъ Грековъ книжки Аристотеля и Плеѳона о добродѣтеляхъ, причемъ первая изъ книгъ затверживается наизустъ. Ученики съ латинскимъ и греческимъ лексиконами въ рукахъ должны основательно подготовляться дома; а наиболѣе способные пусть сочиняютъ еженедѣльно по одному стишку.—Въ первомъ классѣ преподаются діалектика и реторика. Читаются: комментаріи Цезаря о галльской войнѣ, Цицерона о должностяхъ, Исократъ, Демосѳенъ, Гомеръ, и, если позволитъ время, Энеида. Даются темы для сочиненій; также наставленія для изобрѣтенія и распредѣленія. Таково первое „разсужденіе" І. Вольфа.

Въ 1576-мъ г. вышло второе „разсужденіе о возобновленіи Августанской гимназіи." По этому изъ пяти классовъ развивалось девять, вслѣдствіе чего прежнія назначенія и задачи отдѣльныхъ классовъ должны быть измѣнены. Въ гимназію пріемъ учениковъ назначенъ по седьмому году, а выпускъ по шестнадцатому, такъ что въ каждомъ классѣ остаются по одному году. Чистописаніе и ариѳметика преподаются послѣ урочныхъ часовъ за умѣренную плату. Во второмъ классѣ читаются избранныя мѣста Мурмеллія и Буколики; сюда можно, пожалуй, присоединить еще комедію Теренція, съ тѣмъ чтобы окончить ее мѣсяца въ два. „Я счелъ бы полезнымъ каждый годъ выучивать наизустъ и представлять по двѣ піесы Теренція, что нравится многимъ изъ гражданъ, еслибъ только опытъ не научилъ насъ, что мысли мальчиковъ дотого бываютъ заняты такими представленіями, что они тѣмъ временемъ готовы пренебречь другими занятіями". При толкованіи классиковъ въ низшихъ классахъ слѣдуетъ прежде всего по возможности объяснять отдѣльныя слова въ ихъ настоящемъ значеніи и притомъ въ данномъ порядкѣ. Потомъ располагать ихъ, какъ то требуется грамматикою, наконецъ—составить весь періодъ, такъ чтобы можно было правильное греческое перевести на хорошую латынь, а правильное латинское также на нѣмецкое. При толкованіи въ высшихъ классахъ

можно лишь слегка касаться критики, потомъ дается распредѣленіе, затѣмъ обзоръ всего творенія, наконецъ короткое объясненіе трудныхъ словъ, которыя ученикъ самъ не въ состояніи отыскать. Языкъ при этомъ считается лишь преддверіемъ, которымъ вступаютъ въ классическій міръ. „Латинцамъ въ этомъ отношеніи было легче, оттого что имъ приходилось изучать одно только греческое, да и то не столько путемъ преподаванія, но болѣе совмѣстною жизнью съ Греками. А послѣдніе были еще счастливѣе, такъ какъ, довольствуясь своимъ роднымъ языкомъ, они, выучившись только читать и писать, тотчасъ же могли приступить къ изученію свободныхъ искусствъ и философіи. Намъ же, вынужденнымъ потратить нѣсколько лѣтъ на изученіе чужихъ языковъ, весьма затрудненъ входъ во врата философіи, потому что понимать латынь и греческое само по себѣ еще не ученость, а только приступъ и преддверіе къ ней; впрочемъ заодно съ словами усвоивается также многое достойное изученія, лишь бы только внимательно читались хорошіе авторы.“

I. Вольфу съ его педагогическими воззрѣніями приходилось много бороться въ ту эпоху. Одни возставали противъ употребленія грамматики Ривія. Другіе нападали на то, что грамматику изучаютъ начиная съ пятаго и до второго класса, а не оканчиваютъ ее въ низшихъ классахъ. Иные порицали за то, что учениковъ вмѣсто нѣкоторыхъ немногихъ классиковъ заставляютъ читать всего Цезаря, Цицерона, Виргилія, и даже Грековъ, Гомера, Демосѳена и Исократа. Были недовольны и тѣмъ, что отъ учителей гимназій, у которыхъ „обидчивость шла рука объ руку съ невѣжествомъ, а трудобоязнь съ надеждою на повышеніе“, онъ требовалъ добросовѣстности въ исполненіи ихъ обязанностей. Вольфу непрестанно приходилось бороться съ препятствіями,—пока наконецъ смерть, въ 1530-мъ г., не отрѣшила его отъ ректорской должности. Какъ одинъ изъ лучшихъ грековъ своей эпохи, онъ глубже большей части своихъ современниковъ вникъ въ древность, сдѣлавъ ее главнымъ предметомъ преподаванія не только ради языка, но особенно ради содержанія и мыслей.

Еще болѣе извѣстнымъ и вліятельнымъ между преподавателями шестнадцатаго столѣтія былъ *Валентинъ Фридландъ Тротцендорфъ*, сынъ крестьянина Бернгарда Фридланда въ деревнѣ Тротцендорфѣ подъ Гёрлитцемъ. Родившись въ 1490-мъ г., онъ въ молодости своей вынужденъ былъ вести борьбу съ тѣми трудностями и препятствіями, какими сопровождаются низкое происхожденіе и бѣдность. Но любовь къ благочестивой матери, то и дѣло твердившей ему: „Сынъ мой, не покидай школы“, постоянно возвышала духъ его надъ подавляющими условіями жизни. Подготовлен-

ный Александромъ Куспиніаномъ, онъ въ теченіе двухъ лѣтъ усовершенствовался въ Лейпцигѣ при Петрѣ Мозелланѣ въ латыни и учился греческому у Рихарда Крокуса. Въ 1515-мъ г. поступилъ учителемъ въ Гёрлитцскую школу, но съ 1518-го г. онъ въ теченіе 5 лѣтъ пробылъ въ Виттенбергѣ, гдѣ вступилъ въ тѣсную связь съ Меланхтономъ; въ 1523-мъ онъ перешелъ въ Гольдбергъ, въ 1527-мъ въ Лигницъ, въ 1529-мъ возвратился опять въ Виттенбергъ, а въ 1531-мъ вторично принялъ приглашеніе въ Гольдбергъ, гдѣ съ этихъ поръ и въ теченіе 35 лѣтъ съ примѣрнымъ трудолюбіемъ и знаніемъ дѣла, вѣрно и безкорыстно исполнялъ должность ректора въ школѣ. Вслѣдствіе этого вскорѣ далеко разнеслась слава его. Въ Силезіи отовсюда обращались къ нему за совѣтомъ при заложеніи школъ, и „города между Одеромъ и Эльбою считали за счастіе, когда школы ихъ устроивались по образцу Тротцендорфа и управлялись его учениками".

Тротцендорфъ, подобно всѣмъ послѣдователямъ Меланхтона, смотрѣлъ на школу, какъ на дополненіе къ церкви. „Главная цѣль его поэтому и состояла въ раннемъ преподаваніи религіи, т. е. въ заучиваньи наизустъ нѣмецкаго и латинскаго катехизиса", а сверхъ того имъ самимъ собранныхъ и подъ заглавіемъ „Розарій"—изданныхъ библейскихъ текстовъ. Помимо религіи, основою предметовъ преподаванія въ его школѣ, какъ и въ школахъ почти всѣхъ его современниковъ, служилъ тривій. Школы имѣли цѣлью „снарядить мальчиковъ такъ, чтобы они впослѣдствіи способны были изучать высшіе факультеты, — теологію, медицину, философію и юриспруденцію". Для достиженія этой цѣли надлежитъ „съ особеннымъ тщаніемъ заняться грамматикой, какъ матерью и кормилицею остальныхъ искусствъ. А сверхъ того еще полезными чтеніями изъ дѣльныхъ авторовъ, какъ-то изъ Теренція, Плавта, Цицерона, особенно же писемъ его и сочиненія о должностяхъ, такъ чтобы мальчики, наставляемые въ латинскомъ языкѣ, вмѣстѣ правилами и примѣрами научились правильно говорить и писать. Потомъ слѣдуетъ читать также поэтовъ, а именно Виргилія, нѣкоторыя книги Овидія, такъ чтобы мальчики ознакомились съ метрикою и научились писать стихи". „Каждую недѣлю назначено писать сочиненіе въ стихахъ". „Въ этихъ сочиненіяхъ ученики не должны пользоваться ни одною фразою, пока не узнали въ точности, у котораго изъ авторовъ встрѣчается та фраза и достаточно ли она изящна и хороша". „Ученики никогда не должны употреблять родной языкъ, напротивъ, какъ съ учителями, такъ и съ сотоварищами и остальными учеными они обязаны говорить полатыни". Тротцендорфъ былъ страстнымъ любителемъ греческой и еврейской литературы, а потому эти

знанія также сдѣлались предметами его „Филипповской“ школы. Преподаваніе языковъ было ведено основательно и цѣлесообразно. Грамматическія правила излагались коротко и ихъ было немного, примѣры были отборные и подходящіе, упражненіемъ занимались долго и постоянно. Когда ученики его почти уже кончали курсъ, тогда только, не вдаваясь въ подробности и не прибѣгая вовсе къ книгамъ, а при посредствѣ однихъ словесныхъ преній и т. п. вводилъ онъ ихъ въ діалектику, реторику, нравоученіе и физику. Ничего онъ такъ не развивалъ и не любилъ въ школѣ какъ бесѣду съ своими учениками и, при всякомъ удобномъ къ тому случаѣ, вводилъ катехизацію и испытанія, въ чемъ обладалъ чрезвычайнымъ искусствомъ. Кто изгоняетъ этотъ методъ, изъ школы, говорилъ онъ часто, тотъ лишаетъ міръ солнца. По его мнѣнію, нѣтъ лучшаго средства приковать къ лекціи вниманіе разсѣянной молодежи, возбуждать дѣятельность душевныхъ силъ, изощрять и образовать ихъ. Онъ обладалъ вмѣстѣ съ тѣмъ великимъ искусствомъ оживлять свое изложеніе, придавать ему наглядность и ясность, такъ что ученики охотно и ревностно посѣщали его классъ „и на старости лѣтъ еще съ восторгомъ вспоминали о почтенномъ, добромъ и серьезномъ Тротцендорфѣ“. Изреченія его о нѣкоторыхъ предметахъ вмѣстѣ съ памятью о немъ передавались этими учениками потомству. Такъ онъ между прочимъ часто заявлялъ: „Мудрецъ выражается ясно, а плутъ непонятно. Ясное изложеніе есть признакъ, что мы хорошо понимаемъ дѣло. Мудрецъ непремѣнно выскажетъ дѣло такъ, какъ оно есть. Темное и запутанное изложеніе всегда бываетъ знакомъ, что душа исполнена коварства. Чѣмъ кто мудрѣе, тѣмъ болѣе старается онъ говорить ясно“.—У взрослыхъ учениковъ онъ къ этому методу присоединялъ частыя упражненія и сочиненія на латинскомъ языкѣ, называя ихъ оселками дарованій, благочестія, трудолюбія и нравовъ учениковъ, точно также какъ признакомъ хорошаго ума онъ считалъ внятное и бѣглое чтеніе, правильный четкій и красивый почеркъ вмѣстѣ съ яснымъ и чистымъ произношеніемъ.

Дисциплина въ тротцендорфовой школѣ была сочетаніемъ строгости съ любовью. Первая глава его школьныхъ уставовъ говоритъ о благочестіи. Страхъ Божій начало мудрости, такъ начинается она. Требуются точное знаніе христіанскаго ученія, молитва, посѣщеніе церкви, исповѣдь, причащеніе Святыхъ Таинъ, прилежаніе, повиновеніе, уклоненіе отъ божбы, клятвы, сквернословія, также отъ волшебства и всякаго суевѣрія. Уставы вообще были основаны на 5 главныхъ началахъ: 1) Tros Tyriusque mihi nullo discrimine agetur. *) Здѣсь, гдѣ ученики стекались изъ всѣхъ странъ,

*) Ни Троянецъ, ни Тиріецъ не представляютъ у меня никакой разницы.

всѣ должны подлежать равномѣрному управленію. 2) Factus tribulus serva legem **) было лакедемонскою пословицею. И тутъ также, какъ знатные, такъ и простолюдины, сдѣлавшись учениками, обязаны подчиняться уставамъ. Кто сталъ ученикомъ, тотъ пересталъ быть дворяниномъ. 3) По мѣрѣ проступковъ ученики должны наказываться розгами, карцеромъ и пр. А кто стыдится такого наказанія, вслѣдствіе ли дворянскаго своего рода, или оттого, что сталъ уже старше, тотъ пусть слѣдитъ за своими поступками такъ, чтобы не подвергаться карѣ, или же пусть покинетъ школу нашу и отыскиваетъ себѣ въ другомъ мѣстѣ полную свободу. Денежная пеня вовсе отмѣняется, такъ какъ она скорѣе падаетъ на родителей, нежели на дѣтей. 4) Всякій приходящій принимается въ число учениковъ не иначе, какъ обѣщавъ блюсти школьныя уставы. 5) Сочлены нашихъ учениковъ должны быть также сочленами нашей вѣры и нашей церкви.

Для того чтобы воспитаниковъ заранѣе пріучить уважать начальство(—„управлять по законамъ будетъ тотъ, кто отрокомъ научился повиноваться законамъ“ было главнымъ правиломъ его—), Тротцендорфъ устроилъ въ зданіи своей школы изъ совокупности учениковъ республику, безсмѣннымъ диктаторомъ которой былъ онъ самъ. Онъ предсѣдательствовалъ въ избираемомъ имъ ежемѣсячно сенатѣ, состоявшемъ изъ 12 сенаторовъ, одного консула и 2 цензоровъ и образовавшемъ собою вторую и высшую инстанцію, куда переходили всѣ дѣла, которыя затруднялись рѣшать сами учителя. Обвиняемый долженъ былъ явиться по истеченіи 8 дневнаго срока. Собраніе было въ высшей степени торжественное; сенатъ отдѣлялся перилами отъ стоявшихъ во кругъ слушателей; въ серединѣ сидѣлъ диктаторъ, Тротцендорфъ, съ диктаторскою серьезностью. Потомъ выходилъ истецъ, а вслѣдъ за нимъ обвиняемый,—оба они говорили рѣчи. Консулъ собиралъ голоса, и обвиняемаго оправдывали или осуждали, при чемъ обращалось также вниманіе на тщательно или небрежно составленную защитительную рѣчь. Объявленный консуломъ приговоръ исполнялся диктаторомъ.—Это учрежденіе служило вмѣстѣ съ тѣмъ наградою за прилежаніе и искусство. Сдѣлаться сенаторомъ или консуломъ было высшею цѣлью стремленія учениковъ; быть изгнану изъ сената считалось позоромъ, смыть который можно было лишь долговременнымъ доказательствомъ исправленія и добродѣтели. Къ той же цѣли вели похвальныя рѣчи, которыми въ извѣстные торжественные дни ученики

**) Сдѣлавшись гражданиномъ, повинуйся закону.

величали другъ друга: лучшаго и искуснѣйшаго оратора прославляли и вѣнчали публично какъ олимпійскаго побѣдителя.

Такъ правилъ Тротцендорфъ своимъ школьнымъ міромъ, который онъ раздѣлилъ на шесть классовъ и каждый изъ нихъ на нѣсколько трибъ. Одна часть учениковъ избиралась въ экономы, другая въ эфоры, третья въ квесторы. Экономы обязаны были наблюдать за порядкомъ въ домѣ, напр. чтобы всѣ ученики вставали и ложились спать во́время, чтобы комнаты, платья и пр. содержались въ чистотѣ и порядкѣ и т. п. Эфорамъ поручалось блюсти порядокъ за столомъ; имъ подчинялись тафельдекеры. Квесторы (—у каждой трибы былъ свой еженедѣльно избираемый квесторъ, а надъ всѣми вообще поставленъ ежемѣсячно избираемый главный квесторъ—) должны были наблюдать за исправнымъ посѣщеніемъ уроковъ, отмѣчать лѣнтяевъ, задавать темы, которыя въ теченіе получаса послѣ обѣда обсуждались полатини.

Таковъ школьный уставъ Тротцендорфа. Однимъ изъ самыхъ существенныхъ рычаговъ его было честолюбіе. Хотя онъ и возводилъ это честолюбіе до тщеславія и ошибочно дѣлалъ его побуждающимъ мотивомъ въ жизни, однако онъ все-таки способенъ былъ провести всякаго бларополучно между крайностями слѣпого подчиненія и страстной свободы. Это и было цѣлью Тротцендорфа. Врагъ всякаго рабскаго чувства, онъ хотѣлъ свободно и непринужденно развить духовныя силы своихъ учениковъ. Потому-то и пекся онъ о тѣлесномъ развитіи воспитанниковъ путемъ разныхъ тѣлодвиженій; съ интересомъ наблюдалъ за борьбою и бѣганьемъ мальчиковъ; хвалилъ бодрыхъ и ловкихъ, порицалъ лѣнивыхъ и неловкихъ; при всемъ томъ—вслѣдствіе воззрѣнія его эпохи—школьнымъ уставомъ запрещалось лѣтомъ купаться въ холодной водѣ, ходить зимою по льду, или бросать другъ въ друга снѣжками. Рожденный быть воспитателемъ, легко постигавшій людей, исполненный благочестивыхъ помысловъ, отличаясь основательнымъ знаніемъ и съ чародѣйною властью господствуя надъ учениками своею ласковою, на сократовскую иронію намекавшею серьезностью, онъ даже при своихъ странностяхъ не утрачивалъ своего авторитета. Къ этимъ странностямъ относится между прочимъ то, что при входѣ учениковъ въ классъ онъ часто обращался къ нимъ съ такими словами: „Здраствуйте, господа дворяне, имперскіе, королевскіе и княжескіе совѣтники, бургомистры и ратманы, ремесленники, художники и купцы, солдаты и пр., негодяи и злодѣи и пр.“ Онъ сознавалъ, что преподаваніе, это—искусство, которое слѣдуетъ изучать путемъ опыта и размышленія. Онъ установилъ поэтому, чтобы лучшіе старшіе ученики преподавали въ низшихъ классахъ

подъ его надзоромъ и руководствомъ. Такимъ образомъ подготовлялъ онъ къ учительской должности и распространялъ свой методъ не только по Германіи, но также по Богеміи, Польшѣ, Венгріи, Трансильваніи и Литвѣ, по всѣмъ странамъ, откуда стекались къ нему ученики. Тротцендорфъ, какъ выразился объ немъ Меланхтонъ, былъ созданъ для управленія школой, подобно тому какъ старшій Сципіонъ Африканскій для начальства надъ войскомъ. Онъ скончался въ своей стихіи, преподавая. Апрѣля 20-го 1556-го г. объяснялъ онъ 22-ой псаломъ. На четвертомъ стихѣ: „Если я пойду и долиною смертной тѣни, не убоюсь зла, потому что Ты со мною; Твой жезлъ и Твой посохъ—они успокоиваютъ меня“, онъ, пораженный ударомъ, упалъ навзничъ, и послѣднія слова его были: Ego vero, auditores, nunc evocor in aliam scholam“ *).

Самостоятельно и во многихъ отношеніяхъ отступая отъ учениковъ Меланхтона дѣйствовалъ *Іоаннъ Штурмъ* съ своею школою въ Страсбургѣ. Онъ былъ лютераниномъ; въ Парижѣ онъ вступилъ въ связь съ французскими реформатами, а въ Страсбургѣ съ Кальвиномъ и Буцеромъ. Древность у него не была слугою религіи, или собственно говоря теологіи. Притомъ же онъ былъ чистый латинистъ. Реальныя знанія изгонялись изъ его школы; говорить понѣмецки считалось тамъ проступкомъ. Остроумный мыслитель, онъ былъ послѣдовательный наставникъ, дѣльный ректоръ, умѣвшій съ глубокою проницательностью коротко и ясно опредѣлить каждому изъ учителей поставленную ему задачу и указать ему вѣрный путь къ цѣли. Это былъ мужъ, сознававшій то, чего онъ хотѣлъ, и достигшій поэтому великихъ результатовъ—педагогъ, вліяніе и господство котораго далеко распространялись.

Іоаннъ Штурмъ родился въ 1507-мъ г. въ Шлейденѣ на Эйфелѣ, поступилъ впослѣдствіи въ школу Іеронимiанъ въ Люттихѣ, изучалъ съ 1524-го г. въ Лувенѣ у Бокленіуса греческую, а у Ресцiя латинскую литературу, довершилъ свое обрязованіе въ Парижѣ и сдѣлался тамъ профессоромъ греческаго языка, а въ 1537-мъ г. прибылъ въ Страсбургъ, гдѣ ему поручена была организація гимназіи. Начиная съ 1538-го г. и до 1583-го г. онъ былъ ректоромъ этой имъ самимъ организованной школы. Наконецъ его уволили отъ должности, за то, что отдавая явное предпочтеніе Кальвину и его ученію, онъ выступилъ противъ 68 тезисовъ І. Паппуса, которыми послѣдній хотѣлъ водворить въ Страсбургѣ формулы конкордіи.—Въ 1589-мъ г. скончался крѣпко сложенный, средняго роста, дружелюбный и серьезный, рѣшительный и дѣятельный мужъ, который пользовался уваженіемъ Карла V, Фердинанда I, Максимиліана II и Елисаветы Англій-

*) Я же, слушатели, отзываюсь теперь въ другую школу.

ской, и слава котораго простиралась до Венгріи, Трансильваніи и Польши. Онъ былъ педагогомъ и преподавателемъ при академіи, устроилъ множество новыхъ школъ, какъ напр. въ Лувингенѣ при Дунаѣ, въ Трарбахѣ при Мозелѣ, въ Горбахѣ подъ Цвейбрюкеномъ и т. д., а въ свою собственную школу привлекалъ учениковъ изъ всѣхъ странъ. Въ его школѣ въ 1578-мъ г. насчитывалось нѣсколько тысячъ студентовъ, въ томъ числѣ—200 дворянъ, 24 графа и барона и 3 князя—изъ Португаліи, Польши, Даніи, Англіи и пр.

Въ своемъ сочиненіи о правильномъ устройствѣ словесной школы (de literarum ludis recte aperiendis), въ своемъ „устройствѣ Лауингенской школы“ (oeconomia scholae Lavingianae), въ своей книгѣ „О воспитаніи владѣтельныхъ князей“ (deeducatione principum) и въ своихъ классическихъ письмахъ (epistolis classicis), а также и въ дѣйствіяхъ своихъ Штурмъ исходилъ отъ того главнаго правила, что латинскій языкъ долженъ быть средоточіемъ школьнаго преподаванія. Но онъ отступалъ отъ Меланхтона и его школы въ томъ смыслѣ, что требовалъ изученія какъ латинской, такъ и греческой литературы не въ угоду только церкви, а напротивъ, ради ихъ собственнаго значенія. Онъ хотѣлъ сообщить нѣмецкому юношеству то же образованіе, какимъ отличались греческіе и римскіе юноши, вполнѣ вытѣснить испорченный вкусъ и дурную латинь и возстановить древнее краснорѣчіе во всемъ его объемѣ. Для этого онъ такъ связалъ между собою знаніе словъ и предметовъ, что мальчики, начиная съ семилѣтняго возраста должны были называть полатини всѣ окружающіе и поражающіе ихъ чувства предметы и, ознакомившись съ парадигмами языка, бесѣдовать какъ между собою, такъ и съ учителями не иначе какъ полатини. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ установилъ, чтобы отнюдь не заучивали наузустъ того, чего не понимаютъ. Лишь послѣ этого собраннаго въ первомъ курсѣ матерьяла и послѣ пріобрѣтеннаго въ то же время механическаго навыка присоединялась сюда нѣкотораго рода теорія языка, причемъ учителямъ внушалось, чтобы они избирали лишь одно полезное и цѣлесообразное, радѣли о наивозможной ясности, такъ чтобы даваемыя ими ученикамъ новыя представленія примыкали къ существующимъ уже въ душѣ ихъ. Подъ конецъ этого курса слѣдовало обученіе письму. Преподаваніе становилось все болѣе систематичнымъ, читались письма Цицерона и сочиненіе Штурма о періодахъ, а въ основу полагалась содержащая немногія, но дѣльныя правила грамматика Ѳ. Голіуса, старшаго учителя Страсбургской гимназіи. Съ этимъ были связаны письменныя упражненія, причемъ учитель долженъ былъ объяснять и развивать заданныя темы. Теперь приступали также къ преподаванію

религіи полатини. Чтеніе латинскихъ поэтовъ, особенно эклогъ Виргилія, Цицерона „о дружбѣ“ и „о старости“, а также изученіе греческаго дѣлались съ этихъ поръ средоточіемъ преподаванія Вмѣстѣ съ тѣмъ сочинялись латинскіе стихи: ученики по заученнымъ правиламъ вновь слагали вмѣстѣ разрозненные стихи и т. п. Въ то же время они должны были навыкать быстро переводить съ нѣмецкаго на латинское. Съ греческимъ языкомъ поступали точно такъ же какъ съ латинскимъ; съ тою только разницею, что при изученіи греческаго главною цѣлью было понимать, умѣть писать и сочинять стихи, но не говорить. Для реторики въ среднихъ классахъ читались посланія и бесѣды Горація и Цицеронова 6-ая рѣчь противъ Верреса. Въ высшихъ классахъ для чтенія служили Гомеръ, Демосѳенъ и Цицеронъ, также посланія апостола Павла. По субботамъ и воскресеньямъ предписывалось чтеніе короткихъ его посланій, которыя впрочемъ надлежало читать такъ же какъ и всякое другое сочиненіе, а не въ догматическомъ отношеніи по примѣру теологовъ. Штурмъ строго различалъ быстрое, бѣглое чтеніе отъ медленнаго, отчетливаго, толковаго. Въ высшихъ классахъ письменныя упражненія и декламація состояли въ прозаическихъ и практическихъ передѣлкахъ и подражаніяхъ греческимъ и римскимъ образцамъ, а также въ собственныхъ толкованіяхъ одного изъ посланій Павла. Драматическіе поэты не читались, но представлялись учениками въ театральныхъ декламаціяхъ, причемъ каждый воленъ былъ замѣнять подлинныя выраженія другими. Точно также, руководствуясь читанными авторами, ученики излагали другъ другу въ разговорахъ разныя искусства и науки, запечатлѣвая ихъ такимъ образомъ въ памяти. Штурмъ отъ аналитическаго изученія и съ достаточнымъ пониманіемъ генія языка вообще переходилъ къ синтетическому, причемъ счелъ возможнымъ пользоваться болѣе всего подражаніями и самостоятельными сочиненіями, декламаціями и разговорами.

Этимъ путемъ онъ думалъ рѣшить задачу школьнаго образованія, состоявшую по его мнѣнію въ благочестіи, знаніяхъ и краснорѣчіи. Если, говорилъ онъ, всѣмъ людямъ подобаетъ быть благочестивыми, то ученый отличается отъ неученаго научнымъ образованіемъ и краснорѣчіемъ: а потому знаніе, чистота и изящество рѣчи составляютъ цѣль ученаго образованія, къ которой всѣми силами должны стремиться какъ учителя, такъ и учащіеся.

Въ первое семилѣтіе мать должна воспитать ребенка. На седьмомъ году мальчикъ отдается въ школу. Настоящее школьное воспитаніе длится 9 лѣтъ, и такъ до 16-ти-лѣтняго возраста. Потомъ начинается болѣе свободное образованіе, обученье замѣняется слушаньемъ лекцій—въ теченіе 5 лѣтъ, и такъ до 21 года. Изъ 9-ти классовъ въ школѣ, ко-

торые ученикамъ надлежитъ пройти въ 9 лѣтъ, 7 классовъ и 7 лѣтъ назначены для развитія чистой настоящей латинской рѣчи, 2 класса и 2 года для пріобрѣтенія изящества. Впослѣдствіи къ этимъ 9 классамъ присоединили еще десятый.—Въ низшемъ, десятомъ классѣ, слѣдуетъ заложить основаніе.—Дѣти должны ознакомиться съ изображеніемъ и произношеніемъ буквъ, потомъ съ чтеніемъ, что достигается лучше при изученіи (латинскихъ) склоненій и спряженій, нежели при катехизисѣ. Слѣдуетъ выучить наизусть нѣмецкій, а не латинскій катехизисъ. Въ девятомъ классѣ затѣмъ ученики утверждаются въ склоненіяхъ и спряженіяхъ, съ присовокупленіемъ также неправильныхъ. Сверхъ того они заучиваютъ множество латинскихъ словъ, особенно по части обыденныхъ предметовъ. Каждому изъ учениковъ ежедневно задаются выучить наизустъ особыя слова (но такъ чтобы всѣ слова всѣхъ учениковъ подходили подъ одно понятіе); каждый изъ мальчиковъ слышитъ такимъ образомъ слова, произносимыя другими и усвоиваетъ ихъ себѣ. Въ восьмомъ классѣ прежде всего имѣется въ виду, чтобы мальчики не забывали того, чему научились въ прежнихъ классахъ. Поступающіе въ этотъ классъ должны умѣть склонять и спрягать. Этому они обучаются скорѣе путемъ навыка, нежели научнымъ образомъ, подобно тому какъ римскіе и греческіе мальчики научались говорить прежде, нежели приступали къ грамматикѣ. Словари, которые ученики въ 9-мъ классѣ завели по рубрикамъ: цѣлое и части, дружба и вражда, причина и слѣдствіе и пр., слѣдуетъ дополнить и расширить. Отдѣльныя склоненія и спряженія обозначаются и сопровождаются примѣрами, которые ученики могутъ заимствовать изъ выученнаго уже прежде. Сверхъ того слѣдуетъ объяснять Цицероновы письма, ссылаясь притомъ постоянно на грамматику. Къ письменнымъ упражненіямъ приступаютъ лишь въ послѣдніе мѣсяцы этого учебнаго года; а до тѣхъ поръ предварительно упражняются въ изустномъ составленіи новыхъ и преобразованіи данныхъ латинскихъ фразъ. Въ седьмомъ классѣ заботятся о томъ, чтобы ученики не заб ли того, чему учились въ трехъ предшествовавшихъ классахъ. Въ немъ присовокупляется: латинскій синтаксисъ въ немногихъ правилахъ, поясняемыхъ примѣрами, повреимуществу цицероновскими. Ежедневно читаются Цицероновы письма; вообще въ этомъ классѣ слѣдуетъ читать много, дабы достичь многаго. Темы для письменныхъ сочиненій слѣдуетъ заимствовать изъ затверженнаго учениками какъ въ этомъ, такъ и въ предшествовавшихъ классахъ, такъ чтобы онѣ вмѣстѣ съ тѣмъ служили повтореніемъ и освѣженіемъ памяти. При этомъ учител должень изустно и письменно (на доскѣ) подсказывать и помогать, подобно тому, какъ учитель пѣнья помогаетъ

пѣть. По воскресеньямъ нѣмецкій катехизисъ переводится на классическую латинь. Шестой классъ не долженъ забывать, что сохранить заученное такъ же трудно, какъ и пріобрѣтать новое. Большія письма Цицерона переводятся на нѣмецкое, причемъ разнымъ декуріямъ задаются разныя письма. Точно такъ же и поэтическіе отрывки: наприм. первый декуріонъ долженъ проговорить, перевести и объяснить учителю Амвросія—Veni redemptor gentium, второй Марціалову эпиграмму Vitam quae faciunt beatiorem, третій Гораціеву Rectius vives, Licini, neque altum etc., а потомъ каждый изъ нихъ пусть заставитъ продѣлать то же самое другихъ учениковъ. Сверхъ того читаются Андріа Теренція и первый томъ его стихотвореній; а на греческомъ Эзоповы басни. Въ письменныхъ упражненіяхъ слѣдуетъ добиваться болѣе изящной отдѣлки слога. По субботамъ и воскресеньямъ продолжаютъ переводить катихизисъ. Читаются нѣкоторыя письма Іеронима. Приступаютъ къ греческому. Начиная съ пятаго класса ученики знакомятся съ менѣе извѣстными словами и съ ихъ предметами. Въ послѣдніе мѣсяцы занимаются метрикою въ связи съ практическими упражненіями. Сверхъ того миѳологіею. Читаются Лелій Цицерона и Катонъ, также эклоги Виргилія. Въ греческомъ ученики затверживаютъ названія добродѣтелей и пороковъ, людскихъ нравовъ и пр. и тщательно заносятъ все это въ свой реальный словарь. Читается погречески вторая часть „изученія греческаго языка.“ Слѣдуетъ дальнѣйшая разработка слога; читается также какое нибудь ораторское произведеніе при обратномъ переводѣ на латинское. По субботамъ и воскресеньямъ объясняются болѣе короткія посланія Павла. Въ четвертомъ классѣ надо заботиться о томъ, чтобы ученики по возможности болѣе слушали, объясняли, заучивали и говорили наизусть, но ничего такого, что превышало бы ихъ силы. Читаются: шестая рѣчь противъ Берреса, избранныя посланія и бесѣды Горація; а въ греческомъ при грамматикѣ книга примѣровъ. Повтореніе пройденнаго въ прежнемъ классѣ. По субботамъ и воскресеньямъ простое объясненіе посланій Павла при помощи парафразъ самими учениками. Въ третьемъ классѣ твердо усвоивается и расширяется все прежде заученное. Украшенія риторовъ, тропы, фигуры, схемы и пр. разбираются и поясняются примѣрами. Преподается Цицеронова реторика для Геренніа (rhetorica ad Herennium), причемъ читается рѣчь за Клуэнція. Въ греческомъ лучшія рѣчи Демосѳена, потомъ первая книга Иліады или Одиссеи. Письменныя упражненія. Мальчики переводятъ отрывки греческихъ рѣчей на латинское, или съ латинскаго на греческое. Перелагаются другимъ размѣромъ оды Пиндара и Горація, сочиняется много стиховъ, пишется много писемъ и пр., представляются комедіи Плавта и Теренція,

причемъ соперничаютъ съ высшими классами. Во второмъ классѣ ученики сами должны объяснять слово въ слово латинскихъ и греческихъ ораторовъ и поэтовъ, такъ чтобы учитель обращалъ лишь вниманіе на условія ораторскихъ и поэтическихъ оборотовъ языка и заставлялъ отличныя мѣста вносить въ тщательно-ведомые дневники. То же самое дѣлается и съ латинскими авторами; послѣднихъ сравниваютъ также съ греческими. Ученикамъ дается въ руки діалектика, какъ орудіе мудрости, и притомъ сперва критическая часть ея, а потомъ уже тропическая; сверхъ того еще реторика, которая должна постоянно идти бокъ съ учениками, причемъ въ основаніе можно положить наставленіе Гереннію (institutio Herenniana). Олинѳійскія рѣчи и филиппики Демосѳена и Цицероновскія рѣчи (за Росція Америна), избираемыя самими учениками, читаются со ссылками на реторику. Ежедневно письменныя упражненія, причемъ ученики могутъ писать также короткія декламаціи и потомъ продекламировать ихъ, или вытвердивъ наизустъ, или съ концепта. Въ воскресенье слѣдуетъ всѣмъ читать, выучить и проговорить наизустъ посланіе къ Римлянамъ. Комедіи Теренція и Плавта представляются здѣсь лучше, нежели въ предшествовавшемъ классѣ; впослѣдствіи могутъ быть представлены также піэсы Аристофана, Эврипида и Софокла, лишь бы учитель предварительно объяснилъ ихъ. Въ первомъ классѣ діалектика и реторика проходятся далѣе. Примѣненіе діалектическихъ и реторическихъ правилъ слѣдуетъ показать у Демосѳена и Цицерона. При томъ продолжаютъ читать Виргилія и Гомера. Ѳукидидъ и Саллюстій самими учениками переводятся письменно. Ни одной недѣли не проходитъ безъ драматическихъ представленій. Письменныя упражненія и декламаціи, какъ прозаическія, такъ и поэтическія должны быть художественныя. Учениками объясняются посланія Павла, а лучшія мѣста изъ нихъ развиваются далѣе по образцу риторовъ.

Въ этой организаціи школы Штурма есть порядокъ и связь. Пройдя въ десять лѣтъ всѣ десять классовъ, ученики были и должны быть въ состояніи хорошо выражаться полатини, хорошо писать погречески и достичь нѣкотораго искусства въ краснорѣчіи. Для той же цѣли должны были служить также и дневники, пріучавшіе ихъ ко вниманію въ школѣ, къ распредѣленію домашнихъ занятій, къ порядку и къ письменному изложенію мыслей, тогда какъ для учителей они служили вѣрнымъ мѣриломъ при сужденіи объ успѣхахъ учениковъ. Для того же служили ему еще методическія книги, въ которыхъ всѣ преподаваемыя свѣдѣнія, особенно по части латинскаго и греческаго языковъ, приводились по номенклатурному методу. Этотъ номенклатурный методъ обусловливался окружающею мальчика обстановкою и его наблю-

деніями, сообщалъ ему богатый запасъ латинскихъ словъ и научалъ непосредственному примѣненію ихъ въ бесѣдѣ: при этомъ имѣлось въ виду заодно съ языкомъ сообщать также знаніе предметовъ. Наконецъ Штурмъ домогался своей цѣли еще тѣмъ, что всѣми мѣрами вносилъ единство въ стремленія своихъ учителей, объясняя что всѣмъ имъ предстоитъ одна общая задача, что учителя высшихъ классовъ ничего не могутъ сдѣлать, если въ низшихъ не будетъ заложено прочное основаніе, и что въ свою очередь послѣдніе втуне будутъ добросовѣстно трудиться, если первые не будутъ также добросовѣстно продолжать постройку на заложенномъ основаніи. „Всѣ должны учить по одному и тому же методу и имѣть въ виду одну и ту же цѣль, для того чтобы дѣло рукъ ихъ преуспѣвало.“

Однако методъ и школьная организація Штурма были все-таки односторонни. Его преподаваніе представляло односторонній формализмъ, основывалось преимущественно на развитіи памяти и въ сущности лишь на развитіи памяти на слова. На пріобрѣтенномъ запасѣ словъ развивалась потомъ способность умозаключенія, а такъ какъ не доставало знанія предметовъ, то она естественно и должна была расплыться въ безпредметность. Въ школѣ Штурма не учили ни исторіи, ни географіи, ни естественнымъ наукамъ, ни физикѣ, она лишена была даже элементарнаго преподаванія нѣмецкому языку, ариѳметику преподавали только уже во второмъ классѣ, а въ первомъ всего лишь нѣсколько теоремъ изъ первой книги Эвклида и начала астрономіи. Цицероновская латинь! вотъ девизъ его гимназіи:—вотъ то пагубное для гармоническаго развитія молодого ума завѣтное слово многихъ гимназій послѣ Штурма. Онъ относитъ къ недостаткамъ то, что мальчики съ самаго малолѣтства не слышатъ латинскихъ рѣчей и почитаетъ счастливыми дѣтей древнихъ Римлянъ. Учителямъ и ученикамъ запрещалось говорить понѣмецки, и всякая игра разрѣшалась лишь съ условіемъ не употреблять при этомъ нѣмецкаго языка. Классики въ его школѣ считались только средствомъ для достиженія цѣли и слѣдствіемъ такого превратнаго воззрѣнія было то, что комедіи Теренція и даже Аристофана цѣнились выше, нежели сочиненія Горація, Тацита и Ливія. Комедіи допускались даже къ представленію, причемъ относительно нескромныхъ мѣстъ утѣшались мыслью, что нѣтъ лучшаго средства для усвоенія ученикамъ правильной латинской рѣчи. Штурмъ дотого преувеличивалъ значеніе своего преподаванія, что доходилъ даже до такого рода заявленій: „Относительно сочиненія, толкованія, декламаціи и разговора я полагаю, что мы не только идемъ по слѣдамъ нашихъ учителей, но сравниваемся даже съ лучшею эпохою Аѳинъ и Рима“. Это крайнее увлеченіе классическими языками и ложное понятіе, будто

ихъ слѣдуетъ разсматривать и изучать какъ новый, живой языкъ въ преподаваніи, перенесено Штурмомъ на новое и даже на наше время, и оно къ несчастію до сихъ поръ еще не совсѣмъ исчезло, вопреки даже геніальности Бёка.

Штурмъ въ самую тѣсную связь съ своимъ школьнымъ учрежденіемъ привелъ основанную въ 1567-мъ г. Страсбургскую академію, организацію которой магистратъ въ 1569-мъ г. поручилъ ему. Въ ней теологамъ предписаны были толкованіе Ветхаго и Новаго Завѣтовъ, догматика, полемика и исторія церкви; къ этому присоединялись диспуты, декламаціи и наставленія въ произнесеніи проповѣдей. Правовѣдъ преподавалъ постановленія и пандекты, но обязанъ былъ сообразоваться также съ принятыми или отмѣненными въ новѣйшее время обычаями и правами и имѣть въ виду отношенія права къ религіи и государству. Диспуты и декламаціи юристовъ должны были вполнѣ примѣняться къ практикѣ, причемъ избирались такіе предметы, которые отвѣчали бы новѣйшей эпохѣ и новѣйшимъ судамъ. Медики должны были изучать Галена, физическія сочиненія Аристотеля, ботанику, антропологію и фармацію. Въ философіи пользовались Аристотелемъ; Штурмъ особенно настаивалъ тутъ на индукціи и хотѣлъ, чтобы она болѣе очищала и просвѣтляла юношескій умъ, а не состояла изъ глубокихъ умствованій и изъ ряда отвлеченныхъ понятій и умозрѣній. Математикъ объяснялъ сферу Прокла, феномены Арата, Эвклида, Аристотелово твореніе о мірѣ, начальныя основанія географіи и ариѳметику. Для древней исторіи здѣсь впервые открыта была каѳедра: профессоръ исторіи обязанъ былъ также задавать своимъ слушателямъ темы для собственной разработки и декламаціи и брать примѣры и доводы изъ исторіи.

Штурмъ хотѣлъ въ академіи, за одно пятилѣтіе отъ 16-ти и до 21-го лѣтняго возраста, вполнѣ приготовить юношу къ будущему званію и впродолженіе этого срока по возможности сблизить его съ учителями. Но академія не могла достичь того, чего ей должно бы и хотѣлось достичь. Въ ней былъ одинъ только полный философскій факультетъ, тогда какъ остальные факультеты часто замѣщались однимъ лишь профессоромъ. Она достигла предполагаемой цѣли только въ 1621-мъ г., когда сдѣлалась университетомъ.

Въ своей школѣ Штурмъ соблюдалъ дисциплину, связанную съ любовью. Эта дисциплина поддерживалась также и въ устроенныхъ по его образцовой школѣ или въ открытыхъ по его совѣту заведеніяхъ. Въ Горнбахской школѣ, первымъ ректоромъ которой былъ, родившійся въ 1510-мъ году въ Феррарѣ отъ еврейскихъ родителей, Эмануилъ Тремеллій, перешедшій впослѣдствіи къ христіанству, извѣстный по своему главному творенію „Interpreta-

tio Syriaca Novi Testamenti hebraeis typis descripta plerisque etiam locis emendata, eadem latino sermone reddita", знакомый съ Елисаветою Англійскою и бывшій впослѣдствіи профессоромъ въ Гейдельбергѣ. Ученики внѣ урочныхъ часовъ состояли здѣсь подъ надзоромъ холостого учителя, „педагога", которому вмѣнялось въ обязанность, „днемъ и ночью надзирать за учениками", пріучать и побуждать ихъ къ соблюденію школьныхъ законовъ, „тщательно наблюдать ихъ способности", „заявлять о воспитанникахъ, по усмотрѣнію его неспособныхъ къ ученію", однихъ ободрять, другихъ наказывать за злобу и лѣнь, „но не прибѣгать въ сердцахъ къ крику, дранью за волосы и за уши, или вообще къ кулакамъ и палкѣ", обращаться напротивъ породительски, „не слишкомъ строго, ни слишкомъ мягко". Утромъ въ 5 часовъ по данному знаку каждый изъ учениковъ долженъ былъ не медля вставать, убрать свою постель и выместь начисто комнату. Потомъ слѣдовало всѣмъ собраться и въ присутствіи педагога прочесть утреннія молитвы. Послѣ молитвы завтракали, а затѣмъ приступали къ урокамъ. Послѣдніе въ каждомъ классѣ начинались и заканчивались молитвою. Въ дни, когда отправлялись еженедѣльныя богослуженія, точно также по воскресеньямъ и праздникамъ, школьники вмѣстѣ съ учителями отправлялись въ стройномъ порядкѣ, по двое въ рядъ, въ церковь, причемъ педагогъ долженъ былъ наблюдать за тѣмъ, чтобы каждый былъ снабженъ псалтыремъ, библіей или Нов. Завѣтомъ. Около полудня всѣ собирались въ столовую на общую трапезу. „Для того чтобы и за столомъ также водворить и соблюсти страхъ Божій, скромность и благопристойность и чтобы все совершалось прилично и добропорядочно", педагогъ обязанъ былъ постоянно присутствовать, а сверхъ того каждый день „приглашать къ себѣ еще одного изъ остальныхъ профессоровъ, съ тѣмъ чтобы пользоваться его совѣтомъ и помощью относительно дисциплины". Такъ какъ благочестивыя, ученыя бесѣды—наилучшая пища, то профессоръ, которому выпадала очередь присутствовать за обѣдомъ, „долженъ былъ не безмолвствовать за ѣдою, а напротивъ, всякій разъ говорить что нибудь, могущее служить для развитія юношества". При этомъ, какъ и вообще, бесѣда должна быть ведена исключительно на латинскомъ языкѣ. Послѣ обѣда шли опять уроки. Во всѣхъ урокахъ принято за правило, чтобы школьники, войдя въ классъ, тотчасъ же отправлялись къ своимъ мѣстамъ. Покидавшій свое мѣсто, съ тѣмъ чтобы бѣгать по классу, отмѣчался смотрителемъ (такого назначали въ каждомъ классѣ, чтобы въ отсутствіи учителя блюсти порядокъ) и наказывался учителемъ. Кто во время преподаванія былъ невнимателенъ, болталъ или читалъ, писалъ или рисовалъ не то что преподавалось, кто не принесъ съ собою своихъ

необходимыхъ книгъ, перьевъ, чернила и бумаги; точно такъ же какъ и тотъ, кто не выучилъ или не повторилъ заданныхъ ему уроковъ, подвергался наказанію; онъ „наказывался или самымъ легкимъ образомъ—выговоромъ, или самымъ строгимъ—розгами“. Въ свободное послѣобѣденное время или въ лѣтніе дни, также по окончаніи уроковъ, школьниковъ „водили въ поле поразвлечься“. При этомъ предписывалось: „Никто не смѣетъ отдѣляться въ сторону отъ толпы или скрываться въ подозрительныхъ мѣстахъ, закоулкахъ и болотахъ, наполнять желудокъ молокомъ, виномъ или инымъ лакомствомъ, чтобы не разстроить здоровья и не расточать при этомъ безполезно денегъ, и чтобы вслѣдствіе такихъ привычекъ не заразиться другими постыдными дѣлами и зловредными пороками“. Съ наступленіемъ вечера опять собирались въ столовой, съ тѣмъ чтобы въ присутствіи педагога поужинать. День заканчивался вечерними молитвами, и по совершеніи ихъ каждый долженъ былъ, зимою въ 8, а лѣтомъ въ $8^1/_2$ часовъ, отправиться на покой. Ворота коллегіи тутъ же запирались, и педагогъ, который жилъ въ спальномъ отдѣленіи, совершалъ обходъ, чтобы посмотрѣть, не горитъ ли въ чьей либо спальнѣ свѣча, „и не занимаются ли тамъ ненужною, безпутною болтовней или не совершаются ли иныя непристойныя дѣла“.

Методъ Штурма былъ знаменателенъ для своей эпохи. Передовыя страны, въ родѣ Вюртемберга и Саксоніи, приняли его въ свои школьные уставы. А передовые педагоги старались соотвѣтственными книгами для чтенія распространить его въ школахъ. Такъ между прочимъ Нигидій въ Касселѣ въ своемъ „Isagogicus rerum grammaticarum libellus“ 1548-го г., гдѣ, въ видѣ введенія, предшествуютъ въ началѣ десять заповѣдей, апостольскій символъ вѣры, Отче нашъ и другія молитвы на латинскомъ языкѣ, и гдѣ помѣщены также календарь, отрывки для чтенія въ разныхъ классахъ, школьные законы и пѣсни многоголоснаго пѣнія для изученія метра. Его Selectum latinae grammaticae compendium 1556-го г. распредѣленъ по степенямъ и построенъ методически. Эти книги были вытѣснены лишь, когда появились Іод. Юнгманна grammatica latina (1588) для высшихъ, rudimenta quatuor partium grammaticae для среднихъ и elementa etymologiae latinae для низшихъ классов

Впрочемъ Камерарій и Э. Гессъ, Мицилисъ и Неандеръ, І. Вольфъ, Тротцендорфъ и Штурмъ не единственные великіе педагоги въ ту богатую крупными индивидуальностями реформаціонную эпоху. При нихъ дѣйствовали хотя и не съ равною, но съ подобною силою и съ такимъ же успѣхомъ Георгъ Спалатинъ въ Альтенбургѣ, Кпріакъ Лин-

деманнъ въ Готѣ, Георгъ Фабрицій въ Мейссенѣ, Лавр. Родоманнъ, въ Стральзундѣ, Андрей Боэцій въ Эйзенахѣ, Іоаннъ Каселій и Георгъ Каликстъ въ Гельмштедтѣ, К. Гельвигъ въ Гисенѣ, Петръ Нигидій, Руд. Гокленій и Іодокъ Юнгманнъ въ Касселѣ—все люди, выраставшіе изъ своей эпохи какъ ея цвѣтъ и бывшіе поэтому въ состояніи вліять на современность. Гдѣ появлялись они, тамъ заодно съ ними поднималась также и учебная система. Впрочемъ расцвѣтъ школъ вообще не шелъ въ уровень съ отличными исполненіями такихъ единичныхъ училищъ, оттого что превосходство и глубина единичнаго заведенія зависѣли отъ завѣдовавшей ими личности. Съ другой стороны, дѣятельное участіе и вліяніе нѣмецкихъ князей на школы споспѣшествовали, правда, благосостоянію и размноженію послѣднихъ, но все-таки способствовали также къ утвержденію сословной розни и къ поощренію частныхъ дворскихъ цѣлей. А наконецъ возникшія между протестантами несогласія, дошедшія до крайней запальчивости и охватившія въ пылу своемъ всѣ сословія, болѣе всего тормозили успѣшное развитіе школъ. Въ одномъ мѣстѣ приверженцы Георга Маіора публично защищали противъ амсдорфіанъ необходимость благочестивыхъ дѣлъ для спасенія; въ другомъ флаціане всѣми силами отстаивали противъ стригеліанъ первородный грѣхъ, какъ сущность человѣка. Ученые переносили даже эти распри на каѳедру, и заводили пренія и борьбу по поводу субстанцій и акциденцій, часто даже не вѣдая, что все это значитъ. Иная школа лишалась хорошаго учителя, оттого что онъ былъ филиппистъ или стригеліанецъ, оттого что онъ не подписалъ формулу конкордій и пр. Для того чтобы понять всѣ эти распри и выступить въ нихъ дѣятелемъ, необходимо было бы, бросивъ всѣ остальныя науки, изучать только діалектику, метафизику и схоластическую теологію. Аристотелевская философія опять овладѣла умами. Правда, многіе знатные нѣмецкіе ученые и педагоги, какъ-то Давидъ Хитрэусъ, Мартинъ Хемнитцъ, Іоаннъ Штурмъ, Ѳома Фрейгій во Фрейбургѣ и Альтдорфѣ, Францъ Фабрицій и пр. исполнены были воззрѣній Петра Рамуса, хотѣвшаго усвоить какъ всякую науку, такъ и всякое искусство путемъ природы, ученія и бесѣдъ, и чуть не полстолѣтіе шли пренія о превосходствѣ рамусовой или аристотелевой философіи; но строгими указами и отрѣшеніями отъ должности рамусовскихъ учителей въ Саксоніи, Пфальцѣ и Вюртембергѣ пытались возстановить упавшее значеніе Аристотеля, тогда какъ въ Брауншвейгѣ, Гильдесгеймѣ, Ганноверѣ, во всѣхъ Нидерландахъ и въ Вестфаліи и пр. діалектика и реторика до 1625-го г. все еще изучалась по Рамусу, пока наконецъ Іоаннъ Каселій въ Гельмштеттѣ своею защитою Аристотеля, а равно и черезъ своихъ

учениковъ не уничтожилъ авторитетъ Рамуса также и въ этихъ краяхъ. Итакъ, Аристотель, или скорѣе схоластическій формализмъ, опять завладѣлъ школами, чтобы добить все хорошее, чего не успѣли разстроить даже самыя распри. Опять появились учителя, диктовавшіе въ высшихъ классахъ одни только философскія опредѣленія, между тѣмъ какъ у другихъ ученики низшихъ классовъ напр. при словѣ Cor (сердце) должны были записывать все, что учитель зналъ о движеніи, положеніи, видѣ и т. д. сердца. Вообще имѣли дѣло только съ словами, а не съ предметами. Учились и учили лишь для школы, но не для жизни. Логика и реторика считались главнымъ дѣломъ; греческое пренебрегалось; съ трудомъ лишь читали еще Новый Завѣтъ. Диспуты и декламаціи, удовлетворяя юношескому честолюбію, составляли средоточіе въ школахъ, тогда какъ остальной міръ принималъ самое живое участіе въ церковныхъ совѣщаніяхъ и вносилъ ихъ даже въ школы. Изъ благочестивой ревности считалось за грѣхъ читать древнихъ языческихъ писателей. Къ тому же и суевѣріе проникало въ школы: лучшіе умы, отличные математики увлечены были склонностью къ чудесному, астрологіею, некромантіею и алхиміею. Тотъ не признавался годнымъ ученымъ, кто не былъ звѣздочетомъ, астрологомъ и алхимикомъ, и во многихъ мѣстахъ считалось необходимымъ быть астрономомъ т. е. астрологомъ для того, чтобы сдѣлаться ректоромъ. На поприщѣ богословія великихъ реформаторовъ замѣнили ярые спорщики-богословы и честолюбивые придворные теологи; въ педагогикѣ мелкіе умишки пробавлялись великими пріобрѣтеніями гуманистовъ и реформаторовъ; но въ теологическомъ и философскомъ рвеніи своемъ они не были способны ни постичь тѣ пріобрѣтенія, ни сдѣлать ихъ поэтому истинно плодотворными.

Для характеристики гимназій въ началѣ семнадцатаго столѣтія присоединимъ еще распредѣленіе уроковъ Саарбрюккенской гимназіи 1614-го года.

Lectiones et exercitia a superioribus et primanis 1614 per semestre æstivum tractatæ.

Die Lunæ:

hora 6. M. Ulnerus. Lectio Virgilii, coniunctim.
7. Dn. R. Schroeder. Logica Dieterici, coniunctim.
12. M. Saxo tertius. Arithmetica coniunctim cum secundanis et tertianis.
1. M. Ulnerus. Pontanus cum primanis. Superiores hanc habuere vacuam.
3. Dn. Rector. Orationem Cic. pro Ligario, coniunctim.

Die Martis:

Easdem hab. lectiones, praeterquam quod hora 12. loco arithm. sphaericam et geometricam habuerint una cum secundanis, docente M. Saxone.

Die Mercurii:

hora 6. Dn. R. et. M. Ulner, alternis vicibus Dieterici instit. catech. coniunctim cum secundanis etiam.
7. Dn. R. Exercitium domi latine virtendum, coniunctim.

Die Jovis:

hora 6. Rector. Dieterici rhetoricam, coniunctim.
7. Ulner. Golii gramm. graecam, coniunctim.
12. Mosch. Musicam coniunctim etiam cum secundanis, tertianis et quartanis.
1. Ulner. Orat. Isocratis ad Nicoclem.
3. Rector. Ethicam Golii, separatim.

Die Veneris:

hora 6. Rector. modo Logicam, modo orat. Dieterici, coniunctim.
7. Ulner. Grammaticam lat. cum Primanis. Superiores hanc hor. habent vacuam.
12. Mosch. ut die Jovis.
1. Ulner. Syntaxin Posselii coniunctim.
3. Rector. Magiri physicam separatim.

Die Saturni:

hora 6. Rector et Ulner alternatim. Institutiones catech., coniunctim c. secundanis.
7. Ulner. Evangelia Posselii, coniunctim.

His subiiciantur exercitia Dn. Rectoris 1 dectamandi 4. 2 disputandi 2 M. Ulneri 3 latina graeca versa. 4 poetica.

Syntagma lectionum Secundanorum 1614 per æstatem tractatarum.

Lunæ.

hora 6. M. Saxo tertius. poeticam Gissens. lat. Ovidii trist. conjunctim cum tertianis.
7. M. Ulner, Conr. Dieterici logicam.
9. M. Ulner. Exercitia scripserunt privata coniunctim c. primanis et tertianis.
12. M. Saxo. Buscheri arithmeticam, coniunctim cum superioribus. primanis et tertianis.
1. N. Ulner. Colloquia Pontani selectoria, iunctis primanis.
3. M. Ulner. Terentium iunctis tertianis.

Martis:

easdem habuerunt, praeterquam quod loco arithmeticae sphaericam habuerint.

Mercurii:

hora 6. Dn. Rector et M. Ulner alternatim Dieterici instit. cat. iunctis etiam superioribus et primanis.
7. Exercitium domesticum germ. latine vertendum, separatim;
superiores et primani apud Rectorem scribunt aliquid.

Jovis:

hora 6. Dn. R. et M. Ulner alternis vicibus. Talaei rhetoricam. In Rectoris hora adsunt superiores et primani.
7. M. Ulner. Golii gr. graec. iunctis superioribus et primanis.
12. M. Mosch. Musicam iunctis superioribus, tertianis et quartanis.
1. M. Ulner. Isocratem, coniunctim cum superioribus et primanis.
3. M. Ulner. Cic. epist. iunctis primanis etiam exercitia extemporanea.

Veneris:

hora 6. Dn. R. et M. Ulner alternis vicibus. Talaei rhetoricam.
7. M. Ulner. Gramma. Gissensis iunctis primanis.
12. ut die Jovis.
1. M. Ulner. Syntaxis Posselii iunctis superioribus et primanis.
3. M. Ulner. ut die Jovis.

Saturni:

hora 6. ut die Mercurii.
7. M. Ulner. Posselli evangelia coniunctim.
His addantur exercitia Dn. M. Ulneri 1. latina graece versa: D. M. Sax. 2. poetica.

M. Ulner hora 6—7 horam privatam habet primanis, secundanis et tertianis 4. diebus *).

***) Уроки и упражненія высшихъ и низшихъ классовъ въ лѣтній семестръ 1614-го г.**

Понедѣльникъ:

Часъ 6. Маг. Ульнеръ. Чтеніе Виргилія, (разные классы) вмѣстѣ.
7. Г. Ректоръ Шредеръ. Логика Дитерици, вмѣстѣ.
12. М. Заксъ третій. Ариѳметика, вмѣстѣ со вторымъ и третьимъ классомъ.
1. М. Ульнеръ Понтанъ съ первымъ классомъ. Высшій на этотъ часъ свободенъ.
3. Господ. ректоръ. Рѣчь Цицерона за Лигарія, вмѣстѣ.

Лучше нежели въ Германіи устроились дѣла въ *Нидерландахъ*. Тутъ наука о древностяхъ развивалась изъ собственнаго живого зародыша. *Вулканій*, издатель разныхъ греческихъ писателей, обучавшійся въ Гентѣ и Лувенѣ, въ теченіе 32 лѣтъ преподавалъ въ Лейденѣ греческую литературу. Въ Гентѣ и Лувенѣ образовался также *Рафелангъ* изъ Лилля (ум. 1557.), сочинитель халдейскаго и персид-

---

Вторникъ:

Тѣ же уроки, за исключеніемъ 12-го часа, когда ариѳметика замѣняется сферикой и геометріей, вмѣстѣ со вторымъ классомъ, преподаетъ М. Заксъ.

Середа:

Часъ 6. Г. ректъ. и М. Ульнеръ, попеременно, Катехизическія наставленія Дитерици, вмѣстѣ со вторымъ классомъ.
7. Г. ректъ. Упражненіе въ латинскомъ переводѣ, вмѣстѣ.

Четвергъ:

Часъ 6. Ректоръ. Реторика Дитерици, вмѣстѣ.
7. Ульнеръ. Греческая грамм. Голія, вмѣстѣ.
12. Мошъ. Музыка вмѣстѣ со вторымъ, третьимъ и четвертымъ классами.
1. Ульнеръ. Рѣчь Исократа къ Никоклесу.
3. Ректоръ. Этика Голія, отдѣльно.

Пятница:

Часъ 6. Ректоръ. Частью логика, частью краснор. Дитерици, вмѣстѣ.
7. Ульнеръ. Лат. грамматика въ низшемъ классѣ. Высшіе въ этотъ часъ свободны.
12. Мошъ. Какъ въ четвергъ.
1. Ульнеръ. Синтаксисъ Посселія, вмѣстѣ.
3. Ректоръ. Физика Магира отдѣльно.

Суббота:

Часъ 6. Ректоръ и Ульнеръ попеременно. Катехиз., наставленія вмѣстѣ со вторымъ классомъ.
7. Ульнеръ. Евангеліе Посселія, вмѣстѣ.

Къ этому присоединяются упражненія Г. ректора 1) въ декламаціи 4 2) въ диспутахъ 2, М. Ульнера 3) латинскія и греческія стихи. 4) поэтика.

Распредѣленіе уроковъ втораго класса въ лѣтній семестръ 1614-го г.

Понедѣльникъ:

Часъ 6. М. Заксъ третій. Лат. поэтика Гиссенск. Элегіи Овидія, вмѣстѣ съ третьимъ классомъ.
7. М. Ульнеръ, конр. Логика Дитерици.
9. М. Ульнеръ. Упражненія въ частной перепискѣ, вмѣстѣ съ первымъ и третьимъ классомъ.
12. М. Заксъ. Ариѳметика Бушера, вмѣстѣ съ высшимъ, первымъ и третьимъ классами.
1. М. Ульнеръ. Избранные разговоры Понтана, вмѣстѣ съ первымъ классомъ.
3. М. Ульнеръ. Теренцій, вмѣстѣ съ третьимъ классомъ.

скаго словаря. — Особенно нидерландскіе университеты какъ сѣдалища филологіи соперничали съ нѣмецкими. Въ Бельгіи, правда, наука, а слѣдовательно также и филологія не могли преуспѣвать съ тѣхъ поръ, какъ іезуиты заняли Антверпенъ и избрали мѣстомъ своихъ занятій Лувенъ. Послѣднему принадлежитъ одинъ только *Юстъ Липсій*,—родившись въ 1547-мъ г. близъ Брюсселя, онъ дѣйствовалъ особенно въ Лувенѣ, гдѣ написалъ свои лучшія сочиненія, отличавшіяся, точно такъ же какъ и его толкованіе Тацита, ученостью и умомъ;—католикъ родомъ, онъ сдѣлался реформатомъ, а потомъ опять перешелъ въ католическую церковь. — Не то въ Голландіи: она стала очагомъ филологіи. Сюда своею дѣятельностью принадлежатъ *Юлій Скалигеръ*, род. въ 1540-мъ, ум. въ 1609-мъ г. Онъ былъ профессоромъ изящныхъ наукъ въ Лейденѣ. Отецъ заставлялъ отрока каждый день говорить латинскую рѣчь о какомъ нибудь предметѣ; такимъ образомъ онъ основательно ознако-

---

Вторникъ:

То же самое, за исключеніемъ ариѳметики, которая замѣняется сферикой

Середа:

Часъ 6. Г. Ректоръ и М. Ульнеръ катех. наставл., Дитерици, вмѣстѣ съ высшимъ и первымъ классами.
7. Домашнее упражненіе въ переводѣ съ нѣмецкаго на латинское, отдѣльно; высшій и первый классъ пишутъ что-нибудь при ректорѣ.

Четвергъ:

Часъ 6. Г. Р. и М. Ульнеръ попеременно. Реторика Талея. Въ часъ ректора присутствуютъ высшій и первый классы.
7. М. Ульнеръ. Греч. грамм. Голія, вмѣстѣ съ высшимъ и первымъ классами.
12. М. Мошъ. Музыка, вмѣстѣ съ высшимъ, третьимъ и четвертымъ классами.
1. М. Ульнеръ. Исократъ, вмѣстѣ съ высшимъ и первымъ классами.
3. М. Ульнеръ. Письма Цицерона, вмѣстѣ съ первымъ классомъ, также упражненія безъ подготовки.

Пятница:

Часъ 6. Г. Р. и М. Ульнеръ попеременно. Реторика Талея.
7. М. Ульнеръ. Грамм. Гиссенская вмѣстѣ съ первымъ классомъ.
12. Какъ въ четвергъ.
1. М. Ульнеръ. Синтаксисъ Посселія, вмѣстѣ съ высшимъ и первымъ классами.
3. М. Ульнеръ, какъ въ четвергъ.

Суббота:

Часъ 6. Какъ въ среду.
7. М. Ульнеръ. Евангелія Посселія вмѣстѣ.
Сюда присовокупляется упражненіе Г. М. Ульнера 1) переводъ съ латинскаго на греческое; Г. М. Закса. 2) Поэтика. М. Ульнеръ отъ 5 до 7 даетъ частные уроки первому, второму и третьему классу 4 дня.

мился съ латинскимъ языкомъ. Девятнадцати лѣтъ отъ роду онъ два года просидѣлъ почти непрерывно запершись въ своей комнатѣ и перечиталъ всѣхъ греческихъ поэтовъ и прозаиковъ. Профессоромъ, онъ по цѣлымъ днямъ не ѣвши проводилъ въ своемъ кабинетѣ. Онъ издалъ разныхъ классиковъ, передавалъ Грековъ на латинскій, а латинскихъ авторовъ на греческій языкъ, и въ своей книгѣ „De emendatione temporum" впервые создалъ полную, по извѣстнымъ правиламъ расположенную систему хронологіи.—Голландіи принадлежитъ также Гамбургецъ *I. Ф. Гроновъ* (1611—1671), какъ первый филологъ своего времени: мужъ обширныхъ познаній и неутомимаго трудолюбія, издатель Ливія, Стація, Юстина, Тацита, Геллія, Федра, Сенеки, Саллюстія, Плинія и „Наблюденій" („Observationes"). Въ 1643-мъ г. онъ былъ профессоромъ исторіи и краснорѣчія въ Девентерѣ, а съ 1658-го въ Лейденѣ на мѣстѣ Даніила Гейнзіуса.—Этотъ *Даніилъ Гейнзіусъ*, род. въ Гентѣ въ 1580 г., въ классической литературѣ былъ ученикомъ Юлія Скалигера, 25 лѣтъ отъ роду профессоромъ политики и исторіи въ Лейденѣ, потомъ хранителемъ университетской библіотеки, королевскимъ совѣтникомъ и государственнымъ исторіографомъ, издателемъ Горація, Теренція, Гезіода, Овидія, трагика Сенеки и Виргилія, отличнымъ сочинителемъ греческихъ и латинскихъ стиховъ и говорилъ рѣчи классическимъ и сильнымъ языкомъ. Его превосходитъ лишь *Гугонъ Гроцій*, род. въ Дельфтѣ въ 1583-мъ году, ум. въ Ростокѣ въ 1645 г.; при жизни онъ былъ преслѣдуемъ какъ поборникъ ремонстрантовъ, но зато уважаемъ датскимъ, польскимъ и испанскимъ королями и пользовался обширною славою искуснаго политика, основательнаго теолога и отличнаго эксегета, остроумнаго философа и юриста, лѣтописца, коротко знакомаго съ источниками исторіи и превосходнаго гуманиста, проницательно и вѣрно постигшаго духъ Грековъ и Римлянъ, сжато и отлично объяснявшаго текстъ, и легко и удачно исправлявшаго его чтеніе. Онъ одинъ изъ лучшихъ новѣйшихъ латинскихъ поэтовъ, и его метрическіе переводы Грековъ свидѣтельствуютъ о великомъ поэтическомъ дарованіи.

Въ Нидерландахъ помимо науки о древностяхъ поддерживалось также изученіе новѣйшихъ языковъ. Въ знатнѣйшихъ бельгійскихъ городахъ мальчики и дѣвочки обучались французскому языку, а въ Антверпенѣ, гдѣ въ учёбныхъ заведеніяхъ старались приспособить людей къ удовлетворенію требованіямъ практической жизни и пользоваться условіями современности, находилось много учителей итальянскаго и испанскаго языковъ. Когда расширились знанія, а вмѣстѣ съ тѣмъ начали все болѣе требовать отъ единичныхъ лицъ, то Нидерландцы первые стали по-

мышлять объ облегченіи и о способахъ изощрять память. *Лампертъ Θома Шенкелій*, рожденный въ 1547-мъ г. въ Герцогенбушѣ, въ своихъ сочиненіяхъ „de arte memoriae, de veritate ejusdem et praestantia, libb. II;" и „Gazophylacium artis memoriae", изложилъ мнемонику, стараясь распространить ее въ Антверпенѣ и Мехельнѣ, также въ Бургундіи, Франціи, Германіи и Богеміи. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ далъ наставленіе, какъ въ одно и то же время диктовать о разныхъ предметахъ десяти, пятнадцати, двадцати или болѣе писцамъ, хотѣлъ также изобрѣсти методъ для изученія латинскаго языка въ шесть мѣсяцевъ или даже въ болѣе короткій срокъ.—Въ Нидерландахъ же впервые возстали противъ односторонняго развитія духа въ ущербъ тѣлу. Умершій въ 1576-мъ году врачъ *Іоаннъ Сильвій* изъ Лилля писалъ о необходимости беречь здоровье учащихся и всѣхъ, посвящающихъ слишкомъ мало времени на тѣлесныя упражненія.

Нидерландцы по классической литературѣ сдѣлались учителями Европы. Оттого въ качествѣ учителей они и пользовались обширною извѣстностью. Даже короли и князья приглашали ихъ для своихъ дѣтей изъ Нидерландовъ. „Такъ между прочимъ Христофъ Лонголій изъ Мехельна, основатель секты Цицероніанъ (1488—1522), и краснорѣчивѣйшій мужъ по сю сторону Альповъ, былъ назначенъ воспитателемъ венгерскаго принца; также и Адріанъ Дамманъ изъ Гента въ шестнадцатомъ столѣтіи былъ приглашенъ Георгомъ Букананомъ въ Шотландію, преподать молодому дворянству политическія науки. Нидерландцы даже внѣ Европы распространяли сѣмена высшей гуманности: францисканецъ Петръ Гентскій (ум. 1572.), отправившись сперва съ Ф. Кортесомъ въ Новую Испанію, основалъ потомъ въ Мексикѣ первую школу для образованія дикихъ туземцевъ."

Въ *Англіи* реформація Генриха VIII прекратила зависимость отъ чужеземнаго религіознаго авторитета, а дворъ короля вмѣстѣ съ тѣмъ принялъ такой классическій оттѣнокъ, что при немъ представлялись комедіи Плавта съ латинскими интермедіями. Онъ постановилъ также, чтобы въ университетахъ преподавали древніе языки, такъ какъ они служатъ для пониманія библіи. Вслѣдствіе этого должны были умолкнуть ревнители католицизма, считавшіе классическія школы разсадниками языческаго суевѣрія; наконецъ основаніемъ коллегіи Вольсея въ Оксфордѣ создано было блестящее убѣжище новой науки. Однако, когда впослѣдствіи при королевскомъ дворѣ божеское предопредѣленіе и первородный грѣхъ вытѣснили Гомера и Эврипида, то гуманистическія науки вообще отошли на задній планъ, по мѣрѣ того какъ съ уничтоженіемъ монастырей бóльшая часть учащихся лишилась прежняго пособія и поощренія, а многіе города и деревни утратили своихъ учителей. Преж-

де богатые прелаты воспитывали молодыхъ людей на свой счетъ, такъ напр. послѣдній изъ Гластонбёрійскихъ аббатовъ одинъ воспиталъ 300 юношей помимо тѣхъ, которыхъ онъ на свой счетъ отправилъ въ университетъ; понятно поэтому, что за уничтоженіемъ монастырей непосредственно послѣдовали упадокъ юношескаго воспитанія и обѣднѣніе университетовъ какъ относительно мірского имущества, такъ и относительно учености: самые даровитые молодые люди теперь вынуждены были изучать какое-нибудь ремесло; и это состояніе еще ухудшилось, когда алчные придворные Эдуарда VI завладѣли всѣми назначенными для поддержки наукъ денежными средствами. Студентамъ не выдавалось болѣе стипендій; академическія степени, какъ противныя христіанству, были отмѣнены, даже само человѣческое знаніе вообще было объявлено безполезнымъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ Оксфордскій университетъ лишился своихъ драгоцѣннѣйшихъ книгъ и рукописей. Однако Эдуардъ основалъ публичныя латинскія школы въ Бирмингамѣ, Бедфордѣ и пр., и, тронутый проповѣдью епископа Ридлея, онъ въ 1552-мъ г. соорудилъ въ Лондонѣ Христовъ пріютъ для бѣдныхъ сиротъ, которыхъ тотчасъ же было принято 340 человѣкъ.—Когда вмѣстѣ съ Маріей вновь воцарился католицизмъ, то пытались-было, при содѣйствіи кардинала Поля, главнаго покровителя вновь возникшихъ изящныхъ наукъ въ Англіи—опять поднять ученость. Но расхищенія учебныхъ заведеній все-таки продолжались, и лишь немногіе пользовались ученымъ воспитаніемъ. Знаніе древности и общественное преподаваніе находились на весьма низкой степени. Ремесленники производились въ священники. Въ Оксфордѣ было всего два священника, способныхъ проповѣдывать публично.

в). Народная, нѣмецкая и женская школы.

12.

Народная школа, этотъ продуктъ реформаціи, лишь исподоволь развилась въ самостоятельное учрежденіе. Обученіе юношества катехизису въ церкви, какъ первый начальный зародышъ ея, уже въ первыя десятилѣтія реформаціи сдѣлалось всеобщимъ во всѣхъ протестантскихъ земляхъ. Въ одной только Англіи въ теченіе цѣлыхъ столѣтій все еще пренебрегалось воспитаніе низшаго класса, тогда какъ въ Шотландіи съ самаго начала реформаціи стали уже печься о народномъ обученіи и по желанію шотландскаго реформатора Джона Нокса въ большой части церковныхъ приходовъ возникли народныя школы. Для нѣмецкихъ протестантскихъ земель наставленіями визитаторовъ священникамъ отъ 1527-го г. уже предписывалось, чтобы „по воскресеньямъ послѣ обѣда, когда простой людъ и молодежь приходятъ въ церковь", они подсказывали, поясняли простолюдинамъ и дѣтямъ и запечатлѣвали въ ихъ памяти три члена вѣры. Появившіеся въ то же время катехизисы сдѣлали „дѣтское обученіе" уже настолько всеобщимъ, что Меланхтонъ въ своей „Апологіи" могъ „восхвалять его какъ самобытный и всюду съ великимъ тщаніемъ возращаемый евангелическою церковью плодъ протестантизма". А затѣмъ въ верхнесаксонскомъ церковномъ уставѣ отъ 1540-го г. издано предписаніе, „чтобы по окончаніи вечерни народу самымъ простымъ образомъ излагалась глава изъ катехизиса, и чтобы изложенное такимъ образомъ въ воскресенье, переспрашивали потомъ у дѣтей по одному или по два раза въ недѣлю, смотря по тому, много или мало ихъ". Съ этими церковными упражненіями и катехизаціями рука объ руку должны были идти наставленія въ семьѣ. Отцы и матери обязаны были тщательно обучать катехизису дѣтей и прислугу. Но въ деревняхъ невѣжество и равнодушіе многихъ изъ отцовъ и матерей было дотого велико, что они не только не споспѣшествовали церковной дѣятельности, а напротивъ, даже еще мѣшали ей.

Для восполненія недостатка нѣмецкихъ школъ въ деревняхъ, гдѣ священникъ, духовному попеченію котораго часто подлежало много мѣстъ, не успѣвалъ обучать надлежащимъ образомъ всѣхъ своихъ прихожанъ, въ помощники

пастору назначались или подчиненный ему причетникъ (названный такъ оттого что при всѣхъ церковныхъ отправленіяхъ онъ обязанъ былъ помогать и прислуживать пастору), или звонарь (распоряжавшійся звономъ колоколовъ), или кистеръ (custos, хранитель, такъ какъ ему поручались для храненія священные сосуды и остальная церковная утварь), а въ южной Германіи сигристъ, и они обязаны были исполнять нѣкоторыя побочныя церковныя службы, а именно также должность катехетовъ. Въ посланіи мейссенскаго визитатора отъ 1540-го г. значится поэтому: „Причетники должны повиноваться своимъ пасторамъ, не возбуждать ссоръ между ними и людьми, тщательно обучать также дѣтей пѣнью и по возможности передавать изустно юношеству десять заповѣдей, члены вѣры, Отче нашъ и маленькій катехизисъ“. А въ Липпскомъ церковномъ уставѣ отъ 1538-го г: „Кистеры въ деревняхъ, гдѣ нѣтъ школъ, должны по воскресеньямъ къ полудню созывать дѣтей и юношей, способныхъ къ ученію, и не спѣша, но постоянно читать имъ маленькій катехизисъ Мартина Лютера, чтобы молодежь не была предана на произволъ судьбы“. Наконецъ саксонскія общія статьи отъ 1557-го говорятъ: „Сельскіе кистеры обязаны по воскресеньямъ послѣ обѣда и въ извѣстные дни недѣли тщательно и явственно обучать дѣтей катехизису и христіанскому нѣмецкому пѣнію, а потомъ опять переспрашивать и экзаменовать ихъ въ подсказанныхъ имъ прежде главахъ катехизиса“. Итакъ, кистеру приходилось вмѣсто и во имя пастора отправлять должность катехета. Катехетическія упражненія кистера (какъ говоритъ Геппе), хотя онъ и занимался преимущественно съ молодежью, въ сущности были все-таки церковною катехизаціею прихожанъ, производимою въ церкви въ связи съ обыкновеннымъ богослуженіемъ какъ кистеромъ, такъ и самимъ пасторомъ. „Для основанія настоящей школы необходимъ былъ особый толчокъ, и послѣдній, въ предѣлахъ нѣмецко-евангелической церкви, данъ былъ съ одной стороны постепеннымъ введеніемъ конфирмаціи, а съ другой—разъединеніемъ лютеранскаго и реформатскаго вѣроисповѣданій“. При конфирмаціи юный христіанинъ долженъ былъ публично заявить о своемъ исповѣданіи ясно сознанной вѣры; къ этому слѣдовательно надлежало приготовить конфирмантовъ особымъ преподаваніемъ; а послѣднее въ свою очередь только тогда могло совершиться съ надлежащимъ успѣхомъ, когда дѣти обучились предварительно чтенію и письму, катехизису и библіи, пѣнью и молитвамъ. Сверхъ того, когда вслѣдствіе Гейдельбергскаго катехизиса и формулъ конкордій реформатская и лютеранская церкви установились, то какъ лютеране, такъ и реформаты были особенно заинтересованы, чтобы утвердить въ членахъ своего прихода и привести въ ихъ созна-

ніе символъ своей вѣры. „Но вѣдь это возможно было лишь черезъ основаніе школъ, гдѣ дѣти заранѣе и правильнымъ образомъ обучались катехизису“. „Такимъ-то путемъ, съ одной стороны—вслѣдствіе необходимости обучать конфирмантовъ, а съ другой—вслѣдствіе интересовъ вѣроисповѣданій, и возникла настоящая народная школа, устройство которой выпало конечно на долю кистера, прежняго помощника пастора, въ дѣлѣ церковнаго преподаванія катехизиса“. Такъ курсаксонскій церковный уставъ отъ 1580-го г. постановляетъ: „Всѣ Custodes и сельскіе кистеры обязаны также содержать школу и ежедневно тщательно заниматься въ ней по положенному уставу, обучая дѣтей чтенію, письму и христіанскому пѣнью, употребляемому въ церквахъ: пасторъ долженъ тщательно наблюдать за этимъ и ревностно побуждать къ тому народъ;“ а при визитаціи церкви кистеру прежде всего слѣдуетъ предложить вопросъ, „устроилъ ли онъ школу по нашему уставу, обучая въ ней по меньшей мѣрѣ по четыре часа въ день, особенно же преподаетъ ли въ школѣ дѣтямъ катехизисъ и обучаетъ ли ихъ лютеровымъ духовнымъ пѣснопѣніямъ и псалмамъ“. Затѣмъ кистеръ дѣлается шульмейстеромъ; но это названіе, вошло во всеобщее употребленіе лишь съ половины семнадцатаго столѣтія. Потому что (какъ справедливо замѣчаетъ Геппе) новая должность была лишь расширеніемъ должности церковнаго служителя: возникши изъ потребности церкви, изъ обязанностей пасторскаго званія, изъ церковной и богослужебной жизни, должность шульмейстера была вовсе немыслима безъ должности пастора; послѣдняя и была настоящимъ живымъ корнемъ, изъ котораго какъ естественный и необходимый плодъ, вышелъ народный шульмейстеръ.

Впрочемъ, хотя народная школа и возникла уже, однако она далеко еще не вездѣ устроилась; она лишена была еще даже главныхъ условій обезпеченнаго существованія: не было ни приготовительныхъ заведеній для подготовки способныхъ къ преподаванію учителей (—лишь въ страсбургскомъ церковномъ уставѣ отъ 1598-го г., да и то мимоходомъ, въ 9-той главѣ 3-ей части упоминается. „О церковной семинаріи, т. е. о состоящемъ при церкви и школѣ заведеніи для образованія лицъ, которыя впослѣдствіи способны были бы отправлять церковную и учительскую должность“—), ни утвержденнаго закономъ обязательнаго обученія дѣтей. Поэтому школа могла возникнуть только тамъ, гдѣ умѣвшіе читать и писать кистеры изъявляли готовность содержать ее, и гдѣ мѣстные жители охотно посылали туда своихъ дѣтей и „повышали окладъ кистера за принятое имъ на себя исполненіе новаго труда.“ Гдѣ существовали эти условія, тамъ и были устроены школы, и притомъ большею частью не въ общественныхъ, а въ частныхъ домахъ, сплошь даже

въ жалкихъ лачугахъ, гдѣ „ученики толпились въ тѣснотѣ вмѣстѣ съ семьей и всѣмъ скотомъ шульмейстера". Въ мелкихъ, бѣдныхъ мѣстностяхъ шульмейстеру приходилось жить поочередно въ разныхъ домахъ. Въ городѣ ученіе продолжалось также лѣтомъ, въ деревнѣ же школа была открыта только зимою, оттого что, какъ шульмейстеръ, такъ и ученики лѣтомъ заняты были болѣе полезнымъ дѣломъ въ полѣ. По саксонско-кобургскому церковному уставу отъ 1626-го г. ученіе въ школѣ непремѣнно продолжается не менѣе 4 часовъ въ день. Дѣти отдавались въ школу въ разные сроки и разнаго возраста, часто уже пяти лѣтъ отъ роду и даже ранѣе; а 11-ти или 12-ти лѣтъ они обыкновенно выходили изъ школы. „Лишь со времени церковнаго раскола, когда небрежность въ изученіи катихизиса возбуждала подозрѣніе въ еретическомъ недовольствѣ законнымъ вѣроученіемъ и церковнымъ уставомъ, стали ревностно помышлять о томъ, чтобы угрозою наказанія понудить къ посѣщенію школъ;" вмѣстѣ съ тѣмъ мало по малу былъ также установленъ и срокъ школьнаго обученія.

Въ городахъ и мѣстечкахъ, гдѣ реформація застала уже *нѣмецкія школы*, послѣднія оказались самыми удобными мѣстами для преподаванія христіанскаго ученія. Этимъ школамъ надлежало лишь проникнуться протестантскимъ духомъ. Школьными уставами шестнадцатаго столѣтія онѣ были пріурочены къ протестантской церкви, какъ члены ея, такъ что хотя онѣ и оставались по прежнему дѣломъ общины и послѣдняя сохранила за собою стародавнее право нанимать учителя, но для этого надлежало еще испросить согласіе суперинтендента или консисторіи, имѣвшихъ блюсти за тѣмъ, чтобы никто не занималъ учительской должности, не имѣя на то права ни по своимъ знаніямъ, ни по своему нраву. Въ Вюртембергскомъ церковномъ уставѣ отъ 1559-го г. по этому поводу значится: „Такъ какъ разныя мѣстечки въ нашемъ государствѣ до сихъ поръ содержали у себя нѣмецкія школы, то мы и впредь разрѣшаемъ имъ то же самое и не хотимъ лишать ихъ стародавняго права. Если же въ нѣкоторыхъ изъ нѣмецкихъ школъ мѣсто учителя будетъ упраздненo, то пусть пріищутъ себѣ другого шульмейстера, но отнюдь не утверждая его сами отъ себя, а безотмѣнно представивъ это сперва назначаемымъ нами церковнымъ совѣтникамъ. Послѣдніе должны каждаго представленнаго имъ учителя проэкзаменовать и испытать, знаетъ ли онъ учебное дѣло и можетъ ли быть допущенъ на пользу и благо учениковъ или нѣтъ. И никого изъ нихъ не утверждать безъ дознанія и свидѣтельства о его рожденіи, честной жизни и хорошемъ поведеніи. Въ дѣлахъ религіи онъ долженъ быть свободенъ отъ заблужденія, раскола или суевѣрія и преданъ, напротивъ того, чистому, истинному,

христіанскому, нашему аугсбургскому вѣроисповѣданію. Онъ обязанъ знать катехизисъ и умѣть вразумительно передавать его юношеству и просто обучать этому. Онъ также долженъ обладать умѣньемъ и способностью надлежащимъ образомъ и съ пользою обучать дѣтей азбукѣ, складамъ, чтенію и счету. Притомъ у него долженъ быть порядочный почеркъ, такъ чтобы онъ съ пользою могъ сообщить его юношеству.“ „Въ наказаніяхъ онъ избѣгаетъ излишества или злости, а напротивъ кротостью да побуждаетъ дѣтей къ ученію и дисциплинѣ. Онъ со всѣмъ тщаніемъ и реніемъ обязанъ внушать юношеству катехизисъ, церковное пѣніе и молитвы, упражнять въ этомъ и поучать ихъ всему сказанному. Присоединенныя къ латинскимъ нѣмецкія школы подлежатъ надзору поставленныхъ надъ латинскими школами инспекторовъ. А гдѣ обучаютъ и учатся только нѣмецкому, тамъ пасторъ замѣняетъ инспектора и обязанъ разъ въ недѣлю или въ двѣ нечаянно приходитъ въ школу, чтобы убѣдиться, какъ шульмейстеръ справляется съ ученіемъ и дисциплиною, и вмѣстѣ съ этимъ проэкзаменовать учениковъ въ катехизисѣ, азбукѣ, складахъ, чтеніи и письмѣ, допытываясь на сколько трудится шульмейстеръ и какую пользу приноситъ онъ дѣтямъ“. Сходенъ и во многомъ слово въ слово съ этимъ согласенъ курсаксонскій училищный уставъ 1580-го года. И онъ также требуетъ, чтобы въ нѣмецкой школѣ не назначали шульмейстера „безъ надлежащаго дознанія и свидѣтельства о его рожденіи, честной жизни и хорошемъ поведеніи, чтобы въ дѣлахъ религіи онъ былъ свободенъ отъ заблужденія, раскола или суевѣрія, и преданъ, напротивъ того, чистому, истинному, христіанскому, аугсбургскому, неизмѣнному вѣроисповѣданію, зналъ бы катехизисъ и умѣлъ бы просто обучать ему, обладалъ бы умѣньемъ и способностью надлежащимъ образомъ и съ пользою обучать дѣтей азбукѣ, складамъ, чтенію и счету; у него долженъ быть также порядочный, четкій почеркъ, такъ чтобы онъ съ пользою могъ сообщить его молодымъ людямъ и научить ихъ списывать“. Такія нѣмецкія школы должны находиться даже въ деревняхъ и мѣстечкахъ, гдѣ вовсе нѣтъ высшихъ учебныхъ заведеній. „Въ случаѣ если въ нѣкоторыхъ или многихъ деревняхъ мѣсто учителя въ школѣ упразднено и прихожане не могутъ найти шульмейстера, то пусть консисторіи отправятъ способнаго, какъ выше предписано, учителя въ тѣ приходы, обязавъ ихъ, если къ тому не встрѣтится особыхъ уважительныхъ препятствій, принять его на упраздненное мѣсто и выдавать ему предписанный окладъ.“ Учителями должны назначаться по возможности кистеры. „Тамъ, гдѣ до сихъ поръ кистеры или церковно-служители не содержатъ еще школъ, надлежитъ устроить ихъ съ разрѣшенія вотчинниковъ и помѣщиковъ,

также визитаторовъ и нашихъ чиновниковъ, и домогаться, чтобы въ кистеры назначались всегда лица, которыя умѣли бы писать и читать и содержали бы школу хотя и не круглый годъ, а въ теченіе извѣстнаго срока, особенно зимой, съ тѣмъ чтобы дѣти были хотя въ нѣкоторой мѣрѣ обучаемы катехизису, письму и чтенію.“

Учебными предметами въ народной школѣ были: катехизисъ и церковное пѣніе, чтеніе и письмо; иногда упражненія въ счетѣ. Училищные уставы предписываютъ, чтобы шульмейстеръ распредѣлялъ учениковъ на три группы: въ первую поступаютъ начинающіе изучать буквы, во вторую—составлять склады, а въ третью—читать и писать. „Каждая группа въ свою очередь дѣлится на роты, такъ чтобы равныя между собою дѣти находились вмѣстѣ, чѣмъ „поощряется ихъ прилежаніе и облегчается трудъ шульмейстера“. При обученіи чтенію должно тщательно слѣдить за тѣмъ, чтобы дѣти сначала хорошо знакомились съ буквами; для этого шульмейстеръ пусть выспрашиваетъ буквы также и въ разбивку, притомъ похожія съ виду ставитъ другъ возлѣ друга и тщательно изучаетъ ихъ; дѣти должны вѣрно называть буквы, ясно выговаривать слоги, внятно читать слова по слогамъ и не глотать окончательныхъ слоговъ. Когда дѣти научились порядочно читать, то слѣдуетъ приступить съ ними къ письму; на этотъ конецъ они должны имѣть при себѣ особую тетрадку, для того чтобы въ ней шульмейстеръ прописывалъ имъ и на первыхъ порахъ водилъ ихъ рукою при начертаніи и составленіи буквъ. Церковному пѣнію мальчики должны обучаться и упражняться въ немъ въ извѣстные дни и часы недѣли. Относительно закона Божія наконецъ слѣдуетъ усвоить дѣтямъ Лютеровъ катехизисъ и довести ихъ до того, чтобы они знали его наизустъ, разбирали правильно, весь поняли и постигли. „Для этого шульмейстеръ долженъ назначитъ извѣстные дни и часы въ недѣлѣ и разбирать съ ними и изучать катехизисъ, просто излагать и понятно объяснять его“. Слѣдуетъ также дѣтей размѣщать подвое, такъ чтобы они обращались другъ къ другу съ вопросами и отвѣтами изъ катехизиса и пріучались такимъ образомъ въ церкви публично отвѣчать передъ собраніемъ.

Учебниками въ народной школѣ были катехизисъ и ирмологій или пѣсенникъ, при чемъ употребляли еще псалтырь или (изъ Сираха, изъ пословицъ и Новаго Завѣта составленное) Собраніе текстовъ, также Сборникъ Тротцендорфа „Rosarium“. Впрочемъ Валентинъ Икельзамеръ въ 1520-мъ г. издалъ уже методическую книгу для чтенія „О правильномъ методѣ научиться читать; также нѣмецкая грамматика, по которой всякій самъ собою можетъ научиться грамотѣ“. Въ ней содержится наставленіе правильному чтенію

и письму понѣмецки и требуется уже обученіе чтенію безъ складовъ. Итакъ, Икельзамеръ представилъ первую нѣмецкую грамматику, конечно въ весьма еще несовершенныхъ зачаткахъ. Обыкновеннымъ букваремъ въ шестнадцатомъ столѣтіи была „дѣтская ручная книжечка Лютера“, содержавшая въ себѣ: Отче нашъ, символъ вѣры и заповѣди. Руководство для элементарныхъ классовъ и нѣмецкихъ школъ появилось въ 1526-мъ г: „Книжечка для дѣтей, библія міранъ“, въ которой содержатся азбука, гласныя и согласныя отдѣльно, десять заповѣдей, символъ вѣры съ толкованіемъ, благословенная и благодарственная молитвы, о крещеніи, о таинствѣ, объ исповѣди, цифры и изображаемыя ими числа до 100. 200. 300. 400. 500. 1000 вмѣстѣ, съ короткимъ правиломъ, въ какомъ порядкѣ слѣдуетъ писать цифры, наконецъ титулы для писемъ.

Дисциплина въ народныхъ школахъ, такъ же какъ и въ латинскихъ, была строгая, часто жестокая. Педагогическими средствами служили побои, ругательства, угрозы, проклятія, попреки въ тѣлесныхъ недостаткахъ и т. п. На учителей въ Базелѣ жаловались, что они накидываются на учениковъ и терзаютъ ихъ стискиваньемъ, бранью, побоями, колотушками, щипаньемъ и дерганьемъ. А въ Эслингенскомъ школьномъ уставѣ предписывалось, чтобы учитель не билъ своихъ учениковъ по головѣ, не наказывалъ ихъ побоями, затрещинами, пощечинами и тасканьемъ за волосы, ни также крученіемъ ушей, щелчками по носу и по головѣ, не прибѣгалъ ни къ палкѣ, ни въ дубинкѣ для наказанія, но сѣкъ ихъ только розгами по задней части тѣла.

Шульмейстеръ занималъ большею частью постоянное мѣсто, рѣдко лишь на извѣстный или на трехмѣсячный срокъ. Доходъ его состоялъ изъ церковныхъ поборовъ, хлѣбовъ, пасхальныхъ яицъ, десятинъ и платы за ученье; въ мелкихъ мѣстечкахъ окладъ былъ несоразмѣрно скуденъ, вслѣдствіе чего, за недостаткомъ другихъ способныхъ людей, тамъ въ шульмейстеры приглашались ремесленники, и имъ предоставлялось заниматься своимъ ремесломъ „у себя дома и внѣ учебныхъ часовъ на собственную потребу, а не на господскихъ дворахъ, или гдѣ-либо внѣ дома, не на продажу въ ущербъ окружнымъ мѣстамъ и мастерамъ того же ремесла“. Учителямъ часто рѣшительно возбранялось писать для людей прошенія, особенно противъ ихъ начальства и ихъ пасторовъ,—потомъ также всякое стряпчество и адвокатство, запрещалось играть на свадьбахъ, продавать вино. Такъ какъ они набирались большею частью изъ учениковъ латинскихъ школъ, но не могли посѣщать университеты за недостаткомъ необходимыхъ матеріальныхъ средствъ, природныхъ способностей и пр., а иногда даже изгонялись изъ школы за безпутное поведеніе,—вслѣдствіе чего часто вносили въ

свою кистерскую и учительскую должность не совсѣмъ-то хорошіе нравы,—то оказалось необходимымъ въ ганноверскомъ церковномъ уставѣ 1581-го года внушить имъ, чтобы они „воздерживались отъ безобразныхъ, обычныхъ въ странѣ кавалерійскихъ рейтузовъ, камзоловъ, ермолокъ, дубинокъ и тому подобныхъ костюмовъ, неприличныхъ церковнослужителямъ, и не носили дурныхъ штановъ, камзоловъ, длинныхъ мантій и кафтановъ", также чтобы они „не возставали противъ своего пастора и подчинялись ему въ своей должности, чтобы не были ни наглы, ни легкомысленны, ни также пьяницами и ни иными соблазнительными людьми". Напротивъ того, по вюртембергскому училищному уставу 1559-го года шульмейстеръ обязанъ былъ „съ надлежащею ревностью управлять порученною ему школою и подчиненными ему учениками и являть юношеству примѣръ скромной, честной, трезвой жизни,—не покидать школы въ случаѣ опасности или безъ побудительныхъ причинъ, а напротивъ того, присутствовать въ надлежащее время въ школѣ и тщательно исполнять все предписываемое уставомъ какъ относительно ученія, такъ и относительно другихъ условій,—а въ дѣлахъ службы быть всегда послушнымъ и покорнымъ, какъ вѣрный слуга своему свыше назначенному суперинтенденту, пастору, судьѣ и суду, всѣми силами споспѣшествовать пользѣ и благу государя и сельской школы, предупреждать и отвращать отъ нихъ всякій вредъ и ущербъ по имуществу".

Реформаторы послѣдовательно и энергично настаивали на устройствѣ *женскихъ школъ*. Даже въ первыхъ учебныхъ уставахъ встрѣчаются уже постановленія касательно ихъ устройства. Въ брауншвейгскомъ училищномъ уставѣ 1528-го года по этому поводу значится: „Надлежитъ въ четырехъ мѣстахъ содержать четыре женскія школы, удобно расположивъ ихъ въ городѣ, такъ чтобы дѣвицамъ не нужно было ходить слишкомъ далеко отъ дому. Пусть почтенный магистратъ добудетъ и найметъ наставницъ, знающихъ евангеліе и пользующихся доброю славою. Затѣмъ каждой изъ нихъ слѣдуетъ выдавать подарки изъ общественной казны, да не терпятъ онѣ никакой нужды, какъ христіанскія служительницы цѣлаго города. Окладъ же и плату за ихъ трудъ родители дѣвицъ обязаны производить ежегодно, по возможности болѣе и щедрѣе и притомъ по одной части годоваго оклада въ каждые три мѣсяца, иногда давать также немного на кухню, потому что ихъ ученіе требуетъ много заботъ и труда и все-таки исполняется въ короткій срокъ. Дѣвицы должны обучаться лишь чтенію и прослушать толкованіе 10-ти заповѣдей Божіихъ, символа вѣры и молитвы Отче нашъ, и о томъ, что такое крещеніе и причащеніе тѣла и крови Христовой, и

выучить наизусть нѣкоторые тексты изъ Новаго Завѣта, о вѣрѣ, о любви и терпѣніи или крестѣ, а для упражненія памяти нѣкоторыя священныя назидательныя для дѣвицъ исторіи, и такимъ образомъ усвоить себѣ евангеліе Христа, сверхъ того изучить также христіанское пѣснопѣніе. Изъ такихъ дѣвицъ, усвоившихъ себѣ слово Божіе, образуются впослѣдствіи полезныя, искусныя, веселыя, радушныя, послушныя, благочестивыя, не суевѣрныя и не своенравныя матери семействъ, способныя строго править своею прислугою и воспитать дѣтей честно, въ послушаніи и страхѣ Божьемъ; ихъ дѣти въ свою очередь будутъ такъ же воспитывать своихъ дѣтей, и такъ далѣе изъ рода въ родъ".— По брауншвейгскому училищному уставу 1543-го года въ городахъ и мѣстечкахъ надлежитъ устроить женскія школы, гдѣ дѣвицы должны обучаться письму и чтенію, духовному пѣснопѣнью и маленькому Лютеровому катехизису съ короткимъ изъясненіемъ словъ. Дома должны онѣ затѣмъ прочесть нѣкоторыя исторіи изъ нѣмецкой библіи, такъ чтобы въ школѣ могли разсказать ихъ наизусть. Уроковъ назначено ежедневно по 2 часа до и по 2 послѣ обѣда. Передъ выходомъ изъ школы дѣвицы должны сперва пропѣть псаломъ или духовную пѣснь, чтобы съ охотой и любовью, безъ труда и усилій научиться пѣнію. Въ учительницы надлежитъ избрать почтенную женщину, которая умѣла бы хорошо преподавать, хорошо и разумно обращаться съ дѣвицами, любила бы слово Божіе и охотно читала библію и вообще дѣльныя книги. Ей изъ общественной казны слѣдуетъ выдавать по тридцати или двадцати гульденовъ въ годъ; а къ этой учительницѣ въ достаточныхъ городахъ назначить въ помощь еще другую, получающую по 20 гульденовъ въ годъ. —Въ поммеранскомъ училищномъ уставѣ 1563-го года сказано: „Въ большихъ городахъ должны быть школы для дѣвицъ, и пусть магистратъ съ пасторомъ назначатъ благочестивыхъ почтенныхъ особъ, которыя обучали бы ихъ чтенію и письму. Эти наставники и наставницы должны быть снабжены отъ магистрата даровымъ удобнымъ жилищемъ и сверхъ того получать отъ дѣтей плату и деньги за дрова. Дѣвицы по буднямъ обязаны по четыре часа въ день ходить въ школу; а въ остальное время пусть онѣ обучаются у родителей домохозяйству. Имъ преимущественно слѣдуетъ преподавать катехизисъ, псалмы, христіанское пѣснопѣніе и тексты изъ Священнаго писанія, пріучать ихъ также къ молитвамъ и проповѣдямъ".—Въ брауншвейгскомъ визитаторскомъ и консисторіальномъ уставѣ, 1573-го г. говорится: „Школы для дѣвицъ весьма полезны и благодѣтельны, потому граждане обязаны посылать туда своихъ дочерей учиться чтенію, письму, молитвамъ и христіанскому пѣснопѣнію, и на содержаніе этихъ школъ исправно и без-

отлагательно выдавать жалованье ихъ представителямъ“.—Въ страсбургскомъ школьномъ уставѣ 1598-го г. постановлено: „Помимо десяти классовъ и публичныхъ профессоровъ, принадлежащихъ къ нашей академіи, въ каждомъ приходѣ предписывается содержать особую школу для мальчиковъ и дѣвочекъ, обучать ихъ не только нѣмецкому чтенію и письму, а иногда также счету, но сверхъ того преподавать имъ еще особенно катехизисъ и христіанскія молитвы и упражнять ихъ въ церковномъ пѣснопѣніи. Для этого наставники и наставницы съ особеннымъ тщаніемъ должны порученныхъ имъ дѣтей пріучать, чтобы они, сказывая катехизисъ и молитвы, не уродовали словъ или не глотали ихъ на половину, также чтобы не болтали безсознательно, подобно сорокамъ, а напротивъ, выговаривали вѣрно и свободно, и такимъ образомъ убѣдиться, что они изо дня въ день, чѣмъ далѣе тѣмъ лучше научаются понимать. Затѣмъ они должны также пріучить своихъ учениковъ къ церковному пѣснопѣнію, такъ чтобы послѣдніе не только вполнѣ выговаривали слова пѣсни, но и не слишкомъ спѣшили своимъ голосомъ и не вытягивали его черезъ-чуръ, а напротивъ, внимательно слѣдили за тактомъ и мѣрою, такъ чтобы согласоваться съ остальными пѣвцами въ церкви и избѣжать всякой путаницы въ пѣніи. Притомъ они обязаны предостеречь своихъ учениковъ отъ пѣнья распутныхъ, срамныхъ свѣтскихъ пѣсень и иныхъ пошлостей, и не допускать ихъ до этого. Если мальчики и дѣвочки учатся и занимаются въ одной и той же комнатѣ, то необходимо тѣмъ внимательнѣе слѣдить за ними, чтобы они ни словами, ни жестами не проявляли и не выказывали другъ другу никакого легкомыслія, а напротивъ, чтобы съ дѣтства уже пріучались обходиться другъ съ другомъ почтительно и стыдливо. Наставники и наставницы обязаны также ревностно наблюдать за тѣмъ, чтобы поручаемые имъ дѣти, по дорогѣ въ школу или церковь и обратно, привыкали тихо и скромно ходить по улицѣ; побуждать также учениковъ своихъ, чтобы они не только смирно и скромно держались въ церкви, но и внимательно слушали проповѣдь, не болтая и не рѣзвясь при этомъ, такъ чтобы въ состояніи были усвоить себѣ нѣчто полезное и передавать это послѣ другимъ“.

Въ Саксоніи, въ этой колыбели реформаціи, обращалось большое вниманіе на устройство школъ. Такъ между прочимъ въ Ошатцѣ до 1539-го года не существовало особеннаго учебнаго заведенія для дѣвочекъ. Но когда совѣтники герцога Генриха появились въ первый разъ въ городѣ, съ тѣмъ чтобы ввести реформацію, то они прежде всего подумали объ основаніи подобнаго заведенія. По ихъ распоряженію въ числѣ десяти назначаемыхъ церковныхъ и училищныхъ служителей должна находиться также женскаго

пола особа для устройства дѣвичьей школы. Основанное такимъ образомъ училище поручалось наставницѣ. Въ 1555-мъ году во время главной визитаціи веденіе школы передано было причетнику; для него и выстроили новое жилище и отвели тамъ классную комнату для дѣвицъ. Въ 1565-мъ году былъ изданъ и вошелъ въ силу торгаускій женско-учебный уставъ. По введеніи реформаціи во Фрейбергѣ также упраздненъ былъ дѣвичій монастырь; въ 1546-мъ г. назначили для инокинь пансіонъ и положили основаніе женской школы. Съ этихъ поръ въ монастырь допускались только лица, причастныя къ школьному воспитанію дѣвочекъ. На сеймѣ 1555-го г. курфюрстъ Августъ одобрилъ предложеніе дворянства и городовъ, въ силу котораго надлежало устроить въ странѣ три женскія школы, одну во Фрейбергѣ, другую въ Мюльбергѣ, а третью въ Зальцѣ въ Тюрингіи, какъ бы въ параллель съ открытыми курфюрстомъ Морицомъ княжескими училищами. Въ каждой изъ двухъ первыхъ школъ, помимо находящихся тамъ прежнихъ монастырскихъ лицъ, назначено содержать еще сорокъ дѣвочекъ, а въ Зальцѣ только тридцать. Настоятельницею въ Фрейбергѣ была Урсула фонъ Шёнбергъ до 1556-го года, а потомъ Катерина фонъ Шёнбергъ до 1580-го года. Въ 1576-мъ г. школа, какъ кажется, пришла въ сильный упадокъ, потому что на сеймѣ въ Торгау дворянство потребовало, чтобы дѣвичье училище въ Торгау передано было способнымъ лицамъ и инспекторомъ надъ нимъ назначенъ былъ кто-либо свѣдущій изъ дворянъ. Послѣднее и было исполнено, но вскорѣ потомъ заведеніе все-таки пришло въ упадокъ. Однакожъ мысль объ устройствѣ дѣвичьихъ школъ была тѣмъ не менѣе возбуждена и дѣло такимъ образомъ продолжалось съ успѣхомъ. Такъ между прочимъ супруга бергъ-и шульмейстера Цизлера уже въ 1550-мъ г- открыла женское училище въ Эйбенштокѣ и содержала его до 1599-го года. По смерти ея шульмейстеръ Лейкеръ съ своею женою Сабиною завѣдывалъ женскою школою до 1609-го г. Въ 1648-мъ году вдова горнаго и судебнаго писаря Вернера, по имени Магдалена, умерла въ должности дѣвичьей шульмейстерши; дочь ея, дѣвица Регина, сдѣлалась ея преемницею. Въ 1666-мъ г. школу содержала женщина, едва умѣвшая читать, и вовсе неумѣвшая писать. Въ Кольдицѣ въ 1555-мъ г. учителемъ въ дѣвичьей школѣ назначенъ былъ Вольфгангъ Брюкнеръ; по его смерти мѣсто заняла вдова его; послѣ нея были І. Мюллеръ и его вдова. Въ Лейснигѣ также встрѣчаемъ въ 1557-мъ и отъ 1579-го до 1687-го г. дѣвицъ, женъ и вдовъ въ качествѣ наставницъ въ женскихъ училищахъ. Въ Росвейнѣ школой для дѣвицъ завѣдывали органистъ и терцій *), а въ 1687-мъ

*) То-есть учитель третьяго класса.

г. она поручена была двумъ свѣдущимъ гражданамъ. Въ Лейпцигѣ въ 1539-мъ г. открыты были женскія школы, гдѣ дѣти обучались наставницами молитвамъ, пѣнью, письму, чтенію, шитью „инымъ хорошимъ благопристойнымъ пріемамъ и прекраснымъ нравамъ.“ Въ 1575-мъ году появился: женско-учебный уставъ въ Торгау. Прекрасная книга: въ ней весь катехизисъ для юныхъ простолюдинъ изложенъ по вопросамъ въ надлежащемъ порядкѣ согласно тексту и содержанію Священнаго писанія и составленъ въ видѣ бесѣдъ (подобно дѣйствіямъ въ комедіи), какъ до сихъ поръ еще никогда не печаталось. Книга весьма полезная для дѣвичьихъ школъ и для всѣхъ учащихся вообще. Она составлена почтеннымъ и ученымъ Іоанномъ Исавомъ, бывшимъ шульмейстеромъ въ здѣшнемъ женскомъ училищѣ. По смерти его отпечатана Яковомъ Гроландумомъ, теперешнимъ учителемъ чистописанія и ариѳметики въ Пирнѣ. Лѣта 1565. (Печатано въ Лейпцигѣ).

Развитіе женскихъ школъ, какъ кажется, и въ другихъ странахъ, хотя медленно, но все-таки подвигалось впередъ. Вюртембергскій училищный уставъ упоминаетъ уже, что въ нѣмецкихъ школахъ въ деревняхъ и мѣстечкахъ обучаются не одни только мальчики, но также и дѣвочки, причемъ предписываетъ, „чтобы дѣти отдѣлялись другъ отъ друга, мальчики сидѣли и учились бы одни и дѣвочки также особо“. А что съ наступленіемъ семнадцатаго столѣтія въ деревняхъ, по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ протестантскихъ странъ, находились обыкновенно школы для дѣвочекъ или для мальчиковъ и дѣвицъ вмѣстѣ, это видно по Кобургскому церковному уставу 1626-го г., гдѣ обращается вниманіе на недостатокъ женскихъ училищъ въ нѣкоторыхъ деревняхъ и предписывается побуждать причетниковъ и женъ ихъ къ заведенію подобныхъ школъ для дѣвицъ.

---

c), Университеты.

13.

Элементы реформаціи, античный классическій духъ и экзегетическое изученіе Ветхаго и Новаго завѣтовъ слились воедино въ основанномъ въ 1502-мъ г. Виттенбергскомъ университетѣ. Не отличаясь съ самаго начала ни по своимъ уставамъ, ни по роду своего учрежденія и пр. отъ другихъ университетовъ, онъ, съ тѣхъ поръ какъ Лютеръ и Меланхтонъ начали оттуда свое реформаціонное дѣло, сталъ настоящимъ теологико-педагогическимъ разсадникомъ для протестантской Европы. О библіи читали здѣсь четыре доктора,

и притомъ о самомъ подлинникѣ; сентенціи Ломбарда замѣнились извѣстными статьями (Loci) Меланхтона. Въ число семи искусствъ, за исключеніемъ астрономіи и геометріи, приняты были новые учебники, діалектика, физика и этика Меланхтона, особенно же его грамматика, также творенія Аристотеля въ греческомъ оригиналѣ. Къ этому въ Виттенбергѣ присоединились новыя лекціи о латинскихъ и греческихъ классикахъ и Меланхтоновы историческія лекціи о хроникѣ Каріона. Преподавался также еврейскій языкъ, а въ 1572-мъ г. Вильгельмъ Работтъ былъ назначенъ профессоромъ французскаго языка. Курфюрстъ Іоаннъ Фридрихъ въ фундаціонной грамотѣ смотрѣлъ на философскій факультетъ какъ на „источникъ и корень остальныхъ факультетовъ“: въ немъ и было 10 профессоровъ, тогда какъ въ теологическомъ ихъ считалось всего четыре, а въ юридическомъ только три. Въ реформаціонную эпоху болѣе 2000 студентовъ ежегодно стекалось въ Виттенбергъ изъ всѣхъ странъ Европы, и знатнѣйшіе и лучшіе мужи выходили изъ этой высшей школы Лютера и Меланхтона, не успѣвавшей, впрочемъ, такъ же какъ и другіе университеты вообще, укротить нравы студентовъ, понимавшихъ свободу часто безъ всякаго религіознаго чувства; и дѣйствительно, ея уставы отъ 1546-го г. должны были высказаться противъ сумасбродства юношей, которые воображаютъ, будто въ университетѣ господствуетъ необузданная вольность, которые нарушаютъ покой и студенческое трудолюбіе, не повинуются ректору, не посѣщаютъ церкви, шатаются безъ дѣла днемъ и ночью, затѣваютъ мятежи, вламываются въ дома, опустошаютъ сады и т. п.

Заодно съ Виттенбергомъ возвысился прежде всего Марбургъ, основанный въ 1527-мъ г. Филиппомъ Великодушнымъ, „въ шестнадцатомъ вѣкѣ родина евангелическаго всемірно-гражданскаго чувства и долгое время свободный отъ враждебнаго теологическаго духа партій.“ Знатнѣйшими изъ остальныхъ университетовъ, ни въ какой вѣкъ не возникавшихъ въ такомъ множествѣ какъ въ пору реформаціи, были: Франкфуртъ на Одерѣ, основанъ курфюрстомъ Іоакимомъ I въ 1505-мъ г. по образцу Лейпцигскаго, протестантскій съ 1539-го г.; Страсбургъ, лютеранскій, сперва академія, основанъ магистратомъ по предложенію Штурма, а съ 1621-го г. университетъ; Кенигсбергъ въ Пруссіи, лютеранскій, основанъ маркграфомъ Альбрехтомъ въ 1544-мъ г.; Женева, по совѣту Кальвина, въ 1542—58-мъ г.; Іена, лютеранская гимназія, основанная въ 1548-мъ г. сыновьями курфюрста Іоанна Фридриха, а въ 1557-мъ г. привилегированный университетъ, освященъ въ 1558-мъ г.; Диллингенъ, университетъ въ 1554-мъ г., уступленъ іезуитамъ въ 1563-мъ году, притонъ полемики противъ протестантства; Гельмштедтъ, лютеранскій, основанъ герцогомъ Юліемъ, освященъ

въ 1576-мъ г., закрытъ въ 1809-мъ г.; Альторфъ, лютеранскій, основанъ въ 1575-мъ г. Нюрнбергскимъ магистратомъ, закрытъ въ 1801-мъ г.; Герборнъ, реформатская гимназія, академическая, основанная въ 1584-мъ г., университетъ въ 1654-мъ г., богословская семинарія въ 1818; Гретцъ, католическій, основанъ эрцгерцогомъ Карломъ въ 1586-мъ г., съ теологическимъ и философскимъ факультетами, лицей въ 1783-мъ г., закрытъ въ 1855-мъ; Падерборнъ, католическій, основанъ въ 1592-мъ г., уступленъ іезуитамъ въ 1616-мъ, съ теологическимъ и философскимъ факультетами, закрытъ въ 1625-мъ; Гисенъ, лютеранскій, основанъ ландграфомъ Людвигомъ въ 1607-мъ г., закрытъ въ 1625-мъ, возстановленъ въ 1650-мъ; Ринтельнъ, лютеранскій, основанъ въ 1619-мъ г., освященъ въ 1621-мъ, закрытъ въ 1809-мъ; Зальцбургъ, католическій, основанъ въ 1622-мъ г., закрытъ въ 1810-мъ; Мюнстеръ, католическій, основанъ въ 1631-мъ г., получилъ юридическій факультетъ въ 1774-мъ, богословская спеціальная школа въ 1821-мъ; Оснабрюкъ, католическій, основанъ въ 1632-мъ г., закрытъ въ 1633-мъ; Бамбергъ, католическій, основанъ въ 1648-мъ г., закрытъ въ 1803-мъ; Дуисбургъ, реформатскій, въ 1655-мъ году, закрытъ въ 1804-мъ; Киль, лютеранскій, въ 1665-мъ; Иннсбругъ, католическій, въ 1670-мъ, лицей въ 1782-мъ; Галле, лютеранскій, основанъ въ 1694-мъ г. курфюрстомъ Фридрихомъ III.

Университеты, какъ главныя средоточія мудрости, преимущественно и болѣе всего охвачены были обуявшимъ въ шестнадцатомъ вѣкѣ міръ новымъ духомъ свободы. Но этотъ новый духъ здѣсь же прежде всего и окристаллизовался еще въ шестнадцатомъ и семнадцатомъ столѣтіяхъ въ отвердѣвшую правовѣрную теологію съ ея грубымъ безжизненнымъ поклоненіемъ буквѣ и съ ея мелочными и утомительными догматическими опредѣленіями, а также въ филологію, которая, сравнивая, собирая и поясняя, съ необычайнымъ трудолюбіемъ пыталась проникнуть въ сокровищницу древней литературы, но, лишенная свободнаго взгляда и одушевленія, утратила цѣльное созерцаніе древности и запуталась въ частностяхъ. Оттого-то вновь пробудившаяся съ реформаціею жизнь въ наукѣ скоро исказилась въ тугую, искусственную систему формальностей. Протестантскими университетами овладѣлъ духъ упорной борьбы изъ-за догматическихъ тонкостей, а въ католическихъ совершались схоластическія и іезуитскія торжественныя церемоніи; какъ здѣсь, такъ и во всей старой и новой церкви единодушно ратовали только противъ отрекающейся отъ всякихъ догматическихъ узъ философіи: Серветъ былъ сожженъ въ Женевѣ, Джордано Бруно въ Италіи, Ванини въ Тулузѣ.

Въ отношеніи къ правительству, по мѣрѣ того какъ оно становится самодержавнѣе, университеты являются въ качествѣ земскихъ учрежденій. Они, правда, и теперь все тѣ же корпораціи, что и прежде, но лишь утвержденныя правительствомъ, вступившія въ непосредственную связь съ правительственными интересами, они „духовныя твердыни и арсеналы для правительственныхъ интересовъ". Университетскіе преподаватели сдѣлались государственными чиновниками: они состоятъ на жалованьи у правительства. Но эти оклады еще весьма скудны. Лютеръ и Метанхтонъ, въ качествѣ профессоровъ въ Виттенбергѣ, долго получали каждый всего только по 200 гульденовъ въ годъ; окладовъ свыше этого не было. Первый профессоръ юридическаго факультета получалъ также 200, второй 180, третій 140, четвертый 100, первый учитель медицины 150, второй 130, третій 80, преподаватели еврейскаго и греческаго языковъ каждый по 100, остальные профессора артистическаго факультета каждый по 80, педагогъ 40 гульденовъ. Весь штатъ Кёнигсбергскаго университета составлялъ 3000 гульденовъ въ годъ. Виттенбергскому университету разрѣшалось каждый годъ дѣлать „закупокъ" на 100 гульденовъ. Лучшіе изъ преподавателей часто терпѣли нужду, къ чему присоединялась самая мелочная зависть, особенно отражавшаяся, въ отношеніи къ сенату (совѣту) или такъ называемой университетской консисторіи, на младшихъ доцентовъ. А сверхъ того имъ приходилось во всемъ сообразоваться съ волею и благоусмотрѣніемъ своихъ государственныхъ плательщиковъ. Имъ строго и точно предписывались предметы ихъ лекцій, точно такъ-же какъ и время и число часовъ.

Чѣмъ болѣе учителя дѣлались государственными чиновниками, тѣмъ сильнѣе подрывалась связь между ними и учащимися, чему особенно способствовало систематическое чтеніе лекцій. Студенты подчинялись теперь академическому начальству, и законодательство уряжало ихъ дѣйствія и поступки. Въ уставахъ Кёнигсбергскаго университета отъ 1546-го г. значится: „Учащіеся обязаны чтить религію и добродѣтель и избѣгать всякаго рода нечестій и пороковъ". „Слѣдуетъ вести себя скромно и пристойно, какъ относительно поступи, такъ и платья, которое должно доходить по колѣно. Легкомысленныя поступь и платье служатъ признакомъ легкомысленнаго нрава и оскорбляютъ взоры степенныхъ людей". „Не слѣдуетъ забираться на свадьбы безъ приглашенія, ни танцовать подобно сатиру". „Никто не смѣетъ носить при себѣ оружіе, ни грабить по садамъ. Высшія школы существуютъ для того, чтобы учиться полезнымъ искусствамъ, а не для того, чтобы совершать грабежи и насилія". Въ Тюбингенѣ въ 1500-мъ г. одного

изъ студентовъ соглашались принять лишь съ тѣмъ условіемъ, чтобъ онъ одѣлся въ другое платье; но студентъ рѣшился лучше „возвратится во свояси непринятымъ“, лишь бы не подчиняться этому. Въ томъ же Тюбингенѣ одного изъ студентовъ выгнали за то, что онъ во время проповѣди „находился на хорахъ одѣтый въ позорный короткополый кафтанъ“, а другой получилъ строгій выговоръ за необычайно злонравное любимое имъ богохульство (а именно: „Sternsacrament“).

Эти законы указываютъ вмѣстѣ съ тѣмъ, къ чему тяготѣли направленные ложно понятою свободою реформаціи нравы студентовъ. Студентъ шестнадцатаго столѣтія даже своей одеждою впадалъ въ фантастичность. Онъ отпускалъ козлиную бородку и длинные волосы, бойко накинувъ на лобъ широкополую шляпу съ перомъ. Широкій воротникъ сверху покрывалъ распахнутый камзолъ, на который накидывался легкій плащъ. Широкіе шаравары, сапоги со шпорами, съ широкими, обнажающими икры отворотами, альбомъ за поясомъ, шпага или рапира съ огромною чашкой и чрезвычайной длины, трубка и здоровая суковатая палка: таковы аттрибуты, отличавшіе уже по наружности разгульнаго студента отъ „филистра“. „Попойки, блудъ и безпутство“ составляли характерныя черты студентовъ. Этой необузданности способствовали въ сущности возникшіе изъ средневѣковыхъ „націй“ ландсманшафты (землячества), которые чинили въ своей средѣ извѣстнаго рода судъ, отстаивали интересы студентовъ противъ правительства и филистерства, поддерживали и поощряли студенческую страсть къ дуэлямъ. Дуэль, которая по существу своему развилась въ видѣ турнира и снятія нанесенной обиды лишь въ протестантствѣ, такъ какъ съ нимъ въ силу вошло понятіе о личности и ея оскорбленіи въ отличіе отъ оскорбленій иного рода,—и которая образовалась изъ возникшихъ по уничтоженіи бурсъ и коллегій фехтовальныхъ школъ, вошла съ этихъ поръ во всеобщее употребленіе въ университетахъ: издаваемыя противъ нея строгіе законы (въ Виттенбергѣ напр. за нее наказывали исключеніемъ (и высылкой) не были въ состояніи прекратить этотъ укоренившійся въ эпохѣ обычай, такъ что вскорѣ нашлись вынужденными или прибѣгнуть къ болѣе кроткимъ постановленіямъ, или по крайней мѣрѣ на практикѣ отступать отъ строгости закона.

Пуще всякихъ буйствъ, вездѣ въ Германіи развились еще пьянство и обжорство. Самымъ явнымъ тому доказательствомъ служитъ эпикурейская, исполненная грубости поэзія, господствовавшая тогда среди этихъ странныхъ питомцевъ музъ. Таково между прочимъ содержаніе многоизлюбленной въ началѣ 17-го столѣтія „пѣсни кутежнаго цеха“:

Станемъ кутить, пировать до утра:
Станемъ веселою жизнью играть!
Долгъ свой мы завтра уплатимъ!
И безъ того не долга наша жизнь —
Скоротимъ же ее и полюбимъ.
Мертвый изъ гроба во вѣки не встанетъ;
Жизни его и утѣхамъ конецъ.
Вѣдь никому не случалося слышать,
Чтобы изъ ада душа возвратилась
Порасказать, какъ тамъ живется.
Намъ не грѣшно веселиться съ друзьями:
Ну, напивайся, покуда не свалишься!
Выспавшись, пей и опять напивайся!

Грубость тогдашней учащейся молодежи во всей полнотѣ своей проявлялась также въ отношеніяхъ единичныхъ личностей другъ къ другу. Прежнія бурсы замѣнились вольными товариществами, такъ называемыми „націями" или „національными коллегіями". Равноправность всѣхъ, отличавшая прежніе національные союзы, совершенно исчезла и замѣнилась разрядами по курсамъ и угнетеніемъ и притѣсненіемъ младшихъ старшими. Вновь прибывшіе студенты, обязанные по существовавшимъ законамъ имѣть своихъ надзирателей, подчинялись старшимъ товарищамъ. Послѣдніе обходились съ новичками какъ съ своими слугами и подчиненными и угнетали ихъ. Новичекъ-студентъ прозывался пеналъ (отъ перышницы школьника), а его господинъ и набольшій шористъ (т. е. стригунъ, отъ нѣмецкаго Scheeren-стричь, оттого что, будучи остриженъ, онъ теперь и самъ получилъ право стричь другихъ). Пеналы надѣлялись отъ шористовъ разнаго рода бранными прозвищами, какъ-то: квазимодогенити (елерожденные), неовисты (новички), молокососы, телки, невинные, бакханты, глисты, гусеницы, масличные горцы и т. п. и въ теченіе пенальнаго года, длившагося въ нѣкоторыхъ мѣстахъ годъ 6 мѣсяцевъ 6 сутокъ 6 часовъ и 6 минутъ, ихъ страшно притѣсняли, обирали и принуждали къ разнаго рода позорнымъ послугамъ. Всѣ эдикты, издаваемые противъ гнуснаго пенализма, оказались безплодными. Шуппій (въ своемъ „Благообученномъ студентѣ" стр. 393) разсказываетъ изъ своей собственной студенческой жизни: въ теченіе его пенальнаго года нѣсколько „архишористовъ" однажды зашли къ нему въ комнату какъ разъ въ то время, когда онъ держалъ въ рукѣ Horae subsecivae Камерарія, и воскликнули: „Гляньте, какой высокомѣрный пеналъ, туда же собирается читать большія книги. Ты мелкій пеналъ, да понимаешь ли, что читаешь?" Я, разсказываетъ Шуппій, молчалъ и почтительно поклонился имъ. Наконецъ, одинъ изъ нихъ подошелъ ко мнѣ и шепнулъ на ухо: „Деньги есть?" Я отвѣтилъ: Нѣтъ. Онъ возразилъ: „Ладно, пошли Камераріи въ винный погре-

бокъ и вели принести двѣ четверти вина, я такъ и быть пощажу тебя.“ Подробное описаніе о жизни и продѣлкахъ шористовъ даетъ Вольфгангъ Гейдеръ, бывшій съ 1587-го до 1626-го г. профессоромъ въ Іенѣ. Въ этомъ описаніи сказано: „Шористъ почти никогда не бываетъ на публичныхъ лекціяхъ, онъ ихъ вовсе не слушаетъ. Иногда подслушиваетъ у дверей, отнюдь не съ тѣмъ чтобы научиться чему нибудь полезному, но чтобы подхватить нѣсколько изреченій и потомъ сообщить ихъ бурсакамъ своей роты и своимъ собутыльникамъ, поднимая на смѣхъ профессора, подражая его голосу, рѣчамъ и жестамъ. Иногда, расхаживая дома по комнатѣ, онъ мелетъ всякій вздоръ съ своими товарищами.... По утрамъ, изнѣженный и милый мальчикъ нашъ спитъ до девяти часовъ, а потомъ, все остальное время до обѣда, онъ чешетъ, завиваетъ, убираетъ и натираетъ волосы, или ищетъ вшей, или выжимаетъ угри и нарывы на лицѣ. Садясь за столъ, этотъ уродъ мало ѣстъ (оттого что вчерашній безобразный хмѣль отбилъ у него всякій апетитъ, и такъ какъ всѣ чувства поражены, то натура его и не выноситъ пищи), мало также шутитъ (да и какой вѣжливости ждать отъ свинскаго тѣла и отъ такой же души?). А между тѣмъ онъ изрыгаетъ изъ себя цѣлый ворохъ нелѣпыхъ пошлостей, гнусныхъ скверностей, такъ что ему стóитъ лишь открыть зловонную пасть, и всѣ мальчики и дѣвочки бѣгутъ прочь отъ него, чтобы не заразиться духомъ чумнаго недуга.... Послѣ обѣда лѣнивый байбакъ, этотъ тюлень, либо спитъ, либо бродитъ съ своими молодцами въ сосѣднемъ кустарникѣ, либо сидитъ за обычною попойкой и такимъ образомъ готовится къ приближающейся ночной стычкѣ, чтобы всѣ видѣли, какой онъ храбрецъ. Затѣмъ промывъ вдосталь свою клоаку виномъ и пивомъ, когда на улицахъ и въ домахъ все притихло, онъ съ ужаснымъ грохотомъ растворяетъ ворота и двери, и куда ни попало, вламывается вооруженный въ сопровожденіи своиха молодцовъ. Вотъ тутъ-то разыгрываетси безобразная драма и трагедія брани, шума, крика, битья и бросанья камней, и много тому подобныхъ продѣлокъ.... Если въ теченіе дня ему не посчастливилось въ волокитствѣ; если между нимъ и его собутыльниками завязалась ссора; если, отвѣчая другому на брань, онъ споткнулся о камень на мостовой, то разражается потокомъ ругательствъ. Завидѣвъ врага, онъ толкаетъ ногами въ ворота, швырнетъ камнями въ окна и разсыпается разнаго рода бранью и ругательствами. Вотъ въ какомъ видѣ были ихъ комнаты: книгъ тамъ было немного, да и тѣ валялись подъ лавкой, или то были магическія и Амадисовскія каррикатуры. На стѣнѣ висѣло нѣсколько кинжаловъ и рапиръ, впрочемъ никуда почти негодныхъ, которые не жаль въ случаѣ нужды вы-

дать ректору; нѣсколько ружей, латы и желѣзныя перчатки; камзолы, подбитые паклей, хлопкомъ, волосомъ и проложенные внутри китовымъ усомъ, такъ чтобы въ случаѣ боя они могли выдержать ударъ. Тамъ были большія чаши и стаканы, карты, шашки и кости. Потомъ еще нѣсколько памятныхъ записокъ, гдѣ отмѣчалось, что такого-то тутъ споили съ ногъ, что другой, имѣя на рукахъ четыре туза, все-таки проигралъ партію, и все это было скрѣплено ихъ собственноручною подписью.... Наконецъ шористъ покидаетъ университетъ, почти всегда пожелтѣвшій какъ мертвецъ, худой, полуслѣпой, хромой, изнуренный, весь покрытый рубцами и волдырями". Съ пенализмомъ въ нѣкоторыхъ университетахъ, напр. въ Іенѣ, въ самой тѣсной связи состояла депозиція, т. е. актъ, всилу котораго поступающіе въ университетъ „беаны" и „бакханты" принимались въ настоящіе студенты. Церемонія совершалась подъ веденьемъ декана философскаго факультета, для котораго депозиціонныя деньги составляли немаловажный доходъ. Когда достаточное число беановъ записывалось у старшины своей націи и декану было заявлено о предстоящей депозиціи, то для „запечатлѣнія въ юныхъ душахъ", которымъ „надлежало совсѣмъ отрѣшиться отъ прежняго своего нрава и сдѣлаться другими людьми", предъявлялись разнаго рода странные инструменты, напр. шляпа съ рогами, такъ-называемый бакхантовъ зубъ, топоръ и рубанокъ, гребень, ножницы, бритва, мыло и т. п. Облеченный въ присутствіи декана въ должность депозитора, присяжный всеобщій прислужникъ (famulus communis) хранилъ инструменты въ своемъ „депозиторскомъ мѣшкѣ" и совершалъ церемонію надъ юными кандидатами. „Имъ надѣвали на голову шляпу съ рогами и сбивали послѣдніе, чтобы присущій бакхантамъ буйный нравъ обратился въ благодушіе и терпѣніе;" ихъ обтесывали топоромъ, употребляя также въ дѣло пилу, подпилокъ, буравъ и пр., „чтобы избавить бакхантовъ отъ грубыхъ мужицкихъ нравовъ и промаховъ противъ приличія и вѣжливаго обычая," причесывали имъ огромнымъ гребнемъ волосы, стригли ихъ громадными ножницами, намыливали кандидатовъ и брили имъ для виду бороду, намазанную предварительно черною краской, чтобы представить образецъ, какъ слѣдуетъ содержать въ чистотѣ свое тѣло и свои платья; наконецъ вынимали у нихъ и вышеназванный бакхантовъ зубъ, а именно сунутый передъ тѣмъ въ ротъ большой кабаній клыкъ, какъ бы вынимая вмѣстѣ съ тѣмъ „у новаго студента всѣ буйныя, язвительныя, ѣдкія качества", особенно зубъ богохульства. Пока совершалось все это, деканъ предлагалъ бакхантамъ разные вопросы, имѣвшіе цѣлью провѣрить познанія экзаменующихся въ грамматикѣ и латинскомъ языкѣ." О Марбургскомъ житьѣ-бытьѣ того времени

разсказывается по этому поводу: „Депозиторъ даетъ мальчику пощечину и спрашиваетъ: Была ли у тебя мать? Мальчикъ отвѣчаетъ: Да. Депозиторъ даетъ ему опять пощечину и говоритъ: Нѣтъ, плутишка, ты самъ былъ у матери. Далѣе спрашиваетъ онъ: Какъ вышла на свѣтъ горошина? Мальчикъ говоритъ, что не знаетъ этого. Тутъ ему опять достается пощечина, и депозиторъ прибавляетъ: Знай же, плутишка, она вышла на свѣтъ круглая. Скажи мнѣ теперь: сколько блохъ входитъ въ одинъ шефель? Мальчикъ со страхомъ и трепетомъ отвѣчаетъ: Ахъ, этому не училъ меня мой наставникъ, я учился только грамматикѣ и начальному основанію логики и реторики.—Что? возражаетъ жестокій педель, ты обязанъ знать болѣе этого, если не хочешь оставаться бакхантомъ. Узнай же отнынѣ, что блохи не входятъ, а скачутъ въ шефель.“ Послѣ такого шутовства и подобныхъ нелѣпыхъ вопросовъ, депозиторъ обращался обыкновенно съ рѣчью къ явившимся опять въ обыкновенномъ платьѣ беанамъ, представляя вновь принятыхъ декану и прося отъ ихъ имени о выдачѣ депозиціональнаго свидѣтельства. Деканъ отвѣчалъ на это по-латыни, объяснялъ обычай, сдавалъ возведенныхъ такимъ образомъ въ пеналы бакхантовъ на руки шористамъ и увѣщевалъ ихъ безпрекословно повиноваться этимъ мучителямъ. Въ заключеніе новоиспеченнымъ пеналамъ подавали соль и вино (послѣднее выливалось имъ даже на голову), чтобы „они дѣла и рѣчи свои приправляли хорошимъ ученьемъ и мудростью и благодушно принимали наставленія, выговоры и увѣщанія.“ Всѣ эти продѣлки завершались абсолюціонной пирушкой. Еще удивительнѣе такого отличія шористовъ отъ пеналистовъ было разграниченье между профессорскими и мѣщанскими студентами, появившееся во многихъ университетахъ, особенно въ Гельмштедтѣ. Профессорскіе студенты пользовались у профессоровъ квартирой и столомъ, что дорого обходилось, но давало имъ за то большія преимущестоа. Въ церквахъ они занимали первыя мѣста и имѣли право какъ туда, такъ и въ коллегіи брать съ собою собакъ; все это строго запрещалось мѣщанскимъ студентамъ. Такая собака при ошейникѣ съ буквами P. P. H. (Professoren-Purschen-Hunde, то-есть: собака профессорскаго студента) считалась неприкосновенною. Въ секунданты допускались одни только профессорскіе студенты. Выливая на улицу урыльникъ, послѣдніе кричали только по одному разу: „береги голову!“ тогда какъ мѣщанскіе студенты обязаны были кричать по нѣскольку разъ; нищіе мальчики величали тѣхъ „Ваша милость,“ тогда какъ мѣщанскіе студенты назывались просто „почтеннѣйшій.“

Грубость и безнравственность разростались все болѣе и, въ тридцатилѣтнюю войну, достигли высшей степени. Фи-

ландеръ фонъ Зиттевальдъ такъ изображаетъ студенческую жизнь въ эту мрачную эпоху: „Я очутился въ просторной комнатѣ, что-то въ родѣ таверны, музея, аудиторіи, полпивной, шинка, бальной залы, дома терпимости и т. п. По правдѣ сказать, самъ не знаю что это было: потому что мнѣ представилось тамъ все это вмѣстѣ. Комната кишѣла студентами. Знатнѣйшіе изъ нихъ сидѣли за столомъ и напивались до того, что у нихъ закатывались глаза, какъ у зарѣзанныхъ телятъ. Одинъ подносилъ сосѣду вино въ посудинѣ или въ башмакѣ, другой грызъ стаканы или пожиралъ всякую дрянь, третій пилъ изъ посудины съ разною снѣдью, такъ что вчужѣ тошнило. Иные подавали другъ другу руки, спрашивали объ именахъ и обѣщали быть вѣчно друзьями и братьями, сопровождая это обычною поговоркою: Я буду дѣлать все, что любо тебѣ, и избѣгать всего, что противно тебѣ. А тѣ, съ которыми отказывались пить другіе, неистовствовали и бѣсновались, вскакивали въ ярости и, жаждя отмстить за такое безчестіе, сами рвали на себѣ волосы, бросали стаканами въ лицо другъ другу, обнажали шпаги и дрались, пока кто-нибудь изъ нихъ не падалъ и не оставался на мѣстѣ. Нѣкоторые обязаны были прислуживать, наливать, терпѣть щелчки по лбу, дерганье за волосы и разныя другія церемоніи, причемъ иные садились на нихъ верхомъ, какъ на лошадей или на ословъ, и выпивали сосудъ съ виномъ, распѣвая притомъ вакхическія пѣсенки, или читая вакхическія молитвы: O virum gloriosum! Resp. Mihi gratissimum. Иные пили за здоровье другъ друга на стульяхъ и скамьяхъ, на столѣ и на полу, черезъ руку или черезъ ногу, на колѣняхъ, то внизъ, то вверхъ головою, то лицомъ назадъ, то впередъ. Другіе лежа на полу, наливались словно въ воронку. Потомъ вдругъ мимо дверей и печей летѣли стаканы и бокалы, все это въ окно на улицу, съ такимъ неистовствомъ, что становилось страшно, а остальные лежали на полу, харкали и блевали какъ псы“.

При распущенности тогдашняго общества безнравственность университетовъ находила себѣ, конечно, обильную пищу. Студенты уходили отчасти въ лагери и выносили оттуда въ университеты солдатское буйство. Профессора, нерѣдко лишенные оклада, томились въ ужасной нищетѣ и прибѣгали къ недостойному потворству, даже къ соучастію въ студенческомъ развратѣ. Волненія, побоища, взрывы буйнаго веселья были дѣломъ обыденнымъ.—Тугая и искусственная формальность въ наукѣ, грубость и одичалость въ питомцахъ ея,—итакъ, лишенная свободы наружная форма съ одной, и лишенная формы свобода съ другой стороны: таковъ характеръ нѣмецкихъ университетовъ въ шестнадцатомъ и семнадцатомъ столѣтіяхъ.

Основанный въ *Нидерландахъ* въ 1575-мъ г. Лейденскій университетъ былъ представителемъ протестантскаго духа и вмѣстѣ съ тѣмъ самымъ ревностнымъ воздѣлывателемъ древней литературы.

Въ университетахъ *Англіи* занимались словесными науками и философіею природы, а въ крайности еще (англиканскою) теологіею, но въ закоснѣломъ духѣ. Правда, когда въ Оксфордѣ при Генрихѣ VIII открыты были каѳедры словесныхъ наукъ, то студенты рѣшились окончательно порвать съ стариной, и забросили какъ безполезный хламъ Денса Скотта;—но это было лишь мимолетнымъ упоеніемъ. Вскорѣ Оксфордъ опять сталъ отличаться духомъ своей закоснѣлости, тогда какъ Кембриджъ предался болѣе свободному движенію и болѣе широкому размаху, что впослѣдствіи и упрочилось за нимъ, благодаря Ньютону и Бентли, а частью также Локку. Англійскіе университеты были полудуховныя и полусвѣтскія корпораціи. Научная жизнь ограничивалась коллегіями. Поступавшій послѣ предварительнаго испытанія въ начальныхъ основахъ латинской грамматики принимался въ коллегію въ качествѣ или своекоштнаго воспитанника или стипендіата и поручался особому педагогическому надзору одного изъ членовъ коллегіи (тютору). Затѣмъ открывшееся передъ нимъ научное поприще ограничивалось стѣнами коллегіи: воспитанникъ изучалъ сперва преподаваемыя лекторами первоначальныя знанія словесныхъ наукъ, логики, реторики, нравственной философіи и математики, догматовъ и Новаго Завѣта, потомъ участвовалъ въ пройзводившихся подъ вѣдѣньемъ декана диспутахъ и испытаніяхъ, наконецъ въ репетиціяхъ подъ руководствомъ тютора. По прошествіи двухъ лѣтъ ученикъ переходилъ къ академической системѣ, не покидая впрочемъ коллегіальныхъ занятій. Въ теченіе слѣдующихъ двухъ лѣтъ онъ не слушалъ еще публичныхъ лекцій, а принималъ лишь участіе въ первой степени академическихъ диспутовъ въ качествѣ респондента и оппонента. Потомъ, выдержавъ испытаніе въ коллегіи, кандидатъ представлялся къ степени баккалавра, которая и выдавалась ему послѣ совершившагося академическаго испытанія и разрѣшительнаго акта. Баккалавръ посѣщалъ уже публичныя лекціи, принималъ участіе въ болѣе обширныхъ и трудныхъ диспутахъ, читалъ пробныя лекціи и реторическія рѣчи самъ, и по истеченіи двухъ лѣтъ дѣлался магистромъ. Съ этихъ поръ передъ нимъ по тремъ направленіямъ открывался курсъ высшихъ факультетовъ, который путемъ слушанья и чтенія лекцій факультетскихъ наукъ и соотвѣтственныхъ тому диспутовъ, послѣ трехлѣтняго срока, приводилъ къ медицинскому и юридическому, а послѣ семилѣтняго—къ теологическому бакалаврству. Послѣ этого, наконецъ, оставалось

еще четыре года до степени доктора.—Помимо степени, какъ самаго существеннаго момента классификаціи академическаго населенія, не только относительно корпоративныхъ, но также и просто почетныхъ правъ, коллегіями и университетомъ признавались еще моменты рожденія и сословія, такъ что высшее и низшее дворянство и простые мѣщане, не только въ коллегіальной жизни, но и на академическихъ торжествахъ, отличались другъ отъ друга извѣстными почетными правами, внѣшними знаками и преимуществами.—Англійскіе университеты, подобно общественной жизни Англичанъ, проникнуты были множествомъ формальностей и формуляровъ. Но свѣжій, какъ само море, духъ Англичанина все-таки пробивался сквозь эту сѣть къ крѣпкой свободѣ: въ грубой скорлупѣ было и сохранялось здоровое ядро.

2. Католицизмъ и іезуитское воспитаніе.

14.

Распространявшійся въ шестнадцатомъ вѣкѣ надъ міромъ реформаторскій духъ металъ во всѣ стороны свѣтлыя искры. Даже у романскихъ націй, которыя по ихъ пристрастію къ внѣшности, по ихъ подвижности и тщеславію, менѣе нежели Германцы призваны быть носителями этого духа, онъ не только пустилъ корни, но развилъ еще такую мощную и все преодолѣвающую силу, что однѣ лишь страшныя болѣзненныя катастрофы могли отозвать его съ побѣдоноснаго пути. Однако обновленный католицизмъ и тамъ наконецъ водрузилъ побѣдную хоругвь свою. Въ Италіи новыя ученія подавлялись очень жестоко: въ 1559-мъ г. въ Римѣ появился указатель запрещенныхъ книгъ, и орденъ іезуитовъ распространился по всей Италіи. Въ Испаніи, живая духовная жизнь, вознесшая ее въ литературѣ и искусствѣ на духовную вершину Европы, при помощи закоснѣлаго католицизма систематически подавлялась Филиппомъ II, этимъ настоящимъ великимъ инквизиторомъ Испаніи, для котораго протестантизмъ и революція значили одно и то же; а потому реформаціонныя идеи, и безъ того уже чуждыя испанскому характеру, коснувшись поверхностно Испаніи, должны были навсегда удалиться изъ этой страны. Во Франціи, которая изъ романскихъ странъ болѣе всего прониклась германскимъ духомъ и сдѣлалась вслѣдствіе того страною противоположностей, такъ что даже рѣзко раздѣлилась на югъ съ его южно-французскимъ говоромъ (langue d'oc)

и римскимъ правомъ, и на сѣверъ съ его сѣверо-французскимъ нарѣчіемъ (langue d'oil) и германскимъ обычнымъ правомъ, протестантизмъ также не могъ одержать верхъ. Истинною религіею пристрастнаго къ формѣ Француза былъ все тотъ же католицизмъ. Оттого-то Варѳоломеевская ночь и пыталась вновь подавить распространившуюся среди кровавыхъ гоненій реформацію; набатъ въ ночи 24-го августа 1572-го г. былъ похороннымъ звономъ протестантизма во Франціи, который послѣ исшедшей отъ Генриха IV отсрочки былъ окончательно подавленъ Людовикомъ XIV.— Романскія націи развивались внѣ протестантизма, но не безъ косвеннаго вліянія его. Впрочемъ въ Испаніи и Италіи, гдѣ упорно отвергался принципъ самоизслѣдованія, самомышленія и самовѣрованія и отстаивалась тѣсно связанная съ интересами высшихъ сословій іерархія. это развитіе было лишь мгновенное, оно питалось остатками прошлаго, съ тѣмъ чтобы потомъ на столѣтія погрузиться въ летаргическую могилу,—тогда какъ во Франціи, освободившей свой католицизмъ отъ Рима и приходившей все еще въ соприкосновеніе съ протестантизмомъ, культура, постоянно возрастая, поднималась. Эта культура, имѣвшая своимъ средоточіемъ не религію какъ представительницу успѣха, также и не принципъ индивидуальности, приняла характеръ блестящей, все болѣе развивающейся цивилизаціи, тогда какъ проникающему въ глубь германскому духу пришлось сперва преодолѣть всѣ страданія, причиненныя этимъ духовнымъ переворотомъ. Окрѣпнувъ и набравшись силъ въ этой школѣ страданій, онъ впослѣдствіи распустился самымъ пышнымъ цвѣтомъ. Италія, Испанія и Франція—представительницы католическаго воспитанія.

Въ то время какъ германская реформація совершала свое побѣдоносное шествіе, въ *Италіи* еще живы были великіе ученики великихъ мастеровъ живописи: Джуліо Романо, Тинторетто, Павелъ Веронезе. Но вмѣстѣ съ ними истощилось итальянское первенство въ живописи.—Музыка, какъ охрана противъ протестантизма, возникла тамъ въ видѣ высшаго искусства. Изъ Италіи вышла опера, а вмѣстѣ съ нею совершилось и дальнѣйшее развитіе свѣтской музыки, введеніе арій, расширеніе инструментовки и т. п.: такимъ образомъ Италія, которая и прежде уже, вслѣдствіе восторженнаго пристрастія къ гуманизму, вела борьбу на жизнь и на смерть противъ схоластицизма, сдѣлалась и въ музыкѣ также представительницею и исполнительницею чисто человѣчной и прекрасной чувственности. Но и церковная музыка раздавалась въ Италіи полными своими звуками: Палестрина сочинялъ въ ней свои „Миссы“ съ такими увлекательными гармоніями и съ такою святою пре-

лестью, что Баини вынужденъ былъ написать: „Когда эти звуки впервые раздались въ сикстинской капеллѣ, въ святилищѣ, которое не задолго передъ тѣмъ прославлено было зодчествомъ и живописью, то эти художественныя произведенія поднялись съ своихъ мѣстъ и обняли музыку какъ родную имъ сестру, а присутствующими овладѣлъ сильный восторгъ, какого во времена Греціи не ощущали даже слушатели знатнѣйшихъ виртуозовъ и поэтическихъ пѣвцовъ“.— Поэзіею Италія упивалась по прежнему: благодаря своему пониманію формы въ разработкѣ средневѣковаго идеалистическаго міровоззрѣнія, она создала истинно-художественныя произведенія. Аріосто ясными и роскошными звуками, съ остроуміемъ и ироніею пропѣлъ свой романтическій эпосъ; а Торквато Тассо настроилъ лиру на сверхчувственный и вдумчивый ладъ къ своему „Освобожденному Іерусалиму“.—Въ естественныхъ наукахъ геніальныя натуры, окрыливъ самыя глубокомысленныя идеи поэтическимъ вдохновеніемъ, бросались въ объятія всебытія. Въ Италіи Лодовико Дольче (1562) изобразилъ голову, на которой различныя духовныя дѣятельности распредѣлилъ такимъ образомъ: 1) Fantasia, 2) Cogitativa, 3) Vermis, 4) Sensus Communis, 5) Imaginativa, 6) Aestimativa, 7) Memorativa, 8) Olfactus, 9) Gustus *). Здѣсь Бернардино Телезіо (1508—1588) допытывался единства и связи въ міровомъ организмѣ. Патрицци восходилъ здѣсь отъ единаго къ единству, отъ единства къ единствамъ, отъ единствъ къ сущностямъ, отъ сущностей къ жизни, отъ жизни къ душамъ, отъ душъ къ жизненному духу, отъ жизненныхъ духовъ къ натурамъ, отъ натуръ къ свойствамъ, отъ свойствъ къ формамъ, отъ формъ къ тѣламъ. Здѣсь Кардано созерцалъ человѣка какъ цѣль и завершеніе земного жизнеразвитія, который какъ въ средоточіи бытія соединяетъ въ себѣ небесное и земное, вѣчное и преходящее. Здѣсь Ѳома Кампанелла (1568—1639) считалъ человѣка цѣлью природы, а Бога цѣлью человѣка,—матерію одушевленною, каждый атомъ исполненнымъ ощущенія. Здѣсь наконецъ Джордано Бруно (ум. 1600) привелъ въ систему все, чѣмъ одушевлялась реформаціонная эпоха. Онъ все включилъ въ гармонію сферъ и сдѣлалъ это самосознательнымъ лучемъ самосознательнаго вѣчнаго свѣта. „Богъ есть сущее во всякомъ бытіи, сущность, источникъ всѣхъ существъ, побудительная причина всѣхъ причинъ, сила всѣхъ силъ, дѣйствительность всего дѣйствительнаго, душа душъ. Онъ во всемъ и все въ Немъ. Онъ начало, средина и конецъ, отличаясь отъ частнаго не какъ нѣчто отдѣльное отъ него, а напротивъ, какъ содер-

*) 1) Фантазія, 2) Мышленіе, 3) Червь (?), 4) Общее чувство, 5) Воображеніе, 6) Обсужденіе, 7) Память, 8) Обоняніе, 9) Вкусъ.

жащая въ себѣ все частное всеобщая сила и всеобщее единство. У него нѣтъ ни прошлаго, ни будущаго; все что въ природѣ разрознено, то въ Немъ совокупно. Воля и дѣло у Него одно, и Его натура, Его воля—неодолимая необходимость: а потому необходимость и свобода одно; кто дѣйствуетъ по необходимости своей природы, тотъ свободенъ. Онъ цѣлъ въ цѣльномъ мірѣ. Онъ обнаруживается вѣчно въ безконечномъ видѣ. Несмѣтное множество существъ находится въ Немъ, безконечно Одномъ, не какъ во вмѣстилищѣ или пространствѣ, а напротивъ, всѣ эти сонмы единичныхъ вещей подобны сокамъ и крови въ тѣлесномъ организмѣ. Подобно тому какъ человѣческая душа недѣлима и представляетъ лишь одно существо, но при всемъ томъ вполнѣ присуща каждой части своего тѣла, поддерживая, нося и двигая всю совокупность его; такъ точно и Существо вселенной въ безконечномъ одно и на столько же присуще каждой изъ единичныхъ вещей, разсматриваемыхъ нами какъ части его".—Природа въ Италіи была не только предметомъ одушевленія и геніальнаго созерцанія; но сдѣлалась также предметомъ пытливаго наблюденія. Въ Пизѣ жилъ Галилео Галилеи (1564—1642), мужъ опыта и осторожно, но успѣшно развивающагося наблюденія,—открывшій, вопервыхъ, законъ косности, вслѣдствіе котораго тѣло не только пребываетъ въ покоѣ, пока его не приведутъ въ движеніе внѣшнія силы, но сохраняетъ также свою скорость въ одинаковой мѣрѣ и въ прямолинейномъ направленіи, пока не встрѣтятся внѣшнія препятствія,—и, вовторыхъ, законъ свободнаго паденія, по которому пространства, пробѣгаемыя падающимъ тѣломъ относятся другъ къ другу какъ квадраты временъ. Онъ изобрѣлъ также гидростатическіе вѣсы и, при помощи телескопа, наблюдалъ спутниковъ Юпитера, измѣнчивые фазы Венеры, горы и долины на лунѣ, пятна на солнцѣ, по которымъ заключилъ о вращеніи его, образованіе млечнаго пути изъ безконечнаго множества мелкихъ звѣздъ. Какъ впрочемъ эти открытія были приняты итальянскими учеными, это видно изъ письма, написаннаго Галилеемъ къ Кепплеру. „Ты чуть-ли не одинъ вполнѣ довѣряешь моимъ показаніямъ. Когда профессорамъ при флорентинской гимназіи я намѣревался показать въ мой телескопъ четырехъ спутниковъ Юпитера, то они не хотѣли видѣть ни ихъ, ни самаго телескопа; они закрывали глаза отъ свѣта истины. Люди этого склада думаютъ, что не въ природѣ слѣдуетъ искать истину, а лишь въ сравненіи текстовъ между собою (это ихъ собственныя слова). Противъ Юпитера не въ силахъ ратовать ни гиганты, ни пигмеи. Что же дѣлать? Пристать-ли намъ къ Демокриту или къ Гераклиту? Ужъ лучше, по моему, посмѣемся надъ необычайною глупостью черни. Какъ бы посмѣялся ты, еслибъ услышалъ, какъ одинъ изъ нихъ

въ присутствіи герцога то логическими доводами, то магическими проклятіями пытался стащить съ неба новыя планеты". А какъ католицизмъ вообще смотрѣлъ на великія открытія естественныхъ наукъ, это показалъ онъ, принудивъ престарѣлаго Галилея дать такую присягу: „Я, Галилеи, на семидесятомъ году моей жизни лично представленный въ судъ, устремивъ глаза на святое Евангеліе, которое держу своими руками, съ искреннею вѣрою и чистосердечно отрекаюсь, проклинаю и презираю заблужденіе и ересь о движеніи земли". Протестъ его, который, вставъ и топнувъ ногою, пробормоталъ онъ про себя, его „она все-таки движется"! былъ протестъ духа истины противъ католицизма, отворотившагося отъ всемірноисторическаго развитія,—это было „символическое подтвержденіе того, что истина такъ же непоколебима, какъ прикрѣпленное къ небесному своду солнце, и что стремленіе къ ней такъ же неудержимо движется впередъ, какъ и вращающаяся на своей оси планета" *).

Гдѣ такіе умы распространяютъ вокругъ себя пламя пожара, тамъ народный духъ не можетъ погрузиться въ летаргію. Потребность въ реформаціи ощущалась всѣми въ Италіи, такъ что епископъ Стафилъ Сибари осмѣлился заявить о ней въ 1527-мъ г. въ своей „рѣчи, обращенной къ членамъ верховнаго суда о причинахъ паденія города Рима" (oratio habita ad auditores rotae de causis excidii urbis Romae). Въ Венеціи у Павла Мануція появились Лютерово толкованіе. Отче нашъ и Меланхтоновы loci communes, переведенные на итальянское Людовикомъ Кастельветро подъ итальянизированнымъ именемъ Меланхтона, per Messer Ippofilo de Terra Negra. Лютерово введеніе въ посланіи къ Римлянамъ и его статья объ оправданіи читались подъ именемъ кардинала Фрегозо. Творенія Цвингли обращались подъ именемъ Корицція Когелія, а Лютерово толкованіе псалмовъ раскупалось въ Италіи и Франціи подъ видомъ творенія Ареція Фелина. Изученіе Священнаго писанія также пробудилось въ Италіи: въ 1518-мъ г. вышло новое изданіе еврейской библіи въ Венеціи, въ 1518-мъ же переводъ семидесяти толковниковъ, въ 1527-мъ вышелъ латинскій, а въ 1532-мъ г. итальянскій переводъ.

Любовь къ классической литературѣ также еще не потухла. Даже женщины писали стихи и основательно знали древніе языки. Рожденный въ 1526-мъ г. близъ Лиможа Муретъ былъ радушно принятъ въ Италіи: въ Римѣ онъ читалъ съ 1562-го г. публичныя лекціи о классикахъ, философіи и гражданскомъ правѣ; то былъ мужъ рѣдкаго остроумія, утонченнаго вкуса и обширной учености, притомъ

*) Легенда объ этомъ протестѣ въ новѣйшее время окончательно опровергнута. *Прим. переводч.*

одинъ изъ величайшихъ латинскихъ стилистовъ. Однако лучшая пора гуманизма и гуманистическихъ ученій миновала для Италіи. Въ 1542-мъ г. Лайнесъ (товарищъ Лойолы) положилъ основаніе іезуитской коллегіи. Въ Мондови въ 1561-мъ г. была основана такая же противъ Вальденсовъ. Искусство и литература скоро перешли въ состояніе крайней натяжки и разслабленія: школы принадлежали теперь іезуитамъ.

Въ Нидерландахъ сильное движеніе умовъ повліяло также и на южныя, католическія провинціи. Города и мѣстечки послѣднихъ соперничали съ протестантскими провинціями по части школъ и учителей. Многіе изъ городовъ отличались своимъ рвеніемъ въ образованіи юношества; великіе филологи сдѣлали шестнадцатое столѣтіе по истинѣ классическимъ для Нидерландовъ и возвели школы ихъ въ образцовыя заведенія какъ для католиковъ, такъ и для протестантовъ. Гентъ въ особенности оказалъ великіе услуги изученію древности; изъ всѣхъ нидерландскихъ городовъ онъ, какъ кажется, первый ввелъ школьныя комедіи и достигъ своего расцвѣта при ректорѣ іезуитѣ, Карлѣ Госвинѣ. Онъ служилъ подготовительною школою къ Лувенскому университету, этому поборнику католицизма противъ Германіи и лютеранства; а съ 1559-го г. къ нему присоединился Дуэ.

Французскій умъ, говоритъ Карлъ Шмидтъ, попреимуществу одаренъ сильною воспріимчивостью, индивидуальностью, пониманіемъ оттѣнковъ и формъ, способностью сравнивать, остроуміемъ, наклонностью къ чудесамъ и идеальностью. Тщеславіе составляетъ путеводную звѣзду французскаго духа, но осмотрительность скудна: темпераментъ живой. Оттого у француза нравъ легкомысленный, открытый, невоздержный и легкоподвижный; оттого мысли его полны изящества, остроумія и точности, но лишены большой глубины; оттого Франція страна революціи, но также и орденовъ, лентъ и титуловъ, заговора и коварства.

Классической вершины своей дѣятельности этотъ умъ достигъ при Людовикѣ XIV. Изреченіе короля: „L'état c'est moi“ было выраженіемъ соціальнаго, научнаго и литературнаго характера эпохи. Лишенное глубокаго образованія и глубокаго содержанія, все служило наружности и блеску. И какъ самъ Людовикъ былъ величайшимъ мастеромъ въ сановитой представительности, то и создалъ при своемъ дворѣ особую литературу, отличавшуюся точно такъ же характеромъ искусственности, что главнѣйше зависитъ не столько отъ содержанія, сколько отъ формы. Расинъ, Корнель, Мольеръ и пр.—вотъ представители этой искусственной поэзіи, крайнія выси въ золотой вѣкъ французской литературы, въ свое время „по формѣ самой изящной и самой за-

конченной“ тѣмъ знаменательнѣе въ историческомъ отношеніи, что литература эта не только вѣрно отражаетъ истинную суть передового изъ романскихъ народовъ, но долго также господствовала надъ литературою и образомъ мыслей всѣхъ другихъ націй, даже и германскаго народа, исполнивъ такимъ образомъ свою настоящую задачу,—объединеніе крайне разрозненной европейской культуры.

Культурному развитію вообще соотвѣтствовали также и французскія школы. Протестанты изрѣдка лишь добивались здѣсь общественныхъ школъ: когда католическое приходское начальство не разрѣшало имъ содержать школу, то они вынуждены были прибѣгать къ тайнымъ или закоулочнымъ училищамъ (écoles buissonnières). Первоначальныя школы находились на низкой степени развитія, и когда онѣ выходили изъ предѣловъ первоначальнаго обученія чтенію и письму, то тотчасъ же осаживались назадъ крайне ревнивыми университетами. Приходскія училища были и остались низшими латинскими школами: учителя обучали мальчиковъ, учительницы дѣвочекъ; начиная съ 1613-го г. въ нихъ подвизались ораторіанцы; они вообще благотворно вліяли своимъ скромнымъ усердіемъ и благочестивымъ настроеньемъ. Въ Парижѣ въ 1529-мъ г. Францискъ I, этотъ ревностный покровитель филологическихъ знаній, основалъ государственное учрежденіе для преподаванія словесныхъ наукъ, Collége de France, и пригласилъ туда отличныхъ какъ французскихъ, такъ и иноземныхъ ученыхъ. Но Парижскій университетъ, „это маленькое педагогическое государство,“ убоясь такого соперничества, а также свободнаго научнаго духа тамошнихъ профессоровъ, добился, чтобы въ 1533-мъ г. королевскіе чтецы (les liseurs de roi) т. е. профессора коллегіи были призваны парламентомъ къ допросу, за то что они въ своихъ общедоступныхъ и даровыхъ лекціяхъ переводили Священное писаніе на французскій языкъ и осмѣлились толковать его. Враждуя противъ новаго умственнаго направленія, университетъ сдѣлался потомъ сообщникомъ духовныхъ судовъ, изгонялъ своихъ болѣе либеральныхъ членовъ, поддерживалъ цензуру театральныхъ піэсъ и книгъ и по возможности старался удалить изъ учебныхъ заведеній учителей истиннаго гуманизма и всякія книги, отзывающіяся шаткою вѣрою (mal sentant de foi) и, въ особенности, Священное писаніе. Но такъ какъ самъ онъ не сумѣлъ ни пробудить, ни поддержать научный духъ въ молодежи, то алчные до наслажденій и лишенные всякихъ высшихъ стремленій парижскіе студенты предались распутству и преступному буйству, такъ что университетъ самъ утратилъ свое верховенство, и королевская власть съ ея солдатами должна была поспѣшить къ нему на помощь. Вслѣдствіе этого ректоръ независимой доселѣ корпораціи

сдѣлался уполномоченнымъ, а съ 1560-го г. окончательно чиновникомъ короля, и вся общественная учебная система стала дѣломъ правительства. Королевскимъ регламентомъ установлены были внѣшнія условія учебной системы. А именно, въ 1629-мъ г. университетамъ предоставлено было исключительное право приготовлять къ академическимъ степенямъ, такъ что никто не допускался къ правительственному испытанію, не представивъ свидѣтельства о томъ, что онъ по малой мѣрѣ 3 года обучался въ одномъ изъ университетовъ. Но съ устраненіемъ внѣшнихъ злоупотребленій не могла пробудиться новая внутренняя жизнь, и даже іезуиты, въ 1564-мъ г. впервые основавшіе школы во Франціи и послѣ измѣнчивой борьбы при Людовикѣ XIV завладѣвшіе обученіемъ въ большей части государства, не были въ состояніи благотворно повліять на дѣло воспитанія и возбудить истинное умственное образованіе. Они впрочемъ достигли отвѣчающей французскому характеру обдѣлки формы. Доказательствомъ тому, что всѣ науки во Франціи склонялись къ этой цѣли, служатъ результаты, достигнутые тамъ гуманизмомъ. Послѣдній во Франціи такъ же, какъ и въ Германіи, былъ противоположностью къ схоластикѣ. Но будучи въ Германіи завѣтнымъ дѣломъ направленной къ серьезнымъ религіознымъ и политическимъ цѣлямъ прогрессивной партіи, онъ какъ во Франціи, такъ и въ Италіи служилъ лишь для прихоти изящной знати и поощрялъ къ утонченности жизненныхъ наслажденій. Будучи въ Германіи споборникомъ науки и искусства, гуманизмъ во Франціи послужилъ лишь средствомъ для того, чтобы придать художественную форму ново-романской самодержавной королевской власти.

Изъ всѣхъ романскихъ національностей, какъ по ихъ коренному свойству, такъ и по историческимъ вліяніямъ, какимъ подлежали они въ только что минувшую эпоху, *испанскій народъ* болѣе всего сохранилъ полное согласіе съ римскою церковью. Оттого возбужденныя здѣсь реформаторскія начала и подняли католическій энтузіазмъ до фанатизма. Этотъ изъ глубины души исходившій католическій фанатизмъ вдохнулъ обликамъ испанской живописи идеальность, доводящую созерцателя до восторженности, оттого что она въ сверхъ-естественномъ блескѣ своемъ лишаетъ реальный міръ почвы, а въ то же время, о-бокъ съ такой идеальностью, реализмъ, составлявшій существенный элементъ въ этой странѣ открытелей и завоевателей проявлялся въ художественныхъ образахъ, отличающихся въ сравненіи съ Голландцами своимъ испанскимъ роскошнымъ пыломъ. Оба эти направленія заявляютъ себя также и въ поэзіи, которая съ одной стороны завершаетъ собою идеализмъ средневѣковья, а съ другой въ „Донъ Кихотѣ“, съ художествен-

ною идеальностью, при посредствѣ вышедшей изъ реализма юмористически-иронической критики, отрицаетъ этотъ средневѣковой рыцарскій идеализмъ. Плодовитый Лопе де Вега, фантастическій Кальдеронъ, геніальный Сервантесъ, пышно величавый Мурильіо служатъ тому свидѣтелями и въ поэзіи и въ живописи. Наука напротивъ того пользовалась скуднымъ попеченіемъ, а теологія томилась въ узахъ окоченѣвшихъ догматовъ вѣры. Общественное обученіе также было сковано неподвижнымъ схоластицизмомъ. Правда, университеты въ Саламанкѣ и Алкалѣ-де-Генаресъ соперничали съ парижскимъ. Въ школахъ же, напротивъ, обучали только скудной латини, какъ подготовкѣ къ изученію права и богословія. Народу представлялись мистеріи христіанства въ театральномъ видѣ. „Ярмарочныя празднества“ Хиля Висенти даютъ понятіе объ этихъ представленіяхъ. „Время возвѣщаетъ тутъ ярмарку въ честь Пречистой Дѣвы. Ее открываетъ „Серафимъ,“ предлагая всѣмъ пастырямъ душъ и заснувшимъ папамъ новыя платья и страхъ Божій, которые продаются здѣсь по фунтамъ. Но тутъ и „чортъ“ также открылъ свою лавочку; явился даже „Римъ,“ этотъ представитель церкви, и предлагаетъ въ продажу душевное спокойствіе. Число покупателей и продавцовъ все возростаетъ. Вдругъ чортъ далъ стречка, оттого что какая то крестьянка, почуявъ его, разразилась восклицаніемъ: „Іисусе,“ „Іисусе!“ Серафимъ, предлагая добродѣтели, торгуетъ дотого плохо, что даже крестьянскія дѣвушки его увѣряютъ, кто жены ищетъ, тотъ обращаетъ вниманіе болѣе на деньги, нежели на добродѣтели. Лучше всего обдѣлываетъ дѣла свои „Матерь Божія,“ оттого что она даромъ раздаетъ подаянія изъ своей лавочки. Зато всѣ и поютъ ей хвалебную пѣснь, чѣмъ и кончается ярмарка.

Въ фанатически-мечтательной Испаніи, отъ чрезмѣрнаго самолюбія испанскаго національнаго духа, вышло первое организованное нападеніе на протестантство въ образѣ іезуитизма.

Іезуиты

представляютъ въ католицизмѣ борьбу противъ всего некатолическаго и коренное противодѣйствіе протестантизму: таково заявленіе скрѣпленной и освященной Тридентинскимъ соборомъ іерархической системы, признавшей съ тѣхъ поръ своею важнѣйшею задачею крайне враждебно оспоривать у протестантства каждую душу, недовѣрчиво слѣдить за каждымъ движеніемъ прогресса и искоренять его

путемъ гоненій. Основателемъ утвержденнаго въ 1540-мъ г. папою ордена іезуитовъ былъ Игнатій Лойола: твердый и строгій, мужественный и сильный духомъ, одаренный проницательнымъ взглядомъ, умѣньемъ распознавать умы, житейскимъ опытомъ, благоразуміемъ, осторожностью, неутомимостью и заботливостью до мелочей,—этотъ мужъ, всилу своей энергіи, побѣждалъ все, за что ни брался, истязалъ плоть свою дотого, что часто падалъ безъ памяти, и при своей желѣзной волѣ владѣлъ собою такъ, что однажды въ Парижѣ, проводивъ друга своего, Фрагуса, къ заболѣвшему чумою и подавъ послѣднему руку, а потомъ, считая себя зараженнымъ и почувствовавъ болѣзненный жаръ въ рукѣ, онъ сунулъ ее въ ротъ и воскликнулъ: Если у тебя чума въ рукѣ, то пусть же она будетъ и во рту,—послѣ чего болѣзненное чувство покинуло его тотчасъ.—Каковъ человѣкъ, таково было и учрежденіе его: орденъ іезуитовъ. „Кто въ нашемъ обществѣ, которое желаемъ прославить именемъ Іисуса, хочетъ быть рабомъ Божіимъ подъ знаменемъ креста и служить Ему, Господу, и римскому папѣ, намѣстнику Его на землѣ, тотъ, давъ предварительно торжественный обѣтъ цѣломудрія, долженъ проникнуться мыслью, что онъ принадлежитъ обществу, основанному главнѣйше съ цѣлью надѣлять людей духовнымъ утѣшеніемъ для преуспѣянія душъ въ христіанской жизни и христіанскомъ ученьи, для распространенія вѣры посредствомъ публичныхъ проповѣдей и управленія словомъ Божіимъ, посредствомъ духовныхъ подвиговъ и богоугодныхъ дѣлъ и особенно посредствомъ наставленія дѣтей и неучей въ христіанствѣ, а также посредствомъ выслушиванья исповѣди, когда вѣрующіе во Христа пожелаютъ исповѣдаться“. Іезуитизмъ, вѣрно постигнувъ духъ своей эпохи, отказался отъ борьбы съ мечемъ въ рукѣ за вѣру; онъ взялся подавить ересь силою духовнаго оружія, и исполнилъ это съ яснымъ пониманіемъ существующихъ условій обыденной дѣйствительности. Папство и іерархія, вотъ тѣ вереи, на которыхъ вращался интересъ ордена и въ угоду которымъ дѣйствовалъ онъ во всѣхъ классахъ общества, начиная съ низшихъ слоевъ народа и до престоловъ. А потому и встрѣчались съ нимъ не только и не исключительно на теологическомъ и научномъ пути; онъ обращалъ особенное вниманіе на то, чтобы самымъ разнороднымъ интересамъ жизни, тайнымъ и явнымъ, духовнымъ и задушевнымъ потребностямъ доставить въ лонѣ церкви религіозно мотивированное или по крайней мѣрѣ терпимое удовлетвореніе, тогда какъ правовѣрный протестантизмъ постояннымъ набожнымъ самоограничьемъ задерживалъ богатое развитіе и чувственное наслажденіе бытіемъ, такъ что, относя всѣ условія жизни къ своей теологіи, онъ сдѣлался нетерпимымъ. Въ противность протестантству іезу-

птизмъ либеральнѣе и снисходительнѣе относится какъ къ мукѣ сомнѣнія, такъ и къ поползновеніямъ чувственности, какъ къ художественному энтузіазму, такъ и къ честолюбію и стяжательству; онъ требовалъ, правда, безусловнаго, но въ сущности все-таки лишь наружнаго почитанія. Іезуитизмомъ католическая церковь сплотилась конечно еще крѣпче; но вслѣдствіе вызваннаго въ ней протестантствомъ развитія, она вмѣстѣ съ тѣмъ признала свѣтскость и стремилась придать церкви изящный внѣшній видъ. Іезуитизмъ добивался господства церкви и духовнаго рабства; ни религіи, ни науки, ни искусства не искалъ онъ ради ихъ самихъ; но пользовался влеченіемъ къ религіи, къ наукѣ и искусству, даже самою религіею, наукою и самимъ искусствомъ для достиженія своей цѣли. Оттого-то мнимое значеніе католической церкви и сдѣлалось съ нимъ сознательною ложью. Оттого-то достигнутая орденомъ ученость и оказалась коварною разсудочностью, а духовное образованіе великосвѣтскимъ лоскомъ. Оттого-то по іезуитскому нравоученію, основанному на главномъ правилѣ, будто средство освящается цѣлью,— все дозволяется, что можетъ быть оправдано доводами вѣроятности, и въ преступномъ дѣйствіи все вполнѣ зависитъ отъ цѣли: такъ наприм. грѣшитъ собственно лишь тотъ, кто мстя вытѣсняетъ врага изъ должности, а не тотъ, кто вытѣсняетъ его, надѣясь лучше исполнить эту должность. Тревоги совѣсти можно успокоить авторитетомъ знаменитаго писателя, или просто ими пренебречь. Можно также давать присягу, съ тѣмъ чтобы не сдержать ея, стоитъ лишь, присягая, мысленно представлять себѣ какъ разъ противоположное тому, въ чемъ присягаешъ. Возмущеніе духовнаго лица противъ короля отнюдь не оскорбленіе величества, ибо духовный не подданный короля и т. п. И все это совершается къ вящей славѣ Божіей!—„На этотъ орденъ, говоритъ Новалисъ, домогающійся духъ іерархіи излилъ послѣдніе дары свои, снабдилъ старину новыми силами и съ удивительною прозорливостью и настойчивостью радѣлъ о папской власти и о возрожденіи ея“. Въ іезуитизмѣ не только обнаружилось возвратное вліяніе протестантства на католическую церковь, но заодно съ нимъ критическій, отрицательный духъ самого протестантства проникъ даже въ католицизмъ, привлекши на служеніе послѣднему какъ протестантскую науку, такъ и протестантскій духъ и поборая такимъ образомъ протестантство на его собственной почвѣ. Это неутомимая и безсмертная армія папства. Мы вкрались какъ агнцы, а управляемъ какъ волки, насъ будутъ изгонять какъ псовъ, а мы воротимся опять орлами,—сказалъ третій генералъ іезуитовъ, Франческо Боргезе.

Для того, чтобы свѣтъ сдѣлать іезуитскимъ, представители іезуитизма должны были завладѣть искусствомъ и нау-

кою. Они и добивались этого въ чрезвычайномъ множествѣ книгъ. Игнатій Лойола самъ написалъ Exercitia Spiritualia, Constitutiones, Epistola ad Claudium Aethiopiae Regem и Tractatus de sanctissima Trinitate *). Францискъ Ксаверъ сочинилъ 7 книгъ посланій о миссіяхъ, катехизисъ на малабарскомъ языкѣ и короткій перечень христіанскихъ ученій на португальскомъ. Лайнесъ написалъ 16 сочиненій. Петръ Канизій, въ 1543-мъ г. первый изъ Нѣмцевъ поступившій въ орденъ, издалъ: Summa doctrinae christianae sive Catechismus major; Institutiones christianae pietatis seu Catechismus parvus; Notae aureae in Evangelia Dominicorum et Festorum seu Concionum; Exercitamenta christianae pietatis, Manuale Catholicorum etc **). Толетъ сочинилъ введеніе въ логику, Комментаріи съ вопросами касательно всей логики Аристотеля, три книги de Anima (о душѣ), Комментаріи на Іоанна, Луку и на посланіе къ Римлянамъ, Summa Casuum Conscientiae sive Instructio Sacerdotum (Сборникъ рѣшеній совѣсти или наставленіе священникамъ). Робертъ Белларминъ написалъ еврейскую грамматику и теологическую литературную исторію, Disputationes de controversiis christianae fidei adversus hujus temporis haereticos ***); за нимъ въ качествѣ поборниковъ послѣдовали Пирсонъ и Кампіанъ въ Англіи, Котонъ во Франціи, Таннеръ, Контценъ и Юнгъ въ Германіи, Пасмани въ Венгріи, Лессіусъ и Скрибани въ Нидерландахъ, Эвдэмонъ и Іоаннесъ въ Римѣ, Пенналоза и Пиза въ Испаніи. Франсиско Суаресъ разработалъ здѣсь въ 24 фоліантахъ метафизику, догматику и нравоученіе. Людовикъ Молина своимъ твореніемъ liberi arbitrii cum gratiae donis, divina praescientia, providentia, praedestinatione et reprobatione concordia ****) положилъ начало молинистскимъ распрямъ. Іезуиты обработывали всѣ отросли богословія, особенно также толкованіе библейскихъ книгъ съ ихъ экзегетическимъ основнымъ положеніемъ: „quod semper, quod ubique, quod ab omnibus", всилу котораго они свои герменевтическіе доводы брали изъ преданій, у отцовъ церкви и у соборовъ. Они занимались философіею и имѣли притомъ

---

*) Духовныя упражненія, Учрежденія, Посланіе къ Клавдію, царю Эѳіоповъ, и Трактатъ о святой Троицѣ.

**) Сборникъ христіанскихъ ученій или большой катехизисъ; Наставленіе въ христіанскомъ благочестіи или малый катехизисъ; Золотыя примѣчанія къ воскреснымъ и праздничнымъ Евангеліямъ; Упражненія въ христіанскомъ благочестіи; Руководство католикамъ и пр.

***) Разсужденія о борьбахъ христіанской вѣры противъ еретиковъ настоящаго времена.

****) Согласіе свободы воли съ дарами благодати, божескимъ предвѣдѣньемъ, промысломъ, предопредѣленіемъ и осужденіемъ.

цѣлью передать и распространить діалектическое мышленіе и діалектическіе пріемы. Практическимъ психологомъ выступилъ Аквавива съ своею книгою Industriae ad curandos animae morbos (Искусство лѣчить болѣзни души). Эмпирическую психологію, какъ вспомогательную науку о нравственности, изложилъ Грасіанъ въ своихъ „Умозрѣніяхъ“ и въ своемъ „Свѣтскомъ человѣкѣ“. По всемірной исторіи трудились Маріана, Страда, Маттей, Турселлино, Даніэль, дю-Гальдъ и др. Клавіусъ перевелъ и объяснилъ Эвклида и сдѣлался, по назначенію Григорія XIII, преобразователемъ календаря. Ричіолли и Гримальди подтвердили систему Коперника. Борго написалъ Art de la fortification et de la défense des places (Фортификація и оборона крѣпостей). Чекки улучшилъ телескопъ. Кирхеръ изобрѣлъ всеобщее письмо и стенографію. Гусмаръ устроилъ въ Бразиліи воздушный шаръ. Л. Терци соорудилъ сѣяльную машину, изобрѣлъ нѣчто въ родѣ преподаванія глухонѣмыхъ и способъ сообщенія между слѣпорожденными. Изъ живописцевъ назовемъ: Куртуа, Зегферса, Валеріано, Латри, Дандини, Кастильіоне;—изъ музыкантовъ: Маротту;—изъ ваятелей: Фіамміери;—изъ зодчихъ: Массэ, Менестріэ, Матланжа. Особенно дѣятельными оказались іезуиты по части учебниковъ и руководствъ. Саккини написалъ Paraenesis ad magistros scholarum inferiorum (Увѣщанія учителямъ въ низшихъ школахъ), Жюдэ—Разсужденія о преподаваніи изящныхъ наукъ; Жуванси—Ratio discendi ac docendi (Правила учиться и учить); Алеръ придумалъ Gradus ad Pavnassum; Альваресъ написалъ просодію; Помей Tractatus de particulis; Жиродо греческую грамматику и Одиссею подъ именемъ Praxis linguae sacrae; Альваресъ латинскую грамматику. Болѣе 300 іезуитовъ писали грамматики и книги для первоначальнаго обученія живымъ и мертвымъ языкамъ, и болѣе 95 обучали языкамъ. Воспитанію іезуиты приписывали величайшее значеніе, такъ какъ для того чтобы распространить между людьми іезуитскіе пріемы и іезуитскій образъ мыслей слѣдуетъ уже въ юности положить къ тому основаніе.

Вслѣдствіе этого Лойола самъ принялся за дѣло и привелъ воспитаніе въ систему. Онъ установилъ порядокъ занятій, методъ, дисциплину, внутреннее устройство школъ. Онъ назначилъ чему учить и какихъ писателей читать; умножилъ предметы преподаванія, совѣтовалъ изучать словесныя науки, краснорѣчіе, стихотворство, исторію, требовалъ особенныя профессорскія каѳедры для еврейскаго, греческаго, латинскаго и, если окажется цѣлесообразнымъ, для халдейскаго, арабскаго и индійскаго языковъ. Онъ велѣлъ обучать математикѣ и физикѣ, философіи и теологіи;

сверхъ того правовѣдѣнье и медицина также должны преподаваться въ высшихъ заведеніяхъ ордена, хотя не обязательно для его членовъ. Въ философіи основаніемъ долженъ служить Аристотель, а въ теологіи Ѳома Аквинскій, и только когда окажется крайне необходимымъ, можно отступить отъ ихъ ученій. Въ дисциплинѣ, помимо покаянія, молитвъ и размышленій, въ случаѣ противозаконныхъ поступковъ прибѣгаютъ къ простымъ увѣщаніямъ и въ крайности къ тѣлеснымъ наказаніямъ. Внутреннее устройство во всѣхъ школахъ должно быть одинаковое. Короткую молитву, которою открывается классъ, слѣдуетъ читать лишь тогда, когда она исполняется внимательно и благоговѣйно: а иначе довольствоваться для начала однимъ крестнымъ знаменіемъ.

Этотъ учебный планъ Лойолы служилъ въ сущности никогда неизмѣняемою основою іезуитскихъ заведеній. Однѣ лишь отмѣны въ частностяхъ назначались главными конгрегаціями: запрещалось взимать какую бы то ни было плату за ученіе; генералу предписывалось допускать новыя учебныя заведенія только по крайне-важнымъ причинамъ, потому что прежде всего надлежитъ довести до высшей степени совершенства уже существующія. Такъ какъ съ приливомъ учениковъ оказался недостатокъ въ учителяхъ, то и были учреждены нормальныя школы для практическаго образованія наставниковъ.—Къ исходу шестнадцатаго столѣтія оказалось необходимымъ довершить учебный планъ. Генералъ Аквавива приказалъ выполнить это дѣло. Изъ всѣхъ католическихъ государствъ избраны были шесть патеровъ, представившихъ по истеченіи года свой совокупный трудъ, основу правилъ для обученія (Ratio studiorum). Одобренный папою и обществомъ, онъ еще разъ былъ переданъ генераломъ комитету изъ 12 членовъ, а затѣмъ уже принятъ какъ утвержденный учебный уставъ.— Правила и наставленіе (Ratio atque institutio studiorum societatis Iesu), начертанныя Лойолою и правила обученія (Ratio Studiorum), довершенныя при Аквавивѣ, составляютъ іезуитскій учебный кодексъ. По главнымъ чертамъ своимъ учебный уставъ всю цѣль воспитанія ближняго сосредоточиваетъ въ познаніи и любви Творца и Спасителя нашего, тогда какъ остальное обученіе должно служить только средствомъ. Это вело къ тому, чтобы уроки начинать съ молитвою, чтобы воспитанниковъ строго понуждать къ богослуженію, предписывать принятіе Святыхъ Даровъ на дому, твердо впечатлѣть въ памяти катехизисъ, устроивать христіанскія бесѣды и христіанскія чтенія, вообще въ преподаваніи пещись о вѣрѣ и благочестіи, языческими же писателями пользоваться лишь съ пропусками. Для высшихъ факультетовъ, для философіи и теологіи, предписывается настрожайшее благоговѣніе ко всему положительному; все, что

непосредственно или посредственно противорѣчитъ ученію церкви, исключается изъ преподаванія. Одобренные учебники по всѣмъ предметамъ равномѣрно введены во всѣхъ школахъ ордена. Слушателямъ дозволяется имѣть лишь извѣстныя книги, и то съ вѣдома ректора.

Учебныя и воспитательныя заведенія іезуитовъ вскорѣ распространились по всей Европѣ. Папа Юлій III въ 1552-мъ г. разрѣшилъ имъ всюду открывать школы. Они вскорѣ пріобрѣли господство въ Италіи, Португаліи и Испаніи; основали школы въ Польшѣ и Венгріи; наконецъ завладѣли также и Франціей; въ Германіи открыли они въ 1551-мъ г. свою первую школу въ Вѣнѣ, въ 1556-мъ учебныя заведенія въ Кёльнѣ, Прагѣ, Ингольштадтѣ, въ 1559-мъ въ Мюнхенѣ и Тирнавѣ, въ 1563-мъ въ Диллингенѣ, въ 1569-мъ въ Браунсбергѣ, въ 1575-мъ въ Гейлигенштадтѣ и т. д. Въ 1600-мъ году орденъ имѣлъ 200 школъ; а въ 1710-мъ 612 коллегій, 157 пансіоновъ или нормальныхъ школъ, 59 заведеній для послушниковъ, 340 резиденцій, 200 миссій и 24 дома для профессовъ (т. е. высшихъ членовъ ордена), сверхъ того 24 университета, въ которыхъ патеры раздавали академическія степени. Каждое изъ этихъ заведеній посѣщалось въ весьма большомъ числѣ; въ Клермонтской коллегіи въ 1651-мъ г. было около 2000, а въ 1675-мъ около 3000 студентовъ. Благодаря такому множеству заведеній орденъ былъ въ состояніи завѣдывать чуть-ли не всѣмъ воспитаніемъ въ католической Европѣ, и онъ на самомъ дѣлѣ завѣдывалъ имъ въ теченіе почти двухъ столѣтій. Оттого то по уничтоженіи ордена (онъ уничтоженъ во Франціи въ 1762-мъ, потомъ въ Испаніи и Неаполѣ въ 1773-мъ г. Климентомъ XIV) оказался большой недостатокъ въ общественномъ преподаваніи. По возстановленіи его („первымъ важнымъ актомъ" Пія VII въ 1814-мъ г., когда онъ, благодаря болѣе всего протестантскимъ государямъ, освободился отъ власти Наполеона, было возстановленіе іезуитовъ), католическія правительства въ общественные учителя назначали большею частью іезуитовъ. Хотя орденъ терпѣлъ тогда большой недостатокъ въ учителяхъ, однако генералъ Бржозовски строго слѣдилъ за тѣмъ, чтобы члены, прежде чѣмъ приступятъ къ преподаванію, выдерживали двухгодичный искусъ, а потомъ отправлялись въ ученое заведеніе, съ цѣлью усовершенствоваться въ математикѣ, физикѣ, литературѣ, философіи и теологіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, вслѣдствіе измѣнившихся условій, ощущалась потребность подвергнуть пересмотру Ratio studiorum, не измѣняя впрочемъ существенныхъ основъ. По требованью главной конгрегаціи генералъ Роотгаанъ и назначилъ комитетъ, принявшійся въ 1830-мъ г. за эту ревизію. Послѣ нея профессоръ философіи не былъ болѣе связанъ Аристотелемъ, а теологъ—Ѳомою

Аквинскимъ. Для потребностей миссіи въ курсъ преподаванія вошли восточные языки. Предписывалось впредь обучать исторіи церкви, причемъ профессоръ, разбирая достоинства писателей и значеніе спорныхъ грамотъ, обязанъ былъ примѣнять свободную отъ всякихъ предразсудковъ, правдивую и умѣренную критику. Профессорамъ философіи поставлялось за правило въ преніяхъ наблюдать за тѣмъ, чтобы ученики дѣлали лишь серьезныя и вѣскія возраженія, выражались ясными и точными словами, избѣгая мелочныхъ и только остроумныхъ выходокъ. Профессоръ нравоученія обязанъ также преподавать своимъ ученикамъ и общія основанія права. Для физики и естественной исторіи, причисляемыхъ прежде къ философіи, назначены были особыя каѳедры. Предписывалось: изученіе родного языка, чистота выраженія въ переводахъ, хорошее произношеніе, чтеніе вслухъ и объясненіе лучшихъ отечественныхъ писателей.—Ходъ образованія для юныхъ членовъ ордена по этому новому учебному уставу, какъ въ сущности и по прежнимъ уставамъ, состоитъ въ томъ, что они подвергаются сперва двухлѣтнему искусу, посвящаемому собственно аскетизму, съ цѣлью пріучиться къ благовѣрной жизни, а потомъ уже принимаются въ разрядъ послушниковъ и схоластиковъ. Въ первый годъ схоластической дѣятельности новичекъ долженъ повторить вновь свои классическія знанія. Послѣ этого онъ воленъ обратиться къ наукамъ, отвѣчающимъ его особеннымъ наклонностямъ. По истеченіи срока ювената начинается курсъ регенца. Если юный іезуитъ оказалъ способности къ церковному краснорѣчію и руководилъ въ теченіе двухъ или трехъ лѣтъ классомъ словесныхъ наукъ или реторики, то можетъ перейти къ теологіи и получаетъ отъ начальства мѣсто учителя на три или четыре года. Наконецъ будущему священнику предоставляется еще одинъ годъ для изученія отцовъ церкви и образцовыхъ проповѣдниковъ.—Впрочемъ оказанныя въ возобновленномъ Роотгааномъ Ratio studiorum уступки эпохѣ дѣлаются по возможности опять безвредными. Математику и физику назначено преподавать въ большемъ объемѣ собственно только въ лицеяхъ, тогда какъ въ низшихъ школахъ предписано частью предоставить „нѣкоторое время“ на изученіе постороннихъ предметовъ, частью заняться съ большимъ рвеніемъ роднымъ языкомъ и отечественною литературою, но такъ, чтобы изученіе латинской и греческой литературъ не потерпѣло ущерба и всегда оставалось главнымъ дѣломъ. Изъ классическихъ писателей читаются лишь мелкіе отрывки, притомъ избираемые дотого безтолково, что двѣнадцатилѣтніе мальчики знакомятся съ Тибулломъ, Катулломъ и Проперціемъ, тогда какъ въ греческомъ псевдо-Фокилидъ и Ѳеогнидъ помѣщены вмѣстѣ съ Григоріемъ Назіанзскимъ и Синезіемъ.—Тѣмъ же путемъ

продолжаетъ идти и теперешній генералъ іезуитовъ Бексъ. Конечно—заявляетъ онъ—Ratio studiorum не замыкается отъ вліяній истиннаго и испытаннаго прогресса и отъ требованій эпохи; это не мертвый, а напротивъ, живой организмъ, и носитъ самъ въ себѣ зародышъ развитія. Однако предлагаемыя имъ дидактическія основныя начала представляютъ лишь новое, но отнюдь не исправленное изданіе старой формалистической системы. Онъ именно утверждаетъ, что слишкомъ раннее занятіе мальчиковъ реальными предметами значительно затрудняетъ и часто мѣшаетъ основательному развитію и подготовкѣ ихъ къ высшимъ ученіямъ и наукамъ. Притомъ, вслѣдствіе предпочтенія реальныхъ предметовъ мальчику дается поводъ считать поверхностное многознаніе итогомъ всякаго образованія и пренебрегать строгимъ формальнымъ мышленіемъ. Наконецъ, черезмѣрное поощреніе реальныхъ наукъ въ гимназіяхъ потворствуетъ стремленію эпохи къ скороспѣлому, разнообразному и главнѣйше матеріальному знанію. Потому гимназіи и должны бы оставаться тѣмъ, чѣмъ назначены быть по существу своему: гимнастикою ума, состоящею не столько въ матеріальномъ, сколько въ формальномъ образованіи, не столько въ усвоеніи множества разнородныхъ знаній, а скорѣе въ правильномъ, естественномъ, постепенномъ развитіи и усовершенствованіи духовныхъ силъ. Патеръ Бексъ сѣтуетъ на то, что нѣмецкій языкъ почти вездѣ вытѣснилъ изъ употребленія латинскій,—зло, происшедшее оттого только, что такъ называемый великій реформаторъ вѣры въ Германіи съ своими сообщниками нападалъ на употребленіе латинскаго языка. Лишь въ двухъ послѣднихъ классахъ высшей гимназіи надлежитъ ввести „нѣкоторыя реальныя науки" въ видѣ необходимой подготовки къ университету. Естественная исторія, алгебра и геометрія неумѣстны въ низшей гимназіи: первая—оттого, что въ низшихъ классахъ не можетъ быть преподаваема систематически научнымъ образомъ, и слѣдовательно служитъ лишь для развлеченія,—и оттого, что вслѣдствіе ранняго занятія естественными науками возникаютъ идеи, которыя весьма легко могутъ сдѣлаться опасными даже для самой нравственности,—оттого также, что этимъ путемъ въ юношествѣ вселяется преобладающее пристрастіе и исключительное направленіе къ занятіямъ матеріальными интересами; а геометрія—оттого, что она занимаетъ подобающее ей мѣсто въ двухъ высшихъ классахъ.

При іезуитскихъ коллегіяхъ находилась семинарія для отроковъ и юношей, воспитываемыхъ для ордена, а сверхъ того общежительное учебное заведеніе, convictorium alumnorum. Образованіе іезуитскихъ послушниковъ весьма рѣзко характеризуетъ всю іезуитскую систе-

му воспитанія. Цѣль, средство, свойство и манера послѣдняго явствуютъ изъ 31 инструкціи, найденной Ф. ф. Э. во Франціи и сообщенной въ нѣмецкомъ переводѣ прежде всего въ Гельцеровомъ ежемѣсячномъ журналѣ *). Французскій подлинникъ появился въ Ліонѣ фоліантомъ, ex typis Antonii Perisse S. S. N. Papae et Em. Card. Archiepiscopi, съ литографіями и іезуитскимъ клеймомъ, безъ означенія года —„Instructions pour le Noviciat". Авторъ этихъ инструкцій заявляетъ въ предисловіи: къ давно существующимъ и писаннымъ законамъ прибавлено многое, что, не будучи явно предписано, вошло уже въ силу и исполняется въ дѣйствительности; весьма много существующихъ правилъ не можетъ быть исполнено, если не слѣдовать добросовѣстно инструкціямъ—не только во время искуса, но также и въ позднѣйшихъ положеніяхъ. Принципъ авторитета и самопроизвола свободной человѣческой личности искони ратовали другъ противъ друга изъ-за господства въ человѣческомъ мірѣ, и духовная борьба все еще вращается около этихъ двухъ полюсовъ. Іезуитизмъ по существу своему стремится поддержать первый изъ этихъ принциповъ и добивается всюду его господства. Авторитетомъ для іезуитизма служитъ духовный Игнатій Лойола, т. е. совокупность того, что этому фанатику казалось христіанскою истиною, божественнымъ откровеніемъ. Это воззрѣніе его составляетъ для ордена полное содержаніе всякой вообще божественной истины, призванной завладѣть неограниченнымъ господствомъ и низринуть все, что противится этому господству. Даже святой отецъ въ Римѣ можетъ быть признаваемъ и поддерживаемъ настолько и лишь тогда, когда и насколько его образъ мыслей и дѣйствій согласуется съ іезуитскимъ воззрѣніемъ. Хранитель, защитникъ и распространитель мнимо-божественной, т. е. безусловной истины—генералъ; онъ непосредственно замѣняетъ собою Бога. Всѣ стоящіе подъ нимъ не что иное какъ лишенныя воли, безусловно покорныя орудія въ его рукахъ; а все вмѣстѣ взятое не что иное какъ машина, которую нѣкотораго рода Deus ex machina блюдетъ, движетъ и поддерживаетъ къ вящшей славѣ Божіей. Движеніе машины уряжено и опредѣлено твердо установленными правилами, и человѣческая мыслительная сила, самое хитросплетеніе ея живого механизма проявляется наружу только въ преодолѣніи препятствій, пытающихся подвергнуть работу всей машины сомнительному исходу. Для образованія безусловно покорныхъ орудій необходимо въ зародышѣ вполнѣ уничтожить свободную личность послушниковъ. Вѣдь они должны быть не цѣлью и средствомъ въ одно и то же время, какъ то бываетъ всякая другая тварь въ при-

*) Январь и февраль 1864 г.

родѣ, даже всякій членъ въ живомъ организмѣ, а напротивъ, лишь средствомъ для цѣли. Потому-то и слѣдуетъ вопервыхъ изгнать у послушниковъ самосознаніе свободной личности, присущее отъ начала всякому здоровому человѣку, а во-вторыхъ всецѣло исполнить индивидуальный духъ іезуитскимъ воззрѣніемъ, такъ чтобы возлѣ него не было мѣста никакой другой мысли, никакому другому убѣжденію, и слѣдовательно, чтобы никакой мотивъ не могъ вліять на хорошо вышколенную волю, источникомъ которой служила бы не мнимая объективная истина, а убѣжденіе высшаго правителя этого сокровища, или подчиненныхъ ему, выдержавшихъ уже время искуса. Самосознаніе свободной личности уничтожается безусловною, рабскою покорностью, требованьемъ полнѣйшаго самоотреченія и постояннымъ „самоумерщвленіемъ". Такъ новику предстоитъ продѣлать „экзерціи скромности". Подъ этимъ разумѣютъ родъ „братскаго наказанія", исполняемаго въ присутствіи всѣхъ, чтобы не только провинившійся, но также и всѣ остальные воспользовались увѣщаніями и совѣтами, какими надѣляютъ его и въ которыхъ многіе иногда нуждаются такъ же, какъ и онъ самъ. Назначенные подчиниться экзерциціи скромности должны среди залы стать на колѣни: они съ великимъ усердіемъ и смиренно выслушиваютъ выговоры, дѣлаемые имъ за проступки, но отнюдь не оправдываются и не показываютъ ни малѣйшаго вида, что сердятся на упреки, ни даже въ случаѣ совершенной ихъ невинности, ни въ случаѣ преувеличиванья ихъ проступковъ, ни въ случаѣ явнаго пристрастія со стороны обвинителей". (Инструкція 31). Другое средство, окончательно сломить самосознаніе, состоитъ въ томъ, чтобы внушить особое несвойственное здоровому и естественному человѣку чувство полной грѣховности, чтобы довести единичное лицо до самомучительнаго, исполненнаго страха и унынія состоянія. Инструкція 12: Практическій методъ для испытанія совѣсти: 1) Благодарите Бога за оказанныя вамъ благодѣянія. 2) Молите Бога о вразумленіи, дабы сознать свои грѣхи, недостатки и несовершенства, и о благодати, дабы раскаяться въ нихъ и искоренить ихъ. 3) Частное испытаніе. Съ величайшею точностью провѣряйте себя каждый часъ дня и требуйте отъ вашей души отчета въ грѣхѣ и проступкѣ, отъ которыхъ желаете избавиться. Обдумайте, имѣли ли вы въ виду тотчасъ по пробужденіи или послѣ утренняго испытанія тщательно бдить надъ собою по поводу какого нибудь грѣха или проступка,—проявили ли вы послѣ каждаго изъ проступковъ раскаянье, положивъ руку на сердце или обнаруживъ это иначе какимъ нибудь внѣшнимъ знакомъ. Отмѣчайте ваши проступки и сравнивайте вечернее испытаніе съ утреннимъ, сегодняшнее съ завтрашнимъ, и наконецъ испы-

таніе послѣдней недѣли съ испытаніемъ предшествующей. Всеобщее испытаніе. Провѣряйте такимъ же образомъ каждый часъ дня и требуйте отъ вашей души отчета въ грѣхахъ, совершонныхъ вами сегодня въ мысляхъ, словахъ и дѣлахъ. Утромъ испытуйте пробужденіе, кому вы посвящаете ваши дѣйствія („жертвоприношеніе дѣйствій"), помышленія и что къ тому относится,—реколлекцію, обѣдню, завтракъ, предписанныя молитвы, занятія на службѣ, помыслы и думы, конференціи и классы, причастіе Святыхъ Тайнъ. Вечеромъ испытуйте себя по поводу обѣда, часовъ отдохновенія, служебныхъ дѣлъ, думъ и помысловъ, конференцій и классовъ, предписанныхъ молитвъ, чётокъ, духовнаго чтенія, посѣщенія Святыхъ Даровъ, Аве-Маріи (Богородице-Дѣво, радуйся), ужина, времени отдыха, литаній, приготовленія къ размышленію. Въ полдень и вечеромъ испытуйте себя касательно убожества, цѣломудрія, покорности, любви, смиренія, терпѣнія и особенно касательно правилъ о молчаніи и пристойности. 4) Молите Бога о прощеніи за проступки ваши. 5) Старайтесь исправиться съ Божьей помощью. А потомъ инструкція 24: Во время искуса каждый мѣсяцъ отдаютъ отчетъ о своей совѣсти и когда надлежитъ открыть свою душу, то являются съ крайнею искренностью, съ смиреніемъ и любовью... Всякій разъ ощущая душевную тревогу или сомнѣніе, обращаются въ извѣстные часы къ предстоятелю. Такое облегченіе совѣсти, совершаясь съ вѣрою и искренне, лучшее и самое легкое средство одолѣть дьявола и—если будетъ на то воля Божья—избѣжать соблазна. Наконецъ инструкція 27: „Когда сказываютъ свои проступки, моля притомъ о прощеніи, то по порядку возраста становятся посреди столовой на колѣни и говорятъ слѣдующую формулу, отнюдь ничего не измѣняя въ ней: Reverendi Patres et Fratres carissimi, ex parte sanctae obedientiae, accuso me de mea culpa, nempe quod e. g. silentio vel modestiae defuerim, или: accuso me de duabus vel tribus culpis: prima quod etc..., secunda, quod etc..., tertia, quod etc..., ideoque sancta Obedientia mihi pro poenitentia injunxit, ut. e. g. patinas et orbes lavem *); или говорятъ: Mes révérends Péres et mes trés chers Fréres, de la part de la sainte Obéissance, je m'accuse de ma faute, d'avoir rompu le silence, par etc., или: je m'accuse de deux ou de trois fautes: la premiére d'avoir cassé un verre, la seconde d'avoir parlé

---

*) Достопочтенные отцы и дражайшіе братья, по части святаго послушанія, обвиняю себя за мой проступокъ, въ томъ что нарушилъ тишину или правила благонравія, или обвиняю себя за два или за три проступка: во-первыхъ, въ томъ что и проч... во-вторыхъ, что и пр... втретьихъ, что и пр... ради чего святое Послушаніе наложило на меня покаяніе, назначивъ мнѣ напр. вымыть блюда и чаши.

avec peu de charité à un de nos Fréres.... и прибавляютъ потомъ: et pour cela la sainte Obéissance m'a donné pour pénitence, par ex. de reciter un Pater et un Ave.... *) Новики сказываютъ эти формулы лишь послѣ отцовъ и братьевъ нашихъ, давшихъ уже обѣтъ. Покончивъ съ этимъ, тотчасъ же исполняютъ возложенное покаяніе.... Тѣ, которымъ назначено прочесть, скрестивъ руки, „благослови, Господи" и благодарственныя молитвы, становятся среди столовой на колѣни и цѣлуютъ въ началѣ и подъ конецъ землю. Которымъ назначено цѣловать ноги, также цѣлуютъ землю въ началѣ и подъ конецъ. Въ многопосѣщаемыхъ домахъ только двоимъ за каждымъ столомъ цѣлуютъ ноги и пр... Никогда не слѣдуетъ высказывать чисто задушевные грѣхи, и отнюдь не болѣе трехъ проступковъ заразъ"... Третье средство умертвить самосознаніе свободной личности состоитъ въ удаленіи всякой радости изъ круга новиковъ. Вѣдь она болѣе всего способна освѣжить все существо молодого человѣка, придать ему первобытную силу, побудить его къ самостоятельнымъ проявленіямъ воли и къ собственнымъ мыслямъ; поэтому прежде всего и слѣдуетъ удалять ее. Жизнь новика проходитъ въ крайнемъ однообразіи. Ему на каждый часъ, чуть-ли не на каждый мигъ, предписывается все самымъ мелочнымъ и точнымъ образомъ, и не только, что ему дѣлать въ каждое мгновеніе, но также, что ему надлежитъ думать и ощущать при своихъ отправленіяхъ. У него отбиваютъ даже охоту отъ ѣды, какъ чтеніемъ вслухъ молитвъ и т. п. во время обѣда, такъ и тѣмъ еще, что внушаютъ ему смотрѣть на пищу „лишь какъ на лѣкарство, и притомъ на низкое и опасное лѣкарство", и часто принуждаютъ его оставлять наиболѣе вкусное для него блюдо. (Инструкція 13). Въ такъ называемое свободное время онъ долженъ повторить главное содержаніе конференцій и увѣщаній, и въ эти свободные часы онъ „безъ разрѣшенія наставника не смѣетъ предпринимать ничего важнаго". (Инструкція 19). Онъ не только въ своей комнатѣ, но и вообще всегда обязанъ молчать, „исключая развѣ во время и на мѣстѣ отдыха, и говорить лишь крайне необходимое". (Инструкція 21). На свою комнату онъ долженъ „смотрѣть какъ на могилу, въ которую онъ добровольно похоронилъ себя ради Іисуса Христа". Въ мѣстахъ отдыха онъ не

---

*) Достопочтенные отцы и дражайшіе братья, по части святаго послушанія, обвиняю себя за мой проступокъ, въ томъ что нарушилъ тишину и пр. или: обвиняю себя за два или за три проступка: во-первыхъ, въ томъ, что разбилъ стаканъ, во-вторыхъ, что не дружелюбно обращался съ однимъ изъ нашихъ братьевъ... ради чего святое послушаніе наложило на меня покаяніе, назначивъ мнѣ напр. прочесть Отче нашъ или Богородицу....

долженъ говорить, пока не пришелъ надзиратель и не присоединилъ его къ одной изъ группъ. Такая группа всегда состоитъ изъ двухъ по второму и одного по первому году искуса. „Если сойдутся вмѣстѣ три послушника одного и того же года, то они отнюдь не должны говорить другъ съ другомъ, пока къ нимъ не пристанетъ четвертый иного возраста". (Инструкція 15). Итакъ, не допускаются ни дружба, ни свободныя, довѣрчивыя сношенія. Въ дни болѣе свободные отъ узъ слѣдуетъ раздѣлиться на разныя группы, но такъ, чтобы между новиками всегда находился одинъ изъ старшихъ. Запрещается говорить слишкомъ громко. Лѣтомъ послѣ перваго получасового отдыха дозволяется присѣсть". Новикъ можетъ прогуливаться только въ группахъ по три или четыре человѣка. „Старшій назначаетъ путь и направленіе прогулки; предписано по возможности далѣе уходить отъ города, въ которомъ никто не смѣетъ гулять безъ особаго разрѣшенія. При встрѣчѣ съ кѣмъ либо изъ знакомыхъ должно ему поклониться; по его приглашенію можно зайти къ нему, но, сказавъ нѣсколько учтивыхъ и назидательныхъ словъ, слѣдуетъ вскорѣ удалиться опять, извиняясь тѣмъ, что не смѣютъ отсутствовать подолгу изъ дому". (Инструкція 30). „Безъ особаго разрѣшенія патера-настоятеля не смѣютъ говорить ни съ кѣмъ изъ чужихъ. Говорить наединѣ ни съ кѣмъ не позволяется... Патеръ-настоятель назначаетъ, кто долженъ сопровождать новика.... Спутникъ, это—„ангелъ хранитель противъ всякаго, кто бы вздумалъ увлечь его къ побѣгу..." „Если гость пожелаетъ передать одному изъ новиковъ что нибудь наединѣ, то принимающій посѣтителя долженъ попросить своего сотоварища отойти немного въ сторону, а послѣдній обязанъ затѣмъ донести начальнику"... „Когда въ пріемную являются дамы, и притомъ не ближайшія родственницы, то предписано имѣть при себѣ по крайней мѣрѣ *одного* спутника—это правило соблюдать строго. Слѣдуетъ стать такъ, чтобы не видѣть лица ея, исключеніе изъ этого допускается *единственно* относительно родной *матери*..." „Кто бы тутъ ни былъ изъ посѣтителей, надлежитъ тотчасъ же прекратить бесѣду, коль скоро ударилъ часъ къ молитвѣ или къ какому нибудь другому общему упражненію". (Инструкція 29). „Писать какое-нибудь письмо дозволяется лишь, когда разрѣшитъ настоятель. Тотчасъ по пріемѣ въ заведеніе разрѣшается писать къ родителямъ; впослѣдствіи же позволено писать не болѣе какъ по одному разу въ мѣсяцъ. Всякая переписка съ иными лицами, если настоятель не сочтетъ ее несомнѣнно полезною, прерывается и прекращается съ наступленіемъ искуса.... Запрещено также сообщать

мелочныя и нескромныя подробности о новиціатѣ и о внутреннемъ учрежденіи общества.... Когда письмо готово, то его относятъ къ настоятелю и не заботятся болѣе о немъ.... Когда приносится письмо съ нашимъ адресомъ, то намъ нельзя читать, пока самъ настоятель не видѣлъ и не *вскрылъ* его.... Безъ особаго на то разрѣшенія не позволяется сохранять получаемыя письма". (Инструкція 28). Неудивительно, что при такого рода воспитаніи нуждаются въ „ангелахъ хранителяхъ" противъ побѣга и что къ тѣмъ, кому не удалось бѣжать, вполнѣ и досконально примѣняется „умерщвленіе плоти"!

Къ той же цѣли исполнить умы іезуитскими воззрѣніями стремятся вообще всѣ не упомянутыя еще доселѣ учрежденія. Новикъ рано утромъ, при звонѣ колокола, встаетъ съ ложа, или въ тотъ мигъ, когда раздается „Benedicamus Domino" *). Онъ отвѣчаетъ: „Deo gratias," **) осѣняетъ себя крестомъ, „возноситъ сердце свое къ Богу" и цѣлуетъ свою сутану. Одѣвшись, онъ причащается Святыхъ Тайнъ, опять повторяетъ главныя статьи „размышленія" и молитъ Бога благословить успѣхомъ его испытаніе совѣсти, предпринимаемое имъ по установленію святого Игнатія. Если его одолѣваетъ сонъ, то пусть проговоритъ вслухъ нѣсколько молитвъ, напр. „Te Deum". „Когда насталъ часъ молебствія, то онъ долженъ возвратиться въ свою комнату. Стоя передъ своею молитвенною скамьею, онъ осѣняетъ себя крестомъ и предается на время созерцанію Божьей вездѣсущности. Вслѣдъ затѣмъ смиренно цѣлуетъ землю, покланяясь Богу; потомъ встаетъ, преклоняетъ колѣна на ступени своей молитвенной скамьи и приступаетъ къ „размышленіямъ". То же самое соблюдается вообще при началѣ всякихъ молитвъ и испытаній совѣсти.... Если кто чувствуетъ, что онъ разсѣянъ и не исполненъ благоговѣнія, то пусть прочтетъ нѣсколько строкъ изъ своей „книги размышленій"; но и это окажется излишнимъ, если вечеромъ, послѣ самоиспытанія, и утромъ, передъ тѣмъ же, приготовиться по чёткамъ какъ слѣдуетъ къ своему предмету. Все это надо исполнить такъ, чтобы во время благочестивыхъ „экзерцицій" отнюдь не покидать своей комнаты, особенно во время молитвы и самоиспытанія. Когда молебствіе кончилось, то въ заключеніе пусть каждый читаетъ Отче нашъ и Богородицу, цѣлуетъ землю и садится съ тѣмъ, чтобы провѣрить себя по поводу молитвы и въ теченіе четверти часа „записать результатъ своего испытанія". (Инструкція 2). Исполнивъ реколлекцію, послушникъ убираетъ свою постель, умывается, причесывается и чистится щеткою. Потомъ отпра-

*) Благословимъ Господа.
**) Благодареніе Богу.

вляется къ обѣднѣ. Инструкція 4-ая не только предписываетъ, что дѣлать ему во время этого священнодѣйствія, но даже что думать и въ какомъ смыслѣ все понимать. За завтракомъ онъ долженъ быть занятъ святыми помыслами (инструкція 6), напр: Non in solo pane vivit homo, sed in omni verbo, quod procedit de ore Dei.... Cinerem tanquam panem manducabam et potum meum cum fletu miscebam.... Cibus meus est, ut faciam voluntatem ejus, qui misit me.... Operamini non cibum, qui perit, sed qui permanet in vitam aeternam etc *).

Послѣ завтрака онъ въ точности исполняетъ предписанныя „тѣлесныя экзерциціи", т. е. занимается домашними дѣлами, выметаетъ соръ, приноситъ воду и т. п. Ученіе главнымъ образомъ состоитъ въ преподаваніи религіи, заучиванье наизустъ играетъ при этомъ главную роль. По получасу въ день назначается на чистописаніе и орѳографію. Чтеніе внѣ учебнаго времени ограничивается большею частью духовными сочиненіями. „Когда хотятъ читать Подражаніе Іисусу Христу, житія святыхъ, комментарій для обыкновенныхъ дней и вообще сочиненія, при которыхъ нужна свѣчка, то сидятъ въ своей кельѣ. Когда занимаются чтеніемъ Родригеса и комментарія для воскресныхъ и праздничныхъ дней, то ходятъ по саду или въ залѣ".— Когда молимся, то говоримъ съ Богомъ; когда занимаемся чтеніемъ, то Богъ какъ бы говоритъ съ нами, и нельзя сказать, что̀ изъ двухъ заслуживаетъ бо́льшаго благоговѣнія". (Инструкція 8). „Во время трапезы читаются за первымъ столомъ: 1) Священное Писаніе, около 10 стиховъ. 2) Поминаніе усопшихъ (если оказываются таковые). 3) Объявленія и публикаціи. 4) Одинъ изъ латинскихъ писателей, въ теченіе около трети обѣда. 5) Менологій (календарь святыхъ). 6) Французскій писатель или авторъ на родномъ языкѣ. 7) Наконецъ мартирологъ (сказанія о святыхъ мученикахъ) на французскомъ языкѣ, постоянно за обѣдомъ". За вторымъ (позднѣйшимъ) столомъ читается то же, но лишь въ сокращенномъ видѣ. (Инструкція 15). Касательно постояннаго заучиванья наизустъ необходимо замѣтить: „Всѣ должны выучить наизустъ по шести стиховъ изъ Новаго Завѣта или правила и посланіе нашего отца С-таго Игнатія о добродѣтели послушанія. Это дѣлается, ходя въ залѣ или по саду, причемъ возвращаются въ свою келью не прежде, какъ затвердивъ все вполнѣ. Такая экзерциція должна исполняться каждый день, за единственнымъ исключеніемъ воскресныхъ и праздничныхъ дней; по субботамъ

*) Не о хлѣбѣ единомъ живъ человѣкъ, но о глаголѣ, исходящемъ изъ устъ Божіихъ.. Я питался прахомъ какъ хлѣбомъ и мѣшалъ питье съ плачемъ.... Забота моя, да исполню волю пославшаго меня.... Заботьтесь не о преходящемъ, но о вѣчно пребывающемъ благѣ и т. д.

проходятъ опять все, что заучили въ теченіе цѣлой недѣли". (Инструкція 11.) „Молитву по четкамъ читаютъ всегда, разхаживая взадъ и впередъ въ залѣ или по двору, если же кто нездоровъ, то пусть испроситъ у адмонитора позволенія присѣсть. Молитвы читаются группами въ два или три человѣка, наблюдая однако за тѣмъ, чтобы не слишкомъ возвышать голосъ, чтобы не забыть чётокъ, назначаемыхъ еженедѣльно или ежемѣсячно для молитвъ, хорошо было бы записывать ихъ.... Такимъ же порядкомъ слѣдуетъ отмѣчать Отче нашъ и Богородице Дѣво, „которыя по извѣстнымъ причинамъ приходится читать каждую недѣлю". (Инструкція 17). „Литаніи Пречистой Дѣвы и Святыхъ читаются каждый день послѣ вечернихъ часовъ отдыха". (Инструкція 18). Назначены также часы для увѣщаній и репетицій (духовныя конференціи), отправляемые слѣдующимъ образомъ: „Патеръ, прибывшій для увѣщаній, преклоняетъ колѣна и молится, потомъ встаетъ, садится и первый покрываетъ голову. Во время увѣщаній слѣдуетъ при имени „Іисуса" и „Маріи" лишь слегка наклонять голову. Если кому нибудь случится заснуть, то сосѣди должны тихонько разбудить его.... Въ репетиціонные дни назначенный для того послушникъ повторяетъ все, что помнитъ, стоя и такимъ громкимъ и внятнымъ голосомъ, чтобы всѣ его понимали.... Проговоривъ свою репетицію, онъ въ наказаніе за какую нибудь ошибку становится на колѣни и встаетъ лишь по знаку патера. Проступки, учиненные во время искуса и подлежащіе исправленію предъявляются въ назначенные для того дни. Чувствующіе себя виновными становятся на колѣни и въ этомъ смиренномъ положеніи выслушиваютъ увѣщанія и совѣты, предлагаемые имъ любовью". (Инструкція 9).

Не станемъ далѣе описывать жизнь во время искуса. Изъ предложеннаго уже достаточно явствуетъ, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ воспитаніемъ для извѣстной цѣли, стоящимъ въ рѣзкой противоположности съ современнымъ всеобщимъ образованіемъ человѣка, но въ своемъ родѣ самымъ совершеннымъ, какое только можно придумать. Оно неминуемо создаетъ самыя податливыя орудія въ угоду міровоззрѣнія, которое объявило войну всякому духовному развитію, стремится внести окоченѣніе и смерть въ цвѣтущую, вѣчно обновляющуюся жизнь и въ корнѣ забыть, уничтожить личную свободу и самостоятельность.

Что касается до всеобщихъ учебныхъ заведеній іезуитскаго ордена, то ихъ устройство было слѣдующее:

Всякое іезуитское учебное заведеніе распадалось на два отдѣла, на высшій, studia superiora, и низшій, studia inferiora. Надъ обоими назначался ректоръ, которому

подчинены были два префекта (по одному для каждаго изъ обоихъ отдѣловъ).

Studia inferiora (низшіе предметы), отвѣчающіе гимназіальнымъ, преподавались въ 5 классахъ: infima classis grammaticae или основныя начала, media classis grammaticae или просто грамматика, suprema classis grammaticae или синтаксисъ, словесныя науки и реторика. Грамматика была починомъ, а реторика цѣлью гимназическаго образованія, такъ же какъ у Штурма. „Цѣль грамматики не знаніе, а преимущественно упражненіе и искусство говорить и писать: lege, scribe, loquere! *) Полнымъ знаніемъ языка обладаетъ лишь тотъ, кто умѣетъ не только читать, но также писать и говорить“. Для обученія латыни должны быть введены въ классахъ и вытвержены учениками книги, въ которыхъ находились бы собранія латинскихъ фразъ, распредѣленныхъ въ цѣлесообразномъ порядкѣ. „Множествомъ и разнообразіемъ фразъ надлежитъ придать сочиненію пестроту, красоту и достоинство“. Для того чтобы упражненіе въ латинскомъ разговорѣ составляло средоточіе въ заведеніи, ни въ какомъ случаѣ не дозволяется пользоваться роднымъ языкомъ. „Проговорившіе что-либо на родномъ языкѣ присуждаются къ ношенію какого-нибудь позорнаго знака и сверхъ того подвергаются болѣе легкому, съ тѣмъ знакомъ связанному наказанію, если они въ тотъ же самый день не успѣли свалить это двойное бремя на одного изъ сотоварищей, заставъ его говорящимъ также на простомъ языкѣ въ школѣ или на улицѣ и изобличивъ по крайней мѣрѣ при одномъ достовѣрномъ свидѣтелѣ“. Изученіе классиковъ (все преподаваніе состояло просто въ поверхностномъ переводѣ короткихъ отрывковъ изъ древнихъ классиковъ) имѣло при этомъ лишь подчиненную цѣль, а именно образовать слогъ. „При помощи классиковъ слѣдуетъ усвоить себѣ языкъ Эллиновъ, особенно же Римлянъ, образовать слогъ, и ничего болѣе“. Для образованія слога должно преимущественно подражать Цицерону. „А потому всѣ, которые, будучи увлекаемы личнымъ вкусомъ, предпочитаютъ какой бы то ни было черезъ-чуръ отличающійся отъ Цицерона слогъ, какъ болѣе изящный, поступаютъ рѣшительно наперекоръ нашему институту и духу покорности“. Въ рѣчахъ и письмахъ ученики ничего не должны излагать, что они не были бы въ состояніи оправдать авторитетомъ или примѣромъ одобреннаго писателя: такимъ образомъ рѣчи и письма состояли изъ набранныхъ отовсюда и заученныхъ наизустъ фразъ. Изъ фразъ Виргилія и др. ученики кропали латинскіе стихи. Давались также латинскія драмы, но только не Плавта и Теренція, а собственнаго издѣлія. Сверхъ того

*) Читай, пиши, говори!

обучали греческому, и какъ учителя, такъ и ученики похвалялись умѣньемъ говорить погречески и сочинять греческіе стихи. Математика, географія, родной языкъ и музыка пренебрегались. Логика и реторика были исполнены хитросплетеній и безплодны. Сверхъ того предметомъ преподаванія значилась еще эрудиція: „Эрудиція въ школѣ должна быть заимствована изъ исторіи и нравовъ народныхъ, изъ авторитета писателей и совокупности наукъ; ея надо требовать также на экзаменѣ, а именно басни, исторію, древности, оракулы, изреченія мудрецовъ, примѣры военной хитрости, знаменитые подвиги, изобрѣтенія, какъ что произошло, нравы и учрежденія народовъ и т. п“. Курсъ въ каждомъ изъ низшихъ классовъ былъ однолѣтній, а въ высшемъ двухлѣтній.

Studia superiora (высшіе предметы) начинались двухъ-или трехъ-лѣтнимъ философскимъ курсомъ. Въ первый годъ преподавалась логика, во второй объяснялись книги de coelo (о небѣ), первая книга de generatione (о происхожденіи) и метеорологія, въ третій предметомъ лекцій были вторая книга de generatione, книги de anima (о душѣ) и метафизика. Особый профессоръ нравоученія читалъ объ Аристотелевой этикѣ. Профессору математики поручалось прочесть слушателямъ физики Эвклидовы начала, а сверхъ того кое что изъ географіи или о сферѣ.—Окончивъ философскій курсъ, болѣе способные переходятъ на четырехлѣтній теологическій. Профессоръ Священнаго Писанія обязанъ тутъ преподавать болѣе всего вульгату (латинскій переводъ Св. Писанія), лишь вкратцѣ касаясь, гдѣ окажется необходимымъ, еврейскаго и греческаго подлинниковъ, а изъ халдейскаго и другихъ переводовъ приводить лишь то, что соотвѣтствуетъ вульгатѣ и ученію церкви, принимая особенно въ соображеніе переводъ семидесяти толковниковъ, о которомъ вообще слѣдуетъ упоминать съ уваженіемъ. Профессоръ еврейскаго языка также долженъ передать сперва первоначальныя основанія, а потомъ прочесть одну изъ болѣе легкихъ ветхозавѣтныхъ книгъ. Профессоръ схоластической теологіи не долженъ учить ничему, что не согласуется съ ученіемъ церкви. Профессоръ казуистики имѣетъ образовать способныхъ священниковъ и духовниковъ. Онъ преподаетъ ученіе о таинствахъ, о сословіяхъ и обязанностяхъ людей. По сомнительнымъ вопросамъ онъ имѣетъ предлагать рѣшающіе доводы, ссылаясь на авторитеты, но не громоздя ихъ черезъ мѣру. Пусть подтверждаетъ онъ свое мнѣніе, но такъ, что если окажется вѣроятнымъ другое и поддерживается сильными авторитетами, то пусть признаетъ и другое также вѣроятнымъ. „Религія—основа и высшая точка всякой школы и всякаго воспитанія, ихъ основаніе и вершина, ихъ средоточіе и душа“. „Лишь религіозные люди

спасаютъ насъ въ дѣлахъ школы, одинъ лишь союзъ религіозныхъ, освященный церковью Христовой орденъ препятствуетъ ужасной порчѣ, которой школа и воспитаніе подверглись уже на самомъ дѣлѣ, въ которую они день ото дня все глубже погружаются, и впадая въ которую все болѣе и болѣе, уготовляютъ вѣрную гибель престолу и отечеству". „Юношей слѣдуетъ образовать къ повиновенію, къ любви Божьей и къ добродѣтели". Самъ учитель да служитъ для этого примѣромъ религіозной жизни, да охраняетъ школу отъ всякаго соблазна, молится за учениковъ и съ полнымъ упованіемъ поручаетъ ихъ Пречистой Дѣвѣ и Святымъ, предпочтительно тѣмъ, которые считаются настоящими и особенными покровителями учащейся молодежи. Считайте подлымъ, дурнымъ все, что граничитъ съ порокомъ и противно законамъ христіанской добродѣтели. Болѣе всего надлежитъ пріучаться къ смиренію и послушанію. Воля всѣхъ сливается въ волѣ одного начальника, уважаемой и исполняемой, какъ воля Іисуса Христа. Пусть ученики, для того чтобы навыкнуть къ послушанію и смиренію, повторяютъ извѣстныя молитвы, причемъ однако въ избѣжаніе отвращенья, пусть читаютъ то по книгамъ, то на память, то собственныя молитвы. Не соблюдшіе этого, въ наказаніе должны молиться нѣкоторое время въ молельнѣ, а въ праздничный день прослушать вторую обѣдню. Отличающихся особеннымъ благоговѣніемъ слѣдуетъ восхвалять и превозносить публично.

Лучшимъ воспитательнымъ средствомъ считается соревнованіе. „Умѣющій искусно подстрекнуть соревнованіе владѣетъ самымъ надежнымъ средствомъ въ дѣлѣ преподаванія, почти вполнѣ достаточнымъ для лучшаго обученія молодежи. Потому, да дорожитъ наставникъ этимъ орудіемъ и тщательно изыскиваетъ пути, какъ добиться и какъ лучше и цѣлесообразнѣе употребить его въ дѣло". „Такія соревнованія чрезвычайно возбуждаются состязаніями, а потому и полезно каждому изъ учениковъ назначить особаго соперника". Назначенные другъ другу въ соперники обязаны отмѣчать у себя, если нарушится взаимная вѣжливость, и это не должно проходить безнаказанно. И не только соперники,—но и всѣ ученики должны для собственной пользы доносить другъ на друга.—Для искуснаго поощренія къ соревнованію весьма важенъ выборъ въ школѣ магистратовъ, преторовъ, цензоровъ и декуріоновъ. Притомъ повторяйте чаще ученикамъ, что ничего не можетъ быть почетнѣе, какъ изъ года въ годъ превосходить въ познаніяхъ своихъ ровесниковъ; и наоборотъ, ничего не можетъ быть позорнѣе и поскуднѣй, какъ быть обойденнымъ своими ровесниками.—Раздача наградъ особенно должна возбуждать честолюбіе. Публичная раздача наградъ

совершается торжественно со всѣми возможными приготовленіями и при многолюдномъ собраніи. Имена побѣдителей возвѣщаются публично, они выходятъ на средину, потомъ каждому изъ нихъ съ почетомъ вручается премія.—Другое средство подстрекнуть честолюбіе состоитъ въ томъ, чтобы занимающіе въ школѣ первыя мѣста также и внѣ школы пользовались бо́льшими преимуществами и чтобы остальные ученики вездѣ уступали имъ болѣе почетныя мѣста. Нѣкоторые изъ учителей, предлагаютъ отмѣчать на особаго рода вывѣшенныхъ доскахъ, если ученикъ даровито исполнилъ, прекрасно сказалъ, искусно объяснилъ или ловко придумалъ что-либо, такъ чтобы память объ удачномъ дѣлѣ къ вѣчной славѣ поименованнаго сохранилась въ области науки. Другіе ставятъ посреди класса или въ одномъ изъ угловъ злосчастную скамью и обзываютъ ее поноснымъ именемъ напр. адскою лѣстницею и т. п. Сидящій на этомъ мѣстѣ отмѣченъ позорнымъ клеймомъ, и на него возлагается литературное наказаніе, но въ то же время доставляется ему случай смыть лежащее на немъ пятно, побѣдивъ другого лучшимъ изложеніемъ лекціи или лучшею разработкою сочиненія. Къ тѣлеснымъ наказаніямъ слѣдуетъ прибѣгать по возможности меньше. „Магистръ никого не смѣетъ бить своими руками, исключая лишь насколько то допускается образомъ нашихъ занятій, причемъ установлено закономъ, чтобы въ томъ крайнемъ случаѣ, когда ученика слѣдуетъ наказать розгами, назначенъ былъ корректоръ, не принадлежащій къ обществу“.

На наружные пріемы и поведеніе учениковъ обращалось большое вниманіе. Театральными представленіями надлежало образовать наружную благопристойность и съ раннихъ поръ пріучать къ самымъ разнообразнымъ положеніямъ въ жизни, такъ чтобы ученики и въ дѣйствительности входили въ роль послѣднихъ. Заботились также о тѣлесномъ развитіи гимнастическими упражненіями. Учебныя заведенія устроивались сообразно требованьямъ опрятности и здоровья. Урочные часы были удобно раздѣлены и весь день распредѣленъ въ надлежащемъ порядкѣ. Каждый классъ по утрамъ начиналъ съ молебствія, причемъ учитель и ученики на колѣняхъ читали короткую молитву. Потомъ каждый изъ учениковъ начиналъ свой урокъ опять-таки короткою молитвою и кончалъ его точно такъ же. Въ половинѣ десятаго поутру учитель и ученики отправлялись къ обѣднѣ, по окончаніи которой давались частные уроки. Послѣ обѣда опять принимались за ученье за исключеніемъ двухъ разъ въ недѣлю, когда учениковъ водили въ поле, и учителя играли съ ними въ мячъ и т. п. Ежедневно назначались часы для игръ. Воспитанники никогда не оставались безъ надзора. Высшею задачею учите-

лей было ближе ознакомиться съ своими учениками. Они изучали для этого физіономію мальчика, духъ и нравъ его матери и т. п. Они преимущественно пользовались исповѣдью, для того чтобы узнать свойства воспитанниковъ. Кромѣ того письма, получаемыя воспитанниками отъ ихъ родственниковъ или отправляемыя къ послѣднимъ, необходимо было показывать начальникамъ, причемъ воспитанниковъ то и дѣло побуждали отрѣшаться отъ неумѣстной любви къ роднымъ и всѣмъ своимъ сердцемъ обратиться къ ордену. Чтобы съ раннихъ поръ пріучить и пріохотить ихъ къ неумолимой строгости, ихъ брали съ собой на казни еретиковъ: ненависть къ послѣднимъ всячески внушалась имъ.

Но для того чтобы всегда и всюду соблюдать настоящую дисциплину, магистръ постоянно да помнитъ слѣдующее: „Тѣ самые ученики, возрастъ и положеніе которыхъ представляются ему теперь слабыми, незначительными и можетъ быть презрѣнными, вскорѣ будутъ юношами и мужами,—они по волѣ судьбы человѣческихъ дѣлъ, можетъ быть, достигнутъ почестей, богатства и власти, такъ что придется заискивать ихъ благоволенія и быть въ зависимости отъ ихъ прихоти и воли, а потому пусть и обсудитъ онъ, какіе пріемы въ словахъ и дѣйствіяхъ примѣнять къ нимъ“.

Плодъ такого воспитанія обнаружился, когда въ 1846-мъ г., по поводу жалобы Тьера, шестьсотъ бывшихъ учениковъ іезуитовъ, принадлежавшихъ къ различнымъ житейскимъ положеніямъ во Франціи, заявили въ своемъ протестѣ: „Учителя воспитали насъ, напоивъ наши души въ чистѣйшихъ своихъ источникахъ. Исторія, философія, языки, литература, науки, все прошло чрезъ эту божественную среду, чтобы дойти до насъ. Насъ учили, что Богу и установленной Имъ религіи подобаетъ освѣтить разумъ, повелѣвать ему и уряжать совѣсть; что всѣ люди передъ Богомъ равны, а слѣдовательно такъ же и передъ закономъ, какъ передъ Его образомъ; что общественныя власти существуютъ для народовъ, а не народы для общественныхъ властей; что знатность рода, всякій санъ, всякая должность, простое званіе гражданина и пр. налагаетъ на насъ обязанность самоотверженно жертвовать всѣмъ, даже имуществомъ и кровью, для блага отчизны; что измѣна и тираннія преступны передъ Богомъ, беззаконны передъ обществомъ. Намъ хотѣлось бы довести до свѣдѣнья Франціи, что это оклеветанное воспитаніе оказывается глубоко и единственно католическимъ, и что, научившись такимъ образомъ соединять католическую вѣру съ патріотическою, мы въ состояніи сдѣлаться тѣмъ лучшими гражданами и настоящими друзьями нашей истинной свободы“.—Хотя школы іезуитовъ и не въ такомъ смыслѣ направлялись къ своей цѣли, однако въ католическихъ странахъ вообще онѣ все-таки про-

ложили лучшій путь къ воспитанію. Когда въ Италіи, послѣ того какъ разсѣялся энтузіазмъ къ классической древности, знанія пришли въ упадокъ, то іезуиты по крайней мѣрѣ сколько нибудь поддержали тамъ учебную систему: мальчики посѣщали сперва по нѣскольку лѣтъ тривіальную школу, съ тѣмъ чтобы выучиться читать и писать; потомъ латинское училище, съ цѣлью заняться нѣсколько лѣтъ грамматикою; затѣмъ они поступали въ одну изъ іезуитскихъ коллегій, находившихся въ каждомъ городѣ. Въ Испаніи школы іезуитовъ дѣйствовали также благотворно. Здѣсь они преподавали въ особенности словесныя науки. Каждый мѣсяцъ назначался актъ, на которомъ двѣнадцать лучшихъ учениковъ, называемыхъ сенаторами, говорили публично латинскія рѣчи. При этомъ изъ учениковъ выбирались два претора, два короля и одинъ императоръ, сидѣвшій во время торжества на престолѣ. Послѣ акта давался обѣдъ, на которомъ находились увѣнчанные почестями ученики. Учителя избирали къ дѣламъ самыхъ способныхъ, а если мальчикъ оказывался неспособнымъ, то они его отпускали. Во Франціи съ 1564-го г. школы іезуитовъ были весьма сильными соперниками въ дѣлѣ обученія и воспитанія; хотя орденъ отъ 1594-го до 1603-го г. и былъ вынужденъ покинуть страну и лишь съ 1618-го г. могъ опять приступить къ обученію, но его школы все-таки побуждали остальныя учебныя заведенія во Франціи къ нѣкоторому развитію и подстрекали ихъ къ состязанію. Появились болѣе цѣлесообразные методы; кругъ предметовъ преподаванія расширился и въ немъ обращалось болѣе вниманія на требованія жизни. Вообще іезуитами возбуждена охота къ научному образованію. Іезуитскія школы были наилучшими въ то время и превосходили всѣ остальныя католическія учебныя заведенія. Онѣ руководствовались тѣми же требованьями, какія поставилъ Штурмъ, но были подвижнѣе и болѣе освоивались со свѣтомъ и съ жизнью, нежели руководимыя духомъ Штурма протестантскія школы. Онѣ на католической почвѣ стояли выше, нежели заведенія Штурма на протестантской, которыя уже тѣмъ, что стремились къ одной цѣли съ іезуитскими, обнаружили, что творецъ ихъ вынесъ свои созданія не изъ сокровеннѣйшихъ началъ протестантизма. Понятно поэтому, что Штурмъ одобрялъ іезуитское воспитаніе. „Еслибъ монашество вообще было похвально, говоритъ онъ, то изъ монаховъ іезуиты болѣе всего заслужили бы похвалы. Потому что ни кроткій и благочестивый Рейхлинъ, ни краснорѣчивый и ученый Эразмъ, ни до него Александръ Гегій и Рудольфъ Агрикола не могли добиться отъ теологовъ и монаховъ, чтобы они, еслп сами не хотятъ воздѣлывать науку, предоставили по крайней мѣрѣ другимъ преподавать ее, тогда какъ іезуиты принялись за это добро-

вольно. Я радъ этому институту по двумъ причинамъ: во-первыхъ, потому что они споспѣшествуютъ нашему дѣлу, разработывая науку: я самъ видѣлъ, какихъ писателей они объясняютъ и какому методу слѣдуютъ,—методу, такъ мало отступающему отъ нашего, что кажется, будто они черпали изъ нашихъ источниковъ; а потомъ іезуиты побуждаютъ насъ къ большей дѣятельности и бдительности: иначе они, того и смотри, окажутся ревностнѣе насъ и откроютъ болѣе научныхъ заведеній.—Баконъ Веруламскій сказалъ: „Касательно педагогики можемъ выразиться вкратцѣ такимъ образомъ: Возьми въ образецъ школы іезуитовъ, потому что лучше ихъ не было до сихъ поръ Я одобряю особенно коллегіальное воспитаніе. Въ коллегіяхъ между молодыми людьми возникаетъ болѣе сильное соревнованіе; тамъ у нихъ передъ глазами достойные мужи, что возбуждаетъ уваженіе и развиваетъ нѣжныя души прямо по образцу. Относительно порядка и хода преподаванія я въ особенности совѣтовалъ бы избѣгать сокращеній и торопливости, что дѣлаетъ умы наглыми и придаетъ имъ призрачный видъ великихъ успѣховъ, тогда какъ въ дѣйствительности такихъ вовсе не оказывается. Способствуйте нѣкоторой свободѣ духовнаго развитія, такъ чтобы исполнившій всѣ учебные уроки безпрепятственно могъ посвятить еще нѣкоторое время на свои любимые предметы. Потомъ обратите строгое вниманіе на то, что существуетъ два противоположныхъ другъ другу способа пріучать, упражнять и подготовлять умы. Первый начинаетъ съ легчайшаго и постепенно восходитъ до труднѣйшаго; другой же приступаетъ къ воспитаннику съ трудными задачами, съ тѣмъ чтобы, одолѣвъ ихъ, пріятнымъ образомъ перейти къ легкимъ. Нельзя себѣ представить, какъ сильно способствуетъ къ преуспѣянію не только духовныхъ, но и тѣлесныхъ силъ умное сочетаніе этихъ методовъ, изъ которыхъ первый сходенъ съ обученіемъ плаванью при помощи пузырей, а другой—съ уроками танцованія въ тяжелыхъ башмакахъ. Учитель обязанъ притомъ сообщать родителямъ молодыхъ людей точныя и вѣрныя свѣдѣнья и наблюденія насчетъ ихъ индивидуальныхъ способностей, съ тѣмъ чтобы они могли рѣшить какому поприщу лучше посвятить своихъ сыновей. Сверхъ того необходимо также цѣлесообразнымъ выборомъ учебныхъ предметовъ восполнить недостатокъ врожденной способности къ тому или другому предмету, такъ напр. изученіемъ математики улучшается характеръ разсѣяныхъ людей“. Къ одобрительнымъ отзывамъ нѣмца и англичанина о іезуитскомъ воспитаніи присоединяется также французъ. Декартъ говоритъ о іезуитскихъ коллегіяхъ: „Тамъ находится много молодыхъ людей изъ разныхъ мѣстъ Франціи. Бесѣдуя между собою, они обмѣниваются мыслями, что для нихъ почти

также поучительно, какъ путешествіе; наконецъ равенство, какое іезуиты вносятъ въ свою среду, обращаясь съ отличившимися такъ же, какъ и съ остальными, весьма цѣлесообразно придумано". Шатобріанъ наконецъ говоритъ: „Ученая Европа понесла въ іезуитахъ незамѣнимую потерю. Съ ихъ паденіемъ воспитаніе никогда болѣе вполнѣ не оправилось. Они особенно полюбились молодежи. Ихъ учтивые пріемы отнимали у уроковъ противный дѣтству педантическій тонъ. Такъ какъ профессора ихъ были большею частью высоко уважаемые въ свѣтѣ литераторы, то молодымъ людямъ казалось, что они находятся заодно съ ними въ знаменитой академіи. Они между своими учениками изъ разныхъ сословій сумѣли образовать родъ патроната, принесшаго пользу наукамъ. Эти связи, образовавшись въ возрастѣ, когда душа открыта благороднымъ чувствамъ, впослѣдствіи никогда уже болѣе не разрывались и порождали между государемъ и литераторомъ ту античную и благородную дружбу, какая существовала между Сципіонами и Леліемъ. Онѣ сохраняли между учениками и учителями тѣсныя отношенія, какими такъ дорожили ученики Платона и Пиѳагора. іезуиты гордились великимъ мужемъ, геній котораго былъ ими подготовленъ, и присвоивали себѣ часть его славы. Естествоиспытатели, химики, ботаники, математики, механики, астрономы, поэты, лѣтописцы, переводчики, археологи, журналисты,—нѣтъ ни одной отрасли наукъ, которою они не занимались бы съ блестящимъ успѣхомъ".

Эти сужденія о значеніи іезуитскаго воспитанія односторонни съ точки зрѣнія всемірно историческаго развитія. Штурмъ могъ и долженъ былъ одобрять іезуитовъ, оттого что онъ, подобно имъ, самъ имѣлъ цѣлью посредствомъ чтенія классиковъ образовать одинъ лишь слогъ и все воспитаніе сосредоточить въ обученіи латинскому языку. Баконъ могъ согласиться съ іезуитскимъ воспитаніемъ и примѣнить къ нему слова Агезилая о Фарнабазѣ „ты превосходенъ и могъ бы принадлежать къ нашимъ", оттого что они въ противность схоластическому образованію ввели болѣе простой и практическій методъ, болѣе свободную и естественную организацію и благоразумную, на чувственно-духовную природу воспитанниковъ разсчитанную дисциплину; но онъ забылъ, что все это дѣлалось лишь для наружной формы, что этою формою была убита внутренняя жизнь, что все сводилось на дрессировку, а потому о духѣ тутъ и рѣчи быть не могло. Декартъ же и Шатобріанъ восхваляютъ болѣе всего организацію, самый пріемъ воспитанія и педагогическіе успѣхи іезуитовъ; но они упустили изъ виду, что хотя съ первымъ появленіемъ іезуитовъ предметы преподаванія въ школахъ были обширнѣе, нежели въ другихъ училищахъ, но у нихъ недоставало реальныхъ наукъ, исторіи, геогра-

фіи, музыки и пр.; что вопреки умѣнью свободно говорить полатыни они не поддерживали истиннаго гуманизма, а споспѣшествовали лишь средневѣковому схоластическому образу мышленія и взгляду; что они вовсе не пытались оживить религіозное чувство, имѣя цѣлью ратовать не за религію, а скорѣе противъ некатоликовъ; что они стремились образовать изъ своихъ учениковъ ни людей, ни гражданъ, ни христіанъ, а лишь рабскихъ членовъ своего ордена; что съ этою цѣлью разрывали даже священныя узы семьи и отчизны и своею системою тайнаго шпіонства губили всякую отраду юности и всякое высшее чувство; наконецъ, что ихъ воспитаніемъ порождались самомнѣніе и презрѣніе къ другимъ людямъ, это было воспитаніе къ фарисейству, скрывавшему подъ наружнымъ смиреньемъ величайшее высокомѣріе. Іезуитское образованіе лишено было начала свободы, права индивидуальности.

Въ то самое время какъ въ протестантскихъ странахъ основывались женскія школы, и въ католическихъ также поощряли обученіе и воспитаніе дѣвицъ. Въ 1537-мъ г. Анджела Меричи изъ Брешіи основала орденъ *урсулинокъ* для ухода за больными, вспоможенія неимущимъ и обученія бѣдныхъ дѣвочекъ первоначальнымъ знаніямъ религіи и женскимъ рукодѣльямъ. Анджела родилась отъ бѣдныхъ родителей. Во время пилигримства въ Іерусалимъ она ослѣпла въ Венеціи; несмотря на то она продолжала свой путь, прибыла въ Іерусалимъ, а возвращаясь, она въ томъ же городѣ и на томъ же самомъ мѣстѣ, гдѣ ослѣпла, опять прозрѣла. Собравъ затѣмъ для сказанныхъ цѣлей 76 дѣвицъ, она посвятила себя этому дѣлу до самой смерти, до 21-го марта 1540-го г. Папа Пій III подтвердилъ въ 1544-мъ г. начертанный Анджелою уставъ. Орденъ заслужилъ всеобщее уваженіе, и въ Германіи, Франціи, Америкѣ возникло много орденскихъ домовъ. Воспитанію женщинъ высшихъ сословій посвятилъ себя орденъ *англійскихъ дѣвицъ*. Основательницей его была Марія Уартъ. Изгнанная изъ родины за вѣру, она обратилась въ С-нтъ Омеръ и устроила здѣсь свой орденъ по уставамъ Игнатія Лойолы. Павелъ V и Григорій XV подтвердили ея созданіе. Марія умерла въ 1645-мъ г. въ Англіи. Орденъ пріобрѣлъ много послѣдователей, особенно въ южной Германіи, гдѣ и понынѣ продолжаетъ свою дѣятельность. Съ тою же цѣлью епископъ Франсуа де-Салль основалъ въ 1610-мъ г. орденъ Благовѣщенія *Салезіанокъ* по уставу С-таго Августина. *Канониссы святаго Августина* Божіей матери изъ института патера Форрера соединились въ то же время съ цѣлью воспитанія женской молодежи.

Для восполненія іезуитскихъ школъ, имѣвшихъ болѣе всего въ виду ученое образованіе юношества, служили *на-*

родныя училища, которыми, соревнуя протестантству, особенно занялась католическая церковь. Тридентскій соборъ уже настоятельно побуждалъ епископовъ пещись о томъ, и, если окажется необходимымъ, принуждать даже церковными наказаніями, чтобы во всѣхъ приходахъ, по крайней мѣрѣ въ воскресные и праздничные дни, дѣти тщательно обучались основнымъ истинамъ вѣры и повиновенію Богу и родителямъ. Іезуитизмъ также не упускалъ изъ виду воспитанія простого народа; онъ содержалъ ради этого школы для бѣдныхъ; нѣмецкій іезуитъ Канизій сочинилъ катехизисъ, бывшій въ большомъ ходу. Но онъ исключительно имѣлъ въ виду подготовить простолюдинъ для своей цѣли и при случаѣ пріобрѣсть способнаго воспитанника для ордена. Онъ вовсе не былъ преданъ душою ни народному воспитанію, ни слѣдовательно также народнымъ школамъ. Оттого народныя учебныя заведенія опять распались, когда въ территоріяхъ, управляемыхъ католическими имперскими князьями до окончанія тридцатилѣтней войны возстановленъ былъ католицизмъ, и слѣдовательно утратился интересъ, которому онѣ одолжены были своимъ основаніемъ.—При всемъ томъ однако сознавали цѣлесообразность учрежденія приходскихъ школъ, и въ большей части католическихъ земель мало по малу возникли отвѣчающія тому постановленія. На собравшемся въ 1536-мъ г. въ Кельнѣ архіерейскомъ синодѣ настоятельно поручалось поддерживать, возобновлять, улучшать и размножать школы, потому что обученіе юношества крайне важное дѣло. На архіерейскомъ синодѣ въ Зальцбургѣ 1569-го г. состоялся учебный уставъ, въ которомъ сказано: „Школы не только литературныя, но также и нравственныя заведенія. Пусть въ каждомъ городѣ, въ каждомъ мѣстечкѣ, въ каждомъ посадѣ, находится по мѣрѣ возможности такой институтъ. Закоулочныя и частныя школы не должны быть терпимы. Школы да будутъ общественными заведеніями. Учитель радѣй особенно о религіи и нравахъ. Методъ да будетъ цѣлесообразенъ. Пусть каждый изъ учителей составитъ его себѣ по сочиненіямъ образованныхъ авторовъ. Онъ съ каждымъ изъ учениковъ обращайся, смотря по его способностямъ и со всѣми такимъ образомъ, чтобы возбудить въ нихъ охоту къ ученію, вниманіе и уваженье. Пусть назначатъ окладъ учителямъ такъ, чтобы они были въ состояніи обучать бѣдныхъ безъ платы“.—Эти предписанія относятся, правда, прежде всего къ латинскимъ школамъ; но при этомъ не упускаются изъ виду и нѣмецкія училища. Въ нихъ также должны господствовать порядокъ и нравственность. Мальчиковъ слѣдуетъ отдѣлять отъ дѣвочекъ, и тѣхъ и другихъ пріучать къ святому цѣломудрію. Баварія получила въ 1564-мъ г. отъ герцога Альберта V „учебный уставъ“, по

которому никто не имѣлъ права содержать школу, не будучи утвержденъ въ должности наставника; по которому учителя обязаны радѣть о христіанскомъ поведеніи и тщательно и хорошо наставлять дѣтей въ христіанской вѣрѣ; и въ которомъ подтверждалось, чтобы каждый изъ обучающихся чтенію и письму учениковъ, платилъ учителю по 15 крейцеровъ за всякую четверть года, а если онъ учится также и счету, то по 30 крейцеровъ. Въ 1569-мъ г. герцогъ особымъ циркуляромъ приглашалъ прелатовъ устроить нѣмецкія училища, а когда въ 1616-мъ г. нѣкоторые изъ совѣтниковъ герцога Максимиліана I нашли опаснымъ размноженіе такихъ школъ, то депутаты сейма ревностно отстаивали „сельскія училища, такъ какъ вѣдь не всѣ крестьянскія дѣти пожелаютъ быть крестьянами, но могутъ оказаться весьма способными къ рукодѣльямъ и ремесламъ; а не умѣющій ни читать, ни писать на родномъ языкѣ уподобляется какъ бы мертвому“.

Особенную услугу первоначальному обученію неимущей молодежи оказалъ основанный Іосифомъ Калазанцою около 1600-го г., а съ 1622-го надѣленный отъ папы привилегіями нищенскихъ братьевъ орденъ *піаристовъ*, называемый также patres piarum scholarum. Онъ поставилъ себѣ цѣлью „обучать маленькихъ мальчиковъ, начиная съ первыхъ основъ, чтенію, письму и счету, и особенно также первоначальнымъ правиламъ вѣры и благочестія“. Орденъ много сдѣлалъ для развитія католическихъ народныхъ школъ, „являясь постоянно уступчивымъ и податливымъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ соблюдая существенное правило своего института, сообразоваться съ общими постановленіями государствъ“. Однако вопреки цѣли основателя онъ къ первоначальнымъ школамъ присоединилъ наконецъ еще латинскія.

II. ПРОТИВОДѢЙСТВІЕ ІЕРАРХИЗМУ.

15.

Общія черты.

Противъ бездушнаго для жизни направленія ортодоксіи какъ въ протестантской, такъ и въ католической церкви вступилъ въ открытую борьбу духъ свободы съ его открытіями на землѣ и на небѣ, и съ его философіею. Міръ расширялся все болѣе. На землѣ открывались новыя страны, на небѣ новыя міровыя тѣла. Пятая часть свѣта вышла изъ мрака, и послышались имена Новая Голландія, Вандименова земля, Новая Зеландія. Съ новооткрытыми оптическими стеклами явленія, вѣрно постигнутыя Коперникомъ, подведены Кеплеромъ подъ общіе законы, къ которымъ Ньютонъ присовокупилъ внутреннія причины и всеобщую разумную необходимость,—Галилей наблюдалъ спутниковъ Юпитера, кольцо Сатурна, фазы Венеры, а Гейгенсъ открылъ затѣмъ спутниковъ Сатурна, Гевелій устремилъ пытливые взоры на луну, Кассини на солнце, Фламстидъ на безчисленныя звѣзды. Дреббель изобрѣлъ термометръ, Торичелли барометръ, ванъ-Гельмонтъ открылъ газообразныя тѣла, Чирнгаузенъ изобрѣлъ зажигательныя зеркала, Отто Герике воздушный насосъ, Непиръ логариѳмы. Джильбертъ открылъ электричество. Сваммердамъ разсѣкалъ человѣческое тѣло, а Гарвей наблюдалъ кругообращеніе крови. Ѳеофрастъ Парацельсъ оспоривалъ авторитетъ Галена и Авиценны, и примѣнилъ химію къ медицинѣ. Конрадъ Геснеръ описалъ царства природы. Баконъ и Локкъ, Декартъ, Спиноза и Лейбницъ допытывались причины вещей и сущности человѣческаго духа. Реформація вновь примкнула къ непосредственнымъ фактамъ сознанія. Вслѣдствіе этого опытный методъ Бакона и глубокія изслѣдованья

Якова Бёме пріуготовили новые пути. Баконъ,—говоритъ Гельферихъ,—оказался важнымъ для анализа естественнаго, а Бёме для анализа нравственнаго начала. Семнадцатое столѣтіе опять подхватило нить, выпущенную изъ рукъ Греками. Наука тогда была попреимуществу математическою, и знатнѣйшія философскія системы равномѣрно основаны на математическихъ предположеніяхъ. Декартъ изслѣдуетъ отнюдь не внутреннее содержаніе и значеніе одного какого либо представленія, а напротивъ, отношеніе его къ другимъ. Сопостановка мышленія съ протяженіемъ образуетъ два члена уравненія, рѣшеніе котораго зависитъ отъ всемогущества Божія. Спиноза думаетъ объяснить все, если ему удастся метафизическія понятія Богъ, міръ и духъ втиснуть въ геометрическія аналогіи, не выходящія за предѣлы ученія о треугольникахъ. Философія Лейбница—это аналогія съ его же дифференціальнымъ и интегральнымъ исчисленіемъ: ученье о монадахъ не что иное какъ метафизическое дифференціальное исчисленіе, а ѳеодицея—интеграція найденныхъ дифференціаловъ. Ипполитъ-а-Лапиде свободно говорилъ о объединеніи германской имперіи, а Паскаль нападалъ на іезуитовъ. Выводы науки появлялись въ большихъ періодическихъ изданіяхъ, въ родѣ Journal des Savants, Philosophical Transactions и Acta Eruditorum. Возникали академіи наукъ и основывались новые университеты. Національная литература и, въ связи съ нею, разработка отечественнаго языка, пробудясь еще до реформаціи въ Италіи, благодаря Данте и др., а впослѣдствіи благодаря Тассо и Аріосту, послѣ реформаціи разцвѣла вновь во Франціи съ Корнелемъ и др., въ Англіи съ Шекспиромъ, въ Германіи, начавшись съ Лютера, послѣ 30-ти-лѣтней войны поднялась съ Томазіемъ въ прозѣ, съ Опитцемъ въ поэзіи. Когда заговорила такимъ образомъ жизнь, то мертвая буква говорить не могла. Не могла и въ *воспитаніи*. Для него новое движеніе умовъ было новою подпорою, новыя открытія и изобрѣтенья служили рычагами, чтобы выбраться изъ тины, въ которой оно было засѣло: совершившееся отдѣленіе нравоученія отъ догматики, появленіе эмпирической психологіи, изложеніе педагогики въ видѣ науки были блестящими знаменіями новой эпохи. Съ этихъ поръ *реалистическое, философское—и спиритуалистическое, религіозное противодѣйствіе* смѣло выступили противъ бездушія и механизма въ воспитаніи какъ въ протестантской, такъ и въ католической области. Въ католичествѣ за свободу воспитанія подняли борьбу Рабеле, Рамусъ, Монтень и Декартъ, сверхъ того янсенизмъ, въ протестантствѣ—Баконъ и Локкъ, Ратихій, Коменій и др., да сверхъ того и піэтизмъ.

А. РЕАЛИСТИЧЕСКОЕ И ФИЛОСОФСКОЕ ПРОТОВОДѢЙСТВІЕ ІЕРАРХИЗМУ.

1. Реалистическое и философское противодѣйствіе ортодоксіи и схоластицизму въ католичествѣ: Рамусъ, Монтень и Декартъ.

16.

Книги, слова—были предметами обученія въ абстрактно теологическій періодъ воспитанія. Предметнаго знанія не существовало. То, что преподавалось въ этомъ отношеніи, были не сами предметы, но слова объ нихъ, взятыя изъ книгъ „древнихъ авторовъ" о звѣздахъ, силахъ природы, минералахъ, растеніяхъ, животныхъ, астрономія была безъ обсерваторіи, анатомія безъ разсѣченія человѣческихъ труповъ, физика безъ опытовъ и пр. Тогда-то въ разныхъ странахъ образовался духовный союзъ мужей, поставившій себѣ задачею перейти отъ мертвыхъ словъ къ живой природѣ, отъ механическаго преподаванія къ органическому. Правда, то были все еще проповѣдники въ пустынѣ, но они пріуготовляли пути новому времени.

Хотя германская реформація по наружности и не проникла во Францію, однако она все-таки сдѣлалась тамъ важнымъ факторомъ для дальнѣйшаго развитія духовной жизни. Она прежде всего послужила поводомъ къ образованію народнаго языка и національной литературы: самъ Кальвинъ писалъ по французски лучше, нежели бо́льшая часть его современниковъ. Но реформація была еще важнѣе вслѣдствіе вызванной ею духовной борьбы, благодаря которой безусловно допускаемый прежде принципъ авторитета и вообще всѣ духовные интересы вовлекались въ область открытыхъ, свободныхъ изслѣдованій. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ глазахъ народа исчезъ ореолъ непогрѣшимости, безусловной неприкосновенности католическихъ учрежденій, и хотя по наружному виду они и продолжали существовать, но были все-таки поколеблены въ самыхъ глубокихъ своихъ основахъ. Вопреки такому возобновленію духовной жизни общественное преподаваніе все еще оставалось въ рукахъ полудуховной корпораціи, руководившей имъ въ теченіе трехъ вѣковъ, и схо-

ластика жила и царила во всѣхъ школахъ: но она лишена была силы и сока, и уже появились пророки, возвѣстившіе смерть ея.

Въ первомъ ряду стоитъ

Франсуа Рабеле.

К. А. Арнштедтъ впервые указалъ на педагогическое значеніе этого французскаго сатирика и обнаружилъ связь его идей съ идеями Монтеня, Локка и Руссо. Рабеле родился въ 1483-мъ году въ Шинонѣ и воспитывался въ близъ лежащемъ бенедиктинскомъ аббатствѣ Селье, а потомъ въ монастырѣ Басметтѣ. Окончивъ курсъ наукъ, которыя изучалъ, какъ кажется, въ Анжерскомъ университетѣ, онъ поступилъ послушникомъ въ францисканскій монастырь Фонтене-ле-Контъ, гдѣ въ 1511-мъ г. и былъ постриженъ въ священники. Своими классическими и отчасти еретическими занятіями (у него кромѣ греческихъ книгъ нашли также нѣсколько политическихъ сочиненій Эразма), возбудилъ онъ зависть и злобу монаховъ и по ихъ навѣтамъ былъ осужденъ на пожизненное тюремное заключеніе на хлѣбъ и на воду, но, благодаря вліянію сильныхъ друзей, вскорѣ освобожденъ. Благодаря тому же вліянію онъ добился разрѣшенія перейти изъ ордена францисканцевъ къ бенедектинцамъ. Когда житье среди послѣднихъ пришлось не по нутру этому научно-пытливому, критическому и безпокойному человѣку,—онъ сбросилъ съ себя монашескую рясу, сдѣлался священникомъ и епископскимъ секретаремъ, въ качествѣ котораго и вступилъ въ связь съ поборниками реформаціи, а съ Кальвиномъ даже въ дружескія сношенія, продлившіяся впрочемъ не долго. Гонимый вновь за эту склонность къ реформаціоннымъ идеямъ, онъ опять прибѣгнулъ къ сильному покровительству друзей. Въ качествѣ сельскаго священника въ часы досуга предавался онъ научнымъ, попреимуществу медицинскимъ занятіямъ, которыя внѣ церковной должности продолжалъ дотого энергично, что въ 1530-мъ г. ему назначили степень баккалавра медицины и каѳедру въ Монпелье. Не долго оставался онъ въ этой должности; но живя въ разныхъ мѣстахъ, содержалъ себя изданіемъ различныхъ, особенно медицинскихъ сочиненій и вступилъ въ связь съ знатнѣйшими современными писателями. Въ 1535-мъ г. онъ издалъ первую книгу своего Gargantua и Pantagruel, главное твореніе его жизни, въ которомъ изложилъ свои педагогико-реформаціонныя идеи. Его скитальческая, ни къ какому опредѣленному мѣсту не привязанная жизнь, а также сильная вражда, какую онъ навлекъ себѣ изданіемъ одной части сказаннаго творенія, помѣшали скорѣйшему

окончанію послѣдняго. Дописавъ пятую книгу, онъ былъ застигнутъ смертью; 9-го апрѣля 1553-го г. скончался онъ въ званіи Медонскаго священника. Эта послѣдняя книга была обнародована лишь 5 лѣтъ спустя по смерти Рабеле. Первый переводъ всего творенія на нѣмецкій языкъ издалъ Іоаннъ Фишартъ,—натура сродственная Рабеле. Его Traité d'éducation, письмо Гаргантуи къ своему сыну Пантагрюэлю и выраженныя въ другихъ мѣстахъ сочиненія идеи о воспитаніи и преподаваніи придаютъ автору значеніе, приравнивающее его Монтеню, Локку и Руссо; и Арнштедтъ конечно правъ, утверждая, что Локкъ заимствовалъ главныя указанія у Рабеле, а Руссо у Локка. Виттштокъ также правъ, заявляя, что реалистическое и философское противодѣйствіе іерархизму началось съ появленіемъ Рабеле.

Прежде чѣмъ приступить къ своему трактату (Traité d'éducation) для Гаргантуи, Рабеле бичуетъ недостатки существующей системы воспитанія и преподаванія. Потомъ въ письмѣ Гаргантуи обнаруживается истинная религіозность, исполненная любви довѣрчивость между отцомъ и сыномъ, ясное сознаніе послѣдняго о своемъ человѣческомъ достоинствѣ, высокое одушевленіе къ наукѣ и къ значенію истиннаго образованія, твердая воля разсудительнаго отца доставить такое образованіе своему сыну, увѣренность Гаргантуи, что родителямъ предстоитъ прекрасная награда за хорошее воспитаніе ихъ дѣтей и его превосходное знаніе педагогическихъ средствъ и условій успѣха для хорошаго воспитанія. Изъ педагогическихъ средствъ приводятся: преподаваніе, примѣръ и опытъ. Предметами преподаванія должны быть: религія, языки, реальныя знанія (исторія, географія, астрономія—астрологія исключается—, геометрія, ариѳметика, естественная исторія и антропологія). Одно то уже, что всѣ эти предметы заняли мѣсто въ учебномъ планѣ французскаго педагога 16-го столѣтія, доказываетъ, какъ далеко опередилъ онъ свое время и на сколько мы вправѣ считать его великимъ предшественникомъ Локка и Руссо. Но значеніе и историко-педагогическое положеніе нашего философа выступитъ еще болѣе, если принять въ расчетъ, что онъ требуетъ во-первыхъ тѣлеснаго развитія, какъ условія для успѣшнаго духовнаго образованія, во-вторыхъ, относительно преподаванія,—большей наглядности, что, втретьихъ, главною цѣлью преподаванья онъ ставитъ навыкъ къ самостоятельному мышленію, и что по его убѣжденіямъ воспитанникъ долженъ быть подготовляемъ къ практической дѣятельности и образованъ для жизни. Онъ хочетъ облегчить ученику занятія цѣлесообразнымъ методомъ и „кроткимъ обращеніемъ". Въ этомъ отношеніи онъ также является пред-

шественникомъ Руссо и его послѣдователей, филантроповъ, хотя ему и не удалось основать свои требованья на идеѣ естественности. Геній опережаетъ свою эпоху и тѣмъ увлекаетъ дѣйствительность впередъ, но онъ все-таки сынъ своего вѣка и потому вынужденъ обыкновенно предоставить позднѣйшему развитію и сыскать болѣе глубокія основы и вѣрную формулу для своихъ чаяній и геніальныхъ проблесковъ. Рабеле и въ томъ еще сходенъ съ Руссо, что предлагаетъ завершить воспитаніе молодого человѣка путешествіями. Арнштедтъ весьма строго доказалъ, что Локкъ и Руссо пользовались сочиненіями Рабеле какъ источникомъ и что слѣдовательно начало новаго педагогическаго движенія, приписываемое обыкновенно Руссо, слѣдуетъ считать съ появленія Рабеле.

Важнымъ значеніемъ пользовался также

Петръ Рамусъ.

Онъ учился въ Наваррской коллегіи, но не могъ пристраститься къ сухой философской и теологической діалектикѣ, а напротивъ, всѣми силами своего духа предался гуманистическимъ наукамъ. Въ своей магистерской диссертаціи, наперекоръ исключительному поклоненію Аристотелю, онъ выразилъ уже положеніе,—все, чему училъ Аристотель, заблужденіе и суетныя бредни. Когда же въ 1543-мъ г., въ своихъ „Aristotelicae animadversiones" (Критическихъ замѣчаніяхъ на Аристотеля) еще жестче повторилъ этотъ приговоръ, то на него разразилась долго сдерживаемая злоба университетскихъ схоластиковъ. Университетъ обвинилъ его передъ судомъ, и его твореніе было осуждено; но благодаря покровительству Франциска I самъ онъ избавился отъ наказанія; и дѣйствительно, Рамусъ продолжалъ свою дѣятельность въ качествѣ королевскаго лектора въ Collège de France и проводилъ тамъ въ своемъ отдѣлѣ реформаціонныя начала. Въ 1562-мъ г. обратился онъ къ Карлу IX съ письмомъ, требуя въ немъ сокращенія платы за ученіе и реформы въ преподаваніи. Онъ порицалъ всѣ факультеты, кромѣ юридическаго, за недостатокъ въ нихъ публичныхъ ординарныхъ профессоровъ, особенно же за духъ преподаванія и за неизбѣжныя для полученія диплома академическія упражненія. Изъ всѣхъ школъ достойными похвалы считалъ онъ только тѣ, которыя послѣ длившагося вѣками пренебреженія вновь ввели въ почетъ грамматику и реторику, т. е. словесныя науки, въ которыхъ чтеніе хорошихъ древнихъ авторовъ и собственныя сочиненія учениковъ занимаютъ бо́льшую часть учебнаго времени и въ которыхъ менѣе всего предаются буквоѣдству и несмѣтнымъ ретори-

ческимъ правиламъ. Въ медицинѣ онъ хотѣлъ бы взамѣнъ диспутовъ учредить дѣйствительное лѣченіе больныхъ въ присутствіи учителей, а въ теологіи — религіозныя конференціи и проповѣди: взамѣнъ схоластическихъ перечней онъ совѣтовалъ въ качествѣ текста для теологическихъ лекцій пользоваться Ветхимъ и Новымъ завѣтами въ подлинникѣ. Въ древности онъ добивается не исторически даннаго матеріала, а напротивъ, примѣра, по которому могъ бы развить законы діалектики и реторики и ввести въ пониманіе вещей. Рамусъ имѣлъ въ виду энциклопедическое развитіе юношества и частью достигъ его назначеніемъ лекторовъ для греческаго и восточныхъ языковъ, также для математики, которая въ самомъ университетѣ лишь цѣлое столѣтіе спустя введена была въ коллегіи кардинала Мазарини. На діалектику смотрѣлъ онъ какъ на орудіе и мѣрило для всѣхъ остальныхъ научныхъ изслѣдованій. Онъ хотѣлъ усвоить ее, какъ всѣ искусства, путемъ природы, ученія и упражненія, причемъ первымъ и обильнѣйшимъ источникомъ представляется природа, затѣмъ второе мѣсто занимаетъ упражненіе, тогда какъ ученію придается лишь болѣе подчиненное значеніе. „Намъ необходимо примкнуть къ природѣ; искусство должно лишь поучать насъ какъ пользоваться ею и давать сколокъ природы. Слѣдуетъ не пренебрегать хорошими писателями, а напротивъ, усвоивать себѣ ихъ ученія. Это исполняется упражненіемъ, которое бываетъ троякаго рода, — оно состоитъ въ чтеніи и объясненіи хорошихъ древнихъ писателей, въ письменныхъ сочиненіяхъ и въ произнесеніи рѣчей. Послѣднее, пріобрѣтаемое упражненіемъ, составляетъ крайнюю цѣль: реторика—сестра діалектики".—

Реформы Рамуса не могли пробиться въ его эпоху, оттого что были слишкомъ обширны и глубоки для наклонностей ученыхъ того времени. Онѣ исходили притомъ отъ еретика, а потому не трудно было обнаружить въ нихъ опасное еретическое направленіе.

Вскорѣ послѣ Рамуса подвизался одинъ изъ остроумнѣйшихъ французскихъ писателей шестнадцатаго столѣтія,

Мишель де Монтень.

(Родился въ Перигорѣ въ 1533-мъ, умеръ въ Бордо въ 1592-мъ г.)

Вопросомъ „какъ знать?" („Que sais-je?"), изобличавшимъ въ немъ сознаніе человѣческаго невѣдѣнья касательно всѣхъ существенныхъ вопросовъ бытія, онъ заканчивалъ обыкновенно въ своихъ опытахъ (Essais) многообразныя сужденія о правительствѣ, церкви, школѣ и пр. „Всѣ человѣческія дѣла подвержены сомнѣнію. Разумъ опровергаетъ всякія

убѣжденія, всякія системы. Человѣческій умъ не въ состояніи постичь существующій нравственный строй. Кто окончательно отказывается постичь его, тотъ постигаетъ его лучше всѣхъ. А потому какъ философу, такъ и невѣждѣ слѣдуетъ подчиниться существующимъ уже авторитетамъ".— Монтенъ, говоритъ Николе, былъ мужъ, который, пробродивъ своимъ умомъ по всѣмъ предметамъ міра, съ цѣлью рѣшить, что въ нихъ хорошаго и что дурного, былъ настолько уменъ, что постигъ ихъ пустоту и суетность. Онъ очень хорошо обнаружилъ ничтожество величія и безплодность наукъ; но не признавая иной жизни помимо настоящей, онъ заключилъ, что ничего болѣе не остается, какъ попытаться какъ можно пріятнѣе прожить короткій намъ предназначенный срокъ.

Монтенъ вступилъ въ борьбу съ существовавшимъ способомъ преподаванія. „Не удивительно, что при способѣ и родѣ нашего обученія, ни учителя, ни ученики не дѣлаются способнѣе для житейскихъ условій, хотя и пріобрѣтаютъ много учености. И въ самомъ дѣлѣ, всѣ попеченія и расходы нашихъ родителей тратятся лишь на то, чтобы набить наши головы науками; но вовсе не помышляютъ о томъ, чтобы снабдить ихъ также разсудкомъ и добродѣтелью. Провозгласите на улицѣ. „Вотъ ученый мужъ", а затѣмъ также о другомъ, „Вотъ дѣльный человѣкъ"; и народъ ни на мигъ не отведетъ своихъ взоровъ и своего уваженія отъ перваго. Намъ слѣдовало бы спрашивать, кто лучше обученъ, а не кто больше обученъ. Мы стараемся лишь набить память, а умъ и сердце оставляемъ впустѣ. Мы сумѣемъ сказать: „Цицеронъ выразился такъ", „Платонъ сдѣлалъ то и то", „вотъ что сказалъ Аристотель"; но что говоримъ мы сами? какъ разсуждаемъ мы? что сами дѣлаемъ? Вѣдь повторять сказанное попугай можетъ такъ же хорошо какъ и мы". „Что толку нагружать желудокъ мясомъ, если не перевариваемъ его, если оно не претворяется въ насъ, такъ чтобы питать и укрѣплять насъ? Мы слишкомъ много опираемся на чужія руки, такъ что наши собственныя лишаемъ послѣдней силы. Когда хочу вооружиться противъ боязни смерти, я обращаюсь къ Сенекѣ; когда ищу утѣшенія себѣ или другому, то заимствую его у Цицерона. Вѣдь я обрѣлъ бы его въ самомъ себѣ, если-бъ меня пріучали къ этому. Терпѣть не могу это нищенское полусуществованіе; хотя и возможно поумнѣть чужимъ умомъ, но умудриться можемъ лишь собственною мудростью". „Я всегда удивлялся, что обогащенная познаніемъ многихъ вещей душа не становится отъ того ни живѣе, ни дѣятельнѣе. Кому приходится воспринимать столько чужихъ, обширныхъ, сильныхъ мозговъ, сказала мнѣ разъ, вспоминая о комъ-то, одна дѣвица, тотъ поневолѣ долженъ стиснуть свои собственные мозги и

сузить ихъ, лишь бы дать мѣсто другимъ. Скажу отъ себя: Подобно тому какъ растенія гибнутъ отъ излишней тучности и лампы тухнутъ отъ излишняго масла, точно то же совершается и съ дѣятельностью ума отъ излишнихъ ученій и черезъ-чуръ многихъ предметовъ, такъ какъ вслѣдствіе слишкомъ большого разнообразія предметовъ онъ становится неспособнымъ распутаться, и такое бремя гнететъ и уродуетъ его". — „Впрочемъ это не совсѣмъ вѣрно. Наша душа расширяется по мѣрѣ того, какъ наполняется, и изъ примѣровъ древности мы напротивъ убѣждаемся, что мужи, отправлявшіе общественныя должности, великіе полководцы и совѣтники въ государственныхъ дѣлахъ въ то же время были весьма учены. Ошибка нашего воспитанія поэтому заключается не въ излишнемъ восприниманіи; — а въ излишнемъ пристрастіи къ интеллектуальному и нерадѣніи къ этическому, въ черезъ-чуръ настойчивомъ упражненіи памяти и пренебреженіи полезнаго. Посмотрите на ученыхъ! Они знаютъ теорію всѣхъ и всякихъ вещей; а поищите такого, который примѣнилъ бы эту теорію къ дѣлу! Какой же прокъ въ наукѣ безъ ума? Если ученіемъ наша душа не достигаетъ лучшаго направленія, если мы этимъ путемъ не добиваемся болѣе здравыхъ сужденій, то пусть ужь лучше воспитанникъ мой проводитъ свое время играя въ мячъ; это по крайней мѣрѣ укрѣпитъ его тѣло. Взгляните на него послѣ столь многихъ, проведенныхъ въ университетахъ лѣтъ: окажется ли кто другой неспособнѣе его къ занятію какой либо должности? выходитъ что латынь и греческое сдѣлали его только глупѣе, чѣмъ онъ былъ, уходя изъ дому. Ему слѣдовало бы вернуться съ напитанною полною душою, а онъ вернулся лишь съ надутою".

Бывшему доселѣ воспитанію Монтень противоставляетъ свои собственныя новыя воззрѣнія. „Я хотѣлъ бы, чтобы для ребенка тщательно избрали **гувернера** скорѣе съ свѣтлымъ и яснымъ умомъ, нежели исполненнымъ учености; чтобы, конечно, имѣли въ виду и то и другое, но болѣе нравы и разсудокъ, нежели знаніе; и чтобы онъ въ своемъ дѣлѣ поступалъ не на старый ладъ. Въ преподаваніи ученикамъ то и дѣло кричатъ въ уши, словно вливаютъ въ воронку, и послѣднимъ остается лишь повторять подсказанное имъ. Я, напротивъ, желалъ бы, чтобы гувернеръ поступалъ цѣлесообразнѣе и съ первыхъ же поръ началъ съ того, чтобы предоставить порученной его воспитанію душѣ, по мѣрѣ ея способностей, самой усвоивать, избирать и умѣло различать вещи. Пусть онъ иногда наводитъ воспитанника на путь, а иной разъ заставляетъ его самого отыскивать дорогу. Онъ не долженъ задавать постоянно тонъ и говорить все самъ: пусть выслушаетъ также ученика и побуждаетъ

его говорить въ свою очередь. Хорошо бы, если бъ онъ заставилъ воспитанника пройтись при себѣ, чтобы изучить такимъ образомъ его походку и обсудить, насколько самому ему надо спуститься, чтобы приспособиться къ его силамъ. Если не исполнимъ этого условія, то все испортимъ. Угадать это и точнѣе къ тому принаровиться, вотъ самая настоятельная изъ обязанностей, какихъ я требую отъ гувернера: спуститься до дѣтскаго развитія и руководить имъ—это дѣло высокой и весьма сильной души. Когда по господствующей нынѣ привычкѣ нѣкоторые изъ воспитателей пытаются одинаково обучать и на одинъ и тотъ же ладъ воспитать многихъ дѣтей различныхъ умственныхъ способностей и различнаго нрава, то не удивительно, если изъ всей толпы едва найдутся двое или трое вынесшихъ хоть какую нибудь пользу изъ такого воспитанія. Гувернеръ долженъ требовать отъ своего воспитанника не только отчета о словахъ его урока, но также и о смыслѣ и содержаніи послѣдняго. Объ извлеченной изъ того воспитанникомъ пользѣ онъ долженъ судить не по свидѣтельству памяти, но по образу его жизни. Онъ долженъ побуждать его разсматривать въ разныхъ видахъ все, чему тотъ учился, и примѣнять къ различнымъ предметамъ, чтобы убѣдиться, вѣрно ли онъ постигъ и усвоилъ себѣ все это. Если пища возвращается изъ желудка въ томъ же видѣ, какъ ее проглотили, то это служитъ признакомъ неудобоваримости. Значитъ, желудокъ не совершилъ своего отправленія, если по веществу и формѣ не измѣнилъ того, что „дано ему переварить". „Пчелы то тутъ, то тамъ собираютъ соки съ цвѣтовъ, но изъ этого выдѣлываютъ медъ, вполнѣ имъ свойственный, не похожій ни на тиміанъ, ни на душицу: точно такъ же и воспитанникъ долженъ измѣнить и претворить все, что заимствуетъ у другихъ, чтобы образовать изъ этого вполнѣ ему свойственное произведеніе". „Насъ до того избаловали помочами, что мы отвыкли ходить свободно: у насъ не стало ни воли, ни силъ". „Пусть гувернеръ побуждаетъ воспитанника изслѣдовать каждое мнѣніе и да не вбиваетъ ему въ голову ничего такого, что опирается на одну только вѣру въ авторитетъ. Онъ не долженъ заставлять его присягать ни на принципъ Аристотеля, ни на принципъ Эпикура или стоиковъ. Пусть изложитъ онъ передъ воспитанникомъ различныя мнѣнія; если послѣдній въ состояніи самъ выбрать между ними, тѣмъ лучше, если же нѣтъ, то пусть его сомнѣвается. Въ самомъ дѣлѣ, мы дѣлаемъ нашихъ питомцевъ раболѣпными и робкими, оттого что не даемъ имъ воли поступать по своему. Спрашиваетъ ли хоть кто нибудь своего ученика, какого онъ мнѣнія о реторикѣ, о грамматикѣ, о томъ или другомъ изреченіи Цицерона. Намъ вдалбливаютъ въ голову эти вещи словно изреченія оракула, вся суть кото-

рыхъ заключается въ буквахъ и слогахъ. Но знать наизусть отнюдь не самое знаніе, это не что иное какъ сохраненіе въ памяти того, что передано ей на сбереженье. Что мы знаемъ какъ слѣдуетъ, тѣмъ и роспоряжаемся не обращая вниманія на авторитетъ и не заглядывая сперва въ свою книгу. Посмотрѣлъ бы, какъ танцовщики Пальвель или Помпе научили бы насъ своимъ прыжкамъ, давая намъ только смотрѣть на нихъ, такъ чтобы мы сами и не шевельнулись; точно такъ же хотятъ обучить и нашъ умъ, не заставляя его работать. Или, пускай научатъ насъ править лошадью, владѣть копьемъ, играть на лютнѣ, пѣть, не упражняя насъ въ этомъ: вѣдь такъ же и у насъ хотятъ научить разсуждать и говорить, не упражняя насъ ни въ разговорахъ, ни въ сужденіяхъ". „Первыя сообщаемыя воспитаннику ученія должны имѣть цѣлью направить его нравъ и мысли, научить его познавать самого себя, праведно жить и умереть. Изъ свободныхъ искусствъ начнемъ прежде всего съ искусства, которое насъ сдѣлало бы свободными. Преподавъ воспитаннику все необходимое для того, чтобы стать мудрѣе и лучше, можно ознакомить его съ логикой, физикой, геометріей и реторикой; потомъ онъ уже скоро овладѣетъ любой наукою, какую бы ни избралъ, оттого что образовалъ свой разсудокъ. Пусть ученіе сообщается ему то въ разговорахъ, то посредствомъ книгъ. Пускай учитель иногда даетъ ему самому въ руки цѣлесообразныхъ писателей; а иногда только сокъ и суть послѣднихъ. Не слѣдуетъ притомъ запирать воспитанника, ни предавать его на произволъ злобы и мрачнаго настроенія свирѣпаго учителя. Я не хочу губить его душу, заставляя его по принятому обыкновенію по четырнадцати и до пятнадцати часовъ въ день словно носильщика потѣть за работой. Я не одобрилъ бы также, если-бъ при нелюдимомъ меланхолическомъ темпераментѣ онъ не въ мѣру предался чтенію книгъ и если-бъ его въ томъ поддерживали. Все это дѣлаетъ молодыхъ людей неловкими въ обращеніи и отвлекаетъ ихъ отъ лучшихъ занятій. Мнѣ пришлось встрѣчать немало людей, которые поглупѣли отъ чрезмѣрной алчности къ наукѣ!" „Ученикъ мой долженъ не столько наизусть знать свой урокъ, а скорѣе разработать его; онъ повторяетъ его на дѣлѣ. Тогда увидимъ, съ умомъ ли берется онъ за свое дѣло, обнаруживаетъ ли въ поступкахъ своихъ доброту и справедливость, господствуютъ ли благоразуміе и прелесть въ его рѣчахъ, твердость въ болѣзняхъ, скромность въ играхъ, умѣренность въ его радостяхъ,—порядокъ въ экономическомъ отношеніи,—все ли одинаково приходится ему по вкусу, что бы ни предложили—мясо или рыбу, вино или воду. Нашъ умъ всего правдивѣе отражается въ ходѣ нашей жизни. Нѣтъ никакой надобности пріучать воспитан-

ника къ словамъ. Если онъ владѣетъ запасомъ предметовъ, то слова придутъ за ними, а въ противномъ случаѣ онъ и самъ привлечетъ ихъ". „Я люблю простую, естественную рѣчь, какъ въ письмѣ, такъ и въ разговорѣ,—рѣчь сильную, убѣдительную, такъ чтобы она была коротка и сжата, не столько нѣжна и гладка, а скорѣе пылка и внушительна. Вотъ какъ надо учиться говорить воспитаннику. Онъ не долженъ говорить какъ его книга. Умъ и чувство нельзя ни у кого занять, подобно тому какъ занимаютъ шинель или платье". „Прежде всего я хотѣлъ бы изучить свой родной языкъ и языкъ нашихъ сосѣдей, съ которыми мы въ самыхъ близкихъ сношеніяхъ. Знать греческое и латынь—дѣло безъ сомнѣнія хорошее и великое, но обходится черезъ-чуръ дорого. Изучать ихъ безъ грамматики и правилъ, безъ розогъ и слезъ возможно только при помощи разговоровъ, такъ чтобы вокругъ насъ говорилось не иначе какъ полатини и т. п. Въ такомъ случаѣ и преподаваемые уроки, не связанные ни временемъ, ни мѣстомъ, пройдутъ такъ, что мы и не замѣтимъ. Даже игры наши и тѣлесныя упражненія: бѣгъ, борьба, музыка, танцы, верховая ѣзда, фехтованіе и охота составятъ значительную долю нашего обученія. Я хочу, чтобы заодно съ душою образовались и наружная пристойность и пріятный нравъ. Доводите въ особенности воспитанника до того, чтобы онъ, убѣдившись въ истинѣ, клалъ передъ ней оружіе и сдавался ей, хотя бы увидѣлъ ее на сторонѣ своего противника, или, одумавшись,—въ своемъ собственномъ умѣ. Изъ рѣчей воспитанника должны выясняться его совѣсть и добродѣтель; руководителемъ ихъ да будетъ одинъ только умъ его. Объясните ему, что сознаться въ ошибкахъ, открываемыхъ имъ въ собственныхъ его рѣчахъ, хотя бы ихъ никто кромѣ него не замѣтилъ доказываетъ благоразуміе и откровенность,—эти важнѣйшія качества, къ которымъ онъ стремится; наоборотъ упрямство и духъ противорѣчія—низкія качества и встрѣчаются большею частью только у мелкихъ душъ. Скажите ему: одуматься, исправить свое мнѣніе, отказаться даже въ пылу спора отъ неправаго дѣла, все это обнаруживаетъ рѣдкій, сильный и философскій строй мыслей". „Воспитываютъ не только душу, не только тѣло, но человѣка цѣликомъ. Мы не должны двоить его. Душа гибнетъ отъ напряженія, если тѣло не поддерживаетъ ее; ей слишкомъ много дѣла, если она должна исполнять двѣ должности. Читая книги, я часто замѣчаю, что авторы въ своихъ твореніяхъ иногда выдаютъ за величіе души и силу ума то, что по настоящему зависитъ скорѣе отъ толстоты кожи и твердости костей. Необходимо пріучать воспитанника къ труду и къ суровости тѣлесныхъ упражненій, такъ чтобы сдѣлать его нечув-

ствительнымъ ко всѣмъ возможнымъ болямъ. Но обучая его, обращайтесь съ строгою кротостью. Необходимо возбудить въ немъ жажду и охоту къ занятіямъ; а иначе воспитаютъ лишь навьюченнаго книгами осла; бичуя, вы наполняете его карманы наукою и увѣщеваете лишь не терять ничего. Прочь всякое принужденіе и насиліе! Ничто не унижаетъ и не притупляетъ такъ сильно даже и хорошо одаренную натуру. Если хотите, чтобы воспитанникъ боялся позора и наказанія, то не закаляйте его противъ нихъ. Отучайте его отъ излишней мягкости и изнѣженности; пріучайте ко всему; сдѣлайте изъ него не пошлаго волокиту, а напротивъ, дюжаго, крѣпкаго молодца. Теперешнія учебныя заведенія—настоящія тюрьмы забранныхъ въ плѣнъ юношей. Ихъ дѣлаютъ лѣнивыми и распутными, наказывая какъ лѣнивыхъ и распутныхъ, прежде даже чѣмъ они стали такими. Какая превосходная манера придавать нѣжнымъ и робкимъ дѣтскимъ душамъ охоту къ ученію, побуждая ихъ къ тому раскраснѣвшимся отъ ярости лицомъ и съ бичомъ въ рукѣ! Было-бъ гораздо пристойнѣе усыпать классы цвѣтами и листьями, а не волокнами окровавленныхъ березокъ. Я велѣлъ бы на стѣнахъ школы изобразить веселье и радость, Флору и Грацій, какъ сдѣлалъ въ своей школѣ философъ Спевсиппъ“.

Монтень у Французовъ и для нихъ то же, что у Англичанъ и для нихъ былъ Баконъ. Будучи съ головы до пятокъ Французомъ съ его легкомысліемъ и страстностью, онъ въ то же время представляетъ собою истинно французское противодѣйствіе схоластицизму и формализму, господствовавшему надъ школами его эпохи,—противодѣйствіе пустословію, и всякому педантству. Онъ обращается къ дѣятельному образованію, требуетъ самостоятельнаго сужденія, превозноситъ реальное въ противность словесной виртуозности и добивается здоровыхъ тѣлесныхъ упражненій и свѣтлаго нрава. Вліяніе его на практическую учебную систему, такъ же какъ и Рамуса, на первыхъ порахъ было не очень значительно. Но у него поучались Локкъ и Руссо, и не умерло то, что въ смѣлой заносчивости металъ онъ изъ своего животрепещущаго духа.

Впрочемъ воззрѣнія Монтеня уже скоро пустили корни среди образованныхъ людей во Франціи. Такъ между прочимъ и въ другѣ его, французскомъ священникѣ *Пьерѣ Шарронѣ* (ум. 1603), который въ своей книгѣ „О мудрости“ (de la sagesse) такъ выражается о воспитаніи: „Въ вашемъ обращеніи съ дѣтьми будьте не мрачными, жесткими и строгими, а напротивъ, кроткими, нѣжными и веселыми. Мы рѣшительно и вполнѣ отвергаемъ чуть-ли не общепринятую привычку бить, сѣчь, ругать дѣтей, кричать на нихъ и держать ихъ въ великомъ страхѣ и подчиненіи, какъ бываетъ

обыкновенно въ школахъ. Вѣдь это такъ же несправедливо и преступно, какъ если-бъ судья или врачъ поддался горячкѣ или гнѣву противъ подсудимаго или больнаго. Оно притомъ вредно и прямо противно цѣли, такъ какъ юношей намѣреваются вести къ тому, чтобы они любили и исполняли добродѣтель, мудрость, науку и правдивость. А грозное и жестокое обращеніе вселяетъ въ нихъ ненависть, омерзеніе и отвращеніе, дѣлаетъ ихъ буйными и своенравными, подлыми и раболѣпными, оттого что съ ними обращаются обыкновенно какъ съ рабами. Вы, отцы (и учителя)! не доводите вашихъ дѣтей до злобы, чтобы не сдѣлать ихъ робкими". „Я требую, чтобы съ дѣтьми поступали свободно и благородно, руководили ихъ разумными и кроткими представленіями и внушали имъ чувство чести и стыда".

„Гораздо лучше, говоритъ Теренцій, обуздывать дѣтей боязнью стыда и благородными помыслами, нежели раболѣпнымъ страхомъ. Отцамъ (и учителямъ) подобаетъ пріучать сына добровольно дѣлать добро, а не понуждать его къ этому чуждымъ страхомъ. Этимъ отецъ вѣдь и отличается отъ господина. А кто не сумѣлъ этого, тотъ сознайся просто, что онъ не въ состояніи воспитывать дѣтей. Побои примѣнимы къ лишеннымъ разума животнымъ, а брань и крики къ безотвѣтнымъ рабамъ. Кто разъ къ этому привыкъ, изъ того не выйдетъ ничего. Разумное, прекрасное въ поступкахъ, сходство съ добросовѣстными людьми, честь, всеобщее одобреніе, довольство, какъ внутреннее самимъ собою, такъ и наружное, оказываемое людьми, узнавшими о томъ, точно такъ же и все противоположное, дурное и непристойное въ дѣлахъ, стыдъ, упреки, досада въ душѣ и всеобщее осужденіе,—вотъ орудія награды и поощренія для благонравныхъ дѣтей, которыхъ хотятъ воспитать честно; имъ слѣдуетъ постоянно напоминать о томъ, а если эти средства не помогутъ, то строгія мѣры ни къ чему не поведутъ„.—„Я однако вовсе не намѣренъ одобрять слабодушное и льстивое снисхожденіе къ дѣтямъ и глупую боязнь, какъ бы не огорчить ихъ. Это въ свою очередь такое же вредное заблужденіе: оно уподобляетъ насъ плющу, который дѣлаетъ обвиваемое имъ дерево безплоднымъ и становится причиною его смерти; или обезьянѣ, которая душитъ дѣтей въ своихъ крѣпкихъ объятіяхъ; или людямъ, которые упавшаго въ воду не хотятъ схватить за волосы, чтобы не причинить ему боли и даютъ ему такимъ образомъ утонуть. Мудрый Еврей (Соломонъ, также Сирахъ) сильно ратуетъ противъ этого порока. Къ молодежи слѣдуетъ примѣнять не тѣлесную дисциплину животныхъ и каторжниковъ, но духовную, человѣчную и благородную дисциплину разума".—„Что касается до образованія ума, то болѣе всего обращай-

те вниманія на то,—и это да будетъ вашею главною заботою,—чтобы разработать, воздѣлать и употребить въ пользу природныя и личныя дарованія и старайтесь добывать и собирать не только извнѣ. Имѣйте въ виду мудрость болѣе, нежели науку и искусство, и стремитесь образовать скорѣе разсудокъ, а слѣдовательно также волю и совѣсть, нежели наполнять память и разгорячать воображеніе". „На свѣтѣ все дѣлается какъ разъ наоборотъ, и люди гоняются лишь за искусствомъ, наукою и знаніями. Родители тратятъ много денегъ, чтобы сдѣлать своихъ дѣтей учеными, а дѣти въ свою очередь много трудятся, и очень часто попусту. Какъ во всѣхъ дѣлахъ вообще, такъ и въ наукахъ мы больны неумѣренностью. Напротивъ, для того чтобы сдѣлать дѣтей мудрыми, добродѣтельными и способными, не прилагаютъ ни столько издержекъ, ни столько старанія, и даже вовсе о томъ не заботятся".—„Наука и мудрость отличны другъ отъ друга. Первая—нѣчто заимствуемое съ великимъ трудомъ. Ученый подобенъ воронѣ, нарядившейся въ чужія, у другихъ птицъ надерганныя, перья. Онъ показывается въ свѣтѣ и занимаетъ общество, но только лишь на чужой счетъ, и принужденъ постоянно снимать шляпу ,чтобы почтить и прославить того, у кого позаимствовалъ передаваемое имъ. Мудрецъ же подобенъ человѣку, живущему своимъ доходомъ. Мудрость—это собственно ему принадлежащее имущество, она естественное добро и притомъ хорошо также разработано и воздѣлано". „Много людей были бы умнѣе, не ходи они вовсе въ школу". „Книги и лекціи должны разсуждать не о мелочныхъ, вздорныхъ и пошлыхъ, но о великихъ, серьезныхъ, благородныхъ и доблестныхъ предметахъ, уряжающихъ чувства, мнѣнія и нравы". „Въ книгахъ и школахъ получаемъ мы очень хорошія вещи, но изъ очень дурныхъ рукъ. Оттого-то всѣ эти блага и не приносятъ пользы молодежи, она, напротивъ, бѣдствуетъ и скудѣетъ среди обилія и богатства и, подобно Танталу, умираетъ съ голоду близъ пищи. Добравшись до книгъ и до школы, молодые люди только и думаютъ о томъ, какъ бы набить и нашпиговать память всѣмъ, что читаютъ и слышатъ, и воображаютъ что они сразу станутъ учеными; но какъ бы изощрить и образовать свой разсудокъ, чтобы сдѣлаться мудрѣе, объ этомъ и не помышляютъ; они похожи на человѣка, который суетъ хлѣбъ свой въ карманъ, а не въ желудокъ, и наполнивъ всѣ карманы, умираетъ наконецъ съ голоду. Такъ и они съ наполненною памятью остаются все-таки глупыми". „Изучаемое надо не только водворить въ своей душѣ, но усвоить его себѣ и претворить въ свое собственное существо. Душу слѣдуетъ не только окропить науками, но всецѣло погрузить въ нихъ и сдѣлать ее такимъ образомъ существенно лучшею, мудрою, силь-

ною, доброю и бодрою. Надо поступать какъ пчелы, которыя не берутъ съ собою цвѣтовъ, подобно цвѣточницамъ, и не вяжутъ изъ нихъ букетовъ, но садятся на нихъ какъ насѣдки, извлекаютъ изъ нихъ духъ, силу, лучшій сокъ, питаются имъ, претворяютъ его и затѣмъ приготовляютъ изъ него хорошій и сладкій медъ, вполнѣ имъ свойственный и не похожій уже болѣе ни на тиміанъ, ни на душицу. Точно такъ же изъ книгъ извлекайте сокъ, самый духъ, не стараясь раболѣпно заучивать наизустъ слова, какъ дѣлаютъ иные, а тѣмъ еще менѣе запоминать мѣсто, томъ и главу, что составляетъ нелѣпую суетность, при которой утрачивается главная суть; извлекаемымъ добромъ питайте душу, образуйте разсудокъ, поучайте совѣсть, уряжайте мнѣніе, и исправляйте волю, словомъ, дѣлайте изъ него вполнѣ свое собственное произведеніе, такъ чтобы стать честнымъ, мудрымъ, умнымъ и рѣшительнымъ человѣкомъ". Необходимо изъ наукъ сдѣлать выборъ. Я всѣмъ другимъ предпочитаю естественныя и нравственныя, объясняющія какъ намъ жить и притомъ правдиво жить, и каковы мы сами и какими быть должны. Къ нравственнымъ относятся: политика, экономія и исторія. Остальныя же суетны и ничтожны, и на нихъ слѣдуетъ останавливаться немного, только мимоходомъ".—„Учитель долженъ часто выспрашивать своего ученика, заставлять его говорить, и выслушивать его мнѣніе обо всемъ случившемся. Это прямо противоположно обычной рутинѣ, по которой учитель говоритъ постоянно одинъ, обучаетъ дитя авторитетно и вливаетъ въ его голову, словно въ бочку, все, что ему вздумается, такъ что дѣти ничего не дѣлаютъ, какъ только слушаютъ и воспринимаютъ; такой пріемъ никуда не годенъ. Авторитетъ учащаго большею частью вреденъ для учащихся. Слѣдуетъ духъ ихъ возбуждать и ободрять вопросами, заставлять ихъ сперва высказывать свое мнѣніе и предоставить имъ свободу спрашивать въ свою очередь, справляться и, когда хотятъ, прокладывать дорогу. Если же, не давая имъ высказаться, мы говоримъ одни,—это будетъ напрасный трудъ. Ученику въ такомъ случаѣ нѣтъ никакой пользы, потому что онъ думаетъ, что это его вовсе не касается: онъ только слушаетъ и притомъ весьма равнодушно, но не принимается за дѣло такъ ревностно, какъ еслибъ самъ участвовалъ въ немъ". „Способъ обучать посредствомъ вопросовъ Сократъ, впервые примѣнявшій его, отлично соблюдалъ, какъ видимъ это вездѣ у Платона (и у Ксенофонта), гдѣ онъ, посредствомъ длиннаго ряда искусно предлагаемыхъ вопросовъ, постепенно доводитъ до сути истины; точно такъ же поступалъ и учитель истины въ Евангеліи". „Преподаватель долженъ пріучать своего ученика къ похвальному любопытству, такъ чтобы онъ всюду

обращалъ свое зрѣніе и свой слухъ и замѣчалъ все, что говорится и дѣлается вокругъ и около него, чтобы ничего не пропускалъ, не повторивъ и не обсудивъ этого вновь въ своей душѣ, а потомъ разспрашивалъ бы также о другихъ предметахъ. Кто никогда не спрашиваетъ, тотъ ничего и не узнаетъ, и если не сообщаетъ движенія своему духу, то онъ ржавѣетъ и остается глупымъ". „Преподаватель долженъ также пріучать своего ученика не принимать ничего на вѣру и только по наружности; вѣдь это значило бы уподобиться животному и позволить другимъ вести себя какъ вола; напротивъ, пусть ученикъ изслѣдуетъ все разумомъ; пусть наставникъ все предлагаетъ ему, а потомъ предоставляетъ уже самому выбирать. Если онъ не можетъ рѣшиться на выборъ, то пускай сомнѣвается: это пожалуй еще лучшее, самое здоровое и наиболѣе надежное для него средство. Но преподаватель долженъ также поучать его, чтобы онъ ничего не рѣшалъ одинъ самъ по себѣ, а чтобы, напротивъ, былъ недовѣрчивъ къ самому себѣ". „Не питайте недовѣрія къ способности и силѣ духа, но умѣйте только вѣрно направлять его и руководить имъ".— — —

На практикѣ ученыя школы по крайней мѣрѣ получили отъ Генриха IV новый толчокъ. Въ уставѣ 1598-го г. предписываются одни лишь оригинальныя творенія древнихъ классиковъ, а книги съ средневѣковою латынью изгоняются изъ школъ, зато вводится греческое, а именно изученіе Гомера, Гезіода, нѣкоторыхъ разговоровъ Платона, рѣчей Демосѳена и одъ Пиндара. Однако латынь удерживаетъ за собою первенство, родной языкъ находится внѣ круга учебныхъ предметовъ, Аристотель остается учителемъ и представителемъ философіи. На второмъ году философскаго курса изучаются начала математики по Эвклиду. Въ грамматическихъ трехъ низшихъ классахъ читаются грамматическія правила, извлеченія изъ Теренція, письма Цицерона, буколики Виргилія, — въ слѣдующемъ затѣмъ классѣ—извлеченія изъ Саллюстія и Цезаря, книги о должностяхъ и легкія рѣчи Цицерона, Виргилій и Овидій,—въ обоихъ высшихъ классахъ болѣе обширныя рѣчи Цицерона, Тускуланы и творенія о краснорѣчіи, Квинтильянъ, Виргилій, Горацій, Катуллъ, Тибуллъ, Проперцій, Персій и Ювеналъ, иногда Плавтъ. Въ тѣхъ же классахъ для греческаго: грамматика, извлеченія изъ Гомера, Гезіодъ, Ѳеокритъ, легкіе разговоры Платона, Демосѳенъ и Исократъ, гимны Пиндара. На первомъ году въ философскомъ классѣ: утромъ категоріи, аналитика и топики Аристотеля, а вечеромъ его этика;—во второмъ году: утромъ физика Аристотеля, а вечеромъ его метафизика и первыя книги Эвклида. Сверхъ того въ низшихъ классахъ устные и письменные переводы упражненіе памяти и произнесеніе рѣчей, ежедневно

Thèmes, т. е. переводы съ французскаго на латинское и греческое, въ высшихъ классахъ сочиненія на греческомъ и латинскомъ языкахъ въ прозѣ и стихахъ, латинскія письма, рѣчи, эпиграммы, оды, элегіи и т. п.

Іезуиты между тѣмъ завладѣли школами во Франціи и пытались тутъ также въ нихъ и черезъ нихъ завладѣть обществомъ. Изъ ихъ училищъ вышли величайшіе полководцы: Кондэ, Буллыонъ, Роганъ, Люксанбуръ, Монморанси, Вилларъ, Броль; знатнѣйшіе прелаты; Флешье, Боссюэтъ, Флери, Тансенъ, извѣстные законники Ламуаньіонъ, Сегюръ, Аржансонъ, Талонъ, Потье, Монтескье, Малэ, Гено; наконецъ величайшіе мыслители и поэты: Декартъ, Корнель, Кребилльіонъ, Фонтенель, Мольеръ и Вольтеръ. Іезуиты много содѣйствовали распространенію обученія и облегченію его особенно мелочнымъ искусственнымъ пріемомъ въ педагогикѣ. Воспитаніе для извѣстной цѣли, эта прямая противоположность человѣческаго образованія, для котораго природою вообще и человѣческою природою въ особенности предлагаются законы воспитанія и преподаванія, достигло въ іезуитизмѣ своей вершинной и крайней точки. Хотя въ большинствѣ воспитанниковъ оно дѣйствительно достигало внесенной въ него цѣли извнѣ, однако въ единичныхъ, чрезвычайною духовною силою одаренныхъ личностяхъ предвзятая эта цѣль все-таки уклонялась въ противоположную сторону. Этимъ объясняется появленіе единичныхъ великихъ мужей изъ іезуитскихъ школъ. Первая попытка къ философскому и основательному обновленію воспитанія вышла отъ

Рене Декарта

(род. 31-го марта 1596-го г. въ Лелье, что въ Тюренѣ, ум. въ Стокгольмѣ въ своей „философской пустынѣ" 11-го февраля 1650-го г.),

низвергшаго Аристотеля и вмѣстѣ съ нимъ схоластику въ школахъ. Подобно тому какъ въ области искусства французскій духъ ознаменовалъ себя тѣмъ, что слилъ воедино формы античнаго, испанскаго и итальянскаго искусствъ, но въ этомъ эклектизмѣ исходилъ отъ твердыхъ принциповъ: точно такъ же и въ наукѣ онъ сдѣлался путеводною звѣздою новаго времени, благодаря тому что установилъ твердый принципъ, основанный на отсутствіи всякой предвзятой теоріи, и тѣмъ открылъ опорныя точки для духа и науки. Во Франціи положенъ починъ какъ преобразованію лишеннаго принципа искусства, такъ и лишенной принципа науки въ истинную науку.

Декартъ исходилъ отъ убѣжденія въ шаткости всего существующаго доселѣ знанія. Для того чтобы установить

что нибудь болѣе прочное, думалъ онъ, намъ необходимо устранить всѣ перешедшія къ намъ по преданію предположенія и начать съ первыхъ основъ. De omnibus nobis dubitandum, quae incerta *). Наше собственное существованіе непреложно, потому что мы мыслимъ и сомнѣваемся: cogito, ergo sum. **) Мы можемъ отвлечься мыслью ото всего, что въ насъ есть, но только не отъ самой мысли нашей, а слѣдовательно мы необходимо мыслящія существа, духъ. Понятіе о тѣлѣ не вытекаетъ изъ понятія о духѣ; а потому духъ можно постичь не чрезъ представленіе, а напротивъ, лишь путемъ чистаго разумѣнія. Нашему духу присуща идея о Богѣ, она могла быть внушена лишь совершеннымъ существомъ, дѣйствительно существующимъ Богомъ. Это существо дало намъ разумъ для познанія истины, и такъ какъ Богъ создалъ насъ не для заблужденій, то истинно все то, чему учитъ разумъ. Субстанція это то чтò самосуще, чтò существуетъ, не нуждаясь ни въ какомъ другомъ существованіи, слѣдовательно—одинъ только Богъ. Духъ и матерія субстанціи лишь въ болѣе обширномъ смыслѣ этого слова, а потому въ бытіи и существѣ своемъ они всецѣло обусловливаются и зиждутся Богомъ. У нихъ нѣтъ ничего общаго другъ съ другомъ; а потому соединеніе ихъ можетъ быть лишь механическое. Ихъ взаимнодѣйствіе обусловливается опять только субстанціею, слѣдовательно самимъ Богомъ. Одно лишь присущее тѣлу мышленіе отличаетъ его отъ другихъ машинъ. Душа помѣщается въ мозговой железѣ, въ единственной части мозга, не встрѣчающейся вдвойнѣ; будь это иначе,—мы все видѣли бы вдвойнѣ.—Съ Декартомъ начинается то направленіе философіи, которое все стремится вывести изъ одного понятія, и потому пытается чрезъ смѣшеніе причины съ источникомъ познанія воспроизвести міръ изъ головы. Преемники его до новѣйшаго времени мучились надъ его „субстанціей“. Его непосредственные послѣдователи пытаются одолѣть дуализмъ его міровоззрѣнія, сохраняя Декартово всепорождающее понятіе, причемъ возникли великія трудности, вслѣдствіе чего поневолѣ пришли къ системѣ окказіонализма (causes occasionelles - случайныхъ причинъ) и престабилизма (ученія о предопредѣленіи, harmonia praestabilita). Спиноза пытался разсѣчь узелъ, принимая мыслящую и пространственную субстанцію за одно и то же, вслѣдствіе чего основы его философіи получили отрицательный характеръ. Декартъ вѣрно постигъ, и первый заявилъ то, что все объективное дается намъ посредственно, одно только субъективное непосредственно; „но онъ сдѣлалъ это лишь въ на-

*) Намъ слѣдуетъ сомнѣваться во всемъ недостовѣрномъ.
**) Я мыслю и слѣдовательно существую.

чальномъ своемъ приступѣ, предварительно, послѣ чего, основываясь на дѣйствительности Божіей, онъ тотчасъ же принимаетъ объективную, абсолютную реальность міра и затѣмъ уже умствуетъ далѣе совершенно объективно".— Однако стремленіе придать всякому познанію повозможности философскую основу, въ родѣ утвержденнаго и отвоеваннаго имъ права сомнѣваться во всемъ доселѣ принятомъ, нанесло послѣдній ударъ схоластикѣ и было почином новаго умственнаго движенія.—Декартовъ положительный методъ, какъ выразился Кузенъ, состоитъ изъ четырехъ правилъ: 1) вѣрить только очевидности, и потому отрѣшиться отъ преданія, отъ формализма школъ; 2) предметы разлагать по возможности на части, т. е. анализировать; 3) это разложеніе и перечисленіе доводить до елико возможной полноты и тогда только выводить какое либо заключеніе; 4) изъ этихъ различныхъ частей составлять одно цѣлое.—Такимъ образомъ французскому духу даны были средства высвободиться отъ существующихъ преданій и внѣшнихъ правилъ и пробиться къ самимъ объектамъ, покинуть безжизненныя отвлеченности и дойти до пониманія самихъ вещей.

---

2. РЕАЛИСТИЧЕСКОЕ И ФИЛОСОФСКОЕ ПРОТИВОДѢЙСТВІЕ ОРТОДОКСІИ И СХОЛАСТИЦИЗМУ ВЪ ПРОТЕСТАНТСКОМЪ Т. Е. ГЕРМАНСКОМЪ МІРѢ.

17.

Философское и реалистическое противодѣйстіе схоластицизму въ Нидерландахъ. Живопись. Спиноза. Бель. Филологи.

Въ Нидерландахъ вступилъ въ новую эпоху богатый народъ, который привыкъ самъ рѣшать свои дѣла и почиталъ религіозную свободу однимъ изъ священнѣйшихъ благъ своихъ, а потому въ своихъ сѣверныхъ провинціяхъ и отвоевалъ эту свободу у чужеземнаго гнета. Въ самый разгаръ этой борьбы искусство и вольная наука развились въ прекрасномъ союзѣ. Искусству болѣе всего споспѣшествовали слава отчизны и довольство гражданъ. Пробудился духъ живописи, отвѣчающій именно нидерландскому генію, въ жанрѣ, портретѣ и пейзажѣ. На этомъ поприщѣ исключительнымъ явленіемъ выступаетъ Рубенсъ; по своей

индивидуальной способности и вслѣдствіе вліяній естественной для него почвы, возстановленнаго католичества и монархическаго самодержавія той эпохи, онъ какъ живописецъ католицизма и героической драматики, какъ никто ни до, ни послѣ него не созерцалъ и не изображалъ дѣйствительность въ видѣ субстанціи и матеріи. Голландскіе сподвижники и современники его, побуждаемые всеобщимъ пошибомъ нижнегерманской индивидуальности, ухватились напротивъ того за обыденную дѣйствительность съ радостнымъ духомъ и полнымъ увлеченіемъ: обладая вполнѣ виртуозностью въ техникѣ, неограниченною властью надъ предметомъ и совершеннымъ пониманіемъ всѣхъ условій относительно красокъ, свѣта и человѣческой души, они довели бытовую живопись и пейзажъ до небывалаго дотолѣ совершенства. Такъ между прочимъ Рембрандтъ съ его плотью и кровью, плѣняющій чарами свѣтотѣни, мастеръ въ выборѣ красокъ и ихъ сочетаній, неподражаемый по своей оригинальности.

Наука не отставала отъ искусства, даже тогда, когда край былъ еще разбитъ на партіи, когда стояли — Янъ Виттъ на одной, а приверженцы принца Оранскаго на другой сторонѣ. Философское изслѣдованіе въ Нидерландахъ выступило съ негаданною дотолѣ смѣлостью. *Барухъ Спиноза* (1632—1677) думалъ здѣсь свои великія думы. Происходя отъ іудейскихъ родителей, онъ съ дѣтства воспитывался по талмудически-раввинскимъ началамъ. Устроенная на этихъ началахъ школа во время Спинозы была вотъ въ какомъ родѣ: „Близъ знаменитой великолѣпной синагогики находится зданіе училища съ шестью классами. Въ каждомъ классѣ особый учитель; въ первомъ дѣти учатся читать поеврейски, во второмъ они изучаютъ Пятикнижіе Моисея съ обычнымъ притомъ речитативомъ, въ третьемъ переводятъ Пятикнижіе съ комментаріями Раши, въ четвертомъ проходятъ историческія книги и пророковъ по порядку съ речитативомъ; одинъ изъ мальчиковъ читаетъ еврейскій стихъ, переводитъ его, а другіе слушаютъ и т. д.; въ пятомъ классѣ пріучаютъ мальчиковъ самихъ читать и разбирать законодательную часть Талмуда (Галаха); здѣсь они говорятъ только поеврейски, за исключеніемъ Галахи, которая переводится на мѣстное нарѣчіе; здѣсь же они основательно изучаютъ грамматику и читаютъ каждый день по главѣ изъ талмуда (изъ Гемары); съ наступленіемъ какого нибудь праздника изучаются по требнику обычаи этого торжества; отсюда ученики поступаютъ въ шестой классъ въ высшую школу къ президенту раввинской коллегіи: здѣсь они ежедневно изучаютъ главу изъ грамматики и изъ разныхъ комментаторовъ, производятъ пренія о Маймонидѣ и о другихъ догматикахъ, и пользуются богато снабженною библіотекою, предоставленною въ ихъ полное распоряженіе на дому.

Учебное время одинаково для всѣхъ классовъ, утромъ отъ 8 до 11, послѣ полудня отъ 2 до 5 часовъ; а зимою до наступленія вечерней молитвы; дома дѣти обучаются у учителя чтенію и письму на мѣстномъ нарѣчіи, также еврейскому правописанію."—Въ этомъ раввинскомъ духѣ воспитывался также и Спиноза. Скоро однако ученіе его расширилось за предѣлы іудейскихъ знаній. У Фан-дер-Энде онъ посвященъ былъ въ классическія науки и въ исторію „первобытной церкви". Въ рисованіи онъ достигъ такого искусства, что удачно снималъ портреты чернилами или углемъ. Вскорѣ также естественныя науки сдѣлались его любимыми занятіями; но въ то же время знаніе Декартовой философіи предохраняло его отъ матеріалистическаго и на однихъ только опытахъ основаннаго воззрѣнія на природу. Благодаря этимъ научнымъ занятіямъ и почерпнутымъ изъ нихъ убѣжденіямъ Спиноза въ душѣ отрѣшился отъ іудейства. Іудейская община скоро убѣдилась въ этомъ душевномъ отрѣшеніи по пренебреженію имъ многихъ мелочныхъ уставовъ ея. Распространилась молва, будто Спиноза питаетъ ненависть и презрѣніе къ Моисееву закону, будто онъ безбожный человѣкъ. Его призвали къ суду синагоги; іудейское общество предлагало ему пенсію въ тысячу гульденовъ, съ тѣмъ чтобы удержать его при себѣ; разъ вечеромъ ярый фанатикъ ударилъ Спинозу кинжаломъ въ грудь, но проткнулъ только кафтанъ:—въ 1655-мъ онъ былъ отлученъ отъ общины. „Пускай, — сказалъ онъ,—получивъ извѣстіе объ отлученіи — меня не понудятъ ни къ чему, чего бы я и безъ того не сдѣлалъ": онъ такъ и отдѣлился отъ іудейства, но не перешелъ ни къ какой другой церкви. Въ 1660-мъ г. Спиноза отправился въ Ринбургъ, гдѣ и началась его одинокая, тихая жизнь мыслителя. Здѣсь, потомъ въ Фоорбургѣ, а впослѣдствіи въ Гаагѣ, онъ сдѣлался творцомъ спекулятивной философіи, тогда какъ Декартъ былъ основателемъ идеалистическаго, а Баконъ реалистическаго міровоззрѣнія. Спиноза весь погружался въ безпредѣльность и вѣчность,— въ вѣчность, въ которой примирены всѣ противоположности этого міра и всѣ противорѣчія нашей жизни,—смѣлый мыслитель, богоупоенный, онъ всяческое бытіе разрѣшалъ въ одной высшей реальной и идеальной основѣ, въ Богѣ, — все сущее онъ постигалъ въ Богѣ и безъ Него не могъ мыслить ни о чемъ, признавая человѣка свободнымъ лишь въ познаніи Бога. Разсматривая такимъ образомъ все въ смыслѣ вѣковѣчности (sub specie aeterni), т. е. какъ вѣчный моментъ въ Богѣ и самого Бога какъ всеобщее, вѣчное, истинное начало въ мірѣ, какъ законъ природы и духа, какъ внутреннюю причину всего, онъ изгналъ всякую вѣру въ сверхъестественность и дуализмъ, изгналъ всякій произволъ. И точно, этою мыслью, изложенною имъ въ его мощной

„Этикѣ“, въ противность окоченѣлой нехристіанской трансцендентности (сверхъестественности, внѣмірности) Божіей, отстаивалъ онъ имманентность (присность міру) Божества и указалъ такимъ образомъ на философскую задачу нашего времени — признавать какъ трансцендентное, такъ равно и имманентное начало въ Богѣ.

Эти мысли превышали, конечно, пониманіе его эпохи, такъ что она не могла постичь ихъ. Онѣ выжидали позднѣйшаго и притомъ болѣе просвѣщеннаго возрожденія, тогда какъ на самихъ современниковъ сильно повліялъ его „теологико-политическій трактатъ“. Спиноза изложилъ въ немъ, что традиціонное стѣсненіе свободы мысли не оправдывается сущностью государства, такъ какъ государство имѣетъ лишь дѣло съ поступками людей и потому не властно привлекать къ своему суду ничего, что не клонится къ дѣйствительному нарушенію общественнаго спокойствія; это стѣсненіе не можетъ также исходить изъ сущности религіи, оттого что религія имѣетъ своею исходною точкою не истину, а только нравственность и пользу. Для доказательства онъ отрицалъ боговдохновенность библіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ отвергалъ также и чудо. „Чудеса могутъ подтверждать только люди, противопоставляющіе другъ другу Бога и міръ и думающіе, будто Богъ вовсе не дѣйствуетъ, пока природа поступаетъ по своимъ собственнымъ законамъ, и будто сила природы и естественныхъ причинъ упраздняется, пока дѣйствуетъ Богъ. Но изъ необходимости и совершенства естества Божія слѣдуетъ, что законы не что иное какъ постановленія Божіи, а потому пришлось бы предположить, что Богъ дѣйствуетъ противъ своего собственнаго естества, когда въ природѣ совершается что-либо противорѣчащее его всеобщимъ законамъ“.—Тутъ словно въ арсеналѣ, говоритъ Геттнеръ, собраны изощренныя оружія для ратоборцевъ. Человѣкъ, по мнѣнію Спинозы, необходимое существо, предназначенное другимъ существомъ жить и дѣйствовать извѣстнымъ и твердо установленнымъ образомъ. А потому у человѣка нѣтъ свободы воли. „Люди, конечно, вполнѣ и твердо увѣрены, что покой, движеніе и другія дѣятельности тѣла зависятъ только отъ воли духа. Вѣдь и грудной младенецъ также воображаетъ себя свободнымъ, когда проситъ груди, и раздраженный мальчикъ, когда требуетъ мести, и трусъ, когда обращается въ бѣгство. Вѣдь и пьяный также увѣряетъ будто по свободному внушенію своего ума онъ говоритъ все, что послѣ, отрезвившись, хотѣлъ бы вернуть назадъ. Такъ точно и сумасбродъ, и болтунья, и незрѣлый отрокъ и пр. воображаютъ, будто говорятъ по свободному внушенію своего ума, тогда какъ они просто не въ состояніи обуздать свою говорливость. Итакъ, разумъ и опытъ поучаютъ насъ одному: люди счи-

таютъ себя свободными только оттого, что они, хотя и сознаютъ свои поступки, но не вѣдаютъ причинъ, которыми послѣдніе обусловливаются". Духъ не обладаетъ безусловной или свободной волей, напротивъ къ той или иной волѣ онъ побуждается какою либо причиною, которая въ свою очередь обусловливается другою, послѣдняя—точно такъ же третьею, и такъ далѣе". Въ одномъ только сознаніи состоитъ свобода. Вѣчная часть духа поэтому—сознаніе или разумъ, благодаря которому мы только и дѣйствуемъ, а преходящая часть его—чувственное представленіе или воспоминаніе, отъ котораго мы страдаемъ. Поскольку нашъ духъ сознаетъ, постольку онъ вѣчная мысль, которая опредѣляется другою мыслью, а эта въ свою очередь третьею, и такъ далѣе до безконечности, такъ что всѣ въ совокупности и вмѣстѣ составляютъ вѣчный разумъ Божій. Чтобы достичь этой преодолѣвающей всякій авторитетъ и всякія обиходныя преданія, опирающейся вполнѣ самой на себя свободы мысли, люди должны идти по пути, предписанному трактатомъ „о развитіи познанія". Примѣняемый при этомъ методъ долженъ 1) предохранять истинную идею отъ всякихъ иныхъ умопостиженій; 2) установить правила, чтобы неизвѣстные предметы постигались по такой-то именно нормѣ; 3) утвердить порядокъ для того, чтобы не утомлять себя безполезнымъ. Этотъ методъ будетъ самымъ совершеннымъ, если усвоимъ себѣ идею о совершеннѣйшемъ существѣ. Но желающій достичь истиннаго познанія долженъ прежде всего освободиться отъ фикцій. Вымышленныя, ложныя и т. п. идеи имѣютъ своимъ источникомъ воображеніе (фантазію), т. е. извѣстныя случайныя и независимыя ощущенія, возникающія не изъ самой души, а изъ внѣшнихъ причинъ. А сверхъ того, такъ какъ слова составляютъ часть воображенія, то безъ сомнѣнія, и слова также могутъ сдѣлаться причиною многихъ великихъ заблужденій. Къ тому же, слова составляются по прихоти и понятіямъ простого люда, они не что иное какъ знаки предметовъ, въ томъ видѣ какъ послѣдніе представляются въ воображеніи, а не въ умѣ. Мы утверждаемъ или отрицаемъ многое, оттого что такое утвержденіе и отрицаніе допускается сойствомъ словъ, а не сущностью вещей; не зная этого, мы легко принимаемъ ложь за истину. Потому-то идеи, исходящія изъ чистаго разума слѣдуетъ строго отличать отъ принадлежащихъ нашему воображенію, или состоящихъ изъ пустыхъ словъ. Методъ имѣетъ цѣлью пріобрѣсть ясныя и опредѣленныя идеи, и для того, чтобы всѣ онѣ сведены были къ одной, связать и урядить ихъ такъ, чтобы душа наша, по возможности объективно представляла себѣ сущность природы, какъ въ цѣломъ, такъ и въ частяхъ ея. Чтобы достичь этой цѣли, мы, занимаясь изслѣдованьемъ предметовъ, отнюдь не должны вы-

водить заключенія изъ отвлеченныхъ понятій и весьма остерегаться, какъ бы не смѣшать существующаго лишь въ умѣ съ тѣмъ, что присуще самой вещи. Лучшее заключеніе выводится изъ истиннаго и вѣрнаго опредѣленія,—выражающаго внутреннюю сущность предмета и остерегающаго насъ, чтобы мы не приняли за него только какихъ нибудь извѣстныхъ качествъ его. А въ отношеніи порядка, и для того, чтобы урядить и соединить всѣ наши постиженія, необходимо, какъ можно скорѣе и когда потребуетъ того разумъ, изслѣдовать, нѣтъ ли такой сущности и какого именно свойства, которая была бы причиною всѣхъ вещей, такъ чтобы эта объективная сущность была также причиною всѣхъ нашихъ идей, тогда душа наша представитъ себѣ природу по возможности въ совершенномъ видѣ. Потому что она объективно усвоитъ себѣ ея сущность, ея строй и единство. Отсюда можемъ заключить, что прежде всего необходимо выводить всѣ наши идеи отъ физическихъ предметовъ или отъ дѣйствительныхъ сущностей, а потомъ, по мѣрѣ возможности, переходить по чередованію причинъ далѣе отъ одной дѣйствительной сущности къ другой такой же, но такъ, чтобы не перейти къ отвлеченнымъ и общимъ сущностямъ, или чтобы по нимъ не дѣлать заключенія о чемъ либо дѣйствительномъ, или чтобы не выводить ихъ изъ дѣйствительной сущности. Такимъ путемъ духъ достигаетъ своей цѣли, сознанія присущаго ему единства съ природою, высшаго своего блага и высшей своей добродѣтели,—познанія Бога. Безусловная добродѣтель или сила духа—это сознаніе. А высшее, что можетъ постичь духъ—это Богъ; и такъ высшая добродѣтель духа—познать Бога.

Спиноза односторонній человѣкъ мысли: мышленіе господствующая власть его духовнаго міра, передъ которою убивается всякое чувствованіе и хотѣніе. Онъ съ великимъ одушевленіемъ возвѣщаетъ свободу интеллигенціи—интеллигенцію какъ высшее благо, какъ единственную положительность и дѣйствительность духа, какъ актъ высшаго отреченія и свободы, при чемъ передъ созерцаніемъ единой субстанціи отвергается все суетное и субъективное. Этимъ онъ какъ молнія очистилъ томительно знойный воздухъ своей эпохи, когда человѣческій духъ задыхался отъ мысли. Но подобно тому какъ способности наблюденія лишены у него своихъ правъ, и при единствѣ во всемъ онъ упускаетъ изъ виду различія, а при имманентности Бога—Его трансцендентность: такъ и подавно не вѣдаетъ онъ чувствованій съ ихъ міромъ; ни даже хотѣній, имѣющихъ свою основу въ чувствованьяхъ и только свой рычагъ въ мышленіи. Потому-то Спиноза и не могъ постичь всецѣло, вполнѣ, богопро-

свѣтленную человѣческую индивидуальность. Какъ субстанція его представляетъ лишь всеобщее начало природы, а природа лишена всякой опредѣленности, при которой онъ не могъ указать, какимъ образомъ изъ нея возникаютъ единичные предметы, потому что одна только всеобщность возникла изъ единичныхъ предметовъ: такъ же точно не былъ онъ въ состояніи представить сущность человѣка во всей его цѣльности, и потому задачу воспитанія онъ видитъ въ одномъ лишь развитіи интеллигенціи, не имѣя даже понятія о чувствованьяхъ, составляющихъ независимо отъ послѣдней основу религіи и нравственности,—не подозрѣвая даже, что въ воспитываемой личности религія и нравственность развиваются не путемъ мышленія, но путемъ жизни, дѣла, навыка и пр. Какъ бы, впрочемъ, далеко Спиноза ни уклонялся отъ цѣли, во всякомъ случаѣ Шлейермахеръ правъ, сказавъ про него: „Какъ бы ты ни философствовалъ о свойствѣ высшаго Существа и какъ бы ни заблуждался на словахъ,—а все-таки истина Его была въ твоей душѣ и Его любовь была твоею жизнью". И дѣйствительно, личность Спинозы какъ для всемірной исторіи, такъ и для педагогики имѣетъ еще болѣе важное значеніе, нежели ученіе его. Когда Карлъ Людвигъ, курфюрстъ Пфальцскій, въ 1673-мъ г. предложилъ Спинозѣ каѳедру философіи въ Гейдельбергскомъ университетѣ—въ исторіи замѣчательный примѣръ того, какъ мелкій нѣмецкій князь той эпохи имѣлъ нравственное мужество пригласить всѣми осуждаемаго философа въ наставники молодого поколѣнія,—то Спиноза отказался отъ предложенія, заявивъ прямо: „Не имѣвъ никогда въ виду заниматься публичнымъ преподаваніемъ, я не могъ рѣшиться принять это весьма почетное предложеніе, хотя долго про себя обдумывалъ его. Во-первыхъ, мнѣ сдается, что я отстану отъ дальнѣйшаго развитія философіи, если посвящу себя преподаванію юношамъ; а потомъ подумалъ я, что не знаю, въ какихъ предѣлахъ слѣдуетъ сдерживать свободу философствованія, чтобы не низвергнуть общественно установленной религіи". (Дѣло въ томъ, что князь, приглашая его, выразилъ надежду, что Спиноза не станетъ злоупотреблять предоставленной ему самой широкой свободой философствовать, съ тѣмъ, чтобы низвергнуть общественно установленную религію). Какъ этотъ примѣръ искренности и откровенности—такова была и вся жизнь Спинозы. То была жизнь настоящаго мудреца. Въ тихомъ созерцательномъ сознаніи, по мѣрѣ данныхъ ему способностей, проникалъ онъ въ вѣчные законы міра—отрѣшась отъ всякаго эгоизма какъ въ жизни, такъ и въ ученіи. „Всякіе предразсудки, заявлялъ онъ, зависятъ единственно отъ того, что люди считаютъ себя средоточіемъ вселенной и хотятъ все поставить лишь въ отношеніе къ самимъ себѣ". Борясь, онъ

обрѣлъ точку опоры своего бытія въ „любви къ Вѣчному и Безпредѣльному“, и потому жилъ въ неизмѣнно ровномъ согласіи какъ съ собою, такъ и со всѣмъ міромъ. Онъ не былъ врагъ наслажденія, а напротивъ, поступалъ по своимъ словамъ, говоря, что мудрецъ пользуется вещами и наслаждается ими по мѣрѣ возможности. Но онъ не предавался черезъ мѣру ни радости, ни скорби. Широкая врожденная наклонность его къ интеллигенціи развилась въ немъ въ характерную черту. „Что касается меня, то я избѣгаю, или стараюсь избѣгать проступковъ, оттого что они рѣшительно противны моей особенной натурѣ и удаляли бы меня отъ любви къ Богу и отъ познанія Его“.—

При Спинозѣ въ Нидерландахъ появились спасавшіеся отъ гоненій гугеноты и проповѣдывали вмѣстѣ съ нимъ евангеліе свободы. Оттого что тогда ни въ одной странѣ не было такой неограниченной свободы мысли, какъ здѣсь. Иноземные ученые печатали въ Амстердамѣ все, что не смѣло появляться въ ихъ отечествѣ. Голландія была всеобщимъ духовнымъ убѣжищемъ свободы. Здѣсь Леклеркъ и Бель также нашли новую отчизну, своими журналами и энциклопедіями они возбуждали и поощряли духъ мышленія и распространяли стремленіе къ образованію. Болѣе всего, поджигая и мощно ратуя, вліялъ *Бель* на свою эпоху своимъ „историческимъ и критическимъ словаремъ“ 1696-го г. Твореніе это, безъ всякаго открытаго нападенія на христіанство, возбуждаетъ сомнѣніе въ каждой строкѣ; самъ Бель не преданъ невѣрію, но порождаетъ невѣріе въ другихъ, разсматривая, изслѣдуя, анатомируя государство, церковь, религію, нравы, воспитаніе, науку и искусство. Передъ такимъ способомъ созерцанія исчезъ какъ бы самъ собою всякій теологическій оттѣнокъ, а благодаря такому расширенію кругозора, возникло также болѣе свободное сужденіе о религіозныхъ предметахъ, такъ что не стоило и упоминать о требованіи безусловной свободы вѣры и о ненарушимой терпимости: все это разумѣлось уже само собой. „Этотъ словарь, говоритъ Геттнеръ, по своему громадному вліянію,—одна изъ самыхъ замѣчательныхъ книгъ, какія когда-либо были писаны. Гольбергъ, датскій сочинитель комедій, разсказываетъ, что во время его путешествія по Франціи всѣ публичныя библіотеки тамъ осаждались молодыми людьми, желавшими прочесть словарь Беля. Королевское общество наукъ въ Англіи вступило съ Белемъ въ правильную переписку. Лейбницъ до тѣхъ поръ не былъ увѣренъ въ своихъ положеніяхъ о единствѣ философіи и религіи, пока возраженія Беля не были опровергнуты. Фридрихъ Великій не только кронпринцемъ изучалъ словарь, но и въ 1764-мъ г. даже дѣлалъ еще извлеченія изъ философскихъ его статей. Нисколько не преувеличивая можно ска-

зать, что Бель господствовалъ надъ цѣлымъ рядомъ человѣческихъ поколѣній.“

Изъ такого свободнаго духа должна была выйдти свободная школа. Голландцы первенствовали въ философіи. *Тиберій Гемстергейсъ* (родился въ Грёнингенѣ въ 1685-мъ, умеръ профессоромъ греческаго языка и исторіи въ Лейденѣ въ 1766-мъ г.) основалъ тамъ археологическую школу, отличавшуюся ученостью, особенно въ греческомъ и римскомъ языкахъ, также здоровымъ и яснымъ взглядомъ. Самъ Гемстергёйсъ былъ между современниками однимъ изъ основательнѣйшихъ знатоковъ греческаго языка, его умъ, вкусъ, его обхожденіе, свѣтскость были свободны отъ школьной пыли; грамматикъ и въ то же время критикъ, онъ обладалъ притомъ громаднымъ знаніемъ всѣхъ предметовъ, состоявшихъ хотя бы въ малѣйшей связи съ его занятіями. Онъ далъ научную основу аналогіи греческаго языка, издалъ Ономастикъ Юлія Поллукса, разговоры Лукіана и Аристофанова Плутоса. Знатнѣйшими учениками его были *Давидъ Рункенъ* (род. въ Штольпѣ въ Поммераніи въ 1723-мъ г., ум., профессоромъ въ Лейденѣ въ 1798-мъ г.) который отличался своимъ простымъ, прекраснымъ, классическимъ слогомъ, списывалъ, дѣлалъ неутомимо извлеченія и сравнивалъ рукописи въ Парижской библіотекѣ, а сверхъ того въ своемъ изданіи Веллея Патеркула показалъ образецъ разработки латинскихъ классиковъ въ отношеніи какъ критики текста, такъ и грамматическаго объясненія,—*Валькенеръ* (род. въ 1715-мъ г. въ Лейварденѣ, ум. въ 1785-мъ въ Лейденѣ), который при основательномъ знаніи древне-классическихъ языковъ и ихъ вспомогательныхъ наукъ какъ своими изданіями греческихъ писателей, такъ и своимъ устнымъ преподаваніемъ содѣйствовалъ распространенію гуманистическихъ знаній. Этихъ мужей окружали другіе столь же замѣчательные: Дракенборхъ 1748, Аудендорпъ 1761 и др.

Въ Нидерландахъ древне-классическая литература и свободное философское изслѣдованіе слились въ одинъ прекрасный союзъ. Здѣсь и былъ настоящій очагъ, на которомъ запылалъ огонь свободной мысли въ противность схоластицизму какъ въ церкви, такъ и въ школѣ. Англія прежде всего охвачена была этимъ огнемъ: Ольденбургъ, секретарь королевскаго общества, былъ самымъ близкимъ другомъ Спинозы; Шефтсбери и Локкъ находились въ самыхъ тѣсныхъ сношеніяхъ съ Белемъ и др.

18.

Реалистическое противодѣйствіе схоластицизму въ Англіи. Баконъ Веруламскій, Ньютонъ и Локкъ.

Въ царствованье дѣвственной королевы Елисаветы Англія достигла какъ внѣшняго, такъ и внутренняго величія. Королева шла съ своимъ народомъ и народъ шелъ съ нею: оттого и не замѣчались ея недостатки, и ея слабости прославлялись какъ добродѣтели. Она была любительницей классической литературы и въ часы досуга сама занималась переводами древнихъ авторовъ. Оттого при дворѣ и вошло въ моду говорить и писать полатыни, и придворныя дамы по указу бредили о Платоновской духовной любви. Въ народѣ, національное чувство котораго было поднято славными битвами морскихъ героевъ, Дрэка, Эффингама, Гокинса и др., также пробудился духъ критики и свободной пытливости, повлекшій за собою самую блистательную эпоху англійской литературы. Какъ древніе классики, такъ и творенія Итальянцевъ, Французовъ и Испанцевъ были переведены на англійскій языкъ. Школы также вновь оживились. Вестминстерское училище было опять поднято самою Елисаветою, путемъ даровъ и учрежденія стипендій на 40 учениковъ, такъ что оно заняло мѣсто наравнѣ съ Винчестеромъ и Итономъ. Заодно съ правительствомъ и граждане также соревновали по части основанія школъ: старѣйшее заведеніе, основанная въ 1387-мъ г. Винчестерскимъ епископомъ Вейкгамомъ коллегія въ Винчестерѣ, въ это время также находилось въ полномъ расцвѣтѣ. Точно также и основанная въ 1481-мъ г. Генрихомъ VI общественная школа, королевская коллегія (King's college), въ Кембриджѣ, съ приготовительнымъ для этого заведенія знаменитымъ училищемъ въ Итонѣ. Въ 1508-мъ г. возникла третья такого же рода школа Павла (schola Coletana), при Джонѣ Колетѣ, деканѣ въ храмѣ св. Павла. Въ 1552-мъ г. Эдуардомъ VI основана въ Лондонѣ школа при богоугодномъ заведеніи Христа (Christ's hospital school). Въ 1560-мъ королева Елисавета, какъ уже упомянуто, дала новое цѣлесообразное направленіе существовавшему уже Вестминстерскому училищу. Въ томъ

же году Лондонскій цехъ портныхъ основалъ коммерческое училище (merchant Taylor's school); школа въ Шрусбери одолжена своимъ возникновеніемъ въ 1531-мъ тамошнимъ гражданамъ; наконецъ изъ числа богатыхъ людей основали между прочимъ: Джонъ Лейонъ въ 1571-мъ г. Harrow school, Ѳома Беттонъ Картезіанское училище въ Лондонѣ въ 1611-мъ г. и Лоренцъ Шерифъ, оптовой торговецъ въ Лондонѣ, „вольную школу" въ Ругби въ 1567-мъ г. Такой же общественный духъ обнаружился и въ Шотландіи. Золотыхъ дѣлъ мастеръ и придворный ювелиръ Якова VI, Георгъ Геріотъ (1563—1623) открылъ Heriots Hospital, опредѣливъ для основанія и поддержки заведенія капиталъ въ 23, 625 ф. ст. 10 ш. 3./$_2$ п., заложенныхъ большею частью въ земельныхъ участкахъ. Это заведеніе въ настоящее время одна изъ лучшихъ школъ. Такъ какъ въ теченіе времени другими лицами сюда присовокуплялись болѣе или менѣе значительные дары, и на земляхъ гошпиталя заложено было новое предмѣстье Эдинбурга, то капиталъ возросъ до того, что теперь онъ даетъ 18000 ф. ст. въ годъ, чѣмъ и поддерживается гошпиталь и сверхъ того еще 10 другихъ школъ: 3 для младшаго и 7 для старшаго возраста (3 Infant-Schools, 7 Juvenil-Schools), которыя съ разрѣшенія парламента въ 1836-мъ г. основаны старшинами заведенія для дѣтей бѣдныхъ жителей Эдинбурга и въ которыхъ въ настоящее время обучаются около 3000 мальчиковъ и дѣвочекъ.—Вмѣстѣ съ тѣмъ и англійская литература распустилась прекраснымъ цвѣтомъ. Поэзія разносила свои пѣсни въ неслыханныхъ доселѣ звукахъ, и истинный поэтъ протестантизма, Шекспиръ, писалъ свои незабвенныя драмы, настоящіе отрывки изъ всемірной исторіи, въ которыхъ на сцену выступаютъ дѣйствущія лица, самобытные творцы своего бытія, почуявшіе въ себѣ заразъ и Бога и дьявола, небо и адъ и въ процессѣ самоспасенія ощущающіе въ себѣ бездны того и другого,—глубоковдумчивыя, пылкія, мощныя, суровыя личности; изъ нихъ каждая переживаетъ какую нибудь сторону человѣческаго бытія, а всѣ вмѣстѣ представляютъ полное бытописаніе души человѣческой. Тутъ основной элементъ реформаціи и германизма, именно задушевность, представленъ въ поэтическихъ образахъ съ такою глубиною, полнотою и энергіею, что англійскій народъ этимъ далеко превзошелъ все созданное другими націями въ ихъ литературѣ. Тутъ также наступила въ Англіи эпоха, когда сила ума и размахъ идеальности въ связи съ содѣйствующею положительному, обширному знанію способностью наблюденія создали высшія произведенія. Тогда явился Франпискъ Баконъ Веруламскій — творецъ и проницательнѣйшій представитель реализма.

Баконъ Веруламскій

олицетворяетъ собой широкое разсудочное созерцаніе въ связи съ проницательнымъ даромъ наблюденія и столь свойственнымъ англійскому народу практическимъ смысломъ. Онъ родился 22-го января 1561-го г. въ Лондонѣ, въ дѣтствѣ уже возбудилъ своею духовною даровитостью вниманіе самой королевы Елисаветы, отрокомъ любилъ заниматься ловкими фокусами и изслѣдовалъ причины эхо. Отъ 13-ти до 16-ти лѣтняго возраста посѣщалъ коллегію Святыя Троицы въ Кембриджѣ и вынесъ оттуда глубокое отвращеніе отъ господствовавшей тогда школьной премудрости и особенно противъ Аристотеля, путешествовалъ по томившейся въ религіозныхъ судорогахъ Франціи, а по смерти отца въ 1580-го г., вынужденъ былъ для поправленія своего крайне бѣдственнаго состоянія приняться за изученіе англійскихъ законовъ, послѣ чего и явился въ нижней палатѣ блестящимъ ораторомъ. Соблазняемый богатствомъ (—ему все еще приходилось бороться съ нуждою—) и вліятельными государственными должностями, онъ не могъ успокоиться на этой ступени своей славы. Баконъ поднимался все выше и выше, и притомъ—въ ущербъ своему нраву. Родственники представили ему преграды на этомъ пути: тогда онъ присоединился къ опаснѣйшему врагу ихъ, графу Эссексу. Эссексъ сдѣлался самымъ вѣрнымъ другомъ и благодѣтелемъ его: чтобы дать ему возможность продолжать свои занятія, Эссексъ подарилъ ему даже помѣстье и притомъ, какъ говоритъ самъ Баконъ, такимъ радушнымъ и благороднымъ образомъ, что способъ даренія былъ дороже самого подарка. Несмотря на то, когда закатилась звѣзда графа,—Баконъ явился противникомъ своего друга, и наконецъ, когда, повидимому, удостоился расположенія королевы, то рѣшился выступить обвинителемъ Эссекса. При королѣ Яковѣ въ 1603-мъ г. онъ сдѣлался королевскимъ совѣтникомъ, въ 1607-мъ главнымъ прокураторомъ, въ 1612-мъ коронным прокуроромъ, въ 1601-мъ хранителемъ государственной печати и канцлеромъ. На этихъ ступеняхъ также выказался его низкій характеръ: въ качествѣ судьи онъ былъ подкупенъ, а какъ государственный человѣкъ онъ сталъ соучастникомъ въ угнетеніи народа. Наконецъ онъ палъ: нижняя палата по слѣдствію изобличила его въ 23 подкупахъ и въ противозаконномъ присвоеніи 100,000 фнт. ст. Онъ былъ заключенъ въ тюрьму; но 2 дня спустя опять выпущенъ, съ тѣмъ чтобы до самой своей смерти, 9-го апрѣля 1626-го г., служить наукѣ, на настоящемъ поприщѣ своей дѣятельности.

По наклонности своего ума и по принципу Баконъ возсталъ противъ существовавшей доселѣ учености, такой же узкой какъ кельи, какъ монастыри и ихъ школы, въ которыхъ

она было заключилась. Убѣжищемъ его науки была практическая жизнь въ широкихъ размѣрахъ. Способствовать могуществу человѣчества, поднять его: вотъ что было высшею цѣлью его честолюбивыхъ стремленій—какъ въ наукѣ, такъ и въ политикѣ. Существеннымъ недостаткомъ его духовной организаціи было крайне беззастѣнчивое нарушеніе добросовѣстности, вслѣдствіе чего онъ силою обстоятельствъ и впалъ въ вину и преступленіе. Онъ принадлежалъ къ тѣмъ характерамъ, у которыхъ интеллигенція преобладаетъ надъ влеченіями, а влеченія надъ чувствами, и которые поэтому своекорыстно и ловко стремятся къ предназначенной цѣли, считая по пути къ ней всѣ средства равно законными. Такъ какъ чувства его руководились интеллигенціею, то на нравственномъ поприщѣ онъ представляется намъ человѣкомъ, который безъ глубокой любви и истинной преданности можетъ казаться благодушнымъ и угодливымъ, который безъ глубокой ненависти и безъ страстности можетъ стать врагомъ, у котораго любовь и ненависть подлежали расчету. Но его влеченія руководились также интеллигенціею, а потому страсти были чужды его нраву, точно такъ же какъ его уму ложныя понятія, которыя онъ называлъ идолами, кумирами. Чувства никогда не увлекали его къ восторгамъ, ни порывы къ страстямъ, а потому одаренный живымъ темпераментомъ и чрезвычайною способностью наблюденія и мышленія, онъ духовно какъ бы предназначенъ былъ возвысить науку путемъ опыта, — служа въ то же время всею своею личностью доказательствомъ, что въ духовной жизни человѣка мышленіе, чувствованіе и влеченіе составляютъ отдѣльныя другъ отъ друга системы, и что поэтому великій мыслитель отнюдь еще не высокій религіозный и нравственный человѣкъ, и наоборотъ, высокая религіозность и пр. не служитъ ручательствомъ за величіе ума. Баконъ выполнилъ на поприщѣ науки задачу, поставленную ему его геніемъ; въ немъ жило ясное сознаніе о великости этой задачи и объ имѣющемъ лишь вѣками совершиться исполненіи его мыслей. Онъ хочетъ построить новое зданіе науки на вновь найденныхъ основахъ и для новыхъ цѣлей. Онъ называетъ это Instauratio magna (великимъ обновленіемъ), въ первой части котораго — въ 9 книгахъ de dignitate et augmentis scientiarum (о достоинствѣ и усовершенствованіи наукъ)—очерченъ планъ всего сочиненія и представленъ обзоръ всѣхъ наукъ, а во второй, Novum Organon scientiarum, (новый органъ знаній), изложена методика вновь созидаемой науки.

Баконъ въ своихъ твореніяхъ и въ своей наукѣ пытался найти новую логику, отвѣчающую матеріальнымъ и интеллектуальнымъ стремленіямъ, новымъ порывамъ къ образованію, заявлявшимъ себя въ его эпоху и оживлявшимъ ее. Онъ добивался истины, порождаемой эпохою, а не авторитетомъ.

„Было бы позорно для человѣчества, еслибъ области матеріальнаго міра, земель, морей и созвѣздій неизмѣримо расширились въ нашъ вѣкъ, а въ то же время интеллектуальный міръ замкнулся бы въ тѣсныхъ предѣлахъ древности.“ Потому-то Баконъ и хочетъ подчинить науку духу изобрѣтенья, освободить этотъ духъ отъ случая, которому до сихъ поръ подвергались и обрекались человѣческія открытія, установить новую логику, отвѣчающую такому духу, съ тѣмъ чтобы люди впредь не искали наугадъ, но дѣйствительно открывали. Если людямъ даже тогда, когда они вовсе не искали и когда имѣли въ виду совсѣмъ иную цѣль, удавались многія открытія, то послѣднихъ будетъ конечно еще гораздо болѣе, если станутъ искать методически, а не по прихоти случая, не скачками. А потому его философія изобрѣтенья такъ же безпредѣльна, какъ и область открытій; это не всеобщая замкнутая въ себѣ теорія, а методъ изобрѣтенья. Онъ хочетъ преобразовать и расширить человѣческую науку, такъ чтобы она главною своею цѣлью ставила изобрѣтенье и такимъ образомъ присвоила человѣку господство надъ вещами. Итакъ, его философія имѣетъ конечною цѣлью утвердить и расширить человѣческое господство; для этого, во-первыхъ, служитъ культура, преобразующая физическія силы въ человѣческія орудія; но культура невозможна безъ изобрѣтенья, создающаго образовательныя средства; изобрѣтенье немыслимо безъ науки, постигающей законы вещей; наука неосуществима безъ естествознанія, а послѣднее не можетъ обойтись безъ объясненія природы, достигаемаго путемъ опыта. Баконъ хочетъ основать естественныя науки на правильномъ примѣненіи опыта. Всякія понятія, почерпнутыя не изъ свойства вещей, не что иное какъ идолы, омрачающіе человѣческій умъ и затемняющіе природу. „Человѣческій умъ долженъ вполнѣ освободиться и очиститься отъ нихъ, чтобы доступъ въ царство человѣческаго господства, заключающееся въ наукахъ, какъ и доступъ въ царство небесное, былъ открытъ только дѣтямъ.“ Поэтому должны пасть идолы толпы (idola tribus), племенныя и родовыя предубѣжденія, которыя коренятся въ самомъ человѣческомъ обществѣ, побуждающемъ насъ мѣрить вещи нашимъ мѣриломъ и смотрѣть на нихъ съ точки зрѣнія нашей природы. Потому что принимать человѣческое чувство за мѣрило вещей ошибочно; напротивъ, всѣ наши постиженія, не только чувствъ, но также и ума, составлены по подобію человѣка, а не по подобію вселенной, и человѣческій духъ воспринимаетъ лучи предметовъ подобно кривому, неровному и тусклому зеркалу, примѣшивая свои свойства къ свойствамъ вещей и искажая такимъ образомъ природу. Если мы собственными глазами видимъ движеніе солнца, то это такой же идолъ тол-

пы, неимѣющій ничего общаго съ натурою солнца, какъ и то, еслибъ мы родовыя и конечныя понятія, формы, принадлежащія существу человѣка, перенесли въ физику, тогда какъ они относятся вѣдь къ метафизикѣ, и если изъ-за этого забываемъ ближайшую и единственную задачу физики, изслѣдовать дѣйствующія причины естественныхъ явленій. Пасть должны также идолы логовища (idola specus), заложенные въ темныхъ нѣдрахъ особи: случайные идіотизмы, коренящіеся въ особенныхъ свойствахъ единичнаго лица, въ его темпераментѣ, воспитаніи, привычкахъ и пр. Пасть должны затѣмъ еще идолы театра (idola theatri), происходящіе отъ преданія унаслѣдованнаго на обширной сценѣ человѣчества. Всякая вѣра въ авторитетъ должна быть изгнана. Потому что подъ вліяніемъ авторитета на вещи смотрятъ такъ, какъ онѣ являются не намъ самимъ, а общественному мнѣнію, обставляющему себя уваженіемъ къ дошедшей по преданію религіи или философіи. Независимо отъ авторитета, напротивъ того, наше наблюденіе преобразуется въ автопсію, въ самоличное изслѣдованіе, которое не принимаетъ на вѣру и не повторяетъ того, что говорятъ или что считаютъ за истину другіе, а усвоиваетъ себѣ по убѣжденію только то, что испытало и постигло само. Пасть должны наконецъ идолы площади (idola fori), предразсудки рынка, основанные на нравахъ и обычаяхъ, сложившихся вслѣдствіе людскихъ сношеній. Въ этомъ случаѣ, для того чтобы мнимое знаніе словъ, не вредило существенному знанію вещей, пуще всего слѣдуетъ избѣгать путаницы словъ, этихъ по взаимному соглашенію сложившихся обиходныхъ знаковъ человѣческихъ представленій о вещахъ. Для достиженія истины необходимо остерегаться, чтобы не принимать имена и слова за самыя вещи: привыкнувъ съ дѣтства замѣнять вещи словами, объясняться ими со всѣми, мы невольно принимаемъ слова за вещи, знаки предметовъ за самые предметы. Но слова выражаютъ не самую суть вещей, а лишь то, что онѣ для насъ значатъ. Объективной истины мы достигаемъ только путемъ опыта. Всякое истинное объясненіе природы состоитъ въ вѣрныхъ опытахъ, причемъ наше чувство судитъ только объ опытѣ, а послѣдній уже о самомъ предметѣ. Нашъ опытъ исходитъ изъ фактовъ природы и обращается къ ихъ причинѣ. Опытный методъ прежде всего имѣетъ цѣлью констатировать факты, подтвердить дѣйствительно совершающееся, опредѣлить извѣстный случай и этимъ путемъ собрать матеріалъ, составляющій элементарный предметъ науки; такова истинная индукція, неизбѣжно и безъ пробѣловъ переходящая отъ одного пункта къ другому и совершающаяся посредствомъ сравненія многихъ подоб-

ныхъ между собою случаевъ, въ которыхъ частью одно и то же явленіе происходитъ при различныхъ условіяхъ (это такъ наз. положительныя инстанціи, instantiae positivae), а частью, на оборотъ, при одинаковыхъ условіяхъ происходитъ не одно и то же явленіе (такъ наз. отрицательныя инстанціи, instantiae negativae). Изъ вѣрнаго сравненія фактовъ выводится всеобще принятый законъ, основное положеніе, или такъ наз. аксіома, по которой дѣйствуетъ природа. Такъ наблюденіе отъ опыта восходитъ къ аксіомѣ: этотъ путь индукціи и есть настоящій ключъ естествознанія. Такимъ путемъ изъ постиженія фактовъ вытекаетъ постиженіе причинъ; и лишь постиженіе причинъ есть дѣйствительное познаніе, потому что „всякое истинное знаніе есть знаніе по причинамъ."

Баконъ твердо увѣренъ, что онъ посредствомъ своего метода овладѣетъ природою. Однако онъ и самъ сознаетъ всѣ его трудности и недостатки. Прежде всего онъ видитъ, что съ этимъ методомъ не достигнешь единства цѣлаго, и потому прибѣгаетъ—совѣтуя при этомъ быть осторожнымъ—къ помощи выдающихся аналогій, указывающихъ на взаимное сродство предметовъ и приводящихъ къ цѣльному единству. Благодаря имъ удается только какъ бы подняться на первыя и низшія ступени единства природы, а послѣднія ведутъ къ постиженію цѣлаго и составляютъ приступъ къ истинной наукѣ. Постичь это единство цѣлаго, вотъ въ чемъ высшая цѣль. „Такъ наприм. мало сохранять въ памяти и знать всѣ разновидности цвѣтовъ, всѣ виды ирисовъ и тюльпановъ, или раковинъ, собакъ и соколовъ: вѣдь это только различныя видоизмѣненія. Все это составляетъ, правда, чрезвычайное знаніе, но для науки оно имѣетъ лишь скудное значеніе или даже почти никакого. А объ этомъ-то и распространяется обыкновенная естественная исторія".

Какъ бы впрочемъ ни ошибалась философія Бакона, но она являетъ яркое знаменіе современной эпохи, имѣющей своимъ средоточіемъ естественныя науки, — рѣшительный разрывъ съ средневѣковьемъ и древностью. Баконъ, говоритъ К. Фишеръ, относится къ древности такъ же какъ органонъ его къ Аристотелеву; Баконъ анализируетъ изобрѣтенье такъ же, какъ Аристотель предложеніе. „Подобно тому, какъ Платонъ постигъ и такъ сказать логически представилъ духъ, присущій въ поэтическихъ и художественныхъ произведеніяхъ Эллиновъ; такъ точно и Баконъ обращается къ духу изобрѣтеній, которымъ совершены открытія, лежавшія въ основѣ его эпохи. Оба философа относятся другъ къ другу и отличаются одинъ отъ другого такъ же какъ ихъ эпохи. Ихъ понятія сообразуются съ человѣческимъ искусствомъ. Но греческій философъ стоитъ въ уровень съ

теоретическимъ, съ самимъ себѣ довлѣющимъ, ни въ чемъ не нуждающимся искусствомъ прекрасной формы; Баконъ, напротивъ того, отвѣчаетъ практическому, изобрѣтательному искусству человѣческой пользы.

Аристотель, господствовавшій надъ всѣмъ средневѣковьемъ, и Баконъ представляютъ рѣзкія противоположности. Первый, говоритъ Шопенгауэръ, прежде всего основательно изложилъ вѣрный методъ для перехода отъ всеобщихъ истинъ къ частнымъ, т. е. нисходящій путь: это и есть силлогистика, органонъ Аристотеля. Напротивъ того, Баконъ указываетъ на восходящій путь, изложивъ методъ для перехода отъ частныхъ истинъ ко всеобщимъ: это индукція, въ противоположность дедукціи, а изложеніе ея и есть новый органонъ; это названіе, избранное въ противень къ Аристотелю, должно означать: „совершенно новый способъ изслѣдованья". Ошибка Аристотеля, или скорѣе его послѣдователей заключалась въ предположеніи, будто они собственно обладаютъ уже всякою истиною, будто она и содержится именно въ ихъ аксіомахъ, т. е. въ извѣстныхъ апріори составленныхъ положеніяхъ, или считавшихся таковыми, и будто для полученія частныхъ истинъ достаточно одного лишь вывода изъ первыхъ. Примѣромъ въ этомъ отношеніи служатъ книги Аристотеля о небѣ. Баконъ, напротивъ того, впервые указалъ, что аксіомы эти вовсе не имѣютъ такого значенія, что истина отнюдь не содержится еще въ существовавшей тогда системѣ знанія; она скорѣе внѣ ея, потому и не можетъ быть выведена изъ нея, а напротивъ, должна быть въ нее внесена, и что слѣдовательно всеобщія и истинныя положенія обширнаго и богатаго содержанія приходится добывать путемъ индукціи.

Баконъ воздвигъ совершенно новое зданіе философіи. По его мнѣнію все духовное представленіе вселенной разбивается на столько частей, сколько силъ въ насъ отпечатлѣваютъ и изображаютъ дѣйствительный міръ. Наши силы представленія суть память какъ сохранившееся ощущеніе, фантазія и разумъ: итакъ бываетъ памятный или эмпирическій оттискъ міра,—всемірная исторія, фантастическій,—поэзія, и разумный,—наука. Исторія содержитъ въ себѣ оттискъ міровыхъ событій, собранныхъ опытомъ и сохраняемыхъ въ памяти. А такъ какъ въ мірѣ заключается царство природы и человѣчества, то всемірная исторія распадается на естественную и гражданскую (historia naturalis и historia civilis). Естественная исторія раздѣляется на генераціонную, догенераціонную и механическую (historia generationum, praetergenerationum и mechanica), а исторія человѣчества на церковную и гражданскую (historia ecclesiastica и civilis).— Поэзія, уподобляющая предметы человѣческому духу и

видоизмѣняющая образы ихъ согласно желанію души, относительно своего содержанія распадается на эпическую или повѣствовательную, драматическую или изобрѣтательную и параболическую или иносказательную. Сатира, элегія, эпиграмма, ода, вся лирическая поэзія относятся по существу и содержанію своему къ реторикѣ, лишь по формѣ къ поэзіи. Эпопея примыкаетъ къ исторіи, тогда какъ парабола, притча граничитъ съ наукою, потому что заключаетъ въ себѣ научныя мысли и своимъ способомъ изложенія побуждаетъ къ размышленію; имѣя слѣдовательно дидактическое значеніе, она полезнѣе, а потому и выше остальныхъ. Исторія занимается фактами, наука—причинами. Философія не что иное какъ познаніе вещей изъ естественныхъ причинъ. Возможные предметы нашего познанія суть Богъ, природа и наше собственное существо. Каждый изъ этихъ предметовъ мы представляемъ себѣ различнымъ образомъ: одну только природу непосредственно, Бога черезъ посредство природы, а себя самихъ путемъ умозрѣнія; себя самихъ мы видимъ въ отраженномъ, природу въ прямомъ, а Бога—въ преломленномъ лучѣ. Натурфилософія домогается познанія вещей изъ естественныхъ причинъ, что дѣлаетъ насъ способными самодѣятельно воспроизводить подобныя дѣйствія, какъ скоро матеріальныя условія находятся въ нашей власти. Она состоитъ изъ теоретической части, отъ опыта восходящей къ аксіомѣ, и изъ практической, нисходящей отъ аксіомы къ изобрѣтѣнью. Первая часть сводится на физику, которая съ точки зрѣнія причинности занимается простыми веществами и міроданіемъ, различными тѣлами, конкретными образами и ихъ абстрактными свойствами, и на метафизику, науку о формахъ и цѣляхъ природы. Вторая часть, въ видѣ механики и естественной магіи, должна быть приложеніемъ физики и метафизики и воспроизвести научнымъ путемъ то же, что случай и больная алхимія отыскивали ощупью какъ бы въ темнотѣ. Естественная теологія стремится познать Бога изъ естественныхъ причинъ; она разсматриваетъ его чрезъ посредство предметовъ и видитъ поэтому обликъ Божій въ преломленномъ свѣтѣ, какъ видимъ и мы нашъ собственный въ водѣ. Не чрезъ законы природы, но только чрезъ чудеса откровенія Богъ можетъ представить себя въ своей истинной, сверхъестественной сущности. Потому-то истинное познаніе Бога возможно не посредствомъ естественной теологіи, а только посредствомъ теологіи откровенія. Естественная теологія не въ состояніи утвердить вѣру, а можетъ только опровергнуть невѣріе. Религія, вступая въ связь съ наукою, переходитъ въ безвѣрство; наука, смѣшиваясь съ религіею, становится фантастичною. Антропологія нако-

нецъ имѣетъ предметомъ человѣческую природу и общество, она — физіологія и политика. Прилагаемая къ человѣческой жизни физіологія заключаетъ въ себѣ медицину, косметику, атлетику и гедонику (т.-е. науку о чувственныхъ наслажденіяхъ), и имѣетъ цѣлью возвысить тѣлесное здоровье, красоту, силу и отраду жизни: съ послѣдней точки зрѣнія разсматривается также музыка и живопись. Разсматривающая человѣческую душу физіологія, т.-е. психологія, занимается отчасти сущностью и способностями души, отчасти примѣненіемъ послѣднихъ и ихъ предметами. Способности человѣческой души суть вопервыхъ умъ, а примѣненіе его логика, и вовторыхъ воля, изучаемая въ этикѣ. Логика — наука о правильномъ употребленіи ума. Разсуждающій умъ — это индукція и силлогизмъ. Мнемоника упражняетъ память. Чтобы удержать и сохранить мимолетныя понятія необходимо найти извѣстныя точки опоры, на которыхъ память могла какъ бы утвердиться, а чтобы найти ихъ намъ стоитъ только подмѣтить, какія средства невольно употребляемъ мы для подобнаго запечатлѣнія. Этика преподаетъ искусство дѣйствовать. Исполненіе долга, т.-е. всего общеполезнаго (добро все, что полезно человѣку, какъ особи, такъ и человѣчеству), есть добродѣтель, и образовать для нея душу: настоящая задача этики. Но для того чтобы рѣшить эту задачу нравоучитель долженъ узнать людей и изслѣдовать ихъ психическія свойства такъ же тщательно, какъ врачъ изучаетъ телѣсныя. Какъ физика не въ состояніи воспроизвести природу или измѣнить простыя вещества тѣлъ; точно такъ же и этика не можетъ создать людей не изъ того матеріала, изъ какого они созданы. Въ каждой человѣческой натурѣ есть коренное направленіе воли или свойство нрава и движущія силы, побуждающія волю и относящіяся къ человѣческому духу такъ же, какъ ураганъ къ морю. Коренное свойство нрава есть характеръ; бурныя движенія души суть страсти и аффекты. Познать людей значитъ поэтому изучить ихъ характеры и страсти. Каждый человѣческій характеръ есть продуктъ сокровенныхъ природныхъ способностей и внѣшнихъ свѣтскихъ условій. Какъ многообразны эти факторы, такъ же различны и характеры. Каждый изъ насъ въ своемъ родѣ единственъ. Страсти волнуютъ душу и сбиваютъ ее со стези общеполезнаго и полномѣрнаго дѣйствія. Нравоученіе должно укротить страсти и привести ихъ въ естественное равновѣсіе, въ которомъ онѣ обуздывались бы взаимно. Оно, какъ осмотрительный врачъ, старается помочь природѣ естественнымъ путемъ и противоставить разнузданной власти укрощающую, первоначальной натурѣ такъ сказать вторую Вторая на-

тура это привычка, въ которой и заключается самая мощная нравственная цѣлебная сила. Чтобы прійти въ естественное равновѣсіе, душа должна склониться на сторону, противоположную преобладающей страсти и повторять эту склонность до тѣхъ поръ, пока послѣдняя не сдѣлается привычкой. Такъ понемногу выпрямляется кривая палка, когда осторожно разгибаютъ ее.

Какъ приложеніе къ психологіи Бàконъ разсматриваетъ критику и педагогику. Критика прежде всего должна представить тщательныя изданія писателей и поосторожнѣе исправлять непонятыя мѣста. Ей же подлежитъ толкованіе, имѣющее развивать лишь мысли писателя и притомъ въ его же духѣ, и сравнительный разборъ авторовъ, имѣющій указать мѣсто каждому въ ряду другихъ. Собственно къ педагогикѣ относится то, что Баконъ опровергалъ науку древности, а именно философію. „Воздѣлывателями науки, говоритъ онъ, были либо эмпирики, либо догматики. Эмпирики, въ родѣ муравьевъ, пользы ради собираютъ все вмѣстѣ: раціоналисты, по подобію пауковъ, прядутъ нити изъ самихъ себя: пчела держится середины между тѣми и другими, собирая сокъ изъ садовыхъ и полевыхъ цвѣтовъ, но претворяя и переваривая его. Прежнія науки произошли изъ греческой философіи, потому что прибавки римскихъ, арабскихъ или новыхъ писателей скудны какъ по количеству, такъ и по значенію, и имѣютъ своимъ основаніемъ изобрѣтенье Грековъ. Но мудрость послѣднихъ была многорѣчива и изливалась въ словопреніяхъ, что плохо ладится съ изслѣдованіемъ истины. Всѣмъ ихъ философамъ по праву принадлежитъ названіе софистовъ, и даже старѣйшіе изъ нихъ не были свободны отъ національнаго тщеславія. Знаменательно изреченіе египетскаго жреца, заявившаго, что Греки всегда остаются дѣтьми и не обладаютъ ни древностью науки, ни наукою древности. Они въ самомъ дѣлѣ отличаются всѣми свойствами отроковъ, всегда готовы болтать, но неспособны произвести что нибудь. Ихъ мудрость богата словами, но безплодна дѣлами. Обыкновенный взглядъ на древность неоснователенъ и не соотвѣтствуетъ даже значенію слова. Потому что древностью слѣдуетъ считать по настоящему старшій возрастъ міра, но послѣдній принадлежитъ нашей эпохѣ, а не болѣе юному возрасту минувшаго. Послѣднее старò въ сравненіи съ нами, но юно, по отношенію къ жизни міру. Какъ отъ старца ради его опыта требуются болѣе обширныя знанія и болѣе зрѣлое сужденіе, такъ точно и отъ современной эпохи слѣдуетъ ожидать бòльшаго." Въ преподаваніи Бàконъ совѣтуетъ употреблять генетическій методъ, причемъ учитель вводитъ учениковъ своихъ въ науку тѣмъ путемъ, какимъ самъ дошелъ до нея. Такимъ образомъ ученія

вселяются въ души учениковъ, принимаясь въ нихъ и развиваясь. Онъ совѣтуетъ изучать афоризмы, представляющіе отрывки нашихъ знаній, тогда какъ методическое преподаваніе (traditio methodica), дающее во всѣхъ частяхъ законченную систему, образуетъ ученика лишь для виду, хотя и удовлетворяетъ его. Методъ долженъ сообразоваться съ предметомъ преподаванія, потому что нельзя все пригонять на одну колодку. Въ воспитаніи не слѣдуетъ упускать изъ виду сценическія представленія, что укрѣпляетъ память, развиваетъ звучность и силу голоса и произношенія, пріучаетъ къ пристойнымъ жестамъ и пріемамъ, сообщаетъ чрезвычайную самоувѣренность и освоиваетъ молодыхъ людей съ свѣтскимъ обращеніемъ. Но такое воспитаніе и образованіе должно совершаться въ отроческіе годы и въ нѣжномъ возрастѣ, когда вліяніе, хотя и скрытое и не бросающееся всѣмъ въ глаза, все-таки такъ сильно, что никакой настойчивый усиленный трудъ въ болѣе зрѣломъ возрастѣ не производитъ такого же успѣшнаго дѣйствія. Какъ важно воспитаніе! „Садовникъ осторожнѣе обходится съ молодымъ чѣмъ съ подросшимъ уже растеніемъ, какъ и вообще слѣдуетъ болѣе радѣть о начаткахъ всякихъ вещей. Надъ воспитателями издѣваются, бываютъ небрежны въ выборѣ ихъ, и при всемъ томъ споконъ вѣка сѣтуютъ, что правительства хотя и не мало пекутся о законахъ, но вовсе пренебрегаютъ воспитаніемъ."

Съ появленіемъ Бакона открывается совершенно новая сторона въ духовной жизни человѣчества. Мнѣніе философовъ, будто въ извѣстныхъ аксіомахъ, въ апріорныхъ положеніяхъ заключается вся полнота премудрости и можетъ быть выведена изъ нихъ, было признано ложнымъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ съ одной стороны пробудилось стремленіе обратить особенное вниманіе на значеніе сказанныхъ положеній и отвлеченныхъ понятій и изслѣдовать, какъ вообще слагаются человѣческія познанія и гдѣ ихъ предѣлъ—это стремленіе впослѣдствіи въ Кантѣ обрѣло свой величавый органъ; тогда какъ съ другой стороны пробило себѣ путь убѣжденіе, что истинная философія не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ разумнымъ постиженіемъ и изображеніемъ дѣйствительно существующаго міра. Потому-то и надлежало вникнуть въ него, изслѣдовать его, собирать матеріалъ для созиданія основаннаго на дѣйствительныхъ фактахъ философскаго міровоззрѣнія; естествовѣдѣнье получило первый мощный толчокъ: реализмъ съ юношескою энергіею противосталъ утомленному схоластикою абстрактному идеализму, и избираемый доселѣ мыслителями дедуктивный путь уступилъ мѣсто восходящей отъ частностей индукціи. Такимъ образомъ реализму открылось свободное поприще. Куда бы

ни обратились мы въ умственномъ развитіи, вездѣ обнаруживается поворотъ отъ тезиса къ антитезѣ, пока наконецъ противоположности не сошлись опять въ высшемъ единствѣ. Не удивительно поэтому, что реализмъ окончательно отвергъ идеализмъ, а индукція забыла, что безъ дедукціи она никогда не можетъ достичь единства, что сверхъ того, ей пришлось бы еще присовокупить сюда ложное мнѣніе, будто труженическое наблюденіе всякой посредственности и наборъ фактовъ достаточны для разрѣшенія тайны міра, тогда какъ творчество и геніальность необходимы уже для того, чтобы правильно наблюдать и изъ-за частнаго уловить общее, тогда какъ своенравная природа даетъ вѣрные и удовлетворяющіе человѣческимъ познаніямъ отвѣты только тому, кто сумѣетъ спрашивать ее необыкновеннымъ, т.-е. отъ дедуктивнаго духа предписаннымъ образомъ. „Если даровитый человѣкъ, говоритъ Гёте, проницательно, глубокомысленно постигъ существенный фактъ, если онъ уловилъ и усвоилъ открытый въ немъ законъ, то это драгоцѣннѣе, вліятельнѣе и шире, чѣмъ еслибъ какой-нибудь черезъ-чуръ трезвый труженикъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ методически корпѣлъ надъ множествомъ разсѣянныхъ, менѣе существенныхъ фактовъ, не проникнувъ ни въ одинъ изъ нихъ до присущей ему мысли, до самой сути его бытія. Вспомнимъ, какая мысль озарила Галилея при видѣ колебавшейся люстры: вотъ доказательство, что для генія одинъ случай стóитъ тысячи фактовъ.“ Есть два источника истины: внутренній и внѣшній міръ. Природа, по геніальному выраженію Шиллера, состоитъ въ вѣчномъ союзѣ съ геніемъ: „что сулитъ послѣдній, то первая навѣрно исполнитъ“. Для того чтобы изслѣдованье приблизилось къ разгадкѣ міровой тайны, необходимо, чтобы оба источника лились одновременно. Заслуга Бакона въ томъ, что онъ подчинилъ изслѣдованью второй источникъ истины. Если послѣ него и даже до нашихъ дней считали этотъ новооткрытый источникъ единственнымъ и презрѣли другихъ близнецовъ, то это не его вина. Вторая половина девятнадцатаго столѣтія, повидимому, намѣревается примирить реализмъ съ идеализмомъ, и необходимость индукцію выполнить дедукціею понята, какъ кажется, наиболѣе проницательными изъ современныхъ естествоиспытателей. Индуктивный путь къ изученію природы также вмѣстѣ и путь ко всякому естественному и истинно-образовательному преподаванію, а потому понятно, что самъ Бáконъ уже указалъ на этотъ единственно вѣрный методъ человѣческаго наставленія, какъ на главное средство для всякаго духовно-образовательнаго обученія.

У реализма, вѣрно замѣчаетъ Фишеръ, донынѣ не было ума болѣе высокаго, нежели Бáконъ, основавшій его; не было никого, кто бы такъ широко и вмѣстѣ съ тѣмъ свое

образно и характеристично, такъ трезво и въ то же время идеально и съ такимъ стремленіемъ къ величію изложилъ истинно реальный, полнотѣ жизни присущій духъ; ни у кого также границы этого духа не выступали такъ опредѣленно и естественно. И хотя онъ только мимоходомъ говоритъ о педагогикѣ и ея задачахъ, но побуждая обратиться духомъ отъ прошедшаго къ настоящему и открытымъ взоромъ взглянуть на живую природу,—онъ своею философіею опыта не только сообщилъ педагогикѣ вообще новое направленіе, но сдѣлался также отцомъ всего реальнаго образованія. Ратихій и Каменій поучались у него, и реальныя, ремесленныя, политехническія и др. школы обрѣли въ немъ свою первую и окончательную основу.

А для Англіи Бáконъ съ своимъ ученіемъ имѣлъ еще особенное значеніе. Тамъ пробудилъ онъ свойственную національному духу любовь къ природѣ и слѣд. къ естественнымъ наукамъ, которыя вскорѣ, развившись полнѣе какъ въ теоріи, такъ и на практикѣ, стали творить чудеса. Греческая и латинская литература казались теперь незначительными въ сравненіи съ великими выводами натурфилософіи. Весь образованный міръ обрѣлъ свое духовное средоточіе въ естественныхъ наукахъ. „Опытная наука—говоритъ Маколей—вошла въ моду. Обращеніе крови, взвѣшиваніе воздуха, замораживанье ртути заступили мѣсто политическихъ преній; мечты о крыльяхъ, на которыхъ собирались летѣть отъ Тоуэра до аббатства, и о двойныхъ корабляхъ, которые даже въ самую сильную бурю не подвергались бы крушенію, замѣнили собою мечты о наиболѣе совершенныхъ формахъ правленія. Всѣ классы увлечены были господствовавшимъ настроеніемъ. Военные и монахи, пресвитеріанцы и пуритане всѣ дружно соединились въ этомъ. Священники, государственные люди, дворяне, принцы возвышали славу Баконовой философіи. Химія долгое время увлекала легкомысленнаго Букингама вмѣстѣ съ виномъ и любовью, съ театромъ и картами, съ придворными интригами и демогогическими происками. У самого короля была лабораторія въ Вайтгольскомъ дворцѣ и онъ былъ тамъ гораздо дѣятельнѣе и внимательнѣе, нежели въ палатѣ. Отъ великосвѣтскаго денди непремѣнно требовалось, чтобы онъ умѣлъ поговорить о телескопѣ и воздушномъ насосѣ; даже дамы ѣздили въ каретахъ шестернею въ Григамъ посмотрѣть на тамошнее собраніе диковинокъ и вскрикивали отъ изумленія, увидѣвъ что магнитъ дѣйствительно притягивалъ булавку и что муха подъ микроскопомъ въ самомъ дѣлѣ казалась величиною съ воробья. Призрачныя видѣнья, цѣлые вѣка бродившія по міру, одно за другимъ исчезали предъ свѣтомъ. Астрологія и алхимія стали посмѣшищемъ. Скоро не было уже ни одного графства, гдѣ мировые судьи

не улыбались бы презрительно, когда передъ ними обвиняли старуху въ томъ, что она ѣздила верхомъ на помелѣ или навела чуму на скотъ".

И вотъ, среди этого всеобщаго возбужденія и одушевленія къ естественнымъ наукамъ появился

Исаакъ Ньютонъ,

съ тѣмъ чтобы указать твердую цѣль всеобщему порыву и средоточіе неопредѣленнымъ поискамъ. Родившись въ Вульстропѣ близъ Грантама въ 1642-мъ г., онъ въ 1666-мъ въ своей сельской родинѣ, какъ разсказываютъ, упавшимъ съ дерева яблокомъ былъ наведенъ на открытіе закона тяготѣнія. Въ его умѣ блеснула мысль, что на вращающіяся небесныя тѣла дѣйствуетъ та же сила, вслѣдствіе которой падающее тѣло влечется къ землѣ,—и въ 1685-мъ году эта блеснувшая геніальная мысль всесторонними выкладками возведена была въ законъ міроваго тяготѣнія. Та же сила, вслѣдствіе которой камень падаетъ на землю, влечетъ также и луну къ землѣ, и планеты къ солнцу. Луна тяготѣетъ къ земному шару и силою же тяготѣнія она непрестанно отклоняется отъ прямолинейнаго направленія и удерживается на своемъ пути. Всѣ міровыя тѣла притягиваются взаимно въ прямомъ отношеніи къ ихъ массамъ и обратно пропорціонально квадратамъ разстояній. Итакъ, луна тяготѣетъ не только къ землѣ, но такъ же и къ солнцу; всѣ планеты точно такъ же притягиваютъ другъ друга. А неизмѣнное разстояніе планетъ отъ солнца есть слѣдствіе сообщеннаго имъ извнѣ толчка, въ силу котораго по закону косности тѣла продолжаютъ двигаться безпрерывно въ одномъ и томъ же направленіи и съ одинаковою скоростью. Совмѣстное дѣйствіе центробѣжной силы, отвлекающей планету отъ прямолинейнаго движенія къ солнцу, и тяготѣнія, не дающаго ей удаляться по прямой линіи отъ послѣдняго, вотъ причина обращенія планеты вокругъ солнца.

Съ этой системой, какъ вѣрно замѣчаетъ Апельтъ, вся физическая астрономія преобразилась въ небесную механику; и точно, изъ нея съ необходимостью вытекаютъ не только Кеплеровы законы, но также и уклоненія планетъ отъ эллиптическихъ путей вслѣдствіе ихъ взаимнодѣйствія, потомъ—видъ небесныхъ тѣлъ, смѣна приливовъ и отливовъ, даже несокрушимость мірозданія вслѣдствіе внутреннихъ причинъ. Въ то же время она представила міръ лишенный всякихъ чудесъ и произвола, міръ разума и строгозаконности.

А что въ этомъ мірѣ даже человѣческій духъ подлежитъ всеобщимъ законамъ, это еще прежде Ньютона пытался доказать

Джонъ Локкъ.

Родившись въ 1632-мъ г. въ Рингтонѣ, образовавшись въ Вестминстерской школѣ, а потомъ въ Оксфордѣ и получивъ отвращеніе отъ господствовавшаго тамъ схоластическаго изложенія философіи, но увлекшись медициною, онъ занялся преимущественно естественными науками; ему сверхъ того послужили школою какъ избранный общественный кружокъ, въ который онъ былъ введенъ своимъ другомъ, лордомъ Ашлейемъ, впослѣдствіи графомъ Шефтсбери, такъ и великая эпоха его отечества, которое въ короткій срокъ переживало монархію, республику и опять монархію, и въ которомъ то епископальная церковь преслѣдовала пуританъ, то пуритане въ свою очередь притѣсняли епископальную церковь. Въ этомъ круговоротѣ событій въ головѣ Локка возникали важнѣйшіе вопросы философіи, которыми онъ пытался разгадать задачи политической и церковной жизни. Онъ рѣшилъ ихъ невѣдомымъ доселѣ образомъ. И точно, за что бы ни брался его умъ, вездѣ открывалъ онъ новую, никѣмъ еще неизслѣдованную сторону, и даже чуждые для него предметы выходили изъ рукъ Локка въ такомъ совершенствѣ, какъ будто были произведеніемъ спеціалиста,—этотъ мужъ былъ одаренъ невозмутимымъ спокойствіемъ и прозрачною ясностью души, великимъ самообладаніемъ и безкорыстнымъ самоотверженіемъ, высокою чистотою нравственной воли и благочестивымъ религіознымъ чувствомъ; онъ умеръ въ 1704-мъ г. съ сознаніемъ: „Утѣшеніемъ служитъ мнѣ только добро, мною сдѣланное, и въ этой жизни только двѣ вещи могутъ доставить настоящее удовлетвореніе: свидѣтельство доброй совѣсти и надежда на вѣчную жизнь“.

Въ 1670-мъ г. Локкъ написалъ основныя черты своего великаго произведенія. „Опытъ о человѣческомъ разумѣніи“ (Essay on human understanding),—твореніе это, обнародованное впослѣдствіи, точно такъ же сдѣлало логику и метафизику ученіемъ о человѣческихъ чувственныхъ впечатлѣніяхъ, какъ и Ньютонъ преобразилъ астрономію въ небесную механику. Сознаніе—сказано тамъ—возникаетъ оттого, что чувства передаютъ уму впечатлѣнія внѣшнихъ предметовъ; умъ постигаетъ, что нѣкоторыя изъ этихъ впечатлѣній согласны между собою, другія же противоположны другъ другу, изъ такихъ постиженій онъ и составляетъ общія понятія. Большая часть людей привыкли считать свои первыя впечатлѣнія молодости врожденными только потому, что не сознаютъ уже ясно, какимъ путемъ послѣднія вошли имъ въ душу. Намъ даже понятіе о Богѣ не врожденно; потому что у многихъ народовъ его вовсе нѣтъ, а если оно и встрѣчается; то въ весьма различныхъ ви-

дахъ. Что сладкое не горько, это дитя уже знаетъ, не вѣдая еще закона противорѣчія, тогда какъ вѣдь слѣдовало бы быть наоборотъ, будь общія положенія начертаны въ нашей душѣ отъ природы.—Врожденныхъ практическихъ идей также не бываетъ, потому что правила нравственнаго обихода у различныхъ націй и особей различны.—Но какъ же возникаютъ идеи? Онѣ даются опытомъ: внѣшній опытъ, это—впечатлѣніе внѣшнихъ предметовъ на наши чувства, это—ощущеніе, сенсація. Внутренній опытъ это—наблюденіе надъ внутренними дѣятельностями духа, совершаемыми послѣднимъ надъ полученными впечатлѣніями и предметами, это—самонаблюденіе надъ внутреннимъ пониманіемъ, мышленіемъ и волею,—рефлексія. Сенсація и рефлексія суть единственныя и исключительныя источники человѣческаго познанія, единственныя окна, которыми свѣтъ идей проникаетъ въ темное само по себѣ царство ума. На сенсаціи и рефлексіи опирается все зданіе человѣческаго мышленія и знанія. Простыя идеи, невольно отражающіяся въ нашемъ духѣ отъ предметовъ подобно отраженнымъ образамъ въ зеркалѣ, суть буквы нашего сознанія, изъ которыхъ умъ благодаря своей дѣятельности образуетъ сложныя идеи, а именно посредствомъ соединенія нѣсколькихъ простыхъ идей, или сравненія ихъ между собою, или отвлеченія одной отъ другой, вслѣдствіе чего и возникаютъ идеи образовъ и субстанцій, отношеній и общихъ понятій. Чѣмъ болѣе духъ вдается въ эту область сравненія и пр., въ область своей самодѣятельности, тѣмъ болѣе подвергается онъ опасности сдѣлаться произвольнымъ и невѣрнымъ; чѣмъ менѣе познаніе удаляется отъ простыхъ внѣшнихъ впечатлѣній, тѣмъ большею достовѣрностью обладаетъ оно. Бываютъ три разныя степени знанія: оно или наглядное, индуктивное, когда само въ себѣ содержитъ доказательство истины, напр. что черное не бѣло; или оно выводится при посредствѣ другихъ понятій, демонстративное, напр. доказательство бытія Божія; или оно непосредственно чувственное, сенситивное, чувственный опытъ внутреннихъ и внѣшнихъ впечатлѣній. Всякое убѣжденіе, не принадлежащее ни къ одной изъ этихъ областей, отнюдь еще не знаніе, а только болѣе или менѣе вѣроятное предположеніе и мнѣніе.

Съ точки зрѣнія этой физіологической психологіи взглядъ на воспитаніе и на задачу ея, конечно, долженъ былъ также измѣниться. Въ 1690-мъ г. Локкъ написалъ свои „мысли о воспитаніи дѣтей“ (Some thoughts concerning Education); это собственно не научная педагогика, а просто наставлесіе для молодого англійскаго джентльмена, и потому относится главнѣйше къ воспитанію аристократическаго англійскаго юношества; все это непримѣнимо къ болѣе обшир-

нымъ низшимъ слоямъ народа, исполнено однако глубокаго вникновенія въ природу дитяти, въ его развитіе; это основа абстрактно-человѣчнаго воспитанія; это наконецъ тѣ коренныя черты, которыя филантропистами и др. доведены до крайности.

Локкъ въ своей системѣ воспитанія прежде всего настаиваетъ, чтобы изслѣдовали индивидуальность воспитанника, а потомъ по его особеннымъ способностямъ устроили воспитаніе и обученье. Эта индивидуальность познается по играмъ дитяти, въ которыхъ его особенныя свойства проявляются всего свободнѣе и чаще—одна изъ тѣхъ истинъ, которыя въ педагогическихъ попыткахъ Фридриха Фребеля получили фактическое выраженіе. Изслѣдуйте поэтому, какія у ребенка господствующія страсти и преобладающія наклонности, буенъ ли онъ или кротокъ, смѣлъ или робокъ, сострадателенъ или жестокъ, откровененъ или скрытенъ и пр., потому что съ этими отличіями его должно сообразоваться также и обращеніе, средства и способъ руководить и управлять имъ. Однако природныя наклонности, которыя коренятся въ особенностяхъ организма, или въ темпераментѣ, не могутъ быть измѣняемы ни предписаніями, ни прямыми противодѣйствіями, а тѣмъ еще менѣе такія, которыя источникомъ своимъ имѣютъ страхъ и упадокъ духа, хотя, поступая искусно, большею частью и можно улучшить ихъ и направить къ благимъ цѣлямъ. Но хотя бы въ этомъ отношеніи и сдѣлали все, что можно, все-таки перевѣсъ останется на той сторонѣ, на которую съ самаго начала склонялась природа, и кто въ первыхъ проявленіяхъ жизни тщательно наблюдаетъ за нравомъ ребенка, тотъ впослѣдствіи легко угадаетъ направленіе его идей и намѣреній, какъ бы ни усложнялись замыслы взрослаго юноши и какъ бы ни скрывались они подъ различными видами. Къ этой природной основѣ характера и долженъ потомъ примкнуть нравственный элементъ воспитанія: излишними нравоученіями и наставленіями нравственная натура ребенка не развивается правильно, а скорѣе искажается; когда воспитанникъ, благодаря примѣрамъ и личному навыку, позналъ сначала добродѣтель, то пусть усвоитъ онъ себѣ нравственныя поученія изъ библіи и въ крайности еще изъ „Должностей“ Цицерона. Впрочемъ дѣти съ самаго начала должны воспитываться какъ разумные люди, конечно сообразно ихъ возрасту и зрѣлости, и пусть они убѣдятся, что съ ними поступаютъ не по произволу и прихоти, а руководятся напротивъ основательными причинами во всемъ, что отъ нихъ требуется.

Высшая цѣль воспитанія, по мнѣнію Локка, здоровая душа въ здоровомъ тѣлѣ. Mens sana in corpore sano

вотъ полное изображеніе счастливаго состоянія на свѣтѣ, а слѣдовательно и цѣль воспитанія. Чья душа неразумно направлена, тотъ никогда не попадетъ на истинный путь; чье тѣло слабо и болѣзненно, тотъ далеко не уйдетъ. Кто одержимъ однимъ изъ этихъ недостатковъ, тому и все остальное мало поможетъ.

Хотя душа главный предметъ воспитанія, а все-таки нельзя пренебрегать и тѣломъ. Дѣтей слѣдуетъ одѣвать не слишкомъ тепло, даже зимою. Они должны ходить много, какъ днемъ такъ и ночью, и въ ведро, и въ ненастье. Вѣдь лицо наше при рожденіи такъ же нѣжно, какъ и всѣ остальныя части тѣла; но благодаря привычкѣ оно закаляется и способно переносить холодъ. Каждый день дѣти должны мыть ноги въ холодной водѣ и закалить ихъ отъ сырости такъ же, какъ закалены ихъ руки. Отъ одной только привычки и зависитъ разница въ чувствительности и впечатлительности рукъ и ногъ относительно холода. Холодное купанье производитъ удивительное дѣйствіе, особенно на слабыя личности. Плавать должны умѣть всѣ мальчики; также гулять во всякое время года на чистомъ воздухѣ. Узкія платья вредны, особенно корсеты для дѣвочекъ. Пускай сама природа образуетъ тѣло такъ, какъ сочтетъ за лучшее. Маленькимъ дѣтямъ давать никакъ не мясо, а напротивъ молоко. Слишкомъ пряная и соленая пища вредна имъ. Въ промежуткахъ немногихъ по возможности трапезъ дѣтямъ давать одинъ только хлѣбъ: если они не жадны, а дѣйствительно голодны, то онъ будетъ имъ по вкусу. Лучше всего давать мальчику по одному разу мясо приготовленное безъ затѣй, и всякій разъ одного только рода; при этомъ отнюдь не соблюдать установленнаго времени, а напротивъ, лучше мѣнять его хоть каждый день, потому-что, если желудокъ разъ привыкнетъ питаться непремѣнно въ извѣстное время и если пища попадетъ иной разъ не во время, то онъ заболѣетъ и утратитъ аппетитъ. Для питья пусть служитъ полпиво, но не вино: отнюдь не давать пить вспотѣвши. Принять за правило рано вставать, рано ложиться спать; 8 часовъ сна достаточно; но, назначая число часовъ, необходимо сообразоваться съ возрастомъ, натурою и тѣлесною организаціею. Будить не пугая. Ложе пусть будетъ жесткое, на матрацѣ, но не на пуховикѣ: жесткое ложе укрѣпляетъ члены, отъ лежанья на пуховикѣ тѣло нѣжится и слабѣетъ.

Подъ вліяніемъ Монтеня и благодаря Локку гигіена впервые вошла во всеобщее употребленіе въ педагогику. Побольше свѣжаго воздуха и тѣлесныхъ упражненій, не черезъ-чуръ мало сна; умѣренность, отсутствіе вина и крѣпкихъ напитковъ; по возможности менѣе или никакихъ лѣкарствъ; не слишкомъ теплая и не узкая одежда; голова и ноги холод-

ныя, послѣднія чаще мыть въ холодной водѣ и подвергать сырости, чтобы закалить ихъ; вотъ что укрѣпляетъ тѣло и дѣлаетъ его способнымъ служить душѣ: таковы гигіеническія правила Локка.

Пристрастіе его къ домашнему воспитанію и отвращеніе отъ публичнаго возникли болѣе всего вслѣдствіе грубаго состоянія тогдашнихъ общественныхъ школъ (—хотя къ этому присоединялись еще болѣе положительныя причины—). Домашнее воспитаніе предпочитается публичному. Въ школахъ благонравіе приносится въ жертву языкамъ. Чѣмъ больше учениковъ въ учебномъ заведеніи, тѣмъ очевиднѣе вредъ, наносимый ими другъ другу. Воспитаніе внѣ родительскаго дома придаетъ, правда, мальчику смѣлость и умѣнье обходиться съ людьми; а соперничество также содѣйствуетъ ученію. Но при этомъ цѣломудріе подвергается опасности изъ за клочковъ латыни и греческаго; а смѣлость извращается обыкновенно въ грубость и безстыдство. Лучше пусть воспитанный въ родительскомъ домѣ мальчикъ будетъ напротивъ того робокъ и застѣнчивъ: это пройдетъ само собой, когда онъ вступитъ въ свѣтъ. Трудно сказать, что можетъ пріобрѣсти отрокъ прельстительнаго для отца среди пестрой толпы буйныхъ мальчишекъ, какіе обыкновенно собираются въ школѣ отъ родителей всѣхъ возможныхъ классовъ. А потому лучше всего взять въ домъ наставника, который сообщилъ бы мальчику лучшіе нравы, болѣе доблестные помыслы и чувство добра и благопристойности, содѣйствовалъ бы бо́льшему успѣху въ знаніяхъ всякаго рода, скорѣе могъ бы довести его до зрѣлости степеннаго возраста, чѣмъ то возможно въ какомъ нибудь переполненномъ учебномъ заведеніи. Наставникъ обязанъ, конечно, не только знать латынь и логику; онъ долженъ также быть благовоспитанъ, образованъ среди и для хорошаго общества; а иначе его ученость покажется педантствомъ, его прямодушная простота—мужицкимъ нравомъ, его добродушіе—низкою лестью. Онъ долженъ также обладать знаніемъ свѣта, чтобы передать это воспитаннику, и приучить его наблюдать людей и считать ихъ такими, каковы они на самомъ дѣлѣ,—ни лучшими, ни худшими. Такая житейская мудрость для воспитанника важнѣе латыни и мелочныхъ знаній. Пусть онъ учится тому, что можетъ пригодиться въ зрѣломъ возрастѣ.

Поэтому прежде всего надо обратить вниманіе на нравственное воспитаніе. Самообладаніе—вотъ высшая его задача. Душа должна быть способна не допускать ничего, что противорѣчитъ достоинству и превосходству разумнаго существа. Какъ здоровье тѣла заключается въ томъ, что оно способно противостоять вреднымъ вліяніямъ, точно такъ же и душа должна пріобрѣсти способность воздерживаться отъ своихъ собственныхъ похотей, преодолѣвать свои собствен-

ныя наклонности и слѣдовать однимъ лишь велѣніямъ разума. Воспитаніе ведетъ къ этому уже съ измала, и все разумное съ самаго дѣтства уже дѣлается привычкою. Животныхъ, назначенныхъ служить намъ, мы отдаемъ въ ученье, пока они еще молоды; а къ нашимъ собственнымъ дѣтямъ мы часто нерадѣемъ, и испортивъ ихъ уступчивостью, баловствомъ и пр., все еще надѣемся, что изъ нихъ выйдутъ честные люди. Родители своимъ примѣромъ также прививаютъ пороки и недостатки дѣтской душѣ; мало того, многіе ясными словами прямо научаютъ ихъ грѣхамъ и пороку, и прежде еще чѣмъ дѣти начинаютъ ходить, въ нихъ уже залагается основа насилія и мстительности. „Ударь меня, а я его ударю!“ вотъ это слышимъ мы изо дня въ день, и думаемъ себѣ, это ничего не значитъ, вѣдь у ребенка рука еще слаба, такъ что онъ не въ состояніи причинить боли; а развѣ ребенокъ такимъ путемъ не научается прибѣгать къ насилію?—Подавить желаніе, когда оно осуждается разумомъ,—вотъ начало всякой добродѣтели. Такая власть надъ собою достигается только привычкою; привычка становится легкою, если заранѣе упражняютъ ее. Самоотреченіе и самообладаніе слѣдуетъ поэтому упражнять заблаговременно. Дѣтскимъ недостаткамъ нельзя потворствовать, они разростаются въ недостатки зрѣлаго возраста. Прихотямъ дѣтей отнюдь не потакать: дѣтей прежде всего необходимо пріучать къ безусловному повиновенію, а потомъ уже съ лѣтами и къ свободѣ, такъ чтобы они изъ послушныхъ дѣтей сдѣлались друзьями. Утвердите повозможности ранѣе авторитетъ надъ вашими дѣтьми, такъ чтобы онъ вліялъ на нихъ какъ естественный принципъ, источника котораго дѣти не постигаютъ. Пусть они боятся и любятъ васъ: боязнь должна вамъ дать власть надъ ихъ душою, а любовь и дружба въ позднѣйшіе годы должны поддержать эту власть. Пусть по мѣрѣ того, какъ подростаютъ дѣти, приказанія отступаютъ на задній—, а искренніе, дружескіе совѣты и обсужденія выходятъ на первый планъ. Чѣмъ ранѣе съ отрокомъ обращаются какъ съ взрослымъ, тѣмъ онъ скорѣе возмужаетъ. Противъ властолюбія и корысти надо дѣйствовать заблаговременно. Отнюдь не уступайте ребенку, если онъ добивается чего-нибудь буйствомъ, крикомъ и упрямствомъ; удовлетворяйте, напротивъ того, истиннымъ его потребностямъ. Только во время отдыха и игръ можно давать дѣтямъ свободу. Отъ властолюбія проистекаютъ жалобы дѣтей на ихъ товарищей; слѣдуетъ, вообще, не обращать на это вниманія; а иногда можно возстановить миръ. Необходимо искоренить въ ребенкѣ алчность, этотъ корень всякихъ золъ; напротивъ, внушать ему готовность услужить. Когда онъ оказываетъ услугу, то вознаграждайте его каждый разъ безъ изъятія и съ лихвою;

пусть онъ пойметъ, что оказывать любовь людямъ не безвыгодно, а что, напротивъ, за это въ свою очередь воздается также любовью. Побуждайте дѣтей къ добросовѣстной честности, къ уваженію чужой собственности: мелкія плутни дѣтей разростаются въ мошенничества въ зрѣломъ возрастѣ. Необходимо строго противодѣйствовать упорному крику; не усиливайте вашимъ соболѣзнованіемъ крикъ отъ боли, напротивъ закаляйте дѣтей. Отучайте ихъ отъ страха, но такъ чтобы они не дѣлались нахальными, развивайте въ нихъ настоящее мужество; оно окажется мощнымъ во всякой опасности и во всякомъ страданіи добросовѣтнымъ. Не дѣлайте дѣтей пугливыми, пріучайте ихъ къ виду гадкихъ животныхъ, лягушекъ и т. п., закаляйте ихъ, такъ чтобы они терпѣливо сносили боли. Надо подавлять склонность дѣтей къ жестокости, особенно въ обращеніи съ животными: обыкновенно поступаютъ наоборотъ,—дѣтей учатъ бить и потѣшаются этимъ; юношу учатъ удивляться завоевателямъ, этимъ палачамъ человѣческаго рода! Ложь представьте дѣтямъ въ гнусномъ видѣ, какъ дѣло недостойное имени и характера мужа, такъ что дорожащій хоть сколько нибудь этимъ именемъ, не способенъ снести обвиненія во лжи. Уличивъ въ первый разъ ребенка во лжи, не дѣлайте ему выговоръ какъ за обыкновенный проступокъ, а заявите только свое удивленіе какъ бы дѣлу весьма необычайному. Если это не отвратитъ отъ новой лжи, то въ другой разъ сдѣлайте ему строгій выговоръ, и пусть отецъ, мать и всѣ окружающіе ребенка, узнавши объ этомъ, выскажутъ величайшее негодованіе. Если наконецъ и это не поможетъ, то остается прибѣгнуть къ побоямъ, потому что въ такомъ случаѣ на преднамѣренную ложь надо всегда смотрѣть какъ на упорство. Поддерживайте любознательность. Спрашивающаго ребенка не слѣдуетъ отстранять недружелюбно или подтрунивать надъ нимъ превратными отвѣтами. Чтобы подстрекнуть любознательность, разсказывайте въ присутствіи ребенка о знаніяхъ другихъ людей. Дѣтямъ, пристрастнымъ къ играмъ, но лѣнивымъ къ ученью, велите серьезно играть цѣлый день такъ чтобы имъ надоѣло это; а на ученье ихъ смотрите, напротивъ того, какъ на отдыхъ, не дѣлая изъ него занятія для нихъ. Для лѣнивыхъ полезенъ также тѣлесный трудъ, особенно если польстить ихъ тщеславію предметами, могущими пригодиться имъ. Игрушекъ отнюдь не покупайте. Такимъ образомъ устраните вопервыхъ черезчуръ великое разнообразіе въ игрушкахъ, вслѣдствіе чего дѣти заражаются безпокойною страстью къ перемѣнамъ и избытку, и то и дѣло требуютъ чего-нибудь новаго, не зная сами, чего они хотятъ, и никогда не довольствуясь тѣмъ, что имѣютъ. Такимъ-то образомъ высокомѣріе, тщеславіе и жадность рѣшительно прививаются дѣ-

тямъ, чуть ли даже не прежде чѣмъ они начинаютъ говорить. Напротивъ того, дѣти сами должны дѣлать или по крайней мѣрѣ попытаться сдѣлать себѣ игрушки. Если они начали изобрѣтать что нибудь подобное, то необходимо поддержать ихъ въ этомъ; но не давать имъ ничего, когда они сидятъ себѣ спокойно и ничѣмъ незанятыя ждутъ, не принесутъ ли имъ чего нибудь для ихъ забавы. Доставьте имъ впрочемъ игрушки, которыя они сами сдѣлать не могутъ, но употребленіе которыхъ необходимо связано съ трудомъ и размышленіемъ. Вообще всѣ игры и развлеченія должны бы имѣть цѣлью благія и полезныя привычки. Потому-что дѣти ко всему прилагаютъ привычки—какъ хорошія, такъ и дурныя. (Опять-таки мысли, которыя также рѣшительно повліяли на Фридриха Фрёбеля).

Итакъ, если дитя воспитано нравственно, то оно и по наружности окажется и должно быть на дѣлѣ благонравно и скромно. Искусство ловко и осмотрительно устроивать свои дѣла въ свѣтѣ должно быть изучаемо. Для этого необходимы умъ и честность: а потому образуйте практическій смыслъ дѣтей и воздерживайте ихъ отъ лукавства. Должно избѣгать глупой стыдливости и безстыдной небрежности. Вѣжливость—это: побужденіе никого не обижать; а благовоспитанность—это: навыкъ пріятнымъ образомъ обнаруживать такое побужденіе. Если дѣти питаютъ это благое побужденіе, то, обращаясь съ благовоспитанными людьми, они сами собой окажутся такими же. Поэтому не докучайте имъ слишкомъ рано искусствомъ говорить комплименты и т. п. Но наблюдайте, чтобы они не прерывали ничьей рѣчи, особенно чтобы не дѣлали этого нахально. Такъ называемымъ манерамъ дитя научается скорѣе въ обращеніи съ благовоспитанными людьми, нежели посредствомъ предписаній. Нѣкоторыя неловкости можетъ исправить учитель танцованія: танцамъ можно уже рано обучать, оттого что они придаютъ благопристойную смѣлость и добронравное поведеніе. Не напоминайте младшимъ дѣтямъ то и дѣло о манерахъ; современемъ многое сдѣлается само собою. Родители отнюдь не должны предоставлять своихъ дѣтей слугамъ, а напротивъ, держать ихъ по возможности болѣе около себя, но не стѣсняя ихъ. При всемъ томъ не обременяйте ихъ черезчуръ многими правилами, вѣдь дѣти едва въ состояніи запомнить ихъ; а настаивая потомъ на исполненіи ихъ, вы будете слишкомъ строги, при слабомъ-же соблюденіи ихъ подрывается авторитетъ. Старайтесь, напротивъ того, постояннымъ ласковымъ напоминаніемъ пріучать ихъ къ тому, что для нихъ должно сдѣлаться навыкомъ, причемъ не требуйте слишкомъ многаго заразъ и ничего такого, къ чему дѣти еще неспособны; иначе дитя

пріучится къ притворству, такъ что наружные поступки его не будутъ согласоваться съ внутреннимъ настроеніемъ, или настроеніе это обнаружится въ несообразномъ видѣ. Лучше простая, грубая, сама себѣ предоставленная, нежели до притворства выдрессированная натура.

Къ важнѣйшимъ воспитательнымъ средствамъ для такой нравственности и такой благопристойности относятся похвала и порицаніе. Все, что вдалбливается, возбуждаетъ въ ребенкѣ отвращеніе; отъ побоевъ же дитя становится сверхъ того робкимъ и раболѣпнымъ. Не слѣдуетъ также чувственными приманками, лакомствами, деньгами, нарядами и т. п. поощрять къ добру или вознаграждать за него. Изъ всѣхъ мотивовъ, способныхъ трогать разумную душу, самыми сильными оказываются честь и позоръ, лишь бы открыли разъ тайну сдѣлать дѣтей воспріимчивыми для такихъ впечатлѣній. Внушить дѣтямъ любовь къ репутаціи: вотъ великая тайна воспитанія. Насколько можете, сдѣлайте душу мальчика воспріимчивою къ похвалѣ и порицанью. Достигнувъ этого, вы сообщите ему такого двигателя, который будетъ вліять на всѣ его дѣйствія, даже въ вашемъ отсутствіи, и вы будете обладать стволомъ, къ которому послѣ можете привить истинныя правила нравственности и религіозности. Дѣти отъ природы воспріимчивы къ похвалѣ и порицанію; это усиливается, если отецъ хвалитъ ихъ каждый разъ за добрые поступки и, на оборотъ, относится къ нимъ холодно и съ презрѣніемъ, когда они провинились въ чемъ-нибудь. Дѣти должны убѣдиться, что за добрыя дѣла они будутъ всѣми любимы, а въ противномъ случаѣ презираемы и пренебрегаемы. Такимъ образомъ въ нихъ возникнетъ желаніе добиться одобренія и избѣгать всего, что заслуживаетъ презрѣнія. Это стремленіе должно быть мотивомъ у дѣтей, пока въ болѣе зрѣломъ возрастѣ они не будутъ руководиться сознаніемъ своего долга и внутреннимъ довольствомъ, какое дается покорностью къ Творцу. Похвалы, заслуженныя дѣтьми, слѣдуетъ выражать имъ при постороннихъ, потому что награда усугубляется, распространеніемъ. Наоборотъ, не разглашайте ихъ проступковъ; потому что оглашеніе проступковъ притупляетъ. При наказаніяхъ будьте безстрастны. Не ругайте дѣтей. Побои заслуживаютъ они лишь за упрямство и сопротивленіе. Пусть тутъ даже дѣйствуютъ болѣе стыдъ и срамъ, нежели боль. Побоями надлежитъ сломить волю: и не должно отступать отъ нихъ, пока этого не достигнешь. Потому-то ихъ и не слѣдуетъ примѣнять въ маловажныхъ случаяхъ; имѣйте терпѣнье, но отнюдь лишь не съ злонамѣренностью. Побои не должны слѣдовать тотчасъ же за проступкомъ, иначе къ нимъ примѣшается страстность. И лучше было бы нака-

зывать или чрезъ посредство разсудительнаго слуги, такъ чтобы боль исходила непосредственно отъ руки другого, хотя бы и по приказанію и въ присутствіи родителей. Этимъ поддержится достоинство родителей и отвращеніе ребенка, возбужденное болью, обратилось бы къ лицу, которое непосредственно причинило ее. (Крайне опасное правило!)

Религія также ведетъ къ добродѣтели, и въ развитіи нравственности ее нельзя упускать изъ виду. Мы заложимъ для нея основаніе, если въ душѣ отрока заблаговременно запечатлѣемъ истинное понятіе о Богѣ,—если представимъ Его высшимъ существомъ, творцомъ и создателемъ всѣхъ вещей, отъ котораго мы получаемъ всякое благо и который любитъ насъ какъ отецъ, все видящій и все слышащій, что мы дѣлаемъ, и надѣляющій всякимъ добромъ тѣхъ, кто любитъ Его и повинуется Ему. Такимъ образомъ дитяти внушается любовь и страхъ Божій. Далѣе этого не слѣдуетъ идти, чтобы не подать повода къ ложнымъ представленіямъ, приводящимъ какъ разъ или къ суевѣрію, къ боязни духовъ и привидѣній, или къ атеизму. Если дѣтей непрестанно заставлять, каждое утро и каждый вечеръ читать простую и короткую, съ ихъ возрастомъ и способностями сообразную молитву къ Богу, какъ къ творцу, спасителю и благотворителю ихъ, то они въ пониманіи религіи и въ добродѣтели сдѣлаютъ больше успѣховъ, нежели пытаясь дойти своимъ умомъ до непостижимой сущности Божіей.

Сверхъ того, во всемъ что дѣлаютъ съ ребенкомъ и для него, надо по возможности указывать на причины,—конечно сообразныя съ его возрастомъ, и особенно на примѣры. Надо съ ребенкомъ разсуждать. Онъ понимаетъ это тогда уже, когда вообще начинаетъ говорить, и ранѣе даже, чѣмъ мы подозрѣваемъ, желаетъ, чтобы съ нимъ обращались какъ съ разумнымъ существомъ. Эту гордость слѣдовало бы тщательно въ немъ поддерживать и сдѣлать ее самымъ важнымъ орудіемъ для управленія имъ.

Однако съ двумя разными дѣтьми по причинѣ ихъ особенностей нельзя обращаться по одному и тому же методу. Притомъ способъ воспитанія для различныхъ сословій долженъ быть различный. (?)

Знанія самый неважный предметъ въ воспитаніи, а между тѣмъ ихъ-то и считаютъ обыкновенно самымъ важнымъ, и даже единственнымъ. Когда вижу, какъ сильно хлопочутъ о томъ, чтобы сообщить ребенку немного латыни и греческаго, сколько лѣтъ тратится на это и какой безплодный шумъ подымается изъ-за того, то никакъ не могу отрѣшиться отъ мысли, что сами родители не избавились еще отъ страха школьной розги, которую привыкли считать единственнымъ воспитательнымъ орудіемъ,—какъ будто одинъ или два языка составляютъ един-

ственный предметъ образованія! Какъ же понять иначе, что дитя въ теченіе семи, восьми и до десяти лучшихъ лѣтъ своей молодости приковывается къ роковой скамьѣ для того только, чтобы изучить два языка, которые, какъ мнѣ кажется, можно бы усвоить съ гораздо меньшею тратою времени и трудовъ и почти играя? Не слѣдуетъ, конечно, пренебрегать вовсе изученіемъ языка; но это по возможности должно соединять съ реальными знаніями, съ естественными науками, съ изученіемъ жизни и съ житейскимъ опытомъ. Чтеніе, письмо и счетъ также необходимы; но все это отнюдь еще не главное дѣло. Я полагаю, вы сочли бы глупымъ человѣкомъ того, кто добродѣтельнаго и мудраго мужа не цѣнилъ бы безконечно выше какого нибудь великаго ученаго. Я отнюдь не считаю ученіе неважнымъ средствомъ, какъ для одного, такъ и для другого, при соотвѣтственныхъ для того способностяхъ. Но нельзя не сознаться, если послѣднихъ не окажется, то знаніе послужитъ лишь для того, чтобы сдѣлать человѣка еще глупѣе и хуже. Итакъ, знаніе должно служить лишь средствомъ къ достиженію высшихъ цѣлей и качествъ.

Изъ этихъ основныхъ взглядовъ должны истекать какъ воспитаніе, такъ и преподаваніе. Въ преподаваніи прежде всего требуется любовь къ учителю и къ учебному предмету. Не обременяйте дѣтей уроками словно поденною работою, иначе это опротивитъ имъ. Имъ опротивѣло бы даже играть, еслибъ игру стали приказывать. Дѣти хотятъ быть такъ же свободны и независимы, какъ и самый гордый взрослый человѣкъ. Внушите имъ охоту къ ученію и тутъ даже заставляйте ихъ вообще работать лишь тогда, когда они расположены къ тому. Дитя научится втрое болѣе, если охотно примется за дѣло; и наоборотъ, потребуется вдвое болѣе времени и труда, если оно учится съ отвращеніемъ. Ребенокъ не всегда бываетъ расположенъ къ извѣстнымъ занятіямъ. Какъ бы сильно напр. оно ни любило чтеніе, письмо и музыку,—но иногда все-таки можетъ случиться, что и эти вещи ему не понравятся. Если бы дитя, что легко можетъ случиться, было черезчуръ рѣдко расположено къ извѣстнымъ необходимымъ занятіямъ, то пусть воспитатель сообразнымъ обхожденіемъ побудитъ его къ нимъ, и это вовсе не трудно для наставника, хорошо изучившаго своего воспитанника. Такимъ образомъ сбережемъ много времени и избавимся отъ скуки. Убѣдившись въ этомъ отъ всей души, вы позволите дѣтямъ вдоволь и до устали наиграться и за всѣмъ тѣмъ останется еще довольно времени для ученья. Если съ умѣньемъ взяться за дѣло, то преподаваніе извѣстныхъ предметовъ послужитъ для нихъ отдыхомъ, а игра поученіемъ. Трудъ въ обоихъ случаяхъ одинъ и тотъ же. Они вообще не боятся

труда, а напротивъ, любятъ его. Разница лишь та, что въ игрѣ они дѣйствуютъ свободно и добровольно предаются труду, тогда какъ въ ученьи къ нему принуждаются. Доведите ихъ до того, чтобы они просили васъ поучить ихъ, какъ и сами они часто поступаютъ относительно своихъ товарищей; тогда вы доставите имъ такое же наслажденіе, какъ и настоящею игрой. Однако и это также не слѣдуетъ доводить до крайности и не упускать изъ виду другую заботу, а именно, ребенка заранѣе пріучать къ самообладанію. Все искусство, достойное нашихъ усилій, состоитъ въ томъ, чтобы душа дитяти добилась господства надъ самой собою и пріучалась по предварительномъ обсужденіи легко и охотно переходитъ отъ однихъ ревностныхъ занятій къ другимъ. Дѣтей сильнѣе всего отталкиваетъ отъ учебныхъ предметовъ то, что ихъ до устали держатъ при одной и той же отросли преподаванія. Заведите смѣну какъ между игрой и трудомъ, такъ точно и между различными работами и играми, и вы увидите, что дѣти скоро съ охотой послѣдуютъ за учителемъ.

Когда мальчикъ умѣетъ говорить, то пусть учится читать. Но это должно быть для него не работою, а игрою. Возрастъ его ненавидитъ принужденія. Пусть игрушки служатъ для обученія чтенію. Такъ напр. многогранникъ съ 25 плоскостями; на каждой изъ нихъ пишется по буквѣ и назначается премія за ту, которая выпадетъ. Когда мальчикъ ознакомился такимъ образомъ съ отдѣльными буквами, то переходите къ складамъ и чтенію. Первою книгою для чтенія могутъ служить Эзоповы басни, снабженныя по возможности картинками. Дѣти получаютъ первыя представленія не чрезъ слова, а черезъ предметы и изображенія предметовъ.—Отче нашъ, сумволъ вѣры и заповѣди мальчикъ долженъ заучить не чтеніемъ, а чрезъ подсказыванье на словахъ. Библія вообще не книга для дѣтскаго чтенія; изъ нея надо пользоваться только извлеченьями, служащими для упражненія въ чтеніи и для назиданья. — Писать начинайте съ указанія какъ держать перо; потомъ заставляйте по краснымъ буквамъ водить черными чернилами.

Изъ иностранныхъ языковъ когда мальчикъ, уже въ состояніи говорить на родномъ, пусть онъ учится прежде всего французскому, потому что этому обучаютъ единственно вѣрнымъ способомъ, а именно посредствомъ разговоровъ. Надо рано приступить къ изученію французскаго языка, оттого что впослѣдствіи труднѣе пріобрѣсть хорошій выговоръ.—Латынь слѣдовало бы, такъ же какъ и французское, изучать посредствомъ разговора и чтенія, — но не отъ людей, которые всю свою остальную жизнь вовсе не занимаются этимъ языкомъ. Избавьте дитя отъ латинской грам-

матики. Латинскіе разговоры должны быть поучительны также по содержанію и толковать о географіи, астрономіи, хронологіи, анатоміи, исторіи, вообще о предметахъ, находящихся въ предѣлахъ чувственнаго постиженія. Если нѣтъ никого хорошо говорящаго полатыни. то возьмите какую-нибудь занимательную книгу, хоть Эзоповы басни, и напишите англійскій, по возможности буквальный переводъ между строками такъ, чтобы надъ каждымъ латинскимъ словомъ стояло соотвѣтствующее ему англійское. Заставляйте мальчика каждый день читать и перечитывать этотъ переводъ, пока онъ не пойметъ совершенно латинскаго текста; потомъ онъ можетъ перейти къ другой баснѣ и по возможности чаще повторять ту, которую уже знаетъ, такъ чтобы удержать ее въ памяти. Пусть онъ списываетъ эти басни и при этомъ учитъ наизусть спряженія и склоненія. Послѣ Эзопа можно читать Юстина или Эвтропія; ученикъ можетъ воспользоваться какимъ-нибудь англійскимъ переводомъ. Болѣе точную грамматику слѣдовало бы преподавать ему только тогда, когда онъ уже говоритъ на этомъ языкѣ; она послужила бы ему подготовкой къ реторикѣ. Пусть ученикъ переводитъ съ латинскаго на свой родной языкъ и пріобрѣтаетъ при этомъ реальныя свѣдѣнья напр. знаніе минераловъ, растеній, животныхъ, особенно подѣлочнаго лѣса и плодовыхъ деревьевъ. Не задавайте ему ни латинскихъ сочиненій, ни рѣчей, ни стиховъ; крайне неразумно мучить ученика латинскимъ стихотворствомъ, если у него нѣтъ никакого поэтическаго таланта, да если бъ онъ и дѣйствительно обладалъ поэтическою жилкой, то подумайте только, что выиграетъ онъ, сдѣлавшись удачнымъ риѳмоплётомъ и добившись славы остроумнаго литератора, въ какихъ кружкахъ и мѣстахъ онъ будетъ расточать тогда свое время и сверхъ того свое состояніе. До сихъ поръ вѣдь очень рѣдко случалось, чтобы кто-нибудь открылъ золотые или серебряные пріиски на Парнассѣ. Но если вы хотите дѣйствительно сдѣлать изъ него стихотворца, то чтеніе лучшихъ греческихъ и латинскихъ поэтовъ послужитъ для этого гораздо лучшимъ средствомъ, нежели собственныя сочиненія плохихъ стиховъ не на родномъ языкѣ. Не заставляйте его выучивать наизусть большіе отрывки изъ классиковъ (языки изучаются путемъ чтенія и разговоровъ, а не затверживаньемъ большихъ отрывковъ изъ авторовъ); пусть изучаетъ только избранныя мѣста. Изощряется ли память долбленьемъ наизусть, это еще вопросъ; потому что крѣпкая память дается счастливою натурою, а не есть добытая упражненіемъ способность. Что сильно увлекаетъ душу и что доставляетъ ей наслажденіе, то лучше всего и удерживается ею.—Ученому необходимо знать греческій языкъ; кто же не посвятилъ

себя этому званію, для того онъ лишній. Было бы безплоднымъ трудомъ и напрасною тратою времени изучать языкъ, которымъ воспитанникъ никогда не будетъ пользоваться въ своемъ званіи и о которомъ, судя по природнымъ наклонностямъ отрока, можно разсудить впередъ, что послѣдній его совсѣмъ броситъ и забудетъ, когда достигнетъ зрѣлаго возраста и когда наставникъ покинетъ его.

Къ землеописанію, къ изученію странъ по глобусу и картамъ, можно рано приступить. Когда впечатлѣны въ памяти общія географическія свѣдѣнья, то можно приняться за начальныя правила ариѳметики; это самая легкая и слѣдовательно первая изъ лишенныхъ образовъ наукъ, которую способенъ воспринять дѣтскій умъ; притомъ она необходима въ практической жизни, такъ что безъ нея едва ли можно обойтись. Ни для кого не будетъ лишнимъ ни отличное знаніе счисленія, ни простое умѣнье считать; а потому мальчику необходимо, лишь бы онъ былъ къ тому способенъ, учиться счету и упражняться въ немъ каждый день. Коммерческую ариѳметику и бухгалтерію слѣдовало бы знать каждому образованному человѣку, не для того чтобы нажить имущество, а съ тѣмъ чтобы благоразумно и осмотрительно беречь его, не дѣлая пустыхъ расходовъ. Потомъ примитесь за астрономію съ помощью небеснаго глобуса; далѣе за геометрію, за первыя шесть книжекъ Эвклида. Пусть мальчикъ вмѣстѣ съ географіей изучаетъ хронологію, безъ которой исторія будетъ сбивчива. Самую исторію можно прежде всего преподавать посредствомъ чтенія латинскихъ классиковъ. Впослѣдствіи юноша пусть читаетъ о должностяхъ Цицерона, о должности человѣка и гражданина Пуфендорфа, потомъ о правѣ войны и мира Гроціуса и естественномъ и родовомъ правѣ Пуфендорфа. Этимъ путемъ молодой человѣкъ посвящается въ происхожденіе и цѣль человѣческаго общежитія и въ вытекающія изъ того для единичнаго лица обязанности. А потому образованный человѣкъ долженъ всегда имѣть подъ рукой эти сочиненія. Сверхъ того необходимо еще знаніе отечественной исторіи, поучающей его, какъ возникли отдѣльные законы и учрежденія и какое значеніе имѣютъ они для нашего времени. Юноша обязанъ изучить государственные уставы: знаніе ихъ необходимо для всякаго человѣка, какого бы то ни было сословія, такъ что переходя по всѣмъ должностямъ, начиная съ мирового судьи въ деревнѣ и до государственнаго министра при дворѣ, мы ни одной изъ нихъ не можемъ исполнить безъ законовѣдѣнья.—О логикѣ и реторикѣ, которыя въ школахъ слѣдуютъ тотчасъ же послѣ грамматики, я не упоминалъ до сихъ поръ оттого, что молодые люди извлекаютъ изъ нихъ мало пользы; и дѣйствительно, мнѣ никогда еще не случалось видѣть, чтобы люди по логикѣ и рето-

рикѣ научились вѣрно мыслить и изящно говорить. Чтобы научиться тому и другому, займитесь сочиненіями Цицерона. Пусть дѣти разсказываютъ короткія повѣсти и переводятъ для упражненія въ слогѣ Эзопа. Пуще всего настаивайте, чтобы они не столько полатыни, но скорѣе на родномъ языкѣ научились вѣрно говорить и писать. Пріучайте ихъ выражать свои мысли ясно и точно, безъ искаженій, безъ путаницы и грубости. Упражняйте ихъ при этомъ въ сочиненіи писемъ, необходимомъ во всѣхъ обстоятельствахъ жизни, такъ что безъ этого не обойдется ни одинъ человѣкъ съ нѣкоторымъ званіемъ. Не забывайте никогда: какими бы иностранными языками ни занимался молодой человѣкъ (чѣмъ болѣе онъ знаетъ ихъ, тѣмъ лучше), — но родной языкъ всегда долженъ сохранять за собою преимущество, и въ немъ онъ обязанъ упражняться ежедневно для достиженія яснаго и изящнаго выраженія. Натурфилософія, наука о происхожденіи, свойствахъ и дѣйствіяхъ вещей, распадается на ученіе о духѣ, — метафизика, и о тѣлахъ,—физика. Первая должна предшествовать и заимствуется изъ библіи, потому что иначе власть чувственнаго міра заглушитъ вѣру въ сверхчувственное. Пусть молодой человѣкъ читаетъ Декарта, чтобы ознакомиться съ ходячими мыслями въ философіи. Для изученія физики предлагается несравненный Ньютонъ: въ его превосходной книгѣ „Математическія начала естественной философіи“ („Philosophiae naturalis principia mathematica“) — дается образецъ, какъ математика, примѣняемая къ естествознанію, отъ наглядныхъ предметовъ доводитъ до пространственнаго постиженія всей природы.

Всякія научныя занятія должны идти въ извѣстномъ порядкѣ. Въ исторіи сообразуются съ временемъ. Въ философіи съ тѣмъ порядкомъ, какой господствуетъ и блюдется въ природѣ. То же относится и къ душѣ. Отъ знанія, которымъ дитя уже обладаетъ, переходятъ къ тому что ближе всего къ извѣстному. Такимъ порядкомъ подвигаются съ одной ступени на другую до высшей цѣли, какой стремятся достичь, и которая достигается, если только дитя по возможности само допытывается пріобрѣтаемыхъ имъ знаній, вмѣсто того чтобы заучивать наизустъ, не переваривъ ихъ.

Кромѣ всего изучаемаго въ наукахъ и чрезъ книги, для юноши знатнаго рода необходимы еще разныя искусства, пріобрѣтаемыя упражненіемъ, для которыхъ необходимо отвести извѣстное время и назначить особыхъ учителей.— Если мальчикъ пріобрѣлъ красивый и быстрый почеркъ, то долженъ не только поддерживать его тщательнымъ упражненіемъ въ письмѣ, но еще усовершенствовать свое искусство посредствомъ рисованья. Въ путешествіяхъ и т. п. рисованье послужитъ въ пользу молодому человѣку; часто

немногими чертами онъ въ состоянiи будетъ изобразить— зданiя, машины, одежды и пр.,—чего не объяснить никакими многословными описанiями. Но я не хочу, чтобы онъ сдѣлался живописцемъ; на это потребовалось бы болѣе времени, чѣмъ сколько остается у него отъ другихъ важнѣйшихъ занятiй. Ему достаточно прiобрѣсти знанiе перспективы и умѣнье рисовать настолько, чтобы онъ могъ набросать на бумагѣ очерки встрѣчающихся предметовъ, за исключенiемъ человѣческаго лица. Если онъ одаренъ способностью къ рисованью, то скоро выучится; если же нѣтъ, то нечего ему напрасно трудиться. Ибо nihil invita Minerva, т. е. оставьте то, къ чему вы не одарены отъ природы: вотъ правило для всѣхъ не безусловно необходимыхъ - предметовъ.—Танцы придаютъ грацiю нашимъ движенiямъ и этому слѣдовало бы учиться по возможности ранѣе. Но учитель танцованья долженъ знать, въ чемъ состоитъ грацiя; а иначе онъ не годится, и тогда лучше, если-бъ его вовсе не было. Прыжки и фигурные танцы изгоняются. Музыка сродни танцамъ и весьма уважается многими. Но требуется слишкомъ много времени для того только, чтобы молодой человѣкъ научился хотя посредственно играть на инструментѣ. Сверхъ того онъ вслѣдствiе этого часто попадаетъ въ разныя безпутныя общества, а потому многiе того мнѣнiя, что лучше было бы сберечь это время. Могу только замѣтить: между высокопоставленными и научными людьми я рѣдко слышалъ, чтобы хвалили и уважали кого-нибудь за музыкальное искусство, а потому изъ всѣхъ предметовъ музыкѣ я отвожу послѣднее мѣсто. Наша жизнь коротка, такъ что мы не въ состоянiи достичь всего: оттого и духъ нашъ не можетъ находиться въ непрерывномъ напряженiи; за всякимъ трудомъ долженъ слѣдовать отдыхъ, и отнюдь нельзя отказать въ немъ молодымъ людямъ, если не хотимъ преждевременно довести ихъ до могилы или до второго дѣтства. Поэтому-то и слѣдуетъ посвящаемое ученiю время употреблять на самые полезные предметы и стараться достичь ихъ кратчайшимъ путемъ.—Молодой человѣкъ изъ знати долженъ обучаться верховой ѣздѣ. Фехтованье полезно для здоровья; но настолько-ли оно важно и стóитъ-ли того, чтобы изъ него дѣлать особый урокъ, на что тратится болѣе времени, чѣмъ требуется для здоровья,—объ этомъ предоставляю судить родителямъ и педагогамъ.—Пусть юноша изъ высшаго сословiя для отдыха изучаетъ ремесло, въ городѣ плотничье, столярное, токарное, а въ деревнѣ садоводство и сельское хозяйство,—частью ради движенiя и развитiя тѣла, частью ради пользы самаго предмета и для прiобрѣтенiя болѣе вѣрнаго пониманья жизни и людей.— Играть въ карты и кости никому не слѣдуетъ: но такъ какъ все-таки приходится жить въ свѣтѣ, котораго не пе-

редѣлаешь, къ которому напротивъ того необходимо примѣниться, насколько то допускается благоразуміемъ и добродѣтелью; такъ какъ игра сама по себѣ не запрещена и Богъ не возбраняетъ человѣку отдыха послѣ трудовъ; такъ какъ наконецъ въ большихъ обществахъ благодаря игрѣ предупреждаются большею частью чрезмѣрныя попойки, дурныя рѣчи и т. п.,—то я нахожу, что лучше самому научить молодого человѣка игрѣ, нежели предоставить это другимъ, лишь бы внушить ему притомъ главное правило, чтобы онъ отнюдь не имѣлъ въ виду выигрышъ, но игралъ бы единственно для доставленія удовольствія себѣ и другимъ.—Самое неудобное время для путешествія съ цѣлью изучать иностранные языки, отъ 16 до 20 лѣтняго возраста, когда юноша слишкомъ уже старъ для изученія языковъ и слишкомъ еще молодъ для того, чтобы пріобрѣсти знаніе людей, но какъ разъ въ настоящей порѣ для того, чтобы вести распутную жизнь. Если непремѣнно хотите путешествовать, то дѣлайте это лучше всего въ болѣе зрѣломъ возрастѣ, когда будете въ состояніи наблюдать самостоятельно, когда ознакомитесь съ жизнью родного края настолько, чтобы обмѣняться личными знаніями и опытомъ съ тѣми, кого посѣтите въ чужой странѣ. Отсюда выйдетъ настоящая польза. Непонятно въ самомъ дѣлѣ, какую прибыль извлечетъ юноша при гувернерѣ, если послѣднему придется за него все дѣлать и обо всемъ думать, такъ что молодой человѣкъ никоимъ образомъ не можетъ стать на собственныя ноги.

Педагогика Локка — это педагогика полезнаго и практическаго. Его идеалъ—благовоспитанный и благонравный свѣтскій человѣкъ. Человѣкъ съ хорошей головой—прибавляетъ Локкъ—послѣ самъ собою пріобрѣтетъ ученость; Ньютонъ самоучкой сдѣлался однимъ изъ величайшихъ математиковъ.—Локкъ былъ человѣкомъ практической жизни. Это обнаруживается какъ въ его педагогическихъ правилахъ, такъ и въ религіозныхъ воззрѣніяхъ. Основную мысль его религіознаго взгляда составляетъ идея чисто человѣческой нравственности. Насколько религія не извратилась въ суевѣріе и обманъ со стороны духовенства, настолько и откровеніе согласно съ человѣческимъ разумомъ. Ни одна изъ существующихъ церквей не пользуется особеннымъ превосходствомъ. Евангеліе любви и терпимости достигнетъ всеобщаго владычества. Совѣсть и вѣра гражданъ только тогда подлежатъ власти и суду правительства, когда само религіозное общество ведетъ къ безнравственнымъ и преступнымъ поступкамъ.—Въ правительственной жизни Локкъ отдѣляетъ законодательную власть отъ исполнительной. Законодательная—высшая власть въ государствѣ: она исходитъ отъ

народа и при немъ всегда остается. Исполнительная же, заключающая въ себѣ судебную и военную власть, назначена лишь исполнять издаваемые народомъ законы. Король не что иное какъ глава этой исполнительной и военной власти. Онъ пользуется извѣстными преимуществами, для того чтобы въ нѣкоторыхъ непредусмотрѣнныхъ законодательствомъ случаяхъ, въ силу своей верховной власти, но въ предѣлахъ предписанныхъ ему уставовъ, споспѣшествовать общественному благу. Кто злоупотребляетъ этими преимуществами, тотъ деспотъ или тиранъ, и народъ въ полномъ правѣ свергнуть его.

Эта первая теорія конституціонализма, содержащая въ зародышѣ мысли Монтескье и Руссо, не что иное какъ оправданіе англійскаго народа по поводу его революціи и подтвержденіе его вновь отвоеванной свободы. Англійская революція—этотъ второй великій подвигъ германскаго духа, послѣ того какъ въ первомъ на религіозномъ поприщѣ чрезъ церковную реформу 1517-го г. Нѣмцами заявлено внутреннее самодержавіе особи—ставитъ основнымъ правиломъ самоуправленіе народа и подчиняетъ закону какъ короля, такъ и народъ.

Трезвый, одаренный проницательнымъ умомъ, но скуднымъ чувствомъ и ограниченною идеальностью, Локкъ оказалъ услугу тѣмъ, что устранилъ всѣ Декартовы мечты о прирожденныхъ идеяхъ. Если онъ душу принимаетъ за чистый листъ (tabula rasa), который исписывается лишь отъ соприкосновенія съ внѣшнимъ міромъ, то онъ, что касается духовнаго содержанія, вполнѣ правъ, и вслѣдствіе этого строго доказаннаго имъ воззрѣнія, его слѣдуетъ считать отцомъ новѣйшей нѣмецкой психологіи, которая, въ лицѣ Гербарта и Бенеке, приходитъ къ тѣмъ же самымъ выводамъ. Но они, точно такъ же какъ и онъ, упускаютъ изъ виду, что всякій человѣкъ представляетъ собою „особое сочетаніе человѣческихъ элементовъ“, всякая особь—оригиналъ, и они потому не могутъ постичь ни человѣческой индивидуальности, ни оригинальности, ни геніальности богоодаренныхъ особей. Дуализмъ Декарта, противоположность между пространственной и мыслящей субстанціей, между тѣломъ и духомъ, Локкъ пытается преодолѣть тѣмъ, что разсматриваетъ матерію какъ первичное, а душевную жизнь какъ вторичное начало и считаетъ матеріальность послѣдней хотя и невѣроятною, но не невозможною. Онъ такимъ образомъ проложилъ путь матеріализму, который, какъ извѣстно, считаетъ мышленіе однимъ изъ свойствъ, приписываемыхъ матеріи,—свойствомъ, доходящимъ до полнаго своего проявленія лишь въ высшемъ матеріальномъ твореніи т. е. въ человѣкѣ. Нѣмецкіе идеалисты, подъ водительствомъ великаго Лейбница, опровергали его съ бо́льшимъ или меньшимъ успѣхомъ, но всѣ они упускали

изъ виду, что введенное уже Аристотелемъ въ философію объективное понятіе о субстанціи неспособно быть исходною точкою идеалистической философіи, потому что для проницательнаго взгляда и послѣдовательнаго мышленія оно всегда окажется тѣмъ, что и есть на самомъ дѣлѣ: а именно матеріей. Впрочемъ, трезвость Локкова воззрѣнія вполнѣ отвѣчаетъ англійскому духу, поскольку послѣдній не стѣсняется рутиннымъ догматическимъ правовѣріемъ и не сдерживается имъ въ извѣстныхъ предѣлахъ. Локкъ—англичанинъ до мозга костей, и его принципъ воспитанія тотъ же самый, по которому развивается англійскій народъ. А потому и его теорія воспитанія въ исторіи педагогики имѣетъ такое же значеніе, какое англійскій народъ на поприщѣ всемірной исторіи. Въ свое время онъ былъ энергическою оппозиціею противъ преобладавшаго до него протестантски-схоластическаго воспитанія, дѣйствительнымъ протестомъ противъ тогдашняго ученаго школьнаго педантизма;—а для всемірноисторическаго развитія педагогики онъ послужилъ толчкомъ къ тому, что воспитаніе стало основываться на психологическихъ здравыхъ воззрѣніяхъ и обращать существеное вниманіе на дисциплину и образованіе характера вообще,—это трезвый Руссо, добивающійся отъ единичной особи того же, что французскій философъ переводитъ на коллективную особь, на народъ,—требующій отъ дѣтей высшихъ званій того же, что Руссо поставляетъ теоріею для всѣхъ сословій, вообще—имѣющій въ своихъ педагогическихъ правилахъ въ виду практическую примѣнимость, тогда какъ Французъ, въ своей страстной оппозиціи противъ существующаго, становится одностороннимъ и отвлеченнымъ, — это спокойный англійскій реформаторъ,на плечи котораго сталъ и оперся французскій революціонеръ.

Англійскія школы во время Локка не имѣли никакого понятія о тѣхъ условіяхъ и требованьяхъ, какія великій англійскій педагогъ предъявлялъ воспитанію. Онѣ поставили себѣ задачею отстоять стародавнія начала и школьную рутину. Во всемъ обнаруживалась дрессировка—„чистая разсудочная культура, сдѣлавшая даже отношеніе между учениками и учителями внѣшнимъ только дѣломъ, лишеннымъ всякаго нравственнаго и задушевнаго вліянія послѣднихъ, словомъ—грамматико-педагогическое школярство". Въ высшихъ слояхъ процвѣтала, какъ мѣтко замѣчаетъ Шереръ, дрессировка—черезъ французскихъ аббатовъ и нянекъ, а въ среднихъ — благодаря тугой школьной филологіи и ограниченью преподаванья сухими формами языка, при полномъ пренебреженіи реальной стороны не только знанія вообще, но также и предметовъ, почти исключитель-

но тогда изучаемой науки древности. Противъ этого духа дрессировки, тяжкимъ гнетомъ налегавшаго какъ на англійскія, такъ и вообще на европейскія школы, и не дававшаго вздохнуть индивидуальности учениковъ, возставалъ уже духъ свободы. Монтень и Шарронъ пытались уже разорвать крѣпкія узы; янсенисты настаивали на возбужденіи духовной самостоятельности и нравственной чистоты противъ реалистической и натуралистической натаски іезуитскихъ школъ; А. Варетъ написалъ наставленіе для воспитанія дѣтей въ самомъ раннемъ возрастѣ, П. Николь обратилъ уже вниманіе на отношеніе между интеллектуальнымъ и нравственно-религіознымъ образованіемъ. Тогда явился Локкъ и, слѣдуя общему потоку эпохи, пытался своимъ сочиненіемъ „о воспитаніи" расторгнуть закоснѣлыя и крѣпкія узы, налагаемыя на юные умы. И дѣло это, служившее выраженіемъ злобы дня, не могло не оказать сильнаго вліянія. Тотчасъ же по выходѣ въ свѣтъ книги друзья Локка стали производить опыты надъ новымъ методомъ воспитанія. Другъ его, членъ Дублинскаго парламента Молинё и семейство Машамъ, съ которыми онъ занималъ одинъ домъ, воспитали своихъ дѣтей по этому методу, и 7-го мая 1695-го года Молине уже писалъ автору: „Если-бъ я не боялся показаться черезчуръ тщеславнымъ, то сообщилъ бы вамъ о чрезвычайныхъ успѣхахъ, какіе вашъ методъ оказалъ на моихъ дѣтей". Впрочемъ, какъ бы сильно частныя лица въ Англіи ни были увлечены педагогическими идеями Локка,— но ледяная кора англійскихъ школъ казалась непроницаемою.

19.

РЕАЛИСТИЧЕСКАЯ ОППОЗИЦІЯ ПРОТИВЪ СХОЛАСТИЧЕСКОЙ ОРТОДОКСІИ ВЪ ГЕРМАНІИ.

Нѣмецкія народныя и ученыя школы. Мошерошъ, Шуппій и Андреэ. Ратихій и Коменіусъ.

Тридцатилѣтняя война была для Германіи грозною, величественною трагедіею, отдѣльными явленіями которой были поджоги, грабежи и убійства, насилованья дѣвицъ и женъ на спинахъ ихъ связанныхъ отцовъ и мужей, избіенія жителей, злостное уничтоженіе жилищъ, скота и хлѣба въ завоеванныхъ мѣстахъ. Всякія поползновенія человѣчности попирались ногами,—общественныя узы расторгались,—поля не воздѣлывались,—мастерскія пустѣли,—

Германія одичала и обратилась въ пустыню. Вся вообще государственная жизнь Нѣмцевъ вслѣдствіе великаго разрушительнаго процесса тридцатилѣтней войны стала пустою формою; онъ—говоритъ г. Фрейтагъ—отодвинулъ Нѣмцевъ относительно благосостоянія, числа жителей и политическаго развитія въ сравненіи съ ихъ соплеменниками въ Англіи на два столѣтія назадъ. Поневолѣ приходится напоминать, что этотъ процессъ убилъ по малой мѣрѣ $^2/_3$, если не $^3/_4$ людей, гораздо бо́льшую еще часть ихъ имущества и скота, что онъ развратилъ нравы, искусство, образованіе и энергію тѣхъ, кому было дано пережить его. Изъ остатковъ сохранившейся послѣ него нѣмецкой жизни медленно и неуклюже развился современный характеръ Нѣмцевъ: разъединенность подъ деспотическими правительствами.

Даже само среднее сословіе было заражено какъ этими ужасами, такъ и догматическою закоснѣлостью ортодоксіи и примѣрами презрѣнія къ благонравію и супружеской вѣрности. Даже въ домахъ чисто лютеранскихъ профессоровъ въ Тюбингенѣ между дочерьми нерѣдко случались беременности внѣ брака, вытравленія плода и прелюбодѣйства.—Но и среди этой распутной жизни все-таки были единичныя жены, которыя блюли еще лучшія преданія нѣмецкаго семейнаго быта. Нашлись еще истинныя жены и матери; нашлись еще дѣвственницы, удалявшіяся отъ безпутнаго разгула въ „дѣвичьи монастыри", съ тѣмъ чтобы предаться благочестивому созерцанію; нашлись наконецъ женщины, принявшія участіе въ ученыхъ, религіозныхъ и поэтическихъ стремленіяхъ эпохи, какъ напр. Анна Овена Гойеръ изъ Голштиніи, поборница противъ лютеранской ортодоксіи, Анна Марія фонъ Шурманнъ изъ Кёльна, мастерица играть на лютнѣ и вышивать, усвоившая себѣ заразъ 14 языковъ и защищавшая въ диспутахъ протестанство противъ іезуитизма.

Искусства и науки оскудѣли; и то уже значило много, что они не совсѣмъ еще заглохли отъ ужасовъ войны. Мартинъ Опицъ (отъ 1597-го до 1639-го г.) водрузилъ знамя нѣмецкаго языка и образованія; но представилъ также въ своей „книгѣ о нѣмецкой поэзіи" теорію, которая отклонилась отъ хорошихъ образцовъ древнихъ, Французовъ, Испанцевъ, Итальянцевъ и Голландцевъ, исполнилась глубокаго почтенія къ иностранной литературѣ и задала тонъ, по которому первая и вторая силезская поэтическая школа „изготовляла" чопорныя стихотворенія—(исключеніе составляютъ только глубоко прочувствованная духовная и свѣтская лирика Павла Флемминга и драматическіе опыты Грифіуса).—Въ этомъ крайнемъ неустройствѣ эпохи Нѣмцы утратили національный духъ дотого, что письменность, а вмѣстѣ съ тѣмъ и поэзія, чаяли себѣ спасенія только въ пош-

ломъ подражаніи чуждому. Прежде всего высшее общество стало презирать языкъ, на которомъ поэзія мейстерзенгеровъ окоченѣла въ мѣщанскій педантизмъ и свирѣпствовало теологическое изувѣрство. Вслѣдствіе этого обратились къ классической литературѣ, и вотъ отчего въ 16-мъ и 17-мъ столѣтіяхъ иныя нѣмецкія дамы знали латынь и греческій языкъ,—или прибѣгали къ романскимъ языкамъ, изъ которыхъ итальянскій уже имѣлъ за собою классическую литературную эпоху, а французскій приступалъ къ ней при Людовикѣ XIV. Французскій языкъ особенно началъ господствовать въ Германіи, но не безъ вліянія на нее кальвинизма. Пфальцскій, Гессенскій и Нассау-оранскій дворы сдѣлали въ этомъ отношеніи почипъ: французскій языкъ сталъ придворнымъ, и нѣмецкая аристократія скоро унизилась до обезьянства французскому обществу. Не помогло даже противодѣйствіе благороднаго князя Людвига Ангальтъ-Кётенскаго, который изученіемъ и въ путешествіяхъ ознакомился съ содержаніемъ и формою и враждебно смотрѣлъ на пошлое пристрастье ко всему иноземному; онъ учредилъ орденъ „Плодоносное Общество", „въ которомъ старались бы говорить и писать на чистомъ нѣмецкомъ нарѣчіи и всѣми мѣрами содѣйствовали бы подъему родного языка":—французскій языкъ, французское платье, французская пища, утварь, французскіе танцы, музыка и французская болѣзнь были лозунгомъ дня. Все что исходило изъ Парижа вошло въ моду. Вмѣстѣ со второю силезскою поэтическою школою появилась литература распутства. Вслѣдствіе французскаго обезьянства эстетическое, а вмѣстѣ съ тѣмъ и нравственное чувство огрубѣло дотого, что циническое стихотвореніе Бессера „лоно возлюбленной" понравилось даже Лейбницу, и онъ послалъ его курфюрстинѣ Софьѣ Ганноверской; она восхищалась имъ, въ высшей степени старалась даже распространить его въ знатномъ дамскомъ обществѣ и отъ души благодарила автора. Нѣмецкое нарѣчіе во вторую половину 17-го и въ началѣ 18-го столѣтій представляло отвратительную смѣсь нѣмецко-латинской учености и педантства съ французскою пошлою галантерейностью,—какой-то ломаный, латинскими и французскими блестками крайне неуклюже пересыпанный нѣмецкій лепетъ.

Въ зодчествѣ было то же, что и въ поэзіи: въ немъ вслѣдствіе смѣси итальянскаго стиля съ чужестранными элементами преобладалъ стиль рококо, отдѣлившій орнаментъ отъ архитектурнаго организма и обратившій декорацію въ главное дѣло.

Изъ всѣхъ остальныхъ искусствъ въ Германіи въ эту эпоху преуспѣвала только музыка: церковная пѣснь и музыка справляли теперь свой классическій періодъ. Самъ Лютеръ словомъ и дѣломъ споспѣшествовалъ церковной

пѣснѣ, и вскорѣ возникшія изъ классической его эпохи (Лютеръ, Цвингли, Іонасъ, Альберусъ, Сператусъ, Рингвальдтъ, и пр., вершинная точка Павелъ Гергардтъ, 1606—76) пѣснопѣнія раздались въ вполнѣ національномъ продуктѣ боговдохновеннаго времени,—въ хоралѣ, который тѣснымъ сліяніемъ мелодико-гармоническаго элемента стараго церковнаго пѣнія и ритмическаго разнообразія народныхъ напѣвовъ произвелъ новыя творенія; затѣмъ Себастіанъ Бахъ (1685—1750), этотъ геніальный властитель въ мощно льющихся потокахъ фугъ съ побѣдоноснымъ духомъ, какимъ вдохновляется только опирающееся на Богѣ *я*, пропѣлъ вѣчное содержаніе христіанства, а Гендель (1684—1759) въ глубоко вдумчивыхъ звукахъ примирилъ между собою Бога и міръ, признавъ за обоими, какъ въ связи такъ и во взаимнодѣйствіи, ихъ истину и право.

Въ связи съ искусствомъ, доблестно и сильно ратовало противъ ортодоксіи естествознаніе въ лицѣ великаго астронома *Кеплера*. Своими выкладками надъ Марсомъ Кеплеръ доказалъ, что движеніе планетъ совершается по эллипсамъ, въ фокусѣ которыхъ находится солнце, и каждая планета движется по своему пути такъ, что радіусъ-векторъ въ равныя времена описываетъ равныя площади. Къ этимъ двумъ міровымъ законамъ онъ открылъ еще третій: квадраты временъ обращенія планетъ относятся другъ къ другу какъ кубы ихъ среднихъ разстояній отъ солнца. Но генію, умѣвшему удовлетворить только высокимъ умамъ, суждено было, конечно, умереть съ голоду: онъ скончался въ 1630-мъ г. въ Регенсбургѣ, куда отправился изъ Ростока, съ тѣмъ чтобы у имперскаго сейма испросить средства къ пропитанію. Онъ жилъ однако не даромъ: съ этихъ поръ человѣческій умъ узналъ естественные законы, по которымъ вращаются свѣтила небесныя.

Съ геніемъ естественныхъ наукъ вступилъ въ связь геній философіи, олицетворенный въ Лейбницѣ (1646—1716). Для него малѣйшая частица матеріи являла міръ существъ, тварей, животныхъ, энтелехій. Каждая часть вещества выражала для него вселенную. Вся природа полна душъ или по крайней мѣрѣ существъ подобныхъ душамъ, и въ дѣйствительности существуютъ однѣ только монады, т. е. простые и вслѣдствіе ихъ простоты не разлагаемые, но возникшіе путемъ творчества и не подлежащіе уничтоженію элементы вещей. Все, кромѣ монадъ, одно только проявленіе отъ нихъ и изъ нихъ. Монада всѣхъ монадъ—Богъ, абсолютно совершенный, первичное единство или коренная простая субстанція. Всѣ созданныя или производныя монады суть его порожденія и возникаютъ вслѣдствіе безпрерывнаго лучеиспусканія, вслѣдствіе фульгураціи божества въ каждый мигъ,—опредѣленной воспріимчивостью твари, которой при-

суща ограниченность. Весь міръ такимъ образомъ непрерывное творчество Божіе, и изъ безконечнаго множества вселенныхъ въ идеѣ Божьей онъ лучшій изъ міровъ, какой могъ быть постигнуть мудростью, избранъ благостью и созданъ могуществомъ Его. Оттого онъ и не лишенъ недостатковъ, и даже физическое зло въ видѣ боли и нравственное въ качествѣ грѣха совключены въ его устройствѣ. Божескій и человѣческій разумъ не противорѣчатъ одинъ другому: они относятся другъ къ другу какъ цѣлое къ частямъ своимъ. Потому-то разумъ и есть послѣдняя инстанція. Онъ въ откровеніи имѣетъ право изслѣдовать, но долженъ различать между „превышающимъ разумѣніе и противорѣчащимъ ему“ (supra и contra rationem), и въ чудѣ природы признать одно лишь превышающее разумѣніе, неизвѣстный доселѣ естественный законъ.— Лейбницъ оживотворилъ всю природу, смотрѣлъ на весь міръ, какъ на духъ и благодаря этому, какъ онъ самъ выражается, примирилъ Платона съ Демокритомъ, Аристотеля съ Декартомъ, схоластиковъ съ современниками, религію съ разумомъ. Такимъ образомъ онъ существенно содѣйствовалъ паденію ортодоксіи, вмѣстѣ съ тѣмъ открылъ новые пути и сообщилъ сильные толчки въ области математики изобрѣтеньемъ дифференціальнаго исчисленія, точно также въ области физики, государственнаго права и исторіи, а введя въ употребленіе родной языкъ при рѣшеніи научныхъ вопросовъ, онъ заставилъ уважать и прославилъ нѣмецкую науку.

За нѣмецкій языкъ и свободу духа такъ же энергично, какъ Лейбницъ, ратовалъ великій просвѣтитель 17-го столѣтія, Христіанъ Томазіусъ (1655—1728). Онъ обладалъ большою ясностью ума, неутомимою дѣятельностью и глубокимъ постиженіемъ всѣхъ отраслей науки; ратуя за свободу мысли, онъ энергично и настойчиво отстаивалъ свои убѣжденія.—какъ сильный характеръ, онъ не стерпѣлъ желѣзнаго ярма, наложеннаго лютеранствомъ взамѣнъ деревяннаго папскаго и отважно сбросилъ его,—это былъ мощный поборникъ противъ вѣры въ колдовство и противъ гоненія вѣдьмъ. Несмотря на то, что студенты въ Лейпцигѣ въ 1688-мъ г. бѣжали съ его первой лекціи, оттого что онъ показался имъ черезчуръ вольнодумнымъ и совершилъ неслыханное преступленіе, читая лекцію на нѣмецкомъ языкѣ; несмотря на то, что въ Лейпцигѣ имущество его было конфисковано и уже приготовлены были цѣпи сковать его, за то что въ особомъ сочиненіи онъ защищалъ бракъ герцога Морица Цейцскаго съ реформатскою принцессою Брандербургскою: онъ въ Галле, пріютившемъ у себя бѣглеца, все-таки продолжалъ употреблять на своихъ лекціяхъ нѣмецкій языкъ, высвобождать науку изъ

подъ желѣзнаго ярма схоластики и распространять всеобщее философское просвѣщеніе. Тамъ, въ Галле, благодаря Томазіусу въ то время и въ теченіе какихъ-нибудь двадцати или тридцати лѣтъ, по выраженію Іоанна Мюллера, стародавнее было вновь одушевлено и употреблено съ гораздо большею пользою, нежели прежде въ пять разъ должайшій противъ того срокъ.

Заодно со всеобщею культурою понижается и повышается и учебная система. То же самое было и въ Германіи.

Повсемѣстное опустошеніе тридцатилѣтней войны прежде всего коснулось *высшихъ школъ*. Съ упадкомъ всеобщаго благосостоянія учебныя заведенія также лишились средствъ къ содержанію, и по мѣрѣ того какъ усиливались внѣшнія бѣдствія, ослабѣвало также и стремленіе къ духовному развитію. Протестантская школа во Фридбергѣ, въ Гессенѣ, сперва лишилась многихъ учениковъ вслѣдствіе возникшихъ отъ войны чумы и бѣдности, а потомъ была доведена австрійцами и баварцами чуть-ли не до совершеннаго упадка: въ 1631-мъ г. Густавъ Адольфъ послѣ битвы подъ Лейпцигомъ опять возстановилъ ее. Протестантская гимназія въ Герсфельдѣ въ 1629-мъ была передана католическому священнику и іезуитскимъ учителямъ, въ 1632-мъ опять управлялась протестантскими учителями, а въ 1634-мъ императорскій генералъ Гётцъ почти совсѣмъ уничтожилъ ее: она едва прозябала, пока опять не ожила послѣ вестфальскаго мира. Въ Шульпфортѣ въ 1632-мъ, 1636-мъ и 1637-мъ гг. вынуждены были вслѣдствіе войны распускать пансіонеровъ; а въ 1639-мъ тамошніе учители и ученики разсѣяны были конницею Баннера; вернувшись послѣ этого, одинъ священникъ и 5 пансіонеровъ вынуждены были до жатвы питаться овсянымъ хлѣбомъ; когда въ 1643-мъ г. праздновался 100-лѣтній юбилей заведенія, то въ торжествѣ могли участвовать всего 11 воспитанниковъ. Въ Мейссенѣ въ 1632-мъ г. вслѣдствіе опустошеній осталось всего 36 пансіонеровъ при 3 столахъ; въ октябрѣ того же года императорскіе солдаты отобрали всѣ запасы въ школѣ, такъ что и остальные ученики вынуждены были отправиться къ себѣ домой, пока не вызвали ихъ опять въ слѣдующемъ затѣмъ году въ августѣ мѣсяцѣ. Въ Гросглогау священники и учители должны были покинуть городъ: въ теченіе 4 лѣтъ община лишена была какъ богослуженія, такъ и школы; даже послѣ вестфальскаго мира господствовалъ позорный гнетъ со стороны католиковъ; лишь въ 1707-мъ г. воспослѣдовало освобожденіе по альтранштедтскому миру. Гимназія въ Старгардѣ въ 1635-мъ г. во время осады города предана была пламени императорскими войсками: учители и ученики разсѣялись,

и только въ 1643-мъ г. городъ опять получилъ ректора. Гимназія въ Гольдбергѣ въ 1621-мъ г. совсѣмъ прекратилась: изъ доходовъ ея герцогъ Георгъ Рудольфъ основалъ въ 1648-мъ г. княжескую школу при церкви св. Іоанна въ Лигницѣ.

После тридцатилѣтней войны латинскія школы, сообразуясь съ измѣнившеюся эпохою, приняли другой видъ. Правда, въ появившихся непосредственно по заключеніи мира учебныхъ уставахъ латинскій языкъ все еще былъ главнымъ предметомъ преподаванія, затѣмъ слѣдовалъ греческій. Однако эти древніе языки, какъ замѣчаетъ Раумеръ, изучались уже не по старому, и въ кругъ преподаванія исподоволь все болѣе и болѣе вводились новые предметы. Теперь вмѣсто того, чтобы дурно говорить по-латыни, ученикамъ велятъ скорѣе молчать и постояннымъ чтеніемъ классиковъ научиться и навыкать говорить правильно. Съ этихъ поръ не употребляются болѣе по-латыни написанныя грамматики, а вводятся составленныя по-нѣмецки (нѣмецкая грамматика Зейбольда). Штурмъ пользовался латинскими школьными драмами какъ средствомъ и цѣлью способствовать умѣнью говорить по-латыни; и помимо драмъ Теренція и Плавта представлялись піэсы съ библейскимъ содержаніемъ, напр. comedia sacra de nativitate Christi *) во Франкфуртѣ при ректорѣ Гирцвигѣ, для того, чтобы устранить ими соблазны старыхъ комедій и все-таки споспѣшествовать цѣлямъ латинскаго разговора. Теперь давались представленія изъ свѣтской исторіи, нравственныя тенденціозныя піэсы, оперы и пасторали, и важнѣйшею цѣлью при этомъ считалось общественное образованіе. Христіанъ Вейзе, ректоръ въ Циттау, начиная съ 1678-го и до 1708-го г., назначалъ школьныя представленія въ праздникъ архистратига Михаила; въ первый день давалась библейская, во второй историческая піэса, а въ третій собственнаго сочиненія, къ которой иногда въ видѣ четвертой прибавлялся еще какой нибудь фарсъ. Его школьныя драмы, которыхъ онъ сочинилъ числомъ болѣе 100, главною цѣлью имѣли практическое образованіе для жизни: учениковъ надлежало пріучить правильно выражаться и поощрить къ пристойной смѣлости; сверхъ того они обучались также вѣрному произношенію и мимикѣ. Піэсы своимъ содержаніемъ должны были въ пріятныхъ рѣчахъ и примѣрахъ предлагать правила благоразумія и добродѣтели.

Итакъ, латинскій языкъ пересталъ быть вторымъ роднымъ языкомъ, хотя и впредь все еще оставался органомъ такъ называемой ученой республики. Нѣмецкій—сдѣлался административнымъ, а французскій дипломатическимъ языкомъ;

*) Священная комедія о Рождествѣ Христовомъ.

латинскій же остался у католиковъ языкомъ библіи. культа и куріи. Съ этой поры въ школахъ раздавалась нѣмецкая рѣчь: она вошла въ составъ предметовъ преподаванія и вскорѣ оказала такіе успѣхи, что директоръ Циттауской гимназіи, Мюллеръ, въ 1725-мъ г. могъ сказать: „Изъ языковъ преимущество остается за роднымъ, такъ какъ онъ служитъ частью образцомъ, по которому слѣдуетъ изучать и объяснять всѣ другія нарѣчія,—частью важнѣйшимъ средствомъ для сообщенія всей нашей учености простому люду. Потому-то во всѣхъ школахъ необходимо съ ранней молодости и до конца постоянно заниматься нѣмецкимъ языкомъ и пользоваться имъ какъ главнымъ орудіемъ, для того, чтобы проявить на свѣтъ произведенія всякаго ума.“ Гамбургскій учебный уставъ отъ 1732-го г. ограничилъ латинскіе разговоры и диспуты двумя высшими классами и требовалъ, чтобы начальныя основанія нѣмецкаго языка преподавались заблаговременно, а именно тотчасъ же въ четвертомъ (низшемъ) классѣ, и чтобы въ первомъ (высшемъ) споспѣшествовали этому чтеніемъ хорошихъ нѣмецкихъ книгъ и задавались настоящія подражанія въ нѣмецкихъ письмахъ, рѣчахъ и пр.

По мѣрѣ того какъ латинскій языкъ отошелъ на задній, а родной выступилъ на передній планъ, французская рѣчь, проникшая въ нѣмецкую, завелась также и въ школахъ. Вскорѣ французскій языкъ стали считать необходимымъ, а эта необходимость въ свою очередь повела къ увольненію учениковъ отъ греческаго. Заодно съ французскимъ пробралось туда же и французское раболѣпство. Учениковъ изъ знати стали отличать отъ остальныхъ и обращаться съ ними совершенно особенно. Въ Гёрлицской гимназіи для дворянъ была особенная программа, изъ которой исключалось греческое. Математика имъ тоже преподавалась особенно. „Мы отличаемъ—сказано между прочимъ—дѣтей дворянъ и знати отъ остальныхъ низшаго происхожденія частью тѣмъ, что вводимъ ихъ въ болѣе близкое, дружеское и тѣсное сношеніе съ учителями, обращаясь съ ними крайне пристойно и вѣжливо, частью также тѣмъ, что увольняемъ ихъ отъ извѣстныхъ обязанностей, какимъ должны подчиняться остальные“. Съ этой же цѣлью въ преподаваніи новѣйшей исторіи обращалось вниманіе на геральдику и генеалогію. Танцы также введены были въ гимназіи. Внутреннее противорѣчіе въ различномъ обращеніи съ дворянскими и мѣщанскими воспитанниками повело впослѣдствіи къ особымъ учебнымъ заведеніямъ для дворянской молодежи въ Галльскомъ институтѣ, потомъ еще къ Лигницской, Люнебургской, Бранденбургской и т. п. дворянскимъ академіямъ.

Взамѣнъ прежняго формализма вошло въ гимназію чрез-

вычайное множество предметовъ преподаванія. Помимо остальныхъ учебныхъ предметовъ преподавали еще стратегію, гражданскую архитектуру, астрономію, гномонику, ботанику, теоретическую и практическую философію. Въ учебный уставъ вошли исторія, геометрія, сферика и еврейскій языкъ. Но относительно этихъ отдѣльныхъ предметовъ въ разныхъ школахъ господствовалъ большой произволъ: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ревностно занимались географіей, тогда какъ въ другихъ училищахъ ея вовсе не было. Нѣмецкій языкъ изучался, правда, вездѣ, но не всегда основательно. Греческій пришелъ въ упадокъ: Гомера и Демосфена не было почти ни въ одной школѣ. Въ нѣкоторыхъ только единичныхъ мѣстахъ гимназіи дѣйствительно преуспѣвали, благодаря доброму вліянію отличныхъ государей. Такъ между прочимъ въ Готѣ при герцогѣ Эрнстѣ Кроткомъ (1641—1675). До него и здѣсь также правильное чтеніе древнихъ классиковъ вытѣснялось научною всякой всячиной. Въ первомъ классѣ занимались 6 часовъ латынью (2 часа упражненія, 1 синтаксисъ, 1 Энеида Виргилія, 2 Эразма Colloq.), 4 ч. греческимъ (Новый Завѣтъ и грамматика, но безъ классиковъ), 1 ч. еврейскимъ (къ тому еще 2 ч. передъ богослуженіемъ въ субботу послѣ обѣда и въ воскресѣнье), 2 ч. теологіею, 2 ч. логикой, 2 ч. реторикой, 2 ч. этикой, 1 ч. ариѳметикой, 1 ч. исторіей, 3 ч. поэзіей, 4 ч. музыкой. Второй классъ былъ соединенъ частью съ первымъ, частью съ третьимъ. Герцогъ Эрнстъ пытался устранить эти недостатки. Для готовившихся къ научнымъ занятіямъ молодыхъ людей высшихъ классовъ было постановлено главнымъ правиломъ, „что хотя послѣ закона Божія основою обученія долженъ служить латинскій языкъ, но кромѣ него, кромѣ греческаго и еврейскаго, для возбужденія и подкрѣпленія мысли, также для подготовки къ академическимъ занятіямъ необходимо преподавать еще исторію, математику, философію, особенно логику и реторику, потомъ главныя правила поэзіи, краснорѣчія и музыки“. Классы не соединялись болѣе вмѣстѣ. Начали опять читать классиковъ. Изъ греческихъ въ школу вошли Исократъ, Ѳеогнидъ и Эзопъ, изъ латинскихъ Цицеронъ, Юстинъ, Непотъ, Теренцій и Плавтъ. Руководствомъ для страны была издана „инструкція, какъ устроить въ низшихъ классахъ „преподаваніе благочестія и уроковъ“. Для употребленія въ школахъ низшихъ и высшихъ ступеней были сочинены и введены цѣлесообразные учебники: Comenii Ianua и Vestibulum, vocabularium Comenianum, передѣлка Compendii Hutteriani pro triplici cursu генералъ-суперинтендентомъ Саломономъ Глассіемъ, schola Latinitatis и Compendium historiae ecclesiasticae, изданное Зеккендорфомъ подъ руководствомъ Вейта, и пр. Готская гимназія вскорѣ сдѣлалась образцо-

вою не только для Германіи, но также и за предѣлами нѣмецкой земли. Она оказала существенное вліяніе даже на педагогическое направленіе и на дѣятельность А. Г. Франка; но въ заведеніяхъ его она достигла высшаго своего совершенства.

Подобно ученымъ заведеніямъ и *народная школа* также чрезвычайно пострадала въ тяжкіе годы тридцатилѣтней войны. Вмѣстѣ съ деревнями исчезли также и училища. Кистеры частью перемерли, частью развратились; пріобрѣсти новыхъ, которые умѣли бы читать и писать, было трудно. Школы для дѣвицъ также пришли въ совершенный упадокъ. Первоначальнымъ предметамъ мальчики и дѣвочки обучались совмѣстно. Высшія сословія, а именно земское дворянство, держали для своихъ дѣтей наставниковъ. Въ остальныхъ слояхъ народа не было потребности къ образованію; напротивъ, вслѣдствіе матеріальной нужды и духовнаго варварства они съ упорствомъ противились дѣлу обученія. Однако новые учебные уставы пытались вселить въ народной школѣ новый духъ, и тридцатилѣтняя война послужила кстати поводомъ, что народныя училища получили большій просторъ, такъ какъ въ маленькихъ городахъ, мѣстечкахъ и деревняхъ латинскія учебныя заведенія погибли и открыли такимъ образомъ мѣсто и случай для заложенія народныхъ школъ. Герцогъ Эрнстъ Готскій съ мудрымъ пониманіемъ дѣла рѣшительнѣе всего вводилъ въ своей странѣ систему народнаго обученія; какъ единственная въ своемъ родѣ, она сначала была предметомъ насмѣшекъ, скоро однако сдѣлалась предметомъ подражанія. Его постановленія послужили основой, на которую оперлась школьная система 17-го столѣтія. Они изложены въ „Методѣ или указаніи, какъ съ Божіею помощью могутъ и должны быть вкратцѣ и полезно обучаемы какъ въ деревняхъ, такъ и въ городахъ мальчики и дѣвочки низшихъ классовъ учащейся молодежи въ Готскомъ княжествѣ“. Методъ обнимаетъ 13 главъ: 1) О томъ, что вообще надлежитъ соблюдать въ школѣ; 2) преподаваніе въ низшихъ классахъ; 3) преподаваніе въ среднихъ; 4) преподаваніе въ высшихъ классахъ; 5) раздѣленіе уроковъ по учебнымъ часамъ; 6) средство и способъ заниматься изученіемъ катехизиса и что къ тому принадлежитъ; 7) наставленіе какъ выспрашивать проповѣдь; 8) какъ заниматься естественными и другими науками; 9) о насажденіи и развитіи христіанской нравственности и благочестія; 10) о долгѣ дѣтей; 11) объ окладѣ учителей; 12) объ обязанностяхъ родителей и людей, ихъ замѣняющихъ; 13) объ экзаменѣ въ школѣ. Цѣлью школы поставляется, чтобы всѣ дѣти въ надлежащемъ порядкѣ мало по малу обучались катехизису или соотвѣтствующимъ ему библейскимъ текстамъ, псалмамъ и молитвамъ, также чтенію, пись-

му, пѣнью, счету и тамъ, гдѣ имѣется болѣе одного учителя, знаніямъ нѣкоторыхъ полезныхъ, частью естественныхъ, частью мірскихъ и другихъ предметовъ, притомъ чтобы они воспитались въ христіанскомъ духѣ и благонравіи. Для достиженія этой цѣли, предписывается, чтобы всѣ дѣти, какъ мальчики, такъ и дѣвочки, и въ деревняхъ, и въ городахъ, съ исполнившимся пятилѣтнимъ возрастомъ безъ замедленія посылались въ училище, и чтобы священникъ велъ вѣрный списокъ всѣхъ дѣтей отъ 5 до 14 лѣтъ отъ роду. Если же, грубые, невѣжественные и небрежные родители злонамѣренно и по скупости стали бы лишать дѣтей школы, а слѣдовательно также и благополучія, если священникъ передъ тѣмъ увѣщевалъ и предупреждалъ ихъ, а это все-таки не помогло, то они должны, несмотря на званіе личности, вносить пеню за каждый пропущенный часъ въ первый разъ 1 грошъ, во второй — 2 гроша, въ третій — 3 и такъ далѣе до 6 грошей. Обученіе въ школѣ должно тщательно поддерживаться круглый годъ и каждый день, за исключеніемъ середы и субботы, какъ водится свободныхъ отъ послѣобѣденныхъ уроковъ, отводить для преподаванія по 6 часовъ, т. е. 3 передъ обѣдомъ и 3 послѣ, включая сюда впрочемъ и то время, когда проповѣдь на недѣлѣ приходится въ урочные часы, и продолжать ученіе до самой жатвы, прекращая его на эту пору въ деревняхъ на шесть недѣль, а въ городахъ на четыре; но въ теченіе каникулъ учителя, особенно въ городахъ, обязаны между тѣмъ часа по 2 передъ обѣдомъ заниматься нѣкоторыми предметами съ дѣтьми, не выходящими на работу, повторяя съ ними самое необходимое изъ того, въ чемъ они затрудняются. Объ успѣхахъ преподаванія слѣдуетъ извѣщать на годичномъ экзаменѣ. А именно, ежегодно предъ началомъ жатвы въ каждомъ суперинтендантствѣ или въ адьюнктурѣ назначается суперинтендантомъ или адьюнктомъ общій экзаменъ ученикамъ всѣхъ школъ въ приходѣ. На экзаменѣ надлежитъ испытать дѣтей по ихъ классамъ во всѣхъ урокахъ и по возможности провѣрить, согласуется ли съ истиною составленный учителями въ ихъ таблицахъ отчетъ; причемъ однако, для сбереженія времени, не проходить со всѣми учениками каждый урокъ цѣликомъ. При такомъ испытаніи должны находиться два экземпляра составленныхъ по извѣстному образцу и за три или за четыре дня до экзамена присылаемыхъ списковъ учениковъ и таблицъ съ обозначеніемъ именъ и возраста учащихся, ихъ способностей и успѣховъ, пропущенныхъ ими въ теченіе года урочныхъ часовъ и т. п. Слѣдуетъ представить образчики письма на особыхъ листахъ, тетради учениковъ и ихъ сочиненія. По окончаніи испытанія экзаминаторы

должны сдѣлать перемѣщеніе учениковъ, отнюдь не предоставляя этого ни священнику, ни учителю. Ученики разомъ переводятся изъ низшаго класса въ средній, а отсюда въ высшій. Развѣ случится, что нѣкоторымъ необходимо остаться еще на годъ въ прежнемъ классѣ, или оттого что они слишкомъ отстали въ ученіи, или вслѣдствіе дурныхъ способностей, или по другимъ причинамъ.—Водвореніе христіанскаго духа и благочестія считается главною задачею народной школы: Дѣтямъ необходимо внушить христіанскій духъ, такъ какъ помимо него всякое наставленіе окажется тщетнымъ и послужитъ скорѣе во вредъ нежели во благо, потому и слѣдуетъ блюсти его съ крайнимъ тщаніемъ и великою ревностью. Дѣти съ самаго начала должны, не болтая, не ротозѣйничая и т. п. во время уроковъ, благоговѣйно и ревностно внимать наставленіямъ изъ катехизиса и слову Божію, помня, что въ этомъ случаѣ самъ Богъ говоритъ съ ними, почему и должны слушать и принимать все съ великимъ уваженіемъ, каковое точно также требуется отъ нихъ при молитвѣ съ пѣснопѣніемъ и во время богослуженія. Вообще слѣдуетъ тщательно напоминать имъ о присутствіи Божіемъ и накрѣпко внушать, что Онъ всегда и всюду близокъ имъ, видитъ всѣ ихъ дѣла, слышитъ ихъ рѣчи и знаетъ всѣ мысли ихъ, такъ чтобы они пріучались подѣтски бояться Его. Особенно надлежитъ изъ второго члена символа вѣры и изъ третьей главы тщательно внушить имъ, какую высокую милость оказалъ имъ нашъ Спаситель, и какъ они поэтому обязаны умиляться имъ въ истинной вѣрѣ, любить Его отъ всей души и не жить въ угоду дьяволу и мірскимъ чадамъ по ихъ развратной волѣ, а напротивъ, усердно служить Христу. Необходимо исподволь сообщать имъ различіе между добромъ и зломъ, не говоря имъ, конечно, о порокахъ и проступкахъ, которыхъ они еще не знаютъ; если они или кто-либо въ ихъ присутствіи совершили проступокъ, то слѣдуетъ сказать имъ, что это незаконно и запрещено Богомъ, объяснивъ притомъ болѣе развитымъ, противъ какой именно заповѣди это грѣшитъ, какъ оно опасно и какая кара слѣдуетъ за тѣмъ обыкновенно. Содержаніемъ ихъ уроковъ должно быть все: „что истинно, честно, справедливо, цѣломудренно, пріятно, благозвучно“.—Проступки и прегрѣшенія учениковъ слѣдуетъ отвращать съ ревнивою строгостью, убѣдительно представляя ихъ неблагопристойность; если прегрѣшеніе черезчуръ велико и простое увѣщаніе и предостереженіе не помогутъ, или если учиненный проступокъ соблазняетъ другихъ, то необходимо противодѣйствовать настоящимъ наказаніемъ и употребить въ дѣло розги, или ставить на колѣни, или прибѣгнуть къ инымъ строгимъ мѣрамъ по усмотрѣнію начальства. Однако къ наказанію надлежитъ

приступать не въ пылу гнѣва, а съ кротостью, какъ бы говоря ученикамъ, что мы обязаны наказывать за зло, самъ Богъ повелѣваетъ намъ, и что этимъ путемъ хотимъ только предостеречь ихъ отъ бо́льшихъ грѣховъ и предотвратить еще болѣе тяжкія наказанія.—Въ десятой главѣ учебнаго метода излагаются даже законы для учениковъ въ народной школѣ, принимая притомъ въ соображеніе всѣ условія школьной жизни и обращая вниманіе также на поведеніе внѣ школы; они не только предписываютъ дѣтямъ въ школѣ сидѣть прямо, при наказаніяхъ не оказывать строптивости въ словахъ и жестахъ, но также и на улицѣ вести себя тихо и скромно, повиноваться и угождать родителямъ, не причинять имъ ущерба деньгами, пищею, утварью, по возможности чище содержать платье и обувь, а худое починять вовремя, и т. п.

Предметами преподаванія назначены: чтеніе, письмо, счетъ, пѣнье, религія и „знаніе разныхъ полезныхъ, частью естественныхъ, частью свѣтскихъ и другихъ вещей“, въ составъ которыхъ входятъ поученія о растеніяхъ и животныхъ, о человѣкѣ, явленіяхъ природы, психологіи, объ отчизновѣдѣньи, о законахъ, домохозяйствѣ, межевомъ искусствѣ, календарѣ и пр., причемъ необходимо пользоваться случаемъ отвлечь юношество отъ суевѣрныхъ и ложныхъ мнѣній простолюдина и поучать, что лукавый часто тутъ не при чемъ, но что попущеніемъ Божіимъ онъ иногда лишь потѣшается надъ весьма естественными вещами. Въ чтеніи надлежитъ пользоваться буквослагательнымъ методомъ. Сперва слѣдуетъ пріучить дѣтей къ вѣрному произношенію гласныхъ; пусть учитель по нѣскольку разъ подсказываетъ имъ шесть гласныхъ буквъ, а дѣти пусть другъ за дружкой повторяютъ это. Потомъ приводятся буквы въ слѣдующемъ родѣ и порядкѣ: учитель начинаетъ съ гласныхъ, пишетъ сперва на стоящей передъ учениками доскѣ, такъ чтобы всѣмъ было видно, „a“ и называетъ эту букву. Потомъ онъ ее пишетъ еще 7 или 8 разъ, все также называя ее; послѣ того подходитъ къ дѣтямъ и заставляетъ ихъ пальцемъ или грифелемъ указывать на ту же букву на ихъ дощечкѣ или въ книжкѣ, говоря: это та самая буква, которую онъ указывалъ на доскѣ и называется какъ первая, такъ и вторая, и т. д. „a!“ Когда дѣти въ нѣсколько пріемовъ въ состояніи вѣрно называть буквы, то приступаютъ къ складамъ; этимъ путемъ къ концу учебнаго года подготовляется чтеніе, что и производится такимъ образомъ: учитель по нѣскольку разъ тихо и внятно читаетъ нѣсколько строкъ, а дѣти повторяютъ за нимъ. Обучая чистописанію, учитель прежде всего долженъ показать ученикамъ, какъ имъ держать перо, потомъ въ тетрадкѣ съ полями провести грифелемъ или свинцомъ едва замѣтныя линіи, пока не на-

учатся писать безъ линій. Затѣмъ онъ какъ можно тщательнѣе пишетъ на доскѣ самую простую букву, а именно „і“ на трехъ строкахъ къ ряду, и заставляетъ дѣтей списывать ее какъ можно лучше въ свою тетрадку, переходя при этомъ отъ одного къ другому и по возможности указывая, откуда начинать, гдѣ кончать и какъ выводить букву, водя притомъ гдѣ придется рукою ученика, пока онъ не справится самъ; послѣ того учитель прибавляетъ къ буквѣ еще штрихъ и дѣлаетъ такимъ образомъ „п“, а потомъ также „ш“, поступая такимъ же образомъ и при другихъ буквахъ, указывая притомъ какъ одна изъ нихъ образуется изъ другой, такъ изъ „с“ напримѣръ „b“ или „п“ и пр., онъ долженъ подолѣе останавливаться особенно на буквахъ, которыя труднѣе выдѣлывать. Потомъ прописываются слова и предложенія и наконецъ приступаютъ къ упражненіямъ въ правописаніи, причемъ дѣти пишутъ наизустъ заученное ими на память, не то имъ подсказываютъ что писать. При счетѣ дѣти прежде всего должны ознакомиться съ цифрами и научиться выговаривать числа, послѣ чего — при посредствѣ много разъ повторяемаго чтенія—затверживается наизустъ таблица умноженія и повторяется такъ, что учитель спрашиваетъ въ разбивку то одно, то другое число. Потомъ изучаютъ четыре основныя дѣйствія и тройное правило; и учитель заставляетъ учениковъ одного за другимъ рѣшать на доскѣ задачи, а остальные записываютъ ихъ въ свои тетрадки; причемъ онъ долженъ также устно на разныхъ примѣрахъ въ точности объяснять имъ причины. Пѣніе, въ чемъ упражняются въ началѣ и подъ конецъ каждаго учебнаго полудня, должно быть большею частью хоровое. Преподаваніе христіанства состоитъ прежде всего въ заучиваніи текста катехизиса безъ толкованій, также библейскихъ текстовъ, псалмовъ и молитвъ въ стихахъ. Къ этому присоединяется потомъ толкованіе главныхъ членовъ въ катехизисѣ. Наконецъ дѣтямъ, у которыхъ съ годами все болѣе и болѣе развивается прирожденный умъ, слѣдуетъ дать наставленіе для вѣрнаго пониманія изученнаго ими, и особенно изощрять въ этомъ отношеніи тѣхъ, которые готовятся или къ святому причастію или къ выступленію изъ школы.

Предметы преподаванія разбиваются на три класса: 1) Въ низшій классъ поступаютъ начинающіе, въ немъ изучаютъ тексты катехизиса, назначенные въ учебникѣ для этого класса библейскіе тексты, 23-й, 100-й и 117-й псалмы, сверхъ того молитвы въ стихахъ, буквы, слоги и приступаютъ къ чтенію; 2) Въ среднемъ классѣ изучаютъ шесть главныхъ членовъ катехизиса съ толкованіями, назначенные для этого класса библейскіе тексты, 1-й, 46-й, 67-й, 110-й, 121-й и 130-й псалмы и десять молитвъ въ стихахъ.

Упражняются въ чтеніи и приступаютъ къ письму. Тутъ же знакомятся съ числами, изучаютъ таблицу умноженія, также сложеніе и вычитаніе. 3) Въ высшій классъ поступаютъ дѣти, когда прошли всѣ уроки въ среднемъ, и когда чтеніе доведено до того, что они справляются съ нимъ безъ особеннаго затрудненія, а слѣдовательно и могутъ съ пользою продолжать его. Дѣти доучиваютъ то, что осталось еще въ катехизисѣ, а именно домовую таблицу и вопросные статьи Лютера. Потомъ слѣдуетъ дальнѣйшее преподаваніе христіанскаго ученія по руководству „Краткое понятіе и христіанскія поученія"; разбираются двадцать три псалма и остальныя молитвы въ стихахъ. Чтеніе доводится до совершенства, продолжаютъ также писанье и упражняются въ правописаніи. Въ ариѳметикѣ проходятъ четыре основныя дѣйствія и тройное правило. А въ городахъ и деревняхъ, гдѣ при школѣ находится болѣе одного учителя, слѣдуетъ приступить также къ преподаванію общеполезныхъ знаній. Распредѣленіе этого преподаванія по часамъ и по разнымъ классамъ передается учебнымъ методомъ въ слѣдующемъ видѣ:

Въ началѣ каждаго дня пѣніе, потомъ молитва. Въ первый утренній урокъ въ понедѣльникъ, вторникъ, среду, четвергъ и пятницу: повтореніе воскресной проповѣди. Одна половина учениковъ проходитъ „Краткое понятіе и христіанскія поученія" въ высшемъ классѣ. Средній слушаетъ. Другая же половина читаетъ въ высшемъ классѣ;—по субботамъ: на половину тексты и псалмы. Второй утренній урокъ въ тѣ же дни: чтеніе въ среднемъ, писанье въ высшемъ классѣ; только по субботамъ: евангеліе въ высшемъ, потомъ молитвы въ стихахъ, счетъ. Третій утренній урокъ: въ понедѣльникъ, вторникъ, среду и субботу по получасу на изученіе текстовъ въ низшемъ классѣ: въ высшемъ писать или учить наизусть; въ заключеніе пѣть и молиться; въ остальной получасъ по понедѣльникамъ, средамъ и субботамъ катехизисъ въ среднемъ классѣ, по вторникамъ тексты и псалмы въ среднемъ, наполовину въ низшемъ;—по четвергамъ и пятницамъ тексты и псалмы въ среднемъ; изученіе наизусть изъ катехизиса въ низшемъ, а въ высшемъ писать или учить наизусть. Четвертый урокъ въ понедѣльникъ: въ среднемъ классѣ ученики пишутъ по указанью; а въ верхнемъ сами по себѣ;—во вторникъ: въ верхнемъ счетъ, въ среднемъ чистописанье;—въ четвергъ и пятницу: четверть часа хоровое пѣнье: три четверти чистописанье.—Пятый урокъ въ тѣ же четыре дня послѣ обѣда: четверть часа чтеніе въ среднемъ классѣ: три четверти азбука и склады въ низшемъ. Шестой урокъ во всѣ четыре дня послѣ обѣда: азбука и склады въ низшемъ классѣ.

Итакъ, въ Готѣ съ наступленіемъ осемнадцатаго столѣтія

народныя школы получили уже полную организацію: обязательное обученіе было затребовано, былъ учрежденъ контроль надъ посѣщеніемъ школъ, появились законы для учениковъ, выяснены учебныя цѣли, распредѣленія уроковъ, наставленія для преподаванія, въ особенности уряжена была школьная дисциплина, а именно въ христіанскомъ духѣ, преподаваніе было изъято отъ субъективнаго произвола и устроено по методическимъ правиламъ. Въ другихъ нѣмецкихъ земляхъ система народныхъ школъ развивалась исподоволь, подражая отчасти этому высокому образцу. Люксембургскій, брауншвейгскій, гессенскій и пр. школьные уставы заявляли если не совсѣмъ равныя, то подобныя требованья. Народныя школы размножались; во всѣхъ значительныхъ деревняхъ основывались училища, а мѣстечки, гдѣ достигшихъ учебнаго возраста дѣтей было слишкомъ мало и по недостатку денежныхъ средствъ не могло быть основано самостоятельное училище, примкнули къ ближайшимъ сосѣднимъ школамъ. Конечно, предметы преподаванія все еще были односторонни и особенно распредѣлялись крайне односторонне. Въ смыслѣ и духѣ правовѣрнаго настроенія эпохи преподаваніе религіи занимало почти все учебное время, а между тѣмъ состояло большею частью только въ упражненіи памяти. Этому презрѣнію къ земной жизни отвѣчали также и ложные взгляды на нее, вслѣдствіе которыхъ дѣтямъ запрещались холодное купанье и плаванье въ проточныхъ водахъ, оттого что это будто бы вредитъ здоровью и часто подвергаетъ жизнь опасности. Какъ преподаваніе, такъ точно и воспитаніе въ настоящихъ школахъ было большею частью механическое: оно состояло въ дрессировкѣ. Все, что требовалось школьными уставами было превосходно; но исполненіе въ школахъ отвѣчало этимъ требованьямъ въ весьма немногихъ лишь мѣстахъ. Виною такого разлада между идеею и дѣйствительностью были: частью закоченѣлость ортодоксіи, этого оледенявшаго протестантскаго принципа; частью нерасположеніе народа, считавшаго школы скорѣе за враговъ своихъ, нежели за друзей; но частью также и недостаточное образованіе учителей народныхъ школъ, которые обучались почти исключительно въ латинскихъ городскихъ школахъ, но рѣдко выносили оттуда какое нибудь практическое образованіе. Правда, въ шульмейстеры—(званіе „шульмейстера" становится теперь общеупотребительнымъ, и учительская должность понемногу получаетъ перевѣсъ надъ связанною съ нею церковною)—предписано избирать только такія личности, которыя основательно усвоили себѣ чтеніе, письмо и счетъ, но особенно христіанство и истинное благочестіе. Однако вмѣстѣ съ упадкомъ городскихъ школъ пало также и образованіе школьныхъ учителей, а вслѣдствіе скуднаго оклада послѣднихъ оказался

недостатокъ даже въ менѣе образованныхъ—почти то же самое что было въ Германіи еще въ 1873-мъ г.! Опредѣленный денежный окладъ народныхъ учителей, выдаваемый обыкновенно изъ церковной кассы, состоялъ большею частью изъ немногихъ лишь талеровъ; главный доходъ составляли школьныя деньги, а именно по 3 пфеннига въ недѣлю съ каждаго ученика; къ этому присовокуплялись еще постоянные поборы натурой: очередной столъ, десятый снопъ, извѣстная доля съ посѣва, хлѣбомъ или зерномъ, колбасы, пасхальныя яица, дрова, солома и пр. Но всего этого въ совокупности большею частью не хватало на приличное содержаніе. Шульмейстеры поэтому зачастую промышляли какимъ-нибудь ремесломъ, или добивались скуднаго пропитанія полевыми работами, для чего часто употребляли въ помощь своихъ учениковъ. Когда одолѣваютъ насъ заботы о пропитаніи, то несмотря ни на какое знаніе, у насъ все-таки недостанетъ свѣжести ума, необходимой для того, чтобы въ школѣ не увязнуть въ механизмѣ.

Образецъ шульмейстера той эпохи представленъ въ книгѣ, которая, какъ показалъ Альбертъ Рихтеръ, явилась вѣроятно подъ исходъ семнадцатаго вѣка и составлена священникомъ. Это сочиненіе озаглавлено: „Семь злыхъ духовъ, руководящіе нынѣ обыкновенно кистерами или такъ называемыми сельскими шульмейстерами, какъ то: гордый, лѣнивый, грубый, лживый, злобный, мокрый и глупый бѣсъ, вслѣдъ за которымъ ковыляетъ еще бѣдный". Тамъ между прочимъ значится: „Когда господинъ шульмейстеръ исправляетъ должность палача, то несчастному грѣшнику приходится терпѣть отъ плетки; мало того, если онъ не желаетъ, чтобы его отстегали до крови, то долженъ самъ разстегнуть свои штаны, нагнуться и быть наготовѣ, пока шульмейстеръ просклоняетъ ему свой приговоръ: Именительный: Ну ложись, Родительный: протянись, Дательный: на скамьѣ, Винительный: да не мѣшкай, Звательный: Ой! Больно мнѣ, больно! Творительный: Впередъ не балуй".

„Для того чтобы удобнѣе было наказывать и лишить терзаемыхъ чувствомъ чести и страха учениковъ всякой возможности къ сопротивленію, иные шульмейстеры держатъ наготовѣ лѣстницу, прибитую къ потолку и твердо установленную на полу; взобравшись на нее, преступный ученикъ долженъ просунуть вверхъ голову, а внизъ ноги, и принять болѣе удобное для экзекуціи положеніе. Шульмейстеръ вынимаетъ изъ ведра съ водою страшныя розги, сѣчетъ, бичуетъ и хлещетъ несчастнаго мальчугана по задней части, а тотъ оретъ такъ, что слышно за три дома; шульмейстеръ не перестаетъ, пока не покажутся широкіе рубцы и кровь не потечетъ по ногамъ. Потомъ онъ же возводитъ еще въ настоящій символъ вѣры, что розги образуютъ-де

благочестивыхъ дѣтей, а потому дѣти, послѣ того какъ розга разъ пятьдесятъ хлестнула по нимъ, обязаны съ великимъ благоговѣніемъ прижать ее къ сердцу и цѣловать, причитывая при этомъ прелестную поговорку: О, моя милая розга, ты сдѣлала мнѣ много добра!"—„Шульмейстеры предаются сверхъ того пьянству и разврату. Кружка и канторъ сходятся, гласитъ старая правдивая пословица, хотя и на смѣхъ, но не даромъ придуманная; и точно, отъ пѣнья и крика истощается естественная влага, такъ какъ этому человѣку приходится ужасно напрягаться и сильно потѣть; чтобы не околѣть при этомъ онъ поневолѣ долженъ вознаградить убыль, причиненную испареніемъ соковъ и влаги; итакъ, для того чтобы расходъ не превысилъ дохода канторъ или учитель пѣнія долженъ пить не понемножку, а сразу цѣлыми кружками, если хочетъ быть здоровъ, лишь бы глотка не пересохла и не першило въ ней, лишь бы она всегда была сыра и влажна, такъ чтобы въ ней сохранился звукъ.—По своимъ познаніямъ шульмейстеры „родные братья невѣжества"; и точно, они большею частью ничего не дѣлали ни въ школахъ, ни въ ремеслахъ и потому ни голова, ни руки ихъ не научились ничему; и вотъ, для избѣжанья нищенства, они и пошли въ кистеры. И въ самомъ дѣлѣ, кто въ юности ничему дѣльному не научился и при всемъ томъ хочетъ накормить свою глотку, тому лучше всего или открыть шинокъ или сдѣлаться шульмейстеромъ; на то и на другое, какъ полагаютъ, не требуется черезчуръ большой учености".—До чего притомъ принижено было экономическое положеніе шульмейстеровъ, видно изъ содержащейся въ той же книгѣ автобіографіи одного изъ нихъ, „прозваннаго голякомъ, по фамиліи Дёрингеръ, родомъ изъ-подъ Эрфурта, сына бѣдныхъ родителей, которые научили его только немного читать, писать и считать". Онъ разсказываетъ: „Въ нашей школѣ ничего не перестроиваютъ, заставляя насъ жить все въ той же старой, закоптѣлой, обветшалой конурѣ, и вовсе не думаютъ исправить что-нибудь, пока дождь не закаплетъ на голову ученикамъ, или вѣтеръ не обратитъ все въ груду развалинъ, раздавивъ при этомъ коровъ и телятъ. Всякій мужикъ предписываетъ намъ, какъ слѣдуетъ преподавать; но лишь дѣло доходитъ до прибавки бѣдному учителю, такъ какъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ обыкновенный окладъ до того скуденъ, что имъ едва ли въ состояніи прокормиться простой гусятникъ, то никого изъ нихъ дома нѣтъ, и всѣ они твердятъ: Авось продержатся старыя конуры. Снопы приносятъ частью напередъ обмолоченные, или изъ погнившихъ и проросшихъ копенъ. Выдавая шеффель зерна, они сперва смачиваютъ послѣднее и мѣрятъ дотого скупо, что его все-таки не хватаетъ, приговаривая при томъ, на будущій годъ мы доба-

вимъ. То же самое съ хлѣбомъ и колбасами; для шульмейстера нарочно пекутъ особый хлѣбъ, подобно тому какъ для цѣпной собаки отпускаютъ особое печенье, и всѣмъ извѣстно, что у нихъ на дому хлѣбъ и больше и лучше. Мало того, нѣкоторые выдаютъ его шульмейстеру не прежде, пока онъ у нихъ не испортился; колбасу годъ отъ году дѣлаютъ меньше и короче, и если шульмейстеру случится отъ этихъ людей получить длинную колбасу, то онъ можетъ быть увѣренъ, что это вышло по ошибкѣ мясника, или что начинку для колбасы соскребли съ доски, на которой крошили мясо. Съ школьными деньгами они обходятся весьма скаредно: когда четверть года подходитъ къ концу, то не отпускаютъ дѣтей въ школу, а потомъ вносятъ только половинную плату, такъ что поневолѣ приходится считаться, торговаться и спорить съ ними. Словомъ: положеніе шульмейстера чрезвычайно плачевное какъ при вступленіи, такъ и впослѣдствіи, и при самомъ выходѣ, т. е. въ началѣ, серединѣ и концѣ".

Въ самомъ дѣлѣ, нѣмецкой народной школѣ пришлось пробиваться сквозь крайне печальныя условія, и два вѣка потребовалось на то, чтобы добиться ей хотя сколько нибудь удовлетворительнаго положенія, даже такого, которое въ виду соціальнаго состоянія современной эпохи все еще обнаруживаетъ пропасть недостатковъ. Просвѣщеніе испоконъ вѣка мало цѣнилось необразованнымъ людомъ, и только насильственному вмѣшательству властей удалось хотя сколько нибудь одолѣть сопротивленіе массъ въ дѣлѣ образованія.

Основаніе къ улучшенію и дальнѣйшему развитію школьной системы въ эту эпоху *положено геніальными поборниками на теоретическомъ и практическомъ поприщѣ педагогики.*

Гансъ Михель Мошерошъ,

служитъ доказательствомъ, что во время всеобщаго беззаконія тридцатилѣтней войны еще не утратились неизмѣнные законы христіанскаго благочестія. Онъ родился въ 1601-мъ г. въ Лихтенбергскомъ округѣ; въ 1643-мъ въ своей книгѣ „Неусыпная забота родителей (Insomnis cura parentum), христіанское завѣщаніе или обязательныя попеченія вѣрнаго отца", онъ представилъ образецъ стараго христіански-нѣмецкаго воспитанія. Въ ней Мошерошъ говоритъ своей женѣ: „Мы, родители, подъ вечеръ и на закатѣ нашихъ дней обязаны оглядываться къ востоку, къ нашимъ дѣтямъ, и взывать къ нимъ: Идите за нами, но не туда же! чтобы они вѣрно шли по нашимъ стопамъ и не сбивались съ настоящаго пути".—Говоритъ онъ потомъ дѣтямъ: „Вы—милыя дѣти; но одного этого мало, если вы не хорошо поступаете. Когда грѣшите, то вы мерзѣйшіе

адскіе псы. Вы дѣти Христовы; а потому и должны жить по христіански. Много спутниковъ и вожаковъ, подъ видомъ дружбы и хорошаго общества, покусятся сбить васъ съ дороги; а именно: коварство свѣта, мірскія забавы, плотскія похоти, безбожные помыслы. Этихъ убійцъ и разбойниковъ слѣдуетъ вамъ избѣгать и остерегаться на вашемъ жизненномъ пути, какъ враговъ Бога и души вашей. А потому молите Господа о покорномъ и смиренномъ сердцѣ и помышляйте всегда о цѣли, служитъ ли она во славу Божію, на пользу ближнему и ко благу вашей души. Блюдите со всѣми миръ насколько отъ васъ зависитъ. Въ словахъ: „Какъ хотите, чтобы люди поступали съ вами, такъ и вы поступайте съ ними" заключается весь писанный какъ духовный, такъ и свѣтскій законъ, и даже самый законъ природы". — Потомъ обращается онъ къ своимъ сыновьямъ и знакомитъ ихъ съ разнаго рода призваніями. „Чемубъ вы ни учились, чего бы ни добивались,—стремитесь къ добродѣтели! У кого нѣтъ наклонностей къ научнымъ занятіямъ, пусть изберутъ себѣ простолюдинскій промыслъ. Болѣе всего надо цѣнить земледѣліе. Это самый честный промыслъ. Имъ добываю себѣ пропитаніе въ настоящее время, а не знатною и опасною служебною должностью. Однако научныя занятія нисколько не мѣшаютъ мнѣ трудиться и заботиться о своемъ дѣлѣ, напротивъ, благодаря имъ, я могу находиться въ какой угодно нуждѣ и иногда въ одинъ часъ сдѣлать болѣе, нежели другіе дѣлаютъ въ нѣсколько дней. Потому-что ученые пользуются вотъ какимъ преимуществомъ: если пребываютъ въ предѣлахъ благочестія, то они въ состояніи творить вдесятеро болѣе добра, нежели неучи. Ученый мужъ стòитъ десятерыхъ, если онъ свѣдущъ и обладаетъ доброю совѣстью. А иначе онъ наноситъ болѣе вреда, нежели десятеро неучей. Изучайте тщательно исторію, ее по праву можно назвать практическою философіею. Нѣтъ болѣе свѣтлаго зеркала нравовъ, измѣнчивости счастья и судьбы, какъ всемірная исторія, по которой можно видѣть, какъ Богъ награждаетъ добро и караетъ зло, въ которой изъ примѣровъ другихъ людей можно почерпнуть постоянство и силу, будемъ ли удивляться присутствію тѣхъ добродѣтелей въ одномъ, или негодуя сожалѣть о недостаткѣ ихъ въ другомъ человѣкѣ. Но какому бы искусству или какой бы наукѣ ни предались вы, всегда занимайтесь болѣе практическимъ дѣломъ, нежели умозрѣніемъ. Я уважаю филологовъ и поэтовъ, но только христіански благочестивыхъ, а не иныхъ, которыхъ слѣдуетъ избѣгать. Удаляйтесь отъ мудрованія буквоѣдовъ. Надо дѣйствовать, а не пустословить! Крайне прискорбно, что чуть-ли не всѣ искусства и науки какъ въ лабиринтѣ запутались въ ничтожной болтовнѣ и въ словопреніяхъ, и всѣ они не что иное какъ пустословіе и пустозвонство.

Терпѣть не могу людей, которые сами крайне нравственно испорчены, а между тѣмъ то и дѣло хвастаютъ философскими блестками. Давайте дѣлъ! подвиговъ! добродѣтели! Что толку, если знаемъ и умѣемъ назвать множество предметовъ, когда сами не дѣлаемъ, что слѣдуетъ, а дѣлаемъ, что не слѣдуетъ? Стремитесь, сыновья мои, къ истинному, основательному. Добивайтесь энергіи въ хотѣніи и исполненіи. Быть терпѣливымъ и во всѣхъ бѣдствіяхъ уповать на Бога, быть искреннимъ и честнымъ во всѣхъ поступкахъ, скромнымъ и дружелюбнымъ со всякимъ и удерживаться отъ придворной жизни: вотъ вамъ въ заключеніе четыре правила отъ меня“.—Отъ своихъ сыновей Мошерошъ обращается потомъ къ дочерямъ. „Дѣвицѣ подобаетъ двѣ вещи: молитвенникъ и веретено. Ей слѣдуетъ ревностно заниматься домашнимъ хозяйствомъ; потому что жена, неумѣющая хозяйничать, порча и пагуба для мужа. А потомъ, помимо письма, счета и хозяйства, занимайтесь, если Богу угодно, музыкой и пѣньемъ. Духовная пѣснь въ особенности есть истинно ангельское, небесное наслажденіе и предвкушеніе прекрасной очаровательной музыки святыхъ ангеловъ Божіихъ, особенно если поется чуднымъ и искуснымъ голосомъ и исходитъ отъ полноты душевнаго благоговѣнія, а не отъ гордыни и не отъ избытка воображенія. Дѣвица притомъ не должна ни божиться, ни клясться; пусть говоритъ она только тогда, когда ее спрашиваютъ, и отвѣчаетъ по возможности короче. Дѣвицѣ слѣдуетъ вести скромный, уединенный и безупречный образъ жизни, не шнырять по всѣмъ закоулкамъ за газетами и новостями. Какъ благоразумная женщина, она должна также остерегаться тщеславія, которое не только глупый порокъ, оттого что онъ много стóитъ, но и крайне позорный. Лучшее наслѣдіе для дочерей—это цѣломудріе, смиреніе, порядокъ и чистота; цѣломудріе — признакъ чистой, а смиреніе—разсудительной дѣвицы; порядокъ, чистота и прелесть—признаки истинной домохозяйки“. На случай, если дѣтямъ его придется жить своимъ домомъ, Мошерошъ предлагаетъ правила для мужа, чтобы онъ былъ строгъ и трудолюбивъ, благонравенъ и искрененъ, а для жены, чтобы она была домовита, покорна и дружелюбна, т. е. чтобы она не трещала, ни роптала, ни злилась, ни ворчала. Глава долженъ управлять, а члены должны подчиняться волѣ его. „Когда у васъ будутъ дѣти, то радѣйте о томъ, чтобы воспитать ихъ во славу Божію. Если бъ государь почтилъ васъ своимъ портретомъ, а вы по злонравію или небрежности дали ему покрыться пылью, паутиною и грязью, то можете развѣ надѣяться пріобрѣсти вновь благоволѣніе государя, когда онъ узнаетъ или самъ увидитъ это? Но вѣдь дѣти ваши подобіе Божіе. Если вы и тутъ прегрѣшите,—то Всевѣдущій, право, не оставитъ это безнаказаннымъ. Посвящайте Богу первен-

цовъ, первыя мысли, первые плоды, первую юность, тогда Онъ благословитъ и остальные года ваши. Но болѣе всего поучайте вашихъ дѣтей религiи! Молитесь надъ вашими дѣтьми и вмѣстѣ съ ними. Когда дѣти, вставши, помолились, оправились, умылись и одѣлись, то пусть приходятъ къ вамъ пожелать добраго дня. Тутъ осмотрите, чего недостаетъ въ ихъ одеждѣ и что слѣдуетъ исправить. Потомъ поставьте ихъ передъ собою и, обнаживъ голову, прочтите надъ ними родительскую молитву и благословите ихъ наложенiемъ рукъ, чтобы слышали и знали они, какъ родители радѣютъ о вѣчномъ благоденствiи дѣтей, и это побудитъ ихъ не только повиноваться и бояться Бога, но и исполнять то же въ будущемъ воспитанiи своихъ дѣтей". „Не позволяйте дѣтямъ предаваться праздности. Не допускайте, чтобы имъ разсказывали пустыя, нелѣпыя сказки. Лучшая книга для нихъ дѣтская библiя съ библейскими изображенiями; вамъ стоитъ только объяснять эти картины". „Пуще всего обратите вниманiе на то, какiе люди окружаютъ вашихъ дѣтей; отъ нихъ-то (я говорю о дурныхъ, распутныхъ людяхъ) дѣти часто и научаются пустякамъ, мерзкимъ рѣчамъ и ругательствамъ, которыя иначе имъ не пришлось бы и слышать, и они вовсе не знали бы ихъ. Вѣдь дѣти въ нѣкоторомъ отношенiи подобны обезьянамъ: они перенимаютъ все, что видятъ. Къ тому же они чрезвычайно нѣжны и легко раздражаются. Къ розгамъ прибѣгайте только въ важныхъ случаяхъ. Родители поступаютъ безразсудно, если шутя называютъ дѣтей поносными именами, какъ то: Воришка! плутъ! вѣдьма! Вѣдь они дѣти Христовы, подобiе Божiе. Но Господу Богу не угодны ни плуты, ни мошенники. Святите и благословляйте ихъ!" „Прiучайте вашихъ дѣтей къ короткимъ разсудительнымъ отвѣтамъ,—не развивайте въ нихъ ни тщеславiя, ни себялюбiя,—воспитайте не столько остроумныхъ и ловкихъ, но скорѣе благочестивыхъ дѣтей. Въ великiй день страшнаго суда васъ не спросятъ: Что читалъ ты? Чему научился? Ловокъ ли ты? Умѣешь ли красно говорить и проповѣдывать? — а спросятъ напротивъ: Какъ примѣнялъ ты читанное и выученное тобою?" — „Любите дѣтей вашихъ, но только не такъ какъ любятъ обезьяны. Иные родители каждый лакомый кусокъ съ своего блюда даютъ и подносятъ дѣтямъ изо рта, словно насѣдка своимъ цыплятамъ, и прiучаютъ ихъ такимъ образомъ къ лакомству и обжорству, что ведетъ къ одной лишь пагубѣ. Чѣмъ суровѣе воспитываютъ дѣтей, тѣмъ лучше". Наконецъ. „Родители не должны одного ребенка предпочитать другому; а иначе въ дѣтяхъ, несмотря на молодость, возникнетъ зависть; это досаждаетъ имъ, и съ лѣтами развивается ненависть; отсюда возникаютъ наконецъ досада, попреки, злоба, вражда и жажда мести, что и обнаружится лишь тогда, когда родителей не будетъ болѣе въ живыхъ".

Мошерошъ былъ христіанинъ и воспиталъ своихъ дѣтей въ христіанскомъ духѣ; какъ практическій человѣкъ, онъ ставилъ содержаніе выше, нежели пустую форму; какъ Нѣмецъ онъ вмѣстѣ съ тѣмъ любилъ нѣмецкій бытъ. Оттого-то онъ съ такою энергіею и возставалъ противъ пристрастья къ иностранному у Нѣмцевъ. „Вы, крайне безумные потомки, — восклицаетъ онъ, — существуетъ ли на свѣтѣ такое безумное животное, которое въ угоду другому измѣнило бы свой языкъ и голосъ. Слышалъ ли ты когда нибудь, чтобы кошка залаяла въ угоду собакѣ, а собака замяукала изъ любви къ кошкѣ? А вѣдь нѣмецкій твердый духъ и шаткій итальянскій нравъ относятся другъ къ другу, право, не лучше, чѣмъ собака къ кошкѣ. Какой позоръ!“ —

Іоаннъ Балтазаръ Шуппъ или Шуппіусъ,

сынъ Гисенскаго ратмана, Іоанна Эбергарда Шуппа, внукъ тамошняго бургомистра Рихсіуса, родился въ Гисенѣ отъ дочери послѣдняго, Анны Елисаветы, 1-го марта 1610-го г. Ламбекъ замѣчаетъ, что этотъ же годъ прославился кометою. Мальчикъ рано уже обнаружилъ хорошія способности и настойчивое трудолюбіе, такъ что его скоро взяли изъ школы родного города и отправили въ высшее учебное заведеніе, съ тѣмъ чтобы онъ посвятилъ себя наукамъ. Его подготовлялъ Христофъ Шейблеръ, знаменитый въ то время богословъ и философъ, такъ что въ 1625-мъ г. многообѣщавшій юноша, 15-ти лѣтъ отъ роду, поступилъ уже въ Марбургскій университетъ. Какъ бы впрочемъ основательно ни былъ онъ приготовленъ въ томъ учебномъ заведеніи, которое Ламбекъ называетъ „блестящимъ“, однако созрѣвшаго юношу мало удовлетворяли тогдашнія университетскія занятія. Онъ то и дѣло сильно сѣтуетъ на множество безполезныхъ и превратныхъ вещей, которыми задерживалось его духовное развитіе; однако свойственная ему живая любознательность, здоровое, сильное стремленіе къ научному усовершенствованію, короткое знакомство съ твореніями классической древности, вольнолюбивый и смѣлый взглядъ и вѣрный тактъ скоро вывели его на болѣе плодотворный путь. Сначала, правда, онъ съ юношескимъ пыломъ принялся за логику, обучался всѣмъ логическимъ тонкостямъ, метафизическимъ мудрованіямъ и разнымъ другимъ обиходнымъ нелѣпицамъ у Гокленіуса (вѣроятно у старшаго) и Гребера, которые не могли нарадоваться на охоту къ ученію и на послушаніе юноши. Они посѣщали его даже въ его скромной каморкѣ и предвидѣли въ немъ будущаго великаго схоластика, логика и диспутанта, которые, какъ они думали, съ ихъ смертью исчезнутъ со свѣта. Но добрые люди жестоко обманулись. Достигнувъ самосознанія, онъ отвратился отъ нихъ и отъ ученый безсмыслицы,

исторгъ изъ памяти фигуры, сориты, софизмы и пр. и взамѣнъ того водворилъ въ ней историческія знанія; онъ, какъ самъ выражается, выкинулъ изъ своего склада всякія логическія побрякушки вакхантовъ и внесъ туда болѣе здоровый и болѣе человѣчный товаръ.

Онъ самъ не разъ и весьма рѣзко высказывается объ этой порѣ своей жизни. „Да простятъ мнѣ вышедшіе изъ Хрисипповой школы мудрецы, если посѣтую на нихъ за то, что по милости ихъ фантазій у меня похитили лучшій цвѣтъ моей жизни. Отрокомъ 15-ти лѣтъ попалъ я въ университетъ и только и слышалъ что о „Даранти и Фелаптонѣ, о Collegio Connimbricensi, о Рувіонѣ и Суаресѣ. Всѣ эти герои логики были свыше моего ума. Учитель мой посовѣтовалъ мнѣ взяться за N. N. и за Гиппія. Я не полѣнился и тщательно читалъ ихъ. Я посѣщалъ лекціи логики и зналъ этого N. и Гиппія наизусть. Когда приходилось отвѣчать, то я возлагалъ мои надежды на моихъ логическихъ духовниковъ, на N. и Гиппія. Когда оппонентъ говорилъ: Quaecunque definitio est latior suo, definitio illa est vitiosa. Haec est talis *). Ergo, подводилъ я аргументъ и отвергалъ слабѣйшаго, потомъ напускалъ на защитника оппонента, словно короля Густава на Тилли подъ Лейпцигомъ. А самъ между тѣмъ сидѣлъ я за своими Суаресомъ и Рувіономъ, словно за шанцами, и думалъ про себя какъ тотъ генералъ, который, затѣявъ битву, самъ остался на высокой горѣ. Увидѣвъ же, что дѣло разгорѣлось, онъ ускакалъ, приговаривая: Мое дѣло было свести ихъ вмѣстѣ, теперь пусть они раздѣлаются, какъ сами знаютъ. Прослуживъ съ полгода мушкетеромъ въ этихъ логическихъ бояхъ и выбравшись изъ нихъ съ уцѣлѣвшей головою, я подумалъ, куда же все это поведетъ наконецъ? Вѣдь такимъ родомъ долго не дослужиться тебѣ до капрала. Я спросилъ наконецъ моего товарища, полугодомъ старше меня, какихъ авторовъ онъ читаетъ? Я читаю, отвѣтилъ онъ, одного только Шейблера, онъ по крайней мѣрѣ понятенъ, и изъ него я узнаю болѣе, чѣмъ изъ всѣхъ схоластиковъ, изъ старыхъ и новѣйшихъ, вмѣстѣ взятыхъ. Надо этимъ воспользоваться, подумалъ я, тотчасъ же принялся и расчиталъ, во сколько времени можно прочесть Шейблера. Я рѣшилъ, каждое утро, не выходя еще изъ своей квартиры, заучивать наизусть по 10 страницъ въ осьмую долю листа. Затвердить 10 страницъ изъ Шейблера, пологалъ я, все-таки лучше чѣмъ выучить и усвоить себѣ 10 главъ изъ библіи. У меня въ молодости была счастливая память, и я никогда не уходилъ къ обѣду, пока, расха-

---

*) Какое бы то ни было опредѣленіе, если оно шире самого себя, не годно А это именно таково.

живая по комнатѣ, не протвержу на память 10 страницъ въ осьмушку изъ Шейблера, и если не зналъ ихъ твердо, то не шелъ къ столу и повторялъ ихъ еще разъ. Но все это было лишь дѣломъ памяти, а не разсудка. Я учился тогда этимъ вещамъ „въ надеждѣ забыть все впослѣдствіи“ (in spem futurae oblivionis). Слышалъ я, будто разъ сынъ сапожника въ Марпургѣ, какой-то старый педантъ, пришелъ къ тогдашнему экстраординарному професcору логики и жаловался ему, что онъ уже три года занимается и все не можетъ допытаться, какого рода знаніе—логика? Искусство ли это? наука ли? Практическое ли обиходное средство и т. д? Я испугался, подумавъ, если этотъ старецъ потратилъ столько времени и все еще не постигъ первоначальнаго опредѣленія, что же я, несчастный, успѣю сдѣлать въ этой логической борьбѣ. Придется мнѣ прослужить бѣднымъ мушкетеромъ, тѣмъ еще болѣе, что старый Рудольфусъ Гокленіусъ, какъ я видѣлъ, расписываясь въ родословной книгѣ, называетъ себя „отставнымъ профессоромъ“ (Professorem Depontanum), намекая тѣмъ, безъ сомнѣнія, на обычай древнихъ Римлянъ и напоминая о своихъ преклонныхъ лѣтахъ. Этотъ великій старецъ до конца дней своихъ подвизался на диспутахъ и то и дѣло мудрилъ надъ логикой. Этотъ философъ удостоивалъ меня, еще юнаго отрока, чести посѣщать мое жилище, оттого что я весьма прилежно ходилъ на его лекціи. Я обыкновенно ставилъ передъ нимъ стаканъ вина, а онъ разсказывалъ мнѣ разныя старыя воинственныя исторіи и разъ по 20 пилъ за мое здоровье. Но за разными преніями онъ забывалъ о дѣлѣ. Я думалъ тогда, если этотъ великій мужъ до самой смерти возится съ логикой, избравъ ее своимъ главнымъ занятіемъ, то гдѣ же мнѣ, несчастному невѣждѣ, выкарабкаться изъ этой тины. Но, увѣряю васъ, съ той поры какъ узналъ я, въ чемъ состоитъ логика, мнѣ жаль стало, что я не провелъ въ прогулкахъ все время, потраченное на логическія побрякушки вакхантовъ. Не стану, конечно, проклинать своихъ учителей, но и не осыплю могилы ихъ ни розами и фіалками, ни розмариномъ и тюльпанами: они не посовѣтовали мнѣ тогда вмѣсто логическихъ пустяковъ вакхантовъ взять въ руки хорошаго оратора или историка и на нихъ упражнять свою память, пока въ болѣе зрѣломъ возрастѣ не созрѣетъ мой умъ“.

На третьемъ году своего пребыванія въ университетѣ Шуппіусъ принялся за изученіе теологіи. Затѣмъ, по истеченіи трехлѣтія, предался онъ своей страсти къ путешествію; отправился во Франкфуртъ, посѣтилъ почти всѣ академіи верхней Германіи и прошелъ пѣшкомъ около 250 миль до Кенигсберга, въ Пруссіи, съ тѣмъ чтобы послушать знаменитаго тогда ритора, Самуила Фукса. Изъ Кенигсберга онъ направился въ Эстляндію и Лифляндію, Литву и Польшу, по-

томъ моремъ переѣхалъ изъ Данцига въ Копенгагенъ и Сорѣэ, затѣмъ въ Грейфсвальдъ и Ростокъ, и въ послѣднемъ городѣ добился степени магистра философіи. Какъ онъ самъ впослѣдствіи смотрѣлъ на званіе магистра, это изображено имъ саркастически въ его „Другѣ въ нуждѣ“ вотъ въ какомъ видѣ: „Получивъ въ Ростокѣ магистра и занявъ тамъ „первое мѣсто“, я чрезвычайно возгордился. При встрѣчѣ на улицѣ съ какимъ нибудь кичливымъ малымъ я думалъ про себя, воображай себѣ, что хочешь, а ты все-таки не магистръ. Ужь какъ же навострилъ я уши, когда послѣ полученія степени, за устроеннымъ затѣмъ обѣдомъ, мой промоторъ и великій другъ, благородный Петръ Лавренбергъ, поднявъ стаканъ вина, сказалъ: Salus, господинъ магистръ! я подумалъ, вѣдь это онъ мнѣ, магистръ-то вѣдь я. Два цѣлыхъ дня старался я, пока не научился выводить красивый *М*. Мою печать скоро пришлось измѣнить и приставить М къ моему имени. Когда мой слуга, называвшій меня прежде просто Филандръ, не говорилъ теперь, господинъ М. Филандръ, то награждался пощечиной. Когда потомъ приходилось писать знатному господину, то я не хотѣлъ называться; магистръ Филандръ, а на оборотъ, Филандръ магистръ. Ибо, думалось мнѣ, вѣдь я не какая нибудь простая свинья, а удостоился первой степени. Но, увѣряю тебя, теперь желалъ бы, чтобы всѣ деньги, потраченныя мною на эти чины, достались бѣднымъ женщинамъ въ госпиталѣ св. Елисаветы въ Марбургѣ, и сварили бы онѣ себѣ пива и помолились бы за меня Богу“. Окончивъ свое странствіе, онъ возвратился черезъ Гамбургъ, Любекъ и Бременъ въ Марбургъ и здѣсь началъ читать публичныя лекціи. Въ 1635-мъ г. 25-ти лѣтъ отъ роду онъ былъ профессоромъ исторіи и краснорѣчія въ томъ же городѣ и въ теченіе десяти лѣтъ исполнялъ эту должность съ отличнымъ успѣхомъ, тутъ же сочинилъ онъ свои духовныя пѣсни. Въ 1649-мъ г. онъ сдѣлался главнымъ пасторомъ при церкви св. Якова въ Гамбургѣ. Пребываніе въ этомъ городѣ было для него школою невзгодъ. Вскорѣ по прибытіи туда лишился онъ своей супруги, дочери доктора Гельвина въ Гисенѣ. Его простая естественная проповѣдь, свободная отъ всякой пасторской монотонности и назидательности, проникнутая полнотою человѣческой жизни и не презиравшая дебелою, возбуждающею толпу формою, сверхъ того во многихъ отношеніяхъ свободный отъ предразсудковъ и вольнолюбивый взглядъ на религіозные предметы навлекли на него ненависть правовѣрнаго лютеранскаго духовенства; особенно старшина Меллеръ не переставалъ поносить и преслѣдовать его. Сильная привязанность къ нему прихода и добрая слава его имени не вознаграждали его за многія понесенныя имъ оскорбленія. Къ теологическимъ против-

никамъ присоединились еще враги-педанты изъ ученаго цеха, оттого что онъ безъ обиняковъ и прямодушно высказывался о существующихъ школьныхъ учрежденіяхъ и приписывалъ университетскимъ занятіямъ болѣе скудную пользу, нежели эти члены ученаго цеха. Такъ въ „Другѣ въ нуждѣ" онъ говоритъ своему сыну: „Не воображай себѣ, будто вся мудрость связана съ университетомъ". А передъ тѣмъ онъ заявляетъ еще: „Я всегда много уважалъ людей, которые выросли не въ схоластической пыли, а въ занятіяхъ и при высокопоставленныхъ лицахъ, въ родѣ Эразма Роттердамскаго, Юлія Цезаря Скалигера, Іоанна Барклая и др." Этотъ поборникъ за просвѣщеніе и право въ полной силѣ зрѣлыхъ лѣтъ изнемогъ отъ напряженій и тревогъ. Онъ скончался октября 26-го 1661-го г. Значеніе Шуппа для исторіи педагогики слѣдуетъ искать не столько въ его педагогическихъ воззрѣніяхъ, но скорѣе въ тѣхъ средствахъ, какими онъ наперекоръ ученому педантизму отстоялъ мощь и красоту своего родного языка и такимъ образомъ помогъ расторгнуть схоластическія и учено-цеховыя узы, сковавшія и погубившія лучшіе умы націи. Значеніе его лучше всего обнаруживается изъ его сочиненій, содержащихъ въ себѣ, въ изданіи 1663-го г., цѣлыхъ 1977 страницъ. К. Э. Блохъ отлично охарактеризовалъ его слѣдующими словами: „Если, съ одной стороны, онъ порывался высказаться отъ избытка своихъ думъ и богатаго запаса опытности, то, съ другой стороны, авторомъ сдѣлали его невоздержныя нападки противниковъ. Онъ не только былъ вѣрнымъ пастыремъ душъ въ своемъ приходѣ, но стремился также быть добросовѣстнымъ наставникомъ народа. Какъ на мірскомъ поприщѣ, такъ и съ каѳедры проникалъ онъ рѣчью въ сердца людей и указывалъ имъ путь къ истинному и прочному счастью. Шуппъ былъ самымъ популярнымъ человѣкомъ своей эпохи, и его скорѣе можно назвать предтечею Матіаса Клавдіуса, нежели Ульриха Мергельна, котораго нельзя съ нимъ сравнивать ни въ какомъ отношеніи. Рядъ изображенныхъ имъ картинъ наполняетъ собою освѣщенный солнцемъ красиво убранный садъ, гдѣ на всѣхъ вѣтвяхъ висятъ прелестные плоды; отъ обилія ихъ не рѣдко ломятся подпорки, дотого богато и вѣско историческое и нравственное его содержаніе. Приводимыя изъ древнихъ классиковъ изреченія свидѣтельствуютъ не только о его обширной начитанности, но и нынѣ даже могли бы украсить собою любое изъ произведеній нашихъ авторовъ. Какъ ясный и веселый нравъ, такъ и незлобивое бичеванье многихъ нелѣпостей и недостатковъ эпохи не допустили его сдѣлаться святошей: а это, конечно, погрѣшало противъ господствовавшаго тогда взгляда на духовное званіе, но никоимъ образомъ не налагало еще на него отпечатка сатирика по профессіи. Суета и глупость

нашего міра предстали передъ нимъ въ настоящемъ ихъ свѣтѣ, но вмѣсто того, чтобы громить ихъ назидательными проповѣдями и возстановлять людей противъ своихъ христіанскихъ побужденій, онъ ставилъ самихъ слушателей и читателей своихъ на такую точку зрѣнія, что отъ нихъ не могли укрыться вся пустота и все ничтожество многихъ столь прославляемыхъ и съ такою алчностью добываемыхъ предметовъ. Смѣясь говорить правду, таково было сокровеннѣйшее ядро его поученій, а потому, какъ проповѣдникъ и дидактикъ, такъ точно и народный писатель и теперь еще могутъ съ пользою изучать его: они научатся у него, какъ двигать сердца людей. Слогъ его, то неуклюжій и вялый (Quandoque bonus dormitat Homerus), но большею частью плавный и подстрекающій, рѣдко напоминаетъ собою эпоху, къ которой принадлежитъ, а напротивъ, указываетъ чуть-ли не на цѣлое столѣтіе впередъ до Лискова, а черезъ него до Лессинга. При всей глубинѣ мысли онъ здоровымъ своимъ юморомъ превосходитъ большинство своихъ современниковъ, если-бъ стоило только сравнить съ нимъ послѣднихъ. Подъ его искуснымъ перомъ стала образоваться плавность языка, съ тѣмъ чтобы проложить пути новой и болѣе блестящей эпохѣ, которую тогда уже предчувствовали многіе". Главныя мысли Шуппа объ учебной системѣ содержатся въ его статьѣ: „Посланникъ Ципфузіусъ, отправленный съ Парнасса по учебному дѣлу къ курфюрстамъ и чинамъ Римской имперіи". Аполлонъ собралъ на Парнассѣ музъ и самыхъ знатныхъ ученыхъ и добродѣтельныхъ мужей, чтобы посовѣтоваться съ ними, какъ помочь крайне испорченному роду человѣческому. Когда разобрали всѣ возможные недостатки и тѣневыя стороны этого рода и предлагались разныя, отчасти чудовидные совѣты, отвергнутые Аполлономъ и остальными за ихъ непрактичностью, то наконецъ Полимнія заявила, что пособить горю возможно единственно путемъ воспитанія; она окончательно выразила свое мнѣніе въ слѣдующемъ предложеніи: „Если бъ повсемѣстно были хорошо устроенныя школы, въ которыхъ юношество образовалось бы какъ слѣдуетъ, то міръ обновился бы въ теченіе двадцати лѣтъ, и мы не нуждались бы болѣе ни въ тюрьмахъ, ни въ палачахъ". Слова музы встрѣтили всеобщее сочувствіе, и затѣмъ возникъ вопросъ, какъ устроить школы. Приглашается Коменіусъ, съ тѣмъ чтобы изложить свой методъ преподаванія языковъ. За нимъ слѣдуетъ Іоаннъ Геерманнъ, „знаменитый проповѣдникъ и поэтъ изъ Силезіи". Онъ увѣщеваетъ собраніе, прежде всего сказать учителямъ, чѣмъ они должны быть и что имъ дѣлать. „Кто хочетъ быть добросовѣстнымъ шульмейстеромъ, долженъ вопервыхъ питать родительскую любовь къ своимъ ученикамъ, какъ бы къ

собственнымъ дѣтямъ". Вовторыхъ, онъ обязанъ воспитать своихъ учениковъ въ страхѣ Божьемъ, благонравіи и преподать имъ „хорошія искусства и языки". Втретьихъ: „Собираясь что-либо передать своимъ ученикамъ, онъ долженъ предварительно прочесть и размыслить объ этомъ". Вчетвертыхъ, онъ долженъ тщательно выслушивать своихъ учениковъ „и стараться, чтобы ученики слушали его не скучая, но съ охотой и наслажденіемъ". Наконецъ, пусть онъ заставляетъ ученика болѣе слушать, нежели читать и писать. „Sine viva voce, т. е. безъ живаго голоса, заниматься наукою почти невозможно, по крайней мѣрѣ весьма трудно и безуспѣшно, не говоря уже о возбуждаемомъ вслѣдствіе того отвращеніи въ ученикахъ". Послѣ Геерманна вызывается Панкратій. Этотъ порицаетъ существующее латинское преподаваніе, ни во что не ставитъ совѣты Коменія и хвалитъ особенно „дидактику Ильи Бодина"; и дѣйствительно, ему извѣстно, „какъ послѣдній въ Амстердамѣ одного сапожника, не имѣвшаго до 36-ти лѣтняго возраста никакого понятія о грамматикѣ, довелъ въ одинъ годъ до того, что онъ въ состояніи былъ написать прекрасное латинское письмо, которое, казалось, вышло чуть-ли не изъ подъ пера самого Липсія". Онъ утверждаетъ, что у искусныхъ учителей латини можно научиться въ короткій срокъ, сѣтуетъ, что молодежь въ школахъ не привыкаетъ говорить постоянно полатыни, и заканчиваетъ такъ: „Меня крайне возмущаютъ пошлости, какія творятся въ школахъ, гдѣ зачастую двѣнадцать и болѣе лѣтъ проводятъ за грамматикой и латинью и едва ли 4 года или 5 лѣтъ могутъ посвятить на факультетъ или на изученіе другихъ дѣльныхъ наукъ". За Панкратіемъ слѣдуетъ Эвформіонъ. Онъ требуетъ, чтобы латинская грамматика излагалась для учениковъ на нѣмецкомъ языкѣ, чтобы правила были упрощены и выражены въ ясномъ, общепонятномъ видѣ. Онъ признаетъ истину, что умственное содержаніе должно пройти черезъ чувства. „Все человѣческое знаніе беретъ свое начало отъ внѣшнихъ чувствъ и черезъ нихъ, и въ этомъ случаѣ зрѣніе оказываетъ наиболѣе плодотворныя и самыя важныя услуги, свободно воспринимая образы внѣшнихъ предметовъ, такъ что они въ тотъ же мигъ представляются уму; слухъ, напротивъ того, нѣсколько медленнѣе совершаетъ это, такъ какъ ему сообщается нѣчто лишь объ отсутствующихъ (для него) предметахъ, и сама фантазія или сила воображенія должна уже изъ воспринятыхъ словъ составитъ себѣ образъ насколько это ей доступно. Если же оба чувства одновременно дѣйствуютъ на предметъ, если глазъ видитъ представляемую вещь, а ухо воспринимаетъ поясненіе объ ней, то обученіе идетъ вѣрнымъ и твердымъ путемъ, тогда не только легко понимаютъ самую суть дѣла, но и

крѣпко удерживаютъ его въ памяти". На этомъ основаніи онъ хочетъ облегчить ученіе слѣдующимъ образомъ: „Я подобралъ принадлежащія къ одному роду и склоненію слова, совмѣстилъ ихъ въ басняхъ, оттого что нельзя было, да и не слѣдовало составить изъ этого подлинную исторію, потомъ изобразилъ содержаніе въ лицахъ, подобно тому какъ въ духовной и мірской исторіи, размѣстилъ ихъ надлежащимъ образомъ и представилъ разныя правила внѣшнимъ чувствамъ по возможности въ лучшемъ видѣ". Эвформіонъ предлагаетъ сверхъ того полную систему мнемотехники, что также должно облегчать ученіе. Онъ хотѣлъ было продолжать рѣчь свою, но тутъ пришла вѣсть, что „какіе-то школяры сцѣпились другъ съ другомъ". Аполлонъ приказалъ ударить въ набатъ на Парнассѣ; крайне вспыливъ по поводу этого буйства, онъ хотѣлъ выгнать ихъ изъ храма, но его удержали просьбы Цицерона и Квинтильяна, объяснившихъ ему, „что эти бѣдняги вѣдь не въ состояніи вести диспуты о высокихъ предметахъ, оттого что вовсе не обучались имъ". Въ заключительной рѣчи Аполлонъ произноситъ строгій приговоръ надъ шульмейстерами. „Встарь латинисты называли школу Ludum (игрою), а теперь шульмейстеры сдѣлали изъ нея Carnificinam (мѣсто пытокъ). Когда случится проходить мимо того мѣста гдѣ властвуетъ такой схоластическій тиранъ, ubi plus nocet quam docet, *) то только и слышишь жалкіе вопли и визги, словно самъ Фаларидъ тамъ воцарился, такъ что это скорѣе притонъ фурій, нежели убѣжище свободныхъ искусствъ. Я и собаки своей, которую люблю, не отдалъ бы этимъ скотамъ, а сына и подавно". „Пусть шульмейстеръ сдѣлаетъ ученіе пріятнымъ своему ученику, такъ чтобы возбудить въ немъ жаждущую любознательность, тогда и ученикъ полюбитъ своего шульмейстера". Аполлонъ желалъ бы прежде всего устроить образцовое заведеніе и подготовить тамъ способныхъ учителей. „Если въ наше время ни одинъ даровитый и добросовѣстный человѣкъ не хочетъ посвятить себя учебному дѣлу, то это оттого, что служащихъ при школѣ награждаютъ скуднымъ содержаніемъ, а обременяютъ непосильнымъ трудомъ. И потому для устройства хорошей школы необходимо прежде всего изыскать средства, какъ бы добыть денегъ, чтобы учителямъ назначить достаточное содержаніе". „Этотъ презрѣнный металлъ помѣха всякому добру". Олимпійскимъ совѣтомъ рѣшено наконецъ послать господина Ципфузіуса, секретаря Меркурія, къ правительствамъ священной Римской имперіи, съ тѣмъ чтобы онъ представилъ имъ важность лучшаго воспитанія и побудилъ ихъ къ энергическому

*) Гдѣ больше мучитъ, чѣмъ учитъ.

образу дѣйствій.—Въ статьѣ: „Ученый студентъ“ встрѣчаются сильные нападки на университеты. Въ ней бичуются постановленія, о которыхъ упоминалось выше, система пенналей и крайнія злоупотребленія, „какія творятся съ докторскимъ, лиценціатскимъ и магистерскимъ ремеслами“. Шуппъ весьма остроумно и по тогдашнему времени въ высшей степени безпристрастно доказалъ, что съ университетомъ не связана ни теологическая, ни юридическая, ни даже медицинская, ни филологическая мудрость. Не мало гоненій пришлось ему вытерпѣть за свой духъ свободы, обнаруженный имъ какъ въ этой, такъ и въ другихъ статьяхъ. Вѣдь споконъ-вѣка опасно было „бросать камни въ огородъ“ какъ теологовъ извѣстнаго пошиба, такъ точно и ученыхъ цеховыхъ чистой крови.

Іоаннъ Валентинъ Андреэ

родился въ Герренбургѣ 1586-го г., былъ діакономъ въ Вайгингенѣ 1614-го, деканомъ въ Кальвѣ 1620-го, придворнымъ священникомъ въ Штутгартѣ 1639-го, прелатомъ въ Бебенгаузенѣ 1650-го, а умеръ 1654-го г.,—это былъ мужъ, о которомъ сказалъ Спенеръ: „Если бъ мнѣ дана была власть воскресить кого-либо изъ мертвыхъ, то я избралъ бы Андреэ“,—онъ былъ исполненъ огня и энергіи, идеальнаго порыва, и все-таки до мозга костей отличался практическою натурою; обладая бичемъ сатиры, душа его при этомъ пламенѣла любовью; въ своемъ приходѣ и въ Вюртембергской церкви онъ былъ настоящимъ священникомъ и глубоко вникалъ въ дѣло воспитанія своего прихода и отечества. Онъ возсталъ противъ механическаго обученія латини въ низшихъ ученыхъ школахъ и противъ механическаго преподаванія катехизиса въ народныхъ училищахъ. Но онъ ратовалъ не только противъ схоластико-реторической формы и ложнаго метода преподаванія; онъ ратовалъ вообще противъ языческаго принципа, безусловно предпочитавшаго греко-римское образованіе новой евангелической жизни, и къ тому же въ ложно понятомъ видѣ. Какъ другъ Коменіуса, „Большую дидактику“ (Didactica magna) котораго онъ называлъ плодотворною книгой какъ для родителей, учителей и учениковъ, такъ и для государства, церкви и даже для неба, онъ заодно съ нимъ отстаивалъ реалистическое воззрѣніе, заявивъ слѣдующія основныя правила: 1) Ничего не предписывайте юношеству на иностранномъ языкѣ. 2) Не задавайте ему предметовъ, которыхъ оно не понимаетъ, потому что мальчикамъ надоѣдливо учить лишь слова, не имѣя яснаго понятія объ означаемыхъ ими предметахъ и объ употребленіи ихъ въ жизни. 3) Не слѣдуетъ объяснять юношамъ ничего, выходящаго изъ предѣловъ ихъ кругозора и не возбуждающаго въ нихъ

никакого интереса. Не пичкайте мальчиковъ знаніями, которыя ими тотчасъ же выплевываются вонъ, сообщайте имъ, напротивъ, только то, что они способны передать въ свою очередь, что слѣдовательно усвоивается ихъ свободнымъ духомъ и что сумѣютъ они примѣнить на практикѣ: вотъ задача и настоящее искусство учителя. Но образованіе посредствомъ языковъ и реальное образованіе должны подчиняться высшему: всякое иное знаніе лишено значенія безъ знанія о Христѣ; а съ другой стороны, послѣднее вмѣщаетъ въ себѣ также и первое; одно отнюдь не исключаетъ другого, такъ что собственно христіанину и подобаетъ всякое высокое знаніе и умѣнье.

Искусство преподаванія у Андреэ должно быть посвящено Богу и образовать отличныхъ людей, не чуждыхъ также знанія изящныхъ наукъ и искусствъ. Чтобы достичь этой цѣли, онъ самъ принялся за дѣло. Въ качествѣ старшаго учителя гимнастики онъ въ Тюбингенѣ обучалъ дѣтей вольтижировкѣ, составилъ въ 1621-мъ г. свой евангелическій „Дѣтскій учебникъ", въ видѣ дальнѣйшаго наставленія для дѣтей, „уже усвоившихъ себѣ катехизисъ", съ самою настойчивою энергіею содѣйствовалъ въ Кальвѣ улучшенію преподаванія и подалъ поводъ къ основанію такъ называемаго „пріюта красильщиковъ" (Färberstift), учрежденія, доставлявшаго въ теченіе слишкомъ двухъ столѣтій всякаго рода содержаніе и пособіе нѣсколькимъ тысячамъ учащихся, учителей ремесленниковъ, вдовъ и сиротъ, больныхъ и покинутыхъ. Сверхъ того онъ много содѣйствовалъ улучшенію и введенію катехизаціи въ народной школѣ.—Преслѣдуемый какъ мірскими властями, такъ и духовенствомъ, и обвиняемый въ еретичествѣ, за то что былъ преданъ болѣе практическому христіанству, нежели схоластической ортодоксіи, онъ умеръ, произнося: „Намъ отрадно, что имена наши начертаны въ книгѣ жизни".

Мошерошъ съ его правилами воспитанія принадлежалъ семейной жизни. Шуппій дѣйствовалъ сильнѣе и возбудительно въ болѣе обширныхъ кругахъ и, обладая своеобразною натурою, мужественно ратовалъ противъ существовавшихъ недостатковъ учебной системы. Андреэ съ его христіански-реалистической теоріею воспитанія не выходилъ изъ предѣловъ оффиціальной дѣятельности.

Съ именами Ратихіуса и Коменія связано дальнѣйшее педагогическое движеніе, само по себѣ замѣчательное и значительное, но какъ всѣ вообще духовные порывы на нѣмецкой почвѣ и оно также было заторможено великимъ національнымъ бѣдствіемъ, тридцатилѣтнею войною, а по-

тому дало лишь скудные плоды. Противъ существовавшаго доселѣ метода формалистическаго преподаванія грамматики, противъ мертваго заучиванья наизустъ и жестокой дисциплины началъ борьбу

Вольфгангъ Ратке, прозванный Ратихіусъ.

Онъ родился 18-го октября 1571-го г. въ Вильстерѣ, что въ Голштиніи. Окончивъ въ Гамбургѣ курсъ гимназическаго образованія и изучивъ въ Ростокѣ теологію и философію, Ратке отправился въ Голландію съ цѣлью, какъ въ метрическомъ свидѣтельствѣ выразился магистратъ его родного города, „путешествовать и попытать тамъ свои силы, питая необыкновенную жажду и любознательность къ разнымъ иностраннымъ нарѣчіямъ и языкамъ, и желая ближе ознакомиться съ разными усовершенствованіями и искусными математическими инструментами". Не разъ уже заявляемое, и наконецъ Кеммелемъ опять возобновленное предположеніе, будто онъ посѣтилъ также Англію и тамъ заразился идеями Бакона, лишено всякаго основанія. Въ Голландіи онъ возъимѣлъ намѣренье выступить реформаторомъ преподаванія языковъ вообще. Своимъ предначертаніямъ онъ съ самаго начала придаетъ рѣшительно мессіанское значеніе: онъ хочетъ,—какъ до надоѣдливости самъ повторялъ въ теченіе всей своей жизни,—доставить „значительную пользу и несказанную выгоду какъ своему отечеству, такъ и всему христіанству". Въ 1611-мъ, а не 1612-мъ, какъ полагаетъ Кеммель, мы встрѣчаемъ его во Франкфуртѣ на М. Здѣсь, какъ то и дѣло жалуется Ратке, не нашелъ онъ удобной почвы для своего посѣва. Добрые ратманы, школяры и священники во Франкфуртѣ, пишетъ онъ, „не обладаютъ великимъ рвеніемъ и надѣлены скуднымъ умомъ, они довольствуются тѣмъ, что съ видомъ изумленія, или почти даже съ насмѣшкою, ждутъ окончательнаго исхода дѣла. Да, твердятъ они, когда дѣло окажется хорошимъ, то и мы готовы пристать къ нему. Что за дьявольская неблагодарность! Какой отчетъ отдадутъ эти люди Господу Богу. Бодеккеръ обѣщалъ 1000 фл. для бѣдныхъ, и вотъ уже три года не могу добиться ихъ. Но надѣюсь, съ Божьей помощью, онъ въ этомъ году выдастъ деньги бѣднымъ, если только намѣренъ сдержать свое слово". Дѣла не дѣлались, конечно, такъ скоро, и нашъ реформаторъ весь вѣкъ свой ни до чего порядкомъ не „добрался". Болѣе нежели у франкфуртскихъ ратмановъ Ратихію посчастливилось у разныхъ нѣмецкихъ князей, которыхъ изъ Франкфурта уже старался онъ склонить на свою сторону. Прежде всего съ нимъ сблизился пфальцграфъ Вильгельмъ Нейбургскій; онъ выслалъ ему вексель въ 500 рейхсталеровъ для закупки книгъ и на содер-

жаніе его еврейскаго сотрудника Зелигмана, котораго онъ считалъ необходимымъ имѣть при себѣ ради еврейскаго языка. Вышеупомянутый Бодеккеръ отказался акцептовать вексель, оттого что деньги „помѣщены въ ненадежныя руки;“ однако, благодаря вліянію пфальцграфа, Ратке все-таки добился средствъ на переѣздъ въ Веймаръ. Тамъ посѣтилъ онъ овдовѣвшую герцогиню Доротею Марію, которая разумно и энергично управляла своимъ маленькимъ владѣніемъ для своихъ несовершеннолѣтнихъ сыновей и обратила свое вниманіе на дидактика. Герцогиня милостиво приняла и также милостиво отпустила его. Ратке извѣщаетъ: „Въ Веймарѣ я былъ милостиво уволенъ. Вдовствующая государыня пожаловала мнѣ 100 дукатовъ и пенсію, а принцесса 500 фл. за мои труды и старанія. Онѣ и впредь также обѣщали всякаго рода пособія и содѣйствіе“. По возвращеніи во Франфуртъ, его посѣтили два профессора изъ Гисена, присланные ландграфомъ Людвигомъ Гессенъ-Дармштадтскимъ, чтобы переговорить съ Ратихіемъ и дать отчетъ о его искусствѣ преподаванія; то были именно теологъ Христофъ Гельвигъ (Гельвикусъ) и философъ Іоахимъ Юнгъ (Юнгіусъ). Они дали благопріятный отзывъ въ своемъ докладѣ, который явился подъ заглавіемъ: „Краткій отчетъ о дидактикѣ или искусствѣ нреподаванія Вольфг. Ратихія, гдѣ онъ даетъ наставленіе, какъ легче, скорѣе, правильнѣе, вѣрнѣе и совершеннѣе, чѣмъ то дѣлалось до сихъ поръ, распространять языки, искусства и науки“. (Франкфуртъ 1613. 12.) Юнгъ впослѣдствіи написалъ еще „Отзывъ о новомъ искусствѣ преподаванія Вольфг. Ратихія“, что и было приложено къ новому изданію Лютерова „Увѣщанія бургомистрамъ и ратманамъ“ отъ 1524-го г.

Другой отзывъ учиненъ по требованью герцогини Доротеи Маріи Саксенъ-Веймарской и составленъ Іенскими профессорами Граверомъ Бренделемъ, Вальтеромъ (Гвальтеромъ) и Вольфомъ. Умная государыня въ то же время совѣтовалась съ вліятельнымъ придворнымъ пасторомъ Гоэ фонъ Гоэнеггъ въ Дрезденѣ и съ знаменитымъ теологомъ Бальтазаромъ Ментцеромъ въ Гисенѣ. Отзывъ Іенскихъ профессоровъ появился еще въ 1613-мъ г. подъ заглавіемъ: „Отчетъ о дидактикѣ или искусствѣ преподаванія Ратихія и пр.“ и оказался такъ же благопріятнымъ, тогда какъ дрезденскій придворный пасторъ отказался примѣнить дидактику въ саксонскимъ герцогскимъ школамъ, а ректоры Вильке и Губмейеръ въ Готѣ выразились въ томъ смыслѣ, что по ихъ мнѣнію въ проектѣ Ратихія много вздору и пустыхъ обѣщаній. Нашъ дидактикъ въ одномъ изъ писемъ къ герцогинѣ Веймарской выражаетъ свое удовольствіе по поводу отчета Іенскихъ профессоровъ, находитъ однако, „что они мѣстами оказываются все еще слишкомъ робкими или ско-

рѣе слабыми въ своемъ отчетѣ, оттого что еще недостаточно постигли всѣ условія моего христіанскаго предпріятія;" потомъ онъ торжествуя пишетъ Граверу, что въ отчетѣ Гельвига и Юнга противникамъ его, Ментцеру и Маіору „ловко наставлены носы," такъ что онъ не могъ удержаться отъ смѣха.

Гельвигъ и Юнгъ сопровождали дидактика также въ Аугсбургъ, куда онъ отправился въ 1614-мъ г., скоро однако перестали удивляться Ратихію и, поссорившись, разстались съ нимъ. Первый отправился весною 1615-го г. въ Гисенъ, тогда какъ Юнгъ обратился въ свой родной городъ Любекъ, съ тѣмъ чтобы продолжать тамъ свои дидактическія попытки; вскорѣ онъ вынужденъ былъ отказаться отъ своихъ поползновеній, такъ какъ Любцы не охотно приняли его у себя.

Разставшись съ ними, Ратке, повидимому, обрушилъ весь гнѣвъ свой на Гельвига и обратился къ нему съ несообразными требованьями; и точно, послѣдній пишетъ книгу: „Причины и доводы, почему Ратихій не въ правѣ требовать что-либо отъ меня, Гельвига, и что онъ не справедливо клевещетъ на меня". Ратихій, такъ заявляетъ Гельвигъ, въ ихъ тѣсномъ кружкѣ въ Аугсбургѣ вопреки уговору присвоилъ себѣ невыносимое первенство и господство; потомъ онъ не открывалъ имъ вполнѣ своего дѣла („хотя бы мнѣ, по его мнѣнію, и пришлось пробыть у него десять лѣтъ, то я все-таки не узналъ бы настоящаго дѣла, потому что онъ будто бы далъ намъ ключъ, чтобы отпереть, но самъ удержалъ при себѣ еще другой, съ тѣмъ чтобы запереть, и тому подобный вздоръ"), а втретьихъ онъ зараженъ нестерпимою и нехристіанскою заносчивостью, утверждая, будто обладаетъ болѣе яснымъ свѣтомъ, нежели какимъ нѣкогда обладали апостолы; въ четвертыхъ онъ злобствуетъ на всѣхъ, на теологовъ, на начальства, на князей и державцевъ и то и дѣло разражается ругательствами; наконецъ онъ не въ правѣ упрекать Гельвига по поводу отъѣзда изъ Аугсбурга, такъ какъ князь Людвигъ Гессенскій съ самаго начала не разрѣшилъ послѣднему болѣе продолжительнаго отпуска, а самъ онъ не хотѣлъ даже просить о продленіи, потомучто „Ратихій мудрилъ и путалъ дотого, что было бы, конечно, неразумно, отдѣлавшись разъ, вновь связываться съ нимъ послѣ нарушенныхъ условій. И кто сталъ бы опять довѣрять ему и безъ нужды вновь подвергаться опасности; онъ даже всякое хорошее дѣло готовъ заподозрить и опозориваетъ его такъ, что хоть кого страхъ возьметъ".—Изъ Аугсбурга Ратке вступилъ въ переписку съ графинею Анною Софіею фонъ Шварцбургъ въ Рудольштадтѣ, оказавшеюся его новою и притомъ самою вѣрною пріятельницею. Ревностная герцогиня Марія Веймарская опять

отправляетъ ученаго, а именно придворнаго священника Іоанна Кромайера, для болѣе основательнаго изслѣдованья его проекта и письменно упрашиваетъ Ратихія открыться настоящимъ образомъ. Вопреки дружеской просьбѣ, Ратке подозрительно встрѣчаетъ посланнаго и требуетъ отъ него особаго довѣрительнаго письма. Кромайеру на этотъ разъ пришлось уѣхать, ничего не добившись; вслѣдствіе новаго посланія герцогини, ему, правда, разрѣшенъ былъ доступъ, но потомъ Ратке въ письмѣ къ своей покровительницѣ аттестовалъ его такъ: „У М. Кромайера, конечно, добрыя намѣренья, но онъ не понимаетъ моего дѣла“. Изъ этого уже видно, что предположеніе, будто Ратихій вліялъ на Кромайера и будто послѣдній ввелъ его учебный уставъ въ Веймарѣ, лишено всякаго основанія.—Осенью 1615-го года нашъ безпокойный дидактикъ появился въ Эрфуртѣ, какъ извѣщаетъ онъ самъ: „По милостивому желанію и назначенью герцогини Веймарской“. Въ октябрѣ того же года бразды правленія принялъ герцогъ Эрнстъ, тотъ самый, который впослѣдствіи въ связи съ Людвигомъ Ангальтскимъ приступилъ къ рѣшительной попыткѣ воспользоваться идеями Ратихія для общественнаго блага. Ратке въ Эрфуртѣ хотѣлъ вновь окружить себя учеными сотрудниками, но охотниковъ на это болѣе не нашлось. Даже еврейскій помощникъ его Зелигманъ обѣщалъ пріѣхать только тогда, кода онъ пришлетъ ему 200 фл. для уплаты долговъ. Когда же Зелигманъ вскорѣ затѣмъ умеръ въ Ганау, то Ратке „взгрустнулъ даже“, не зная, гдѣ „найти для своего предпріятія другого такого же человѣка“. Этотъ еврей, такъ пишетъ онъ герцогинѣ Маріи, былъ для него важнѣе Гельвига и Юнга, „оттого что они неблагодарные и безчестные люди, искавшіе въ этомъ дѣлѣ одного лишь удовлетворенія своему поскудному честолюбію и своекорыстію“. Въ 1616-мъ г. Ратихій очутился въ Вальдеккѣ, потомъ въ Касселѣ, по приглашенію ландграфа Морица Гессенскаго, тщетно старавшагося склонить его на постоянное сотрудничество при основанной имъ „дворцовой школѣ“; вскорѣ затѣмъ Ратке появился въ Пирмонтѣ и наконецъ опять во Франкфуртѣ. Въ этомъ же году онъ получаетъ приглашеніе отъ князя Людвига Ангальтскаго пріѣхать въ Кётенъ, съ тѣмъ чтобы здѣсь, при энергическомъ содѣйствіи князя, осуществить свои идеи. Но Ратке, по собственнымъ словамъ его, не можетъ пока пріѣхать, „оттого что мнѣ необходимо изложить на бумагѣ нѣкоторые предметы изъ моей дидактики или искусства преподаванія, сверхъ того у меня въ здѣшнихъ мѣстахъ такъ много дѣла съ высокопоставленными лицами и учеными людьми, что въ настоящее время я не въ состояніи удалиться отсюда“. Ратке обѣщаетъ однако къ новому году отправиться въ путь и тогда воспользоваться присланными

княземъ Людвигомъ деньгами на проѣздъ; но потомъ онъ опять передумалъ, отсрочиваетъ свой пріѣздъ на неопредѣленное время и требуетъ, чтобы прислали къ нему ректора Штальмана для полученія точной инструкціи. А между тѣмъ онъ изъ Франкфурта энергически продолжаетъ свою письменную пропаганду. Профессору Іоанну Буксторфіусу въ Базелѣ Ратке обѣщаетъ слѣдующее: „Я готовъ въ теченіе 8-ми или 10-ти дней вполнѣ и безъ утайки открыть вамъ свой методъ языковъ" и показать, какимъ образомъ и старъ и младъ, какъ женщины такъ и дѣти, въ состояніи будутъ въ одно полугодіе не отрывочно, но вполнѣ усвоить себѣ, изучить и передавать далѣе любое нарѣчіе. Такъ что всякій будетъ правильно и хорошо знать языкъ, т. е. правильно мыслить, говорить, писать, читать и вообще пользоваться имъ въ случаѣ надобности; а для того чтобы упражняться или заниматься имъ не потребуется заучивать наизустъ ни одного слова, такъ какъ это у насъ строго запрещается. Потребуется лишь, чтобы смотря по возрасту и личности ученика посвящалось на ученье по 2 или по 3 часа въ день въ извѣстномъ порядкѣ, „сообразуясь съ естественнымъ методомъ". Въ этихъ обѣщаніяхъ Ратке представляется въ настоящемъ своемъ видѣ, а именно педагогическимъ хвастуномъ или шарлатаномъ, въ головѣ котораго носились правда кое-какія разумныя идеи, но который сумѣлъ изъ-за нихъ надѣлать черезъ-чуръ много шума и своимъ хвастовствомъ временно мистифицировать и водить за носъ высокопоставленныхъ и гуманно настроенныхъ людей, преданныхъ умственному движенію.—Знакомство съ Буксторфіусомъ, какъ кажется, имѣло послѣдствіемъ временное переселеніе Ратке въ Базель. Но въ этомъ городѣ не расцвѣли для него лавры. Вслѣдствіе фанатической ругани противъ кальвинизма и высокоуважаемыхъ кальвинистовъ онъ былъ запутанъ въ процессъ, въ началѣ октября 1617-го г. арестованъ и лишь въ январѣ 1618-го опять освобожденъ. Маркграфъ Баденскій, какъ кажется, впослѣдствіи еще разъ засадилъ его.

Апрѣля 10-го 1618-го г. Ратихій прибылъ наконецъ въ Кётенъ. Князь Людвигъ въ 1613-мъ г. уже переговорилъ съ реформаторомъ въ Веймарѣ, а въ 1616-мъ познакомился съ нимъ еще ближе; Ратихію въ этомъ году уже удалось склонить вполнѣ на свою сторону разсудительнаго и высокообразованнаго основателя Плодотворнаго Общества, которое имѣло своею цѣлью разработку родного языка, предохраненіе его отъ порчи и споспѣшествованіе добрымъ нравамъ; это достаточно объясняется стремленіемъ Ратихія сдѣлать преподаваніе родного языка основою всякаго языкоученія. Для исполненія своего дѣла Ратке потребовалъ, чтобы пригласили ученыхъ сотрудниковъ и предложилъ про-

фессора Людовика Люціуса въ Базелѣ, хорошаго евреиста и эллениста, котораго онъ надѣялся привлечь за 500 рейхсталеровъ годоваго оклада. Такъ какъ съ самаго почина предстояло не мало расходовъ по предпріятію, то Людвигъ хотѣлъ заручиться помощью своихъ обоихъ братьевъ. Они отказали ему въ этомъ. Князь Христіанъ Ангальтъ-Бернбургскій предостерегалъ даже своего брата не связываться съ Ратихіемъ, „оттого что послѣдній дурно отзывается обо всѣхъ, почему и былъ покинутъ въ Аугсбургѣ Гельвигомъ и Юнгомъ, а въ Базелѣ засаженъ въ тюрьму и изгнанъ оттуда, недавно также въ Баденѣ арестованъ маркграфомъ; потомъ я получилъ достовѣрныя свѣдѣнья отъ сына Буксторфія, что когда Ратке обратился къ старому Буксторфію и Люцію въ Базелѣ, то они обѣщали помогать ему, лишь бы только отвязаться и добромъ отдѣлаться отъ него". Но ни отказъ, ни препятствія эти не остановили князя Людвига. Онъ соединился съ герцогомъ Іоанномъ Эрнстомъ Саксенъ-Веймарскимъ, послѣ чего и были пущены въ ходъ чрезвычайныя средства, чтобы съ помощью Ратихія или безъ него преобразовать и поднять школы и систему преподаванія. Декабря 6-го 1618-го г. заключена была сдѣлка между князьями и нѣкоторыми учеными касательно осуществленія новой дидактики. Ученые обязались при этомъ „приложить весь свой трудъ и употребить его, во славу Божію, на благо дорогого юношества и по мѣрѣ ихъ знанія добросовѣстно примѣнять и обсуждать все во имя истины", „а впрочемъ не вдаваться ни въ диспуты, ни въ распри съ остальными сотрудниками, и все что будетъ дознано и изучено содержать втайнѣ, не открывать и не разглашать ничего безъ особаго позволенія и милостиваго разрѣшенія вышеупомянутыхъ князей". Съ дидактикомъ князья Людвигъ и Эрнстъ заключили особую сдѣлку. Реформаторъ былъ назначенъ общимъ совѣтникомъ; для него были открыты всѣ школы; онъ же самъ обязался во всякое время давать всѣ необходимыя инструкціи. Для изготовленія новыхъ учебниковъ открыта съ большими издержками особая типографія. Но въ ней не печатали ничего безъ разрѣшенія князей. Вступили въ переговоры со Франкфуртскимъ магистратомъ для предупрежденія контрафакціи. Въ инспекторы избрали суперинтендента Стрезона и 5 гражданъ. Всѣ учрежденія и постановленія совершались подъ главнымъ руководствомъ князя при содѣйствіи наличныхъ учителей и Ратихія, которому вмѣстѣ съ тѣмъ поручался и надзоръ за типографіей. Князь Людвигъ хотѣлъ въ собственномъ дворцѣ доставить желающимъ „учителямъ и студентамъ" возможность на лекціяхъ профессоровъ и старшихъ учителей расширить свои познанія по новому методу и ознакомиться съ послѣднимъ. Преподаванье началось іюня 21-го 1619 г. Уѣхавъ, по прошествіи нѣсколькихъ недѣль, на воды въ Рейнгардс-

руннъ, князь поддерживалъ переписку съ Ратихіемъ и профессорами. Іюля 24-го Ратке извѣстилъ его, что дѣло, начатое въ городской школѣ, идетъ успѣшно, но намекнулъ уже при этомъ, что ему приходится испытать на себѣ поговорку: „Кто строитъ на распутьи, у того много указчиковъ". Князь просилъ его вооружиться терпѣніемъ и не отчаяваться; благой исходъ дѣла, писалъ онъ, „самъ собою заставитъ замолчать людей". Однако уже 28-го іюля школьные инспектора подали неблагопріятный отзывъ. Они жалуются на слабую дисциплину, неудовлетворительные успѣхи и на то, что недостаточно изучается гейдельбергскій катехизисъ. Князь съ своей стороны предлагаетъ совѣты для устраненія недостатковъ. Августа 28-го Ратке вручилъ князю памятную записку. Въ ней онъ жалуется, что всякій позволяетъ себѣ вмѣшиваться въ дидактику; онъ требуетъ другихъ инспекторовъ, публичныхъ чтеній для распространенія новаго способа преподаванія и пр. и грозитъ отставкой, высказывая надежду, что въ г. Галле или Магдебургѣ онъ найдетъ средство продолжать свое дѣло. Людвигъ опровергъ всѣ его жалобы по пунктамъ и наконецъ увѣщеваетъ его: „пусть онъ со всякимъ обращается не сурово и пристрастно, но благодушно и кротко, тогда достигнетъ мира и согласія, и сверхъ того благословенія Божія; а иначе своею дальнѣйшею проволочкою и своими дурными отзывами обо всѣхъ онъ повредитъ себѣ самому еще болѣе прежняго и заслужитъ только презрѣніе и ненависть: въ такомъ случаѣ куда бы онъ ни пошелъ, ему нигдѣ не удастся пробыть долго, и на совѣсти его тяжко ляжетъ, что онъ не исполнилъ своего долга относительно государей, которые поступали съ нимъ честно и благодушно, и прибѣгали ради него къ крайнимъ мѣрамъ". Но Ратке ничего и слышать не хотѣлъ, онъ прикинулся обиженнымъ и непримиримымъ; на учиненномъ по распоряженію князя допросѣ онъ разразился противъ послѣдняго въ самыхъ невоздержныхъ выраженіяхъ. Онъ, по его собственнымъ словамъ, въ избыткѣ надавалъ совѣтовъ и если бъ думалъ только о своей выгодѣ, то былъ бы теперь богаче князя Людвига. „За исключеніемъ Бога онъ никому ничѣмъ не обязанъ и не желаетъ быть въ долгу у кого бы то ни было. Онъ намѣренъ продолжать свое дѣло помимо князя, но онъ въ ущербъ самому себѣ расточалъ до сихъ поръ свои совѣты желавшимъ изучить его дидактику и для этого въ теченіе шести лѣтъ тайкомъ и коварно ухаживавшимъ за нимъ. Онъ не мастеръ прилаживаться къ придворному шутовству и наружному лоску". Такимъ образомъ разрывъ сталъ неисправимъ, и всѣ дальнѣйшіе переговоры между Ратихіемъ и княземъ подтвердили только, что дѣло должно было кончиться такъ, какъ оно дѣйствительно и кончилось: октября 5-го 1619-го г. послѣдовало приказанье арестовать

и засадить Ратке. Князь послалъ ему библію въ темницу, „желая отъ души, чтобы онъ съ благоговѣніемъ почиталъ въ ней, сознался бы въ своихъ грѣхахъ, раскаялся, исправился и затѣмъ не руководился бы болѣе духомъ лжи, клеветы и смуты“.

Попавъ въ тюрьму, нашъ арестантъ тотчасъ же обратился съ просьбой о помилованіи къ князю и княгинѣ Амёнѣ Ангальтской, но получилъ отъ послѣдней не совсѣмъ утѣшительный отвѣтъ. Другое посланіе къ князю, въ которомъ онъ объясняетъ, что Богъ ему одному только довѣрилъ дидактику и что слѣдовательно онъ крайне необходимъ для ея дальнѣйшаго развитія, было также безуспѣшно; ему отказали также и въ просьбѣ прислать его лошадь, для того чтобы „пустить ей кровь“, и доставить его „пилюли отъ головной боли“; однако по его желанію ему доставили собственную его библію. Но остальныхъ своихъ книгъ онъ не получилъ, несмотря на настоятельное требованье. Несчастный, словно на смѣхъ именующій себя „Намѣстникомъ Ангальтскаго княжества, имѣющимъ жительство въ Вармсдорфѣ“, продолжалъ жаловаться и хлопотать о своемъ освобожденіи; вслѣдствіе чего оба князя для изслѣдованья и обсужденія снарядили въ Вармсдорфъ депутацію ученыхъ. Депутаціи предложены были 24 обвинительныхъ пункта. Изъ нихъ замѣчательнѣе всего 15-ый пунктъ: „Онъ (Ратке) превратно толкуетъ Св. Писаніе, примѣняя свое толкованіе къ князю Людвигу въ библіи, которою князь почтилъ его, особенно же когда Его Высочество обратилъ вниманіе на текстъ въ дѣяніяхъ Апостоловъ 23, гдѣ говорится: „начальствующаго въ народѣ твоемъ не злословь“; то Ратке въ той же главѣ помѣтилъ слова: „Богъ будетъ бить тебя, стѣна побѣленная“. Заключеный отослалъ библію съ своею замѣткою изъ тюрьмы опять къ князю. Главною же причиною его ареста выставляется, „что онъ до сихъ поръ не исполнилъ своего обѣщанія въ высокопрославленномъ дѣлѣ, а напротивъ, отлагалъ его со дня на день и хотѣлъ вовсе уклониться отъ него“. Въ своей защитѣ Ратке мелетъ всякій вздоръ о чистомъ „Аугсбургскомъ вѣроисповѣданіи“ и всячески старается выставить себя мученикомъ своихъ религіозныхъ убѣжденій. Для дальнѣйшаго веденія своего дѣла онъ требуетъ виттенбергскихъ лютеранскихъ профессоровъ, Вольфганга Франца и Якова Мартини. Князь Людвигъ дѣйствительно и приглашалъ ихъ удовлетворить этому требованью, но не могъ побудить ихъ къ тому. Прочтя подлинные акты, они написали Ратихію письмо, въ которомъ заявляютъ свое удивленіе, что онъ похвалялся Аугсбургскимъ вѣроисповѣданіемъ и утверждалъ, будто на немъ основана вся его дидактика, тогда какъ онъ ни въ Веймарѣ, ни въ Кётенѣ ни разу не былъ въ церкви и ни разу даже не „причастился“. Они сверхъ

того уговаривали его издать наконецъ давно обѣщанную дидактику, или если онъ не въ состояніи этого сдѣлать, то сознаться въ своемъ безсиліи и просить о помилованіи. Дѣло протянулось такимъ образомъ; наконецъ назначили трехъ княжьихъ совѣтниковъ изслѣдовать его еще разъ и привести къ окончательному рѣшенію. Они потребовали, чтобы Ратке подписалъ приговоръ, въ которомъ онъ признаетъ себя вполнѣ виновнымъ и сознается, „что наобѣщалъ болѣе, чѣмъ сумѣлъ и смогъ привести въ исполненіе, что задерживалъ князя пустыми рѣчами и вводилъ его въ большія издержки, а сверхъ того оказался къ нему неблагодарнымъ, позорно относился и писалъ какъ о немъ, такъ и о другихъ курфюрстахъ и начальствахъ, притомъ крайне дурно, непріязненно и нетерпимо обходился съ людьми, которые были подчинены ему, ругалъ и жестоко поносилъ какъ ихъ, такъ и княжьихъ совѣтниковъ, придворяыхъ священниковъ и другихъ яко бы обидѣвшихъ его духовныхъ и свѣтскихъ особъ". Подписавъ „добровольно" это свидѣтельство и скрѣпивъ его своею печатью съ изображеніемъ 3 колесъ, заключенный получилъ обратно свои платья, но только не книги, потомъ еще 100 фл. денегъ на дорогу и былъ выпущенъ изъ тюрьмы.

Онъ направился въ Магдебургъ. Тамошній соборный деканъ потребовалъ 16-го марта 1621 г. отъ князя Людвига книги Ратихія, но въ отвѣтъ на это получилъ приглашеніе пріѣхать въ Кётенъ, съ тѣмъ чтобы разсмотрѣть дѣла дидактика. Книги не были выданы, хотя профессоръ Вальтеръ и заявилъ, что въ нихъ нѣтъ никакой дидактики, и что все сдѣланное въ Веймарѣ и Кётенѣ, устроено еще до прибытія этой библіотеки. Озадаченный такими дурными извѣстіями изъ Кётена, Магдебургскій магистратъ обратился за справкою къ профессору Якову Мартини и получилъ отъ него отзывъ еще хуже прежняго. Мартини было извѣстно и онъ слышалъ чуть ли не отъ самого Ратихія, что послѣдній никогда не былъ ни теологомъ, ни философомъ, ни юристомъ, ни медикомъ, стало быть въ сущности ничему дѣльному не учился, и преподавалъ многое, чего самъ не зналъ и не понималъ. Мартини полагаетъ, что еслибъ Ратихія продержали въ Кётенѣ даже еще долѣе, то и тогда онъ все-таки ничего не сдѣлалъ бы. Отговорку, будто кальвинисты изгнали его изъ Кётена, правовѣрный лютеранинъ обозвалъ наглою ложью и наконецъ объявилъ, что ученый Люцій, котораго самъ Ратке считалъ лучшимъ знатокомъ своего дѣла, назвалъ послѣдняго сумасбродомъ, а его предпріятія „сумасбродствами", и Мартини согласенъ съ этимъ мнѣніемъ.

Обличенный такимъ образомъ дидактикъ не могъ, разумѣется, долѣе оставаться въ Магдебургѣ. Графиня Анна Софья Рудольштадтская, сохранившая къ нему при всѣхъ обстоятельствахъ свое благоволеніе, простерла ему руку

помощи и наконецъ, когда всѣ ходатайства оказались тщетными, она рекомендовала его государственному канцлеру Швеціи, Акселю Оксенштирну. Уполномоченные послѣднимъ доктора Брюкнеръ, Мейфартъ и Циглеръ ходатайствовали о новомъ пособіи для Ратихія. Но онъ не нуждался въ немъ болѣе: въ 1633-мъ г. языкъ и правая рука его были поражены параличемъ, а въ 1635-мъ смерть избавила его отъ всѣхъ напастей.

Идеи, которыми руководился Ратихій и которыя слѣдуетъ считать единственнымъ его завѣщаніемъ, сопоставлены уже Раумеромъ въ такомъ видѣ: 1) Обученіе должно быть безъ изъятія всеобщимъ достояніемъ и никого не слѣдуетъ исключать изъ этого, такъ что всякій долженъ по крайней мѣрѣ умѣть читать и писать. 2) Первоначальное обученіе чтенію и письму должно производиться на словѣ Божіемъ. 3) Юношеству слѣдуетъ преподавать заразъ одинъ только языкъ или предметъ, и пока оно не изучило и не усвоило его, до тѣхъ поръ не допускать его до другого. 4) Все должно идти по порядку, сообразно съ природою, которая во всѣхъ своихъ отправленіяхъ переходитъ обыкновенно отъ простѣйшаго и низшаго къ болѣе сложному и высшему, и слѣдовательно отъ извѣстнаго къ неизвѣстному. 5) Ученику не слѣдуетъ предписывать никакихъ правилъ, а тѣмъ еще менѣе заставлять его вытверживать ихъ наизусть, пока онъ самъ изъ какого-нибудь извѣстнаго автора не изучилъ и не усвоилъ себѣ предмета или языка. 6) Все слѣдуетъ изучать двоякимъ образомъ, сперва вкратцѣ, а потомъ излагать и преподавать въ полномъ составѣ. 7) Все должно быть направлено къ гармоніи и единству, такъ чтобы не только всѣ языки изучались по одному образцу и въ одномъ и томъ же родѣ, но чтобы также въ одномъ изъ искусствъ не излагалось ничего противорѣчащаго другому. 8) Всякое преподаваніе сперва должно производиться на родномъ языкѣ; когда ученикъ овладѣлъ уже послѣднимъ, тогда только можно допустить его къ другимъ языкамъ. 9) Все должно дѣлаться безъ насилія и отвращенія, почему никто изъ учителей не смѣетъ бить ученика за ученье; это разрѣшается назначенному для того надзирателю, да и то только за шалости и за злобу. 10) Искусства и факультеты должны излагаться и изучаться не только на латинскомъ и греческомъ языкахъ, какъ водилось до сихъ поръ, но также на южногерманскомъ и на другихъ обиходныхъ нарѣчіяхъ. 11) Смотря по различію нарѣчій необходимо также и школы учреждать въ разныхъ мѣстностяхъ. 12) Въ каждой изъ школъ долженъ быть свой особый надзиратель и учитель, которые по временамъ обязаны давать отчетъ старшему наставнику. 13) Мальчики должны быть обучаемы и наставляемы въ благонравіи мужчинами, а дѣвочки—способными на то женскими особами.

Въ устроенномъ въ Кётенѣ заведенiи Ратке явно принималъ весьма мало участiя. Послѣ того уже, какъ его засадили въ тюрьму, тамъ все приняло благоустроенный видъ подъ непосредственнымъ вѣдѣньемъ князя Людвига. Обликъ этого благочестиваго державца выступаетъ тѣмъ ярче, чѣмъ болѣе обнаруживаются настоящiя черты столь много, но несправедливо прославляемаго до сихъ поръ Ратихiя. Приведемъ здѣсь отчетъ какъ о Кётенской типографiи, такъ и объ основанныхъ Людвигомъ школахъ. Князь частью выписалъ шрифтъ для шести языковъ изъ Голландiи, частью послѣднiй отливался въ особой словолитнѣ въ Кётенѣ. Изъ Ростока и Iены прибыли 4 наборщика и 2 машиниста. Бумага получалась изъ Кведлинбурга по контракту, и въ то же время договаривались съ магистратомъ города Франкфурта касательно запрета контрафакцiи. Ратке имѣлъ главный надзоръ надо всѣмъ; но князь и самъ ревностно слѣдилъ за работами типографiи. Прежде всего были напечатаны необходимыя руководства: Энциклопедiя по дидактикѣ Ратихiя 1619;—всеобщее преподаванiе по методу Ратихiя 1619;—всеобщая грамматика 1619; — книга для чтенiя для начинающихъ 1619; — Grammatica universalis pro Didactica Ratichii 1619; — la Grammaire universelle pour la Didactique de Ratiche 1619;—Compendium Grammaticae latinae ad Didacticam Ratichii 1620;—la grammatica universale per la Didactica 1620;—упражненiе въ греческомъ языкѣ 1620; — Compendium Logicae 1621; — Краткое понятiе о логикѣ по этому методу 1621; — потомъ изданiе Теренцiя, Плавта, учебникъ метафизики, дiалектика и реторика (понѣмецки и полатыни), изданiе институцiй; сирiйскiй Новый Завѣтъ, сирiйскiй словарь, Dictionarium Grammaticum, Latinum et Germanicum, книга Бытiя съ толкованiемъ и пр. Всеобщая грамматика издана была въ одно и то же время на еврейскомъ, греческомъ, латинскомъ, французскомъ и итальянскомъ языкахъ.—Граждане города Кётена довѣрчиво отнеслись къ новому предпрiятiю. Въ основанныхъ княземъ Людвигомъ новыхъ школахъ въ теченiе нѣкотораго времени обучались 231 мальчикъ и 202 дѣвочки.

Школа въ Кётенѣ была раздѣлена на 6 классовъ. Въ трехъ низшихъ преподавался родной языкъ, начиная съ четвертаго латинскiй, въ шестомъ греческiй. Когда дѣти въ низшемъ классѣ ознакомились съ буквами, то въ слѣдующемъ второмъ они обучались письму и чтенiю въ связи; книгою Бытiя пользовались для обученiя чтенiю. Въ третьемъ классѣ имѣлось цѣлью научиться говорить и писать по грамматикѣ, также понимать рѣчи и писанья постороннихъ людей. Въ четвертомъ и пятомъ кляссахъ занимались Теренцiемъ и изъ него выводилась латинская грамматика. Въ

шестомъ классѣ переводили съ греческаго на нѣмецкое и съ нѣмецкаго опять на греческое, отложивъ греческій текстъ. Помимо языковъ обучали еще счету, пѣнью и закону Божію. Въ школѣ для дѣвицъ назначены тѣже часы, что у мальчиковъ: у самыхъ младшихъ дѣвочекъ проходили сначала 5 членовъ вѣры и двадцать вопросныхъ статей изо дня въ день при молитвѣ, а у старшихъ—пространный катехизисъ тѣмъ же порядкомъ какъ у мальчиковъ. Впрочемъ уроки распредѣляются такъ же, какъ было прежде у мальчиковъ въ нѣмецкихъ классахъ, съ присовокупленіемъ лишь письма и счета у старшихъ дѣвочекъ въ послѣобѣденные часы".—Для того чтобы эта новая организація школы проводилась плодотворно, просвѣщенный и благодушный князь при содѣйствіи Ратихія самъ составилъ слѣдующіе регламенты для отдѣльныхъ классовъ:

Касательно перваго или, точнѣе, низшаго класса учащихся: для надлежащаго наставленія юношества прежде всего крайне необходимо, чтобы домашнее воспитаніе родителей пришло на помощь попеченію учителей въ школахъ.—Но такъ какъ въ настоящее время трудно и едва ли даже возможно достичь этого, а между тѣмъ слѣдуетъ заблаговременно подумать о средствахъ, то необходимо открыть особый классъ для мальчиковъ, которыхъ придется предварительно подготовить; на такой конецъ и назначить трудолюбиваго и кроткаго учителя, хотя бы и не знающаго никакого языка кромѣ нѣмецкаго.—Этотъ учитель обязанъ съ помощью ежедневныхъ молитвъ, короткихъ библейскихъ текстовъ и вопросовъ обыденнаго содержанія развить произношеніе и рѣчь новичковъ, придерживаясь чистаго мейсенскаго нарѣчія, и по мѣрѣ силъ своихъ постояннымъ упражненіемъ исправить грубые внѣ школы усвоенные ими недостатки.—Сверхъ того онъ обязанъ пріучать ихъ къ приличнымъ пріемамъ, чтобы они заботились о чистотѣ головы, рукъ и платья: внушить имъ также ходить, стоять и сидѣть прямо и пристойно, быть особенно внимательнымъ къ увѣщаніямъ родителей и учителей и вести себя благопристойно какъ съ своими, такъ и съ чужими людьми.—А потому, никто не смѣетъ явиться въ школу, не причесавшись; кто не сдѣлаетъ этого, тому пусть учитель объяснитъ, что его лохматые волосы и перья въ нихъ придется расчесать скребницею.—Всякій долженъ приходить въ школу выполоскавъ ротъ, умывъ хорошенько лицо и руки: такъ чтобы, начиная съ наружной чистоты тѣла, необходимой для здоровья, они съ молоду исподоволь пріучались также къ внутренней свѣжести души. — Ученикъ долженъ содержать въ исправности свой воротникъ, хотя бы подержанный и простой; шляпу, плащъ и остальное платье онъ обязанъ вычистить щеткой, чулки и брюки подвязать снур-

ками и тесемками и вычистить башмаки. Азбука его должна быть всегда чиста, не трепаная и не рваная. Если мальчикъ будетъ неисправенъ, то пусть учитель строго взыскиваетъ съ него, а если что разорвано, то велитъ ему заблаговременно отдать дома починить. Все это и много подобныхъ тому мелочей относится впрочемъ болѣе къ домашнему, нежели къ школьному воспитанію.—Если наставники начинающихъ учениковъ обратятъ на все это вниманіе, то послѣдніе съ большею пользою перейдутъ уже подготовленные къ дальнѣйшимъ наставленіямъ и не мало облегчатъ какъ себѣ, такъ и учителямъ слѣдующій затѣмъ трудъ. Потому что начавшееся тутъ улучшеніе нравовъ послѣ того съ каждымъ классомъ будетъ соблюдаться все болѣе и болѣе. По окончаніи молитвы и нравственныхъ наставленій учитель въ продолженіи четверти часа долженъ обводить мѣломъ красныя, начертанныя на доскѣ буквы и тутъ же внятно и ясно выговаривать ихъ. При этомъ онъ долженъ избѣгать всякаго лишняго звука такъ чтобы ученики не привыкали вмѣсто „эль" выговаривать „элле", вмѣсто „энъ"— „энне."—Въ слѣдующіе затѣмъ четверть часа онъ долженъ ласково говорить съ ними, предлагать имъ то одинъ, то другой обыденный вопросъ, поощрять ихъ къ отвѣту, а если они затрудняются, то помочь имъ и такимъ путемъ тщательно исправлять ихъ выговоръ. Кончая уроки, онъ обязанъ подсказать имъ короткій текстъ изъ библіи.—Дружелюбные разговоры то съ однимъ, то съ другимъ, и наставленіе буквамъ должны передаваться ученикамъ между собою. Не слѣдуетъ съ мальчиками обращаться сурово, напротивъ, надо говорить съ ними ласково и благодушно. Словомъ, учитель обязанъ поощрять учениковъ болѣе лаской и разумнымъ наставленіемъ, а не запугивать ихъ неумѣстною строгостью.— Все, что изъ молитвъ или текстовъ доступно этому нѣжному возрасту, слѣдуетъ чаще повторять съ ними и подсказывать имъ, пускай каждый изъ учениковъ сорокъ или пятьдесятъ разъ прослушаетъ то, что ему надлежитъ знать наизустъ.—Когда они ознакомились съ буквами на черной доскѣ, а потомъ также въ своихъ книгахъ и достигли шести или семи-лѣтняго возраста, то въ другомъ классѣ ихъ при посредствѣ письма легко будетъ довести до совершеннаго знанія буквъ, до слѣдующихъ затѣмъ складовъ и до чтенія.—Итакъ первый классъ имѣетъ цѣлью: 1) Ознакомиться съ буквами на черной доскѣ, а потомъ въ своихъ книгахъ. 2) Сообразно возрасту правильно владѣть образованнымъ языкомъ и выговоромъ. 3) Знать ежедневныя молитвы и кратчайшіе тексты изъ библіи. 4) По мѣрѣ возможности умѣть держать и вести себя пристойно.—

Для втораго класса: Преподаваніе должно начаться съ родного языка, а именно у насъ съ нѣмецкаго.—Точно так-

же въ письмѣ и чтеніи.—Для лучшаго изученія послѣдняго необходимо прибѣгнуть къ помощи перваго.—Пусть для этого учитель начинаетъ обученіе письму съ простыхъ и первоначальныхъ болѣе легкихъ буквъ, не вызывая еще учениковъ къ доскѣ и пока не передавая имъ обыкновеннаго порядка азбуки. Сообразно этому слѣдуетъ букву і писать красными чернилами въ такомъ видѣ:

і і
і і
і і

Ученикъ смотритъ, какъ пишется это и вмѣстѣ съ тѣмъ слушаетъ, какъ выговаривается, а учитель между тѣмъ другимъ перомъ обводитъ тѣ же буквы черными чернилами, называя притомъ каждую изъ нихъ.—Потомъ онъ такимъ же образомъ и въ томъ же порядкѣ прописываетъ ту же букву красными чернилами въ тетрадь ученика, заставляетъ его потомъ сперва обвести ее чернымъ перомъ и, написавъ, назвать ее.—Такимъ образомъ онъ обязанъ поступать съ каждымъ изъ учениковъ, такъ чтобы они въ надлежащій срокъ, который смотря по ихъ способностямъ можетъ продлиться дня два, дошли до общаго упражненія въ письмѣ и чтеніи.—Каждыя четверть часа слѣдуетъ заняться съ однимъ изъ учениковъ, пусть двое другихъ стоятъ при этомъ, приглядываясь и прислушиваясь внимательно. Затѣмъ подходятъ другіе ученики по порядку до конца урока. Прежніе же также должны поддерживать свое вниманіе, хотя оно, вслѣдствіе неокрѣпшихъ еще чувствъ зрѣнія и слуха, и будетъ немного разстроено.—Доведя такимъ образомъ всю азбуку до конца, учитель подзываетъ подготовленнаго уже ученика къ доскѣ. Такимъ образомъ онъ достигъ цѣли перваго занятія.—Цѣль эта слѣдующая: 1) Ученикъ долженъ знать, что перо его удобно и пригодно для писанья. 2) По надлежащему указанію учителя онъ долженъ умѣть держать пальцы и, когда пишетъ, то вести перомъ наклонно и нѣсколько впередъ: (указаніемъ для этого послужитъ ему приведенный выше трехстрочный порядокъ буквъ) онъ долженъ писать правильно и прижимать перо къ бумагѣ. 3) Онъ по внѣшнему виду долженъ узнавать каждую отдѣльную букву.

II. Потомъ выставляютъ на видномъ мѣстѣ черную доску, на которой пишутъ или, еще лучше, должны быть переданы учителю впередъ уже отчетливо начертанныя красными чернилами какъ гласныя, такъ и согласныя буквы съ ихъ то заостренными, то округленными углами.—Учитель, сообразуясь съ таблицею въ книжкѣ для чтенія и письма, обводитъ мѣломъ красныя буквы одну за другой, возстановляя обыкновеннымъ почеркомъ какъ бы стертыя черты. Обводя медленно одну изъ буквъ мѣломъ и застав-

ляя учениковъ дѣлать то же, онъ долженъ называть ее громкимъ и внятнымъ голосомъ.—Приготовивъ перо для ученика и указавъ ему, какъ держать его и какъ писать имъ, учитель долженъ тщательно слѣдить за ученикомъ и показывать гдѣ слѣдуетъ начинать и гдѣ кончать каждую букву.—Пройдя азбуку по предписанному въ книгѣ для чтенія и письма способу три или четыре раза, учитель долженъ указать ученику страницу, на которой всѣ буквы азбуки изображены по одному разу; при этомъ соблюдается извѣстный порядокъ гласныхъ и согласнымъ буквъ и необходимо отличать однѣ отъ другихъ.—Потомъ приступаютъ къ складамъ по вышеуказанному способу.—Наконецъ слѣдуетъ простымъ повтореніемъ именъ и фигуръ указать на доскѣ на сходство между писанными и печатными буквами и облегчить такимъ обрамъ переходъ къ печатному шрифту, который вслѣдствіе нѣкоторыхъ отличій могъ бы иначе затруднить ученика.—Цѣль этого втораго занятія слѣдующая: 1) Твердо знать буквы. 2) Отличать другъ отъ друга буквы и свойства ихъ. 3) Знать хорошо сочетаніе буквъ въ простыхъ и односложныхъ складахъ и хотя нѣсколько въ многосложныхъ. 4) Безъ помощи учителя или руководителя обводить красныя буквы чернымъ перомъ, что начинающіе могутъ дѣлать въ особый часъ въ присутствіи учителя или въ досужіе часы въ присутствіи другого къ тому назначеннаго преподавателя, а болѣе преуспѣвшіе—у себя дома по заданному уроку. 5) По книгѣ для чтенія и письма внимательно слѣдить за читающимъ.

III. Приступая къ чтенію книги Бытія, учитель долженъ прочесть нѣкоторыя главы медленнымъ и какъ-бы отрывочнымъ голосомъ, повторяя это по нѣскольку разъ сперва по книгѣ для чтенія, но безъ письменныхъ упражненій, такъ чтобы ученики по возможности лучше научились составлять вмѣстѣ и отдѣлять другъ отъ друга буквы въ слогахъ и при чтеніи внимательнѣе слѣдить за учителемъ.—Но для того чтобы они такимъ образомъ не привыкли читать слоги и слова на распѣвъ или прибавлять къ нимъ лишніе звуки, онъ заранѣе долженъ приступить къ связному, но внятному и ясному чтенію и указывать на знаки препинанія, чтобы ученики не пропускали ихъ.—Что же касается до упражненія въ письмѣ, то оно должно идти одновременно съ чтеніемъ книги Бытія. Для этого ученики пользуются прописями въ книгѣ для чтенія и письма, пока не научатся по нимъ писать буквы какъ въ рознь, такъ и въ связи; потомъ пусть они списываютъ съ печатнаго шрифта или склоненія и спряженія, или, что еще полезнѣе, посланія и цѣлыя рѣчи, соблюдая при этомъ правила правописанія.—Учитель или руководитель приводитъ при этомъ изъ книги для чтенія разные способы и правила правописанія,

присоединяя къ нимъ соотвѣтственные примѣры.—Цѣль этого занятія: 1) Правильно читать. 2) Правильно писать, что, какъ упомянулъ я выше, совершается особымъ упражненіемъ внѣ назначенныхъ часовъ по указанному пріему и способу.

Для третьяго класса. Тутъ мальчику преподается библія Лютера. Начавъ съ книги Бытія и прочитавъ сперва историческія книги, учитель долженъ потомъ тщательно заняться изученіемъ родного языка и прочесть остальныя книги Ветхаго и Новаго Завѣта. Чтеніе библіи должно сопровождаться: 1) яснымъ и громкимъ голосомъ, 2) внятнымъ разборчивымъ выговоромъ, 3) передъ началомъ каждой книги или исторіи необходимо напередъ разсказать общее содержаніе ея. Что касается до нѣмецкой грамматики, то, приступая къ ея изученію, учитель долженъ вообще объяснить значеніе и разныя части ея понятными словами, прибѣгая при этомъ къ сравненію съ какимъ-нибудь извѣстнымъ предметомъ; затѣмъ показать ученикамъ самую книгу и четыре части ея.—Послѣ того прочесть съ ними опредѣленіе написанной на родномъ языкѣ общей грамматики и, объяснивъ это, перейти къ опредѣленію частей ея. Послѣднія необходимо сопоставлять другъ другу, поясняя первую изъ нихъ, а именно правописаніе, большею частью на библейскомъ текстѣ, а словоудареніе при посредствѣ произношенія внятнымъ голосомъ. Хотя бы онъ десять разъ повторилъ это простое объясненіе, время все-таки не даромъ будетъ потрачено, лишь-бы ученики усвоили себѣ наконецъ общее понятіе о грамматикѣ или очеркъ ея.—Потомъ онъ переходитъ къ правописанію, о которомъ ученикъ получилъ уже нѣкоторое понятіе по книгѣ для чтенія перваго класса и со словъ учителя; послѣдній объясняетъ правописаніе, заимствуя примѣры у автора: причемъ слѣдуетъ обращать особенное вниманіе на двугласныя буквы и односложныя слова съ нѣсколькими согласными.—Къ просодіи осносится произношеніе, причемъ учитель долженъ какъ можно точнѣе придерживаться мейссенскаго нарѣчія, такъ какъ послѣднее пользуется преимуществомъ не только по свойству своему, но также и вслѣдствіе всеобщаго пристрастія со стороны Нѣмцевъ. Противопоставляя этому неправильный баварскій выговоръ, онъ такимъ образомъ пріучитъ учениковъ къ чистому произношенію.—Цѣль этого занятія: 1) Умѣть разсказать общее содержаніе каждой читаемой книги или библейской исторіи. 2) Привыкать къ чистому и громкому произношенію. 3) Выговаривать слова внятно и разборчиво. 4) Усвоить себѣ общее понятіе о грамматикѣ на родномъ языкѣ или очеркъ ея. 5) Объяснить на примѣрѣ различіе между правописаніемъ и просодіей и свойства ихъ.

II. Обращай всегда вниманіе на общее правило. Всякій

разъ, приступая къ изложенію общей грамматики на родномъ языкѣ, повторяй объясненіе, служащее для опредѣленія грамматики или для очерка ея. Окончивъ двѣ первыя, наиболѣе легкія части, приступи къ этимологіи. Сдѣлавъ опредѣленіе послѣдней, излагай ее такъ, чтобы подходящими примѣрами сперва ознакомить ученика съ падежами или качествами, а потомъ уже перейти къ склоненіямъ и спряженіямъ. Послѣ того покажи на какомъ нибудь примѣрѣ, какъ образуются склоненія на родномъ языкѣ, что впрочемъ относится къ частной грамматикѣ; начинай при этомъ съ именъ существительныхъ и прилагательныхъ. Точно также поступай и съ спряженіями, употребляя на такое упражненіе послѣднюю четверть часа каждаго урока. Остальныя части объясняй и проходи такъ, чтобы ученики изъ примѣровъ на родномъ языкѣ изучали свойства каждой изъ нихъ. Общая грамматика излагается на родномъ языкѣ, оттого что такимъ образомъ легче изучать и преподавать ее на примѣрахъ изъ послѣдняго.—Переходя къ синтаксису, повтори все сказанное объ этой части въ общей грамматикѣ, объясни опредѣленіе, сравни его съ синтаксисомъ и истолкуй на примѣрѣ, взятомъ у автора. Цѣль этого занятія: 1) Вообще понять содержаніе каждой главы или исторіи изъ библіи. 2) Изложить общую грамматику, такъ чтобы ученикъ зналъ названіе, свойство и значеніе каждой части ея и могъ отличить одну отъ другой на сочиненныхъ имъ самимъ или взятыхъ изъ книги примѣрахъ. 3) Умѣть на родномъ языкѣ склонять и спрягать.

III. Такъ какъ общую грамматику приходится объяснять при помощи частной, то послѣднюю можно съ небольшимъ трудомъ проходить на примѣрахъ, для чего по всѣмъ частямъ служитъ роспись словъ при грамматикѣ: учитель обязанъ подбирать ихъ особо каждый разъ, прежде чѣмъ идти на урокъ. Онъ долженъ на примѣрахъ тщательно впечатлѣть ученикамъ правила орѳографіи. Точно также и просодіи, касательно произношенія. Въ этимологіи слѣдуетъ склонять особо какъ имена существительныя, такъ и прилагательныя. Послѣ склоненій и спряженій въ этимологіи приступаютъ къ синтаксическимъ упражненіямъ съ помощью полнаго предложенія. Учитель обязанъ осмотрительно приступать къ объясненію синтаксиса и одно и то же правило объяснять пятнадцатью или двадцатью примѣрами; если ученики поняли его, то на другой урокъ онъ можетъ перейти къ другому извѣстному правилу, и такъ далѣе къ слѣдующему. А между тѣмъ чтеніе библіи продолжается своимъ порядкомъ въ другіе часы. Учитель долженъ повторять правила общей грамматики, пока всѣ ученики не ознакомились съ ними вполнѣ, потомъ онъ можетъ перейти къ частной, такъ чтобы взаимное согласіе и порядокъ въ изло-

женіи ихъ послужили въ помощь уму и памяти. Цѣлью этого занятія: 1) Изучить на родномъ языкѣ грамматику, какъ общую, такъ и частную, съ помощью самимъ сочиненныхъ или имѣющихся въ книгѣ примѣровъ, т. е. по грамматикѣ умѣть говорить и писать, потомъ также понимать все, что говорятъ и пишутъ другіе люди.

Для четвертаго класса, или для перваго въ латинской школѣ. Когда ученикъ изъ нѣмецкой школы переводится въ латинскую, то слѣдуетъ обучить его чтенію и письму полатыни.—Здѣсь письмо въ свою очередь опять-таки будетъ помогать чтенію, причемъ руководитель показываетъ ученику точно такъ же какъ и въ нѣмецкой школѣ.—Необходимо притомъ обращать вниманіе на сходство между буквами.—Внѣ назначенныхъ уроковъ слѣдуетъ сверхъ того писать по красивымъ прописямъ и показывать учителю.—Ознакомившись съ латинскими буквами, приступаютъ къ чтенію избраннаго автора, а именно Теренція. Теперь объяснимъ, какъ приняться за это.—Приступая къ нашему комическому писателю, учитель долженъ каждому изъ учениковъ дать по экземпляру и объяснить на родномъ языкѣ, вопервыхъ, относительно содержанія, что эта книга представляетъ человѣческую жизнь, какъ бы изображенную передъ нами на доскѣ, что въ ней все излагается такъ, какъ оно совершается въ обыденной жизни, и что въ наше время происходитъ точно такая же комедія, измѣнены одни только лица. Пусть онъ выберетъ изъ предлежащаго комическаго писателя одинъ или два примѣра воспитанія дѣтей, или домоводства, или какой нибудь добродѣтели. При этомъ порокъ не долженъ, конечно, ставиться въ образецъ, а потому, если онъ встрѣтится, то учитель обязанъ опровергнуть его, приведя текстъ изъ библіи и указавъ на кару за него, притомъ объяснить гнусность его, противоставивъ ему добродѣтель. Чтобы дать нѣкоторое понятіе о рабахъ, можно указать на обычай и на разбои Турокъ и Арабовъ, и привести изъ исторіи разсказы о томъ, какъ продавались рабы.—Потомъ слѣдуетъ распредѣлить автора и указать на шесть его комедій. Учитель избираетъ первую изъ нихъ, именно Андріанку, а остальныя откладываетъ пока въ сторону. Потомъ онъ разсказываетъ содержаніе первой комедіи простыми нѣмецкими словами одинъ, два, три раза.—Окончивъ это, онъ беретъ нѣмецкій переводъ комедіи. Такой же по числу листовъ равный латинскому тексту экземпляръ раздаетъ онъ ученикамъ, пояснивъ, что теперь передъ ними та же латинская комедія, но только на родномъ языкѣ. Такимъ образомъ, не переходя еще къ латинскому тексту, они поймутъ уже мысль автора или, какъ говорится, содержаніе комедіи; благодаря чему безъ сомнѣнія съ меньшимъ трудомъ одолѣютъ ее послѣ на латинскомъ языкѣ.—

Итакъ, избравши Андріанку, прочтите ученикамъ всю комедію на родномъ языкѣ въ два урока, но передъ каждымъ дѣйствіемъ объясняйте вкратцѣ его содержаніе.—Окончивъ это на отечественномъ языкѣ, учитель опять принимается за первое дѣйствіе, перечитываетъ его еще разъ на томъ же языкѣ, потомъ переходитъ къ подлиннику и къ первому явленію этого дѣйствія, прочитываетъ его еще разъ на родномъ языкѣ: ученики должны при этомъ не только слухомъ, но и зрѣніемъ внимательно слѣдить за учителемъ.—Прочитавъ на отечественномъ языкѣ первое дѣйствіе, учитель даетъ имъ эту комедію полатыни. Потомъ онъ съ подлинника переводитъ тоже самое дѣйствіе на нѣмецкое. Все это исполняется въ одинъ урокъ, а именно: прочитывается понѣмецки первое дѣйствіе, потомъ первое явленіе вмѣстѣ съ подлинникомъ, а затѣмъ то же явленіе съ подлинника переводится на нѣмецкій.—Въ слѣдующій урокъ онъ поступаетъ такъ же и съ остальными дѣйствіями: сперва читаетъ ихъ понѣмецки, потомъ переводитъ, указывая при этомъ на соотвѣтствующія страницы какъ въ началѣ, такъ и въ концѣ. Такимъ образомъ онъ проходитъ всю комедію.

II. Исполнивъ это, учитель поступаетъ затѣмъ такимъ образомъ: онъ переходитъ къ словесному переводу, передавая текстъ слово въ слово и указывая притомъ на значеніе каждаго изъ нихъ. Если мѣстами способъ выраженія окажется темнымъ, то онъ долженъ объяснить его, прибѣгая къ нѣмецкому переводу.—Но для того чтобы неправильная постановка словъ на родномъ языкѣ не послужила помѣхою для учениковъ, онъ продолжаетъ начатый нѣмецкій урокъ по прежнему до самаго конца.—Въ словесномъ переводѣ необходимо обращать вниманіе на значеніе каждаго слова. Это должно служить какъ бы росписью словъ.—Для того чтобы мальчикъ лучше усвоилъ себѣ значеніе послѣднихъ, учитель на каждый такой урокъ посвящаетъ по четыре часа въ день. Тогда какъ прежде онъ каждый часъ переходилъ къ новому уроку.

III. Учитель въ третій разъ принимается за подлинную комедію и излагаетъ нѣмецкій переводъ, передавъ сперва общее содержаніе каждаго дѣйствія и явленія.—Обративъ особенное вниманіе на значеніе словъ, онъ приступаетъ затѣмъ къ дальнѣйшему изслѣдованью. Теперь ученику пора перейти къ изученію грамматики, а именно всеобщей. Тѣ же самыя опредѣленія, какія ученикъ пріобрѣлъ уже въ нѣмецкомъ классѣ, онъ повторяетъ и здѣсь и привыкаетъ къ латинскимъ терминамъ.—Послѣдняя четверть часа каждаго урока назначается для упражненія въ первой части этимологіи, особенно въ склоненіяхъ и спряженіяхъ. Къ этому впослѣдствіи прибавляется цѣлый послѣдній часъ дня.—Сверхъ того, учитель, при переводѣ по порядку упо-

минаетъ о частяхъ рѣчи, а иногда также о коренныхъ словахъ.—Сперва онъ выбираетъ изъ именъ существительныхъ принадлежащія только къ первому склоненію, минуя остальныя, такъ напримѣръ: Populo ut placerunt, quas fecisset, fabulas, т. е. чтобы народу нравились сочиненныя имъ басни. Fabula, ae, басня, перваго склоненія, женскаго рода. Въ такомъ родѣ онъ продолжаетъ далѣе, употребляя на это 3 или 4 урока.—Кончая урокъ, онъ сравниваетъ между собою нѣсколько именъ одного и того же склоненія. Въ послѣдній часъ на это упражненіе отводится больше времени.—Потомъ онъ переходитъ тѣмъ же порядкомъ къ существительнымъ втораго склоненія. Затѣмъ къ третьему, на которомъ по причинѣ многихъ окончаній слѣдуетъ остановиться немного долѣе. И здѣсь также не надо смѣшивать все вмѣстѣ, но въ одинъ и тотъ же урокъ разбирать только одно изъ окончаній. Остальныя же прибавлять затѣмъ въ другіе уроки, переходя такимъ образомъ постепенно отъ одного къ другому. Потомъ къ существительнымъ присоединяются прилагательныя. Что касается до болѣе трудныхъ частныхъ правилъ о родѣ коренныхъ словъ, то это облегчается употребленіемъ росписи послѣднихъ въ частной грамматикѣ. Потомъ учитель переходитъ къ члену и объясняетъ на примѣрахъ правила общей грамматики. Этимъ онъ и ограничивается. Необходимо упомянуть о мѣстоименіи, умалчивая впрочемъ о томъ, будетъ ли оно притяжательное, или относительное, или возвратное. Переходя къ глаголамъ, онъ разсматриваетъ сперва дѣйствительные и средніе. Потомъ вспомогательные. Затѣмъ страдательные и отложительные (deponentia). Наконецъ неправильные, соблюдая въ спряженіяхъ тотъ же порядокъ, какой указанъ нами выше при склоненіяхъ.—Учитель не можетъ совершенно упустить изъ виду правила о производствѣ, пусть укажетъ онъ по крайней мѣрѣ, отъ какого простого слова происходитъ сложное. Напр: Non est flagitium, fores effringere *). Передавъ это слово въ слово на родной языкъ, онъ прибавляетъ: effringo, effregi, effractum, effringere, разламывать, корень: frango, fregi, fractum, frangere, ломать. Ученикъ еще лучше научится этому изъ употребленія росписи коренныхъ словъ.—Когда ученики усвоили себѣ этимологію, то, переходя къ синтаксису, учитель при чтеніи повторяетъ какъ бы мимоходомъ примѣры перваго правила. Но умалчиваетъ пока о другихъ.—Когда ученики поняли одно правило, то онъ точно такъ же переходитъ къ слѣдующему, пріискивая къ нему примѣры. Принимаясь за третье правило, онъ все-

---

*) Вламываться въ двери—не преступленіе.

таки повторяетъ извѣстные уже имъ прежніе примѣры, и такъ далѣе.—Переводя такимъ образомъ комедію во второй разъ до конца и занимаясь въ послѣдній урочный часъ или полчаса общею грамматикою, склоненіями и спряженіями, учитель достигнетъ наконецъ цѣли своихъ занятій, которая состоитъ въ слѣдующемъ: 1) Умѣть переводить автора по значенію словъ. 2) Знать общую грамматику и примѣненіе ея, причемъ упражняться въ склоненіяхъ и спряженіяхъ.

Для пятаго класса, или для втораго въ латинской школѣ. Преодолѣвъ эти трудности, ученику предоставляется нѣкоторая свобода. Переводъ, связанный до сихъ поръ словами, дѣлается теперь вольнѣе. Теперь учитель передаетъ его уже по смыслу, такъ что, пользуясь нѣмецкимъ переводомъ, онъ обращаетъ вниманіе на вышесказанное.—Надо сверхъ того замѣтить, что въ текстѣ необходимо соблюдать порядокъ автора, а не тотъ, что требуется правилами грамматики. Отъ этого нельзя еще отступать. — Послѣднюю четверть часа учитель постоянно употребляетъ для спряженій всѣхъ глаголовъ въ текстѣ и проходитъ ихъ теперь по всѣмъ временамъ, наклоненіямъ и лицамъ, смотря по свойству глаголовъ, изъ которыхъ безличные также проходятся по всѣмъ временамъ и наклоненіямъ. Иногда онъ присоединяетъ къ предложенію неизмѣняемыя части рѣчи, иногда замѣняетъ однѣ другими. Такого рода упражненіе удивительно какъ способствуетъ умѣнью говорить и писать.—Однако учитель не задаетъ этого ученику до тѣхъ поръ, пока самъ не передѣлалъ разъ двадцать.—Вообще, онъ постоянно имѣй въ виду правило: ученикъ не долженъ самъ приступать ни къ чему такому, чего учитель не показывалъ уже ему по нѣскольку разъ.—Когда онъ продолжаетъ эти упражненія, то ученикамъ разрѣшается имѣть передъ собою руководство. Учитель не запрещаетъ имъ прибѣгать къ послѣднему. Потомучто на первыхъ порахъ оно помогаетъ имъ, а впослѣдствіи ученики и сами не захотятъ смотрѣть на него.—Переводя, учитель выбираетъ коренныя слова въ вышесказанномъ порядкѣ. Въ четвертый или послѣдній урочный часъ онъ объясняетъ пользу грамматическихъ правилъ. Въ предшествовавшемъ классѣ учениковъ знакомили съ росписью словъ по поводу приводимыхъ тамъ примѣровъ, теперь же они получаютъ полное понятіе о ней, не только съ тою частью, которая содержитъ коренныя слова, но также и съ тою, которая относится къ грамматикѣ, такъ что, приводя частные примѣры, ученикъ все болѣе и болѣе самъ уже въ состояніи будетъ вывести обыкновеняое правило.

II. Дойдя до конца перваго явленія или дѣйствія, заставляютъ ученика дома написать на бумагѣ переводъ. Это дѣлается по слѣдующимъ причинамъ. 1) Чтобы онъ по возмож-

ности тверже помнилъ самый текстъ и переводъ его. 2) Чтобы упражнялся въ нѣмецкомъ языкѣ. 3) Чтобы учитель могъ убѣдиться, знаетъ ли онъ ореографію. 4) Чтобы продолжалъ упражняться въ письмѣ.—Ученики обязаны по приказанію и требованью учителя постоянно имѣть при себѣ чисто написанный переводъ; онъ всегда долженъ быть на лицо, у кого бы учитель ни спросилъ его, такъ чтобы послѣдній могъ прочесть и исправить какъ слѣдуетъ нѣмецкое правописаніе и словорасположеніе, и пусть другіе ученики между тѣмъ, прислушиваясь, исправляютъ также свои ошибки.

III. Послѣднее занятіе состоитъ собственно въ упражненіи. Тутъ слѣдуетъ соединить всѣ подготовленныя доселѣ средства.—Учитель опять принимается за нѣмецкій переводъ, который ученики постоянно имѣютъ при себѣ. Онъ внятнымъ и отчетливымъ голосомъ читаетъ предисловіе (потомъ также и слѣдующія явленія). Затѣмъ онъ проходитъ одно предложеніе за другимъ понѣмецки и, устранивъ латинскаго автора, передаетъ то же полатыни словами самого писателя. Въ случаѣ необходимости онъ переводитъ 2 или 3 раза съ нѣмецкаго на латинское. Ученики слѣдуютъ за учителемъ, а чтобы выиграть время, онъ выбираетъ изъ нихъ одного. Исполнивъ это, онъ задаетъ имъ для перевода короткое предложеніе, пріучая ихъ такимъ образомъ говорить.—Ученики тутъ же принимаются за дѣло и переводятъ. Въ слѣдующій затѣмъ урокъ учитель приступаетъ къ исправленію, и каждый изъ учениковъ, начиная съ перваго и до послѣдняго, яснымъ отчетливымъ голосомъ читаетъ по своей тетради или по бумагѣ свой переводъ. Послѣдніе ученики, пока не дошла до нихъ очередь, могутъ такимъ образомъ исправить свои ошибки. Но для испытанія ихъ онъ иногда измѣняетъ порядокъ, чтобы узнать насколько преуспѣли какъ послѣдніе, такъ и первые ученики.—При этомъ учитель опять задаетъ вытверживать наизустъ (чтобы память не ослабѣла окончательно отъ долгаго бездѣйствія); ученики, должны дома приготовить заданныя для другого дня уроки, такъ чтобы учитель при переводѣ имѣлъ достаточно времени помочь имъ писать какъ можно лучше.—Заданное сочиненіе, предметъ котораго заимствуется отъ извѣстныхъ и обыденныхъ вещей, должно быть по возможности составлено въ родѣ разсказа. Въ слѣдующій затѣмъ урокъ ученики по исправленному уже сочиненію должны умѣть отвѣчать на всякіе предлагаемые имъ вопросы и все сподрядъ проговорить наизустъ. Эти бесѣды продолжаются въ слѣдующій затѣмъ полуденный урокъ. Послѣ обѣда необходимо заняться тѣми же упражненіями.—Внѣ урочныхъ часовъ ученикамъ дозволяется играть комедіи, чтобы ближе ознакомиться съ ними.—Съ разрѣшенія учителя они могутъ также въ публичныхъ рѣчахъ вступать въ преніе другъ съ

другомъ. Такимъ образомъ они скорѣе всего побуждаются къ трудолюбію.—Ученики латинской школы должны говорить между собою полатыни, и разговоръ этотъ будетъ для нихъ болѣе пріятенъ, нежели затруднителенъ, особенно если, выдержавъ экзаменъ, они удостоятся наградъ и одобренія.— Эти занятія имѣютъ цѣлью: 1) Предлагаемую комедію переводить съ латинскаго на нѣмецкій и обратно на латинскій, приступить къ этому тотчасъ же. 2) Твердо знать всю грамматику, какъ общую, такъ и частную, и умѣть примѣнять ее. 3) По образцамъ изъ комедіи умѣть грамматически говорить и писать полатыни.—Чтобы запастись матеріаломъ, необходимо изучать логику: но все, что относится къ знанію словъ и оборотовъ рѣчи, гораздо удобнѣе и скорѣе достигается изученіемъ ораторскаго искусства.

Для послѣдняго класса, т. е. для греческой школы. Способъ преподаванія латыни довольно ясно указываетъ учителю греческаго языка путь, какъ ему приступить къ своимъ занятіямъ, и какую цѣль имѣть въ виду.—Въ настоящее время у насъ лишь посредственные учителя. Потому необходимо руководить ихъ, чтобы они не сбивались съ истиннаго пути; нѣкоторые изъ нихъ уклонились отъ него, оттого что имъ слишкомъ много уступали.—Для того чтобы ученики научились красиво писать, а потомъ упражнялись по греческому тексту въ новой для того приспособленной книжкѣ, необходимо помочь имъ, указывая на доскѣ.—Но помимо назначенныхъ часовъ они должны списывать то же самое у себя дома, чтобы лучше усвоить себѣ, откладывая въ сторону нѣмецкій переводъ.—Учитель долженъ опять начать съ Новаго Завѣта и передавать его содержаніе понѣмецки отъ начала до конца, не повторяя болѣе этихъ уроковъ, за исключеніемъ развѣ нѣкоторыхъ оборотовъ рѣчи и цѣлыхъ трудныхъ предложеній.—Послѣднюю четверть часа онъ долженъ употребить на упражненіе въ склоненіяхъ и спряженіяхъ, сперва по одному слову, а потомъ по нѣскольку словъ заразъ. Въ четвертый урокъ онъ знакомитъ ихъ съ правилами общей грамматики, пользуясь для этого разными примѣрами.—Встрѣчающіяся частныя правила онъ объясняетъ вкратцѣ. На производство словъ онъ тщательно указываетъ въ послѣдній урокъ, назначенный для упражненія въ грамматикѣ и въ росписи словъ, какъ въ той части, которая содержитъ въ себѣ коренныя слова, такъ и въ той, которая относится къ грамматикѣ. Во время урока онъ соблюдаетъ вышеуказанный порядокъ перевода, приводя постепенно сперва имена существительныя различныхъ склоненій по порядку, а затѣмъ такимъ же образомъ и прилагательныя. И такъ все далѣе.— Въ послѣдній урокъ онъ измѣняетъ цѣлыя рѣчи и старается по возможности чтобы ученики въ состояніи были измѣнять

въ рѣчи одно или даже 2 и 3 предложенія. Такимъ образомъ ученикъ скорѣе всего достигнетъ умѣнья измѣнять цѣлыя рѣчи.—Цѣль этихъ занятій: 1) Внѣ урочныхъ часовъ дѣлать письменный переводъ Новаго Завѣта съ греческаго на нѣмецкое. 2) Умѣть безъ запинки переводить съ греческаго на нѣмецкое Новый Завѣтъ, такъ чтобы по греческому тексту прямо читать понѣмецки. 3) Знать какъ общую, такъ и частную грамматику, оставляя въ сторонѣ исключенія и неправильности. 4) Умѣть красиво писать.

II. Занятія, состоящія въ упражненіяхъ. Учитель начинаетъ свой урокъ снова, но на этотъ разъ переводитъ съ нѣмецкаго на греческое и вообще замѣняетъ одно другимъ. Въ одинъ урокъ онъ проходитъ теперь не болѣе какъ по одной главѣ, разбирая ее два или три раза.—Если встрѣтятся какія нибудь затрудненія, то ихъ легко избѣжать; пускай ученики затверживаютъ наизустъ назначенную къ слѣдующему уроку главу. Это послужитъ легкимъ упражненіемъ памяти, потому что они понимаютъ слова и обороты рѣчи и слѣдовательно заучиваютъ наизустъ извѣстное уже имъ, такъ что по естественному свойству ума память сама собой является имъ на помощь.—Въ этотъ урокъ онъ задаетъ имъ изъ той же главы предметъ для простого разговора, касающагося извѣстныхъ имъ вещей. Необходимо избѣгать, чтобы въ разговорахъ касающіяся высокихъ таинствъ выраженія не примѣнялись къ пошлымъ предметамъ.—Эти бесѣды ведутся по возможности въ видѣ разсказа, такъ чтобы ученики могли дать отвѣтъ, если ихъ спросятъ о томъ или другомъ предметѣ, и въ крайнемъ случаѣ разсказать даже обо всемъ. Такая же бесѣда должна вестись и въ слѣдующій затѣмъ урокъ, такъ чтобы каждый день проходилось всего только по двѣ главы, не болѣе. Въ послѣдній урокъ надо заняться употребленіемъ росписи словъ и пополненіемъ трудныхъ мѣстъ въ грамматикѣ.—Пусть учитель заводитъ публичныя пренія между учениками, чтобы поощрить ихъ къ труду.—На экзаменахъ, которые производятся публично въ церкви или въ другомъ мѣстѣ, въ присутствіи родителей и другихъ посѣтителей, ученики поощряются какъ бы трофеями Мильтіада, такъ что они постоянно, не только въ школахъ, но и вездѣ, гдѣ ни сойдутся вмѣстѣ, будутъ говорить погречески.—Если къ этому присоединится еще греческій нравоучительный учебникъ, содержащій въ себѣ интересные слова и предметы, то у нихъ составится полный запасъ знанія.—Цѣль этихъ занятій: 1) Умѣть переводить предлагаемыхъ авторовъ съ греческаго на нѣмецкое и съ нѣмецкаго на греческое. 2) Знать и умѣть примѣнять всю грамматику, какъ общую, такъ и частную.

По документамъ отчеты о громадномъ предпріятіи въ Кётенѣ заканчиваются въ 1620-мъ г. Оно продолжалось безъ

сомнѣнія до 1622-го г.; впослѣдствіи же вѣроятно ограничивалось попеченіемъ городской школы съ употребленіемъ въ дѣло наличныхъ въ странѣ учебныхъ средствъ. Военныя невзгоды разразились также и надъ Ангальтомъ и уничтожили всѣ созданія мирной эпохи, даже твореніе основателя „Плодотворнаго общества“, который во всякомъ случаѣ болѣе Ратихія заслужилъ почетное мѣсто въ исторіи педагогики.

Ратке въ 1629-мъ г. вступилъ, хотя и мимоходомъ, въ связь съ человѣкомъ, который изъ Лиссы тщетно пытался завязать съ нимъ переписку,—который, если и получилъ отъ него какія-то неопредѣленныя указанія, то во всѣхъ отношеніяхъ стоялъ гораздо выше его; это былъ

Іоаннъ Амосъ Коменскій или Коменіусъ.

Іоаннъ Амосъ родился въ 1592-мъ г. въ Комнѣ, что въ Моравіи, и обучался въ Гернборнскомъ университетѣ въ Нассау. Возвратясь на родину, онъ сдѣлался ректоромъ школы въ Прерау, въ 1616-мъ г. поступилъ въ министерство, а въ 1618-мъ занялъ мѣсто священника въ Фульнекѣ, гдѣ при своей должности управлялъ еще школою. Здѣсь онъ подвергся напастямъ, обрушившимся въ тридцатилѣтнюю войну какъ на братскую общину, такъ и на другія евангелическія вѣроисповѣданія въ Богеміи и Моравіи. Въ 1621-мъ г. Фульнекъ былъ взятъ Испанцами; Коменскій лишился при этомъ своей библіотеки и своихъ рукописей. Когда затѣмъ въ 1624-мъ г. евангелическіе священники были изгнаны изъ Австріи, то и онъ также долженъ былъ покинуть Фульнекъ; съ этихъ поръ Коменскій провелъ нѣкоторое время у барона Садовскаго изъ Славны, что въ Богемскихъ горахъ, потомъ онъ съ частью прежней своей общины (—тогда около 3000 евангелическихъ семействъ, въ томъ же числѣ и 500 дворянскихъ родовъ, выселились изъ Богеміи—) направился черезъ Силезію въ Польшу и водворился наконецъ въ Лиссѣ (Лѣснѣ). Будучи здѣсь избранъ въ 1632-мъ г. въ епископы, онъ былъ — „послѣднимъ представителемъ братской общины, заперевшій за собою двери“,— а вскорѣ затѣмъ сдѣлался по своимъ педагогическимъ трудамъ европейской знаменитостью.

Въ 1616-мъ г. онъ былъ ректоромъ въ Прерау и написалъ уже краткую грамматику для введенія болѣе легкаго метода обучать латыни. Въ 1623-мъ г. появился „Лабиринтъ міра и рай сердца“, исповѣдь его религіознаго убѣжденія и его помысловъ, совокупность собранныхъ имъ доселѣ богатыхъ житейскихъ опытовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и указаніе на задачу его жизни. Глубокомысленный мужъ, какъ вѣрно замѣчаетъ Паппенгеймъ, постигъ скудное содержаніе жизни,

относительно какъ счастья, такъ и добродѣтели; однако этотъ пессимизмъ не довелъ его до коснѣющаго аскетизма, а напротивъ, возбудилъ въ энергическомъ духѣ практическій, сильный вѣрою идеализмъ, уповающій направить человѣческія дѣла на лучшій путь.

Его критика обиходной мудрости, дѣйствительной жизни, брака, свѣтскихъ мудрецовъ, философовъ, теологовъ, военнаго званія и пр. обнаруживаетъ проницательнаго наблюдателя, глубокаго мыслителя и величавую строгость реформаторскаго духа. Изъ мірскаго лабиринта онъ удаляется въ рай своей христіански благочестивой души. Христосъ представляется ему средоточіемъ, къ которому должна относиться всякая мудрость, и онъ прилѣпляется къ Нему со всѣмъ рвеніемъ своей глубокой задушевности.—Въ 1627-мъ году явилась краткая методологія, назначенная для дѣтей Садовскаго, которыхъ онъ обучалъ въ бытность свою у этого покровителя. Въ Лиссѣ, гдѣ онъ управлялъ гимназіей, Коменскій обнародовалъ въ 1631-мъ году свое первое знаменитое твореніе, „Открытая дверь къ языкамъ" (Ianua linguarum reserata), которое было переведено на 12 европейскихъ и на разные восточные языки и о которомъ Бель заявилъ: „Еслибъ Коменскій кромѣ этой книги не издалъ ничего болѣе, то и тогда онъ былъ бы безсмертенъ." Эта книга должна представить читателю „въ краткомъ обзорѣ весь міръ и латинскій языкъ." Въ ней содержится 100 отдѣловъ, разсматривающихъ въ 1000 предложеніяхъ всевозможные предметы.

Въ своемъ „Лабиринтѣ" уже Коменскій заявилъ себя врагомъ всякой схоластической отвлеченности и приверженцемъ вновь утвержденнаго Бѣкономъ эмпиризма. И онъ также того мнѣнія, что въ мышленіи находится только то, что̀ было уже сперва въ чувствахъ. А потому наглядное познаніе составляетъ для него единственную основу умозрительнаго. Оттого то и матеріалъ, содержащійся въ его „Двери къ языкамъ" взятъ изъ эмпирическаго міра. Этотъ матеріалъ состоитъ изъ большихъ, связанныхъ между собою, отрывковъ по всѣмъ возможнымъ областямъ реальной жизни, съ придачею ученія объ ангелахъ и дьяволахъ, въ чемъ никакъ нельзя упрекнуть этого благочестиваго мужа семнадцатаго столѣтія. По основному правилу нашего реформатора необходимо всѣхъ обучать всему, всякій обязанъ ознакомиться съ очерками всѣхъ областей знанія, такъ чтобы впослѣдствіи всякій самъ по своему желанію могъ выполнить мѣста въ отдѣльныхъ рамахъ и такимъ образомъ избѣгнуть пробѣловъ знанія. Коменскій считаетъ важнымъ изученіе латинскаго языка, какъ по формально образующей силѣ послѣдняго, такъ и потому, что по мнѣнію его, этотъ языкъ назначенъ быть міровымъ нарѣчіемъ; онъ думаетъ,

языки слѣдуетъ изучать вообще не по правиламъ, а скорѣе практическимъ путемъ.

Благодаря славѣ, возбужденной произведеніемъ Коменскаго и обширнымъ связямъ, въ которыя вступилъ онъ по поводу новой организаціи преподаванія съ знатными особами изъ всякихъ странъ, онъ въ 1638-мъ г. получилъ изъ Швеціи приглашеніе заняться преобразованіемъ тамошней учебной системы. Онъ не принялъ этого приглашенія, а послалъ въ Швецію латинскій переводъ Обширой дидактики (Didactica magna), „самаго глубокомысленнаго изъ его педагогическихъ произведеній", составленнаго имъ еще въ началѣ своего пребыванія въ Лиссѣ. Эта дидактика написана „вообще для юношества того и другого пола, какъ въ городахъ, такъ и въ деревняхъ", съ тѣмъ чтобы „до вступленія въ зрѣлый возрастъ преподать ему науку, нравственность и благочестіе," и притомъ „коротко, пріятно и основательно." Итакъ, нашъ реформаторъ помышлялъ уже о всеобщемъ народномъ воспитаніи и даже о всеобщей народной школѣ. Въ училище, говоритъ онъ, слѣдуетъ посылать всѣхъ дѣтей, не обращая вниманія ни на сословіе, ни на имущество, ни на полъ. Вѣдь всѣ люди рождены для того, чтобы быть людьми, т. е. разумными существами, властелинами творенія, подобіемъ Божества. Школьное воспитаніе, общенародное образованіе въ его глазахъ стоитъ гораздо выше единичнаго обученія. Впрочемъ его „Обширная дидактика" не наука о воспитаніи въ обыкновенномъ смыслѣ слова, а скорѣе энциклопедія системъ воспитанія и обученія; это произведеніе распространяется обо всѣхъ возможныхъ всеобщихъ и частныхъ вопросахъ дидактики и методики. Вопросъ, какимъ путемъ возможно воспитаніе? онъ рѣшаетъ въ смыслѣ новѣйшихъ педагоговъ: путемъ развитія всѣхъ природныхъ наклонностей. Онъ сознаетъ, что идея такого естественнаго воспитанія непримирима съ опирающеюся на грѣхопаденіи догматическою ортодоксіею, и потому пытается выйдти изъ затрудненія, предполагая, что грѣхопаденіе не искоренило нашихъ внутреннихъ силъ, а только ослабило ихъ — такимъ образомъ онъ подобно страусу прячетъ голову въ песокъ, лишь бы не видѣть грозящей его системѣ опасности. Этотъ разладъ, эта двоедушная система глубокимъ разрывомъ проходитъ по всей его системѣ воспитанія и служитъ доказательствомъ, что съ появленіемъ Коменскаго не могла еще настать пора естественнаго воспитанія, „образовательно воспитательнаго развитія человѣка." Утвердить это вполнѣ въ состояніи одна только цѣльная личность, т. е. умъ совершенно свободный отъ догматическихъ путъ. Такъ между прочимъ, крайнею цѣлью всякаго воспитанія казалось ему возобновленіе рая церкви! Вотъ гдѣ истинная внутренняя причина его изоли-

рованнаго положенія. Тридцатилѣтняя война со всѣми ея ужасами и крайне гибельными послѣдствіями была внѣшнею причиною, что Коменскій не могъ добиться сильнаго реформаторскаго вліянія, хотя и возвѣщалъ евангеліе природы такъ же громогласно, какъ и преемники его, Руссо и Песталоцци. Ему слѣдуетъ вмѣнить въ большую заслугу и то уже, что онъ съ необычайнымъ свободомысліемъ и истиннымъ рвеніемъ вступился за образованіе женскаго пола. Нѣтъ никакой причины, говоритъ онъ, лишать женскій полъ образованія путемъ какъ латинскаго, такъ и родного языка. Женщины такія же подобія Божества и обладаютъ подвижностью ума и способностью къ развитію часто даже болѣе нежели мы; и онѣ зачастую также призывались къ великимъ подвигамъ. Почему же допускать ихъ къ азбукѣ, а потомъ удалять отъ книгъ? Развѣ опасаются легкомыслія? Но чѣмъ больше мыслей усвоимъ себѣ, тѣмъ вѣдь менѣе мѣста для легкомыслія, проистекающаго отъ душевной пустоты. Мы хотимъ воспитать ихъ не для мелочнаго любопытства, а для нравственности и блаженства. Мы хотимъ научить ихъ особенно тому, что подобаетъ имъ знать и умѣть, дабы съ достоинствомъ управлять домашнимъ хозяйствомъ и способствовать не только своему благу, но также и благу своего супруга, дѣтей и прислуги. Коменскій, подобно Песталоцци и Жанъ Полю, хочетъ также и матерей обучить воспитанію. Онъ, конечно, не зналъ еще того, что постигъ наконецъ Фридрихъ Фрёбель, а именно, что образовать добрыхъ матерей можно—не книгами о воспитаніи, а только путемъ нагляднаго обученія, упражненія и примѣра, слѣдовательно тѣми факторами, которые Фрёбель предлагаетъ женщинамъ въ своемъ „Дѣтскомъ саду."

Въ одно время съ посылкою въ Швецію также и въ Англію отправлено было извлеченіе изъ той же книги, которое и было тамъ напечатано въ 1639-мъ г. подъ заглавіемъ Pansophiae Prodromus. Въ Англіи путь Коменскому проложилъ особенно Самуилъ Гартлибъ, одинъ изъ его восторженныхъ приверженцевъ. По настоянію послѣдняго парламентъ пригласилъ нашего педагога прибыть въ Англію, съ цѣлью преобразовать тамъ учебную систему. Онъ и отправился туда, но возникшія смуты въ Ирландіи помѣшали ему исполнить свою задачу. Затѣмъ получилъ онъ приглашеніе пріѣхать во Францію; но въ 1642-мъ г. онъ отправился наконецъ въ Швецію, гдѣ встрѣтился съ своимъ усерднымъ почитателемъ и щедрымъ покровителемъ, богатымъ нидерландскимъ купцомъ Людвигомъ Фанъ Гееромъ, и гдѣ познакомился съ государственнымъ канцлеромъ Акселемъ Оксенштирною, который заинтересовался его учебнымъ методомъ и побуждалъ его заняться болѣе всего дидактическими трудами. Съ этой цѣлью отпра-

вился онъ въ 1642-мъ г. въ Эльбингѣ и написалъ тамъ „Novissima linguarum methodus“ (Новѣйшій методъ языковъ), въ которомъ не только изложилъ свои дидактическія основныя правила, но очертилъ также составленныя уже и составляемыя имъ для осуществленія этихъ правилъ учебники, а именно: Сѣни (Vestibulum), Двери (Janua) и Пріемная (Atrium). Книга вышла въ 1648-мъ г. въ Лиссѣ и содержитъ въ себѣ принципы, какіе должны служить основою для всякой раціональной системы обученія. Существенными статьями своего метода онъ считаетъ: параллельность предметовъ и словъ, послѣдовательность преподаванія безъ пробѣловъ и легкій, пріятный, наиболѣе успѣшный способъ обученія, причемъ ученикъ находится въ постоянной дѣятельности.

Въ 1650-мъ году Коменскій отправился, по приглашенію князя Ракоци, въ Сарошъ-Патакъ въ Венгріи, съ тѣмъ чтобы своимъ совѣтомъ содѣйствовать улучшенію учебной системы. Онъ пробылъ тамъ 4 года и въ это время сочинилъ свой Атріумъ и сверхъ того Живописный міръ (Orbis pictus), вышедшій въ 1657-мъ г. въ Нюрнбергѣ. По начертанному имъ тамъ же учебному плану школа дѣлится на 7 классовъ, которые слѣдуетъ пройти въ 7 лѣтъ, приблизительно отъ 10-ти и до 17-тилѣтняго возраста. Учебниками въ трехъ низшихъ классахъ служатъ Сѣни (Vestibulum), Дверь (Ianua) и Пріемная (Atrium). Затѣмъ въ четвертомъ классѣ слѣдуетъ Философія (Philosophica), потомъ Логика, Политика и наконецъ Теологія или Теософія. Въ низшихъ трехъ классахъ этой пансофической школы (schola pansophica) назначено преподавать реальныя науки и латынь, катехизисъ, чистописаніе, ариѳметику, геометрію и музыку; въ четвертомъ прибавляется еще греческій языкъ. Подъ церковную музыку пѣли каждый день; игры и гимнастическія упражненія были необходимы; драматическія представленія, но только не развратныя піэсы древнихъ, считались полезными: въ пятомъ классѣ наприм. представляли состязаніе между грамматикой, логикой и метафизикой, которыя препираются изъ-за первенства и наконецъ дружелюбно цѣлуются, условясь между собою благоразумно управлять въ царствѣ премудрости; въ шестомъ классѣ давали „Соломона.“ а въ седьмомъ „Давида“. Стѣны должны быть покрыты картинами и надписями, отвѣчающими назначенію каждаго класса. Три урока даются передъ обѣдомъ и три послѣ обѣда. Вся школа и каждый отдѣльный классъ представляетъ собою республику съ сенатомъ, консуломъ и преторомъ.

Въ іюнѣ 1654-го г. Коменскій опять водворился въ Лиссѣ и жилъ тамъ пока городъ не былъ сожженъ Поляками, причемъ нашъ педагогъ вторично лишился своего имущества. Пробывъ не подолгу въ Силезіи, Бранденбургѣ и Гамбургѣ, онъ

съ 1656-го г. поселился окончательно въ Амстердамѣ, гдѣ подъ покровительствомъ богатыхъ и вліятельныхъ людей занялся преподаваніемъ по своему новому методу и благодаря этому обезпечилъ себя въ денежномъ отношеніи. Въ 1657-мъ г. иждивеніемъ Лоренца фанъ Геера, сына своего прежняго покровителя, издалъ онъ въ 4 фоліантахъ собраніе своихъ дидактическихъ сочиненій; въ то же время и свой „Свѣтъ во тракѣ“ (Lux in tenebris): то были пророчества, предрекавшія починъ тысячи-лѣтняго царства съ 1672-го г. и намекавшія особенно на скоро предстоящій судъ надъ Австрійскимъ домомъ и папою: эта книга нанесла ему много непріятностей и навлекла на него сильныя гоненія, о чемъ онъ самъ говоритъ въ своихъ признаніяхъ, изданныхъ подъ конецъ его жизни въ 1668-мъ г. подъ заглавіемъ „Одно, что необходимо“ (Unum necessarium): „Много хлопотъ и труда, и сверхъ того много страха, зависти и опасности причинилъ мнѣ “Свѣтъ во тракѣ“ или „Изъ мрака“, когда меня осмѣяли за мое легковѣріе. Если нѣкоторыя пророчества и не сбудутся, то воздержусь по этому поводу отъ гнѣва, который не къ добру послужилъ Іонѣ. Богъ имѣетъ, вѣроятно, причины измѣнять свои предопредѣленія или по крайней мѣрѣ откровеніе ихъ. Можетъ быть Онъ хотѣлъ прежде всего явить при этомъ, какъ немощны безъ Него люди, для того, чтобы доказать имъ, что Онъ безъ людей или черезъ нихъ все можетъ сдѣлать, лишь бы только подчинилъ ихъ своей волѣ“. Коменскій умеръ 15-го ноября 1671-го г. Гиндели говоритъ объ немъ: „Въ Коменскомъ было что-то истинно патріархальное; въ немъ обнаруживается глубокое нравственное достоинство, неподражаемая простота, постоянная услужливость и доброе, соболѣзнующее бѣднымъ сердце. Такъ послѣдній изъ братьевъ обнаружилъ въ себѣ качества, которыя, хотя и въ менѣе совершенной степени, встрѣчались вообще въ ихъ средѣ“. Въ своей книгѣ: „Что необходимо знать всякому въ жизни, смерти и послѣ нея“ онъ самъ говоритъ про себя: “Благодарю Бога, по волѣ Котораго мнѣ всю жизнь суждено быть человѣкомъ стремленій. Хотя я оттого и попадалъ въ лабиринты, но Онъ все-таки помогалъ мнѣ опять выпутываться изъ нихъ, и даже теперь Онъ руководитъ меня для созерцанія блаженнаго покоя. Стремленіе къ добру—это неизсякаемый ручей, истекающій изъ родника всякаго добра—Бога. Онъ въ концѣ концовъ опять приводитъ насъ къ Себѣ по таинственной аріадниной нити Своей премудрости. Много я суетился подобно заботливой Мареѣ; теперь же подобно Маріи лежу у ногъ Іисуса и говорю съ Давидомъ: я радуюсь тому, что уповаю на Господа! Меня, какъ богослова, порицали за то, что, улучшивъ школы, я хотѣлъ быть полезенъ міру. Какъ будто Христосъ не сказалъ: „паси овецъ Моихъ“ и еще: „паси

агнцевъ Моихъ“, поручая тѣхъ и другихъ Петру! Ему, вѣчной любви моей, воздамъ вѣчную благодарность за то, что Онъ вселилъ въ мое сердцѣ эту любовь къ своимъ агнцамъ и благословилъ меня. Мнѣ ставили въ упрекъ мои усилія согласить враждующія теологическія партіи и водворить миръ между ними! Наше время подобно лику Иліи на Хоривѣ, когда онъ страшился выйти изъ пещеры, оттого что буря, пламя и землетрясеніе шли передъ Господомъ. Но придетъ время, когда Илія и въ тихомъ шелестѣ услышитъ гласъ Божій. Теперь каждый дорожитъ своимъ Вавилономъ, считая его за Іерусалимъ, которому должно уступать все на свѣтѣ. Еслибъ мнѣ пришлось выразить свое крайнее убѣжденіе, то я сказалъ бы: Скромная хижина да будетъ мнѣ вмѣсто дворца, если же у меня нѣтъ своей хижины, гдѣ бы приклонить голову, то, по примѣру Господа, буду доволенъ, если кто-нибудь приметъ меня подъ свой кровъ, а не то останусь подъ небеснымъ кровомъ, какъ и Онъ послѣднія ночи своей жизни провелъ на Масличвой горѣ, пока ангелы не примутъ меня, какъ Лазаря, въ свое общество. Вмѣсто дорогого платья удовольствуюсь грубою одеждою, подобно Іоанну. Хлѣбъ и вода замѣнятъ мнѣ роскошныя яства. Пусть моя библіотека состоитъ изъ тройной книги Божьей; моею философіей да будетъ созерцать вмѣстѣ съ Давидомъ небеса и дѣла Божіи и удивляться тому, что Господь, Творецъ столь великихъ дѣлъ, снисходитъ до меня, слабаго червя. Моимъ лекарствомъ да будутъ умѣренная пища и частые посты. Моимъ правовѣдѣньемъ—поступать съ другими такъ, какъ я хочу, чтобы поступали со мною; моя теологія да состоитъ въ томъ, чтобы я подобно Ѳомѣ Аквинскому, умирая, прижалъ библію къ сердцу и сказалъ: Вѣрую въ то, что написано въ этой книгѣ. Пусть поклонники человѣческой мудрости смѣются надо мной. Моя душа также посмѣется тому, что избѣгла суетъ. Я достигъ пристани! Прощайте судьба и случай! сказалъ поэтъ; а я скажу: я обрѣлъ Христа съ тѣхъ поръ какъ яснѣе вижу передъ собою стопы этого вожатаго къ небу. Вся моя жизнь прошла не въ отчизнѣ, а въ странствіяхъ; мое пристанище то и дѣло мѣнялось и нигдѣ не находилъ я себѣ постояннаго пріюта. Но вотъ, наконецъ, близка моя небесная отчизна, гдѣ Христосъ и мнѣ также уготовилъ пріютъ. Хвалю и славлю святое Провидѣніе и моего Спасителя за то, что Ты не далъ мнѣ на землѣ ни отчизны, ни жилища, и я могу сказать съ Давидомъ: Я то и другое, Твой странникъ и Твой гражданинъ! Ты сдѣлалъ, что мои дни превосходятъ дни моего отца и дѣда и многихъ людей, прошедшихъ со мною по пустынѣ жизни. Ты знаешь, для чего Ты сдѣлалъ это, навсегда поручаю себя въ Твои руки. Ты во всякое время посылалъ мнѣ ангела, какъ Иліи, съ кускомъ хлѣба

и глоткомъ воды, чтобы я не умеръ отъ жажды и голода. Ты охранилъ меня отъ безумія людей, принимающихъ все случайное за существенное добро, путь за цѣль, стремленіе за покой, пристанище за жилище, странствіе за отчизну. Но меня Ты велъ, даже побуждалъ къ Твоему Хориву. Да будетъ прославлено святое имя Твое!“

Евгеній Паппенгеймъ характеризовалъ его такъ: „Чистая, глубокая, любвеобильная душа, неутомимая воля, безустанное, какъ въ великомъ, такъ и въ маломъ одинаково стойкое трудолюбіе, богатая фантазія, высокоодаренный, самобытно мыслящій, далеко провидящій умъ, все это совмѣщалось въ Коменскомъ, подкрѣпляемое многостороннимъ знаніемъ и богатымъ, подъ жестокими ударами судьбы пріобрѣтеннымъ опытомъ жизни. Съ этимъ запасомъ дарованій онъ въ теченіе многихъ лѣтъ подвизался на поприщѣ воспитанія, благотворно созидая на практикѣ, незабвенно и превосходно дѣйствуя въ теоріи. Онъ созналъ возможность воспитанія на основаніи человѣческой природы, онъ вступился за право дѣтей на образованіе, объявилъ его дѣломъ всего общественнаго строя, долгомъ правительства; уповалъ на его высокую, всякое зло преодолѣвающую мощь и потому, будучи свидѣтелемъ одной изъ самыхъ пагубныхъ войнъ, все-таки вѣрилъ въ возможность совершенствованія человѣчества.“

Попытаемся здѣсь вкратцѣ изложить ученіе знаменитаго мужа.

Человѣкъ живетъ троякою жизнью: растительною, животною и разумною или духовною. У него три родины: чрево матери, земля и небо. Родившись онъ вступаетъ во вторую родину; а по смерти и воскресеніи въ третью, вѣчную. Въ первой мы получаемъ только жизнь съ ея движеньемъ и чувствами; во второй пріобрѣтаемъ жизнь, движенье и чувства вмѣстѣ съ разумностью; въ третьей же достигаемъ и исполненія всѣхъ вещей. Первая жизнь—подготовка ко второй, вторая къ третьей, а третья безконечна. Переходъ изъ первой во вторую и изъ второй въ третью сопровождается страхомъ и болью. При этомъ всякій разъ намъ приходится сбрасывать съ себя негодную къ употребленію впредь оболочку. Итакъ, первая и вторая жизнь подобны мастерскимъ, въ которыхъ мы образуемся. Въ первомъ жилищѣ тѣло образуется для потребностей на будущее время. Во второмъ разумная душа развивается для наслажденія вѣчною жизнью, которая уготовлена намъ въ третьемъ жилищѣ и въ которой достигнемъ совершенства. Конечное назначеніе человѣка — вѣчное блаженство въ Богѣ. Напротивъ того, другія, для переходной жизни служащія назначенія людей подчиняются первому, стремятся, переводятъ къ нему. Сотворимъ, сказалъ Богъ, человѣка по

образу Нашему; и да владычествуетъ онъ надъ рыбами морскими, и надъ птицами небесными, и надъ скотомъ, и надъ всею землею. Отсюда слѣдуетъ: человѣкъ находится между видимыми созданьями для того, чтобы быть 1) разумною тварью, 2) господствующею надъ всѣми созданьями, 3) подобіемъ и отрадою своего Творца. Эти три условія такъ связаны между собою, что ни одно изъ нихъ не можетъ быть отдѣлено отъ другого: потомучто во всѣхъ трехъ основа какъ настоящей, такъ и будущей жизни. Быть разумною тварью значитъ быть созерцателемъ, именующимъ и мысленно совокупляющимъ всѣ вещи,—значитъ знать и умѣть назвать все, что есть въ мірѣ. Быть господствующимъ надъ созданьями значитъ: все остальное направлять къ законнымъ цѣлямъ и употреблять въ свою пользу, т. е. всюду между созданьями поступать по царски, строго и свято, умѣть благоразумно руководить внутренними и внѣшними движеніями и дѣйствіями. Наконецъ, быть подобіемъ Божіимъ значитъ—проявить или представить въ жизни совершенство первообраза. Отсюда слѣдуетъ: отъ человѣка требуется собственно, чтобы онъ зналъ всѣ вещи, чтобы владѣлъ всѣми вещами и самимъ собою и чтобы относилъ себя и все остальное къ Богу, какъ къ источнику бытія. Итакъ, отъ него требуется: 1) ученость или образованіе—знаніе вещей, искусствъ и языковъ; 2) добродѣтель и характеръ—внутренній и внѣшній урядъ движенія; 3) религіозность или піэтизмъ—внутреннее благоговѣніе, вслѣдствіе котораго мы вступаемъ въ связь и обязательство съ высшимъ существомъ. Для этихъ трехъ требованій природа вложила въ насъ сѣмя. Человѣкъ находится посреди твореній Божіихъ и обладаетъ въ своемъ духѣ какъ бы яснымъ зеркаломъ, воспринимающимъ и отражающимъ всякія формы всѣхъ окружающихъ его вещей. Человѣкъ называется малымъ міромъ, внутреннимъ, сжатымъ содержаніемъ, оттискомъ вселенной, оттого что онъ объемлетъ все, что проявляется всюду въ макрокосмѣ. Вступающій въ міръ духъ человѣка весьма удачно уподобляется сѣмени или зародышу, которое, правда, не представляетъ еще съ виду ни растенія, ни дерева, но въ которомъ содержится уже растеніе или дерево. Такъ и человѣкъ не получаетъ ничего извнѣ; но развиваетъ только то, что имѣетъ въ самомъ себѣ. Сверхъ того наша разумная душа пользуется орудіями, которыя служатъ ей какъ бы послами или развѣдчиками. Посредствомъ зрѣнія, слуха, обонянія, вкуса и осязанія она изслѣдуетъ все, что внѣ ея, такимъ образомъ изъ всего созданнаго для нея ничто не можетъ быть скрыто. Нашъ мозгъ, эту мастерскую мыслей, можно уподобить воску, къ которому прилагается печать или изъ котораго лѣпятся разные образы. И дѣйствительно, подобно тому какъ воскъ принимаетъ всякія формы и въ

каждое мгновеніе можетъ быть преобразованъ, точно такъ же и мозгъ воспринимаетъ образы всѣхъ вещей. Это прекрасно указываетъ на то, что такое наша мысль, что такое наша наука. Все, что дается мнѣ зрѣніемъ, слухомъ, обоняніемъ, вкусомъ и осязаніемъ, составляетъ для меня какъ бы печать, которою образъ предмета отпечатлѣвается въ мозгу, и притомъ такъ, что этотъ образъ остается даже, когда самый предметъ удаленъ отъ нашихъ чувствъ, а утрачивается онъ только тогда, когда наше вниманіе было небрежно и не дало укрѣпиться впечатлѣнію.—Что человѣку врожденъ также извѣстный зародышъ добродѣтели, это выводится изъ двухъ причинъ: вопервыхъ изъ того, что всякій человѣкъ услаждается гармоніей, а вовторыхъ изъ того, что онъ самъ какъ внутри, такъ и вовнѣ не что иное какъ гармонія. Религіозность также лежитъ въ человѣкѣ, потому что онъ образъ Божій. Образъ же требуетъ сходства: но подобное наслаждается лишь себѣ подобнымъ, это неизмѣнный законъ вещей. У человѣка же нѣтъ ничего ему подобнаго, если онъ не уподобится тому, по чьему образу созданъ. И куда же было бы обратиться его стремленію, какъ не къ первоисточнику, изъ котораго оно истекаетъ?—Надо конечно сознаться, что это естественное стремленіе къ Богу, какъ къ высшему благу, извращено грѣхопаденіемъ человѣка. Однако, даже по изгнаніи изъ рая, въ насъ остался еще зародышъ добра, который Божіей милостью вновь можетъ разростись подъ дождемъ и солнечнымъ сіяніемъ. Вѣдь тотчасъ же послѣ паденія самъ Богъ насадилъ въ нашей душѣ новые отпрыски благодати! Развѣ не послалъ Онъ въ міръ Своего Сына, съ тѣмъ чтобъ чрезъ Него опять возстановить павшій родъ? А потому будетъ постыдно и послужитъ вѣрнымъ знакомъ нашей неблагодарности, если мы то и дѣло станемъ ссылаться на нашу испорченность и втайнѣ пренебрегать возстановленіемъ нашего прежняго состоянія.

Человѣкъ, какъ подлежащее развитію существо, только путемъ воспитанія можетъ сдѣлаться человѣкомъ. Все возникаетъ, развивается и поднимается изъ ничтожества,—это міровой законъ. И это относится какъ къ свойству, такъ и къ дѣйствіямъ вещей. А потому образованіе и воспитаніе необходимо всѣмъ людямъ. Тупыхъ необходимо воспитать и образовать для того, чтобы хоть сколько нибудь устранить ихъ тупость. Но геніи болѣе всего нуждаются въ воспитаніи и образованіи: они подобны тучной пашнѣ, которая, оставшись необработанною и невоздѣланною, производитъ болѣе всего волчцовъ и тернія. Богачи, лишенные мудрости,—это свиньи, откормленныя отрубями. Бѣдняки, лишенные знанія вещей, подобны вьючнымъ осламъ. Красивый собою невѣжда, уподобляется нарядному попугаю или золотымъ ножнамъ съ оловянной шпагою. Об-

разованіе необходимо всѣмъ людямъ, потому что человѣкъ не долженъ быть скотиной, и каждый изъ насъ превышаетъ остальныхъ настолько, насколько онъ образованнѣе и опытнѣе ихъ въ необходимыхъ для него знаніяхъ и искусствахъ.

Образованіе человѣка естественнѣе всего начинается въ первоначальномъ его возрастѣ. Плодовое дерево можетъ, правда, вырости само отъ себя и само собою; но оставшись дичкомъ, оно дастъ лишь дикій плодъ. Для того чтобы оно приносило пріятные и сладкіе плоды, опытный садовникъ долженъ пересаживать, поливать и подрѣзать его. Такъ и человѣкъ самъ собою пріобрѣтаетъ человѣческій образъ; но самъ собою онъ не будетъ также разуменъ, мудръ, честенъ, благочестивъ, если ему не дастся возможности сдѣлаться такимъ. И все это должно быть привито какъ можно ранѣе, потому что исходъ изъ этой жизни неизвѣстенъ, а покинуть ее неприготовленнымъ опасно, — жизнь исполняется не ученіемъ, но дѣйствіемъ, а для дѣйствій въ жизни необходимо приготовиться какъ можно ранѣе, чтобы не быть вынужденнымъ перестать дѣйствовать, прежде чѣмъ научились,—нѣжное существо податливѣе образуется, нежели уже отвердѣвшее: мягкій воскъ гибокъ, податливъ, а твердый крошится; деревцо легко пересаживается, выпрямляется, улучшается, но дерево не выноситъ этого; мозгъ человѣка въ нѣжной молодости еще влаженъ и мягокъ, легко воспринимаетъ впечатлѣнія вещей; потомъ онъ понемногу твердѣетъ и высыхаетъ и трудно поддается впечатлѣніямъ. Въ человѣкѣ прочно и постоянно только то, что онъ всосалъ въ юности. Онъ и въ этомъ отношеніи также слѣдуетъ всеобщему закону природы. Подобно тому какъ нѣжное деревцо сохраняетъ свои вѣтки, пока само не погибнетъ. Какъ шерсть удерживаетъ пропитавшую ее сначала краску, какъ шина колеса скорѣе треснетъ, чѣмъ выпрямится, такъ точно и первыя впечатлѣнія въ душѣ человѣка залегаютъ дотого крѣпко, что преобразованіе ихъ было бы чудомъ.

Уходъ за дѣтьми и воспитаніе ихъ принадлежитъ родителямъ. Но такъ какъ, при крайне запутанныхъ условіяхъ человѣческаго общества, немногіе лишь въ состояніи заняться обученіемъ, то воспитаніе и образованіе нѣсколькихъ дѣтей совмѣстно давно уже стали поручать избраннымъ, умнымъ и нравственнымъ особамъ, сословію учителей; образовательныя заведенія—суть школы.

Въ школы слѣдуетъ отдавать молодежь того и другого пола, не только дѣтей богатыхъ и знатныхъ, но также и бѣдныхъ, какъ мальчиковъ, такъ и дѣвочекъ, какъ въ городахъ, такъ и въ селахъ. Люди рождены быть людьми, т. е, разумными существами. Потому всѣмъ слѣдуетъ преуспѣвать въ наукахъ, въ добродѣтели и благочестіи. Ли-

шать человѣка образованія и воспитанія, значитъ быть къ нему несправедливымъ. Передъ Богомъ нѣтъ лицепріятія; тотъ же законъ примѣняется и къ школѣ. Солнце освѣщаетъ, грѣетъ, оживляетъ все, чтобы все зеленѣло, цвѣло и давало плодъ; то же самое должна дѣлать и школа.

Въ школахъ слѣдуетъ всѣхъ обучать всему. Это не значитъ, чтобы всѣ изучали тамъ всякія науки и искусства, и къ тому же еще въ совершенствѣ. Даже геній не достигнетъ цѣли вполнѣ совершеннаго знанія и умѣнья; да и не всякій умъ способенъ на всякое знаніе и умѣнье. Этимъ требуется только, чтобы ознакомились съ основаніемъ, видомъ, свойствомъ и цѣлью всего существующаго и совершающагося, поскольку все это необходимо для человѣка, какъ для почитателя міра и сподвижника въ немъ. Итакъ, школы, всѣ безъ исключенія, должны стремиться къ тому, чтобы быть благодѣяніемъ для всей жизни, 1) образуя умъ знаніями и искусствами, 2) совершенствуя языкъ, 3) улучшая нравы и 4) развивая истинное благочестіе. Школы суть мастерскія человѣчества, устроенныя съ цѣлью, чтобы человѣкъ сталъ человѣкомъ. т. е. разумнымъ существомъ, господствующимъ какъ надъ тварями, такъ и надъ самимъ собою, и былъ отрадою своего Творца. Онѣ достигаютъ этого, просвѣщая умъ, пріучая къ осторожности въ дѣйствіяхъ и вознося духъ къ Богу. Вотъ эти три вещи и слѣдуетъ внушать юношеству во всѣхъ школахъ. Основа къ тому находится 1) въ окружающихъ насъ предметахъ, 2) въ насъ самихъ, 3) въ Христѣ-Богочеловѣкѣ, какъ въ совершеннѣйшемъ образцѣ нашемъ. Школы должны сообщать все, что просвѣщаетъ разумъ (онъ изслѣдуетъ различіе между предметами), направляетъ волю (она избираетъ благое и полезное и устраняетъ пагубное и вредное) и пробуждаетъ совѣсть (т. е. воспоминаніе души о зависимости отъ Бога), такъ чтобы разумъ былъ проницателенъ, воля избирала безошибочно, а совѣсть все относила къ Богу. Какъ эти три способности души не могутъ быть отдѣлены другъ отъ друга, наполняя собою въ сущности душу, такъ точно и образованіе, добродѣтель и благочестіе не должны отдѣляться другъ отъ друга. Образованіе безъ нравственности и благочестія суетно и дѣлаетъ несчастнымъ. Совершенное образованіе связано воедино съ добродѣтелью и благочестіемъ и не состоитъ въ противорѣчіи ни съ тою, ни съ другимъ.

Методъ преподаванія долженъ сообразоваться съ различными способностями воспитанниковъ,—учитель обязанъ умѣть обращаться какъ съ даровитыми, такъ и съ тупоумными, какъ съ нѣжными и усердными, такъ и съ тугими и неуклюжими умами, какъ съ послушными и любознательными, такъ и съ вялыми и лѣнивыми натура-

ми. Всѣхъ людей надлежитъ вести къ одной и той же цѣли: мудрости, нравственности и благочестію. Какъ бы люди ни отличались другъ отъ друга по своимъ способностямъ, но у всѣхъ одна и та же общая человѣческая натура и всѣ снабжены одними и тѣми же орудіями. Различіе умовъ собственно не что иное, какъ избытокъ или недостатокъ естественной гармоніи, подобно тому какъ болѣзни тѣла не что иное, какъ избытокъ или недостатокъ сырости и сухости, тепла или холода. Лучшій методъ тотъ, которымъ умѣряется избытокъ или недостатокъ ума и все приводится въ надлежащую гармонію.

Порядокъ преподаванія надо перенять у природы. Помимо подражанія природѣ искусство ни на что неспособно. Согласно съ этимъ воспитаніе прежде всего имѣетъ постановить и утвердить основныя правила продленія жизни, чтобы удѣлить необходимый срокъ на курсъ обученія. Итакъ, тѣло слѣдуетъ охранять отъ болѣзней и смертельныхъ случаевъ, потому что оно единственное временное жилище духа и служитъ орудіемъ разумной души. Когда мозгъ боленъ, то страдаетъ также и воображеніе; и когда члены тѣла больны, то тѣмъ же поражается самъ духъ. Итакъ, необходимо пещись, чтобы въ здоровомъ тѣлѣ былъ здоровый духъ. А здоровье тѣла поддерживается умѣренною діэтой. Оно нуждается въ пищѣ для утоленія голода и жажды; но не слѣдуетъ обременять пищеварительные органы. Смерть происходитъ отъ болѣзней, болѣзни происходятъ отъ испорченныхъ соковъ, испорченные соки отъ испорченнаго пищеваренія, а испорченное пищевареніе отъ излишка пищи. Но пища должна быть простая: прочь всѣ эти лакомства и возбуждающія средства, особенно у дѣтей. Какъ дереву необходимо испарять влагу, такъ точно и человѣческое тѣло нуждается въ движеніи и въ телѣсныхъ упражненіяхъ въ видѣ забавы или труда. И какъ дереву Богомъ назначено отдыхать въ зимнюю пору, точно такъ же и человѣку назначено днемъ работать, а ночью покоиться. Пускай даже днемъ трудная работа смѣняется легкою, точно такъ же какъ ночью чуткій сонъ—крѣпкимъ. Необходимо притомъ въ точности распредѣлить время труда. Сутки состоятъ изъ 24 часовъ. Распредѣлите ихъ, назначивъ восемь на сонъ, восемь на дѣла и занятія, а остальные восемь часовъ употребите на попеченіе о здоровьи, на питаніе и телѣсныя упражненія, на пристойную бесѣду съ друзьями, на наслажденіе природой и т. под.

Какъ преподавать и учить съ *вѣрнымъ* успѣхомъ? 1) Природа въ своихъ твореніяхъ выжидаетъ удобное время. Садовникъ принимается также въ свое время за всякое дѣло, переходитъ постепенно отъ одного къ другому. Точно такъ же и для упражненія ума слѣдуетъ уловить

надлежащее время и переходить постепенно отъ одного упражненія къ другому. Образованіе должно начаться съ малолѣтства, т. е. съ весны нашей жизни,—за него надо приниматься утромъ, т. е. весной каждаго дня. Всегда надлежитъ учиться только тому, что воспринимается способностью. 2) Природа сперва приготовляетъ матеріалъ, а потомъ даетъ ему форму: у птицы изъ крови образуется яичникъ; затѣмъ она вьетъ гнѣздо и т. д. Зодчій слѣдуетъ тому же правилу природы: сперва онъ собираетъ потребный для постройки матеріалъ, потомъ разработываетъ его. Согласно съ этимъ въ школахъ необходимо имѣть наготовѣ книги и всякія учебныя пособія, образовать умъ прежде чѣмъ приниматься за языки, изучать послѣдніе отнюдь не по грамматикѣ, но изъ авторовъ, преподавать реальныя науки прежде органическихъ и предпосылать правила. 3) Природа для производства своего избираетъ пригодный къ тому субъектъ, или подготовляетъ его по крайней мѣрѣ впередъ, чтобы онъ сталъ пригоденъ. Птица высиживаетъ не камни, но яйца. Зодчій выбираетъ лучшій лѣсъ, распиливаетъ его, сушитъ, потомъ планируетъ мѣсто подъ стройку и т. д. Садовникъ выбираетъ самый живучій черенокъ, приготовляетъ землю и сажаетъ его; но прививаетъ его только тогда, когда онъ пустилъ уже корень, и прививая, обрѣзаетъ сперва старые побѣги и т. д. Согласно съ этимъ воспитанникъ долженъ настойчиво заниматься въ школѣ; потомъ необходимо умъ его подготовить къ каждой отрасли преподаванія и освободить отъ всякихъ препятствій. 4) Природа не путается въ своихъ произведеніяхъ, но съ точностью переходитъ по частямъ отъ одного къ другому. Производя птицу, она образуетъ сперва кости, потомъ жилы и т. д. А потому устройте въ школахъ, чтобы ученикъ въ одно и то же время учился одному только предмету. 5) Природа во всѣхъ своихъ произведеніяхъ начинаетъ съ самыхъ внутреннихъ частей. Она развиваетъ птицу изнутри. Дерево всасываетъ пищу черезъ поры внутреннихъ частей и разноситъ ее къ внѣшней корѣ: оно ростетъ изнутри къ наружи. Согласно съ этимъ въ воспитаніи утвердилось такое требованье: сперва передай понятіе о вещахъ, потомъ образуй и упражняй память, а послѣ того языкъ и руки. 6) Природа всѣ творенія свои начинаетъ съ общей совокупности и кончаетъ отдѣльными частями. Образуя птицу, она пронизываетъ жилки по нагрѣтой массѣ, такъ чтобы составились очерки всей птицы, головка, крылья и пр., а потомъ уже довершаетъ каждую отдѣльную часть. Этому пріему подражаетъ и зодчій: сперва онъ изготовляетъ чертежъ,

потомъ кладетъ основу и т. д. Такъ же поступаетъ и живописецъ: онъ сперва не отдѣлываетъ одно только ухо, но набрасываетъ очеркъ всего лица, и пр., и потомъ уже расписываетъ его. Поэтому, мальчики, посвятившіе себя наукамъ, въ первую пору своего обученія должны положить основу къ общему образованію. Изначала слѣдуетъ распредѣлить предметы такъ, чтобы впослѣдствіи казалось, будто науки не сообщаютъ ничего новаго, а только развиваютъ въ частностяхъ данное уже прежде. Всякій языкъ, всѣ науки и искусства должны начинаться съ простѣйшихъ началъ, такъ чтобы составилась идея цѣлаго; потомъ приводятся полнѣе примѣры и правила; наконецъ вся система и исключенія. Напослѣдокъ, въ случаѣ необходимости, даются комментаріи. 7) Природа не дѣлаетъ скачковъ, но подвигается шагъ за шагомъ. Птица испытуетъ свои крылья сперва въ гнѣздѣ, потомъ на немъ, послѣ того порхаетъ съ вѣтки на вѣтку, съ дерева на дерево, а наконецъ летитъ на полномъ воздушномъ просторѣ. Соотвѣтственно этому необходимо въ точности урядить занятія, такъ чтобы предшествующее служило основою послѣдующему, пролагало путь, зажигало свѣточъ. Потомъ слѣдуетъ распредѣлить надлежащимъ образомъ время, такъ чтобы на каждый годъ, мѣсяцъ, день и часъ назначены были особыя занятія. 8) Начавъ какое нибудь дѣло, природа не покидаетъ его, пока не окончитъ. Зодчіе, садовники и живописцы строго подражаютъ ей. Поэтому, воспитанникъ обязанъ оставаться въ школѣ, пока не сдѣлается образованнымъ, благонравнымъ, религіознымъ человѣкомъ,—сама школа должна находиться въ спокойномъ мѣстѣ, въ дали ото всего, что могло бы мѣшать ей,—предписанное по плану должно исполняться безотлагательно,—прогуловъ и тунеядства не слѣдуетъ допускать ни подъ какимъ предлогомъ. 9) Природа тщательно избѣгаетъ всего противнаго и вреднаго. Высиживая, птица охраняетъ яица отъ вѣтра, отъ дождя и града. Зодчій держитъ лѣсъ въ сухомъ мѣстѣ и оберегаетъ зданіе отъ порчи. Наблюдайте поэтому, чтобы ученики не имѣли при себѣ никакихъ книгъ за исключеніемъ назначенныхъ въ ихъ классѣ,—чтобы эти книги заключали въ себѣ только суть знанія, нравственности и благочестія, и чтобы развлекающія товарищества какъ въ школѣ, такъ и внѣ ея не были терпимы.

Такимъ образомъ воспитатель непремѣнно достигнетъ своей цѣли. Но какъ воспользоваться ему средствами обученія, чтобы оно было *легко* и *пріятно?*—1) Природа начинаетъ съ обособленія, съ освобожденія отъ чего-

нибудь: образованіе юношества должно начаться заблаговременно,—каждый изъ учениковъ по одному и тому же предмету долженъ быть руководимъ однимъ только учителемъ,—нравы слѣдуетъ привести въ такую гармонію, чтобы ученики слушались воспитателя по одному знаку. 2) Природа подготовляетъ матеріалъ всегда такъ, что онъ имѣетъ наклонность облечься въ форму: необходимо подстрекнуть и возбудить любознательность,—съ помощью метода слѣдуетъ уменьшить трудъ ученія, такъ чтобы учащійся отнюдь не былъ запуганъ. 3) Природа все выводитъ изъ мелкихъ, но сильныхъ зачатковъ: надлежитъ строго блюсти, чтобы каждая наука преподавалась въ самыхъ короткихъ, но точныхъ правилахъ,—чтобы каждое правило сообщалось въ самыхъ сжатыхъ, но ясныхъ выраженіяхъ,—чтобы сверхъ того къ каждому правилу присоединялось по нѣскольку примѣровъ для объясненія. 4) Природа переходитъ отъ легчайшаго къ труднѣйшему. Въ школахъ поступаютъ крайне несообразно, предлагая начинающимъ учиться латыни правила на латинскомъ языкѣ, давая тѣмъ же ученикамъ латинско-нѣмецкій словарь вмѣсто нѣмецко-латинскаго, назначая къ нимъ же иноземнаго наставника, незнакомаго съ ихъ роднымъ языкомъ, предполагая, будто всякій языкъ можно изучать по одной и той же системѣ. Все это исправляется, если учитель и ученикъ говорятъ на одномъ и томъ же родномъ языкѣ,—если на немъ же производятся объясненія предметовъ,—если грамматика и словарь приспособлены къ языку, на которомъ учатъ,—если, преподавая латинскій языкъ, предпосылаютъ ему нѣмецкій, а ужъ потомъ передаютъ латинскій, какъ еще неизвѣстный,—если, изучая новые языки, подвигаются впередъ постепенно и пріучаютъ ученика, сперва вникать и понимать, потомъ писать и наконецъ говорить,—если всѣ языки распредѣлены такъ, что ученику впередъ уже извѣстно непосредственно слѣдующее, что онъ отъ ближайшаго переходитъ къ дальнему и наконецъ къ дальнѣйшему,—если сперва развиваютъ чувства учащагося, потомъ его память, затѣмъ умъ, наконецъ проницательность и разсудокъ. 5) Природа не обременяетъ себя черезъ мѣру и довольствуется малымъ: умъ черезъ-чуръ развлекается, если въ одинъ и тотъ же годъ принимается за грамматику, діалектику, реторику, поэзію, греческій языкъ и пр. 6) Природа не торопится черезъ-чуръ, но медленно подвигается впередъ; ученики должны работать понемногу, а именно по четыре часа въ школахъ и по четыре у себя дома,—на память слѣдуетъ заучивать только главные предметы,—необходимо сообразоваться съ возрастомъ, способностью и рвеніемъ воспитанниковъ. 7) При-

рода никогда не насилуетъ; она не вынуждаетъ того, что не созрѣло еще внутри: съ молодыми людьми необходимо приниматься лишь за то, что имъ по силамъ, къ чему влечетъ ихъ умъ,—памяти ихъ предлагать только то, что понято, заставлять ихъ дѣлать только то, что извѣстно уже имъ по формѣ и по примѣрамъ. 8) Природа справляется по возможности своими собственными средствами: учитель отнюдь не смѣетъ наказывать за ученіе, потому что онъ самъ виноватъ, если ученикъ ничему не учится,—пусть объяснитъ онъ, что слѣдуетъ изучить и приготовить, какъ приняться за дѣло и какъ исполнить его,—пусть онъ воспользуется чувственною наглядностью, такъ чтобы учащійся легче постигъ предметъ. 9) Природа создаетъ лишь полезныя вещи, потребность въ которыхъ скоро обнаруживается на самомъ дѣлѣ: ученика надо обучать только тому, что онъ можетъ примѣнять каждый день, учить его лишь для очевидной пользы,—какъ въ грамматикѣ, такъ и въ реторикѣ, діалектикѣ, ариѳметикѣ и пр. 10) Природа все дѣлаетъ по одной формѣ. Соблюдайте поэтому, чтобы всѣ науки проходились по одному и тому же методу, точно такъ же всѣ искусства и всѣ языки;—чтобы въ одной и той же школѣ сохранялся одинъ и тотъ же порядокъ и родъ упражненій,—и чтобы даже книги были однѣ и тѣ же, какъ по содержанью, такъ и по изданію.

Таковы основныя правила легкаго преподаванія и ученія. Главныя правила *основательнаго* преподаванія и ученія слѣдующія: 1) Природа не предпринимаетъ ничего безполезнаго: въ школахъ надлежитъ заниматься только тѣмъ, что приноситъ самую существенную пользу, какъ для этой, такъ и для вѣчной жизни; и все, чему юношество обучается ради земнаго существованія должно быть таково, чтобы оно приносило ему дѣйствительную пользу, не составляя притомъ помѣхи для вѣчной жизни. 2) Природа не упускаетъ изъ виду ничего, что считаетъ полезнымъ для образуемаго ею тѣла: такъ и школы должны вполнѣ развивать человѣка, чтобы онъ былъ способенъ какъ къ занятіямъ на землѣ, такъ и къ жизни вѣчной, а потому въ школахъ необходимо усвоить не одни только знанія, но также нравственность и религіозныя понятія. Только всесторонне сопряженное бываетъ основательно. 3) Природа всему даетъ свою основу, свой корень: передъ началомъ всякаго ученія необходимо возбудить въ ученикѣ охоту къ нему, доказавъ его превосходство, пользу и прелесть,—сперва внушить ученику идею языка или искусства (вѣдь послѣднее не что иное какъ выдержка первой, а потомъ уже перейти къ изученію отдѣльныхъ частей. 4) Природа пускаетъ глубокіе корни: точно такъ же слѣдуетъ глубоко запечатлѣть идею ученаго предмета; полная система

языка или искусства успѣшно проходится только тогда, когда она основательно заложена. 5) Природа производитъ все изъ корня, а не иначе. Люди должны какъ можно болѣе изучать великую книгу природы, небо и землю, дубы и буки. Учащійся долженъ умѣть самъ наблюдать. Поэтому необходимо выводить все изъ неизмѣнныхъ началъ вещей; отнюдь не преподавать ничего на основаніи одного только авторитета, напротивъ, все должно подлежать чувственному наблюденію и подвергаться изслѣдованію ума; надо примѣнять не одинъ только аналитическій методъ, но большею частію и преимуществу синтетическій. 6) Чѣмъ многосложнѣе польза, для которой природа творитъ что-нибудь, тѣмъ она разборчивѣе: относительно юношества слѣдуетъ также обратить вниманіе на то, чтобы все дѣлалось самымъ понятнымъ образомъ; учащій и учащійся всегда обязаны знать, когда и что слѣдуетъ дѣлать; съ этимъ правиломъ должны сообразоваться всѣ учебники. 7) Природа постоянно идетъ впередъ, никогда не застаивается и не производитъ ничего новаго, пока не довершено прежнее, уже начатое. Въ школахъ всѣ занятія должны распредѣляться такъ, чтобы послѣдующія всегда основывались на предыдущихъ, а предыдущія въ то же время подкрѣплялись послѣдующими, — все преподаваемое, хорошо понятое, должно быть впечатлѣно въ памяти. 8) Природа постоянно все связываетъ между собою: научныя занятія всей жизни необходимо распредѣлить такъ, чтобы они составили энциклопедію, въ которой все выходило бы изъ одного корня и было на своемъ мѣстѣ—и слѣдуетъ преподавать и утверждать все такъ, чтобы ничто не предавалось ни сомнѣнію, ни забвенью. Подкрѣпить преподаваемое доказательствами значитъ представить его въ причинной связи,—объяснить не только что и какъ, но такъ же почему и для чего оно существуетъ, и отчего не можетъ быть иначе: словомъ, слѣдуетъ все представлять въ своей причинности. 9) Природа поддерживаетъ между корнемъ и вѣтвями извѣстную связь въ отношеніи количества и качества; образованіе должно заключаться во внутреннемъ корнѣ постиженія; чтобы принести пользу оно должно сперва возникнуть, укрѣпиться, потомъ цѣлесообразно развѣтвиться наружу; надо пріучаться понимать, обозначать, и выражать, дѣлать и примѣнять. Твое знаніе—ничто, если другой объ немъ ничего не знаетъ. 10) Природа сама задаетъ себѣ работу при посредствѣ постояннаго движенія. Образованіе увеличитъ тотъ, а) кто постоянно ищетъ духовной пищи и воспринимаетъ, в) кто найдя ее, разработываетъ и перевариваетъ, и с) переваривъ, постоянно распредѣляетъ.

Multa rogare; Rogata
tenere; Retenta docere:
Haec tria discipulum
faciunt superare Magistrum *).

О неизвѣстномъ надо спрашивать учителя, сотоварищей и книги. Мы усвоиваемъ себѣ, передавая памяти постигнутое и понятое. Мы обучаемъ, пересказывая себѣ или другимъ постигнутое и усвоенное. Послѣднее сильно укрѣпляетъ и приноситъ несомнѣнную пользу. Уча мы учимся.

Главныя правила *сокращеннаго* и *скораго* преподаванія. Подобно тому какъ ткачъ однимъ толчкомъ сбиваетъ вмѣстѣ тысячи нитей, какъ мельникъ быстро размалываетъ зерно, какъ механикъ исполняетъ посредствомъ машинъ самыя трудныя работы; точно такъ же имѣются средства умѣрить трудности обученія, даже сократить преподаваніе. Если можно достичь цѣли малыми средствами, то не слѣдуетъ добиваться его многосложными. Возьмемъ себѣ въ образецъ солнце. Оно все освѣщаетъ и даетъ жизнь, теплоту и силу, всему отъ простѣйшихъ тѣлъ и до царства животныхъ. 1) Солнце дѣйствуетъ не на единичные предметы порознь, а освѣщаетъ и согрѣваетъ всю землю; въ каждой школѣ или въ каждомъ классѣ достаточно одного учителя, — если онъ всю кучу раздѣлитъ на извѣстные отряды или десятки (декуріи), поставитъ надъ десятками смотрителей, а надъ ними еще другихъ и т. д., — если онъ какъ въ школѣ, такъ и внѣ ея преподаетъ не одному только ученику порознь, но всѣмъ вмѣстѣ и заразъ: онъ долженъ сидѣть на каѳедрѣ, наблюдать за всѣми, учить всѣхъ, словомъ — быть солнцемъ. Пусть онъ говоритъ только тогда, когда его слушаютъ, не преподаетъ если ученики не внимаютъ ему: только слушая, ученикъ научается чему-нибудь. Вниманіе же поддерживается: a) если учитель постоянно передаетъ что-нибудь новое, занимательное и полезное; b) если, приступая къ дѣлу, онъ поощряетъ умы, представляя въ лучшемъ видѣ преподаваемый предметъ, или возбуждаетъ учениковъ вопросами; c) если учитель, сидя или стоя на возвышеніи, то и дѣло всѣхъ осматриваетъ и такимъ образомъ не дозволяетъ ученику глядѣть куда нибудь помимо него; d) если по возможности все представляется наглядно; e) если во время преподаванія предлагаются вопросы, дѣлаются легкія повторенія; f) если отъ запнувшагося на предложенный вопросъ ученика тотчасъ же переходятъ къ другому, требуя отъ него отвѣта и т. д. Самъ учитель просматриваетъ сегодня лишь у

*) Много спрашивать; спрошенное усвоивать; усвоенное преподавать; эти три вещи дѣлаютъ ученика превосходнѣе магистра.

одного, завтра у другого и испытываетъ ихъ, потомъ заставляетъ то того, то другого читать написанное и т. д. А назначенные для надзора ученики обязаны между тѣмъ смотрѣть, чтобы каждый изъ остальныхъ былъ занятъ своимъ урокомъ, внимательно слѣдилъ за корректурой и пр. 2) Солнце все освѣщаетъ одними и тѣми же лучами. На каждый предметъ назначается одинъ только авторъ. Каждый классъ долженъ имѣть свой учебникъ, каждый изъ учениковъ ту же самую книгу, тѣ же таблицы, тотъ же словарь, ту же энциклопедію, то же руководство. Учитель долженъ обучать и упражнять; излагаемое въ книгѣ слѣдуетъ исчерпать, практически разработать. Эти книги должны содержать въ себѣ самыя краткія, но обширныя свѣдѣнья о мірѣ и предметахъ, притомъ понятныя для всякаго, — лучше всего въ разговорной формѣ. Въ каждомъ классѣ слѣдуетъ начертать на стѣнахъ выдержки изъ учебника, частью въ текстѣ, частью эмблемами и изображеніями для наглядности и памяти, съ цѣлью ежедневнаго повторенія главныхъ вещей. Самый міръ представляетъ намъ такое же зрѣлище картинъ, фигуръ и характеровъ. 3) Вездѣ, гдѣ солнце творитъ весну, лѣто, осень и зиму, оно въ одно и то же время заставляетъ все разомъ рости, цвѣсти и пр. Одинъ и тотъ же урокъ преподается всей аудиторіи вмѣстѣ. На этотъ конецъ уроки въ школѣ каждый годъ начинаются въ одно и то же время, а именно весной, и все ученіе распредѣляется по годамъ, днямъ, часамъ и т. д. 4) Солнце соблюдаетъ все одинъ и тотъ же порядокъ: всѣ науки и языки должны преподаваться въ одномъ и томъ же видѣ — сообразно съ способностями каждаго изъ учащихся. 5) Солнце вызываетъ всякое растеніе изъ его собственнаго сѣмени, а не изъ другого. Слѣдуетъ преподавать и изучать все основательно, коротко и ясно, притомъ твердо, такъ чтобы съ этимъ можно было связать послѣдующее. Въ книгахъ и многословіи мало толку и проку, часто кусокъ хлѣба да глотокъ вина полезнѣе обильныхъ яствъ и напитковъ. 6) Солнце производитъ заразъ все, что должно быть вмѣстѣ, цвѣты и листья и пр. Точно такъ же все состоящее во взаимной связи должно и въ преподаваніи оставаться связаннымъ. Образованіе юношества необходимо устроить такъ, чтобы каждый урокъ давалъ много плодовъ. Въ этомъ отношеніи вообще нормою служитъ то, чтобы предметы, состоящіе во взаимной связи, всегда изучались вмѣстѣ, чтобы наприм. слова и вещи, чтеніе и письмо, упражненіе въ стилѣ и въ мышленіи, ученіе и преподаваніе, игра и дѣло всегда были соединены другъ съ другомъ. Итакъ, слова слѣдуетъ преподавать и изучать лишь въ связи съ

предметами. Насколько каждый изъ насъ знаетъ предметъ, настолько и сумѣетъ его обозначить. Обученіе попугаевъ не должно служить образцомъ. Всилу этого правила изъ школъ необходимо изгнать всякія сочиненія, предлагающія одни только слова и не дающія притомъ никакихъ предметовъ: все реальное — полезно. Чтеніе и письмо всегда слѣдуетъ соединять: все чему учится ученикъ, онъ долженъ умѣть записать; все что онъ видитъ, онъ долженъ нарисовать. Всякія стилистическія упражненія слѣдуетъ дѣлать объ извѣстныхъ и истолкованныхъ предметахъ; потому что мысль — это самый слогъ, и она образуетъ его. Наконецъ, руководство должно быть отлично составлено, такъ чтобы оно служило источникомъ всякихъ свѣдѣній, руководило ко всякому знанію, словомъ, чтобы оно было „живописнымъ міромъ" (—Коменскій въ своемъ „Живописномъ мірѣ" (Orbis pictus) хотѣлъ наглядно представить предметы непосредственно передъ взоромъ ученика: — это не что иное, какъ снабженное картинками первоначальное руководство та же „Дверь"—но безъ грамматики, а вмѣсто этимологическаго лексикона простой словарь. Въ немъ онъ пытался изобразить въ картинахъ и пояснить описаніемъ и толкованіемъ при нихъ все, что можетъ занять дѣтское воззрѣніе и представленье, какъ на небѣ, такъ и на землѣ, какъ въ человѣческомъ, такъ и въ животномъ мірѣ —). 8) Солнце не производитъ ничего безполезнаго, или оно сжигаетъ его, если оно возникло. Ненужное, чуждое, крайнія подробности изъ преподаванія слѣдуетъ устранить. Ненужно все то, что не способствуетъ ни благочестію, ни нравственности, и безъ чего образованіе все-таки можетъ обойтись: наприм. имена и исторіи языческихъ Готовъ, бóльшая часть поэтическихъ произведеній и пр. Чуждо все то, что не по нраву того или другого изъ учащихся: чего природа не хочетъ, къ тому и не понуждайте ее! Было бы также нелѣпо и безполезно, еслибъ съ учащимися стали входить во всѣ подробности. Въ школѣ достаточно ознакомиться съ самыми важными отличительными признаками разнаго рода вещей; все остальное предоставляется на произволъ личнаго трудолюбія.

Методъ наукъ въ частности. Науки или знаніе предметовъ, которое вѣдь не что иное, какъ внутреннее созерцаніе вещей, пріобрѣтается точно такими же средствами, какими обладаетъ и внѣшнее постиженіе, а именно при посредствѣ зрѣнія, предмета и свѣта. Внутреннее зрѣніе это—умъ; предметомъ служитъ все сущее, какъ въ умѣ нашемъ, такъ и внѣ его, а внутренній свѣтъ, это—вниманіе. Итакъ, для того чтобы молодой человѣкъ могъ проникнуть въ сокровенныя тайны науки, необходимо удовлетворить четыремъ главнымъ условіямъ: а) чтобы онъ обладалъ яснымъ

духовнымъ зрѣніемъ, b) чтобы послѣднему представлены были предметы, c) чтобы на нихъ обращено было вниманіе и d) чтобы ему дано было наблюдать одно за другимъ, такъ чтобы онъ могъ видѣть все и притомъ скоро. Способность, самый духъ нашъ, — это даръ Божій. Однако въ нашей власти содержать зеркало чистымъ. А оно пылится и портится отъ суетныхъ занятій духа. Но чтобы зеркало хорошо воспринимало предметы, этому болѣе всего способствуетъ положеніе и ясность послѣднихъ и затѣмъ содѣйствуетъ чувственное представленіе. Золотымъ жизненнымъ правиломъ да будетъ: представляй все чувствамъ! Видимое—зрѣнію, внятное—слуху, пахучее—обонянію, вкушаемое—вкусу, осязаемое—осязанію и т. д. Потомучто всякое начало познанія необходимо истекаетъ изъ чувствъ,—истина и достовѣрность познанія зависитъ отъ свидѣтельства чувствъ,—чувство самый вѣрный пособникъ памяти: очевидность служитъ доказательствомъ. Когда недостаетъ самихъ предметовъ, когда ихъ нѣтъ на лицо, то прибѣгаютъ къ вѣрнымъ снимкамъ ихъ,—къ анатомическимъ, зоографическимъ, ботаническимъ, геодезическимъ, географическимъ, геометрическимъ рисункамъ и картинамъ. Всякое изученіе строенія тѣлъ основано на ихъ автопсіи (самовидствѣ) или на разсмотрѣніи изготовляемыхъ по нимъ моделей; школы должны быть снабжены вспомогательными этого рода средствами. Кто сомнѣвается въ томъ, что все, даже чисто духовное и отсутствующее, можетъ такимъ образомъ подлежать чувствамъ, тотъ пускай вспомнитъ, что Богомъ все создано въ гармоніи, такъ что высшее представляется при посредствѣ низшаго, отсутствующій предметъ при посредствѣ наличнаго, невидимый при посредствѣ видимаго. Но безъ свѣта нельзя ничего видѣть: свѣтъ для ученія это—вниманіе,—возбуждать вниманіе первый долгъ учителя. Предметы слѣдуетъ представлять чувствамъ такъ, чтобы впечатлѣніе ихъ упрочилось. Предметъ, который хотимъ видѣть, необходимо помѣстить передъ глазами,—не слишкомъ далеко и не слишкомъ близко отъ нихъ; не въ сторонѣ или съ боку, но какъ разъ передъ ними; не навыворотъ, но въ прямомъ положеніи; сперва весь цѣликомъ, а послѣ того по частямъ, въ надлежащемъ порядкѣ отъ его начала и до конца, пока не разсмотрѣны всѣ отличія. Отсюда можно вывести 9 правилъ для преподающихъ науки: a) Всему, что знать необходимо, слѣдуетъ обучать; b) Все изучаемое пусть излагается какъ настоящій предметъ и опредѣляется по его пользѣ; c) Пусть предметы, подлежащіе изученію, преподаются прямо, а не обиняками; d) Пусть то, чему учатъ, преподается такъ, какъ оно есть и совершается, т. е. по его причинамъ; e) Пред-

лагаемыя вами свѣдѣнія сообщайте сперва въ общемъ видѣ, а потомъ уже по частямъ; f) Необходимо изслѣдовать всѣ части предмета, даже самыя мелкія, относительно ихъ порядка, положенія и связи; g) Слѣдуетъ изучать все по очереди; мы всегда въ одно и то же время познаемъ одинъ только предметъ; h) Останавливайтесь на одномъ и томъ же предметѣ, пока не изучили его; i) Обращайте вниманіе на различія предметовъ, чтобы достичь яснаго знанія.

Методъ искусствъ. Для искусства требуются три вещи: образецъ или идея, т. е. извѣстная внѣшняя форма, которую созерцаетъ и которой подражаетъ художникъ,— матеріалъ, которому сообщается форма,—и орудія, посредствомъ которыхъ выполняется художественное произведеніе. Когда образецъ, матеріалъ и орудія даны, то теоріею искусства требуется: a) правильное употребленіе, b) разумное руководство, c) частое упражненіе. Для этого надо соблюдать одиннадцать правилъ, шесть для употребленія, три для руководства и два для упражненія. 1) Тому, что слѣдуетъ дѣлать, научаются изъ самаго дѣла. 2) Для предстоящаго дѣла всегда должна быть присуща извѣстная форма и норма. 3) Употребленіе инструментовъ показывается на дѣлѣ; одни слова тутъ ни къ чему не ведутъ. 4) Упражненія должны начинаться съ простѣйшихъ частей. 5) Къ первоначальнымъ упражненіямъ слѣдуетъ приступать на извѣстномъ матеріалѣ. 6) Подражаніе должно совершаться непосредственно по предлагаемой формѣ; лишь впослѣдствіи оно дѣлается свободнѣе, вольнѣе. 7) Образцы должны быть какъ можно совершеннѣе, чтобы научиться производить совершенное. 8) Первыя подражанія должны быть самыя точныя, такъ чтобы они отнюдь не отступали отъ указаній образца или идеала. 9) Ошибка въ подражаніи тотчасъ же исправляется учителемъ, сообразно съ правиломъ и съ исключеніемъ изъ него. Примѣръ предшествуетъ, а за нимъ слѣдуютъ правила. 10) Совершенная теорія искусствъ бываетъ синтетическая и аналитическая. Синтезъ главное дѣло: всякая вещь и всякое художественное произведеніе является передъ нами въ своемъ синтезѣ,—мы анализируемъ его; стараемся постичь самый организмъ и вновь совокупляемъ его. Итакъ: Сперва образцы и идеалы, потомъ подражанія, затѣмъ вольныя композиціи. 11) Упражненія продолжаются до тѣхъ поръ, пока искусство не доведено до совершенства.

Методъ языковъ. Изученіе языковъ не входитъ въ составъ ученаго образованія или мудрости, а служитъ только средствомъ для пріобрѣтенія и передачи образованія. Потому слѣдуетъ изучать не всѣ языки, что было бы невозможно, ни даже многіе, что было бы безполезно, такъ какъ

этимъ отнимается время у другихъ важныхъ предметовъ, но только самые необходимые: необходимы для домашняго обихода родной языкъ, для сношенія съ сосѣдями сосѣднія нарѣчія, а для чтенія древнихъ греческій, арабскій, латинскій и еврейскій языки. Латинскій полезенъ для всѣхъ ученыхъ, греческій и арабскій для философовъ, врачей и историковъ, греческій, еврейскій и арабскій для теологовъ. Изученіе языковъ и предметовъ должно идти параллельно, особенно въ молодости, чтобы сумѣли выражать то, что знаютъ. Отсюда слѣдуетъ: 1) Слова не должно изучать безъ означаемыхъ ими предметовъ. 2) Нѣтъ никакой необходимости знать языкъ во всемъ его полномъ объемѣ. 3) Отроковъ слѣдуетъ обучать языку и знаніямъ главнѣйше для отроческаго міра. Зрѣлому возрасту надо предоставить затѣмъ то, что ему подобаетъ знать и обозначать. Для знанія многихъ языковъ соблюдается слѣдующій методъ: a) Пусть каждый изъ нихъ изучается отдѣльно: сперва родной, потомъ латинскій, затѣмъ греческій и т. д., наконецъ слѣдуетъ сравненіе языковъ. b) На каждый изъ языковъ полагается извѣстный срокъ: на родной языкъ, какъ на развивающійся одновременно съ знаніемъ предметовъ, отъ восьми до десяти лѣтъ, на латинскій около двухъ лѣтъ, на греческій одинъ годъ и т. д. c) Пусть каждый изъ языковъ изучается болѣе путемъ навыка, чѣмъ по правиламъ, т. е. болѣе по наслышкѣ, чтеніемъ, перечитываньемъ вновь, подражаніемъ и упражненіемъ. d) Правила должны поддержать и утвердить навыкъ: правила лучше всего излагаются послѣ. e) Правила языковъ должны быть грамматическія, а не философскія: они должны просто объяснять, какъ и что дѣлать, а не почему оно такъ дѣлается. f) Нормою для предлагаемыхъ правилъ новаго языка можетъ служить извѣстный уже языкъ, такъ чтобы указывалось только на отличіе перваго отъ послѣдняго. g) Первоначальныя упражненія въ новомъ языкѣ должны производиться на извѣстныхъ уже предметахъ. h) Всѣ языки слѣдуетъ преподавать и изучать по одному методу. i) Не всѣ языки изучаются до одинаковаго совершенства. Старательнѣе всего изучать родной и латинскій языки; это ученіе дѣлится на четыре возраста (курса): на дѣтскій, лепечущій, когда привыкаютъ лишь говорить какъ только могутъ; на—отроческій, подростающій, когда собственно начинаютъ учиться говорить вѣрно; на юношескій, цвѣтущій, когда учатся красно выражаться;—и зрѣлый, полносильный, когда выражаются сильно. к) Учебники должны соотвѣтствовать возрастамъ: 1) Сѣни (Vestibulum)—содержитъ въ себѣ матеріалъ для разговора. (Сѣни Коменскаго начинаются съ названія раз-

ныхъ предметовъ дѣтскаго кругозора, потомъ присоединяютъ къ извѣстнымъ уже существительнымъ, подъ понятіемъ различныхъ видоизмѣненій существующихъ предметовъ, остальныя части рѣчи, которыя тутъ же и примѣняются въ постепенно развиваемыхъ предложеніяхъ). 2) Дверь (Ianua) содержитъ въ себѣ всѣ наиболѣе употребительныя слова, около 8000, въ короткихъ предложеніяхъ, предметы которыхъ понятны сами по себѣ; къ этому присовокупляется короткая грамматика съ нѣмецкими правилами просодіи и орѳографіи, этимологіи и синтаксиса. (Дверь Коменскаго возводитъ на этихъ основахъ необходимыя части зданія: изъ „отворенной двери (Ianua reserata), гдѣ излагается „въ краткомъ видѣ весь міръ и латинскій языкъ", Коменскій выработалъ потомъ самую „Дверь", содержащую въ себѣ прежде всего словарь, затѣмъ слѣдуетъ грамматика, и наконецъ „Дверь къ вещамъ и словамъ, заключающая въ себѣ разсказы о предметахъ" (Ianualis rerum et verborum contextus, historiolam rerum continens), это нѣчто въ родѣ маленькой энциклопедіи всего достойнаго изученія). 3) Дворецъ (Palatium) содержитъ въ себѣ разговоры о разныхъ предметахъ, снабженные пышными фразами и цвѣтами краснорѣчія съ замѣчаніями на поляхъ, указывающими на авторовъ, у которыхъ заимствованы слова. 4) Сокровищница языка составлена изъ классическихъ писателей, основательно и сильно излагавшихъ разные предметы; этому предшествуютъ правила о томъ, какъ соблюдать и собирать силу рѣчи и какъ замѣнять идіотизмы.

Методъ нравственаго образованія. Всякое ученіе служитъ средствомъ для нравственнаго человѣка. Нравственность важнѣе учености. Искусство нравственнаго образованія подлежитъ слѣдующимъ правиламъ: 1) Юношеству слѣдуетъ внушить всѣ добродѣтели, всѣ безъ исключенія. 2) Прежде всего однако слѣдуетъ внушить главныя добродѣтели, на которыя опираются болѣе или менѣе всѣ остальныя: благоразуміе, умѣренность, твердость, справедливость. 3) Благоразуміе воспитанники пріобрѣтаютъ отъ хорошаго преподаванія, познавая настоящее отличіе предметовъ и ихъ значеніе. 4) Во все время ученія должны они привыкать къ умѣренности въ употребленіи пищи и питья, въ снѣ и бодрствованіи, въ трудѣ и играхъ, въ рѣчахъ и молчаніи. 5) Твердость пріобрѣтаютъ они въ самообладаніи, укрощая страсть къ болтовнѣ и игрѣ не во время и не въ мѣру, обуздывая нетерпѣніе, негодованіе, гнѣвъ. 6) Справедливости научаются они, не обижая и не оскорбляя никого, предоставляя и воздавая каждому свое, избѣгая лжи и коварства, являясь услужливыми и любезными. 7) Разные виды твердости слѣдующіе: честное прямодушіе и настойчивость въ трудахъ. 8) Честное

прямодушіе пріобрѣтается частыми бесѣдами съ честными личностями и исполненіемъ какого-нибудь порученія на ихъ глазахъ. 9) Настойчивости въ трудахъ молодые люди добиваются, занимаясь постоянно какимъ-нибудь серьезнымъ или забавнымъ дѣломъ. 10) Справедливости сродни добродѣтель—доброхотно служить другимъ. 11) Образованіе къ добродѣтели должно начаться очень рано, пока не вкоренились пороки. 12) Добродѣтель пріобрѣтается постоянными честными поступками. 13) Родители, кормилицы, учителя, товарищи всегда должны подавать добрый примѣръ. 14) Но къ примѣрамъ необходимо присовокупить правила, житейскіе законы. 15) Предохраняйте дѣтей отъ дурного общества, чтобы они не заразились. 16) Вообще поддерживайте строгую дисциплину, такъ чтобы надлежащимъ образомъ противодѣйствовать дурнымъ поступкамъ.

Методъ внушить набожность. Набожность, правда, даръ Божій, однако родители и учители, могутъ возбудить, питать и развить ее, какъ въ церквахъ такъ и въ школахъ. Благочестивый, набожный нравъ, т. е. такой, который ищетъ Бога, повинуется Ему и любитъ Его, пріобрѣтается изъ трехъ источниковъ—изъ Священнаго писанія, изъ міра и изъ насъ самихъ, и троякимъ путемъ—размышленіемъ, молитвою и испытаніемъ. Старайтесь какъ можно ранѣе внушить ребенку набожность;—пріучайте его возводить взоры, уста и руки къ Богу и Христу и преклонять колѣна передъ Всемогущимъ; необходимо дѣтямъ какъ можно ранѣе объяснить, что они созданы не только для этой жизни, но скорѣе для вѣчности, и что эта жизнь служитъ лишь переходомъ къ другой; напоминайте часто дѣтямъ, что здѣсь болѣе всего слѣдуетъ заботиться о приготовленіи къ вѣчной жизни; они должны знать, что людей, покидающихъ міръ, ожидаетъ двоякая жизнь: блаженная съ Богомъ и злосчастная въ аду, и что та и другая вѣчны; да познаютъ они, кто образуетъ свой духъ такъ, что удостоится перейти къ Богу, тотъ трижды счастливъ; поучайте ихъ: кто здѣсь живетъ съ Богомъ, тотъ прійдетъ къ Богу; а съ Богомъ живетъ тотъ, кто постоянно созерцаетъ Его и блюдетъ Его законы; пріучайте поэтому юношей все, что они здѣсь видятъ, слышатъ, чувствуютъ, дѣлаютъ и претерпѣваютъ, все это разсматривать въ отношеніи къ Богу; заставляйте ихъ заранѣе и прилежно читать Св. писаніе, посѣщать проповѣди и исполнять добрыя дѣла; пускай все, чему научаются они изъ Св. писанія, относятъ къ вѣрѣ, любви и надеждѣ; вѣра, любовь и надежда должны изучаться для практики, т. е. такимъ образомъ, чтобы юношество твердо вѣрило во все, что открываетъ Богъ, дѣлало.

что Онъ велитъ, надѣялось на то, что Онъ обѣщаетъ. Чему бы еще ни обучали юношество помимо Священнаго писанія,—науки, искусства, языки и пр., все это слѣдуетъ подчинить первому, для того чтобы юношество всегда постигало, какъ суетно все неотносящееся къ Богу.

Школьная дисциплина. Школа безъ дисциплины все равно, что мельница безъ воды. Дисциплина, это—вѣрное средство пріучить учениковъ быть настоящими учениками. Она имѣетъ дѣло болѣе съ нравомъ учениковъ, нежели съ ихъ научными занятіями. Успѣхи въ наукахъ не вынуждаются силою, они продуктъ охоты къ ученію и правильнаго преподаванія предметовъ: тутъ надлежащая діэта и приманки помогутъ скорѣе, нежели наказанія. Дисциплина имѣетъ въ виду попреимуществу характеръ: она оказывается дѣйствительною противъ проявленій нечестія, злобы, высокомѣрія, зависти и лѣни. Лучшій образецъ дисциплины представляетъ намъ солнце, надѣляющее растенія: 1) постоянно свѣтомъ и тепломъ, 2) часто дождемъ и вѣтромъ, 3) изрѣдка громомъ и молніею. Пусть и наставникъ подражаетъ ему: 1) своимъ собственнымъ примѣромъ во всѣхъ дѣлахъ, 2) словами увѣщанія, поученія и порицанія, сказанными съ отеческою кротостью, и 3) цѣлесообразнымъ примѣненіемъ строгости, если кротость окажется недостаточною; лишь бы строгость не доходила до крайности. Дисциплина не должна принижать и сокрушать, она должна поднимать и поощрять, быть дѣломъ любви и мудрости, но отнюдь не противорѣча самой себѣ. Она должна исподволь, а не насильственно возбуждать къ лучшему; поддерживать любовь къ наказуемому, но не порождать подавляющаго страха; побуждать и руководить ученика къ добровольному исполненію долга, изгнать розги и палку, которыя считаются рабскимъ средствомъ наказанія.

Раздѣленіе школъ по степенямъ возраста и успѣховъ воспитанниковъ. Для того, чтобы изъ заведеній выходили дѣйствительно образованные, нравственные и благочестивые люди, мы развиваемъ юную душу, начиная съ дѣтства и до возмужалости въ четырехъ особыхъ школахъ: для младенчества—лоно матери; для отрока—школа родного языка; для юноши—латинское училище, гимназія; для молодого человѣка—академія. Школа матери находится въ каждомъ домѣ, а родного языка—въ каждой общинѣ, гимназія—въ каждомъ городѣ, академія—въ каждой провинціи или каждомъ государствѣ. Въ каждой изъ этихъ школъ слѣдуетъ обучать не разнымъ предметамъ, но одному и тому же разными путями, т. е. всему, что дѣлаетъ

людей настоящими людьми, христіанъ настоящими христіанами, ученыхъ настоящими учеными, притомъ постоянно сообразуясь съ возрастомъ и съ законами естественнаго метода на каждой ступени, служащей подготовкою къ старшему возрасту. Школы отличаются другъ отъ друга лишь по формѣ упражненія и бываютъ троякаго рода. Въ первоначальныхъ училищахъ преподается все въ болѣе общемъ, простѣйшемъ, а въ высшихъ—въ болѣе частномъ и подробномъ видѣ. Въ материнской школѣ главнѣйше развиваются внѣшнія чувства, такъ чтобы они привыкли вѣрно узнавать предметы. Въ школѣ родного языка развиваются внутреннія чувства, воображеніе и память, и ихъ исполнительные органы, рука и языкъ, посредствомъ чтенія, письма, рисованія, пѣнья, счета, измѣренія, взвѣшиванья, отмѣчанія и пр. Въ гимназіи образуется разсудокъ и умъ на всѣхъ воспринимаемыхъ чувствами предметахъ, посредствомъ діалектики, грамматики, риторики и остальныхъ наукъ и искусствъ, сообразно съ сущностью и причиною вещей. Академіи наконецъ вліяютъ главнѣйше на душу черезъ теологію, на умъ черезъ философію, на тѣлесныя функціи черезъ медицину, на силу воли и внѣшнія блага чрезъ правовѣдѣнье. Школа матери и родного языка поучаетъ дѣтей обоего пола, латинская же образуетъ главнѣйше юношей, желающихъ быть нѣсколько выше ремесленниковъ, академія наконецъ выпускаетъ будущихъ ученыхъ, для того, чтобы церковь, государство и школа имѣли способныхъ руководителей.

1) Материнская школа, schola materna. Въ каждомъ домѣ должна быть материнская школа. И задача ея—при разумномъ уходѣ за тѣломъ сообщить уму первоначальныя знанія, возбуждая и развивая чувства на внѣшнемъ мірѣ, и побуждать примѣромъ родителей къ нравственности и благочестію. Уже во время беременности мать должна соблюдать діэту и по возможности избѣгать тревогъ и страстей. Мать должна сама кормить новорожденнаго: вѣдь кормятъ же волчицы и медвѣдицы своихъ дѣтенышей! Охраняйте ребенка отъ пряныхъ явствъ и горячихъ напитковъ и пусть его играетъ сколько душѣ угодно. Онъ и тутъ уже поучается начаткамъ всякихъ наукъ и искусствъ. Въ метафизикѣ онъ пріобрѣтаетъ всеобщія понятія: нѣчто, ничто, есть, нѣтъ, такъ, иначе, гдѣ, когда, сходное и пр. Въ физикѣ онъ знакомится съ водой, землей, воздухомъ, огнемъ, дождемъ, градомъ, льдомъ, снѣгомъ, цвѣтами, растеніями, животными, собственными членами и пр. Въ оптикѣ онъ начинаетъ различать свѣтъ, тьму и краски. Въ астрономіи онъ обращаетъ вниманіе на солнце, луну и звѣзды. Къ географіи онъ приступаетъ, знакомясь съ своею колыбелью, съ комнатой, дворомъ, полями,—къ

хронологіи—отличая день отъ ночи и пр.,—къ исторіи, вспоминая о случившемся вчера и третьяго дня и разсказывая о томъ,—къ политикѣ, знакомясь съ домашнимъ управленіемъ,—къ ариѳметикѣ, считая и пр.,—къ геометріи, разбирая длину, ширину, линіи и пр.,—къ музыкѣ, слушая пѣнье и вторя ему,—къ грамматикѣ, выговаривая слоги и слова и т. д. Въ этикѣ для ребенка лучшею основою служитъ просвѣщающій примѣръ родителей и домашнихъ. Тутъ учится онъ умѣренности, чистотѣ, почтительности, послушанію, правдивости, справедливости, любви, дѣятельности, молчаливости, терпѣнію, учтивости, религіозности. Начатки во всемъ! Такова задача материнской школы.

2) Такимъ образомъ дитя на шестомъ году готово будетъ поступить въ нѣмецкое родное училище, schola vernacula. Эта школа родного языка должна находиться въ каждой общинѣ, такъ чтобы всѣ дѣти безъ исключенія могли обучаться въ ней и чтобы такимъ образомъ обнаружилось, кто изъ нихъ имѣетъ призваніе къ ученымъ занятіямъ. Въ этой школѣ отрокъ учится читать понѣмецки, писать по грамматическимъ правиламъ, считать, какъ то требуется въ жизни, не только въ умѣ, но и на доскѣ, измѣрять, пѣть обыкновенныя мелодіи и духовныя пѣсни, катехизису и библіи, всеобщей исторіи, немного космографіи и общимъ понятіямъ о ремеслахъ и искусствахъ. Школа распадается на шесть классовъ, въ каждомъ классѣ свой учебникъ на родномъ языкѣ; ученіе продолжается по 4 часа въ день: по 2 часа утромъ образуютъ и упражняютъ умъ и память, и по 2 послѣ обѣда руки и голосъ.

3) Ученики, желающіе посвятить себя ученому званію, поступаютъ ва 12-мъ году отъ роду въ гимназію, schola latina, гдѣ преподаются четыре языка: нѣмецкій, латинскій, греческій и еврейскій, и семь свободныхъ искусствъ, а сверхъ того физика, хронологія, исторія, этика и библейская теологія. Школа распадается на шесть классовъ: грамматика, физика, математика, этика, діалектика и реторика; все проходится въ 6 лѣтъ. Грамматика предшествуетъ: она руководительница всему. Діалектика и реторика слѣдуютъ послѣ реальныхъ наукъ, такъ какъ матеріалъ долженъ быть прежде формы.

4) Въ академіи, посѣщаемой съ 18-ти и до 24-лѣтняго возраста, настоящія универсальныя знанія проходятся въ настоящемъ универсальномъ видѣ. Она по всѣмъ отрослямъ наукъ и искусствъ должна имѣть способныхъ преподавателей, т.-е. такихъ, которые служили бы живымъ, многоумнымъ репертуаромъ, и обладать сверхъ того богатою библіотекою, такъ чтобы не было недостатка въ пособіяхъ. Въ нее слѣдуетъ назначать одни только пе-

редовые умы, и пусть каждый изъ нихъ посвящаетъ себя только той наукѣ, къ которой онъ болѣе всего способенъ и къ которой питаетъ наибольшую охоту. Каждому изъ студентовъ предоставляется въ ней изучать всѣхъ авторовъ по своему предмету и знакомиться со всѣмъ полезнымъ. Впрочемъ, необходимо печься о томъ, чтобы въ академіи находились лишь трудолюбивые, добропорядочные, степенные люди. Государству не нужны тунеядцы, а науки также не терпятъ трутней. Гдѣ нѣтъ чумы, тамъ и заразы быть не можетъ.

Такова система воспитанія Коменскаго. Это — стройное, глубоко обдуманное цѣлое, полное остроумныхъ наблюденій, мѣткихъ указаній и большею частью цѣлесообразныхъ пріемовъ. Къ педагогическому реализму своему онъ получилъ толчокъ отъ Вивеса, требовавшаго вмѣсто языческой философіи—христіанской, а вмѣсто диспутовъ—безмолвнаго созерцанія природы. Кампанелла также вліялъ на него. Но лишь „Великое преобразованіе“ (Instauratio magna) Бáкона дало ему истинный ключъ къ природѣ, такъ что съ этихъ поръ онъ стремился не только къ словесному, но и къ предметному реализму, къ чувственному, непосредственному созерцанію вещей. Ввести этотъ предметный реализмъ въ школу, вотъ въ чемъ великая заслуга Коменскаго.

Онъ былъ христіанинъ отъ полноты души и требовалъ, чтобы какъ преподаваніе, такъ и дисциплина въ школахъ были проникнуты христіанскимъ духомъ. Потому онъ и настаивалъ, чтобы всѣ языческія книги были изгнаны изъ школъ или по крайней мѣрѣ примѣнялись осторожнѣе, чѣмъ дотолѣ. „Многіе изъ учениковъ по одному только имени христіане, они большею частью избрали себѣ Теренція, Плавта, Цицерона, Овидія, Катулла, Тибулла, музъ и боговъ любви: оттого то намъ среди христіанства и приходится искать христіанина. Послѣдуемъ примѣру Эфесянъ: получивъ истинную вѣру, они сожгли всѣ другія книги, какъ безполезныя для христіанъ. Изъ языческихъ писателей можно допустить развѣ Сенеку, Эпиктета, Платона. Неужели же отрокамъ ради слога изучать мерзости и пр. Плавта и Теренція?“ Въ этомъ случаѣ Коменскій, наперекоръ своей эпохѣ, впалъ въ другую крайность и не призналъ образовательнаго значенія классической древности. Онъ оказывается по этому воззрѣнію своему также противникомъ Лютера, Меланхтона и Цвингли.

Заодно съ Ратихіемъ напротивъ того и Коменскій настаиваетъ на изученіи роднаго языка, прежде чѣмъ приступать къ какому бы то ни было иностранному. Преподавать иностранный языкъ, говоритъ онъ, прежде чѣмъ усвоили себѣ родной, значитъ учить своего сына верховой ѣздѣ, прежде чѣмъ онъ сможетъ ходить. Хотя въ этомъ стремленіи и въ исполненіи сво-

ихъ великихъ мыслей онъ и принужденъ былъ отдать дань своей эпохѣ и самъ даже не осуществилъ того, чего хотѣлъ; хотя великій защитникъ мнѣнія, что предметы слѣдуетъ изучать въ подлинникѣ и наблюдать природу собственными глазами, и предложилъ для преподаванія, взамѣнъ живой природы, просто-напросто книгу, „Живописный міръ", эту родоначальницу всѣхъ современныхъ книгъ съ картинками; хотя наконецъ этотъ поборникъ за изученіе родного языка прежде латинскаго и за развитіе перваго самъ же задержалъ это развитіе, отдавая постоянно преимущество латинской фразеологіи и даже заявляя желаніе, чтобы во избѣжаніе вавилонской смѣси нарѣчій латынь сдѣлалась всеобщимъ въ мірѣ языкомъ,—желаніе, съ осуществленіемъ котораго погибло бы національное единство согражданъ—желаніе, которое совпадаетъ съ требованьемъ, чтобы всѣ народы составили одинъ народъ, всѣ люди по духу были бы равны и которое принадлежитъ къ области утопіи: однако его „Живописный міръ" все-таки былъ поводомъ, что нюрнбергскій уроженецъ Фейерлейнъ отъ простыхъ изображеній предметовъ могъ перейти къ самимъ предметамъ и требовать, чтобы мальчиковъ иногда водили гулять въ поля и сады, на кузницу, на пильную, бумажную и другія мельницы или въ мастерскія къ разнымъ ремесленникамъ и художникамъ, чтобы показывали имъ инструменты и говорили, какъ они называются, чтобы учили мальчиковъ употреблять циркуль, наугольникъ и пр.; все-таки система его вытекаетъ изъ здраваго цѣльнаго воззрѣнія на человѣческую природу, на человѣческія отношенія и на педагогическія задачи: въ чемъ и состоитъ вѣчное достоинство его педагогики; все-таки педагогическая дѣятельность его величіемъ и цѣльностью своихъ стремленій имѣла сильное вліяніе на позднѣйшія формы развитія; возбуждая въ высшей степени его современниковъ, глубоко внѣдрялась оно въ развитіе школъ его эпохи, такъ что гамбургскій профессоръ математики, Адольфъ Тассе, былъ въ правѣ сказать про него: „Во всѣхъ краяхъ Европы приступили къ изученію лучшей теоріи воспитанія. Еслибъ Коменскій и не сдѣлалъ ничего болѣе, какъ только посѣялъ во всѣхъ умахъ подобныя побужденія, то и одного этого было бы уже достаточно." Вотъ значеніе, какое животворная дѣятельность и личность Коменскаго имѣла для его эпохи и вмѣстѣ съ тѣмъ также для дальнѣйшаго развитія воспитанія.

Чтобы быть какъ можно основательнѣе, исторія только шагъ за шагомъ подвигается впередъ. Точно также и на поприщѣ педагогики. Мошерошъ и Андреэ, Ратихій и Коменскій давно уже сказали свое слово; но ихъ великія истины проникали все еще только въ тѣсные кружки. Нѣмецкія школы вообще поступали такъ, какъ будто этихъ мужей

вовсе не существовало. Родители изъ мѣщанъ въ одномъ только духовномъ званіи и видѣли конечную славную цѣль всякаго дѣтскаго воспитанія а „родителямъ изъ духовнаго званія" пуще всего причиняло великую скорбь, если ихъ сыновья избирали мірское поприще: вѣдь богословы даже въ царствѣ небесномъ пользуются преимуществомъ передъ правовѣдами, какъ доказывалъ еще въ 1747 г. Веньям. Христ. Олеарій. Очень часто старшіе сыновья еще до рожденія своего назначались къ духовному званію, какъ напр. Михаилъ Мюллеръ, Генр. Лизій, Кракевицъ и др., а иногда обѣтъ по поводу какого-нибудь несчастнаго случая рѣшалъ участь будущаго ребенка, какъ Франца Юлія Лютке. О свойствѣ и образѣ домашняго воспитанія свидѣтельствуютъ: восьмилѣтній Христіанъ Вейзе; когда его по слабости здоровья хотѣли удалить отъ ученья, то онъ отвѣчалъ своимъ родителямъ: „Мнѣ поможетъ сила Іисуса Христа, Господь великъ въ слабомъ,"—также Георгъ Ницшъ (авторъ книги: „Св. Писаніе—это самъ Богъ?"), для котораго въ девятилѣтнемъ возрастѣ самымъ пріятнымъ занятіемъ были молитвы и выученныя наизустъ проповѣди,—наконецъ Фрейстлингъ, который девяти лѣтъ отъ роду успѣлъ уже пять разъ прочесть библію и въ этомъ же возрастѣ сказалъ публичную проповѣдь въ приходѣ своего отца. Въ гимназіи это воспитаніе продолжалось. Учителя сами были больше теологи, нежели филологи или педагоги; „своею рабскою расправою и жестокимъ искусствомъ, съ какимъ пользовались палкою,—какъ пишетъ Соломонъ Дейлингъ—они заставляли учениковъ „основательно изучать догматъ свободной воли," и массою свѣдѣній, какой набивали память, заглушали въ нихъ всякую мыслительную способность. Когда въ Ульмѣ хотѣли воспользоваться древними языческими писателями въ выдержкахъ, то духовенство заявило, что Новый Завѣтъ писанъ самымъ чистымъ аттическимъ, греческимъ нарѣчіемъ, а потому въ измѣненіи нѣтъ никакой надобности (—основою для преподаванія греческаго служилъ только Новый Завѣтъ—). Языческія сентенціи съ предисловіями и замѣчаніями касательно недостатковъ языческаго нравоученія служили предметомъ латинскаго чтенія (—смотрите учебники Матѳ. Бэла—) если только не предпочитали воспользоваться для этого латинскими переводами псалмовъ, пословицъ и т. п.; церковный уставъ въ Готѣ былъ переведенъ съ нѣмецкаго на латинское. Такимъ образомъ все направлялось къ одной цѣли,—а потому мы и встрѣчаемъ такъ много скороспѣлыхъ молодыхъ богослововъ. Притомъ развитіе унаслѣдованной отъ отцовъ и матерей памяти и страсть къ книгамъ были до того сильны, что мальчики 16-ти лѣтъ отъ роду, наприм. Готтфр. Гофманнъ, Фанъ-деръ-Литъ и др., получали званіе магистра, а 20-лѣтніе юноши занимали должность конректота.

Въ университетѣ (—при вступленіи студенты обязаны были предъявить свидѣтельство отъ духовника—) учебные года проходили въ диспутахъ, въ латинской школьной перебранкѣ и пр., а въ результатѣ получали тщеславіе, крючкотворство, сильную склонность къ мелочнымъ распрямъ и громадную начитанность. Монастырскія школы и евангелическіе институты находились еще въ болѣе жалкомъ положеніи. Въ Тюбингенскомъ институтѣ молодые богословы расхаживали въ рясахъ, воротникахъ, мантіяхъ и клобукахъ, распѣвали латинскіе часы и говорили по очереди застольныя проповѣди; раболѣпство, ханжество и доносы были дѣломъ обыденнымъ. Въ монастырѣ Риддагсгагенѣ все время проводили въ гомилетическихъ упражненіяхъ и диспутахъ объ Аугсбургскомъ вѣроисповѣданіи.— А новые борцы между тѣмъ пытались уже сокрушить протестантскій схоластицизмъ въ школахъ.—

---

b. Спиритуалистическая и религіозная оппозиція противъ ортодоксіи.

Реалистическая оппозиція противъ схоластической ортодоксіи въ воспитаніи была поднята тремя культурными современными націями, Французами, Англичанами и Нѣмцами, и притомъ съ такимъ дружнымъ единодушіемъ, что всякій разъ одинъ изъ этихъ народовъ проводилъ далѣе основныя положенія, начатыя другимъ, и всякая великая мысль, высказанная однимъ изъ нихъ, вскорѣ находила отзывъ также и въ другомъ. Умственное движеніе охватило поэтому всѣхъ мужей науки въ цивилизованномъ мірѣ, а въ воспитаніи оно произвело волненіе, сильно расшатавшее заплѣснѣвѣлый правовѣрный методъ дрессировки. Но не долго длилась эта буря. Новыя мысли все еще разбивались о законъ косности: въ школахъ по прежнему царила схоластическая ортодоксія. Послѣдней нанесенъ былъ наконецъ рѣшительный ударъ, когда оппозиція вступила на упущенную отчасти изъ виду реалистическими поборниками почву религіи и отсюда уже стала ратовать противъ бездушія. Идеалистическая оппозиція противъ правовѣрнаго воспитанія, которая въ борьбѣ противъ правовѣрной религіи обратилась къ источнику вѣры, къ чувству, и отсюда уже подняла знамя также противъ правовѣрной схоластики въ воспитаніи, и важнѣйшимъ представителемъ которой у католиковъ является *янсенизмъ*, а у протестантовъ *піэтизмъ*, эта оппозиція дѣйствительно перешла въ жизнь, благодаря чему впослѣдствіи уже реализмъ, воспользовавшись ихъ трудами, и въ состояніи былъ

выступить въ обновленномъ видѣ, въ качествѣ абстрактно-человѣчнаго воспитанія. Правовѣрная католическая и лютеранская церкви невольно привели къ господству высказанный Лютеромъ принципъ религіознаго объединенія и самовразумленія особи, оттого что суровостью своего формализма и гнетомъ духовенства она вызвала къ оппозиціи глубокую, задушевную связь между церковью и школою, освободивъ ихъ такимъ образомъ отъ авторитета прошедшаго, отъ власти церкви и духовенства.

---

1. Спиритуалистическая и религіозная оппозиція противъ ортодоксіи въ католицизмѣ.

Янсенизмъ и Поръ-рояльская школа.Ролленъ и Фенелонъ. Квіетизмъ, мистицизмъ и ораторіи.

20.

Янсенизмъ въ половинѣ семнадцатаго столѣтія служилъ средоточіемъ, около котораго въ католическомъ мірѣ собирались всѣ болѣе глубокіе умы, не заразившіеся еще духомъ іезуитскаго умственнаго лоска и хитроумной морали. Онъ вмѣстѣ съ іезуитизмомъ принадлежитъ обновившемуся католичеству, но состоитъ въ рѣзкой противоположности съ первымъ. И въ самомъ дѣлѣ, іезуитизмъ имѣлъ своею основою воззрѣніе на міръ и на жизнь Пелагія; тогда какъ янсенизмъ исходилъ отъ строгихъ августиновскихъ принциповъ. Янсенизмъ былъ нравственно строгъ, геніаленъ въ благочестіи и въ наукѣ; іезуитизмъ безсовѣстенъ, умственно пустъ, бездушенъ, хитеръ въ обдумываніи всего цѣлесообразнаго. Янсенизмъ вытекъ изъ той же религіозной строгости противъ легкомыслія церковной жизни, какъ и германская реформація. Признавъ истинно августиновское ученіе о безпредѣльной благодати и о безусловномъ промыслѣ Божіемъ, онъ сблизился даже съ протестантизмомъ, оставаясь притомъ въ ученіи о церкви и таинствахъ строго католическимъ. Онъ отстаивалъ всеобщій долгъ поучаться по священному писанію, а безусловное признаніе верховенства Божія служило оградой противъ неограниченной власти папской и государской. *Янсенъ* (родился въ 1585-мъ г. въ сѣверной Голландіи, а съ 1630-го былъ профессоромъ Священнаго писанія въ Лувенѣ) главною порчею эпохи считалъ преобладавшія занятія языческою философіею, особенно схоластикою Аристотеля. Онъ въ противность

схоластикѣ строго отдѣлялъ философію отъ теологіи, полагая, что и та и другая основаны на различныхъ чувствахъ: философія на интеллектуальной способности, а теологія на слухѣ и памяти, которая воспринимаетъ и сохраняетъ происшедшее изъ откровенія устное преданіе. Янсеновъ другъ дѣтства, аббатъ Сенъ-Сиранъ (ум. 1643), принялъ его сторону; за него же ратовалъ докторъ Сорбонны, Антуанъ Арно (ум. 1694). Много шуму надѣлало сочиненіе Янсена о причащеніи Святыхъ Таинъ (de la fréquente communion), гдѣ онъ возсталъ противъ рутины іезуитскихъ духовниковъ, которые, опираясь на opus operatum, совѣтовали прибѣгать къ исповѣди и причастію, какъ къ дѣлу спасительному самому по себѣ, даже лицамъ, сильно льнувшимъ къ міру, ощущавшимъ лишь страхъ къ аду, но не питавшимъ еще любви къ Богу, — и гдѣ онъ заявилъ, что причастіе тогда только будетъ намъ во спасеніе, когда мы, раскаявшись, исполнились уже внутри благодати Божіей: отъ этого спора великимъ постомъ 1644-го г., дрожали коѳедры, и въ нѣкоторыхъ городахъ дѣло доходило чуть не до драки. Сестра Антуана Арно, абатисса цистерціанскаго монастыря Поръ-Ройяля, такъ же какъ и общество послѣдняго, приняли сторону янсенизма. Животрепещущее антисхоластическое и антиіезуитское движеніе охватило умы въ Нидерландахъ и во Франціи. Но іезуиты повидимому все-таки одержали верхъ: и дѣйствительно, они добились, что въ 1653-мъ г. папа Иннокентій X осудилъ 5 слѣдующихъ статей изъ Янсенова „Августина": 1) Извѣстныя заповѣди Божіи не могутъ соблюдаться благочестивыми людьми, и еслибъ они даже хотѣли, то у нихъ не достало бы на то божескаго разсудка; 2) въ естественномъ состояніи никто не можетъ противостоять дѣйствіямъ благодати; 3) чтобы угодить Богу, человѣкъ долженъ дѣйствовать не свободно отъ всякой необходимости, но лишь свободно отъ понужденія; 4) ересь полупелагіанцевъ состояла въ томъ, что они учили, будто естественный человѣкъ способенъ отвергнуть или принять предупреждающую внутреннюю благодать; 5) полупелагіанцы заявляютъ, что Христосъ умеръ за всѣхъ людей.

Хотя эти папскіе приговоры и гоненія французскаго правительства уничтожили янсенизмъ, какъ церковный союзъ, однако воззрѣнія его на церковь и школу распространились въ бóльшей части народа и проникли въ высшія слои общества даже до самаго Ватикана. Этой побѣдѣ янсенизма надъ іезуитизмомъ существенно способствовали Провинціальныя письма (lettres provinciales).

Паскаля (1623—1662).

Въ этихъ, въ 1656-мъ г. таинственно появившихся, письмахъ, которыя Буало назвалъ совершеннѣйшимъ прозаическимъ произведеніемъ французской литературы и начиная съ которыхъ, по мнѣнію Вольтера, установился французскій языкъ, іезуитская казуистика и мораль блистательно и успѣшно разбиваются, то орудіями остроумія, то ѣдкою сатирою, то всею вѣскостью убѣдительныхъ доводовъ, такъ что общественное мнѣніе не только образованныхъ людей, но даже самого французскаго клира было увлечено противъ ордена. Образцомъ этого блистательнаго остроумія служитъ характеристика іезуитской морали въ 9-мъ письмѣ: „Сообщу вамъ теперь (—такъ говоритъ старый іезуитъ—) удобный способъ, придуманный нами для людей, чтобы они могли избѣжать грѣховъ въ сношеніяхъ съ людьми и въ мірскихъ дѣлахъ. Въ такихъ случаяхъ труднѣе всего избѣжать лжи, особенно, если хотимъ заставить людей повѣрить какой-нибудь неправдѣ. Для этого отлично служитъ наше ученіе о двусмысленностяхъ, по которому дозволяется прибѣгать къ двусмысленнымъ словамъ, дѣлая такъ, чтобы люди понимали ихъ не въ томъ смыслѣ, какой мы сами придаемъ имъ, какъ выражается Санчесъ.“—„Я знаю это, отецъ мой,“ возразилъ я.—„Мы такъ много разглашали о томъ, продолжалъ онъ, что оно наконецъ всему свѣту стало извѣстно; но знаете ли вы, какъ поступить, если не найдете двусмысленныхъ словъ?“—„Нѣтъ, преподобный отецъ.“—„Я такъ и думалъ; вѣдь это новинка; это ученіе „объ ограниченьяхъ или о мысленныхъ оговоркахъ“ (restrictiones seu reservationes mentales), данное Санчесомъ. Онъ говоритъ, можно клясться, будто не дѣлалъ того-то, хотя и совершилъ это на самомъ дѣлѣ, лишь бы разумѣть про себя, что не дѣлалъ этого въ извѣстный день, или до дня своего рожденія, или подразумѣвая подъ тѣмъ какое нибудь другое сходное обстоятельство, такъ чтобы сказанныя притомъ слова не выдали скрытаго въ нихъ смысла. Это во многихъ случаяхъ бываетъ очень удобно и всегда вполнѣ законно, лишь бы оно было необходимо или полезно для здоровья, чести или имущества“—„Какъ? Развѣ это не ложь и не клятвопреступленіе?“—„Нѣтъ. Санчесъ доказываетъ это въ томъ же мѣстѣ и нашъ патеръ Филіуціусъ точно также, потому что, говоритъ онъ, значеніе дѣйствія опредѣляется намѣреньемъ. Онъ предлагаетъ еще другое, болѣе вѣрное средство избѣжать лжи, а именно, сказавъ громко, „клянусь въ томъ, что я этого не дѣлалъ,“—прибавьте про себя втихомолку „сегодня“, или произнесши во всеуслышанье, „клянусь въ томъ,“ скажите потихоньку: “что я говорю,“ и по-

томъ продолжайте громко, „что я не дѣлалъ этого.“ Такимъ образомъ, какъ сами видите, вы сказали правду.“—„Положимъ; но вѣдь такимъ образомъ на повѣрку выйдетъ, что я сказалъ втихомолку правду, а во всеуслышанье ложь. Сверхъ того мнѣ сдается, немногіе изъ насъ обладаютъ достаточнымъ присутствіемъ духа, чтобы умѣть воспользоваться этой методой.“ —„ Въ угоду тѣмъ, которые не умѣютъ пользоваться такой оговоркой, наши отцы въ томъ же мѣстѣ научили, что въ избѣжаніе лжи, достаточно сказать просто, что вы не дѣлали того-то, хотя на самомъ дѣлѣ и совершили это, лишь бы вы вообще имѣли въ виду придать вашимъ словамъ смыслъ, какой придалъ бы имъ всякій умный человѣкъ. Сознайтесь, вамъ вѣдь часто случалось быть въ затрудненіи, оттого что вы не знали этого ученія?“—„Иногда случалось.“—„А въ такомъ случаѣ вы сами согласитесь, что часто было бы очень удобно, еслибъ совѣсть не обязывала насъ сдержать свое слово?“—„Это было бы чрезвычайно удобно.“—„Такъ выслушайте же всеобщее правило, предложенное Эскобаромъ. Обѣщаніе не связываетъ васъ, если, давая его, вы вовсе не намѣрены связать себя имъ. Но вѣдь рѣдко случается, чтобы у васъ было такое намѣренье, когда вы сами не подтвердили его клятвой или договоромъ; итакъ, сказавъ просто: „Я исполню это, „вы подразумѣваете притомъ, что исполните на самомъ дѣлѣ, если только не измѣните своихъ мыслей, оттого что вы отнюдь не желаете поступиться своею свободой. Эскобаръ предлагаетъ еще другія правила, которыя можете прочесть у него сами, а наконецъ онъ говоритъ: „Все это заимствовано у Молины и у другихъ нашихъ писателей, а потому тутъ не можетъ быть никакого сомнѣнія.“—„Я не зналъ, что направляя наши намѣренья, мы властны сдѣлать наши обѣщанія ничего не значащими.“—„Вотъ видите, какъ этимъ много облегчается наше сношеніе съ свѣтомъ.“

Своими Провинціальными письмами Паскаль нанесъ смертельный ударъ іезуитизму.—

Янсенистическое движеніе въ церкви вызвало и въ школѣ также оппозиціонное движеніе противъ іезуитизма. Обществомъ

Поръ-Ройяля

внутренняя сущность янсенистской религіи въ связи съ картезіанской философіей перенесена была въ воспитаніе и въ школу. Знаменитое аббатство „Поръ-Ройяль des Champs“ находилось близъ Шеврёза. Расинъ, одинъ изъ учениковъ Поръ-Ройяля, въ юношескихъ стихахъ своихъ воспѣваетъ уединенную мѣстность, луга, лѣса и поля, церковь въ селѣ, прекрасную святую природу. Уже

въ 1710-мъ г. интригамъ іезуитовъ удалось разрушить до основанія аббатство. Но духъ, жившій въ стѣнахъ его, былъ несокрушимъ. Цѣлью его было возстановить коренное христіанство первобытныхъ временъ и всѣми силами противодѣйствовать всеобщей порчѣ, въ виду которой мужи въ родѣ Монтеня, Ла Рошефуко, Мольера и Ла Брюйэра въ безсиліи пожимали лишь плечами. Къ главнымъ борцамъ принадлежалъ *Сенъ-Сиранъ* и *Анжелика Арно*. Проницательный взоръ Ришелье скоро угадалъ въ Сенъ-Сиранѣ самаго сильнаго поборника противъ іезуитизма, и кардиналъ старался привлечь его на свою сторону, но тщетно. Доблестный мужъ презрѣлъ всякими внѣшними выгодами и стремился безусловно служить одной только истинѣ. Онъ говорилъ Сенъ-Венсанъ де Полю: „Богъ открылъ мнѣ великую истину; Онъ далъ мнѣ понять, что нѣтъ болѣе церкви. Да, церкви нѣтъ уже болѣе пяти или шести столѣтій. Нѣкогда она была подобна великой рѣкѣ съ чистой водою: русло этой прекрасной рѣки все еще то же; но въ немъ не та уже вода.“ Тридентскій соборъ назвалъ онъ „политическимъ собраніемъ.“ Онъ встрѣтилъ вѣрнаго и ревностнаго друга въ Янсенѣ, съ которымъ познакомился въ Парижѣ въ 1605 г. Оба мужа въ продолженіе пяти лѣтъ углублялись въ изученіе Ветхаго Завѣта. При этомъ Янсенъ положилъ основу своему „Августину“. Когда Сенъ-Сиранъ, сидя въ то время въ тюрьмѣ, прочелъ эту книгу, онъ восторженно воскликнулъ: „Еслибъ король и папа даже соединились вмѣстѣ, чтобъ уничтожить насъ, то имъ все-таки не удастся достигнуть цѣли.“ Именно за приверженность его къ янсенизму, мощное значеніе котораго все болѣе усиливалось, Ришелье и велѣлъ засадить его въ Венсенскую тюрьму. Кардиналъ утверждалъ: „Еслибъ Лютера и Кальвина, тотчасъ же какъ только начали они догматизировать, засадили въ тюрьму, то было бы гораздо лучше.“ Мужественный страдалецъ лишь за два мѣсяца до своей смерти вышелъ изъ заключенія. Съ уныніемъ воскликнулъ аббатъ Буало: „Вѣнецъ палъ съ головы нашей.“ Его замѣнилъ отчасти Леметръ, молодой, славный адвокатъ съ блестящимъ краснорѣчіемъ, поступившій въ аббатство несмотря на благорасположеніе, какимъ онъ пользовался при дворѣ и въ городѣ, несмотря на свое значительное состояніе и свои блестящія надежды впереди. Внезапная смерть высокоуважаемой имъ жены сильно потрясла его, и день ея кончины былъ для него „днемъ Дамаска.“ Одаренный великимъ характеромъ и превосходнымъ умомъ, этотъ человѣкъ со всею энергіею и силою духа продолжалъ борьбу противъ іезуитизма, противъ лжи и тьмы, и никогда не уставалъ ратовать. — Философія также нашла себѣ въ Поръ-Роялѣ гостепріимное убѣжище. Декартъ вступилъ туда какъ при-

верженецъ Августина. Арно покровительствовалъ картезіанизму, т. е. философіи, которая даровала человѣческому уму новый методъ, опиралась на достовѣрность и поставила разумъ надъ авторитетомъ. Рядомъ съ Арно мы встрѣчаемъ Николя, какъ сильнаго поборника за дѣло истины. Начитанный и ученый, какъ лишь немногіе, онъ по натурѣ своей походилъ на Меланхтона, поневолѣ вовлеченнаго въ борьбу. Но Николь сталъ твердою ногою на своемъ мѣстѣ, и до самой смерти не отставалъ отъ своего друга Арно. Другая замѣчательная личность въ этомъ славномъ кружкѣ былъ Гамонъ, врачъ Поръ-Ройяля—вмѣстѣ съ тѣмъ ученый, эстетикъ и извѣстный моралистъ съ благочестивою, благородною и сострадательною душою, одинъ изъ передовыхъ умовъ 17-го столѣтія. Изъ женщинъ Поръ-Ройяля отличаются названная уже Анжелика Арно, ея сестра Іоанна, прозываемая „мать Агнеса“, ея племянница, дѣвица Андильи, сестры Евстахія Преги и Христина Бригю.—Поръ-Ройяль дѣйствительно оказалъ великую услугу воспитанію юношества. Сенъ-Сиранъ уже принималъ къ себѣ маленькихъ сиротъ, „съ тѣмъ чтобы прикормить ихъ въ своемъ аббатствѣ“. Онъ признался Леметру, что очень любитъ дѣтей и поэтому ему доставляетъ большое удовольствіе служить имъ. Такое на благо юности направленное побужденіе скоро сдѣлалось весьма живымъ и сильнымъ въ аббатствѣ. Гамонъ и Николь соединились съ великимъ учителемъ Ланседо съ цѣлью воспитать и образовать дѣтей. Въ то время дѣти до своего поступленія въ коллегію должны были дома или въ маленькой школѣ пройти сперва приготовительный курсъ. Въ Поръ-Ройялѣ открыли такую приготовительную школу, которая скоро расширилась въ высшее учебное заведеніе, такъ что оно въ состояніи было даже соперничать съ пришедшимъ тогда въ упадокъ университетомъ и достигло цвѣтущаго состоянія наперекоръ іезуитамъ, то и дѣло ратовавшимъ противъ новаго заведенія, хотя сами они незаконнымъ порядкомъ основали школы. Этимъ цвѣтущимъ состояніемъ одолжены были Ланседо; онъ былъ гуманистъ, эллинистъ, математикъ, особенно же методикъ, сочинившій греческій, латинскій, итальянскій и испанскій методы и написавшій знаменитую общую грамматику. Введя родной языкъ въ область предметовъ преподаванія, Ланседо и его сотрудники оказали важную услугу какъ педагогикѣ вообще, такъ и французской литературѣ въ частности. Изъ сотрудниковъ его извѣстны Валонъ де Бопюи, Николь, Гюйо и Кустель. Вскорѣ послѣ того, какъ Ланседо принялъ на себя управленіе школою, число учениковъ размножилось до такой степени, что къ концу 1646-го года открыли еще другую, болѣе обширную школу въ Парижѣ. Но только что расцвѣло это заведеніе и при немъ возникло еще нѣсколько такихъ

же школъ, какъ вновь возобновились гоненія и преслѣдованья со стороны іезуитовъ. Принуждены были удалить школы изъ Парижа и перенести ихъ въ окрестности Шевреза и Версаля. Здѣсь учился въ 1655-мъ г. молодой Расинъ. Несмотря на отпоръ со стороны поборниковъ истины и свѣта и на наплывъ молодежи, іезуиты восторжествовали. Марта 10-го 1660-го г. вынуждены были закрыть заведенія. Правда, съ 1670-го и до 1678-го г. Поръ-Ройялю разрѣшалось принимать въ пансіонерки молодыхъ дѣвушекъ; но внѣ заведенія не дозволялось болѣе держать учениковъ.— Поръ-ройялисты основою воспитанія считали любовь въ истинно христіанскомъ духѣ и смыслѣ. Они и отъ учителя требовали, чтобы онъ руководился и побуждался единственно лишь этою всевластною мощью. Въ учители назначались только люди, извѣстные своимъ благочестіемъ, своими дарованьями, безкорыстіемъ и внутреннимъ призваніемъ къ воспитанію юношества. Отъ дѣтей устраняли все, что могло вредить имъ, подточить скромность и чистоту ихъ души, и всячески старались направить ихъ къ познанію истины, возбудить и возжечь въ нихъ любовь къ добру и долговѣчному. Кустель, одинъ изъ учителей въ аббатствѣ, въ своей книгѣ „Правила о воспитаніи дѣтей" (Парижъ 1687) предлагаетъ вопросъ, гдѣ лучше воспитать дѣтей, въ церковныхъ заведеніяхъ, или у родителей, или наконецъ въ коллегіяхъ. Онъ того мнѣнія, что въ каждомъ изъ трехъ родовъ воспитанія есть своя тѣневая сторона и ихъ трудно соединить вмѣстѣ. Въ Поръ-Ройялѣ одному учителю поручалось не болѣе пяти дѣтей. Сенъ-Сиранъ хотѣлъ, чтобы всякое воспитаніе было подобіемъ родительскаго дома, онъ желалъ постояннаго надзора, серьезныхъ учителей и нѣкотораго рода взаимнаго уваженія между соучениками. Онъ терпѣть не могъ, какъ выражается Лансело, чтобы изученіе наукъ поощрялось въ ущербъ набожности. Учениковъ по понятнымъ причинамъ принимали съ малолѣтства. Молись и трудись! было девизомъ воспитательнаго заведенія. — Преподаваніе въ Поръ-Ройялѣ достигло всеобщей извѣстности. Изъ этой школы вышло много значительныхъ твореній. Приводимъ слѣдующія: 1) Логика или искусство мыслить. 1662. 2) Общая и сравнительная грамматика. 1660. 3) Новый методъ для легкаго изученія греческаго языка. 1655. 4) Новый методъ для легкаго и скораго изученія латинскаго языка. 1644. 5) Новый методъ для легкаго и скораго изученія итальянскаго языка. 1644. 6) Новый методъ для испанскаго. 1660. 7) Четыре сборника латинскихъ, французскихъ, итальянскихъ и испанскихъ поэтическихъ произведеній. 8) Садъ греческихъ корней, изложенный во французскихъ стихахъ, 1657. 9) Новыя начала геометріи. 1667. Авторъ этихъ сочиненій Лансело, однако въ нѣкоторыхъ

изъ нихъ участвовали также Арно, Николь и Саси. Для употребленія въ школѣ изготовлены были: переводъ басень Федра и комедій Теренція. 1647. Новый переводъ плѣнниковъ Плавта съ примѣчаніями. 1666. Нравственныя и политическія письма Цицерона къ его другу Аттику. 1666. Новый переводъ новаго собранія лучшихъ писемъ, написанныхъ Цицерономъ къ его друзьямъ. 1666. Остальныя письма Цицерона къ его брату Квинту и къ Аттику. 1668 и 1670. Новый переводъ буколикъ Виргилія съ примѣчаніями. 1666 и пр. и пр. Когда проискамъ враговъ удалось заставить закрыть школы, то Поръ-Ройяль долго еще блисталъ своими сочиненіями. Методическія основы, господствовавшія въ этой замѣчательной педагогической области, напоминаютъ Амоса Коменскаго и Песталоцци. Необходимо, такъ полагали въ Поръ-Ройялѣ, сдѣлать ученіе для дѣтей по возможности пріятнымъ, „такъ же пріятнымъ, какъ игра и отдыхъ". Тамъ ревностно добивались естественнаго пути. Потомъ старались обучать дѣтей такъ, чтобы они достигали вполнѣ ясныхъ и опредѣленныхъ понятій. По установленному правилу ученіе начиналось рано; требовалось однако, чтобы оно строго сообразовалось съ наличными способностями учениковъ. Наконецъ говорили вмѣстѣ съ Рамусомъ: Меньше правилъ, но больше упражненій!—Знатнѣйшими книгами въ Поръ-Ройялѣ были общая грамматика и логика. Въ послѣдней весьма ясно проглядываетъ Декартъ съ его „Cogito, ergo sum" *). Впрочемъ въ метафизическихъ вопросахъ отступали отъ этого философа.—Послѣ распаденія школъ знатнѣйшій изъ педагоговъ, Лансело, сдѣлался воспитателемъ молодого герцога Шеврезскаго, будущаго (1669) принца Конти. Такъ какъ онъ воспротивился требованью посѣщать съ своими воспитанниками комедіи, то сношеніе его съ княжескимъ семействомъ прекратилось въ 1672-мъ г. Онъ умеръ 80-ти лѣтъ отъ роду въ изгнаніи въ Кемперле, что въ Бретани, 15-го апрѣля 1695-го г. Современники извѣщаютъ: „Онъ скончался какъ святой, по смерти его отвсюду приходили цѣловать его ноги. Скоро вынуждены были закрыть гробъ, оттого что вырѣзали куски отъ его платья. Послѣднія слова его были изъ 118 псалма: „Воззри на бѣдствіе мое, и избавь меня; ибо я не забываю закона Твоего".—Однимъ изъ даровитѣйшихъ сотрудниковъ Лансело былъ

Валонъ де Бопюи,

родившійся въ Бовэ въ 1621-мъ г. Пройдя въ іезуитской коллегіи въ Парижѣ курсъ реторики, онъ въ 1644-мъ г. по-

*) Мыслю, слѣдовательно существую.

ступилъ въ Поръ-Ройяль. По уничтоженіи школъ онъ сдѣлался воспитателемъ племянниковъ Паскаля, къ 1666-мъ г. священникомъ, а въ 1676-мъ г. начальникомъ семинаріи. Онъ также подвергся гоненію и былъ отставленъ, прожилъ 29 лѣтъ, не занимая никакой должности, и умеръ въ 1709-мъ г. 87-ми лѣтъ отъ роду. Онъ велъ крайне умѣренную жизнь, вставалъ не позже 4 часовъ утра и никогда не разводилъ огня въ своей комнатѣ, ни даже въ самый жестокій морозъ. Онъ постоянно ходилъ, обнаживъ голову, и по возможности чаще открывалъ окно. Каждый годъ совершалъ онъ странствіе въ Поръ - Ройяль и притомъ всегда пѣшкомъ.—Изъ многихъ знаменитыхъ учениковъ аббатства чаще всего упоминается о Расинѣ; настоящій типъ Поръ-Ройялистовъ представляетъ собою Тиллемонъ. Родившись 30 - го ноября 1637-го г. въ Парижѣ, онъ девяти лѣтъ отъ роду поступилъ въ низшія школы Поръ - Ройяля. Всю жизнь свою посвятилъ онъ изученію наукъ и не принималъ никакой должности. Знаменательно его сношеніе съ Рансе и траппистами. Онъ умеръ въ 1698-мъ г.—Вспомнивъ, въ какомъ состояніи находилась система воспитанія и преподаванія въ 17-мъ столѣтіи, нельзя не подивиться стремленіямъ въ Поръ-Ройялѣ. Величавые и доблестные мужи его предугадывали уже многое, чему впослѣдствіи суждено было осуществиться въ дѣйствительности какъ общепринятому порядку. Къ сожалѣнію прекрасно насажденное и взлелѣянное ими растеніе погублено было въ лучшую пору весенняго расцвѣта тою мрачною властью, которая и нынѣ еще вызываетъ сопротивленіе со стороны всѣхъ благородныхъ людей.

Традиціи Поръ-Ройяля ожили вновь въ знатнѣйшемъ изъ французскихъ педагоговъ,

Ролленѣ,

авторѣ творенія Traité de la manière d'enseigner et d'étudier les belles lettres, — появившагося въ 1726-мъ г., переведеннаго уже въ 1727-мъ на англійское, а въ 1737-мъ на нѣмецкое подъ заглавіемъ „Наставленіе, какъ преподавать и изучать свободныя искусства“. Проживъ съ 1661-го и до 1741-го г. онъ былъ, какъ выражается Вилльменъ, поистинѣ святой въ области преподаванія и лучше чѣмъ кто-либо во Франціи соединялъ въ себѣ отличную ученость съ чистотою нравовъ, высокое образованіе ума съ глубиною чувства. У него не было иной мысли, иныхъ побужденій, какъ воспитать юношество и этимъ путемъ улучшить общественные нравы. Наивное смѣшеніе древности и христіанства, республиканскія доблести величайшихъ мужей Плутарха, смиренномудрыя и кроткія добродѣтели евангелія, энтузіазмъ къ литературнымъ

красотамъ Священнаго писанія, Гомера и Боссюэта, заботливая, родительская нѣжность къ дѣтямъ, сильная упованіями любовь къ молодежи, всѣ эти чувства, совмѣщенныя въ здоровой, чистой душѣ при крайне простой жизни и достопочтенной бѣдности: таковы, по изложенію Вильмена, главныя черты въ жизни Роллена. Онъ былъ сынъ бѣднаго ножевщика, получилъ даровое мѣсто въ коллегіи Плесси, превосходно учился, особенно отличался въ классѣ реторики, сдѣлался профессоромъ и наконецъ начальникомъ коллегіи Бовэ. Какъ поклонникъ Арно, какъ другъ Кардинала Ноалья и защитникъ университета противъ іезуитовъ онъ также подвергся гоненіямъ, обрушившимся на янсенистовъ. Въ 1712 г. онъ вынужденъ былъ покинуть управленіе своею коллегіею, послѣ чего, посвятивъ себя Богу и своимъ занятіямъ, жилъ въ простомъ домишкѣ въ предмѣстьи Сенъ-Марсо и въ послѣдніе годы жизни написалъ свои критическія и историческія сочиненія, прежде всего свою „Статью о научныхъ занятіяхъ,“ этотъ памятникъ самаго яснаго педагогическаго воззрѣнія.—Ролленъ свѣтлымъ взоромъ вникъ въ важность юношескаго воспитанія и понялъ, что въ немъ заключается самый вѣрный источникъ не только домашняго, но также народнаго и государственнаго спокойствія и счастія. „Не очевидно ли,—спрашиваетъ онъ въ своемъ „Наставленіи, какъ преподавать и изучать свободныя искусства“,—что юношество какъ бы разсадникъ государства? что послѣднее возобновляется и продолжается молодымъ поколѣніемъ? что изъ него выходятъ всѣ отцы семействъ, всѣ государственные люди, всѣ лица, занимающія разныя должности и званія; и можно ли еще сомнѣваться, что все хорошее или недостаточное въ воспитаніи тѣхъ, кому предстоитъ нѣкогда занять эти должности, имѣетъ вліяніе на весь государственный строй и становится какъ бы душою и всеобщимъ характеромъ цѣлаго народа?“ „Къ чему служитъ пустой законъ тамъ, гдѣ нѣтъ нравственности? Законъ—это суровый и строгій властелинъ, ограничивающій въ человѣкѣ то, что ему милѣе всего, а именно свободу. Но воспитаніе—это кроткая и ласковая царица, противница всякаго насилія и страха. Оно хочетъ лишь убѣждать; старается пріохотить къ своимъ ученіямъ, выражаясь всегда разумно и правдиво, и стремится облегчить добродѣтель, дѣлая ее любвеобильнѣе. Оно начинается уже съ ранней молодости, когда душа еще такъ нѣжна и податлива, и когда поэтому можно вести и направлять ее по желанію, между тѣмъ какъ старость и долгая привычка бываютъ причиною, что недостатки становятся неисправимыми“.—Когда хотятъ удачи въ воспитаніи юношества,—говоритъ Ролленъ,—то необходимо опредѣлить, какую конечную цѣль поставить себѣ. Онъ сознаетъ, „что конечная цѣль учите-

лей не въ томъ только, чтобы преподать своимъ ученикамъ греческое и латынь, научить ихъ дѣлать упражненія, стихи и сочиненія, обременять ихъ память историческими событіями и хронологіей, заставлять ихъ облекать умозаключенія въ правильныя формы, чертить линіи и фигуры на бумагѣ". „Не отрицаю, продолжаетъ онъ, эти знанія полезны и достойны всякаго уваженія, но только какъ средства, а не какъ конечная цѣль: когда они ведутъ насъ далѣе, когда мы не ограничиваемся ими, когда они служатъ намъ подготовкой и орудіемъ къ лучшимъ вещамъ, безъ знанія которыхъ все остальное окажется безполезнымъ. Конечная цѣль учителей въ долгій срокъ научныхъ занятій состоитъ въ томъ, чтобы пріучить своихъ питомцевъ къ серьёзной работѣ, внушить имъ уваженіе и любовь къ наукамъ, возбудить въ нихъ алчность и жажду къ истинѣ и мудрости, такъ чтобы, покинувъ школу, они сами добивались знаній; указать къ нимъ путь; довести учениковъ до того, чтобы они какъ можно глубже чувствовали ихъ пользу и значеніе и такимъ образомъ сдѣлались способными къ разнаго рода занятіямъ, къ которымъ каждый изъ нихъ будетъ призванъ божескимъ провидѣніемъ. Конечная цѣль учителей сверхъ того еще въ томъ, чтобы исправить умъ и волю учениковъ, оградить отъ соблазновъ ихъ невинность, преподать имъ правила чести и правдивости, сообщить имъ добрыя привычки, кроткими путями исправить и преодолѣть замѣченныя въ нихъ злыя наклонности". „Воспитаніе, собственно говоря, есть искусство образовать душу и сдѣлать ее способною. Оно изъ всѣхъ наукъ самая трудная, самая рѣдкая и вмѣстѣ съ тѣмъ самая важная, которую никогда не изучишь вполнѣ. „Первою заботою воспитателя должно быть изслѣдованіе природныхъ свойствъ и нравовъ дѣтей, потому что сообразно съ этимъ ему слѣдуетъ распредѣлить свою дѣятельность. Иныя дѣти опустятся и облѣнятся, когда ихъ не понуждаютъ; другія терпѣть не могутъ, чтобы съ ними обращались повелительно и высокомѣрно; одного сдерживаетъ страхъ, а на другого онъ наводитъ уныніе и робость. Нѣкоторыя изъ нихъ только съ большимъ трудомъ могутъ добиться чего-нибудь; другія же учатся лишь скачками и т. д. Обращаться со всѣми одинакимъ образомъ въ преподаваніи, значило бы насиловать природу. Благоразуміе учителя въ этихъ случаяхъ состоитъ въ томъ, чтобы держаться средняго пути: черезъ-чуръ много свободы подаетъ поводъ къ дерзости; черезъ-чуръ много страха притупляетъ умъ; хвала возбуждаетъ и ободряетъ дѣтей, но поселяетъ въ нихъ также тщеславіе и гордость. Нѣкоторыя душевныя свойства сходны съ тѣлесными недостатками, которые можно исправить болѣе или менѣе, но не измѣнить вполнѣ. Надо надѣяться при этомъ, что можно отучить отъ

недостатковъ, зависящихъ частью отъ возраста, плохого воспитанія, невѣжества, соблазна и дурного примѣра; надо полагать однако, что трудно искоренить недостатки, пустившіе корни въ природномъ нравѣ и въ порчѣ души". „Наказанія и розги, съ цѣлью исправить недостатки, часто бываютъ болѣе опаснымъ зломъ, нежели то, которое хотятъ исцѣлить. Они не измѣняютъ нрава и не исправляютъ душевныхъ качествъ, но только подавляютъ ихъ на нѣкоторое время и ведутъ лишь къ тому, что страсти, добившись свободы, прорываются съ большею еще силою." Прежде всего слѣдуетъ разобрать, „какіе проступки заслуживаютъ наказанія и какіе должно прощать. Къ послѣднимъ причисляю я всѣ тѣ, которые совершаются по небрежности или по незнанію, и которые нельзя считать побужденіемъ злобы и дурной наклонности. Я не могу также допустить, чтобы розгами наказывали за ошибки, какія дѣлаются учениками при чтеніи, письмѣ, въ танцахъ, въ латинскихъ и греческихъ урокахъ. Единственный порокъ, заслуживающій суроваго обращенія, это — упорство въ злобѣ".— Какъ воспитаніе, такъ точно и ученіе должно начаться съ ранняго возраста, и тѣмъ еще болѣе, что въ началѣ все ученіе ограничивается почти одною только памятью; а у дѣтей, какъ извѣстно, недостатка въ ней нѣтъ. Къ тому же „этимъ путемъ заблаговременно развивается умъ дѣтей, ихъ пріучаютъ къ нѣкотораго рода правильности, дѣлаютъ понятливѣе и послушнѣе и препятствуютъ разсѣянности, часто столь же вредной для тѣлеснаго здоровья, какъ и для умственнаго развитія." При этомъ не слѣдуетъ однако напрягать умъ. Кромѣ того съ самаго начала надо сдѣлать разницу между обученіемъ мальчиковъ и дѣвочекъ. Дѣвочка также должна обучаться чтенію, письму и четыремъ дѣйствіямъ ариѳметики; но съ нею необходимо промедлить какъ чтеніемъ поэтовъ, такъ точно и изученіемъ музыки и танцевъ; рисованье, напротивъ того, весьма полезно для всѣхъ женскихъ занятій, а исторія украшаетъ умъ женщины и образуетъ сердце. Дѣвочку сверхъ того слѣдуетъ пріучать къ рукодѣльямъ, причемъ однако надо обратить вниманіе на то, чтобы она привыкла не къ суетнымъ, но къ полезнымъ занятіямъ. Настоящая наука женщинъ заключается во всемъ, что относится къ внутреннему управленію домомъ и касается расходовъ на платья, домашнюю утварь, на столъ, воспитаніе и пр. Умная мать съизмала посвящаетъ свою дочь въ эту науку домохозяйства и внушаетъ ей слѣдующія правила: 1) Необходимо расходы свои сообразовать съ своими доходами и своимъ званіемъ; 2) ничего не надо брать въ долгъ у торговцевъ; 3) привыкайте считать большою несправедливостью, если рабочихъ и слугъ заставляютъ ждать и не уплачиваютъ имъ тотчасъ же все, что слѣдуетъ; 4) надо

каждый мѣсяцъ требовать счеты и провѣрять, а къ концу года сводить ихъ; 5) въ расходной книгѣ поставьте на первомъ мѣстѣ статью для бѣдныхъ."—Для мальчиковъ всего важнѣе изученіе языковъ, оно служитъ какъ бы введеніемъ по всѣмъ наукамъ. Изъ новѣйшихъ языковъ обратите особое вниманіе на нѣмецкій: обученіе дѣтей надо, конечно, начать съ правилъ нѣмецкаго языка. Затѣмъ слѣдуетъ прежде всего латинскій языкъ, и мальчику необходимо не только понимать, но умѣть также писать и говорить полатыни. Изучать греческій языкъ необходимо ради его превосходства и красоты.—Въ преподаваніи этихъ языковъ Ролленъ отъ схоластицизма обратился къ природѣ. До сихъ поръ, говоритъ Вилльменъ, воспитаніе посредствомъ словесныхъ наукъ никѣмъ еще не производилось съ такимъ успѣхомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ съ такою привлекательностью, какъ имъ. Если его хорошо понять и удачно примѣнять, то оно необходимо разовьетъ въ ученикѣ открытый и ясный нравъ, твердое здравое сужденіе, богатое и оживляемое естественными впечатлѣніями прекраснаго воображеніе. Ролленъ разрушаетъ всѣ подмостки старой реторики, всякія затѣи ораторскихъ оборотовъ и уловокъ, а произвольныя правила онъ замѣняетъ пониманіемъ и живымъ увлеченіемъ великими образцами древней литературы. Сверхъ того онъ оказалъ великую услугу, доставивъ наконецъ историческимъ знаніямъ доступъ въ коллегіи университета. Благодаря ему исторія сдѣлалась постояннымъ предметомъ преподаванія, хотя все еще изучалась не наравнѣ съ другими отраслями классическихъ занятій, а только между прочимъ и какъ бы побочное дѣло; древніе языки по прежнему остались единственнымъ главнымъ предметомъ публичнаго преподаванія.—

Во многихъ воззрѣніяхъ своихъ Ролленъ опирался и ссылался на другого мужа, который подобно ему хотѣлъ съ самыхъ коренныхъ основъ исправить французскую систему воспитанія,—а именно на

Фенелона.

Фенелонъ родился 6-го августа 1651-го г. Кроткій нравомъ, простой и строгій, исполненный пламенной, всегда освѣщающей и согрѣвающей, но не истощающей любви, онъ сперва былъ священникомъ, потомъ членомъ французской академіи, а съ 1695-го г. архіепископомъ Камбрейскимъ, затѣмъ былъ обвиняемъ въ квіетизмѣ, но любимъ и знатными и простолюдинами какъ отецъ, уважаемъ какъ святой; онъ спокойно и преданно подчинился приговору папы въ спорѣ о благодати и самъ среди своихъ прихожанъ прочелъ съ каѳедры осуждавшую его положенія папскую грамату; Фенелонъ

умеръ 7-го января 1715-го г.—Онъ для герцогини Бовилльe написалъ свою книгу „О воспитанiи дочерей", этотъ плодъ десятилѣтней дѣятельности его во главѣ общества, состоявшаго изъ молодыхъ дамъ высшаго круга и поставившаго себѣ задачею католическое обученiе протестантскихъ дѣвочекъ. Это сочиненiе исполнено проницательныхъ наблюденiй надъ дѣтскою жизнью, вѣрныхъ предписанiй для образованiя ума и сердца и представляетъ одну изъ первыхъ попытокъ изложить въ связи задачи женскаго воспитанiя. Въ этой книгѣ онъ прежде всего порицаетъ, что вообще слишкомъ пренебрегаютъ воспитанiемъ дочерей. Правда, говоритъ онъ, женщины обладаютъ болѣе слабымъ умомъ, нежели мужчины; но вѣдь никакой надобности нѣтъ обременять ихъ вещами, сбивающими ихъ съ толку. „Онѣ созданы лишь для умѣренныхъ занятiй; природа надѣлила ихъ за то трудолюбiемъ, красотою и склонностью къ домохозяйству, чтобы онѣ могли спокойно заниматься у себя дома. Что же слѣдуетъ изъ естественной слабости женщинъ? Чѣмъ слабѣе онѣ, тѣмъ болѣе нуждаются въ подкрѣпленiи. Развѣ не онѣ то губятъ, то поддерживаютъ дома, уряжаютъ семейный бытъ и слѣдовательно въ концѣ концовъ рѣшаютъ все, что всего болѣе касается человѣческаго рода вообще?" Благодаря этому онѣ попреимуществу и участвуютъ какъ въ добрыхъ, такъ и въ дурныхъ нравахъ чуть ли не всѣхъ людей. Потому весьма важно приступить къ воспитанiю дочерей съ нѣжнаго дѣтства; въ этомъ возрастѣ, охраненiе и развитiе котораго предоставляется большею частью неспособнымъ и безпорядочнымъ женщинамъ, воспринимаются самыя глубокiя впечатлѣнiя, влiяющiя на всю остальную жизнь. Даже дѣтямъ, неумѣющимъ еще говорить, внушаются уже словами и жестами извѣстныя наклонности. Если поэтому дѣтская натура хоть мало-мальски склонна къ добру, то этимъ путемъ можно сдѣлать ее понятливою, терпѣливою, веселою и пр. Въ первые года особенно надо обращать вниманiе на все, что способствуетъ здоровью ребенка: на выборъ пищи, на опредѣленные сроки кормленiя и пр. Преподавать въ эти лѣта можно развѣ мимоходомъ: если дитя видитъ мельницу и желаетъ знать, что это такое, то разскажите ему у мельницы о приготовленiи пищи и т. п. Поступки ребенка также еще не уряжены: ихъ и не слѣдуетъ еще уряжать; однако—необходимо представлять ему хорошiе образцы,—отнюдь не слѣдуетъ терпѣть около него лицъ, примѣру которыхъ нельзя подражать съ пользою,—но такъ какъ невозможно удалить изъ его среды все ложное и дурное, то наставляйте его въ презрѣнности дурнаго и въ достоинствѣ добра. Мозгъ ребенка еще мягокъ, тепелъ и влаженъ: оттого въ немъ легко отпечатлѣвается все, что представляется ему; спѣ-

шите поэтому начертать въ умахъ дѣтей буквы пока еще можно;—тщательно выбирайте образы, которые хотите впечатлѣть въ нихъ, и вносите лишь то, что желательно было бы сохранить на всю жизнь. При всѣхъ этихъ операціяхъ остерегайтесь утомить ребенка безразсудною строгостью: пусть онъ играетъ, присовокупляйте къ его игрѣ наставленіе, такъ чтобы исподволь и съ отрадою ввести его въ храмъ мудрости. Пуще всего не забывайте никогда: Человѣкъ скоро перенимаетъ нравы и мысли того, кого любитъ. Надзиратели, родители и пр., большею частью ничего не прощаютъ дѣтямъ, себѣ же все позволяютъ— этимъ возбуждается злобный нравъ. „Воздерживайтесь, при вашемъ воспитаніи, исключая развѣ крайней необходимости, отъ всякихъ строгихъ и т. п. жестовъ, отъ которыхъ трепещатъ дѣти: этимъ вы заглушаете въ нихъ всякое чувство и довѣріе, безъ котораго воспитаніе ничего не добьется. Заставьте ихъ любить себя, обращаться съ вами непринужденно и такъ, чтобы они не боялись добровольно признаваться вамъ въ своихъ проступкахъ. Не будьте однако легкомысленны: не потакайте ихъ прихотямъ и не допускайте дерзости; но при этомъ менѣе наказывайте, а скорѣе угрожайте. Если же наказаніе неминуемо, то пусть оно будетъ по возможности легкое—сперва въ тайнѣ, потомъ при товарищахъ, при домашнихъ и т. д“. Тѣ же правила воспитанія соблюдаются и въ слѣдующіе затѣмъ года. Чѣмъ менѣе прибѣгаютъ къ извѣстнымъ методамъ преподаванія, тѣмъ лучше: въ веселыхъ бесѣдахъ можно сообщить болѣе полезныхъ знаній, нежели въ самой школѣ. Надо ученье сдѣлать пріятнымъ: слѣдуетъ скрыть его подъ видомъ свободы и охоты, и вмѣстѣ съ тѣмъ дозволить дѣтямъ ученье прерывать игрою. Насиліе и скука возбуждаютъ жажду къ наслажденіямъ: еслибъ дочь не скучала при матери, то она не избѣгала бы ея и не искала бы другого не подобающаго ей общества. Исторіи доставляютъ дѣтямъ особенное удовольствіе: воспользуйтесь этою наклонностью и разсказывайте имъ особенно библейскія исторіи, это устное наставленіе сопровождайте гравюрами и картинами; но не принуждайте ихъ слушать исторію, пускай они сами попросятъ васъ разсказать ее; не требуйте также, чтобы они повторяли ваши разсказы, ребенокъ самъ собой сообщитъ о слышанномъ тѣмъ, кого любитъ. Не прибѣгая къ принужденію, пользуйтесь возникающимъ разумомъ, чтобы передать ребенку первыя понятія о Богѣ: отъ видимаго міра ведите его далѣе и выше къ невидимому. Насколько вредны составившіяся въ молодости мнѣнія, если они вводятъ въ заблужденіе, настолько же полезны они, если пріучаютъ мысли къ истинѣ, пока не доведутъ до нея разума путемъ правилъ. Впрочемъ,

нѣтъ никакой надобности все это усвоивать дѣтямъ посредствомъ затверживанья наизустъ, подобно тому какъ ихъ учатъ катехизису: такой методъ извратилъ бы религію въ натянутыя фразы. Помогайте лишь уму ихъ и наводите ихъ на путь самимъ отыскивать эти истины въ ихъ собственной основѣ: онѣ окажутся для нихъ болѣе пріятными и тверже залягутъ въ памяти. Помните при этомъ, что опасно говорить объ истинахъ, не подтверждая ихъ въ собственной жизни. Во всѣхъ возрастахъ примѣръ оказываетъ удивительную силу и имѣетъ на насъ большое вліяніе: а въ дѣтствѣ онъ въ состояніи все сдѣлать.—Помимо этого воспитанія и обученія у дѣвочки надо еще печься о томъ, чтобы свойственные ея полу недостатки сдерживались въ предѣлахъ. Потому и слѣдуетъ порицать въ нихъ черезъ-чуръ нѣжную дружбу, мелочную ревность, излишнюю учтивость, лесть и пр: все это пріучаетъ ихъ считать тягостнымъ и непріятнымъ что бы ни было серьезное и важное. Надо также заставлять ихъ выражаться коротко и ясно: здравый умъ состоитъ въ томъ, чтобы избѣгать всякихъ лишнихъ толковъ и въ немногихъ словахъ высказать многое, тогда какъ бо́льшая часть женщинъ много говорятъ, но мало выражаютъ. Онѣ не обдумываютъ того, что хотятъ сказать; не соблюдаютъ также никакого порядка въ рѣчахъ. Онѣ робки и полны ложной стыдливости; оттого лицемѣрны и притворны. Покажите имъ поэтому на примѣрахъ, какъ безъ обмана можно быть учтивыми, осторожными и прибѣгать къ правдивымъ средствамъ для достиженія своей цѣли. Поучайте ихъ, что прямодушное обращеніе доставляетъ болѣе довѣрія и уваженія, а слѣдовательно въ концѣ концовъ и болѣе пользы, нежели кривой путь. Пуще всего старайтесь подавить въ нихъ суетность: дѣвочки родятся съ страшнымъ желаніемъ нравиться; внушите имъ поэтому, что вытекающею изъ хорошаго поведенія и истиннаго дарованія славою надо дорожить гораздо болѣе, нежели пріобрѣтаемою при помощи волосъ и нарядовъ. Скажите имъ, красота обманываетъ личность, которая ею обладаетъ болѣе, нежели тѣхъ, кто прельщаются ею; вѣдь не много лѣтъ составляетъ разницу между красивою и уже отцвѣтшею женщиной. — Напротивъ того, женщина должна обучаться тому, что составляетъ задачу ея жизни. Она обязана надзирать за воспитаніемъ своихъ дѣтей, сыновей до извѣстнаго возраста, а дочерей до ихъ замужества,—за поведеніемъ, нравственностью и службою домашнихъ,—за хозяйствомъ, расходами и пр. Вотъ въ чемъ состоитъ ея долгъ и вотъ въ чемъ слѣдуетъ ей пріобрѣсти свѣдѣнья. Она обязана изслѣдовать темпераментъ и натуру каждаго изъ своихъ дѣтей, чтобы знать, какъ обращаться съ ними; изучить

наклонности и умственныя способности дѣтей, чтобы предупредить возникающіе въ нихъ порывы, внушить имъ добрыя правила и исправить ихъ недостатки. Она должна изощрить свою способность наблюденія до того, чтобы вполнѣ знать свою прислугу. Домохозяйкѣ необходимо въ совершенствѣ знать религію и обладать зрѣлымъ, твердымъ, въ дѣлѣ домашняго управленія опытнымъ умомъ. Она обязана, наконецъ, понимать и вести все домохозяйство: чтобы изучить искусство домоводства и хорошо распорядиться хозяйствомъ, составляющимъ республику въ маломъ видѣ, требуется, право, болѣе ума, нежели играть, болтать о модахъ и расточать учтивости въ обществѣ; а потому и слѣдуетъ дочерей заблаговременно пріучать къ домашнему управленію, поручать имъ дѣла, о которыхъ онѣ обязаны были бы давать отчетъ. Научите вашу дочь читать и писать хорошо и безъ ошибокъ, также четыремъ правиламъ ариѳметики. Потомъ дайте ей историческія книги—греческую, римскую, французскую исторіи, благодаря чему изощрится ея умъ и душа вознесется къ высокимъ помысламъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ возбудится отвращеніе къ комедіямъ и романсамъ. Вообще настаиваютъ, чтобы знатная дѣвица училась поиспански и поитальянски: но эти два языка ей почти ни къ чему не пригодятся, развѣ къ тому, чтобы читать опасныя книги; изученіе ихъ приноситъ больше вреда, чѣмъ пользы; латинскій языкъ былъ бы все-таки полезнѣе, такъ какъ это языкъ церкви. Я дозволилъ бы читать ей произведенія поэзіи и краснорѣчія, если-бъ видѣлъ что дѣвочка питаетъ къ нимъ охоту и умъ ея достаточно крѣпокъ, для того чтобы держаться въ предѣлахъ правильнаго употребленія этихъ вещей. Преподайте ей музыку, если у нея окажется талантъ, лишь бы при этомъ не выйти изъ предѣловъ благочестія. Полезно также изучать живопись: при помощи ея женскія работы, вышиванья и т. п. могутъ и будутъ болѣе чѣмъ до сихъ поръ отвѣчать законамъ красоты. Чему бы впрочемъ ни обучалась ваша дочь: но при воспитаніи ея обратите вниманіе на званіе, на мѣсто, гдѣ ей придется жить, и на рукодѣлья, какія ей предстоятъ. Берегитесь, чтобы она не задавалась надеждами, выходящими изъ предѣловъ ея званія. Если ей придется жить въ деревнѣ, то пріучайте нравъ ея къ работамъ, какія ей тамъ предстоятъ; пусть она не испытываетъ скуки по городскомъ бытѣ; покажите ей выгоды дѣятельной жизни. Если она изъ простого средняго сословія, то не позволяйте ей входить въ сношенія съ придворными: въ этихъ сношеніяхъ она переняла бы лишь смѣшныя и непонятныя ей манеры; пріучайте ее къ вещамъ, съ какими придется ей имѣть дѣло всю жизнь; обучите ее средней руки домоводству, всему что относится къ воспитанію дѣтей и пр.

Герцогиня Бовиллье воспитала своихъ дѣтей по изложеннымъ въ книгѣ Фенелона правиламъ, а когда мужъ ея, человѣкъ образцоваго благочестія и непоколебимаго сознанія своего долга, назначенъ былъ гувернеромъ трехъ сыновей дофина, герцоговъ Бургонскаго, Анжуйскаго и Беррійскаго, то онъ, къ отрадѣ всей Франціи, потребовалъ Фенелона въ наставники къ принцамъ. Просьба его была исполнена не смотря на подозрѣніе, будто Фенелонъ тайный янсенистъ, что впрочемъ было опровергнуто Боссюэтомъ. Фенелонъ тотчасъ же принялся за свою блестящую и трудную задачу со всѣмъ богатствомъ своего ума и со всею энергіею своей глубокой души, притомъ съ рвеніемъ и добросовѣстностью, имѣвшими послѣдствіемъ самые отрадные результаты и сдѣлавшими его для всѣхъ временъ однимъ изъ превосходнѣйшихъ воспитателей принцевъ. Старшему изъ нихъ, герцогу Бургонскому минуло 8 лѣтъ, когда Фенелонъ въ 1689-мъ г. сдѣлался его руководителемъ; мальчикъ былъ гордъ, надмененъ, вспыльчивъ и непослушенъ, воспріимчивъ къ добру, но въ то же время онъ легкомысленно попиралъ ногами все благородное. Фенелонъ понялъ, что ему прежде всего необходимо овладѣть сердцемъ своего воспитанника, а потомъ уже приняться за развитіе его ума. Съ необыкновеннымъ терпѣніемъ обуздалъ онъ его чрезвычайную подвижность: онъ заставилъ его почувствовать, какъ низки и пагубны страстные порывы и сломилъ эгоистическое упорство его, указавъ на Господа всѣхъ господъ, передъ которымъ человѣческое величіе обращается въ ничто. Онъ сумѣлъ притомъ—говоритъ Кеммель—примѣнить множество отличныхъ поученій въ самыхъ разнообразныхъ видахъ: легкіе разсказы, простыя аллегоріи, веселые разговоры: для этой цѣли онъ пользовался миѳологіей и исторіей, произведеніями поэтовъ, ораторовъ и философовъ, и разсмотрѣвъ длинный рядъ разсказовъ, басень и исторій, написанныхъ Фенелономъ для своего воспитанника, мы тотчасъ же увидимъ, съ какою заботливостью, съ какимъ рвеніемъ онъ исполнялъ свое дѣло, съ какою свободою и ясностью онъ сумѣлъ приспособить всякій отдѣльный предметъ къ извѣстной задачѣ. Все передаваемое имъ онъ заставлялъ потомъ принца то переводить, то повторять изустно и подражать тому же въ разныхъ видахъ. Шагъ за шагомъ и въ соразмѣрной послѣдовательности, въ бесѣдахъ, играхъ, за обѣдомъ и на прогулкѣ, вводилъ онъ его въ область знанія и такимъ путемъ довелъ до послѣдовательнаго мышленія и до настойчивости въ разработкѣ воспринятаго.—Тѣмъ же путемъ Фенелонъ шелъ съ своимъ воспитанникомъ при изученіи языковъ. Преподавая латынь, онъ изъ самыхъ простыхъ частей составлялъ предложенія, а разбирая предложенія, выводилъ правила, и отсюда уже переходилъ къ на-

блюденію надъ особенностями латинскаго и французскаго языковъ. Въ классикахъ древности, изъ которыхъ онъ впрочемъ нѣмногихъ считалъ дѣйствительно образцовыми и высоко ставилъ особенно Гомера, превосходившаго по немъ Виргилія, потомъ Софокла, а изъ латинскихъ писателей Цицерона и историковъ, онъ дорожилъ болѣе всего формальною красотою и высшимъ преимуществомъ ихъ считалъ свѣжесть, естественность и простоту. На основаніи этихъ воззрѣній онъ и воспитанника своего знакомилъ съ классическою древностью. Изъ римскихъ историковъ принцъ изучалъ мало по малу Цезаря, Ливія и Тацита, и—вѣрно замѣчаетъ Кеммель—какъ для ученика, такъ и для учителя знаменательно, что перваго болѣе всего увлекалъ Тацитъ, сочиненія котораго онъ впослѣдствіи и перевелъ вполнѣ.— Потомъ принцъ ознакомился также съ географіею и исторіею, причемъ обращалось особенное вниманіе на страну, правителемъ которой ему предстояло нѣкогда быть. Впослѣдствіи историческое преподаваніе состояло въ разумно руководимомъ чтеніи; для знакомства съ церковнымъ развитіемъ читались историческія книги Священнаго Писанія, избранныя письма Кипріана, Амвросія, Августина и Іеронима, отрывки изъ Пруденція и Павлина, также Исторія церковныхъ перемѣнъ Боссюэта,—а для исторіи государствъ творенія французскихъ, нидерландскихъ и нѣмецкихъ историковъ. Съ этимъ чтеніемъ связаны были письменныя сочиненія, извлеченія, хронологическія таблицы и пр. Для введенія въ реальныя знанія читались также книги Катона о земледѣліи, Колумелла, труды и дни Гезіода, Экономика Ксенофонта.—Преподаваніе завершилось наконецъ философскими размышленіями, которыя впрочемъ состояли большею частью въ историческихъ развитіяхъ и „должны были довести принца до сознанія, что великія заблужденія древнихъ философовъ вытекали собственно не изъ разума, а изъ гордыни, стремившейся за поставленные Богомъ предѣлы, но напослѣдокъ они все-таки сходятся между собою въ великихъ истинахъ, хотя даже благороднѣйшіе изъ нихъ представили для нравственной жизни лишь слабыя опоры и побужденія". Отсюда уже глубже обсуждалось само христіанство и философія разсматривалась въ сущности какъ наука, которая вноситъ связь въ пріобрѣтенныя свѣдѣнья, пріучаетъ къ послѣдовательному мышленію и свободно обозрѣваетъ области знанія и жизни.—Такимъ образомъ способности мальчика развились весьма скоро. Онъ обладалъ умѣньемъ соображать быстро и однакожъ вѣрно, судить мѣтко и остроумно, фантазія у него была живая и плодовитая. Правда, прежняя чрезмѣрная живость на нѣкоторое время перешла въ крайнюю робость. Однако Фенелонъ сумѣлъ устранить и этотъ недостатокъ, благодаря привычкѣ къ сво-

бодному обращенію съ людьми; точно такъ же и прорывавшееся иногда у принца пылкое сочувствіе къ бѣдствіямъ людей преобразилъ онъ въ благородную гуманность. Такимъ образомъ Фенелонъ изъ прихотливаго, неподатливаго мальчика воспиталъ характеръ, который зорко и строго наблюдалъ за самимъ собой, спокойно выслушивалъ жесткія истины и въ религіи находилъ мотивы, какъ для отпора злу, такъ и для укрѣпленія въ добрѣ.

Когда Фенелонъ не могъ болѣе непосредственно вліять на своего королевскаго питомца, то въ немъ пробудилась потребность, по крайней мѣрѣ, посредственно способствовать дальнѣйшему образованію наслѣдника престола. Вотъ что было поводомъ къ сочиненію его Телемака, появившагося въ Голландіи въ 1694-го г., вопреки его волѣ, такъ какъ при дворѣ увидѣли въ немъ намекъ на тамошнія отношенія, въ распутномъ Идоменеѣ признали короля Людовика, въ Протезилаѣ министра Лувуа и пр., а въ изложеніе Фенелона невольно вошли, конечно, черты изъ того, что онъ видѣлъ и пережилъ. Это твореніе — какъ „зеркало государей" — встрѣчено было во Франціи съ чрезвычайнымъ энтузіазмомъ, оттого что, съ одной стороны, оно было какъ бы выраженіемъ злобы дня противъ господства Людовика, а съ другой—служило свидѣтельствомъ, что въ древности находятся не только образцы ораторскихъ и поэтическихъ изображеній, но также и политическіе идеалы. Оно выдержало поэтому много изданій, несмѣтное число переводовъ и подражаній, и дѣйствительно, какъ бы высоко или низко ни ставили его поэтическое значеніе, оно все-таки вполнѣ удовлетворяло предположенной цѣли,—показать будущему королю Франціи, какъ обширна и трудна предстоящая ему впереди задача и какимъ благоразуміемъ, какою энергіею необходимо запастись ему, чтобы преодолѣть всѣ опасности на его пути. „Для того онъ и представилъ ему королевство со всѣхъ сторонъ, какъ въ славномъ разцвѣтѣ, такъ и въ позорномъ растлѣніи, какъ въ твердомъ состояніи, такъ и въ опасномъ кризисѣ, въ блескѣ великихъ успѣховъ и въ злополучіи горькихъ разочарованій; онъ указалъ, что дѣйствительно спообсствуетъ преуспѣянію народной жизни, какъ въ иныхъ случаяхъ личные недостатки правителя въ состояніи помѣшать и разстроить, и наоборотъ, какъ часто мудрость и энергія его могутъ возбудить и оживить, урядить и споспѣшествовать, охранить и умиротворить; онъ наглядно представилъ, насколько въ такихъ случаяхъ слѣдуетъ предоставить иное свободной дѣятельности народа, какой вредъ наноситъ неумѣлое вмѣшательство въ здоровое движеніе его жизни, какъ притомъ распущенность, упуская изъ виду удобный моментъ, бываетъ виною невознаградимыхъ потерь, и что мудрыми зако-

нами неминуемо создается и поддерживается великое дѣло. Передъ взорами читателя съ большимъ искусствомъ въ живыхъ образахъ проводятся тутъ разныя области человѣческой дѣятельности, вплетены знаменательныя поученія касательно земледѣлія, промышленности, торговли, художественной дѣятельности, общественнаго воспитанія и международныхъ сношеній. Вмѣстѣ съ тѣмъ ясно представлено, какъ легко даже мудрѣйшій изъ царей вовлекается въ ошибки, а справедливѣйшій — въ беззаконіе и жестокости, какъ тиранъ создаетъ тюрьму, и что недовѣріе съ его стороны порождаетъ вокругъ него такое же недовѣріе, что царю труднѣе искупить всякую неправду свою, нежели другимъ людямъ, что послѣ сдѣланныхъ имъ разъ промаховъ онъ иногда не въ состояніи слѣдовать даже лучшему внушенію и подъ ярмомъ недостойныхъ временщиковъ, часто тщетно добивается свободы, что именно неограниченные державцы наименѣе могучи и величіе осѣняющаго ихъ блеска далеко не отвѣчаетъ величію ихъ отвѣтственности. Сверхъ того тутъ же есть множество общежитейскихъ правилъ: о благоразуміи и выдержкѣ въ опасностяхъ, о скрытности, о лжемудрованіи страстей, о дозволенныхъ удовольствіяхъ, о подчиненіи всякой наклонности законамъ долга и пр.

Вольтеръ справедливо сказалъ про Фенелона: прекрасное одушевляло его остроуміе, благое—его сердце. То былъ образованный изученіемъ классиковъ умъ, несомый благочестивымъ чувствомъ и стремившійся къ религіозно-нравственному воспитанію юношества. Какъ всѣ болѣе глубокіе католическіе умы той эпохи, и онъ такъ же былъ приверженцемъ янсенизма. Обратившееся противъ іезуитизма всеобщее настроеніе могло немногое лишь измѣнить въ общественныхъ школахъ. Благодаря Декарту и первоначальнымъ школамъ Поръ-Ройяля успѣхъ педагогики въ сущности ограничился только пріобрѣтеніемъ отличныхъ формальныхъ методовъ. А впослѣдствіи развитіе учебной системы во Франціи тормозилось возведенною со временъ Людовика XIV въ государственный принципъ регламентаціею, поглощеніемъ малѣйшей самостоятельности высшими правительственными органами, такъ что таланты все болѣе и болѣе удалялись отъ учительскаго званія и школы понемногу впадали въ самые поверхностные механическіе пріемы. Такимъ образомъ положенъ починъ административной централизаціи учебной системы изъ Парижа, но она могла оказать одно лишь внѣшнее вліяніе, такъ что возстановилась связь между коллегіями, начертанъ былъ общій планъ преподаванія и ввелись новые учебные предметы. Школы же были слабы и безжизненны.

Весь католическій задушевный міръ возсталъ противъ наружной разсудительности іезуитизма. Безъ

всякой видимой взаимной связи, въ разрозненныхъ между собою странахъ обнаружились сродныя проявленія; между тѣмъ какъ въ Германіи выступили мистицизмъ и піэтизмъ, а въ Англіи методисты и квакеры, въ то же время въ католическомъ мірѣ явилось подобное мистически-духовное направленіе, называвшееся въ Нидерландахъ и во Франціи янсенизмомъ, а въ Италіи и Испаніи квіэтизмомъ.

Квіэтизмъ, основателемъ котораго былъ Михаилъ Молиносъ (1640—97), мистическій, обратившійся къ внутреннему созерцанію, ненавидѣвшій наружныя отправленія благочестія, осужденный инквизиціею испанскій священникъ, имѣетъ цѣлью сохранить душѣ постоянный, внутренній покой и затѣмъ отвлечь ее отъ наклонности къ тому или другому благу, съ тѣмъ, чтобы она питала одну только наклонность къ высшему изъ всѣхъ благъ—добру. Тогда душа проситъ у Бога лишь того, что Онъ хочетъ дать ей, и сама даетъ Ему только то, чего Онъ требуетъ отъ нея. Къ этому внутреннему покою ведутъ четыре пути: молитва, покорность, часто повторяемое причастіе и внутреннее умерщвленіе. Благочестивая жизнь восходитъ отъ мышленія къ созерцанію; мышленіе сѣетъ, созерцаніе пожинаетъ; мышленіе пережевываетъ пищу, созерцаніе претворяетъ ее.

Квіэтизмъ пріобрѣлъ восторженныхъ приверженцевъ прежде всего въ средѣ знати, а потомъ и во всѣхъ сословіяхъ католическихъ странъ. Правда, іезуиты и инквизиція сокрушили его; но этимъ они въ то же время содѣйствовали собственному паденію.—

Въ католической Германіи мистика обнаружилась сперва въ натурфилософіи *Теофраста* изъ Гогенгейма (*Парацельса*), который углубился въ сущность Бога и стремился къ общенію со Христомъ, имѣя, какъ истинный ученый, цѣлью познать всѣ вещи въ ихъ источникѣ и въ ихъ творческихъ идеяхъ. „Богъ первопричина всѣхъ вещей, свѣтъ всѣмъ умамъ; они истекаютъ изъ Его вѣчной жизни и освѣщаются и преображаются въ Немъ. Все живетъ, смерть не что иное какъ переходъ и возникновеніе новой природы: всякая кончина есть возрожденіе“. Человѣкъ какъ микрокозмъ—слѣпокъ макрокозма. Всѣ вещи различны между собой, но состоятъ во взаимной всеобщей гармоніи и должны быть постигаемы въ ихъ отношеніи другъ къ другу и взаимнодѣйствіи. Истинный магъ объясняетъ знаменія какъ небеснаго, такъ и земного.—Въ чисто-религіозной области эта мистика проявилась въ *Ангелусъ Силезіусъ* (т. е. силезкомъ ангелѣ, Іоаннѣ Шеффлерѣ изъ Бреславля, 1624 — 1677). Онъ хочетъ очи души направить къ божественному созерцанію, чтобы еще во плоти пламенѣть небесною любовью, устремить на Бога пристальные взоры и такимъ образомъ на этомъ свѣтѣ уже начать по возможности вѣчную жизнь. Если духъ

сталъ одно съ Богомъ и сдѣлался во Христѣ вполнѣ чадомъ и сыномъ Божіимъ, то онъ будетъ великъ, богатъ и могучъ какъ Богъ, и безъ такого человѣка Богъ ничего не сдѣлаетъ и ничего не сохраняетъ втайнѣ отъ него.

Когда надъ временемъ и надъ пространствомъ ты духомъ воспаришь,
То въ каждый мигъ быть въ вѣчности способенъ.
Вѣдь время та же вѣчность, вѣчность то же время,
Лишь самъ бы ты не ставилъ розни между ними.
Я самъ та вѣчность, если время забываю,
Когда себя я созерцаю въ Богѣ, а Его въ себѣ.
Я знаю, безъ меня Онъ ни единый мигъ прожить не можетъ;
Когда меня не станетъ, Онъ также долженъ умереть.
Что Богъ блаженъ, что Онъ живетъ безъ вожделѣній,
Все возъимѣлъ Онъ отъ меня, какъ самъ я отъ Него имѣю.
Вѣдь я великъ, какъ Богъ, Онъ такъ же малъ, какъ я,
Не выше Онъ меня, не ниже я Его.
Чтобъ Онъ мнѣ вѣчное блаженство даровалъ,
Я самъ Маріей долженъ быть и Бога породить.
Поистинѣ Христосъ одинъ лишь сынъ Его,
Но всякій человѣкъ такимъ же долженъ быть Христомъ.
Хотя-бы Іисусъ стократъ родился въ Виѳлеемѣ,
А не въ тебѣ самомъ, ты все-таки погибъ.
И на Голгоѳѣ крестъ спасти отъ зла тебя не можетъ,
Когда въ самомъ тебѣ не будетъ водруженъ.
Умри, пока не умеръ ты, чтобы не умереть тебѣ,
Когда настанетъ смерть,—не то погибъ ты навсегда.
Не вѣрю въ смерть: когда бы ни пришлось мнѣ умереть,
Всегда я къ лучшей жизни перейду.
Я въ Богѣ жилъ и умеръ; чтобъ вѣчно жить мнѣ въ Немъ,
Я долженъ всей душой Ему навѣкъ отдаться.
Живу и мру не я, Богъ умираетъ самъ во мнѣ,
И если я живу, то живъ и Онъ со мною.
Когда умрешь и Богъ твоею жизнью былъ,
Тогда и самъ поступишь въ высшій сонмъ боговъ.
Итакъ, когда одна лишь смерть меня освобождаетъ,
То смерть вѣдь лучшее изъ благъ земныхъ.

Такова была во всемъ католическомъ мірѣ оппозиція задушевности противъ внѣшностной вѣры іезуитизма. Хотя она не успѣла сломить отвлеченную объективность католицизма, но послѣдній все-таки не могъ безусловно уклониться отъ требуемаго отъ него права на задушевность. Ни даже въ воспитаніи. Хотя и порознь,—но во многихъ мѣстахъ все-таки появились уже школы, которыя дрессировкѣ и одноформенности, мнимому блеску, лишенному осмотрительности и основательности, не возбуждавшему стремленій къ изслѣдованью и истинѣ въ іезутизмѣ, противоставили направленіе къ истинному духовному развитію.—Въ этомъ строгомъ духѣ *конгрегація отцовъ ораторіи*, учрежденная въ 1613-мъ г. кардиналомъ Берюлемъ по примѣру въ 16-мъ вѣкѣ уже основанной Филиппомъ Нери, такъ называемой ораторіи, пыталась достичь благочестиваго и трезваго воспитанія клира и міранъ. „Какую цѣль должны мы поставить себѣ при

воспитаніи? Развѣ ту, чтобы набить голову латынью, греческимъ, еврейскимъ языками, исторіею, геометрическими линіями и фигурами? Нашъ духъ созданъ не для учености, а напротивъ—ученость для нашего духа, т. е. надо пользоваться ею, чтобы образовать и усовершенствовать послѣдній. Но совершенство его состоитъ въ двухъ вещахъ: вопервыхъ въ томъ, чтобы онъ избѣгъ заблужденія и зла; а потомъ, чтобы сужденіе его было вѣрно и чтобы наклонности его были упорядочены, уряжены". — Конгрегація во многихъ отношеніяхъ благотворно вліяла на воспитаніе. Много отличныхъ умовъ во Франціи, между прочимъ Малебраншъ, черпали изъ этого источника свое образованіе.

с. Спиритуалистическая и религіозная оппозиція противъ правовѣрнаго воспитанія въ протестантизмѣ.

Спиритуалистическая оппозиція религіи противъ матеріализма ортодоксіи въ Германіи и Англіи.

21.

1. Мистико-піэтическая оппозиція въ Германіи: I. Бемъ, Спенеръ и Цинцендорфъ.

Противъ матеріализма и разсудочнаго формализма ортодоксіи прежде всего выступила задушевность *мистики*. Задача протестантской мистики была опять-таки задачею реформаторовъ, а именно: искренность, душу и чувство въ религіи противоставить разсудку, водворить небеснаго Христа въ человѣческомъ сердцѣ и внѣмірнаго Бога въ человѣческомъ *Я*. Протестантскіе мистики принялись серьезно за внутренній міръ и осуществляли въ себѣ весь тотъ свѣтъ, но это совершалось ими еще смутно, въ борьбѣ съ духомъ и природою, какъ бы сознательно-инстинктивно.

Яковъ Бемъ.

(1575—1624) представитель этой мистики,—его душа находится въ средоточіи вѣчнаго союза,—онъ духовная заря разсвѣтающаго дня. Вѣчноединый совмѣщаетъ въ себѣ всѣ различія. Вселенная—тѣло Его. „Когда человѣкъ созерцаетъ бездны надъ землею, то не видитъ ничего кромѣ звѣздъ

и влажныхъ облаковъ; и онъ думаетъ, не въ иномъ ли какомъ нибудь мѣстѣ проявляется божество съ своимъ урядомъ; онъ все воображаетъ, будто вселенная не что иное какъ жилище Бога, и Божія сущность не состоитъ въ силѣ естества. Иной скажетъ, пожалуй, какой же это Богъ, чьи тѣло, существо и мощь заключаются въ огнѣ, воздухѣ, водѣ и землѣ? Вотъ, смотри же, безтолковый ты человѣкъ, я укажу тебѣ на настоящую основу божества. Если все это существо не самъ Богъ, то и ты не причастенъ Ему. Вѣдь ты созданъ изъ этого Бога и живешь въ Немъ, и Онъ постоянно даетъ тебѣ силу, благословеніе, пищу и питье; въ этомъ Богѣ заключается все твое знаніе; скончавшись, ты будешь въ немъ похороненъ. Если помимо этого существуетъ иной чуждый Богъ, то кто же тебя оживитъ опять? Если ты иная матерія, чѣмъ самъ Богъ, какъ же можешь ты быть чадомъ Его? Видишь ли, вотъ истинный, единый Богъ, изъ котораго ты созданъ и въ которомъ ты живешь; созерцая бездны, и землю, и звѣзды, ты созерцаешь твоего Бога, ты живешь и существуешь въ Немъ. Онъ управляетъ также тобою, изъ Него истекаютъ твои чувства и ты тварь изъ Него и въ Немъ, а иначе ты былъ бы ничто."
„Человѣкъ—образъ, жизнь и существо непостижимаго Бога. Въ его тѣлѣ сосредоточена вся природа. Душа—это изреченное слово, какъ сила и разсудокъ всѣхъ существъ, какъ откровеніе божескаго ума. Человѣкъ состоитъ во внѣшнемъ мірѣ и носитъ въ себѣ и небо и адъ. Подобно какъ духъ вѣчности создалъ всѣ вещи, такъ и человѣческій духъ создаетъ все въ своемъ словѣ, ибо все возникаетъ изъ одного средоточія. Насколько читаю самого себя, настолько читаю книгу Божію. Мы познаемъ природу, потому что состоимъ въ ней и вмѣщаемъ ее въ себѣ. Мы познаемъ Бога, потому что Онъ живетъ въ насъ, и мы живемъ въ Немъ. Богъ самъ и зрѣніе, и знаніе наше: изъ Божія зрѣнія стало мое собственное зрѣнье."—

Такъ этотъ башмачникъ въ Гёрлицѣ, торжествуя, богоувѣреннымъ духомъ проникъ въ природу и тайны міра и—подобно разлившемуся пожару—сокрушилъ мертвыя формулы ортодоксіи,—подвигъ, за который главный священникъ въ Гёрлицѣ обвинилъ его въ ереси и проклялъ съ каѳедры, откуда обязанъ былъ проповѣдывать евангеліе любви.— Однако Я. Бёмъ, исходя изъ своихъ глубокомысленныхъ созерцаній, проникъ также въ бездны воспитанія своей эпохи. „Вѣдь этотъ маленькій мальчикъ, играющій съ дѣтьми, преисполненъ теперь яда и злобы дьявольской, и въ немъ гнѣздятся всѣ злые пороки. Онъ насмѣшникъ и богохульникъ, онъ клянется, и божится, и лжетъ, вполнѣ готовый служить дьяволу во всѣхъ мерзостяхъ. Распутство—это латынь въ его устахъ. Онъ усвоилъ себѣ всѣ

гнусныя прибаутки древнихъ. Всякая кража для него искусство, обманъ — для него слава. Юность опрометчиво издѣвается надъ людьми. По ея мнѣнію, кто боится Бога, тотъ просто осовѣлъ и глупъ. Глядя на это, старшіе радуются, лестно душѣ ихъ, что дѣтище достигло уже такого искусства въ роскоши. Чего не рѣшатся совершать сами, тому учатъ дѣтей своихъ. Всему этому научаетъ ихъ дьяволъ и помыкаетъ ихъ сердцами, какъ властитель надъ тѣломъ и душой. Молодежь, какъ мужескаго, такъ и женскаго пола, ничего еще не вѣдая, поучается прежде всего дьявольскому ремеслу. Родители усердно помогаютъ въ томъ, считая это свѣтской наукой, воспитаніемъ и искусствомъ. Подростая они предаются уже другому занятію, похоти животнаго распутства, и подстрекаютъ къ тому другъ друга". „Отецъ отправляетъ сына въ университетъ съ тѣмъ, чтобы онъ научился добру, чтобы былъ полезенъ Богу и свѣту, а сынъ научается тамъ высокомѣрію, роскоши, коварству, лишь бы у простачка хитро оттягать его достояніе, добытое пòтомъ. Все это облекается въ мантію и называется: правовѣдѣньемъ. Вѣдь это мантія дьявола, а коварное сердце слуга его. Если онъ маракуетъ немного на иностранныхъ языкахъ, то простолюдинъ для него ни почемъ. Во всемъ проглядываетъ спѣсь. Растлѣвать кокетокъ и дѣвицъ—это у нихъ тонкая вѣжливость. Люди эти притворяются смиренниками, пока въ сердце и совѣсть иной матери не внесутъ грызущаго червя. И вотъ ихъ-то и назначаютъ въ церкви и школы. Они должны пасти стадо Христово, а сами ютятъ дьявола въ своемъ сердцѣ". „Что проку, если дѣти твои поважничаютъ на этомъ свѣтѣ, а ты тѣшишься тѣмъ, что они презираютъ бѣдняковъ, и въ концѣ концевъ навѣки лишаешься ихъ? Ты воображаешь, что любишь ихъ и творишь имъ добро. Но дьяволъ пользуется этимъ и выходитъ, что ты убійца твоихъ дѣтей, величайшій врагъ ихъ".

Подобно мистицизму и *піэтизмъ* такъ же пытался освободить личность отъ окоченѣлыхъ правовѣрныхъ оковъ и вовлечь религію въ искренность чувства. Великимъ основателемъ и представителемъ его былъ

Филиппъ Яковъ Спенеръ.

Онъ родился въ 1635-мъ г. въ Раппольтсвейлерѣ что въ Эльзасѣ, учился съ 1651-го г. въ Страсбургѣ, пользовался въ 1659-мъ въ Базелѣ уроками Буксторфа въ раввинскомъ языкѣ, побывалъ потомъ во Фрейбургѣ, въ Тюбингенѣ, Женевѣ, Ліонѣ и пр., возвратившись въ Страсбургъ, занялся помимо своихъ спеціальныхъ наукъ изученіемъ нѣмецкой исторіи, географіи, генеалогіи, геральдики и пр., сдѣлался въ 1663-мъ

г. вольнымъ проповѣдникомъ, а въ 1664-мъ докторомъ богословія, съ 1666-го въ качествѣ старшины во Франкфуртѣ на М. онъ содѣйствовалъ успѣхамъ истиннаго христіанства своими сочиненіями, такъ точно и своими поучительными, побуждавшими къ практическому христіанству, проповѣдями въ открытыхъ 1670-го г. собраніяхъ піэтистовъ, потомъ съ 1686-го до 1691-го г. въ качествѣ придворнаго пастора пользовался въ Дрезденѣ всеобщимъ уваженіемъ и скончался въ званіи пробста церкви С-таго Николая и ассесора консисторіи въ Берлинѣ 3-го февраля 1705-го г.—Это былъ ревностный поборникъ за освобожденіе церкви и школы отъ оковъ схоластики. Въ немъ, какъ вѣрно замѣчаетъ Лангъ, снова обнаружились существенныя основы протестантизма: вѣра въ личное усвоеніе божественнаго; водвореніе объективно божественнаго въ субъектъ, въ чувство и волю; вытекающая отсюда смѣлость въ уклоненіи отъ догматики; борьба противъ стѣсняющаго значенія символовъ; протестъ противъ присвоеннаго себѣ церковью и духовенствомъ права ставить свое пониманіе божественной истины обязательною нормою для единичнаго лица, признаніе права субъективности и автономіи общины; возобновленіе главнаго правила о всеобщемъ священствѣ. Въ своихъ „Благочестивыхъ желаніяхъ" онъ требуетъ прежде всего болѣе широкаго распространенія слова Божія, что помимо другихъ средствъ можетъ быть достигнуто главнѣйше особенными собраніями сверхъ обычнаго публичнаго богослуженія, въ которомъ должны выступать также и міряне. Вмѣстѣ съ этимъ связано было возстановленіе всеобщаго священства; всѣ христіане помазаны духомъ Божіимъ, и по настоящему всѣмъ имъ открыты духовныя должности. Онъ сѣтовалъ, что въ лютеранской церкви начальство и духовенство исключительно завладѣли всякою христіанскою дѣятельностью и желалъ взамѣнъ того пресвитеріанскаго управленія. Но прежде всего слѣдуетъ поддерживать основное правило, что христіанство проявляется не въ знаніи, а въ исполненіи, и что поэтому христіанъ надлежитъ ревностно побуждать къ подвигамъ безкорыстной любви, къ укрощенію своего гнѣва изъ-за понесенныхъ обидъ, къ воздержанію отъ всякой мести, къ благодушному настроенію, дѣлающему добро даже врагу, къ любви и терпимости даже въ теологической сферѣ. — Вотъ въ чемъ заключаются глубоко протестантскія основы которыя увѣнчалъ Спенеръ, заявивъ: „Богъ былъ бы бѣднымъ царемъ, не будь у него иныхъ подданныхъ, кромѣ двухъ-трехъ лютеранъ".

Помимо церкви, Спенеръ въ рѣчахъ и сочиненіяхъ своихъ обращалъ особенное вниманіе на учебную систему. Въ

своемъ кругу онъ ввелъ всеобщую конфирмацію. Онъ вновь оживилъ катехетическое преподаваніе: „вѣдь ни Климентъ Александрійскій, ни Оригинъ, которыхъ едва ли кто изъ современныхъ имъ отцовъ превосходилъ въ искусствѣ обученія, не считали же такое занятіе для себя слишкомъ мелочнымъ или позорнымъ". Во Франкфуртѣ на М.. онъ настоялъ на рѣшеніи, чтобы въ каждой послѣобѣденной проповѣди развивался тотъ именно предметъ, которымъ предстояло заняться въ слѣдующей затѣмъ катехизаціи. Въ то же время онъ во вступленіяхъ къ своимъ утреннимъ проповѣдямъ сталъ обсуждать предметъ обыденной катехизаціи (изъ чего и составились его „Катехетическія проповѣди"). На эти катехизаціи сначала приходили только ученики изъ школы; вскорѣ однако къ нимъ пристали также взрослые, отцы и матери; катехизаціи возбудили всеобщее сочувствіе; для дальнѣйшаго распространенія ихъ Спенеръ и издалъ свои катехетическія проповѣди подъ заглавіемъ, „Простое объясненіе христіанскаго ученія по порядку малаго катехизиса Лютера" и „Катехетическія таблицы". Катехизаціи тотчасъ же были введены въ Виндегеймѣ, Эсслингенѣ, Ульмѣ, Смалькальденѣ и Ротенбургѣ, ихъ настоятельно стали требовать въ Аугсбургѣ, Марбургѣ и Мейнингенѣ; Каловъ настойчиво совѣтовалъ ввести ихъ въ (курфюршествѣ) Саксоніи, а въ Саксонскомъ герцогствѣ онѣ были предписаны закономъ. Когда затѣмъ Спенеръ подвизался въ Дрезденѣ, то онъ не только возстановилъ тамъ катехизацію, но своею проповѣдью на сеймѣ побудилъ также, чтобы рѣшеніемъ послѣдняго катехизація введена была во всемъ курфюршествѣ. Онъ всею душою пекся о образованіи народа и не презиралъ школьныхъ занятій, такъ какъ они исполняются для назиданія души.—Но отъ церкви онъ переходитъ и въ самую школу. Онъ добивается болѣе простого, соотвѣтствующаго юношескому возрасту преподаванія, особенно религіи, и требуетъ, чтобы о спорныхъ вопросахъ здѣсь вовсе не упоминалось. Въ школахъ онъ хочетъ образовать добродѣтельныхъ людей, а не только ученыхъ. „Предки—говоритъ онъ—съ достохвальною заботливостью основали школы, съ тѣмъ чтобы молодое поколѣніе образовалось въ нихъ не только для человѣчности, но особенно для того, чтобы посвященныя Христу въ крещеніи души благочестивымъ воспитаніемъ доведены были до живого познанія Бога Отца, чтобы этимъ путемъ все болѣе и болѣе совершенствовался въ нихъ образъ Божій и изъ школъ выходили не только для науки, но и надѣленные всякою, къ истинному блаженству ведущею, добродѣтелью людей, изъ коихъ каждый въ предназначенномъ ему отъ Бога званіи могъ бы служить съ честью и

для общаго блага. Какъ бы желалъ я, чтобы во всѣхъ школахъ поддерживали эту цѣль или, чему пожалуй удивятся, по крайней мѣрѣ добивались ея! И въ самомъ дѣлѣ, вѣдь мы более всего и сѣтуемъ о томъ, что во многихъ мѣстахъ не имѣютъ даже въ виду этого славнаго побужденія и вовсе не домогаются его съ подобающимъ рвеніемъ". „Преодолѣть собственную волю и отречься самаго себя—вотъ въ какихъ важныхъ урокахъ слѣдуетъ упражнять молодежь. Но настоящимъ средствомъ для этого служитъ не насильственное воздержаніе ото всего, къ чему влечетъ ихъ не грѣховная сама по себѣ естественная наклонность. Гораздо лучше ограничить утѣхи юности лишь предѣлами, согласными съ бодростью ихъ духа и поддержкою тѣла, а иногда дружелюбно увѣщевать ихъ, чтобы они исподоволь сами по доброй волѣ удалялись даже отъ такихъ предѣловъ, и вотъ этимъ-то путемъ упражнялись въ добродѣтели и преодолѣвали собственную волю. Геніальныя личности, которыхъ Богъ иногда создаетъ въ своемъ царствѣ и на многое благое, обладаютъ жаромъ и пыломъ, а потому и находятся въ постоянной тревогѣ; необходимо сдерживать рѣзвость такихъ горячихъ умовъ, но такъ, чтобы огонь не потухъ, а былъ бы направленъ на пользу и не горѣлъ бы во вредъ". „Какъ не удивляться тому, что весь трудъ въ школахъ потребляется почти на одну латынь, такъ что мало остается для Эллады, а для Іудеи и того менѣе? Не говорю уже о другихъ недостаткахъ въ школахъ, свойственныхъ имъ заодно съ другими житейскими дѣлами, вслѣдствіе которыхъ усиливающіяся съ годами порочныя страсти все болѣе и болѣе переходятъ въ наглость и тому подобныя постыдныя свойства и все-таки не обуздываются ни подобающимъ рвеніемъ, ни кроткимъ благоразуміемъ. Такъ какъ всѣ люди отъ природы испорчены, то чѣмъ болѣе ихъ въ школахъ, тѣмъ успѣшнѣе или, вѣрнѣе, тѣмъ зловреднѣе ростетъ обыкновенно злоба, потому что распутство одного пополняетъ то, чего не достаетъ безстыдству другого, если наставники, одаренные отъ Бога великою мудростью, поистинѣ свыше человѣческой, не направятъ нѣжныя, и потому еще гибкія натуры отъ этой современной порчи къ истинной добродѣтели и къ благочестію. Но для этого необходимъ святой примѣръ учителя, а потому всякій разсудительный человѣкъ легко пойметъ, какой вредъ наносятъ общественному благу преподаватели въ школахъ, которые вовсе не знаютъ, что такое христіанинъ, да и сами тѣмъ еще менѣе христіане, и слѣдовательно вовсе не годятся для благотворнаго исполненія своей должности. Наконецъ, въ домашнемъ воспитаніи мальчики поощряются къ исполненію своего долга болѣе всего посредствомъ почестей, но заражаются при этомъ зловредными сѣменами честолюбія,

и мнѣ прискорбно, что то же самое продолжается и въ школахъ.—При такомъ положеніи дѣлъ юноши къ сожалѣнію выходятъ изъ школъ, усвоивъ себѣ нѣкоторыя во всякомъ случаѣ полезныя для нихъ свѣдѣнья, но вовсе не зная Бога, а напротивъ того, совершенно предавшись любви къ свѣту и стремленію нравиться ему, мудрые сами по себѣ, но тѣмъ еще менѣе способные для божественной мудрости. Къ чему же ведутъ всѣ усилія профессоровъ? Развѣ къ тому только, чтобы наполнить умы учениковъ, такъ сказать, теологической философіею или человѣческимъ искусствомъ въ святыхъ предметахъ, тогда какъ сердца ихъ лишены всякаго истиннаго небеснаго вліянія. Въ настоящее время изъ бóльшей части школъ юношество выноситъ болѣе языческихъ, нежели христіанскихъ началъ, и слишкомъ уже оправдались опасенія дальновиднаго Эразма, заявившаго гдѣ-то, что радость его, по поводу распространявшагося тогда занятія науками, умаляется вслѣдствіе боязни, чтобы со временемъ язычество не слишкомъ завладѣло умами".

Спенеръ былъ творческій умъ и творчески вліялъ на свою эпоху. Однако онъ не могъ еще вполнѣ освободиться отъ ортодоксіи, противъ которой самъ ратовалъ. Его характеризуетъ между прочимъ, что возмужавъ, онъ вспоминалъ еще объ ужасѣ и угрызеніяхъ совѣсти, терзавшихъ его, когда онъ разъ, двѣнадцати-лѣтнимъ отрокомъ, соблазнился танцами. Онъ твердо держался положенія, что благо и спасеніе человѣка связаны съ признаніемъ догматическихъ ученій. Отсюда слѣдовало, что личность должна безусловно подчиниться объективному содержанію вѣры, хотя бы разумъ даже возставалъ противъ этого; потому, если особь въ этой борьбѣ принимаетъ сторону разума, то возникаютъ лишь невѣріе и отсутствіе истинно религіозной жизни и, наконецъ, если въ жизни, какъ въ общественныхъ увеселеніяхъ, такъ и въ мірскихъ искусствахъ и наукахъ, не окажется никакого отношенія религіозной души къ Св. писанію и ученію церкви, то водворится лишь грѣхъ и суета. Вслѣдствіе этого религія становится чѣмъ-то вынужденнымъ, съ томительнымъ, мрачнымъ, боязливымъ оттѣнкомъ, чѣмъ-то исключительнымъ въ мірѣ противъ государства и жизни, противъ искусства и науки, поскольку они не служатъ религіознымъ цѣлямъ. Отчаяніе становится свойствомъ піэтиста, пока не прорвется его натура, и высокомѣріе, возникшее изъ вкоренившейся благодати, не воздвигнетъ въ немъ своего престола.— Въ Спенерѣ, въ этой цѣльной натурѣ, не обнаружились такія односороннія послѣдствія. Лишь въ дальнѣйшемъ развитіи своемъ піэтизмъ въ тоскѣ личности по спасеніи души своей, въ сокрушительномъ раскаяньи, въ грѣховности человѣка обрѣлъ главную сущность религіи, — онъ питалъ надежду

на благодать, которая извнѣ и свыше, какъ Божія помощь, дается ничтожной самой по себѣ и неспособной къ добру личности и пребываетъ внѣ ея, такъ что чувство злополучія и жажда спасенія не преодолѣвается какъ простой моментъ въ діалектикѣ религіознаго душевнаго процесса и не доходитъ до увѣренности во спасеніе, а напротивъ, пребываетъ неизмѣннымъ состояніемъ и возбуждаетъ аскетическую нравственность.—

Отъ этого ствола пошелъ отростокъ, который впослѣдствіи, укоренившись, сталъ сильнымъ деревомъ и распустилъ корни свои гораздо далѣе своего родича —а именно *гернгутеры*, основателемъ которыхъ былъ

Николай Людвигъ графъ Цинцендорфъ.

Благодаря благочестивому обычаю ежедневныхъ богослуженій въ отчемъ домѣ, частому посѣщенію Спенера и распространявшейся молвѣ о піэтизмѣ, онъ рано, мальчикомъ уже, былъ дотого фанатически возбужденъ, что писалъ письма къ Спасителю и выбрасывалъ ихъ въ окно въ полной увѣренности, что Онъ самъ найдетъ ихъ. Порученный съ 10-ти лѣтняго возраста особому надзору Франка въ педагогическомъ институтѣ въ Галле, онъ до такой степени развилъ въ себѣ это направленіе, что устроилъ тамъ тайныя собранія для взаимнаго назиданія и основалъ мистическій орденъ „отъ горчичнаго зерна". Такъ какъ его предназначали къ государственной службѣ, то для излеченія отъ этой наклонности и отправили въ Виттенбергскій университетъ, правовѣрные богословы котораго ратовали противъ направленія піэтистовъ въ Галле и противъ Франковой школы. Несмотря на такую перемѣну вліянія, направленіе его духа все-таки не измѣнилось. Помимо своихъ главныхъ уроковъ онъ безъ всякаго руководства изучалъ духовныя науки, и послѣднія, по назначеніи въ званіе надворнаго совѣтника при министерствѣ въ Дрезденѣ, сдѣлались главнымъ предметомъ его занятій. Въ 1727-мъ г. наконецъ, наскучивъ мірскими дѣлами, онъ сложилъ съ себя должность, съ цѣлью основать въ пустынной мѣстности своего имѣнія Бартельсдорфа въ Верхней Лузаціи колонію, прозванную имъ „Гернгутъ", и учредить въ ней общину, имѣвшую первоначально въ виду возобновить почти совсѣмъ погибшихъ богемскихъ и моравскихъ братьевъ и ввести ихъ дисциплину и урядъ въ протестантской церкви, къ которой принадлежала община, а сверхъ того распространять евангеліе и проповѣдывать его язычникамъ, но главнѣйше и существенно сдѣлаться братскимъ союзомъ сердецъ во имя любви и благочестія. Не смущаясь разнаго рода враждебными отношеніями, онъ старался размножить членовъ своей общины во

многихъ странахъ; не смѣя публично выступить въ Берлинѣ, онъ завелъ на своей квартирѣ домашнія богослуженія, которыя посѣщались такъ сильно, что однажды 42 кареты стояли у подъѣзда его молельни. Въ 1739-мъ г. онъ отправился въ Вестъ-Индію, гдѣ находились миссіи гернгутеровъ, въ 1741-мъ—въ Сѣверную Америку, съ цѣлью вести пропаганду среди индійскихъ племенъ, въ 1743-мъ—въ Лифляндію, откуда уѣхалъ только тогда, когда русское правительство запретило ему проникать далѣе и велѣло подъ конвоемъ выпроводить его за границу, потомъ—въ Голландію и Англію, гдѣ ученія его раскинулись весьма широко. Въ 1760-мъ г. онъ скончался въ Гернгутѣ. Его Община своими христіанскими школами оказала услуги самымъ отдаленнымъ краямъ, даже неграмъ и готтентотамъ.

Школы этой общины насчитываютъ между Латышами и Эстонцами болѣе 40000 членовъ; онѣ находятся въ Гренландіи (Новый Гернгутъ, Лихтенфельсъ, Лихтенау, Фриденсталь), въ Лабрадорѣ (Наинъ, Ококъ, Гоффенталь, Геброиъ), у сѣверо-американскихъ Индійцевъ (Нью-Ферфильдъ, Спрингплесъ), въ датской Вестъ-Индіи (о. С-таго Ѳомы, С-таго Креста и С-таго Іоанна) на остр. С-таго Ѳомы: въ Новомъ Гернгутѣ и Ніэски, на о. С-таго Креста: въ Фриденсталѣ, Фриденсбергѣ, на о. С-таго Іоанна: въ Виѳаніи и Эммаусѣ, въ британской Вестъ-Индіи (Ямайка) со станціями Ферфильдъ, Ирвингиль, Нью-Кармель, Нью-Фюльнекъ, Новый-Виѳлеемъ, Месопотамія; на Антигуѣ съ 10000 негровъ; въ Гвіанѣ со станціями Парамарибо и Соммерсдикъ въ Суринамѣ, Гоопъ при рѣкѣ Лорастинѣ и пр.

Теологическій принципъ гернгутеровъ имѣетъ своимъ средоточіемъ кровавую очистительную смерть Іисуса. Отсюда для жизни и въ ней вообще слѣдуетъ аскетическое міровоззрѣніе, но вмѣстѣ съ тѣмъ также суровая строгость и глубокое боголюбіе. Къ догматическимъ тонкостямъ и къ разнымъ вѣроисповѣданіямъ относятся безразлично лютеранское и реформатское ученія сопоставляются въ братской общинѣ въ одинъ разрядъ, какъ особый родъ или образъ выражать вѣру, или какъ простые „тропы“ и безразличныя формальности обокъ съ моравскими „тропами“. Душевное настроеніе—вотъ единственно и все что требуется. Но это настроеніе отнюдь не должно быть напряженною борьбою покаянія: гернгутеръ по пути къ своему спасенію переживаетъ однѣ только идиллическія радости; раны, отъ которыхъ умеръ Іисусъ, истекая кровью, для него не предметъ страшнаго содроганія, а напротивъ отрадное видѣніе; онѣ для него во всѣхъ отношеніяхъ высшій предметъ на-

слажденія.—Съ этой точки зрѣнія гернгутеры смотрятъ также на воспитаніе юношества. Высшею задачею его они считаютъ раннее и добросовѣстное охраненіе дѣтей отъ всякаго соблазна. Удалять отъ нихъ всякое искушеніе—это святой долгъ. Они какъ можно ранѣе и неуклонно старались возбуждать и оживлять въ дѣтяхъ любовь къ Богу во Христѣ и при всякомъ удобномъ случаѣ внушать имъ также, что христіанское дитя должно считать себя собственностью сотворившаго и дорого его искупившаго Господа и какъ полезный членъ гражданскаго общества жить въ смиренномъ благочестіи единственно и только во славу Божію. Такова была цѣль какъ домашняго, такъ и общественнаго воспитанія. Къ этому стремились также всѣ отросли и разныя ступени преподаванія, которому Павелъ Евгеній Лайрицъ (ум. 1788) придалъ чрезвычайное развитіе частью разработкою метода, частью организаціей и управленіемъ учебныхъ заведеній.

Въ мѣстныхъ школахъ обучаются мальчики и дѣвочки отъ 13 до 14-ти-лѣтняго возраста, но врознь (мальчики также первоначальнымъ основаніямъ латинскаго языка). Мѣстный священникъ вмѣстѣ съ тѣмъ и смотритель школы; онъ же преподаетъ законъ Божій во всѣхъ классахъ. Такъ какъ главное вниманіе братской общины обращается на то, чтобы дѣти въ нѣжномъ возрастѣ уже получили вѣрныя впечатлѣнія о порчѣ человѣка и о спасеніи во Христѣ, то внѣ школы не только дѣти, но и приставленные уже къ работѣ мальчики и дѣвочки, обучаются сверхъ того мѣстнымъ священникомъ основнымъ истинамъ евангелія и переспрашиваются объ нихъ,—причемъ послѣднія преподаются такъ, что ученикамъ поясняется, какимъ путемъ они могутъ достичь пріобрѣтенныхъ кровавою жертвою Іисуса благодати и спасенія.—Помимо мѣстныхъ школъ имѣются еще учебныя заведенія общины для дѣтей миссіонеровъ и другихъ служащихъ лицъ, которыя по должностнымъ занятіямъ сами не въ состояніи заботиться о воспитаніи своихъ дѣтей. Въ этихъ заведеніяхъ пекутся о томъ, чтобы дѣти не только матеріально были обезпечены всѣмъ необходимымъ, но чтобы назначенные къ тому братья и сестры ухаживали за ними съ величайшею заботливостью и воспитали ихъ съ родительскою любовью; точно также поступаютъ и съ сиротами въ общинѣ. Для высшаго образованія служитъ педагогическій институтъ сначала въ Барби, потомъ въ Ніэски, гдѣ подъ вѣдѣньемъ инспектора и при монастырскомъ устройствѣ преподаются древніе и новые языки, математика и исторія. Сверхъ того—въ Гнаденфельдѣ—находится еще богословская семинарія для священниковъ братства, гдѣ кромѣ богословія читаются лекціи исторіи, математики, естествовѣдѣнья и пр.: тамъ господствуетъ

свобода мысли, но въ богослуженіи не допускается никакихъ уклоненій отъ установленной догматики и литургіи; курсъ двухгодичный; строго требуется точное посѣщеніе лекцій. Въ Англіи и Сѣверной Америкѣ братство имѣетъ для своихъ священниковъ особыя воспитательныя заведенія. Филологи, медики и юристы съ 1770-го г. посѣщаютъ университеты. Во многихъ колоніяхъ братства находятся также пансіоны для мальчиковъ и дѣвочекъ, родители которыхъ не принадлежатъ къ общинамъ,—дѣти въ нихъ живутъ совмѣстно. Преподаваніемъ въ 10 и до 12 классовъ занимаются особые учителя, а у дѣвочекъ особыя учительницы. Воспитанники внѣ урочныхъ часовъ постоянно находятся подъ строжайшимъ надзоромъ, и ихъ по два раза въ день водятъ гулять. Дозволяется бѣгать и играть на волѣ. Заведенія состоятъ подъ надзоромъ инспектора, а такъ называемый домохозяинъ распоряжается хозяйствомъ. Всѣ дѣти въ братской общинѣ строго понуждаются къ отправленію богослуженія, и для того въ школѣ учатся особенно пѣнію, составляющему главную часть церковныхъ обрядовъ. По буднямъ у нихъ каждый день назначенъ одинъ „дѣтскій часъ“, въ который, примѣняясь къ пониманію дѣтей, говорится имъ о любви ко Христу, о счастіи принадлежать къ его общинѣ и т. п.

Хотя односторонне и часто какъ бы шутя, а все-таки гернгутская община въ противность окоченѣлому догматизму протестанства создала дѣятельную христіанскую жизнь, въ которую проникло сознаніе, что даже тѣ, къ кому и не дошла вѣсть объ евангеліи, не лишены блаженства, которая притомъ пыталась и наружно также облечься въ форму и образъ. Разныя званія опредѣляются возрастомъ и жребіемъ и живутъ каждое особнякомъ. Хоръ холостыхъ братьевъ живетъ вмѣстѣ въ одномъ изъ домовъ, а хоръ незамужнихъ сестеръ—въ другомъ, точно также хоры вдовъ и вдовицъ. Сочетавшіеся бракомъ члены общины живутъ отдѣльно и врозь по своимъ особымъ хозяйствамъ въ разныхъ мѣстахъ общины; но если дѣти не состоятъ при родителяхъ, то, смотря по полу, они живутъ съ хорами холостыхъ въ одной или нѣсколькихъ комнатахъ подъ надзоромъ одного изъ братьевъ или одной изъ сестеръ. При каждомъ изъ хоровъ холостыхъ, вдовъ и дѣвицъ есть по двое старшинъ, изъ коихъ одинъ печется о внѣшнихъ, а другой о душевныхъ дѣлахъ. Всѣ заведенія общины вмѣстѣ съ миссіями находятся подъ управленіемъ собранія старѣйшинъ, во главѣ котораго состоитъ презусъ, епископъ братства.

---

2. Религіозная оппозиція въ Англіи.

Пуритане и Мильтонъ, квакеры и Фоксъ, методисты съ Весли и Вейтсфильдомъ.

Въ Англіи точно такъ же какъ и въ Германіи поднялась оппозиція противъ порчи государственной церкви. Сочиненія англиканскаго вѣроисповѣданія утвердили противъ католицизма евангелическое ученіе. Однако англійская церковь не имѣла и не полагала своего средоточія въ вѣроисповѣданіи. Она имѣла и обрѣла его въ учрежденіяхъ. Учрежденія англійской государственной церкви были слѣпкомъ съ англійскаго государства. Онѣ представляли блескъ аристократической монархіи, а впослѣдствіи блестящій упадокъ ея. Въ нихъ подорванъ былъ порывъ искренняго богопочитанія: духъ уступилъ мѣсто знакамъ и церемоніямъ; христіанская община лишилась своего священническаго права, и духовенство „въ невѣжественномъ и гордомъ подражаніи древнему храму" замкнулось въ касту, господствовавшую надъ умами страхомъ суевѣрія. Она отказалась повиноваться папѣ; но удержала папскій церковный уставъ. — Противъ этой епископальной церкви возсталъ наконецъ духъ свободы—тотъ же духъ и въ тѣхъ же людяхъ, что возбудилъ оппозицію противъ растлѣннаго государства; понятія о свободѣ Англичане выработали въ своей церкви, и „мужи религіи" побѣдили наконецъ „мужей славы". Пресвитеріане передали синоду старшинъ верховное рѣшеніе надъ духовными дѣлами; индепенденты признали за каждой отдѣльной общиной полное самоуправленіе и самостоятельность. Но пресвитеріане и индепенденты, подъ общимъ именемъ пуританъ, дружно дѣйствовали въ борьбѣ за очищеніе храма отъ поповскихъ блестокъ и мишурнаго велелѣпія. Когда власть находилась въ ихъ рукахъ, то они жизнь англійской націи подчинили строгой дисциплинѣ. Они ратовали какъ противъ вѣнчаннаго ничтожества и позлащеннаго порока, такъ и противъ грубости и одичалости въ низшихъ слояхъ. Они требовали умѣренности, порядка, домовитости, пристойности, честности во всѣхъ классахъ общества. Въ своей реформаціи они такъ же какъ и въ революціи добивались нравственнаго возрожденія англійскаго народа.

Имъ же, конечно, подобало вступить въ борьбу противъ формализма и схоластицизма въ школахъ; что и исполнилъ одинъ изъ ихъ доблестнѣйшихъ представителей

Іоаннъ Мильтонъ.

Мильтонъ родился 9-го декабря 1608-го г. Благодаря своему отцу, перешедшему въ протестантизмъ, онъ рано проникся искреннимъ уваженіемъ и преданностью протестантскимъ идеямъ; поэтическіе опыты Джилля въ Павловской школѣ побудили его къ подражанію и вмѣстѣ съ тѣмъ воодушевили его къ классической древности, а въ Кембриджѣ онъ исполнился презрѣнія къ дурному университетскому направленію, убѣдившись притомъ вскорѣ во внутренней связи послѣдняго съ упадкомъ и порчей англійской церкви. „Не зная ни логики, ни философіи—такъ пишетъ девятнадцатилѣтній Мильтонъ своему Александру Джиллю—они съ неподготовленнымъ грубымъ умомъ принимаются за изученіе теологіи и преуспѣваютъ въ ней едва настолько, чтобы скропать проповѣдь, содержаніе которой безъ толку и разбора заимствовано у разныхъ авторовъ. „А потому и опасаюсь, что наше духовенство впадетъ опять въ поповское невѣжество прежнихъ вѣковъ:" Впослѣдствіи говоритъ онъ также о высшихъ школахъ: „Онѣ выпускаютъ породу людей, преданныхъ по образцу прелатовъ одной только формѣ и наружному виду,—рабски вышколенный, въ сущности безпутный духъ, который никогда въ истинной любви не преклонялся ни передъ добродѣтелью, ни передъ религіей, передъ этою конечною цѣлью всякой мудрости. Эти люди выносятъ изъ университета либо скудное холопское образованіе, которое въ связи съ лицемѣріемъ вполнѣ достаточно для наживы и ослѣпленія слабоумныхъ слушателей, либо, въ крайнемъ случаѣ, громадную начитанность въ безплоднѣйшихъ актахъ теологіи, надѣляющей ихъ способностью защищать дѣло прелатства хитрыми адвокатскими уловками".—Такъ въ университетѣ уже пуританинъ возсталъ противъ мірской похоти священниковъ,—гуманистъ противъ варварской учености, — свободный протестантъ противъ искаженныхъ въ епископальной церкви протестантскихъ мыслей. Покинувъ въ 1632-мъ г. Кембриджъ, онъ съ полнымъ воодушевленіемъ вновь посвятилъ себя своимъ римскимъ и греческимъ любимцамъ, не забывая притомъ живой природы и не впадая въ одностороннее умственное образованіе. Обладая свѣжимъ естественнымъ чувствомъ, онъ подкрѣплялъ свои силы въ поляхъ и лугахъ, и каждый день по нѣскольку часовъ назначалъ для „полезныхъ здоровью и благородныхъ упражненій, укрѣпляющихъ и закаляющихъ тѣло, чтобы оно служило духу ревностнымъ и способнымъ орудіемъ въ борьбѣ за религію и за свободу страны-" Онъ изучалъ „всѣхъ греческихъ авторовъ вплоть до той эпохи, когда они перестали быть Греками." Онъ высоко цѣнилъ какъ языкъ, такъ и формы; но ненавидѣлъ „суетную кропотливость буквоѣд-

ства.“ Высшею цѣлью его стремденій было сдѣлаться для своего отечества тѣмъ же, чѣмъ были для своего великіе умы въ Аѳинахъ. Ему хотѣлось „гражданамъ своего любимаго островного края возвѣстить и объяснить на родномъ языкѣ лучшіе и мудрѣйшіе предметы.“ Онъ старался „постигнуть идею прекраснаго во всѣхъ формахъ и проявленіяхъ вещей“ и въ 1638-мъ г. поспѣшилъ въ Италію, съ тѣмъ; чтобы, какъ „новый Улиссъ“, отъ всѣхъ научиться всему: онъ видѣлъ античныя художественныя произведенія и очарованный стоялъ передъ ними;—но онъ видѣлъ также ослѣпшаго Галилея въ Сіенѣ, отлученнаго инквизиціею отъ церкви „за то, что мыслилъ иначе, нежели францисканцы и доминиканцы,“ и душа Мильтона воспламенялась святымъ гнѣвомъ за истину. Отлично подготовленный, возвратился онъ въ свое отечество,—проникнутый пониманіемъ значенія языка, этого зеркала мысли, исполненный могущества и достоинства поэзіи, но болѣе всего ненависти противъ поповскихъ блестокъ, мишуры, пустословія,—исполненный уваженія къ истинной религіи и живого чувства законности. Съ этимъ настроеніемъ, какъ на церковномъ, такъ и на государственномъ поприщѣ ратовалъ онъ за свободу своего народа. Въ церкви онъ поставилъ библію надъ всѣми позднѣйшими постановленіями и преданіями, — „какъ книгу, въ святой области которой развита всякая мудрость“, „какъ точную и правдивую мѣру истины, полезную и доступную уму, памяти и потребностямъ всякаго вѣрующаго, какъ во всѣхъ своихъ частяхъ гармоническое зданіе полнаго обученія“. Не въ таинственномъ и непостижимомъ заключается достоинство религіи. Существенное свойство истины—ясность и свѣтъ. Богъ создалъ разумъ пригоднымъ и способнымъ для предмета разума: для истины, — точно такъ же какъ око для своего предмета: для внѣшняго міра. Разумъ—это даръ Божій какъ въ одномъ человѣкѣ, такъ равно и въ тысячѣ людей. Часто въ одномъ мірянинѣ заключается болѣе полезныхъ знаній, нежели въ цѣлой дюжинѣ епископовъ, все равно какъ было во времена Спасителя, котораго простолюдины оцѣнили и прославили великимъ пророкомъ, тогда какъ поклонники раввиновъ, преподобные и неодолимые доктора считали его сыномъ Вельзевула. Нѣтъ ничего несноснѣе ученаго дурака или ученаго лицемѣра; одинъ вязнетъ въ пустыхъ умствованіяхъ, слабоумный, отъ котораго міръ не видитъ никакихъ плодовъ, исключая развѣ суетныхъ, вздорныхъ вопросовъ; другой пользуется своими софистическими уловками и начитанностью, для того чтобы ненасытную алчность и честолюбіе представить благочестивыми и правовѣрными, и чтобы безпутныя правила свои покрыть блестящимъ, обманчивымъ лоскомъ“. Съ такою же энергіею ратовалъ онъ за свободу печати отъ цензуры.

Происхожденіе цензуры, говоритъ онъ, ненавистно: папы прежде всѣхъ пользовались цензурою какъ орудіемъ противъ реформаціи. Она нецѣлесообразна потому уже, что имѣетъ въ виду обезпечитъ истину отъ лжи; но вѣдь человѣку суждено познать добро только путемъ зла; знать порокъ необходимо для утвержденія добродѣтели, изслѣдовать заблужденія—для подкрѣпленія истины. „Погубить хорошую книгу такъ же преступно, какъ убить человѣка". Цензура наконецъ лишаетъ всякой бодрости, крайне оскорбляетъ какъ науки такъ и ученыхъ; она позоритъ свободныхъ высокоодаренныхъ мужей, призванныхъ изслѣдовать и любить науку ради нея самой. „Какая польза отъ того, что ученый пересталъ быть школьникомъ, если онъ отдѣлался отъ розогъ только съ тѣмъ, чтобы подвергнуться цензурной карѣ. — если съ произведеніями его серьезнаго труда обращаются не лучше, нежели съ стилистическими упражненіями, перечеркиваемыми учителемъ"?—Потомъ мы встрѣчаемъ Мильтона также между борцами за государственную свободу его отечества: „Свободно рожденные мужи имѣютъ право устроить у себя правленіе, какое сочтутъ за лучшее". „Тиранъ тотъ, кто не уважаетъ ни закона, ни общественнаго блага и пользуется своею властью только для себя или для своей партіи". Поэтому Мильтонъ оправдываетъ республиканское правительство Англіи противъ обвиненія въ цареубійствѣ. Когда ученый Сальмазій въ Лейденѣ взялъ на себя защиту англійскаго короля и обнародовалъ при этомъ воззваніе къ мести противъ англійскихъ „отцеубійцъ", то Мильтонъ разбилъ жалкія хитросплетенія профессора, доказавъ, что всѣ приводимые имъ доводы не что иное какъ пустые софизмы. „Христіане или вовсе не должны имѣть короля, или если имѣютъ такого, то да будетъ онъ слугою своего народа. Самовластіе и христіанство два несовмѣстимыя понятія", — такъ возражаетъ онъ своему противнику, покушавшемуся сдѣлать библію руководствомъ тиранніи.

Но для того чтобы государство и церковь преуспѣвали, необходимо прежде всего, чтобы семья была въ хорошемъ состояніи. Основа семьи—бракъ. „Онъ—божеское учрежденіе, соединяющее мужа и жену въ любви, полагающей истинную основу къ благодатной и счастливой семейной жизни". Изъ этого понятія вытекаетъ законъ о разводѣ. „Никакой договоръ не имѣетъ связующей силы въ противность его собственной конечной цѣли". „Напрасно и вмѣстѣ съ тѣмъ крайне безбожно было бы настаивать на продленіи драгоцѣннаго брачнаго союза, когда истинная дружба явно невозможна". „Нерасположеніе, отвращеніе и неуживчивость, проистекающія отъ существенной, неискоренимой причины и никогда недающія развиться лучшимъ плодамъ брака, а

именно счастью и миру, представляютъ болѣе сильные доводы къ разводу, нежели естественное безплодіе". Такимъ образомъ разумнымъ закономъ о бракѣ Мильтонъ пытается обезпечить начало семейной, — а вмѣстѣ съ тѣмъ и основу общественной свободы.

Для такой-то необходимой основы свободы онъ главнѣйше и требуетъ хорошаго воспитанія юношества. Уже въ своей борьбѣ противъ прелатовъ онъ съ негодованіемъ возвѣстилъ, какъ скудно обученіе низшихъ классовъ въ Англіи и какіе недостатки терпятъ учебныя заведенія знати. Онъ требовалъ, чтобы у церкви отняли во зло употребляемыя ею сокровища и на нихъ соорудили бы хорошія школы. Онъ требовалъ, да сочтетъ правительство своимъ святымъ долгомъ печься о томъ, чтобы въ юныя сердца насаждалось чистое сѣмя добродѣтели, потому что она единственная истинная охрана общественности, твердыня его благосостоянія и славы. Онъ ревностно помышлялъ о цѣлесообразномъ, свыше направляемомъ эстетическомъ воспитаніи народа. „Такъ какъ духъ человѣка не можетъ пребывать бодрымъ и здоровымъ въ тѣлѣ, если не отдыхаетъ по временамъ отъ своихъ серьезныхъ занятій, то было бы благомъ для общества, если бъ наши начальства забрали въ свои руки не только рѣшеніе судебныхъ дѣлъ, соблазнительныхъ тяжбъ о моемъ и твоемъ, но также и веденіе нашихъ общественныхъ торжествъ и увеселеній, какъ это дѣлалось въ славныхъ древнихъ государствахъ. И точно, эти празднества не должны служить допускаемыми полиціею поводами къ безпутному кутежу и разврату, какъ у насъ недавно еще случалось; настоящая задача ихъ, напротивъ того, частью придать воинственными упражненіями силу и ловкость нашему тѣлу, частью также образовать и украсить нашъ духъ то пріятными, и поучительными сообщеніями отъ академій, то изящными лекціями, которыя краснорѣчивыми увѣтами побуждали бы къ справедливости, умѣренности и храбрости. Пусть при каждомъ удобномъ случаѣ народъ учится и исправляется, пусть внемлетъ призыву къ мудрости и добродѣтели. Но исполнима ли подобная задача, не только проповѣдями съ каѳедры, но также и другими цѣлесообразными средствами, торжественными похвальными рѣчами въ честь великихъ мужей, театральными представленіями, или иными учрежденіями, соединяющими поученіе съ отдыхомъ, — все это пускай зрѣло обсудятъ наши правители". Онъ написалъ также небольшую книжку о воспитаніи, — вызванную негодованіемъ противъ поверхностнаго номинализма и сухого формализма англійскихъ ученыхъ школъ и университетовъ, — это было воззваніе къ вольному гуманному образованію, требующему, чтобы всякое знаніе было полезно, разумѣя подъ полезнымъ все бла-

гое, „а не такой лукъ, тетиву котораго способенъ натянуть всякій, называющій себя учителемъ“. „Въ существующихъ школахъ за языками пренебрегаютъ предметами, но вѣдь языкъ служитъ лишь орудіемъ для сообщенія намъ полезныхъ, достойныхъ изученія предметовъ. Еслибъ какой-нибудь лингвистъ похвалялся, что онъ въ устахъ своихъ совмѣщаетъ всѣ вавилонскія нарѣчія, не обладая притомъ драгоцѣнными знаніями, какія ими передаются, то почетное имя ученаго ему подобало бы менѣе, нежели какому нибудь крестьянину или ремесленнику, который пріобрѣлъ запасъ свѣдѣній единственно при помощи родного языка. Но простымъ пересыпаньемъ грамматическихъ формъ мы не въ состояніи даже усвоить себѣ языкъ, и въ школахъ, гдѣ обучаютъ только говорить и писать полатыни, навѣрное и этому порядкомъ не научатся. Тамъ въ теченіе семи или восьми лѣтъ кое-какъ набираютъ какъ разъ столько латыни и греческаго, сколько при разумномъ преподаваніи можно бы легко и шутя усвоить себѣ въ одинъ годъ. Но преподаваніе разумно, когда знаніе предметовъ идетъ наравнѣ съ знаніемъ языковъ. Когда ученикъ изучилъ главныя правила языка и умѣетъ примѣнять ихъ къ упражненіямъ, то пусть его читаетъ поучительныя книги и пріобрѣтаетъ оттуда полезныя свѣдѣнья: тогда онъ скоро освоится и совсѣмъ языкомъ. Но въ школахъ этого пути не знаютъ. — Въ нихъ начинаютъ съ того, чѣмъ слѣдовало бы кончать. „Вмѣсто того чтобы начать съ самыхъ легкихъ и наиболѣе ясныхъ свѣдѣній—съ опирающихся на чувственномъ постиженіи, — преподаютъ ничего не знающимъ новичкамъ самыя глубокомысленныя отвлеченности логики и метафизики. Пустыя головы мальчиковъ напрягаютъ сочиненіемъ статей, стиховъ и рѣчей, которые могутъ быть произведеніями лишь вполнѣ созрѣвшаго разсудка,—высшими и крайними выраженіями ума, который путемъ продолжительнаго чтенія и наблюденія запасся мыслями и почувствовалъ призваніе къ творчеству. Такой нелѣпый образъ воспитанія возбуждаетъ въ молодыхъ людяхъ отвращеніе отъ скучнаго ученія и презрѣніе къ негодной учености“.—Мильтонъ напротивъ того хочетъ навести на естественный путь преподаванія, восходящій отъ чувственнаго къ духовному, — на путь, дѣйствительно трудный на первыхъ порахъ, зато потомъ ровный, зеленѣющій, изобилующій со всѣхъ сторонъ прекрасными видами и очаровательными звуками, столь же увлекательными, какъ была арфа Орфея; — онъ предлагаетъ планъ воспитанія, по содержанію и объему болѣе богатый и требующій все-таки гораздо менѣе времени, болѣе надежный и цѣлесообразный, нежели общепринятый. Цѣль его академіи—всеобщее образованіе; практическія спеціальныя науки исключены; эта академія въ одно и то

же время гимназія и университетъ; въ ней каждый изъ воспитанниковъ доводится до степени магистра искусствъ. Въ ней богословіе относится къ предметамъ преподаванія, оттого что принадлежитъ къ образованію вообще: оно высшая изъ всѣхъ наукъ и предметъ его, т. е. познаніе Бога, есть цѣль изученія всѣхъ мыслящихъ людей. Но всякая наука и всякое ученіе въ воспитаніи должны относиться къ государству; и дѣйствительно, воспитаніе только тогда полно и достойно уваженія, когда образуетъ человѣка такъ, что онъ правдиво, искусно и доблестно исполняетъ всякія частныя и общественныя должности какъ на войнѣ, такъ и въ мирѣ. Согласно съ этимъ назначается слѣдующій курсъ преподаванія: Прежде всего надо приняться за грамматику: пусть упражняются въ чтеніи избранныхъ, легкихъ отрывковъ нравственнаго содержанія, напр. изъ Квинтиліана. Это дополняется объясненіями и рѣчами учителя, которыя съ жаромъ и энергіей возбуждали бы въ воспріимчивыхъ умахъ рвеніе къ ученью, уваженіе къ добродѣтели, презрѣніе ко всему ребяческому и склонность ко всему мужественному. Сверхъ того преподаются первоначальныя основанія ариѳметики и геометріи, потомъ члены вѣры и библейская исторія, которые надлежитъ затверживать наизустъ передъ отходомъ ко сну. — Въ слѣдующемъ затѣмъ высшемъ отдѣленіи читаются древніе земледѣльческіе писатели, Катонъ, Варронъ, Колумелла, языкъ которыхъ нѣсколько труденъ, но самый предметъ удобопонятенъ и вмѣстѣ съ тѣмъ весьма важенъ. Къ этому примыкаютъ лекціи о землевѣдѣньи и естествознаніи; тутъ же полагается основаніе греческому языку. — Затѣмъ слѣдуетъ классъ, въ которомъ чистыя и прикладныя естественныя науки усвоиваются, насколько то требуется всеобщимъ образованіемъ. Ключемъ для того служитъ математика. Въ связи съ этимъ изучаются римскіе и греческіе авторы по тѣмъ-же предметамъ: Плиній, Сенека, Аристотель; также Цельсъ и Витрувій. Это преподаваніе должно быть въ высшей степени живое и практичное, такъ чтобы въ обиліи и вполнѣ пріобрѣтались великіе плоды естествознанія, проницательность наблюденія, расторопность чувствъ, господство надъ внѣшнимъ міромъ. Тогда ученикъ способенъ будетъ понять буколическую поэзію древнихъ, Лукреція, Ѳеокрита и Гезіода. Трудности языка преодолѣваются всегда легче, нежели трудности предмета, хотя обыкновенно полагаютъ противное.—Однако знаніе природы служитъ лишь подготовкою для знанія человѣческихъ вещей: — изъ царства высшей необходимости мы переходимъ въ область свободы и нравственности. Мы знакомимся съ этическими писателями древности, Цицерономъ, Плутархомъ, Ксенофонтомъ, Плато-

номъ (къ этому присоединяются краснорѣчивыя толкованія учителя); не слѣдуетъ также забывать Давида и Соломона въ вечерніе часы. Въ поэзіи мы переходимъ отъ описаній природы къ сочиненіямъ съ нравственною цѣлью,—между которыми наиболѣе совершенными являются комедіи. Тутъ же кстати легко изучается итальянскій языкъ; комедіи на этомъ языкѣ весьма полезны, оттого что въ нихъ отражаются современные нравы. — Такимъ путемъ переходимъ далѣе по направленію къ нравственности въ высшей ея степени,—къ государству. Наступаетъ очередь народнаго хозяйства, исторіи, политики, правовѣдѣнья; древніе историки и ораторы, богатырская поэзія и трагедія не только читаются, но избранныя мѣста изъ нихъ заучиваются наизустъ и произносятся съ торжественною важностью. А чтобы за землею не забывалось небо, то молодые люди посвящаютъ вечера свои богословію и исторіи церкви, обращая особенное вниманіе на еврейскій языкъ.—Все это завершается органическими искусствами—логикой, реторикой и поэзіей. Теперь наконецъ студентъ знаетъ что-нибудь—у него достаточно матеріала, для того чтобы осмысленно одолѣть его,—вотъ теперь онъ и въ состояніи выразить и написать что-нибудь ясно и толковито, слогомъ, соотвѣтствующимъ предмету. Пусть молодой человѣкъ изучаетъ теперь по лучшимъ образцамъ значеніе истинной поэзіи, чтобы убѣдиться, какія презрѣнныя твари наши теперешніе риѳмоплеты и составители комедій, какую благую, славную и великую пользу можетъ принести поэзія, какъ въ божественныхъ, такъ и въ человѣческихъ дѣлахъ. При всемъ томъ не забывайте и тѣла. Духъ нельзя образовать односторонне. Въ здоровомъ тѣлѣ должна быть здоровая душа. Въ самомъ заведеніи воспитанники получаютъ чистое помѣщеніе и здоровую пищу. Пусть трудъ по временамъ смѣняется отдыхомъ. Изученіе музыки да служитъ для отдохновенія, ободренія и освѣженія духа. Тѣлесныя упражненія да укрѣпляютъ и закаляютъ тѣло. Наконецъ слѣдуетъ предпринимать путешествія въ чужіе края, не для того, чтобы пріобрѣсть новыя правила, а съ тѣмъ, чтобы расширить опытность и собрать запасъ мудрыхъ наблюденій.

Такова „педагогическая идиллія“ Мильтона,—таковъ идеальный планъ воспитанія для „нашей знатной и благородной молодежи“ („our noble and our gentle youth“), который однако могъ бы побудить англійскія школы обдумать свое положеніе,—это боевая ракета, пущенная въ варварское невѣжество схоластики, достойная пѣвца глубокомысленной и строгой, но вмѣстѣ съ тѣмъ распаленной чувствомъ и фантазіей поэмы, „Потеряннаго рая“,—это произведеніе мощнаго бойца за истину и свободу, который въ періодъ ан-

глійской республики былъ возносимъ и уважаемъ народною толпою, а впослѣдствіи презираемъ и отвергаемъ, пока наконецъ не умеръ 8-го ноября 1674-го г.

Англійская церковь пришла въ упадокъ вслѣдствіе закоснѣлости, равнодушія и невѣжества низшаго духовенства, она окоченѣла въ своемъ внѣшностномъ и политическомъ направленіи. Но и пуританство также впало въ холодныя отвлеченности, извратилось въ церковную дисциплину, считавшую всякое земное наслажденіе грѣхомъ. Тогда-то башмачникъ изъ Драйтона *Джорджъ Фоксъ* (1624—1691) основалъ секту *квакеровъ*, принявшихъ за начало всякаго благочестія внутреннее слово или божественный свѣтъ, который въ непосредственномъ божескомъ откровеніи ведетъ человѣка къ добродѣтели, истинѣ и блаженству—всилу того-же самаго духа, которымъ внушено также и Священное Писаніе. По немъ-то и должны провѣряться всѣ непосредственныя откровенія, которыхъ удостоится человѣкъ, не только мужчина, но также и женщина. Крещеніе водою замѣняется крещеніемъ святымъ духомъ: въ нравственномъ отношеніи отвергается присяга, вступленіе въ правительственныя должности и военная служба; въ жизни и обычаяхъ господствуетъ аскетизмъ.

Тотъ-же аскетизмъ составляетъ главный оттѣнокъ реформатскихъ піэтистовъ въ Англіи, т. е. *методистовъ*, основанныхъ *Джономъ Весли* (1703—1791). Исполненный духомъ предпріимчивости, неутомимой дѣятельности, склонности къ наукѣ и искусству, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ отличался благоразумнымъ спокойствіемъ, любовью къ порядку, силою воли и преданностью своему долгу. Онъ началъ съ наружной святости, святошества, но вскорѣ пришелъ къ сознанію, что религія живетъ въ сердцѣ и требуетъ внутренней святости. Такимъ образомъ безпредѣльность требованій божественнаго устава замѣняется для него откровеніемъ благодати Божіей во Христѣ, какъ твердой основы, на которой человѣкъ утверждается путемъ вѣры. Въ Гернгутѣ онъ позналъ живую вѣру и теплую любовь къ Спасителю, а вмѣстѣ съ тѣмъ ознакомился и съ новыми общинными учрежденіями и воспитаніемъ юношества. Съ этихъ поръ Весли считалъ своимъ призваніемъ спасать души; онъ вступилъ въ связь съ *Вайтфильдомъ* (1714—1770), умомъ открытымъ безъ малѣйшаго слѣда честолюбія или своекорыстія, надѣленнымъ пылкою пластическою фантазіею и неистощимымъ творческимъ даромъ;—съ этихъ поръ далеко разнеслась его методистская проповѣдь (названіе „методисты", какъ бы равнозначущее теоретикамъ или систематикамъ, придавалось прежде людямъ, примѣнявшимъ въ наукѣ или на практикѣ строгій методъ) и съ такимъ успѣхомъ, что число слушателей возрасло отъ 60 до 80,000. Наиболѣе способные изъ привер-

женцевъ сдѣлались мірскими проповѣдниками—„піонерами методизма“ въ самыхъ дальнихъ краяхъ. Общество образовало потомъ союзъ людей, которые обладаютъ наружнымъ видомъ благочестія и домогаются силы послѣдняго, которые собираются, съ тѣмъ чтобы молиться собща, воспринять слово увѣщанія, въ любви бдѣть другъ о другѣ и помогать одинъ другому достичь блаженства. Членамъ предписаны слѣдующія правила: 1) Охраненіе отъ всякаго зла—отъ призыва имени Божія всуе, отъ оскверненія субботы, отъ пьянства, ссоры, безчестія, страсти къ нарядамъ, къ свѣтскимъ увеселеніямъ и т. п.; 2) Добрыя дѣла—какъ въ тѣлесномъ, такъ и въ духовномъ отношеніи; 3) Пріобщеніе святой благодати—общественное богослуженіе, проповѣдь, причастіе, семейныя и частныя молитвы, чтеніе Священнаго писанія, посты и пр.

Методизмъ не что иное какъ іерархизмъ. Его странствующіе проповѣдники составляютъ твердую въ вѣрѣ и безбоязненную дружину евангелистовъ; но они то и дѣло смѣняются, а потому и нѣтъ тѣсныхъ отношеній между духовенствомъ и мірянами. Вообще чувства у нихъ черезъ-чуръ возбуждаются и внутренняя жизнь слишкомъ выступаетъ наружу; порывъ къ дѣятельности не даетъ развиться болѣе тихой задушевной жизни. Но методизмъ все-таки внесъ духовную пищу и религіозную жизнь въ дома, даже въ хижины заброшенной доселѣ толпы народа; и содѣйствуя такимъ образомъ возобновленію принципа реформаціи въ низшихъ слояхъ общества, онъ косвеннымъ путемъ сообщилъ новый толчокъ также воспитанію и образованію народа вообще.—Методисты по всему свѣту распространили свою дѣятельность. Въ годъ смерти Весли на различныхъ станціяхъ находилось уже 5848 причастниковъ, въ томъ числѣ 4000 негровъ. Методистскіе миссіонеры проповѣдуютъ на 30 иностранныхъ языкахъ. По отчету 1858-го г. числилось 493 округа, 3903 часовни и станціи, 693 миссіонера, 985 помощниковъ на жалованьи, 11703 добровольныхъ учителя, 121479 членовъ, 113601 учениковъ. Съ 1839-го г. учрежденъ учебный комитетъ: по уставу его каждая изъ школъ состоитъ подъ непосредственнымъ надзоромъ ежегодно избираемаго мѣстнаго комитета, къ которому окружные священники принадлежатъ по дѣламъ службъ; мѣстныя вѣдомства подчинены учебному комитету, который поддерживаетъ сношенія съ собраніемъ верховнаго вѣдомства, какъ бы съ правительствомъ, руководитъ образованіемъ учителей, и испытываетъ и представляетъ ихъ для школъ, составляетъ учебный планъ, осматриваетъ училища и пр. Методизмъ много содѣйствуетъ особенно воспитанію бѣдныхъ дѣтей. Число методистскихъ воскресныхъ школъ въ 1856-мъ г. простиралось до

4166, гдѣ находилось 437814 учениковъ и 76517 добровольныхъ учителей; при этомъ у нихъ было 434 вседневныя школы и 52630 учениковъ. Въ 1859-мъ г. веслеянскому учебному вѣдомству подчинено было 466 вседневныхъ школъ, свыше 60000 учениковъ и 4347 воскресныхъ школъ, съ 457000 учениками. Въ Вестминстерѣ есть нормальное училище, въ которомъ образуются учителя и учительницы для народныхъ школъ. Назначаются одни только вполнѣ религіозные учителя, члены общества. Каждый день читается и объясняется библія, проходятся веслеянскіе катехизисы; ученіе начинается и заканчивается молитвою; дѣти обязаны находиться при веслеянскомъ богослуженіи;—впрочемъ въ школы принимаются также дѣти не-веслеянъ и тогда, по желанію родителей, освобождаются отъ богослуженія. Въ Дидсбюри и Ричмондѣ съ 1833-го г. основаны духовныя семинаріи, гдѣ преподаются необходимыя непосредственно для практическаго призванія отросли богословія.—Методизмъ много печется о воспитаніи. Но въ этихъ попеченіяхъ своихъ онъ не руководится принципами: оттого, трудясь для юношества, онъ такъ же часто и пренебрегаетъ своимъ трудомъ. Дѣти не рѣдко передаются чуждымъ обществамъ и епископальной церкви, оттого что пока не обращены, они, не считаются членами методистской церкви, а ставятся наравнѣ со всѣми остальными собранными въ его школахъ воспитанниками,—и оттого также, что методизмъ болѣе расчитываетъ на внезапное обращеніе, нежели на вліяніе родителей и школъ.

22.

Воспитаніе піэтизма. Обновленіе народной и ученой школы. Основаніе реальнаго училища.

„Піэтизмъ—говоритъ Геппе—прежде всего возсталъ противъ господствовавшаго схоластическаго догматизма, требовавшаго, чтобы церковь главнѣйше представлялась во всемъ величіи безупречной догматики и отправляла службу въ этомъ величіи догмы, если хочетъ быть царствомъ Божіимъ. Въ противоположность этому началу піэтизмъ въ свою очередь требовалъ, чтобы церковь поставила себѣ задачею печься о практическомъ христіанствѣ, объ уходѣ за единичными душами и въ нихъ возстановляла величіе Христа, и чтобы поэтому всякія непригодныя къ тому догматическія положенія были отвергнуты, какъ не имѣющія никакого значенья. Потомъ піэтизмъ рѣшительно возсталъ также противъ латинскаго схоластицизма той эпохи и важности

объединенія свойственнаго будто бы латинскому, совершенно замкнутому отъ народной культуры ученому образованію, и требовалъ, чтобы нѣмецко-христіанское обученіе и воспитаніе въ истинномъ значеніи его признавалось также и для образованія ученыхъ.“ Этимъ рѣшительно заявлялось стремленіе ко всеобщему, народному развитію. Піэтизмъ внесъ нѣчто новое и отвѣчающее нѣмецкому духу: въ противоположность раздававшемуся съ каѳедры словопренію духовенства онъ обратилъ вниманіе на процессы духовной дѣятельности, на побужденія души. „Открылись новыя общественныя отношенія, въ которыхъ мѣриломъ для сравненія служило значеніе духовной жизни, и которыя такимъ образомъ прежде всего разбили сословные предразсудки. Подъ руками піэтистовъ поднялись солидное, строгое воспитаніе, народная школа и попеченіе о бѣдныхъ, и они исподоволь начали противодѣйствовать вызванному тридцатилѣтнею войною духовно-нравственному упадку, котораго не въ силахъ была задержать ортодоксія.“

Крайнею цѣлью всякаго воспитанія считались живое познаніе Бога и праведный христіанскій образъ жизни. Лишь истинно благочестивый человѣкъ можетъ быть добрымъ гражданиномъ общества. Безъ настоящаго благочестія всякое знаніе, всякая мудрость, всякое свѣтское образованіе скорѣе вредны, нежели полезны, и никогда не обезпечиваютъ насъ отъ злоупотребленія науки. Такъ какъ всѣ дѣти болѣе или менѣе носятъ въ себѣ сѣмя порчи, то воспитаніе прежде и главнѣе всего должно стараться объ основательномъ улучшеніи души и остерегаться при этомъ искоренять только нѣкоторые, какъ бы исключительные недостатки, хотя иные изъ нихъ, напр. ранняя склонность къ сладострастію, и заслуживаютъ особаго вниманія. Не слѣдуетъ также упускать изъ виду при этомъ воспитаніи особенности всякаго нрава. Но все, что посредственно или непосредственно противодѣйствуетъ высшей и крайней цѣли развитія или задерживаетъ достиженіе ея, должно быть изгнано изъ воспитанія. Сюда относятся не только несоблюденіе ранняго преподаванія христіанства, но также всякія развлекающія или развращающія душу удовольствія, которыя, въ томъ видѣ, какъ существуютъ въ свѣтѣ, не только не ведутъ къ добру, но и не поддерживаютъ его. Благочестіе уживается со всѣми званіями и положеньями, въ какихъ только можетъ находиться человѣкъ, потому что всякое положеніе, съ которымъ бы оно не ужилось, тѣмъ самымъ засвидѣтельствовало бы свою собственную несостоятельность. Вѣдь оно не исключаетъ также и благоразумія въ поступкахъ; лишь бы благоразуміе всегда подчинялось благочестію. Молодыхъ людей слѣдуетъ поэтому наста-

лять въ пристойныхъ нравахъ, отнюдь не внушая имъ „великосвѣтскаго тона“, пріучать прилично держать себя, не дѣлая изъ нихъ танцмейстеровъ; надо заранѣе уже обратить вниманіе на назначеніе иного богатаго юноши жить въ большомъ свѣтѣ, путешествовать, обращаться между иноземцами и пр., не упуская при этомъ изъ виду самаго необходимаго.

Преподаваніе да подчиняется воспитанію. Цѣль школы—отнюдь не сообщеніе извѣстныхъ знаній: всякое ученіе въ сущности должно имѣть воспитательное направленіе. Цѣль какъ преподаванія, такъ и воспитанія состоитъ въ созиданіи царства Божія въ сердцѣ дитяти; исходя отъ этого начала и основываясь на немъ, воспитаніе и образованіе на всѣхъ ступеняхъ и во всѣхъ направленіяхъ должны быть разсматриваемы какъ единая система, какъ единое воспитаніе, какъ единое образованіе. Хотя поэтому при всякомъ преподаваніи надо имѣть въ виду какъ званіе, такъ и будущее положеніе, но необходимою для всѣхъ званій основою въ школахъ все-таки должны быть основательное познаніе Бога и обязанностей, чтеніе, письмо и пр. Итакъ, всѣмъ сословнымъ училищамъ предшествуетъ образованіе въ народной школѣ, которая, слѣдовательно, въ сущности не что иное какъ элементарное училище, и въ которой преподается все крайне необходимое для послѣдующихъ ступеней.—Лишь съ этимъ положеніемъ піэтизма истинное понятіе о народной школѣ получило реальность и данъ самый сильный толчокъ преобразованію системы народнаго обученія. А такъ какъ цѣль народной школы, воспитать дѣтей истинными христіанами, въ то же время и цѣль высшихъ училищъ, хотя съ примѣненіемъ болѣе разнообразныхъ средствъ образованія, то послѣдняго рода заведенія не только переносятся отъ важности объединенія прежнихъ ученыхъ школъ ближе къ жизни, но вмѣстѣ съ тѣмъ вступаютъ также въ органическое и живое отношеніе къ народному училищу. — Въ наставленіи тѣхъ, кто посвящаетъ себя гражданскимъ промысламъ, ремесламъ и пр., помимо закона Божія имѣются въ виду не одни только необходимыя познанія, чтеніе, письмо и счетъ, но не слѣдуетъ упускать также изъ виду начала другихъ наукъ, а именно основныхъ знаній природы, географіи, исторіи, полицейскаго устава и т. п.; сообщая это впрочемъ болѣе мимоходомъ и гораздо позже.—Для занимающихся науками главный предметъ древнеклассическіе языки. Болѣе всего слѣдуетъ изучать латинскій языкъ и притомъ съ самаго начала по грамматикѣ, но въ то же время рано и многосторонне упражняться въ разго-

ворахъ въ классѣ и внѣ его, на прогулкахъ, при играхъ и пр. Греческое имѣетъ своимъ основаніемъ Новый Завѣтъ. Потому что главная польза древнихъ языковъ заключается въ вѣрномъ пониманіи священныхъ книгъ, которыя каждый изъ учащихся обязанъ читать въ оригиналѣ. Хорошо, конечно, понимать также и языческихъ писателей; однако излишнія занятія ими могутъ отвлечь отъ уваженія къ библіи. Притомъ многіе изъ древнихъ авторовъ опасны для юношества со стороны нравовъ: потому слѣдовало бы нѣкоторыхъ вовсе исключить, а другихъ читать только въ извлеченіяхъ; необходимо составлять хрестоматіи. Кромѣ языковъ учащимся не должны быть чужды географія, исторія, математика, астрономія, естественная исторія и физика. Въ высшихъ классахъ сверхъ того надлежитъ преподавать логику, наставляющую въ правильномъ мышленіи, и реторику, обучающую вѣрному, ясному и хорошему изложенію, и особенно заниматься ими практически при помощи постояннаго упражненія въ диспутахъ, разсказахъ, рѣчахъ и пр. Не надо также упускать изъ виду попытки въ латинской и нѣмецкой поэзіи.

Для достиженія этихъ цѣлей необходимо, чтобы учители были отлично образованы. Для образованія учителей должны быть основаны педагогическія семинаріи. Эти семинаріи отличаются другъ отъ друга по своей организаціи. Всѣ онѣ вообще должны содѣйствовать возбужденію благочестиваго духа, такъ чтобы занятія производились какъ дѣло Божіе, т. е. чтобы люди, обязанные отдать Богу отчетъ въ своихъ дѣлахъ, споспѣшествовали по христіанскому ученію Божіимъ предначертаніямъ для временнаго и вѣчнаго блага человѣчества. Къ этой цѣли болѣе всего ведутъ часто отправляемыя богослуженія, взаимное возбужденіе благочестивыхъ чувствъ и намѣреній, искреннія бесѣды, религіозныя пѣснопѣнія и пр. Но для различныхъ цѣлей преподаванія и подготовка также должна быть различная. Для учителей народной школы необходимо ввести теоретическое и практическое руководство къ катехетикѣ; для учителей латинскаго языка—прилагать упражненія въ филологіи; а назначаемымъ для образованія высшихъ сословій—сообщить энциклопедическія свѣдѣнія о языкахъ и реальныхъ предметахъ.

Учитель въ высшихъ училищахъ обязанъ знать разныя науки. Но требовать все отъ одного невыгодно для школы: потому ни одинъ изъ учителей не долженъ быть назначаемъ для одного только класса, а напротивъ, каждый изъ нихъ обязанъ заниматься какъ въ высшихъ, такъ и въ низшихъ классахъ. Не держите также и ученика въ одномъ и томъ же классѣ, если онъ въ

нѣкоторыхъ отрасляхъ обученія перегналъ послѣдній: помѣщайте его по каждому предмету сообразно его познаніямъ. Для того чтобы все гармонично согласовалось между собою, необходимо установить твердую норму для учебнаго плана и метода и начертать инструкцію для каждаго урока, не лишая впрочемъ учителя возможности обнаружить свои естественныя дарованія. Не слѣдуетъ стѣснять духъ, но необходимо обозначить мѣру, предѣлъ и цѣль всему, что преподается учителемъ. Всеобщее правило метода состоитъ въ постоянной бесѣдѣ съ учениками: катехизація—душа преподаванія. Ею облегчается ученіе. Но такое облегченіе не должно совершаться въ ущербъ юношеской дѣятельности. Много трудиться памятью, умомъ и перомъ—вотъ въ чемъ главное дѣло. Душою преподаванія считается повтореніе пройденнаго: повтореніе не дастъ ученику заснуть на мнимомъ знаніи. Въ ученыхъ школахъ для каждаго урока назначается для повторенія извѣстный день въ недѣлѣ. Въ этотъ день каждый изъ учениковъ переходитъ на одинъ часъ опять въ тотъ же классъ, гдѣ преподается пройденный имъ уже урокъ. Всякіе предметы по мѣрѣ возможности надо передавать нагляднымъ образомъ. Особенно дѣтямъ слѣдовало бы ознакомиться съ окружающею ихъ природою, съ занятіями человѣческой жизни, съ мастерскими ремесленниковъ. Для посѣщенія послѣднихъ необходимо отвесть или назначить нѣсколько часовъ. Нѣкоторые предметы природы должны быть собраны въ физическомъ кабинетѣ. Назначаются частыя испытанія, болѣе или менѣе торжественныя: они важны, для того чтобы поддержать въ постоянной дѣятельности какъ учителей, такъ и учениковъ. Дисциплина въ школѣ должна быть строгая; но строгость да сочетается съ любовью. По возможности слѣдуетъ обходиться безъ палки и розогъ. Бранныя и поносныя слова и всякія неумѣстныя наказанія запрещаются. Для того чтобы съ каждымъ изъ учениковъ обращаться надлежащимъ образомъ, учителю вмѣняется въ обязанность „внимательно слѣдить за воспитанникомъ и передъ каждымъ экзаменомъ—значитъ черезъ каждые три мѣсяца — составлять отчеты о его благочестіи, занятіяхъ, помыслахъ, нравѣ и о сложеніи его тѣла; эти отчеты вносятся потомъ въ книгу, съ тѣмъ чтобы каждаго воспитать по возможности лучше сообразно его состоянію.“

Пособіями для преподаванія піэтизму служили составленные его педагогами и появившіеся большею частью въ связанной съ заведеніями въ Галле книжной лавкѣ учебники и руководства. Изъ этого заведенія вышло несмѣтное число библій. Въ классахъ закона Божія господствовали краткіе учебники Фрейменгаузена, въ классахъ

исторіи—географія и всемірная исторія Фрейера, для обученія языкамъ — латинская и греческая грамматики Ланге и Шульце. Гейнцельманъ и Вольфрамъ составили греческія и латинскія книги для чтенія. Латинскіе и греческіе авторы вышли дешевыми изданіями. Сарганекъ составилъ Французскій лексиконъ и Французскую грамматику. Составлялись также французскія книги для чтенія. Орфографія Фрейера, его нѣмецкая и латинская ораторія расходились всюду. Гоффманъ осуществилъ мысль, въ своей физикѣ ввести въ народную школу популярное естествовѣдѣнье и естественную исторію. Географія Фабри, естествовѣдѣнье Николаи, руководство общеполезныхъ знаній Юнкера вышли также изъ школы піэтизма.

Воспитаніе піэтизма было знаменательно въ эпоху его появленія и рѣшительнымъ успѣхомъ въ отношеніи педагогической идеи. Благодаря піэтизму школа вновь пристала къ жизни. Различнаго рода училища составили одно органическое цѣлое, въ основѣ котораго поставлена была народная школа. Этотъ учебный организмъ вступилъ въ тѣсныя сношенія и связь съ семьею, такъ какъ заявлено было требованье, что школьное воспитаніе необходимо должно быть поддерживаемо домашнимъ. Итакъ, піэтистическая школа была произведеніемъ истинно протестантскаго духа, домогающагося попеченія для особи и требующаго, чтобы всякое знаніе и пониманіе единичнаго человѣка возлагалось на его личную совѣсть. Такъ какъ піэтистическіе принципы воспитанія были настоящими протестантскими, то они и распространились по всей евангелической Германіи. Школы для бѣдныхъ и сиротскіе дома залагались въ большомъ числѣ. Обнародовались учебные уставы въ піэтистическомъ духѣ. Во многихъ мѣстахъ въ школахъ для сиротъ и бѣдныхъ, а также и въ гимназіяхъ пеклись о подготовкѣ будущихъ народныхъ учителей. Всѣ правительства обратили небывалое еще доселѣ вниманіе на систему народныхъ школъ. Піэтизмъ создалъ новую жизнь на поприщѣ воспитанія.

Школы піэтизма скоро начали страдать тѣми же противорѣчіями и впадать въ ту же крайность, какъ и религіозное его воззрѣніе. Въ церкви піэтизмъ мало по малу отчуждалъ человѣка отъ дѣйствительной жизни и отравлялъ всякія невинныя удовольствія его, такъ что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, въ Лейпцигѣ напр., считалось ужъ признакомъ ортодоксіи, если на досугѣ посѣщались танцы и комедіи: согласно съ этимъ онъ и въ школѣ сдѣлался церковно-полицейскимъ, основаннымъ на страхѣ и боязни смирительнымъ заведеніемъ. Духъ въ піэтистической школѣ былъ замѣненъ формою. Наружное святошество стало существеннымъ дѣломъ.

Ввели суровую нравственную полицію и строгую монастырскую дисциплину, а главнымъ средствомъ воспитанія неусыпный и строгій надзоръ какъ въ семьяхъ, такъ и въ школахъ; воспитанниковъ ни на мигъ не оставляли безъ надзора и тѣмъ лишали ихъ всякаго самостоятельнаго развитія, предполагая, что сама себѣ предоставленная молодежь легко развращается вслѣдствіе праздности, болтовни и безнравственности. Молитвы слѣдовали за молитвами безъ конца. Молились, проповѣдывали, увѣщевали, упражнялись въ пѣснопѣніи при каждомъ удобномъ случаѣ. Откровенные люди и святоши перемѣшались другъ съ другомъ. Вообще обнаруживали слишкомъ мало знанія юношеской жизни, для того, чтобы сообразно съ нею, установить религіозныя отправленія. Оттого молодыхъ людей непомѣрнымъ умерщвленіемъ плоти часто отчуждали отъ религіи. Тогда какъ у нѣкоторыхъ лежащія въ основѣ этихъ отправленій религіозныя чувства пустили корни и сохранились на всю жизнь; въ то же время другіе сдѣлались тѣмъ хуже, чѣмъ лучше они должны были или хотѣли казаться съ виду: ложь и ханжество, бездушное осужденіе и фарисейство оказались плодами воспитанія, и тогда какъ съ одной стороны въ единичныхъ личностяхъ подавлена была всякая свѣжая и индивидуальная жизненная сила, такъ что онѣ въ вѣкъ свой не въ состояніи были вздохнуть свободно и смѣло, въ то же время съ другой стороны въ сильныхъ натурахъ долго сдерживаемый и заглушаемый пылъ самости разгорѣлся впослѣдствіи въ пожирающее жизнь и силу пламя. Религія многимъ стала ненавистна; благочестіе сдѣлалось посмѣшищемъ. А въ концѣ концовъ религіозныя отправленія и преподаваніе закона Божія все-таки пребыли единственными предметами преподаванія, оттого что всякая наука, не имѣвшая непосредственнаго отношенія къ религіи, презиралась. Школы для сиротъ и бѣдныхъ, бывшія сначала плодомъ христіанской благотворительности, стали считаться средствами для достиженія собственнаго, эгоистическаго душевнаго спасенія, и молитва сиротъ возъимѣла такое же значеніе, какое въ католической церкви придавалось молитвѣ монаховъ въ монастыряхъ. Оттого-то въ числѣ благодѣяній Сиротскому дому отъ 1779—1783 гг. упоминаются слѣдующія „3 гроша отъ благотворительницы, молившей Бога о благополучномъ разрѣшеніи отъ бремени"; „4 гроша за молитву въ пользу страдающаго больными глазами; „1 грошъ за исцѣленіе зубной боли"; „8 грошей: молите Бога милыя сироты, за мои грѣшные помыслы"; „4 гроша: да даруетъ мнѣ Господь вѣру въ Сына Божія и пр." Дисциплина піэтистическихъ школъ въ концѣ концовъ имѣла цѣлью подавить всякое чувство собственнаго достоинства, внушить робость и застѣнчивость. Молодыхъ людей мучили ипохондрическіе учители, тер-

завшіеся отъ жалкаго самосознанія своего ничтожества передъ Богомъ и людьми, а не то ихъ истязали грубые нахалы. Розги и палка сдѣлались главнымъ орудіемъ дѣтскаго воспитанія, а чего не добивались палкою, то исполнялось механизмомъ преподаванія. Воспитаніе ортодоксіи подавляло духъ безсмысленнымъ заучиваньемъ наизусть, долбленіемъ склоненій и спряженій, а піэтизмъ въ свою очередь убивалъ его такимъ же безсмысленнымъ аскетизмомъ и бичеваніемъ. Въ Шульфортѣ во время Бардта побои составляли главное дѣло, и учители били учениковъ, когда послѣдніе погрѣшали противъ синтаксиса, надзиратели били своихъ младшихъ товарищей, когда они не льстили имъ, а Бюшингъ между тѣмъ въ латинской школѣ въ Глаухѣ засталъ такой же грубый безпорядокъ и такое же дурное обращеніе. Грубость была отблескомъ отвлеченнаго благочестія.—Оттого школы піэтистовъ и пали, конечно, въ общественномъ мнѣніи, и онѣ падали тѣмъ еще болѣе, чѣмъ сильнѣе проникали въ жизнь школы абстрактно-человѣчнаго воспитанія.

Реальная школа также выросла на почвѣ піэтизма. Правда, благодаря расширившимся торговымъ и промышленнымъ сношеніямъ, размаху гражданской жизни, реальныя знанія стали уже уважаться, а благодаря педагогикѣ Коменскаго поднялось также ихъ значеніе для школъ. Число дѣтей, не обучавшихся латыни, но нуждавшихся для практической жизни въ познаніяхъ изъ геометріи, ариѳметики, физики, механики и пр., росло изъ года въ годъ. Вслѣдствіе этого требовались школы, гдѣ преподавались и усвоивались бы не слова, а предметы, не языки, а знанія, основанныя на современныхъ открытіяхъ и на успѣхахъ естественныхъ наукъ. Сами гимназіи не могли противостоять реалистическому направленію. Онѣ все болѣе и болѣе начали вводить у себя реальныя знанія. Во многихъ ученыхъ школахъ ввели учебники Коменскаго, а преподаваніе математики при этомъ шло совершенно въ реальномъ духѣ, такъ что оно совмѣщало въ себѣ всеобщую математику, практическую ариѳметику, теоретико-практическую геометрію, оптику, фортификацію, архитектуру, космографію, хронологію, гномику, механику и хиромантію. При всемъ томъ сознавали, что такимъ образомъ гимназіи согласно съ требованьемъ эпохи преобразились лишь въ приготовительныя заведенія для студентовъ, тогда какъ „отдѣлъ учениковъ, не занимающихся науками, а избравшихъ себѣ либо ремесло, либо купеческое дѣло, либо военную службу, долженъ обучаться чистописанію, счету, математикѣ, письмоводству, космографіи и исторіи“. Въ пользу этого стремленія и сознанія прежде всего высказался инспекторъ нѣмецкихъ школъ Франка, священникъ въ Галле, *Христофъ Землеръ* въ своемъ обна-

родованномъ отчетѣ отъ 1739-го г: „Королевско-Прусскимъ правительствомъ герцогства Магдебурга и Берлинскимъ королевскимъ обществомъ наукъ одобренная и вновь открытая математическая механическая и экономическая *реальная школа* при городѣ Галле". Итакъ, Землеръ впервые ввелъ названіе „реальная школа" въ области практической педагогики. „Non scholae sed vitae discendum" *) было — какъ выразился онъ—его учебнымъ правиломъ въ теченіи 40 лѣтъ. А для жизни необходимы познанія о вѣсѣ и мѣрѣ, о металлахъ, минералахъ, простыхъ и драгоцѣнныхъ камняхъ, о деревѣ и краскахъ, объ употребленіи циркуля и линейки, о земледѣліи, садоводствѣ, пчеловодствѣ, о календарѣ, астрономіи и географіи, нѣчто объ анатоміи и о діэтѣ, самое необходимое о полицейскомъ уставѣ, объ исторіи отчизны, притомъ также о картѣ Германіи вообще и герцогства Магдебурга въ частности и пр. Въ 1706-мъ г. уже обратился онъ съ этими учебными воззрѣніями къ Магдебургскому правительству, которое охотно согласилось съ ними, а спрошенное этимъ правительствомъ Берлинское общество наукъ отвѣтило въ томъ же году, что „хорошо было бы, подобно тому какъ имѣются школы для образованія будущихъ церковныхъ и государственныхъ служителей, обучать мальчиковъ, посѣщавшихъ доселѣ однѣ лишь нѣмецкія училища, въ извѣстнаго рода механической школѣ, такъ чтобы изощрились ихъ умъ и чувства и особенно чтобы они ознакомились съ необходимыми матеріалами и предметами, съ ихъ добротою и цѣнностью, потомъ научились бы употреблять и понимать какъ простой, такъ и пропорціональный циркуль, линейку, наугольникъ, вѣсы и, если можно, также простой микроскопъ для точнаго изслѣдованья тѣлъ, сверхъ того другія полезныя орудія, инструменты и подъемныя машины, и вмѣстѣ съ тѣмъ могли бы впослѣдствіи воспользоваться этими знаніями для лучшаго пониманія и исполненія пріемовъ, и для изобрѣтенія новыхъ". Получивъ пособіе отъ города, Землеръ у себя дома поручилъ „весьма опытному въ математическихъ, механическихъ и экономическихъ наукахъ ученому" обучить 12 бѣдныхъ мальчиковъ. Для нагляднаго преподаванія служили „63 особаго рода предмета" (objecta singularia), попреимуществу въ видѣ моделей. Обученіе не ограничивалось одними только „отвлеченностями, обобщеніями и умозрѣніями; напротивъ, главнѣйше обращалось вниманіе на обыденное и необходимое и на все, что относится къ самымъ насущнымъ потребностямъ общественнаго быта".

Землеръ впервые ясно высказалъ идею о реальной школѣ. Но первое значительное реальное училище въ Германіи о-

*) „Должно учиться не для школы, а для жизни".

сновалъ въ Берлинѣ вышедшій изъ Франковой школы въ Галле *Іоаннъ Юлій Гекеръ.* Назначенный съ 1738-го г. священникомъ въ церкви Святыя Тройцы въ Берлинѣ, онъ ввелъ утреннія проповѣди, а въ каждое воскресенье по вечерамъ катехизическія упражненія, въ которыхъ повторялъ первыя. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ изъ доходовъ, получаемыхъ имъ за исповѣдь, изъ разрѣшенной попечителемъ доли церковнаго сбора и изъ собираемыхъ въ кружкѣ по окончаніи проповѣди денегъ соорудилъ зданіе для училища, въ которомъ въ 1739-мъ г. и было отрыто ученіе съ шестью учителями. Сверхъ того онъ основалъ даровыя школы, размножившіяся въ нѣсколько лѣтъ до того, что чуть ли не на каждой улицѣ находилось по даровой школѣ и болѣе 400 дѣтей пользовались даровымъ обученіемъ. Въ 1746-мъ г. онъ расширилъ свои заведенія, носившія съ этихъ поръ названіе „реальныя училища", такъ что ученики обучались въ пяти теологическихъ, двухъ латинскихъ, двухъ французскихъ и стольвихъ же географическихъ и историческихъ классахъ, и знакомились съ первоначальными основаніями естествовѣдѣнія. Въ 1747-мъ г. въ учебный планъ вошли рисованіе, геометрія, механика, архитектура, мануфактура, сельское хозяйство и знаніе произведеній природы и искусствъ, а въ 1748-мъ г. школа, въ качествѣ признаннаго королемъ реальнаго училища, получила опредѣленную организацію. Съ этихъ поръ заведеніе состояло изъ нѣмецкой, реальной и латинтинской школы. Нѣкоторые изъ учениковъ латинской и нѣмецкой школы посѣщали уроки въ реальномъ училищѣ. Вообще ученики латинской школы, въ которой по 12 часовъ въ недѣлю преподавалась латынь, по 5 французскій языкъ и другіе предметы, обязаны были участвовать въ нѣкоторыхъ отрасляхъ реальнаго преподаванія. Въ реальномъ училищѣ преподавали не только ариѳметику, геометрію, механику, архитектуру, рисованіе, естествовѣдѣніе и пр., но обучали также разведенію тутовыхъ деревъ и уходу за шелковичными червями, водили учениковъ въ мастерскія и пр. — Вскорѣ Гекерово реальное училище весьма прославилось, и слава его увеличилась еще, когда съ 1753-го г. инспекцію въ немъ принялъ на себя такой же рѣшительный приверженецъ піэтизма, *Іоаннъ Фридрихъ Гэнъ* (— родился въ 1710-мъ г. въ Байрейтѣ—), который уже въ качествѣ учителя въ школѣ при монастырѣ Бергенѣ съ преданною любовью снисходилъ до воззрѣній своихъ учениковъ и читалъ въ тамошней учительской семинаріи лекціи о методѣ преподаванія. Гэнъ для своихъ учениковъ, помимо другихъ учебниковъ написалъ краткія руководства геометріи, тригонометріи и военнаго искусства въ таблицахъ. Въ составленіи этихъ таблицъ и заключалась особенность его метода, по

которому главные предметы преподаванія и особенно важнѣйшія научныя правила записывались въ школахъ на доскахъ, въ формѣ таблицъ, одними лишь начальными буквами словъ (литерами вмѣсто полнаго слова—литеральный методъ); этимъ путемъ имѣлось въ виду облегчить заучиванье наизусть и добиться основательности въ обсужденіи предметовъ. При всякомъ преподаваніи онъ исходилъ отъ наглядности. Для этого служила большая коллекція реальныхъ предметовъ: въ ней находились модели зданій, кораблей, шкаповъ, плуговъ, маслобойныхъ кадокъ, колоннъ различныхъ орденовъ, картины, представлявшія полное римское тріумфальное шествіе, собраніе купеческихъ товаровъ, фармакогностическая коллекція, образчики кожъ и пр. Ботаническій садъ и плантація тутовыхъ деревъ находились при реальномъ училищѣ и также служили ему.

Такова была первая реальная школа—доходившая во многомъ до крайности, ложно понимаемая при своемъ появленіи и часто вовсе не признаваемая (—когда въ 1742-мъ г. ректоръ Шётгенъ въ Дрезденѣ составилъ учебный планъ для учениковъ, „желавшихъ обойтись безъ латыни,“ то онъ тутъ же присовокупилъ: „Мое предложеніе отвергнуто даже прежде появленія его на свѣтъ Божій; но что за бѣда; если оно еще не созрѣло теперь, то подождемъ, когда настанетъ будущность его“—), а все-таки она послужила истиннымъ началомъ новой жизни и новаго развитія въ школѣ, что начиная съ 1748-го г. и до настоящаго времени и постигается все глубже, такъ что эта школа останется даже основою для дальнѣйшаго будущаго.

23.

Педагоги и педагогическіе писатели піэтизма.

Шпенеръ, глубоко проникшись и убѣдившись какъ въ тщетѣ безплодной догматики и полемики, такъ и во всеобщей порчѣ нравовъ, постигъ здравымъ, свѣтлымъ умомъ, что его реформація теологіи и религіи должна исходить отъ юношества и слѣдовательно отъ улучшенія системы воспитанія. Потому онъ и требовалъ отъ школы, чтобы она вселяла благочестіе въ молодомъ поколѣніи и основала чистую вѣру не на догматѣ, а на Священномъ Писаніи. Однако кругъ дѣйствія Шпенера ограничился главнѣйше церковною учительскою должностью, и піэтизмъ лишь съ

Августомъ Германномъ Франкомъ

выступилъ на реформаторскій путь въ области воспитанія. Франкъ родился въ 1663-мъ г. въ Любекѣ; отрокомъ и юно-

шей онъ воспитывался въ Готѣ, подъ вліяніемъ школьныхъ преобразованій герцога Эрнста Благочестиваго. Изучивъ въ Эрфуртѣ особенно логику, метафизику и еврейскій языкъ, въ Килѣ философію, филологію, исторію и теологію, достигнувъ потомъ въ Гамбургѣ при Эздрѣ Эдзарди совершеннаго знанія еврейскаго языка, посвятивъ въ Готѣ полтора года своимъ научнымъ занятіямъ, изучивъ впослѣдствіи въ Лейпцигѣ, помимо теологіи, раввинскій и итальянскій языки и усовершенствовавшись во французскомъ и англійскомъ, онъ молодымъ человѣкомъ уже сдѣлался самымъ вѣрнымъ ученикомъ Шпенера. Въ 1684-мъ г. онъ получилъ ученую степень въ Лейпцигѣ и началъ читать разнаго рода лекціи, изъ которыхъ весьма важенъ былъ курсъ филологической библіи; въ немъ онъ по воскресеньямъ, послѣ вечерней проповѣди, коротко и съ практическими приложеніями пояснялъ отрывки попеременно то изъ Ветхаго, то изъ Новаго Завѣта, и этимъ курсомъ особенно интересовался Шпенеръ, бывшій тогда главнымъ придворнымъ священникомъ въ Дрезденѣ. Въ 1687-мъ г. Франкъ отправился въ Люнебургъ, съ тѣмъ чтобы подъ руководствомъ суперинтендента Зандгагена усовершенствоваться въ толкованіи Священнаго писанія, и здѣсь тревога его внутренней жизни разрѣшилась успокоеніемъ въ Богѣ. Стремясь изслѣдовать доводы вѣры, онъ сталъ наконецъ сомнѣваться въ существованіи Бога, и въ немъ часто возникалъ вопросъ: Іудеи вѣрятъ въ талмудъ, Турки въ коранъ, а христіане въ библію,—кто изъ нихъ правъ? Дойдя до высшей степени въ этой борьбѣ сомнѣній, онъ обрѣлъ наконецъ цѣль. Разомъ исчезли всѣ сомнѣнія, и онъ отъ души увѣровалъ въ благодать и любовь Божію во Христѣ, такъ что осмѣлился назвать его не только своимъ Богомъ, но даже Отцомъ, и съ этой поры, исполнившись благодарной любви къ Христу, онъ ощущалъ въ себѣ истинную алчность и жажду обращать къ нему души. Еще въ 1687-мъ г. направился онъ въ Гамбургъ и основалъ тамъ дѣтскую школу, при устройствѣ которой ему становилось все яснѣе, какъ испорчена обыкновенная учебная система и какъ въ высшей степени недостаточно дѣтское воспитаніе. Тогда уже въ немъ пробудилось желаніе, чтобы Богъ удостоилъ его хоть чѣмъ-нибудь содѣйствовать улучшенію системы школъ и воспитанія. Изъ Гамбурга онъ черезъ 2 мѣсяца прибылъ въ Дрезденъ къ Шпенеру, а потомъ въ Лейпцигѣ продолжалъ свои лекціи, которыя имѣли, правда, чрезвычайный успѣхъ, но, вслѣдствіе того что онъ въ своихъ воспитанникахъ обращалъ вниманіе не только на преуспѣяніе въ наукахъ, а также и на внутреннее дѣйствительное обращеніе ко Христу, они возбудили противъ него сильное движеніе, причемъ его послѣдователи въ насмѣшку и были прозваны „піэтистами;“ дѣло дошло наконецъ до

того, что ему запретили даже читать теологическія лекціи. Послѣ того въ 1690-мъ г. онъ былъ избранъ въ діаконы въ Эрфуртѣ, но уже въ 1691-мъ безъ всякаго суда отрѣшенъ, какъ виновникъ многихъ смутъ, враждебною ему правовѣрною партіею и долженъ былъ въ теченіе двухъ дней покинуть городъ. Въ то же самое время изъ Берлина, куда незадолго передъ тѣмъ пригласили Шпенера, ему поручена была каѳедра восточныхъ языковъ во вновь основанномъ университетѣ въ Галле и вмѣстѣ съ тѣмъ должность пастора въ Глаухѣ, близъ того же города. Въ 1692-мъ г. онъ приступилъ къ своимъ новымъ должностямъ и прежде всего занялся главнѣйше своимъ крайне запущеннымъ приходомъ. Онъ обратилъ также особенное вниманіе на бѣдныхъ. Какъ въ Галле, такъ и въ предмѣстьи вошло въ обычай,—говоритъ онъ въ своихъ „Благодарныхъ слѣдахъ"—назначать извѣстный день, когда бѣдные должны были всѣ вмѣстѣ приходить къ дверямъ каждаго изъ жителей и такимъ порядкомъ по одному разу въ недѣлю получать милостыню. Такъ какъ въ сосѣдствѣ съ моимъ пасторскимъ домомъ въ Глаухѣ это случалось по четвергамъ, то нищіе въ этотъ день собирались точно такъ же и передъ моею дверью. Въ продолженіе нѣкотораго времени я велѣлъ выдавать имъ хлѣбъ: вскорѣ однако мнѣ пришло въ голову, что тутъ представляется удобный случай помочь словомъ Божіимъ душамъ этихъ бѣдныхъ людей, зараженныхъ большею частью крайнимъ невѣжествомъ и великою злобою. А потому, когда они собрались однажды передъ домомъ въ ожиданіи плотской милостыни, я зазвалъ ихъ къ себѣ въ комнату: велѣлъ стать старикамъ на одну сторону, а молодому люду на другую, и началъ младшихъ ласково выспрашивать изъ Лютерова катехизиса, объ основахъ ихъ христіанства; стариковъ я заставлялъ только слушать. Закончивъ все это молитвою, я роздалъ имъ милостыню, объяснивъ при этомъ, что впредь они точно такъ же всякій разъ будутъ получать какъ духовную, такъ и плотскую пищу. Съ этихъ поръ меня очень озабочивало ужасное невѣжество бѣднаго люда, особенно то, что по причинѣ бѣдности родителей такое множество дѣтей не въ состояніи посѣщать школу, ни пользоваться хотя бы сколько-нибудь порядочнымъ воспитаніемъ; а напротивъ, они подростаютъ въ самомъ гнусномъ невѣжествѣ и въ крайней злобѣ. Сверхъ того меня сильно безпокоила нужда бѣдняковъ воздерживавшихся отъ публичнаго нищенства. Чтобы хоть сколько нибудь помочь имъ, я купилъ кружку и велѣлъ еженедѣльно обходить съ нею христолюбивыхъ студентовъ и другихъ доброхотныхъ дателей. Но вскорѣ оказалось, что нѣкоторые тяготятся кружкою, и доходъ былъ такъ ничтоженъ, что не стоило болѣе разсылать ее. Потому я и прекратилъ это; а

вмѣсто того велѣлъ поставить кружку въ комнатѣ пасторскаго дома, съ тѣмъ чтобы посѣщавшіе меня и приходившіе ко мнѣ изъ разныхъ мѣстъ клали туда для бѣдныхъ. Починъ съ этою кружкою положилъ я въ началѣ 1695-го г. Когда она простояла въ пасторскомъ домѣ съ четверть года, то нѣкто заразъ вложилъ въ нее четыре талера шестнадцать грошей. Взявъ ее въ руки, я сказалъ, исполненный радостной вѣры: Это изрядный капиталецъ, изъ него надо соорудить что нибудь путное: открою на эти деньги школу для бѣдныхъ. Въ тотъ же день распорядился я покупкою книгъ на два талера и пригласилъ бѣднаго студента обучать бѣдныхъ дѣтей по два часа въ день, за что обѣщалъ ему платить по шести грошей въ недѣлю. Нищія дѣти съ радостью приняли новыя книги: но изъ двадцати семи розданныхъ имъ книгъ они принесли назадъ только четыре; остальныя дѣти оставили книги у себя или продали ихъ и не приходили болѣе. Меня не испугало это, напротивъ, на оставшіеся шестнадцать грошей я купилъ новыя книги, которыя по окончаніи уроковъ дѣти должны были оставлять всякій разъ въ училищѣ. Съ такими скудными средствами и открылъ я на Святой 1695-го г. эту школу для бѣдныхъ. И дѣйствительно, выше упомянутые четыре талера шестнадцать грошей были настоящимъ починомъ и первымъ капиталомъ, изъ котораго сооружены не только школа для бѣдныхъ, но впослѣдствіи такъ же возникъ и развился сиротскій домъ.“

„Вскорѣ послѣ Тройцына дня нѣкоторые изъ гражданъ, увидѣвъ, какъ тщательно обучаются бѣдныя дѣти, захотѣли и своихъ такъ же отдать къ тому же самому учителю и предложили платить ему за каждаго ученика по одному грошу въ недѣлю. Тогда учителю пришлось по пяти часовъ въ день обучать всего около пятидесяти учениковъ, за что онъ и получалъ уже по шестнадцати грошей въ недѣлю“. „Около Тройцына дня положенъ также починъ обученію дворянъ и другихъ молодыхъ людей, жившихъ здѣсь на счетъ своихъ родителей и получавшихъ отъ меня учителей, занимавшихся по моему плану преподаваніемъ и воспитаніемъ. Поводомъ къ этому „педагогическому институту“ (какъ назывался онъ съ этихъ поръ) послужило то, что нѣкоторые изъ родителей обращались ко мнѣ за студентами для частныхъ уроковъ. Такъ какъ я не могъ удовлетворить ихъ желаніямъ (оттого что способные на то студенты сами хотѣли еще продолжать свои учебныя занятія), то и посовѣтовалъ имъ присылать дѣтей ко мнѣ, я же обязался назначать къ нимъ учителей: тогда ко мнѣ прибыло нѣсколько учениковъ, а когда это разгласилось, то вскорѣ послѣдовали за ними и другіе“. „Лѣтомъ 1695-го года получилъ я посланіе

отъ одной христолюбивой знатной особы, при чемъ безъ всякаго съ моей стороны домогательства и сверхъ ожиданія предлагалось мнѣ пятьсотъ талеровъ для раздачи бѣднымъ по моему усмотрѣнію, съ тѣмъ чтобы при этомъ обратить также особенное вниманіе на неимущихъ студентовъ. Вслѣдствіе этого я и выбралъ вскорѣ крайне нуждавшихся и наиболѣе достойныхъ благодѣянія студентовъ и выдавалъ имъ кому по четыре, другимъ по восьми, а инымъ по двѣнадцати грошей въ недѣлю, смотря по потребностямъ каждаго изъ нихъ. Вотъ по какому поводу неимущіе студенты пользуются также благодѣяніями сиротскаго дома". „Осенью необходимо было озаботиться помѣщеніемъ школы для бѣдныхъ. Въ пасторскомъ домѣ не было мѣста, а потому я и нанялъ комнату у ближайшаго сосѣда. Однако число дѣтей какъ зажиточныхъ, такъ и бѣдныхъ, возросло дотого, что въ началѣ зимы пришлось принанять еще одну комнату: затѣмъ я распредѣлилъ учениковъ, назначивъ къ дѣтямъ зажиточныхъ гражданъ одного особаго учителя, а къ бѣднымъ другого. Каждый изъ нихъ обучалъ по четыре часа въ день и получалъ по шестнадцати грошей въ недѣлю, да сверхъ того комнату съ отопленіемъ. Но увидѣвъ, что изъ бѣдныхъ дѣтей, иногда подававшихъ, впрочемъ, большія надежды, на самомъ дѣлѣ ничего путнаго не выходитъ, такъ какъ внѣ школы опять портилось то, что въ ней созидалось: то я и возъимѣлъ намѣренье принять нѣкоторыхъ изъ нихъ на полное содержаніе и воспитаніе. Это въ моихъ помыслахъ и было первымъ поводомъ основать сиротскій домъ, хотя у меня и не было еще въ виду ни малѣйшаго капитала на задуманное мною дѣло". Не вдолгѣ однако для этого завѣщано было пятьсотъ талеровъ; оказалось возможнымъ принять четырехъ, а вскорѣ затѣмъ 9 сиротъ и назначить надзирателемъ студента теологіи Георга Генриха Нейбауера. Вслѣдъ затѣмъ зимою прислано было еще тысяча, потомъ триста и еще сто талеровъ, такъ что открылась возможность выдавать еженедѣльно харчевыя деньги бѣднымъ сиротамъ, закупить платье, необходимое бѣлье и пріобрѣсти куплею сосѣдній домъ за триста шестьдесятъ пять талеровъ. „Потомъ я во имя Господа рѣшилъ неимущимъ студентамъ, взамѣнъ назначенныхъ имъ еженедѣльно денегъ, дать даровой столъ, убѣдившись, что 1) это гораздо болѣе послужитъ въ пользу студентовъ; но потребовалось конечно также большихъ расходовъ; 2) такимъ образомъ я лучше могъ ознакомиться съ молодыми людьми и строже слѣдить за ихъ занятіями и поступками; 3) притомъ, въ такомъ случаѣ я удобнѣе могъ бы отказать не очень нуждавшимся, если бъ они потребовали болѣе прихотливыхъ блюдъ". Въ связи съ этимъ даровымъ столомъ впослѣдствіи учреждена была „семинарія

учителей“, состоявшая изъ студентовъ теологіи, которые въ сиротскомъ домѣ пользовались даровымъ содержаніемъ, за что и обязаны были обучать по два часа въ день; такимъ образомъ пріобрѣтено не только много учителей для обученія юношества, но сверхъ того, когда впослѣдствіи этихъ людей назначали въ другія мѣста и къ общественнымъ должностямъ, особенно въ училища, то самое обученіе поставлено было на лучшую ногу, нежели было прежде въ школахъ вообще.—„До сихъ поръ говорилось о происхожденіи и о поводахъ къ открытію заведеній: теперь слѣдуетъ сказать объ успѣхѣ и ростѣ ихъ. Возникшая школа для бѣдныхъ была приведена въ лучшее состояніе. Образовалось четыре класса: одинъ для старшихъ и одинъ для младшихъ мальчиковъ; также одинъ для старшихъ и одинъ для младшихъ дѣвочекъ, такъ что всѣ бѣдныя дѣти въ городѣ, которыя не могли бы иначе вносить плату за школу, даромъ пользовались обученіемъ“. Въ 1697-мъ году устроено было еще особое училище для тѣхъ мальчиковъ, которые по желанію родителей обучались „основамъ научныхъ знаній“. Но въ 1699-мъ эта школа слилась съ классомъ тѣхъ сиротъ (даровитыхъ натуръ), которые обучались языкамъ и наукамъ: потомъ какъ тѣхъ, такъ и другихъ дѣтей, для лучшаго порядка и бóльшаго успѣха, распредѣлили по тремъ классамъ, въ каждомъ изъ которыхъ назначались особые и различные учителя, преподававшіе латынь, греческій и еврейскій языки, также исторію, географію, геометрію, музыку и ботанику. Во всѣхъ мѣщанскихъ училищахъ родители вносятъ нѣкоторую плату“.—„Мало по мало увеличилось не только число сиротъ, но также и пользовавшихся даровымъ содержаніемъ студентовъ, такъ что назначенный для того домъ оказался слишкомъ тѣсенъ и малъ; потому и слѣдовало подумать о постройкѣ болѣе обширнаго зданія. Но такъ какъ въ нашей странѣ не было еще сиротскихъ домовъ, которые могли бы служить образцомъ; то я и счелъ необходимымъ отправить Георга Генриха Нейбауера въ Голландію, какъ въ страну хорошихъ и образцовыхъ благотворительныхъ заведеній. Когда онъ, съѣздивъ туда, осмотрѣлъ тамъ сиротскіе дома, ихъ постройку, порядки и учрежденія, то въ 1698-мъ году 5-го іюля отвели мѣсто и въ слѣдующіе затѣмъ дни вырыли основаніе, а потомъ, 13-го іюля, и заложили съ Божьей помощью первый камень сиротскаго дома“.

Таковъ, по его собственнымъ простымъ, но многозначительнымъ словамъ, починъ всѣхъ заведеній Франка: школы для бѣдныхъ, нѣмецкаго и латинскаго училища, педагогическаго института, дарового стола, учительской семинаріи—сиротскаго дома. При закладкѣ зданія тамъ находилось уже 100 человѣкъ (74 маль-

чика и 26 дѣвочекъ) въ сиротскомъ домѣ, 110 въ школѣ для бѣдныхъ, 136 въ мѣщанскомъ училищѣ, 63 въ педагогическомъ институтѣ, пользовавшихся преподаваніемъ 56 учителей. Въ то же время 72 студента получали даровой столъ.

Благодаря энергіи Франка и поддержкѣ со стороны ближнихъ и дальнихъ приверженцевъ его великолѣпныхъ предпріятій, изумительно расширились эти въ зародышѣ своемъ скромные начатки.. Въ 1698-мъ г. уже возникло зданіе, образующее фасадъ Франковыхъ заведеній; „къ нему впослѣдствіи мало по малу примыкалъ весь составъ зданій и заведеній, который теперь образуетъ всю совокупность этихъ учрежденій и скорѣе походитъ на маленькій городокъ, нежели на воспитательный домъ". Съ заведеніемъ связана была **аптека**, также **книжная лавка**, которая, принявъ и исполнивъ предложеніе барона Канштейна „при помощи неизмѣнно составленныхъ формъ напечатать сто тысячъ экземляровъ библіи, пока не испортился самый шрифтъ," и выпустивъ въ 1713-мъ г. первое изданіе Новаго Завѣта стеоротипомъ, сдѣлалась такимъ образомъ самою значительною распространительницею Священнаго писанія; и до 1795-го г. въ ней было напечатано 1659883 библіи, 883890 Новаго Завѣта, 16000 экземпляровъ псалмовъ и 47500 книгъ Сираха. Число дѣтей, обучавшихся въ заведеніи, возростало все болѣе. При смерти Франка, въ 1727-мъ году, королю Фридриху Вильгельму I подана была слѣдующая роспись заведеній: 1) педагогическій институтъ: 82 ученика, 70 учителей и другихъ должностныхъ лицъ; 2) латинское училище: 3 инспектора, 32 учителя, 400 учениковъ, 10 слугъ и пр.; 3) нѣмецкія мѣщанскія школы: 4 инспектора, 98 учителей, 8 учительницъ, 1725 мальчиковъ и дѣвочекъ; 4) сиротъ: 100 мальчиковъ, 34 дѣвочки, 10 надзирателей и надзирательницъ; 5) застольниковъ: 225 студентовъ, 360 бѣдныхъ учениковъ; 6) домоводство, аптека и книжная лавка: 53 лица; 7) заведенія для женскаго пола: 15 въ институтѣ для дѣвицъ, 8 въ пансіонѣ для молодыхъ женщинъ, 6 вдовъ.

Главнѣйшая конечная цѣль для Франка во всѣхъ этихъ школахъ **состояла въ томъ**, чтобы **дѣти были хорошо руководимы къ живому познанію Бога и правдивому христіанству**. Помимо этого для всѣхъ равно необходимаго условія, связывавшаго разнородныя школы въ одно внутреннее и твердое цѣлое, признавались также и **законныя требованія жизни**, вслѣдствіе чего произошло многостороннее распредѣленіе, по которому каждое училище имѣло свою особую цѣль. Для **педагогическаго института** онъ поставилъ задачею: чтобы юношество положило твердую основу 1) въ истинномъ благочестіи, 2) въ необходимыхъ наукахъ, 3) въ искусномъ краснорѣчіи,

4) въ наружныхъ пристойныхъ нравахъ. Институтъ былъ устроенъ для воспитанія сыновей изъ высшихъ сословій; въ немъ находились свѣтлыя и удобныя помѣщенія для учениковъ и надзирателей. Къ нему же принадлежали ботаническій садъ, музей, физическій кабинетъ, физическая лабораторія, помѣщеніе для анатомическихъ упражненій, токарные станки и снаряды для шлифовки стекла. Въ 1706 г. предложенъ слѣдующій учебный планъ: „Помимо основы истиннаго христіанства мальчики обучаются латинскому, греческому, еврейскому и французскому языкамъ, также дѣлать хорошее нѣмецкое сочиненіе и писать красивымъ почеркомъ; сверхъ того ариѳметикѣ, географіи, хронологіи, исторіи, геометріи, астрономіи, музыкѣ, ботаникѣ, анатоміи и важнѣйшимъ основаніямъ медицины: сверхъ того въ досужіе часы они могутъ заняться работой на токарномъ станкѣ, шлифовкою стекла, живописью и пр.“ Занятіе древнеклассическою литературою какъ въ педагогическомъ институтѣ, такъ и въ латинской школѣ отступало на задній планъ: латинскому и греческому учились попреимуществу для того, чтобы читать Священное писаніе въ подлинникѣ, что всѣ ученики и обязаны были исполнить по возможности нѣсколько разъ. На латинскомъ читали Цицерона; поэтовъ замѣнялъ Пруденцій; впослѣдствіи вошли въ употребленіе хрестоматіи Фрейера изъ латинскихъ и нѣмецкихъ поэтовъ. Классы были такъ распредѣлены, что ученикъ могъ находиться не только въ одномъ изъ нихъ, — но, смотря по успѣхамъ въ тѣхъ или другихъ наукахъ, въ разныхъ классахъ, напр., по латинскому языку въ первомъ, а по греческому въ другомъ классѣ, такъ что по каждому изъ предметовъ у него были сотоварищи одинаково преуспѣвавшіе съ нимъ. Каждый изъ учениковъ обязанъ, правда, постоянно заниматься латинскимъ языкомъ, но остальные языки и науки онъ проходилъ поочередно однѣ послѣ другихъ, такъ чтобы сперва твердо усвоить себѣ одинъ предметъ, а потомъ уже перейти къ другому. Въ высшемъ классѣ педагогическаго института приготовляли къ университету: ученики бѣгло читали многихъ латинскихъ классиковъ, вступали другъ съ другомъ въ диспуты, говорили рѣчи, занимались реторикою, логикою, метафизикою, догматикою, читали въ подлинникѣ нѣкоторыя мѣста изъ Ветхаго и Новаго Завѣта, гомиліи Макарія, Nonni Paraphrasis Iohannis и пр.—Въ латинскихъ школахъ, кромѣ Закона Божія обучали чтенію, письму и счету, латыни, греческому, еврейскому, математикѣ, исторіи, географіи и музыкѣ. Между предметами преподаванія приводятся также ботаника, физика, живопись и анатомія. — О бытѣ и направленіи въ нѣмецкихъ школахъ Экштейнъ представилъ весьма интересный и полный

отчетъ. Дѣти, посѣщавшія эти училища, должны были приходить туда также и по воскресеньямъ до и послѣ проповѣди. Не полагалось ни свободныхъ послѣ-обѣденныхъ часовъ, ни праздниковъ, ни каникулъ. „Потому что, если дѣтямъ позволять ходить, куда имъ вздумается, то все, чему они научились въ теченіе недѣли, большею частью опять утрачивается, они при этомъ становятся чрезвычайно разсѣянными и часто грубѣютъ дотого, что учителямъ стóитъ не малаго труда въ началѣ недѣли привести ихъ опять въ нѣкоторый порядокъ.“ — Каждый день полагалось не менѣе семи урочныхъ часовъ: четыре передъ обѣдомъ, три послѣ обѣда; только у младшихъ было однимъ часомъ менѣе. Смотря по времени года, начинали утромъ въ 7, и кончали въ 5 часовъ; а въ болѣе короткіе дни начинали въ 8 часовъ и уроки продолжались отъ 1 до 4 часовъ послѣ обѣда. Когда учили при свѣчахъ, то безпорядки часто были неизбѣжны. — Преподаваніе имѣло главною цѣлью руководить дѣтей „къ живому познанію Бога и Христа и къ правдивому христіанству.“ Первымъ шагомъ для этого служитъ сознаніе своихъ грѣховъ, вытекающее отсюда искреннее раскаяніе и обращеніе сокрушенной кающейся души въ истинной вѣрѣ и смиренномъ упованіи ко кресту Іисуса. Посредствомъ одной только крови и смерти Христа достигаемъ милосердія и вѣчнаго спасенія. Этимъ путемъ человѣкъ вновь возрождается, становится новымъ существомъ, которое живетъ совершенно иною и новою жизнью и не находитъ болѣе никакого удовольствія въ свѣтской суетѣ. Для достиженія этой цѣли школа прибѣгала къ молитвѣ, обученію, общественному богослуженію и возбуждающимъ назиданіямъ.—Молитвѣ посвѣщается бóльшая часть урочнаго времени. Ей посвящается прежде всего первый утренній часъ. Утреннее молебствіе заключается въ слѣдующемъ: 1) поется утренняя пѣснь, 2) читается молитва, 3) потомъ также глава изъ Новаго Завѣта и 4) повторяются четыре члена катехизиса. Сама молитва совмѣщаетъ въ себѣ утреннее благословеніе, Отче нашъ, символъ вѣры безъ объясненія, а сначала также молитву изъ Арндтова „Райскаго сада“. Она читается поочередно старшими учениками „громкимъ голосомъ, съ внятнымъ произношеніемъ, медленно, со сложенными и поднятыми вверхъ руками, вообще съ христіанскимъ и скромнымъ видомъ.“ У младшихъ учитель самъ читаетъ молитву, а у старшихъ только по особому поводу, какъ то: въ случаѣ тяжкихъ проступковъ, предстоящихъ дней покаянія и молебствія; онъ дѣлаетъ это стоя или на колѣняхъ. Учителямъ постоянно слѣдуетъ напоминать, отнюдь не приступать къ молитвѣ, пока всѣ не успокоились, строго побуждать дѣтей къ тишинѣ и благоговѣнію, во время молебствія ревностно наблюдать за ними,

чтобы они не предавались шалостямъ, также не растягивать через-чуръ молитвы, „чтобы этимъ не наскучить дѣтямъ.“ Іюля 20-го 1715-го г. учителямъ разослано слѣдующее предписаніе: „Надлежитъ особенно радѣть о молитвѣ и читать ее съ дѣтьми какъ въ латинскихъ, такъ и въ нѣмецкихъ школахъ. Да упражняютъ ихъ въ молитвѣ и да поучаютъ, какъ слѣдуетъ молиться отъ души, что легко исполнить особенно при изученіи текстовъ и катехизиса, объясняя имъ, какимъ образомъ включить въ молитву истолкованный текстъ или членъ изъ катехизиса. Потому-что чѣмъ болѣе будутъ молиться дѣти, тѣмъ они будутъ послушнѣе.“ Въ 1702-мъ г. предписывается: „Учителя дожны поучать дѣтей, чтобы они сами умѣли излагать свои нужды Богу, а не ограничивались одною затверженною наизустъ формулою, иногда подсказывать приступающимъ къ молитвѣ дѣтямъ содержаніе послѣдней и заставлять ихъ молиться своими собственными словами, на что особенно пригодно время по окончаніи уроковъ въ школѣ, но главнѣйше утромъ, послѣ катехизическихъ занятій“.—Не только первый утренній часъ, но также и послѣ-обѣденный начинался такими молебствіями. Помимо того молились при началѣ и окончаніи каждаго урока. Чрезмѣрность этихъ религіозныхъ отправленій увеличивалась наконецъ еще церковными службами. При такихъ условіяхъ врядъ-ли обходилось безъ запрещаемаго „языческаго лопотанья“.—Собственно преподаваніе религіи было связано съ катехизисомъ, съ книгою текстовъ и библіею. Катехизису ежедневно посвящалось по нѣскольку часовъ. „Методъ его заключается 1) въ чтеніи въ слухъ, 2) въ толкованіи, 3) въ примѣненіи.“ При скудномъ образованіи учителей, самое исполненіе представляло много затрудненій; пособникъ для этого, „Рамбаховъ хорошо обучающій катехетъ“, явился лишь въ 1722-мъ г.—Первой ступени предшествовало, конечно, затверживанье на память. Текстъ Лютера соблюдался слово въ слово, не позволялось ничего ни прибавлять къ нему, ни выпускать изъ него. Учителя, не соблюдавшіе этой точности, порицались, а еще болѣе тѣ, которые, сами не усвоивъ себѣ членовъ, брались за книгу. Для твердаго усвоенія дословнаго текста служили ежедневныя повторенія въ школѣ и богослуженія въ церкви, при чемъ нѣкоторыхъ изъ дѣтей заставляли читать въ слухъ катехизисъ. — „Толкованіемъ поясняется простое значеніе каждаго слова въ катехизисѣ, для того чтобы дѣти не привыкали безсмысленно лопотать слова, такъ какъ это нисколько ихъ не исправитъ.“ Учителя должно быть плохо умѣли ставить вопросы, потому что имъ то и дѣло приходилось напоминать: „Наставникъ поучаетъ дѣтей, какъ имъ воспользоваться всѣмъ чему они учились, 1) для основанія благой вѣры и 2) для испы-

танія и улучшенія ихъ жизни; все это внушается имъ не путемъ многословія, а простыми вопросами и отвѣтами и притомъ съ любовью, кротостью и ласкою“.—Въ вышеприведенномъ отношеніи поступали также съ домашнею таблицею и вопросными статьями, съ утреннею, вечернею и застольными молитвами.—Для книги текстовъ и библіи назначался ежедневно особый часъ. Младшимъ, неумѣющимъ еще читать, учитель долженъ „слово въ слово, отъ одной запятой до другой, подсказывать текстъ и заставлять ихъ повторять это скромно и не очень крикливо, пока не будутъ знать текста: пусть затѣмъ учитель у всѣхъ по очереди переспрашиваетъ его. Послѣ этого пусть съ помощью вопросовъ поясняетъ имъ тотъ же текстъ“. У старшихъ дѣтей тексты замѣнялись отчасти короткими лекціями и псалмами, евангеліями и посланіями“. По два дня въ недѣлю назначались для толкованія и для назидательныхъ примѣненій, при чемъ учителя обязаны были выражаться ясно и просто; читать вслухъ по середамъ псалмы и тексты, а по субботамъ евангеліе и посланія. Ко всѣмъ этимъ урокамъ религіи присоединилось еще катехизическое преподаваніе, которымъ занимались въ третій послѣобѣденный часъ. На такой конецъ старшіе дѣти изъ всѣхъ классовъ собирались въ одинъ залъ. Нарочно для того назначенный катехетъ проходилъ съ ними катехизизъ, а „окончивъ его по прошествіи нѣсколькихъ недѣль“, вкратцѣ Новый Завѣтъ, такъ что и тотъ и другой „повторялись по нѣскольку разъ въ годъ“. Требовалось, чтобы дѣти усвоили себѣ катехизисъ слово въ слово, чтобы они поняли содержаніе и пользу каждой изъ книгъ Новаго Завѣта, „такъ чтобы съ дѣтства уже пріучались нетолько умѣть справляться по Новому Завѣту, но и пользоваться имъ для своего назиданія въ жизни“.

На чтеніе, письмо, счетъ и пѣніе въ совокупности каждый день назначалось столько же времени, какъ и на уроки религіи. Преподаваніе этихъ предметовъ вообще немногимъ отличалось отъ обычной въ то время рутины, такъ что мы вкратцѣ лишь коснемся его. Обученіе чтенію распредѣлялось по четыремъ (собственно тремъ) классамъ. На первой степени изучали буквы, на второй складывали въ азбукѣ, на третьей въ катехизисѣ, а на послѣдней читали всѣ вмѣстѣ. Собственно книги для чтенія вовсе не было; ее замѣняли библія и катехизисъ. Замѣчательно, что нигдѣ также не упоминается о церковномъ пѣсенникѣ. Франкъ усматривалъ большую важность въ обученіи письму. Онъ говоритъ: „Чтобы выучить дѣтей правильно писать, на это требуется много труда и цѣльный человѣкъ. Чѣмъ трудолюбивѣе и добросовѣстнѣе притомъ учитель, тѣмъ дѣти скорѣе и лучше вы учаются писать“. Самъ Франкъ писалъ круп-

нымъ и четкимъ почеркомъ и побуждалъ учителей усвоить себѣ также хорошій почеркъ. Апрѣля 1-го 1697-го г. онъ пригласилъ изъ Лейпцига учителя чистописанія, Готфрида Роста. Послѣдній и положилъ начало прямостоящему шрифту сиротскихъ домовъ, вытѣсненному въ наше время болѣе красивыми чертами. Ростъ раздѣлилъ учениковъ на три разряда: на 1) обучавшихся писать буквы, 2) списывавшихъ слоги и слова, и 3) копирующихъ полную пропись. Съ начинающими переходили отъ простыхъ къ сложнымъ формамъ и показывали, какъ однѣ возникали изъ другихъ. Учитель сперва прописывалъ зелеными или красными чернилами буквы и заставлялъ учениковъ водить по нимъ черными чернилами. Въ 1705-мъ г. упоминается уже о печатныхъ прописяхъ. Знаменательно также, что много заботились о сочиненіи писемъ. „Такъ какъ необходимо, чтобы всякій умѣлъ написать нѣмецкое письмо и вообще обо всемъ, что случается съ каждымъ въ человѣческомъ быту, то и слѣдуетъ старшихъ дѣтей научить этому, а именно, предлагать имъ вопервыхъ составленныя для того прописи; а вовторыхъ, умѣющимъ уже писать—задавать предметъ, который они обязаны обработывать у себя дома и представить въ школу; учитель же долженъ исправлять это, а исправивши, заставить ихъ еще разъ переписать то же самое“. Счету обучали весьма плохо, и въ этомъ отношеніи Франковы школы нисколько не отличались отъ своихъ современницъ. Для музыки назначался первый послѣобѣденный часъ по средамъ и субботамъ. При этомъ дѣлалось различіе между мальчиками и дѣвочками. Съ послѣдними предписывалось „весьма тихо и благоговѣйно пѣть“ церковныя пѣсни. Мальчикамъ преподавались также правила фигуральной музыки. Изъ коллегіи учителей составили музыкальную коллегію, заключавшую въ себѣ 14 искусныхъ пѣвцовъ, во главѣ которыхъ поставили префекта; они то и распредѣлили между собою преподаваніе. Мальчики, не обладавшіе голосомъ, должны были также учиться по крайней мѣрѣ нѣмецкимъ пѣснямъ. Одаренные голосомъ въ 1708-мъ г. уже дѣлились на пять разрядовъ. Помимо церковныхъ мелодій они обучались также аріямъ и давали иногда концерты, то на дворѣ у Франка, то во время экзамена, а сначала также и въ часы молитвъ. О пѣснопѣніи въ великую пятницу на страстной часто упоминается. Дѣвочекъ обучали также женскимъ рукодѣльямъ. Вязать учили всѣхъ, а шить только старшихъ „дѣвицъ, вносившихъ плату за ученье“. Сначала для бѣдныхъ мальчиковъ также назначался учитель вязанья; послѣдній только въ тридцатыхъ годахъ текущаго столѣтія прекратилъ свою дѣятельность у сиротъ. Экштейнъ разсказываетъ: „Въ молодости мнѣ самому еще приходилось проводить не мало драгоцѣнныхъ

часовъ за этимъ рукодѣльемъ. Точно также случалось мнѣ не разъ выслушивать отъ наставника поученіе, которое самъ Франкъ внушалъ сиротскимъ учителямъ, да напоминаютъ они дѣтямъ, „чтобы послѣднія сами чинили свое платье и штопали свои чулки, а не отдавали тотчасъ же портному, такъ какъ впослѣдствіи, по выходѣ изъ сиротскаго дома, имъ не все можно будетъ относить къ портному, но придется и самимъ кое-что починить". Для этого намъ выдавали также иголокъ и нитокъ, но на бѣду только бѣлыхъ, такъ что для починки черныхъ сюртуковъ приходилось ихъ до или послѣ шитья закрасить чернилами." Сиротъ сначала обучали по четыре часа въ день, если они не готовились къ научнымъ занятіямъ; впрочемъ впослѣдствіи, при выборѣ предметовъ преподаванія, обращалось много вниманія на практическую жизнь. Такъ напр. имѣвшіе въ виду сдѣлаться типографщиками или книгопродавцами учились читать полатыни, погречески и поеврейски, а также латинскимъ склоненіямъ и спряженіямъ. Франкъ въ 1697-мъ г. постановилъ даже слѣдующее: „Такъ какъ не занимающимся науками все-таки необходимо знать основы астрономіи, географіи, физики, исторіи и все касающееся полицейскихъ уставовъ въ ихъ мѣстности и краѣ, если они хотятъ быть разсудительными и полезными въ общественныхъ дѣлахъ людьми, то имъ, внѣ назначенныхъ урочныхъ часовъ, помимо упражненія въ вязаньи, какъ бы шутя слѣдуетъ сообщать самое необходимое изъ всѣхъ наукъ, такъ чтобы они напримѣръ научились познавать Бога изъ природы и дѣлами Его побуждались славить Господа, чтобы умѣли отличить одну страну отъ другой, знали какъ путешествуютъ, какъ измѣрить и разверстать поле, какъ пользоваться календаремъ и пр." Въ 1699-мъ году онъ въ проектѣ всѣхъ заведеній подъ номеромъ 5 упоминаетъ объ особомъ педагогическомъ заведеніи для такихъ дѣтей, „которыхъ надлежитъ обучать только письму, счету, латинскому, французскому и экономіи, и которыя не имѣютъ въ виду продолжать ученыя занятія, а готовятся въ прислуги къ знатнымъ господамъ, въ писаря, купцы, управляющіе помѣстьями и къ полезнымъ искусствамъ; связанное до сихъ поръ большею частью съ педагогическимъ институтомъ, учрежденіе это должно впредь отдѣлиться отъ него". „Изъ этого педагогическаго заведеніи и возникъ пансіонъ латинской школы, а наконецъ въ 1738-мъ г. реальное училище. Итакъ, педагогическій реализмъ уже въ первоначальныхъ Франковскихъ заведеніяхъ пустилъ свои ростки. Франкъ, какъ замѣчаетъ Наземанъ, не могъ или не хотѣлъ явно отрѣшиться отъ вліянія тогдашней эпохи. Періодъ съ послѣдней трети семнадцатаго и до перваго десятилѣтія слѣдующаго затѣмъ столѣтія назвали эпохою изо-

брѣтеній, и, если принять въ расчетъ застой прежнихъ вѣковъ, то ему подобаетъ это имя можетъ быть съ такимъ же правомъ какъ и нашему времени. Достаточно привесть здѣсь имена Ньютона, Бейля, Гейгенса, Гарвея, Лемери, а въ Германіи—Лейбница ,Глаубера, Бехера, Бранда и Шталя. До какой степени все поколѣніе было возбуждено этимъ движеніемъ, видно между прочимъ изъ основанія академій и появленія періодическихъ изданій, сдѣлавшихъ для публики доступными результаты ученыхъ изслѣдованій (напримѣръ Acta Eruditorium съ 1682-го г.), также изъ постройки астрономическихъ обсерваторій и заложенія мануфактуръ, банковъ и другихъ учрежденій кредитной системы, даже изъ пристрастія къ алхиміи и заботъ объ освѣщеніи и мощеніи улицъ. Всѣ и всякъ пустились наблюдать, дѣлать опыты, выдумывать механическія изобрѣтенья и усовершенствованья; простые мѣщане въ досужіе часы занимались физическими изслѣдованіями, естественныя науки приняли космополитскій характеръ; естествоиспытатели всѣхъ странъ подали другъ другу руку для дружнаго содѣйствія во всестороннемъ методическомъ вникновеніи въ тайны природы. Читая про знатнѣйшихъ ученыхъ, что они не гнушались своими научными изслѣдованіями и размышленіями служить требованіямъ обыденной жизни, —такъ Лейбницъ изобрѣлъ счетную машину, пытался усовершенствовать карманные часы, кареты, помышлялъ о механизмѣ для направленія кораблей противъ вѣтра и подъ водой;—мы невольно удивляемся этому въ виду современнаго болѣе свободнаго положенія точныхъ маукъ; но въ отношеніи той эпохи тѣмъ еще яснѣе обнаруживается, какъ мало практика была тогда связана съ теоріею, и тѣмъ скорѣе слѣдуетъ предположить, что тогда ни одинъ изъ образованныхъ людей не могъ избѣгнуть охватившаго эпоху всеобщаго потока. Это вліяніе отразилось также и въ Галле. Между профессорами новаго университета находился Георгъ Эрнстъ Шталь, основатель новой школы и главный авторитетъ въ химіи на материкѣ Европы; къ нему же принадлежалъ Гофманъ, мало уступавшій Шталю. Безъ всякаго сомнѣнія и Франкъ также внимательно слѣдилъ за трудами на этомъ поприщѣ, тѣмъ болѣе, что аптека сиротскаго дома рано уже принялась за приготовленіе секретныхъ лекарствъ. Друзья въ свою очередь также имѣли рѣшительное вліяніе на Франка въ реалистическомъ направленіи. Намъ достовѣрно извѣстно это отъ человѣка, занимавшаго высокое мѣсто между математиками той эпохи, котораго и Лейбницъ также называлъ своимъ другомъ и ревностнымъ поборникомъ общеполезныхъ знаній, отъ Эренфрида Вальтера Чиригаузена. Онъ изобрѣлъ зажигательныя зеркала и былъ авторомъ книгъ, имѣвшихъ большой кругъ читателей, онъ

оказалъ въ Саксоніи услуги заложеніемъ стеклянныхъ заводовъ и горнопромышленныхъ предпріятій, получалъ самыя лестныя предложенія какъ отъ французскаго министра Кольбера, такъ и отъ императора Леопольда, но отказался отъ нихъ, даже отъ мѣста канцлера при Галльскомъ университетѣ, съ тѣмъ чтобы на свободѣ посвятить себя наукѣ. Франкъ часто упоминаетъ о немъ; теперь впрочемъ трудно рѣшить, насколько онъ подлежалъ вліянію Чирнгаузена.

Имя канцлера Вита Людвига Зекендорфа еще болѣе знаменательно для развитія піэтизма. Онъ первый высказалъ требованье лучше организованной мѣщанской школы, онъ же сверхъ того настаивалъ на улучшенномъ воспитаніи знати. Этому дѣлу и посвятилъ онъ свои „Нѣмецкія рѣчи", изданныя имъ въ 1686-мъ г. съ подробнымъ предисловіемъ о свойствѣ и пользѣ подобныхъ рѣчей. Содержаніе этого предисловія вполнѣ согласуется съ тѣмъ, что высказалъ Франкъ въ „уставѣ и методѣ" преподаванія въ нѣмецкой ораторіи, такъ что тутъ нельзя не признать вліянія Зекендорфа. Это предположеніе косвеннымъ образомъ подтверждается еще слѣдующимъ замѣчаніемъ извѣстнаго историка Сагиттаріуса (Соображенія о томъ, на что слѣдуетъ обращать вниманіе при обученіи дѣтей. Веймаръ, 22-го іюня 1691): „Такъ какъ нынѣ бо́льшая часть дѣлъ у Нѣмцевъ производится на нѣмецкомъ языкѣ, то необходимо нашихъ молодыхъ людей пріучать къ нѣмецкимъ короткимъ,—а потомъ также и къ болѣе длиннымъ, особенно къ политическимъ рѣчамъ".

Молитвы, какъ уже упомянуто, въ заведеніяхъ Франка доходили до невѣроятныхъ размѣровъ, и не только въ самой школѣ, но также и внѣ ея. Даже во время прогулокъ учителю вмѣнялось въ обязанность пѣть съ сиротами подъ открытымъ небомъ назидательныя пѣсни или читать иногда молитвы. Экштейнъ разсказываетъ: „По воскреснымъ днямъ богослуженіе посѣщалось два раза, а затѣмъ слѣдовало еще молебствіе. Въ ожиданіи этого дѣти, по окончаніи послѣобѣденной проповѣди, оставались еще въ школѣ; если же молебствіе отмѣнялось (зимою), то въ школѣ сообщалось имъ „что нибудь назидательное". Каждый изъ учителей велъ свой классъ въ церковь и во все время наблюдалъ за дѣтьми. Это было весьма необходимо, потому что тѣснившіяся на хорахъ дѣти были крайне безпокойны: младшія засыпали и потомъ падали даже со скамейки, а старшіе убѣгали не дождавшись конца, не снимали шапокъ съ головы и т. п.— Когда въ 1715-мъ г. Франкъ принялъ должность пастора при Ульриховской церкви, то школы также приводились туда; иногда упоминается также о посѣщеніи школьной, нынѣ снесенной, церкви, вѣроятно когда Франку, какъ профессору теологіи, приходилось тамъ проповѣдывать".—Рейске гово-

ритъ, что въ спротскомъ домѣ изъ него сдѣлали ханжу. По всему видно, что духовныя отправленія іезуитскихъ школъ вновь ожили въ заведеніяхъ піэтизма и пустили корни на протестантской почвѣ.

Въ школѣ производилось по четыре экзамена въ годъ, два высокоторжественныхъ (examina sollemnia) и два попроще (minus sollemnia); они длились обыкновенно по нѣсколько дней къ ряду, но не были связаны съ опредѣленными сроками. Разница между испытаніями того и другого рода—такъ повѣствуетъ Экштейнъ—узналъ я изъ собственнаго опыта. На обыкновенномъ экзаменѣ присутствовали только директоръ и учителя, а на торжественномъ сверхъ того еще посторонняя публика. Нѣсколько дней спустя послѣ него производилась раздача. Въ первые года по субботамъ, послѣ благоговѣйной подготовки къ воскресному дню, раздавались обыкновенно булки или плоды, а съ 1703-го г. это дѣлалось только послѣ экзамена. Въ назначенный для того день Франкъ произносилъ назидательную рѣчь, затѣмъ выдавали дѣтямъ „книжку" (проповѣдь, статейку) и сверхъ того булокъ, или кренделей, или плодовъ (грушъ и яблоковъ). Дѣтямъ строжайше наказывалось „кланяться при полученіи даровъ и не приводить съ собою младшихъ братьевъ и сестеръ, оттого что получателей было всегда болѣе, чѣмъ значилось въ спискѣ". Безъ матерей, само собою разумѣется, дѣло не обходилось; но онѣ, по крайней мѣрѣ не должны были приводить съ собою еще младшихъ дѣтей.

Для большого числа заведеній требовалось, конечно, много учителей. Ихъ набирали изъ обучавшихся во вновь основанномъ университетѣ. Безъ учрежденія конвиктовъ Франковы заведенія не могли бы возникнуть и просуществовать болѣе столѣтія. Обычай закладать и поддерживать подобныя учрежденія, современный германскій піэтизмъ,—эта внутренняя миссія, — перенесъ также въ свои „суровые дома" (благотворительныя заведенія извѣстнаго рода), какъ тамъ, такъ и здѣсь, конечно, по весьма понятнымъ практическимъ причинамъ. Начало учрежденія конвиктовъ было скромное: „13-го сентября 1696-го г. было устроено для бѣдныхъ студентовъ два стола, разомъ, каждый изъ нихъ на 12 человѣкъ. Этимъ студентамъ предписывался хорошій застольный уставъ, чтобы все обходилось добропорядочно и благонравно, и изъ нихъ-то избирались учителя въ школы для бѣдныхъ, такъ что одно подавало руки другому". Въ 1698-мъ г. Франкъ извѣщаетъ о конвикторіи, „въ которомъ по два раза въ день кормили неимущихъ и нуждающихся студентовъ, образовавшихъ затѣмъ какъ бы семинарій, откуда избирались наставники для мѣщанскихъ, сиротскихъ и бѣдныхъ школъ". Въ 1727-мъ г.

конviктъ возросъ до 167 учителей: сверхъ того еще преподавали 8 учительницъ. Эти люди образуютъ такъ называемую учительскую семинарію, отъ которой слѣдуетъ отличать семинарію отборныхъ преподавателей (Seminarium selectum praeceptorum). Послѣднее учрежденіе подготовляло учителей для обѣихъ ученыхъ школъ заведеній. При основаніи заведенія (1707) молодые люди подчинены были вѣдѣнью профессора Целларія, а впослѣдствіи инспектора Іерон. Фрейера. Впрочемъ въ учительской семинаріи не пользовались полнымъ педагогическимъ обученіемъ. Долго спустя послѣ Франка уже вмѣнялось въ обязанность главнымъ смотрителямъ нѣмецкихъ школъ давать будущимъ учителямъ по одному часу въ день теоретическіе уроки и заставлять ихъ дѣлать катехетическія упражненія. Еженедѣльно всѣ учителя подъ предсѣдательствомъ инспектора собирались на конференцію. Она открывалась и заканчивалась молебствіемъ и часто обращалась въ настоящее богослуженіе. При безпрестанной смѣнѣ учителей необходимо было то и дѣло повторять сообщеніе о законахъ и инструкціяхъ, и перечитывать Франковы наставленія о томъ, какъ руководить дѣтей къ истинному благочестію и къ христіанскому благоразумію. Не обходилось также безъ педагогическихъ указаній и увѣщаній. Самъ Франкъ собиралъ иногда учителей, съ цѣлью сказать имъ назидательное слово, возбудить ихъ къ ревности, вѣрности и трудолюбію и руководить къ истинному благочестію. Ученикамъ настоятельно совѣтовали также жить у учителей и въ самыхъ школахъ. Главнымъ правиломъ Франка было слѣдующее: „Если дѣтей постоянно будутъ возбуждать къ страху Божію и любви къ Вездѣсущему и передъ ихъ глазами въ живыхъ краскахъ представлять истинное благородство человѣческой души, состоящее въ возобновленіи подобія Божія и такимъ образомъ воспитать ихъ въ строгости и въ завѣтѣ Господнемъ, то это вполнѣ достаточно“. Пусть учитель сперва самъ себя подготовитъ для такого воспитанія. „Такъ какъ истинная сущность христіанства состоитъ въ возрожденіи, то мы всѣ обязаны испытать себя, находимся ли мы сами въ этомъ состояніи и стремиться, чтобы всѣ мы во истину возродились. Тогда только будемъ дѣйствительно способны правильно руководить нашихъ дѣтей и блюсти ихъ высшія блага“. „Отъ учителя по справедливости требуется, чтобы онъ отъ всей души любилъ Христа, иначе онъ вѣдь не способенъ пасти его агнцевъ и правильно руководить дѣтей. А потому испытуйте себя, находитесь ли вы въ любви Христовой и много ли преуспѣли въ ней“. Христіанская простота, говорили піэтисты, угоднѣе Богу, нежели всякая мірская ученость, лишенная благочестія. Даже во внѣшнемъ быту должно бы проявляться, что учитель умеръ для

міра: да будетъ онъ скроменъ, праведенъ, благочестивъ, словомъ безукоризненъ. Учителямъ не слѣдуетъ также шутить другъ съ другомъ, ни громко смѣяться, ни говорить черезъчуръ свободно, особенно при дѣтяхъ, а напротивъ вести себя свято и строго. Напудренные парики и длинныя косы, большія шпаги и сапоги съ отворотами запрещаются, взамѣнъ того предписывается простой черный кафтанъ. Однако тщетно, какъ кажется, ратовали противъ „гнуснаго куренія табаку", причинявшаго много соблазна. Учители не должны также дѣлать долговъ изъ алчности насладиться чѣмъ-нибудь лучшимъ обыкновенной скудной пищи или изъ иныхъ чувственныхъ побужденій. Имъ не слѣдуетъ фамильярно обходиться съ женщинами, „они отнюдь не должны ласкать дѣвушекъ, особенно взрослыхъ, чтобы тѣмъ вѣрнѣе избѣгнуть искушеній". Въ дѣлѣ преподаванія весьма радѣли о внѣшнемъ порядкѣ и о точности, учителямъ вмѣнялось въ обязанность строго блюсти предписанія учебнаго устава.—Для управленія всѣми школами сначала назначался одинъ только инспекторъ. „А для лучшаго наблюденія за всѣмъ къ нему присоединяли по возможности еще одного или нѣсколькихъ субинспекторовъ, обязанныхъ наровнѣ съ нимъ исполнять свой долгъ праведно и тщательно". М. Юстинъ Тёлнеръ былъ назначенъ инспекторомъ самимъ Франкомъ. Онъ исправлялъ свою должность до 1718-го г. За нимъ слѣдовалъ Іоаннъ Георгъ Гофманъ до 1730-го г. Въ латинской школѣ въ 1709-мъ г. назначенъ былъ особый инспекторъ, такъ же и въ педагогическомъ институтѣ. Самъ Франкъ являлся только на публичные экзамены и къ учителямъ, когда имѣлъ въ виду обратиться съ особымъ увѣщаніемъ. Онъ требовалъ безусловнаго подчиненія своимъ приказаніямъ. Впрочемъ не заботился самъ о выборѣ учителей. „Положеніе ихъ—говоритъ Экштейнъ—было до того подавлено и принижено, что сначала они даже обязаны были служить за столомъ въ домѣ профессора".—О подчиненіи школъ Франка надзору какого либо вѣдомства никогда и рѣчи не было; ни государство, ни городъ ничего не вносили для поддержки этихъ частныхъ заведеній. Окладъ учителей и инспекторовъ былъ скудный. „Учитель преподававшій по два часа въ день получалъ по два раза въ день даровой столъ въ томъ же помѣщеніи, гдѣ обѣдали сироты. Если онъ жилъ въ заведеніи, то долженъ былъ платить за наемъ комнаты и самъ снабжать себя топливомъ. Чистыми деньгами преподаватели получали еженедѣльную плату въ 4 гроша, за которой и обязаны были въ извѣстный часъ по субботамъ сами приходить къ Тёлнеру".

Что касается дисциплины, то главнымъ дѣломъ у Франка было воспитаніе къ благочестію. Потому онъ и настаивалъ на возбужденіи трехъ добродѣтелей: прав-

дивости, повиновенія и трудолюбія, и на подавленіи противоположныхъ имъ пороковъ. Хотя въ теоріи Франкъ весьма склоненъ къ любвеобильному обращенію съ юношествомъ, но на практикѣ онъ настойчиво требуетъ строгой дисциплины. Странно, но вполнѣ соотвѣтственно тѣневой сторонѣ піэтизма то, что запрещались всякія игры. „Необходимо во всѣхъ школахъ запретить дѣтямъ какія-бы то ни было игры на основаніи евангелія, представляя имъ суету и безуміе послѣднихъ, такъ какъ умъ ихъ при этомъ уклоняется отъ Бога, — этого вѣчнаго блага, и развлекается въ ущербъ ихъ душѣ. Лишь въ 1802-мъ г. разрѣшено купаться въ Заалѣ и бѣгать на конькахъ. Иногда учители водили дѣтей гулять, но только не въ учебные дни. Запрещалось посѣщать ярмарки, чтобы предохранить дѣтей отъ грѣховныхъ мірскихъ наслажденій; даже музыка причислялась къ вреднымъ забавамъ, „оттого что она подаетъ поводъ къ безпутному образу жизни и болѣе примѣняется къ пышнымъ мірскимъ наслажденіямъ, чѣмъ во славу Божію.“ „Дѣти должны находить истинное удовольствіе въ любви, ласкѣ и прелестяхъ Іисуса и во всякихъ иныхъ святыхъ благахъ.“

Обрекая юность на безотрадную жизнь, піэтизмъ такимъ образомъ опять-таки сходится съ іезуитизмомъ, точно также и въ томъ, что въ его системѣ воспитанія важную роль играетъ развитіе внѣшнихъ нравовъ и благочестія. То и дѣло напоминается: учители обязаны понуждать дѣтей къ добронравію, къ вѣжливости, благопристойности и благодарности. По части приличій соблюдалась крайняя разборчивость. Такъ напр.: „Когда дѣти шли въ такъ наз. секретное мѣсто или возвращались оттуда, и если чужіе люди стали бы спрашивать, откуда пришли дѣти, то нельзя говорить: изъ секретнаго мѣста, или изъ домика, или изъ потаеннаго отдѣленія, надо, напротивъ, отвѣчать учтивѣе, а именно: дѣтей водили немного подышать свѣжимъ воздухомъ, или они шли по своей надобности и т. п.“

Для поддержки дисциплины самъ Франкъ предписалъ учителямъ два главныхъ правила: 1) modus in disciplina est observandus; 2) castigatio non ex ira, sed amore fiat! *) Не смотря впрочемъ на предписанную Франкомъ усердную молитву, чтобы Господь избавилъ отъ жестокосердія, учители обнаруживали мало кротости и отеческой любви. Бранныя слова самаго дурнаго свойства, пощечины и оплеухи были дѣломъ обыденнымъ, помимо розогъ и палки пускалась еще въ ходъ камышевая трость. Между средствами наказанія „упоминаются затрещина и шиллинги; послѣдніе — разска-

*) 1) Блюдите мѣру въ дисциплинѣ; 2) наказывайте не по злобѣ, но по любви.

зываетъ Экштейнъ—при мнѣ еще состояли въ томъ, что провинившагося мальчика сѣкли розгами по обнаженной задницѣ въ присутствіи всѣхъ его товарищей. Вообще, въ отношеніи тѣлесныхъ наказаній совершались самыя гнусныя злоупотребленія. Ученики въ свою очередь часто оказывали сопротивленіе; одинъ изъ мальчиковъ разъ пырнулъ даже учителя ножомъ. Все это было вопреки мыслямъ и предписаніямъ Франка. Онъ предписалъ извѣстныя степени увѣщаній и пытался—безъ успѣха конечно—побудить учителей къ градаціи наказаній. Впрочемъ онъ самъ по принципу былъ противникомъ всѣхъ думающихъ воспитать одними только любвеобильными увѣщаніями. Онъ говоритъ: „Опытъ въ этомъ случаѣ лучше всего доказываетъ, что въ воспитаніи нельзя обойтись безъ розогъ, по крайней мѣрѣ когда дѣти уже избалованы, подросли и упорствуютъ въ своенравной волѣ.“ Вторымъ правиломъ его имѣлось въ виду предупредить вспыльчивые, страстные нападки на дѣтей. „Приступая къ неизбѣжному наказанію, пусть учители молятъ Бога отъ души, чтобы Онъ даровалъ имъ необходимую мудрость, да наказываютъ они не по плотской злобѣ, а съ сострадательною любовью какъ отцы, и чтобы Онъ благословилъ ихъ и помогъ имъ достичь желаемой конечной цѣли, а именно исправленія дѣтей.“ Хвалить дѣтей считалось безполезнымъ, такъ какъ черезъ это опасались сдѣлать дѣтей тщеславными. „Неумѣстною хвалою учители возбуждаютъ гордость въ дѣтяхъ и портятъ въ нихъ все хорошее.“ Большую цѣну придавали обѣтованіямъ, какія имѣло въ виду благочестіе какъ на этомъ, такъ и на томъ свѣтѣ.

Франкъ, какъ было уже упомянуто, подвизался также въ качествѣ пастора и академическаго учителя. Въ 1698 г. сдѣлался профессоромъ богословія, а въ 1715-мъ главнымъ пасторомъ при Ульриховской церкви. Отъ студентовъ онъ настоятельно требовалъ основательнаго изученія подлинныхъ языковъ Священнаго писанія и содѣйствовалъ этому не только своими собственными экзегетическими и герменевтическими лекціями, но также и основаніемъ восточно-теологической коллегіи (Collegium orientale theologicum), въ которой особенно даровитые студенты обучались основательному знанію восточныхъ языковъ. Сверхъ того онъ учредилъ еще библейскую коллегію (Collegia biblica), т. е. общество студентовъ, упражнявшихся въ назначенные часы какъ въ филологическомъ, такъ и въ практическомъ толкованіи Священнаго писаніи. Отъ богослововъ онъ требовалъ основательнаго знанія теологіи. Въ паренетическихъ (увѣщательныхъ) лекціяхъ онъ указывалъ на то, что мѣшаетъ начинающимъ богословамъ достичь своей цѣли, какъ въ христіанскомъ, такъ и въ научныхъ

занятіяхъ, и какимъ образомъ преодолѣть эти препятствія. Эти паренетическія лекціи (Collegium paraeneticum) онъ считалъ самыми важными и читалъ ихъ еженедѣльно, начиная съ своего поступленія на каѳедру и до конца своей жизни. Потому что даже въ своей академической дѣятельности онъ выше всего ставилъ практическое вліяніе на своихъ учениковъ. Вмѣсто господствовавшей тогда безпутной студенческой жизни онъ стремился ввести тихіе благочестивые нравы и образъ жизни въ университетахъ. Понятно, что однѣ только болѣе скромныя, въ себя погруженныя натуры могли привязаться къ нему; остальныя же возставали противъ него, и онъ въ своихъ паренетическихъ лекціяхъ въ 1709-мъ г. поневолѣ сѣтовалъ, что благодушное попеченіе теологическихъ профессоровъ такъ мало признается студентами, что послѣдніе, напротивъ того сѣтуютъ на это, какъ на нарушеніе студенческой свободы, что часто даже приходится слышать жалобы на выходящихъ изъ Галле студентовъ теологіи въ томъ, что они лицемѣры. „Не могу—говоритъ онъ—безъ великой грусти вспомнить объ этомъ, и не могу надивиться тому, что всѣ наши представленія и увѣщанія такъ мало повліяли на нихъ.“ При всемъ томъ такія послѣдствія были неминуемы. Потому что самъ Франкъ доходилъ уже до крайности въ своихъ требованьяхъ относительно религіозныхъ занятій и отправленій и положилъ тѣмъ начало къ позднѣйшимъ односторонностямъ піэтизма какъ въ школахъ, такъ и въ университетахъ, хотя при своей жизни въ общемъ и цѣломъ онъ своимъ оживляющимъ энергичнымъ духомъ сдерживалъ еще болѣзненныя проявленія. Но и онъ даже не могъ помѣшать тому, чтобы молодые люди, ходившіе въ сиротскомъ домѣ съ поникшею головою, не предавались въ загородныхъ трактирахъ близъ Галле тому самому грубому распутству, которое піэтизмъ пытался искоренить устраненіемъ всякой свѣтскости. Не отмѣною изученія древности и философіи, ни монашествомъ, ни духовнымъ стѣсненіемъ и отчужденіемъ отъ жизни надлежало прекратить въ университетахъ грубость и воровство. Такимъ путемъ и то и другое возбуждалось даже съ новою силою и вдобавокъ отзывалось еще лицемѣріемъ.

Вліяніе неутомимо дѣятельнаго мужа простиралось еще далѣе. Для возникшаго въ 1705-мъ г. остиндскаго миссіонерскаго учрежденія онъ трудился до своей смерти, добросовѣстно избирая туда миссіонеровъ, издавъ „Исторію евангелическихъ миссіонерскихъ учрежденій для обращенія язычниковъ въ Индіи“, отправивъ тамульскую типографію въ Транкебаръ, сверхъ того значительныя, доставленныя ему друзьями, суммы. Такъ этотъ родоначальникъ всѣхъ сиротскихъ домовъ и школъ для бѣдныхъ въ евангелической

Германіи во всѣхъ отношеніяхъ былъ вѣрнымъ работникомъ въ вертоградѣ своего Господа, отозвавшаго его къ себѣ 8-го іюня 1727-го г. Онъ, какъ выражается Крамеръ, былъ педагогъ лучшаго закала, исполненный пламеннаго желанія вести души людей ко Христу. Необходимую для исполненія его стремленій энергію онъ черпалъ изъ мужественной вѣры и непоколебимаго упованія на живого Бога. „Во всѣхъ моихъ дѣлахъ, говорилъ онъ, я всегда подвизался страдательно, сидѣлъ спокойно и не дѣлалъ ни шагу безъ указанія Господа Бога. Я и слѣдовалъ Ему и какъ рабъ исполнялъ потомъ свой долгъ безъ труда, оттого что самъ Господь дѣлалъ все за меня". Благо, какое творилъ онъ въ теченіе своей жизни, неизмѣримо. Передъ благороднымъ подвигомъ его умолкали враждебные происки окружающихъ его людей, и хотя то и дѣло возобновлялись нападки правовѣрныхъ богослововъ, вліяніе его простиралось гораздо далѣе вражды противниковъ, чему особенно способствовали два путешествія, предпринятыя имъ для подкрѣпленія своихъ силъ въ 1706-мъ г. въ Голландію и въ сѣверную Германію, а въ 1717-мъ и въ южную. Ученики и сотни въ его заведеніяхъ образовавшихся и обучавшихся учителей также распространяли тонъ, манеру, языкъ, а лучшіе изъ нихъ и самый духъ его воспитанія. Вскорѣ стали всюду возникать подобные институты въ большихъ и малыхъ городахъ Германіи. Въ народныя и ученыя школы основныя правила Франка перешли гдѣ въ болѣе чистомъ, гдѣ въ смѣшанномъ видѣ. Основывались сиротскіе дома, школы для бѣдныхъ, мѣщанскія училища, гинекеи (женскіе пансіоны), и педагогическіе институты п пр. Но важнѣйшій его памятникъ, и несокрушимый—все-таки учебныя заведенія въ Галле, среди которыхъ съ 1829-го года стоитъ его бронзовая статуя работы Рауха. Они пережили его самого, расширились въ слѣдующія затѣмъ десятилѣтія. Въ 1744-мъ г. число сиротскихъ домовъ отъ 130 возросло до 200. Въ 1755-мъ число учениковъ, получавшихъ даровой столъ въ обѣдъ и по вечерамъ, или только по вечерамъ, доходило до 380; даже во время семилѣтней войны ихъ было немногимъ менѣе 300. Правда, впослѣдствіи и здѣсь также рѣзко и болѣзненно обнаружились односторонности піэтизма, и оттого, начиная съ 1770-го г., сталъ замѣчаться упадокъ во франковскихъ заведеніяхъ: школы стали менѣе посѣщаться, необходимо было ограничить число сиротъ. Тогда-то правнукъ Франка, *А. Г. Нимейеръ* принялъ бразды правленія, съ тѣмъ чтобы сдѣлаться вторымъ основателемъ заведеній. Благодаря его распорядительности и дѣятельности и пріобрѣтеннымъ имъ великодушнымъ пособіямъ со стороны Фридриха Вильгельма III, Франковы заведенія были обезпечены, такъ что съ этой поры упрочено ихъ дальнѣйшее существованіе. Набожный

30

піэтистическій духъ замѣненъ теперь стремленіемъ къ гуманному образованію и къ нравственности. Въ 1832-мъ году заведенія, пользовавшіяся до того почти полною независимостью, вошли въ организмъ всеобщаго прусскаго учебнаго вѣдомства, а съ 1835-го г. не отвѣчавшая его духу реальная школа была преобразована согласно даннымъ для этихъ училищъ предписаніямъ и устроена высшая школа для дѣвицъ.

Итакъ, въ настоящее время Франковскія заведенія состоятъ изъ королевскаго педагогическаго института, изъ латинской высшей школы, реальнаго высшаго училища, мѣщанской школы съ служащею для подготовки въ реальное училище параллельною школою, изъ высшаго училища для дѣвицъ, мѣщанской женской школы и изъ безплатныхъ училищъ для мальчиковъ и дѣвочекъ. Всѣ зданія въ совокупности въ 1863-мъ г. стоили 313,266 тлр. Съ основанія заведенія въ немъ преподавали болѣе 10,000 учителей и воспитались болѣе 200,000 дѣтей. Въ сказанномъ году тамъ находилось 3496 учениковъ и ученицъ, которыхъ обучали 90 постоянныхъ учителей и учительницъ и 38 помощниковъ ихъ. Собственно сиротское заведеніе со дня основанія своего приняло всего 6989 сиротъ (5653 мальчика, 1336 дѣвочекъ).

Такъ оправдался эпиграфъ заведенія: „Уповающіе на Господа обрѣтутъ великую силу“.

Франкъ величайшій педагогъ всего піэтизма. Въ его духѣ, и слѣдовательно въ духѣ піэтизма, отчасти подъ вліяніемъ филавтропическаго направленія, дѣйствовали Штейнметцъ въ монастырѣ Бергенѣ, Рогалъ, Салтеній и Шульцъ въ Кёнигсбергѣ, Энгеръ въ Бреславлѣ, Рейхгардъ въ Магдебургѣ, Рихтеръ въ Гольцмюнденѣ, Яни въ Эйслебенѣ, Струэнзе и Фишеръ въ Гальберштадтѣ, Лейстъ въ Вольфенбюттелѣ, Нейендорфъ и Функъ въ Дессау, Юнкеръ въ Брауншвейгѣ. Гессенскій Шпенеръ, *Конрадъ Мель* (род. 14-го августа 1666-го г. въ Гудесбергѣ, что въ нижнемъ Гессенѣ, умеръ 3-го мая 1733-го г. ректоромъ гимназіи въ Герсфельдѣ), вдохновляемый духомъ Шпенера и Франка, добивался при религіозно-практичномъ направленіи введенія реальныхъ наукъ въ школѣ. Поступивъ въ Герсфельдъ, онъ засталъ тамъ религіозный духъ въ крайнемъ запущеніи, а потому сталъ строго настаивать на посѣщеніи церкви и молебствій, проходилъ катехизисъ по два раза въ недѣлю частью въ школѣ, частью въ церкви; онъ начиналъ всѣ свои уроки чтеніемъ отрывка изъ библіи, объясняя его вкратцѣ и примѣняя къ жизни и условіямъ учениковъ. Онъ училъ также говорить полатыни и помимо

бывшихъ въ употребленіи писателей ввелъ еще Горація. Еврейскимъ языкомъ стали заниматься съ бóльшимъ стараніемъ, а логика проходилась по новѣйшимъ и болѣе строгимъ началамъ. Греческіе классики были изгнаны изъ школы, преподаваніе греческаго языка ограничилось Новымъ Завѣтомъ. Зато рѣшительный успѣхъ оказался въ томъ отношеніи, что ученики разработкою сочиненій разнаго рода и на разныхъ языкахъ побуждались къ самодѣятельности. Вновь введены были математика, физика, астрономія, также преподаваніе нѣмецкаго и начатковъ новѣйшихъ языковъ.—Ректоръ Стефанъ Вейтъ ввелъ и въ Касселѣ также учебныя порядки Меля, а изъ Марбурга студенты всѣхъ факультетовъ, особенно богословскаго, приходили слушать Меля и учиться у него. Но отъ студентовъ гимназисты сдѣлались невоздержными въ своихъ нравахъ: ректоръ зачастую не въ силахъ былъ справиться съ ними; потому въ 1711-мъ г. принудили студентовъ покинуть школу. Учители не хотѣли повиноваться ректору; число учениковъ въ школѣ убыло: въ нее не могли еще проникнуть новыя начала; реформы Меля рушились.

Ученики Франка вообще отличаются рѣшительнымъ направленіемъ къ реализму, и напротивъ того, въ ихъ ученыхъ школахъ греческій языкъ пренебрегается: въ Герсфельдѣ, точно такъ же какъ и у Франка, читался Новый Завѣтъ, классики же были совершенно изгнаны. Потомъ имъ свойственно также строгое соблюденіе въ гимназіяхъ закона постепенной послѣдовательности въ отдѣльныхъ предметахъ преподаванія за исключеніемъ одной латыни, которую всѣ ученики обязаны изучать на каждой изъ ступеней, —сверхъ того—введеніе такъ называемой параллельной системы, по которой каждый изъ учениковъ можетъ переходить въ высшій классъ по любому учебному предмету, смотря по оказаннымъ въ немъ успѣхамъ, не взирая на остальные уроки: такъ между прочимъ у Гейсслера въ Готѣ, въ Нейштеттинской гимназіи,—а за предѣлами піэтизма въ главной Кётенской школѣ и пр. Свойственна имъ также еще первобытная свѣжая и пылкая религіозная жизнь, которая однако искажалась большею частью въ религіозную напыщенность. Фокеродтъ въ Готѣ установилъ по воскресеньямъ, по окончаніи послѣобѣденнаго, богослуженія молебствія, при чемъ старшіе ученики произносили рѣчи о нѣкоторыхъ мѣстахъ изъ Новаго Завѣта, а первокласники обязаны были изъ него же говорить наизусть цѣлыя главы. Въ Фридрихвердерской гимназіи въ Берлинѣ въ 1698-мъ г., судя по изданному Лангомъ каталогу публичныхъ уроковъ, преподавалось богословіе по шпенеровымъ катехизическимъ таблицамъ, при чемъ Но-

вый Завѣтъ читался аналитически и экзегетически, въ 1713-мъ г. церковная исторія изучалась тамъ дотого подробно, что въ теченіи года проходили лишь отъ девятаго до одиннадцатаго столѣтія, а погречески читался одинъ только Новый Завѣтъ, причемъ то и дѣло упражнялись въ диспутахъ о догматическихъ вопросахъ, напр. bona opera non merentur salutem,—deus sine satisfactione peccata remittere non potest. *) Франковой школѣ свойственно наконецъ попеченіе о народномъ образованіи: въ Дессау Нейендорфъ устроилъ не только высшее училище, но также и школу для дѣвицъ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ принялъ на себя управленіе вновь организованною учительскою семинаріею и пр.—

Въ юномъ Прусскомъ королевствѣ реформаторскія идеи Франка получили широкое примѣненіе прежде всего по части народнаго образованія; Фридрихъ I основалъ сиротскій домъ въ Кёнигсбергѣ, потомъ еще назначенныя для швейцарскихъ и оранскихъ колонистовъ Линдовское и Оранское заведенія; онъ же учредилъ ссудную кассу и приступилъ къ постройкѣ большого сиротскаго дома въ Берлинѣ. Фридрихъ Вильгельмъ I въ 1716-мъ г. постановилъ затѣмъ, чтобы пробсты либо сами, либо чрезъ посредство свѣдущихъ сослуживцевъ своихъ и благочестивыхъ студентовъ занялись подготовкою способныхъ учителей. Общимъ указомъ отъ 28-го сентября 1717-го г. и возобновленнымъ отъ 29-го сентября 1736-го введено строгое обязательное обученіе для юношества. Родители должны были за 6 пфенниговъ еженедѣльной платы посылать въ школу своихъ дѣтей зимою каждый день отъ 5 до 12 часовъ, а лѣтомъ по крайней мѣрѣ одинъ или два раза въ недѣлю. Въ случаѣ бѣдности плата за ученье должна покрываться изъ подаяній той мѣстности. Въ Помераніи по уставу отъ 19-го декабря 1715-го г. учители обязаны „безвозмездно обучать“ неимущихъ дѣтей; тамъ же рескриптомъ отъ 18-го сентября 1737-го г. предписывалось принимать только такихъ учителей, „которые могли бы при этомъ сами работать и промышлять, такъ чтобы не обременять собою исключительно общину“. Итакъ, въ Пруссіи впервые было заявлено обязательное обученіе, и Фридриха Вильгельма I слѣдуетъ считать творцомъ его. Въ дальнѣйшемъ развитіи и исполненіи этого принципа положена основа ко всеобщему народному образованію, что въ связи съ всеобщею рекрутскою и податною повинностью въ наше время оказало уже громадную пользу и что, все расширяясь и совершенствуясь, увели-

*) Добрыя дѣла не заслуживаютъ спасенія, — Богъ не можетъ безъ возмездія отпускать грѣхи.

читъ, утвердитъ и возвыситъ еще болѣе могущество и значеніе Германіи въ ряду цивилизованныхъ націй. Упомянутымъ указомъ отъ 19-го декабря 1715-го г. касательно Помераніи заявлено было даже безплатное обученіе. Фридрихъ Вильгельмъ I довершилъ также постройку Берлинскаго сиротскаго дома, въ 1722-мъ г. основалъ и снабдилъ средствами сиротскій домъ въ Потсдамѣ для 2500 дѣтей, поддержалъ въ 1729-мъ устройство сиротскаго дома для французскихъ колонистовъ, даровалъ школамъ для принятыхъ въ Пруссіи Зальцбургцевъ 150000 талеровъ и заложилъ въ 1735-мъ въ портовомъ учрежденіи въ Штеттинѣ старѣйшую учительскую семинарію Прусскаго королевства, вмѣнивъ основателю заведенія, Іоанну Христофу Шинмейеру (который, вдохновленный Франкомъ, хотѣлъ въ Помераніи основать заведеніе „для возвеличенья славы Божіей и для блага людей“, подобное тѣмъ, какія по образцу Галле возникли уже въ Цюллихау, Бунцлау, Лангендорфѣ, Потсдамѣ, Берлинѣ, Кёнигсбергѣ и пр.) въ обязанность стараться всѣми силами, чтобы при сиротскомъ домѣ всегда находилась семинарія нѣсколькихъ молодыхъ людей, изъ которыхъ можнобъ было избрать свѣдущихъ учителей и кистеровъ. Въ общемъ учебномъ планѣ для провинціи Пруссіи король въ 1736-мъ г. постановилъ затѣмъ, чтобы соединенныя между собою общины основали и поддерживали зданія для школъ тѣмъ же порядкомъ, какъ и пасторскіе и кистерскіе дома, и чтобы архипастыри и священники наблюдали за способностью, ученіемъ, должностью и поведеніемъ школьнаго учителя. Въ 1738-мъ г. наконецъ король обнародовалъ касательно „нѣмецкихъ частныхъ училищъ въ городахъ и предмѣстьяхъ Берлина“ регламентъ для организаціи народной школы по городскимъ потребностямъ, причемъ было постановлено: „Никто не въ правѣ самовольно содержать школу, а всякій, желающій открыть учебное заведеніе, обязанъ предъявить о томъ инспектору и священникамъ своего прихода, экзаменоваться у нихъ, и если окажется способнымъ, получить въ томъ письменное свидѣтельство, затѣмъ представиться евангелико-реформаторской церковной дирекціи и потребовать утвержденія. Безъ такого свидѣтельства со стороны властей никто не принимается“. „Точно такъ же надлежитъ поступать и съ учительницами, пользующимися одинакимъ правомъ съ учителями принимать дѣтей обоего пола тамъ, гдѣ не имѣются и не могутъ быть устроены отдѣльныя школы для мальчиковъ и дѣвочекъ; но съ тою разницею, чтобы умѣющихъ уже читать и достигшихъ семи или восьмилѣтняго возраста мальчиковъ отбирали отъ нихъ и передавали учителю. А дѣвочки пускай остаются при нихъ, съ тѣмъ чтобы обучаться шитью и другимъ женскимъ рукодѣльямъ, сколько

угодно родителямъ". „Какъ учители, такъ и учительницы прежде всего должны имѣть свидѣтельство объ истинномъ и нелицемѣрномъ благочестіи, въ школѣ, при общественномъ богослуженіи и вездѣ подавать дѣтямъ примѣръ образцовымъ христіанскимъ поведеніемъ и вести себя безупречно въ отношеніи всѣхъ". „Въ дѣлѣ преподаванія они всегда обязаны имѣть въ виду главную цѣль. Послѣдняя состоитъ въ томъ, чтобы они порученныхъ имъ учениковъ считали дѣтьми вѣчности, вели ихъ ко Христу и пеклись о томъ, чтобы они по примѣру Его росли и преуспѣвали въ мудрости, лѣтахъ и благочестіи передъ Богомъ и людьми. Потому да начинаютъ и кончаютъ они уроки всякій разъ молитвою и пѣснопѣньемъ, да считаютъ самымъ важнымъ предметомъ чтеніе Священнаго писанія и, ежедневнымъ преподаваніемъ катехизиса, да внушаютъ юношеству первыя ясныя и правильныя основы христіанства, руководя въ молитвѣ и пѣснопѣніи дѣтей такимъ образомъ, чтобы они научались поклоняться Господу въ духѣ и истинѣ; учители да примѣняютъ чтеніе библіи къ назиданіямъ и да указываютъ дѣтямъ, какъ пользоваться читаннымъ для своего поученія, наказанія, исправленія и утѣшенія, да внушаютъ имъ при катехизаціи всякую истину, ведущую къ благочестію". „Въ школѣ, открытой до обѣда, именно лѣтомъ отъ 7 до 10, зимой отъ 8 до 11, а послѣ обѣда зимой и лѣтомъ отъ 1 до 3 часовъ, учителя обязаны соблюдать крайнюю точность и, обучая дѣтей буквамъ, складамъ, чтенію, письму, счету, катехизису, текстамъ или псалмамъ, повозможности сообщать имъ все это самымъ понятнымъ и легкимъ образомъ, такъ чтобы не задерживать ихъ попусту и ничего не упускать". „Касательно обычной платы за ученье все остается въ прежнемъ видѣ, т. е. еженедѣльно выдается: за обучающагося азбукѣ и счету отъ 6 до 9 пф., за обучающагося складывать и читать 1 грошъ, за пишущаго 1 гр. 6 пф., за обучающагося сверхъ того счету 2 гр., дровяныя и ярмарочныя деньги остаются вездѣ тамъ, гдѣ уже заведены; но содержатели школъ пусть довольствуются тѣмъ, что родители въ состояніи уплатить имъ".

На университеты духъ піэтизма имѣлъ рѣшительное вліяніе. Только Лейпцигъ, Виттенбергъ и Страсбургъ старались освободиться отъ него. Іена напротивъ того является представительницею поступательнаго движенія, отъ ортодоксіи Іоанна Грогарда и до Спенера. Хр. Хемницъ (1652—66) могъ еще заявить: Libros symb. atque ad ultimum jota defendo *); но Байеръ уже приватно и публично

---

*) Символическія книги стану отстаивать до послѣдней іоты.

читаетъ (1673—94) въ духѣ Арндта и Шпенера объ истинномъ христіанствѣ перваго.

Воспитаніе принцевъ направлено также къ новой цѣли. Въ начертанной для Фридриха Вильгельма I Прусскаго инструкціи (1695) значится: „Болѣе всего надо стараться образовать нравъ, изъ котораго истекаютъ всѣ человѣческія дѣйствія, такъ чтобы онъ съ ранней молодости питалъ любовь и уваженіе къ добродѣтели, и напротивъ того—отвращеніе и ненависть къ пороку. Достичь этого можно лишь, внушивъ юной душѣ истинное благочестіе, такъ чтобы оно укоренилось и приносило плоды во всю жизнь, даже въ то время, когда не будетъ уже никакого надзора. Это исполнится на самомъ дѣлѣ, если Вы увѣруете въ величіе и правосудіе Божіе, и въ то, что хотя Вы и превыше всѣхъ людей, но Богъ все-таки надъ Вами, Вы передъ Нимъ только прахъ и пепелъ, и нѣкогда должны будете отдать отчетъ о вашемъ управленіи и даже о каждомъ праздномъ словѣ, точно такъ же какъ и послѣдній изъ вашихъ подданныхъ.... Курпринцъ вмѣстѣ со всѣми своими слугами долженъ 1) утромъ и вечеромъ молиться на колѣняхъ, 2) по окончаніи молитвы прочесть главу изъ библіи, и притомъ не кое-какъ, но по прочтеніи всякій разъ вкратцѣ повторять главное содержаніе, потомъ выписывать встрѣчающіеся и подходящіе къ положенію принца лучшіе тексты, съ тѣмъ чтобы курпринцъ могъ повторять ихъ и выучить наизустъ; точно также поступать и съ наиболѣе полезными псалмами и короткими духовными молитвами. 3) Пусть курпринцъ обучается затѣмъ членамъ вѣры, правиламъ и главнымъ началамъ христіанской истинной реформатской религіи посредствомъ тщательной катехизаціи, для чего и назначаемъ одного изъ нашихъ придворныхъ священниковъ. 4) Да посѣщаетъ онъ ревностно церковь и проповѣдь и да запоминаетъ отчасти послѣднюю... Послѣ благочестія ничто такъ не поощряетъ высококняжескій нравъ къ добру и не удерживаетъ его отъ зла, какъ истинное честолюбіе и жажда славы и почестей: подъ этимъ слѣдуетъ разумѣть не надутую гордость и высокомѣріе, что и безъ того уже черезъ-чуръ легко проникаетъ въ княжескія палаты и усиливается придворными и льстецами; а напротивъ, доблестная жажда заслужить добродѣтельнымъ поведеніемъ хвалу и любовь въ этой жизни и вѣчной славы послѣ смерти. А потому необходимо непрестанно внушать курпринцу, что нѣтъ ничего труднѣе добродѣтели, дающей почести, славу и авторитетъ, и вреднѣе порока, отъ котораго пожинается лишь позоръ, стыдъ и презрѣніе, что болѣе всего надо добиваться добраго имени, что принцу прежде всего необходимо пріобрѣсть славу благороднаго человѣка, и тогда только онъ можетъ удостоиться славы великаго и достохвальнаго государя“.

Нравы мѣщанъ и крестьянъ отличались еще грубостью и распутствомъ. Впрочемъ въ общихъ чертахъ справедливъ отзывъ Брюкнера (Журналъ для исторіи культуры 1858): „Мѣщанская семья принималась за свой дневной трудъ не иначе какъ съ молитвою, которую читалъ отецъ въ присутствіи жены, дѣтей и прислуги; семья громко молилась передъ столомъ и послѣ него, за обѣдомъ и ужиномъ; она поднималась для тихой молитвы — мужчины, обнаживъ голову — когда вечерній колоколъ возвѣщалъ о наступленіи ночи; она заканчивала день вечернею молитвою и часто даже пѣснопѣніемъ. Послѣ богослуженія отецъ часто собиралъ семью, съ тѣмъ чтобы прочесть ей проповѣдь или главу изъ библіи. Крестины, свадьбы и пирушки точно такъ же начинались обыкновенно съ пѣснопѣнія и молитвы, а исповѣдь и причастіе — съ поста, домашняго безмолвія и духовнаго назиданія“.

Теоретическая педагогика также созидалась въ духѣ Франка и піэтизма. *Іоакимъ Ланге* (1670—1744) грамматикъ и реформаторъ Фридрихвердерской гимназіи написалъ „Трактатъ объ улучшеніи учебной системы“.— *Сарганекъ* (1702—1743), ректоръ въ Нейштадтѣ при Айшѣ, потомъ преподаватель въ педагогическомъ институтѣ въ Галле, первый изъ учителей отважился писать понѣмецки о тайныхъ грѣхахъ молодежи: „Убѣдительное и назидательное предостереженіе отъ всякихъ грѣховъ нечистоты и тайнаго распутства, гдѣ на основаніи медицинскихъ и теологическихъ доводовъ излагается: 1) какія бываютъ опасности и какой вредъ; 2) какія вины и наказанія, и 3) какія средства къ спасенію; написанное цѣломудреннымъ перомъ и съ глубокимъ благоговѣніемъ къ Богу по чувству долга и изъ любви къ человѣчеству, особенно къ учащимся въ школахъ и университетахъ молодежи.“ — Причину распутства находитъ онъ „въ страшно грѣховномъ расположеніи.“ „Настоящій корень и сокровенная причина заключается 1) въ крайне гнусномъ, большею частью нечистомъ воспріятіи. Если родители, не зная страха Божія, предаются похотливому сладострастію, то зародышу прививается наклонность къ распутству самымъ чрезвычайнымъ и особеннымъ образомъ. 2) Много способствуетъ этому, если зародышъ во чревѣ матери не посвящается Богу частыми и благовѣрными молитвами, да даруетъ Онъ ему прекрасную душу, исполнитъ его духа святаго. 3) Часто дѣтей поручаютъ кормить непотребнымъ женщинамъ, такимъ образомъ въ нихъ переходятъ грубыя, наглыя и распутныя свойства послѣднихъ“. Книга заканчивается увѣщаніемъ „Вознеситесь духомъ отъ похотей міра сего, — и на этомъ свѣтѣ уже предайтесь Тому, Кому хотите пріобщиться, стремитесь сердцемъ туда, гдѣ вѣчно быть хотите“—это продуктъ

крайняго піэтизма, вполнѣ чуждый дѣйствительнаго міра, тогда какъ, наоборотъ, сочиненіе Зальцманна „О тайныхъ грѣхахъ юности," хотя и впадаетъ въ другую крайность и изображаетъ порокъ въ такомъ видѣ, что имъ заражаешься уже, взявъ эту книгу въ руки,—стоитъ не въ примѣръ выше и имѣетъ гораздо большее практическое значеніе.—*Іоаннъ Яковъ Рамбахъ* (1693—1735), учитель, богословъ и сочинитель пѣсенъ, читалъ въ Іенѣ и Гисенѣ педагогическія лекціи, — это первыя встрѣчающіяся въ исторіи. Изъ лекцій составилось его сочиненіе „Ученый наставникъ."—О томъ же предметѣ писалъ

А. Ф. Бюшингъ.

въ своей книгѣ: „Очеркъ преподаванія, какъ избраннымъ учителямъ и воспитателямъ дѣтей и юношей добросовѣстно, благопристойно и разумно исполнять свое дѣло". Бюшингъ (1724—1793) также вышелъ изъ школы въ Галле, но не вдаваясь въ напыщенность піэтизма, обратился болѣе къ практикѣ; въ Геттингенѣ его обвиняли даже въ еретическомъ иновѣріи и онъ вынужденъ былъ покинуть каѳедру, такъ какъ кураторъ Мюнхгаузенъ заявилъ, что его главная обязанность блюсти за тѣмъ, чтобы на университетъ не пала дурная слава и не легло пятно новизны въ теологическомъ отношеніи. Впослѣдствіи Бюшингъ подвизался въ качествѣ директора гимназіи при бывшемъ цистерціанскомъ монастырѣ и главнаго совѣтника консисторіи въ Берлинѣ—въ скромной, но поистинѣ изумительной дѣятельности: онъ основатель современной географіи, такъ какъ до появленія его „Землеописанія" ни Нѣмцы, ни одна изъ остальныхъ націй не обладали географическимъ сочиненіемъ, которое удовлетворяло бы требованьямъ научной обработки и нѣкоторой полноты. Въ своемъ очеркѣ преподаванія для наставниковъ и воспитателей онъ порицаетъ, что въ высшихъ школахъ педагогика вовсе не преподается, тогда какъ для государства крайне важно, чтобы дѣти его хорошо воспитывались и обучались. „Педагогика по настоящему должна бы преподаваться во всѣхъ высшихъ школахъ, притомъ въ каждый семестръ, и читаться студентамъ тотчасъ же въ первое полугодіе ихъ академическаго курса, такъ чтобы они заблаговременно приготовились быть способными учителями и наставниками юношества". „Для лучшаго достиженія этой цѣли слѣдуетъ при университетахъ учредить особые разсадники, въ которыхъ благонравные и способные студенты исключительно для того назначенными наставленіями и разными упражненіями подготовлялись бы для воспитанія, руководства и обученія молодыхъ людей, особенно юныхъ знатныхъ

особъ“. Отъ наставника и воспитателя, по книгѣ Бюшинга, требуется прежде всего способность правильно мыслить, разсуждать и выводить заключенія, потому что „отсутствіе такой способности влечетъ за собою не только разные вредные промахи въ преподаваніи и воспитаніи, но подвергаетъ даже наставника и воспитателя презрѣнію со стороны господина, подчиненныхъ его, домашнихъ и другихъ людей, особенно если они обладаютъ живымъ умомъ“. „Лишенный остроумія, проницательности и вкуса наставникъ едва ли можетъ имѣть успѣхъ, а воспитатель и подавно; онъ, напротивъ того, окажется тѣмъ полезнѣе и будетъ любимъ тѣмъ болѣе, чѣмъ выше разовьетъ въ себѣ эти силы и способности и чѣмъ лучше сумѣетъ примѣнить ихъ“. Потомъ наставникъ и воспитатель прежде всего долженъ быть добродѣтеленъ, а именно имѣть слѣдующія добрыя качества: „искренность (правдивость, честность), что доставитъ ему довѣріе, любовь, дружбу, снисхожденіе къ его ошибкамъ и промахамъ, а въ случаѣ нужды и болѣзни—особую помощь и уходъ“;—скромность и вѣжливость, безъ чего самый способный наставникъ и воспитатель становится невыносимымъ, при всемъ томъ онъ отнюдь не долженъ поддаваться и подвергаться раболѣпному смиренію и уничиженію, но вести себя благоразумно, такъ чтобы не поступаться своими правами и не лишиться подобающаго ему уваженія“; — „степенность и благопристойность, въ виду чего онъ въ неустановленныхъ ни божескими, ни правительственными законами, и слѣдовательно въ необязательныхъ случаяхъ пусть сообразуется съ мнѣніемъ и привычками другихъ людей“; — „миролюбіе и уживчивость, кротость, терпѣніе и великодушіе, преданность и покорность, умѣренность, цѣломудріе, воздержаніе отъ игры, бережливость, трудолюбіе и прилежаніе, неустрашимость и довольство, благочестивые и христіанскіе помыслы, добросовѣстность и вѣрность“. „Изъ наукъ наставникъ и воспитатель долженъ знать: нѣмецкій языкъ, какъ родное свое нарѣчіе; латинскій, какъ главный языкъ ученыхъ; греческій и еврейскій, потому что этимъ языкамъ также приходится обучать многихъ молодыхъ людей, и французскій, потому что изъ иностранныхъ языковъ этотъ болѣе всѣхъ въ ходу“. „Изъ другихъ наукъ наставникъ долженъ усвоить себѣ богословіе, для того чтобы катехетически и акроаматически преподавать догматику, связать съ нею также христіанское нравоученіе и при чтеніи библіи давать вѣрныя объясненія“;—историческія науки, потому что „онъ будетъ весьма популяренъ, если обладаетъ болѣе точными свѣдѣніями въ естественной исторіи, географіи, всеобщей исторіи и, хотя нѣсколько въ генеалогіи, ге-

ральдикѣ, нумизматикѣ, хронологіи, библіографіи, исторіи наукъ и искусствъ; математическую и философическую науку". „Нѣтъ необходимости быть ему поэтомъ и виртуозомъ. Онъ еще болѣе будетъ любимъ, если при всѣхъ необходимыхъ дарованіяхъ и способностяхъ наставника отличается благовиднымъ, стройнымъ и красивымъ станомъ и избѣгнетъ притомъ самодовольства и тщеславія. Его жесты должны быть не грубы, ни неестественны и натянуты, ни неуклюжи, странны, смѣшны, а напротивъ — отличаться какъ то свойственно лучшей натурѣ, ловкостью и пристойностью". „Когда ему предлагается мѣсто учителя или наставника, то онъ долженъ отобрать точныя и достовѣрныя свѣдѣнія: о числѣ, возрастѣ, полѣ и наличныхъ способностяхъ дѣтей,—о числѣ назначаемыхъ на преподаваніе часовъ каждый день, —о размѣрѣ оклада и о томъ, обезпечиваются ли полное содержаніе, путевыя издержки и проч". „Весьма много зависитъ отъ перваго впечатлѣнія, какое учитель своею личностью произвелъ въ новомъ домѣ: а потому, ему не слѣдуетъ вступать въ домъ грязнымъ, неопрятнымъ и въ безпорядочномъ видѣ прямо съ дороги; въ своихъ жестахъ, пріемахъ и рѣчахъ онъ долженъ вести себя крайне разумно, благопристойно, учтиво и съ благороднымъ прямодушіемъ, разсказывая что-либо о своемъ путешествіи, отнюдь не похваляться какими-нибудь учиненными имъ грубыми и непристойными продѣлками". Затѣмъ „ему слѣдуетъ тотчасъ же въ первые дни по прибытіи въ присутствіи родителей и другихъ ими избранныхъ лицъ приступить къ торжественному испытанію поручаемыхъ ему дѣтей, частью чтобы выказать свое учительское дарованье, частью, чтобы узнать, насколько до него преуспѣли дѣти и чтобы впослѣдствіи тѣмъ виднѣе были плоды его преподаванія". „Въ отношеніи своихъ господъ онъ долженъ вести себя почтительно, употреблять обычные титулы, оказывать имъ почтеніе жестами, пріемами и поступками, быть услужливымъ, способствовать ихъ выгодамъ, быть снисходительнымъ къ ихъ ошибкамъ и слабостямъ". „Если наставникъ съ родителями расходится въ мнѣніи касательно обученія, дисциплины и воспитанія дѣтей, то да выскажетъ онъ свое почтительно и не оспориваетъ явно, а тѣмъ менѣе еще съ запальчивостью ихъ мнѣніе, хотя бы оно дѣйствительно оказалось невѣрнымъ, или не вполнѣ справедливымъ". „Съ порученными ему дѣтьми воспитатель долженъ обращаться съ любовью и уваженіемъ. Пусть онъ оказываетъ обычную учтивость, именуя ихъ сообразно ихъ званію, да не порицаетъ ихъ при постороннихъ лицахъ и да не дѣлаетъ въ присутствіи ихъ ничего такого, что обыкновенно скрывается отъ взоровъ другихъ людей. Не будьте никогда мрачны, угрюмы и ворчливы,—служите добрымъ примѣромъ для по-

дражанія". „Дисциплина болѣе всего да имѣетъ въ виду искорененіе упрямства воспитанниковъ. Понуждайте ихъ строго къ полному повиновенію,—къ добросовѣстному исполненію обязанностей, къ откровенности, правдивости и пр. Надо стараться исправить ихъ скорѣе доводами, касающимися Бога и ихъ блаженства, настойчивыми увѣщаніями и предостереженіями, строгими словами и жестами, лишеніемъ извѣстныхъ пріятныхъ имъ вещей, нежели розгами: впрочемъ отнюдь не упускать и не оставлять дѣйствительнаго наказанія, и если родители или родственники по безтолковой любви къ дѣтямъ препятствуютъ этому, то приводить его въ исполненіе тайкомъ, безъ ихъ вѣдома. Но подвергать наказанію слѣдуетъ 1) не за ошибки или за неосторожность, также не за неловкость дѣтей или за недостатокъ трудолюбія, а за упорное своенравіе, за упрямое неповиновеніе, за грубую ложь и за обманъ, за злобу и другіе дѣйствительно достойные наказанія проступки; 2) не тогда когда дѣти раздражены; 3) и не тогда также, когда самъ наставникъ сильно взволнованъ. Наказаніе будетъ торжественнымъ дѣломъ, къ которому слѣдуетъ приступить съ полнымъ спокойствіемъ, съ кротостью и призывая Господа Бога, а дѣтей приготовить къ тому серьезнымъ и скорбнымъ представленіемъ ихъ виновности и по возможности довести ихъ до собственнаго сознанія и добровольнаго признанія вины, также до добровольнаго подчиненія карѣ". „Главныя правила хорошаго воспитанія: 1) предохранять дѣтей и молодыхъ людей отъ вредныхъ предразсудковъ и суевѣрій; 2) пріучать ихъ разсуждать обо всемъ умно и мыслить благородно; 3) поощрять ихъ быть внимательными ко всему съ любознательностью; 4) пріучать ихъ извлекать правила мудрости и благоразумія изъ ошибокъ, промаховъ и проступковъ, какъ собственныхъ, такъ и постороннихъ людей, чѣмъ въ то же время предохраняютъ ихъ отъ того, чтобы они не поддавались соблазну, не презирали и не осмѣивали другихъ людей; 5) пріучать ихъ также подмѣчать прекрасное и все образцовое въ поступкахъ постороннихъ людей и подражать этому". „Сверхъ того, важно также не только соотвѣтственнымъ примѣромъ, но и поученіями и увѣтами побуждать своихъ воспитанниковъ къ любви, страху и благоговѣнію Божію, къ почитанію и достодолжному признанію Спасителя міра, къ трудолюбію и умѣренности, къ человѣколюбію, услужливости, вѣжливости, радушію, общительности, миролюбію и кротости, къ благопристойной смѣлости, учтивости и доброму порядку". „Да сдѣлаетъ наставникъ ученіе для своихъ учениковъ по возможности пріятнымъ, такъ чтобы они считали его благодѣяніемъ и услажденіемъ, а отказъ его наказаніемъ. Кто не обладаетъ этою рѣдкою способностью, долженъ по малой

мѣрѣ тщательно избѣгать, чтобы ученики его не наскучили уроками. Для того и другого случая полезно: 1) чтобы онъ представилъ имъ ученіе не какъ обязательное дѣло, но скорѣе какъ весьма полезное и пріятное, а ученость какъ источникъ несмѣтныхъ выгодъ и наслажденій; 2) чтобы онъ всегда охотно и бодро преподавалъ имъ, а если онъ иной разъ не расположенъ, то пусть отложитъ урокъ до другого часа; 3) чтобы онъ не только легкое и пріятное, но также и трудное преподавалъ легко и пріятно; 4) чтобы онъ постоянно упражнялъ ихъ чувства и умъ, и помогалъ имъ мыслить, такъ чтобы имъ казалось, будто они сами до всего доходятъ, притомъ да не мѣшаетъ онъ имъ радоваться этому, а скорѣе, да поощряетъ ихъ; 5) чтобы онъ вòвремя, съ надлежащимъ ограниченіемъ и умѣренно прибѣгалъ къ хвалѣ и порицанію; 6) чтобы доставлялъ имъ награды за ихъ отличное прилежаніе; 7) чтобы онъ отнюдь не занимался однимъ и тѣмъ же предметомъ въ теченіе цѣлаго часа, также не напрягалъ ихъ по нѣскольку часовъ сподрядъ, а напротивъ, назначалъ имъ въ перемежку время для отдыха и развлеченія; 8) чтобы, если они иной разъ не расположены или не способны къ ученію, онъ освободилъ ихъ на этотъ часъ, съ условіемъ учиться за то послѣ съ тѣмъ бòльшимъ рвеніемъ".—Несмотря на эти заявленія и совѣты, Бюшингъ все-таки считаетъ вреднымъ, „что нынѣ въ такомъ множествѣ требуются и подвизаются частные учителя"; полагая, „что они не мало способствуютъ упадку учености". „Изъ десяти кандидатовъ, желающихъ поступить и дѣйствительно поступающихъ въ наставники и воспитатели едва ли найдется хоть одинъ, обладающій необходимыми внутренними и внѣшними дарованіями и способностями для благопристойнаго воспитанія и основательнаго обученія молодыхъ людей. Но поверхностные наставники производятъ обыкновенно невѣжественныхъ учениковъ, изъ этихъ же сплошь выходятъ ничего незнающіе студенты и наконецъ поверхностные ученые".

Книга Бюшинга о преподаваніи наставника и воспитателя свободна отъ мелочнаго религіознаго педантизма и узкихъ воззрѣній, которыми страдаетъ книга Сарганека о тайныхъ грѣхахъ юности. Но и Бюшингъ также не доходитъ до научныхъ понятій; онъ руководится исключительно практическими интересами. Такого рода практическій интересъ преобладаетъ у всѣхъ теориковъ піэтизма. Ихъ теоріи даютъ много годныхъ предписаній касательно дисциплины и преподаванія; но они не въ состояніи соорудить полное зданіе педагогики. Потому они своими предписаніями и вліяютъ только на болѣе тѣсные кружки,—а главнѣйше потому также, что въ то время, когда они вводили свои теоріи, пе-

дагодическій міръ уже занятъ былъ приготовленіями къ борьбѣ между филантропимизмомъ и гуманизмомъ, зародыши которыхъ еще безпечно и мирно сживались другъ съ другомъ въ піэтизмѣ.—Такъ между прочимъ видимъ это у

І. А. Бенгеля,

родившагося въ 1687-мъ г. въ Винненденѣ, и скончавшагося въ 1752-мъ въ званіи прелата въ Штутгартѣ. Въ своихъ педагогическихъ взглядахъ и стремленіяхъ онъ первый старался дать дальнѣйшее развитіе піэтизму. Въ своей теологической теоріи онъ былъ мечтателемъ, фантазировавшимъ надъ апокалиптическими числами, но какъ воспитатель дѣтей и преподаватель въ Денкендорфскомъ монастырѣ—человѣкомъ практическимъ, практика котораго основывалась на зрѣло обдуманныхъ педагогическихъ началахъ. О воспитаніи дѣтей онъ говоритъ: Нѣтъ надобности прибѣгать ко многимъ педагогическимъ правиламъ; простѣйшій методъ самый лучшій. Пускай дѣтямъ доставляются надлежащія средства, чтобы ознакомиться съ словомъ Божіимъ; если они и не все удержатъ, то кое-что все-таки усвоится ими. Безполезно было бы обременять ихъ подробными толкованіями и пр. Гораздо лучше объяснить вкратцѣ смыслъ нѣкоторыхъ трудныхъ мѣстъ и незнакомыхъ выраженій. Колодезникъ устраняетъ лишь препятствія и вода сама собой бьетъ наружу. Необходимо только отрѣзать имъ поводъ къ грубому распутству; а впрочемъ въ ихъ большею частью невинныхъ занятіяхъ гораздо лучше предоставить имъ идти по своей собственной, нежели по чужой волѣ. Долготерпѣніе весьма полезно. Потому что сильно ругаться надъ такимъ юнымъ деревцомъ, вредитъ ему. Если же оно пустится въ своеволіе, то надо прибѣгнуть къ христіанской строгости и переломить его упрямство. Дѣтей надо заставлять молиться по крайней мѣрѣ утромъ и вечеромъ; пусть они сами читаютъ молитву, или пусть надзиратель подсказываетъ ее, причемъ имъ незамѣтно внушается примѣръ для подражанія въ другихъ случаяхъ. Необходимо обращаться съ ними весело, радушно, снисходительно, но не злобно, не угрюмо и не взбалмошно. Дѣвочекъ охраняйте особенно отъ излишней бойкости, суетнаго тщеславія, пріучайте ихъ къ скромности, простотѣ. Любовь поддерживается и значительно усиливается, если дѣти замѣчаютъ, что вовсе не хотятъ срамить ихъ, а напротивъ, стараются терпѣливо снести ихъ недостатки или какъ бы келейно, втихомолку исправить ихъ. Въ школѣ Бенгель требуетъ каждый день по цѣлому часу отдыха на свѣжемъ воздухѣ; остальное свободное время слѣдуетъ употребить на освѣжающее чтеніе поэтовъ, географовъ и историковъ. Въ преподаваніи онъ исходитъ отъ главнаго пра-

вила, вслѣдствіе котораго надлежитъ печься не о томъ только, чтобы ученикъ болѣе или менѣе зналъ спеціальные предметы, а о томъ, чтобы онъ пріобрѣлъ вообще хорошій складъ ума. Со вновь поступавшими въ его монастырь учениками онъ повторялъ сперва Корнелія Непота, котораго они должны были знать уже при поступленіи. Потомъ читалъ письма Цицерона: каждое изъ нихъ сперва тщательно объяснялось изустно, а потомъ переводилось на нѣмецкое каждымъ изъ учениковъ. Эти объясненія онъ прерывалъ иногда упражненіями, избирая для того мѣста изъ классиковъ, состоявшія въ связи съ только-что пройденнымъ цицероновскимъ урокомъ. Мимоходомъ приводилъ онъ классическія древности и нѣкоторыя необходимыя реальныя знанія, иногда указывалъ также на книгу, откуда всякій самъ могъ бы пріобрѣсть ихъ. Дисциплина въ школѣ была проникнута гуманностью. „Мнѣ многое не нравится въ молодежи; но я никогда не обнажалъ меча безъ того, чтобы не приходилось мнѣ вновь вложить его съ раскаяньемъ въ ножны; я пуще всего избѣгаю, какъ бы не быть причастнымъ грѣхамъ другихъ людей. Часто послѣ наказанія за малую провинность можно неожиданнымъ, но обдуманнымъ потворствомъ гораздо большему проступку пристыдить и задобрить иную натуру. Въ концѣ концовъ вѣдь каждая изъ нихъ сама обязана дать себѣ отчетъ“. Бенгель, который, какъ вѣрно замѣтилъ Визе, обладалъ здравымъ смысломъ Лютера, понималъ дѣтскую душу, а потому и считалъ опасною для нея болѣзнью „пріучаться къ напускному благочестію, причемъ одинъ съ виду лишь беретъ себѣ въ образецъ другого“.

Своеобразнѣе Бенгеля

Іоаннъ Фридрихъ Флаттихъ,

котораго поэтъ А. Кнаппъ называетъ облеченнымъ въ одежду сельскаго пастора новозавѣтнымъ Соломономъ. Онъ родился въ 1713-мъ г. въ Бейгингенѣ близъ Людвигсбурга, былъ въ 1742-мъ гарнизоннымъ священникомъ въ Гогенаспергѣ, съ 1747-го г. пасторомъ въ Меттерциммернѣ, а съ 1760-го въ Мюнхингенѣ, гдѣ и умеръ въ 1797-мъ. Онъ родился педагогомъ съ свѣтлымъ, проницательнымъ умомъ, съ самымъ искреннимъ прямодушіемъ, душевнымъ спокойствіемъ мудреца и постоянно яснымъ, веселымъ нравомъ, исполненнымъ смиренія и самоотверженной, услужливой любви. „Преподавать“ было его стихіею, и уже студентомъ онъ бѣгалъ за инымъ товарищемъ своимъ лишь бы тотъ даромъ позволилъ обучать себя; когда въ качествѣ духовника или въ обществѣ онъ имѣлъ дѣло съ взрослыми, то и тутъ даже обращеніе его отличалось педагогическимъ по-

шибомъ. Этотъ педагогическій пошибъ обнаруживается уже въ его „Домашнихъ правилахъ“: „Не потребляя многаго, не будешь вынужденъ и пріобрѣтать“. „Весьма немногіе изъ христіанъ вникаютъ въ Новый Завѣтъ. Христосъ сказалъ Маρѳѣ: Одно только нужно. Марія же избрала благую часть“. „Въ промыслѣ дѣло не въ томъ, чтобы продать дорого или купить дешево. Дешевле всего то, что доставляетъ пользу“. „Лучше трудомъ добывать пропитаніе, нежели торговлею“. „На свѣтѣ никакое званіе не доставляетъ счастія. Блаженство зависитъ отъ того, обладаемъ ли мы добрымъ нравомъ. Богатые и знатные обыкновенно самые несчастные люди, оттого что они полны недовольства“. „Человѣку не миновать стрижки; если не стригутъ его другіе, то онъ стрижетъ самъ себя“. „Чѣмъ знатнѣе званіе, тѣмъ сильнѣе рабство. Если не хочешь стать подлецомъ, — избѣгай лишь спѣси и похоти“. „Для хозяйства болѣе всего необходима вѣрность въ супружествѣ“. „Домохозяинъ долженъ усвоить себѣ правило: да будетъ не моя воля. Итакъ, онъ и думать не смѣй, будто жена обязана исполнять все, что ему вздумается, и будто у дѣтей все должно дѣлаться по его мыслямъ“. „Домохозяинъ да будетъ шутомъ въ домѣ. Но если онъ запасется терпѣніемъ, то все-таки останется господиномъ“. „Женщина должна избѣгать лизанья, тунеядства и жалобъ. Жена да остерегись, какъ бы по своей собственной винѣ не загнать мужа въ трактиръ“. „Если хочешь добромъ прожить на свѣтѣ, то необходимо чрезъ повиновеніе родителямъ заложить тому основаніе“. „Воспитать дѣтей подобаетъ не матерямъ, а отцамъ. Павелъ никогда не говоритъ: матери воспитывайте вашихъ дѣтей, а напротивъ, онъ обращается къ отцамъ; оттого-то и замѣчаемъ, что дѣти больше чтятъ отца нежели мать, и воспитаніе матери не идетъ въ прокъ, оттого что Богъ не далъ имъ на то власти. Итакъ, если мать хочетъ, чтобы дѣти повиновались ей, то должна добиваться этого не строгимъ воспитаніемъ, а напротивъ, оказывая имъ любовь; вѣдь матери рождены для самоотдачи и потому кормятъ собственною грудью дѣтей. Если дѣти не повинуются матери она должна ни бранить, ни бить ихъ, но только ничего не давать имъ; такимъ образомъ она добьется болѣе всего. Воспитаніе отцовъ должно состоять не въ побояхъ; напротивъ, пусть они подражаютъ въ этомъ доброму крестьянину, который лишь сверху поводитъ бичемъ, а не хлещетъ имъ то и дѣло; иначе дѣти ожесточатся и озлобятся. Родители да считаютъ дѣтей благословеньемъ, а не то послѣдніе будутъ имъ въ наказаніе“. „Отцы большею частью не думаютъ о воспитаніи дѣтей. Часто въ полеводствѣ и при другихъ занятіяхъ каждый день было бы чему поучить, а при всемъ томъ не хотятъ учить, но добиваются всего строгостью.

Многіе воспитываютъ своихъ дѣтей словно цвѣтникъ, надъ которымъ много трудятся, чтобы блеснуть имъ. Въ воспитаніи дѣтей надо обращать вниманіе больше на повиновеніе и благочестіе, нежели на ученіе; вѣдь нигдѣ не сказано: Учись прилежно, чтобы тебѣ было хорошо. Главное дѣло побуждать дѣтей къ добру, отнюдь не допускать въ нихъ зла, внушать имъ повиновеніе къ родителямъ; въ такомъ случаѣ они навѣрное будутъ преуспѣвать на свѣтѣ. Надо остерегаться пуще всего, какъ бы не вселить въ дѣтей честолюбія и предохранить ихъ отъ тщеславія и высокомѣрія. Дѣтей слѣдуетъ воспитывать для простой жизни, не одѣвать ихъ щегольски, не давать дорогихъ явствъ, потому что воспитать ихъ надлежитъ въ завѣтѣ Божьемъ". „Первые уроки своимъ дѣтямъ должна дать благочестивая мать. Жена да будетъ помощницею мужу и главнѣйше да помогаетъ ему воспитывать дѣтей; женщины, какъ болѣе терпѣливыя и болѣе робкія, нежели отъ природы пылкіе и смѣлые мужчины, способнѣе для первоначальнаго обученія".

Такъ какъ „преподаваніе" составляло стихію Флаттиха, то въ своихъ приходахъ онъ всегда содержалъ отъ 12 до 16 нахлѣбниковъ всякаго званія и разныхъ лѣтъ, такъ что всѣ возрасты отъ 10 до 20 годовъ были у него на лицо. Онъ приготовлялъ ихъ къ разнымъ служебнымъ занятіямъ, а также прямо въ университетъ. Такимъ образомъ мало по малу воспиталъ онъ 200 питомцевъ въ своихъ приходахъ, и большею частью такихъ, съ которыми даже сами родители не знали что начать, которые слѣдовательно, какъ выражается онъ, страдали „умственнымъ и нравственнымъ недостатками". При этомъ онъ старался болѣе всего, чтобы его нахлѣбники питали къ нему любовь и уваженіе. „Въ моемъ обращеніи съ ними я руководствуюсь словами Христа, сказавшаго своимъ ученикамъ: „Вы называете Меня Учителемъ и Господомъ; и правильно говорите: ибо я точно то. А я посреди васъ, какъ служащій". Благодаря чему я и живу съ своими нахлѣбниками въ любви и дружбѣ; я не требую большого наружнаго почтенія и безъ крайней необходимости не заявляю себя начальникомъ; я испыталъ также, что въ иныхъ случаяхъ надо научиться быть слѣпымъ, глухимъ и нѣмымъ. Впрочемъ въ моихъ распоряженіяхъ, я держусь правила: сохрани меня Господи простымъ и праведнымъ, потому что молодые люди любятъ естественный, непритворный нравъ, а по части правдивости они обладаютъ тонкимъ чувствомъ. Во многихъ случаяхъ я замѣчалъ также, что искусственность и уклоненіе отъ правды обременяютъ насъ лишними заботами, тогда какъ намъ легко было бы справиться, слѣдуй мы началу простоты и правдивости. Но болѣе всего мнѣ приходится преодолѣвать самого себя; потому что если душа моя разстрое-

31

на, или если я самъ провинился, то это наводитъ смуту на весь мой домъ".

Касательно дисциплины Флаттихъ исходилъ отъ той мысли, что не слѣдуетъ давать через-чуръ много правилъ; а также, чтобы воля не сообразовалась все съ однимъ умомъ; оттого что между сердцемъ и умомъ великая разница. Не вынуждать ничего силою, но оказывать тѣмъ болѣе любви. Хотятъ не просить, а все приказывать; оттого такъ многіе изъ дѣтей и не удаются. Относительно свободы воли надо обходиться очень осторожно съ молодыми людьми; потому что замѣтивъ, что ихъ хотятъ лишить ея, они тотчасъ же утрачиваютъ всякую любовь и становятся упрямыми. Потому, если хотятъ переломить ихъ волю, то необходимо уступать имъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, причемъ все зависитъ попреимуществу отъ трехъ условій, а именно въ чемъ уступаютъ имъ (не въ необходимыхъ, но пожалуй полезныхъ и прекрасныхъ вещахъ), въ какомъ видѣ уступаютъ имъ (напр. изъ любви, и давая замѣтить при этомъ, что молодой человѣкъ не правъ), и долго ли уступаютъ (напр. если лично не могутъ терпѣть чего нибудь, то уступать, пока терпится). Но отнюдь не черезъчуръ наказывать! Если бъ наказаніе исправляло, то люди въ смирительномъ домѣ дѣлались бы лучше; но исправляетъ любовь. Кто хочетъ исправить своихъ или чужихъ дѣтей, долженъ приступить къ нимъ съ любовью и молиться за нихъ, да воспитаетъ ихъ Господь. Твердо помните: любовь исправляетъ! — Этою любовью Флаттихъ сумѣлъ справиться съ своими питомцами, и она дала ему силу преодолѣть свой отъ природы склонный къ вспыльчивости нравъ.

Въ воспитаніи своихъ питомцевъ Флаттихъ сообразовался съ ихъ личными свойствами и изслѣдовалъ, что вообще необходимо для каждаго изъ нихъ, смотря по ихъ дарованіямъ, возрасту, полу, званію, тѣлесному сложенію, состоянію и другимъ условіямъ. Какъ онъ принимался за дѣло, это отлично изложено имъ въ его „Замѣткахъ къ дѣлу обученія". Онъ говоритъ тамъ: Если хотятъ что нибудь сразу выучить наизустъ, то дѣло подвигается туго и на это требуется обыкновенно много времени. Но если перечитать то же самое нѣсколько разъ со вниманіемъ, а на другой день уже твердить наизустъ, то все дѣлается легче и скорѣе. Нельзя ожидать, чтобы душа переварила предметъ, если этому не предшествовало соображеніе. Если пища вовсе не поглощается, то желудку нечего и переваривать; или если твердая пища поглотится неразжеванная, то она опять выходитъ вся цѣликомъ, или покрайней мѣрѣ пищевареніе замедлится. Когда ѣдятъ черезъ-чуръ

много, то желудокъ не въ состояніи переварить пищу какъ слѣдуетъ. Итакъ, если учатся черезъ-чуръ много, то душа не можетъ переварить всего, а потому и не обучаются какъ слѣдуетъ. Чтобы переварить пищу необходимо спокойствіе, потому гнѣвъ и всякія волненія послѣ обѣда вредны. Такъ точно и для души необходимо спокойствіе, чтобы переваривая, она не разстроилась и не ослабѣла отъ волненія и разныхъ развлеченій. Отсюда слѣдуетъ, что ни самихъ себя, ни другихъ не надо слишкомъ горячо побуждать къ изученію наукъ; надлежитъ конечно обдумать данный предметъ, но предоставить также коечто сокровеннымъ дѣйствіямъ души. Желудокъ слабѣетъ и разстроивается, если поглощаютъ вредную для организма пищу. точно такъ же и умъ и другія душевныя способности слабѣютъ и разстроиваются, когда разсудокъ и наклонности направлены на зло, отчего дурные люди и становятся все менѣе способными сознавать истину. Желудокъ, напротивъ того, укрѣпляется, если пользуются пригодною для организма пищею. Такъ точно и умъ ростетъ, если направленъ на истину. Итакъ, при развитіи ума очень многое зависитъ отъ того, съ какими предметами имѣемъ дѣло. Младенецъ не можетъ тотчасъ же перенести всякую пищу. Сначала кормятъ его молокомъ и кашицей, потомъ, когда дѣти поокрѣпли, они привыкаютъ ѣсть пищу разнаго рода. Такъ точно необходимо изслѣдовать, что молодымъ людямъ годно для изученія. Если бы вздумали младенца накормить кислою капустой, то онъ можетъ лишиться жизни. Такъ и молодого человѣка можно легко погубить, если понуждать его къ тому, къ чему душевныя способности его слишкомъ еще слабы. Необходимо начать съ легкихъ предметовъ и останавливаться на нихъ до тѣхъ поръ, пока не окрѣпли душевныя способности. Потомъ уже можно мало по малу переходить къ болѣе труднымъ предметамъ. Подобно тому какъ существуетъ разница между младенцами, такъ что одинъ скорѣе, другой позже привыкаетъ къ твердой пищѣ, точно такъ же бываетъ и съ молодыми людьми въ дѣлѣ обученія. Нѣкоторые изъ нихъ преуспѣваютъ лишь понемногу; а у другихъ умъ развивается быстро; все равно какъ въ наружномъ ростѣ,— нѣкоторые ростутъ изъ года въ годъ, а другіе засиживаются и потомъ вдругъ принимаются быстро рости.—Земледѣлецъ долженъ трудиться и воздѣлывать свое поле; но взойдетъ ли сѣмя и созрѣетъ ли благополучно, это уже не отъ него зависитъ; ему остается лишь возложить надежду на благословеніе Божіе. Потому и слѣдуетъ отличать ученье отъ успѣховъ. Ученье — предписанный Богомъ трудъ, а успѣхи — благословеніе, зависящее не отъ людей, но отъ Бога. Такъ какъ молодымъ людямъ не слѣдъ

тунеядствовать, то необходимо побуждать ихъ къ серьезному ученію; но вынуждать успѣхи бранью, руготней и побоями все равно, что понуждать Господа Бога. Такъ какъ на свѣтѣ много тугихъ головъ и робкихъ людей, то терпѣнье самое важное качество въ наставникѣ. Кто не хочетъ учиться терпѣнью, тотъ и не иди въ учителя. О другихъ люди судятъ обыкновенно по себѣ. Если поэтому учителю самому удалось легко и скоро выучиться чему нибудь, то онъ требуетъ того же и отъ ученика. Но такъ поступать нельзя; напротивъ, судите объ ученикахъ по ихъ темпераменту и возрасту. Учитель да не воображаетъ себѣ, будто ученикъ его будетъ преуспѣвать по днямъ или по недѣлямъ. Онъ лишь по прошествіи болѣе или менѣе долгаго времени можетъ приступить къ испытанію въ успѣхахъ ученика, и они обнаружатся, если сравнить его настоящее состояніе съ предшествовавшимъ, или если онъ обогналъ своихъ товарищей, или догналъ тѣхъ, которые были впереди его. Человѣкъ ѣстъ каждый день и большая часть яствъ опять выходитъ изъ него; такимъ образомъ онъ развивается и ростетъ. Точно такъ же пусть и молодые люди учатся изо дня въ день и опять забываютъ каждый день большую часть выученнаго, такимъ образомъ они дѣлаются образованными и учеными.—Заучивать наизустъ можно различными путями. Можно усвоить себѣ предметъ и овладѣть имъ, повторяя его десять разъ или болѣе, или разсматривая его часто и обдумывая, или переписывая нѣсколько разъ, или помногу говоря и слушая объ немъ. Смотря по тому, какой изъ способовъ заучиванья пригоднѣе для молодого человѣка, тотъ и слѣдуетъ избрать. Учитель долженъ прибѣгать при этомъ къ разнымъ облегченіямъ. Смѣтливость и прозорливость также способствуютъ заучиванью наизустъ. Безъ той и другой оно становится механическимъ, что вообще никуда не годится, потому что тогда затверживаютъ безъ смысла; но въ нѣкоторыхъ случаяхъ это неизбѣжно, напр. въ счетѣ, когда таблицу умноженія необходимо усвоить себѣ такъ, чтобы припоминать ее не думая долго. Если наоборотъ облегчаютъ себѣ дѣло, сравнивая предметъ съ чѣмъ нибудь извѣстнымъ, то я называю это „остроумною памятью": она обнаруживается у людей, обладающихъ острымъ умомъ: кто одаренъ послѣднимъ, тотъ сравниваетъ неизвѣстный предметъ съ извѣстнымъ, такъ что одинъ удерживается при помощи другого. Прозорливая память обнаруживается у людей, склонныхъ къ сильному мышленію; и точно, если много обдумываемъ предметъ, то незамѣтно усвоиваемъ его себѣ. У сангвиническихъ темпераментовъ обнаруживается обыкновенно смѣтливая память, тогда какъ у холерическихъ—прозорливая. Но въ виду этой троякаго рода памяти необходимо сообразоваться съ свойствомъ и возрастомъ субъекта. А именно,

сначала заставляйте многое заучивать при помощи пересказовъ наизустъ, навыка, рѣчей, прислушиванья, дѣйствія и пр., такъ чтобы пріучить дѣтей къ вниманію. Потомъ заставляйте сравнивать и пользуйтесь смѣтливою памятью, наконецъ наводите молодыхъ людей на прозорливую память.—Всѣ члены человѣческаго тѣла ростуть совмѣстно въ надлежащей пропорціи. Когда же одинъ изъ нихъ ростетъ относительно быстрѣе или медленнѣе другихъ членовъ, то тѣло становится безобразнымъ. Такимъ-же образомъ должны развиваться и всѣ душевныя способности, такъ чтобы ни одна изъ нихъ не пренебрегалась и не ухудшалась, и это тѣмъ необходимѣе, такъ какъ одна помогаетъ другой. Потому и обращайте вниманіе не только на улучшеніе той или другой изъ душевныхъ способностей, а напротивъ, имѣйте по возможности въ виду также и всѣ остальныя. Важнѣе всего для молодого человѣка, чтобы онъ привыкъ разсуждать, потому что если онъ не разсуждаетъ, то легко впадаетъ въ искушеніе, никогда не можетъ справиться съ собою и невольно совращается съ пути, подвергается опасности и часто даже погибели. Потому въ ученіи необходимо обращать вниманіе на развитіе разсудка и устроить преподаваніе такъ, чтобы ученики всегда могли указать на причину. На практикѣ они да пріучаются вѣровать и повиноваться, а въ теоріи наоборотъ—во всемъ допытываться причины. Но разсудокъ, подобно плодамъ, требуетъ времени для того чтобы созрѣть, почему нельзя черезъ-чуръ напрягать его и требовать отъ молодыхъ людей слишкомъ многаго. Такъ какъ успѣхи молодыхъ людей зависятъ большею частью отъ нихъ самихъ, то старайтесь прежде всего возбудить въ нихъ вниманіе и любознательность, и на этотъ конецъ позаботьтесь сообщить имъ не только ясныя, но главнѣйше и живыя понятія; потому что послѣднія ободряютъ духъ, производятъ на него впечатлѣніе и служатъ для того, чтобы легче усвоить себѣ и съ бо́льшею пользою примѣнить что-либо. Иностранные языки представляютъ важное образовательное средство. Съ молодыми людьми нельзя тотчасъ же приниматься за науки и умственные предметы; для этого необходимо сперва подготовить душевныя способности. Посредствомъ латыни незамѣтно изучаютъ разные періоды и связь рѣчи, привыкаютъ къ самодѣятельности и трудолюбію, знакомятся вообще съ предметами, легко развиваются разумъ и мышленіе. Изучая иностранный языкъ, молодые люди пріохочиваются и подготовляются къ наукамъ, лишь бы они изучали ихъ не просто по навыку, но съ толкомъ и умомъ. Если бы не захотѣли предпосылать наукѣ изученіе иностраннаго языка, то для успѣш-

наго изученія родного и для подготовки душевныхъ способностей пришлось бы придумать совершенно новое средство.— Собираясь сѣять, необходимо сперва подготовить для того почву; потому что если почва не будетъ предварительно воздѣлана и взрыхлена, то сѣмя не можетъ прозябать и хорошо взойти. Точно также и душевныя способности молодыхъ людей необходимо сперва подготовить и развить, прежде чѣмъ приниматься съ ними за настоящее ученіе. Ошибочно поэтому думать только о предметѣ, которому хотятъ учить, и вовсе не заботиться объ исправленіи душевныхъ способностей. Сперва доведите ученика до того, чтобы онъ былъ въ состояніи изучать предметъ, а потомъ уже принимайтесь за послѣдній. Каменьщики, собираясь сложить высокую стѣну, строятъ сперва лѣса, а потомъ удаляютъ ихъ, когда стѣна готова. Если хотятъ научиться чему-нибудь путному, то придется дѣлать многое, что кажется ненужнымъ, и притомъ учиться иному, имѣя въ виду забыть это. Вѣдь не все, чему учились, сохраняется. Потому въ молодости надо учиться столько, чтобы кое-что изъ этого могло и утратиться.—Почва бываетъ четырехъ родовъ. Одна сверху хороша, но въ глубь дурна. Другая сверху дурна, а въ глубь хороша. Третья и сверху и въ глубь хороша. Наконецъ четвертая и сверху и въ глубь дурна. Если въ каждую изъ этихъ четырехъ почвъ посадить виноградныя лозы, то въ первомъ случаѣ онѣ сначала будутъ рости хорошо, а впослѣдствіи плохо. Во второмъ случаѣ сначала плохо, а впослѣдствіи хорошо. Въ третьемъ—и сначала и впослѣдствіи хорошо. Наконецъ въ четвертомъ и сначала и впослѣдствіи плохо. Точно такъ же и у молодыхъ людей бываютъ четырехъ родовъ головы. У нѣкоторыхъ сначала все идетъ успѣшно, такъ что они подаютъ большія надежды; но послѣ застаиваются и не подвигаются далѣе. Другіе сначала подвигаются туго, такъ что иногда какъ они, такъ и посторонніе лица падаютъ духомъ; потомъ однако они преуспѣваютъ, когда достигается лучшая почва, а именно ихъ разсудокъ. Третьи преуспѣваютъ какъ въ началѣ, такъ и впослѣдствіи, почему и слывутъ за счастливыя дарованія. Остальные же и сначала и впослѣдствіи бываютъ туги и ни къ чему не питаютъ особенной охоты. Относящіеся къ первому разряду способны къ поверхностному знанію и къ языкамъ, исторіи, географіи и пр.; вообще они могутъ многому научиться. Молодые люди второго разряда расположены обыкновенно къ разнымъ предметамъ и способны къ труднымъ и глубокомысленнымъ вещамъ. Третьяго разряда способны ко всему, какъ къ историческимъ, такъ и къ остроумнымъ и вдумчивымъ занятіямъ. Когда они удаются, то изъ нихъ выходятъ превосходные люди.—Преподаваніе можетъ производить-

ся въ двоякомъ видѣ, а именно либо чрезъ указаніе, либо чрезъ поученіе. Съ молодыми людьми слѣдуетъ начинать съ указанія и переходить къ обученію. Потому надо избрать для преподаванія такіе предметы, которые было бы удобно показывать, а именно: чтеніе, письмо, счетъ, латынь и пр., потому что, научившись многимъ отдѣльнымъ предметамъ, мы будемъ способны понимать также общія правила. Во всѣхъ искусствахъ тоже начинаютъ съ указанья и сравненія, а потомъ уже переходятъ къ общимъ правиламъ. Если молодой человѣкъ изучаетъ музыку, то развѣ начинаютъ съ общихъ правилъ, развѣ заставляютъ его учить наизустъ разныя общія грамматическія правила музыки? Въ школѣ не слѣдуетъ постоянно заниматься исключительно однимъ только учебнымъ предметомъ. Въ одномъ предметѣ знакомятся съ одною полезною вещью, а въ другомъ съ другою, въ одномъ научаются мыслить въ такомъ родѣ, а въ другомъ иначе. Но чѣмъ болѣе узнаемъ полезныхъ вещей и чѣмъ болѣе научаемся мыслить, чѣмъ больше упражняются душевныя способности, тѣмъ болѣе можно преуспѣвать въ учебномъ предметѣ. Пищу можно приготовлять различнымъ образомъ, и искусный поваръ сумѣетъ дурную пищу приправить такъ, что она окажется хорошею. Не воображайте, будто существуетъ одинъ только настоящій способъ преподаванія. Необходимо помнить однако слѣдующее: Чему научаются въ младенчествѣ, то должно служить въ отрочествѣ; чему учатся въ отрочествѣ, то должно служить въ юности; а чему учатся въ юности, то пригодится въ зрѣломъ возрастѣ. Душевныя способности и примѣненіе ихъ да возрастаютъ отъ одного возраста до другого. А потому настоящій наставникъ обязанъ вникнуть въ послѣдовательность роста, въ употребленіе душевныхъ способностей и въ пригодные для каждаго возраста предметы; сверхъ того имѣть вѣрное понятіе какъ о человѣческой жизни вообще, такъ и въ частности о званіяхъ, въ какія придется вступить молодымъ людямъ. Тогда онъ и не станетъ воображать себѣ, будто у молодыхъ людей надо добиваться одного только ума, будто если они умны, то будутъ также любить и дѣлать добро, ненавидѣть зло и избѣгать его. На опытѣ часто оказывается, что умные люди злы, вслѣдствіе чего и сложилась поговорка: чѣмъ ученѣе, тѣмъ безтолковѣй.—Наставникъ обязанъ имѣть въ виду три обстоятельства: вселить добрый нравъ, заставить молодыхъ людей разсуждать, поддерживать и укрѣплять ихъ здоровье. Если одно изъ этихъ условій будетъ упущено, то цѣль не достигнется. Когда нѣтъ добраго нрава, то и все ученіе будетъ отравлено. У кого нѣтъ разсудка, тотъ не сумѣетъ съ поль-

зою примѣнить все, чему учился. Когда здоровье плохо, то ученье будетъ задержано въ дальнѣйшемъ развитіи и человѣкъ впослѣдствіи оказывается почти ни на что неспособнымъ. Наставникъ всегда и во всемъ долженъ сообразоваться съ индивидуальностью своего ученика. Иное дѣло воспитать мальчика, иное—дѣвочку. Что полезно однимъ молодымъ людямъ, то вредно другимъ. Одному полезно, когда ему даютъ деньги, оттого что такимъ образомъ онъ пріучается къ бережливости; другому это вредно, оттого что онъ становится прихотливымъ и расточительнымъ, У одного хорошее платье способствуетъ честолюбію и онъ привыкаетъ беречь и сохранять свою одежду; другого же оно дѣлаетъ высокомѣрнымъ и нерадивымъ въ ученьи. Потому необходимо обращать особенное вниманіе на свойства молодыхъ людей.

Всякое наблюденіе должно быть связано съ словомъ Божіимъ, всякое естественное познаніе улучшаться имъ же. Въ Священномъ писаніи изложены главныя истины воспитанія. Оно поучаетъ дѣтей повиноваться родителямъ: „Іисусъ пошелъ съ ними, и пришелъ въ Назаретъ; и былъ въ повиновеніи у нихъ“. Оно поучаетъ, что молодыхъ людей слѣдуетъ отличать отъ людей зрѣлаго возраста, и пусть дѣти предаются ребячествамъ, оттого что съ годами послѣднія отстанутъ сами собою, и надо выждать только время, когда они будутъ оставлены: „Когда я былъ младенцемъ, то помладенчески говорилъ, помладенчески мыслилъ, помладенчески разсуждалъ; а какъ сталъ мужемъ, то оставилъ младенческое“ Оно учитъ, что наставникъ и учащійся должны трудиться, но вмѣстѣ съ тѣмъ терпѣливо выжидать благословенія Божія: „Земледѣлецъ ждетъ драгоцѣннаго плода отъ земли, и для него терпитъ долго, пока получитъ дождь ранній и поздній“. Оно учитъ, что сперва надлежитъ давать мягкую, а впослѣдствіи твердую пищу: „Еще многое имѣю сказать вамъ; но вы теперь не можете вмѣстить“. „Твердая пища свойственна совершеннымъ, у которыхъ чувства навыкомъ пріучены къ различенію добра и зла“. Оно поучаетъ, что Богъ надѣлилъ людей различными дарами и что всякій долженъ учиться тому, къ чему способенъ: „Одному дается Духомъ слово мудрости, другому слово знанія, тѣмъ же Духомъ; иному вѣра, тѣмъ же Духомъ; иному дары исцѣленій, тѣмъ же Духомъ; иному чудотворенія, иному пророчество, иному различеніе духовъ, иному разные языки, иному истолкованіе языковъ“. Оно учитъ, что слѣдуетъ также заботиться о тѣлесномъ благѣ, касательно ѣды и питья, труда и бодраго духа: „Вотъ еще, что я нашелъ добраго и пріятнаго: ѣсть и пить и наслаждаться добромъ во всѣхъ трудахъ своихъ, какими кто трудится подъ солнцемъ во всѣ дни жизни своей, которые далъ ему Богъ: по-

тому что это его доля“. Оно наставляетъ, что сперва слѣдуетъ пріучить къ повиновенію, а потомъ поощрять къ труду: „Возьмите иго Мое на себя и научитесь отъ Меня“. Оно учитъ, что Христосъ съ двумя качествами, кротостью и смиреніемъ, служитъ образцомъ для наставниковъ: „Научитесь отъ меня: ибо Я кротокъ и смиренъ сердцемъ“. Оно учитъ, что посвящающій себя преподаванію долженъ стараться для всякихъ людей быть всѣмъ: „Для всѣхъ я сдѣлался всѣмъ“. Оно учитъ, что наставникъ не долженъ увлекать дитя отъ его малости къ высокомѣрію: „Кто умалится, какъ это дитя, тотъ и больше въ царствѣ небесномъ. А кто соблазнитъ одного изъ малыхъ сихъ, и пр. и пр“.

Флаттихъ былъ геніальный человѣкъ. Онъ геніаленъ и въ своей педагогикѣ, какъ въ дѣлѣ преподаванія, такъ и въ дисциплинѣ,—онъ не зналъ ни отвлеченной системы, ни отвлеченнаго догматизма и доктринерства, съ свѣтлымъ взоромъ и яснымъ взглядомъ опираясь и основываясь на опытѣ и библіи. „Немыслимо, говоритъ онъ, чтобы во время преподаванія я сидѣлъ съ каждымъ изъ учениковъ или занимался съ нимъ особо, тѣмъ болѣе что я обязанъ исправлять должность пастора, что мнѣ случается быть больнымъ, принимать часто посѣтителей, смотрѣть за своимъ большимъ хозяйствомъ, состоящимъ обыкновенно изъ 24 до 28 лицъ, а сверхъ того, у меня скотъ и имѣнье. Потому и необходимо было подумать о томъ, какъ бы безъ ущерба сократить разныя затрудненія и тягости. Первую свѣтлую мысль въ преподаваніи мнѣ подала лѣстница; и точно, еслибъ мы стали каждаго мальчика подсаживать на дерево, то это было бы затруднительно какъ для нихъ, такъ и для насъ; но если къ дереву приставить лѣстницу, то они и сами влѣзутъ, и притомъ одинъ вслѣдъ за другимъ; вотъ я и попыталъ, нельзя ли и въ преподаваніи устроить подобнаго рода лѣстницу. Въ виду этого я составилъ особыя статьи, въ которыхъ должны были сотрудничать мои нахлѣбники, и все это дѣлалось притомъ письменно, благодаря чему они пріучались къ труду и самодѣятельности, привыкали размышлять, тѣмъ болѣе, что мои статьи главнѣйше разсчитываютъ на послѣдовательность мысли. Въ этихъ занятіяхъ я обращаю особенное вниманіе на то, чтобы они въ одинъ день сдѣлали столько же, сколько и въ другой, такъ какъ ежедневнымъ, хотя и не особенно большимъ трудомъ, можно добиться болѣе всего. Самая большая трудность состоитъ въ томъ, чтобы доставить молодому человѣку занятіе, отвѣчающее его способностямъ.“ „Впрочемъ мнѣ пришлось гораздо болѣе думать и трудиться надъ управленіемъ молодыми людьми, нежели надъ ихъ обученіемъ.“—Но и въ дѣлѣ управленія онъ часто поступалъ смѣло и геніально, и—ему удавалось,

что другому, можетъ быть, и не удалось бы. Такъ между прочимъ, заставъ однажды питомцевъ за картами, онъ исправилъ ихъ тѣмъ, что заставилъ, не смотря ни на усталость, ни на сонъ, проиграть съ собою до разсвѣта; благодаря этому сердца ихъ смягчились наконецъ для высказанныхъ имъ въ заключеніе искреннихъ увѣщаній: ни одинъ изъ нихъ не бралъ болѣе картъ въ руки. Съ молодымъ человѣкомъ, который ни на чемъ не могъ остановить свои мысли, онъ нѣсколько недѣль кряду игралъ въ шахматы, пока тотъ не привыкъ наконецъ сосредоточивать свое вниманіе; послѣ этого онъ уже могъ обучать его настоящимъ образомъ. Съ однимъ изъ нахлѣбниковъ, представленнымъ ему какъ неисправимый лѣнтяй, онъ поступилъ такимъ образомъ: пока другіе учились или приготовляли свои уроки, въ продолженіи нѣсколькихъ недѣль Флаттихъ предоставлялъ ему дѣлать, что угодно; наконецъ тотъ самъ началъ просить, чтобы ему позволили учиться вмѣстѣ съ другими. Однажды главный судья привелъ къ нему своего сына и входя, тотчасъ же заявилъ, что съ этимъ негодяемъ ничего не подѣлаешь, что онъ испыталъ съ нимъ все возможное, но напрасно. Флаттихъ спросилъ, что же онъ дѣлалъ съ нимъ. Отвѣтъ: Онъ колотилъ его немилосердно. „А потомъ?“ Онъ по цѣлымъ днямъ запиралъ его. „Еще что?“ Онъ не давалъ ему ѣсть. „И больше ничего?“ Тутъ у судьи лопнуло терпѣнье: что же еще прикажете дѣлать? „А вы, спросилъ Флаттихъ, такъ и не помолились за своего сына?“ На отрицательный отвѣтъ отца Флаттихъ возразилъ, что его въ такомъ случаѣ вовсе не удивляетъ, если сынъ не удался; онъ же, Флаттихъ, испытаетъ теперь то, чего до сихъ поръ не сдѣлано отцомъ, потому что это важнѣе всего въ воспитаніи.

АБСТРАКТНО-ЧЕЛОВѢЧНОЕ ВОСПИТАНІЕ.

24.

Обзоръ духовной жизни въ эпоху абстрактно-человѣчнаго воспитанія.

Одна крайность вызываетъ другую: черезъ-чуръ сильно и односторонне натянутыя въ періодъ абстрактно-теологическаго міровоззрѣнія и воспитанія религіозныя способности души возбудили столь же одностороннія способности мышленія, и послѣднія приступили къ суду, съ тѣмъ чтобы рѣшить вопросъ о правѣ господствовавшей доселѣ науки, вообще обо всемъ исторически совершившемся и фактически существующемъ. Умъ подвергъ критикѣ существующую религію, и передъ нимъ исчезаютъ положительныя истины ея, разрѣшаясь во всеобщіе разсудочные выводы. Онъ подвергъ критикѣ также и существующее воспитаніе, допрашивалъ школу и семью о правѣ господствовавшихъ въ нихъ доселѣ основныхъ началъ, которыми онѣ руководились въ воспитаніи. Но, найдя данный ему отвѣтъ одинаково неудовлетворительнымъ какъ на педагогическомъ, такъ и на религіозномъ поприщѣ, онъ залагаетъ новыя основы и воздвигаетъ новыя зданія, которыя должны обновиться въ самомъ корнѣ, исходя отъ природы и отъ естественныхъ началъ, и вслѣдствіе того впадаютъ въ крайность, потерявшую подъ собою какъ дѣйствительную почву, такъ и почву дѣйствительности; хотя съ другой стороны они чертятъ планъ новой постройки современной педагогической науки, глубже вникая въ человѣческую жизнь и внимательнѣе относясь къ натурѣ дитяти. Противъ этого *реализма*, получившаго въ Англіи свои основы, дошедшаго до крайности во Франціи и стремившагося въ Германіи осуществиться въ школѣ и жизни, требовавшаго въ пищу для своего стихійнаго человѣка главнѣйше реальныхъ знаній, вещей,—противъ него-то

и выступилъ въ Германіи *гуманизмъ*, поставивъ цѣлью всякаго образованія гуманность и думая достичь этой цѣли единственно и исключительно при посредствѣ древнихъ языковъ: все тотъ же реализмомъ понуждаемый къ систематизаціи старый методъ, по которому знаніе состоитъ въ знакомствѣ съ классиками, а умѣнье выражаться—въ усвоеніи по возможности цицероновскаго стиля.

Это развитіе педагогики было порождено, поощряемо всѣмъ духовнымъ развитіемъ эпохи. Кругозоръ христіанско-европейской культуры въ восемнадцатомъ столѣтіи расширялся все въ болѣе восходящей прогрессіи. Водою и сушею предпринимались путешествія для открытій — уже не только и не исключительно для расширенія свѣдѣній о странахъ, но и для расширенія отдѣльныхъ культурныхъ областей. Такъ французское правительство отправило въ 1736-мъ г. Кондамина въ Перу, Мопертюи въ Лапландію для естественно-научныхъ наблюденій. Гмелинъ въ 1733—1743-мъ гг. объѣхалъ Сибирь. Кукъ своими тремя путешествіями (1768—1779) расширилъ область географическихъ знаній. Благодаря астрономическимъ наблюденіямъ Кассини (ум. 1712) математическая географія получила научную основу. Французъ Бюашъ (1745) и Шведъ Бергманъ (1773) создали науку физической географіи. Институты для естественныхъ наукъ размножились: возникли астрономическія обсерваторіи въ 1711-мъ г. въ Берлинѣ, въ 1714-мъ въ Болоньи, въ 1725-мъ въ Петербургѣ, въ 1730-мъ въ Пизѣ, въ 1734-мъ въ Геттингенѣ, въ 1739-мъ въ Упсалѣ, въ 1748-мъ въ Стокгольмѣ. Общества естествоиспытателей явились въ Дижонѣ въ 1725-мъ г., въ Эдинбургѣ въ 1741-мъ, въ Базелѣ въ 1750-мъ. въ Туринѣ въ 1757-мъ, въ Прагѣ въ 1769-мъ, въ Берлинѣ въ 1773-мъ; а для популяризаціи знанія въ этихъ областяхъ: общество полезныхъ знаній въ Эрфуртѣ въ 1754-мъ г., общеполезное общество въ Роттердамѣ въ 1769-мъ г. Природа не замыкалась отъ многихъ пытавшихся проникнуть въ нее ученыхъ. Продуктами химіи появились берлинская лазурь въ 1710-мъ г., Бётгеровъ фарфоръ въ 1709-мъ г. Блекъ въ 1755-мъ г. открылъ угольную кислоту, Кавендишъ въ 1766-мъ водородъ, Пристлей — кислородъ. Термометръ былъ усовершенствованъ Фаренгейтомъ въ 1715—1720-мъ гг. и Реомюромъ въ 1730-мъ. Франклинъ устроилъ въ 1751-мъ громоотводъ. Ваттъ ввелъ въ 1769-мъ г. паръ въ механику. Гаузенъ въ 1750-мъ въ Лейпцигѣ сооружалъ электрическія машины современнаго устройства. Стефанъ Грей открылъ въ 1727-мъ различіе между проводниками и непроводниками электричества, а каноникъ Клейстъ въ 1745-мъ такъ называемую лейденскую банку. Дженсаннэ въ 1740-мъ открылъ въ свинцовыхъ рудникахъ Джеромани,

что теплота земного шара возростаетъ пропорціонально къ средоточію, а Гальвани въ Болоньи (ум. 1798)—гальванизмъ, между тѣмъ какъ Вольта въ Павіи (ум. 1827) устроилъ постоянный электрофоръ, электроскопъ, эвдіометръ и электрическій столбъ. Линней совершилъ преобразованія въ растительномъ, а Вернеръ въ минеральномъ царствѣ. Бекманъ (ум. 1811) основалъ технологію. Около 1769-гог. механическая прялка Гейза и хлопчатобумажная прядильная машина Аркрайта обратили на себя всеобщее вниманіе. Замѣчательный какъ анатомъ, физіологъ, ботаникъ, литераторъ и поэтъ Альбрехтъ Галлеръ (1708—1777) нашелъ, что первый слѣдъ сердца въ насиженномъ яйцѣ замѣчается въ 38-ой, а—крови въ 41-ый часъ. Джонъ Браунъ искалъ и нашелъ основу жизни въ возбудимости. Эдуардъ Дженнеръ испыталъ и обнародовалъ въ 1795-мъ оспопрививаніе. Месмеръ (1733—1815) явился съ чудодѣйною силою магнетизма и этимъ обратилъ вниманіе на сокровенную область человѣческой духовной жизни, а вмѣстѣ съ тѣмъ ввелъ въ медицину употребленіе магнита. Медицина и гигіэна были популярно изложены Унцеромъ, Тиссо и пр.; появились трактаты противъ кормилицъ и корсетовъ; Гигіеническій катехизисъ Фауста составилъ эпоху.—Въ филологіи Нѣмцы приняли кормило изъ рукъ Голландцевъ; имъ соревновали Англичане, Французы и Итальянцы. Однако вышедшія у Голландцевъ изданія классиковъ надолго еще сохранили свое значеніе. Целларій, М. Геснеръ, Эрнести, Гейне выступили какъ звѣзды первой величины. Бентли явился образцомъ критики. — И эта филологическая критика принялась также за теологію, стремясь доказать на примѣрѣ верховной богословской науки, что отнынѣ субъектъ, передъ своимъ объектомъ, сознаетъ свою свободу. Развитіе какъ Св. писанія, такъ и догмы подвергались критикѣ. Эрнести въ своемъ „Руководствѣ къ толкованію Новаго Завѣта (Institutio interpretis Novi Testamenti, 1761) впервые примѣнилъ правила классической филологіи къ объясненію Св. писанія. Но героемъ критики въ предѣлахъ протестантской церкви былъ Іоаннъ Соломонъ Землеръ (1725—1791); онъ предъявилъ право на свободное изслѣдованіе канона во всемъ его объемѣ, исходя въ своемъ грамматико-историческомъ толкованіи Священнаго писанія отъ основного положенія, что общепринятое, какъ истинное слово Божіе въ Св. писаніи, вездѣ должно быть отдѣляемо отъ мѣстнаго и временнаго, какъ преходящаго содержанія. На тотъ же путь историко-критическаго изслѣдованья выступили І. Д. Михаэлисъ, В. А. Теллеръ и пр.; даже въ предѣлахъ католической церкви Ришаръ Симонъ (1638—1712) основалъ библейскую критику. Г. С. Реймарусъ перенесъ на нѣмецкую почву въ видѣ „просвѣщенія“ англійскій деизмъ,

провозгласившій въ своей родинѣ естественную религію, покушаясь лишить христіанство всякой опоры, на которой оно основало свое право, какъ божески откровенная вѣра; а въ то же время и вольнодумство въ „философскій вѣкъ Франціи“ путемъ деизма и натурализма развилось въ атеизмъ.

Слѣдуя закону взаимнодѣйствія въ умственномъ мірѣ, *воспитаніе* заговорило тѣмъ же голосомъ, какъ и области наукъ. Естественно поэтому, что носимое тѣмъ же духомъ воспитаніе не только правительствами, но и народами привѣтствовалось и поддерживалось какъ разсадникъ найденныхъ истинъ въ человѣчествѣ при посредствѣ молодого поколѣнія. Европа прислушивалась къ Руссо и Базедову. Заводились нормальныя, мѣщанскія и реальныя училища, а въ то же время воспитаніе преобразовывалось также и въ ученыхъ школахъ: въ 1737-мъ г. университетъ Геттингенъ впервые открылъ филологическую семинарію, филологическія и реальныя знанія классической древности были сопоставлены въ плодотворное взаимнодѣйствіе. Петръ Великій основалъ 57, Фридрихъ IV Датскій 216 училищъ. Викторъ Амадей II Сардинскій изгналъ іезуитовъ изъ школы. Регентъ Филиппъ Орлеанскій велѣлъ основать первоначальныя училища. Въ Австріи учреждали нормальныя школы, въ Венгріи совѣтовали заводить сельскія, назначали директоровъ нормальныхъ школъ, обнародовали правила преподаванія. Въ Польшѣ назначена была коммиссія для народнаго образованія. Екатерина II учредила коммиссію для народнаго обученія и основала нормальныя школы и семинарію для учителей народныхъ училищъ. Наконецъ Фридрихъ Великій преобразовалъ въ Пруссіи систему народныхъ и ученыхъ школъ. Въ одной только Англіи, не смотря на всѣ старанія Брума, система народнаго обученія пребывала на низкой степени, а въ Ирландіи только съ 1780-го г. разрѣшалось католикамъ заниматься обученіемъ и заводить школы. А впрочемъ весь цивилизованный міръ горячо ревновалъ за систему школъ. Для образованія учителей народныхъ училищъ устроивались семинаріи. Университеты, къ которымъ въ Германіи прибавились Бреславскій въ 1702-мъ г., Геттингенскій въ 1737-мъ и Эрлангенскій въ 1743-мъ, пользовались покровительствомъ особенно протестантскихъ государей, а въ то же время іезуитскія коллегіи соперничали съ католическими. Внутреннее дальнѣйшее развитіе ихъ совершилось попреимуществу въ Германіи: онѣ ввели у себя математическія и естественныя науки; вмѣстѣ съ Геттингенскимъ университетомъ добились полнаго почета также исторія и государственное право, а со времени Вольфа они стали предметомъ философіи.—Рядомъ съ университетами возникли академіи наукъ—общества ученыхъ для совмѣстныхъ научныхъ изслѣдованій и для ученыхъ

сношеній. Такъ между прочимъ по совѣту Лейбница въ 1700-мъ г. основанная Берлинская академія; потомъ еще академіи въ Петербургѣ въ 1724-мъ, въ Эдинбургѣ въ 1732-мъ, въ Дублинѣ и Стокгольмѣ въ 1739-мъ, въ Копенгагенѣ въ 1743-мъ, въ Геттингенѣ въ 1750-мъ, въ Мюнхенѣ въ 1758-мъ, въ Дронтгеймѣ въ 1760-мъ, въ Мангеймѣ въ 1763-мъ, въ Прагѣ въ 1769-мъ, въ Брюсселѣ въ 1772-мъ.—Литература педагогики также не отставала: Де Фонтенэ Письма о образованіи государей 1746;—Борделона Прекрасное воспитаніе дѣтей, переводъ Шуберта 1758; — Христіанъ Вейсъ, Необходимыя мысли расцвѣтающей юности 1775; Умный наставникъ 1781; О дѣлѣ преподаванія и пр.; — Зульцеръ, Разумныя мысли о наставленіи и воспитаніи дѣтей 1745, и Опытъ воспитанія и обученія дѣтей 1748; — Май, Искусство разумнаго воспитанія дѣтей 1765; — Изелинъ, Эфемериды человѣчества; — Швейггейзеръ, Мысли о воспитаніи 1799; — потомъ герои въ педагогикѣ съ ихъ сочиненіями: Руссо, Базедовъ; за ними слѣдуютъ Кампе, Вольке, Трапъ и пр.;—Роховъ и Гейнике;— Гедике, Понятіе о мѣщанскихъ школахъ 1799; — Резевицъ, Воспитаніе мѣщанина для употребленія здраваго ума, 1773;— Горстигъ, Руководство для учителей въ мѣщанскихъ школахъ 1796;—Бекеръ, О мѣщанскихъ школахъ 1799;—Наторпъ, Очеркъ организаціи всеобщихъ городскихъ школъ 1804. — Сверхъ того хрестоматіи и учебныя энциклопедіи: первыя подъ заглавіемъ „Fasciculus", „selecta capita;" — Зульцера Краткое понятіе о наукахъ 1746; Де Шевиньи, Краткое содержаніе всѣхъ наукъ 1759. и пр. и пр.—Всюду умственная педагогическая жизнь; — но это былъ первый вольный вздохъ, богатырскій отпоръ всякимъ стѣсняющимъ узамъ,— полное упоеніе разсудочнаго здравомыслія.

I. РЕАЛИЗМЪ.

а) Реализмъ въ Англіи.

25.

Деизмъ, Гербертъ, Толандъ, Тиндаль, Шафтсбери.

Орденъ франкъ-масоновъ. Дефо и Робинсонъ. Общество наукъ. Бентли, Лоутъ и Вудъ.

Реализмъ, практическій смыслъ, это—національная черта Англичанъ. Эта черта составляетъ основной характеръ опытной философіи Бакона и сенсуализма Локка. Та же черта обнаруживается и въ государственной реформаціи Англіи.

Философскія системы и политическія движенія, притомъ немаловажные тоже моменты, перенесеніе Карломъ II французскихъ нравовъ въ Англію и вліяніе истинной научности, заразившей также и Англію изъ Голландіи,—тогдашняго всесвѣтнаго рынка оппозиціонныхъ книгъ,—вотъ предтечи англійской религіозной реформаціи, обозначаемой именемъ *деизма*. Локкъ, у котораго разумъ выступаетъ разсудкомъ,—основатель и отецъ этого религіознаго движенія, составляющаго въ сущности точку зрѣнія индифферентизма. Деизмъ основанъ на той главной мысли, что для человѣка достовѣрно только то, что отвѣчаетъ законамъ его смысла, что самосознаніе выше и достовѣрнѣе для него всего, что откровеніе служитъ лишь средствомъ воспитанія для массы народа, тогда какъ философія въ немъ не нуждается. Вслѣдствіе этого деизмъ и выдѣляетъ все неразумное изъ христіанства и признаетъ ненарушимыми основными истинами то, что свойственно всѣмъ религіямъ и что поэтому должно считаться прирожденнымъ всѣмъ людямъ. Въ качествѣ такихъ основныхъ истинъ

Гербертъ (1581—1648)

приводитъ пять положеній: 1) существуетъ одинъ всевышній Богъ; 2) этотъ всевышній Богъ долженъ быть чтимъ; 3) добродѣтель и благочестіе самыя существенныя свойства такого богопочитанія; 4) человѣкъ обязанъ каяться въ своихъ грѣхахъ и отрѣшиться отъ нихъ; 5) добро и зло вознаграждается какъ въ этой, такъ и въ той жизни. Все выходящее изъ предѣловъ этихъ 5 положеній считаетъ онъ, а вмѣстѣ съ нимъ и деизмъ, суетною примѣсью, подлогомъ властолюбиваго поповства. Христіанство—продолжаетъ потомъ Толандъ (этотъ пантеистъ, по мнѣнію котораго міръ вѣченъ и безпредѣленъ, а Богъ—лишь присущая міру жизнь, самъ же по себѣ сверхъ міра и внѣ его Онъ не мыслимъ)—Христіанство не можетъ содержать въ себѣ ничего неразумнаго, т. е. ничего такого, что противорѣчило бы яснымъ и опредѣленнымъ идеямъ или нашимъ общимъ понятіямъ, такъ какъ оно съ самаго начала должно было имѣть въ виду признаніе не только со стороны Грековъ и Римлянъ, но также и опиравшихся на ученія и пророчества Ветхаго Завѣта Іудеевъ, и сверхъ того весь языкъ и изложеніе древнѣйшихъ писаній такъ просты и общепонятны, что именно въ этомъ и заключается самая сильная убѣдительность. Въ христіанствѣ точно такъ же не можетъ быть и ничего сверхразумнаго, потому что все превышающее нынѣ наше пониманіе, завтра уже можетъ сдѣлаться для насъ понятнымъ, такъ какъ наши познанія ростутъ изо дня въ день;

даже самыя чудеса ни непостижимы, ни сверхразумны, потому что хотя чудо и превышаетъ всѣ силы человѣческія и обычный ходъ явленій, но для Творца природы, располагающаго по своей волѣ всѣми ея законами, оно безъ сомнѣнія легко; и главное дѣло, многое считается тайною, что вовсе не таинственно.—На той же почвѣ и Тиндаль писалъ въ 1730-мъ г. свою книгу „Христіанство современное міротворенію,“ въ которой онъ истинной религіей называетъ склонность души творить добро, чтобы угодить Богу, поступая согласно съ Его волею. Всякая положительная религія, выходящая изъ предѣловъ естественной, не что иное какъ суевѣріе. Съ Священнымъ писаніемъ согласно все, что согласуется съ разумомъ: и наоборотъ, съ первымъ несогласно многое, что написано въ самой Библіи.

На эту-то тощую, всякаго чутья историческаго развитія лишенную почву Шафтсбери посадилъ поэзію и красоту. На одиннадцатомъ году отъ роду онъ изучалъ уже греческій и римскій языки какъ живые и такимъ образомъ пристрастился къ древнимъ писателямъ. Ксенофонтъ и Платонъ, Эпиктетъ и Маркъ Антонинъ, Горацій и Лукіанъ—говоритъ Гердеръ—были настоящими друзьями юности и всей его жизни, живыми для него людьми, по которымъ онъ слагалъ свою философію и мораль, свой вкусъ и свою рѣчь, вообще способъ созерцать предметы и обращаться съ ними. Изящество было идеаломъ и средоточіемъ его мыслей и чувствъ. Въ его глазахъ красота была добромъ, а добро красотою. Стремитесь прежде всего къ красотѣ, и добро дастся вамъ само собою: вотъ основная мысль его этики. Передъ душою его возникло возрожденное гречество. Въ своихъ „Совѣтахъ учащемуся юношѣ“ онъ настаиваетъ не только на ревностномъ чтеніи древнихъ, но также и на тщательномъ изученіи итальянской живописи. „Поставьте себѣ—пишетъ онъ своему юному другу—въ святую обязанность, строго обуздывать вашъ взоръ и ваше воображеніе, отъ природы податливое на все веселое и бойкое; главнѣйше держитесь того, что сначала для васъ и не такъ привлекательно, а именно, благородныхъ, великихъ, вполнѣ обработанныхъ твореній признанныхъ мастеровъ. Если вы съ перваго взгляда не найдете въ нихъ ничего привлекательнаго, ни пріятнаго, то останавливайтесь на нихъ тѣмъ долѣе; всматривайтесь все глубже и глубже въ картину и, открывши прелести ея, воспользуйтесь ими, подражайте имъ, поддерживайте идею, всѣми силами старайтесь усвоить себѣ вѣрный вкусъ и учитесь ощущать и понимать все дѣйствительно изящное“.

У Локка, по мнѣнію Шафтсбери, добродѣтель утратила подъ собою почву, потому что если нѣтъ никакихъ врожденныхъ идей, то и у добродѣтели нѣтъ никакого ино-

го мѣрила, кромѣ измѣнчивой привычки и моды. Онъ утверждаетъ напротивъ, что добродѣтель нѣчто само по себѣ существенное и само въ себѣ обоснованное; она возникла не произвольно, не искусственно, не изъ внѣшнихъ учрежденій, она независима отъ привычки, фантазіи и воли, и даже отъ всевышняго Существа, Которое никоимъ образомъ не можетъ установить ее, а напротивъ, само должно находиться въ согласіи съ добродѣтелью. Религія дѣлаетъ изъ добродѣтели нѣчто мздолюбивое. Можно быть атеистомъ и все-таки добродѣтельнымъ человѣкомъ; но ложная религія можетъ соблазнить даже на зло, потому что у кого Богъ своенравенъ и мстителенъ, тому наконецъ въ силу такого образца самые жестокіе и несправедливые поступки покажутся законными и позволительными, пожалуй, даже божественными и достойными подражанія. Добродѣтель это—нравственная красота. Она внутреннее единство и внутренній урядъ, счастливое равновѣсіе всѣхъ силъ и наклонностей, словомъ—гармонія жизни. Любовь къ ней—вполнѣ свободна и безкорыстна; человѣкъ любитъ добро ради добра, ради присущей добру красоты. Добродѣтель и порокъ сами въ себѣ несутъ воздаяніе: добродѣтель это—благо, порокъ это—зло каждаго изъ насъ.

Наука о добродѣтели, по мнѣнію Шафтсбери, это—наука о красотѣ, этика не что иное какъ эстетика,—основа и предметъ ея добрый и прекрасный человѣкъ,—идеалъ ея калокагаѳія (прекраснодушія) Грековъ, изящное и пристойное (Pulchrum et Honestum) Римлянъ. Въ Шафтсбери англійскій деизмъ достигаетъ самой изящной и свободной формы, истинной гуманности, автономіи нравственнаго духа. Онъ послужилъ мощнымъ толчкомъ не только для Англичанъ, но также для Вольтера и Дидро, для Лейбница и Лессинга, для Виланда и Гердера.

Деизмъ въ Англіи встрѣтилъ всеобщее сочувствіе. Сами теологическіе противники его, увлекаемые общимъ настроеніемъ эпохи, были вынуждены стать на точку зрѣнія тѣхъ, противъ кого они ратовали, такъ что и друзья и враги деизма исходили отъ одного и того же основнаго начала, а именно отъ того, что даже и въ вопросахъ религіи слѣдуетъ допустить полную свободу мысли. Всюду раздавался кличъ ко всеобщей терпимости и любви къ ближнему,—тотъ кличъ, который изъ распавшихся строительныхъ средневѣковыхъ гильдій вызвалъ въ 1717-мъ г. великую ложу въ Лондонѣ въ видѣ объединенія и возобновленія древнихъ братствъ, по истинѣ же въ видѣ союза чистаго человѣколюбія, сооруженнаго — какъ утверждаютъ нѣкоторые—на глубокихъ, сокровенныхъ духовныхъ основахъ; замысловатые символы и обычаи этого ордена, *франкъ-масоновъ*, увле-

кавшіе въ теченіе уже нѣсколькихъ вѣковъ глубокія натуры должны были преобразить великія истины человѣчества. сдѣлавъ изъ теоріи ума предметъ чувства. Членъ ордена въ точно распредѣленномъ, постепенномъ ходѣ обученія приготовлялся къ выполненію своего искусства, а именно, къ созиданію человѣчества,—это храмъ, имѣющій создаться. храмъ гуманности, храмъ всеобщей терпимости и дѣйствительнаго человѣколюбія. Франкъ-масоны—это, выражаясь современнымъ языкомъ, настоящіе рыцари духа: въ ихъ братствѣ дѣлается попытка преобразить гуманность въ чувственно наглядную религію и въ такомъ видѣ распространить ее по всему свѣту.

Даніилъ Дефо (1661—1731), первый основатель общественныхъ англійскихъ банковъ, основатель обществъ страхованія отъ огня и града и сберегательныхъ кассъ, одинъ изъ главныхъ виновниковъ политическаго слiянiя Англіи и Шотландіи, неутомимый поборникъ за свободу вѣроисповѣданія—въ своей книгѣ „Жизнь и изумительныя приключенія Робинсона Крузе“ 1719 г. перенесъ основныя мысли деизма на почву воспитанія. Съ мастерствомъ художника, заставляющаго вѣрить въ самое невѣроятное, съ необыкновенною проницательностью и естественною правдивостью психологическаго анализа, Дефо въ своемъ Робинсонѣ представляетъ сознательное подражаніе общечеловѣческаго хода развитія. Геттнеръ говоритъ: „Нужда насущныхъ потребностей ведетъ нашего Робинсона отъ одного изобрѣтенья къ другому; чувство безпомощности, радость и благодарность, когда какой нибудь непредвидѣнный случай умаляетъ и облегчаетъ эту безпомощность, пробуждаютъ въ его ничѣмъ еще незанятой душѣ нѣжное чувство религіознаго упованія на Бога; съ появленіемъ вѣрнаго товарища его, Пятницы, а потомъ другихъ матросовъ съ англійскихъ и испанскихъ кораблей, съ возникшей вслѣдствіе этого необходимостью подумать о новыхъ источникахъ пропитанія, а также законами и наказаніями подавить и предупредить всякія распри и нарушенія небольшаго общиннаго строя—передъ нами впервые развиваются первоначальное возникновеніе, ростъ и суть государства и гражданскаго общества. Мы видимъ тутъ, какъ человѣкъ, въ силу внутренней необходимости, шагъ за шагомъ изъ первобытнаго дикаго состоянія переходитъ къ образованности и цивилизаціи. Словомъ, передъ нами развертывается такая широкая и величавая картина, что мы какъ бы еще разъ ясно обозрѣваемъ всемощное и естественное развитіе человѣческаго рода. Робинсонъ—въ нѣкоторомъ родѣ философія исторіи. Вотъ въ этомъ-то отношеніи и нельзя надивиться искусству изумительнаго поэтическаго произведенія, тѣмъ болѣе, что личность Робинсона не отличается никакими особыми качествами и выходящими изъ

ряду вонъ способностями; напротивъ, Робинсонъ самый обыкновенный человѣкъ, средняго уровня. Какъ мыслитъ и чувствуетъ этотъ Робинсонъ, что изобрѣтаетъ, сооружаетъ и дѣлаетъ, какъ поступаетъ онъ, точно такъ же въ его положеніи мыслилъ бы, чувствовалъ, изобрѣталъ, сооружалъ, дѣлалъ и поступалъ бы всякій другой человѣкъ. Будь у Робинсона сильное пристрастіе къ предметамъ природы или явная наклонность къ механическому искусству, то книга могла бы, пожалуй, обогатиться нѣсколькими привлекательными подробностями и изображеніями, но Робинсонъ не былъ бы уже тѣмъ, что онъ есть, а именно—примѣромъ и слѣпкомъ цѣлаго человѣчества. Въ новомъ государствѣ Робинсона появляется наконецъ старый почтенный священникъ; онъ устроиваетъ и уряжаетъ религіозныя и нравственныя дѣла. Устраняя всякіе разъединяющіе догматы, онъ единственно и исключительно добивается благочестиваго богопочитанія, трудолюбивой и добродѣтельной жизни". Робинсонъ Дефо, для котораго авторъ не могъ найти издателя, по выходѣ своемъ тотчасъ же сдѣлался книгою для всѣхъ возрастовъ среди знатнаго и простого люда. Онъ переведенъ чуть ли не на всѣ въ мірѣ языки и сдѣлался какъ въ Аравіи, такъ и въ Германіи для всѣхъ излюбленнымъ чтеніемъ. Переводы слѣдовали за переводами, передѣлки за передѣлками. Вскорѣ появился бранденбургскій, берлинскій, богемскій, франконскій, силезскій, датскій, греческій, французскій, іудейскій и т. д.,—книгопродавческій и медицинскій Робинсонъ. Вскорѣ книга сдѣлалась учебникомъ филантропическихъ педагоговъ (Кампе въ 1780-мъ г. поэзію подлинника преобразилъ въ нравоученіе), особенно послѣ того, какъ Руссо въ своемъ „Эмилѣ" высказалъ знаменательныя слова: „Мой Эмиль прочтетъ прежде всего одну книгу; она надолго будетъ составлять всю его библіотеку и навсегда займетъ въ ней первое мѣсто. Она послужитъ текстомъ, отъ котораго будутъ исходить наши бесѣды о человѣческихъ изобрѣтеньяхъ и наукахъ; она будетъ оселкомъ, на которомъ я стану испытывать успѣхи въ умственномъ развитіи моего питомца; и я увѣренъ, пока вкусъ его будетъ простъ и естественъ, до тѣхъ поръ чтеніе ея доставитъ ему всякій разъ новое удовольствіе. Что же за удивительная книга эта? Аристотель? Плиній? Бюффонъ? Ничуть не бывало! Это—Робинсонъ Крузе".

Эта новая умственная жизнь оказала впрочемъ мало вліянія на учебныя заведенія въ самой Англіи. Университеты отличались строго церковнымъ пошибомъ, и мощный умственный размахъ былъ чуждъ какъ имъ, такъ и состоящимъ при нихъ колледжамъ. Вліяніе естественныхъ наукъ, исторіи и проч. какъ въ то время, такъ и надолго еще устранено было изъ научныхъ заведеній и ограни-

чивалось только чтеніемъ и самоучительствомъ, да и то лишь въ высшихъ образованныхъ кружкахъ націи. Хотя единичныя, къ высшимъ учебнымъ заведеніямъ принадлежавшія личности и были охвачены новымъ духомъ, и этимъ путемъ вліяніе современемъ не миновало бы конечно и научныхъ занятій; но вообще философія университетовъ не могла еще подняться надъ низшею ступенью псевдоаристотелевской логики. Чрезвычайно важно и для успѣховъ и распространенія реальныхъ наукъ знаменательно было въ 1660-мъ г. основанное отличными учеными, въ родѣ Беля, Петти, Вилькинса, Виллиса и пр. общество, которое утверждено было подъ именемъ королевскаго общества наукъ въ Лондонѣ и до половины восемнадцатаго столѣтія служило самымъ дѣятельнымъ средоточіемъ лучшихъ силъ на поприщѣ естественныхъ наукъ. Въ то же время развилась и филологія, въ которой обнаружилось рѣшительное пристрастіе къ греческому. Въ 1693-мъ г. возникло Аѳинское общество, и Ѳ. Гель 1702, Г. Додвелль 1711, Барнесъ 1712, Гудсонъ 1719, С. Кларкъ 1729 содѣйствовали успѣхамъ изученія греческаго міра. Изученію латинскаго языка оказали услуги Бакстеръ 1723, Девисъ 1731, Рудиманъ 1757. Но ученѣйшимъ и геніальнѣйшимъ филологомъ своего времени въ Англіи былъ *Ричардъ Бентли*. Онъ родился въ 1662-мъ г. въ Ультонѣ, въ Іоркскомъ графствѣ, обнаружилъ въ Векфильдской школѣ и въ Кембриджскомъ университетѣ чрезвычайныя дарованія и рѣдкостное трудолюбіе, а въ 1681-мъ г. сдѣлался учителемъ въ Спальдингѣ, что въ Линкольнширѣ, потомъ сопровождалъ въ Оксфордскій университетъ сына д-ра Стиллингфлита; послѣ того назначенъ былъ капелланномъ къ тому же доктору, какъ къ Ворсстерскому епископу; въ 1693-мъ г. онъ сдѣлался хранителемъ королевской библіотеки въ с-тъ Джемзѣ, въ 1700 году преподавателемъ богословія въ коллегіи Св. Троицы въ Кембриджѣ, а въ 1701-мъ архидіакономъ въ Или. Бентли умеръ въ 1742-мъ исполненный обширной учености и гордаго сознанія своей силы. Онъ обладалъ самымъ основательнымъ знаніемъ философовъ древности и въ то же время въ превосходномъ изложеніи развилъ систему Ньютона. Бентли былъ самымъ проницательнымъ критикомъ своего времени и въ числѣ изданій классиковъ особенно его Горацій до настоящаго времени пользуется значеніемъ. Изъ Англіи вышли вообще какъ ясный взглядъ на сущность древнихъ писателей, такъ и истинное пониманіе послѣднихъ. Лоутъ въ своей въ 1753-мъ году появившейся книгѣ „О священной поэзіи Евреевъ“ (De sacra poesi Hebraeorum) съ большимъ остроуміемъ развилъ суть еврейской поэзіи, ея изъ живого поочереднаго пѣнія возникшій параллелизмъ стихосложе-

нія, отличительныя свойства разныхъ родовъ ея,—дидактической поэзіи, элегіи, идилліи и оды, и вмѣстѣ съ тѣмъ указалъ, что даже самыя поразительныя картины и притчи всегда заимствовались отъ ближайшихъ предметовъ мѣстной природы, отъ господствующей религіи, обиходныхъ нравовъ и житейскаго быта.—Робертъ Вудъ, въ своемъ въ 1769-мъ г. появившемся опытѣ о самобытной геніальности Гомера, переноситъ читателя въ эпоху послѣдняго, потому что „несоблюденію этого условія, говоритъ онъ, слѣдуетъ приписать, что Гомера прославляли за красоты, о которыхъ онъ никогда не помышлялъ, и порицали за ошибки, какихъ онъ никогда не дѣлалъ". „Чѣмъ болѣе изучаемъ эпоху и отчизну Гомера, тѣмъ неопровержимѣе убѣждаемся, что всѣ явленія и картины заимствованы имъ изъ природы, нравы и характеры изъ жизни, лица и событія изъ преданій, страсти и ощущенія изъ опыта". Благодаря такимъ воззрѣніямъ Лоута и Вуда, мощно проникшимъ въ современную имъ науку. достигли истинной точки зрѣнія для объясненія классиковъ и въ то же время вникли въ простоту и естественность настоящаго художественнаго развитія. Твореніе Вуда, который лично посѣтилъ Востокъ, путешествовалъ и наблюдалъ въ мѣстахъ, гдѣ жилъ и пѣлъ свои пѣсни Гомеръ, гдѣ ратовали Ахиллъ и Гекторъ, гдѣ странствовалъ Улиссъ, который неразрывно съ мѣстностью изучалъ въ то же время народы и ихъ нравы и перелилъ потомъ все имъ видѣнное въ свой опытъ, произвело весьма глубокое впечатлѣніе на великаго филолога Гейне; и точно. послѣдній съ этихъ только поръ постигъ, что необходимо знать для чтенія древняго поэта въ духѣ его времени и его народа, а Гееренъ утверждаетъ, что ни одно сочиненіе не произвело такого переворота въ воззрѣніяхъ Гейне и въ его изученіи греческой древности, какъ твореніе Британца; слѣдовательно, Вудъ положилъ также починъ къ развитію современной германской филологіи.

в) РЕАЛИЗМЪ ВО ФРАНЦІИ.

26.

Вольнодумцы: Вольтеръ, Дидро и энциклопедія. Салоны, Гольбахъ и система природы. Руссо и общественныя школы во Франціи.

Французскому реализму предшествовалъ англійскій. Но первый отличается отъ послѣдняго какъ своимъ направленіемъ, такъ и своею цѣлью. Оппозиція перваго направлена не только противъ религіи, но также противъ правительства и всего соціальнаго строя. Притомъ онъ не завершается ни сенсуализмомъ, ни пантеизмомъ, онъ не въ состояніи даже замѣнить отрицаніе религіи истинно человѣчною свободною нравственностью. Французскій реализмъ заканчивается матеріализмомъ и нигилизмомъ, противъ котораго только возмущается душа съ ея завѣтными чувствами. Господствовавшія доселѣ воззрѣнія и преданія съ остроуміемъ и сарказмомъ, съ легкомысліемъ и раздражательностью Французовъ подвергаются суду критики. Люди въ основу всего поставили свой умъ, и единственно и только само на себя опирающееся вольное мышленіе рѣшаетъ вопросъ какъ объ истинѣ вещей, такъ и о нравственныхъ и общественныхъ обязанностяхъ и правахъ, и притомъ съ такимъ энтузіазмомъ и упоеніемъ, на какой способна лишь очнувшаяся послѣ долгаго сна умственная жизнь. Съ юношескою заносчивостью, сопровождаемою насиліями и необузданностью, словно неотстоявшійся искрометный сокъ вырываютъ французскіе вольнодумцы терніе, заглушавшее свободу умственной жизни. Это, какъ выражается Гегель, былъ фанатизмъ отвлеченной мысли, предавшей государство и церковь умственной гиліотинѣ. Но и то сказать, какое государство и какая церковь! „Теперь,—замѣчаетъ Гегель—лицемѣріе, ханжество, лишенная своей добычи тиранія, тупоуміе вольны пожалуй говорить, Французы посягнули на религію, на государство и нравы. Но какая рели-

гія! Не та, что очищена Лютеромъ, напротивъ, самое гнусное суевѣріе, поповство, невѣжество, растлѣніе помысловъ, а пуще всего расточительность и роскошество въ земныхъ благахъ обокъ съ общенароднымъ бѣдствіемъ! И какое государство! Безотвѣтное господство министровъ и ихъ любовницъ, распутныхъ женщинъ, каммердинеровъ, такъ что несмѣтное полчище мелкихъ тирановъ и тунеядцевъ считало своимъ божественнымъ правомъ расточать доходы государства и потъ народа. Безстыдство, беззаконіе доходили до невѣроятной степени; а нравы соотвѣтствовали негодности учрежденій. Безправіе личности въ юридическомъ и политическомъ отношеніи господствовали наровнѣ съ безправіемъ въ отношеніи совѣсти и мысли. „Въ началѣ восемнадцатаго столѣтія во Франціи было девяносто тысячъ монаховъ и монахинь, распространявшихъ мрачное суевѣріе и проповѣдовавшихъ на каѳедрахъ и въ исповѣдальняхъ самый яростный духъ гоненій въ противность вольнымъ изслѣдованіямъ Бейля, Ньютона, Локка и англійскихъ вольнодумцевъ! Людовикъ XV, распутный и безстыдный въ своихъ порокахъ, непостоянный, несообразный въ своемъ правленіи, податливый на всякія интриги; отвлеченная рознь и своекорыстіе сословныхъ отношеній, четыре тысячи должностей, непосредственно связанныхъ съ дворянствомъ, двѣ трети всѣхъ земель во Франціи въ рукахъ крупныхъ землевладѣльцевъ, знати, духовенства, капиталистовъ, и только одна остальная треть въ рукахъ мелкихъ собственниковъ, и все это въ противень славной англійской революціи и отстаивающей народныя права англійской конституціи! Государство и церковь лишились всякаго значенія въ умахъ людей, а литература, „это естественное выраженіе и вѣрное мѣрило общественныхъ чувствъ и мыслей". высказывала словами то, что жило въ умахъ французскаго народа.

На челѣ этой французской литературы былъ одинъ изъ самыхъ многосторонннхъ и самыхъ подвижныхъ умовъ, величайшій талантъ остроумія и знатнаго общества, честолюбивый, суетный, алчный до блеска и богатства, истый слѣпокъ французскаго національнаго духа и вслѣдствіе того идолъ не только Франціи, но и всей тогдашней Европы— *Вольтеръ*. Онъ стоялъ на почвѣ англійскихъ деистовъ и ратовалъ также орудіями деизма. Онъ самъ англійскій деистъ и въ качествѣ такого старается доказать внутреннія противорѣчія и историческія несообразности въ библіи, но облеченный во французскій кафтанъ и съ французскимъ складомъ ума, исполненный пылкой страстности, убійственнаго сарказма и неумолимаго остроумія. Низверженіе и уничтоженіе христіанства и церкви, особенно католицизма, для него равнозначительны благу и успѣху человѣчества. Онъ признаетъ одно только „Высшее существо", но въ отвлечен-

номъ обособленіи и впустѣ, а всѣ остальныя бытія по немъ ничтожны и потому служатъ игрушкою его прихоти, которая сегодня лелѣетъ то, что разбиваетъ завтра; онъ противникъ самодержавія и угодникъ дворовъ: но провозвѣстникъ новыхъ научныхъ открытій Ньютона, Локка и англійскихъ деистовъ на обыденной общенародной площади и патріархъ французскихъ вольнодумцевъ.

Отъ Вольтера *Дидро* перешагнулъ къ явному матерьялизму и атеизму.—это былъ глава матерьялистической школы, вступившій съ строгими доводами въ борьбу противъ всего существующаго и послѣ Вольтера самый излюбленный писатель Франціи. Онъ творецъ ученія о безконечномъ круговоротѣ жизни: „Все измѣнчиво, все переходитъ; одно только цѣлое постоянно и неизмѣнно. Міръ безпрерывно зачинается и кончается; иначе никогда не было, никогда и не будетъ. Что толкуете вы объ особяхъ? Вѣдь ихъ нѣтъ. Есть одна только единственная великая особь: вселенная. Въ этой вселенной, какъ въ машинѣ или въ какомъ-нибудь иномъ существѣ находятся разныя части, которыя вы и называете такъ или иначе, но придавать этимъ единичнымъ частямъ названіе особей такъ же ошибочно, какъ если-бъ у птицы крыло или одно перо изъ него стали именовать особью. Что такое жизнь? Жизнь, это—рядъ дѣйствій и противодѣйствій. Въ жизни я совершаю всякія дѣйствія и противодѣйствія какъ сама въ себѣ состоящая совокупность, а по смерти въ отдѣльныхъ матерьяльныхъ частицахъ. Родить, жить, умереть значитъ измѣнять лишь форму. Человѣкъ обладаетъ сознаніемъ самого по себѣ единаго и неизмѣннаго существа оттого только, что пробѣгаемыя имъ перемѣны совершаются исподоволь и медленно, такъ что одна ступень его развитія передаетъ свои ощущенія другой“.—Дидро былъ также основателемъ громаднаго творенія, имѣвшаго цѣлью дать очеркъ совокупности человѣческихъ знаній, дѣйствій и состояній, первыя части котораго появились въ 1751-мъ и 1752-мъ гг., подъ заглавіемъ „Энциклопедія или толковый словарь наукъ, искусствъ и ремеслъ“. Въ этой энциклопедіи было водружено знамя оппозиціи и назначено постоянное сборное мѣсто для вольнодумцевъ. Оттого-то и борьба противъ нихъ была ужасною, отчаянною борьбою. Сорбонна первая выступила въ бой, парижскій архіепископъ обнародовалъ пастырское посланіе, іезуиты ратовали въ журналѣ „de Trévoux“, Фреронъ въ „Литературной лѣтописи“, Палиссо въ „Мелкихъ письмахъ къ великимъ философамъ“. Но все было напрасно. Первое изданіе уже состояло изъ 30000 экземпляровъ, а въ 1774-мъ г. появилось четыре иностранныхъ перевода. Энциклопедія была и сдѣлалась однимъ изъ наиболѣе вліятельныхъ твореній эпохи. Ея идеи въ салонахъ г-жи Тансенъ, Жоф-

френъ, дю-Деффанъ, Неккеръ и пр. стали общимъ достояніемъ образованнаго свѣта. „Благодаря ей вольнодумство сдѣлалось предметомъ моды".

Матерьялизмъ дошелъ наконецъ до крайности въ появившейся въ 1770-мъ г. „Системѣ природы" Гольбаха. „Вселенная или совокупность всего существующаго не представляетъ ничего кромѣ матеріи и движенія. Она состоитъ изъ различныхъ сочетаній матеріи, въ которыхъ и заключается причина различнаго рода существованія единичныхъ предметовъ, обозначаемыхъ какъ различныя группы, разряды и системы, ими образуемые, однимъ общимъ именемъ природы. Природа составляетъ одно цѣлое, тогда какъ единичные предметы образуютъ соотношеніе между причиною и дѣйствіемъ, т. е. одинъ предметъ производитъ движеніе въ другомъ. Каждый изъ предметовъ вліяетъ на другой или приводитъ его въ движеніе, и самъ въ свою очередь приводится въ движеніе имъ. Человѣкъ не что иное какъ частица міра, и слѣдовательно, онъ просто матерьяльное существо. Раздвоенія тѣла отъ души не существуетъ, оно не что иное какъ заблужденіе: по внимательномъ наблюденіи мы замѣчаемъ два различные рода движенія; одинъ изъ нихъ состоитъ въ томъ, что тѣло всею своею массою заразъ переходитъ изъ одного мѣста въ другое; это непосредственно постигается нашими чувствами; другое движеніе совершается внутри самаго тѣла и состоитъ въ измѣненіи взаимной связи между его частицами; эти перемѣны наблюдаемъ мы не непосредственно, но постигаемъ ихъ лишь по истеченіи нѣкотораго времени изъ ихъ дѣйствій. Послѣдняго рода движенія встрѣчаются въ процессѣ броженія, въ постепенномъ ростѣ растенія или животнаго, наконецъ въ тѣхъ незамѣтныхъ движеніяхъ въ нашемъ мозгу, которыя обозначаются именемъ интеллектуальной дѣятельности, мышленія, хотѣнія и пр. Мышленіе не что иное какъ модификація нашего мозга, точно такъ же какъ хотѣніе другая его модификація. Способность мозга ощущать не что иное какъ фактъ, потому что ощущеніе связано съ матеріей; нематерьяльное существо не способно ощущать, а слѣдовательно и мыслить. Система природы вообще атеистическаго направленія. Въ полезности этого ученія заключается критеріумъ ея истины. Быть полезнымъ значитъ способствовать счастью, а вреднымъ—несчастью; подъ счастіемъ же разумѣется не что иное, какъ непрерывное наслажденіе. Къ дѣйствіямъ побуждаетъ насъ одинъ только интересъ, т. е. то, на что направляется потребность и что бываетъ различно по различію темпераментовъ. Злой человѣкъ точно такъ же слѣдуетъ необходимымъ мотивамъ, какъ и добрый; разница между ними зависитъ лишь отъ ихъ различной организаціи и слѣдовательно отъ ихъ различныхъ интере-

совъ. Человѣкъ, удовлетворяющій своему интересу такимъ образомъ, что и остальные люди поневолѣ содѣйствуютъ ему ради своихъ собственныхъ интересовъ, называется добрымъ. Система интереса связываетъ между собою людей и споспѣшествуетъ истинной нравственности".

Въ Системѣ природы высказанъ крайній выводъ матерьялизма—выводъ, отъ котораго отступились сами приверженцы вольнодумцевъ. Вольтеръ пытался строгими доводами и сарказмомъ разбить это твореніе. Фридрихъ Великій обнародовалъ возраженіе. Вольнодумство явно чуяло свою собственную несостоятельность въ Системѣ природы. Такая несостоятельность была неизбѣжна, потому что отвлеченный умъ, имѣя свою основу лишь въ мірѣ пространства и времени, выставилъ себя цѣлымъ духомъ и отрицалъ міръ интеллигенціи, для котораго у него не достало органа. Вольнодумство не вникаетъ въ существо духа, оттого оно въ концѣ концовъ доходитъ до несостоятельности, точно такъ же какъ и французская революція, этотъ слѣпокъ его на поприщѣ дѣйствія, въ концѣ концовъ оказалась несостоятельною, оттого что лишена была пониманія историческаго развитія:—но какъ вольнодумство, такъ и революція успѣли все-таки высказать задачу современности: освобожденіе человѣка отъ рабства и внѣшняго авторитета,—вотъ ихъ историческое значеніе.

Самое глубокое и вмѣстѣ съ тѣмъ все побороющее противодѣйствіе матерьялизмъ встрѣтилъ въ человѣкѣ, который заодно съ вольнодумцами питалъ ненависть противъ существующей церкви и противъ господствующаго государства, который однако заявилъ права сердца противъ односторонняго права ума, и потому хотѣлъ не только разрушать, но также и созидать, замѣнить ложную религію истинною, ложное государство—истиннымъ. Матерьялисты принимали сужденіе и волю за чувственныя ощущенія; онъ же, напротивъ, вывелъ, что одно только постиженіе зависитъ отъ чувственныхъ впечатлѣній, но сочетаніе и сравненіе отдѣльныхъ ощущеній исходятъ отъ человѣка, который поэтому духовно не только страдательное, но и дѣятельное существо. Тѣ самому матерьяльному міру приписывали движеніе по вѣчнымъ и неизмѣннымъ законамъ, онъ же напротивъ увѣренъ, что высшая воля движетъ вселенною и оживляетъ природу, такъ какъ онъ не можетъ убѣдиться, чтобы неодушевленный матерьяльный міръ двигался самъ собою, точно такъ же какъ не можетъ понять, чтобы движеніе его руки совершались не по волѣ его, а по иной причинѣ. Тѣ издѣвались надъ человѣкомъ, за то что онъ все относитъ къ себѣ и считаетъ себя за нѣчто лучшее остальной природы; онъ, напротивъ того, спрашиваетъ: „Я способенъ чувствовать урядъ, красоту и добро-

дѣтель и неужели же сравню себя съ животными? Тѣ отрицали духовность души и свободу воли, онъ же говоритъ: „Никакое просто матерьяльное существо не дѣйствуетъ само отъ себя: я же напротивъ дѣйствую; моя воля независима отъ давленія внѣшнихъ чувственныхъ ощущеній; я уступаю или противостою, и сознаю самъ въ себѣ, дѣлаю ли то, что хотѣлъ сдѣлать, или поддаюсь лишь моимъ страстямъ; безсмысленно не слово свобода, а слово необходимость; предполагать дѣйствіе, исходящее не отъ дѣйствующаго существа, значитъ предполагать слѣдствіе безъ причины“. Тѣ отрицали безсмертіе души; онъ же говорилъ: „Если-бъ у меня не было иного доказательства безтѣлесности души, какъ торжество зла и угнетеніе добра на свѣтѣ, то и этого довода было бы для меня достаточно; я понимаю, что тѣло истрачивается, но не могу понять, какъ подобная участь можетъ постичь мыслящую часть моего существа“. Тѣ наконецъ сдѣлали себялюбіе источникомъ человѣческихъ дѣйствій, онъ же считаетъ совѣсть, этотъ инстинктъ души, самымъ вѣрнымъ руководителемъ человѣческихъ поступковъ; потому что „если въ человѣческомъ сердцѣ нѣтъ никакого врожденнаго нравственнаго начала, въ такомъ случаѣ откуда же берется то безкорыстное удивленіе къ великимъ подвигамъ, та великодушная любовь къ высокимъ характерамъ, и какое дѣло стремленью къ добродѣтели до нашей пользы и выгоды?“ „Совѣсть—это божественный инстинктъ, вѣрный руководитель человѣка, превосходство его натуры и нравственное начало его поступковъ,—судья надъ добромъ и зломъ: она человѣка уподобляетъ Богу.“—Подобно вольнодумцамъ и онъ также ратуетъ противъ вѣры въ откровеніе, но въ то же время прославляетъ Христа и Священное писаніе. „Признаюсь, говоритъ онъ, меня изумляетъ величіе Священнаго писанія. Святость евангелія говоритъ душѣ моей. Посмотрите, какъ мелки передъ нимъ книги философовъ со всѣмъ ихъ тщеславіемъ! Возможно ли, чтобы такая высокая и вмѣстѣ съ тѣмъ простая книга была дѣломъ рукъ человѣческихъ? Развѣ это голосъ энтузіаста или честолюбиваго сектатора? Какая кротость, какая чистота въ его нравахъ! Какая воздержность въ его правилахъ! Какая глубокая мудрость въ его рѣчахъ! Гдѣ тотъ человѣкъ, гдѣ тотъ мудрецъ, что сумѣлъ бы, не ослабѣвая и не похваляясь дѣйствовать, страдать и умереть!“ Противъ откровенія возстаетъ онъ въ интересѣ религіи сердца. „Одно откровеніе утверждаетъ о другомъ, что оно ложно. Кто въ состояніи рѣшить достовѣрность всѣхъ этихъ притязаній?“ „Мое нравственное дѣйствіе руководится твердымъ правиломъ; а особыя религіозныя формы считаю я просто полезными различіями, причина которыхъ большею частью скрывается въ климатѣ и народномъ духѣ, и которыя при-

даютъ странѣ одинъ общій культъ. Потому я и подчиняюсь всѣмъ формамъ этого культа, проникаясь всемогуществомъ и присутствіемъ Высшаго Существа и недостаточностью человѣческаго постиженія. Людямъ я всегда буду проповѣдывать добродѣтель и увѣщать ихъ дѣлать добро, но никогда не позволю себѣ навязывать имъ жестокій уставъ нетерпимости, будто помимо церкви нѣтъ спасенія". „Гордая философія ведетъ къ бездушному вольнодумству, а слѣпое вѣрованіе къ ярому духу гоненія. Избѣгайте и той и другой односторонности: пребывайте непоколебимы въ истинѣ или въ томъ, что въ простотѣ сердечной считаете истиннымъ. Имѣйте мужество признать Бога передъ философами; имѣйте мужество проповѣдывать человѣколюбіе передъ ярыми гонителями. Говорите правду, дѣлайте добро". „Я вѣрую въ Бога, и Господь былъ бы несправедливъ, если бы душа моя не была безсмертна. Въ этомъ, кажется мнѣ, сущность и польза всякой религіи: а объ остальномъ пускай препираются охотники до преній". Онъ ратуетъ также противъ неравенства между людьми, какъ противъ корня всякихъ золъ, потому что отъ него возникли богатства, отъ богатства роскошь и тунеядство, а отъ роскоши и тунеядства—искусства и науки. Люди, по его мнѣнію, отъ природы равны между собою такъ же, какъ были прежде и животныя, пока вслѣдствіе тѣлесныхъ причинъ не возникли различія между ними. Человѣкъ, который впервые отгородивъ себѣ клочекъ земли, дерзнулъ сказать: эта земля принадлежитъ мнѣ, и нашелъ простаковъ, повѣрившихъ ему, былъ настоящимъ основателемъ гражданскаго общества. Потому что вмѣстѣ съ собственностью единичнаго лица началась борьба, завершившаяся договоромъ, въ силу котораго единичная личность жертвуетъ частью своей свободы ради поддержки другихъ лицъ. „Вотъ что было началомъ государства и законовъ, установившихъ навсегда собственность и неравенство". Но, признавъ пылкою душою несправедливость всякаго неравенства и объявивъ ему войну, онъ въ своемъ „Общественномъ договорѣ" пытается своимъ ученьемъ о демократіи и республикѣ установить также и положительное начало. „Человѣкъ рожденъ свободнымъ, а при всемъ томъ онъ всюду въ оковахъ. По какому праву поддерживается такое рабство? Его нельзя основать ни на естественныхъ условіяхъ, ни на искусственныхъ договорахъ. Что касается до естественныхъ условій, то примѣръ семьи отнюдь не представляетъ этого права, потому что власть отца простирается лишь на время несовершеннолѣтія, ни также право сильнаго, потому-что оно никогда и не становится правомъ, прекращаясь вмѣстѣ съ насильственною властью. Что же касается до договоровъ, то отчужденіе свободы не подлежитъ никакимъ договорамъ. Отчуждать зна-

чить отдавать или продавать. Если кто и захотѣлъ бы продать самого себя, то дѣтей своихъ онъ продавать не можетъ; они люди и слѣдовательно рождены свободными, ихъ свобода принадлежитъ имъ. Отрекаться отъ своей свободы значитъ отказываться быть человѣкомъ; не быть свободнымъ значитъ отречься отъ всѣхъ правъ и обязанностей человѣка. Итакъ, переходя отъ естественнаго состоянія къ государственному строю, люди не могли и не хотѣли отказаться отъ своей свободы; они изыскивали только форму соединенія, которая общими силами охраняла и защищала бы личность и собственность каждаго единичнаго члена государства и въ которой всякій въ связи со всѣми повиновался бы все-таки только самому себѣ и слѣдовательно былъ бы такъ же свободенъ, какъ и прежде. Изъ такой уступки со стороны всѣхъ ради всѣхъ и возникаетъ совокупная корпорація съ одною совокупною общею волею. Эта корпорація и называется государствомъ, когда разсматривается какъ одно мирное и бездѣйственное цѣлое, державцемъ или монархомъ, поскольку оно вступаетъ въ дѣйствіе, политическою властью—относительно другихъ государствъ. Верховная власть какъ выраженіе общей воли отнюдь не отчуждаема. Можно другому лицу передать власть, но не волю; а потому такая передача власти бываетъ только на срокъ и во всякое время отмѣняема. Учрежденіе правительства вовсе не договоръ между народомъ и правительствомъ, а только порученіе, данное правительству народомъ. Лица исполнительной власти отнюдь не властители надъ народомъ, а только чиновники его. Народъ передаетъ правительственную власть лишь до тѣхъ поръ, пока ему не заблагоразсудится расположить ею иначе. Народное собраніе отъ времени до времени рѣшаетъ, удержать ли существующую форму правленія и поручать ли впредь управленіе тѣмъ же лицамъ, которымъ оно поручалось доселѣ. Отъ самодержавца, отъ народа, исходитъ также и законодательство, имѣющее цѣлью свободу и равенство,—свободу, потому что еслибъ единичное лицо было въ зависимости, то общее цѣлое лишилось бы силы его; равенство, потому что безъ него немыслима и свобода; вѣдь сущность равенства заключается въ томъ, что власть одного лица никогда не можетъ извратиться въ беззаконное насиліе, ни богатство въ подкупъ голосовъ, ни бѣдность въ гнусную продажность. Самодержавецъ наконецъ устанавливаетъ также религію, но не въ видѣ догматовъ вѣры, а скорѣе въ видѣ чувства общественности, безъ чего нельзя быть ни добрымъ гражданиномъ, ни вѣрнымъ подданнымъ. Преподаватели государственной религіи да ограничиваются вѣрою въ бытіе Бога, въ будущую жизнь, гдѣ праведные будутъ награждены, а злые наказаны, потомъ также святостью государства и его законовъ, и наконецъ устраненіемъ всякой нетерпимости.

Этотъ поборникъ подготовилъ французскую революцію еще болѣе самихъ матерьялистовъ, оттого что его ученія писаны съ увлеченіемъ сердца и въ свою очередь увлекали сердца;—этотъ первобытный человѣкъ, безъ всякихъ предвзятыхъ идей, несмущаемый господствовавшими понятіями, сужденіями и предразсудками, смотрѣлъ на все не глазами общества, а своими собственными, опираясь всецѣло и единственно на самого себя;—этотъ мужъ, какъ прекрасно выразился Геттнеръ, причудливо среди блестящей и высокообразованной эпохи клеймилъ позоромъ образованіе, науку и литературу, какъ ничтожную и вредную мишуру и взамѣнъ того проповѣдовалъ естественную простоту и доблесть истинной гражданской добродѣтели, противопоставивъ утонченности и изнѣженности образованнаго міра даже первобытное состояніе дикарей, какъ нѣчто образцовое и завидное, словомъ, цивилизованному высокомѣрію — природную гордость;—онъ также революціонеръ и въ дѣлѣ воспитанія и основатель всей новѣйшей педагогической науки:—имя этого дивнаго самороднаго генія

Жанъ Жакъ Руссо.

Онъ родился въ Женевѣ 28-го іюня 1712-го г. Рожденіе Жанъ Жака стоило жизни его матери: первое его несчастіе, какъ справедливо называетъ это Руссо. Отецъ его, женевскій часовщикъ, вынужденъ былъ бѣжать вслѣдствіе грозившаго ему процесса. Отрокъ съ самаго начала лишенъ былъ ровной спокойной семейной жизни. Восьми лѣтъ отъ роду его отдали на воспитаніе къ сельскому пастору. Потомъ онъ поступилъ писаремъ къ адвокату, но не долго пробылъ въ этой должности. Его помѣстили въ ученье къ гравировщику: онъ бѣжалъ отъ послѣдняго и спасался у католическаго священника, рекомендовавшаго его перешедшей въ католичество г-жѣ Варансъ; обративъ и Руссо также въ свою вѣру, она отправила его въ Туринъ въ монастырь, гдѣ онъ 16-ти лѣтъ отъ роду и перешелъ въ католичество. Затѣмъ сдѣлался слугою у одной пожилой знатной госпожи, но — тутъ же и проворовался. Потомъ отъ 1728-го до 1730-го г. Руссо находился на службѣ у графа Гурона, хотѣвшаго ученіемъ образовать его для высшаго званія: но онъ отплатилъ за это неблагодарностью и нахальствомъ. Г-жа Варансъ, къ которой онъ опять вернулся въ 1730-мъ г., хотѣла образовать изъ него священника; но и это не удалось. Онъ принялся за музыку, учителемъ которой и сдѣлался въ Лозаннѣ и Невшателѣ, потомъ былъ воспитателемъ одного молодого Швейцарца, жилъ насчетъ г-жи Варансъ, сдѣлался ея любовникомъ, учился математикѣ и латыни, занимался логикой Поръ-Ройяля и читалъ творенія Локка,

Лейбница, Малебранша и Декарта. Въ 1741-мъ г. онъ отправился въ Парижъ, былъ тамъ въ разныхъ мѣстахъ секретаремъ, сочинилъ комедію, вступилъ въ тѣсныя сношенія съ Дидро, Кондильякомъ, д'Аламберомъ, Гольбахомъ и пр. и затѣялъ въ 1745-мъ г. любовную связь съ трактирною служанкою изъ Орлеана, Терезою Левассёръ, которая была до того тупа, что никогда не была въ состояніи ни запомнить названій двѣнадцати мѣсяцевъ, ни разобрать цифръ, ни различить цѣнностей различныхъ монетъ; Руссо объявилъ ей наконецъ, что никогда не покинетъ ея, но и не женится на ней: лишь въ 1768-мъ г. призналъ онъ ее своею супругою и обвѣнчался съ нею.

Благодаря своему въ 1749-мъ г. появившемуся сочиненію о порчѣ образованія Руссо сдѣлался знаменитостью. Дижонская академія предложила вопросъ: „способствовали или нѣтъ успѣхи наукъ и искусствъ очищенію нравовъ?" Руссо въ удостоенномъ преміи сочиненіи отвѣчаетъ: Нѣтъ, потому-что прежній Римъ былъ лучше образованнаго позднѣйшаго, въ Спартѣ господствовали болѣе чистые нравы, нежели въ Аѳинахъ. „Притомъ же всѣ науки возникли изъ самыхъ дурныхъ источниковъ, астрономія изъ суевѣрія, ораторское искусство изъ тщеславія, физика изъ любопытства, нравоученіе изъ гордости и т. д., точно такъ же и всѣ изящныя искусства служатъ лишь на пагубу человѣчества. Затѣмъ, въ 1783-мъ г., онъ далъ хотя и не удостоенный академіею награды, но надѣлавшій еще болѣе шума отвѣтъ на другой вопросъ: „О причинѣ неравенства между людьми". Пусть люди, говоритъ онъ, будутъ предоставлены самимъ себѣ, подобно звѣрямъ: это—состояніе невинности и и прирожденная простота. Собственность и договоры лишили людей блаженства. „Желѣзо и хлѣбъ цивилизовали ихъ, но въ конецъ загубили родъ человѣческій". Вотъ основныя положенія къ его „Эмилю" и „Общественному договору".

Прежде того еще Руссо, вслѣдствіе приговора врача во время его тяжкой болѣзни, „что ему остается прожить всего шесть мѣсяцевъ", рѣшился просуществовать этотъ срокъ въ независимой бѣдности: выздоровѣвъ, онъ поддерживалъ свое рѣшеніе въ теченіе четырехъ лѣтъ. Прибывъ въ Женеву ,Руссо съ почестями былъ принятъ отъ своихъ согражданъ и, перешедши опять къ ученію Кальвина, искупилъ утраченное вслѣдствіе его перехода въ католичество право гражданства. Вѣдь основа различныхъ вѣроисповѣданій говоритъ онъ—одна и таже, а именно евангеліе; правительству подобаетъ установить, которая изъ религій должна быть у него единственно господствующею; къ ней и обязаны примкнуть всѣ граждане извѣстнаго государства. Возвратясь въ Парижъ, онъ поселился въ небольшой

дачѣ г-жи д'Эпинэ въ лѣсу Монморанси, но самъ себѣ испортилъ свое пребываніе здѣсь войдя въ любовную связь съ графинею д'Удето, поссорившись съ Дидро и разладивъ съ г-жею д'Эпинэ. Онъ жилъ потомъ въ Монъ-Люи близъ Монморанси и докончилъ тамъ „Новую Элоизу“ и „Общественный договоръ“, предаваясь душевному самотерзанію, проклиная жизнь и людей. Болѣзненное настроеніе его стало безвыходнымъ, когда его „Эмиль„ сожженъ былъ публично и вышелъ приказъ арестовать автора. Онъ бѣжалъ изъ Франціи въ Женеву, но и тутъ также велѣно сжечь Эмиля и арестовать автора. Руссо отправился въ Мотье въ Невшателѣ: церковный совѣтъ, пасторъ и прихожане преслѣдовали его. Онъ переселился на уединенный островъ св. Петра въ Билерскомъ озерѣ: по прошествіи мѣсяца выданъ ему приказъ отъ Бернскаго правительства покинуть островъ. Онъ хотѣлъ переѣхать вмѣстѣ съ Юмомъ въ Англію: но дружба ихъ вскорѣ разстроилась; возвратясь изъ Англіи, онъ проживалъ въ замкѣ Тріэ, потомъ въ Ліонѣ, Греноблѣ, Шамбери, въ Эрменонвилѣ, гдѣ и умеръ 3-го іюня 1778-го года.

Какая трагическая жизнь! Олицетворенный идеализмъ сердца—съ его неотчуждаемыми правами, исполненный мечтательнаго влеченія къ природѣ, восторженной любви къ сельской жизни и къ уединенію лѣсовъ, полный энтузіазма ко всему великому, къ свободѣ человѣчества и къ естественной религіи любви, но вмѣстѣ съ тѣмъ запуганный и раздражительный, избѣгалъ онъ суровой дѣйствительности, не ограничивая себя ничѣмъ, зная и признавая одного только себя, тщеславный и самодовольный, суетный, заносчивый и горделивый, прихотливый и своевольный, онъ даже въ своихъ промахахъ и порокахъ утѣшался своимъ безконечнымъ чувствомъ блаженства. Нельзя не признать частицы истины въ обвинительномъ приговорѣ архіепископа X. Бомона, сказавшаго: „Изъ лона заблужденій вышелъ мужъ, говорящій только языкомъ философіи, не будучи самъ истиннымъ философомъ; умъ, надѣленный обширными, но не просвѣтившими его познаніями, при помощи которыхъ онъ, напротивъ того, омрачилъ другихъ людей; характеръ, полный парадоксовъ, какъ въ мнѣніяхъ, такъ и въ жизни, соединявшій простоту нравовъ съ гордынею помысловъ, рвеніе къ античнымъ правиламъ съ страстью вводить новизны, мрачное уединеніе съ стремленіемъ сдѣлаться извѣстнымъ всему свѣту. Онъ нападалъ на науки, и самъ же воздѣлывалъ ихъ, прославлялъ величіе евангелія и вмѣстѣ съ тѣмъ разрушалъ ученіе его, изображалъ прелести добродѣтели, и тутъ же заглушалъ ее въ душѣ читателя. Онъ выдавалъ себя за наставника человѣчества, чтобы обмануть его, за всенароднаго совѣтчика, чтобы ввести въ заблужденіе весь міръ, за ора-

кула нашего вѣка, чтобы въ конецъ развратить его. Въ своемъ твореніи „о неравенствѣ званій“ онъ человѣка принизилъ до животныхъ, въ своемъ новомъ произведеніи — въ Элоизѣ — онъ разлилъ ядъ похоти, повидимому осуждая ее; въ Эмилѣ онъ завладѣлъ раннимъ возрастомъ человѣка, чтобы основать царство лжевѣрія“.

Эта книга „*Эмиль*“, наполовину романъ, наполовину руководство, которую Руссо написалъ въ 1757-мъ г. въ Монморанси, а въ 1760-мъ прочелъ маршальшѣ де-Люксамбуръ и напечаталъ въ 1762-мъ г., идетъ даже далѣе, нежели предполагаетъ архіепископъ Парижскій: постановляя новыя начала воспитанія, она подсѣкаетъ подъ самый корень и стремится очистить и возвысить растлѣнное, по воззрѣніямъ Руссо, состояніе цивилизаціи. Вопреки стародавней системѣ воспитанія она не добивается уже въ ребенкѣ зрѣлаго мужа, не подумавъ напередъ о томъ, что такое само дитя, прежде чѣмъ оно достигло зрѣлаго возраста. Она стремится быть системою естественнаго развитія. Она знать не хочетъ извѣстныя взаимныя отношенія людей въ разныхъ краяхъ и званіяхъ, а разсуждаетъ лишь о воспитаніи человѣка самого по себѣ. Эмиль олицетворяетъ собою человѣчество въ его естественномъ состояніи, а наставникъ Эмиля — обязанъ естественно воспитать дитя природы. Но для этого Эмилю вовсе не слѣдуетъ и не нужно быть дикаремъ. „Большая разница между человѣкомъ природы въ естественномъ состояніи и такимъ же человѣкомъ въ состояніи общественности; Эмиль—не изгнанный въ пустыню дикарь, напротивъ—этотъ дикарь обязанъ жить въ городахъ; онъ умѣетъ добиться необходимаго и блюсти свою выгоду; онъ да поддерживаетъ сношенія съ своими ближними, хотя бы и не во всемъ походилъ на нихъ“. „Дѣло не въ томъ, чтобы создать дикаря и отправить его въ уединеніе лѣсовъ; достаточно напротивъ, чтобы Эмиль въ вихрѣ свѣта не увлекся страстью и людскою наживою. Пусть смотритъ онъ на все собственными глазами, чувствуетъ собственнымъ сердцемъ, и помимо его разума да не руководятъ имъ никакія земныя власти“. Вотъ основная мысль „Эмиля“,—по которой воспитывается дитя отъ колыбели и до зрѣлаго возраста.

Ранній возрастъ Эмиля.

Все хорошо, что выходитъ изъ рукъ Творца всѣхъ вещей; все извращается подъ руками человѣка. Онъ заставляетъ одну почву производить продукты другой, одно дерево давать плоды другого; онъ смѣшиваетъ и перетасовываетъ между собою климаты, стихіи и времена года; онъ уродуетъ свою собаку, свою лошадь, своего раба; все извращаетъ онъ, все искажаетъ; онъ любитъ уродство, чудовища;

ему не нравится ничто, такъ какъ оно создано природой, ни даже самъ человѣкъ: для него нужно вымуштровать послѣдняго какъ верховую лошадь или подстричь по модѣ какъ дерево въ его саду. Но не будь этого, все выходило бы еще гораздо хуже, оттого что наше племя не выноситъ полуобразованія. При настоящемъ положеніи дѣлъ человѣкъ, предоставленный съ самаго рожденія самому себѣ, но оставаясь среди другихъ людей, былъ бы изъ всѣхъ самый извращенный. Предразсудки, авторитетъ, необходимость, примѣръ, всякія обрушающіяся на нашу голову общественныя учрежденія заглушили бы въ немъ природу и не дали бы ничего взамѣнъ. Онъ былъ-бы подобенъ выросшему случайно на дорогѣ деревцу, которое неминуемо должно погибнуть отъ проходящихъ, толкающихъ со всѣхъ сторонъ и нагибающихъ его, какъ кому вздумается. Растенія развиваютъ посредствомъ ухода, а людей посредствомъ воспитанія. Еслибъ человѣкъ родился на свѣтъ даже большимъ и сильнымъ, то и тогда его величина и сила были бы для него все-таки безполезны, пока онъ не научится пользоваться ими: онѣ служили бы даже во вредъ, оттого что мѣшали бы другимъ людямъ помочь ему, и предоставленный самому себѣ онъ погибъ бы отъ нужды, прежде чѣмъ успѣлъ узнать свои потребности. Обыкновенно жалуются, что намъ приходится переживать состояніе дѣтства; забывая при этомъ, что человѣческій родъ давно погибъ бы, если бъ человѣкъ не былъ сначала младенцемъ. Мы родимся слабыми и нуждаемся въ силахъ, — лишенные всего, мы нуждаемся въ помощи. Все, чего у насъ нѣтъ при нашемъ рожденіи и въ чемъ мы нуждаемся подростая, дается намъ воспитаніемъ. Это воспитаніе получаемъ мы или отъ природы, или отъ людей, или отъ предметовъ. Внутреннее развитіе нашихъ силъ и органовъ—вотъ воспитаніе природы; пользоваться этимъ развитіемъ научаемся мы воспитаніемъ отъ людей; а все, что изучимъ собственнымъ опытомъ вслѣдствіе вліянія на насъ окружающихъ вещей—это воспитаніе отъ предметовъ. Воспитаніе отъ природы не въ нашей власти; а потому остальные виды его должны сообразоваться съ первымъ. По настоящему слѣдовало бы все относить къ природѣ, такъ чтобы всѣ три воспитателя дѣйствовали согласно между собою. Но природѣ противорѣчатъ гражданскія условія. А потому, если хотятъ правильно воспитать дитя, необходимо въ воспитаніи устранить его отъ гражданскихъ условій,—образовать изъ него не гражданина, но человѣка. Дитя да воспитывается для общаго человѣческаго призванія, а не для особаго сословія. Сообразуйте ваше воспитаніе съ тѣмъ, что человѣкъ есть самъ по себѣ, а не съ чѣмъ либо наружнымъ. Образуя дитя только для одного извѣстнаго сословія, вы дѣлаете его негоднымъ для всякаго другого и несча-

стнымъ, если положеніе его измѣнится. Какъ смѣшонъ знатный баринъ, который, сдѣлавшись нищимъ, въ нищетѣ своей удерживаетъ врожденные предразсудки; какъ презрителенъ обѣднѣвшій богачъ, чувствующій себя совсѣмъ приниженнымъ. Счастливъ тотъ, кто сумѣетъ разстаться съ сословіемъ его отвергшимъ и остаться человѣкомъ наперекоръ слѣпой судьбѣ!

Вся наша мудрость состоитъ въ раболѣпныхъ предразсудкахъ: весь нашъ образъ жизни заключается въ подчиненіи, уступчивости и сдержанности. Общественный человѣкъ родится, живетъ и умираетъ въ рабствѣ; съ самаго дня рожденія его втискиваютъ въ пеленки, а по смерти заколачиваютъ въ гробъ; пока носитъ онъ человѣческій образъ, его стѣсняютъ нашими учрежденіями. Повивальныя бабки на свой ладъ обдѣлываютъ голову ребенка снаружи, а философы изнутри; Караибы чуть-ли не счастливѣе насъ. Какъ только дитя появилось изъ утробы матери, на него тотчасъ же налагаются узы. Пеленаніе самая неестественная мука, имъ задерживается всякое необходимое движеніе членовъ и крови. Няньки придумали его для своего удобства. Матери не кормятъ болѣе дѣтей своею грудью; кормилица участвуетъ въ любви ребенка съ матерью, предающейся своимъ удовольствіямъ. Вотъ главная причина распаденія всякихъ семейныхъ отношеній, всякой взаимной любви между членами семьи; каждый думаетъ только о себѣ и гоняется за своими прихотями. А вѣдь прелесть семейной жизни была бы лучшимъ противоядіемъ противъ дурныхъ нравовъ. Нѣтъ матери, нѣтъ и дѣтей! Обязанности той и другихъ обоюдны, и если онѣ небрежно исполняются съ одной стороны, то пренебрегаются и съ другой. Дитя должно полюбить свою мать, (по привычкѣ) прежде чѣмъ узнаетъ, что это его долгъ. Если же голосъ кровнаго родства не подерживается ни обращеніемъ, ни уходомъ, то онъ умолкаетъ съ раннихъ лѣтъ и сердце, такъ сказать, вымираетъ, даже еще не родившись. Вотъ мы съ первыхъ шаговъ уже и отдалились отъ природы. — Но противоположнымъ путемъ мы также доходимъ до неестественной цѣли, а именно, если женщина, не пренебрегая материнскими обязанностями, доводитъ ихъ до высшей крайности; если она изъ своего ребенка дѣлаетъ идола; если она поддерживаетъ и увеличиваетъ его неловкость, когда, вмѣсто того чтобы дать ему почувствовать, бережетъ его и устраняетъ отъ него всякія случайныя невзгоды, въ надеждѣ избавить его такимъ образомъ отъ требованій природы, не сообразивъ при этомъ, что вмѣсто нѣкоторыхъ мгновенно устраняемыхъ отъ него неудобствъ, она въ будущемъ обрушиваетъ на его голову бездну непріятностей и напастей. Наблюдайте природу и слѣдуйте по указанному ею пути. Она заставляетъ дѣтей постоянно

упражняться; она закаляетъ ихъ чувствительность разными испытанными средствами; заблаговременно пріучаетъ ихъ къ страданію и боли. Прорѣзаніемъ зубовъ и пр. она причиняетъ имъ много мукъ. Отчего вы не подражаете въ этомъ природѣ?—Не понимаете развѣ, что умничая надъ нею, вы только разрушаете ея дѣло?—Съ младенцами вообще обращаются большею частью безтолково. То мы дѣлаемъ все, что имъ угодно, то требуемъ отъ нихъ, что намъ вздумается; то подчиняемъ ихъ нашимъ, то сами подчиняемся ихъ прихотямъ. Такимъ образомъ ребенокъ приказываетъ, не умѣя еще говорить, повинуется, не умѣя еще дѣйствовать; изъ ребенка выходитъ человѣкъ по нашей фантазіи, но не дитя природы. Если хотятъ сохранить въ немъ коренную своеобразность и природу, то надо умѣть охранять ихъ со дня рожденія. Овладѣйте человѣкомъ съ первой его минуты и не упускайте его изъ рукъ до зрѣлаго возраста.—Какъ мать настоящая кормилица дитяти, такъ и отецъ настоящій наставникъ его. Дитя изъ рукъ первой переходитъ въ руки послѣдняго. Хотя бы и научно ограниченнымъ, но разсудительнымъ отцомъ оно воспитается гораздо лучше, нежели самымъ искуснымъ на свѣтѣ учителемъ, потому что искусство скорѣе наверстается рвеніемъ, нежели рвеніе искусствомъ. Но дѣла, хлопоты, обязанности! — Мы не удивимся, если мужъ, жена которагo не удостоиваетъ кормить грудью плодъ ихъ брачнаго союза, не сочтетъ также достойнымъ воспитать его. Если мать не такъ здорова, чтобы самой кормить, то и отецъ такъ заваленъ дѣлами, что не сможетъ самъ воспитать. Дѣтей удаляютъ въ пансіоны, монастыри, распредѣляютъ по школамъ, и они туда переносятъ любовь къ отчему дому, или возвращаются къ родному очагу съ навыкомъ ни къ чему не прилѣпляться. Разсѣянные братья и сестры едва знаютъ другъ друга. Упущеніе отцовской обязанности запечатлѣно тяжкимъ проклятіемъ. Но что же дѣлаетъ богачъ, этотъ крайне занятой отецъ сесейства, вынужденный, по мнѣнію его,отказаться, отъ воспитанія своихъ дѣтей? Онъ нанимаетъ другого человѣка, чтобы тотъ взялъ на себя тяготящія его трудныя занятія. О, продажная душа! Ужъ не думаешь ли ты за деньги купить твоему сыну другого отца? Не обманывай себя на этотъ счетъ; вѣдь ты даешь ему даже не учителя; вѣдь это не что иное, какъ слуга въ домѣ. Онъ изъ твоего сына скоро сдѣлаетъ такого же слугу.

Много толкуютъ о качествахъ хорошаго домашняго учителя. Я потребовалъ бы прежде всего: чтобы онъ былъ хорошо воспитанъ и молодъ; но чтобы отнюдь не льстился на деньги, не былъ наемникомъ. Пускай онъ сдѣлается почти ровнею воспитаннику, пусть будетъ ему товарищемъ и остается при немъ со дня рожденія до 25-ти лѣтняго воз-

раста; онъ да будетъ ему учителемъ и воспитателемъ, точно такъ же какъ воспитанникъ въ то же время и ученикъ наставника. Нѣтъ необходимости, что бы этотъ воспитанникъ—*Эмиль*—обладалъ чрезвычайнымъ дарованіемъ, пусть онъ будетъ знатнаго происхожденія, богатъ и сирота. Онъ изъ страны умѣреннаго пояса и здоровъ; тѣло его крѣпкое. послушное душѣ; чѣмъ онъ слабѣе, тѣмъ больше повелѣваетъ, а чѣмъ сильнѣе, тѣмъ лучше повинуется.—Если мать не кормитъ его сама, то пусть наставникъ выберетъ кормилицу—недавно родившую, здоровую какъ душою, такъ и тѣломъ: избытокъ страстей, точно такъ же какъ и соковъ. можетъ вліять на ея молоко; добрый нравъ такое же существенное качество, какъ и здоровое тѣлосложеніе; молоко можетъ быть и хорошо, а кормилица все-таки дурна. Какъ бы то ни было, но дурной нравъ ни на что хорошее не годенъ. Потомъ воспитатель съ кормилицей и ребенкомъ отправляется въ деревню, не оставаясь въ нездоровомъ вслѣдствіе скученнаго населенія городѣ.—Не позволяйте, чтобы дитя, высвободившись изъ своей оболочки и начиная дышать, вновь закутывалось въ еще болѣе стѣсняющія его простынки. Не нужно ни шапочекъ, ни свивальниковъ. ни пеленокъ! Пускай ребенокъ окрѣпши, ползаетъ по комнатѣ, пускай развивается, расправляетъ свои крохотные члены; вы увидите, какъ будетъ онъ крѣпнуть изо дня въ день.—Воспитаніе человѣка начинается со дня его рожденія; когда онъ еще не говоритъ, не понимаетъ, онъ уже поучается. Опытъ предшествуетъ обученію. Человѣкъ въ раннемъ возрастѣ до невѣроятности многому научается просто путемъ опыта, безъ всякаго преподаванія. Сильныя впечатлѣнія, воспринимаемыя дѣтьми, дѣйствуютъ только на чувство; дѣти постигаютъ лишь пріятное и боль. Такъ какъ они не могутъ еще ни бѣгать, ни хватать, то имъ нужно много времени, чтобы мало по малу составить себѣ представленія, которыя наводятъ ихъ на предметы внѣшняго міра: но коль скоро дитя начинаетъ постигать, что предметы группируются, какъ бы отступаютъ отъ глазъ его, получаютъ для наблюдателя протяженіе и образъ, то начинается возвратъ получаемыхъ впечатлѣній, такъ что предметы поступаютъ въ разрядъ обыденныхъ явленій. При этомъ ни къ чему не пріучайте ребенка, ни къ установленному времени ѣды, сна и пр., пріучайте его только не имѣть никакихъ привычекъ, воспитайте его для свободы. Не порождайте въ немъ боязни къ гадкимъ животнымъ, къ маскамъ, выстрѣламъ и пр. Чувственныя ощущенія даютъ первый матеріалъ для его познаній; потому полезно было бы сообщать ему эти впечатлѣнія въ надлежащемъ порядкѣ. Пускай сравниваетъ онъ особенно зрѣніе съ осязаніемъ. При посредствѣ движенія онъ знакомится съ протяженіемъ,

такъ что не ловитъ болѣе руками слишкомъ отдаленныхъ предметовъ.—Свое неудовольствіе по поводу потребностей дитя выражаетъ знаками, если для устраненія перваго оно нуждается въ помощи постороннихъ. Отсюда и крикъ дѣтей. Всѣ ихъ ощущенія оказываютъ дѣйствительное вліяніе: поэтому если они пріятны, — дѣти наслаждаются ими втихомолку; а если непріятны, то выражаютъ это на своемъ языкѣ и требуютъ помощи. Дѣти сначала говорятъ общимъ языкомъ природы, который хотя и не состоитъ изъ члено раздѣльныхъ звуковъ, но выразителенъ и понятенъ. Кормилицы понимаютъ ихъ лучше насъ и разговариваютъ съ дѣтьми на этомъ языкѣ. Сюда присоединяются еще жесты и быстро смѣняющаяся мимика. Плачемъ дѣти выражаютъ чувство голода, жара, холода и т. п. Изъ этихъ слезъ, которымъ придаютъ такъ мало значенія, возникаютъ первичныя отношенія человѣка къ его окружающимъ; тутъ-то и образуется первое звено длинной цѣпи, изъ которой слагается общественный строй. Первыя слезы младенца—это просьбы. Если на нихъ не обращаютъ вниманія, — онѣ скоро переходятъ въ приказы. Онъ начинаетъ съ просьбы о помощи, а кончаетъ требованьемъ послуги. Но такое понятіе о приказаніяхъ возбуждается не столько его потребностями, сколько нашими послугами, и потому здѣсь начинаютъ обнаруживаться нравственныя дѣйствія, съ цѣлью обратить на себя вниманіе, непосредственныя причины которыхъ коренятся не въ природѣ, и слѣдовательно, теперь уже можно убѣдиться, какъ важно съ этого ранняго возраста выяснить себѣ сокровенныя побужденія жестовъ и крика. Пока человѣкъ не достигъ еще разсудка, до тѣхъ поръ въ немъ нѣтъ и нравственности, хотя послѣдняя иногда обнаруживается и въ ощущеніяхъ дѣтей относительно того, что совершается посторонними. Всякая злоба дѣтей происходитъ отъ слабости; укрѣпите ребенка и онъ будетъ добръ. Кто могъ бы дѣлать все на свѣтѣ, тотъ никогда не дѣлалъ бы зла. Страсть къ разрушенію въ дѣтяхъ происходитъ не отъ злобы, а отъ живой жажды дѣятельности. Дѣти хотятъ пользоваться взрослыми какъ орудіями; послѣдніе должны восполнить недостатки ихъ слабости; вотъ такимъ-то путемъ они и дѣлаются злобными тиранами, и въ нихъ развивается властолюбіе, отнюдь не врожденное имъ, но остающееся при нихъ на всю жизнь. Потому ребенокъ и требуетъ съ самаго начала особаго рода обращенія. 1) Дѣти далеко не обладаютъ избыткомъ силъ, напротивъ, послѣднихъ у нихъ не хватаетъ даже на то, что требуется отъ нихъ природою; поэтому надо предоставить имъ пользоваться всѣмъ, что имъ дано и чѣмъ они не могутъ злоупотреблять. 2) Необходимо помочь имъ, восполнить ихъ

недостатки, какъ относительно ума, такъ и относительно силы и всего, что касается физической потребности. 3) Подавая имъ помощь, ограничивайтесь только дѣйствительно полезнымъ и не потакайте ни ихъ воображенію, фантазіи, ни безразсудной прихоти; воображеніе не будетъ мучить дѣтей, если ему не дали возникнуть, потому что оно вовсе не естественно. 4) Изучайте тщательно языкъ дѣтей и ихъ жесты, чтобы въ возрастѣ, когда они еще не умѣютъ притворяться, угадывать, насколько ихъ желанія проистекаютъ непосредственно отъ природы и насколько отъ воображенія. Суть этихъ предписаній состоитъ въ томъ, чтобы дѣтямъ предоставить болѣе истинной свободы и менѣе власти, заставлять ихъ самихъ дѣлать по возможности болѣе и менѣе требовать отъ другихъ. Такимъ образомъ они заблаговременно привыкнутъ ограничивать свои желанія своими силами; для нихъ будетъ менѣе ощутительно лишеніе того, что не въ ихъ власти. Помогайте дѣтямъ въ случаѣ необходимости, но не обращайте вниманія на ихъ причуды, и пусть ихъ по возможности болѣе помогаютъ самимъ себѣ. Напрасный плачъ дѣтей лучше всего задерживается, если не обращаютъ на него никакого вниманія: вѣдь и ребенокъ также не любитъ попусту напрягаться. Можно унять плачъ, обративъ вниманіе дитяти на пріятный или бросающійся въ глаза предметъ, не давая притомъ замѣтить, что безпокоятся изъ-за плача.— Дѣтей обыкновенно слишкомъ рано отнимаютъ отъ груди. Отнимайте ихъ, когда прорѣзались зубы. Ни въ чемъ не умѣютъ поступать попросту, ни даже въ даваемыхъ ребенку вещахъ. Драгоцѣнныя игрушки—излишняя роскошь; дешевыя и простыя оказываютъ такое же дѣйствіе.—Вредно понуждать дѣтей говорить слишкомъ рано: вслѣдствіе этого они только и научаются говорить позже и притомъ сбивчиво. Пусть кормилицы поютъ имъ пѣсни, но не лопочутъ то и дѣло непонятныя для нихъ слова. Напротивъ, повторяйте ребенку немногія, удобопроизносимыя слова, означая ими вещи, которыя имъ тутъ же показываютъ. Свойственная намъ несчастная вѣжливость довольствоваться словами, которыхъ мы не понимаемъ, начинается ранѣе, чѣмъ думаютъ. Ученикъ въ школѣ прислушивается къ пустословію своего ректора точно такъ же, какъ въ пеленкахъ слушалъ онъ болтовню своей кормилицы. Словарь дѣтей да будетъ по возможности малъ; словъ у нихъ должно быть не болѣе идей (т. е. ясныхъ представленій). У дѣтей своя собственная грамматика, въ которой правила словосочиненія опираются на болѣе общія начала, нежели въ нашей, и которая съ удивительною точностью слѣдуетъ извѣстнымъ аналогіямъ, хотя и правильнымъ, но не признаваемымъ нами. Сказыванье уроковъ въ школѣ едва ли исправляетъ выговоръ: напротивъ,

твердя наизусть, мальчики прiучаются лопотать языкомъ; а сказывая свой урокъ, они запинаются и заикаются, когда измѣняетъ имъ память. Дѣти, которыхъ черезъ чуръ рано прiучаютъ говорить, не успѣваютъ даже понять то, что ихъ заставляютъ повторять съ голоса; они понимаютъ все превратно. Но самый большой вредъ, проистекающiй отъ торопливости, вслѣдствiе которой дѣтей преждевременно учатъ говорить, не въ томъ, что первые разговоры, которые съ ними ведутъ и первыя слова, которыя они произносятъ, не имѣютъ для нихъ никакого смысла, а въ томъ, что они придаютъ имъ совсѣмъ иной смыслъ, нежели мы, и намъ даже не въ домекъ это обстоятельство. Такое невниманiе съ нашей стороны къ настоящему смыслу, какой слова имѣютъ для пользующихся ими дѣтей, кажется мнѣ, и есть причина ихъ коренныхъ заблужденiй, и эти заблужденiя даже и послѣ того какъ они избавились отъ нихъ, имѣютъ влiянiе на направленiе ума во всю остальную жизнь. А потому, пусть дитя говоритъ лишь настолько, насколько оно въ состоянiи мыслить.—Первоначальныя развитiя въ дѣтскомъ мiрѣ совершаются почти всѣ разомъ. Дитя почти въ одно и тоже время учится говорить, ѣсть и ходить. Это и есть собственно первая эпоха его жизни.—

Дѣтство Эмиля до двѣнадцати-лѣтняго возраста.

Съ умѣньемъ говорить наступаетъ новый перiодъ жизни; плачъ замѣняется часто словами. На мѣсто прежняго языка вступаетъ другой. Нѣжное и раздражительное дитя кричитъ, конечно, иногда и попусту. Но если оно убѣдится, что его крикъ безполезенъ и безуспѣшенъ, то скоро изсякнетъ также и источникъ послѣдняго. Пока ребенокъ плачетъ, я не подхожу къ нему, но какъ только онъ успокоился я тотчасъ же спѣшу къ нему. Скоро молчанiе и будетъ служить ему средствомъ, чтобы подозвать меня, а не то въ крайнемъ случаѣ онъ издаетъ одинъ отрывистый крикъ. Чувственно постигаемый результатъ извѣстныхъ знаковъ—вотъ мѣрило дѣтскаго сужденiя. Если ребенокъ одинъ, то онъ рѣдко заплачетъ, какъ бы ни ушибся, особенно, если нѣтъ надежды быть услышаннымъ. Я не только не сталъ бы предохранять Эмиля, чтобы онъ никогда не ушибся, а напротивъ, мнѣ было бы даже непрiятно, если бы этого никогда не случалось и онъ подросъ бы, не извѣдавъ боли. Терпѣть—вотъ первое, чему онъ долженъ научиться; это необходимѣе всего будетъ узнать ему.—Наша мелочная страсть учить другихъ то и дѣло побуждаетъ насъ сообщать дѣтямъ то, чему они научились бы гораздо лучше сами по себѣ, и упускать изъ виду то, что только мы и могли бы сообщить имъ. Можетъ ли быть что нибудь не-

лѣпѣе нашихъ поползновеній учить ихъ ходьбѣ? Помочи, ходульки, мягкія шапочки и другія пособія никуда не годятся; пускай дѣти на мягкой муравѣ хоть по сту разъ падаютъ и опять встаютъ. Заодно съ силами въ дѣтяхъ развивается также способность владѣть этими силами, а вслѣдствіе того и самосознательное индивидуальное бытіе. Безтолковые воспитатели дѣлаютъ дѣтей несчастными, ни во что не ставя настоящаго времени дѣтства и имѣя въ виду одну только будущность ребенка, до которой иной, можетъ быть, и не доживетъ. Въ эпоху дѣтства, говорятъ, легче всего исправляются злыя наклонности. Но можете ли вы поручиться, что ваши прекрасныя наставленія дѣйствительно составятъ нѣкогда счастіе ребенка? И что такое счастіе? Вѣдь счастливѣе всего тотъ, кто меньше страдаетъ; несчастнѣе тотъ, у кого меньше радостей. А злыя наклонности не скорѣе ли проистекаютъ отъ вашихъ же неумѣлыхъ попеченій, нежели отъ природы? Въ дѣтяхъ имѣйте въ виду только дѣтей! Человѣчество занимаетъ свое мѣсто въ урядѣ вещей, а дѣтство свое въ урядѣ человѣческой жизни. Указать каждому свое мѣсто и сдѣлать его на немъ самостоятельнымъ, привести наклонности человѣка въ согласіе съ его естественными свойствами, вотъ все, въ чемъ мы можемъ содѣйствовать его благосостоянію. Все остальное зависитъ отъ причинъ внѣ насъ, которыя не въ нашей власти.—Истинно свободный человѣкъ хочетъ только того, что онъ можетъ, и потому дѣлаетъ, что ему угодно. Вотъ это и примѣняйте къ дѣтямъ. Дитя должно чувствовать свою слабость, но не страдать отъ нея; оно должно зависѣть отъ другихъ, повиноваться; оно должно просить, но не приказывать. Оно пользуется еще не полною свободою. Держите ребенка въ предметной зависимости, противопоставляйте притязаніямъ его физическія препятствія или наказанія, вытекающія изъ его собственныхъ поступковъ. Опытъ и безсиліе да будутъ ему замѣной закона. Въ томъ, что природой требуется для тѣлеснаго развитія, предоставьте дѣтямъ по возможности полную свободу,—въ бѣготнѣ, прыганьи и пр. Но если они потребуютъ чего нибудь, что за нихъ должны сдѣлать другіе, то будьте осторожны и разбирайте съ толкомъ, побуждаются ли они къ этому дѣйствительной потребностью или прихотью. Изъ-за упрямаго плача дѣтей не дѣлайте для нихъ ничего, но и не пріучайте ихъ также приказывать учтивыми словами. Вѣдь въ богатыхъ домахъ слова: „не угодно ли вамъ“ въ устахъ дѣтей значатъ то же что „мнѣ угодно“, а „прошу васъ“ то же что „приказываю вамъ“. Пусть ужъ лучше ребенокъ просто говоритъ: сдѣлай мнѣ это, нежели повелительно: „Прошу!“ Дѣло не въ словахъ имъ употребляе-

мыхъ, а въ значеніи, какое придается словамъ. Не дѣлайте всего, чего бы ни потребовалъ ребенокъ; такимъ требованьямъ нѣтъ предѣла, и будьте вы хоть самимъ Богомъ, то и тогда не удовольствуете его. Удовлетворяя дѣтямъ во всемъ, вы питаете въ нихъ лишь алчность и властолюбіе и дѣлаете ихъ крайне несчастными, когда впослѣдствіи придется и даже необходимо будетъ отказать имъ. Какъ дѣтямъ не подобаетъ приказывать, такъ точно и взрослымъ не слѣдуетъ тиранить и тѣмъ запугивать ихъ. Ребенокъ долженъ получать что-нибудь не потому, что онъ того требуетъ, а потому, что нуждается въ томъ. Онъ долженъ исполнять свое дѣло не изъ повиновенія, а по необходимости; слова: повиноваться и приказывать исключаются изъ его словаря, тѣмъ болѣе еще выраженія долгъ и обязанность; но слова: сила, необходимость, безсиліе и неволя да занимаютъ главное мѣсто въ этомъ словарѣ. Пока ребенокъ не сталъ разсудителенъ, до тѣхъ поръ онъ ничего не понимаетъ о нравственности и общественныхъ условіяхъ; а потому необходимо избѣгать относящихся сюда словъ,—дѣтей надлежитъ вполнѣ предоставить физическому міру. Поэтому и не пускайтесь съ ними слишкомъ рано въ разсужденія. Нѣтъ ничего нелѣпѣе дѣтей, съ которыми много разсуждали. Вѣдь изъ всѣхъ способностей послѣ всего развивается разсудокъ; а его-то именно и напрягаютъ, съ цѣлью развить остальныя. Вѣдь это значитъ начинать съ конца. Еслибъ дѣти понимали разумные доводы, то нечего было бы и воспитывать ихъ; но говоря съ ними съизмала языкомъ, котораго они не понимаютъ, мы пріучаемъ ихъ довольствоваться пустыми словами, пересуживать все, что бы ни говорили имъ; они дѣлаются сварливыми и упрямыми, и то, чего добиваемся отъ нихъ путемъ разумныхъ доводовъ, они исполняютъ лишь изъ алчности, изъ страха, или изъ тщеславія, чѣмъ поневолѣ должны мы подкрѣпить наши доводы.—Дѣти да будутъ дѣтьми. Если вздумаемъ извратить порядокъ, то взростимъ скороспѣлые, безвкусные плоды, которые легко портятся: у насъ будутъ тогда молодые ученые и старыя дѣти. Требовать отъ ребенка по 10-му году, чтобы онъ разсуждалъ, то же самое, что требовать отъ него, чтобы онъ былъ пяти футовъ росту. И къ чему послужилъ бы разсудокъ въ этомъ возрастѣ? Вѣдь онъ служитъ уздою для силы, а ребенокъ еще не нуждается въ уздѣ. Стараясь внушить питомцу долгъ повиновенія, прибѣгаютъ обыкновенно къ насилію, угрозамъ или, что еще хуже, къ лести и обѣщаніямъ. Прельщаемые своекорыстіемъ или понуждаемые силою, дѣти и притворяются, будто убѣждены доводами. Вы имъ надоѣли, вы запугали ихъ, и воображаете, будто убѣдили ихъ. Такъ-то пріучаете вы ихъ скрывать

свои тайныя побужденія за мнимыми причинами и дурачить васъ, таить настоящій свой нравъ и при всякомъ удобномъ случаѣ отдѣлываться отъ васъ и отъ другихъ пустыми словами. Дѣтямъ представьте силу, а взрослымъ доводы. Уздою для первыхъ да будетъ желѣзная необходимость, а не людской авторитетъ. Не запрещайте имъ того, отъ чего имъ слѣдуетъ воздержаться, но препятствуйте дѣлать это, безъ разсужденій, безъ пустыхъ доводовъ; разрѣшайте имъ съ перваго слова все, что позволяется вами, безъ всякихъ просьбъ и домогательствъ съ ихъ стороны, и пуще всего безъ всякихъ условій. Разрѣшайте охотно, отказывайте нехотя. Но разъ отказавши, будьте непреклонны; никакая навязчивость да не побудитъ васъ отмѣнить свое „нѣтъ". Тутъ не должно быть середины: либо ничего не требуйте отъ дитяти, либо безъ околичностей склоняйте его къ безусловному повиновенію. Хуже всего если заставляете ребенка колебаться между его и вашею волею и если то и дѣло препираетесь съ нимъ о томъ, кто изъ васъ нáбольшій. Во сто кратъ лучше, если дитя хоть навсегда будетъ нáбольшимъ!—Съ тѣхъ поръ какъ воспитываютъ дѣтей, не придумали иныхъ средствъ руководить ими, какъ соперничество, зависть, ревность, алчность, принижающій страхъ, все легко возбуждаемыя, самыя опасныя, самыя душегубныя страсти. Вмѣстѣ съ каждымъ опрометчивымъ правиломъ, какое внушается ихъ уму, вы внѣдряете въ ихъ сердце порокъ. Безтолковые учителя воображаютъ, что учинили невѣсть какое чудо, если имъ удалось разозлить дѣтей, внушая имъ понятіе о добрѣ. И они преважно прибавляютъ при этомъ; „таковъ ужь человѣкъ." Да, вы дѣйствительно сдѣлали его такимъ. Ваши нескончаемыя наставленія стѣсняютъ дѣтей; и вотъ они за спиной у васъ вознаграждаютъ себя разными шалостями.—Дитя можетъ причинить зло, отнюдь не злобствуя, т. е. безъ умысла нанести вредъ. Въ человѣческомъ сердцѣ нѣтъ коренной порчи; въ немъ нѣтъ ни одного порока, про который нельзя бы было доказать, какъ и какимъ путемъ онъ проникъ туда. Единственная прирожденная страсть это—себялюбіе, которое отъ природы хорошо и полезно; но вслѣдствіе примѣненія, какое изъ него дѣлается, и вслѣдствіе отношеній какія ему придаются, изъ него и выходитъ либо добро, либо зло. А потому первоначальное воспитаніе можетъ быть только чисто отрицательнымъ. Оно состоитъ не въ томъ, чтобы научили уличать добродѣтель и порокъ, но въ томъ чтобы предохранить сердце отъ пороковъ и умъ отъ заблужденій. Еслибъ вы могли ничего не дѣлать и заставлять вашего питомца не дѣлать ничего, еслибъ вы до

двѣнадцатилѣтняго возраста сохранили его здоровымъ и сильнымъ, и онъ не сумѣлъ бы отличить правой руки отъ лѣвой, пока ваше первое преподаваніе не открыло очей его разсудка, т. е. разума: то онъ былъ бы безъ предубѣжденій, безъ привычекъ и въ немъ ничто не препятствовало бы успѣху его трудовъ. Онъ подъ вашимъ руководствомъ скоро сталъ бы самымъ разсудительнымъ человѣкомъ, и благодаря тому, что сначала онъ былъ предоставленъ самому себѣ, вы совершили бы чудо воспитанія. Дѣлайте только обратное обиходному и вы почти всегда будете поступать правильно. Изъ ребенка хотятъ сдѣлать не ребенка, а ученаго, и оттого постоянныя порицанія, ласки, угрозы и пересуды отцовъ и учителей. А вы поступайте иначе! Будьте сами разумны, но не толкуйте съ вашимъ питомцемъ о разумѣ, а пуще всего не заставляйте его хвалить то, что ему не нравится: потому что впутывать разумъ постоянно только въ непріятныя дѣла, значитъ докучать имъ и заранѣе возбудить къ нему недовѣріе въ душѣ неспособной еще постичь его. Упражняйте тѣло, члены, чувства и силы питомца, но оставьте духъ его неприкосновеннымъ до тѣхъ поръ, пока онъ способенъ воздержаться. Избѣгайте всякихъ мыслей, превышающихъ разсудокъ, потому что вѣдь послѣдній только и способенъ оцѣнить ихъ. Сдерживайте впечатлѣнія извнѣ, предохраните отъ нихъ ребенка и чтобы помѣшать зародиться злу, не торопитесь сдѣлать его добрымъ; потому что онъ никогда имъ не будетъ, пока не освѣтитъ его разумъ. Словомъ, хотя бы извѣстное наставленіе и было необходимо для дѣтей, все-таки избѣгайте сообщать его сегодня, если не опасаясь можете отложить до завтра. Такою медлительною осторожностью вы выгадаете время и успѣете ознакомиться съ выступающею исподоволь своеобразностью вашего воспитанника, прежде чѣмъ приметесь руководить его и второпяхъ надѣлаете промаховъ. У каждой души своеобразный складъ, согласно съ которымъ и слѣдуетъ обращаться съ нею: и если будемъ обращаться съ нею именно въ этомъ извѣстномъ видѣ, а не въ другомъ, то можно надѣяться, что потраченные труды наши увѣнчаются успѣхомъ. Если хочешь поступить умно, то приглядывайся побольше къ природѣ: наблюдай тщательно за твоимъ воспитаникомъ, прежде чѣмъ вздумаешь сказать ему первое слово; пусть зародышъ нрава его обнаружится сперва на полной свободѣ; не стѣсняй его ни въ чемъ, для того чтобы повозможности лучше разгадать его вполнѣ. Въ первые года пожертвуй нѣкоторымъ временемъ, ты его опять воротишь съ лихвою въ позднѣйшемъ возрастѣ. Умный врачъ не прописываетъ лѣкарства зря съ перваго раза; напротивъ, прежде чѣмъ прописать

онъ изучаетъ натуру больного; онъ позже приступаетъ къ лѣченью, за то исцѣляетъ, тогда какъ опрометчивый врачъ губитъ паціэнта. Наши первыя обязанности касаются насъ самихъ; средоточіемъ нашихъ первыхъ чувствованій служитъ наше собственное Я; всѣ наши естественныя побужденія съ самаго начала относятся къ самосохранію и нашему здоровью. Точно такъ первое понятіе о правѣ состоитъ не въ томъ, чѣмъ мы обязаны другимъ, а въ томъ, на что сами имѣемъ притязаніе. Безразсудно бы было поэтому говорить дѣтямъ о ихъ долгѣ, а не о правахъ ихъ, такъ какъ у ребенка первое понятіе о правѣ проистекаетъ не изъ того, къ чему онъ обязанъ, но изъ того, чѣмъ другіе ему обязаны. Прежде всего необходимо сообщить ему идею не о свободѣ, но скорѣе о собственности, для того чтобы онъ имѣлъ понятіе объ ней, ему слѣдуетъ обладать чѣмъ-нибудь. Всякому возрасту, а особенно дѣтскому, хочется творить, подражать, производить: пусть же онъ и добываетъ себѣ собственность!—но заодно съ собственностью, съ договорами и обязанностями порождаются также обманъ и ложь. Во всякой лжи дѣтей повинны учителя. Зачѣмъ они вынуждаютъ такъ много обѣщаній? зачѣмъ, когда что-нибудь случилось, допрашиваютъ такъ строго? Возбуждая нашимъ обученіемъ только способности нашихъ воспитанниковъ, мы, напротивъ того, не требуемъ отъ нихъ истины, изъ опасенія, какъ бы они не исказили ее; мы и не заставляемъ ихъ также обѣщать что-нибудь, чего они впослѣдствіи могли бы и не исполнить. Тоже относится и къ другимъ нравственнымъ требованьямъ, предписываемымъ имъ въ такомъ видѣ, что они для нихъ не только ненавистны, но даже неисполнимы.—Для того чтобы дѣтей сдѣлать благочестивыми, водятъ ихъ въ церковь, гдѣ они скучаютъ. Заставляя ихъ то и дѣло бормотать молитвы, мы пробуждаемъ въ нихъ желаніе дожить до блаженнаго состоянія, когда они не обязаны болѣе молиться Богу. Чтобы внушить сострадапіе, заставляютъ ихъ раздавать милостыню, какъ будто сами гнушаются этимъ: раздавать ее слѣдуетъ не ребенку, а учителю. И что въ самомъ дѣлѣ даетъ дитя? Деньги не имѣющія для него никакой цѣны, или что-нибудь такое, что ему навѣрное опять вознаградится. Единственное нравственное правило для дѣтей слѣдующее: Не дѣлай никому зла. Даже заповѣдь, творить добро, опасна, лжива и полна противорѣчій. Кому бы не хотѣлось дѣлать добра? Всѣ дѣлаютъ его, злодѣй точно такъ же, какъ и другіе люди; онъ осчастливитъ одного въ ущербъ сотни несчастныхъ, отчего и происходятъ всѣ наши бѣдствія. Самыя выспреннія добродѣтели бываютъ отрицательнаго свойства: онѣ же и самыя трудныя, оттого

что превыше всякаго хвастовства и превыше даже сладостной утѣхи человѣческаго сердца оставить кого-нибудь счастливымъ по себѣ.—

Обращайтесь съ ребенкомъ, сообразуясь съ его возрастомъ, и остерегитесь истощить его силы, черезъ чуръ напрягая ихъ. Если молодой умъ горячится, если вы замѣтите, что онъ начинаетъ волноваться: то пусть его сначала перебродитъ на свободѣ; но никогда не возбуждайте его, изъ опасенія, какъ бы не испарилось все окончательно. И когда разлетятся первые порывы, то сдерживайте другіе, осадите ихъ, пока съ годами не обратятся они въ животворящую теплоту и въ дѣйствительную силу. Пока дитя не достигло разсудка, до тѣхъ поръ оно воспринимаетъ и усвоиваетъ себѣ лишь картины, звуки, образы, впечатлѣнія, рѣдко идеи, а еще рѣже сочетанія послѣднихъ; неспособное еще разсуждать, оно и не обладаетъ настоящею памятью, оттого что память и разсудокъ, хотя и отличаются другъ отъ друга, но развиваются все-таки вмѣстѣ. Представленія не что иное какъ образовавшіеся въ насъ оттиски чувственныхъ предметовъ; идеи же суть понятія о предметахъ, опредѣляемыя отношеніями. А потому всякое преподаваніе должно начаться съ реальныхъ знаній. Какъ бы тони было, но я не вѣрю, что кто-нибудь изъ дѣтей, за исключеніемъ развѣ чуда-ребенка, дѣйствительно изучилъ два языка до наступленія двѣнадцати или пятнадцати-лѣтняго возраста. Вѣдь всякій языкъ отличается своеобразнымъ духомъ, а мысли принимаютъ оттѣнки нарѣчій. Пока ребенокъ не достигъ разсудка, до тѣхъ поръ онъ владѣетъ единственно своимъ роднымъ языкомъ. Для того чтобы владѣть двумя языками, онъ долженъ быть въ состояніи сравнивать между собою идеи.—Во всякой наукѣ знаніе знаковъ безъ знанія означаемыхъ ими предметовъ ничтожно. А при всемъ томъ дѣтей постоянно ограничиваютъ этими знаками, не давая имъ никакого понятія объ изображаемыхъ ими предметахъ. Иные воображаютъ, будто преподаютъ имъ описаніе земли, показывая карты и сообщая означенныя тамъ имена странъ, мѣстностей и пр., существующія для ребенка, конечно, только на бумагѣ, на которой ихъ показываютъ. Преподаютъ историческія событія, смыслъ и взаимная связь которыхъ непонятны ученику. Неужели думаютъ, что истинное пониманіе событій можно отдѣлить отъ ихъ причинъ и слѣдствій, и историку нѣтъ никакого дѣла до нравственнаго начала, какъ будто можно одно безъ другого понять?—Чтеніе такое же зловредное занятіе для дѣтей. Эмилю до 12-ти лѣтняго возраста почти вовсе и знать не слѣдуетъ, что такое книга. Самое важное средство облегчить обученіе грамотѣ состоитъ

въ томъ, чтобы учитель возбудилъ въ воспитанникѣ интересъ къ чтенію. Чѣмъ менѣе дѣтей подгоняютъ и понуждаютъ къ какому-нибудь дѣлу, тѣмъ вѣрнѣе оно достигается. Именно потому что я такъ мало забочусь о томъ, умѣетъ-ли отрокъ до 15-ти лѣтняго возраста читать, онъ, можетъ быть, и на 10-мъ году уже выучится чтенію и письму. Обыкновенно достигается навѣрняка и очень скоро то, чего добиваются не торопясь.

Соблюдайте правила, прямо противорѣчащія обиходнымъ; старайтесь всегда поддерживать въ вашемъ воспитанникѣ сосредоточенность и вниманіе къ тому, что касается непосредственно его самого, вмѣсто того чтобы заставлять его то и дѣло блуждать по инымъ климатамъ, по инымъ эпохамъ и до предѣловъ земли, даже до небесъ: тогда впослѣдствіи онъ окажется способнымъ все понимать и удерживать въ памяти, даже дѣлать умозаключенія. Таковъ урядъ природы. По мѣрѣ того какъ одаренное чувствомъ существо начинаетъ дѣйствовать, оно пріобрѣтаетъ также и соразмѣрный съ своими силами разсудокъ; но только тогда, когда окажется необходимый для его сохраненія избытокъ силы, разовьется въ немъ также и умозрѣніе, способное употребить этотъ избытокъ силы на другое полезное дѣло. Итакъ, если хотите развить умъ вашего воспитанника, то развивайте силы, надъ которыми предстоитъ господствовать уму. Развивайте постоянно его тѣло, добивайтесь, чтобы онъ былъ сильнымъ и здоровымъ, для того чтобы онъ сталъ мудрымъ и разумнымъ. Пусть онъ работаетъ, возится, бѣгаетъ, кричитъ, пусть находится въ постоянномъ движеніи: лишь бы онъ сдѣлался сперва дюжимъ, тогда скоро будетъ также и разумнымъ человѣкомъ.

Ужасное заблужденіе воображать, будто это наноситъ ущербъ духовному развитію. Дайте только подрости воспитаннику безъ побоевъ и назиданій на каждомъ шагу, такъ чтобы онъ вынужденъ былъ самъ заботиться и думать о себѣ, то онъ навѣрное разовьетъ вмѣстѣ и тѣло и душу. Такъ развиваютъ тѣло вольные дикари, но не раболѣпные мужики. Воспитанникъ да совмѣститъ въ себѣ современемъ умъ мудреца съ силою атлета! А потому прежде всего—гимнастическія упражненія. Чтобы укрѣпить его духъ, надо укрѣпить его мышцы; пріучая воспитанника къ труду, мы пріучаемъ его къ боли; пусть его испытаетъ тягости тѣлесныхъ упражненій, чтобы привыкнуть къ болямъ могущихъ случиться вывиховъ и т. п. Потомъ: Всѣ члены подростающаго тѣла должны пользоваться полнымъ просторомъ въ своей одеждѣ; ничто да не мѣшаетъ ихъ движенію, ихъ росту; ничто не должно быть только что впору ребенку, ни приле-

гать плотно къ его тѣлу, ни связывать его. Голову покрывать лишь слегка или даже вовсе обнажать ее во всѣ времена года. Но вредно вспотѣвши пить холодную воду. Дѣтей слѣдовало бы пріучать скорѣе къ холоду, нежели къ теплу. Они нуждаются въ долгомъ снѣ, оттого что совершаютъ чрезвычайно много движеній. Но мягкая постель, гдѣ утопаютъ въ перьяхъ и пухѣ, ослабляетъ тѣло, какъ бы разлагая его. Въ водѣ они должны двигаться такъ же надежно, какъ и на сушѣ.

Дитя ростомъ меньше мужчины; оно не обладаетъ ни силою, ни разумомъ послѣдняго; однако видитъ и слышитъ все такъ же, или почти такъ же хорошо, какъ и онъ. У него такой же тонкій, хотя не такой избалованный вкусъ, какъ у взрослаго; оно такъ же хорошо обоняетъ, хотя и не вноситъ въ это чувственнаго наслажденія. Первыя образующіяся и развивающіяся въ насъ способности суть чувства. Потому усовершенствованіе ихъ и надо бы прежде всего имѣть въ виду; а ихъ-то именно забываютъ и запускаютъ болѣе всего. Упражняйте не только силы дѣтей, упражняйте всѣ правящія силами чувства, пользуйтесь по возможности каждымъ изъ нихъ повѣряйте впечатлѣнія одного чувства другими. Измѣряйте, считайте, взвѣшивайте, сравнивайте!— Слѣпые обладаютъ самымъ тонкимъ осязаніемъ. Зрячіе дѣти точно также могли бы развить его, упражняясь и играя въ темнотѣ, причемъ избавились бы сверхъ того отъ наводимаго во мракѣ дѣятельностью фантазіи страха. Концы пальцевъ должны обладать нѣжною кожею и чувствительностью; осязаніемъ многое узнается яснѣе и точнѣе чѣмъ зрѣніемъ. А потому, хотя чрезвычайно важно закалить кожу отъ вліяній воздуха и выносить его перемѣны, но мнѣ все-таки не хотѣлось бы, чтобы рука вполнѣ рабски предавалась одной и той же работѣ и затвердѣла. Ступни напротивъ того необходимо закалить для ходьбы босикомъ. Зрѣніе часто ошибается вслѣдствіе обширнаго поля своего и разнообразія обнимаемыхъ имъ предметовъ; оно вовлекаетъ въ опрометчивыя сужденія. Зрѣніе необходимо долгое время сопоставлять съ осязаніемъ, чтобы пріучить глазъ передавать намъ вѣрныя свѣдѣнья о формахъ и разстояніяхъ. Безъ ощупыванья, безъ правильнаго передвиженія самые зоркіе глаза въ мірѣ не могли бы дать намъ никакого понятія о пространствѣ. Только при помощи ходьбы, ощупи, счета, измѣренія протяженій пріучаемся мы узнавать величину ихъ. Итакъ, дѣтей необходимо упражнять въ оцѣнкѣ размѣровъ и разстояній, подобно тому, какъ упражняются архитекторы, землемѣры и пр. Къ упражненіямъ такого рода оцѣнки примыкаетъ рисованіе дѣтей, вполнѣ основанное на законахъ перспективы. Но заставляйте рисовать не по

рисункамъ, а съ натуры. При этомъ имѣется скорѣе въ виду, чтобы воспитанникъ научился вѣрно смотрѣть и схватывать, чѣмъ художественно рисовать. Геометрія, подобно рисованью, для дѣтей прежде всего искусство зрѣнія, основанное на наглядности. Изготовьте точныя фигуры, составляйте ихъ вмѣстѣ, накладывайте одну на другую, изслѣдывайте ихъ отношенія. Переходя отъ наблюденія къ наблюденію, вы изложите всю элементарную геометрію, не упоминая вовсе ни объ опредѣленіяхъ, ни о проблемахъ, ни о какомъ либо иномъ способѣ доказательствъ, исключая наложенія. Пусть дитя сравниваетъ между собою единовременныя впечатлѣнія зрѣнія и слуха. Такъ напр. оно замѣтитъ, что всегда прежде видно молнію, а затѣмъ слышенъ громъ. Голосъ, какъ активный органъ, отвѣчаетъ пассивному—слуху; оба взаимно развиваютъ другъ друга. Вашъ воспитанникъ да выражается просто. Пріучайте его говорить безъ запинки, внятно, непринужденно и громко, такъ чтобы его понимали; научите его пѣть вѣрно и благозвучно, но только не оперу; образуйте его слухъ для такта и гармоніи. У дѣтей необходимо сохранить первобытный вкусъ ихъ. Пища да будетъ обыденная и простая, не пикантная; мясная пища не про нихъ. При такой простой пищѣ пусть ихъ ѣдятъ, сколько хотятъ.—Обоняніе относится ко вкусу, какъ зрѣніе къ осязанію. У дѣтей оно не очень дѣятельно.—Изъ надлежащаго употребленія остальныхъ чувствъ вытекаетъ шестое, а именно общее чувство. Оно помѣщается въ мозгу; его внутреннія ощущенія называются понятіями или идеями. Количествомъ этихъ идей опредѣляется объемъ нашихъ познаній; точность и ясность ихъ называютъ человѣческимъ разумомъ. Чувственный или дѣтскій разумъ составляетъ простыя идеи совокупленіемъ многихъ чувственныхъ впечатлѣній; интеллектуальный или зрѣлый разумъ образуетъ составныя идеи изъ слiянія многихъ простыхъ понятій. Развивайте въ общемъ чувствѣ пока однѣ только простыя идеи дитяти!

При такомъ воспитаніи Эмилю исполнилось двѣнадцать лѣтъ отъ роду. Какой ступени развитія достигъ онъ теперь?—Его видъ, его жесты, его осанка обнаруживаютъ твердость и увѣренность. У него открытый и свободный, но не надменный и не суетный нравъ, онъ говоритъ наивно, просто и не болтаетъ попусту. Его понятія ограничены, но опредѣленны; онъ ничего не вытвердилъ наизусть, но знаетъ многое по опыту. Хотя онъ плохо разбираетъ наши книги, за то тѣмъ лучше читаетъ въ книгѣ природы; умъ его не на языкѣ, но въ головѣ; у него памяти менѣе нежели разсудка; онъ говоритъ только на одномъ языкѣ, но понимаетъ то, что говоритъ, и если выражается не такъ красно, какъ другіе, то поступаетъ все-таки лучше ихъ.

Рутины, обычая, навыка онъ знать не знаетъ; вчерашній поступокъ его не обусловливаетъ нынѣшняго; онъ никогда не сообразуется съ формальностью. Онъ не стѣсняется ни авторитетомъ, ни примѣромъ; но поступаетъ и говоритъ, какъ ему ловче. Его выраженіе отвѣчаетъ его понятіямъ, его поведеніе вытекаетъ изъ его наклонностей. У него мало понятій, но они отвѣчаютъ его возрасту. Поговорите съ нимъ о свободѣ, о собственности, о взаимныхъ соглашеніяхъ, —и онъ пойметъ васъ; но сверхъ этого онъ ничего болѣе не знаетъ. Если вы заговорите съ нимъ о долгѣ, о послушаніи, то онъ не будетъ знать, чего вы отъ него хотите; прикажите ему что-нибудь, и онъ не пойметъ васъ; но скажите ему: сдѣлай мнѣ одолженіе, я при случаѣ тебѣ отплачу тѣмъ же, — онъ тотчасъ же постарается исполнить ваше желаніе; потому что для него, какъ нельзя болѣе пріятно расширить свое господство и свои притязанія, которыя онъ считаетъ ненарушимыми. Если онъ самъ нуждается въ помощи, то обращается къ первому встрѣчному, будь то хоть царь, хоть слуга; въ его глазахъ всѣ люди равны. Но по роду и способу его просьбы можно замѣтить, что онъ самъ чувствуетъ, что никто не обязанъ исполнять его просьбу. Онъ выражается просто и сжато, ни подобострастно, ни высокомѣрно. Если вы исполните его просьбу, онъ не поблагодаритъ васъ, но будетъ считать себя вашимъ должникомъ; если вы откажете ему, онъ не станетъ ни жаловаться, ни приставать къ вамъ, но просто помирится съ этимъ. Живой, бодрый, онъ не примется за дѣло превышающее его силы, которыя онъ испыталъ и знаетъ. У него внимательный, умный взглядъ: онъ не предлагаетъ пустыхъ вопросовъ обо всемъ, что видитъ, но изслѣдуетъ самъ. Занимается ли онъ чѣмъ-нибудь или играетъ,— для него и то и другое все равно: игры для него тѣ же занятія; онъ не видитъ никакой разницы между ними. Онъ мастеръ бѣгать, прыгать, узнавать разстоянія. Онъ способенъ руководить своихъ сверстниковъ своимъ дарованіемъ и опытомъ, безъ всякаго поползновенія на авторитетъ. Вовсе не желая повелѣвать, онъ станетъ во главѣ другихъ; они будутъ повиноваться ему, не замѣчая этого. Онъ зрѣлое дитя и провелъ дѣтскую жизнь, не поступившись своимъ счастіемъ ради образованія. Если-бъ смерть скосила въ немъ зародышъ нашихъ надеждъ, мы все-таки оплакивали-бы только смерть его, а не его жизнь. На развившагося такимъ образомъ отрока обыкновенные люди не обращаютъ конечно вниманія; они видятъ въ немъ только повѣсу. Учитель не можетъ блеснуть имъ, выспросить его о чемъ нибудь, а вѣдь этимъ большею частью ограничивается методъ обученія. Мой воспитанникъ не очень богатъ, ему не придется проживать имѣнья, ему нечего предъ-

явить кромѣ самого себя. Но вѣдь ребенка, точно такъ же какъ и мужа, сразу не разгадаешь. Гдѣ тѣ наблюдатели, которые тотчасъ съ перваго взгляда схватывали бы характеристическія черты? Бываютъ такіе люди, но рѣдко, а изъ десяти тысячъ отцовъ едва ли найдется хоть одинъ, которому далось бы это.

Эмиль отъ двѣнадцати и до пятнадцатилѣтняго возраста.

На двѣнадцатомъ и тринадцатомъ году отъ роду силы отрока развиваются быстрѣе, нежели его похоти. Онъ находитъ вокругъ себя все, что ему нужно; его не тревожитъ еще никакая воображаемая потребность; мечты не имѣютъ надъ нимъ никакой власти; его желанія простираются лишь настолько, насколько хватаетъ его рукъ; онъ въ состояніи удовлетворить не только самому себѣ, но у него даже болѣе силъ, чѣмъ ему нужно. Это эпоха сравнительно наибольшей силы его. Этотъ избытокъ своего теперешняго бытія онъ сложитъ на будущее время и сохранитъ этотъ добытокъ въ своихъ рукахъ, въ своей головѣ, въ самомъ себѣ. Итакъ, это пора труда, накапленія знаній и ученія. Различныя способности и силы оживляются однимъ и тѣмъ же природнымъ побудомъ. Дѣятельности тѣла, порывающагося къ развитію, отвѣчаетъ дѣятельность духа, стремящагося къ обученію. Сначала дѣтямъ нужно только перебѣситься, а потомъ они становятся любопытны. Съ этихъ поръ отрокъ руководится любопытствомъ—это вполнѣ свойственный человѣческому духу принципъ, развитіе котораго происходитъ впрочемъ лишь по мѣрѣ нашихъ страстей и нашихъ разумѣній. Въ этотъ періодъ здоровья и силы насъ побуждаетъ потребность расширить свое существованіе, порываться наружу изъ самихъ себя. Но вѣдь намъ невѣдомъ еще духовный міръ, а потому и мысль наша простирается не далѣе нашего взора; нашъ умъ расширяется заодно съ измѣряемымъ имъ пространствомъ. Изъ чувственныхъ впечатлѣній теперь должны образоваться понятія; но только не вдругъ перескакивайте отъ чувственыхъ предметовъ къ нравственному міру. Только путемъ первыхъ переходите къ послѣднему. Не требуется никакой иной книги помимо дѣйствительнаго міра; никакого иного обученія помимо фактовъ. Воспитанникъ да познаетъ все, не потому что вы ему это сказали, а потому что онъ понялъ это; пускай его не учится наукѣ, но изобрѣтаетъ ее. Если вы ему станете навязывать авторитетъ вмѣсто доводовъ, — онъ не будетъ уже самъ мыслить, а сдѣлается игралищемъ чужихъ мнѣній. Начатки астрономіи передайте ему ясно и просто; обра-

тите его вниманіе на точки восхода и заката солнца и пусть его обдумаетъ, какимъ путемъ солнце съ запада возвращается къ востоку; наблюденіе надъ движеніемъ его по небу съ востока на западъ намекаетъ уже на отвѣтъ. Географическое преподаваніе начните съ вашего жилища и мѣстопребыванія. Пусть воспитанникъ чертитъ карты окрестностей, чтобы узнать, какъ составляются карты и что онѣ изображаютъ. Дѣло не въ томъ только, чтобы обучить отрока наукамъ, а скорѣе въ томъ чтобы внушить ему охоту къ нимъ и сообщить методъ для ихъ изученія, когда охота его разовьется еще болѣе. Въ этомъ возрастѣ надо также пріучать его изслѣдовать предметъ съ настойчивымъ вниманіемъ, но отнюдь не до пресыщенья. Если онъ изъ любознательности предлагаетъ вопросъ, то отвѣтьте ему насколько нужно, чтобы подстрекнуть его любопытство, но да не докучаетъ онъ вамъ безпрестанными, пустыми вопросами. Философія развиваетъ науки изъ принциповъ, но учебный методъ поступаетъ иначе. Тутъ какой нибудь единичный предметъ указываетъ и ведетъ къ слѣдующему, а ужъ тамъ любознательность приковываетъ вниманіе. Обучать физикѣ начните съ простѣйшихъ опытовъ, но отнюдь не съ снарядами. Послѣдніе должны скорѣе вытекать изъ самыхъ опытовъ и даже изготовляться самимъ учителемъ и его воспитанникомъ, хотя бы и весьма еще несовершенные. Такою самостоятельною дѣятельностью пріобрѣтаются болѣе ясныя и вѣрныя понятія. Изыскивая законы природы, начинайте всегда съ болѣе общихъ и очевидныхъ явленій.

Упражняя сначала тѣло и чувства воспитанника, мы вмѣстѣ съ тѣмъ развили его умъ и разсудокъ. Наконецъ мы научили его употреблять свои члены въ услугу его способностей. Притомъ онъ всегда учился лишь тому, что необходимо знать въ его возрастѣ, не захватывая впередъ того, что нужно лишь для позднѣйшихъ лѣтъ. Но, возражаете вы, развѣ можно изучать необходимое лишь въ тотъ самый моментъ, когда надо примѣнять его? Не знаю; но знаю только то, что прежде его нельзя изучить, потому что наши настоящіе наставники — это опытъ и чувство, и только благодаря извѣстнымъ положеніямъ, какія приходится переживать человѣку, научается онъ настоящему дѣлу. Внушивъ воспитаннику понятіе о полезности, мы вмѣстѣ съ тѣмъ пріобрѣли новое средство руководить имъ; онъ постигаетъ, что это слово касается его настоящаго благосостоянія. Какая польза отъ этого? Вотъ освященное слово, которымъ съ этихъ поръ обусловливается всякое дѣло между учителемъ и ученикомъ; этимъ вопросомъ первый отклоняетъ отъ себя много безполезныхъ вопросовъ ученика; но тотъ же вопросъ при каждомъ удобномъ случаѣ ученикъ

предлагаетъ учителю. Если на вопросы ученика у учителя нѣтъ отвѣта подъ рукой, то пусть онъ такъ и скажетъ безъ околичностей. Вообще избѣгайте всякихъ дальнихъ объясненій, даваемыхъ часто учителями лишь для того, чтобы показать себя передъ взрослыми посѣтителями. Оставайтесь при дѣлѣ. Мы придаемъ слишкомъ много вѣсу словамъ, и наше многорѣчивое воспитаніе образуетъ болтуновъ. Мальчикъ, дѣйствительно заблудившись, скорѣе пойметъ, почему полезно оріентироваться по солнцу, чѣмъ слушая подробныя толкованія. По мѣрѣ возможности учите путемъ опыта. Лучше-бы отрокъ совсѣмъ не учился тому, что усвоивается имъ лишь напряженіемъ его тщеславія. Не нужно ни соперниковъ, ни соревнованія, ни даже въ бѣгѣ, коль скоро отрокъ пользуется своимъ умомъ. По мнѣ во сто разъ лучше, если дитя ничему не научится, чѣмъ если оно будетъ учиться изъ ревности или честолюбія. Однако я изъ года въ годъ стану слѣдить за дѣйствительными успѣхами отрока; я сопоставлю ихъ съ успѣхами слѣдующаго затѣмъ года и скажу ему: Ты выросъ на столько-то дюймовъ и пр. Я подстрекну его, не возбудивъ въ немъ зависти къ кому бы то ни было. Онъ захочетъ превзойти самого себя; и пускай его: я не вижу никакого вреда въ томъ, что онъ соревнуетъ самому себѣ.— Я ненавижу книги: Изъ книгъ учатся говорить о вещахъ, которыхъ не понимаютъ. Одинъ только Робинсонъ Крузо да составляетъ всю библіотеку воспитанника. Пусть учитель посѣщаетъ съ воспитанникомъ мастерскія, пусть заставляетъ его самого приниматься за дѣло, такимъ образомъ послѣдній научится всему гораздо лучше, нежели посредствомъ долгихъ объясненій. Онъ научится въ то же время уважать истинно полезныхъ ремесленниковъ болѣе, нежели выше чтимыхъ въ свѣтѣ такъ называемыхъ художниковъ. Слесаря онъ да поставитъ выше золотыхъ дѣлъ мастера. Да оцѣниваетъ онъ всякій человѣческій трудъ и точно также всякія естественныя произведенія по мѣрѣ того, какъ они способствуютъ къ его пользѣ, безопасности и благосостоянію. Земледѣліе конечно превосходнѣйшій изъ всѣхъ промысловъ; но, когда наступаютъ трудныя времена, то ремесленникъ стоитъ независимѣе. Пусть поэтому вашъ сынъ изучитъ честное, т. е. полезное ремесло, напр. столярное, хоть бы и для того только, чтобы преодолѣть всякія предубѣжденія противъ ремесла. Но берегитесь, какъ бы, преодолѣвая одну суетность, не породить новой.—До сихъ поръ я вмѣстѣ съ навыкомъ къ тѣлеснымъ упражненіямъ и ручной работѣ незамѣтно сообщилъ моему воспитаннику охоту къ размышленію и умствованію, чтобы дать противовѣсъ лѣни, могущей возникнуть въ немъ при его равнодушіи къ сужденіямъ другихъ людей и при отсутствіи въ немъ страстей. Онъ

долженъ работать какъ мужикъ, но мыслить какъ философъ, чтобы не излѣниться подобно дикарю. Устроить все такимъ образомъ, чтобы тѣлесныя и духовныя упражненія постоянно служили отдыхомъ другъ для друга—вотъ великая тайна воспитанія.

Мы образовали изъ нашего воспитанника дѣятельное и мыслящее существо; чтобы довершить человѣка намъ слѣдуетъ сдѣлать изъ него еще любящее и чувствующее, т. е. умъ его восполнить чувствомъ. Прежде у воспитанника были только чувственныя ощущенія, теперь, онъ обладаетъ понятіями и разсуждаетъ. И точно, по сравненіи многихъ слѣдующихъ другъ за другомъ или одновременныхъ чувственныхъ впечатлѣній и вслѣдствіе сужденія объ нихъ возникаетъ нѣкотораго рода составное ощущеніе, понятіе. При чувственномъ впечатлѣніи разсудокъ просто бездѣйствуетъ, онъ подтверждаетъ только, что мы дѣйствительно ощущаемъ извѣстное чувство; при понятіи или идеѣ дѣйствуетъ уже разсудокъ: онъ сопоставляетъ, сравниваетъ, опредѣляетъ отношенія, которыя не опредѣляются чувствомъ. Лучшій методъ научиться вѣрному сужденію состоитъ въ томъ, чтобы по возможности упростить наблюденія и даже совсѣмъ обходиться безъ нихъ, но не впадая оттого въ заблужденія. Отсюда слѣдуетъ, если мы въ теченіе долгаго времени сообщаемыя намъ однимъ чувствомъ явленія подтверждали другимъ, то должны научиться также судить объ этихъ явленіяхъ, пользуясь уже однимъ только чувствомъ и не прибѣгая вовсе къ другому. Тогда каждое наше чувственное постиженіе обратится для насъ въ понятіе, и это понятіе будетъ всегда согласно съ дѣйствительностью. Вотъ цѣль, поставляемая мною для третьяго возраста человѣческой жизни.

Итакъ, на пятнадцатилѣтнемъ возрастѣ образованіе Эмиля находится въ слѣдующемъ состояніи: Вынужденный учиться самъ собою, онъ пользуется своимъ собственнымъ, а не чужимъ умомъ, и ни во что не ставитъ авторитета. Вѣдь большая часть нашихъ заблужденій проистекаетъ не столько отъ насъ самихъ, сколько отъ постороннихъ. Благодаря такому постоянному упражненію духъ его обладаетъ крѣпостью, подобною той, какую тѣло пріобрѣтаетъ работой и трудомъ. Вслѣдствіе этого онъ и преуспѣваетъ лишь по мѣрѣ того, какъ прибываютъ его силы. Вѣдь духъ, точно такъ же какъ и тѣло, выноситъ лишь столько, насколько хватаетъ его способностей. Если умъ усвоиваетъ себѣ предметы прежде, нежели они сданы памяти, то и все выводимое имъ изъ этого составляетъ его собственность; тогда какъ напротивъ, если память набивается безъ соучастія ума, мы подвергаемся опасности никогда не пріобрѣсти ничего, что могли бы на-

звать своею собственностью. У Эмиля правда еще немного знаній, но у него нѣтъ полузнаній. Онъ знаетъ, что онъ многаго еще не знаетъ; умъ у него всеобъемлющій, не относительно его познаній, но относительно способности пріобрѣтать познанія,—открытый, рѣшительный, и если еще не обученый, то способный обучаться. Во всемъ, что онъ дѣлаетъ, онъ знаетъ, къ чему оно служитъ; во всемъ, чему вѣритъ, онъ знаетъ, почему вѣритъ. Онъ подвигается медленно, но вѣрно впередъ. Онъ обладаетъ лишь естественными знаніями, но не историческими: о метафизикѣ и нравоученіи Эмиль ничего еще не знаетъ. Онъ почти не умѣетъ обобщать идеи и выводить отвлеченности; онъ подмѣчаетъ общія многимъ тѣламъ свойства, не разсуждая о сущности этихъ свойствъ. Что ему чуждо, то оцѣниваетъ онъ лишь по отношенію къ самому себѣ, но эта оцѣнка и точна и вѣрна. Что полезнѣе всего, то ставитъ онъ и выше всего и не придаетъ никакого значенія чужимъ мнѣніямъ. Эмиль трудолюбивъ, умѣренъ, терпѣливъ, твердъ и отваженъ. Его отнюдь не пылкое воображеніе никогда не преувеличиваетъ опасностей, онъ твердо переноситъ страданія, оттого что его не пріучали роптать на судьбу. Онъ еще не знаетъ, что такое смерть; но привыкши безпрекословно покоряться закону необходимости, когда ему придется умирать, онъ умретъ, не сѣтуя. Жить свободно, не льнуть сердцемъ къ человѣческимъ вещамъ, вотъ самое вѣрное средство научиться умереть. Словомъ, Эмиль по части добродѣтели обладаетъ всѣмъ, что имѣетъ отношеніе къ нему самому. Для того, чтобы пріобрѣсть также и общественныя добродѣтели, ему недостаетъ только требуемаго ими знанія условій, т. е. одного только пониманія, для усвоенія котораго умъ его вполнѣ подготовленъ. Онъ смотритъ на себя, не обращая вниманія на другихъ, и находитъ въ порядкѣ вещей, что другіе также объ немъ не заботятся. Онъ ни на кого не предъявляетъ никакихъ требованій и думаетъ, что никому ничѣмъ не одолженъ. Находясь одинокимъ въ обществѣ, онъ полагается только на самого себя, и можетъ дѣлать это скорѣе всякаго иного въ его возрастѣ, потому что дѣйствительно онъ вполнѣ такой, какимъ слѣдуетъ быть въ его лѣта. У него нѣтъ ни заблужденій, ни пороковъ, исключая неизбѣжныхъ. Тѣло его здоровое, члены ловкіе, умъ правильный и безъ предразсудковъ, сердце свободное и безъ страстей. Въ немъ едва только возникло себялюбіе, эта первая и самая естественная изъ всѣхъ страстей. Не нарушая покоя другихъ, онъ прожилъ въ счастіи, довольствѣ и свободно настолько, насколько то допускается природою. Полагаете ли вы, что вступившій такимъ образомъ въ свой пятнадцатилѣтній возрастъ отрокъ даромъ потратилъ свои ранніе годы?

Эмиль съ пятнадцатилѣтняго возраста до его женитьбы.

Человѣкъ не созданъ для того, чтобы вѣкъ свой оставаться ребенкомъ. Онъ выходитъ изъ этого состоянія въ положенный отъ природы срокъ. Физіономія его развивается и получаетъ выраженіе. Голосъ мѣняется. Глаза, эти зеркала души, ничего не говорившіе до сихъ поръ, пріобрѣтаютъ языкъ и выраженіе, ихъ озаряетъ возростающій огонь, взглядъ оживляется. Эмиль чувствуетъ теперь, самъ не постигая своего чувства; онъ становится безпокойнымъ безъ причины. Когда его хладнокровіе переходитъ въ бурный порывъ, когда онъ вспылитъ и вслѣдъ затѣмъ опять становится нѣжнымъ, когда безъ причины проливаетъ слезы, когда близъ людей, грозящихъ ему опасностью, живѣе бьется пульсъ его, воспламеняется взоръ, когда коснувшаяся его руки рука женщины возбуждаетъ въ немъ лихорадочную дрожь, когда онъ смущается и робѣетъ при ней: Улиссъ, мой мудрый Улиссъ будь на сторожѣ! Ни на мигъ не отходи отъ кормила, или все погибло! Вѣдь это второе рожденіе: тутъ человѣкъ дѣйствительно возрождается къ жизни и ничто человѣческое ему не чуждо. До сихъ поръ наша заботливость была лишь дѣтскою забавою; теперь она становится крайне важною. Въ эту эпоху обыкновенно заканчиваютъ воспитаніе, тогда какъ наше по настоящему только что начинается. Наступаетъ пора зрѣлости. Вмѣстѣ съ нею просыпаются страсти, источникъ которыхъ въ себялюбіи. Это чувство побуждаетъ всякаго печься о самосохраненіи. Мы добиваемся вслѣдствіе этого всего, что намъ полезно; мы любимъ все, что служитъ въ нашу пользу; мы избѣгаемъ того, что вредитъ намъ; мы ненавидимъ что угрожаетъ намъ бѣдою. Первое чувство ребенка—любовь къ самому себѣ. Второе, вызываемое первымъ,—любовь къ близкимъ ему людямъ; потому что въ состояніи безсилія, въ которомъ онъ находится, его знаніе свѣта ограничивается лицами лишь настолько, насколько они оказываютъ ему помощь и попеченіе. Теперь же наступаетъ его отношеніе къ роду: всякія ощущенія души его порождаются съ этою потребностью. Теперь настала пора ознакомить его съ сущностью его рода: слѣдуетъ конечно не ускорять, но замедлять эту эпоху. Итакъ, заботьтесь о томъ, чтобы дитя не сдѣлалось довременно любопытнымъ. Но если оно любопытствуетъ и спрашиваетъ, то отвѣчайте ему серьезно, коротко, точно, отнюдь не колеблясь, и пуще всего правдиво. Не облыгайте его; скажите ему все, чего и такъ не утаишь навсегда. Когда въ Эмилѣ пробудилось самолюбіе, то онъ сравниваетъ себя съ сверстниками и старается занять между ними первое мѣсто. Теперь пора ознакомить

его съ соціальными условіями, съ естественнымъ и гражданскимъ неравенствомъ людей. Пусть онъ узнаетъ людей въ ихъ общественной личинѣ и подъ нею, жалѣетъ ихъ, но не ненавидитъ. Эмиль да знаетъ, что люди отъ природы добры; но да пойметъ онъ также, какъ они опошляются и извращаются обществомъ. Въ ихъ предубѣжденіяхъ да видитъ онъ источникъ всѣхъ ихъ пороковъ; онъ да побуждается дорожить каждымъ единичнымъ лицомъ, но презирать толпу; пусть замѣчаетъ онъ, что всякій носитъ почти одну и ту же личину, но пусть же и знаетъ, что бываютъ физіономіи гораздо лучше ихъ личины. Чтобы по мѣрѣ способностей ознакомить его съ человѣческимъ сердцемъ, не подвергая опасности его собственнаго, я показалъ бы ему людей издали; я представилъ бы ихъ изъ чуждыхъ эпохъ и поясовъ, словомъ такъ, чтобы онъ видѣлъ передъ собою поприще, не думая о томъ, что онъ самъ когда-нибудь выступитъ на него дѣятелемъ. Настала пора для исторіи. Чтобы узнать людей, надо видѣть ихъ на дѣлѣ. Въ сношеніяхъ съ людьми мы только слышимъ, что они говорятъ; они обнаруживаютъ лишь слова, но скрываютъ дѣйствія. Въ исторіи же они разоблачаются передъ нами, и мы въ состояніи судить объ ихъ дѣлахъ. Изъ исторіи давайте факты молодому человѣку. Пускай онъ самъ обсудитъ ихъ. Только такимъ путемъ онъ пріобрѣтетъ знаніе людей. Если онъ на каждомъ шагу руководится сужденіемъ автора, то смотритъ лишь сквозь чужое стекло, а безъ него онъ ужь ничего и не видитъ болѣе. Изъ всѣхъ древнихъ историковъ Плутархъ лучше всего пригоденъ для юности, особенно также и потому, что онъ не пренебрегаетъ описаніемъ мелкихъ, какъ кажется, чертъ великихъ матерей. Эмиль какъ человѣкъ природы не долженъ увлекаться треволненіями общественной жизни, ни вслѣдствіе страстей, ни вслѣдствіе безумія толпы. Онъ долженъ видѣть все собственными глазами, прочувствовать собственнымъ сердцемъ; никакой авторитетъ не долженъ господствовать надъ нимъ, кромѣ авторитета его разума. Теперь необходимо также ввести его въ міръ религіи. Предоставленные сначала чувственному міру, мы едва воспринимаемъ отвлеченное, чисто интеллектуальное. Богъ недоступенъ нашимъ внѣшнимъ чувствамъ, слово духъ имѣетъ смыслъ только для философа. Единобожіе вышло путемъ обобщенія изъ чувственнаго многобожія. Пятнадцати лѣтъ отъ роду Эмиль еще не знаетъ, есть ли у него душа; пожалуй что на восемнадцатомъ ему еще слишкомъ рано знать это. Если ему придется провѣдать о душѣ прежде настоящей поры, то чего добраго онъ никогда и не будетъ знать ея. Еслибъ мнѣ пришлось символически изобразить глупость, то я пред-

ставилъ бы педанта, обучающаго дѣтей по катехизису. Говорятъ, дѣтей слѣдуетъ воспитывать въ вѣрѣ ихъ отцовъ и доказываютъ, будто она одна истинная, а другія нелѣпы. Но если сила этого довода зависитъ лишь отъ страны, гдѣ онъ приводится, лишь отъ авторитета, который Эмиль ни во что вѣдь не ставитъ—что тогда? Въ какой вѣрѣ воспитать его въ такомъ случаѣ? Вотъ простой отвѣтъ на это: Ни въ какой; мы хотимъ только привести его въ состояніе избрать ту, которую укажутъ ему лучшіе выводы его разума. Эмиль не созданъ для того, чтобы всю жизнь свою провести въ одиночествѣ; онъ членъ общества и долженъ исполнить свои обязанности къ нему. Предназначенный жить съ людьми, онъ долженъ знать ихъ. Онъ знаетъ уже человѣка вообще; а теперь пусть о-знакомится съ личностями. Онъ знаетъ, что дѣлается въ свѣтѣ: теперь ему пора узнать, какъ въ немъ живутъ. Пора показать ему наружность этой обширной сцены, съ тайными пружинами которой онъ уже знакомъ. Находясь за кулисами, онъ видитъ актеровъ, какъ они переодѣваются, онъ видитъ, какими грубыми искусственными средствами ослѣпляютъ зрителей. Его возмутитъ, когда онъ узнаетъ, какъ родъ человѣческій издѣвается самъ надъ собою. Выросши на свободѣ, онъ пожалѣетъ о бѣдныхъ владыкахъ, этихъ рабахъ повинующихся имъ людей, о мнимыхъ мудрецахъ, скованныхъ суетными почестями, о богатыхъ глупцахъ, этихъ мученикахъ роскоши. Онъ, чего добраго, сочтетъ себя мудрымъ, а всѣхъ другихъ дураками. Одни лишь озадачивающіе житейскіе опыты могутъ уберечь его отъ такого тщеславія. Эмиль теперь вживается въ свѣтъ. Хотя онъ и не уважаетъ людей, но все-таки не станетъ и выказывать къ нимъ презрѣнія, потому именно что сожалѣетъ о нихъ и соболѣзнуетъ имъ. Такъ какъ онъ не въ состояніи внушить имъ любовь къ истиннымъ благамъ, то и предоставляетъ имъ наслаждаться воображаемыми. Онъ не діалектикъ, не спорщикъ. Также не угодникъ и не льстецъ. Онъ высказываетъ свое мнѣніе, не оспоривая никого, оттого что больше всего любитъ свободу и считаетъ искренность однимъ изъ высшихъ правъ. Онъ говоритъ мало, оттого что не стремится заинтересовать собою другихъ. У Эмиля слишкомъ много знанія, для того чтобы сдѣлаться болтуномъ. Ему и въ голову не придетъ издѣваться надъ манерами другихъ людей; напротивъ, онъ самъ добровольно примѣняется къ нимъ, лишь бы не обратить на себя вниманія. Онъ твердъ, но не занятъ собою; у него свободныя, но не презрительныя манеры. Одни только рабы выказываютъ надменное обращеніе, тогда какъ независимость не имѣетъ въ себѣ ничего чваннаго. Никто внимательнѣе его не относится ко всему, что установлено

законами природы и даже разумными учрежденіями общества; но онъ всегда первымъ отдастъ преимущество предъ послѣдними. У Эмиля нѣжная и чувствительная душа, но онъ ничего не оцѣниваетъ по обычной таксѣ: оттого онъ и окажется скорѣе преданнымъ, нежели учтивымъ; онъ никогда не обнаружитъ надменнаго вида, его тронетъ скорѣе радушіе, нежели тысяча похвалъ. Желаніе нравиться побудитъ его относиться не совсѣмъ равнодушно къ мнѣніямъ другихъ людей; но изъ этихъ мнѣній онъ приметъ къ свѣдѣнью только то, что относится непосредственно къ его личности, ни мало не заботясь о произвольныхъ сужденіяхъ, признающихъ за правило только моду или предразсудки. Онъ любитъ людей, оттого что они ближніе его, и полюбитъ особенно тѣхъ, которые наиболѣе походятъ на него. Ему часто придется думать о томъ, что льститъ человѣческому сердцу и что противно ему—онъ станетъ философствовать о принципахъ вкуса; вотъ ученіе, которое отвѣчаетъ его возрасту. Теперь наступила также эпоха чтенія и особенно беллетристическихъ произведеній, пора ознакомить его съ построеніемъ рѣчи, внушить ему воспріимчивость къ красотамъ краснорѣчія и изложенія Изучать языки ради нихъ самихъ еще не такъ важно; но изученіе ихъ ведетъ къ теоріи языкознанія. Слѣдуетъ изучать одинъ языкъ и сравнивать его съ другимъ, чтобы усвоить себѣ правила краснорѣчія. Эмиль будетъ изучать попреимуществу древнихъ писателей, такъ какъ ихъ сочиненія нравятся ему больше нашихъ, оттого уже что они появились раньше, слѣдовательно ближе стояли къ природѣ и обладали своеобразнымъ пошибомъ. Сверхъ того онъ будетъ посѣщать театръ, не для того чтобы изучать нравы, но чтобы изощрять вкусъ. Онъ долженъ чувствовать и понимать всякаго рода красоту, для того чтобы связать съ этимъ свои наклонности и свой вкусъ, чтобы воспрепятствовать своимъ естественнымъ побудамъ разбросаться или чтобы впослѣдствіи онъ не въ богатствѣ обрѣлъ средство къ своему счастію, а скорѣе въ самомъ себѣ.

Теперь настала пора выбрать ему подругу. Эта подруга *Софія*—по воззрѣнію Руссо женщина, одаренная всѣми свойствами, подобающими ея роду и полу. „Во всемъ, что не состоитъ въ связи съ ея поломъ, женщина обладаетъ такими же свойствами, какъ и мужчина: у нея тѣ же органы, тѣ же потребности, тѣ же способности. Въ томъ же, что относится къ полу, они различаются другъ отъ друга, и это различіе оказываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ вліяніе на нравственный моментъ. Совершенный мужчина и совершенная женщина душою такъ же мало походятъ другъ на друга, какъ и лицомъ; но вѣдь совершенство не можетъ быть болѣе или менѣе, а потому они вовсе не допускаютъ сравненія между собою.“ Софья

именно такая женщина и притомъ женственно воспитанная— болѣе заботливо, нежели кропотливо; въ воспитаніи старались болѣе образовать ея вкусъ, чѣмъ противодѣйствовать ему. У нея хорошая натура, сердце исполненное чувства, а чрезвычайно сильная впечатлительность надѣляетъ ея воображеніе иногда живостью, которую трудно умѣрить. Умъ ея оказывается не столько правильнымъ, но скорѣе отъ природы острымъ; она обладаетъ симпатичнымъ, но не всегда ровнымъ нравомъ. У нея обыкновенная, но пріятная наружность; лицо ея изобличаетъ душу и никогда не лжетъ. Софья не отличается красотою; но при ней мужчины забываютъ красавицъ, и послѣднія возлѣ нея сами не совсѣмъ довольны собою. Помимо отца у нея не было другого учителя пѣнія, а помимо матери другого танцмейстера: сосѣдъ органистъ обучалъ ея игрѣ на клавикордахъ, чтобы она могла акомпонировать пѣсни. Ей лучше всего дались женскія работы, особенно кройка и шитье платья и т. п. Чистоту она считаетъ главною добродѣтелью. По природной наклонности она любитъ поѣсть хорошо; но по привычкѣ она умѣренна. Умъ ея нравится всѣмъ съ нею бесѣдующимъ, хотя она образовалась не чтеніемъ книгъ, а просто въ сношеніяхъ съ родителями, собственнымъ размышленіемъ и наблюденіемъ надъ тѣмъ, что случалось ей видѣть въ свѣтѣ. Она дотого впечатлительна, что нравъ ея не всегда можетъ оставаться ровнымъ, но у нея много сердечной доброты, такъ что впечатлительность эта не тяготитъ постороннихъ. Она не совсѣмъ свободна отъ своенравія: прихоти ея, доходя до крайности, извращаются въ упорство, и въ такомъ случаѣ ей случается иногда забыться; но дайте ей только срокъ придти опять въ себя, и тогда она исправитъ свой промахъ такъ, что это вмѣнится ей въ заслугу. У Софьи есть религія, но разумная и простая, она мало знакома съ символомъ вѣры, еще того менѣе съ церковными обрядами, или точнѣе, она помимо нравственнаго подвига не признаетъ никакого другого существеннаго выраженія религіи, и такимъ образомъ, дѣлая добро, она всю жизнь свою посвящаетъ на служеніе Господу. Она любитъ добродѣтель; эта любовь сдѣлалась ея господствующею страстью; она любитъ ее за то, что нѣтъ ничего прекраснѣе добродѣтели, за то, что добродѣтель составляетъ славу женщины, такъ какъ добродѣтельная женщина представляется ей почти ангеломъ. У Софьи мало свѣтскаго тона; но она предупредительна, внимательна, и все что ни дѣлаетъ, исполняетъ благопристойно. Она соблюдаетъ молчаніе и почтеніе къ женатымъ и замужнимъ, которые гораздо старше ея. Съ молодыми людьми, если они пристойны, она находится на дружеской ногѣ взаимной довѣрчивости; но если ихъ бесѣды переходятъ въ пошлости, то она

тотчасъ же обрываетъ ихъ; потому что пуще всего ненавидитъ вздорное, столь обидное для ея пола волокитство.

Подобно тому какъ въ своей „Юліи“, въ „Новой Элоизѣ“, Руссо представляетъ образецъ чисто человѣчно воспитывающей матери, такъ и въ „Софьи“ онъ предлагаетъ путь и свой идеалъ женскаго воспитанія: это образецъ для филантропическихъ педагоговъ, которые впослѣдствіи спеціально занялись образованіемъ дочерей и основали по началамъ Руссо школы для дѣвицъ.—Софья была для Эмиля отъ природы предназначенная жена. Оба узнали и—полюбили другъ друга. Софья стала женою Эмиля.—„По прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ Эмиль входитъ утромъ въ мою комнату и обнявъ меня, говоритъ: Пожелайте счастья вашему воспитаннику, дорогой мой учитель; скоро я надѣюсь назваться отцомъ. Сколько заботъ возлагается на насъ этимъ и какъ мы теперь будемъ нуждаться въ васъ! Но Боже упаси, чтобы вы занялись еще воспитаніемъ сына уже воспитаннаго вами отца. Боже сохрани меня, чтобы эта священная и прекрасная обязанность исполнялась помимо меня самого кѣмъ либо другимъ, и въ состояніи ли я сдѣлать для своего ребенка такой выборъ, какой выпалъ на мою долю; но вы по крайней мѣрѣ должны остаться учителемъ юнаго наставника. Совѣтуйте намъ, руководите нами, мы будемъ васъ слушаться. Пока живъ, я буду нуждаться въ васъ. Теперь, когда подходятъ настоящія мои обязанности, я нуждаюсь въ васъ болѣе чѣмъ когда либо. Вы исполнили свое дѣло; я хотѣлъ бы подражать вамъ; руководите мною.“

Подобно тому какъ сомнѣніямъ Дидро и Гольбаха Руссо въ исповѣди Савоярдскаго викарія противопоставилъ пламенный деизмъ и тѣмъ опять по крайней мѣрѣ внесъ духовное начало въ пустоту эпохи; точно также и въ безотрадный періодъ французскаго воспитанія заявилъ онъ въ своемъ Эмилѣ право дѣтей на грудь матери и пр., вообще право природы и естественныхъ условій жизни въ дѣлѣ образованія и противопоставилъ бездушному обществу обильный избытокъ задушевности, а всеобщей распущенности—нравственную силу воли. Для французскаго общества Эмиль и былъ поэтому ударомъ молніи въ удушливую погоду. Это была неслыханная книга,—явно возбуждавшая къ бою на жизнь и на смерть. Парламентъ и архіепископы осудили и сожгли ее, а печать прославляла и превозносила до небесъ. Еще ни одна педагогическая книга не поразила и не возбудила такъ сильно педагоговъ, и не однихъ педагоговъ,—поэтовъ и мыслителей, ученыхъ и профановъ, мужчинъ и женщинъ. Ея вліянія были неодолимы. Благодаря Эмилю воспитаніе во многихъ семьяхъ отъ крайней искусственности, изнѣженности и пр. перешло въ другую крайность. За дѣтьми

хотѣли упрочить дѣтство. Вмѣсто мертвой памяти на мелочи хотѣли примѣнить къ дѣлу возбуждающую самодѣятельность. Хотѣли сдѣлать все, что было сдѣлано съ Эмилемъ. Появленіе во Франціи Эмиля Руссо было подвигомъ.

Тѣмъ же было оно и для всемірноисторическаго развитія педагогики вообще. Никогда еще такъ громко не ратовали противъ пустословія и болтовни кормилицъ и нянекъ, противъ науки, состоящей изъ однихъ только словъ, противъ многознайства дѣтей, не изъ нихъ самихъ возникшаго, противъ долбленія словъ вообще, противъ книгъ въ качествѣ учебниковъ, „этой самой поскудной домашней утвари“ для дѣтства и пр. Никогда еще съ такою самодержавною властью не предлагались взамѣнъ схоластическаго учебнаго аппарата такія подслушанныя у самой природы воспитательныя средства, какъ въ Эмилѣ. Начало воспитанія съ самого дня рожденія,—организація обстановки ребенка для нагляднаго, самодѣятельнаго предметнаго обученія,—самообразованіе путемъ опыта,—чувственное постиженіе прежде интеллектуальнаго,—любовь къ дѣтямъ и къ ихъ прелестному инстинкту, проявляющемуся въ играхъ,—необходимость видѣть мужа въ мужѣ, а ребенка въ ребенкѣ съ указаніемъ каждому его мѣста: вотъ великія истины, которыя Руссо проповѣдалъ въ вдохновеной формѣ и которыя съ тѣхъ поръ сдѣлались аксіомами въ педагогикѣ.

Но и Руссо односторонне лишь разрѣшилъ всемірноисторическую задачу педагогики. Онъ не зналъ ни человѣка какъ члена человѣчества, ни первоначальныхъ наклонностей, ни сокровенныхъ способностей дитяти. Его предвзятый догматъ объ изначальномъ равенствѣ всѣхъ людей,—также догматъ о томъ, что всѣ пороки и пр. не что иное какъ порожденія человѣческихъ отношеній, вполнѣ противорѣчатъ свойствамъ какъ человѣка, такъ и человѣчества. Онъ ложно понимаетъ какъ природу единичнаго человѣка, такъ и природу человѣчества: онъ забываетъ, что все исторически совершившееся вмѣстѣ съ тѣмъ и естественно совершившееся, оттого что оно продуктъ естественноисторическаго развитія человѣчества. Потому-то и въ самой „природѣ“ этой и въ этомъ „естественномъ развитіи“ Эмиля совершается все неестественно, все сдѣланно и предусмотрѣно. Столь естественное съ виду развитіе возможно на самомъ дѣлѣ только потому, что воспитатель, сообразуясь съ своимъ планомъ, „за кулисами“ впередъ подготовляетъ впечатлѣнія природы, приключенія и бесѣды съ Эмилемъ. Стремленіе не предлагать воспитаннику ничего помимо добытаго собственнымъ умомъ его и какъ бы имъ самимъ пріобрѣтаемаго, ведетъ къ умственной опекѣ и къ театральной уловкѣ со стороны воспитателя, который въ дѣйствительности влагаетъ только въ Эмиля свое собственное мыш-

леніе, заставляя воспитанника (никогда не употребляющаго пустыхъ словъ) высказывать въ словахъ то, что по духу принадлежитъ не ему, а воспитателю. Даже цѣль, къ которой стремится Руссо съ своимъ воспитанникомъ, извращается въ противоположную сторону: естественное въ человѣкѣ, его духъ, даже наиболѣе въ немъ естественное, его идеалы и идеи объ истинѣ, добрѣ и красотѣ онъ низвелъ до непосредственно полезнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ до эгоистичнаго, стало быть до того же, отъ чего хочетъ предохранить своего Эмиля. Наконецъ отвращеніе отъ подготовки для извѣстнаго сословія и для суетной салонной болтовни дѣлаетъ изъ него—какъ справедливо замѣчаетъ Геттнеръ—безжизненный призракъ, вообще безличнаго человѣка самого по себѣ, имѣющаго правда вмѣстить въ себѣ возможность ко всякаго рода занятіямъ, но на самомъ дѣлѣ алчущаго лишь своего собственнаго своекорыстнаго счастія безъ всякой опредѣленной практической дѣятельности. Изъ его Эмиля выйдетъ человѣчески искусственное—вмѣсто божески естественнаго произведенія. Одаренный болѣе чувствомъ и воображеніемъ, нежели глубокимъ, проницательнымъ умомъ, Руссо самъ слишкомъ сильно вжился въ извращенныя условія своего черезъ-чуръ утонченнаго вѣка, такъ что не былъ въ состояніи изслѣдовать причину этихъ превратныхъ явленій,—онъ представилъ природу и искусство какъ враждебныя другъ другу противоположности, вмѣсто того чтобы въ истинномъ искусствѣ видѣть лишь развитіе природы. Его „Эмиль“—платоническая республика воспитанія. А все-таки твореніе Руссо великій всемірноисторическій подвигъ, значеніе котораго Гёте вполнѣ оцѣнилъ, назвавъ эту книгу естественнымъ евангеліемъ воспитанія.*

Книга возбудила достодолжное вниманіе во всѣхъ слояхъ общества, не только во Франціи, но также и въ Германіи; даже кёнигсбергскій мудрецъ, Иммануилъ Кантъ признается, что ни одна книга не привлекала его такъ сильно и не возбуждала до глубины души, какъ „Эмиль“.

Руссо впервые противъ отжившей рутины представилъ идеалъ въ воспитаніи, ясно и опредѣленно выразивъ свой принципъ и проводя его послѣдовательно и строго. Онъ разобралъ воспитаніе со дня рожденія и до совершеннолѣтія какъ одно связное цѣлое и освѣтилъ его одной идеею. Онъ же, какъ выражается Дистервегъ, открылъ права дѣтей, заявивъ право субъективности въ противень объективному и историческому.

---

* И конечно судъ Гёте надо предпочесть немного филистерскому суду автора, который, какъ видно, не совсѣмъ понялъ геніальное твореніе Руссо и возражаетъ на него съ близорукою придирчивостью.

Примѣч. переводч.

Научный міръ и представители школъ и преподаванія во Франціи возстали противъ „Эмиля" Руссо. По приговору парламента книга была сожжена палачомъ. Но такое рѣшеніе парламента истекало не изъ внутренняго убѣжденія въ негодности или зловредности творенія. Принимая мѣры противъ іезуитовъ, считавшихся въ глазахъ многихъ охранителями вѣры и церкви, парламентъ своимъ смертнымъ приговоромъ надъ книгою Руссо хотѣлъ показать, что онъ не оставитъ безъ законной защиты ни церковь, ни вѣру. Духъ гоненія, обуявшій парламентъ, былъ іезуитски политическимъ дѣломъ, способствовавшимъ только успѣху „Эмиля" въ публикѣ: книга, стоившая сначала только восемнадцать ливровъ, продавалась послѣ за два луидора.

Въ публичныхъ школахъ Франціи вопреки Руссо царила попрежнему смерть вмѣсто жизни: исполненныя бездушія и педантства, онѣ доставляли семьямъ и обществу только наружно вышколенныхъ, духовно вымершихъ, ко всякой высшей умственной жизни равнодушныхъ людей. Но онѣ все-таки не могли совершенно замкнуться отъ поступательнаго движенія эпохи. Въ 1765-мъ г. университетъ предписалъ слѣдующія книги для руководства въ коллегіяхъ: Въ шестомъ классѣ: нравы Товія и нравоучительныя книги Ветхаго Завѣта;—катехизисъ и евангеліе;—руководство французской грамматики;—первоначальныя основы латинскаго языка. греческая грамматика;—Selectae e vetere testamento historiae; *)—Письма Цицерона;—Басни Эзопа. Федра и Лафонтена;—Аврелій Викторъ.—Въ пятомъ: Катехизисъ и евангеліе;—три грамматики;—Корнелій Непотъ, Юстинъ;—Selectae e profanis historiae;—Selecta e Cicerone praecepta; **)—басни какъ выше;—миѳологія въ вопросахъ и отвѣтахъ.—Въ четвертомъ: Библейскія изреченія—три грамматики—Эзопъ—Евангеліе Луки погречески—Цицерона о старости и о дружбѣ—его письмо къ Квинту—его парадоксы — Цезарь — Овидій — буколики и георгики — очеркъ римской исторіи.—Въ третьемъ: Цицерона о должностяхъ и о свойствѣ боговъ, Тускуланы и письма къ Аттику—латинская просодія—Курцій, Веллей-Патеркулъ—нѣкоторыя рѣчи Цицерона—Саллюстій, Овидій, Георгики и нѣкоторыя книги Энеиды—разговоры Лукіана—избранныя мѣста изъ Геродота—рѣчи Исократа—изреченія великихъ мужей Плутарха—Лансело Jardin des Racines grecques ***)—грамматика Ресто—подъ исходъ года исторія римской ре-

*) Избранныя ветхозавѣтныя исторіи.

**) Избранныя мѣста изъ свѣтской исторіи;—Избранныя правила изъ Цицерона.

***) Греческій корнесловъ.

волюціи Верто—очеркъ греческой исторіи и географіи.— Во второмъ: Цицерона о краснорѣчіи—его рѣчи—Киропедія или нѣкоторыя жизнеописанія Плутарха — шесть книгъ Энеиды—оды или сатиры Горація—сатиры Буало—лучшія оды Руссо—лучшія избранныя мѣста изъ Гомера—грамматика Ресто—разсужденіе о всеобщей исторіи Боссюэта—революціи въ Португаліи Верто—заговоръ въ Венеціи С-нтъ Реаля—исторія французской академіи Пелиссона—академическія похвальныя слова Фонтенеля—величіе и упадокъ Рима Монтескье—очеркъ французской исторіи.—Въ реторикѣ: учителя даютъ собственную тетрадь изъ Аристотеля, Діонисія Галикарнассаго, Гермогена и Лонгина, или по крайней мѣрѣ правила по Цицерону и Квинтиліану; разсужденіе объ учебныхъ пріемахъ Роллена и французская реторика Кревье. Древніе авторы: Демосѳенъ, Исократъ, Саллюстій, Ливій, Тацитъ, Горацій, Виргилій, Персій, Ювеналъ, Кипріанъ, Іеронимъ, Фульвіанъ, Лактанцій, Григорій Назіанзинъ, Златоустъ. Новые авторы: Боссюэтъ, Флешье, Маскаронъ, Фенелонъ, д'Агессо, Бурдалу Масилльіонъ, Буало, религіозныя драмы Расина, стихотвореніе о религіи Луи Расина, оды Руссо.

Число Француженокъ, посвятившихъ себя преподаванію и воспитанію и прославившихся своею дѣятельностью, весьма значительно. До уничтоженія революціею женскихъ монастырей въ нихъ воспитались дочери высшихъ классовъ. По уничтоженіи ихъ женщины взялись за дѣлу образованія и многія изъ нихъ прибыли съ эмигрантами въ Германію и Англію, гдѣ вскорѣ затѣмъ считалось хорошимъ тономъ обращаться къ ихъ помощи въ домашнемъ воспитаніи. — Въ 17-мъ еще вѣкѣ Француженки уже выступили въ качествѣ педагогическихъ писательницъ. Первою въ ряду ихъ явилась Іоанна фонъ-Шомбергъ, герцогиня де-Ліанкурская (род. 1600, ум. 1674). Она написала „Правила, составленныя дамою высшаго сословія своей внучкѣ (графинѣ Марсиллье), о томъ, какъ вести себя и содержать свой домъ“, которыя аббатъ Буало въ 1698-мъ г. велѣлъ напечатать въ Парижѣ и которыя вновь были изданы въ 1779-мъ и 1814-мъ гг. За нею слѣдовала Магдалина д' Агессо (род. 1679, ум. 1740). Она написала „Совѣты матери своему сыну“, Парижъ 1742, въ двухъ томахъ, пользовалась также библейскими исторіями Ветхаго и Новаго Завѣтовъ для христіанскихъ созерцаній, изданныхъ ею въ 1727-мъ г. Дѣвица Леру тринадцати лѣтъ отъ роду написала „Проэктъ заведенія, посвященнаго на благо и во славу женскаго пола“. 1763.—Первая значительная, глубоко постигшая дѣло воспитанія и ревностно ему предавшаяся Француженка была Юлія Іоанна Элеонора л'Эспинасъ, рожденная въ Ліонѣ въ 1732-мъ г. Въ своемъ „Опытѣ

обученія дѣвицъ“ она цѣлью воспитанія ставитъ подавленіе всякихъ страстей и развитіе любвеобильнаго, чувствительнаго существа. Она еще не постигала важности самаго ранняго воспитанія, полагая, что воспитаніе въ теченіе первыхъ лѣтъ безъ вреда можно предоставить кормилицамъ и нянькамъ. По ея мнѣнію дѣтей слѣдуетъ обучать чтенію, не напрягая, одѣвать ихъ по возможности удобнѣе, стараться пріобрѣсть ихъ довѣріе, обращаться съ ними откровенно, посвящать ихъ въ творенія природы и искусства, ознакомить ихъ съ орудіями и произведеніями промышленности и наконецъ тщательно обучать ихъ религіи. Воспитательницѣ она совѣтуетъ обращать величайшее вниманіе на поступки дѣтей. Дѣвочку съ восьмилѣтняго возраста слѣдуетъ обучать письму, танцамъ и пѣнью. Ученье должно производиться всегда въ присутствіи отца или матери и ограничиваться игрою на рояли, шитьемъ, счетомъ и начальными основаніями геометріи. Начиная съ десятилѣтняго возраста мать должна быть постоянно при дочери и быть ея руководительницей и подругой. Если для матери невозможенъ такой надзоръ, то пусть отдаетъ дочь въ монастырь и оставитъ ее тамъ до замужства. Если дѣвочка красива, то надо настойчиво внушать ей, что красота безъ характера не имѣетъ цѣны, а если она не красива, то говорить ей, что добродѣтель и умъ самыя благородныя качества женщины. Послѣ того какъ учителемъ закончено въ извѣстномъ размѣрѣ первоначальное преподаваніе, къ дѣлу приступаетъ наставница и обучаетъ ее исторіи, землевѣдѣнью, рисованію и естествовѣдѣнью. На уроки религіи она совѣтуетъ обратить особенное вниманіе. Для легкаго чтенія предлагаются волшебныя сказки. Исторія отчизны дѣвочка должна знать до мельчайшихъ подробностей. Для преподаванія исторіи она сама составила исторію Франціи. Въ 1752-мъ г. она отправилась въ Парижъ, гдѣ благодаря своей красотѣ пользовалась дружбою многихъ высокопоставленныхъ лицъ, и наконецъ полковника Гибера. Ея письма къ послѣднему свидѣтельствуютъ о рвеніи воспитательницы, поставившей высшею цѣлью воспитанія подавленіе страстей. Она скончалась въ Парижѣ въ 1776-мъ г.

Появленіе Руссо побудило многихъ женщинъ высказать свое мнѣніе о дѣлѣ воспитанія. Въ педагогической лѣтописи встрѣчаемъ цѣлый рядъ именъ, носительницы которыхъ впрочемъ не имѣютъ вообще важнаго значенія. Достойна упоминанія только одна изъ нихъ, которая безъ сомнѣнія въ высокой степени превосходитъ всѣхъ воспитательницъ, появившихся во Франціи подъ конецъ прошлаго столѣтія. Это—*графиня Жанлисъ*. Стефанія Фелисита Дюкре де с-тъ Обенъ, а впослѣдствіи маркиза Сильери, родилась въ 1745-мъ г. въ Шансери близъ Отёна въ Бургундіи. Дѣвицею с-тъ

Обенъ она отличалась умомъ и красотою. Графъ Жанлисъ до того былъ очарованъ чтеніемъ одного изъ ея писемъ, что предложилъ ей руку и получилъ ея согласіе. Въ 1782-мъ г. она сдѣлалась гувернанткою дѣтей герцога Орлеанскаго. Когда вспыхнула революція, то графиня вынуждена была покинуть отечество; въ 1791-мъ г. отправилась она въ Лондонъ, потомъ возвратилась въ Парижъ, гдѣ и считалась любовницею герцога Орлеанскаго. Изъ опасенія передъ конвентомъ, подозрѣніе котораго навлекла она на себя, она бѣжала въ Нидерланды, впослѣдствіи переѣхала въ Швейцарію, потомъ въ Германію, была въ Голштиніи и Пруссіи; находилась нѣкоторое время въ Берлинѣ, пока наконецъ не была оттуда изгнана. Когда Наполеонъ I захватилъ власть во Франціи, она возвратилась въ свое отечество и умерла тамъ уже въ 1830-мъ г. Ея первое произведеніе: Адель и Теодоръ, содержитъ въ себѣ письма о воспитаніи. Оно вышло въ 1782-мъ г. въ Парижѣ въ трехъ томахъ и его встрѣтили съ такимъ великимъ сочувствіемъ, что оно было перепечатано въ Гамбургѣ, Мастрихтѣ и Лондонѣ и въ 1798, 1802, 1804, 1810, 1812, и 1827-мъ гг. вышло въ Парижѣ новыми изданіями. За этимъ первымъ твореніемъ послѣдовала книга о воспитаніи дофина, а потомъ въ 1791-мъ г. другая о публичномъ воспитаніи народа. Въ то же время графиня Жанлисъ напечатала отрывки изъ дневника, веденнаго ею при воспитаніи дѣтей герцога Орлеанскаго. Въ 1797-мъ г. она издала новыя статьи о воспитаніи, въ 1802-мъ Лѣтописи добродѣтели, потомъ Всеобщую исторію для юношества въ трехъ томахъ, а вскорѣ затѣмъ обнародовала новый методъ для первоначальнаго обученія юношества. За этимъ послѣдовалъ цѣлый рядъ романовъ, собранныхъ повѣстей и пр. Въ 1825-мъ г. напечатаны были восемь томовъ ея мемуаровъ. Сочиненія ея переведены почти на всѣ европейскіе языки.

Замѣчательнымъ продуктомъ прошлаго столѣтія являетсл *Роллапдовв* очеркъ народнаго воспитанія. Онъ первый предложилъ посвятить нѣкоторое время новѣйшей исторіи прежде, нежели во второмъ классѣ. Ученики, говоритъ онъ, знаютъ имена всѣхъ консуловъ въ Римѣ, но имена нашихъ королей имъ неизвѣстны. Онъ требовалъ, чтобы ежедневныя письменныя уроки касались достойныхъ изученія и полезныхъ предметовъ, чтобы всѣ реторическіе примѣры приводились изъ французскихъ классиковъ. Въ публичной школѣ необходимо преподавать всѣ науки. Для религіи, математики, исторіи, рисованія, тактики, навигаціи и иностранныхъ языковъ слѣдуетъ назначать особыхъ профессоровъ. „Мнѣ кажется, бóльшая часть учениковъ въ нашихъ коллегіяхъ попусту тратитъ время, частью обучаясь тому, что имъ безполезно или даже вредно, частью не узнавая

того, что имъ нужно". Изученіе родного языка должно идти наравнѣ съ латинскимъ. Онъ настоятельно требуетъ введенія во всѣхъ коллегіяхъ особой каѳедры математики, въ родѣ той, какая имѣлась уже въ коллегіи Мазарина; потомъ еще назначенія мѣста для опытной физики и естественной исторіи.

Эти реформы были послѣднимъ дѣломъ стараго Парижскаго университета. Революція была уже у порога, съ тѣмъ чтобы въ одну общую могилу похоронить также и научныя учрежденія древности. Пророчества Руссо сдѣлались теперь истиною,—но только путемъ революціи, тогда какъ его правила о воспитаніи въ Швейцаріи и Германіи стремились осуществиться путемъ реформы.

РЕАЛИЗМЪ ВЪ ГЕРМАНІИ.

27.

Нѣмецкое просвѣщеніе: Христіанъ Вольфъ и Фридрихъ Великій.

Лейбницъ и Томазій, а на учебномъ поприщѣ Ратихій и Коменскій подготовили уже почву, такъ что въ Германіи могли быть восприняты выводы англійскаго деизма и французскаго вольномыслія. Но сами Нѣмцы своими трудами не добились еще освобожденія нѣмецкаго духа. Томазій и вмѣстѣ съ нимъ Я. І. Бёмеръ теоретически поколебали власть консисторій и отстаивали верховенство державцевъ въ церковныхъ дѣлахъ. Однако піэтисты по прежнему все еще не признавали послѣдствій, вытекающихъ изъ теоріи Бёмера, а именно необходимой вѣротерпимости. Проповѣдники ихъ вели подробную роспись городскимъ прихожанамъ, а старшины особыхъ сборищъ для назидательныхъ чтеній завели духовный календарь, по образцу котораго каждый обязанъ былъ предъявлять о своемъ душевномъ состояніи за истекшую недѣлю. Простолюдинъ въ этой своей исповѣди видѣлъ въ то же время вѣрное средство заявить о себѣ высокопоставленнымъ и знатнымъ лицамъ, а послѣднимъ открывался такимъ образомъ случай безошибочно примѣнять свою христіанскую любовь къ достойному человѣку. Піэтизмъ очевидно сузился и его спутникомъ было ханжество. Какъ въ школѣ, такъ и въ церкви, да и въ жизни. Всякій вольный порывъ духа онъ преслѣдовалъ поэтому съ набожною подозрительностью, которою прикрывалось высокомѣріе. А университеты, эти настоящія убѣжища свободнаго духа, вторили

на свой ладъ жалобнымъ стонамъ піэтистовъ и обвиняли въ ереси всякаго, не почитавшаго святынею ихъ исключительной и привилегированной мудрости.

Необходимо было взрыхлить эту закоржавѣлую почву, для того чтобы вновь могла прозябать духовная жизнь. Сперва въ этомъ отношеніи были только единичныя попытки. Голштинецъ Матѳей Кнуценъ прежде всего разразился своею оппозиціею противъ библіи, но безъ вліянія на свою эпоху. Послѣднимъ овладѣлъ за то Валтасаръ Бекеръ, благодаря соей книгѣ „Околдованный міръ", гдѣ онъ разбиваетъ вѣру въ вѣдьмъ, въ сверхъестественное вліяніе на бѣсноватыхъ и въ козни дьявола—потомъ еще Антонъ фанъ Даль, показавшій, какъ суевѣріе возникло естественнымъ путемъ и распрсстранилось, благодарялукавству священниковъ, поддерживаемому ограниченностью и лѣнью, толпы. Эти порывы пробуждавшагося духа поддерживались англійскими деистами, которые сдѣлались извѣстны въ Германіи прежде всего чрезъ полемическія статьи, обнародованныя противъ нихъ нѣмецкими учеными. Пфаффъ ратовалъ въ 1716-мъ и 1719-мъ гг. противъ Коллинса, а Мосгеймъ въ 1720-мъ противъ Толанда. Гундингъ въ своихъ „Философскихъ бесѣдахъ" привелъ потомъ извлеченіе изъ книги Коллинса; съ цѣлью нозбудить своихъ соотечественниковъ къ „свободѣ мысли". Послѣ 1740-го года мало по малу появлялись переводы всѣхъ ссчиненій деистовъ. Въ то же время выступилъ уже и Вольфъ (1679—1754) и обратилъ вниманіе германскаго ума на высшіе и божески чтимые предметы жизни, на которые до сихъ поръ привыкли смотрѣть съ тупоумнымъ благоговѣніемъ, и впервые изложилъ Нѣмцамъ эти предметы на нѣмецкомъ языкѣ, въ легкодоступномъ видѣ, благодаря чему философія и стала дѣломъ Нѣмцевъ. Въ предисловіи къ своимъ „Разумнымъ мыслямъ о Богѣ, мірѣ и душѣ человѣчсской" онъ говоритъ, что до сихъ поръ эти предметы лишены были ясныхъ понятій, основательныхъ доводовъ и связи между истинами. Поэтому онъ главнѣйше стремился къ тому, чтобы говорить о предметѣ не иначе, какъ предложивъ о немъ сначала ясное понятіе. Сверхъ того онъ стремился ничего не принимать безъ доказательсвъ, исключая истинъ, достовѣрность которыхъ подтвердилась уже прежде. Попреимуществу же онъ обращалъ вниманіе на то, чтобы всѣ истины были связяны между собою и все сочиненіе уподоблялось цѣпи, въ которой одно звено всегда связано съ другимъ и такимъ образомъ каждое изъ нихъ со всѣми остальными. Философія — по Вольфу —наука о возможномъ, посколькуоно дѣйствительно можетъ быть, а задача ея состоитъ въ томъ, чтобы доказать все, что она утверждаетъ, т. е. выводить все изъ извѣстныхъ

положеній посредствомъ вѣрныхъ умозаключеній. Возможно все то, что не противорѣчитъ самому себѣ. Въ основѣ всего существующаго, т. е. всего составного, лежатъ простыя существа, т. е. недѣлимыя субстанціи. Составныя существа или тѣла суть аггрегаты простыхъ субстанцій. Душа простое существо и нематеріальна; сущность ея—сознаніе или мышленіе. Представленіе находится въ основѣ всѣхъ ея дѣятельностей, а разныя способности души не что иное какъ извѣстныя видоизмѣненія ея первичной силы. Первая изъ всѣхъ дѣятельностей, въ какихъ обнаруживается сила души,—ощущеніе, т. е. представленіе составного въ простомъ. На ощущеніяхъ основано воображеніе, т. е. способность представлять себѣ отсутствующіе предметы, а къ ней примыкаетъ способность сочинять, которая раздѣленіемъ или соединеніемъ имѣвшихся представленій производитъ другія болѣе простыя или болѣе сложныя. Къ способности сочинять примыкаетъ высшая изъ простѣйшихъ душевныхъ способностей, память; а простѣйшая изъ высшихъ познаватетьныхъ способностей есть вниманіе, за нимъ слѣдуетъ умозрѣніе, потомъ является разсудокъ, какъ способность яснаго представленія, а разумъ, способность знать апріори и находить объективную связь между предметами, завершаетъ собою теоретическій духовный организмъ. Изъ представленія возникаетъ желаніе, а именно изъ представленія добра—хотѣніе, а изъ представленія зла—отвращеніе. Чувственное желаніе въ высшей степени порождаетъ страсть. Такъ какъ желаніе вообще возникаетъ изъ представленія, то оно опредѣлено, произвольнаго положенія (aequilibrium arbitii) не существуетъ. Но это устраняетъ отнюдь не свободу, а одну только случайность; свобода же, не что иное какъ способность избирать то, что нравится.

Этими философскими и психологическими началами была конечно потрясена также и ортодоксія. Вслѣдствіе чего докладъ теологическаго и философскаго факультета въ Іенѣ обвиняетъ Вольфа въ томъ, что онъ важный доводъ о бытіи Бога, заимствуемый отъ случайности вещей, представляетъ ложнымъ и софистическимъ; что свободу Божьей воли Вольфъ полагаетъ въ томъ, будто Богъ выбралъ лучшій изъ міровъ, хотя, по его мнѣнію, Онъ поневолѣ долженъ былъ выбрать такой; что предвѣдѣнье грядущихъ случайныхъ событій онъ подчиняетъ необходимой взаимной связи и слѣдовательно на самомъ дѣлѣ уничтожаетъ его; что по его воззрѣнію сущность вещей отнюдь не зависитъ отъ воли Божіей, а только обосновано въ умѣ Божіемъ; что онъ настоящій полный соблазна міръ выдаетъ за совершеннѣйшій и лучшій, а находящееся въ немъ зло не только за необходимое и неизбѣжное, но даже за средство

къ высшему совершенству, вслѣдствіе чего міръ становится полнымъ отраженіемъ Божіей премудрости.

Противъ мыслей Вольфа теологи возстали не только явно, но и скрытною борьбой. Когда въ 1721-мъ г., слагая съ себя проректоратъ, онъ въ рѣчи о практической философіи Китайцевъ заявилъ положеніе, что народъ и безъ вѣры въ Бога можетъ быть такъ же честенъ, правдивъ и счастливъ, то противъ него стали проповѣдывать на каѳедрахъ въ Галле. Теологическій факультетъ успѣлъ при этомъ укрыться за нѣкоторыми піэтистами-генералами, которые и должны были представить, королю въ Берлинѣ что дорого стоившіе ему рекруты окажутся ненадежными, когда до ихъ слуха дойдетъ „фатальное ученіе“ Вольфа. Вслѣдствіе этого Вольфъ вынужденъ былъ „подъ страхомъ смертной казни въ теченіе 48 часовъ покинуть Прусскія владѣнія.“ Ободренные такимъ успѣхомъ теологи пытались также и остальные университеты очистить отъ философіи: въ Кенигсбергѣ былъ отрѣшенъ профессоръ Фишеръ; въ Іенѣ Вальхъ неистовствовалъ противъ философіи Вольфа; въ Тюбингенѣ преслѣдовали профессоровъ, намѣревавшихся учиться у Вольфа.—Но не прошло двухъ десятилѣтій и—Вольфъ восторжествовалъ: въ 1739-мъ г. именнымъ королевскимъ указомъ теологамъ предписывалось изучать философію и разумную логику, какова наприм. Вольфова, а съ восшествіемъ на престолъ Фридриха Великаго и Вольфъ также опять занялъ университетскую каѳедру. Его философія завладѣла теперь уже теологическимъ факультетомъ, а въ Берлинѣ Фишеру пришлось услышать, какъ пробстъ Рейнбекъ на церковной каѳедрѣ объяснялъ то самое начало противорѣчія, за которое піэтисты преслѣдовали его въ Кёнигсбергѣ. Итакъ просвѣщеніе торжествовало. И съ этой поры оно преодолѣло старое нѣмецкое міровоззрѣніе. Еврей Моисей Мендельсонъ (1727—1786) ратовалъ такъ же рѣшительно противъ вольнодумства и атеизма, какъ и противъ христіанства—за деизмъ естественной религіи, основныя идеи которой, Богъ, провидѣніе и вѣчная жизнь, общи всѣмъ религіямъ. Реймарусъ (1694—1768) призналъ естественную религію здороваго человѣческаго смысла единственнымъ источникомъ нашего довольства и блаженства и исчислилъ ея выгоды. Филологъ и миѳографъ Даммъ (1699—1778) разработалъ Новый Завѣтъ по деистическимъ принципамъ и въ своихъ сочиненіяхъ свелъ религію Іисуса къ простой естественной вѣрѣ. Штейнбартъ (1738—1809) теоретически представилъ точку зрѣнія полезности религіи въ видѣ системы христіанскаго ученія о благодати; а Бардтъ (1741—1792) сдѣлалъ это объясненіе, представители котораго имѣли своимъ органомъ издаваемую съ 1765-го г. Николаи въ Берлинѣ „Всеобщую нѣмецкую библіотеку“, общимъ достояні-

емъ средняго сословія. Ограниченное мѣрило разсудка стало господствовать и въ религіозныхъ дѣлахъ,—умозрѣніе торжествовало надъ вѣрою.

Въ эту пору появился мужъ, въ которомъ воплотилось французское вольномысліе, но на нѣмецкій уже ладъ.

Фридрихъ Великій

презиралъ нѣмецкую науку и нѣмецкихъ ученыхъ. Онъ не обратилъ никакого вниманія на Мессіаду Клопштока; прогналъ отъ себя Винкельмана; не удостоилъ своего вниманія Лессинга; назвалъ Гётевскаго Гётца гнуснымъ подражаніемъ плохихъ піэсъ Шекспира; Генріаду Вольтера ставилъ выше Гомера и Виргилія, Расина выше всѣхъ писателей Греціи и Рима. Итакъ, онъ не сочувствовалъ освободителямъ нѣмецкаго духа отъ иноземнаго рабства, не сочувствовалъ творцамъ новѣйшаго нѣмецкаго языка и поэзіи. При дворѣ его господствовалъ французскій духъ, и французскій языкъ былъ настоящимъ языкомъ короля. При всемъ томъ онъ провозвѣстникъ нѣмецкаго просвѣщенія какъ словомъ, такъ и дѣломъ. Благодаря общему впечатлѣнію, производимому его личностью и образомъ его мыслей на націю, онъ сдѣлался творцомъ новаго свободнаго нѣмецкаго духа. Всѣ знали, что мужъ, правившій кормиломъ государства, руководится главнымъ правиломъ, вслѣдствіе котораго государь отнюдь не неограниченный властитель своихъ подданныхъ, онъ не что иное какъ первый слуга ихъ,* а истинная политика королей—это политика честнаго человѣка, быть правдивымъ и добрымъ. Всѣ знали, что эти слова, точно такъ же какъ и изреченіе его по возвратѣ Вольфа: „Человѣкъ, любящій и ищущій истину, долженъ быть уважаемъ во всякомъ человѣческомъ обществѣ", были не только слова, но и дѣла. Всѣ знали изреченія, а гдѣ ихъ не знали, тамъ извѣстны были вытекающія изъ нихъ дѣла,—а именно: „Когда обратимъ вниманіе на возникновеніе общества, то убѣдимся, что правители не имѣютъ никакого права надъ мнѣніями гражданъ. Надо быть безумнымъ, чтобы вообразить себѣ, будто люди кому нибудь изъ равныхъ себѣ сказали: Мы поставляемъ тебя надъ собою оттого, что хотимъ быть рабами, и даемъ тебѣ власть направлять наши мысли по твоему произволу? Они напротивъ сказали: мы нуждаемся въ тебѣ, для того чтобы ты поддержалъ законы, которымъ мы желаемъ повиноваться, и чтобы ты мудро правилъ нами и защищалъ насъ. А впрочемъ требуемъ отъ тебя уваженія къ нашей свободѣ. Противъ такого требованья народовъ нельзя возражать, и эта терпимость даже выгодна для

* Это говорилъ Петръ Великій еще до Фридриха.

Прим. перев.

общества, гдѣ введена она, такъ что составляетъ благо государства. Когда всякій воленъ чтить Бога по своему, то вездѣ господствуетъ спокойствіе, гоненія же, напротивъ того, составляютъ источникъ самыхъ кровопролитныхъ, продолжительныхъ и опустошительныхъ междоусобій". „Теологи, какъ кажется, всѣ похожи другъ на друга, къ какой религіи или къ какому народу ни принадлежали бы они. Они всегда имѣютъ въ виду присвоить себѣ деспотическую власть надъ совѣстью, и одного этого уже достаточно, чтобы обратить ихъ въ ярыхъ гонителей всѣхъ, съ благородною смѣлостью разоблачающихъ истину. Они вооружаются громами анаѳемы, чтобы поразить воображаемый призракъ лжевѣрія, противъ котораго то и дѣло ратуютъ. Они проповѣдуютъ смиреніе (но сами въ своемъ обращеніи никогда не проявляютъ этой добродѣтели), называются служителями Бога мира, тогда какъ сердца ихъ все-таки исполнены ненависти и честолюбія. Ужь одно поведеніе ихъ, рѣдко отвѣчающее ихъ морали, должно бы, какъ мнѣ кажется, возбудить недовѣріе къ ихъ ученію. Свойство истины совсѣмъ иное. Она не нуждается ни въ какихъ орудіяхъ для своей защиты и ни въ какихъ насиліяхъ для приведенія людей къ вѣрѣ. Ей стоитъ только показаться. Коль скоро живой образъ ея разсѣялъ скрывавшія ее облака, то торжество ея несомнѣнно". „Если мнѣнія отстаиваютъ при помощи палачей и опровергаютъ не доводами, а смертною казнью и ужасными жестокостями, то нечего ждать добра". „Папа, муфти, дервиши и монахи въ нашъ вѣкъ служатъ посмѣшищемъ; прежде отъ нихъ стоналъ міръ". „Я того мнѣнія, что начиная съ Константина Великаго и до Лютера весь свѣтъ безумствовалъ. Люди на какомъ-то непонятномъ тарабарскомъ нарѣчіи спорили о несуразныхъ видѣніяхъ, а церковь утверждала свою земную власть, благодаря легковѣрію и глупости царей и народовъ". „Пока державцы не сбросятъ съ себя теологическихъ оковъ, пока всѣ получающіе плату за то только, чтобы молиться за толпу, господствуютъ надъ послѣднею, до тѣхъ поръ угнетаемая духовными тиранами истина не просвѣтитъ народовъ. Мудрецы будутъ мыслить лишь въ тиши своего уединенія, а господствовать будетъ глупѣйшее суевѣріе". „Честолюбіе и политика государей будутъ ограничивать папскій престолъ во всемъ, что мѣшаетъ ихъ интересамъ; но глупость, легковѣріе и суевѣріе народовъ въ теченіе многихъ вѣковъ будутъ все еще поддерживаться безуміемъ освященныхъ побасенокъ. Вспомните, сколько вѣковъ длилось язычество и убѣдитесь поэтому, что число философовъ никогда не превыситъ толпу тупоумныхъ, и что во всѣ вѣка изъ тысячи жителей земного шара едва ли выберется хоть одинъ философъ". „Князей и королей всегда найдется въ избыткѣ, но Виргиліи и Вольтеры—

весьма рѣдкостны". „Если суевѣрная партія одолѣетъ философскую, то горе бѣднымъ людямъ. Они, того и смотри, подчинятся тогда власти какого нибудь ханжи въ монашескомъ клобукѣ или въ сутанѣ, который одною рукою станетъ надѣлять ихъ дисциплиною (бичемъ), а другою колотить распятіемъ по башкѣ. Когда совершится это, то простите изящныя искусства и высшія науки!" „Гуманность, эта достохвальная добродѣтель, вмѣщающая въ себѣ всѣ остальныя, должна бы, по моему мнѣнію, одушевлять всякаго разумнаго человѣка, и еслибъ она вымерла на всемъ свѣтѣ, то должна бы все-таки пребыть безсмертною въ рукахъ державцевъ". „Если меня станутъ обвинять въ крайней терпимости,—то я буду гордиться этимъ недостаткомъ; желательно даже, чтобы кромѣ этого не упрекали державца ни въ какомъ иномъ недостаткѣ". „Я желалъ бы только управлять доблестнымъ, отважнымъ, свободномыслящимъ народомъ, который вправѣ и воленъ мыслить и дѣйствовать, писать и говорить, побѣждать и умирать. Суевѣріе, духовный деспотизмъ и нетерпимость мѣшаютъ развиться талантамъ; свобода мыслить возвышаетъ умъ и душу".—Мысли, изъ которыхъ истекали эти животрепещущія слова, были въ устахъ короля дѣлами. Свидѣтельствомъ тому служатъ обнародованье самой широкой религіозной терпимости, отмѣна пытки, обезпеченье собственности подданныхъ отъ фискальнаго произвола, попеченіе о возстановленіи хорошо руководимой и либеральной печати какъ въ политической, такъ и въ научной области. „Этотъ король,—говоритъ Бидерманъ—который тотчасъ по вступленіи на престолъ написалъ Вольтеру: „Отнынѣ помимо моего дорогого мнѣ народа не буду служить никакому иному Богу", который забралъ въ свои руки все правленіе, какъ внутреннее, такъ и внѣшнее, какъ въ духовной, такъ и въ матерьяльной областяхъ, самъ вездѣ и обо всемъ заботился какъ о мельчайшемъ, такъ и о важнѣйшемъ дѣлѣ, все умѣлъ, все исполнялъ наилучшимъ образомъ, лично выслушивалъ просьбы и жалобы даже послѣдняго изъ подданныхъ, или читалъ его прошеніе и собственноручно отвѣчалъ на него, а вмѣстѣ съ тѣмъ руководилъ самыми запутанными дипломатическими переговорами безъ посредничества министра изъ своего собственнаго кабинета, — этотъ король, былъ воплощенною дѣятельностью, добросовѣстностью и точностью, принимался съ 3-хъ часовъ утра за работу итолько поздно вечеромъ пользовался отдыхомъ, не для того чтобы предаться праздному развлеченію или дорого стоющимъ забавамъ, но чтобы обогатить свой умъ избраннымъ чтеніемъ, остроумною бесѣдою или собственными произведеніями въ поэзіи и музыкѣ, чтобы собраться съ новыми силами и освѣжиться для предстоящихъ трудовъ слѣдующаго дня, находя

свое величіе не въ суетной пышности, какою окружали себя другіе государи, но въ крайней простотѣ, и какъ добрый хозяинъ государства употребляя на предметы общаго блага деньги, которыя тѣ расточали на ребяческія потѣхи и пагубныя распутства, — это былъ единственнымъ въ своемъ родѣ, дотолѣ небывалымъ феноменомъ, а потому нечего удивляться, что появленіе его произвело рѣшительный переворотъ какъ въ воззрѣніяхъ и идеяхъ, такъ и во всемъ складѣ мыслей и чувствъ народа". Весь народный строй получилъ свѣжія силы отъ величавой личности Фридриха. Чиновники были не только возбуждены къ строгому исполненію своихъ должностей, но изъ простыхъ машинъ преобразились въ людей. Въ умственной жизни, прежде всего попреимуществу въ положительныхъ, практическихъ областяхъ, развилась изумляющая дѣятельность. Статистика, государственное право и политика, исторія и философія пробудились къ новой жизни. Благодаря величію Фридриха, германскій народъ одушевился и — ожилъ вновь.

Благодаря свободному умственному воззрѣнію Фридриха и его возбуждавшей всѣхъ силѣ, поднялось также народное образованіе. Но великій прусскій король поставилъ себѣ сверхъ того особою цѣлью способствовать послѣднему, поощряя общественное обученіе. Болѣе всего въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ—въ университетахъ. Онъ правда не могъ преодолѣть и искоренить лѣнь студентовъ и многихъ изъ профессоровъ, какъ ни гнушался ею. Иногда впрочемъ и финансовыя условія мѣшали развитію науки, такъ что напр. филологу Фр. А. Вольфу предложили лишь скудный окладъ и старались привлечь его тѣмъ, что „свобода мысли, стеченіе ученыхъ мужей и наплывъ слушателей хоть сколько нибудь вознаградятъ его". Фридрихомъ изданъ также и запретъ уроженцамъ Пруссіи учиться въ иностранныхъ университетахъ, первый примѣръ такого территоріальнаго стѣсненія господствовавшей доселѣ свободы передвиженія учащихся. Но, покровительствуя свободѣ преподаванія, онъ самъ все-таки оказалъ животворное вліяніе на университеты и пробудилъ въ нихъ новый, смѣлый духъ.

Фридрихъ особенно заинтересованъ былъ своею школою для знати (école des nobles)—дворянскою академіею въ Берлинѣ, гдѣ онъ рѣшительнѣе всего проводилъ свою основанную на пробужденіи мышленія и самодѣятельности систему, развивая которую съ послѣдовательностью, онъ относительно нѣкоторыхъ областей науки требовалъ именно поверхностнаго знанія, лишь бы учащійся получилъ только обзоръ, понятіе о предметѣ и овладѣлъ бы имъ вообще. По многимъ предметамъ онъ настаивалъ, чтобы послѣ каждаго урока назначалось по получасу для умственныхъ упражненій. Послѣ урока исторіи учитель долженъ былъ наводить

учениковъ на нравоучительныя, политическія или философскія замѣчанія. „Это для нихъ будетъ гораздо полезнѣе всего изучаемаго ими“. По поводу Деція, слѣдуетъ упомянуть о любви къ отчизнѣ, по поводу Цезаря—о подавленіи свободы Философія должна преподаваться только исторически: ученикамъ слѣдуетъ сообщить одну только вѣрную систему; Локка, которымъ заканчивается обзоръ, надо изучать съ особеннымъ вниманіемъ, такъ какъ онъ одинъ только и руководится опытомъ и избѣгаетъ всякихъ недоступныхъ для человѣческаго ума безднъ. Диспуты, слѣдующіе послѣ каждаго урока, должны производиться безъ подготовки, чтобы ученики были внимательны, чтобы они впередъ обдумывали свои слова, и наконецъ, чтобы пріучить ихъ говорить скоро о предметахъ всякаго рода. Что касается до поведенія, то пусть гувернеры сквозь пальцы смотрятъ на веселые шалости и проказы воспитанниковъ, а наказываютъ лишь за подлость и пуще всего за лѣнь.

Тѣ же правила предписывались также и для гимназій. Относительно требованій, которыя ставилъ имъ Фридрихъ, и цѣлей, какихъ онъ желалъ достичь въ нихъ, характеристиченъ именной указъ министру Зедлицу отъ 5-го сентября 1779-го г. Въ немъ значится:

Любезный министръ баронъ Зедлицъ.

Усмотрѣвъ что въ учебныхъ заведеніяхъ еще много недостатковъ и особенно, что въ низшихъ школахъ весьма дурно обучаютъ реторикѣ и логикѣ, или даже вовсе не преподаютъ ихъ, тогда какъ это весьма важные и въ высшей степени необходимые предметы, которые обязанъ знать всякій человѣкъ какого бы то ни было сословія, и которые должны быть главною основою при воспитаніи молодыхъ людей, такъ какъ правильно разсуждающій преуспѣваетъ всегда болѣе нежели выводящій ложныя заключенія—я хотѣлъ выразить вамъ мое личное мнѣніе по этому поводу: что касается реторики, то необходимо перевести на нѣмецкое Квинтиліана и преподавать его во всѣхъ школахъ; пусть молодые люди сами дѣлаютъ переводы и сочиненія по методѣ Квинтиліана, такъ чтобы они могли лучше понять въ чемъ дѣло; можно даже сократить Квинтиліана, чтобы молодымъ людямъ легче было изучить его въ школѣ, потому что, поступивъ впослѣдствіи въ университетъ, они ничему этому не научатся, если не были подготовлены для того въ школахъ. Для преподаванія логики на нѣмецкомъ языкѣ лучшею оказывается Вольфа. Она, правда, немного пространна, но ее можно сократить. Первоначальныя школы всегда виною тому, что молодые люди ничему не научаются: учителя не заставляютъ молодыхъ людей трудиться, а даютъ имъ бѣгать попусту и не довольно строго настаиваютъ, чтобы они занимались. Молодые люди непремѣнно должны также

учиться латыни, отъ этого я не отступлю, лишь бы придумать самый легкій и лучшій методъ, чтобы по возможности легче усвоить ее молодежи; хотя бы они сдѣлались купцами или, смотря по дарованію, посвятили себя иному дѣлу, но латынь имъ все-таки будетъ полезна, и въ свое время они ужъ сами примѣнятъ ее къ дѣлу. Въ Іоахимсталѣ и въ другихъ большихъ училищахъ слѣдуетъ основательно проходить всю логику, а также и въ школахъ маленькихъ городовъ, такъ чтобы всякій научился дѣлать разумные выводы въ собственныхъ дѣлахъ, какъ и слѣдуетъ. Учителя же обязаны тщательнѣе заниматься обученіемъ молодыхъ людей, прилагать больше старанія и предаваться дѣлу съ ревностнымъ влеченіемъ: за это они получаютъ окладъ; и если они не исполняютъ дѣла надлежащимъ образомъ, если они не аккуратны и пренебрегаютъ молодыми людьми, то слѣдуетъ напомнить имъ, чтобы они были внимательнѣе. Съ молодыми людьми необходимо пройти реторику по Квинтиліану и логику по Вольфу, но нѣсколько сокращенную, потомъ латынь по классическимъ авторамъ; учитель и профессора обязаны непремѣнно знать какъ латинскій, такъ и греческій языки; это существенно необходимо, для того чтобы они могли самымъ основательнымъ образомъ преподать все это молодымъ людямъ и умѣли примѣнить самый легкій для того методъ. Потому вы имѣете прежде всего приступить къ улучшенію школъ въ большихъ городахъ, а именно, въ Кенигсбергѣ, Штетинѣ, Берлинѣ, Бреславлѣ, Магдебургѣ и пр.; также и въ Елисаветинской школѣ въ Бреславлѣ, гдѣ образуютъ добронравныхъ людей, назначаемыхъ впослѣдствіи въ учителя. Необходимо начать съ первоначальныхъ школъ, ибо здѣсь кладется основаніе; молодые люди впослѣдствіи вольны сдѣлаться юристами, профессорами, секретарями, или чѣмъ бы то ни было, но для этого они все-таки должны учиться тоже латинскому. Въ школахъ необходимо также ввести хорошую нѣмецкую грамматику, напр. Готшеда или иную, которая окажется наилучшею. Весьма полезно было бы, если бъ молодые люди постоянно жили въ школѣ, за что родители вносили бы извѣстную плату; тогда они учились бы гораздо лучше, чѣмъ находясь дома, гдѣ родители позволяютъ имъ болтаться попусту; такъ напр. въ Іоахимсталѣ они хорошо учатся, находясь тамъ постоянно вмѣстѣ. Реторика и логика необходимы для всѣхъ сословій, всѣ люди одинаково нуждаются въ нихъ, лишь бы методъ преподаванія былъ нѣсколько измѣненъ, такъ чтобы молодые люди лучше могли изучить ихъ. И если учитель или профессоръ отлично исполняетъ свое дѣло, то надо наградить такого преподавателя, чтобы поощрить и подстрекнуть другихъ также стараться и не быть небрежными. Классическіе авторы дол-

жны быть всѣ переведены на нѣмецкій языкъ, для того чтобы ученики ознакомились съ ними, а иначе они заучиваютъ только слова, а самого дѣла не постигаютъ; необходимо перевести всѣхъ лучшихъ авторовъ съ греческаго и латинскаго, а именно Ксенофонта, Демосѳена, Салюстія, Тацита, Ливія и всѣ творенія Цицерона, такъ какъ они всѣ хороши, потомъ также Горація и Виргилія, хотя бы даже прозою. На французскомъ языкѣ имѣются также превосходныя сочиненія, которыя слѣдуетъ перевести. Если молодые люди сдѣлали свой переводъ, то надо сравнить его съ нѣмецкимъ текстомъ и указать имъ, гдѣ они употребили невѣрныя слова и въ чемъ ошиблись: въ настоящее время обученіе идетъ плохо и недостаточно обращаютъ вниманіе на воспитаніе въ школахъ, оттого тамъ дѣти мало учатся, такъ что первоначальныя основанія ихъ никуда негодны. Кто лучше умѣетъ разсуждать, тотъ преуспѣетъ болѣе всякаго выводящаго ложныя умозаключенія. Для молодыхъ людей, желающихъ заняться торговлею, имѣется много хорошихъ книгъ, по которымъ они въ состояніи изучить торговлю каждой изъ націй на свѣтѣ. Для готовящихся въ офицеры необходима исторія, и вообще для всѣхъ людей; ее слѣдуетъ даже преподавать съ самого начала; вѣдь объ этомъ имѣется много сокращенныхъ руководствъ; сперва преподавать ее вкратцѣ и не слишкомъ долго останавливаться на древнихъ временахъ, лишь бы получить нѣкоторое понятіе о древней исторіи. Новѣйшія времена необходимо проходитъ съ большею подробностью, такъ чтобы молодые люди основательно ознакомились съ ними, что легко исполнить. Въ отношеніи геометріи имѣются разныя другія средства обучать ей. Что же касается до философіи, то она должна преподаваться не священникомъ, а міряниномъ; иначе выйдетъ то же самое, какъ еслибъ юристъ вздумалъ обучать офицера военному искусству. Пусть онъ проходитъ съ учениками всѣ системы, но отнюдь не сочиняетъ новыхъ. Пускай онъ проходитъ также метафизику. Но отъ греческаго и латинскаго я не отступлюсь при обученіи въ школахъ. Логика также крайне необходима, потому что всякому крестьянину придется обсудить свое дѣло, и было бы хорошо, если бъ всѣ здраво судили. Реторику, какъ уже сказано, тоже слѣдуетъ основательно преподать молодымъ людямъ. Необходимо обращать вниманіе, чтобы дѣти тщательно посѣщали школу, а если это не исполняется ими, то слѣдуетъ извѣстить о томъ отцовъ и родителей, чтобы они наказали ихъ за это; вѣдь они посылаютъ дѣтей въ школу для того чтобы учиться, а иначе могли бы оставить ихъ при себѣ дома.

Весьма похвально, что учителя въ сельскихъ школахъ преподаютъ дѣтямъ религію и нравоученіе, и они не дол-

жны пренебрегать этимъ, для того чтобъ люди оставались вѣрными своей религіи и непереходили въ католичество; евангелическая религія самая лучшая и гораздо лучше католической, потому учителя и должны стараться, чтобы люди были привязаны къ своей религіи и увѣщать ихъ, чтобы они не крали и не убивали. Воровство впрочемъ не прекратится, это лежитъ уже въ человѣческой природѣ: потому естестественно, весь простой народъ воровать, а также и другіе люди, даже состоящіе при кассахъ, и вообще всякій, кому представится случай. Въ Лауэнбургской и Бютовской областяхъ необходимѣе чѣмъ гдѣ либо улучшить обученіе дѣтей, потому что тамъ оно крайне запущено. Въ Альтенбургской области очень хорошее воспитаніе и тамошніе жители весьма добропорядочные и разумные люди. Было бы весьма полезно привлечь оттуда не слишкомъ дорогихъ учителей. Вы сообразите, какъ бы это сдѣлать. А впрочемъ для селъ и деревень достаточно, если тамъ научатся немного чтенію и письму; вѣдь если поселяне через-чуръ учены, то они уходятъ въ города и наровятъ въ писмоводители т. п. Потому въ деревняхъ надлежитъ устроить обученіе такимъ образомъ, чтобы они научились всему для нихъ необходимому, но чтобы крестьянъ не покидали деревень, а оставались въ нихъ навсегда. По такому моему воззрѣнію и предписанію вы имѣете все устроить и урядить въ школахъ наилучшимъ образомъ, дабы достигнуты были мои государственныя попеченія. Пребываю впрочемъ весьма благосклоннымъ къ вамъ королемъ вашимъ

Фридрихъ.

Въ царствованіе Фридриха возникла система реальныхъ школъ и была дѣятельно поощряема имъ. Громкое, отъ самаго правительства исходящее прославленіе земледѣлія, фабричнаго производства, торговли, промышленности и пр. неминуемо повліяло на преобладавшее возникновеніе механическаго и техническаго исскуства. Развилась живая умственная дѣятельность во всѣхъ относящихся сюда областяхъ. Математика, физика и химія получили рѣшительный перевѣсъ. Реальныя знанія были вообще въ ходу. Скоро убѣдились также, что для практической жизни гораздо полезнѣе изучать живые нежели мертвые языки. Реальная школа Гекера пользовалась существеннымъ покровительствомъ какъ публики, такъ и правительства, самъ Гекеръ былъ произведенъ въ совѣтники консисторіи, и его въ 1748-мъ г. основанная при реальной школѣ учительская семинарія, рескриптами отъ 8-го апрѣля 1750-го и отъ 25-го сентября 1752-го и, также циркулярнымъ отношеніемъ отъ 1-го октября 1753-го г. возведена была въ средоточіе народнаго

образованія; вмѣстѣ съ тѣмъ ему назначили ежегодное пособіе въ 600 талеровъ на содержаніе 12-ти семинаристовъ, и вообще Фридрихъ обратилъ вниманіе также и на систему народныхъ школъ. Уже въ 1741-мъ г. издалъ онъ рескриптъ, въ которомъ предписываетъ дворянамъ „заняться устройствомъ школъ въ деревняхъ, такъ чтобы согласно его волѣ въ теченіе полугода выстроены были необходимыя школы въ дворянскихъ помѣстьяхъ, причемъ дворянамъ предоставляется по усмотрѣнію урядить содержаніе учителей, но съ тѣмъ чтобы послѣдніе уволены были отъ всякихъ повинностей и пользовались даровымъ пастбищемъ на нѣсколько головъ скота; сверхъ того выговаривалось каждому изъ учителей по участку въ полѣ, 12 шеффелей ржи и 10 талеровъ платы за ученье, притомъ необходимое топливо и кормъ для скота.“ Въ 1763-мъ г., семь дней до заключенія Губертсбургскаго мира, король издалъ указъ, въ которомъ сказано, „что съ возстановленіемъ въ скоромъ времени общественнаго спокойствія онъ обратитъ также свое вниманіе на то, чтобы дурно до сихъ поръ устроенныя сельскія школы были по возможности улучшены и не велись такими неопытными людьми какъ прежде. Онъ поэтому намѣренъ начать сперва съ волостей въ Курмаркахъ и повелѣваетъ чтобы туда въ учителя назначались только люди, предложенные для того совѣтникомъ Гекеромъ или по крайней мѣрѣ проэкзаменованные имъ и оказавшіеся достаточно способными и вмѣстѣ съ тѣмъ чтобы учителя назначались не чиновниками, а палатою“. Затѣмъ 1-го апрѣля 1763-го г. вышелъ приказъ министру изготовить для всѣхъ провинцій въ государствѣ касающійся сельскихъ школъ уставъ, который былъ сочиненъ Гекеромъ и по приказанію короля 2-го октября 1763-го г. сообщенъ для обнародаванья всѣмъ правительственымъ мѣстамъ и консисторіямъ. Во введеніи къ нему король выражаетъ свою непремѣнную волю, чтобы сельскія шлолы во всѣхъ провинціяхъ были уряжены и приведены въ лучшее состояніе, чѣмъ онѣ были до сихъ поръ. „Ибо по возстановленіи спокойствія и всеобщаго мира мы обратимъ настоятельное вниманіе на истинное благо всѣхъ сословій въ нашемъ государствѣ: а потому считаемъ необходимымъ и полезными положить этому прочное основаніе какъ разумнымъ, такъ и христіанскимъ обученіемъ юношества истинному благочестію и другимъ полезнымъ предметамъ.“ Потомъ въ уставѣ высказывается обязательное обученіе для дѣтей отъ пяти до тринадцати и четырнадцатилѣтняго возраста,— запрещается подлежащихъ рекрутской повинности молодыхъ людей брать изъ школы, „пока они не умѣютъ читать, пока не заложили хорошаго основанія въ христіан-

твѣ и не научились писать,"—назначается время уроковъ въ школѣ, зимой до обѣда отъ 8 до 11, а послѣ обѣда, исключая середы и субботы, отъ 1 часу до 4, тогда какъ лѣтомъ школа открыта только до обѣда,—по воскреснымъ днямъ помимо катехизаціи и повтореній священника, учитель обязанъ дать урокъ холостымъ молодымъ людямъ, заставляя ихъ читать Новый завѣтъ и написать нѣсколько текстовъ или воскресное евангеліе или посланіе;—слѣдуетъ вносить зимой за каждаго еще не выучившагося чтенію ученика по 6, а за умѣющаго уже читать по 9 пфеннинговъ, а если онъ притомъ уже пишетъ и считаетъ, то по одному грошу въ недѣлю, лѣтомъ же только двѣ трети той же платы, которая за неимущихъ дѣтей выдается изъ кассы для бѣдныхъ или изъ церковной или сельской кассы,—въ учителя или кистеры назначать только экзаменованныхъ и снабженныхъ свидѣтельствомъ о ихъ способности людей. „Такъ какъ при хорошемъ устройствѣ школъ все главнѣйше зависитъ отъ добросовѣстнаго учителя, то заявляемъ при этомъ и нашу всемилостивѣйшую и непремѣнную волю, дабы всѣ и всякій, имѣющіе назначать учителей, обратили тщательное вниманіе, чтобы впредь въ сельскіе учителя назначались дѣйствительно способные на то люди. Учитель долженъ обладать не только достаточнымъ искусствомъ для обученія дѣтей необходимымъ предметамъ, но тщиться также во всемъ своемъ поведеніи быть образцомъ паствѣ и своими поступками не разрушать опять того, что онъ созидаетъ своимъ ученіемъ. Поэтому учителя, болѣе чѣмъ кто либо, должны блюсти истинное благочестіе и избѣгать всего, чѣмъ могли бы соблазнить родителей и дѣтей." Въ учебномъ планѣ затѣмъ предписывается, чтобы въ первый утренній часъ пѣлась церковная пѣсня—по одной въ каждый мѣсяцъ—которую учитель сперва медленно и внятно подсказываетъ, а потомъ распѣваетъ со всѣми учениками. Послѣ пѣнья читатся молитва: учитель либо самъ говоритъ ее одинъ, либо изъ умѣющихъ читать мальчиковъ медленно и внятно читаетъ предписанную утреннюю молитву. Затѣмъ другой ученикъ медленно, внятно и громко читаетъ мѣсячный псаломъ и все это заканчивается молитвою Господней. Послѣ того объясняется по очереди одинъ изъ членовъ катехизиса и притомъ вкратцѣ, такъ чтобы въ шесть недѣль пройдти весь катехизисъ до конца. Этотъ урокъ исполняется такимъ образомъ: подлежащій объясненію членъ нѣкоторые изъ дѣтей должны говорить наизустъ до тѣхъ поръ, пока большая часть изъ нихъ хорошо усвоятъ его. Потомъ вопросами объясняются сперва слова, а затѣмъ и обозначаемые словами предметы, и все подтверждается текстами изъ Священнаго Писанія. Наконецъ указывается еще, какъ слѣдуетъ дѣтямъ примѣнять въ жизни сообщенную имъ ис-

тину.—Во второй урокъ принимаются за чтеніе, склады и азбуку. Въ первый получасъ умѣющіе читать дѣти читаютъ ту или другую главу изъ Новаго Завѣта и Библіи, или всѣ вмѣстѣ, или по нѣскольку заразъ, или кто-нибудь изъ нихъ продолжаетъ одинъ. Въ остальной получасъ учащіеся складамъ дѣти складываютъ то вмѣстѣ, то поодиночкѣ. Наконецъ на доскѣ пишется какое нибудь слово и при этомъ повторяется то, что необходимо для складовъ и для чтенія. Учащіеся азбукѣ стоятъ или сидятъ въ этотъ часъ съ своими азбучными табличками передъ большой доской, заучивая ежедневно по двѣ буквы, не въ азбучномъ порядкѣ. Въ третій утренній урокъ ученики пишутъ и складываютъ, притомъ заучиваются также буквы. Болѣе взрослые дѣти въ первую половину урока пишутъ, а во вторую ихъ писанье исправляется. Въ теченіе этого времени одни ученики упражняются въ складахъ и знакомятся съ правилами чтенія; а учащимся азбукѣ сообщаютъ разницу между гласными и согласными буквами. При исправленіи письменныхъ уроковъ болѣе взрослыхъ имъ иногда подсказываютъ еженедѣльные тексты. Къ концу третьяго утренняго урока дѣтей заставляютъ молиться, и когда учитель исполнилъ это, то читается ежемѣсячный псаломъ или часть изъ ежемѣсячной церковной пѣсни, потомъ ученики спокойно расходятся по домамъ.—Въ первый послѣобѣденный урокъ дѣти собираются подъ надзоромъ учителя; пропѣвъ нѣсколько стиховъ и прочитавъ ежемѣсячный псаломъ, имъ сообщаютъ содержаніе библейскихъ книгъ и попеременно читаютъ по учебнику для сельскихъ школъ. Во второй урокъ они въ первые полчаса твердятъ въ связи съ христіанскимъ ученіемъ членъ изъ катехизиса, какой слѣдуетъ по порядку. Учитель нѣсколько разъ тихо и внятно читаетъ имъ подлежащій изученію членъ; потомъ старшіе ученики всѣ вмѣстѣ опять нѣсколько разъ читаютъ то же самое, причемъ средніе и младшіе сидятъ смирно и слушаютъ. Окончивъ это, учитель подсказываетъ дѣтямъ изъ изучаемаго члена отъ одной запятой до другой и заставляетъ ихъ повторять, продолжая это до тѣхъ поръ, пока они не усвоятъ его. Наконецъ каждая кучка говоритъ наизустъ свой еженедѣльный текстъ. Въ остальной получасъ старшіе читаютъ, средніе складываютъ, а младшіе твердятъ буквы.—Въ третій урокъ послѣ обѣда частью пишутъ, частью считаютъ: причемъ средніе твердятъ склады, а младшіе азбуку.—По субботамъ дѣти повторяютъ въ первый получасъ выученные тексты, псалмы и пѣсни. Потомъ учитель разсказываетъ имъ изъ Ветхаго и Новаго Завѣта библейскую исторію, разбираетъ ее по вопросамъ и вкратцѣ поясняетъ дѣтямъ, какъ примѣнять ее. Потомъ читаютъ евангеліе или посланіе, которое будетъ объясняться въ наступающее воскресенье. Затѣмъ они

пишутъ на доскѣ, что исправляется учителемъ по ороографіи. По окончаніи ученія дѣтей увѣщеваютъ отъ души заняться какъ слѣдуетъ въ воскресенье, скромно и благоговѣйно вести себя въ церкви, слушать и усвоить себѣ во благо слово Божіе. — Учебниками для первоначальныхъ школъ назначаются: Новый Завѣтъ, такъ называемый молитвенникъ, гдѣ находится не только раздѣленіе каждой изъ книгъ, но изложено также въ молитвѣ содержаніе каждой изъ главъ. Затѣмъ Галльская или Берлинская библія: потомъ краткій и толковый катехизисъ Лютера; содержаніе библейскихъ книгъ, христіанское ученіе въ связи; берлинская азбука и книга для чтенія; общія понятія о Богѣ, о мірѣ и человѣкѣ и учебникъ для сельскихъ школъ о разныхъ необходимыхъ и полезныхъ предметахъ.—Дисциплина должна быть разумная: такъ чтобы дѣтямъ представляли себялюбіе какъ источникъ всѣхъ грѣховъ и доказывали гнусность его,--что бы ревностно преодолѣвали упорство и своенравіе,—чтобы за ложь, за брань, непослушаніе, злобу, ссору, драку и проч. строго наказывали, но съ разборомъ и по предварительномъ достаточномъ удостовѣреніи въ учиненномъ проступкѣ. Причемъ учителя, наказывая учениковъ, да воздержатся отъ всякой непристойной запальчивости, преступной горячности и брани, а напротивъ да обнаружатъ по возможности родительскую кротость и умѣренность, такъ чтобы не избаловать дѣтей вредною слабостью и не напугать чрезмѣрной строгостью.

Главный уставъ сельскихъ школъ знаменательно повліялъ на систему народнаго обученія осмнадцатаго столѣтія, хотя тамъ и настаивается главнѣйше на развитіи памяти. Благодаря этому уставу сословіе сельскихъ учителей освободилось отъ ремесленности, такъ какъ отъ нихъ требовалось семинарское образованіе, и народныя школы подчинены были правильному наблюденію и руководству правительства. Вслѣдствіе этого при появленіи своемъ онъ встрѣтилъ рѣшительный отпоръ, особенно со стороны самаго сословія учителей. Послѣдніе возстали противъ него, считая свое ремесло главнымъ, а содержаніе школъ побочнымъ дѣломъ. Знатные патроны опасались, какъ бы въ школахъ не погибла завѣтная покорность крестьянъ. Общины противились особенно введенію лѣтнихъ школъ и хотѣли лишить учителей установленнаго оклада, когда послѣдніе повышали плату за ученіе. Главная консисторія въ Бреславлѣ предложила другой, ею начертанный учебный уставъ, а Минденская консисторія увѣдомила дворъ, что она остается при прежнемъ указѣ отъ 1754-го г. Короля наконецъ утомили возникавшія со всѣхъ сторонъ затрудненія, и онъ, рѣшительно заявившій еще 9-го іюля 1758-го г., „что мѣста учителей и кис-

теровъ нельзя причислять къ мелкимъ замѣщаемымъ инвалидами службамъ,“ 31-го іюля 1779-го г. самъ же предписалъ, „когда между инвалидами окажутся умѣющіе читать, считать и писать и вообще способные для должности сельскихъ учителей, то они должны быть назначаемы попреимуществу, особенно въ мѣстахъ, гдѣ жалованье учителямъ выдается отъ короля.“ При Зедлицѣ явился также составленный во всякомъ случаѣ съ его содѣйствіемъ „уставъ для нѣмецко-реформатскихъ школъ въ герцогствѣ Клеве и графствѣ Маркѣ“ отъ 10-го мая 1782-го г., который своими болѣе идеальными цѣлями представляетъ какъ бы противоположность главному уставу сельскихъ школъ. Л. В. Зейффортъ, которому мы одолжены новымъ указаніемъ на этотъ важный документъ, справедливо предполагаетъ, что Песталоцціевъ „Вечерній досугъ пустынника,“ появившійся въ 1780-мъ г. въ Эфемеридахъ Изелина, оказалъ уже нѣкоторое вліяніе на этотъ уставъ. Въ немъ знаменательнымъ образомъ обнаруживается уже попытка привести преподаваніе въ тѣсную связь съ воспитаніемъ. Тамъ между прочимъ значится: „Преподаваніе тогда лишь принесетъ желанный плодъ, когда у себя дома родители и начальники такъ же тщательно станутъ наблюдать за тѣмъ, чтобы дѣти надлежащимъ образомъ изучали и приготовляли заданный въ школѣ урокъ и воздерживались такимъ образомъ отъ чрезмѣрныхъ игръ и обращенія съ шалунами; когда они благочестивымъ поведеніемъ и добросовѣстнымъ исполненьемъ домашняго богослуженія внушатъ имъ благоговѣніе къ Богу и слову Его; когда по примѣру Авраама воспитаютъ ихъ въ благочестіи; когда наконецъ при всякомъ удобномъ случаѣ будутъ возбуждать въ сердцахъ ихъ благоговѣніе и любовь къ Господу. Родители да помышляютъ почасту о благодатныхъ, какъ временныхъ, такъ и вѣчныхъ послѣдствіяхъ благочестиваго и мудраго дѣтскаго воспитанія, чтобы они и дѣти ихъ въ угоду Господу вѣчно пользовались блаженствомъ!“—„Никакая наука учителямъ не нужна такъ, какъ знаніе человѣческаго сердца, чтобы съ пользою вести преподаваніе, зорко слѣдить за поступками молодыхъ людей, надлежащимъ образомъ направлять ихъ наклонности и съ бльшимъ успѣхомъ образовать ихъ для зрѣлаго возраста. — Лучшимъ руководствомъ въ этомъ случаѣ послужатъ имъ вниманіе къ самимъ себѣ, тщательно производимыя наблюденія надъ развитіемъ дѣтской и юной души и разумное чтеніе нравственныхъ съ знаніемъ свѣта и людей написанныхъ книгъ.“—„Не слѣдуетъ пренебрегать дисциплиною. Посредствомъ нея необходимо искоренить самое вредное зеліе, извращенное себялюбіе, изъ котораго возникаютъ всѣ юношескія пороки, и препятствовать шалостямъ, упрямству, злобѣ и пр. Но да остерегутся учителя, чтобы не выйдти изъ предѣловъ

умѣренности.“—Способъ преподаванія опредѣляется такимъ образомъ: „Обучая, учитель долженъ говорить чистымъ языкомъ и обратить особенное вниманіе на ясность, такъ чтобы молодымъ людямъ сообщались точныя понятія.—Коль скоро онъ замѣтитъ, что учащіеся не понимаютъ его изложенія, то долженъ упростить его, постараться выяснить и особенно пріобрѣсть умѣнье подходящими пріятными сравненіями оживить и онаглядить предлагаемые предметы.“ — Относительно предметовъ и цѣлей преподаванія ставятся гораздо высшія противъ прежняго требованья. „Пусть учитель заставляетъ дѣтей сочинять письма и другія въ обыденной жизни случающіяся полезныя статьи, и если они преуспѣли въ этомъ, то пусть задаетъ имъ такія же сочиненія на домъ.“—„Полезно было бы, особенно въ городахъ, сообщить дѣтямъ нѣкоторыя свѣдѣнья о простой бухгалтеріи и о составленіи легкихъ счетныхъ таблицъ.“ Предлагаютъ также для взрослыхъ открыть вечернія школы, особенно въ зимнее время. Несмотря на стремленіе удовлетворить требованьямъ практической жизни, это постановленіе отнюдь не потворствовало пошлому утилитарному принципу, что уже явствуетъ изъ слѣдующаго отрывка: „Пусть учитель читаетъ вслухъ дѣтямъ и при этомъ да не упускаетъ случая изощрить разсудокъ молодыхъ людей и развить въ нихъ вкусъ къ истинѣ, добру и прекрасному.“—Посѣянное при Фридрихѣ Великомъ и его замѣчательномъ министрѣ Зедлицѣ принесло плодъ, хотя у самаго короля, какъ мы видѣли, опустились на время руки. Герои нѣмецкой литературы своими твореніями также содѣйствовали вѣнчанному генію. Творенія ихъ проникли въ города и веси. Вскорѣ всѣмъ хотѣлось читать, всѣ хотѣли быть образованными. Вскорѣ всѣ стали радѣть о воспитаніи своихъ дѣтей. Учрежденіемъ руководящаго народными школами вѣдомства и обнародованьемъ перваго всеобщаго устава сельскихъ школъ Фридрихъ Великій заложилъ несокрушимое основаніе для осуществленія этихъ требованій.

а) ФИЛАНТРОПИЗМЪ.

28.

Сущность филантропизма.

Подъ вліяніемъ утвердившаго свое господство духа въ Германіи и новаго педагогическаго благовѣстія Руссо образовалась *школа филантроповъ*, которая, ревностно ухватившись за его идеи воспитанія и пытаясь осуществить ихъ на самомъ дѣлѣ, знаменательно повліяла на свою эпоху, благодаря тому что тогдашній образованный міръ весь свой энтузіазмъ обратилъ на вопросы воспитанія и избралъ ихъ своимъ девизомъ: все чрезъ гармоническое, тѣлесно духовное развитіе человѣка и все для него.—Современное состояніе міра—таково было предположеніе филантропизма—вообще крайне испорченное. Церковь и государство, школа и семья, народные нравы и ученость:—вездѣ порождаемая безуміемъ и злобою гниль. А пуще всего сама школа крайне ошибочна въ своихъ основахъ. Нѣтъ ни практической учительской семинаріи, ни обдуманнаго плана для послѣдовательнаго состава учебниковъ; вездѣ заучиваются наизусть непонятныя слова; школьная пыль испоконъ вѣка лежитъ на методѣ преподаванія языковъ; вынужденные дышать ею, и старъ и младъ, заболѣваютъ мозгомъ. Преподаваніе, вездѣ еще носитъ на себѣ отпечатокъ той эпохи, когда впервые устроивались школы,—характеръ монашества. Почти все основано на памяти и наборѣ словъ. На языки, служащіе только средствами, смотрятъ какъ на цѣль. Молодыхъ людей обучаютъ многимъ вещамъ, которыхъ имъ вовсе не придется употреблять въ жизни. Чтобы избавить человѣчество отъ такого жалкаго состоянія

и водворить въ мірѣ по возможности высшее блаженство необходимо заложить новое основаніе, на которомъ развилось бы новое поколѣніе, такъ какъ и думать нечего о возрожденіи взрослыхъ, пока юношество не перенесется на новую почву. Потому прежде и пуще всего слѣдуетъ освободить юношество отъ ярма обычнаго воспитанія. Жестокости, которыя приходится терпѣть дѣтямъ въ большей части родительскихъ домовъ, крайне возмутиельтны, а между тѣмъ наши современники по большей части такъ къ нимъ привыкли, что имъ ни почемъ видѣть, какъ бичуютъ невиннаго ребенка и слышать его вопли, вовсе и не думая при этомъ о несправедливости. Еслибъ съ самаго начала обращались разумно, то всякія кары оказались бы излишними.—Необходимо также освободить юношество отъ мукъ ученія, потому что большею частью все, чему учили до сихъ поръ, было безполезно, даже вредно. Не многое, да лишь бы съ охотой! По новому методу ученье покажется втрое пріятнѣе, нежели оно бываетъ обыкновенно.—Необходимо наконецъ освободить юношество отъ всякихъ предразсудковъ, отъ нелѣпаго платья, въ которое кутаютъ дитя, отъ боязни привидѣній, отъ ввѣры въ вѣдьмъ, отъ страха предъ грозою, отъ розняшаго лвюдей различія религій и вѣроисповѣданій и т. п.

Этимъ отрицательнымъ началамъ филантропизмъ противопоставляетъ положительныя: 1) Для того чтобы преуспѣвало искусство, необходимо прежде всего образовать *художниковъ*. 2) Въ тѣлесномъ воспитаніи слѣдуетъ возвратиться къ методу древнихъ. Закаливанье тѣла и гимнастика укрѣпятъ и образуютъ. Это одно уже предохранитъ отъ школьной заразы тайныхъ грѣховъ. Потомъ наиболѣе вѣрное средство противъ послѣднихъ состоитъ въ томъ, чтобы даже съ раннихъ лѣтъ серьезно и съ уваженіемъ говорить о дѣлѣ зарожденія, такъ какъ многіе грѣшатъ оттого, что не вѣдаютъ, что творятъ. 3) Въ духовномъ образованіи крайнею цѣлью должно быть воспитаніе къ гуманности. До сихъ поръ воспитывали только ученыхъ, или дворянъ, или ремесленниковъ. Для міра гораздо важнѣе человѣкъ, космополитъ. 4) Воля должна быть руководима—разумомъ, притомъ—строгимъ повиновеніемъ. Для этого надо придумать особыя хвалебныя и карательныя средства — отмѣтки на похвальной доскѣ, золотыя точки, ордена за заслуги, черные гвозди. Наказаніями въ школѣ могутъ служить: тереть у дѣтей спину жесткими щетками, заставлять ихъ за столомъ ѣсть изъ деревянной посудины, низводить ихъ въ званіе прислуги, въ классѣ запирать мальчиковъ въ каморки, а если они вздумаютъ высовываться, то приспособить скрытыя иглы и т. п.

5) Религію преподавать въ юности въ самомъ простомъ видѣ, не обращая вниманія ни на секты, ни на партіи. Благочестивые люди всѣхъ вѣковъ и всѣхъ націй согласны между собою въ главномъ понятіи о познаніи Отца вселенной и о почитаніи его праведными дѣлами. Догматы церкви принадлежатъ позднѣйшему возрасту. До сихъ поръ иной добрый мальчикъ въ повседневно проклинаемыхъ урокахъ повторялъ вбиваемыя ему съ рубцами слова какого-нибудь посланника Божія, съ тѣмъ чтобы никогда не понятъ ихъ, по крайней мѣрѣ не уважать, когда выйдетъ изъ-подъ ферулы своихъ учителей. 6) Сдѣлайте добродѣтель и религію пріятными для юношей, такъ чтобы они полюбили и ту и другую. Не подавляйте естественной наклонности къ свободѣ, но только руководите ею. Дѣти отъ природы добры; насиліе большею частью ухудшаетъ ихъ. Они отъ природы человѣколюбивы; ихъ доводятъ до того, что они ненавидятъ людей. Филантропія да руководитъ всякимъ воспитаніемъ. Чтите въ дѣтяхъ природу гораздо выше искусства. Утонченные нравы и обычаи свѣта отчасти неестественны Искусство дается въ болѣе зрѣломъ возрастѣ. Обращайтесь съ дѣтьми какъ съ дѣтьми, чтобы они тѣмъ долѣе остались неиспорченными. 7) Чувственное дитя, чувственный отрокъ, не имѣющій никакой наклонности ни къ отвлеченному, ни къ непонятному— а къ обыкновенному катехизису и подавно—долженъ бы прежде всего ознакомиться съ чувственнымъ міромъ. Показывайте ему послѣдній въ натурѣ, а если этого нельзя, то въ вѣрныхъ снимкахъ. Такимъ образомъ онъ почти играя узнаетъ, какъ слѣдуетъ изучать предметы. Въ этомъ отношеніи одинъ только Коменскій указалъ настоящій путь. Но къ несчастью его скоро покинули. 8) Молодежь ничѣмъ такъ не мучаютъ, какъ латинью. На изученіе ея въ школахъ тратится пять лѣтъ и даже болѣе. При всемъ томъ и четвертая часть обучающихся такимъ образомъ мальчиковъ не доходитъ даже до того, чтобы безъ затрудненія читать латинскія книги и писать безъ грамматическихъ ошибокъ. Учите латыни такъ же, какъ учатъ нѣмецкому или французскому, и вы вскорѣ удивитесь, какъ быстро и легко дѣти станутъ говорить, читать и, быть можетъ, даже писать полатини. 9) Если наставники дѣйствительно хотятъ воспитать молодыхъ людей къ нравственности, то не слѣдуетъ давать имъ въ руки ни полнаго изданія классиковъ, ни всей библіи. Они по этимъ книгамъ знакомятся съ порокомъ и легкомысленно судятъ объ немъ. Ихъ воображеніе пятнается образами, отъ которыхъ слѣдовало бы по возможности предохранять всякаго человѣка. Учитель, которому придется объяснять неблагопристойныя мѣста, будетъ

или смущенъ или легкомысленъ. Итакъ, крайне необходимо имѣть очищенныя хрестоматіи изъ классиковъ и извлеченія изъ библіи. Вообще въ учебникахъ всюду недостатокъ, а пока ихъ нѣтъ и они другъ другу не соотвѣтствуютъ, до тѣхъ поръ нечего и думать о цѣлесообразномъ воспитаніи. Этой потребности не удовлетворено еще даже и въ низшихъ школахъ. Нигдѣ недостаетъ средствъ для умственнаго обученія, и съ дѣтьми простолюдинъ занимаются все еще механически, оттого что нѣтъ способныхъ объяснять предметы учителей, такъ какъ ихъ собственныя понятія не ясны. Потому и тутъ также необходимы радикальныя улучшенія. Когда устранятся препятствія, тогда только достигнется цѣль воспитанія: образовать европейцевъ, т. е. людей среди цивилизованныхъ народовъ, обладающихъ общепринятыми въ Европѣ нравами и учрежденіями—европейцевъ, жизнь которыхъ была бы такъ безвредна, такъ общеполезна и удовлетворительна, какъ то можетъ быть достигнуто воспитаніемъ, — людей, которые подъ деспотическимъ правленіемъ чувствовали бы себя столь же счастливыми, какъ и въ Альпійской республикѣ.

Филантропизмъ пытался возвести педагогику въ науку,—преобразилъ, какъ выражается *Пальмеръ*, преподаваніе изъ школярнаго ремесла въ предметъ научнаго изслѣдованья. Институты его служили для производства педагогическихъ опытовъ, для открытія и введенія методовъ, и „хотя воспитанникамъ, надъ которыми совершались эти опыты, приходилось не лучше чѣмъ кроликамъ, надъ которыми молодые медики на пользу науки производятъ свои физіологическія и патологическія изслѣдованья, но эти опыты имѣли такое же значеніе, какъ и такъ называемыя опытныя поля въ области сельскохозяйственныхъ институтовъ“. „Во всѣхъ остальныхъ воспитательныхъ заведеніяхъ методъ обусловливался ихъ реальною практическою цѣлью. Іезуитскимъ коллегіямъ педагогика служила для производства пропаганды, братскимъ общинамъ—для распространенія въ народѣ библіи, Франковскимъ заведеніямъ—для образованія людей въ христіанской общинѣ и для развитія благочестія въ народѣ, особенно среди бѣдныхъ. Въ филантропикахъ имѣли правда въ виду также реальную цѣль, а именно филантропію, всемірногражданскій эвдемонизмъ (т. е. всеобщее блаженство); но относительно образа воспитанія въ нихъ предоставлялся полный просторъ“. Въ филантропикахъ педагогика была сама себѣ цѣлью. За свободу, въ какой подвизался тамъ учитель, даже *Кантъ* превозносилъ филантропизмъ. Онъ говоритъ: „Въ цивилизованныхъ странахъ Европы нѣтъ недостатка въ воспитательныхъ заведеніяхъ и въ добросовѣстномъ рвеніи учителей быть въ этомъ отношеніи полезными

всѣмъ, а все-таки теперь ясно доказано, что всѣ они испорчены съ самаго почина своего, что въ нихъ все противодѣйствуетъ природѣ, почему изъ человѣка далеко еще не извлекается то добро, къ какому онъ способенъ отъ рожденія, и что мы изъ скотскихъ тварей только путемъ образованія дѣлаемся людьми, а потому скоро увидали бы вокругъ себя совсѣмъ иныхъ людей, еслибъ вошли во всеобщее употребленіе тѣ воспитательные методы, которые разумно извлечены изъ самой природы, а не рабски заимствованы отъ стародавней привычки грубой и невѣжественной эпохи. Но тщетно было бы ожидать этого блага человѣческаго рода отъ постепеннаго улучшенія школъ. Для того чтобы изъ нихъ вышло что-нибудь путное ихъ слѣдуетъ пересоздать, такъ какъ онѣ ошибочны въ самомъ коренномъ устройствѣ своемъ и даже учителямъ ихъ необходимо усвоить себѣ новое образованіе. Совершить это можетъ не медленная реформа, но одна только быстрая революція. А для этого ничего болѣе не нужно, какъ только одну школу, которая съ самаго основанія была бы устроена вновь по настоящему методу, руководилась бы просвѣщенными мужами, не корыстнымъ, а благороднымъ рвеніемъ, и въ своемъ поступательномъ движеніи къ совершенству обсуждалась бы внимательнымъ взоромъ знатоковъ всѣхъ странъ; до достиженія же своего совершенства поддерживалась и поощрялась бы совокупными пособіями всѣхъ друзей человѣчества. Такая школа не только для тѣхъ, которыхъ она воспитаетъ, но, что гораздо важнѣе, и для тѣхъ также, кому она дастъ возможность, мало по малу въ значительномъ числѣ образовать изъ себя учителей по истинному методу воспитанія,— это зерно, при тщательномъ уходѣ за которымъ въ короткій срокъ развилось бы много дѣльно образованныхъ учителей, и они покрыли бы вскорѣ всю страну хорошими школами. Общества прежде всего должны были бы направить свои попеченія къ тому, чтобы со всѣхъ мѣстъ и концовъ подать руку помощи такой образцовой школѣ и пособить ей скоро достичь полнаго совершенства, источники для котораго заключаются уже въ ней самой. Потому что подражать тотчасъ же ея учрежденію и устройству во всѣхъ другихъ краяхъ, а между тѣмъ вслѣдствіе недостатка и препятствій задерживать дальнѣйшее совершенствованіе самой школы, назначенной быть первымъ полнымъ образцомъ разсадника хорошаго воспитанія, значило бы разбрасывать недозрѣвшее сѣмя, съ тѣмъ чтобы впослѣдствіи пожать лишь сорныя травы. Такое воспитательное заведеніе теперь не одна только прекрасная идея, а напротивъ, въ дѣйствительныхъ и ясныхъ доказательствахъ представляется возможность на дѣлѣ того, что давно желалось всѣми. Поистинѣ, это такое явленіе нашего времени, которое, хотя и не

обратитъ на себя вниманія толпы, но для всякаго понимающаго и сочувствующаго человѣческому благу наблюдателя должно быть гораздо дороже блестящаго ничтожества на постоянно измѣнчивомъ поприщѣ большого свѣта, чѣмъ ни на волосъ нерасширяется, а скорѣе задерживается благо человѣчества. Какъ общественное мнѣніе, такъ и согласные отзывы добросовѣстныхъ и понимающихъ знатоковъ изъ всѣхъ странъ приписываютъ именно Дессаускому учебному заведенію всѣ признаки такого превосходства". — И дѣйствительно, — хотя филантропизмъ вмѣсто того, чтобы сообщать основательное, всестороннее образованіе, велъ къ поверхностному многознанію и къ заносчивымъ притязаніямъ; хотя онъ, не дорожа и потому пренебрегая памятью и всякимъ положительнымъ знаніемъ, упустилъ изъ виду одну изъ существенныхъ сторонъ умственныхъ способностей; хотя по части классическаго образованія вопреки всѣмъ притязаніямъ онъ не исполнилъ обѣщаннаго; хотя онъ наконецъ не признавалъ значенія высшихъ чувствъ, а потому велъ воспитанниковъ къ эгоизму и не постигъ истинно образовательной силы христіански-этическаго начала воспитанія, и истиннаго христіанства вообще: — но этотъ филантропизмъ избавилъ воспитаніе отъ пагубнаго принужденія внѣшнихъ условій жизни и оживилъ его болѣе свободнымъ духомъ, — призналъ необходимость тѣлеснаго развитія, — изгналъ изъ школы наиболѣе нагляднымъ обученіемъ и живымъ, практическимъ преподаваніемъ языковъ безжизненное долбленіе на память, — заявилъ въ религіи откровеніе Божіе въ природѣ, доселѣ совсѣмъ упускаемый изъ виду и пренебрегаемый моментъ въ преподаваніи закона Божія, вмѣстѣ съ тѣмъ противоставилъ христіанство церковному уставу, — преобразилъ классы въ школахъ въ свѣтлыя пристанища здоровья, веселья и любви, — а изъ вымершихъ для свѣта, холодныхъ, властолюбивыхъ школярныхъ деспотовъ онъ сдѣлалъ любвеобильныхъ отцовъ и друзей воспитанниковъ. Хотя филантропизмъ въ своей дисциплинѣ замѣнилъ палку и розги одностороннимъ подстреканіемъ честолюбія, — но и въ этомъ отношеніи онъ также представилъ успѣхъ сравнительно съ бывшими доселѣ школами, гдѣ и не предполагалось, чтобы молодежь могла съ охотою трудиться надъ чѣмъ нибудь, гдѣ знатные юноши щеголяли „съ напудренными и припомаженными волосами, въ шитыхъ золотомъ кафтанахъ, короткихъ штанахъ, шелковыхъ чулкахъ, со шпагой при бедрѣ", гдѣ обыкновенное наказаніе состояло въ заучиваньи наизустъ 119-го псалма, и гдѣ Гейберле, collega jubilaeus, въ одномъ городкѣ въ Швабіи, по точному списку наказаній, за время 52-хъ-лѣтняго отправленія

лмъ должности, роздалъ 911527 палочныхъ ударовъ, 124010 розогъ, 20989 ударовъ линейкою и такъ называемыхъ лапокъ, 136715 шлепковъ, 10235 пощечинъ, 7905 оплеухъ, 1115800 щелчковъ по башкѣ, 22763 толчковъ библiей, катехизисомъ, молитвенникомъ и грамматикою; изъ общаго числа каръ приходилось 800000 палокъ за латинскiя вокабулы и 76000 розогъ за библейскiе тексты и пѣсни изъ молитвенника, причемъ онъ 777 разъ ставилъ мальчиковъ на колѣни на горохъ, 613 разъ на трехгранное поленце, 5001 разъ надѣвалъ осла, 1707 заставлялъ держать кверху розги и имѣлъ въ запасѣ 3000 бранныхъ словъ. Наконецъ — и это одна не изъ маловажныхъ заслугъ филантропизма — съ нимъ настало господство реализма вообще, насталъ новый перiодъ для руководствъ и поучительныхъ книгъ для дѣтскаго чтенiя. Азбуки и книги для чтенiя Вейсена (1772) и цѣлаго ряда его подражателей, потомъ Другъ дѣтей Рохова, сочиненiя Бекера, Юнкера, Зейлера, Фауста быстро разбирались и расходились сотнями тысячъ экземпляровъ; Библейскiя исторiи Гюбнера, прежнiе буквари, задачникъ Янневайа, путешествiя Буёньяна, курьозный антикварiй Беркенмейера, филологическiй сборникъ, островъ Фельзенбургъ и Николай Климмъ замѣнились сочиненiями Вейсе, Кампе, Зальцмана, Юнкера, Функе, Лёра, Мундта, Фойта, Бертуха, зрѣлищами природы, собранiями картинъ и т. п. Съ этихъ поръ стали составляться библiотеки изъ книгъ, написанныхъ для юношескаго и дѣтскаго возраста.

25.

Педагоги филантропизма.

Основателемъ и представителемъ филантропизма былъ

Iоаннъ Бернгардъ Базедовъ.

Нравъ и личность этого человѣка Гёте характеризуетъ такимъ образомъ: „Нельзя себѣ представить болѣе рѣзкаго контраста какъ между Лафатеромъ и Базедовомъ. Одна уже наружность Базедова казалась противоположностью. Черты лица у Лафатера свободно открывались наблюдателю, тогда какъ у Базедова онѣ были сомкнуты и обращены во внутрь. У Лафатера ясные и кроткiе глаза подъ весьма широкими вѣками; а у Базедова глубоко впавшiе, маленькiе, черные, острые, выглядывающiе изъ подъ взъерошенныхъ бровей, тогда какъ у Лафатера лобъ какъ бы обрамленъ былъ дугою мягкихъ темнорусыхъ волосъ. Рѣзкiй, суро-

вый голосъ Базедова, его бѣглыя и острыя выраженія, его язвительная улыбка, быстрые переходы въ разговорѣ и вообще все, что ни отличало его, было противоположно свойствамъ и пріемамъ, какими избаловалъ насъ Лафатеръ. Базедовъ также былъ героемъ дня во Франкфутѣ, и его великія дарованія удивляли всѣхъ; но онъ не былъ способенъ ни увлекать умы, ни руководить ими. Онъ единственно имѣлъ въ виду получше воздѣлать отведенное имъ себѣ широкое поле, чтобы человѣчество впредь удобнѣе и цѣлесообразнѣе устроило на немъ свое жилище; къ этой цѣли и стремился онъ безъ оглядки. Я не могъ сочувствовать его планамъ, не могъ себѣ даже выяснить его намѣренья. Мнѣ конечно нравилось, что онъ требовалъ живого и естественнаго преподаванія; мнѣ казалось достопохвальнымъ, что изученіе древнихъ языковъ приспособлялось къ условіямъ современности, и я охотно признавалъ все, что въ предначертаніяхъ его споспѣшествовало самодѣятельности и болѣе свѣжему міровоззрѣнію: но мнѣ не нравилось, что рисунки въ его первоначальномъ руководствѣ развлекали гораздо болѣе, нежели самые предметы, такъ какъ въ мірѣ дѣйствительности всегда совмѣщается только возможное, и несмотря на разнообразіе и кажущуюся путаницу, этотъ міръ во всѣхъ своихъ частяхъ представляетъ все-таки нѣчто стройное. Его же руководство разбиваетъ міръ на мельчайшія части, совмѣщая ради родства понятій предметы, которые никогда не встрѣчаются вмѣстѣ въ міровоззрѣніи, почему книга его и лишена тѣхъ преимуществъ нагляднаго метода, какія должны мы признать за подобнаго рода учебниками Амоса Коменскаго. Но поведеніе Базедова было еще удивительнѣе и непонятнѣе самого ученья его. Пріѣхавъ во Франкфуртъ, онъ имѣлъ въ виду задобрить публику своею личностью для филантропическихъ предпріятій и завладѣть не столько умами, сколькѣ кошельками. Онъ сильно и убѣдительно говорилъ о своихъ предпріятіяхъ, и всякій охотно соглашался съ тѣмъ, что утверждалъ Базедовъ. Но онъ самымъ непонятнымъ образомъ оскорблялъ чувства людей, отъ которыхъ домогался пособія, и обижалъ ихъ безъ всякой нужды, не будучи въ состояніи сдержать своихъ мнѣній и причудъ касательно религіозныхъ предметовъ. Его обуяла страсть все обновлять и по сложившейся разъ фантазіи его преобразовать какъ догматы вѣры, такъ и наружные церковные обряды. Но всего безпощаднѣе и неосторожнѣе относился онъ къ тѣмъ представленіямъ, какія истекаютъ не непосредственно изъ библіи, а изъ толкованій ея,—къ тѣмъ выраженіямъ, философскимъ терминамъ или чувственнымъ сравненіямъ, какими отцы церкви и соборы пытались пояснить невыразимое или опровергнуть еретиковъ. Самымъ рѣзкимъ и непрости-

тельнымъ образомъ онъ передъ всякимъ заявлялъ себя отъявленнымъ врагомъ Святыя Троицы и то и дѣло затѣвалъ пренія противъ этого всѣми признаваемаго таинства. Мнѣ приходилось также много терпѣть отъ такихъ разговоровъ въ частныхъ бесѣдахъ, и я не разъ долженъ былъ слушать его толки объ ипостаси и прозопонѣ. Противъ этого я вооружался парадоксами, доводилъ его мнѣнія до крайности и покушался преодолѣть дерзость его еще большею дерзостью. Когда я выѣхалъ съ Базедовомъ изъ Франкфурта—какая разница, какъ только вспомню о пріятномъ впечатлѣніи, произведенномъ на меня Лафатеромъ. При Лафатерѣ всякій изъ насъ цѣломудренно остерегался, какъ бы не задѣть его чѣмъ нибудь противнымъ. Базедовъ, напротивъ того, былъ слишкомъ погруженъ въ самого себя и вовсе не обращалъ вниманія на свою наружность. Одно уже то, что онъ безпрерывно курилъ свой скверный табакъ, было крайне несносно, а особенно когда, выкуривъ трубку, онъ тотчасъ же опять высѣкалъ огонь при помощи грязно приготовленнаго, быстро вспыхивающаго, ужасно вонючаго трута и съ первой же затяжки невыносимо заражалъ воздухъ. Я назвалъ этотъ препаратъ Базедовскимъ вонючимъ трутомъ и предлагалъ подъ этимъ именемъ ввести его въ естественную исторію, надъ чѣмъ онъ много потѣшался, излагая подробно до тошноты омерзительный способъ его приготовленія и съ великимъ злорадствомъ наслаждаясь моею брезгливостью. И въ самомъ дѣлѣ, однимъ изъ глубоко вкоренившихся свойствъ этого чрезвычайно даровитаго человѣка было, что онъ любилъ подтрунивать и злобно издѣваться надъ простодушными. Онъ никого не могъ оставить въ покоѣ, раздражалъ, поднимая другихъ на смѣхъ своимъ осиплымъ голосомъ, смущалъ неожиданнымъ вопросомъ и язвительно хохоталъ, достигши своей цѣли; но былъ также доволенъ, когда, спохватившись скоро, ему отплачивали тѣмъ же. Я часть ночи постоянно проводилъ съ Базедовомъ. Онъ же никогда не ложился спать, но то и дѣло диктовалъ. Иногда приляжетъ на кровать и дремлетъ, а тиронъ его, не шевелясь, сидитъ между тѣмъ съ перомъ въ рукѣ, готовый тотчасъ же писать, лишь только едва пробудившійся Базедовъ дастъ полную волю своимъ мыслямъ. И все это совершалось въ наглухо запертой, табачнымъ и трутнымъ смрадомъ пропитанной комнатѣ".

Этотъ очерченный такими словами Гёте человѣкъ родился 11-го сентября 1723-го г. въ Гамбургѣ (—онъ былъ сынъ грубаго отца, парикмахера, и до безумія меланхолической матери—). Онъ бѣжалъ отъ отца и поступилъ слугою въ наемъ къ сельскому врачу, который впрочемъ вскорѣ замѣтилъ въ мальчикѣ большія способности и примирилъ его

съ отцомъ. Возвратясь въ Гамбургъ, Базедовъ съ 1741-го г. сталъ посѣщать тамошнюю гимназію, гдѣ былъ много поощряемъ Реймарусомъ, авторомъ Вольфенбюттельскихъ Отрывковъ, но не могъ предаться правильнымъ занятіямъ потому уже, что вынужденъ былъ самъ добывать себѣ пропитаніе, сочиняя стихи на разные случаи и давая черезъ-чуръ много частныхъ уроковъ. Когда, благодаря поддержкѣ со стороны нѣкоторыхъ покровителей, ему открылась возможность поступить въ Лейпцигскій университетъ, то онъ съ 1744-го по 1746-ой г. съ интересомъ посѣщалъ только философскія и теологическія лекціи Крузіуса, а остальное время одинъ занимался въ своей комнатѣ. „Философія Вольфа— такъ говоритъ онъ самъ — у большинства пользовалась тогда правомъ, какимъ должно бы обладать одно только общеполезное преподаваніе истины. Сильная наклонность къ самомышленію заставила меня усомниться въ нѣкоторыхъ, считавшихся важнѣйшими, положеніяхъ этой философіи, а другіе выводы ея возбудили во мнѣ сомнѣніе относительно иныхъ догматовъ изучаемой мною съизмлада религіи. Я очутился такимъ образомъ на полупути между христіанствомъ и натурализмомъ, алчно добиваясь убѣжденія съ той или другой стороны.“ „Вотъ я и обратился къ лекціямъ его преосвященства Д. Крузіуса и немногимъ болѣе одного полугодія слушалъ философію и теологію; дѣйствительно, я кое-чѣмъ одолженъ этому весьма достопочтенному наставнику Германіи. Но недоумѣніе моего ума и сердца было слишкомъ сильно, а академическія лекціи по моему подвигались черезъ-чуръ вяло.“ „Потому я и принялся за домашній трудъ, за чтеніе книгъ и самомышленіе. Философскія сочиненія той и другой стороны, образъ мыслей Крузіуса и Вольфа и посмѣнное чтеніе британскихъ и другихъ противниковъ и защитниковъ религіи побуждали меня къ особымъ изслѣдованьямъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ я уклонялся отъ взглядовъ Вольфа, а въ другихъ отъ Крузіуса. Такъ и возникли мало по малу мои личныя незаученыя мнѣнія въ философіи.“

Окончивъ свое ученіе, Базедовъ, 26 лѣтъ отъ роду, поступилъ домашнимъ учителемъ къ господину Кваалену въ Голштиніи. Тамъ на своемъ семилѣтнемъ воспитанникѣ испыталъ онъ болѣе легкій методъ обученія и обрѣлъ во французской гувернанткѣ свою будущую подругу жизни. Чрезъ посредничество господина Кваалена онъ въ 1753-мъ г. получилъ должность преподавателя нравоученія и изящныхъ искусствъ при дворянской академіи въ Сороэ; но излагаемыя имъ какъ въ появившейся въ 1758-мъ г. „Практической философіи для всѣхъ сословій,“ такъ и въ его лекціяхъ иновѣрческія мнѣнія заставили его въ 1761-мъ г. „перейти въ Альтонскую гимназію, гдѣ онъ и изложилъ свои фило-

софскія и теологическія воззрѣнія прежде всего въ „Филалетіи“. „Я имѣлъ въ виду—говоритъ онъ—исполнить въ Филалетіи слѣдующее: a) я доказывалъ божественное происхожденіе христіанства, не рѣшая догматическихъ вопросовъ, относительно которыхъ христіане разныхъ исповѣданій несогласны между собою, и по поводу которыхъ мнѣ пришлось бы противорѣчить лютеранской церкви, тогда какъ съ другой стороны я въ то время въ своихъ изслѣдованьяхъ и самъ еще не пришелъ къ окончательнымъ выводамъ. b) Потому я и воздержался отъ всякихъ такъ называемыхъ парадоксовъ, но позволилъ себѣ только скромно и осторожно привести доводы противъ нескончаемости тяжкихъ наказаній Божьихъ: противъ этого господствующаго мнѣнія, которое по моему сужденію противорѣчитъ истинному понятію о свойствахъ Божіихъ, которое безъ явнаго искаженія словъ не можетъ быть подтверждено Священнымъ писаніемъ и побуждаетъ весьма многихъ, придерживающихся этого мнѣнія, сомнѣваться въ христіанствѣ и отвращаться отъ него. c) Но болѣе всего я хотѣлъ въ этой книгѣ на благо потомству низвергнуть власть іерархій,—т. е. наружное преобладаніе множества пастырей церкви въ странѣ, или то состояніе, вслѣдствіе котораго по государственнымъ законамъ вездѣ преобладаетъ одна изъ церквей, такъ что извѣстные отщепенцы, заявляющіе по совѣсти свое мнѣніе, которое, уклоняясь отъ господствующаго, не нарушаетъ впрочемъ ни добродѣтели, ни долга гражданскаго повиновенія, либо подвергаютъ опасности свою жизнь, свободу, гражданскую честь и даже имущество, либо единственно изъ-за религіи обременяются болѣе другихъ, лишаются гражданскихъ должностей и преимуществъ, причемъ законами имъ, какъ посредствомъ сочиненій, такъ и инымъ путемъ гласности, воспрещается пріобрѣтать новыхъ друзей или приверженцевъ своей гражданской невинной религіи. „Я возсталъ противъ этой іерархіи, когда еще и не имѣлъ въ виду обнародовать и доказать мои уклоняющіяся отъ догматовъ церкви мысли. Но съ каѳедръ и въ теологическихъ сочиненіяхъ напали на Филалетію самымъ іерархическимъ образомъ. Пытались возбудить ненависть и омерзѣніе къ моей личности. На Филалетію, помимо опроверженія нескончаемости адскихъ мукъ взваливали еще другіе парадоксы, которые, правда, и были отчасти въ моей душѣ, но о которыхъ я все-таки вовсе не говорилъ въ этой книгѣ. А именно, будто я отрицалъ и публично отвергалъ все то, чего не пріурочилъ къ своему первоначальному понятію о христіанствѣ; вѣдь такимъ образомъ меня удобно было представить сумасбродомъ, еретикомъ и соблазнителемъ, съ которымъ правовѣрному христіанину, особенно если онъ занимаетъ учительскую должность, отнюдь не слѣдуетъ

поддерживать дружескихъ отношеній. Я и написалъ поэтому 1) Методическое преподаваніе въ двухъ частяхъ; 2) Частную догматику и пр.“—Въ разныхъ своихъ сочиненіяхъ Базедовъ доказалъ уже, что онъ много думалъ объ улучшеніи воспитанія. Но гнетъ теологической нетерпимости и болѣе всего—появленіе „Эмиля“ Руссо (1762) воодушевили его, и притомъ разъ навсегда, мыслью сдѣлаться реформаторомъ системы воспитанія въ Германіи и по возможности во всей Европѣ. Онъ надѣялся осуществить мысли Руссо и воззрѣнія Коменскаго, котораго основныя положенія о дидактикѣ онъ почти вполнѣ себѣ, усвоилъ; поощряемый датскимъ министромъ Борфомъ и увольненный отъ гимназической должности съ оставленіемъ за нимъ оклада, онъ уже въ 1768-мъ г. выступилъ съ своимъ „Заявленіемъ друзьямъ человѣчества и богатымъ особамъ о школахъ, обученіи и ихъ вліяніи на общественное благосостояніе“ гдѣ въ то же время предложилъ планъ педагогическаго элементарнаго руководства. „Благородные друзья человѣчества,—говоритъ онъ,—любимцы Отца его, вы во многихъ мѣстахъ добиваетесь лучшаго общественнаго благосостоянія. О, еслибъ въ свѣтѣ было болѣе пониманія, добродѣтели и патріотизма! Еслибъ ученые пользовались внутреннимъ достоинствомъ и наружнымъ уваженіемъ! Еслибъ университеты были дѣйствительно улучшены! Но вѣдь это еще невозможно! Ограничимъ наши желанія! Хотя бы гимназіи и школы во многихъ мѣстахъ были тѣмъ, чѣмъ должны быть! Это также еще невозможно! Мы и тутъ должны умѣрить наши желанія! Еслибъ у насъ было хоть нѣсколько семинарій будущихъ учителей и профессоровъ, какъ то должны бы желать друзья человѣчества! Но вѣдь и это еще невозможно! Намъ необходимо завести сперва надлежащую школьную библіотеку для разумнаго обученія; тогда только или намъ самимъ или нашимъ потомкамъ возможно будетъ мало по малу подняться на ступени, которыя теперь слишкомъ еще высоки для насъ. Элементарное руководство, азбуку реальныхъ и номинальныхъ человѣческихъ знаній, вещь, о которой до сихъ поръ не имѣется даже никакого представленія — вотъ что прежде всего могли бы нѣсколько друзей человѣчества собща или одинъ изъ нихъ по совѣту и съ помощью другихъ составить для достиженія столь прекрасныхъ цѣлей съ вѣроятною надеждою на хорошій успѣхъ“.—„Но это посвящаемое первоначальнымъ школамъ образованныхъ гражданъ элементарное руководство—для котораго я уже многое подготовилъ, и для окончанія котораго мнѣ предстоитъ еще цѣлый годъ исключительнаго труда, такъ что на другой уже годъ я лишь успѣю справиться съ рукописью, критикою и печатаньемъ,“—

осуществится только тогда, „когда я буду въ состояніи подняться на ходатайство или пособіе со стороны богатыхъ друзей человѣчества, которые возможный починъ столь прекраснаго предпріятія сочтутъ настолько важнымъ, чтобы сдѣлать для него то, что мнѣ самому не по силамъ.“

Идеи Базедова вызвали живѣйшее сочувствіе и богатыя денежныя пособія со стороны державцевъ, правительствъ, начальствъ, духовныхъ сановниковъ, масонскихъ ложъ и пр., также со стороны знатнѣйшихъ ученыхъ, разныхъ академій, особенно Берлинской и Петербургской, богатыхъ частныхъ лицъ и пр. Имя Базедова съ торжествомъ пронеслось по Европѣ, и Нимейеръ справедливо замѣчаетъ, что со временъ Лютерова сочиненія: „Къ дворянству и бургомистрамъ и городамъ нѣмецкой націи о возстановленіи школъ“ ни одно не возбудило такого всеобщаго и плодотворнаго педагогическаго интереса. Не докончивъ еще перваго изданія, Базедовъ получилъ уже 7000 талеровъ въ пособіе своему предпріятію: король Христіанъ Датскій далъ 900 талеровъ, императрица Екатерина 1000, великій князь Павелъ 500, наслѣдный принцъ Брауншвейгскій 200, князь Чарторыжскій 50, Базельскія сословія 150, Оснабрюкское правительство 50, настоятель въ Маріэ-Эйнзиделѣ 42 талера и т. д. Самыя разнородныя личности въ различныхъ странахъ приняли участіе въ многообѣщающемъ дѣлѣ, и Базедовъ вскорѣ собралъ до 15000 талеровъ.

Онъ между тѣмъ въ 1770-мъ г. уже издалъ „Методическое руководство для отцовъ и матерей семействъ и народовъ,“ гдѣ стремился „доказать, что обычное, какъ общественное, такъ и домашнее воспитаніе и обученіе юношества не отвѣчаетъ ни воззрѣнію, ни потребностямъ нашего вѣка.“ Въ немъ же предлагается много „доселѣ неизвѣстныхъ и зачастую пренебрегаемыхъ средствъ устранить этотъ великій недостатокъ“. „Главною цѣлью воспитанія—съ этого Базедовъ начинаетъ въ методическомъ руководствѣ — должна быть подготовка дѣтей къ общеполезной патріотической и счастливой жизни. Знатное званіе, напротивъ того, богатое достояніе, ученость, искусство и пріятная наружность—все это такія выгоды, которыя можно доставить своимъ дѣтямъ лишь съ условіемъ, чтобы онѣ не вредили главной цѣли.“ Воспитаніе приступаетъ къ своему дѣлу со дня рожденія. Колыбель вовсе не нужна; пріучать понемногу къ холодному купанью и къ болѣе легкой одеждѣ; жесткое ложе; простая пища; просторное платье; здоровый воздухъ; движеніе; вотъ къ чему сводится первоначальное тѣлесное воспитаніе. Въ нравственномъ же отношеніи дитя да привыкаетъ къ повиновенію—помимо всякихъ доводовъ, потому что умничаньемъ замедляется благонадежность повинове-

нія, такъ какъ приказанія большею частью основаны на такихъ отношеніяхъ взрослыхъ людей, которыя не извѣстны дѣтямъ; а общія представленія производятъ весьма слабое впечатлѣніе на дѣтскія души.“ „Приводить доводы необходимо только при совѣтѣ и преподованіи. Представленіе разныхъ доводовъ не рѣдко развлекаетъ дѣтей до того, что они не совсѣмъ понимаютъ или не удерживаютъ въ умѣ сущности приказаній. Сверхъ того родители и учителя, привыкающіе умничать при своихъ приказаніяхъ, подвергаются часто опасности приводить несообразные или весьма недостаточные доводы: въ такомъ случаѣ они задерживаютъ развитіе пониманія въ дѣтяхъ, хотя бы этимъ путемъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ и не замедлялось повиновеніе.“ „Не обременяйте вашихъ дѣтей ни совѣтами, ни приказаніями. Онѣ не усвоиваютъ ихъ всѣхъ; они не думаютъ заразъ обо всѣхъ и скоро привыкаютъ къ выговорамъ и наказаніямъ. Берегитесь, чтобы при дѣтяхъ никто не порицалъ вашихъ приказовъ, и не осуждалъ васъ въ жестокости при наказаніи: иначе вы лишитесь уваженія и любви. Приказывайте коротко, ясно и безъ всякаго признака какого либо противорѣчія. Нѣжная молодость—это пора слѣпого повиновенія. Съ годами наступаетъ другая пора, когда бываетъ полезно мало по малу всѣ ваши приказанія преобразить въ добрый совѣтъ; но все-таки иногда, въ важныхъ случаяхъ, если совѣтъ пренебрегается, надо прибѣгать къ нѣкотораго рода неожиданной карѣ.“ Наказанія да будутъ рѣдки. „Когда слабыя наказанія окажутся тщетными, особенно между трехъ и четырехъ-лѣтнимъ возрастомъ, тогда лишь противъ завѣдомо учиненнаго ослушанія или закоренѣлыхъ пороковъ и неосторожностей, противъ упрямаго крика или наклонности къ вреднымъ поступкамъ слѣдуетъ употребить въ дѣло розги съ надлежащею строгостью и, конечно, въ отсутствіи всякихъ постороннихъ лицъ либо самими родителями, либо въ ихъ присутствіи однимъ изъ подготовленныхъ для того слугъ.“—„Лучше всего было бы воспитать ребенка съ другими дѣтьми и между ними. Вѣдь намъ необходимо всесторонне освоиться съ взаимными обязанностями людей, пользующихся одинакими правами. А можетъ развѣ наставникъ какимъ бы то ни было путемъ пріучить къ этимъ обязанностямъ дитя, воспитываемое безъ товарищей въ уединеніи?“ Необходимо также согласовать между собою дѣйствія всѣхъ лицъ въ домѣ, чтобы по возможности облегчить образованіе дѣтскаго нрава. „Никто да не раззоряетъ того, что созидается, и не созидаетъ, что раззоряется другимъ. Всего важнѣе взаимное согласіе между родителями и учителями.“—Пріучайте дѣтей вашихъ заранѣе обуздывать чувственныя похоти, преодолѣвать неиз-

бѣжное отвращеніе, терпѣливо переносить непріятности и боли, пріучайте ихъ къ нѣкоторой стойкости въ опасностяхъ. Не торопитесь поэтому исполнять ихъ невинныя чувственныя желанія; пріучайте ихъ къ отказамъ; иногда отказывайте имъ въ чемъ-либо единственно съ цѣлью, чтобы не усиливались извѣстныя похоти къ нѣкоторымъ предметамъ, пользоваться которыми зачастую становится невозможнымъ, и чтобы впредь дѣтямъ легче было спокойно переносить отказы въ разныхъ просьбахъ". — Всячески старайтесь устранить мстительность и зависть, эти фуріи людей Одна изъ первыхъ нравственныхъ истинъ, какую въ состояніи понять дѣти, состоитъ въ томъ, что разумный человѣкъ никогда не долженъ отплачивать зломъ за зло, исключая развѣ съ тѣмъ, чтобы воспрепятствовать повторенію несправедливости. Не обнаруживайте радости, когда страдаютъ ваши враги; замѣтивъ эту наклонность въ вашихъ дѣтяхъ, устройте такъ, чтобы личности, бѣдѣ которыхъ они радовались, вскорѣ затѣмъ оказали имъ услугу; и тогда напомните имъ объ ихъ гнусномъ и постыдномъ злорадствѣ. Чтобы не дать развиться зависти, обратите вниманіе дѣтей на обычное неравенство между людьми и особенно на многіе примѣры довольства такихъ лицъ, которыя лишены варужныхъ преимуществъ. Пуще всего не подавайте имъ сами дурныхъ примѣровъ. — Вашимъ же примѣромъ заранѣе пріучайте дѣтей къ откровенности въ словахъ и жестахъ. Да будетъ для вашихъ дѣтей съ ранней молодости самымъ непростительнымъ нарушеніе закона—не говорить неправды своимъ наставникамъ. Пусть такая ложь обратится во вредъ имъ самимъ, когда же они говорятъ неправду безъ злого умысла, лишь бы разсказать что-нибудь, то поставьте передъ ними стулъ или чурбакъ, и пусть они передъ нимъ повторятъ свой разсказъ.— Если они были непослушны или обидѣли другихъ и сознали свой проступокъ, то пріучайте ихъ, чтобы они не стыдились признаться въ этомъ. Но во всякомъ случаѣ вредно, насильно вынуждать у нихъ признаніе: потому что если они въ душѣ не сознаютъ своего проступка, то это будетъ вреднымъ для нрава лицемѣріемъ; если же они сознаютъ проступокъ и ихъ все-таки приходится понуждать къ признанію, то они не убѣждены въ необходимости такой непріятной откровенности, и сердце ихъ въ этомъ случаѣ точно также будетъ противорѣчить словамъ. — Трудолюбіе, любовь къ порядку и чистотѣ, — благодѣянія и услужливость, благородное честолюбіе безъ суетнаго тщеславія,—благоразуміе, т. е. способность изобрѣтать и примѣнять безошибочныя или наиболѣе вѣрныя средства для достиженія дозволенныхъ цѣлей: — все это необходимо развивать и поддерживать въ дѣтской душѣ.—Болѣе всего берегите

стыдливость, эту сильнѣйшую наружную твердыню цѣломудрія: дѣти разнаго пола не должны спать вмѣстѣ и раздѣваться одни при другихъ; начиная съ четырнадцати и до восемнадцати-лѣтняго возраста не слѣдуетъ часто и по долгу оставлять однихъ, ни вдвоемъ, ни кучками, дѣтей, не только разнаго, но и одного и того же пола, въ мѣстахъ, гдѣ нельзя наблюдать за ними и гдѣ они не заняты никакимъ приказаннымъ имъ дѣломъ. О зарожденіи животныхъ и людей съ малолѣтними дѣтьми уже, по крайней мѣрѣ еще до десяти или одинадцати-лѣтняго возраста, слѣдуетъ часто говорить правдиво, не вдаваясь въ подробности, но также серьезно какъ и о прочихъ естественныхъ предметахъ, съ указаніемъ на промыслъ Божій и въ самыхъ пристойныхъ выраженіяхъ, чтобы ихъ ознакоить съ этими мыслями въ настоящемъ видѣ. Если станете утаивать отъ нихъ это естественное дѣло и удовлетворять ихъ любознательности побасенками, то открытіе истины безъ вѣдома родителей и надзирателей въ такомъ возрастѣ, когда возможно даже самое злоупотребленіе, весьма сильно и пагубнымъ образомъ подстрекнетъ ихъ любопытство. Въ такомъ случаѣ они станутъ передавать другъ другу новооткрытыя тайны, вредныя послѣдствія чего излишне объяснять разсудительнымъ людямъ. Мальчику лѣтъ пятнадцати отъ роду слѣдовало бы, послѣ извѣстной подготовки, съ родителями или надзирателями посѣщать по нѣскольку разъ больницу, гдѣ блудники и прелюбодѣи гадкими и крайне мучительными болѣзнями искупаютъ свои считавшіеся прежде неважными грѣшки. Пусть дѣти обоихъ половъ въ этомъ возрастѣ читаютъ собраніе такихъ разсказовъ объ обольщеніяхъ, въ которыхъ обращалось бы лишь мимолетное вниманіе на самые грѣхи, но за то тѣмъ долѣе останавливались бы на ужасныхъ послѣдствіяхъ, а иногда также на участи гнусныхъ дѣтоубійствъ." — Таково воспитаніе въ благонравномъ обществѣ. Тутъ обученіе сравнительно съ образованіемъ сердца составляетъ лишь самую малую часть воспитанія. Потому что дитя путемъ воспитанья можно довести до значительныхъ степеней добродѣтели, благоразумія, благонравія и благополучія, хотя бы оно вовсе не училось ни чтенію, ни письму, ни затверживанію наизусть; если же не позаботятся уберечь сердце отъ пороковъ, то самый даровитый геній можетъ быть въ наилучшемъ видѣ образованъ и обученъ всѣмъ наукамъ и свободнымъ искусствамъ, но при всемъ томъ навсегда сбиться съ пути добродѣтели и счастія. Знанія, какія мудрецъ можетъ пожелать для первыхъ лѣтъ юности, должны состоять въ зрѣлообдуманномъ соотношеніи съ цѣлью всего воспитанія. Не многое,

лишь бы съ охотою! Не многое, но въ элементарномъ порядкѣ, переходящемъ отъ легчайшаго къ труднѣйшему и недопускающемъ въ основахъ никакихъ пробѣловъ, ни слабыхъ сторонъ которые впослѣдствіи могли бы повредить цѣлому зданію. Не многое, лишь бы только полезное знаніе, которое никогда нельзя забывать безъ вреда. И не черезъ-чуръ рано, не въ ущербъ болѣе важныхъ цѣлей. Обученіе да будетъ пріятнымъ, насколько то возможно по свойству его, — безъ понукъ къ труду. Никогда не заставлять насильно заучивать наизусть: слова легко заучиваются, если при томъ умъ постигаетъ ихъ значеніе или сердце чувствуетъ ихъ; важнѣе заучивать наизусть предметы, нежели слова. Реальное преподаваніе на самомъ дѣлѣ должно предлагать уму новыя представленія, а не набивать память одними только словами. Немного естественной исторіи, математики и физики достаточно для развитія юнаго ума на столько, чтобы онъ при нѣкоторой долѣ пытливости и наблюдательности понялъ въ этихъ предметахъ все, что ему необходимо знать. При этомъ нравоученіемъ доставляется самое важное реальное знаніе. Но истинное начало нравственнаго знанія слѣдующее: 1) Добивайся блаженства. 2) Внимай опыту и совѣту, чтобы тѣмъ легче и вѣрнѣе обрѣсти ихъ. 3) Не гонись за мимолетнымъ веселіемъ, въ которомъ приходится подолгу раскаяваться; изъ благъ выбирай наибольшее, а изъ золъ наименьшее. 4) Повинуйся твоимъ родителямъ и надзирателямъ, добивайся благорасположенія и довѣрія всѣхъ людей, имѣющихъ вліяніе на твою судьбу. 5) Не слѣдуй безъ оглядки мыслямъ и желаніямъ, какія взбредутъ на умъ. 6) Вѣруй въ Бога или въ невидимаго, всевѣдущаго, всемогущаго, премудраго Отца и Владыку всѣхъ людей, въ безсмертіе души и въ будущее воздаяніе за добро и зло. 7) По мѣрѣ твоихъ силъ способствуй ради Господа Бога всеобщему благу людей и пр. и пр. Въ такомъ порядкѣ необходимо воздвигать одно за другимъ нравственныя знанія, для того чтобы упрочить цѣлое. Но въ дѣлѣ нравоученія главное дѣло не преподаваніе, а упражненіе. Надо съ самаго начала разумно пользоваться зависимостью дѣтей, ихъ склонностью къ подражанію и довѣріемъ къ наставленіямъ, такъ чтобы пріучить ихъ къ разнымъ добродѣтельнымъ наклонностямъ и поступкамъ и уберечь отъ тѣхъ дурныхъ привычекъ, вслѣдствіе которыхъ имъ непріятно, трудно или невозможно будетъ слѣдовать внушеніямъ нравственныхъ правилъ и совѣсти, когда они возникнутъ въ дѣтской душѣ. — Нравоученіе и правила благоразумія основаны на опытѣ: но нашъ личный опытъ слишкомъ ограниченъ и часто опаздываетъ; потому-то мы и нуждаемся въ постороннихъ указаніяхъ. Исторія въ виду этого только и имѣетъ истинное значеніе, хотя сначала пристрастіе къ

ней основано было на естественной любознательности людей. Нравственныя правила, не подтверждаемыя разсказами, занимаютъ одинъ только умъ, а не воображеніе. Если поэтому учитель знаетъ истинную исторію, вполнѣ отвѣчающую его цѣли, то пусть и воспользуется ею; если же не знаетъ, то пускай сочинитъ самъ. — Картины и гравюры также важны и весьма полезны при обученіи: 1) Извѣстно, какъ все походящее на картину радуетъ дѣтей. 2) Разсужденія и нравоученія, примѣняемыя къ такимъ изображеніямъ, бываютъ живѣе всякихъ другихъ, долѣе сохраняются, повторяются и передаются дѣтьми другъ другу. 3) Въ урокахъ о разныхъ чувственныхъ заграничныхъ или по крайней мѣрѣ отсутствующихъ предметахъ нельзя себѣ составить никакого понятія безъ изображеній. 4) Благодаря картинамъ дѣти скорѣе понимаютъ учителя. — Относительно языковъ считаю полезнымъ, чтобы до конца шести-лѣтняго возраста дитя не занималось ни иностраннымъ, ни мертвымъ языками. Начиная съ семилѣтняго возраста и кончая восьмилѣтнимъ уроки должны быть распредѣлены такъ, чтобы ученикъ пофранцузски слышалъ, читалъ и говорилъ вдвое болѣе, нежели понѣмецки. Потомъ до конца двѣнадцати-лѣтняго возраста цѣлая половина урочнаго времени должна быть занята латинскимъ языкомъ. А послѣ того и до пятнадцати лѣтъ всѣ три языка могутъ пользоваться одинаковыми правами. Обученіе грамматикѣ необходимо отсрочить до той поры, пока дѣти не будутъ въ состояніи представить себѣ внѣ всякій связи въ отвлеченномъ видѣ общія свойства и различія предметовъ и духовныхъ дѣятельностей, также разныя душевныя положенія. Пока они лишены этой способности, до тѣхъ поръ какъ этимологія, такъ и синтаксисъ для нихъ не что иное, какъ наборъ звуковъ безъ значенія и пользы. Грамматика родного языка для всякаго ученика должна быть первою; затѣмъ въ мертвыхъ и иностранныхъ языкахъ онъ не будетъ уже нуждаться ни въ какихъ правилахъ за исключеніемъ указывающихъ на уклоненія отъ извѣстныхъ ему прежде. Классическихъ писателей слѣдуетъ перенести изъ дѣтскихъ школъ образованныхъ сословій въ гимназіи для студентовъ.

Религіи, т. е. настоящей, полной и дѣятельной вѣрѣ въ Бога, Отца всѣхъ людей, Вседержителя ихъ душъ по смерти тѣла и правосуднаго Воздателя за добро и зло, — юноши должны обучаться прежде достиженія ими зрѣлаго возраста. Но нашъ первый совѣтъ при этомъ — не передавать дѣтямъ никакихъ относящихся къ религіи словъ или предложеній, пока они не связываютъ съ ними никакихъ понятій или придаютъ имъ крайне ложный смыслъ; потому что ни одна даже малѣйшая доля религіи не заклю-

чается въ пустомъ знаніи словъ. Второй нашъ совѣтъ: внушая нашимъ дѣтямъ религію, мы должны поступать весьма методично или элементарно, предполагая такія знанія и упражненія, усвоеніемъ которыхъ облегчаются, т. е. становятся понятными и плодотворными, слѣдующія затѣмъ поученія. Третій совѣтъ: Когда дѣти уже въ состояніи съ извѣстными религіозными правилами связывать истинныя понятія, хотя и невполнѣ исчерпывающія значеніе словъ: то такая въ началѣ неизбѣжная неполнота ихъ понятій не должна, мѣшать намъ сообщать имъ на словахъ тѣ правила которыхъ умъ ихъ не исчерпываетъ тотчасъ же съ амаго начала. Четвертый совѣтъ: Дѣтей не слѣдуетъ понуждать къ отправленіямъ, называемымъ молебствіемъ, которыя однако для нихъ вовсе не молебствіе, оттого что дѣти не постигаютъ еще формулъ или неспособны къ выражаемымъ и возбуждаемымъ ими ощущсеніямъ. Пятый совѣтъ: Коль скоро дѣти окажутся способными при помощи предварительныхъ свѣдѣній уразумѣть отличіе ихъ личнаго существа или ихъ души отъ видимаго тѣла и слѣдовательно мыслить о безсмертіи, а также составить: себѣ истинное хотя еще весьма неполное понятіе о Богѣ то необходимо, на сколько оно допускается элементарною постепенностью предварительныхъ свѣдѣній, не только спѣшить сообщеніемъ этихъ понятій, но, пользуясь ихъ естественнымъ довѣріемъ къ нашимъ сужденіямъ, съ самаго начала представить ихъ также истинными; и даже прежде, нежели они въ состояніи понять доступные лишь испытаннымъ умамъ доводы или постичь всю силу послѣднихъ. — Все воспитаніе вообще должно быть для сыновей иное, нежели для дочерей. Мужской полъ, какъ по природѣ, такъ и вслѣдствіе нашихъ обычаевъ, бываетъ способнѣе много трудиться, запасаться издалека опытомъ, изучать ремесла, искусства, торговлю и науки, а слѣдовательно и пріобрѣтать необходимыя потребности, отправлять должности и при своей преобладающей силѣ охранять семью. Къ тому же должно стремиться и воспитаніе. Особа другого пола напротивъ того гораздо способнѣе нравиться мущинѣ своею прелестью, и какъ мужу, такъ и себѣ самой и всей семьѣ оказывать великія услуги попеченіемъ о многихъ мелочныхъ нуждахъ и удовольствіяхъ, также благоразумнымъ устраненіемъ разныхъ мелкихъ невзгодъ. Она настоящая совѣтчица, съ тѣмъ чтобы предохранить мужа отъ опрометчивости. Она подчинена его господству, а потому да умѣетъ сносить его; но она принимаетъ участіе въ господствѣ надъ дѣтьми, надъ домочадцами и прислугою, а потому да обладаетъ дарованіями и добродѣтелями правительницы дома. Согласно съ этимъ воспитаніе и должно пріучить ее сдѣлать и сохранить свою

личность и свое обращеніе всегда пріятными; съ молоду считать мужеской полъ предназначеннымъ пользоваться правомъ господства; кротостью, терпѣніемъ и уступчивостью пріобрѣсть его расположеніе; считать важнымъ вниманіе къ мелочнымъ дѣламъ хозяйства; и наконецъ съ крайнею заботливостью блюсти скромность и пристойность какъ въ рѣчахъ такъ и въ поступкахъ.

Относительно попеченія о ея тѣлѣ надо имѣть въ виду, чтобы женскія занятія, производимыя сидя или въ наклоненномъ положеніи, по возможности чаще смѣнялись другими, болѣе полезными для здоровья. Необходимо съ раннихъ лѣтъ пріучать ее граціозно ходить, стоять, сидѣть и заниматься своимъ дѣломъ. Пусть она также какъ можно ранѣе привыкаетъ къ опрятности и порядку въ одеждѣ: но этого слѣдуетъ добиваться не столько наставленіями и выговорами, сколько примѣромъ, похвалою и пр. Дочери не должны перенимать отъ своихъ матерей, надзирательницъ и подругъ ни грубость, ни вспыльчивость. Имъ да не будетъ чуждо ни одно изъ отправленій женской прислуги: обыкновенная монета или поддѣльные жетоны, обиходные виды мѣръ и вѣсовъ должны въ надлежащее время служить имъ орудіями развитія; они также цѣлесообразны, какъ и модели кухонной посуды и куклы, надъ которыми дѣвочки упражняются въ одѣванія и шитьѣ. Но если сами матери только и знаютъ, что наряжаться, дѣлать и принимать визиты, играть и танцовать: то не вижу, какъ тутъ дочерямъ сдѣлаться хозяйками. Дѣвочки должны обучаться настолько, чтобы умѣть пристойно выразить то, что онѣ хотятъ сказать, чтобы читать внятно и съ пониманіемъ дѣла; чтобы четко писать, чтобы привыкнуть правильно выражаться и писать на родномъ и французскомъ языкѣ; чтобы умѣть писать письма, считать и вести книги; чтобы въ религіи и нравоученіи, на основаніи твердыхъ доводовъ, вѣровать во все, что можетъ служить поводомъ къ ихъ обязанностямъ и для ихъ успокоенія; чтобы усвоить себѣ музыку, пѣніе, танцы, и рисованіе настолько, сколько нужно для того, чтобы иногда наслаждаться этими удовольствіями; впрочемъ я не желалъ бы чтобы онѣ въ чемъ нибудь въ этомъ родѣ сдѣлались мастерицами, потому что за нѣкоторыми исключеніями вообще оказывается, что мастерство этого рода скорѣе вредно, нежели полезно дѣвочкамъ и женамъ, или все-таки мѣшаетъ надлежащему развитію гораздо лучшихъ побужденій и дарованій.

Таковы разработанныя Базедовомъ въ его „Методическомъ руководствѣ“ мысли Коменскаго, Локка и Руссо, которыя онъ своимъ практическимъ смысломъ сопоставилъ въ новой свя-

зи и обогатилъ превосходными наблюденіями надъ человѣческой и дѣтской природою. Базедовъ развилъ здѣсь Руссо во многихъ отношеніяхъ далѣе и часто даже въ другую крайность. Оба они исходили отъ борьбы противъ односторонняго гуманизма, видѣвшаго человѣческое образованіе въ однихъ только языкахъ классической древности. Оба были того мнѣнія, что одно только знаніе предметовъ приноситъ истинную пользу. Оба стремились изгнать изъ преподаванія понужденіе и тиранство. Но Руссо ни во что не ставилъ интеллектуальное преподаваніе, тогда какъ Базедовъ напротивъ придавалъ ему самый широкій объемъ, включивъ энциклопедически почти все человѣческое знаніе уже въ элементарное преподаваніе. У Руссо Эмиль 12-ти лѣтъ отъ роду не долженъ еще знать, что такое книга и лишь съ 15-ти лѣтъ приниматься за ученіе; тогда какъ у Базедова дитя на 7-ми-лѣтнемъ возрастѣ говоритъ уже по-французски вдвое болѣе, нежели по-нѣмецки. Руссо и Базедовъ были согласны касательно важности тѣлеснаго развитія; но послѣдній проводилъ это соразмѣрнѣе и цѣлесообразнѣе. Точно также и въ нравственномъ воспитаніи Базедовъ воротился вновь на путь наблюденія надъ человѣкомъ, тогда какъ Руссо блуждалъ по пути наблюденія надъ природою. „Методическое руководство" Базедова было въ свое время замѣчательнымъ педагогическимъ явленіемъ.

Ему скоро и представилась возможность примѣнить къ практикѣ изложенныя въ Методическомъ руководствѣ идеи. Въ 1771-мъ г. уже онъ былъ приглашенъ въ *Дессау* истинно гуманнымъ, всему благородному, высокому и прекрасному сочувствовавшимъ государемъ *Леопольдомъ Фридрихомъ Францемъ* съ окладомъ въ 1100 талеровъ, удержанъ притомъ за собою и датское жалованье въ 800 талеровъ.

Тутъ въ 1774-мъ г. появилось въ 4 томахъ „элементарное руководство", имѣющее ввести непосредственно въ педагогическую практику изложенную въ прежнихъ сочиненіяхъ теорію, а именно „Систематическій сборникъ всѣхъ необходимыхъ знаній для обученія юношества отъ начала до академическаго возраста; для наставленія родителей, учителей и гувернеровъ; на пользу всякаго читателя, съ тѣмъ чтобы пополнить знанія". Оно состояло въ связи съ сотнею гравюръ, большею частью работы Ходовецкаго, съ французскимъ (Губера) и латинскимъ (Мангельсдорфа) переводами, и стоило 12 талеровъ (4 за текстъ и 8 за гравюры). Сочиненіе это съ его гравюрами должно было представить „живописный міръ" 18-го столѣтія, такъ какъ въ немъ предполагалось изложить: a) элементарное преподаваніе знаній предметовъ и словъ; b) несравненный и опытомъ оправданный методъ безъ скуки и потери времени обучать дѣтей

ченію; c) естественныя свѣдѣнья; д) нравоученіе, психологію и логику; e) не только основательное, но и въ душу проникающее преподаваніе естественной религіи и такое безпристрастное описаніе различныхъ вѣроисповѣданій, что никоимъ образомъ нельзя узнать, къ которому изъ нихъ принадлежитъ самъ авторъ; f) свѣдѣнья о гражданскомъ обществѣ, о торговлѣ и пр.

За этимъ нормальнымъ руководствомъ послѣдовала и нормальная школа, на какой конецъ Леопольдъ Фридрихъ Францъ, въ чистомъ интересѣ блага человѣчества, пожертвовалъ 12000 талеровъ и великолѣпныя зданія и сады для устройства *филантропина*, основаннаго въ 1774 г. 27-го декабря, въ день рожденія пяти-лѣтняго наслѣднаго принца Дессаускаго. Здѣсь предполагалось: „изъ богатыхъ за большую плату образовать людей, а изъ менѣе достаточныхъ за малую плату школьныхъ учителей (подъ именемъ фамулантовъ)"; въ слѣдующемъ затѣмъ году было приступлено къ опыту съ девятью пансіонерами и шестью фамулантами. Эти филантрописты подлежали слѣдующимъ законамъ: 1) Въ предѣлахъ филантропина дозволяется ходить не иначе какъ въ мундирѣ. 2) Пансіонеры за обѣдомъ ѣдятъ только два блюда; а за ужиномъ только одно. Право выбора между разными имѣющимися блюдами считается одною изъ низшихъ наградъ; иногда же это рѣшается по жребію. Такимъ образомъ мы заранѣе хотимъ представить нѣкоторое подобіе жизни въ свѣтѣ. 3) Мы придумаемъ также нѣкоторыя другія пріятныя наружныя преимущества, которыми могли бы пользоваться только одинъ или немногіе заразъ. Наша недѣля (за исключеніемъ воскреснаго дня) состоитъ изъ двухъ дней для заслуги, изъ двухъ для богатства и изъ двухъ для званія. Къ званію у насъ относятся бывшіе первые фамуланты, которые, благодаря ихъ успѣхамъ и тому, что они предназначаются въ педагоги, сдѣланы пансіонерами или младшими надзирателями; они занимаютъ первыя мѣста. Потомъ слѣдуютъ графы, бароны, дворяне, мѣщане. Богатство оцѣнивается по мѣрѣ того, сколько родители пансіонера, помимо платы за пансіонъ, вносятъ еще въ пользу семинаріи, для обученіи содержанія фамулантовъ и для усовершенствованія всего заведенія. Заслуги оцѣниваются по количеству ободрительныхъ точекъ, которое у каждаго то увеличивается, то уменьшается. Въ день для заслуги эти наружныя преимущества рѣшаются по числу такихъ точекъ, въ день для званія по званію, а въ день для богатства по богатству. 4) Въ каждый мѣсяцъ полагается по одному казусному дню въ 24 часа. Въ этотъ день пансіонеровъ мало по малу пріучаютъ поститься до 2 часовъ, а потомъ до вечера ѣсть сухую пищу и пить воду, находиться въ холодныхъ комнатахъ или подъ открытымъ

небомъ (но хорошо одѣтыми), ночью спать на полу или на соломѣ и при всемъ томъ оставаться довольными. Воспитаніе такимъ образомъ подготовляетъ къ случайностямъ жизни. 5) Пансіонеръ во всякій часъ и во всякомъ дѣлѣ знаетъ кому онъ обязанъ повиноваться. До 12-ти-лѣтняго возраста требуется слѣпое или монастырское повиновеніе. Только старшіе пансіонеры вольны, если дѣло терпитъ замедленія, напередъ справиться о причинѣ приказанія и затѣмъ выразить свое возраженіе или желаніе. 6) Однѣ только механическія работы пансіонера подлежатъ наказанію; умственныя же стараются поддержать, облегчая, постепенно развивая, подавая примѣръ, убѣждая и наставляя. 7) До 12-ти-лѣтняго возраста пансіонеру никогда не задаютъ ничего затверживать наизустъ. При всемъ томъ принимаются мѣры, чтобы онъ, насколько хватитъ его природныхъ дарованій, охотно учился всему, что необходимо. 8) Никого изъ пансіонеровъ не принуждаютъ къ труду въ научныхъ занятіяхъ. Но для каждаго изъ нихъ день, считая его, за исключеніемъ сна, въ 17 часовъ, распредѣляется такимъ образомъ: шесть часовъ на ѣду, питье, одѣванье и разныя удовольствія; одинъ часъ на строжайшій порядокъ относительно жилища, одежды, приборовъ, книгъ, счета и писемъ, пять часовъ на учебныя занятія; три часа на правильныя удовольствія въ движеніи, какъ то танцы, верховая ѣзда, фехтованіе, музыка и пр; два часа на настоящую, нѣсколько трудную, но не грязную работу. 9) Обыкновенныя наказанія за ошибки и проступки состоятъ въ уменьшеніи ободрительныхъ точекъ; въ замѣнѣ учебнаго урока часомъ ручной работы; въ скукѣ въ пустой комнатѣ, изъ которой нельзя смотрѣть въ окно, но слышенъ вблизи пріятный шумъ веселящейся или учащейся молодежи и пр. Чувственно пріятныя награды выдаются лишь съ тѣмъ, чтобы награждаемый пригласилъ къ соучастію одного, двухъ или трехъ изъ своихъ хорошихъ друзей (ему предоставляется выборъ ихъ). Величайшая награда для взрослыхъ состоитъ въ почетѣ засѣдать въ теченіе нѣкотораго времени въ дирекціи или въ качествѣ простого слушателя или въ извѣстныхъ случаяхъ также въ качествѣ гласнаго. 10) Съ оказавшимися (касательно воли) весьма больными въ душевномъ отношеніи обращаются такъ же, какъ съ тѣлесно больными: ихъ заставляютъ выносить одиночество, оставаться въ комнатѣ, лежать въ постелѣ и пр. 11) Въ 10 часовъ ложатся спать, а зимою въ 11, такъ пакъ лѣтомъ встаютъ въ 5, а зимою въ 6 часовъ. 12) Всѣ пансіонеры обучаются у опытнаго учителя военнымъ движеніямъ и позиціямъ. 13) Пансіонеръ 12-ти лѣтъ отъ роду съ вѣдома дирекціи избираетъ себѣ одного изъ согласнаго на это товарищей въ особенные друзья. Потомъ заботятся чтобы эта дружба росла и поддерживалась благонравнымъ

и пріятнымъ образомъ. 14) Ни однимъ пансіонеромъ не пользуются въ видѣ предателя или доносчика на товарища, особенно младшимъ въ видѣ доносчика на старшаго. 15) Нѣкоторые законы каждую недѣлю, другіе каждый мѣсяцъ, а третьи каждую четверть года торжественно прочитываются всѣмъ классамъ, или только тѣмъ, до которыхъ они касаются. Въ эти дни у пансіонеровъ бываютъ настоящіе суды. Другъ подаетъ за своего друга защитительное слово или прошеніе, говорящее въ его пользу настолько, насколько то допускается истиною. 16) Во время преподаванія, за исключеніемъ письма, рисованія и чтенія, пансіонеры не сидятъ, но стоятъ, ходятъ и двигаются, такъ что до 15-ти-лѣтняго возраста имъ приходится сидѣть не болѣе какъ по три или по четыре часа въ день. Такъ напр. географія изучается на двухъ въ полѣ раскинутыхъ полушаріяхъ, на поверхности которыхъ распредѣлена суша, вода и пр. и которыя конечно не шарообразны, но немного лишь выпуклы, такъ чтобы по нимъ можно было ходить и прыгать. Вообще всѣ необходимые предметы памяти въ исторіи, географіи, грамматикѣ, ариѳметикѣ и пр. преобразуются въ игру, связанную съ удовольствіемъ и движеніемъ, пока пріобрѣтенная такимъ путемъ способность не доведетъ учащихся до того, чтобы они въ болѣе зрѣломъ возрастѣ были въ состояніи заниматься сидя. Впрочемъ, какъ бы на самомъ дѣлѣ ни были громадны успѣхи въ языкахъ, наукахъ и искусствахъ, ничто однако не окажется столь важнымъ, какъ попеченіе объ естественномъ зародышѣ человѣколюбія, добродѣтели и невиннаго довольства.

Въ филантропинѣ въ 1776-мъ г. было четыре профессора, сверхъ того одинъ постоянный и три находившихся въ путешествіи учителя, потомъ еще пять дессауских ъ ученыхъ, дававшихъ даровые уроки, каждый по особому предмету. Филантропинъ состоялъ изъ пансіонскаго заведенія для воспитанниковъ отъ 6-ти до 18-ти-лѣтняго возраста, обучавшихся нѣмецкому, французскому, латинскому и греческому языкамъ, всѣмъ знаніямъ образованныхъ сословій, также всѣмъ учебнымъ и гимназическимъ предметамъ, подготовлявшимъ къ высшимъ факультетамъ. За содержаніе и обученіе филантропистъ вносилъ при вступленіи 20 талеровъ, а затѣмъ по 250 талеровъ въ годъ, уплачивая за каждое полугодіе впередъ.— По окончательному счету 11-го мая 1776-го г. на филантропинъ было израсходовано: 1) за мебель, инструменты, книги и пр. 1120 тлр. 8 гр.; 2) какъ на наличныхъ, такъ и на выбывшихъ учителей, за вычетомъ содержанія и путевыхъ издержекъ 750 тлр. 12 гр.; 3) на содержаніе учениковъ и учителей, пищу, наемъ, дрова и пр. 1886 тлр. 13 гр. 4) путевыя издержки, почта и упаков-

ка 202 тлр.; 5) на торжества и угощенія 149 тлр.; 6) на печать и бумагу для 5 раздаренныхъ сочиненій по 2000 экземпляровъ каждаго, 240 тлр. Итого расхода 4348 тлр. 9 гр. Дохода же отъ учениковъ и пр. 2270 тлр.—Но отъ 11-го ноября 1776-го г. и до 1-го октября 1777-го дохода было уже 17129 тлр. 15 гр., а расхода 15408 тлр. 21 гр. 11 пф. такъ что въ остаткѣ оказалось 1720 тлр. 17 гр. 1 пф.; съ 1-го октября 1777-го г. до 1-го октября 1778-го г. дохода было 15628 тлр. 21 гр. 10 пф., а расхода 13415 тлр. 6 гр. 10 пф., такъ что въ теченіе двухъ лѣтъ въ остаткѣ у института оказалось 4853 тлр. 14 гр. 1 пф.

Послѣ семнадцатимѣсячнаго существованія филантропина послѣдовало на 13-ое, 14-ое и 15-ое мая 1776-го г. приглашеніе къ большому *экзамену*. „Посылайте дѣтей—сказано въ пригласительномъ посланіи—на счастливую юношескую жизнь въ несомнѣнно удачныхъ учебныхъ занятіяхъ. Это дѣло ни католическое, ни лютеранское, но христіанское.... Мы филантропы или космополиты. Въ нашихъ ученіяхъ и сужденіяхъ самовластіе Россіи и Даніи стоитъ на ряду съ швейцарскою свободой. Мы дружелюбно относимся ко всѣмъ послѣдователямъ христіанскихъ системъ, и наши учебники свободны отъ богословскихъ преній за христіанство противъ іудеевъ, магометанъ, деистовъ и такъ называемыхъ диссидентовъ, которыхъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ обзываютъ еретиками. Въ храмѣ Отца вселенной побратски толпами станутъ молиться сограждане разныхъ вѣръ, а потомъ также братски разойдутся, пока длится разногласіе, одинъ къ святой миссѣ, другой молиться съ собратьями: Нашъ Отче, а третій: Отче нашъ.“ „У насъ мало затверживаютъ наизустъ. Учащіеся не понуждаются къ ученію, ни даже выговорами. Но благодаря превосходству нашего метода и согласію его со всѣмъ филантропическимъ воспитаніемъ и образомъ жизни, мы обѣщаемъ по малой мѣрѣ вдвое болѣе успѣховъ въ занятіяхъ, нежели достигаются обыкновенно въ лучшихъ школахъ, пансіонахъ или гимназіяхъ. Мы обѣщаемъ въ особенности развить много здраваго смысла, упражняя учениковъ въ истинно философскомъ способѣ мышленія. Молодежь, не сидя подолгу, учится болѣе внѣ, нежели во время уроковъ. О методѣ можемъ (какъ передъ Богомъ искренне разсудивши) сказать слѣдующее. Когда мы будемъ обладать всѣми пособіями и средствами, то двѣнадцатилѣтній, не черезъ-чуръ нравственно испорченный мальчикъ съ посредственными способностями, умѣющій только читать и писать на родномъ языкѣ, и ничего болѣе, поступивъ къ намъ, черезъ 4 года безъ принужденія и неволи во всѣхъ отношеніяхъ окажется однимъ изъ способнѣйшихъ членовъ въ университетѣ для изученія высшихъ факультетскихъ предметовъ; потому что онъ уже у

насъ усвоитъ себѣ все полезное вообще для всѣхъ и всякаго учащагося въ философскомъ факультетѣ, такъ что для достиженія высшихъ степеней не будетъ нуждаться въ иномъ учителѣ кромѣ самого себя и книгъ". „Для изученія языка у насъ достаточно 6 мѣсяцевъ, если только не требуется доводить его грамматическими упражненіями до крайней точности, лишь бы научиться понимать на немъ какъ на родномъ все, что приходится слышать и читать и мало по малу безъ правилъ самимъ говорить и писать. Потомъ намъ достаточно 6 мѣсяцевъ грамматическихъ упражненій, чтобы образовать болѣе или менѣе совершенныхъ латинистовъ и французовъ, какіе безъ особеннаго счастія, безъ геніальности и труда едва ли выдаются изъ обыкновенныхъ школъ." „Рискуя навлечь на себя насмѣшки, мы увѣряемъ, что 13-го мая въ филантропинѣ разумнымъ попечителямъ человѣчества по части учебной системы предстоитъ увидѣть, услышать, изслѣдовать и обсудить много важнаго, такъ что не мѣшало бы прислать ихъ отъ германскаго сейма, изъ Копенгагена, Петербурга и изъ самыхъ дальнихъ странъ, хотя бы потому только что въ виду благихъ дѣлъ, обѣщающихъ великія послѣдствія, мы по нравственному расчету уже обязаны дѣйствовать на основаніи вѣроятности. Господи Боже! Отецъ грядущихъ поколѣній, молимъ Тебя, да услышатъ насъ мудрые граждане міра."

День испытанія насталъ, и въ филантропинъ прибыли изъ Берлина Николаи и Теллеръ, изъ Гальберштадта совѣтникъ консисторіи Струэнзе, изъ Лейпцига Платтнеръ и Цолликоферъ; Резевитцъ и Шуммель изъ Магдебурга, Кампе изъ Потсдама, Штротъ изъ Кведлинбурга, Боде изъ Гамбурга, Роховъ изъ Рекана Торжество открылось рѣчью Базедова къ достопочтеннымъ гражданамъ міра, настоящимъ совѣтникамъ человѣчества. Потомъ онъ попросилъ герцогиню выбрать изъ Кастелліоновскаго латинскаго перевода библіи главу; назначена была 8-ая глава отъ Іоанна, и 4 изъ старшихъ филантропистовъ, глядя въ латинскую библію бѣгло читали по-нѣмецки (не произнося латинскаго текста), причемъ отнюдь не пользовались словами обыкновеннаго перевода. Затѣмъ каноникъ Роховъ назначилъ изъ предоставленной на выборъ хрестоматіи древней исторіи отрывокъ, и 4 старшихъ филонтрописта, отлично перевели его, хотя годъ тому назадъ они не знали еще ни одного латинскаго слова, а въ теченіе этого года ничего не учили наизустъ и не проходили ни Доната, ни грамматики. Магистръ Мангельсдорфъ предложилъ собранію выбрать любой отдѣлъ изъ древней, новой, римской, греческой, политической и церковной исторіи, изложеніемъ котораго, притомъ не иначе какъ на латинскомъ языкѣ, будетъ доказано, что всѣ эти предметы ученикамъ не чужды: баронъ Стошъ предложилъ по-

ходъ Александра въ Индію, и воспитанники въ теченіе цѣлаго получаса излагали этотъ предметъ съ точнымъ знаніемъ дѣла. Вольке и его молодежь окружены были разными предметами, картинами, гравюрами и моделями. Сперва филантрописты его приступили къ игрѣ въ команду, т. е. они становились въ рядъ какъ солдаты и дѣлали все, что говорилось, напр. Claudite oculos,—circumspicite—imitamini sudorem, ad dextram, ad sinistram, ad hastam; plaudite manibus, supplodite pedibus etc. *) Потомъ слѣдовала игра въ прятки, причемъ за доской писалось имя изъ какого-нибудь разряда предметовъ, напр. названіе части человѣческаго тѣла, растенія, животнаго, и кто отгадывалъ его, тотъ получалъ въ награду яблоко, кусокъ пирога и т. п. Объявлялось напр., что написано имя животнаго, и ученики говорили: equus, bos, leo, ursus, etc. Третья игра состояла въ томъ, что дѣти по командѣ подражали голосу разныхъ животныхъ, то рыча по львиному, то распѣвая по пѣтушиному и т. д. По ариѳметикѣ диктовалось большое число, и дѣти сразу выговаривали его; сверхъ того ученики расчитывали въ умѣ самые большіе ряды чиселъ, прибѣгая лишь къ помощи пальцевъ. Въ рисованіи Вольке спрашивалъ младшихъ: что вамъ нарисовать? Всѣ воскликнули: Leonem **)! Вольке однако нарисовалъ звѣря съ клювомъ. Тогда всѣ воскликнули: Non est leo quia habet rostrum. ***) Потомъ онъ по желанію дѣтей нарисовалъ домъ и спросилъ: Какой первый предметъ при домѣ? Дѣти отвѣчали: Fundamentum. Когда онъ нарисовалъ это, то они потребовали вторую часть: Ianuam—in media—почему? propter Symmetriam.****) Потомъ принялись за игру въ объясненіе. Тотъ, на кого выпадалъ жребій, долженъ былъ объяснить одну изъ гравюръ, наполненную разными изображеніями. Затѣмъ Вольке принесъ картину съ изображеніемъ беременной женщины, сидящей въ дѣдовскихъ креслахъ, а возлѣ нея мужъ, который держитъ ее за руку, на столѣ двѣ шапочки (одна для мальчика, другая для дѣвочки), а на полу ванна съ водой и губка. Повѣсивъ картину, Вольке спросилъ, что это за женщина и отчего она такъ грустна? Ученики отвѣтили: это беременная жена, ея мужъ, старается утѣшить ее, такъ какъ она находится въ большой опасности и даже можетъ умереть. Потомъ Вольке спросилъ опять: что значатъ эти шапочки? и когда нѣкоторые изъ зрителей начали улыбаться, онъ строго взглянувъ

*) Закройте глаза,—осмотритесь,—подражайте напряженному движенью, направо, налѣво, къ копью; рукоплещите, топайте ногами и т. д.

) Льва! *) Это не левъ, оттого что у него клювъ.

****) Дверь—посерединѣ—для симметріи.

сказалъ, что проситъ не смѣяться, иначе онъ прекратитъ урокъ. Въ ваннѣ съ водою, говорили дѣти, вымоютъ новорожденнаго младенца, иначе онъ задохнется въ своей крови. Когда же Вольке спросилъ маленькаго Фабро: Не знаетъ ли онъ, откуда берутся маленькія дѣти? то мальчикъ улыбаясь отвѣчалъ: Родители разсказываютъ это различно; благоразумные говорятъ: мать родила ребенка; а безразсудные: аистъ занесъ его. Вольке спросилъ затѣмъ: Итакъ, если тебя родила твоя мать, кому ты одолженъ тѣмъ, что существуешь на свѣтѣ? Отвѣтъ: Моей матери. А если-бъ тебя аистъ занесъ? Аисту, отвѣчалъ мальчикъ, смѣясь отъ души.— Двое изъ старшихъ филантропистовъ доказали потомъ Пиѳагорову теорему и рѣшили нѣсколько тригонометрическихъ задачъ. Въ заключеніе испытанія воспитанниками представлены были французская и нѣмецкая комедіи.— Во время экзаменовъ всякій день отправлялось богослуженіе. А именно въ первый день всеобщее,—причемъ литургъ смѣнялся хоромъ изъ прихода, а имя Іисуса вовсе не упоминалось. Второе богослуженіе во время экзамена было озаглавлено: „Назначаемая для юношества основа обученія и назиданія касательно вѣры въ Бога, выводимой изъ созерцанія природы и изъ чувства совѣсти съ помощью вѣры и примѣра взрослыхъ.“ Наконецъ въ третій день богослуженіе имѣло заглавіемъ: „Основа общехристіанскаго наставленія и совѣстнаго обученія дѣтей съ помощью взрослыхъ,“ и начиналось: „Мы всѣ вѣруемъ во Іисуса Христа“; все совершилось тутъ въ правовѣрномъ духѣ, примыкая къ апостольскому символу вѣры, и такъ какъ это богослуженіе было всеобщимъ, то молились за католиковъ, грековъ протестантовъ и также за Іудеевъ.—Богослуженіе это служило образчикомъ чрезвычайныхъ и еженедѣльныхъ религіозныхъ торжествъ, для которыхъ была освящена особенная молельня, т. е. отдѣлана исключительно для этой цѣли. „Въ ней каждый предметъ поучителенъ и знаменателенъ, напр. потолокъ означаетъ небо или высокое блаженство добродѣтельныхъ по смерти и устроенъ согласно съ такимъ представленіемъ. Главный цвѣтъ на стѣнахъ перемежается черными штрихами, чтобы представить перевѣсъ добра надъ зломъ въ земной жизни. Середина пола представляетъ подобіе гроба, чтобы для преуспѣянія мудрости напоминать людямъ о смерти. На самомъ возвышенномъ мѣстѣ позади сѣдалища литурга находится ковчегъ, въ которомъ хранится книга законовъ и завѣта Господня. Крышка ковчега снабжена зеркаломъ въ знакъ необходимости нашего самоиспытанія по законамъ Божіимъ. По обѣимъ сторонамъ его горятъ двѣ свѣчи, означая два способа познанія религіи: путемъ сторонняго поученія и собственнаго размышленія. На стѣнѣ надъ ковчегомъ изображаются статуями, кар-

тизами или словами четыре главныхъ добродѣтели: разсудительность, умѣренность, справедливость и благотворительность. Всѣ присутствующіе въ молельнѣ одѣты чисто. Никто не обращается спиной къ ковчегу." — Сама естественная религія сообщается дѣтямъ въ странной послѣдовательности. „До девятилѣтняго возраста Фрицъ не слыхалъ имени Бога, по крайней мѣрѣ не долженъ былъ слышать его.... лишь послѣ дня откровенія пріучаютъ его къ молитвѣ. До тѣхъ поръ онъ за пищу и питье благодарилъ лишь своего воспитателя." Теперь наконецъ открывается Фрицу бытіе Божіе. Переходъ же изъ „малолѣтняго дѣтства" къ „болѣе взрослому" совершается такимъ образомъ: Этотъ день насталъ. Фрицъ встаетъ малолѣтнимъ еще ребенкомъ. Нѣкоторыя пріятельницы матери являются, чтобы одѣть его въ новое платье. Подается роскошный завтракъ..... Мальчика поздравляютъ, что онъ дожилъ до этого дня. Его ведутъ въ церковь и ему объясняютъ цѣль тамошняго собранія, не упоминая о господствующей религіи. Отецъ читаетъ короткую молитву за своего сына, два или три хорошихъ пѣвца поютъ относящуюся къ тому строфу.... Розги сжигаютъ въ каминѣ. Мальчикъ на колѣняхъ молится теперь въ первый разъ по предписанному тексту.... Вечеромъ угощаютъ на славу всю дѣтскую компанію и т. д.

Публичный экзаменъ произвелъ весьма выгодное впечатлѣніе на знатоковъ педагогическаго дѣла. Вскорѣ появились лестные отзывы отъ Рохова, Штрота, Эйка, Рамбаха, Ретгера, Якоби, Изелина, Траппа и др. Математикъ Эйлеръ выразился весьма благосклонно о Базедовѣ и его попыткахъ. Кантъ совѣтовалъ поддержать базедовскія предпріятія. Оберлинъ возсылалъ горячія мольбы къ Господу Богу за Базедова и его педагогическій институтъ. Прусскій министръ назвалъ базедовскія гравюры къ элементарному руководству картинною галлереею, при помощи которой дѣтямъ легко и наглядно сообщаются первоначальныя понятія о гражданскомъ обществѣ, и желалъ, чтобы она была первымъ руководствомъ всѣхъ воспитателей.—Но появились также и противники базедовскаго филантропина. Изъ директоровъ гимназій немногіе лишь перешли на сторону Базедова: большинство ихъ ратовало противъ него pro aris et focis *). Профессоръ Шуммель издалъ сатирическій романъ на филантропинъ: „Козлиная борода". Даже Гердеръ писалъ: „Все это наводитъ страхъ на меня. Намедни разсказывали мнѣ про методъ выращать въ десять лѣтъ дубовые лѣса; если у молодыхъ дубовъ отрѣзать стержень подъ землею, то надъ нею все разростется въ стволъ и сучья! Весь секретъ Базедова, кажется мнѣ, и

(*) Изъ-за дома и очага своего.

заключается въ этомъ, и я ему не только людей, но и телятъ не отдалъ бы на воспитаніе".—Филантропинъ однако возросталъ, и въ 1778-мъ г. въ немъ находилось тридцать три, а въ 1782-мъ пятьдесятъ два пансіонера изъ всѣхъ странъ Европы—отъ Риги и до Лиссабона. Но съ 1778-го г. онъ не состоялъ уже болѣе подъ руководствомъ Базедова. Ревнуя Вольке и враждуя съ нимъ, онъ сложилъ съ себя дирекцію, которая съ этихъ поръ мѣнялась иногда изъ года въ годъ, вслѣдствіе чего заведеніе въ 1793-мъ г. окончачельно погибло, послѣ того какъ Вольке, Зальцманъ, Оливье, поэтъ Матисонъ, Шпацирь и пр. подвизались въ немъ въ качествѣ учителей и оно оставило по себѣ нѣсколько преемниковъ: — а именно филантропинъ въ Маршлинсѣ подъ веденіемъ Улисса Салиса, филантропинъ въ Гильдесгеймѣ Бардта, военная школа въ Кальмарѣ Феффеля и Лерзе, педагогическія заведенія Кампе въ Триттовѣ, частные пансіоны Федера, Оливье, Шпацира, вудольфовъ пансіонъ для дѣвицъ близъ Гамбурга, множество мелкихъ институтовъ въ большихъ городахъ съ вывѣсками „Здѣсь также филантропинъ!" Заведеніе Зальцмана въ Шнепфенталѣ и пр.—Шаткость Базедова въ его дружескихъ отношеніяхъ; через чуръ хвастливыя заявленія о своемъ дѣлѣ; несправедливое и одностороннее приниженіе всего стараго; игрушки и пустяковины, загромоздившія собою самую суть метода; безполезность нѣкоторыхъ первыхъ произведеній новаго метода; удаленіе лучшихъ умовъ изъ института:—все это по неволѣ умѣряло первоначальный энтузіазмъ и предвѣщало ревизію столь быстро предпринятаго и какъ бы выстрѣломъ изъ пистолета возникшаго учрежденія. Самъ Базедовъ съ 1778-го г. жилъ болѣе близъ своей семьи, чѣмъ съ ней самой, то въ Дессау, то въ Лейпцигѣ, Галле и Магдебургѣ. Въ Магдебургѣ онъ съ 1785-го г. по нѣскольку мѣсяцевъ въ году давалъ уроки въ институтѣ для дѣвицъ; благодаря этому, онъ подвизавшись передъ тѣмъ еще разъ на поприщѣ теологіи (онъ издалъ „Завѣщаніе для совѣсти", „Испытаніе въ древней самой естественной религіи" и пр.—), вновь было предался педагогикѣ и затѣмъ издалъ свои сочиненія „О системѣ преподаванія латини при помощи реальныхъ знаній" и пр. Онъ умеръ въ Магдебургѣ 25-го іюля 1790-го г., сказавъ характеризующія его стремленіе слова: „Пусть меня анатомирують для блага моихъ ближнихъ."—Базедовъ обладалъ сильнымъ и пылкимъ умомъ, онъ говорилъ и писалъ энергично и смѣло, съ полною увѣренностью возвѣщалъ свои планы и сумѣлъ убѣдить въ новыхъ и громадныхъ успѣхахъ, благодаря чему и добился уваженія со стороны великосвѣтской публики, тогда какъ это же самое поневолѣ отталкивало отъ его дѣла спокойныхъ мыслителей.

Въ его умѣ слились ясное пониманіе всего ошибочнаго въ бывшемъ доселѣ воспитаніи съ одностороннимъ пренебреженіемъ всего въ немъ хорошаго; онъ былъ надѣленъ великимъ умѣньемъ завладѣть для своихъ плановъ другими и воодушевить ихъ, но лишенный дара привязать ихъ къ себѣ любовью. онъ вскорѣ затѣмъ безпощадно и неблагодарно отталкивалъ отъ себя все имъ привлеченное и не доводилъ начатаго до конца. Онъ способенъ былъ скорѣе разрушать, нежели созидать, скорѣе возбуждать другихъ, чѣмъ самъ творчески преобразовывать. Этотъ предприниматель заведеній,—какъ вѣрно замѣчаетъ Нимейеръ,—имѣвшихъ единственною цѣлью благо человѣчества, который однако самъ то и дѣло требовалъ большія суммы и жестоко ругался, когда ихъ недоставало, не могъ имѣть конечно того успѣха, какъ нѣкогда А. Г. Франкъ, удавшемуся творенію котораго Базедовъ болѣе удивлялся, чѣмъ понималъ его, и онъ наконецъ убѣдился на опытѣ, что послѣ перваго энтузіазма благотворительность и щедрость слишкомъ быстро переходятъ въ равнодушіе. Но несмотря на множество крайнихъ односторонностей въ его педагогическихъ воззрѣніяхъ, несмотря на его слѣпую вѣру во все и всѣхъ спасающій методъ преподаванія, не принимавшій въ соображеніе ни индивидуальности воспитанника, ни личности учителя, несмотря на одностороннюю разсудочность, не признававшую глубокаго содержанія какъ древности, такъ и христіанства, онъ все-таки оказалъ неоспоримую услугу, и дѣйствительно—онъ безпощадно обнаружилъ недостатки бывшаго доселѣ воспитанія, которое вовсе упустило изъ виду тѣлесное развитіе, совершенно пренебрегало преподаваніемъ родного языка и реальныхъ предметовъ, не руководствовалось сознательно цѣлесообразными методическими правилами, а напротивъ, погрузилось въ традиціонный механизмъ;—онъ пытался открыть надлежащія цѣлебныя средства, а отчасти даже и дѣйствительно указалъ на улучшенія:—въ отношеніи тѣлеснаго воспитанія имъ было отмѣнено все лишнее и вредное въ пищѣ и одеждѣ,—благодаря ему не только древніе, но и новые языки стали предметомъ обученія, а вмѣстѣ съ тѣмъ рухнулъ догматъ, всилу котораго истинное образованіе возможно будтобы только при изученіи латинскаго и греческаго языковъ,—учебными средствами стали употребляться не одни только остатки древней литаратуры, но вмѣстѣ съ тѣмъ и предметы обыденныхъ наблюденій и современнаго интереса,—а въ преподаваніи обращено было вниманіе на отвѣчающій естественному развитію дѣтской души, цѣлесообразный методъ,—вообще возбудился интересъ къ воспитанію, и правительства привлечены были къ соучастію, сознавъ наконецъ, что они какъ для блага своихъ гражданъ, такъ и для

собственной пользы обязаны, если не взять въ свои руки дѣло воспитанія, то все таки цѣнить, облегчить трудъ частныхъ лицъ и содѣйствовать имъ. Потому-то Базедовъ и встрѣтилъ въ современникахъ такое сочувствіе къ своимъ педагогическимъ воззрѣніямъ, тѣмъ еще болѣе, что ими онъ какъ бы предугадалъ требованья бурно-рьянаго періода въ Германіи,—періода, порывавшагося на борьбу противъ гнета правительственной власти, что и осуществилось въ политическихъ сочиненіяхъ Мезера и его единомышленниковъ, и ратовавшаго также противъ гнета домашнихъ и гражданскихъ условій, встряхнувъ такимъ образомъ закоченѣлость юношескаго образованія: годъ основанія филантротина совпадаетъ съ появленіемъ Вертера Гёте; а вскорѣ затѣмъ вышелъ Зигвартъ Мюллера; годомъ ранѣе появился Гётевъ Гетцъ фонъ Берлихингенъ, сынокъ котораго, какъ значится въ піэсѣ, хотя и учился, „что Якстгаузенъ есть деревня и зàмокъ при Якстѣ и два столѣтія уже составляетъ наслѣдственное и собственное достояніе господъ Берлихингеновъ,“ но при всемъ томъ не зналъ даже, что жившій въ то время Берлихингенъ—отецъ его.—

Однимъ изъ главныхъ сотрудниковъ Базедова былъ подвизавшійся, въ качествѣ педагога и филолога до своей смерти (1825), а родившійся 1741-го г. въ Іеверѣ

Христіанъ Генрихъ Вольке.

Въ молодости онъ занимался болѣе ручною работою, нежели ученіемъ; молитвенникъ, библія, катехизисъ и собраніе проповѣдей составляли единственное его чтеніе; но случайно попавшая ему въ руки физика Бёрнера подстрекнула его къ изученію естественныхъ наукъ и вообще внушила ему такое пристрастіе къ знаніямъ, что онъ на двадцатомъ году отъ роду рѣшился поступить въ школу. „Съ 1761-го г. (—разсказываетъ онъ самъ въ своей автобіографіи—) я посѣщалъ высшую школу въ Іеверѣ; а съ 1763-го, занимался въ Геттингенѣ юридическими науками у Бёмера, Бекмана I и II, Мейстера, Зельхова, съ 1765-го математикой и физикой у Кестнера, Гольмана, Бютнерна, естественными науками у Гейне и филологіей, преподавалъ двумъ петербургскимъ академикамъ, Иноходцеву и Юдину, нѣмецкій языкъ и перспективную живопись, потомъ также милорду Польверту образовательныя искусства, излагая ихъ по французски, сверхъ того составлялъ статьи къ изданію Кестнера

о пчеловодствѣ; съ 1767-го г. я занимался науками въ Лейпцигѣ у трехъ уважаемыхъ покровителей, Геллерта, Эрнести и учителя физики Винклера, обучая притомъ 1) графа Гойма математикѣ, 2) одного ольденбургскаго фермера, который до 20-ти-лѣтняго возраста былъ рабочимъ въ Овельгуннѣ, потомъ 10 лѣтъ торговцемъ, затѣмъ, благодаря урокамъ В—са, въ полгода сдѣлался студентомъ юридическихъ наукъ, а въ слѣдующіе 7½ лѣтъ свѣдущимъ правовѣдомъ, писателемъ и адвокатомъ. Соединившись въ 1770-мъ году съ Базедовомъ, Вольке содѣйствовалъ раннему развитія Эмиліи Базедовъ, обратившей на себя особенное вниманіе при первоначальномъ примѣненіи филантропическихъ взглядовъ и при состоявшемся въ 1776-мъ г. большомъ экзаменѣ въ Дессау. На Эмиліи и съ нею былъ сдѣланъ первый опытъ новаго педагогическаго метода, о чемъ самъ Вольке извѣщаетъ слѣдующимъ образомъ: „Когда въ 1770-мъ г. я прибылъ около новаго года къ профессору Базедову въ Альтону, съ цѣлью сотрудничать въ элементарномъ руководствѣ по части естественныхъ наукъ и математики, то его маленькой дочери Эмиліи было три четверти года отъ роду. Моя страсть заниматься съ дѣтьми побудила меня помогать ревностно воспитывающей ее матери производить съ Эмиліей ежедневно около полутора часа легкія упражненія, которыя, если хотятъ по возможности усовершенствовать людей, важнѣе, нежели они кажутся неопытнымъ. Я напр. поучалъ ее по извѣстному выбору и порядку разнымъ предметамъ и ихъ свойствамъ, показывая и называя ихъ внятно, не коверкая словъ; училъ ее также вставать, падать осторожно, избѣгать паденія, хватаясь за что-нибудь или инымъ способомъ и пр. Мы тщательно предохраняли ее отъ всякой, причиняемой обыкновенно шутя или серьезно въ обыденномъ воспитаніи, путаницы понятій; такъ, между прочимъ, въ зеркалѣ Эмилія видѣла не самое себя, а свое изображеніе, на картинахъ отнюдь не человѣка, звѣря или дерево, а только ихъ изображеніе; вареное куриное мясо съ костьми не называлось уже курицею и т. п. Благодаря этой заботливости, Эмилія двухъ съ половиной лѣтъ отъ роду уже разсуждала съ такою правильностью, что приводила въ изумленіе всѣхъ слушавшихъ ее. Полутора году отъ роду она не только говорила гораздо внятнѣе и вѣрнѣе другихъ дѣтей того же возраста, но при посредствѣ нашего особаго способа учить складамъ прежде буквъ она была уже въ состояніи понять цѣлое предложеніе, если ей подсказывали сподрядъ одни только буквы. Такъ напр. если при ней произносили по порядку буквы: т, е, б, ѣ; д, а, д, у, т, ъ; с, у, х, а, р, ь; то она говорила: тебѣ дадутъ сухарь. Польза этого упражненія и искусства обнаружилась самымъ поразительнымъ образомъ, когда Эмилія, вовсе не нуждаясь

въ изученіи скучныхъ складовъ по книгѣ, какъ къ своему личному, такъ и къ моему удовольствію, выучилась читать въ одинъ мѣсяцъ. Тогда ей было почти три года. Четверть года спустя послѣ того профессоръ Базедовъ отлучился изъ дому недѣль на десять. Чтобы къ возвращенію его доставить ему удовольствіе, чѣмъ онъ такъ рѣдко пользовался, трудясь надъ элементарнымъ руководствомъ, я въ теченіе этого времени обучалъ Эмилію французскому языку, на которомъ она до сихъ поръ не слышала ни слова. По прошествіи двухъ съ половиной мѣсяцевъ она была уже въ состояніи говорить пофранцузски о своихъ потребностяхъ и дѣлахъ, такъ что въ преподаваніи не нуждалась болѣе въ пособіи нѣмецкихъ словъ. Въ это время она читала писанный и печатный, нѣмецкій и латинскій шрифты, знала большую часть естественныхъ предметовъ и орудій, ихъ происхожденіе и употребленіе, разбирала съ примѣненіемъ къ подходящимъ случаямъ математическія линіи, плоскости и тѣла, считала впередъ или придавая до 100, назадъ или отнимая по одному и попарно отъ 20 или 21 до 0 или до 1; упражнялась въ рисованіи и письмѣ, выводя начертанныя карандашомъ буквы, диктовала иногда письмо къ отцу и пр. При всѣхъ этихъ знаніяхъ, которымъ Эмилія учится играя, т. е. безъ напряженія и вреднаго сидѣнья, мы остерегаемся, какъ бы не сдѣлать изъ нея такъ называемой ученой женщины, которая вслѣдствіе знанія своего возвышается надъ своимъ поломъ и пренебрегаетъ женскими занятіями. Ей напротивъ того всячески внушаютъ любовь къ послѣднимъ, обучая ее разнымъ рукодѣльямъ. Она часто и охотно помогаетъ въ кухнѣ приготовлять кушанья, накрываетъ дѣтскій столъ, содержитъ въ порядкѣ столовое бѣлье и другія вещи, собирая ихъ, и давно уже начала шить и вязать. Я пользовался каждымъ удобнымъ случаемъ въ созерцаніяхъ природы обращать вниманіе Эмиліи на величіе Божіе, на благость и мудрость Его. Она поэтому очень часто съ радостью вспоминаетъ о Богѣ какъ о всемудромъ, всемогущемъ и всеблагомъ Отцѣ своемъ и всѣхъ людей. Она рада молніи и грому, оттого что видитъ въ грозѣ и слѣдующемъ затѣмъ дождѣ необходимую благодать Божію и т. п.; она никогда не ощущала страха къ вѣдьмамъ, привидѣньямъ и чертямъ, потому что ихъ не называли при ней именами дѣйствительно вредныхъ для людей предметовъ. Четырехъ съ половиной лѣтъ отъ роду она училась латыни и скоро стала говорить на этомъ языкѣ съ изумительною легкостью и правильностью“ и т. д.

Что съ Эмилемъ Руссо совершалось лишь въ воображеніи, то съ Эмиліей Базедова исполнялось въ дѣйствительности; Вольке заступилъ у нея мѣсто матери, потомъ въ качествѣ гувернера тщательно предохранялъ ея отъ путаницы понятій, осуществилъ на ней правило учиться безъ розогъ и

слезъ, — но вмѣстѣ съ тѣмъ исказилъ мысли Руссо, возбудивъ черезъ-чуръ рано дѣятельность разсудка, обременивъ память французскими и латинскими вокабулами и совершенно упустивъ изъ виду основное правило нагляднаго, реальнаго способа обученія. Дѣтищу природы по мыслямъ Руссо — Вольке противоставилъ въ Эмиліи диковинное дитя Базедова.

Въ исходѣ 1770-го г. Вольке отправился съ Базедовымъ въ Дессау, и тамъ при филантропинѣ сдѣлался самымъ дѣятельнымъ его сотрудникомъ. Онъ отличался особенно своимъ методомъ въ преподаваніи иностранныхъ языковъ. Онъ училъ дѣтей говорить, соединяя по возможности слова съ созерцаніемъ обозначаемымъ ими предметовъ; потомъ читая авторовъ; и лишь подъ конецъ приступалъ онъ къ грамматикѣ. По этому методу онъ обучалъ въ филантропинѣ каждый день отъ 10 до 12 часовъ разнымъ полезнымъ знаніямъ на латинскомъ языкѣ и велъ свое преподаваніе такъ наглядно, что изрѣдка лишь прибѣгалъ къ нѣмецкому переводу; послѣ обѣда онъ упражнялъ старшихъ филантропистовъ въ черченіи математическихъ фигуръ, ландкартъ и архитекторныхъ плановъ; вечеромъ же преподавалъ старшимъ ученикамъ физическую географію, нѣкоторыя свойства планетъ, солнца и свѣта, мнѣнія знатнѣйшихъ астрономовъ о мірозданіи и пр. По своему собственному заявленію онъ въ обученіи имѣлъ главною цѣлью: 1) ознакомить своихъ учениковъ съ дивными явленіями природы, такъ чтобы они постигли все могущество, мудрость и благость Творца, съ искреннимъ упованіемъ вспоминали о Богѣ, преклонялись предъ Его промысломъ и отъ души вѣрили въ продолженіе жизни по смерти; 2) часто напоминать имъ о любви и благодѣяніяхъ родителей и друзей; 3) внушить имъ любовь и склонность ко всѣмъ честнымъ людямъ и друзьямъ человѣчества; 4) сообщить имъ охоту и наклонность къ полезнымъ наукамъ и искусствамъ; 5) но вмѣстѣ съ тѣмъ доказать имъ, что обладаніе какъ знаніями и искусствами, такъ и богатствомъ не дѣлаетъ еще человѣка достойнымъ любви, а напротивъ, что одно только ревностное примѣненіе ихъ ко благу людей доставляетъ намъ любовь и истинную славу. — Въ 1784-мъ г. Вольке покинулъ Дессау, съ тѣмъ чтобы отправиться въ Петербургъ. Императрица Екатерина даровала ему 20000 рублей, вмѣсто чего въ казенной конторѣ, по предъявленіи длинной росписи прежде сдѣланныхъ дареній, ему предложили всего только 1500 рублей, которыхъ онъ однако не принялъ. Потомъ Вольке открылъ въ Петербургѣ педагогическое заведеніе, издавъ передъ тѣмъ по подпискѣ (въ нѣсколько дней собрано было 2000 рублей серебромъ) книгу для юношества и присоединившись въ 1785-мъ г. уже чрезъ коллежскаго совѣтника Фрезе къ обществу петербургскихъ франкмасоновъ. Но въ Россіи онъ обманулся

въ своихъ ожиданіяхъ. Въ 1802-мъ г. онъ возвратился на родину и до своей смерти занимался распространеніемъ педагогическаго метода. —

Самымъ плодовитымъ писателемъ для юношества и наиболѣе читаемымъ изъ всѣхъ филантропическихъ педагоговъ былъ

Іоакимъ Генрихъ Кампе.

Онъ родился 1746-го г. въ Дензенѣ въ Брауншвейгѣ, изучалъ въ Галле богословіе, въ 1773-мъ г. поступилъ въ полковые священники въ Потсдамѣ, потомъ былъ приглашенъ Дессаускимъ княземъ въ филантропинъ въ качествѣ члена училищнаго совѣта, открылъ въ Триттовѣ близъ Гамбурга свое собственное педагогическое заведеніе, отправился затѣмъ по приглашенію герцога Карла въ Брауншвейгъ. съ тѣмъ чтобы тамъ въ качествѣ члена совѣта съ равномыслящими сотрудниками преобразовать учебную систему, но упавъ духомъ вслѣдствіе неудачъ и препятствій разнаго рода, отказался отъ публичной должности, съ тѣмъ чтобы посвятить себя литературной и книгопрадавческой дѣятельности, и умеръ въ 1818-мъ г.: — высокій, худощавый, но красивый мужчина, проникнутый достоинствомъ во всемъ своемъ существѣ и проявлявшій въ поступкахъ своихъ основанный на разумѣ образъ дѣйствія; — истый нѣмецкій ученый, которому любовь къ отчизнѣ подсказала его „словарь нѣмецкаго языка“, этотъ скорѣе патріотическій, нежели глубоко захватывающій авторскій трудъ, ратовавшій за сохраненіе и очищеніе родного слова.

Кампе былъ писатель филантропизма по преимуществу, освободившій отъ крайностей педагогическіе его принципы (—уходъ за тѣломъ и тѣлесныя упражненія, устраненіе задерживающихъ развитіе тѣла и губящихъ силу грѣховъ и привычекъ: направленіе преподаванія на все пригодное въ житейскомъ быту и полезное для внѣшняго благосостоянія общества: естественный методъ; образованіе добраго отъ природы воспитанника къ нравственности, главнѣйше путемъ умственнаго развитія—) и приспособившій эти правила къ дѣйствительной жизни, но въ свою очередь предавшійся одностороннему направленію матерьяльной пользы, такъ что „заслуги водворившаго у насъ воздѣлку картофеля и изобрѣтшаго самопрялку цѣнилъ выше заслугъ пѣвца Иліады или Одиссеи“. Въ связи съ Траппомъ, Стуве, Гейзингеромъ онъ издавалъ „Брауншвейгскій журналъ“ (четыре года отъ 1788 до 1791-го) и „Всеобщее обозрѣніе учебной и воспитательной системы“ (16 томовъ 1785—1791), гдѣ нѣкоторые отдѣлы педагогики, напр. о наблюденіи за половымъ влеченіемъ, о честолюбіи какъ педагогическомъ принципѣ и пр. разсмотрѣны всесторонне. Взглядъ его вездѣ направленъ на практику. Оттого всегда, когда дѣло касается

практики, онъ даетъ практическіе совѣты. Такъ между прочимъ въ своемъ „Теофронѣ“ о выборѣ званія: „Выступая на поприщѣ дѣятельной жизни, желай не блистать, но быть полезнымъ и счастливымъ; и согласно съ этимъ помысломъ избери себѣ будущее званіе, т. е. пусть твой выборъ рѣшатъ не почести и не наружный блескъ, связанный съ какимъ нибудь родомъ званія, а единственно мысль о томъ, на какомъ поприщѣ, при собственномъ благосостояніи, дарованными тебѣ отъ Бога и личнымъ трудомъ пріобрѣтенными силами можешь ты творить наибольшее добро.“ „Если ты утвердился въ этомъ правилѣ, то постарайся ознакомиться съ разнаго рода званіями, между которыми тебѣ предоставленъ выборъ твоимъ сословіемъ, твоими способностями и наклонностями, такъ чтобы точно и вполнѣ, насколько то возможно помимо личнаго опыта, узнать особенности каждаго изъ нихъ — связанныя съ ними обязанности, пріятности и непріятности — и все это частью путемъ наблюденія, частью и преимущественно путемъ сношеній и бесѣдъ съ разумными людьми, вращающимися въ тѣхъ званіяхъ“. „Затѣмъ обдумай при выборѣ слѣдущее: чѣмъ блистательнѣе должность, тѣмъ разнообразнѣе и крупнѣе неудобства для занимающаго ее. Можно конечно быть довольнымъ и счастливымъ какъ во всякомъ сословіи, такъ и во всякомъ полезномъ званіи. Но первое изъ нихъ затрудняетъ насъ въ этомъ еще болѣе, нежели послѣднее. При этомъ необходимо обратить вниманіе на слѣдующія условія: 1) На связи и отношенія, въ какія вступаемъ съ другими людьми: чѣмъ болѣе извѣстное званіе дѣлаетъ насъ зависимыми въ нашихъ дѣйствіяхъ и въ нашемъ образѣ жизни отъ одной или нѣсколькихъ личностей, тѣмъ оно опаснѣе; — чѣмъ многосложнѣе и тѣснѣе отношенія съ другими людьми, въ которыя мы поставлены нашимъ кругомъ дѣйствія, и чѣмъ болѣе притомъ нуждаемся въ непосредственномъ содѣйствіи постороннихъ для нашей собственной дѣятельности, тѣмъ больше непріятностей въ нашемъ положеніи, тѣмъ менѣе надеженъ успѣхъ нашихъ дѣйствій; —чѣмъ неопредѣленнѣе и измѣнчивѣе условія, въ какія вступаемъ съ другими людьми, тѣмъ неизбѣжнѣе недоразумѣнія и несогласія; — чѣмъ особенно тѣснѣе связи и проистекающія изъ нихъ взаимныя отношенія людей, вслѣдствіе чего или возбуждается или оказывается неизбѣжнымъ столкновеніе ихъ намѣреній, склонностей и желаній, тѣмъ труднѣе въ подобныхъ обстоятельствахъ избѣжать частыхъ несогласій и непріятностей. 2) При выборѣ званія необходимо обратить вниманіе на связанную съ нимъ большую или меньшую опасность захворать и заболѣть. Вообще здоровѣе, а слѣдовательно и довольнѣе всего чувствуютъ себя въ томъ родѣ званія, въ которомъ менѣе приходится исключительно только разсуждать и умствовать, но болѣе дѣйствовать, —

которое заставляетъ насъ проводить менѣе удобную, спокойную и умѣренную жизнь, а напротивъ требуетъ тѣлеснаго и душевнаго напряженія, — которое наиболѣе связано съ правильными, по днямъ и часамъ распредѣленными занятіями. 3) Третье условіе при выборѣ нашего званія касается нашихъ способностей, силъ и наклонностей. Близорукій безспорно глупо поступилъ бы, посвятивъ себя охотѣ или военному дѣлу. Превосходно исполняютъ только то, что дѣлаютъ охотно. 4) При выборѣ званія мы должны руководиться соображеніемъ относительно большей или меньшей пользы, какую по всему вѣроятію въ состояніи будемъ принести на томъ или другомъ изъ открытыхъ передъ нами путей по мѣрѣ дарованныхъ намъ силъ и способностей. Тщательное изслѣдованіе будущихъ обязанностей нашего званія, сознаніе нашихъ силъ, нрава, наклонностей; предварительныя попытки и упражненія въ томъ, что придется исполнять впослѣдствіи; умѣренныя ожиданія и скромныя надежды; полное убѣжденіе въ томъ, что наша мать-земля хотя и не юдоль плача, однако и не Аркадія; твердое, часто возобновляемое намѣреніе стойко переносить неизбѣжныя затрудненія въ жизни; а потомъ избѣжаніе всякой навязчивости къ высшимъ должностямъ, которыя намъ не по плечу; наконецъ полная покорность волѣ все управляющаго мудраго и благого провидѣнія: вотъ средства, какія мы должны употребить, если, вступая въ какое-нибудь званіе, въ какую-либо должность, хотимъ прожить съ пользою для людей, въ довольствѣ и счастіи для самихъ себя.

Въ своихъ сочиненіяхъ для дѣтскаго міра и черезъ нихъ Кампе оказалъ болѣе значительное и сильное вліяніе, нежели распространеніемъ педагогической теоріи. Онъ настоящій представитель дѣтской литературы; въ своей „Новой дѣтской библіотекѣ“ и въ своихъ „Описаніяхъ путешествій для юношества“ онъ расширилъ кругозоръ молодого поколѣнія, но педантическими и сентиментальными разсужденіями извратилъ также свѣжее простодушіе и поэтическій смыслъ юности въ неумѣстное умничанье. Эти недостатки особенно выступаютъ въ его передѣлкѣ „Робинсона Крузо“ Дефо: побочныя разсужденія въ этомъ „Робинсонѣ младшемъ“, который впервые явился въ 1779-мъ г. и уже въ 1850-мъ вышелъ 42-мъ изданіемъ, только надоѣдаютъ дѣтямъ и къ счастію пропускаются ими. „Когда Робинсонъ Кампе— говоритъ Шлоссеръ, — очутился въ рукахъ дѣтей образованнаго класса, то библейскія исторіи были покинуты ими. Благодаря ему, въ семействахъ обокъ съ практическою прозою нашихъ мелочныхъ условій стала господствовать еще и теоретическая. Выросло новое поколѣніе, помышлявшее лишь объ осязательномъ, обыденномъ, непосредственно полезномъ въ жизни, исполненное ребяческаго умничанья. Лю-

теровъ переводъ библіи, понятыя или непонятыя, но все-таки возбуждающія фантазію исторіи и поэтическія произведенія Востока придавали по крайней мѣрѣ религіозный размахъ, тогда какъ скучная нравственная проповѣдь новой книги для дѣтей подавляла душу".

Христіанъ Готтгильфъ Зальцманъ

(—род. 1-го января 1744-го г. въ Сёммердѣ близъ Эрфурта, былъ 24 лѣтъ отъ роду пасторомъ въ Рорбонѣ, потомъ въ Эрфуртѣ, благоговѣлъ передъ педагогическими принципами Руссо и Базедова, съ 1787-го г. былъ законоучителемъ и литургомъ въ Дессаускомъ филантропинѣ—) проводилъ далѣе и освободилъ отъ многихъ недостатковъ Базедовскій филантропинъ въ своемъ педагогическомъ заведеніи въ Шнепфенталѣ близъ Вальтерсгаузена, основанномъ благодаря доставленнаго ему отъ Готскаго герцога пособія въ 4000 талеровъ и при содѣйствіи Бейтлера изъ Зула, Бехштейна изъ Вальтерсгаузена, Гутсъ-Мутса изъ Кведлинбурга, Вейсенборна, Блаше и др. Онъ и прежде уже (1780) пріобрѣлъ славу педагога особенно своею „Раковою книжечкой," этимъ своимъ „руководствомъ къ неразумному воспитанію дѣтей," гдѣ онъ съ мастерскою иронiей порицаетъ существующіе недостатки образованія; но потомъ своимъ „Нравственнымъ элементарнымъ руководствомъ" и въ 1797мъ г. изданнымъ сочиненіемъ „небо на землѣ" обратилъ онъ на себя и на свой институтъ особенное вниманіе родителей и воспитателей, такъ что вскорѣ въ его педагогическомъ заведеніи собрались воспитанники изъ всей Германіи, Англіи, Швейцаріи, Португаліи и Скандинавскихъ державъ. Въ 1803-мъ г. въ Шнепфенталѣ было 61 воспитанникъ, и заведеніе стало падать лишь съ 1809-го г. при нашествіи Наполеона, какъ вслѣдствіе вліянія Песталоцци, тогда уже обратившаго на себя всеобщее вниманіе, такъ и вслѣдствіе измѣнившихся современныхъ интересовъ и причиненнаго войною обѣдненія многихъ родителей, которые не въ состояніи были вносить ежегодную плату за содержаніе въ 64 фридрихсдора и отъ 60 до 80 талеровъ за книги, постель бѣлье и пр. Въ заведеніи, гдѣ все носило на себѣ отпечатокъ прекрасной семейной жизни, въ 1809-мъ г. считалось всего только 36 воспитанниковъ, и оно не поднималось уже, тѣмъ болѣе что 31-го октября 1811-го г. умеръ основатель Шнепфенталя, этотъ славный практическій педагогъ и педагогическій писатель. Зальцманъ былъ филантропистъ, но обладавшій дѣльнымъ и основательнымъ всеобщимъ образованіемъ.

Его первоначальный планъ воспитанія былъ слѣдующій: „Съ давнихъ лѣтъ уже безпокоила меня мысль, что счаст-

живыхъ людей очень мало, и она представлялась мнѣ все болѣе истинною, чѣмъ болѣе знакомился я съ людьми и имѣлъ возможность проникать въ сокровеннѣйшія условія ихъ домашняго общежитія. Вслѣдствіе этого во мнѣ возникло сильное стремленіе открыть главныя причины ихъ недовольства и найти средства, какъ бы мало по малу устранить ихъ по крайней мѣрѣ у единичныхъ людей и въ небольшихъ кружкахъ. Я скоро открылъ, что главныя причины ихъ бѣдствія скрываются отнюдь не въ несовершенствѣ натуры ихъ, а напротивъ, въ ихъ предразсудкахъ, вошедшихъ въ составъ познаній и пріобрѣтшихъ въ теченіе времени значеніе святыхъ истинъ. Вслѣдствіе этого я пришелъ къ убѣжденію, что человѣческое общество способно къ гораздо высшему блаженству, нежели оно пользуется въ настоящее время. Это убѣжденіе не могу отнести къ заблужденіямъ, потому уже, что оно все усиливается, чѣмъ болѣе размышляю объ этомъ и вникаю въ дѣло съ разныхъ сторонъ; притомъ также все, что я отъ времени до времени излагалъ объ этомъ въ моихъ сочиненіяхъ, принималось съ сочувствіемъ, превышавшимъ мои личныя ожиданія, и наконецъ опытъ научилъ меня, что, дѣйствуя по этому убѣжденію, я въ своемъ собственномъ положеніи избавлялся отъ многихъ мукъ. Такъ напр. болѣзни и заботы о содержаніи моей семьи изгнаны совершенно, и состояніе послѣдней было бы еще счастливѣе, будь возможность каждому маленькому обществу, связанному съ другимъ болѣе обширнымъ, постоянно дѣйствовать по своему убѣжденію.—Итакъ, не имѣя никакого основанія сомнѣваться въ вѣрности моего убѣжденія, я и стараюсь стать въ такое положеніе, въ которомъ я могъ бы поступать по возможности независимѣе и настоятельнѣе содѣйствовать какъ своему, такъ и общечеловѣческому благу. И въ самомъ дѣлѣ, успѣй я довести хотя только свою семью до высшей степени благосостоянія, то и это было бы уже выигрышемъ для человѣчества, потому что такимъ образомъ подтвердилась бы истина извѣстныхъ правилъ, и другіе люди побуждены были бы вѣрить и послѣдовать имъ. Я намѣренъ однако исполнить еще нѣчто болѣе важное.“.

„По собраннымъ мною наблюденіямъ оказалось, что извращенный способъ воспитанія человѣка составляетъ одинъ изъ самыхъ обильныхъ источниковъ его бѣдствій. Онъ развращается тотчасъ же съ появленія его на свѣтъ Божій, и обыкновенное, даваемое ему какъ въ семьѣ, такъ и въ школахъ и пансіонахъ воспитаніе представляется мнѣ постояннымъ стремленіемъ сдѣлать предназначенное къ движенію тѣло его бездѣятельнымъ и лишь способнымъ заглушить въ его душѣ чувство истины и внушить ей предразсудки,

служащіе причиною безумія, пороковъ и бѣдствія на всю жизнь. Потому я и намѣренъ посвятить свои силы на воспитаніе поручаемыхъ мнѣ молодыхъ людей по плану болѣе сообразному съ ихъ натурою. Я не имѣю въ виду излагать одни только педагогическія правила, ни также основать школу, но хочу устроить маленькое общество, главная цѣль котораго воспитаніе, и члены котораго, вслѣдствіе его устройства, обязаны въ своемъ поведеніи быть тѣмъ къ чему оно хочетъ образовать своихъ воспитанниковъ." Вотъ самый планъ:

I. Качества, развиваемыя этимъ обществомъ въ поручаемыхъ ему воспитанникахъ, слѣдующія:

1) Тѣло, α) способное переносить невзгоды и выдержать трудъ, β) владѣющее всѣми своими мускулами и развившее упражненіемъ свои силы, γ) способное въ случаѣ нужды само промыслить себѣ необходимыя потребности.

2) Умъ, α) правильно разсуждающій о мірскихъ дѣлахъ особенно объ ихъ отношеніи къ человѣческому благосостоянію, и свободный отъ предразсудковъ, сбивающихъ съ толку здравый смыслъ обыкновенныхъ людей; β) отлично постигающій искусство предохранять тѣло отъ болѣзней и душу отъ унынія.

3) Память, изощренная и снабженная такими знаніями, какія необходимы человѣку, для того чтобы собственнымъ трудомъ преуспѣвать въ томъ дѣлѣ, которымъ онъ особенно склоненъ заняться. Я причисляю сюда: α) знаніе природы, не однихъ только названій, но также силъ, свойствъ и пользы окружающихъ насъ предметовъ. Пусть это знаніе будетъ не глубокое, но достаточное на столько, чтобы пробудить охоту поглубже вникнуть въ свойство вещей и чтобы облегчить дѣло всякому, желающему идти далѣе; β) знаніе всего, что дѣлается и сдѣлано людьми. Сюда относится знаніе искусствъ, государственнаго устройства и исторіи; γ) знаніе языковъ, особенно нѣмецкаго, латинскаго и французскаго.

4) Воображеніе, живое, но постоянно подчиненное надзору разсудка.

5) Нравъ, α) питающій искреннее отвращеніе ко всякой неправдѣ, ко всякой подлости; β) считающій своимъ высшимъ наслажденіемъ елико возможное развитіе силъ, благодѣяніе и исполненіе долга.

II. Полагаемая при этомъ въ основу *главная книга*—сама природа. Путемъ наблюденія и изслѣдованія ея заставляемъ мы нашихъ воспитанниковъ собирать понятія и изощрять свои силы. Все, что наши воспитанники могутъ узнать при посредствѣ собственныхъ чувствъ, не должно быть передаваемо имъ посредствомъ описанія, и прибѣгать къ картинамъ и книгамъ слѣдуетъ только тогда, когда приходит-

ся сообщить имъ понятія о вещахъ, которыя они не имѣютъ случая изучать собственнымъ опытомъ. Сравнивая между собою собранныя понятія, они пріобрѣтаютъ отвлеченныя идеи, а изъ знанія свойствъ вещей извлекаютъ практическіе выводы.

III. *Способъ*, какъ доставить нашимъ воспитанникамъ сказанныя качества.

1) Вообще. Мы стараемся всякими, на знаніи души основанными средствами, постоянно поддерживать въ нихъ живое стремленіе собственнымъ трудомъ добиться тѣхъ качествъ, какія хотимъ развить въ нихъ. Постоянное обученіе, какимъ пользуется молодой человѣкъ, оставаясь притомъ въ пассивномъ состояніи, ему такъ же противно и вредно какъ жеваная пища, внѣдряемая въ него противъ его воли.

2) въ частности.

α) Чтобы сообщить ихъ тѣлу крѣпость и ловкость, мы пріохотимъ ихъ и дадимъ имъ возможность выносить разныя невзгоды и изучать всякія ремесла, которыя однако не дѣлали бы рукъ неспособными къ болѣе утонченнымъ занятіямъ: мы постараемся также особенными упражненіями сообщить ихъ органамъ силу и точность.

β) Для того чтобы умъ ихъ сохранить здоровымъ и изощрить его, a) мы поставимъ себѣ непремѣннымъ долгомъ правильно судить, поступать согласно этимъ сужденіямъ и изгонять изъ нашихъ разговоровъ всякіе предразсудки относительно счастія, добра, прекраснаго, пріятнаго и т. д. и такимъ образомъ побудимъ ихъ подражать нашему примѣру; b) мы каждый день будемъ доставлять имъ случай разсуждать самимъ и исправлять ихъ ложныя сужденія; c) мы особенно математикѣ приписываемъ силу пріучать умъ къ правильному мышленію.

γ) Чтобы изощрять ихъ память, a) мы постараемся рано побудить ихъ заучивать наизустъ имена, знаніе которыхъ для нихъ необходимо, и лучшія мѣста изъ образцовыхъ писателей; b) чтобы обогатить ее, мы пріохотимъ ихъ и доставимъ имъ случай самимъ усвоить себѣ необходимыя знанія и постараемся по возможности облегчить имъ пріобрѣтеніе послѣднихъ. Тутъ мы воспользуемся всѣми опытомъ подтвержденными методами усвоивать себѣ реальныя и филологическія знанія. Мы обратимъ особенное вниманіе на то, чтобы пріобрѣтеніе послѣднихъ совершалось постепенно и чтобы дѣти не изучали предметовъ, для которыхъ предполагаются недостающія имъ еще познанія. Мы имѣемъ въ виду вести точный и полный списокъ всего запаса знаній каждаго изъ воспитанниковъ.

δ) Чтобы изощрить воображеніе, a) мы пріохотимъ ихъ и доставимъ имъ случай описывать явленія, какія они сами видѣли, и развивать событія по сообщенному имъ сюжету; b) чтобы подчинить его надзору разсудка, мы тщательно будемъ предохранять ихъ отъ чтенія всякихъ книгъ, подающихъ поводъ къ романтическимъ и сладострастнымъ представленіямъ.

ε) Чтобы образовать ихъ нравъ мы мало будемъ декламировать или даже вовсе не станемъ дѣлать этого, а постараемся лишь передать имъ вкратцѣ главныя истины естественныхъ и христіанскихъ правилъ нравственности, сдѣлать послѣднія осязательными при посредствѣ исторіи, пояснять ихъ своими личными поступками, постоянно пользоваться случаемъ дѣйствовать самимъ по этимъ правиламъ и вкушать связанную съ такою дѣятельностью отраду.

IV. *Фондомъ* для основанія и поддержки общества служатъ умы членовъ. Человѣкъ съ умомъ всегда добудетъ себѣ столько золота и серебра, сколько потребуется для достиженія его цѣлей. Богатыя учрежденія склоняютъ къ лѣни, а благотворительныя вспомоществованія подобаютъ больницамъ и богадѣльнямъ, а не обществу дѣятельныхъ мужей.

V. *Починомъ* къ такому обществу служитъ моя семья, къ которой постараюсь мало по малу пріобщить нѣсколькихъ учителей и воспитанниковъ. Вѣдь все великое и прочное возникаетъ изъ мелкихъ начатковъ, потому и я такъ же ожидаю большихъ послѣдствій изъ этого малаго почина.

VI. Къ *членамъ* общества принадлежатъ не только мужчины, но также и женщины, подчиненные какъ тѣ, такъ и другія извѣстнымъ уставамъ. Потому что мужская дѣятельность, особенно въ дѣлѣ воспитанія, удесятеряется, соединяясь съ женскою. —

VII. *Средствами* привлечь нѣсколькихъ членовъ послужатъ не коварство и шарлатанство, а честность, безкорыстіе и внутреннее достоинство плана.

„Обозрѣвъ устройство Дессаускаго филантропина, расширившагося въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ такъ, что онъ вноситъ въ страну ежегодно по малой мѣрѣ 20,000 тлр. звонкой монеты, изслѣдовавъ основательно причину какъ роста, такъ и застоя его, я вполнѣ надѣюсь довести мое общество въ нѣсколько лѣтъ до того, что оно въ этомъ отношеніи можетъ соперничать съ нимъ, хотя во многомъ и будетъ отъ него отличаться“. — Двѣнадцать учителей въ заведеніи Зальцмана обучали латинскому, греческому, французскому, итальянскому и англійскому языкамъ, древней литературѣ и археологіи, нѣмецкому языку, исторіи, географіи, астрономіи, физикѣ и естественной исторіи, религіи и нравоученію, математикѣ съ геометріей и тригонометріей, обыденному и купеческому счето-

водству съ бухгалтеріей, чистописанію, рисованію и черченію, музыкѣ, верховой ѣздѣ, танцованію и ручнымъ работамъ. Притомъ для каждаго изъ воспитанниковъ избирались тѣ предметы преподаванія, какіе требовались для его будущаго званія, такъ что желая поступить на военную службу могли сдать первый и второй офицерскій экзаменъ, намѣревавшіеся посвятить себя лѣсоводству, торговлѣ, сельскому хозяйству тотчасъ же по окончаніи курса въ Шнепфенталѣ въ состояніи были приняться за свои спеціальныя занятія, а будущіе дѣятели науки поступить въ первый старшій классъ гимназіи. Особенное вниманіе обращалось на развитіе тѣла: здоровое мѣстоположеніе, отличная вода, образцовая чистота въ институтѣ, простая соразмѣрная пища воспитанниковъ, здоровые дортуары съ матрацами изъ конскихъ волосъ, правильныя, ежедневно три раза повторяемыя движенія на вольномъ воздухѣ, всякаго рода гимнастическія упражненія, катанье въ саняхъ, бѣгъ на конькахъ, верховая ѣзда, частыя прогулки въ сосѣднія горы и дальніе походы во время каникулъ — все способствовало къ образованію изъ воспитанниковъ здоровыхъ и сильныхъ юношей. Заведеніе состоитъ изъ нѣсколькихъ зданій, на одномъ изъ четырехъ главныхъ изображенъ надъ входомъ золотой заступъ, какъ символъ труда, съ буквами Ε. Α. Ν. (ἐν αὐτῷ νίκα). Въ немъ находится молельня съ органомъ и съ опирающимися на восьми зеленью обвитыхъ столпахъ хорами для слушателей, — столовая, два дортуара, физическій кабинетъ, квартиры директора и нѣкоторыхъ изъ учителей. Въ другомъ главномъ зданіи находятся двѣ аудиторіи, дортуаръ и квартиры остальныхъ учителей: въ третьемъ—библіотека съ залами для музыкальныхъ упражненій; а въ четвертомъ—типографія и книжный магазинъ. При этомъ обширный, крытый манежъ и прекрасно разведенный садъ.

Зальцманъ былъ воспитатель. А что требуется отъ воспитателя, это указано имъ въ его „Муравьиной книжкѣ или руководствѣ къ разумному воспитанію“. Символомъ для воспитателя онъ поставляетъ: „Воспитатель да ищетъ въ самомъ себѣ причину всѣхъ недостатковъ и пороковъ своихъ воспитанниковъ“. Можетъ быть, въ твоемъ воспитанникѣ были уже недостатки, когда ты принялъ его: отчего же они остались въ немъ до сихъ поръ? Очень можетъ быть, что я ни въ чемъ не упрекну тебя за твое обращеніе съ воспитанникомъ, если ты мнѣ объяснишь это; но когда погляжу, какъ ты поступаешь, то, быть можетъ, вынужденъ буду сказать тебѣ: недостаточно говорить только о добрѣ, потому что все зависитъ отъ того, какъ говорятъ и какъ поступаютъ. Кто сумѣетъ попасть въ настоящій тонъ, наиболѣе отвѣчающій юношескому возрасту и

производящій на него сильное впечатлѣніе, тотъ немногими словами добьется гораздо бо́льшихъ успѣховъ, нежели длинною рѣчью другой, не умѣющій примѣниться къ настоящему тону. Итакъ, многіе воспитатели должны самимъ себѣ приписать причину недостатковъ своихъ воспитанниковъ, оттого что не сумѣли отъ нихъ отучить послѣднихъ. Часто они даже на самомъ дѣлѣ къ нимъ пріучаютъ своимъ примѣромъ. Развѣ это не сильнѣе всякаго увѣщанія дѣйствуетъ на юношество? Ты проповѣдуешь трудолюбіе, а самъ лѣнишься, ты увѣщаешь быть правдивымъ, а самъ лжешь и т. п. Или, если ты строго наказываешь своего воспитанника за всякую шалость, за всякую оплошность или ошибку, къ чему тогда пріучаешь его? къ лживости.— Потомъ учитель бываетъ еще повиненъ въ недостаткахъ и порокахъ своихъ воспитанниковъ, оттого что самъ взводитъ ихъ на него. Что сказали бы о садовникѣ, сѣтующемъ весною о томъ, что на вишневыхъ деревьяхъ нѣтъ ни одного плода, а одни только цвѣты? Многіе изъ воспитателей поступаютъ точно такъ же безразсудно, вмѣняя своему воспитаннику въ преступленіе, что онъ дѣйствуетъ такъ, какъ свойственно дѣтской натурѣ и какъ слѣдуетъ по ней поступать, и требуя отъ него такого поведенія, какое можетъ быть лишь слѣдствіемъ образованнаго уже разума.—Часто воспитатели дѣлаются творцами пороковъ своихъ воспитанниковъ, оттого что постановляютъ произвольное правило, обязавъ молодыхъ людей слѣдовать ему и вмѣняя имъ въ порокъ всякое отъ него уклоненіе. Если это правило нелѣпо и противоестественно, и молодые люди сознаютъ это, то имъ нѣтъ никакой охоты соблюдать его и они то и дѣло станутъ уклоняться отъ него, слѣдовательно, явятся нарушителями въ глазахъ воспитателя.—Наконецъ воспитатели часто увеличиваютъ число пороковъ своего воспитанника, причисляя къ нимъ личныя свойства послѣдняго. Если бъ въ воспитательномъ заведеніи вздумали для всѣхъ воспитанниковъ сдѣлать сапоги по одной и той же колодкѣ: то послѣдніе оказались бы впору весьма лишь немногимъ, остальнымъ же они были бы или слишкомъ велики, или слишкомъ малы. Что же дѣлать въ такомъ случаѣ? развѣ признать никуда негодными ноги, которымъ не впору сапоги? Не пообрѣзать ли ужъ немного ноги у нѣкоторыхъ воспитанниковъ, да не приставить ли къ другимъ? Вотъ вы обучаете Генриха и Людвига латыни и математикѣ. Генрихъ никакъ не можетъ усвоить себѣ правила латинской грамматики, за то въ математическихъ урокахъ онъ лучшій ученикъ; Людвигъ же подаетъ вамъ латинскія сочиненія, въ которыхъ вамъ мало что приходится исправлять; но математику—онъ совсѣмъ не понимаетъ. А вы всетаки требуете отъ обоихъ, чтобы они оказывали одинаковые успѣхи

какъ въ латини, такъ и въ математикѣ; вы порицаете Генриха за его лѣнь въ латини, а Людвига за его неохоту къ математикѣ и—вы несправедливы къ обоимъ. Ихъ лѣнь и неохота гнѣздятся въ вашемъ собственнмъ мозгу. — Воспитаніе—это развитіе и упражненіе юношескихъ силъ. Если ребенка воспитываютъ быть человѣкомъ, то развиваются и упражняются всѣ его силы. Но не вдругъ. Пріучая ходить, мы вѣдь стараемся развить силу ногъ лишь тогда, когда ползая, онѣ достаточно уже поокрѣпли и оказались способными къ ходьбѣ: точно такъ же и всякія другія силы слѣдуетъ развивать лишь тогда, когда онѣ дѣйствительно окажутся на лицо, и когда тѣ, изъ которыхъ онѣ обыкновенно развиваются, достаточно уже окрѣпли. Дитя получаетъ всѣ свои силы вслѣдствіе зарожденія и проявляетъ ихъ, выбираясь изъ своего прозябающаго состоянія и переходя въ царство животныхъ. Но большею частью онѣ дремлятъ еще подобно зародышу въ брошенномъ въ землю пшеничномъ зернѣ; онѣ пока еще только способности и развиваются съ теченіемъ времени въ слѣдующемъ порядкѣ: прежде всего бóльшая часть тѣлесныхъ силъ; потомъ мало по малу представленія о внѣшнихъ предметахъ и сохраненіе этихъ представленій,—память и воображеніе; наконецъ умъ, проявляющійся въ сужденіяхъ; но лишь при выходѣ изъ дѣтства, вслѣдствіе представленія сверхчувственныхъ предметовъ, начинается дѣятельность разума. Сообразно съ этимъ и слѣдуетъ воспитывать: слѣдуетъ развивать—тѣло и душу. Чтобы воспитатель былъ способенъ къ этому, онъ долженъ удовлетворить слѣдующимъ требованьямъ: Воспитай самого себя! Къ такому самовоспитанію его относится: 1) Будь здоровъ! 2) Будь всегда бодръ! 3) Учись говорить и обходиться съ дѣтьми! 4) Учись заниматься съ дѣтьми! 5) Старайся пріобрѣсть ясное знаніе о произведеніяхъ природы! 6) Ознакомься съ произведеніями человѣческаго труда! 7) Учись пользоваться твоими руками! 8) Привыкай толковито распоряжаться твоимъ временемъ! 9) Старайся войти въ сношеніе съ семьею или педагогическимъ обществомъ, дѣти или питомцы которыхъ отличаются превосходнымъ здоровьемъ! 10) Старайся усвоить себѣ искусство доводить дѣтей до искренняго убѣжденія! 11) Поступай всегда такъ, какъ хочешь, чтобы поступали твои воспитанники.

Крайность филантропизма,—служившая съ одной стороны, какъ выражается Бауръ, доказательствомъ, что потребность въ улучшеніи системы воспитанія и педагогическій энтузіазмъ той эпохи были весьма сильны, и послѣдній не остывалъ даже въ виду разныхъ нелѣпыхъ представителей реформы, а съ другой стороны—причиною, что осмотрительные люди легче угадывали преувеличенье филантро-

пическихъ обѣщаній и отдѣляли разумное въ реформахъ воспитанія отъ ихъ искаженій, представляется въ лицѣ

Карла Фридриха Бардта

(1—1796),741 этого легкомысленнаго представителя просвѣщенія, который въ званіи экстраординарнаго профессора былъ изгнанъ изъ Лейпцига за половое распутство, а въ званіи профессора философіи въ Эрфуртѣ замѣшанъ въ скандалѣ, въ званіи профессора въ Гисенѣ въ ссору, былъ въ Маршлинѣ, что въ Граубюнденѣ, руководителемъ филантропина за годовой окладъ въ 2000 фл., потомъ генералсуперинтендентомъ въ Дюркгеймѣ при Гардтѣ и въ то же время основателемъ филантропина въ за́мкѣ графа Лейнингенъ-Даксбургскаго въ Гейдесгеймѣ, наконецъ обладателемъ виноградника близъ Галле и вмѣстѣ съ тѣмъ содержателемъ гостинницы и трактира. Филантропизмъ для Бардта служилъ промысломъ. Основными мыслями его „филантропическаго плана воспитанія" были: „Будьте бодрыми, веселыми людьми!" какъ въ тѣлесномъ, такъ и въ духовномъ отношеніи. „Мы льстимъ себя надеждою, что со временемъ изъ филантропина выйдетъ развеселое человѣческое поколѣніе и что въ недальнемъ будущемъ при изображеніи весьма здороваго человѣка войдетъ въ поговорку: Онъ здоровъ какъ филантропистъ". Законы, рѣшающіе, какимъ путемъ молодой человѣкъ можетъ добиться высшей степени заслуги, слѣдующіе: „Кто на похвальной доскѣ заслужилъ сотню точекъ, тотъ получаетъ орденъ трудолюбія, дающій ему троякую выгоду. Вопервыхъ онъ получаетъ орденскій знакъ, состоящій изъ серебрянаго плуга на черной шелковой лентѣ для ношенія на груди. Вовторыхъ о его пожалованьи публикуется въ разныхъ газетахъ. А втретьихъ выдаваемая ему ежемѣсячная плата повышается на половину. „Если ученикъ приблизился къ числу точекъ (дѣло въ томъ, что всякіе благонравные поступки награждаются точками), необходимыхъ для ордена добродѣтели (золотой крестъ на бѣлой шелковой лентѣ), настолько, что перешелъ уже за 40, и все еще одержимъ какимъ нибудь важнымъ порокомъ, то слѣдующій за нимъ по числу точекъ обязанъ по воскресеньямъ послѣ совѣтскаго засѣданія увѣщевать его дружескимъ и кроткимъ голосомъ: „Братъ, старайся одолѣть твой порокъ!" Въ наказаніе присуждаютъ возить тачку: „За тяжкое преступленіе, особенно за нанесеніе оскорбленій и побоевъ другимъ, мальчика заставляютъ возить тачку взадъ и впередъ отъ однихъ воротъ за́мка къ другимъ. Это въ нѣкоторомъ родѣ позоръ, притомъ крайне гнусный и до такой степени утомительный что, наши воспитанники боятся его пуще всякихъ побоевъ". Другое наказаніе—глашатай. „Въ случаѣ большихъ проступковъ совѣтомъ назна-

чается сирота, который три дня или нѣсколько дней кряду по утрамъ, въ обѣдъ и вечеромъ, когда всѣ собираются въ столовой, обязанъ громко возглашать преступленіе и имя преступника и заключать свой возгласъ троекратнымъ „тьфу!„ И мнѣ сдается, сильнѣе этого нельзя дать почувствовать молодому человѣку, что порокъ унижаетъ".—Въ числѣ вердиктовъ находятся слѣдующіе: „N. N. 21 голосомъ объявляется крайне щекотливымъ. По мнѣнію тридцати N. N. слѣдовало бы отучить себя отъ ребяческаго и пошлаго нрава. N. N. по желанію всѣхъ долженъ тщательнѣе умываться и избѣгать по возможности неряшества".—Филантропическое богослуженіе отправляется такимъ образомъ: „На восточной сторонѣ зáмка величественно подымается нѣсколькими уступами высокая гора, теряясь въ облакахъ. На этихъ уступахъ мы воздвигли 4 храма: храмъ историческихъ героевъ, храмъ мудрости, храмъ добродѣтели и храмъ Христа. Три первые состоятъ изъ высокихъ тѣнистыхъ бесѣдокъ, выстроенныхъ амфитеатромъ. Внутри кругомъ находятся два ряда дерновыхъ скамеекъ, изъ коихъ внутреннія ниже наружныхъ. Храмъ Христа напротивъ того деревянный, также амфитеатромъ, снаружи окрашенъ въ зеленый, а внутри въ бѣлый цвѣтъ. Два флигеля открываютъ широкій фасадъ. Внутри въ глубинѣ храма начертана золотыми буквами надпись: Іисусъ Христосъ!"—

Бардтъ поступалъ легкомысленно—какъ въ филантропинѣ, такъ и въ религіи. Вѣдь достало же у него наглости слова Іисуса Христа: Блаженны плачущіе—перевести въ такомъ родѣ: Блаженны предпочитающіе сладостныя меланхоліи добродѣтели шумнымъ веселіямъ порока", а слова: Тогда Іисусъ возведенъ былъ Духомъ въ пустыню, для искушенія отъ діавола—такимъ образомъ: „Вскорѣ затѣмъ Богъ повелъ Іисуса въ уединенное мѣсто, съ тѣмъ чтобы заставить его претерпѣть жестокое обращеніе отъ злобнаго врага". За такія легкомысленныя выходки уже Гёте, этотъ мужъ истины и правдивости, поражалъ его ѣдкими остротами—въ „Прологѣ къ новѣйшимъ откровеніямъ Бога отъ д-ра К. Ф. Бардта".

Въ противность крайне легкомысленнымъ выходкамъ Бардта другіе педагоги стремились развить далѣе и систематизировать теорію филантропизма. Одинъ изъ такихъ достопочтенныхъ педагоговъ

I. Христофъ Фридрихъ Гутсъ-Мутсъ.

Онъ родился въ 1759-мъ г. въ Кведлинбургѣ и умеръ въ 1839-мъ въ Ибенгайнѣ близъ Шнепфенталя. Обучавшись въ Кведлинбургской гимназіи у Штрота, въ Галльскомъ университетѣ у Землера, Кнаппа и Нимейера, онъ въ 1784-мъ г. сопровождалъ своего воспитанника, Карла Риттера, изъ

Кведлинбурга въ педагогическое заведеніе въ Шнепфенталѣ, гдѣ Вальцманъ до того очаровалъ его, что онъ въ 1785-мъ сдѣлался его помощникомъ и искреннимъ другомъ. Подъ его искуснымъ руководствомъ тѣлесныя упражненія достигли тамъ высшаго совершенства; но въ 1839-мъ г, передъ самой смертью онъ прекратилъ свои уроки въ этомъ заведеніи. Въ своей „Гимнастикѣ“ (1795) онъ впервые систематически развилъ ее; а его „Катехизисъ гимнастики“ содержитъ въ себѣ превосходныя, для всѣхъ временъ полезныя наставленія. Гимнастика цѣлыя вѣка предавалась забвенію. Врачъ Меркуріалисъ написалъ правда въ 1569—1573-мъ гг. сочиненіе „О гимнастическомъ искусствѣ“ въ 6 томахъ и при этомъ превозносилъ особенно гигіэническую пользу гимнастики; но слова его, точно такъ же какъ и усердіе Троцендорфа способствовать вольной, духовно гимнастической жизни въ научномъ школьномъ преподаваніи ограничились одними только кружками ученаго міра, гдѣ впрочемъ скоро были заглушены формализмомъ обученія. Потомъ, когда вслѣдствіе усилившейся утонченности жизни нервы все болѣе ослабѣвали, вновь появился врачъ *Фуллеръ* въ Англіи съ своимъ въ 1720-мъ г. изданнымъ сочиненіемъ о гимнастикѣ. Но и его слова также остались безъ вліянія на педагогику. Наконецъ Руссо и тутъ также удалось проложить путь къ реформѣ въ воспитаніи, а Густъ-Мутсъ былъ его краснорѣчивымъ истолкователемъ. Онъ настоятельно внушаетъ молодымъ людямъ: „Обуздывай твою отвагу и силу скромностью нрава. Не выставляй себя на показъ. Нахально приставать къ другому съ своею тѣлесною мочью, значитъ находить удовольствіе въ неразумной лошадиной силѣ. Соблюдай мѣру въ тѣлесномъ упражненіи. Не отнимай у духовнаго развитія времени ради тѣлеснаго.“ Гутсъ-Мутсъ на самомъ дѣлѣ доказалъ правило, что напряженіе—практическій принципъ гигіэны. Онъ изъ греческой гимнастики заимствовалъ все, что по его мнѣнію могло преуспѣвать на нѣмецкой почвѣ и составилъ рядъ упражненій не только полезныхъ тѣлу, но и необходимыхъ, для того чтобы пользоваться прочнымъ здоровьемъ. Онъ начерталъ первоначальныя основы нѣмецкой гимнастики, необходимость которой всюду ощущалась педагогикою; и въ самомъ дѣлѣ въ то же время *Фитъ* въ Дессау въ своей шеститомной книгѣ стремился содѣйствовать введенію вновь гимнастики, а во Франціи *Тиссо* съ своею „Гимнастическою медициною“ также побуждалъ къ занятіямъ ею. — При этомъ Гутсъ-Мутсъ въ преподаваніи географіи лучшими руководствами и болѣе образовательнымъ методомъ содѣйствовалъ, какъ замѣчаетъ Дистервегъ, устраненію безтолковаго набора замѣтокъ, а своею „Педа-

гогическою библіотекою“ съ 1800 по 1819 г. вообще далъ толчокъ всему учительскому міру.—

Самый ясный и наиболѣе послѣдовательный изъ теоретиковъ филантропической школы былъ

Эрнстъ Христіанъ Траппъ.

Родившись въ 1745-мъ г. въ Голштиніи и скончавшись въ 1818-мъ г. представителемъ частнаго заведенія въ Зальцдалумѣ, онъ въ теченіе своей жизни подвизался съ 1773-го по 1776-й г. въ качествѣ ректора въ Итцегоэ, до конца 1777-го г. въ должности конректора и профессора въ Альтонѣ, до 1779-го—профессора въ учебномъ заведеніи въ Дессау, до 1783-го—профессора педагогики въ университетѣ въ Галле, до 1786-го въ качествѣ руководителя педагогическаго заведенія въ Гамбургѣ, а съ этихъ поръ въ сообществѣ съ Кампе въ Зальцдалумѣ близъ Вольфенбюттеля. Въ Галльскомъ университетѣ Траппъ былъ первымъ профессоромъ педагогики, громко и краснорѣчиво говорившимъ и писавшимъ противъ черезъ-чуръ высокаго значенія, приписываемаго доселѣ древней литературѣ.—Въ своемъ „*Опытѣ педагогики*“ онъ задачею воспитанія ставитъ образованіе человѣка къ благоденствію, разумѣя подъ благоденствіемъ совокупность наслажденій, достоинство которыхъ зависитъ не только отъ количества, но также отъ внутренняго содержанія и продолжительности ихъ. Воспитаніе должно доставить каждому человѣку столько блаженства, сколько для него возможно и необходимо; возможно для него столько, насколько хватитъ его воспріимчивости, а необходимо столько, сколько у него потребности: воспріимчивость опредѣляется естественными наклонностями; потребность обусловливается воспріимчивостью, но въ томъ только отношеніи, что мы вѣдь не нуждаемся въ предметѣ, къ которому вовсе не воспріимчивы. Если-бъ хорошее воспитаніе начиналось тотчасъ же по рожденіи дитяти и продолжалось непрерывно, пока человѣкъ не достигъ надлежащей зрѣлости: то, при благопріятныхъ внѣшнихъ условіяхъ, на долю каждаго правильно организованнаго человѣка должна бы выпасть возможно высшая мѣра блаженства. „Изученіе физіономики со временемъ можетъ содѣйствовать знанію способностей дитяти и вмѣстѣ съ тѣмъ правильному воспитанію; но пока это не достигнуто и пока все, что предлагается въ этомъ отношеніи физіономикою, недоступно родителямъ, особенно матерямъ и нянькамъ, и неудобопримѣнимо, до тѣхъ поръ воспитаніе первыхъ лѣтъ, по крайней мѣрѣ первыхъ мѣсяцевъ придется предоставить случаю или даже совсѣмъ отказаться отъ него“.—Правила о воспитаніи можно вывести только изъ знанія человѣческой природы. Воспитатель обязанъ знать физическую, интеллектуальную и

нравственную сторону человѣка, всѣ доступы къ его уму и въ его сердце, если въ воспитаніи онъ ставитъ человѣка выше существа, умѣющаго проговорить свой катехизисъ, заучить вокабулы, перевести автора и сдѣлать сочиненіе. Первичное стремленіе въ человѣкѣ, источникъ всякаго другого, это стремленіе къ благоденствію или счастію, заключающее въ себѣ или предполагающее стремленіе къ самосохраненію. Изъ этого первичнаго стремленія непосредственно возникаетъ другое, пріобрѣтать ощущенія или идеи. Это стремленіе порождаетъ ту неусыпную дѣятельность, которую замѣчаемъ въ человѣкѣ. Стремленіе къ дѣятельности не терпитъ, чтобы ему поставляли преграды, это и есть любовь къ свободѣ. Изъ стремленія пріобрѣтать ощущенія и идеи возникаетъ наклонность къ перемѣнѣ и желаніе сообщаться другъ съ другомъ. Мы поэтому поступаемъ несправедливо, упрекая дѣтей за ихъ легкоподвижный нравъ: они то и дѣло привлекаются окружающими ихъ предметами; у нихъ помимо внѣшнихъ предметовъ почти нѣтъ идей. А потому мы тогда только увлечемъ ихъ, когда степень трудности занятій соразмѣримъ съ дѣтскими силами и будемъ увеличивать первую лишь по мѣрѣ возрастанія послѣднихъ,—и когда заранѣе сообщимъ дѣтямъ по возможности болѣе идей, показывая имъ дѣйствительные предметы или ихъ изображенія въ моделяхъ, картинахъ и гравюрахъ. Идеи развиваются въ человѣкѣ въ извѣстныхъ рядахъ и сочетаніяхъ, и принимаютъ оттѣнки пріятнаго и непріятнаго, боли и радости. Онѣ либо простыя: сходство, противоположность, близость; либо составныя: сосуществованіе, причинность и порядокъ. Привычка и страсти бываютъ виною того, что изъ одинаково соединенныхъ между собою идей нѣкоторыя легче сочетаются, нежели другія: страсть оказываетъ вліяніе на возбуждаемый ею родъ идей и на количество ихъ; привычка оказываетъ вліяніе на совокупленіе идей, но она можетъ соединять вмѣстѣ и такія, между которыми вообще нѣтъ никакой связи. Всякое представленіе можетъ быть связано со многими другими и притомъ въ различныхъ видахъ; каждое изъ нихъ составляетъ средоточіе обширнаго круга, который оно постоянно расширяетъ. Чѣмъ живѣе и сильнѣе представленіе само въ себѣ, чѣмъ большее впечатлѣніе на душу производитъ оно само по себѣ, тѣмъ большею силою также обладаетъ оно приводить въ ясность другія сродныя съ нею идеи: дѣйствительное ощущеніе наличнаго предмета несравненно сильнѣе нежели простое представленіе отсутствующаго.—Вмѣстѣ съ представленіями въ воспитаніи необходимо обратить особенное вниманіе на область склонностей, потому что мы

достигнемъ болѣе или менѣе цѣли воспитанія, по мѣрѣ того какъ сумѣемъ надлежащимъ образомъ пробудить, поддержать, усилить, направить, ограничить добрыя,—и предупредить, ослабить и подавить злыя наклонности. Въ виду этого надлежитъ сдѣлать непривлекательнымъ и противнымъ всякій предметъ, могущій быть вреднымъ въ одномъ или во многихъ отношеніяхъ, такъ чтобы дѣти не соблазнялись имъ,—слѣдуетъ помогать дѣтямъ часто и вполнѣ свободно употреблять, вкушать и производить всякіе предметы и дѣйствія, къ которымъ они питаютъ естественную охоту, или къ которымъ полезно было бы внушить имъ наклонность,—необходимо, предупреждая, поучая, запрещая, устранять дурныя наклонности, такъ какъ мы не всегда можемъ быть возлѣ ребенка и руководить его дѣйствіями.—На человѣка можно влiять двумя путями: яснымъ сознаніемъ и ощущеніемъ: первымъ мы возбуждаемъ намѣренье, а послѣднимъ стремленье; для того чтобы произвести дѣйствительную перемѣну, слѣдуетъ соединить и то и другое вмѣстѣ. Если мы все-таки не достигаемъ желаемаго успѣха, то это случается оттого, что не довольно глубоко заложена основа къ новымъ наклонностямъ: что мы черезъ-чуръ поторопились возведеніемъ зданія; что мы недостаточно обратили вниманіе на побочныя обстоятельства, не прибѣгли къ правиламъ, какія внушаетъ благоразуміе: что тотъ, чьи наклонности подлежатъ измѣненію, до такой степени упрямъ, что противится всякимъ заимствованнымъ изъ сознанія и ощущенія средствамъ. А такъ какъ человѣкъ вообще болѣе управляется ощущеніями, нежели сознаніемъ: то понятно почему въ нѣкоторыхъ случаяхъ сильный упрекъ и страхъ наказанія дѣйствуютъ сильнѣе всякихъ основательныхъ и убѣдительныхъ представленій. Но вмѣстѣ съ тѣмъ изъ свойства склонностей слѣдуетъ, что ихъ посредствомъ наказаній, особенно положительныхъ и произвольныхъ, нельзя ни искоренить, ни заглушить, ни дать имъ иное направленіе. Онѣ напротивъ того ютятся въ человѣкѣ, скрываются и выжидаютъ лишь удобнаго случая, чтобы безпрепятственно удовлетворить себѣ. Поэтому необходимо съ самой ранней молодости заложить хорошее основаніе, потому что тогда дитя еще менѣе всего сознаетъ свои наклонности, а вслѣдствіе того и легче дать имъ извѣстное направленіе. Надо заглушать живость уже усвоенныхъ, но подлежащихъ измѣненію наклонностей и для этого измѣнить по возможности положеніе человѣка. Не задерживайтесь попусту опроверженіемъ и отговорками подлежащей отмѣненію наклонности, но старайтесь только возбудить и оживить другую. Старайтесь породить отвращеніе къ этой наклонности и пр. Взрослые управляются болѣе мнѣніями и при-

вычками. а дѣти—чувственнымъ наслажденіемъ.—Такъ какъ человѣческія силы всякаго рода вообще слабы и ограничены и такъ какъ намъ пріятно работу и трудъ часто смѣнять покоемъ и наслажденіемъ, то назначая себѣ или другимъ занятія, имѣйте въ виду слѣдующее правило: „Ставь себѣ близкія цѣли, разбивай слишкомъ длинные пути и разстоянія на болѣе короткіе. Отсюда слѣдуетъ, что назначать по цѣлому часу для нѣкоторыхъ уроковъ слишкомъ много; если же необходимо придерживаться цѣлыхъ часовъ, то разбивайте предметъ, измѣняйте форму преподаванія, отдыхайте вслѣдъ за урокомъ въ теченіе часа. Правило, необходимое въ преподаваніи, относится также и къ нравственному образованію человѣка: измѣняющіяся проявленія извѣстныхъ пороковъ, повторяющіяся выраженія противоположныхъ имъ добродѣтелей должны по предположнымъ числамъ и срокамъ служить цѣлью, къ достиженію которой слѣдуетъ поощрять назначенными наградами, напр. кто въ недѣлю только шесть разъ провинился въ легкомысліи, тогда какъ прежде онъ въ тотъ же срокъ разовъ по двѣнадцати впадалъ въ этотъ порокъ, тому выдается какая нибудь награда.

Въ душѣ силы продолжаютъ дѣйствовать по тому же направленію, на какое онѣ наведены при воспитаніи. Отсюда вытекаетъ педагогическое правило: ведите заранѣе силы подлежащихъ воспитанію юношей по тому направленію, упражняйте ихъ на тѣхъ предметахъ и дѣйствіяхъ, въ какихъ имъ суждено подвизаться, къ какимъ онѣ предназначены въ будущемъ. Далѣе: Чѣмъ все, что мы обязаны дѣлать, однороднѣе и сообразнѣе съ нашею естественною или пріобрѣтенною наклонностью и вообще съ особенными свойствами послѣдней, тѣмъ охотнѣе, легче и лучше дѣлаемъ мы это. Чѣмъ однороднѣе то, что мы дѣлаемъ съ тѣмъ, что обязаны дѣлать, тѣмъ легче скорѣе и лучше научаемся мы послѣднему, тѣмъ скорѣе пріобрѣтаются нами наклонности и умѣнье для того. Сообразно съ этимъ и слѣдуетъ: 1) Дѣтей, предназначаемыхъ для мѣщанскихъ промысловъ, избавить отъ древнихъ и новыхъ языковъ, отъ древней и новой литературы, отъ исторіи, миѳологіи, грамматики и проч., потому что все это совершенно разнородно съ ихъ будущимъ назначеніемъ; 2) если вслѣдствіе существующихъ учрежденій съ дѣтьми придется заниматься разнородными съ ихъ назначеніемъ предметами, то предпосылать этому однородные и отъ послѣднихъ постепенно переходить къ первымъ, такъ чтобы дѣти всегда имѣли достаточную силу слѣдовать и достаточную охоту примѣнять свою силу. Но такъ какъ въ въ подлежащей совмѣстному воспитанію толпѣ дѣтей нельзя сообразоваться съ наклонностями

каждаго изъ нихъ, а дѣти все-таки поступаютъ по этимъ своимъ наклонностямъ: то для достиженія предполагаемой цѣли приходится прибѣгать къ поощренію и понужденію. Поощреніе и понужденіе—это два главныхъ полюса, вокругъ которыхъ вращается все дѣло воспитанія человѣка и обращенія съ нимъ; наслажденіе и огорченіе—вотъ двѣ главныя пружины его дѣйствій и поступковъ. Поощряетъ насъ все, что интересуетъ насъ. Интересуетъ насъ все, что отчасти однородно съ нашими ощущеніями и наклонностями, отчасти важно для насъ; важно для насъ то, что доставляетъ намъ удовольствіе въ настоящее время или что исполняетъ насъ великими ожиданіями надежды или страха. Мы напрягаемъ наши силы смотря по охотѣ, какую питаемъ къ предмету. Но въ воспитаніи молодымъ людямъ часто приходится напрягать свои силы прежде, нежели въ нихъ пробудится охота къ предмету. Тогда необходимо прибѣгать къ понужденію, которое бываетъ либо предостерегающимъ, либо понукающимъ. Предостерегающее понужденіе путемъ запретовъ оказывается далеко не столь благотворнымъ, какъ путемъ учрежденій. Запреты еще сильнѣе привлекаютъ лишь къ запретному предмету; никогда не слѣдовало бы запрещать то, что никогда не исполняется и не можетъ быть исполнено, напр. сидѣть смирно въ отсутствіи учителя. Къ понукающему принужденію надо прибѣгать осторожно. Пока наше воспитаніе не будетъ подражать, въ маломъ видѣ общественной жизни, до тѣхъ поръ намъ представится слишкомъ мало случаевъ поощрять и принуждать юношество къ справедливости, къ этому наивысшему дѣлу; также слишкомъ мало поводовъ побуждать къ исполненію менѣе важныхъ обязанностей, человѣколюбія, милосердія, великодушія и пр. и, въ случаѣ возбужденныхъ или сами по себѣ возникшихъ столкновеній между тѣмъ долгомъ и этими обязанностями, поучать, какимъ образомъ соединить одно съ другимъ, или же когда именно одно должно уступить другому. Съ поощреніемъ и понужденіемъ связаны награды и наказанія. Для того чтобы награда за поступокъ поощряла къ повторенію его, она должна: 1) слѣдовать непосредственно за поступкомъ; 2) быть согласною съ желаньями награждаемаго и важною для него; 3) выдаваться только за этотъ, а не за иной поступокъ, по крайней мѣрѣ не въ той же степени; 4) выдаваться только заслужившему ее; 5) назначаться не щедро, но изрѣдка; 6) выдаваться охотно, не возбуждая ни зависти, ни злорадства. Съ наказаніями слѣдуетъ поступать почти такимъ же образомъ: 1) Они должны

слѣдовать непосредственно за достойнымъ наказанію поступкомъ; 2) они должны соотвѣтствовать проступку, т. е. быть его естественнымъ послѣдствіемъ и сообразоваться съ его значительностью; 3) наказывать слѣдуетъ отнюдь не невиннаго, да и даже самого виновнаго только по мѣрѣ его вины; 4) наказывайте по возможности рѣже; 5) тѣлесные наказанія пусть имѣютъ скорѣе видъ неминуемый боли; неизбѣжныхъ грустныхъ послѣдствій извѣстныхъ поступковъ нежели настоящей кары. Въ натурѣ человѣка представляется странное явленіе, а именно, что невидимое и отсутствующее имѣетъ надъ нами большую власть, тогда какъ съ другой стороны мы сильно привязываемся къ видимому и близкому. Но къ невидимому надлежитъ переходить лишь чрезъ посредство видимаго. Потому дѣтямъ не слѣдуетъ называть Бога до тѣхъ поръ, пока въ теченіе нѣкотораго времени не говорили съ ними о цѣли и средствѣ, о причинѣ и дѣйствіи и пока не объяснили имъ, что все видимое ими должно имѣть творца. Но такъ какъ мы Бога можемъ вообразить себѣ не иначе какъ человѣчески, то легко понять, какъ полезна можетъ быть вѣра въ откровенныя религіи, которыя, такъ сказать, очеловѣчиваютъ Бога. Но для того чтобы откровенныя религіи не были вредны, надлежитъ быть терпимымъ и всячески развивать терпимость. Вѣротерпимость, не одно только попущеніе еретическихъ религіозныхъ мнѣній, но всеобщая терпимость и миролюбіе, снисхожденіе ко всякимъ мнѣніямъ и сужденіямъ другихъ людей, какого бы то ни было рода, вотъ самая необходимая связь человѣческаго общества, это—любовная рука протянутая съ тѣмъ, чтобы привлечь къ себѣ брата. Въ самомъ строгомъ смыслѣ никто не вправѣ осуждать другого въ заблужденіи, потому что никто не можетъ знать, чьи ощущенія и представленія истинныя, его ли или его противника, чьи болѣе всего приближаются къ настоящей сущности вещей, насколько эта сущность вещей и насколько личное настроеніе вошли въ составъ нашихъ представленій и ощущеній, такъ какъ послѣднія слагаются вѣдь изъ совокупности тѣхъ и другихъ составныхъ частей. Истина одна—если подъ нею разумѣть существенное свойство вещей; но истинъ много, если подъ этимъ разумѣть наше сознаніе и ощущеніе этого свойства. Потому мы никогда не вправѣ, предрѣшать за другихъ, но должны постоянно сомнѣваться, согласно ли ихъ сужденіе съ нашимъ;—сомнѣваться, вполнѣ ли мы теперь ощутили и выразили въ нашемъ сужденіи существенное свойство вещей. Если бы намъ удалось вразумить иного, что мнѣнія, особенно заимствованныя, не самимъ человѣкомъ надуманныя, придаютъ по

слѣднему значеніе лишь постольку, поскольку онъ поступаетъ согласно съ ними, когда онѣ полезны, и противъ нихъ, когда онѣ вредны, то онъ не сталъ бы преслѣдовать болѣе людей мыслящихъ иначе. Потомъ еслибъ удалось объяснить ему, что наши мнѣнія суть необходимое послѣдствіе личнаго настроенія и обстоятельствъ, при которыхъ развиваются наши способности; и если въ немъ не слишкомъ укоренились честолюбіе и высокомѣріе, то онъ не будетъ презирать или менѣе любить другихъ за ихъ мнѣнія, хотя впрочемъ не станетъ изъ-за этого уважать другого и любить его еще болѣе, исключая развѣ когда мнѣніе другого лица приноситъ ему пользу, хотя бы даже толчко кажущуюся. Матеріальная (т. е. содержательная сторона преподаванія состоитъ изъ всѣхъ чувственныхъ, механическихъ, историческихъ и философскихъ знаній, какими необходимо запастись молодымъ людямъ, какъ будущимъ счастливымъ и полезнымъ членамъ любого общества. Какъ общая цѣль преподаванія, т. е. образованіе человѣка для блаженства, такъ и частная — т. е та, чтобъ усвоивать, вѣровать, понимать, ощущать, мыслить, изобрѣтать и сообщать — достигаются средствами, составляющими формальную сторону преподаванія, а именно: побужденіемъ къ дѣятельности, навыкомъ, предохраненіемъ, возбужденіемъ и усвоеніемъ вниманія, смѣною предметовъ преподаванія, наглядностью и пр. Обученіе чтенію составляетъ начало преподаванія. „Извѣстно, что мы всегда научаемся познавать и называть цѣлое прежде его частей; и въ самомъ дѣлѣ, показывая дѣтямъ разные предметы, мы говоримъ; это лошадь, это домъ, и пр., а не начинаемъ съ глазъ лошади, съ оконъ дома; согласно съ этимъ мы могли бы, кажется, поступать точно также съ словами, и пожалуй даже съ цѣлыми фразами, т. е. сперва обратить вниманіе на цѣлое и назвать его, а потомъ мало по малу перейти къ частямъ, примѣрно слѣдующимъ образомъ: На всѣ имѣющіеся въ домѣ предметы наклеиваются ихъ названія, потомъ переходятъ съ дѣтьми отъ одного къ другому и говорятъ имъ: смотрите, вотъ тутъ написано книга, столъ, перо и пр. Потомъ тѣ же названія печатаются на особыхъ билетикахъ; послѣдніе передаютъ дѣтямъ одинъ за другимъ, съ тѣмъ чтобы они шли съ ними къ только что указаннымъ предметамъ. Дитя награждается, еслиъ тотчасъ же узнаетъ настоящій предметъ, и не получаетъ ничего, если ошибется. Такимъ образомъ очеркъ цѣлаго слова напечатлѣвается въ ребенкѣ. Занявшись этимъ въ теченіе нѣкотораго времени, такъ

чтобы дѣти ознакомились со множествомъ словъ: принимаются за азбуку, гдѣ изображены тѣ же самые предметы и гдѣ надъ каждымъ написано: Что это? и внизу: Это книга и пр. На первыхъ двадцати или тридцати страницахъ ничего болѣе и не стоитъ; на слѣдующихъ затѣмъ прибавляются къ этому короткія фразы: Что такое у кошки? Что дѣлаетъ кошка? и т. п. Я бы и письму съ самаго начала сталъ обучать въ связи съ чтеніемъ. Дѣти любятъ сами что нибудь дѣлать и исполнять. Пусть ихъ копируютъ съ читаннаго. Такимъ путемъ они вдесятеро скорѣе выучатся буквамъ, чтенію и ороографическому письму.—Орфографія такой предметъ, который скорѣе изучается зрѣніемъ, нежели слухомъ, скорѣе собственнымъ упражненіемъ въ письмѣ, нежели подсказываньемъ. При этомъ ошибочно поступаютъ, когда исправляютъ лишь отдѣльныя ошибки, не приводя правилъ, по которымъ пишутся одинаково выговариваемыя слова; хотя не много, но по крайней мѣрѣ слѣдующія четыре правила: Пиши такъ, какъ слышишь, обращай вниманіе на происхожденіе словъ, также и на ихъ долготу; сообразуйся съ общепринятымъ способомъ выговора.—Исторія для юношества не должна состоять изъ однихъ только фактовъ и именъ; начинайте не съ древней, а съ новой, лучше всего съ новѣйшей и современной исторіи; для преподаванія ея, кажется мнѣ, было бы всего полезнѣе изобразить въ картинахъ или награвировать всю исторію, начиная отъ Адама и до нашихъ временъ, и увѣшать этими картинами стѣны въ классѣ: въ подобной иллюстраціи пришлось бы обращать вниманіе болѣе на предметы, нежели на имена; при этомъ молодые люди сами обязаны изготовить себѣ историческія таблицы: на листѣ бумаги проводятся продольныя и поперечныя линіи, такъ чтобы весь листъ состоялъ изъ квадратовъ, наверху пишутся имена важнѣйшихъ странъ, какъ то: Германія, Франція и пр., посерединѣ сверху внизъ знатнѣйшіе дѣятели, какъ то: Мугамедъ, Григорій и пр. фрактурнымъ шрифтомъ, а рядомъ съ этимъ столѣтія; въ каждый потомъ урокъ что нибудь вносится въ эту таблицу.—Складывать и вычитать, малолѣтнія дѣти учатся уже на орѣхахъ и т. п. не зная еще чиселъ; до нѣкоторой степени также умножать и дѣлить. Для того чтобы дать дѣтямъ вѣрныя понятія о единицахъ, десяткахъ и пр. изготовьте ящики: въ отдѣлѣ единицъ лежатъ самые мелкіе квадратики съ одною точкою на каждомъ изъ нихъ, въ этомъ отдѣленіи всего девять единицъ; въ отдѣлѣ десятковъ лежатъ болѣе крупные квадраты съ десятью точками на каждомъ и т. д. Для того чтобы дѣтямъ объяснить дроби и дѣйствія надъ ними, представьте

ихъ также наглядно и въ осязательномъ видѣ. Возьмите нѣсколько дюжинъ прутиковъ и раздѣлите ихъ на двѣ, на три, четыре части; нѣкоторые изъ нихъ оставьте цѣлыми; такимъ образомъ можно наглядно представить, что $^7/_6$ болѣе $^5/_6$. хотя $^1/_6$ болѣе $^1/_7$, потомъ также что половина и одна треть не составятъ еще цѣлаго, а $^3/_4$ и $^1/_3$ болѣе одного цѣлаго и т. п.—Для того, чтобы дѣтей пріучить мыслить, необходимо упражнять ихъ въ изысканіи вторыхъ посылокъ; первый шагъ состоитъ въ томъ, чтобы ихъ по возможности болѣе ознакомить съ произведеніями природы и искусства, и съ свойствами этихъ предметовъ; второй—чтобы они замѣчали сходства и различія между предметами; третій—чтобы они подводили особи подъ виды, а виды подъ роды и т. д.; четвертый,—чтобы они обобщали и т. д.—Конечная цѣль воспитанія состоитъ въ томъ, чтобы молодые люди пріучались выражаться и сообщать свои знанія. Это совершается устно—посредствомъ хорошей декламаціи: но нельзя хорошо прочесть того, что не вполнѣ понимаешь и ощущаешь; оттого дѣти всегда неестественно декламируютъ не отвѣчающіе ихъ возрасту драматическіе отрывки; письменно—посредствомъ стилистическихъ упражненій,—но отнюдь не такихъ, содержаніе которыхъ чуждо молодымъ людямъ, слишкомъ мало отвѣчаетъ ихъ настроенію, склонностямъ. и способностямъ, или форма которыхъ черезъ-чуръ обширна и искусственна.—Изученіе иностранныхъ языковъ одно изъ величайшихъ золъ, обременяющихъ школы, особенно въ Германіи, и препятствующихъ развиваться совершенству и благосостоянію людей. Латынь наноситъ наибольшій вредъ, не столько сама по себѣ, столько вслѣдствіе способа преподаванія. Средство избѣгнуть этотъ вредъ состоитъ въ изученіи латыни путемъ упражненій. Обыкновенный методъ пользуется правомъ вѣковой давности и призракомъ мнимой основательности. Конечная цѣль практическаго метода не въ томъ, чтобы молодые люди научились говорить полатыни; напротивъ, ихъ заставляютъ говорить полатыни, потому что это лучшее, въ нѣкоторомъ родѣ даже единственное средство сдѣлать безвреднымъ изученіе латыни, котораго нельзя вовсе отмѣнить. Этотъ методъ состоитъ впрочемъ не въ одномъ разговорѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ чтеніи и письмѣ: причемъ дѣти должны большею частью упражняться въ латыни въ теченіе цѣлой половины дня, и изучаемыя науки необходимо преподавать на томъ же языкѣ. Такимъ путемъ будущіе ученые пріобрѣтутъ гораздо болѣе реальныхъ знаній, не растрачивая напрасно ни времени, ни здоровья. Даровитыя личности легко могутъ изучать потомъ грече-

скій и другіе мертвые и живые языки по книгамъ съ помощью грамматики и словаря.

Для образованія будущихъ воспитателей необходимо (—еслибъ университеты, въ томъ видѣ въ какомъ они находятся теперь, не представляли преградъ на этомъ пути и еслибъ въ государствѣ приняты были мѣры, чтобы учительская должность была отдѣльнымъ званіемъ и кандидаты его не были обязаны считаться въ то-же время кандидатами духовнаго министерства и проходить для этого весь курсъ теологіи—) изучить: систему педагогики; человѣческую природу и человѣческое общество и вытекающія отсюда общія и частныя педагогическія правила; потомъ математику, физику и философію; наконецъ исторію всякаго рода, а слѣдолательно также и естественную, ботанику и пр. Воспитатель обязанъ быть ни богословомъ, ни врачомъ, а воспитателемъ. Для этого помимо его науки необходимо еще чтобы онъ писалъ хорошимъ почеркомъ, умѣлъ хорошо считать, былъ практическимъ землемѣромъ, хорошо рисовалъ и понималъ музыку какъ теоритически такъ и практически, зналъ всѣ механическія науки и искуства, также всѣ педагогическія и иныя игры. Латинскій и французскій языки намъ не удастся изгнать изъ Германіи, англійскій и греческій все болѣе и болѣе входятъ въ моду, потому воспитатель и ихъ также обязанъ изучить. „Я впрочемъ не презираю филологіи и основательнаго языкознанія: изученіе языковъ принадлежитъ къ важнѣйшимъ занятіямъ человѣка; я охотно даже допускаю, что Греки не всѣмъ одолжены отсутствію у нихъ обученія чуждымъ нарѣчіямъ но нельзя также отрицать, что излишнее изученіе языковъ, излишнее чтеніе и слишкомъ ограниченное размышленіе одна изъ главныхъ причинъ превосходства древнихъ надъ нами.“

Траппа „Опытъ педагогики“ страдаетъ многими односторонностями (а именно пренебреженіемъ классической древности), свойственными вообще филантропизму. Но Траппъ сдѣлалъ этимъ попытку привесть въ систему разсѣянныя единичныя предложенія своей школы. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ стремился, насколько то было возможно въ его пору, основать воспитаніе на психологіи и избѣгъ такимъ образомъ многихъ заблужденій своей эпохи. Эта система предохранила его отъ узкосердныхъ предразсудковъ, такъ что подъ старость еще онъ горячо и безпристрастио привѣтствовалъ методъ Песталоцци. „Мнѣ пріятно—пишетъ онъ одному изъ друзей—что Кукъ-Песталоцци открылъ еще новыя неизвѣстныя намъ педагогическія страны или по крайней мѣрѣ точнѣе описалъ открытыя другими и лучше

моего воспользовался ими; я на старости лѣтъ поступаю къ нему въ ученье такъ же охотно, какъ тридцать лѣтъ тому назадъ поступилъ къ Рохову, Базедову и Вольке. Словъ не нахожу, чтобы выразить тебѣ, какъ прекрасно озаряется закатъ моей жизни тѣмъ, что передо мною подъ конецъ открывается еще школа Песталоцци."

B. НАРОДНЫЯ И МѢЩАНСКІЯ ШКОЛЫ ВЪ КАТОЛИЧЕСКОМЪ И ПРОТЕСТАНТСКОМЪ МІРѢ.

30.

Народныя и мѣщанскія школы въ протестантскомъ мірѣ.

Благодаря дарованному Фридрихомъ Великимъ свободному развитію школы и возбужденному филантропизмомъ сознанію въ педагогическомъ мірѣ, что преподаваніе и ученіе состоитъ не въ постепенномъ вдолбленіи массы знаній, но что то и другое настоящее искусство и должно быть устроено методично,—на почвѣ воспитанія вообще и въ народныхъ и мѣщанскихъ школахъ въ особенности пробудилось живое движеніе, проявившееся сперва въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ, но вскорѣ охватившее всю протестантскую Германію.

Непосредственнымъ слѣдствіемъ филантропической педагогики была прежде всего *школа*, основанная въ 1770-мъ г. пасторомъ *Гербингомъ* въ *Нахтерштедтѣ*, что въ княжествѣ Гальберштадтскомъ. Гербингъ сперва вышколилъ учителя своего прихода, привлекши его въ свое сообщество и вмѣстѣ съ тѣмъ самъ обучая при немъ болѣе способныхъ мальчиковъ. Когда учитель былъ въ состояніи самъ приняться за преподаваніе, то Гербингъ былъ у него слушателемъ и по окончаніи уроковъ дружески обращалъ его вниманіе на оказавшіеся недостатки. Такимъ образомъ Гербингъ успѣлъ одолѣть учителя, но не приходъ свой. Еще часто приходилось понуждать родителей административнымъ порядкомъ, чтобы они посылали дѣтей учиться письму и счету. Гербингъ однако пробился сквозь всѣ препятствія. Онъ устроилъ публичный экзаменъ, къ которому приглашены были судья, присяжные и значительные люди въ приходѣ, также сосѣдніе священники, дворяне и чиновники, и на которомъ прилежные ученики удостоены были похвалъ и наградъ, а

лѣнивые подвергались порицанію и униженію. Онъ заставилъ учениковъ произносить рѣчи сперва въ школѣ, потомъ въ ратушѣ, наконецъ въ церкви. Внѣ урочныхъ часовъ онъ обучалъ болѣе даровитыхъ мальчиковъ инструментальной музыкѣ, и съ этихъ поръ они давали концерты до произнесенія публичныхъ рѣчей. промежъ и послѣ нихъ. Благодаря этому школа въ Нахтерштедтѣ вскорѣ сдѣлалась извѣстною во всемъ околодкѣ; затѣмъ она и сама также преобразовалась въ настоящій и болѣе обширный педагогическій институтъ. Обокъ съ народною школою и собственно изъ нея возникъ „институтъ народныхъ учителей", хотя вполнѣ отъ нея отдѣленный, но состоящій съ нею все-таки въ связи въ томъ отношеніи, что 1) болѣе даровитые — питавшіе склонность къ учительскому званію — ученики изъ сельской школы поступали прямо въ институтъ, и что 2) первый изъ двухъ классовъ сельской школы пользовался нѣкоторыми учебными предметами обще съ институтомъ народныхъ учителей. Въ сельской школѣ обучались: бѣглому чтенію, чистописанію, орѳографіи и вмѣстѣ съ тѣмъ сочиненію писемъ; счету съ дробями включительно; всеобщей географіи, пользуясь притомъ ландкартами, и спеціальному описанію Нахтерштедтскаго округа; священной и всеобщей исторіи, а сверхъ того давались особенные уроки о разныхъ общеполезныхъ знаніяхъ по учебникамъ Рохова. Притомъ болѣе даровитые мальчики и дѣвочки принимали еще участіе въ произнесеніи рѣчей институтскихъ учениковъ, что и совершалось въ Рождество, Пасху и Троицынъ день, публично въ церкви и въ сопровожденіи кантатъ и другихъ музыкальныхъ произведеній. „Институтскимъ ученикамъ" преподавались особенно слѣдующіе предметы: законъ Божій и священная исторія; начала опытной физики; естественная исторія; географія и всеобщая исторія; ариѳметика и общеполезныя свѣдѣнья изъ математики; нѣкоторыя общеполезныя свѣдѣнья изъ логики и психологіи; орѳографія, чистописаніе, нѣмецкій, французскій, латинскій и для желающихъ—греческій языкъ. Гербингъ „старался образовать всего человѣка и отнюдь не развивать ни одной изъ душевныхъ силъ въ ущербъ другой, ни памяти въ ущербъ разсудка, ни холодной разсудительности въ ущербъ воображенія, ни ума въ ущербъ живости ощущенія, ни даже обратно, что въ свою очередь также вредно. Онъ старался возбудить всѣ неопредѣленно дремлющія въ подростающемъ человѣкѣ душевныя силы, оживить и привесть ихъ въ такую гармонію, чтобы онѣ взаимно поддерживались къ лучшимъ цѣлямъ, но не мѣшали другъ другу".

Какъ въ Нахтерштедтѣ, такъ и во многихъ другихъ мѣстностяхъ протестантской Германіи возникали народныя школы

и учебныя заведенія, предвѣщавшія разсвѣтъ новой эпохи. Но то были большею частью единичныя явленія. А потому они почти всегда и сходили съ поприща вмѣстѣ съ своими покровителями и основателями.

Тогда-то за реформу сельскихъ школъ, за реформу преподаванія въ нихъ принялся другъ Базедова, который главное положеніе филантропина, „образованіе ума", сдѣлалъ своимъ основнымъ педагогическимъ правиломъ, но при этомъ съ практическимъ смысломъ и тактомъ избѣжалъ игрушекъ филантропина и исполненный благочестивыхъ чувствъ не пренебрегъ также образованіемъ сердца. То былъ

Фридрихъ Эбергардъ Роховъ,

вотчинникъ въ Реканѣ близъ Бранденбурга. Онъ родился въ 1734-мъ г. въ Берлинѣ, обучался въ дворянской академіи и 15-ти лѣтъ отъ роду поступилъ на прусскую военную службу, но вслѣдствіе полученныхъ двухъ ранъ вышелъ въ отставку и возвратился въ свое помѣстье, гдѣ съ такимъ рвеніемъ принялся за свое образованіе, что пріобрѣлъ довольно обширныя познанія въ древнихъ и новыхъ языкахъ, въ естественныхъ наукахъ, во всеобщей исторіи и въ агрономіи,—а вмѣстѣ съ тѣмъ и благодаря этому онъ сдѣлался благодѣтелемъ народа. Чело этого мужа озарялось радушною гуманною строгостью, энергичная наружность и рѣчь его внушали уваженіе и поучали; онъ всегда съ логическою проницательностью и здравымъ смысломъ попадалъ въ самую суть дѣла, притомъ отъ души любилъ народъ и скорбѣлъ о его бѣдствіяхъ. Первымъ толчкомъ проявить на дѣлѣ свою любовь къ народу послужило возникшее вслѣдствіе неурожаевъ 1771-го и 1772-го годовъ и повальныхъ болѣзней бѣдственное положеніе его мужиковъ, о предразсудки и невѣжество которыхъ сокрушались всѣ предлагаемыя имъ вспомогательныя средства. „Горько сѣтуя на эти ужасныя послѣдствія тупоумія и невѣжества,— такъ разсказываетъ Роховъ—сидѣлъ я однажды, а именно 14-го февраля 1772-го г., за своимъ письменнымъ столомъ и рисовалъ запутавшагося въ сѣтяхъ льва. Такъ, думалъ я, и нашъ разумъ, этотъ благородный мощный даръ Божій, которымъ надѣленъ всякій человѣкъ, запутывается въ сѣтяхъ предразсудковъ до того, что онъ подобно этому льву не въ состояніи даже воспользоваться своею силою. Хотя бы какой-нибудь мышенокъ перегрызъ петли у этой сѣти! Авось и левъ показалъ бы тогда свою прыть и успѣлъ бы вырваться! Предавшись своей фантазіи, я тутъ же нарисовалъ и мышенка, перегрызшаго уже нѣсколько петель въ львиной сѣти. Тутъ въ душѣ моей словно молнія сверкнула мысль: А что, если бы именно ты и явился этимъ мышенкомъ? Тогда передо мною развернулась вся

цѣпь причинъ и слѣдствій существующаго нынѣ состоянія сельскаго люда". „Обремененный трудомъ, онъ страдаетъ подъ тяжкимъ гнетомъ своихъ предразсудковъ. Онъ не умѣетъ ни пользоваться правильно тѣмъ, чѣмъ обладаетъ, ни бодро отрѣшиться отъ того, чѣмъ не можетъ обладать. Онъ не доволенъ ни Богомъ, ни начальствомъ. Бога порицаетъ онъ, ропща на порядки въ мірѣ и считаетъ Его своимъ отчимомъ, пристрастно поступающимъ съ дѣтьми; а на начальство онъ, при каждомъ неизбѣжномъ ограниченіи его своекорыстныхъ поползновеній и дѣйствій, смотритъ какъ на жестокаго намѣстника, считающаго своимъ непремѣннымъ долгомъ отравлять ему жизнь. Оттого и религія его не что иное, какъ самый пагубный фанатизмъ. Причина такого гибельнаго для важнѣйшихъ отправленій въ государствѣ зла скрывается въ запущенномъ воспитаніи сельской молодежи. Въ школахъ царствуетъ самый грубый механизмъ. Тамъ не образуютъ всей души человѣка. Совѣсть его не пріучается судить о своихъ мнѣніяхъ и поступкахъ. Оттого-то сельскій людъ и неспособенъ понять какое-нибудь нравственное, связное изложеніе, пользоваться данными правилами, съ тѣмъ чтобы исправить сдѣланные промахи; онъ какъ былъ, такъ и остался чувственнымъ существомъ, т. е. немногимъ лучше животнаго и равнодушнымъ ко всякому нравственному благу. Проповѣдники его говорятъ языкомъ литературнымъ, а самъ онъ на нижне-нѣмецкомъ нарѣчіи. Они просто не понимаютъ другъ друга. Учителя народа, какъ выражается Христосъ, вожди слѣпые, и при такомъ-то состояніи вещей, государство, находясь въ постоянной борьбѣ противъ опустошительнаго и раззорительнаго тупоумія, претерпѣваетъ болѣе ущерба нежели отъ кровопролитнѣйшихъ битвъ. Господи Боже мой, думалъ я, неужели всему этому такъ и должно быть? Неужели нельзя образовать въ извѣстной степени и сдѣлать способнымъ ко всякому благому дѣлу земледѣльца, эту настоящую силу государственнаго тѣла? Вотъ напр. въ эти годы сколькихъ дѣльныхъ людей спасъ бы я для моего отечества, сдѣлавшихся теперь жертвою ужаснаго тупоумія! Да, буду этимъ мышенкомъ. И да поможетъ мнѣ Богъ!"—„Не найдя ничего пригоднаго непосредственно для обученія простолюдина и его дѣтей, я рѣшился издать „Опытъ учебника для дѣтей и поселянъ, или для употребленія въ сельскихъ школахъ" (1772), гдѣ начинаю съ развитія вниманія и любознательности, такъ чтобы дѣти прежде всего пріучились обращать вниманіе на слова и предметы, послѣ чего остальное ученіе, сдѣлается легкимъ и пріятнымъ какъ для учителей, такъ и для учащихся. Потомъ я толкую о причинѣ и слѣдствіи, о средствахъ и конечныхъ цѣляхъ и т. п., что необходимо для правильнаго употребленія разума. Въ слѣдующихъ за-

тѣмъ главахъ, въ видѣ подготовки къ преподаванію религіи приступилъ я къ предварительнымъ упражненіямъ разсудка. Короткое извлеченіе изъ библіи, кажется мнѣ, можетъ служить хорошимъ вспомогательнымъ средствомъ для памяти простолюдина. По просьбѣ одного изъ друзей я рѣшился изложить христіанскую нравственность, но не перечень добродѣтелей, а естественную теологію. Я подолгу, останавливался на понятіи о взаимномъ отношеніи вещей, потому что если молодежь постигнетъ это надлежащимъ образомъ, то съ нею можно объясниться касательно долга и благоразумія гораздо скорѣе, чѣмъ въ противномъ случаѣ. Въ этой главѣ, а также къ другой о естественныхъ предметахъ можно приступить тотчасъ же, какъ только есть надежда, что ученикъ пойметъ ихъ. Знающій сельское хозяйство согласится со мной, что въ слѣдующихъ затѣмъ главахъ необходимо сообщить крестьянину нѣкоторыя полезныя для него знанія". „Государь, убѣжденный въ важной истинѣ, что въ земледѣліи заключается основная сила государства, даже и при отличныхъ указахъ объ улучшеніи будетъ проповѣдывать глухимъ, если не озаботится о лучшемъ устройствѣ школъ для образованія юныхъ умовъ посредствомъ обученія полезнымъ экономическимъ знаніямъ. Скажу вкратцѣ мое мнѣніе, что и какъ слѣдуетъ улучшить: 1) Назначать въ сельскія или низшія школы отнюдь не ремесленниковъ и невѣжественныхъ лакеевъ, но по возможности сперва кандидатовъ теологіи, изъ которыхъ избирались бы пасторы; или способныхъ молодыхъ людей, получившихъ хорошее школьное образованіе, которыхъ за недостаткомъ особыхъ семинарій болѣе опытный пасторъ ознакомилъ бы съ нашимъ способомъ преподаванія. 2) Всѣмъ имъ выдавать постоянный окладъ по малой мѣрѣ во 100 талеровъ слишкомъ наличными деньгами, не считая остальныхъ выгодъ, какъ то отопленія, квартиры. сада и пр., сверхъ того назначить имъ званіе кантора, такъ чтобы они охотно и вполнѣ посвятили себя школьному дѣлу. 3) Необходимо имѣть по малой мѣрѣ два класса. Учебное время для сохраненія здоровья учителя продолжается не болѣе шести часовъ, и уроки, смотря по ихъ полезности, распредѣляются такъ чтобы четыре часа приходились до обѣда, а два послѣ. 4) Зданія школъ должны бы отличаться отъ другихъ, домовъ, классы должны быть свѣтлые и украшены полезными, цѣлесообразными картинами или предметами и моделями. 5) Если бъ съ чтеніемъ и письмомъ соединена была первая глава и ни читалось, ни писалось бы ничего кромѣ удобопонятныхъ и общеполезныхъ истинъ, мелкихъ исторій, изреченій, пѣ-

сенъ и пр., то разомъ достигались бы двѣ важныхъ конечныхъ цѣли и облегчился бы переходъ къ дальнѣйшему ученію".

Слова Рохова возбудили сочувствіе въ тогдашнемъ начальникѣ духовнаго и высшаго учебнаго департамента, а впослѣдствіи государственнаго министра, Зедлица, который 17-го іюня 1773-го г. писалъ Рохову: „Хвала, слава и честь доблестному мужу, побуждаемому къ такимъ предпріятіямъ единственно въ виду всеобщей вытекающей изъ нихъ пользы. Вы не ждите отъ меня никакой опредѣленной благодарности; она ни въ какомъ случаѣ не могла бы соотвѣтствовать подвигу, значеніе котораго должны прославить грядущія поколѣнія. Позвольте же мнѣ съ этихъ поръ считать Васъ скорѣе человѣкомъ, который, для исполненія великихъ замысловъ лучшаго изъ королей, въ состояніи доставить мнѣ такое сильное содѣйствіе въ усовершенствованіи обученія сельской молодежи и который, побуждаясь патріотизмомъ, готовъ доставить свое содѣйствіе." — „Это письмо," говоритъ Роховъ, „послужило основою всему, что сдѣлано мною въ учебномъ дѣлѣ. То же письмо служитъ доказательствомъ, что я поступалъ не самовластно и не вмѣшивался въ чужую должность, но дѣйствовалъ по порученію отъ моего начальства." Не только министръ, но и король также съ особеннымъ благоволеніемъ обратилъ вниманіе на распоряженія и попытки Рохова: Зедлицу поручено было привлечь въ край саксонскихъ учителей и организовать сельскія школы по плану Рохова. Однако Роховъ не принялъ саксонскихъ учителей, оттого что они не знаютъ нижне-нѣмецкаго нарѣчія, вслѣдствіе чего „для нихъ прегражденъ первый доступъ въ дѣтскія души, такъ какъ только при знаніи какъ южно-германскаго, такъ и нижне-нѣмецкаго нарѣчія возможно послѣднее вытѣснить первымъ."

Главнымъ исполнителемъ реформаторскихъ плановъ Рохова оказался между тѣмъ *Генрихъ Юлій Брунсъ*, бывшій сначала учителемъ музыки и писаремъ въ его домѣ, а потомъ въ качествѣ преподавателя въ Реканѣ приводившій въ исполненіе учебный планъ Рохова. Основное правило, отъ котораго исходили въ новой школѣ, было: „Лишь пониманіе того, чему учатъ, дѣлаетъ преподаваніе полезнымъ." Для упражненія въ чтеніи составлено было руководство „Другъ дѣтей," книга для чтенія въ сельскихъ школахъ Ф. Э. Рохова," въ которомъ онъ предлагаетъ 1) упражненіе вниманія, и для этого въ то самое время, когда одинъ изъ учениковъ громко читаетъ, заставлять другого внѣ очереди и часто даже среди предложенія читать далѣе; 2) упражненіе въ языкѣ, съ тѣмъ чтобы выражаться самымъ яснымъ и понятнымъ образомъ; 3) легкій повѣствовательный и разговорный языкъ и 4) приготовленіе къ хри-

стіанской добродѣтели. Убѣжденные въ томъ, что чтеніе Друга дѣтей и катехизація читаемаго должны быть первымъ и важнѣйшимъ учебнымъ дѣломъ, Роховъ и Брунсъ сами въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ изо дня въ день упражнялись въ катехизаціи, причемъ то одинъ, то другой занималъ роль учителя или ученика. Затѣмъ въ 1773-мъ г. они обнародовали свою „инструкцію для сельскихъ учителей,“ въ которой требовали, чтобы учитель заблаговременно пріучалъ дѣтей ко всему, что относится къ нравственности и благоприличію обыденной жизни, особенно къ чистотѣ, учтивости и скромности. Внѣ уроковъ учителя обязаны болѣе по дружбѣ также печься о дѣтяхъ, посѣщая родителей въ ихъ домахъ, прохаживаясь по деревнѣ и пользуясь каждымъ удобнымъ случаемъ, для того чтобы увѣщевать дружески и упрекнуть за шалости или въ противномъ случаѣ изъявить свое удовольствіе. Въ преподаваніи, учителя должны 1) распространять свое обученіе на все, что совершается въ обыденной жизни, или что можетъ быть полезнымъ во всякомъ быту, напр. на всеобщія основанія землевѣдѣнія, на разные роды животныхъ, деревьевъ и лѣсовъ, хлѣбныхъ растеній, ремесленниковъ, на употребленіе естественныхъ произведеній въ пищу, для жилья, одежды, прикрытія, согрѣванія, цѣленія и т. п., и въ концѣ концовъ внушать имъ, какъ великъ и благъ Господь во всѣхъ явленіяхъ, какія ни пришлось бы имъ въ болѣе зрѣломъ возрастѣ видѣть когда либо въ природѣ. Они 2) не должны останавливаться слишкомъ подолгу на одномъ и томъ же предметѣ, чтобы не утомлять вниманія дѣтей; вмѣсто того пусть по возможности чаще повторяютъ одинъ и тотъ же предметъ. Все что дѣтямъ слѣдуетъ запомнить необходимо впечатлѣть имъ частымъ чтеніемъ и повтореніемъ, но отнюдь не строгимъ заучиваньемъ наизустъ, причемъ они дома должны перечитать также нѣкоторыя краткія фразы изъ новой азбуки или отрывокъ изъ священнаго писанія, который разбирали съ ними въ школѣ, и пусть дѣти на другой день разсказываютъ въ школѣ все, что удержали въ памяти. Эти разсказы должны быть ясны, коротки и добропорядочны. Пусть учитель помогаетъ вопросами слабымъ и робкимъ. Учитель обязанъ также обращать вниманіе на то, чтобы дѣти, читая сами, думали про себя о хорошихъ и полезныхъ предметахъ, и пріучались говорить и отвѣчать по этому поводу. Полезно было бы также, еслибъ учителя ознакомились съ господствующими въ ихъ деревнѣ разными видами суевѣрія и старались при каждомъ удобномъ случаѣ самыми ясными представленіями сообщить дѣтямъ наиболѣе разумный образъ мыслей. Наконецъ учитель въ своемъ преподаваніи можетъ упомянуть о томъ, что случилось

въ ихъ краѣ и о чемъ говоритъ вся деревня, и сообщить изъ этого дѣтямъ все, что можетъ просвѣтить ихъ умъ или какимъ бы то ни было образомъ побудить ихъ къ добру и благочестію.

Для болѣе успѣшнаго воспитанія дѣтей во время уроковъ учитель прежде всего долженъ наблюдать за самимъ собою, чтобы при дѣтяхъ онъ не позволялъ себѣ пошлыхъ пріемовъ и жестовъ, чтобы въ классѣ онъ былъ чисто и опрятно одѣтъ, не занимался во время урока посторонними дѣлами, не курилъ, не произносилъ бранныхъ и вообще непристойныхъ словъ. Потомъ онъ долженъ тщательно наблюдать за всѣми дѣтьми, слушаютъ ли они, и невнимательнаго тотчасъ же озадачивать какимъ нибудь вопросомъ или заставлять его продолжать далѣе чтеніе. Онъ всегда долженъ переходить отъ увѣщаній къ выговорамъ, отъ послѣднихъ сперва къ угрозамъ и наконецъ уже къ настоящимъ наказаніямъ, сообразуясь во всемъ этомъ съ величиною проступка.

Самое преподаваніе слѣдуетъ распредѣлить между дѣтьми такимъ образомъ, чтобы никто изъ нихъ не оставался безъ занятій. Для этого стóитъ только въ то время, какъ одно отдѣленіе пишетъ, обучать другое складамъ и чтенію, а третье, умѣющее уже читать, заставить тогда перечитывать про себя короткія предложенія въ новой азбукѣ или въ священномъ писаніи. Для обученія общеполезнымъ знаніямъ прибѣгаютъ къ помощи 14-ой главы учебника и излагаютъ самыя общія основанія землевѣдѣнія, разные роды животныхъ, деревьевъ и лѣсовъ, хлѣбныхъ растеній, ремесленниковъ, употребленіе естественныхъ произведеній въ пищу, для жилья, одежды, прикрытія, нагрѣванія, цѣленія и пр. Для этого не назначается особыхъ часовъ, а пользуются случаемъ, какой представится при чтеніи священнаго писанія. Но съ этимъ необходимо связать особое обученіе религіи, такъ чтобы за каждымъ урокомъ дѣтямъ объяснялось и внушалось все, что способствуетъ истинному познанію Бога, Христа и ихъ собственной личности, или ихъ обязанностей относительно другихъ людей.—Въ урокѣ закона Божія старшимъ передаютъ знаніе религіи, а младшіе между тѣмъ внимательно слушаютъ, причемъ учитель иногда имъ подскажетъ что нибудь для нихъ понятное. При этомъ необходимо избѣгать непонятныхъ для дѣтей словъ: удовлетвореніе, первородный грѣхъ, богочеловѣкъ, вѣчное зарожденіе. Всякія поясненія слѣдуетъ брать лишь изъ окружающей ихъ природы, изъ сельскихъ учрежденій, нравовъ, пороковъ и пр.,—надо пріучать дѣтей изъ опыта ихъ собственныхъ чувствъ дѣлать заключенія о томъ, что такое Богъ, что значитъ Онъ въ отношеніи къ намъ и чѣмъ

мы сами должны быть въ отношеніи къ Нему. Касательно обученія письму слѣдуетъ замѣтить, чтобы какъ чистописаніе, такъ и орѳографія сообщались дѣтямъ не посредствомъ правилъ, которыхъ они не понимаютъ и которыя только внушаютъ имъ отвращеніе къ этимъ занятіямъ, но при помощи хорошихъ прописей, а также посредствомъ тщательнаго просмотра и исправленія написаннаго ими. Правописаніе сообщается имъ легче всего, если учитель какъ можно чаще и по нѣскольку разъ прописываетъ слова, которыя либо невѣрно выговариваются простолюдинами и потому невѣрно также пишутся, либо легко смѣшиваются въ письмѣ даже лучшими учениками. Болѣе преуспѣвшимъ, умѣющимъ уже связно писать надо давать въ видѣ прописи короткіе, пріятные и полезные разсказы и стихи.—Дѣти должны также научиться пѣть пріятнымъ голосомъ для взаимнаго возбужденія во время божественной служоы. Въ началѣ и по окончаніи уроковъ надлежитъ пропѣть одинъ или два короткихъ стиха."

По этому учебному плану Роховъ и Брунсъ (послѣдній умеръ уже 23-го сентября 1794-го г. и Роховъ, въ память „своего друга", поставилъ въ своемъ саду урну трехъ футовъ вышиною съ надписью: „Онъ былъ учитель") старались устроить свою школу, сдѣлавшуюся вскорѣ идеаломъ для учителей и кандидатовъ на учительское званіе, для священниковъ и ученыхъ, для владѣтельныхъ князей, католиковъ, даже для евреевъ, приходившихъ въ Реканъ съ тѣмъ, чтобы, наблюдая и слушая тамошній способъ преподаванія, приготовиться къ учительской должности. Учебный планъ для низшаго класса былъ слѣдующій: Во всѣ будничные дни упражненія съ младшими дѣтьми, чтеніе въ первой части Друга дѣтей съ старшими, склады и письмо съ средними, между тѣмъ какъ младшіе учатся буквамъ и цифрамъ, сверхъ того по понедѣльникамъ счетъ, по вторникамъ чтеніе въ молитвенникѣ, по середамъ упражненіе памяти, по четвергамъ разныя упражненія, по пятницамъ счетъ, по субботамъ опять упражненіе памяти. Въ высшемъ классѣ: по понедѣльникамъ повтореніе воскресной проповѣди, отыскиванье текстовъ въ библіи, чтеніе во второй части Друга дѣтей, письмо и счетъ;—по вторникамъ законъ Божій, орѳографія, чтеніе въ молитвенникѣ или библіи, причемъ также священная исторія, чистописаніе, счетъ;—по середамъ обученіе пѣнью, Лютеровъ катехизисъ, диктовка, чтеніе во второй части Друга дѣтей, чистописаніе;—по четвергамъ священная или естественная исторія, или отдѣльныя упражненія, чтеніе въ молитвенникѣ или библіи и смѣшанное преподаваніе, чистописаніе и счетъ;—по пятницамъ законъ Божій, чтеніе во второй части Друга дѣтей, чистописаніе и счетъ;—по субботамъ обученіе пѣнью, выспрашиванье

и объясненіе заданныхъ еженедѣльныхъ текстовъ, диктовка, чтеніе въ молитвенникѣ или библіи, чистописаніе.— При этомъ преподаваніи соблюдались слѣдующія правила: „Первоначальное обученіе дѣтей да будетъ по возможности нагляднымъ и пріятнымъ. Учитель да начинаетъ не тотчасъ и не только съ обученія по книгѣ, а сперва занимаетъ ученика легкими, соразмѣрными съ его способностями разговорами о разныхъ ему знакомыхъ и вліяющихъ на его чувства предметахъ. Прежде всего онъ да пробуждаетъ и развиваетъ вниманіе дѣтей, да научаетъ ихъ надлежащимъ образомъ пользоваться своими чувствами, вѣрно видѣть и слышать, многое наблюдать и подмѣчать, передавать въ точности все видѣнное и слышанное; онъ съ самаго начала да исправляетъ языкъ и развиваетъ мышленіе и любознательность ихъ, не обременяя учениковъ, но сообщая имъ реальныя знанія въ размѣрѣ, отвѣчающемъ ихъ настоящему возрасту и способностямъ. Пусть онъ соединитъ вмѣстѣ съ этимъ первоначальное обученіе чтенію и счету.“ — Обучая чтенію, учитель писалъ мѣломъ на доскѣ по порядку нѣсколько простыхъ буквъ печатнымъ шрифтомъ, называлъ каждую изъ буквъ и заставлялъ учениковъ повторять эти названія. Буквы писались въ слѣдующемъ порядкѣ: и, р, с, е, ей, н, у, м, в, о, ой, д, а, ай, г, ѳ, п, л, т, х, б. Или начинали съ гласныхъ вмѣстѣ съ двугласными, а затѣмъ слѣдовали согласныя въ прежнемъ порядкѣ. Когда ученики заучили отдѣльныя буквы, такъ что могли указать на ихъ отличительные признаки, то всѣ они собирались передъ вывѣшеннымъ на дверяхъ листомъ, на которомъ были напечатаны всѣ прописныя и малыя буквы азбуки, цифры, нѣсколько легкихъ односложныхъ словъ и короткихъ фразъ. Тутъ дѣтей обучали складамъ сперва односложныхъ, потомъ многосложныхъ словъ, послѣ чего приступали къ чтенію. При этомъ дѣти должны читать поодиночкѣ, не торопясь, громко, внятно, по знакамъ препинанія, и насколько теперь уже возможно не совсѣмъ монотонно, пріучаться понимать, усвоивать и примѣнять; а по многократномъ повтореніи, закрывъ книги, передать изустно все читанное, послѣ того какъ предварительно говорилось о содержаніи отрывка, развивались и объяснялись важнѣйшія сложныя понятія, указывалось на точность выраженія, чтобы самихъ дѣтей пріучить при разсказѣ правильно объясняться.—Первое упражненіе въ ариѳметикѣ состояло въ счетѣ видимыхъ предметовъ, по пальцамъ и т. п.; потомъ учили считать до 100 взадъ и впередъ; затѣмъ складывать и вычитать четныя и нечетныя числа съ 2, 3, 4, и т. д. Послѣ этого дѣтей знакомили съ цифрами, съ тѣмъ чтобы въ томъ же порядкѣ производить потомъ

письменный счетъ; вычисленія дѣлались отнюдь не съ отвлеченными, но всегда съ именованными числами, и задачи заимствовались всякій разъ изъ кругозора дѣтей, изъ занятій какъ ихъ собственныхъ, такъ и родителей. Къ письму дѣти приступали лишь тогда, когда умѣли порядочно читать, потому что писать черезъ-чуръ рано, пока рука не достигла еще достаточной силы и крѣпости, скорѣе вредно нежели полезно. Сначала имъ прописывались карандашемъ самыя простыя черты и по нимъ заставляли ихъ водить перомъ. Потомъ слѣдовали самыя легкія образуемыя изъ нихъ буквы, затѣмъ болѣе трудныя, послѣ того слоги и вмѣстѣ съ тѣмъ прописныя буквы и цифры, наконецъ легкія и короткія слова. Сперва дѣти писали понемногу: они должны были писать чисто и содержать въ порядкѣ тетради, которыя брали съ собою домой; учитель съ самаго начала заботился о надлежащемъ и цѣлесообразномъ положеніи тѣла, головы, руки и пера.—Въ высшемъ классѣ главнымъ правиломъ считалось, чтобы по возможности соединены были вмѣстѣ разныя учебныя цѣли и слѣдовательно чтобы преподавалось часто по нѣскольку предметовъ заразъ. Такъ напр. при чтеніи обучали въ то же время правописанію, естествовѣдѣнію и пр. Старались особенно къ каждому предмету по возможности присовокуплять законъ Божій. Такъ какъ преподаваніе имѣло преимущественно цѣлью образованіе ума и языка, то не только ввели сократо-катехетическій методъ, но сверхъ того въ учебный планъ вошли отдѣльными уроками еще особыя умственныя упражненія. Главнымъ правиломъ при этомъ было: Не заставлять дѣтей учить наизусть чего они не понимаютъ и что предварительно не объяснено имъ. Они сказывали всѣ свои уроки медленно, внятно и съ естественнымъ, по возможности съ отвѣчающимъ содержанію выраженіемъ. Когда умъ дѣтей достигъ извѣстной степени самостоятельнаго мышленія и правильнымъ упражненіемъ способностей развился на столько, что былъ въ состояніи съ нѣкоторою зрѣлостью судить о чувственныхъ предметахъ и выводить отсюда вѣрныя заключенія; когда этому предшествовали нѣкотораго рода нравственныя поученія, нравственное чувство уже образовалось и совѣсть уже возбуждена: только тогда наконецъ считалось полезнымъ дать первоначальныя понятія о религіи, потому что черезъ-чуръ раннее преподаваніе ея, пока еще дѣти не въ состояніи постичь вѣроученіе, скорѣе вредно, нежели полезно; оно заставляетъ ихъ относиться къ закону Божьему равнодушно и даже съ отвращеніемъ; вѣдь религія тогда только можетъ быть благодатною, полезною совѣтницею въ ихъ жизни, когда просвѣтляетъ

умъ и согрѣваетъ сердце а, не тогда, когда ее низводятъ до простого предмета памяти. Доводите дѣтей попреимуществу ученіемъ о причинѣ и слѣдствіи до того, чтобы они сами напали на мысль о Богѣ, помогая имъ восходить все выше и выше отъ одной причины къ другой. Начиная съ благодѣяній, получаемыхъ ими отъ родителей, ведите ихъ къ Нему, какъ къ высшему виновнику всѣхъ вещей, отцу всѣхъ существъ, подателю всякихъ благъ, виновнику, хранителю и благотворителю также и ихъ жизни. Впрочемъ такія религіозныя бесѣды съ дѣтьми въ этомъ возрастѣ надо вести не слишкомъ часто и не подолгу, а лишь въ надлежащее время, въ надлежащемъ мѣстѣ и при удобномъ случаѣ.

Въ верхній классъ принимались только дѣти, умѣвшіе довольно бѣгло читать и обладавшіе надлежащими свѣдѣньями во всѣхъ остальныхъ знаніяхъ. Предметы преподаванія были слѣдующіе: Бѣглое чтеніе, калиграфія и ороографія, умственныя упражненія, языкознаніе; составленіе легкихъ сочиненій, предварительныя знанія естественной исторіи, сельское хозяйство и гигіэна, законъ Божій и чтеніе библіи, сверхъ того упражненія памяти. Дѣтей учили читать правильно и внятно, съ надлежащимъ выраженіемъ и нѣкоторымъ благозвучіемъ, на какой конецъ учитель всякій разъ прочитывалъ вслухъ отрывокъ. Объясняя содержаніе отрывка, держались правила, толковать не слишкомъ много (и не черезъ-чуръ много за одинъ разъ). Для умственныхъ упражненій дѣти обучаются распредѣлять предметы по извѣстнымъ классамъ и составлять общія понятія. Понятія о цѣли и средствѣ, причинѣ и слѣдствіи и пр. примѣняютъ къ встрѣчающимся въ обыденной жизни случаямъ, причемъ возстаютъ противъ господствующаго суевѣрія. Съ этимъ преподаваніемъ связано также языкознаніе. Тутъ дѣти изучаютъ производство словъ отъ ихъ корней, распредѣляютъ цѣлые разряды словъ по главнымъ отдѣламъ и знакомятся съ ихъ измѣненіями и преобразованіями; предлагаются также правила для составленія короткихъ писемъ, прошеній, счетовъ, квитанцій и т. п., равно и небольшихъ сочиненій, содержаніе которыхъ заимствуется изъ усвоенныхъ дѣтьми уроковъ. Счетъ въ высшемъ классѣ производится умственный и на доскѣ: послѣ четырехъ дѣйствій слѣдуетъ тройное правило, дроби и правило товарищества. Все преподаваніе ариѳметики имѣетъ главною цѣлью довести дѣтей до елико возможно большого искусства считать въ умѣ; письменное счисленіе на доскѣ преподается лишь какъ вспомогательное къ тому средство и какъ необходимое расширеніе его. Для чистописанія назначено въ недѣлю отъ трехъ до четырехъ часовъ, и оно распредѣлено такъ, чтобы дѣти писали каждый день, но не болѣе какъ по получасу.

Обращаютъ болѣе вниманіе на то, чтобы писали тщательно и хорошо, нежели скоро и по многу. Для орѳографіи дѣтямъ сообщаются легкія простыя правила, а потомъ пишутъ на доскѣ фразы съ ошибками, съ тѣмъ чтобы ученики исправили ихъ. Сперва заставляютъ ихъ отыскивать орѳографическія, а потомъ синтаксическія ошибки. Наконецъ ихъ упражняютъ въ диктовкѣ. Преподаваніе Закона Божія въ высшемъ классѣ тѣсно сливается со всѣми остальными учебными предметами, исключая письма и счета, такъ что большая часть этихъ предметовъ имѣетъ своею цѣлью религію и относится къ ней какъ средство къ великой задачѣ образовать изъ дѣтей не только умныхъ но также нравственно-добрыхъ и религіозныхъ людей. Средствами для этого служатъ: чтеніе библіи, священная исторія, повтореніе воскресной проповѣди, чтеніе въ Другѣ дѣтей, языкознаніе, сверхъ того два особыхъ урока закона Божія; въ послѣднихъ въ основу преподаванія полагаются избранныя мѣста изъ библіи или короткія пѣсни изъ молитвенника и объясняется Лютеровъ малый катехизисъ, который вмѣстѣ съ тѣми пѣснями заучивается наизустъ. Преподаваніе религіи облекается въ катехизическую форму, причемъ руководятся основными правилами, что нѣтъ необходимости придерживаться строго распредѣленнаго порядка, но гораздо полезнѣе, смотря по времени и обстоятельствамъ, выбирать то одни, то другія ученія и состоящія съ ними въ связи истины, а потомъ излагать ихъ, конечно, понятно и ясно, но только не черезъ-чуръ подробно и не разомъ исчерпывать ихъ; — сверхъ того, предметомъ школьнаго преподаванія должны быть лишь собственно практическія вѣроученія, вліяніе которыхъ на исправленіе и на развитіе добродѣтели несомнѣнно вѣрно; хотя простолюдину и необходимо знать остальныя ученія, но они изучаются уже конфирмантами. Потому преподаваніе закона Божія надлежитъ излагать въ одно и то же время какъ дѣло ума и сердца, коротко и ясно, основывать его всякій разъ на священномъ писаніи и объяснять хорошо подобранными примѣрами,—а предметами преподаванія пѣнія въ высшемъ классѣ служатъ мелодіи церковныхъ и лучшихъ дѣтскихъ пѣсенъ. Имъ обучаютъ съ голоса, и онѣ поются то въ одиночку, то цѣлымъ классомъ.

Дисциплина въ школѣ Рохова исходила отъ основного правила, что чрезъ посредство ума должно дѣйствовать на волю, что впрочемъ съ развитіемъ ума слѣдуетъ связать также извѣстное образованіе воли, навыкъ. Отъ дѣтей требовали: повиновенія, вниманія, прилежанія, правдивости, откровенности, миролюбія и услужливости, учтивости, скромности, чистоты и стыдливости.

Наказанія и награды рѣдко примѣнялись, и тѣ и другія представлялись какъ можно менѣе зависящими отъ произвола и всегда сообразовались съ различными душевными свойствами дѣтей, притомъ наказаніе никогда не совершалось запальчиво. Къ тѣлеснымъ наказаніямъ прибѣгали только при воровствѣ, упорствѣ и злостномъ отпирательствѣ. Награды состояли лишь въ короткихъ одобряющихъ словахъ. Необходимыми качествами хорошаго учителя считались: способность преподаванія, т. е. сложившееся уже образованіе ума, такъ чтобы знать, чему и какъ учить и что дѣлать; личное побужденіе все болѣе и болѣе совершенствоваться постояннымъ трудомъ и упражненіемъ; добросовѣстное исполненіе должности, порядокъ и точность въ занятіяхъ, любовь къ юношеству, терпѣніе, кротость, радушный и веселый нравъ, соединенный съ надлежащею строгостью.

Роховъ — справедливо замѣчаетъ Геппе — обходился съ дѣтьми такъ, какъ подобаетъ съ людьми, которымъ знанія не вдалбливаются снаружи, а въ которыхъ, напротивъ они должны возникать изнутри; притомъ онъ вѣрно смотрѣлъ на чувственное постиженіе какъ на средство, къ которому надлежитъ примкнуть духовное созерцаніе, упражненіе въ мышленіи и сужденіи; онъ наконецъ вѣрно оцѣнилъ религіозный интересъ какъ настоящее средоточіе народнаго обученія. Идеалъ устройства правильной народной школы представлялся уму его въ слѣдующемъ видѣ: „Учитель долженъ водить молодыхъ людей въ поля и лѣса и— не по книгамъ, а прежде всего въ самой природѣ, пользуясь всѣми видимыми безвозмездно предлагаемыми въ ея обширномъ складѣ предметами,—учить ихъ правильно слышать, видѣть, замѣчать, наблюдать, сравнивать, различать, потомъ судить, дѣлать выводы и предположенія, пока наконецъ какъ бы сама собою не возникнетъ мысль: Господь Богъ вѣковѣченъ, всемогущъ и премудръ; всякая жизнь отъ Него, а жизнь величайшее благо; Онъ любитъ своихъ тварей, любитъ и насъ также, потому что мы живемъ, и живемъ черезъ Него; итакъ да возлюбимъ Господа Бога, прежде еще возлюбившаго насъ; Онъ въ высшей степени благъ и мы не въ состояніи достаточно прославить и любить Его. Обучаясь такимъ образомъ, дѣти обнаружили бы передъ учителемъ чрезвычайно много реальныхъ познаній и по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ они вынесли бы даже книжное ученіе и весь условный учебный хламъ, не подвергаясь притомъ столь большой опасности изувѣчить свои души“.—Однако въ дѣйствительности Роховъ отступалъ отъ осуществленія своего идеала настолько, насколько послѣдній не отвѣчалъ его основному правилу,

осуществлять лишь достижимое и возможное. Образованіе въ его школѣ существенно состояло въ развитіи ума и языка. Сократо-катехизическій методъ и особыя умственныя упражненія служили главными рычагами этому образованію.—Онъ мало занимался преподаваніемъ музыки: онъ ограничивался тѣмъ, чтобы хоральныя мелодіи пѣлись не такъ крикливо,—но почти вовсе не обращалъ вниманія на методическую постепенность, на методическое развитіе органовъ пѣнія и на исполненіе вообще. Даже все остальное преподаваніе, матерьялъ котораго заимствовался имъ изъ дѣтскаго міра и который онъ думалъ излагать сообразно нраву и природному свойству дѣтей, лишено было основанной на психологическихъ началахъ постепенности. Этими недостатками онъ какъ бы указывалъ на сильнѣйшаго, идущаго за нимъ. — Но основаніемъ своей школы Роховъ совершилъ всемірноисторическій подвигъ, а такіе подвиги подвигаютъ міръ. То же самое произвело и его твореніе. Оно во многихъ мѣстахъ возбудило соревнованіе. Такъ помѣщикъ въ Тейхгеймѣ, увидѣвъ школу Рохова, основалъ для дѣтей своей деревни даровое училище, сдѣлавшееся образцовымъ, такъ что скоро туда приводились дѣти изъ сосѣднихъ деревень и городовъ, затѣмъ скоро также стали приходить туда учителя и священники, съ цѣлью ознакомиться въ немъ съ способомъ преподаванія, а впослѣдствіи къ нему же присоединилась учительская школа, образовавшая большое число преподавателей. Вліяніе Рохова простерлось и за предѣлы Германіи. Услышавъ о его школѣ, графъ Лудвигъ Ревентловъ изъ Христіанда въ Брагетроллеборгѣ на островѣ Фіоніи, велѣлъ въ 1874-мъ г. выстроить три школы; въ нихъ учрежденіе и методъ Рохова служили образцомъ, въ нихъ употреблялись Другъ дѣтей Рохова (на датскомъ языкѣ), библія, Жизнь Іисуса, сочин. Феддерсена и его же примѣры для дѣтей, естественная исторія Раффа и катехизисъ Понтопидана; каждый изъ учителей получалъ въ нихъ слишкомъ по 100 талеровъ годового оклада и для собственнаго поученія пользовался характеристикою Нимейера, сочиненіями Гесса о библіи и пр.; а за успѣшнымъ преуспѣяніемъ школъ наблюдала ежемѣсячно собиравшаяся, состоявшая изъ графа, пастора, управляющаго, содержателей школъ и разсудительныхъ крестьянъ коммиссія.

Въ высшей степени замѣчательное явленіе, показавшееся при Роховѣ, представляетъ основатель нѣмецкаго обученія глухонѣмыхъ,

Самуэль Гейнике.

Это педагогическій оригиналъ, который шелъ своимъ особымъ путемъ, который съ замѣчательно педагогическимъ

тактомъ угадывалъ истину и, озаренный возникшими въ немъ лучшими убѣжденіями, безпощадно бичевалъ жалкую педагогическую практику своей эпохи, а вмѣстѣ съ тѣмъ отважно ратовалъ ипротивъ враждебной іерархіи.

Обративъ настойчивое вниманіе на этого педагогическаго поборника и піонера истекшаго столѣтія, Штёцнеръ оказалъ истинную услугу Гейнике родился 10-го апрѣля 1729-го въ Нейцшютцѣ близъ Вейсенфельса. Отецъ его, зажиточный крестьянинъ, настоятельно противился всякимъ попыткамъ своего сына пріобрѣсть необыкновенное умственное образованіе и наконецъ хотѣлъ даже 21-лѣтняго юношу понудить къ вступленію въ бракъ. Сынъ бѣжалъ вслѣдствіе этого въ Дрезденъ и поступилъ тамъ на военную службу; онъ настойчиво, часто по цѣлымъ ночамъ напролетъ трудился надъ своимъ умственнымъ развитіемъ и вскорѣ дошелъ до того, что самъ въ состояніи былъ заняться преподаваніемъ и читать классическія произведенія на латинскомъ и французскомъ языкахъ. Около половины восемнадцатаго столѣтія къ нему привели глухонѣмаго мальчика, котораго онъ не только научилъ письму и счету, но послѣ многихъ геніальныхъ попытокъ довелъ даже до того, что мальчикъ въ состояніи былъ устно объясняться съ другими людьми. Учительская дѣятельность его была внезапно прервана семилѣтнею войною. Его опять забрали въ солдаты, подъ Пирною онъ попалъ въ плѣнъ и былъ отведенъ въ Дрезденъ. Ему удалось бѣжать въ Іену. Тамъ онъ записался въ студенты и содержалъ себя и своихъ—онъ передъ этимъ счастливо женился въ Дрезденѣ—преподаваніемъ музыки. Спасаясь отъ прусскихъ вербовщиковъ, онъ бѣжалъ опять и на этотъ разъ—въ 1758-мъ г.—въ Гамбургъ, гдѣ благодаря Клопштоку, Крамеру и Реймарусу давалъ въ разныхъ домахъ частные уроки. Впослѣдствіи сдѣлался онъ канторомъ въ деревнѣ Эппендорфѣ близъ Гамбурга. Здѣсь онъ ввелъ звуковой методъ, вслѣдствіе своихъ многосторонихъ попытокъ находился въ столкновеніи съ своимъ пасторомъ и своими мужиками, но успѣлъ наконецъ одолѣть всѣ препятствія. Къ нему опять привели глухонѣмаго мальчика. Жертвуя всѣмъ своимъ досугомъ, Гейнике пытался рѣшить поставленную имъ себѣ трудную задачу обученія глухонѣмыхъ и успѣлъ въ этомъ отношеніи настолько, что воспитанникъ его, послѣ двукратнаго испытанія, учиненнаго его противниками, пасторомъ Грунау въ Эппендорфѣ и главнымъ пасторомъ Гётце, удостоился конфирмаціи. Скоро на него обратили свое вниманіе жившіе тогда въ Гамбургѣ знатные ученые, присутствовавшіе при его преподаваніи. Поощряемый также довѣріемъ разныхъ семействъ, поручившихъ ему своихъ дѣтей на воспитаніе, онъ рѣшился вполнѣ посвятить себя обученію глухонѣмыхъ и съ этою

цѣлью въ 1778-мъ г. основалъ въ Лейпцигѣ первый въ Германіи институтъ глухонѣмыхъ. Его оригинальный способъ обученія былъ совершенно противоположенъ французской школѣ, пытавшейся достичь всего посредствомъ письма и пантомимы, тогда какъ онъ самое большое значеніе придавалъ устной рѣчи. Ратуя съ представителями французской школы, онъ то и дѣло оскорблялъ ихъ своею грубостью и рѣзкими, часто даже до нахальства и шарлатанства доходящими выраженіями; вслѣдствіе этого главнѣйше основныя правила его и не встрѣтили со стороны современниковъ того признанія, какое заслуживали и какое столь щедро воздавалось ему потомствомъ. Онъ трудился не переставая надъ своимъ собственнымъ развитіемъ; сильно увлекся Кантовской философіей и для распространенія ея написалъ нѣсколько статей. Онъ умеръ въ 1790-мъ г. въ Лейпцигѣ. Его заслуги по части обученія глухонѣмыхъ будутъ изложены въ позднѣйшихъ очеркахъ. Теперь же обратимъ прежде всего вниманіе на значеніе его въ системѣ народныхъ школъ.

Мы одолжены ему вопервыхъ пошибистымъ, живымъ изображеніемъ народнаго училища прошлаго столѣтія. Вотъ оно отъ слова до слова:

„Представьте себѣ низкія, за сто лѣтъ тому назадъ изъ глины, соломы и дерева выстроенныя, но теперь уже дырявыя, лишенныя половъ, мрачныя, грязныя спереди и сзади, заплатанныя и подпертыя, сырыя и узкія школы съ полуразвалившимися и подгнившими дверьми, столами, скамейками, окнами, столбами, балками и потолками, гдѣ иногда въ одной комнатѣ словно въ кадкѣ сидятъ по сту, и даже болѣе, прикрытыя наполовину лохмотьями, тѣснясь и наваливаясь другъ на друга, паршивыя, терзаемыя насѣкомыми и всякою гадостью, кашлемъ, насморкомъ и разными недугами, маленькія, тощія и жалкія человѣческія существа; у большей части изъ нихъ въ животѣ такъ же пусто, какъ и въ головѣ; полуживыя отъ страха и тоски, они съ тревогой и боязнью среди гнили и ужасной вони думаютъ лишь о розгѣ, что грозитъ имъ сегодня отъ человѣка, котораго они ненавидятъ и боятся какъ пугала, пуще самого чорта; мучительно ждутъ не дождутся они звонка, возвѣщающаго имъ спасеніе:—вотъ короткій, лишь слабый очеркъ бѣдственнаго состоянія, въ какомъ томятся и изнываютъ въ иныхъ школахъ несчастныя, нѣжныя дѣти, не обучаясь притомъ ничему, хотя для этого собственно и собраны сюда. Я не преувеличиваю ничего, напротивъ, умалчиваю здѣсь еще о многихъ гадкихъ и омерзительныхъ вещахъ, которыя иному покажутся вовсе невѣроятными, но при всемъ томъ влекутъ за собою конечно ужасныя и невыразимыя послѣдствія. Впрочемъ, объ этомъ никто не безпо-

коится. Невѣжество, тупоуміе и всѣ возникающіе отсюда пороки по прежнему преобладаютъ надъ религіей и добродѣтелью.

Простой народъ —не мѣшало бы повторять это во всеуслышанье и притомъ почаще — мѣстами въ христіанскихъ странахъ, погруженъ все еще въ томъ же варварствѣ и въ тѣхъ же порокахъ, въ которыхъ, погрязъ онъ, лишенный всякаго обученія, еще до реформаціи! Причина, должно быть, заключается въ его учителяхъ и въ несуразныхъ, противоестественныхъ способахъ преподаванія, которые задерживаютъ и стѣсняютъ его стремленіе къ развитію и не только оставляютъ впустѣ кругъ его идей, но суживаютъ и даже затягиваютъ послѣдній, лишь бы простолюдинъ не подхватилъ ничего такого, что питало бы его умъ и послужило бы къ его просвѣщенію и благосостоянію. Словомъ—томительное, безполезное, безсмысленное пустословіе въ обученіи складамъ и чтенію и связанные съ этимъ побои и ругань, какимъ самымъ чудовищнымъ образомъ подвергается съ молоду народъ въ школахъ,—вотъ что болѣе всего виною этого тѣлеснаго и душевнаго увѣчья. Дитя отнюдь не можетъ питать ни охоты, ни любви къ ученію, никакъ не разовьетъ своего ума, никогда не запасется для себя чувственными понятіями изъ природы, если оно осуждено изо дня въ день торчать въ хлѣвѣ, томиться тамъ надъ пустыми звуками и измучиться до отупѣнія, до недуга или даже до смерти; слишкомъ многимъ, увы, суждено умереть отъ этихъ передрягъ, но простолюдинъ или вовсе не обращаетъ на это вниманія, или онъ не можетъ и не смѣетъ заявить и отвратить, чтобы дѣтей его не терзали и не убивали такимъ жестокимъ образомъ.

Итакъ, многія школы не что иное, какъ разбойничьи вертепы, и если дѣти выходятъ изъ нихъ съ здоровыми ногами, то и это ужь большое счастіе для нихъ. Когда они послѣ пустыхъ складовъ приступаютъ къ такому же пустому чтенію, то имъ дается въ руки катехизисъ, въ которомъ они читаютъ безъ смысла и въ которомъ всѣми силами должны выучить наизустъ молитвы, не понимая ихъ! Вѣдь катехизисъ отнюдь не для непонятливыхъ дѣтей! Вѣдь Лютеръ и сочинилъ-то его вовсе не для начинающихъ читать, а напротивъ, для пасторовъ и людей, обладающихъ уже предварительными понятіями! Неужели вы, господа учителя, въ самомъ дѣлѣ думаете, что васъ понимаютъ отупѣвшія отъ обученія складамъ дѣти? Особенно деревенскія дѣти, которыя только и слышали что о курахъ, гусяхъ и другихъ домашнихъ животныхъ и у которыхъ весь кругъ идей содержитъ въ себѣ около 20 и до 30 чувственныхъ понятій, изъ коихъ каждое выражается ими всего

только однимъ какимъ нибудь составомъ словъ? Неужели вы считаете это ученіемъ, если они пролопочутъ вдолбленный имъ членъ изъ катехизиса! Спросите-ка вашихъ учениковъ: имѣютъ ли они понятіе о связи словъ и о смыслѣ ихъ, когда читаютъ и молятся.

Какъ же войти имъ въ духовный міръ, если они не побывали даже еще въ чувственномъ? Какъ же имъ сдѣлаться христіанами, если вы изъ нихъ не образовали даже еще людей?

Взглянемъ-ка внимательнѣе на обычный механическій способъ обученія и на послѣдствія его въ селѣ Тупоумовкѣ. Пяти или шести лѣтъ отъ роду дитя является въ школу съ азбукою или букваремъ и заучиваетъ буквы; потомъ бе, а, ба, и все это механически. Послѣ того ученикъ обязанъ прочитать по складамъ Отче нашъ, сумволъ вѣры, таинства и Богородицу, и опять-таки механически. Просdefine складавъ такимъ образомъ одинъ или два раза азбуку, онъ также раза два обязанъ разобрать по складамъ катехизисъ, въ которомъ содержатся члены вѣры, домострой, таинства брака и крещенія, догматическіе вопросы—все не шуточныя дѣла!!!—и молитвы и исповѣдь и пр. и все-таки механически. При этомъ онъ каждую недѣлю механически затверживаетъ наизустъ, съ тѣмъ чтобы вскорѣ забыть потомъ, по одному тексту, который—смотря по свойству богатыхъ родителей мальчика—учитель списываетъ для него на бумажку; этотъ текстъ ученикъ вывѣшиваетъ потомъ у себя дома на бичевкѣ, прибитой гвоздемъ, вродѣ того какъ вѣшаются фрукты для просушки. У простолюдинъ часто по цѣлымъ годамъ висятъ въ комнатѣ на стѣнахъ такіе тексты; но какъ дѣти, такъ и родители, не умѣющіе ни читать, ни писать, понимаютъ въ нихъ столько же, сколько и облѣпившія ихъ мухи. Преодолѣвъ въ нѣсколько лѣтъ благополучно склады, ученикъ принимается за чтеніе катехизиса, и также механически. Отхлеставъ его раза два, онъ берется за чтеніе евангелія или псалтыря, и опять-таки механически. Отбарабанивъ и это, онъ читаетъ новый завѣтъ, и все-таки механически. Если ученикъ хорошо закаленъ и благополучно перешелъ до сихъ поръ сквозь всевозможныя школьныя ферулы, то его заставляютъ читать библію, также механически. При этомъ онъ вы далбливаетъ вѣроученіе, лопочетъ нѣсколько молитвъ, горланитъ пѣсни, и все это механически. А между тѣмъ ему уже четырнадцать или пятнадцать лѣтъ отъ роду: онъ удостоивается конфирмаціи, учится дѣлать книксы или шаркать ногами, ходить по субботамъ на исповѣдь, по воскресеньямъ—утромъ къ святому причастію, а послѣ обѣда въ кабакъ, и все это механически.

Тутъ-то и развиваются уже всѣ остальныя свойства его вполнѣ еще плотской души, обладающей помимо изувѣченныхъ въ школѣ чувствъ такимъ же умомъ и такою же волею, и вотъ онъ становится мужчиною; изъ всего этого узнаемъ пока только то, что онъ до того былъ мальчишкой. Въ юномъ мужѣ довершается теперь свободное развитіе чувственныхъ понятій: съ ненасытною алчностью подражаетъ онъ прельщающимъ его нравамъ, добродѣтелямъ и подвигамъ своего отца, дѣда, своихъ зятей, тестей и сосѣдей. Онъ играетъ, пьянствуетъ, колотитъ своихъ товарищей, а не то они и сами разшибаютъ ему разъ-другой голову; пьяный идетъ онъ ругаясь домой; проходя мимо школы или пасторскаго дома, онъ изрыгаетъ брань и въ отплату—за полученныя тамъ угощенія—разбиваетъ окна: вѣдь онъ теперь только что началъ пользоваться уцѣлѣвшими остатками своего крохотнаго ума.—Вотъ онъ женится по теоріи Бюффона, а въ свое время производитъ себѣ подобныхъ, не вѣдаетъ никакой религіи, безобразничаетъ, умираетъ и по прошествіи трехъ дней послѣ смерти обрѣтаетъ вѣчное блаженство, если только оставилъ денегъ за надгробную проповѣдь.

Сообразивъ всю эту кутерьму, всѣ эти несуразности, мерзости и всевозможныя связанныя съ ними пагубныя послѣдствія, сами собой возникающія изъ такого способа обученія, и разсудивъ ихъ хотя бы только здравымъ человѣческимъ умомъ—вѣдь на это не надо ни глубокой проницательности, ни высокой учености: мы тотчасъ же поймемъ и увидимъ, отчего въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дѣти ничему не могутъ научиться и поневолѣ питаютъ такое отвращеніе отъ школы! Мы увидимъ вслѣдствіе чего шульмейстеры такъ дубасятъ своихъ учениковъ и отчего учителя и ученики такъ безчеловѣчно ненавидятъ другъ друга и поневолѣ враждуютъ между собою, не зная даже изъ-за чего? Мы узнаемъ и причину и источникъ недовольства ихъ какъ въ отношеніи къ Богу, такъ и къ ближнимъ. Мы увидимъ, какъ презираютъ христіанскую религію люди, которымъ она вдалбливается и которымъ она навязана подобно тому, какъ Испанцы навязали ее Мексиканцамъ и Перуанцамъ.

Но развѣ пасторы не заботятся объ ученикахъ?—Мало или почти что ничего.—А если иному и дѣлаются упреки по поводу нелѣпаго и грустнаго состоянія, въ которомъ находится его паства, то онъ сваливаетъ вину съ себя—на учителя: послѣдній служитъ ему какъ бы якоремъ спасенія! Что-же выходитъ изъ этого? Да то, что пасторъ—святой человѣкъ, а учитель—по малой мѣрѣ олухъ. Вѣдь для такого рода священниковъ шульмейстеръ и чортъ не что иное какъ вьючные ослы, на которыхъ они сваливаютъ

съ себя всякую вину и всякое бремя. Помилуйте, Господа! Вѣдь обдирать людей не искусство: а вы научите-ка ихъ и дайте имъ что-нибудь получше. Кому же и сжалиться надъ бѣднымъ шульмейстеромъ? Кому же и знать его горькую долю? Онъ, можетъ быть, и самъ не знаетъ ея; хотя душа его и переполнена плачевныхъ жалобъ! Да на что онъ дерзнетъ пожаловаться? Развѣ смѣетъ онъ жаловаться на способы обученія, этихъ коренныхъ причинъ всѣхъ его бѣдъ въ школѣ и вытекающихъ отсюда не выразимыхъ пагубныхъ послѣдствій? Боже его упаси!—Вотъ еще какія причуды! Какая дерзость со стороны шульмейстера!—Да его заморизить бы за это: потому что сжечь его на кострѣ обошлось бы вѣдь слишкомъ дорого!

Для воспитанія юношества необходимы главнѣйше способные учителя, годныя книги и цѣлесообразные методы. Но по существовавшимъ доселѣ дурнымъ заведеніямъ и по предписаннымъ имъ превратнымъ способамъ обученія даже лучшій изъ учителей не можетъ ничего болѣе добиться отъ своихъ учениковъ. Положимъ, что шульмейстеръ невѣжда, но вѣдь никто и не позаботится объ немъ, и онъ учитъ всему такъ же, какъ и самъ учился: или онъ придерживается данныхъ ему указаній и преподаетъ по предписанному ему начальствомъ превратному методу. Если послѣ этого дѣло обученія подвигается плохо, а иначе оно вѣдь и быть не можетъ—то справедливо ли сваливать на него вину? Вѣдь такое обращеніе съ учителями въ высшей степени неслыханная жестокая безсмыслица! Развѣ слѣпой можетъ указать дорогу другому? Не мало впрочемъ и такихъ шульмейстеровъ, которые очень хорошо сознаютъ недостатки въ учебныхъ заведеніяхъ и препятствія, мѣшающія успѣхамъ преподаванія; но страхъ выйдти изъ отведенныхъ предѣловъ, ничтожное значеніе ихъ и скудные доходы сдерживаютъ учителей отъ улучшеній; они поневолѣ оставляютъ все по старому и умалчиваютъ о своихъ школьныхъ нуждахъ. Даже величайшій ученый и высочайшій государственный мужъ, обладая сверхъ того силою Сампсона и мудростью Соломона, находясь на мѣстѣ сельскаго учителя, при существующихъ нынѣ безобразныхъ средствахъ обученія въ иныхъ мѣстахъ не былъ бы въ состояніи повести дѣло хоть сколько-нибудь успѣшнѣе. Онъ навѣрное заболѣлъ бы, сошелъ бы съ ума, не то сдѣлался бы даже распутнымъ, по крайней мѣрѣ равнодушнымъ и лѣнивымъ; все это довольно ясно и осязательно вытекаетъ уже изъ сказаннаго мною выше.

На бѣломъ свѣтѣ ни одному смертному не живется такъ скверно, ни одному не приходится вести такую паскудную и жалкую жизнь какъ шульмейстеру, котораго томятъ превратными методами. Помимо его школьныхъ невзгодъ, на

него, пуще чѣмъ на всякаго другого человѣка, обрушиваются сверхъ того всѣ четыре стихіи и разныя бѣдствія; всякъ ненавидитъ, презираетъ его, ругается, издѣвается надъ нимъ, поноситъ и обманываетъ его. Пасторъ, приходъ и всѣ его ученики въ школѣ враждуютъ съ нимъ. Часто онъ лишенъ необходимыхъ потребностей; у него нѣтъ ни утѣшенья, ни надежды, ни видовъ на лучшее земное благосостояніе. Остается ли онъ въ школѣ, выйдетъ ли за порогъ ея, вездѣ встрѣчаютъ его личности, принижающія, оскорбляющія и обижающія его если не словами, то по крайней мѣрѣ жестами. Часто ему не выдаютъ даже его скудной, съ такимъ трудомъ заработанной платы; а вздумай онъ жаловаться, то ему придется еще истоптать пару сапогъ, и въ концѣ концовъ онъ все-таки ничего не выручитъ, если не посулитъ и не отдастъ половину денегъ судебному сторожу. Словомъ, если онъ въ своемъ жалкомъ состояніи не лишился ни ума, ни здоровья, то навѣрное ему нечего уже было лишаться и тогда, когда онъ впервые сдѣлался шульмейстеромъ.

Въ такихъ мѣстахъ пасторы обращаютъ вниманіе на учителей только, если нуждаются въ нихъ для какого-нибудь дѣла, или когда хотятъ помучить ихъ. Господа, вѣдь вы крайне несправедливы къ этимъ жалкимъ людямъ — а впрочемъ, вы, можетъ быть, того мнѣнія, что съ ними и не стóитъ обращаться по человѣчески! Фу, ты пропасть! Да кто же вы сами то? Вѣдь чинъ, ставящій васъ надъ ними, по вашей гордости—служащей всегда отпечаткомъ глупца—не даетъ вамъ никакого права распоряжаться ими, а тѣмъ еще менѣе оскорблять ихъ. Учитель и самъ знаетъ, что ему слѣдуетъ дѣлать; и онъ навѣрное сдѣлалъ бы еще болѣе и принесъ бы пользу, если бъ только смогъ и посмѣлъ; вѣдь онъ отнюдь не рабъ вашъ, а иначе вы были бы вольны продать его — что конечно было бы для васъ славнымъ дѣломъ—а не то прогнать его со службы, когда вамъ вздумается. Вотъ только этого еще недоставало!

Эти люди конечно еще болѣе тѣмъ несчастны, что всякій разъ, какъ только откроютъ ротъ, они неправы передъ вами. И въ самомъ дѣлѣ, если шульмейстеръ осмѣлится только смиренно доложить вамъ о своей невинности и о вашихъ несообразностяхъ, то вы тотчасъ же обвиняете его въ недостаткѣ уваженія къ вамъ, а если онъ мало мальски заденетъ вашу гордость, вашу алчность или иной порокъ, то по вашему соображенію онъ осквернилъ даже религію; Боже упаси его тогда! А сверхъ того вы особеннымъ, вамъ однимъ свойственнымъ подвохомъ сумѣете такъ ловко устранить его отъ объясненій, что судья, не выслушавъ даже учителя, осуждаетъ его; или, что еще хуже для шульмейстера: судья кладетъ дѣло подъ сукно и заставляетъ тре-

петать послѣдняго, какъ это водится во всѣхъ безсмертныхъ процессахъ.“

Гейнике, какъ видно, боецъ съ необычайною энергіею души и слова и съ великимъ прямодушіемъ. Яснымъ взоромъ вникъ онъ въ недостатки народной школы. Въ учителя назначались лакеи, отставные солдаты, невѣжественные ремесленники, сплошь да рядомъ люди, лишенные всякаго дѣльнаго образованія и полные самомнѣніемъ, не уступавшимъ ихъ невѣжеству. Содержаніе этихъ господъ часто было скуднѣе жалованья сельскаго пастуха, а потому и положеніе ихъ наиболѣе презираемое во всей деревнѣ. Гейнике и тогда уже очень вѣрно искалъ спасенія въ подъемѣ образованія учителей. Онъ мало надѣялся на существовавшія при немъ семинаріи, но обратилъ вниманіе именно на примѣръ Рохова, который самъ образовалъ своихъ учителей. Со всѣмъ пыломъ своего гнѣва и со всею силою краснорѣчія возстаетъ онъ противъ нелѣпаго, неестественнаго чтенія по складамъ, сопряженнаго съ тратою времени и силъ и заглушающаго въ самомъ зародышѣ всякую охоту къ ученію въ молодежи. Онъ предлагаетъ уже наглядное обученіе и преподаваніе языковъ, предпосылая его настоящему чтенію. „Прежде еще чѣмъ дѣти умѣютъ читать, учитель можетъ объясняться съ ними о разныхъ видимыхъ предметахъ. Взявъ какую нибудь вещь, напр. перо, стулъ, книгу и пр. онъ спрашиваетъ, что это такое, изъ чего сдѣлано, на что употребляется. Объ одномъ и томъ же предметѣ онъ можетъ предлагать тысячу вопросовъ.“ Для чтенія Гейнике самъ составилъ учебникъ, появившійся въ 1790-мъ г. двадцать четвертымъ изданіемъ. Онъ начинаетъ съ гласныхъ буквъ, переходитъ потомъ къ слогамъ и наконецъ къ словамъ, потомъ уже приводитъ всю азбуку. По этому поводу онъ говоритъ: „Ради старшихъ и младшихъ учителей не рѣшаюсь совсѣмъ отмѣнить азбуку; а то они, пожалуй, всполошатся пуще Индѣйцевъ, у которыхъ вздумали бы отнять чорта.“ Его учебникъ рѣшительно способствовалъ торжеству звукового метода надъ прежней рутиной.—Разобравъ еще другія правила преподаванія и воспитанія этого замѣчательнаго мужа, мы въ немъ какъ бы вынуждены признать предтечу современнаго воспитанія. Приведемъ образчикъ, сообщаемый также *Штейнеромъ:* „Пріучайте вашихъ учениковъ съ словами связывать понятія, и если вы не лишены всякаго смысла, то не начинайте съ нѣжными, ничего еще незнающими дѣтьми съ того, чѣмъ слѣдовало бы кончать. А потому катехизисъ отнюдь не книга для начинающихъ читать. Вы сами виноваты, если самые священные предметы обращаются вами въ орудія муки, если ваши невинные ученики до смерти томятся ими. Прежде чѣмъ приступать къ искусству, изберите для ва-

шихъ учениковъ предметы изъ природы, выходите отъ легкаго къ болѣе трудному: и изъ людей дѣлайте христіанъ. А потому необходимо, чтобы вы сами обратились вспять и становились дѣтьми, т. е. приноровитесь къ образу мыслей ничего незнающихъ дѣтей и попытайтесь наполнить ихъ мысленный кругозоръ сперва видимыми предметами, тогда вамъ и вашимъ ученикамъ уже легко будетъ говорить другъ съ другомъ о небесныхъ предметахъ. Воспитаніе и преподаваніе идутъ рука объ руку и помогаютъ другъ другу. Но воспитаніе человѣка должно начаться тотчасъ же со дня рожденія. О, еслибъ кто добился по крайней мѣрѣ, чтобы матери не пеленали своихъ дѣтей до увѣчья, не кормили ихъ размазней и не лишали чистаго воздуха, тотъ оказалъ бы человѣчеству великое благодѣяніе! Воспитаніе и преподаваніе впослѣдствіи должны дѣйствовать собща, подобно тому какъ чувства и умъ при развитіи понятій."—Въ 1783-мъ г. Гейнике написалъ руководство легкимъ способомъ обучать и научиться писать. Онъ и тутъ также переходитъ постепенно отъ легчайшаго къ труднѣйшему и слѣдовательно во все вноситъ методъ.—Въ своей борьбѣ онъ энергичнѣе всего возстаетъ противъ надувателей народа, обзывая такъ людей, думающихъ, чѣмъ глупѣе народъ, тѣмъ лучше, и что просвѣщеніе порождаетъ только бунты и презрѣніе къ религіи. Штёцнеръ справедливо называетъ его поэтому Дистервегомъ прошлаго столѣтія. Гейнике говоритъ напр.: „Развѣ мужикъ сдѣлается бунтовщикомъ оттого только, что кромѣ солнца, луны, куръ и гусей узнаетъ еще кое-какіе предметы! Отнюдь!—Какой нибудь глупецъ развѣ дастъ одурачить себя и станетъ искать страны, гдѣ гуляютъ жареные гуси и гдѣ господа за него пашутъ и жнутъ, а потомъ и хлѣба для него нарѣжутъ; только такой развѣ, поддавшись крайнему обману, пойдетъ вслѣдъ за Ѳомою Мюнцеромъ, Бундшу и Пугачевымъ.—Если 20 милліоновъ человѣкъ въ странѣ благодаря умственному развитію достигнутъ также и тѣлеснаго, и вслѣдствіе этого необходимо сдѣлаются совершеннѣе и лучше, то каждый изъ этихъ цивилизованныхъ людей по самому умѣренному разсчету стóитъ на полталера въ годъ дороже всякаго неуча и развратнаго негодяя. А вѣдь это изъ года въ годъ составляетъ: 10 милліоновъ талеровъ звонкой монетою. Разсчетъ вполнѣ вѣренъ и ошибиться тутъ нельзя. А нравственность и религія, эти неминуемые спутники цивилизаціи, получились бы при этомъ какъ бы въ придачу, и надо конечно надѣяться, что въ въ странѣ водворится тогда и счастье и благодать, хотя надуватели народа все еще сомнѣваются въ этомъ."—Всего ожесточеннѣе Гейнике ратуетъ противъ священниковъ, мѣшающихъ подъему народной школы и учителей, а вмѣстѣ съ тѣмъ и народнаго образо-

ванія. Этотъ боецъ „перомъ и словомъ“ положилъ починъ борьбѣ народной школы противъ іерархіи,—борьбѣ, не прекратившейся еще донынѣ.

Впрочемъ послѣ Рохова и Гейнике исподоволь проникала новая жизнь въ народную школу во всемъ протенстантскомъ мірѣ. Преподаваніе въ ней приняло съ этихъ поръ національное направленіе. Что и обнаружилось какъ въ выборѣ предметовъ преподаванія, такъ и въ методѣ.

1) Къ прежнимъ *предметамъ преподаванія* въ народной школѣ присоединились новые: обученіе нѣмецкому языку какъ руководство правильно говорить и писать и умѣнье выражать свои мысли изустно и письменно; умственныя упражненія; умственное счисленіе; нѣкоторыя общеполезныя знанія изъ естествовѣдѣнья, землеописанія, физики и исторіи.

2) *Методъ.* Прежде знаніе и умѣнье усвоивались на память и механически, тогда какъ теперь стремятся образовательнымъ путемъ развитія довести ученика до уразумѣнія предметовъ.

а) Особенно ревностно занялись усовершенствованіемъ обученія чтенію. Въ 1700-мъ г., на сколько то извѣстно, основателемъ звукового метода выступилъ бывшій въ Лейпцигѣ приватдоцентомъ математики (а впослѣдствіи пасторомъ и наконецъ до самой смерти аукціонаторомъ въ Галле), I. Г. Зейдлеръ, обнародовавъ свою книгу: „Вновь улучшенная, усовершенствованная азбука или ключъ къ искусству чтенія, составленная по естественному порядку буквъ, такъ что въ ней приводятся слоги всѣхъ возможныхъ родовъ и каждый изъ нихъ помѣщенъ въ особомъ отдѣлѣ, благодаря чему всякій человѣкъ, какого бы то ни было возраста, зная лишь буквы, безъ посторонней помощи, и не прибѣгая къ утомительнымъ и скучнымъ складамъ самъ собою въ нѣсколько дней въ состояніи научиться бѣгло читать даже самыя трудныя вещи.“ (Галле, 2 тома). На одинаковыхъ началахъ съ Зейдлеромъ основано появившееся въ 1712-мъ г. у Вейсенфальскаго придворнаго типографщика I. X. Брюле „Возобновленное искусство чтенія или ясное и на извѣданномъ опытѣ основанное руководство, какъ безъ всякихъ обычныхъ, скучныхъ, утомительныхъ и не совершенныхъ складовъ обучать молодыхъ людей чтенію по нѣмецки.“ Венцки въ Берлинѣ въ своей въ 1721-мъ г. появившейся книгѣ: „Облегченное руководство къ чтенію, въ которомъ указано, какимъ образомъ легко и скоро научиться читать не выговаривая громко согласныхъ буквъ и безъ складовъ,“ съ такимъ большимъ успѣхомъ ратовалъ за звуковой методъ, что его потомъ и сочли настоящимъ основателемъ послѣдняго. Совѣтникъ въ главной кон-

систоріи Гекеръ рѣшительно отстаивалъ этотъ методъ: въ 1725-мъ г. онъ былъ введенъ въ Потсдамскомъ сиротскомъ домѣ и примѣнялся въ теченіе двѣнадцати лѣтъ съ такимъ успѣхомъ, что наиболѣе способныя дѣти въ два мѣсяца выучивались читать. Въ программѣ, по поводу вопроса: „необходимы ли склады для обученія чтенію“, въ 1750-мъ г. самъ Гекеръ представляетъ методъ Венцкаго такимъ образомъ: „ученье по немъ начинается самымъ легкимъ способомъ; отъ дѣтей не требуется ничего, къ чему они предварительно уже не подготовлены точными правилами. По этому методу заучиваютъ сперва пять гласныхъ буквъ а, е, и, о, у. Согласныя же, пока стоятъ однѣ, не сопровождаемыя ни одною изъ гласныхъ, произносятся беззвучно. Эти буквы называются согласными не потому, чтобы ихъ вовсе не было слышно въ выговорѣ, но потому что, выговаривая, имъ придаютъ лишь звукъ, какимъ они обладаютъ сами по себѣ и какой можетъ показать или произвесть даже нѣмой человѣкъ, приводя въ движеніе языкъ или губы. Для того чтобы произнесть настоящій звукъ согласной буквы, стоитъ только внятно выговорить слово, кончающееся тою буквою, какую хотятъ показать. Заучивъ отдѣльныя буквы, что можетъ быть окончено въ нѣсколько уроковъ, переходятъ постепенно далѣе: ставятъ простыя гласныя буквы то впереди, то послѣ согласныхъ и заставляютъ дѣтей выговаривать ихъ въ связи. Мало по малу составляютъ болѣе сложные слоги изъ нѣсколькихъ буквъ и т. д.“ Въ 1772-мъ г. Ф. Г. Гофманъ и Ланге также предложили звуковой методъ. О заслугахъ Гейнике по части введенія звукового метода было уже упомянуто.

Въ 1773-мъ г. основатель Базедовскаго учебнаго заведенія въ Фехельдѣ близъ Брауншвейга пользовался „читальною машиною,“ которую лейпцигскіе учителя Платонъ (1796) и Дольцъ (1801), а до нихъ еще Шплиттегарбъ ревностно поддерживали и ввели почти во всеобщее употребленіе. „Читальная машина — такъ описываетъ Дальцъ снарядъ, находившійся въ безплатной школѣ Лейпцигской ратуши — не что иное какъ четыреугольная доска, ради глазъ окрашенная лучше всего въ зеленый цвѣтъ. Вдоль по доскѣ проведены четыре или пять реекъ на разстояніи 6—8 дюймовъ одна отъ другой, для того чтобы вставлять между ними буквы или цифры. Внизу къ доскѣ во всю ея длину придѣланъ ящикъ съ разными отдѣленіями, въ которыхъ сохраняются буквы, цифры и разные знаки, въ азбучномъ порядкѣ, чтобы облегчить отыскиванье буквъ. Для того чтобы запирать ихъ, ящикъ снабжается крышкою на шальнерахъ. Употребляемыя въ читальной машинѣ буквы должны быть довольно крупны, отпечатаны четко и хорошими черными чернилами на писчей бумагѣ — отъ 2 до 3

дюймовъ длиною. Каждая изъ буквъ наклеивается на дощечку равную шириною ихъ величинѣ, но только съ небольшимъ запасомъ въ вышину и толщину, такъ чтобы она приходилась какъ разъ между рейками на доскѣ. Тутъ обученіе буквамъ, складамъ и чтенію можно соединить вмѣстѣ. Базедовъ въ своемъ „новомъ способѣ обученія чтенію“ (Лейпцигъ 1787), совѣтовалъ въ видѣ подготовки прибѣгать къ упражненію въ языкѣ и къ произнесенію складовъ изустно прежде всякаго знанія буквъ и прежде чтенія по складамъ. Вольфе въ своемъ „руководствѣ, какъ дѣтей и нѣмыхъ безъ потери времени и естественнымъ образомъ довести до пониманія, до умѣнья говорить, читать и писать“ (Лейпцигъ 1804), хотя преимущественно, но не исключительно имѣлъ въ виду обученіе нѣмыхъ, во многихъ отношеніяхъ уже сходился съ позднѣйшими педагогами, напр. Оливье и Стефани. Кромѣ того прибѣгали еще къ разнымъ другимъ средствамъ, чтобы облегчить обученіе чтенію. Базедовъ предлагалъ выводить одну букву изъ другой и пользоваться печеными буквами. „Что въ самомъ дѣлѣ можетъ стоить такое печенье? Весьма немного. Вѣдь дѣтямъ все равно нужно же завтракать. Пускай испекутъ буквы немного повкуснѣе обыкновеннаго завтрака, хотя бы и изъ обыкновеннаго хлѣбнаго тѣста. Мы испытали на дѣлѣ: болѣе четырехъ недѣль ребенку не придется ѣсть эти буквы.“—Гедике прибѣгъ къ новому средству учить чтенію. Въ своей въ 1791-мъ г. появившейся „Дѣтской книжкѣ для первоначальнаго упражненія въ чтеніи безъ азбуки и складовъ“, онъ говоритъ, что человѣческій умъ въ естественномъ ходѣ своего развитія переходитъ отъ цѣлаго къ частямъ, отъ послѣдствій къ причинамъ. До сихъ поръ пріучали дѣтей разбирать слова при посредствѣ буквъ: онъ же хочетъ научить ихъ буквамъ при посредствѣ словъ и одновременно съ ними. Въ его Дѣтской книжкѣ для каждой буквы отведена особая страница, на которой та играетъ какъ бы главную роль. Она наверху страницы отпечатана особнякомъ въ четырехъ видахъ, два раза красными и два раза черными чернилами. На первой строкѣ всѣ слова, содержащія въ себѣ ту букву, сплошь красныя; потомъ слѣдуютъ строки, гдѣ въ каждомъ изъ словъ одна главная буква красная, а затѣмъ такія, гдѣ она одна только черная. Сперва она составляетъ первую букву въ словѣ, потомъ стоитъ также и въ серединѣ; на послѣдней строкѣ каждой страницы повторяются тѣ же слова, что были на первой, но только въ другомъ порядкѣ и всѣ сплошь черныя.—Болѣе продолжительнымъ вліяніемъ нежели этотъ способъ Гедике пользовался методъ обученія чтенію Оливье, (учителя въ Дессау въ 1780-мъ г.), изложенный въ его сочиненіи „Орѳо-эпо-графи-

ческое элементарное руководство или книга о примѣнимомъ въ каждомъ языкѣ искусствѣ правильно говорить, читать и писать" (1804), гдѣ онъ пытался развить звуковой методъ какъ вполнѣ естественный и основательный способъ обученія. Оливье какъ впослѣдствіи и Стефани, исходитъ отъ того главнаго правила, что умѣнье читать сводится къ знанію свойственнаго каждой буквѣ звука какъ къ его основанію. Онъ заставляетъ начинающихъ учениковъ повторять короткія легкія фразы, произнося ихъ правильнымъ естественнымъ образомъ; потомъ разбивать эти фразы по такту на слова, а слова на слоги, затѣмъ выводить въ органѣ всѣ элементарные звуки языка, но отнюдь не посредствомъ обученія, какъ дѣйствовать каждымъ изъ органовъ для произнесенія каждаго изъ звуковъ, а напротивъ, посредствомъ правильнаго и продолжительнаго упражненія въ ясномъ произношеніи съ голоса и въ отчетливомъ расчлененіи подобранныхъ съ такою цѣлью словъ, въ которыхъ всѣ элементарные звуки языка весьма явственно выдѣляются какъ самостоятельныя, отдѣльныя составныя ихъ части и наконецъ легко могутъ быть отличены и усвоены. Этотъ методъ состоитъ болѣе въ упражненіи, нежели въ умозрѣніи. Впослѣдствіи Стефани заставляетъ произносить вполнѣ внятно звукъ каждой буквы, не приставляя къ ней никакого вспомогательнаго звука, и доводитъ путемъ простой постепенности упражненій до умѣнья явственно выговаривать эти звуки въ слогахъ, словахъ и фразахъ, т. е. читать съ элементарною отчетливостью. Его цѣль скоро и благонадежно обучить чтенію, такъ чтобы ученика по возможности скорѣе снабдить средствомъ съ успѣхомъ пользоваться учебными пособіями для своего развитія. Онъ начинаетъ съ произнесенія отдѣльныхъ звуковъ въ видѣ „губныхъ" „зубныхъ," „язычныхъ," „подnебныхъ" и „гортанныхъ," основываясь на сообщаемыхъ ученику указаніяхъ касательно положенія ȯргановъ рѣчи. Кругъ (директоръ мѣщанской школы въ Циттау) въ своемъ „подробномъ наставленіи, какъ обучать правильному выговору, чтенію и письму на верхне-нѣмецкомъ нарѣчіи". (Лейпцигъ, 1808) исходитъ отъ слѣдующаго основного правила: „Умѣнье говорить и читать слѣдуетъ развить и упрочить посредствомъ яснаго сознанія всего, что приходится исполнять для этого при помощи приспособленія отдѣльныхъ ȯргановъ рѣчи. Благодаря точно изображаемымъ положеніямъ рта дитя доводится до основныхъ опредѣленій и до побочныхъ тоновъ, потомъ оно переходитъ къ внятному произношенію и такъ все далѣе постепенно къ сложнымъ операціямъ. Все, даже механическое умѣнье въ дѣтяхъ должно быть дѣломъ умозрѣнія и предстать передъ нимъ въ формѣ понятія."

Эти методы чтенія, какъ у Оливье, такъ и у другихъ, въ стремленіи своемъ къ „естественности,“ къ „образованію ума“ запутались въ умозрѣніяхъ. Мечты восторженныхъ изобрѣтателей на опытѣ оказались черезъ-чуръ высокопарными, и на ихъ глубокомысленные методы большею частью не находилось „мастеровъ.“ Однако основательность метода Оливье—говоритъ Кельхеръ—его требованіе умственной дисциплины и воспитательнаго момента въ преподаваніи, его приспособленіе къ внутреннему развитію дитяти, связь между всѣми частями учебныхъ занятій, послѣдовательность въ постепенномъ ходѣ упражненій, приготовительное имъ предпосылаемое обученіе, употребленіе языка въ видѣ образовательнаго средства, надлежащая оцѣнка матерьяла, средство и способъ устнаго изображенія послѣдняго и пр.— все это заслуживаетъ особеннаго вниманія.

Методъ Венцкаго въ теченіе 12 лѣтъ употреблялся въ большомъ Сиротскомъ домѣ въ Потсдамѣ съ такимъ успѣхомъ, что способныя дѣти въ 2 мѣсяца выучивались читать. Гекеръ разсказываетъ, что въ 1750-мъ г. два мавра въ Берлинѣ, едва говорившіе понѣмецки и вовсе не умѣвшіе ни читать, ни складывать, въ февралѣ и мартѣ въ 50 уроковъ дошли до того, что въ состояніи были прочесть вслухъ цѣлыя статьи изъ газеты. Дочь Гедике по методу отца своего выучилась читать въ 2 мѣсяца. Стефани достигъ той же цѣли съ своею 5-тилѣтнею дочерью въ 6 недѣль, обучая ее по получасу въ день, а съ 15 учениками первой школы, гдѣ былъ введенъ его способъ, въ 3 мѣсяца.— Быстрота успѣховъ зависитъ конечно не отъ одного только метода, но главнѣйше отъ рвенія и искусства учителя, отъ памяти, живости ума и сообразительности у дѣтей.

b) Въ урокахъ чистописанія въ началѣ 18-го столѣтія просто прописывались въ излинованной тетради безъ всякой иной подготовки отдѣльныя буквы обыкновенной величины и въ алфавитномъ порядкѣ, а ученикъ копировалъ ихъ, какъ хотѣлъ и умѣлъ. Окончивъ азбуку, повторяли ее снова, приписывая „м“ къ каждой изъ буквъ, потомъ переходили къ прописнымъ буквамъ, къ цѣлымъ словамъ и наконецъ къ прописямъ, которыя ученики иногда сами выбирали себѣ изъ назначеннаго для того ящика. Когда новичекъ, затруднялся, то учитель водилъ его рукою при выдѣлкѣ буквъ; иногда прописывали буквы карандашемъ, съ тѣмъ чтобы ученикъ обводилъ ихъ чернилами.—А потому рѣшительнымъ шагомъ къ улучшенію было уже то, когда начали прописывать буквы въ большомъ размѣрѣ; такъ чтобы ученику виднѣе было, на что слѣдуетъ обратить вниманіе при тщательной копировкѣ. Притомъ начинали съ простѣйшихъ и основныхъ буквъ, а остальныя размѣщали по разрядамъ съ верхними и нижними приставками. Сверхъ

того, занимались еще канцелярскимъ фрактурнымъ шрифтамъ, прописными начальными буквами и завитками.—Наконецъ перестали прописывать въ отдѣльныхъ тетрадяхъ, а взамѣнъ того чертили на доскѣ общую пропись, причемъ дѣтей знакомили съ отличительными признаками буквъ и съ способомъ соединенія ихъ отдѣльныхъ составныхъ частей.

Самуэль Гейнике также и въ этой области проложилъ путь. Въ своемъ „Руководствѣ легкимъ образомъ учить и обучаться письму", 1783 онъ говорилъ: „Новички должны начинать съ наиболѣе легкихъ, образующихся другъ изъ друга и сходныхъ между собою буквъ. Напр. і, и, е, н, п, т, л, м,—д, б, ф,—о, а, г, у, а наконецъ перейти къ остальнымъ. Когда дѣти научились писать малыя буквы, то пусть приставляютъ къ каждой изъ нихъ „м": окончивъ это, они приступаютъ также къ прописнымъ буквамъ, притомъ сперва къ основнымъ чертамъ ихъ и въ томъ порядкѣ, какъ онѣ образуются одна изъ другой и въ чемъ сходны между собою. Съ латинскими буквами поступать такимъ же образомъ."

c) Обученіе счету почти до конца восемнадцатаго столѣтія производилось вездѣ только письменно и совершенно механически. Далѣе четырехъ правилъ (въ городскихъ школахъ до тройнаго правила) упражненія не шли. „Сокровищница купеческаго счета" Валентина Гейнсена была также сокровищницею учителя въ урокахъ ариѳметики. Лишь со времени Базедова и Рохова введены умственныя исчисленія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и задачи изъ обыденной жизни. Но умственное исчисленіе долго еще отличалось отъ письменнаго только тѣмъ, что тѣ же самыя дѣйствія совершались тѣмъ же затруднительнымъ образомъ и въ умѣ.

d) Преподаваніе закона Божія подчинено было тому же основному правилу, что дѣти должны понимать все, чему учатся. Вслѣдствіе того къ этому уроку и приступаютъ только тогда, когда путемъ умственныхъ упражненій дѣти сдѣлались способными къ нѣкоторому размышленію и сужденію о чувственныхъ предметахъ. Первоначальное религіозное знаніе достигается созерцаніемъ природы; отсюда переходятъ къ библіи и къ Іисусу. Религіозныя ученія слѣдуетъ излагать просто, ясно, удобопонятно, но съ достоинствомъ, и смотрѣть на нихъ, какъ на дѣло ума и сердца. Необходимо постоянно пробуждать благіе помыслы и руководить къ добродѣтельному образу жизни.

e) Пѣніе по слуху составляетъ, какъ и прежде одинъ изъ главныхъ предметовъ обученія. Помимо хоральнаго пѣнія все болѣе входятъ въ употребленіе свѣтскія пѣсни.

Общеполезныя знанія сообщаются дѣтямъ частью посредствомъ книги для чтенія, частью при наглядномъ обученіи и умственномъ упражненіи. Наглядное обученіе

начинается съ названія чувственныхъ предметовъ, ихъ признаковъ и свойствъ, ихъ пользы и употребленія. Умственныя упражненія заключаются въ распознаваніи и сравненіи предметовъ, въ объясненіи понятій изъ психологіи, въ поясненіи общихъ понятій, какъ-то причины и слѣдствія, цѣли и средства и т. п. Для нѣмецкаго языка требуется чтеніе съ толкомъ и выраженіемъ, упражненія въ правописаніи, въ письменномъ изложеніи мыслей и пр.

Дисциплина школьная была уже въ сущности не нравственнымъ навыкомъ, но имѣла въ виду предупрежденіе и наказаніе погрѣшностей и проступковъ: она преобразилась въ школьную полицію.—Притомъ отношеніе дисциплины къ преподаванію значительно измѣнилось. Прежде она была главнымъ, а обученіе побочнымъ дѣломъ и какъ преподаваніе, такъ и воспитаніе находились по крайней мѣрѣ на одинаковой ступени; тогда какъ теперь напротивъ, дисциплина подчиняется обученію. Разумѣніе стало главною цѣлью школы; воспитаніе сдѣлалось школьною дисциплиною.—

Дѣйствительность не отвѣчала еще тому идеалу, какой составили себѣ о народной школѣ. Резевицъ въ своихъ „Мысляхъ, предложеніяхъ и желаніяхъ касательно улучшенія общественнаго преподаванія" разсказываетъ: „Улучшенныхъ школъ для сельскаго люда я мало вижу вокругъ себя. На свѣтѣ одинъ только Роховъ, посвятившій себя съ горячимъ и настойчивымъ рвеніемъ образованію этого большинства человѣчества: но не смотря на возбужденное имъ вниманіе, несмотря на оказанное имъ повсюду вліяніе на идеи и попытки для улучшенія системы народныхъ школъ, не смотря на все хорошее, что имъ подготовлено; на доставленную и указанную имъ истинную пользу: до сихъ поръ все это было только удачною попыткою и дѣйствіемъ одного благомыслящаго частнаго человѣка, по мѣрѣ того, какъ онъ вліялъ на другихъ частныхъ людей, на патроновъ, священниковъ, учителей и пр. Если до сихъ поръ какая нибудь сельская школа находилась въ хорошемъ состояніи, если она нѣкоторымъ образомъ достигала разумной цѣли, то это всегда было дѣломъ ревностнаго и умнаго пастора или благомыслящаго патрона. Но, сколько мнѣ извѣстно, въ Германіи нигдѣ не приняты еще повсемѣстныя и цѣлесообразныя мѣры, съ тѣмъ чтобы сельскій людъ, который въ настоящее время болѣе чѣмъ когда либо можетъ и долженъ содѣйствовать всеобщему благу, сдѣлать путемъ воспитанія и преподаванія разсудительнѣе, умнѣе и трудолюбивѣе, чѣмъ онъ былъ до сихъ поръ. Сельскими школами завѣдуютъ въ качествѣ учителей большею частью все еще неспособные и тупоумные люди: иначе оно и быть не можетъ, пока съ этимъ званіемъ не будетъ связанъ честно добытый хлѣбъ и достатокъ: пока пастухъ обезпеченъ луч-

шимъ содержанiемъ, нежели воспитатель дѣтей. Надзоръ за школами поручается нерадивымъ и невѣжественнымъ пасторамъ, и если кому изъ нихъ и вздумается вести дѣло добросовѣстно, то ему рѣдко удастся найдти надлежащую и сильную поддержку. Низшiя вѣдомства рѣдко помышляютъ о томъ, что ихъ мужики такiе же люди." — И въ самомъ дѣлѣ. Учителя большею частью занимались еще побочнымъ промысломъ, составлявшимъ для нихъ главную доходную статью: они были портные, ткачи, башмачники, сельскiе писаря, старосты и т. п. Почти вездѣ различали три класса шульмейстеровъ: 1) настоящiй учитель, получавшiй опредѣленный окладъ; 2) помощники, странствовавшiе кое-какъ перебиваясь, изъ края въ край, съ тѣмъ чтобы поступить въ наемъ къ какому нибудь учителю; 3) содержатели школъ, т. е. мужики, поденьщики и ремесленники, снискивавшiе свое пропитанiе только тѣмъ, что на зиму нанимались въ качествѣ зимнихъ шульмейстеровъ въ общину, не имѣвшую учителя, а на лѣто шли въ сельскiе пастухи, въ батраки къ крестьянамъ и т. п. — До второй половины 18-го столѣтiя вовсе еще не было общественныхъ заведенiй для подготовки будущихъ учителей народныхъ школъ.

Притомъ въ исходѣ восемнадцатаго столѣтiя въ странѣ прогресса, въ Пруссiи, заодно съ попятнымъ шагомъ въ области религiи, наступило такое же попятное движенiе и и на поприщѣ воспитанiя. Всилу обнародованнаго въ 1794-мъ году „Руководства для учителей въ сельскихъ и низшихъ городскихъ училищахъ къ цѣлесообразному обученiю поручаемой имъ молодежи," сдѣлались обязательными также для народной школы главныя правила утвержденныя 9-го iюля 1788-го г. Велнеровскимъ религiознымъ уставомъ. Вслѣдствiе этого повелѣно: „дѣтей надлежитъ обучать складамъ сперва по азбукѣ, потомъ по библiи, катехизису, молитвеннику и пр." Помимо преподаванiя религiи, состоящаго „въ достаточномъ изученiи краткаго катехизиса Лютера, который дѣти обязаны затвердить наизусть, въ надлежащемъ знакомствѣ съ библiей, такъ чтобы они были въ состоянiи привести на память главныя мѣста для поясненiя и доказательства основныхъ истинъ и въ запасѣ заученныхъ наизусть благочестивыхъ пѣсенъ," воспитанники должны были усвоить себѣ лишь „умѣнье читать правильно и внятно, писать довольно четко и орѳографически и нѣкоторое искусство вести самые простые необходимые для домашняго обихода счеты." Въ 1799-мъ г. Прусская главная консисторiя предложила въ нѣкоторыхъ королевскихъ деревняхъ со временемъ вовсе отмѣнить должность содержателя школы, а при назначенiи новаго пастора сдѣлать его вмѣстѣ съ тѣмъ и насто-

ящимъ учителемъ, прибавивъ ему за это окладъ, выдаваемый доселѣ содержателю училища.

Узаконенный въ 1803-мъ г. для всѣхъ прусскихъ владѣній земскій уставъ отъ 1796-го г. предписывалъ, чтобы всѣ дѣти вообще посѣщали школу до тѣхъ поръ, пока по свидѣтельству духовника не пріобрѣли необходимыхъ въ ихъ сословіи для каждаго разумнаго человѣка познаній. Ч. II. гл. XII. § 11: „Дѣти, имѣющія воспитаться по законамъ государства не въ той религіи, какая преподается въ общественной школѣ, не должны быть понуждаемы къ посѣщенію въ ней уроковъ закона Божія.“

Школа — такъ понимали теперь сущность ея — должна имѣть единственною цѣлью образовать будущаго солдата, ремесленника и крестьянина, какъ человѣка, какъ подданнаго, способнаго для своего призванія, и въ послѣднемъ отношеніи сдѣлать его по возможности полезнымъ и довольнымъ самимъ собою и своимъ положеніемъ. Въ прусскомъ циркулярномъ отношеніи отъ 1799-го г. значится: „Истиннымъ образованіемъ, насколько потребно оно, какъ для личнаго его, такъ и для общаго блага, обладаетъ безспорно тотъ, кто на предназначеньомъ ему судьбою поприщѣ въ точности знаетъ свои отношенія и обязанности и способенъ удовлетворить имъ. Этою цѣлью и должно бы ограничиться преподаваніе во всѣхъ школахъ “Но никакая королевская воля не всилахъ задержать поступательнаго движенія исторіи, и вопреки даже реакціи изъ періода абстрактно-человѣчнаго воспитанія сохранились на всѣ будущія времена основныя правила его: 1) Преподаваніе восходитъ отъ легчайшаго къ труднѣйшему. 2) Учитель имѣетъ снизойти къ представленіямъ дѣтей и не судить о нихъ по своимъ понятіямъ. 3) Дѣтей отнюдь не обременять заразъ многими предметами; во время урока всѣ дѣти должны быть заняты въ мѣру. 4) Способъ обученія долженъ быть таковъ, чтобы упражнялись и развивались не одна какая-нибудь способность, но всѣ душевныя силы.

Въ этотъ же періодъ сдѣланъ первый починъ къ пріуроченью *школы къ государственнымъ учрежденіямъ*. Базедовъ предлагалъ нравственный педагогическій совѣтъ, который занялся бы нравственностью и совѣтовалъ бы въ этомъ отношеніи приступать къ необходимымъ измѣненіямъ законовъ. Онъ долженъ состоять подъ непосредственнымъ вѣдѣньемъ государя: „Вы согласны со мною, что система школъ и обученія одно изъ самыхъ полезныхъ и надежныхъ орудій для содѣйствія и поддержанія блага въ цѣломъ государствѣ,—что слѣдовательно постоянный надзоръ за употребленіемъ этого орудія должно быть непосредственнымъ дѣломъ такой патріотической коллегіи, отъ которой

государь получалъ бы такіе же отчеты, какъ относительно финансовыхъ дѣлъ, военной системы и судейскихъ приговоровъ касательно чести и имуществъ." Траппъ по этому поводу заявляетъ, что никто такъ не заинтересованъ въ школѣ, какъ само государство: „Все вредное въ ней наноситъ вредъ государству; всѣ силы, пропадающія въ школѣ, или не достигающія возможной для нихъ степени крѣпости, или не получающія надлежащаго направленія, причиняютъ величайшій ущербъ государству. Только хорошимъ воспитаніемъ можно предотвратить наклонности и поводы къ злу; но помимо стоящаго у кормила правленія никто не въ состояніи ввести хорошее воспитаніе." Такой взглядъ въ первый разъ былъ высказанъ въ докладѣ главной консисторіи въ Берлинѣ отъ 18-го іюля 1799-го г., въ которомъ заявляютъ о необходимости „преодолѣть слишкомъ распространенное предубѣжденіе, будто школы прежде всего составляютъ и должны составлять дѣло особыхъ религіозныхъ партій," потому, что школы неоспоримо должны считаться учрежденіями государства, а не заведеніями отдѣльныхъ вѣроисповѣданій," почему и желательно, чтобы преподаваніе закона Божія ограничивалось въ школахъ лишь всеобщими истинами религіи и свойственнымъ вообще всѣмъ церковнымъ партіямъ нравоученіемъ, тогда какъ преподаваніе частнаго вѣроисповѣданія предоставляется одному только пастору при подготовкѣ катехуменовъ.

Чѣмъ болѣе школа выдѣлялась въ самостоятельную организацію въ государствѣ, и чѣмъ болѣе совершенствовалось преподаваніе, особенно относительно метода, тѣмъ сильнѣе чувствовалась потребность въ особенномъ образованіи учителей. Знатнѣйшіе педагоги начали уже заявлять объ этой потребности. Базедовъ и Траппъ энергически высказались въ пользу учрежденія *учительскихъ семинарій.* Роховъ (1779) сказалъ: „Первое, что по моему благому мнѣнію слѣдовало бы дѣлать правителю, ревностно стремящемуся къ одной и той же цѣли съ Іисусомъ Христомъ, было бы основать особую цѣлесообразную учительскую семинарію для народныхъ учителей; и вопервыхъ велѣть приготовить на этотъ конецъ одно или нѣсколько изъ многихъ впустѣ стоящихъ зданій. Потомъ да изберетъ онъ честнаго и умнаго друга человѣчества и пусть назначитъ его инспекторомъ и единственнымъ учителемъ въ этой семинаріи, обезпечивъ его содержаніе окладомъ, равнымъ по крайней мѣрѣ жалованью хорошаго опернаго пѣвца. Пусть онъ вполнѣ предоставитъ инспектору избрать себѣ изъ всѣхъ школъ на первыхъ порахъ хоть двѣнадцать способныхъ и усердныхъ учениковъ, и подчинить ихъ своему постоянному надзору, потомъ, когда они по свидѣтельству

послѣдняго окажутся способными и разсудительными людьми, т. е. такими, которые въ состояніи обсудить все необходимое, то пусть размѣститъ ихъ сперва въ одномъ округѣ. Потому что если лучшихъ учителей разсѣять по разнымъ провинціямъ, то они вездѣ будутъ гласомъ вопіющимъ въ пустынѣ и имъ всегда предстоитъ бороться съ завистью, недоброжелательствомъ, предубѣжденіемъ и гнетомъ отъ приверженцевъ старины, а еще болѣе съ своею собственною лѣнью, не подстрекаемою никакимъ соревнованіемъ. Въ этой семинаріи слѣдовало бы молодого народнаго учителя наставлять въ правильномъ мышленіи вообще, а потомъ въ правильномъ и цѣлесообразномъ преподаваніи въ особенности. Чтобы будущимъ народнымъ учителямъ передать такое преподаваніе, я не знаю болѣе цѣлесообразнаго средства для возможно плодотворнаго и полнаго достиженія этой цѣли, какъ философское и съ помощью практическихъ примѣровъ наглядно изложенное языкознаніе, а именно изученіе родного языка. Вѣдь въ немъ то и придется жить будущимъ учителямъ. Но вслѣдствіе устройства существующихъ доселѣ школъ именно это и составляетъ обыкновенно самую слабую сторону учителей. А между тѣмъ успѣхъ ихъ будущей должности зависитъ большею частью отъ того, на сколько они владѣютъ языкомъ и въ состояніи ли они разсудительно и ясно выражаться. Степень народнаго просвѣщенія, какъ поучаетъ насъ исторія, всегда обнаруживается въ языкѣ. А просвѣщеніе, цивилизація, развитіе—всеобщія цѣли обученія; онѣ подобаютъ рѣшительно всѣмъ человѣческимъ званіямъ, если устранить изъ нихъ все условное.“ „Учитель долженъ быть такъ подготовленъ, чтобы онъ былъ въ состояніи передать „надлежащее руководство для употребленія всѣхъ душевныхъ способностей“ — чтобы онъ могъ научить своихъ учениковъ правильно воспринимать, правильно говорить и писать на родномъ языкѣ, разбирать и исчислять воспринятое по порядку и по отношенію къ пользѣ и цѣли.“ „Безъ разсудка никакое дѣло не можетъ вестись удачно; безъ разсудка не можетъ быть религіознаго Богу угоднаго образа мыслей, потому-то исправленіе религіозныхъ понятій и должно принести много пользы, такъ какъ по исторіи извѣстно, что искаженныя понятія о религіи нанесли много вреда. Сдѣлать разсудительнымъ, способствовать развитію ума, просвѣтить, облагородить, сдѣлать общимъ достояніемъ мудрость, настоящее знаніе, чувство правды и любовь къ истинѣ—вотъ цѣль народной школы.“ — И прежде уже дѣлались вразбросъ единичныя попытки относительно особаго образованія учителей. Въ Брауншвейгскомъ сиротскомъ домѣ въ 1679 г., какъ кажется, существовало уже учреж-

деніе для подготовки преподавателей. Въ 1687-мъ г. въ Веселѣ находилось заведеніе подъ именемъ Contubernium съ цѣлью образовать школьныхъ учителей реформатскаго вѣроисповѣданія. Въ Готѣ при герцогѣ Эрнстѣ Благочестивомъ (1601—1675) педагогическія условія находились уже въ существенно улучшенномъ видѣ. Послѣ многихъ достохвальныхъ преобразовательныхъ попытокъ этотъ государь пришелъ къ тому убѣжденію, что успѣхи школъ зависятъ отъ степени образованности учителей. Въ своемъ завѣщаніи онъ предписалъ, чтобы позаботились объ основаніи учебнаго заведенія для преподавателей. Но сынъ и преемникъ его, Фридрихъ I, къ несчастію не исполнилъ сказаннаго въ завѣщаніи касательно образованія учителей—оттого что у него не хватило „презрѣннаго металла", этого нерва всѣхъ дѣлъ, какъ выражается Шуппій. Милый князь не былъ одержимъ добродѣтелью бережливости и черезъ-чуръ много тратилъ на содержаніе своего конька, на войско. Благородное искусство приготовлять золото, которому онъ предался, оказалось негоднымъ для пріобрѣтенія достаточныхъ сокровищъ, такъ какъ его „тинктура" не доставляла желаемаго. Преемникъ его, Фридрихъ II, сперва пошелъ по слѣдамъ своего отца, но потомъ изумилъ всѣхъ благотворнымъ поворотомъ, постигнувъ наконецъ, „что сила правительства заключается не въ могуществѣ арміи, а въ любви и образованіи народа." Онъ построилъ много церквей и основалъ такъ называемыя „схоластическія семинаріи" (Seminaria scholastica), заведенія для образованія преподавателей; онѣ въ своемъ родѣ были первыми и единственными въ Германіи и могутъ считаться предтечами нѣмецкихъ учительскихъ семинарій. Фридрихъ „выбралъ въ княжествѣ десять руководителей (moderatores)" изъ педагоговъ и поручилъ способнѣйшимъ по его мнѣнію людямъ приготовить кандидатовъ на учительскую должность къ ихъ будущимъ занятіямъ. Ученики собирались вокругъ своего наставника, онъ давалъ имъ уроки закона Божія, сообщалъ практическія наставленія касательно преподаванія, записыванья проповѣдей, чистописанія, ороографіи и ариѳметики. По середамъ послѣ обѣда разрѣшалось устроивать „музыкальную коллегію," но такъ, „чтобы это обходилось безъ пьянства и иныхъ буйствъ и чтобы все совершалось по христіански."—Эти десять, руководимыхъ практическими наставниками, учительскихъ семинарій были для того времени чрезвычайнымъ успѣхомъ, но къ несчастью онѣ скоро распались, оттого вопервыхъ, что семинаристамъ не хотѣлось жить у своего начальника и наставника; вовторыхъ, оттого что ихъ не понуждали принимать правильное и исключительное участіе въ инструкціяхъ этого наставника; втретьихъ оттого, что директоръ семинаріи отъ каждаго изъ сво-

ихъ воспитанниковъ сверхъ пенныхъ денегъ получалъ цѣлыхъ четыре гульдена „для своего удовольствія.“ Это и было главною язвою: все дѣло рушилось отъ недостатка денегъ. Лишь Эрнстъ II (1772—1804) „Мудрый“ внесъ новую жизнь въ герцогство. Онъ пытался упрочить счастіе народа путемъ образованія его. Готскія народныя школы вторично возвысились до образцовыхъ заведеній для другихъ странъ. Пробудившійся въ его время педагогическій духъ охватилъ владѣтеля, и онъ всячески споспѣшествовалъ филантропизму. Онъ помогъ Зальцману основать Шнепфенталь и устроилъ въ 1780-мъ г. учительскую семинарію въ Готѣ. Гаупъ, знатнѣйшій изъ готскихъ филантропистовъ былъ главнымъ наставникомъ въ этомъ заведеніи.—Франке устроилъ особыя заведенія для подготовки своихъ учителей. Въ 1701-мъ г. къ сиротскому дому въ Кенигсбергѣ, а въ 1732-мъ и 1735-мъ къ сиротскому дому въ старомъ Штеттинѣ присоединены были учрежденія для образованія преподавателей. Въ 1736-мъ г. образовались учителя въ школѣ въ Клостеръ-Бергенѣ близъ Магдебурга. „Милостиво предписываемъ вамъ—сказано въ 1736-мъ г. въ рескриптѣ короля Фридриха Вильгельма настоятелю въ Клостеръ-Бергенѣ,—со всею ревностью печься о постоянномъ содержаніи семинарій для молодыхъ людей, изъ коихъ выходили бы способные шульмейстеры и кистеры. Эти лица должны быть вполнѣ свѣдущи въ чтеніи, письмѣ и счетѣ, по крайней мѣрѣ что касается 5-ти правилъ, но пуще всего они должны быть въ состояніи сообщить юношеству первыя начала христіанства.“—Но настоящее возникновеніе семинарій относится собственно ко второй половинѣ восемнадцатаго столѣтія. Оказавшій значительныя услуги берлинскимъ школамъ совѣтникъ консисторіи Іоаннъ Юлій Гекеръ, ученикъ Франка, въ 1748-мъ г. соединилъ съ своимъ реальнымъ училищемъ частное учебное заведеніе для учителей, прежде всего для приходскихъ школъ церкви Святыя Троицы въ Берлинѣ и для низшихъ классовъ реальнаго училища. Фридрихъ II въ 1750-мъ г. издалъ постановленіе, чтобы въ 8—10 миляхъ вокругъ Берлина мѣста кистеровъ и учителей занимались „личностями изъ реальнаго училища, свѣдущими въ шелководствѣ“. Вскорѣ семинарія, благодаря также правительственнымъ пособіямъ, добилась достаточныхъ внѣшнихъ средствъ, а въ 1753-мъ году она была возведена въ „Курмаркскую кистерскую и учительскую семинарію.“

Воспитанниками въ семинаріи были большею частью ремесленники, имѣвшіе въ виду обучаться лишь настолько, чтобы заняться „содержаніемъ школы“ какъ побочнымъ промысломъ, потому что вслѣдствіе скуднаго оклада большей части учительскихъ мѣстъ въ Курмаркѣ никому и

въ голову не приходило посвятить себя исключительно учительскому званію; притомъ же въ государственныхъ постановленіяхъ прежнихъ временъ постоянно упоминалось, что содержатель сельской школы отнюдь не долженъ разсчитывать для своего пропитанія на доходъ по своей должности, но что онъ сверхъ того обязанъ заработывать еще на сторонѣ. Преподаваніе обнимало все, чему тогда вообще обучали въ школахъ, также исторію, географію и статистику—сверхъ того краткую методику и методологію, а въ видѣ особаго урока еще христіанскій, разумный и нравственный образъ жизни, причемъ семинаристовъ, между прочимъ, поучали, „какъ они могутъ зарекомендовать себя чистотою и порядкомъ въ хозяйствѣ, услужливымъ и ласковымъ обращеніемъ со всѣми, пристойною осанкою, непринужденною вѣжливостью и почтительными поклонами какъ высокимъ, такъ и низкимъ личностямъ". До назначенія особаго учителя (Циммермана), всѣ семинаристы обучались вмѣстѣ въ одномъ классѣ: но даже по раздѣленіи ихъ на „высшій и низшій классы" не могло быть еще рѣчи о правильномъ устройствѣ преподаванія. Какъ продолжительность срока образованія, такъ и число семинаристовъ были неопредѣленны. Пріемъ производился смотря по обстоятельствамъ, выпускъ по потребности. курсъ не имѣлъ ни опредѣленнаго начала, ни конца, а потому и самые успѣхи были скудны. Отто *Шульцъ*, по случайно доставшейся ему тетради съ писанными на экзаменѣ сочиненіями семинаристовъ, заявляетъ, что многіе изъ нихъ не утвердились еще ни въ правописаніи, ни въ способѣ изложенія. Практическія занятія семинаристовъ подавали еще менѣе надежды, потому что только четверо домашнихъ семинаристовъ въ качествѣ помощниковъ въ реальномъ училищѣ имѣли случай упражняться въ преподаваніи, всѣ остальные ограничивались практическими наставленіями, при чемъ имъ предлагалось руководство къ обученію чтенію, сверхъ того они прислушивались къ катехизаціи старшаго учителя, а иногда и сами производили ее. Баронъ Зедлицъ, извѣстный министръ просвѣщенія при Фридрихѣ Великомъ, оказавшій незабвенныя услуги учебной, высшей и низшей, системѣ не только въ Пруссіи, но посредственно и въ Германіи вообще—онъ истинный виновникъ подчиненія школы главному правительственному надзору—вовсе не былъ доволенъ успѣхами этой семинаріи. Онъ писалъ объ этомъ канонику Рохову: „Недавно я велѣлъ ревизовать здѣшнюю учительскую семинарію при реальной школѣ, и меня теперь уже одолѣваетъ ужасъ отъ доклада, данныя котораго мнѣ предварительно сообщилъ Теллеръ. Прежде чѣмъ примусь за чтеніе его, съ тѣмъ чтобы заявить свое мнѣніе о немъ, я приму два слабительныхъ порошка. Я недавно еще высказалъ въ здѣшней консисторіи, что

мы, конечно, подлежимъ нареканію, допуская подобнаго рода безобразіе; право, лучше ужь никакого преподаванія и никакой семинаріи, чѣмъ безобразныя“.—Въ самомъ дѣлѣ, семинарія, какъ кажется, была испорчена съ самаго начала; потому что всякія позднѣйшія попытки осмотрительнаго и ревностнаго поборника учебной системы, совѣтника главной консисторіи, Наторпа, улучшить и вполнѣ преобразовать семинарію, оказались тщетными, а потому правительство въ 1817-мъ г. уничтожило ее.—Въ 1751-мъ г. купецъ Бетхеръ положилъ основаніе семинаріи въ Ганноверѣ. Съ этихъ поръ число учительскихъ семинарій въ Германіи быстро возрастало. Онѣ были открыты: 1753-го г. въ Вольфенбюттелѣ, 1764-го въ графствѣ Глатцѣ, 1765-го въ Бреславлѣ (католическая), а 1767-го (евангелическая), 1768-го въ Карльсруэ, 1772-го въ Маломъ Дексенѣ въ восточной Пруссіи, 1773-го въ Гельмштедтѣ, 1776-го въ Минденѣ, 1778-го въ Гальберштадтѣ, 1779-го въ Идштейнѣ. 1780-го въ Готѣ, 1781-го въ Касселѣ и Килѣ, 1783-го въ Детмольдѣ, 1784-го въ Кётенѣ и Штеттинѣ, 1785-го въ Дрезденѣ, 1786-го въ Людвигслустѣ, 1787-го въ Альтенбургѣ. 1788-го въ Веймарѣ и Эрингенѣ, 1790-го въ Зальцбургѣ, 1791-го въ Грейфвальде, 1792-го въ Петерсгагенѣ и Штаде. 1793-го въ Грейцѣ въ Фойгтландѣ, 1794-го въ Вейсенфельсѣ. Гильдбурггаузенѣ и Фридрихштадтская въ Дрезденѣ, 1795-го въ Дессау (куда перенесена существовавшая съ 1787-го г. въ Верлитцѣ семинарія), 1796-го въ Бюкебургѣ, 1797-го во Фрейбургѣ, 1800-го въ Мюльгаузенѣ и пр.

Эти заведенія большею частью страдали однимъ главнымъ недостаткомъ, а именно: они были лишь приставками къ гимназіямъ, реальнымъ училищамъ, сиротскимъ домамъ и и пр., такъ что ученики этихъ заведеній, желавшіе быть народными учителями, помимо обычнаго преподаванія посѣщали еще нѣкоторые особые уроки педагогики, катехетики, музыки, также сельскаго хозяйства, разведенія фруктовыхъ деревъ и пр., притомъ они заработывали немного денегъ частными уроками по домамъ и пѣніемъ по улицамъ, не достигая впрочемъ ни достаточнаго педагогическаго, ни классическаго образованія. Чтобы помочь этому неудобству устроивали общіе столы, составляли учебные планы и семинарскіе уставы, и старались придать семинаріямъ видъ особыхъ заведеній. Вмѣстѣ съ тѣмъ стремились приготовить семинаристовъ къ ихъ званію практическими упражненіями. При семинаріяхъ открывались безплатныя школы, училища для бѣдныхъ и т. п., въ которыхъ семинаристы уча учились, потомъ установлялись между ними инспекціи; съ семинаріями были отчасти соединены также и нормальныя школы. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ семинаристы распредѣлялись по отдѣламъ. Отдѣлъ, только что прошедшій мето-

дику какого-нибудь предмета, обязанъ былъ прослушать затѣмъ тотъ же предметъ и въ нормальной школѣ. Для поддержки дисциплины распредѣляли семинаристовъ въ братства или содалиціи подъ вѣдѣньемъ сеніора (старшины) имѣвшаго надзоръ надъ всѣми, пекшагося о соблюденіи наружнаго порядка и пр. А для того чтобы это новое семинарское образованіе распространить также и между старыми шульмейстерами, въ нѣкоторыхъ семинаріяхъ назначены были длившіеся по нѣсколько недѣль въ годъ учебные курсы, къ которымъ приглашались учителя сельскихъ школъ.—Въ *Гальберштадтской* семинаріи преподавали христіанскую религію и ея исторію, особенно знаніе библіи, землевѣдѣнье, полеводство и садоводство, государственные законы, права и обязанности подданныхъ, знаніе звѣзднаго неба, физику и механику, гигіену, счетоводство, чистописаніе, педагогику и методологію. Семинаристы жили вмѣстѣ подъ надзоромъ инспектора и обязаны были по указанію и подъ руководствомъ наставника обучать дѣтей.—*Веймарская* семинарія состояла подъ вѣдѣньемъ генералсуперинтендента, при которомъ инспекторомъ былъ священникъ, обучавшій семинаристовъ по три раза въ недѣлю катехетикѣ и обязанный ревностно посѣщать уроки, даваемые старшими воспитанниками. Помимо этихъ упражненій семинаристамъ преподавались еще методъ правильнаго чтенія про себя и вслухъ, правописаніе и каллиграфія, сочиненія писемъ и разсказовъ; общеполезныя знанія, начальныя основанія географіи и естественной исторіи, первыя понятія о естествознаніи, о гражданской исторіи, счетоводство, законъ Божій и катехетика, священная исторія, библейскія древности и исторія реформаціи. Сверхъ того семинаристы принимали участіе въ урокахъ того гимназическаго класса, въ которомъ они числились, если тамъ занимались подходящими для нихъ учебными предметами, а именно въ обученіи письму и счету, также въ катехизическихъ урокахъ, назначаемыхъ въ одинъ изъ будничныхъ дней въ городской церкви и въ даваемыхъ канторомъ урокахъ пѣнія.—Въ *Кетенѣ* 10 семинаристовъ по настоянію пастора Шеттлера обучались у 2 кандидатовъ теологіи, бывшихъ преподавателями въ семинаріи, у учителей музыки, чистописанія и ариѳметики—закону Божьему (по 6 часовъ въ недѣлю), толкованію библіи (4 ч.), священной исторіи (2 ч.), нѣмецкому языку (2 ч.), стилистикѣ (2 ч.), естественной исторіи (2 ч.), географіи (2 ч.), исторіи (2 ч.), катехетикѣ (2 ч.), счету (2 ч.), письму (2 ч.), игрѣ на фортопіанахъ (2 ч.), на скрипкѣ (2 ч.). Свободное время они обязаны были употреблять главнѣйше на подготовку катехизацій, по которой часто въ присутствіи всѣхъ учителей и семинаристовъ катехизировали съ учениками сиротскаго дома.—По изданной въ 1783-мъ г. инструкціи

Штеттинской семинаріи для пріема въ заведеніе требуются врожденныя способности и охота къ обученію юношества, обладаніе нѣкоторыми знаніями и достовѣрныя свидѣтельства о христіански пристойномъ поведеніи. Сверхъ того поступавшій обязанъ былъ знать дозволяемое учителямъ сельскихъ школъ ремесло, особенно портное, ткацкое и столярное, которымъ онъ, помимо назначаемыхъ для него уроковъ, могъ бы еще что-нибудь заработать для себя, а не то предъявить, откуда онъ надѣется получить насущное содержаніе кромѣ разрѣшаемыхъ ему ежемѣсячныхъ пособій. Семинаристамъ преподавались методика сообщать дѣтямъ знаніе буквъ и складовъ, правильное и изящное чтеніе, разборъ катехизиса, библейскихъ и другихъ повѣствованій по Феддерзену, Рохову, Лоренцу, орѳографія и чистописаніе, счетъ, сочиненіе короткихъ статей, относящихся къ обыденной жизни, какъ то писемъ, квитанцій, небольшихъ хозяйственныхъ и ремесленныхъ счетовъ. Семинаристы обязаны были въ присутствіи своего наставника заниматься практическими упражненіями сперва между собой, а потомъ въ особыхъ урокахъ, пока не окажутся способными преподавать въ подгородныхъ школахъ. Сверхъ того они обучались также шелководству, огородничеству и садоводству, поскольку все это можетъ пригодится для крестьянскаго хозяйства, особенно заложенію изгородей, окулировкѣ и прививкѣ деревъ и пр.—*Фридрихштадтская семинарія въ Дрезденѣ* соединена была съ Фридрихштадтскою городскою школою. Учителями въ ней были директоръ школы, канторъ Фридрихштадтской церкви, ариѳметикъ, каллиграфъ и математикъ, обучавшій также рисованію. Число воспитанниковъ въ 1794-мъ г. доходило до тридцати, изъ нихъ 24 получали безплатное помѣщеніе въ зданіи школы, а 12 сверхъ того еще даровое содержаніе. Воспитанники были раздѣлены на 3 класса: 1) Получавшіе даровое содержаніе, т. е. старшіе, руководимые преимущественно къ практическимъ знатіямъ и имѣвшіе право на первое вакантное учительское мѣсто; 2) подававшіе надежду сдѣлаться хорошими учителями и имѣвшіе право на первое вакантное даровое содержаніе; 3) новички, принимаемые лишь на испытаніе, чтобы убѣдиться, способны-ли они къ учительской должности. Собственно преподаваніемъ занимался директоръ школы; онъ обучалъ декламаторскому чтенію, толковому чтенію библіи, христіанскимъ догматамъ, гдѣ главною заботою его было при каждомъ догматѣ указывать воспитанникамъ на вліяніе, какое онъ имѣетъ на успокоеніе и слѣдовательно на благосостояніе людей, доводя учениковъ такимъ путемъ по возможности до того, чтобы они впослѣдствіи также и своимъ ученикамъ выказывали каждую истину всегда съ той же стороны; нѣмецкому правописанію и ариѳметикѣ, исторіи, гео-

графіи, естествознанію и естественной исторіи вкратцѣ, педагогикѣ, каллиграфіи, геометріи, музыкѣ, латинскому языку и первоначальнымъ основаніямъ французскаго, такъ чтобы воспитанники выучились выговаривать французскія слова, не подвергаясь насмѣшкамъ.

Таковы были разнородныя первоначальныя учрежденія семинарій, которыя несмотря на сильное противодѣйствіе со стороны духовенства, опасавшагося черезъ-чуръ высокаго образованія и высокомѣрія школьныхъ учителей, развивались все шире и служили основою лучшаго народнаго образованія и подъема народныхъ школъ.

Народная школа расширилась еще, благодаря *ремесленнымъ училищамъ*, изъ коихъ первое открылъ пасторъ Вагеманъ въ Геттингенѣ въ 1784-мъ г. Это новое заведеніе, имѣвшее цѣлью по извѣстному плану пріучить и приспособить дѣтей къ труду, вскорѣ вызвало подражаніе въ протестантской Германіи, хотя здѣсь ремесленныя школы никогда не были въ такомъ ходу, какъ въ католическихъ странахъ. *Воскресныя училища* также возникли для восполнечія народной школы, съ цѣлью сообщать самыя необходимыя познанія дѣтямъ, которыхъ домашнія занятія удерживаютъ отъ правильнаго посѣщенія училища и вмѣстѣ съ тѣмъ производить съ конфирмованными уже молодыми людьми цѣлесообразное повтореніе всего пройденнаго ими въ школѣ: такъ въ 1695-мъ г. уже было въ Вюртембергѣ. *Сиротскія же дома*, напротивъ того, не отвѣчали болѣе требованьямъ новой педагогики, и Гамбургское общество для поощренія полезныхъ промысловъ въ 1779-мъ г. удостоило преміи сочиненіе противъ сиротскихъ домовъ: они и были частью закрыты, оттого что слишкомъ тѣсное помѣщеніе сиротъ вызвало накожныя болѣзни; частью уничтожены въ смыслѣ замкнутыхъ заведеній, взамѣнъ чего сироты отдавались въ какое-нибудь семейство за извѣстное вознагражденіе.

Что касается до отношенія германской женщины къ педагогическому вопросу и до *воспитанія дѣвицъ*, то въ 18-мъ вѣкѣ въ Германіи также было много женщинъ, подвизавшихся въ качествѣ писательницъ. Въ началѣ этого столѣтія уже ревностно разбирался вопросъ, какое положеніе должна занимать женщина какъ въ соціальныхъ, такъ и въ научныхъ стремленіяхъ. На него уже въ 17-мъ столѣтіи обращено было вниманіе знаменитѣйшею въ то время нѣмецкою женщиною, Анною Маріею Шурманъ. Дальнѣйшія сочиненія объ этомъ предметѣ находимъ въ появившемся въ 1705-мъ г. во Франкфуртѣ на М. журналѣ. Въ статьѣ „о господствѣ мужчинъ надъ женщинами“ встрѣчаемъ слѣдующія заявленія и взгляды: „Хотя мужчины и преклоняются передъ женщинами какъ передъ ангелами и земными богинями, а впрочемъ они такъ мало уважаютъ ихъ, что называ-

ютъ женщинъ полууродами и не считаютъ даже людьми, или стараются по крайней мѣрѣ сдѣлать ихъ своими рабынями. Иной дуракъ доказываетъ первое не только по библіи, но даже по своду законовъ, и благодаря тому, что какой-то старый пустомѣля, на вопросъ: отчего женщины скорѣе мужчинъ достигаютъ зрѣлости? отвѣтилъ слѣдующимъ доводомъ: quia mala herba citius crescit quam bona, *) юристы воображаютъ, будто они совершили не вѣсть какой подвигъ, болтая въ своихъ комментаріяхъ о нелѣпомъ заявленіи Аристотеля: quod mulier aberratio naturae sit *) и понося бѣдныхъ женщинъ." Въ томъ же журналѣ предлагается „открыть академію для дѣвицъ". Причемъ требуется, чтобы женщины изучали математическія науки и ремесла; авторъ удивляется, что онѣ до сихъ поръ такъ мало отличались въ живописи, исторіи, поэзіи и языкахъ. Главныя причины, почему женщины такъ мало занимаются науками, заключаются по его мнѣнію въ отталкивающемъ женщинъ педантизмѣ научныхъ занятій и въ зависти мужчинъ, опасающихся, что онѣ станутъ пренебрегать домашнимъ хозяйствомъ, или чего добраго заберутъ власть надъ мужемъ. По поводу заявленія: „Жена должна молчать въ общинѣ", онъ замѣчаетъ: „Дѣло конечно дойдетъ до того, что сѣмя жены сотретъ главу змѣя, т. е. что женскій полъ простымъ и правдивымъ изученіемъ наукъ уничтожитъ змѣиное остроуміе или пустозвонство и умничанье, которыми такъ долго развращался мужескій полъ и искажались какъ теологія, такъ и филологія. Потому что въ этомъ случаѣ благая цѣль можетъ быть достигнута не черезъ священниковъ и черезъ-чуръ робкихъ и заинтересованныхъ ученыхъ, а черезъ профановъ и женщинъ. Я не отрицаю обыкновеннего толкованія этого текста и признаю что разумѣется Христосъ какъ благословенное сѣмя жены величавымъ и дивнымъ образомъ сотретъ главу змѣи: но эти слова относятся вѣдь ко всему женскому полу, по крайней мѣрѣ въ такомъ толкованіи нѣтъ ничего несообразнаго. Говоря о великой пользѣ женской учености, мы разумѣемъ не простое обезьянство, такъ чтобы онѣ подражали мужчинамъ во всѣхъ ученыхъ нелѣпостяхъ, называемыхъ доселѣ эрудиціей, напротивъ, мы разумѣемъ подъ этимъ ученость дѣйствительную (in realibus). Первая польза будетъ та, что вслѣдствіе этого посрамятся обычныя занятія науками, потому что женщины своимъ искусствомъ и своею вѣжливостью такъ прославятъ свою науку, что намъ мужчинамъ придется краснѣть отъ стыда; получая оклады, привилегіи и титулы учености, мы вѣдь все-таки такъ мало сдѣ-

*) Оттого, что дурная трава ростетъ скорѣе хорошей.
*) Будто женщина есть заблужденіе природы.

лали для нея. Благодаря этому мы и отвернемся отъ безплодныхъ и педантическихъ ученій и обратимся къ самымъ необходимымъ и полезнымъ занятіямъ. А вовторыхъ, истину будутъ искать безкорыстно и изучать лучшія знанія ради ихъ превосходства, избѣгая при этомъ всякаго обмана; втретьихъ, мірскихъ ученыхъ числомъ будетъ болѣе нежели духовныхъ лицъ, вчетвертыхъ женщины станутъ болѣе уважать и любить ученыхъ, впятыхъ ученые мужчины соединятся съ учеными женщинами, вшестыхъ ученые мужья сильнѣе полюбятъ своихъ женъ, если онѣ занимались науками, вседьмыхъ жены будутъ помогать мужьямъ въ научныхъ занятіяхъ, ввосьмыхъ—онѣ за одно съ ними будутъ руководить занятіями сыновей, а въ случаѣ нужды и обучать послѣднихъ, вдевятыхъ онѣ будутъ помощницами мужей въ тайныхъ дѣлахъ, вдесятыхъ онѣ по смерти мужей сумѣютъ исполнить ихъ должность, водиннадцатыхъ онѣ смогутъ пополнить тогда неоконченныя сочиненія мужей и вдвѣнадцатыхъ—у нихъ будетъ полезное препровожденіе времени."— Издержки за ученіе, часто довольно значительныя для сыновей, не затрудняютъ автора. По его мнѣнію, дѣвочки пользуются такимъ же правомъ, какъ ихъ братья и также могутъ унаслѣдовать библіотеку отца. „Дочери вообще тратятъ менѣе сыновей, и, что всего важнѣе, истинная мудрость не нуждается въ деньгахъ, а умничанье обходится дорого. Наконецъ, вѣдь много и такихъ женщинъ, которыя не знаютъ, куда дѣвать всѣ свои капиталы." Доказавъ такимъ образомъ основателено, что женщины имѣютъ не только способность и призваніе, но также и право заниматься науками, нашъ авторъ изслѣдуетъ наиболѣе цѣлесообразный способъ такихъ занятій. Существующія школы для дѣвицъ онъ называетъ крайне жалкими; гимназіи для мальчиковъ находитъ онъ также несообразными. О смѣшеніи половъ онъ и слышать не хочетъ; потому что „ученики вообще злыя ребята, они то и дѣло тормошили бы дѣвочекъ." Существующіе университеты по его мнѣнію также еще не приспособлены къ тому, чтобы вмѣщать въ своихъ аудиторіяхъ смѣшеніе половъ; итакъ остается устроить *академіи для дѣвицъ*. Ихъ пришлось бы заложить въ городахъ, гдѣ имѣются уже знатные университеты. Академію для дѣвицъ слѣдуетъ основать въ одномъ изъ протестантскихъ дворянскихъ женскихъ пріютовъ, аббатисса или настоятельница котораго завѣдывала бы дѣлами и управленіемъ подобно ректору въ университетахъ. Инспекція должна быть поручена уважаемому богослову заодно съ какимъ нибудь знатнымъ юристомъ. Слѣдуетъ устроить аудиторіи и назначить трехъ профессоровъ и профессоршъ, филолога и учителя танцованія, управителя и дѣвицу, которая занимала бы должность педеля. Профессора преподавали бы высшіе факультеты, какъ то философію и ма-

тематику, а профессорши „домоводство, женское благолѣпіе (Decorum muliebre) и женскія искусства“. Университетскія дѣвицы подлежали бы имматрикуляціи, присягали бы въ вѣрности и повиновеніи высокопреподобной ректоршѣ, были бы изъяты отъ правительственнаго вѣдомства, получали бы привилегіи и отличались бы отъ другихъ женщинъ одеждою, „напр. краснымъ поясомъ съ золотыми кистями“.

Въ 1748-мъ г. Молинъ намѣревался устроить въ Гамбургѣ женскую академію, подобно тому какъ сдѣлалъ это сто лѣтъ спустя послѣ него Карлъ Фребель. Дѣло Молина не состоялось, а созданіе Карла Фребеля погибло послѣ короткаго существованія. Въ 1743-мъ г. Дороѳея Христина Лепоринъ еще разъ изложила основательное изслѣдованье причинъ, отклонявшихъ женскій полъ отъ научныхъ занятій. Это сочиненіе появилось вновь въ 1749-мъ г. Въ 1761-мъ въ Ростокѣ была напечатана книга: „Образованная женщина или руководство къ женскому воспитанію“. Въ 1766-мъ г. появилась книги К. Ф. Трельча „Женская школа или нравственныя правила для обученія прекраснаго пола“. Съ этихъ поръ начали все болѣе обращать вниманіе на женское воспитаніе и основали для этого заведенія. Такъ Вендула Гедвига Меллеръ (род. въ 1741-мъ г. въ Ростокѣ, ум. тамъ же въ 1804-мъ) открыла учебное заведеніе для дѣвицъ и обнародовала нѣсколько педагогическихъ сочиненій и статей, обратившихъ на себѣ вниманіе.—Изъ длиннаго ряда педагогическихъ писательницъ назовемъ особенно слѣдующихъ: 1) Вильгельмина Каролина Реберъ изъ Берлина (род. 1769, ум. 1807). Книга ея „Элиза, или какова должна быть женщина; посвящается всѣмъ нѣмецкимъ дѣвицамъ и женамъ“ оказала чрезвычайное вліяніе и была переведена на англійскій и французскій. 2) Луиза графиня Кроковъ (ум. 1808). Главное сочиненіе ея: Письма патріотки къ ея любимцамъ. 3) Филиппина Книгге: Опытъ логики для женщинъ (Ганноверъ 1790). 4) Юліана герцогиня Джіоване: Письма о воспитаніи принцессъ (Вѣна 1791). 5) Фридерика Юліана Ревентловъ, урожд. графиня Шиммельманъ: Воскресные досуги крестьянина (Киль 1791). 6) Христина Софія Людвигъ, урожд. Фритче. Изъ многихъ сочиненій ея наибольшее одобреніе заслужила: Генріетта, или какова можетъ быть женщина (Лейпцигъ 1805). 7) Марія Вильгельмина Шмальцъ: Историческая игра для юношества по всемірной исторіи Шрека, три игры съ 165 маленькими картами (Берлинъ 1787). 8) Амалія Гольстъ: О призваніи женщины къ высшему умственному образованію. 9) Антонія Вутке: Энциклопедія для женскаго юношества (Прага 1802). 10) Каролина Христина Луиза Рудольфъ: Картина женскаго воспитанія (Гейдельбергъ 1807). 11) Луиза Шлессеръ основала въ Мюнхенѣ женскую праздничную и

воскресную школу, гдѣ въ 1802-мъ г. считалось уже 300 учениць. Ея рѣчь „о пользѣ женскихъ праздничныхъ школъ“ обсуждалась въ журналѣ Виланда „Нѣмецкій Меркурій.“—Учебное заведеніе для дѣвицъ въ Шнепфенталѣ, потомъ въ Готѣ, открытое въ 1786-мъ г. и руководимые Г. Р. Андре, имѣло небольшое хозяйство, въ которомъ молодыя женщины пользовались практическимъ обученіемъ; онѣ обязаны были поочередно присматривать за кухней, учились приготовлять не только вкусныя, но также и діэтетическія кушанья. опрятно и со вкусомъ убирать столъ. Для того чтобы подготовить къ будущему званію хозяйки, ихъ знакомили со всѣми домашними занятіями, какъ-то: со стиркою, съ печеньемъ, пряденьемъ, шитьемъ и пр. и отчасти заставляли самихъ исполнять все это; также ревностно заботились образовать изъ нихъ воспитательницъ и супругъ: вслѣдствіе этого введены чтеніе подъ надзоромъ и руководствомъ,изученіе родного языка, пѣнье, клавикорды, рисованье, танцы, изученіе физики, домовое счетоводство, экономическая естественная исторія и практическія упражненія въ самомъ искусствѣ воспитанія. Ежедневная часовая прогулка и по временамъ недальнія путешествія поддерживали тѣлесное здоровье воспитанницъ и закаляли ихъ.

Впрочемъ воспитаніе дѣвицъ вообще, особенно общественное воспитаніе женской молодежи, находилось все еще въ жалкомъ состояніи. Вотъ въ какомъ видѣ изображаетъ его Наторпъ: „Въ строгомъ смыслѣ наши дочери все еще были лишены всякаго лучшаго образованія. Онѣ ограничивались обычнымъ нелѣпымъ обученіемъ механическому чтенію и копировкѣ буквъ. Когда онѣ усвоятъ себѣ, часто даже коекакъ, такъ называемыя начальныя основы, чтеніе, письмо и первыяправила счета,то имъ вдалбливали еще нѣкоторые библейскіе тексты въ подтвержденіе церковныхъ догматовъ, кое-какія утѣшительныя изреченія и цѣлыхъ два листа вопросовъ и отвѣтовъ изъ катехизиса, а потомъ безъ милосердія и жалости отправляли ихъ изъ школы прямо въ кухню, въ дѣтскую, уборную, въ поле или куда бы то ни было. Вмѣсто того, чтобы дѣятельность ихъ душевныхъ силъ и судьба продолжали, какъ бы слѣдовало, ихъ образованіе, онѣ лишь начинали его, и притомъ такъ какъ бы то вовсе не слѣдовало.„ Въ исходѣ 18-го столѣтія въ этомъ отношеніи многое измѣнилось. Въ Лейпцигской мѣщанской школѣ оба пола совершенно отдѣлялись другъ отъ друга и для каждаго изъ нихъ было открыто особое училище въ разныхъ частяхъ зданія. „Вслѣдствіе этого не только выигрываетъ хорошая дисциплина—говоритъ Гедике, —но и различное назначеніе мальчиковъ и дѣвочекъ необходимо обусловливаетъ различіе въ выборѣ, какъ матеріала обученія, такъ и метода.“ „Отъ цѣлесообразнаго образованія другого пола весьма мно-

го зависитъ превосходство будущаго поколѣнія, а потому связанное съ мѣщанскою школою женское учебное заведеніе заслуживаетъ величайшаго вниманія. Но потребное для дѣвицъ низшаго и средняго сословія обученіе легко моглобы оканчиваться въ трехъ классахъ, такъ какъ многое, существенно необходимое въ обученіи мальчиковъ, для дѣвочекъ оказывается излишнимъ. Оба низшіе классы этого училища принадлежатъ къ элементарнымъ, и предметы преподаванія въ нихъ тѣ же, что и въ первоначальной мужской школѣ; но относительно изложенія отдѣльныхъ предметовъ учителя должны обращать особенное вниманіе на полъ и на вѣроятное будущее назначеніе его; притомъ нѣкоторыя изъ женскихъ познаній можно приводить мимоходомъ при другихъ предметахъ преподаванія, напр. при счетѣ и письмѣ или при бесѣдахъ съ цѣлью возбудить интересъ къ міру и егосоставнымъ частямъ. Въпервомъ классѣ можно бы расширить вообще предметы, но, такъ какъ дѣвочки назначаются обыкновенно для средняго мѣщанскаго сословія, то необходимо постановить извѣстный предѣлъ, чтобы по возможности предотвратить всякій выходъ изъ ихъ круга дѣйствія и столь вредную для развитія истинной прелестной женственности страсть блистать знаніями и выставлять ихъ на показъ. Требуемыя въ высшихъ классахъ мужской школы знанія большею частью и здѣсь также составляютъ предметъ преподаванія, за исключеніемъ латини и математики; но выборъ, изложеніе и вообще способъ изученія представятъ нѣкоторую разницу, такъ что иное, напр. исторія, географія и естествовѣдѣнье, необходимо сократятся въ болѣе сжатый курсъ. Но особенно важно пріучать дѣвочекъ къ искусству въ женскихъ рукодѣліяхъ, потому что неловкость и лѣнь самые обильные источники физическихъ и нравственныхъ бѣдъ, гнетущихъ этотъ полъ. Общеполезное, напр. шитье, вязанье, черченье и кройку самаго необходимаго платья надо изучать прежде всего, какъ можно лучше и предпочитать собственно художественнымъ рукодѣльямъ, напр. вышиванью. Преподаваніемъ въ школѣ для дѣвицъ, помимо учительницъ женскихъ рукодѣлій, должны заниматься по крайней мѣрѣ женатые мужчины степенныхъ лѣтъ или хотя бы и молодые люди, но испытанной честности и по возможности подъ надзоромъ. При наставленіи дѣвицъ вездѣ необходимо стремиться также къ развитію чистой нравственности и обращать ихъ особенное вниманіе на значеніе женскихъ добродѣтелей, чистоплотности, вѣжливости и благонравія, кротости, угодливости, умѣренности, любви къ порядку, скромной дѣятельности и домовитости.

Въ эту эпоху педагогики выяснились также пути и цѣли *мѣщанскаго училища*, т. е. высшей народной школы для горожанъ. Нельзя отрицать, что въ этомъ случаѣ произошла путаница понятій. Первоначальное училище, посѣщаемое дѣтьми бѣднѣйшихъ жителей, называлось впослѣдствіи въ городахъ народною школою, но въ то же время и въ такъ называемомъ мѣщанскомъ училищѣ (какъ будто мѣщанинъ не принадлежитъ также къ народу!) элементарное обученіе велось съ самаго начала и занимало въ немъ наибольшее мѣсто. Новыя заведенія возникли вслѣдствіе поднявшихся требованій практической жизни, которымъ не могла удовлетворить старая латинская школа. Уже въ Франковыхъ заведеніяхъ, какъ извѣстно, готовы были на уступки этимъ требованьямъ, и реальныя училища служили практическимъ выраженіемъ этой готовности. Берлинская реальная школа (1748) подала поводъ къ учрежденію многихъ подобныхъ заведеній, которыя принявъ въ свою учебную программу полезныя знанія изъ математики, естественныхъ наукъ и технологіи, но, лишенныя твердаго плана, вскорѣ опять пришли въ упадокъ. Однако разъ высказанная идея не умерла, такъ какъ она представляла существенный элементъ и моментъ въ развитіи народнаго духа. Въ началѣ 19-го столѣтія латинскія городскія училища почти вездѣ были уничтожены и обращены въ гимназіи или совершенно вытѣснены мѣщанскими школами, или наконецъ развѣтвлены въ низшихъ классахъ и возведены въ самостоятельныя заведенія, съ тѣмъ чтобы впредь служить образованію мѣщанъ. Существенный недостатокъ этихъ мѣщанскихъ училищъ состоялъ въ томъ, что для нихъ не были подготовлены особые учителя, а назначались изъ преподавателей прежнихъ латинскихъ школъ и изъ кончившихъ курсъ богослововъ, не понимавшихъ духа новыхъ заведеній, лишенныхъ надлежащей подготовки учителя народныхъ школъ. Притомъ въ маленькихъ городахъ мѣщанское училище зачастую не отдѣлялось строго отъ первоначальной школы, и подчинялось правиламъ, постановленнымъ для сельскихъ школъ, такъ что оно немногимъ лишь отличалось отъ послѣднихъ. Въ большихъ городахъ, напротивъ того, сами магистраты взялись за устройство мѣщанскихъ училищъ, а къ чему они стремились, это видно изъ учебнаго плана Лейпцигской мѣщанской школы отъ 1804-го г., по которому въ нихъ введены были слѣдующіе предметы преподаванія:

1) Законъ Божій и нравоученіе, или библейская и священная исторія, толкованіе катехизиса, руководство къ правильному употребленію библіи; 2) знаніе человѣка, какъ относительно его тѣлесной натуры и средствъ поддержать здоровье, такъ и относительно души по ея различнымъ

способностямъ и силамъ и правильному употребленію послѣднихъ; 3) нѣмецкій языкъ. Въ уроки, посвящаемые этому предмету дѣти обучались: a) говорить чисто понѣмецки; b) коротко, понятно и въ пріятной формѣ выражать свои мысли и ощущенія, особенно въ разсказахъ; c) читать понѣмецки и полатыни, какъ печатный такъ и письменный шрифтъ не только бѣгло, но также и съ перемѣнами голоса и надлежащимъ выраженіемъ, смотря по разнообразію содержанія и слога; d) изготовлять разныя статьи наиболѣе встрѣчающіяся въ дѣловомъ мѣщанскомъ бытѣ, напр. квитанціи, счеты, контракты, отчеты, свидѣтельства, письма и объявленія. Къ этому присоединяются упражненія въ декламаціи и сообщеніе важнѣйшихъ грамматическихъ правилъ родного языка по Аделунгу; 4) чистописаніе и орѳографія; 5) рисованіе, для развитія вкуса и по отношенію къ промышленности; 6) письменный и умственный счетъ; 7) общеполезная математика, напр. измѣреніе площадей и тѣлъ, важнѣйшія понятія о машинахъ, изъ архитектуры, объ устройствѣ фабрикъ, математическая географія и пр.; 8) естественная исторія; выборъ всего наиболѣе полезнаго и достойнаго изученія, особенно изъ естественныхъ произведеній, которыя употребляются въ хозяйствѣ, ремеслахъ и искусствахъ; 9) естествовѣдѣнье и физика: нѣкоторыя знанія о силахъ и дѣйствіяхъ тѣлъ, съ тѣмъ чтобы объяснить изъ этого важнѣйшія явленія въ вещественномъ мірѣ; сверхъ того изъ химіи все, что полезно знать особенно ремесленникамъ и художникамъ; 10) землеописаніе, а именно: a) общія познанія о вселенной, о земномъ шарѣ и большихъ частей его, особенно нами обитаемыхъ; b) изъ европейскихъ странъ болѣе всего Германія и особенно Саксонія. Ландкарты, какъ необходимыя пособія; 11) исторія, по преимуществу новѣйшая, чтобы лучше судить о теперешнемъ состояніи Европы и о культурѣ ея жителей; 12) знаніе государственнаго устройства въ родномъ краѣ, разныхъ отраслей управленія, правъ и обязанностей гражданъ, законовъ и наказаній; 13) пѣніе: практическое упражненіе слуха и голоса посредствомъ изученія музыкальнаго пѣнія обыкновенныхъ церковныхъ мелодій или также другихъ пѣсенъ чистаго и полезнаго для юношества содержанія; 14) знаніе ремеслъ, или обзоръ разнообразныхъ отраслей людской промышленности, частью въ связи съ естественною исторіею, а также свѣдѣнья о важнѣйшихъ изобрѣтеньяхъ и о постепенномъ усовершенствованіи ихъ; 15) упражненія памяти и разсудка; 16) первоначальныя основанія латинскаго и французскаго языковъ для желающихъ обучаться тому и другому юношей высшихъ классовъ.

Этотъ планъ Лейпцигской мѣщанской школы былъ дѣломъ *Людвига Фридриха Готлиба Эрнста Гедике*, человѣка основательно классически образованнаго, не терпѣвшаго пустоты и шарлатанства, въ какія впалъ филантропизмъ, кроткаго, твердаго и гуманнаго нрава, вполнѣ способнаго внести душу и жизнь въ мѣщанскія училища. „Общая цѣль (—говоритъ онъ въ „основныхъ чертахъ къ плану новаго мѣщанскаго училища въ Лейпцигѣ" 1803—), какую имѣетъ въ виду мѣщанская школа, согласуется съ главною цѣлью всякаго воспитанія и наставленія, состоящею въ томъ, чтобы образовать для общества нравственно добрыхъ и по отношенію къ званію полезныхъ людей. Воспитанники ея отнюдь не должны выходить изъ предѣловъ своей настоящей и вѣроятной будущей сферы; не слѣдуетъ возбуждать въ нихъ наклонность къ пустому, безплодному мудрованію или сообщать имъ не отвѣчающее ихъ положенію и потребностямъ образованіе, которое исполнило бы ихъ высокомѣріемъ многознайства и внушило бы имъ отвращеніе къ ихъ сословію и къ занятіямъ ихъ званія; неизмѣнною цѣлью всѣхъ посвященныхъ въ этомъ заведеніи обученію юношества стремленій да будетъ напротивъ слѣдующее: лучшее нравственное образованіе и развитіе въ воспитанникахъ наибольшей способности соотвѣтственно ихъ особому будущему положенію. Этою школою имѣется въ виду надѣлить будущее поколѣніе людьми, которые въ своемъ званіи, каково бы оно ни было относительно особыхъ промысловъ и отраслей человѣческой дѣятельности, жили бы, какъ трудолюбивые, благочестивые и честные отцы и матери семействъ, какъ искусные, добросовѣстные и вѣрные рабочіе, довольные Богомъ и своею судьбою, которые охотно и въ точности исполняли бы свои обязанности въ различныхъ положеніяхъ, въ какихъ они состоятъ, особенно въ качествѣ вѣрныхъ, мирныхъ и покорныхъ гражданъ, и которые сумѣли бы въ возможно лучшемъ видѣ исправить возложенныя на нихъ по ихъ особому званію должности. Для достиженія этого было бы цѣлесообразно, смотря по разнымъ классамъ мѣщанскаго званія и по разнымъ будущимъ назначеніямъ воспитанниковъ, опредѣлить для заведенія главныхъ класса и раздѣлить его на первоначальное и высшее мѣщанское училище, съ двумя классами въ каждомъ. Согласно съ этимъ, въ низшемъ или 4-мъ классѣ находятся лишь мальчики, начинающіе съ азбуки и доходящіе до обученія чтенію. Тутъ занимаются изученіемъ буквъ и чиселъ, простѣйшими ариѳметическими упражненіями, складами, чтеніемъ, пероначальными упражненіями въ чистописаніи и въ родномъ языкѣ, первыми основами

религіозныхъ знаній и вообще сообщаются полезныя и доступныя для этого возраста понятія посредствомъ кстати примѣняемыхъ бесѣдъ, съ цѣлью возбудить мысль, любознательность и влеченіе къ нравственному добру. Въ 3-й классъ поступаютъ мальчики, начинающіе понемногу читать; предметы преподаванія слѣдующіе: упражненіе въ чтеніи съ цѣлью достичь механическаго умѣнья читать съ выраженіемъ и чувствомъ; продолжается чистописаніе; начало рисованія для имѣющихъ къ тому охоту, способность или потребность; счетъ, 4 основныхъ дѣйствія, простѣйшія задачи тройнаго правила, нѣкоторое понятіе о дробяхъ; основныя начала христіанской религіи и нравоученія; обзоръ разныхъ житейскихъ промысловъ, вмѣстѣ съ тѣмъ описаніе разныхъ естественныхъ произведеній, изъ которыхъ готовятся наша пища; общеполезныя свѣдѣнья изъ землеописанія и отечественной исторіи; удобопонятныя и необходимыя познанія изъ естественныхъ наукъ и краткая практическая гигіена; правила благочинія и приличія; упражненіе въ составленіи статей, чаще всего встрѣчающихся въ обыденной жизни при занятіяхъ простого мѣщанина.— Для классовъ мѣщанскаго сословія, нуждающихся въ высшемъ образованіи и въ бо́льшемъ запасѣ матерьяльныхъ знаній въ виду цѣлесообразнаго производства своихъ промысловъ, напр. для будущаго сельскаго хозяина, для художника, купца, аптекаря, хирурга и пр. назначена высшая мѣщанская школа. Въ обоихъ ея классахъ всѣ предметы проходятся въ бо́льшемъ объемѣ и въ болѣе научной формѣ, и къ нимъ присоединяется еще математика и естествознаніе для обыденной жизни, технологія, извѣстное развитіе вкуса практическими упражненіями и первоначальное преподаваніе французскаго и латинскаго языковъ, но такъ, чтобы оба эти языка начинались не въ одномъ и томъ же классѣ, а напротивъ, во второмъ кладется уже основаніе латини; каллиграфія и рисованіе и здѣсь такъ же весьма важны".

Фридрихъ Гавріилъ Розевицъ (руд. 1725, ум. 1805) въ 1773-мъ г., прежде Гедике уже, въ своемъ „Воспитаніи мѣщанина къ употребленію здороваго ума и къ общеполезной дѣятельности", первый ратовалъ за отличающееся по своимъ средствамъ и цѣлямъ отъ ученаго сословія воспитаніе „многолюднаго класса людей, обязаннаго мѣщанскими промыслами содѣйствовать поддержанію общества". Для лучшаго образованія этого сословія Резевицъ пытался выяснить, „что можетъ пробудить здравый умъ и внутреннее чувство людей, въ чемъ состоитъ и долженъ состоять долгъ всякаго человѣка и гражданина, что можетъ просвѣтить промышляющаго мѣщанина касательно его будущаго промысла, или вообще мѣщанскихъ занятій, раз-

сѣять вредные предразсудки, повести къ полезнымъ улучшеніямъ въ способахъ пропитанія и особенно содѣйствовать правильному употребленію и благоразумному примѣненію наличныхъ средствъ". „Въ виду этого необходимо въ странѣ основать заведеніе, имѣющее положительною цѣлью приготовить молодыхъ людей мѣщанскаго (т.е. средняго) сословія къ ихъ будущей дѣловой жизнии, самымъ удобопонятнымъ и поучительнымъ способомъ внушить имъ всякія полезныя занятія, которыя могутъ повліять на ихъ предстоящій промыслъ и привести ихъ въ состояніе правильно обсудить его и съ здравымъ умомъ заняться имъ впослѣдствіи". „Хотя такое заведеніе, какъ мнѣ кажется, весьма важно, но я не знаю ни одного, которое вполнѣ достигало бы этой цѣли. Правда, реальное училище въ Берлинѣ стремится къ тому же и въ нѣкоторыхъ частяхъ оно обладаетъ даже превосходными устройствами и учрежденіями; но оно имѣетъ въ виду соединить вмѣстѣ ученое и мѣщанское полезное воспитаніе, вслѣдствіе чего извращается точка зрѣнія, и какъ учителя, такъ и ученики сбиваются съ своего цѣлесообразнаго направленія, притомъ методъ служитъ одной только памяти, а не просвѣтленію здраваго ума, что должно бы быть главнымъ дѣломъ. Въ Потсдамскомъ сиротскомъ домѣ предполагается правда воспитывать не только солдатъ, но также и мѣщанъ; однако это учрежденіе ограничивается лишь ранними упражненіями молодыхъ людей въ необходимѣйшихъ ремеслахъ. Гамбургская коммерческая академія весьма цѣлесообразно устроена для купеческаго сословія; но это лишь частное предпріятіе, и она не пользуется еще тѣмъ вниманіемъ и поддержкою, какихъ заслуживаетъ. Въ Англіи, наконецъ, существуетъ много школъ для бѣдныхъ, гдѣ молодые люди обучаются ремесламъ: но это скорѣе рабочіе дома для молодыхъ людей бѣднаго и низшаго класса, которыхъ хотятъ пріучить къ труду, нежели такія заведенія, гдѣ благонравное юношество мѣщанскаго сословія могло бы быть подготовлено къ его будущимъ занятіямъ". „До сихъ поръ не проведена еще опредѣленная черта между ученымъ и дѣловымъ человѣкомъ и между потребными для нихъ знаніями. Ученый долженъ доискиваться истины и выводить ее изъ лабиринта, въ которомъ до него искали ея другіе; дѣловой человѣкъ долженъ воспринять найденную истину и умѣть воспользоваться ею. Ученый учится многому лишь для того, чтобы знать и тѣмъ восполнить свой досугъ; дѣловому же некогда заниматься досужною наукою, ему лишь бы знать то, чѣмъ онъ можетъ воспользоваться какъ человѣкъ, или какъ

гражданинъ. Ученый *) возносится въ высокопарное, общее, хитроумное и съ своими изслѣдованіями онъ паритъ надъ міромъ, часто вовсе не заботясь о томъ, пригодны ли его изобрѣтенья въ дѣйствительности и примѣнимы ли они къ даннымъ обстоятельствамъ; дѣльный же мѣщанинъ обязанъ помышлять лишь о дѣйствительномъ мірѣ, лишь о томъ кружкѣ въ свѣтѣ, гдѣ онъ вращается, и мысли его должны быть направляемы и примѣняемы къ предметамъ непосредственныхъ его занятій. Изъ совокупности знаній, занимавшихъ человѣческій умъ, необходимо сдѣлать для мѣщанскаго сословія тщательный выборъ всего, что для него цѣлесообразно и пригодно. И все это должно излагаться методомъ, направленнымъ на внѣшнія чувства и на здравый смыслъ: пускай все наблюдаютъ и разсматриваютъ часто и внимательно;—чего нельзя непосредственно представить чувствамъ, то поясняйте изображеніями, моделями и особенно примѣрами; — когда однихъ примѣровъ недостаточно, то сравнивайте подлежащее поясненію съ подобными, доступными для чувствъ предметами; — когда такое сравненіе затруднительно или невозможно, или можетъ повести къ вреднымъ заблужденіямъ, то обнаружьте сверхчувственное посредствомъ чувственнаго его послѣдствія; всякую истину доказывайте, по возможности, путемъ опыта;—пріучайте человѣка путемъ повторяемыхъ наблюденій и многихъ единичныхъ случаевъ убѣждаться въ вѣрности его сложившихся представленій;—чего нельзя доказать непосредственнымъ опытомъ, то доказывайте аналогичными наблюденіями:—упражняйте внутреннее чувство противоположными впечатлѣніями (противопоставляя прекрасному безобразное, полезному вредное);—все, въ чемъ желаете убѣдить человѣка, сводите къ ощущеніямъ и побужденіямъ, близко его касающимся: мы должны пріучаться по нашимъ собственнымъ ощущеніямъ узнавать и цѣнить нравственныя понятія;—изъ всего, что юношество не можетъ само видѣть и испытать, пріучайте его вѣрить лишь тому, чему вѣрятъ наиболѣе разсудительные люди и что согласуется или, по крайней мѣрѣ, аналогично съ ихъ наблюденіями и ощущеніями".—„Если имѣется въ виду путемъ цѣлесообразнаго воспитанія сдѣлать все мѣщанское сословіе способнымъ къ разнымъ житейскимъ промысламъ, то планъ стремящагося къ этой цѣли педагогическаго заведенія долженъ заключать въ себѣ также все, что необходимо для образованія каждаго особаго званія". Сельское юношество нуждается въ сельскихъ и земледѣльческихъ школахъ. „До сихъ поръ

---

*) Слѣдуетъ добавить—ученый *того времени*.

Примѣч. Перев.

сельская молодежь пользовалась лишь преподаванiемъ, какое сообщалось ей изъ катехизиса шульмейстеромъ, который часто самъ не понималъ его. Крестьянину необходимо знать болѣе того, что стоитъ въ его катехизисѣ. Онъ долженъ понимать религiю и понимать ее такъ, чтобы умѣть примѣнять ее къ своему положенiю и къ своимъ занятiимъ. Путемъ обученiя и упражненiя въ молодости долженъ онъ усвоить себѣ первоначальныя основанiя земледѣлiя, огородничества и скотоводства. Ему не должны быть чужды самыя необходимыя правила ариѳметики и нѣкоторые крайне простые и вмѣстѣ съ тѣмъ весьма полезные практическiе прiемы изъ межеванiя и механики. Знанiе выгодъ, какими пользуется въ своемъ отечествѣ, и необимой и полезной связи, въ какой онъ состоитъ съ другими людьми, да побудитъ его повиноваться начальству и да внушитъ ему справедливость и любовь къ другимъ. Ему необходимо научиться также дорожить своимъ здоровьемъ и охранять его. Вотъ статьи, касательно которыхъ молодой крестьянинъ нуждается въ обученiи. — Ремесленныя училища назначаются для провинцiальныхъ городовъ и для низшаго мѣщанства въ столицѣ. Помимо христiанства, чтенiя, письма и счета они имѣютъ цѣлью ознакомить юношество съ произведенiями природы, какiя потребляются и разработываются человѣкомъ, со всеобщими правилами разныхъ ремеслъ, съ ихъ орудiями, съ пользою и примѣненiемъ ихъ издѣлiй.—Учебное заведенiе въ столицѣ имѣетъ пещись о образованiи купцовъ, художниковъ, судохозяевъ, мануфактуристовъ, крупныхъ сельскихъ хозяевъ и домовладѣльцевъ. Благовоспитанное среднее сословiе помимо своего родного языка должно знать также французскiй, англiйскiй, итальянскiй и даже голландскiй, частью ради своихъ занятiй, частью для просвѣщенiя своего ума полезными знанiями и для образованiя вкуса и добрыхъ нравовъ: языки эти и слѣдуетъ преподавать въ учебныхъ заведенiяхъ. Всякому образованному человѣку надлежало бы также знать свое отечество и замѣчательныя перемѣны, совершавшiяся съ народомъ, къ которому онъ принадлежитъ; пусть юношество ознакомится съ отечественною исторiею прежде, нежели съ исторiею другихъ государствъ; потомъ пусть изучаетъ оно послѣднюю въ отношенiи къ первой и замѣчаетъ влiянiе, какое другiя страны и нацiи оказываютъ на благо отечества. Въ географiи никогда не слѣдуетъ упускать изъ виду, что ученику необходимо знать только то, что можетъ ему пригодиться впослѣдствiи для мѣщанскихъ занятiй. Естественная исторiя представляетъ произведенiя природы по ихъ родамъ, наиболѣе необходимымъ и общеполезнымъ для поддержанiя жизни и для производства человѣческихъ промысловъ. Исторiя ремесленниковъ и художниковъ должна

служить для образованія ума и быть полезною для будущихъ мѣщанскихъ предпріятій. Необходима также исторія внутренней и внѣшней торговли. Изъ математики слѣдуетъ преподавать все, что оказываетъ вліяніе на житейскія дѣла; пусть ученикъ ознакомится съ примѣненіемъ правилъ и главныхъ теоремъ встрѣчающихся въ мѣщанскомъ быту. Теоремы и задачи механики, гидростатика и гидравлика въ ихъ основныхъ чертахъ, изъ аэрометріи устройство барометровъ, историческая часть оптики, катоптрики и діоптрики, историческая астрономія, нѣкоторыя свѣдѣнья въ архитектурѣ и черченіи: всѣ эти знанія служатъ для просвѣтленія ума и для практической жизни. Необходимо присоединить также физіологическое изученіе дивнаго устройства человѣческаго тѣла. Затѣмъ слѣдуютъ общія свойства тѣлъ и объясненіе міразданія. Въ преподаваніи не упускать также изъ виду химію—внутреннія свойства тѣлъ, ихъ составъ и простыя вещества, примѣненіе ихъ къ медицинѣ, сельскому хозяйству, ремесламъ и искусствамъ. Необходимо практически упражняться въ земледѣліи и садоводствѣ: для этого въ обширномъ саду одна часть отводится для земледѣлія, въ ней въ маломъ видѣ исполняются всякія работы, показываются разные пріемы,—другая часть назначается для садоводства, тутъ воздѣлываются чужеземныя растенія, начиная отъ подготовки пашни и до созрѣванія плодовъ, — третья — отводится для физическихъ опытовъ и для юношескихъ игръ, также для гимнастическихъ упражненій съ цѣлью поддержать здоровье, укрѣпить тѣло, освѣжить душу и установить дружескія сношенія. Наставленіе о поддержкѣ здоровья такъ же важно, какъ и полезно. Наконецъ, для достигшихъ болѣе зрѣлаго возраста и степеннаго образа мыслей преподаваніе завершается наставленіемъ о правильномъ употребленіи ума, общимъ ученіемъ о нравственности и благоразуміи, необходимымъ для каждаго гражданина знаніемъ государственныхъ законовъ и разумнымъ изученіемъ религіи". Вотъ что предлагалъ Резевицъ. Его заслуга въ томъ, что онъ возбудилъ всеобщее стремленіе распредѣлять школы болѣе по будущему призванію учениковъ, а въ методѣ онъ имѣлъ болѣе въ виду развитіе здраваго смысла и доставленіе запаса общеполезныхъ знаній. Всѣ педагоги, которые въ ближайшемъ будущемъ оказали услуги улучшенію мѣщанскихъ училищъ, какъ то: Вагеманъ, Секстро, Гольшеръ, руководились идеями Резевица, подавшаго также мысль слить ремесленныя школы съ учебными заведеніями.

Въ какой мѣрѣ установились требованья Резевица въ исходѣ 18-го столѣтія и какимъ образомъ слѣдуетъ выполнить все установившееся—на это указалъ *Б. К. Л. Наторпъ* въ своемъ въ 1804-мъ г. появившемся „проектѣ организа-

ціи всеобщихъ городскихъ школъ", составленномъ прежде всего для удовлетворенія мѣстныхъ потребностей Эссена и преобразонія тамошнихъ училищъ. Мѣщанская школа—говоритъ Наторпъ—всегда должна имѣть главною цѣлью возбуждать человѣчное въ человѣкѣ или образовать его для гуманности. Она должна дать возможность учащемуся пріобрѣтать такія понятія, свѣдѣнія и способности при помощи которыхъ онъ могъ бы образоваться въ разсудительнаго и дѣльнаго человѣка и самымъ основательнымъ и вѣрнымъ образомъ приготовиться къ своему будущему званію какого бы то ни было рода. Для достиженія этой цѣли низшій классъ имѣетъ задачею возбуждать вниманіе и мышленіе малолѣтнихъ учениковъ. Поэтому учитель обязанъ руководить ихъ, чтобы они наблюдали какъ слѣдуетъ подлежащіе чувствамъ предметы, отыскивали ихъ признаки, подмѣчали ихъ сходство и различіе, обсуждали причину и слѣдствіе, употребленіе и пользу вещей, измѣряли ихъ величину, вычисляли ихъ количество и т. д. Онъ долженъ также ознакомить ихъ съ словами, служащими въ языкѣ для обозначенія понятій, учить правильно выговаривать ихъ, вѣрно употреблять и надлежащимъ образомъ связывать въ предложенія. Для упражненія, изощренія и развитія зрѣнія служитъ рисованіе:—для этого дѣти учатся проводить прямыя и кривыя линіи въ разныхъ направленіяхъ, чертить легкіе очерки разныхъ снарядовъ. Нравственное образованіе, эта великая основа всего, отъ которой зависитъ все достоинство, всякое истинное благо человѣка и гражданина, должно и въ этомъ классѣ уже составлять важнѣйшую отрасль преподаванія. Но только отнюдь не заучиваньемъ десяти заповѣдей и трехъ членовъ вѣры! „Давно пора отстать отъ душегубнаго механизма мертвящей катехизаціи и путемъ болѣе отвѣчающимъ свойству человѣческаго духа позаботиться о просвѣщеніи молодой души. Добродѣтель нельзя изучать, а по катехизису и подавно: это дѣло сердца, а не памяти; она основана не на знаніи, а пріобрѣтается навыкомъ. Наставникъ, имѣющій въ виду склонить малолѣтнихъ къ добру, втуне потратитъ трудъ свой, если вздумаетъ посредствомъ катехизиса и текстовъ вселить въ ихъ сердцахъ добродѣтель; онъ вѣрнѣе достигнетъ цѣли, если кстати, во время и въ надлежащемъ видѣ изложенными разсказами увлечетъ ихъ чувства и исполнитъ ихъ фантазію лишь благородными образами, а ихъ сердца доблестными порывами". Музыкой наконецъ слѣдуетъ заниматься во всѣхъ школахъ и учебныхъ заведеніяхъ, и притомъ уже въ низшемъ классѣ. Начинаютъ съ

яснаго, тихаго пѣнія простыхъ, пріятныхъ для слуха мелодій. Обученіемъ чтенію нечего торопиться: хорошо подготовленныя дѣти въ теченіе одного года выучиваются буквамъ, складамъ и чтенію.—Эти предметы въ низшемъ классѣ распредѣляются такъ: отъ 8 до 9 часовъ ученики занимаются умственными упражненіями и разсказами, отъ 9 до 10 упражненіями въ разговорахъ и разсказами, отъ 10 до 11 рисованіемъ и изученіемъ азбуки, отъ ½2 до 2 пѣніемъ, отъ 2 до 3 рисованіемъ, ручными работами и играми, отъ 3 до 4 рисованіемъ и упражненіями въ разговорахъ.—Второй классъ занимается отъ 8 до 9 часовъ подготовкою къ преподованію закона Божія и умственными упражненіями, отъ 9 до 10 нравственными разсказами и упражненіями въ разговорахъ, отъ 10 до 11 чтеніемъ, чистописаніемъ или рисованіемъ, отъ ½2 до 2 пѣньемъ, отъ 2 до 3 чистописаньемъ или рисованьемъ, отъ 3 до 4 умственнымъ счисленіемъ. Ученики этого класса обладаютъ уже бо́льшею воспріимчивостью для настоящаго преподаванія. Они не могутъ перейти въ этотъ классъ, пока не изощрено ихъ вниманіе, не возбуждено ихъ мышленіе, и пока они не начали выражаться на чисто нѣмецкомъ нарѣчіи. Умственныя упражненія и тутъ также относятся къ важнѣйшимъ занятіямъ: умственное счисленіе составляетъ одно изъ самыхъ главныхъ упражненій; потомъ предъявляются естественныя произведенія и ихъ разработка. Предметами рисованія служатъ очерки человѣческихъ о́ргановъ, животныхъ, плодовъ, орудій и пр. Къ предметамъ преподаванія присоединяется еще чистописаніе: основательное и тщательное наставленіе правильно проводить главныя черты буквъ. Ученики этого класса поучаются бѣгло читать: учитель не только заставляетъ учениковъ читать поочередно, внятно и ясно, но часто и самъ читаетъ имъ вслухъ. Въ музыкѣ ученики соблюдаютъ мелодію пѣнія, а потомъ и поютъ также пріятнымъ тономъ, принаравливая другъ къ другу голоса. Для нравственнаго образованія и здѣсь нѣтъ никакой надобности въ катехизисѣ; учитель увлекаетъ и заинтересовываетъ умъ, фантазію и чувство дѣтей.—Третій классъ имѣетъ въ виду возбудить наклоняность къ правильному мышленію, навыкъ къ вѣрнымъ воззрѣніямъ, постепенное развитіе ума къ высшимъ идеямъ, рвеніе души ко всему доблестному и святому. Потому и въ немъ также первое мѣсто занимаютъ бесѣды о важныхъ вообще дѣлахъ ума и сердца: предметами для этого служатъ окружающая насъ какъ органическая, такъ и неорганическая природа, человѣкъ въ отношеніи тѣла и души, назначеніе и долгъ человѣка, добродѣтель и порокъ, мудрость и глупость и т. п. Затѣмъ слѣдуютъ: болѣе обширныя понятія о физикѣ и

о различной разработкѣ естественныхъ произведеній. География главныхъ европейскихъ странъ, ихъ границы, величина, произведенія, воды, горы, главные города; стѣнныя карты земного шара, Европы и Германіи. Исторія въ связи съ географіей. Чтеніе съ чувствомъ и изустное изложеніе. Письмо: писать подъ диктовку, добиваясь при этомъ все большей правильности, быстроты и красоты. Рисованіе, особенно такихъ предметовъ, какими впослѣдствіи всякій по своему индивидуальному назначенію болѣе всего можетъ воспользоваться. Умственное и письменное счисленіе настолько, чтобы ученики умѣли рѣшать задачи тройного правила въ цѣлыхъ числахъ и объяснять способы рѣшенія. Пѣніе—по нотамъ и переходъ къ многоголосному пѣнію. Потомъ приступаютъ также къ письменнымъ сочиненіямъ: постепенный переходъ отъ легчайшаго къ труднѣйшему; выборъ цѣлесообразнаго, отвѣчающаго развитію учениковъ матерьяла; при этомъ учитель постоянно помогаетъ обдумать, изобрѣтать, распредѣлять и исполнять; частая смѣна предмета, формы и способа изложенія. Грамматическое преподаваніе на родномъ языкѣ въ видѣ практической логики: правильно склонять и спрягать, правильное употребленіе падежей и правописаніе. Первоначальныя основанія французскаго языка: читать, склонять, спрягать французскія слова и короткія фразы. — Все это исполнить по слѣдующему распредѣленію: Отъ 8 до 10 часовъ по понедѣльникамъ, середамъ и пятницамъ бесѣды о важныхъ предметахъ ума и сердца; по вторникамъ, четвергамъ и субботамъ французское;—отъ 10 до 11 по понедѣльникамъ и субботамъ рисованіе, а въ другіе дни каллиграфія;—отъ 11 до 12 каждый день счетъ;—отъ ½2 до 2 часовъ каждый день за исключеніемъ вторника и четверга, когда преподается географія, (въ субботу послѣ обѣда нѣтъ ученья) музыка;—отъ 2 до 3 по понедѣльникмъ, середамъ и пятницамъ упражненія въ письменныхъ сочиненіяхъ, по вторникамъ и четвергамъ географія;—отъ 3 до 4 каждый день чтеніе и разговоры. — Четвертый классъ: главныя основы всеобщаго нравоученія и главныя истины всеобщей религіи слѣдуетъ излагать болѣе во взаимной связи, и испытать хорошими біографіями сильное вліяніе примѣра на души расцвѣтающей юности. „Но только отнюдь не давать полную и подробную систему догматики и нравоученія: это для юношескаго возраста было бы непреложнымъ средствомъ заглушить въ немъ истинно нравственное и религіозное чувство; общая школа да будетъ вполнѣ свободна отъ церковной и сектаторской розни“. Повторять и продолжать изученное уже изъ естествовѣдѣнья, физики, химіи и технологіи,—все еще безъ систематической связи, но наглядно. Въ географіи расши-

рается преподаваніе европейскихъ странъ и прибавляется описаніе внѣевропейскихъ. Въ исторіи дается очеркъ всеобщей исторіи народовъ, останавливаясь долѣе но отдѣльныхъ достопримѣчательностяхъ. Въ ариѳметикѣ дѣйствія надъ дробями; въ геометріи общая геометрія и межеваніе. Рисованіе продолжается попрежнему; но чистописаніе не составляетъ болѣе предмета преподаванія. Необходимо однако продолжать изученіе родного языка и упражненія въ письменныхъ сочиненіяхъ: — изготовляются письма, описанія, короткія статьи. Вофранцузскомъ, упражненія въ переводѣ и разговорѣ соединяются съ преподаваніемъ грамматическихъ правилъ. — Преподаваніе распредѣляется такъ: отъ 8 до 10 часовъ по понедѣльникамъ, середамъ и пятницамъ бесѣды о важныхъ дѣлахъ ума и сердца; по вторникамъ, четвергамъ и субботамъ французское; отъ 10 до 12 по понедѣльникамъ, середамъ и пятницамъ рисованіе и естествовѣдѣнье; по вторникамъ, четвергамъ и субботамъ упражненія въ письменныхъ сочиненіяхъ и нѣмецкая грамматика; отъ ½2 до 3 часовъ ариѳметика и геометрія; отъ 3 до 4 географія и исторія; въ одинъ изъ уроковъ декламація.—Пятый классъ занимается отъ 8 до 10 часовъ три дня французскимъ, три дня чтеніемъ и бесѣдами; отъ 10 до 12 часовъ три дня упражненіями въ письменныхъ сочиненіяхъ и нѣмецкою грамматикою, три дня математикой и счетомъ; отъ ½2 до 3 часовъ два раза географіею,статистикою, государственными постановленіями и законами, два раза исторіею, одинъ разъ музыкою; отъ 3 до 4 часовъ два дня естествовѣдѣньемъ, два дня рисованіемъ и одинъ день декламаціею. Практическое руководство къ чтенію и бесѣдамъ о важныхъ дѣлахъ ума и сердца и здѣсь также самое важное. Все, что интересуетъ человѣка какъ человѣка, все, о чемъ приходится думать и говорить образованному, все, что принадлежитъ къ философіи жизни,—вотъ что составляетъ предметъ этого чтенія и этихъ бесѣдъ. Въ пятомъ классѣ необходимо ввести также особое высшее преподаваніе религіи, которое однако должно быть предоставлено законоучителямъ каждаго изъ вѣроисповѣданій, такъ, чтобы никоимъ образомъ не возбуждать сектаторскаго духа и чтобы поддержать въ школахъ религіозное направленіе. Здѣсь также имѣетъ мѣсто краткое преподаваніе практической логики. Въестествовѣдѣньи предлагается болѣе систематическій обзоръ, останавливаясь долѣе на нѣкоторыхъ предметахъ, напр. на изученіи физическаго и духовнаго человѣка; потомъ самое необходимое изъ астрономіи; въ химіи все, что примѣнимо болѣе всего въ домашнемъ хозяйствѣ, земледѣліи и садоводствѣ; общедоступная гигіена. Географія обращаетъ особенное вниманіе на Германію и въ тѣсной

связи съ нею состоящія страны, къ этому присоединяется самое необходимое изъ статистики, государственныхъ постановленій и законовъ. Въ ариѳметикѣ ученикъ долженъ знать обыкновенное коммерческое счетоводство; въ рисованіи талантъ и призваніе ученика рѣшаетъ, изучать ли ему болѣе архитектурные планы, или рисованіе цвѣтовъ, или пейзажей, или фигуръ; въ декламаціи и музыкѣ теорія цѣлесообразно соединяется съ практическими упражненіями. Упражненія во французскомъ языкѣ продолжаются настолько, чтобы вышедшіе изъ этого класса молодые люди были въ состояніи не только читать французскія сочиненія, которыхъ содержаніе соотвѣтствуетъ степени ихъ понимания, но также правильно выражаться пофранцузски и по крайней мѣрѣ написать чёткое французское письмо. Въ нѣмецкомъ языкѣ наконецъ матерьялъ для письменныхъ упражненій заимствуется изъ разныхъ пройденныхъ въ школѣ наукъ и изъ обыденной жизни.—

Вникая въ учебный планъ Наторпа и обозрѣвая первый періодъ развитія мѣщанской школы, пріобрѣтшей съ этихъ поръ право гражданства въ общемъ учебномъ организмѣ, мы убѣждаемся въ истинѣ мнѣнія Бютинга — а именно, что „учебныя заведенія никогда не завершаются вполнѣ, а напротивъ, вслѣдствіе свойства ихъ, вслѣдствіе роста человѣческаго сознанія, вслѣдствіе моды, личностей и обстоятельствъ, они отъ времени до времени подлежатъ измѣненіямъ и улучшеніямъ, а иначе и ихъ будутъ такъ же презирать, какъ нѣчто устарѣвшее и негодное".—

31.

Народныя и мѣщанскія школы въ католическомъ мірѣ.

До половины восемнадцатаго столѣтія образованіе и нравственность въ католическомъ мірѣ, гдѣ представителями являются австрійскія наслѣдственныя земли, (а во второй половинѣ восемнадцатаго столѣтія онѣ же представляютъ и прогрессъ на почвѣ католицизма —) находились на самой низкой ступени. Еще во время войны за наслѣдство въ Австріи перепечатывались баварскія политическія сочиненія и при этомъ переводились „съ баварскаго на нѣмецкое" что по тогдашнему значило на австрійское. А воспитаніе было вѣрнымъ снимкомъ такой точки зрѣнія. Въ „Откровенныхъ письмахъ о настоящемъ состояніи учености въ университетѣ и въ школахъ въ Вѣнѣ" (1774) говорится между прочимъ: „Мамаша зачастую очень

тлупа и горда, натянута и высокопарна, проникнута чопорностью, и дорожа своими милостями, протягиваетъ дѣтямъ для поцѣлуя перчатки, подымается въ три пядени вышиною съ дивана и увѣряетъ ихъ въ своемъ благорасположеніи." Воспитаніе предоставляетъ она домашнимъ и частнымъ наставникамъ, преподававшимъ французскій языкъ, рисованіе, музыку, географію и исторію лишь механически, истязая притомъ память,—„часто даже такимъ мальчикамъ, которые и сами еще нуждаются въ обученіи, которые не обладаютъ ни наукою, ни нравственностью, а тѣмъ еще менѣе умомъ; обученіе дѣтей для нихъ не что иное какъ вынужденное средство промыслить себѣ фунтикъ говядины." При этомъ мамаша не упускаетъ случая напомнить сынку и дочкѣ, „чтобы они какъ за столомъ, такъ и во всѣхъ публичныхъ мѣстахъ, на гуляньяхъ, и т. д. постоянно занимали мѣсто по правую руку учителя и не забывали, что они уже по рожденію выше своихъ наставниковъ." „Въ среднихъ сословіяхъ къ этому присоединяется еще скверная замашка, потѣшаться за столомъ надъ гувернеромъ словно надъ шутомъ или надъ Скапеномъ, причемъ дѣти смѣются отъ души такъ же, какъ они до обѣда, быть можетъ, отъ него плакали"—А въ нравахъ низшихъ слоевъ народа отражались безнравственность и утонченное распутство высшихъ сословій, — невѣжество и тупоуміе. Рождественскія потѣхи, игра въ Адама и Еву, пѣсни и музыка въ новый годъ и пр. до того извратились, что законодательство нашлось вынужденнымъ вмѣшаться въ это какъ противъ „общественнаго соблазна", причемъ оно же настоятельно постановляло, что „палачи, живодеры и песобои", коль скоро сложатъ съ себя свое занятіе, „отнюдь не должны считаться безчестными".—Притомъ народныя школы не удовлетворяли даже самымъ скромнымъ требованьямъ. Цвѣтущія училища протестантовъ въ Богеміи и Моравіи со временъ тридцатилѣтней войны пришли въ упадокъ, „оттого что чрезъ нѣмецкихъ учителей открывался де къ нимъ лишь свободный доступъ ереси"; замѣнившія эти училища католическія школы имѣли единственною цѣлью искоренять еретическіе плевелы и насадить основы чисто католической вѣры,—такъ что преподаваніе въ городскихъ школахъ и въ училищахъ піаристовъ едва доходило до чтенія, письма, счета и первоначальныхъ основъ латыни. Въ Ольмюцѣ въ 1773-мъ г. находилось „четверо присяжныхъ и экзаменованныхъ шульмейстеровъ", изъ коихъ первый получалъ всего по 12 гульденовъ въ годъ изъ схоластическаго фундуша „(ex fundo Scholasteriae)", а остальное собиралъ „съ дѣтей понедѣльно, съ каждаго по 2, а съ учащихся писать и читать по 3 крейцера." О методѣ въ преподаваніи ни помину; дисциплина была грубая. Киндерманъ, занявъ мѣсто священника

въ городкѣ Каплицѣ, такъ изображаетъ состояніе своей школы: „Дѣти, какъ большія, такъ и малыя, скучивались всѣ вмѣстѣ. Одни изъ нихъ требовали, чтобы имъ отломили хлѣбца, другія просили молочной кашицы, а остальныя, казалось, вовсе ничего не желали. Одни то и дѣло выбѣгали, а другія входили. Когда кто нибудь изъ учениковъ громко говорилъ урокъ, то другой тутъ же болталъ, а третій лепеталъ или бормоталъ, повторяя слова перваго. Многіе приходили въ школу только въ такомъ случаѣ, когда не знали, какъ провести иначе время. Въ этой толкотнѣ одинъ учитель не былъ въ состояніи устранить безурядицу. Онъ не могъ ни предотвратить шалостей однихъ, ни запретить другимъ ѣсть или хохотать. Накажи онъ за буйство того или другого, тотчасъ же является сердобольная мать и во всеуслышанье дастъ ему выговоръ за такое жестокое обращеніе съ дѣтьми. Способъ обученія былъ вполнѣ механическій. Онъ ограничивался лишь тѣмъ, чтобы набить голову словами, съ которыми ученики не связывали никакихъ понятій; въ умъ мало входило отъ этого, а въ сердце и того менѣе, — вовсе ничего не входило. Религія была просто дѣломъ памяти, и отвѣчать на нѣкоторые вопросы изъ катехизиса, составляло всю суть въ преподаваніи закона Божія.“. „Даже въ лучшихъ городскихъ школахъ чтеніе состояло въ безсмысленномъ и безтолковомъ подсказываньи и повтореніи съ голоса буквъ; за чистописаніе принимались тамъ лишь на третьемъ или четвертомъ году; желающіе обучаться ариѳметикѣ обязаны были вносить особую за то плату называемую въ нѣкоторыхъ мѣстахъ цыфирными деньгами“. Посѣщеніе школъ соотвѣтствовало скудному ихъ состоянію: въ декабрѣ 1771-го г. въ княжествахъ Тешенѣ и Билицѣ изъ 25696 способныхъ къ школѣ дѣтей обучалось всего только 310, а въ княжествѣ Нейссѣ изъ 7500 всего 445. Въ эрцгерцогствѣ Австріи и Штейермаркѣ при каждой церкви имѣлась правда школа, но приходы состояли изъ далеко раскинутыхъ другъ отъ друга деревень, такъ что изъ дѣтей только весьма немногіе могли ходить въ училище. Притомъ окладъ учителя былъ дотого скуденъ, что онъ поневолѣ прибѣгалъ къ разнымъ побочнымъ промысламъ, которые скоро затѣмъ становились уже главнымъ его занятіемъ. Онъ содержалъ обыкновенно шинокъ, и въ комнатѣ, гдѣ жила семья, гдѣ сидѣли на яицахъ насѣдки, хрюкали поросята, онъ разливалъ вино своимъ гостямъ, заставляя тутъ же одного ученика за другимъ говорить наизустъ катехизисъ и обуздывая школьною ферулою мелкую безпокойную толпу. Въ городахъ не было недостатка въ школахъ, какъ въ деревняхъ,—въ Гретцѣ и въ предмѣстьяхъ его считалось десять нѣмецкихъ училищъ; но даже въ вѣнскихъ городскихъ и

подгородныхъ школахъ учителя, получая лишь скудную плату за обученіе, прибѣгали къ побочнымъ доходамъ, а потому и промышляли большею частью музыкою; они играли въ полпивныхъ зачастую по цѣлымъ ночамъ на пролетъ, а затѣмъ днемъ учили дѣтей угрюмые и сонные. Въ 1770-мъ г. въ австрійскихъ владѣніяхъ изъ 133419 способныхъ къ обученію дѣтей только 23292 посѣщали школу.

Вторая половина восемнадцатаго столѣтія пролила свѣтъ въ этотъ мракъ, облекавшій школы католическихъ земель!

Лица, занимавшія архіепископскія и епископскія мѣста, первыя постигли духъ католицизма во всей его чистотѣ и съ своими совѣтниками порадѣли о благѣ народа. Между ними главное мѣсто занимаетъ *Францъ Фюрстенбергъ* (1729—1810) въ области Мюнстера, озаботившійся какъ объ улучшеніи внѣшняго положенія и образованія народныхъ учителей, такъ и о своевременномъ измѣненіи учебнаго плана и метода. Прежде еще (1763) *Эммерихъ Іосифъ* въ Майнцскомъ курфюршествѣ убѣдился, благодаря своему канцлеру Бенцелю, въ необходимости основательнаго улучшенія общественнаго преподаванія. Для образованія способныхъ народныхъ учителей открыли нормальную школу, въ которой молодые люди, пріобрѣтшіе уже нѣкоторыя познанія, обучались чистописанію и орѳографіи, нѣмецкимъ сочиненіямъ, религіи, ариѳметикѣ, геометріи, географіи, естественной исторіи и методу преподаванія. Вмѣстѣ съ тѣмъ новыми учебными уставами измѣнены сообразно съ требованьями эпохи наружныя и внутреннія условія народныхъ школъ.—*Баварія* также была охвачена этимъ учебно-реформаторскимъ стремленіемъ: тутъ одни учебные планы смѣнялись другими, пока наконецъ въ 1806-мъ г. для первоначальныхъ школъ въ городахъ и селахъ ве былъ установленъ планъ, въ которомъ предметы преподаванія дѣлились на шесть слѣдующихъ классовъ: Богъ, человѣкъ, природа, искусство, языкъ, отношеніе чиселъ и мѣръ, причемъ ученіе о человѣкѣ заключало въ себѣ анатомію, психологію и исторію человѣчества,—о природѣ естественную исторію, естествовѣдѣнье и землеописаніе,—объ искусствѣ знаніе ремеслъ, искусствъ и ихъ произведеній.—Въ *Зальцбургѣ* строились новыя учебныя зданія, увеличивались оклады учителей, пріурочивались къ мѣщанскому быту, учителямъ дана была возможность наставлять своихъ учениковъ не только въ наукахъ, но также и въ ремеслахъ,—въ 1790-мъ г. открыли тамъ институтъ для образованія школьныхъ учителей, а въ 1792-мъ общественную каѳедру педагогики и объявили студентамъ, что желающіе получить мѣста чиновниковъ и начальниковъ въ деревняхъ обязаны посѣщать учрежденныя лекціи о педагогикѣ. — Въ аббатствѣ *Нересгеймѣ* уже въ 1769-мъ г. при государственномъ прела-

тѣ Венедиктѣ Мартинѣ обнародована „инструкція для католическихъ учителей“; свободная отъ односторонняго католицизма она въ постановленіяхъ своихъ гласитъ: „Учитель обязанъ, не лицемѣря, исповѣдовать истинную религію, онъ да не ненавидитъ никого за другое ученіе и да воздерживается особенно отъ гоненій за вѣру; а потому онъ долженъ ревностно впечатлѣть въ сердцахъ дѣтей заповѣдь: возлюби Господа Бога твоего всею душею твоею, а ближняго твоего какъ самого себя—и тщательно вселять въ нихъ добродѣтели, наиболѣе полезныя для человѣческаго общества.“ „Къ предметамъ преподаванія учителя относятся христіанское ученіе, благонравіе, чтеніе на родномъ языкѣ, чистописаніе на томъ же языкѣ, счетъ, первоначальныя основанія латини и музыка. Но пониманіе латинскаго языка собственно не необходимо; къ этому надо подготовлять только способныхъ дѣтей, причемъ однако учитель обязанъ остеречься, чтобы безъ вѣдома начальства не допускать всѣхъ и всякаго, кто изъявляетъ къ тому желаніе, а иначе государство, какъ уже часто случалось, можетъ лишиться иного дѣльнаго гражданина, и тогда къ великому ущербу мірского промышленнаго сословія деньги перейдутъ въ монастыри.“ Учреждались также воскресныя и праздничныя училища для дѣтей и холостыхъ сыновей до 30-тилѣтняго возраста, испытывались школьные учителя и пр., въ 1783-го г. введены публичныя испытанія всѣхъ дѣтей въ школахъ, публичная раздача книгъ въ награду и т. п., а въ 1790-мъ г. обнародованъ учебный уставъ, всилу котораго „должность учителя считалась одною изъ самыхъ высокихъ и наиболѣе важныхъ должностей въ общинѣ“; предметами преподаванія назначались: христіанское ученіе, благопристойный образъ жизни и добронравіе, а именно также разумное обращеніе съ животными, нѣмецкій языкъ, счетъ, общеполезныя знанія, т. е. практическія правила, гигіена, домоводство, сельское хозяйство, естественныя науки и отечественная исторія. Объясняя вѣроученіе, преподаватель да воздерживается отъ всякаго ругательства и поношенія еретиковъ и невѣрующихъ напр. лютеранъ, евреевъ и пр. и да не позволяетъ дѣтямъ съ презрѣніемъ и хулою говорить о людяхъ, принадлежащихъ не къ той вѣрѣ, какую мы исповѣдуемъ.—

Эти постановленія вызваны умомъ одного изъ людей, сообщившихъ всей католической Германіи толчокъ къ новому развитію школъ. Имя этого мужа, урядившаго въ католической церкви учебную систему и внушившаго ей особую дидактику.

Іоаннъ Игнатій Фельбигеръ.

Онъ родился въ 1724-мъ г. въ Гросъ-Глогау въ Силезіи, изучалъ въ Бреславскомъ университетѣ теологію, вступилъ въ 1746-мъ г. въ княжескій монастырь Canonicorum regularium Ordinis S. Augustini Congregationis Lateranensis Богоматери въ Саганѣ, что въ Силезіи, и сдѣлался тамъ въ 1758-мъ г. архипресвитеромъ, потомъ аббатомъ и прелатомъ. Будучи въ качествѣ послѣдняго смотрителемъ надъ церквами и школами въ городѣ и принадлежащихъ къ нему деревняхъ, онъ обратилъ вниманіе на жалкое состояніе католическихъ училищъ и рѣшился потомъ ревностно приняться за ихъ улучшеніе. Въ 1762-мъ г. онъ тайкомъ въ сопровожденіи друга своего Франца Зухера отправился въ Берлинъ, съ тѣмъ чтобы ознакомиться тамъ съ основанною Гекеромъ „Берлинскою реальною школою". Возвратясь, оттуда, онъ на свой счетъ отправилъ нѣсколькихъ молодыхъ людей для обученія въ Берлинъ, открылъ заведенія для образованія школьныхъ учителей, семинаріи, т. е. нормальныя училища для нагляднаго изученія новаго способа преподаванія въ Саганѣ, Левбусѣ, Грюссау и Рауденѣ, а впослѣдствіи въ Бреславлѣ, Ратиборѣ и Габельшвердтѣ, содѣйствовалъ личнымъ соучастіемъ подъему преподаванія, печаталъ въ своей собственной типографіи учебныя руководства, пекся объ улучшеніи школьныхъ окладовъ и всюду настаивалъ на правильномъ устройствѣ учебной системы. При помощи этого мужа силезскій министръ графъ Шлаберндорфъ надѣялся предполагаемыя въ Пруссіи учебныя преобразованія ввести также и въ новыя католическія области. Вслѣдствіе этого Фельбигеръ съ 1765-го г. особенно занялся разработкою и выполненіемъ „Учебнаго регламента для школъ римско-католическихъ жителей въ городахъ и деревняхъ самодержавнаго герцогства въ Силезіи и въ графствѣ Глатцѣ". Онъ настаиваетъ въ немъ на тщательной подготовкѣ учителей и на обязательномъ посѣщеніи семинарій, имѣющихъ въ особенности въ виду сообщить надлежащія свѣдѣнья объ искусствѣ обучать юношество нѣмецкому языку по принятому въ католическихъ школахъ методу. „Учитель долженъ домогаться, чтобы все, чему бы ни обучали въ его школѣ преподавалось и изучалось основательно, съ пользою и такъ какъ оно примѣняется въ обыденной жизни. Поэтому онъ обязанъ по возможности объяснять своимъ ученикамъ причину всѣхъ вещей. Онъ долженъ стараться не только наполнять память учениковъ, но и просвѣщать и упражнять ихъ умъ. Такъ какъ по нашему разумѣнію методъ, по которому обучались на-

наченные при нормальной школѣ первые учителя, оказался именно такого свойства, что соблюденіемъ его все требуемое можетъ быть исполнено, то желаемъ и предписываемъ примѣнять его вездѣ, вводить изъ него все самое существенное, состоящее изъ буквеннаго метода, таблицъ, вопросовъ и отвѣтовъ и совмѣстнаго обученія, а также вездѣ употреблить составленныя для этого книги и таблицы". Фельбигеръ совершилъ затѣмъ строгую визитацію всѣхъ подлежавшихъ его вѣдѣнью школъ и участвовалъ въ Бреславлѣ въ назначенной министромъ конференціи для совѣщанія объ учебныхъ дѣлахъ, гдѣ и было рѣшено открыть въ Бреславскомъ департаментѣ 189 новыхъ католическихъ училищъ, изъ коихъ 82 были уже вполнѣ устроены, 46 до постройки зданій помѣщены въ наемныхъ домахъ, а 61 имѣлись еще въ виду. Возвратясь въ Бреславль, онъ составилъ инструкцію для директоровъ семинарій, визитаторовъ училищъ, архипастырей, пасторовъ и учителей и въ циркулярѣ при третьемъ или силезскомъ пространномъ катехизисѣ обратилъ вниманіе священниковъ на благотворное вліяніе церковной катехизаціи. Основою этой катехизаціи онъ въ Саганскихъ школахъ ввелъ три катехизиса, изъ коихъ каждый былъ разсчитанъ на развитіе одной изъ трехъ душевныхъ способностей: первый назначенъ былъ только для начинающихъ, съ тѣмъ, чтобы они изучали на память главнѣйшіе догматы, второй—чтобы освоить умъ съ католическимъ ученіемъ, а третій—чтобы повліять на волю учениковъ. Съ цѣлью распространить свои идеи въ болѣе обширныхъ кругахъ, онъ въ 1772-мъ г. написалъ для руководства учителямъ относительно новаго способа преподаванія свое сочиненіе: „Свойства, знанія и признаки добросовѣстныхъ преподавателей, обязанныхъ съ пользою обучать юношество въ первоначальныхъ городскихъ и сельскихъ школахъ согласно съ обнародованнымъ въ Силезіи для римско-католическихъ жителей королевскимъ общимъ учебнымъ регламентомъ". Въ школѣ—говоритъ онъ тамъ—ничего еще не достигнуто, если набивается одна только память дѣтей и ихъ мучаютъ заучиваньемъ наизустъ; чему бы ни учились дѣти, они должны все понимать и умѣть примѣнять: поэтому преподаватель долженъ быть въ состояніи сдѣлать имъ все понятнымъ и вразумительнымъ; онъ долженъ убѣдиться, хорошо ли они все поняли и умѣютъ ли правильно примѣнять выученное. Но это еще не все. Для того чтобы вникнуть въ важность учительской должности, надо помнить, что школы и учителя обязаны сдѣлать дѣтей полезными членами государства, разумными людьми, честными христіанами, т. е. соучастниками земнаго и вѣчнаго блаженства. А потому въ школахъ слѣдуетъ тщательно развивать молодыхъ людей особенно относительно ума

и улучшенія воли, наполнить память не одними только словами, но также и предметами, изощрить разсудокъ, побуждать къ мышленію и сужденію; объяснять причину всѣхъ вещей, такъ чтобы молодые люди поняли ее, и поощрять ихъ вопросами. Чтобы исполнить это, учитель обязанъ примѣнить къ дѣлу четыре статьи: 1) Обучать молодыхъ людей въ общественныхъ школахъ не только поодиночкѣ, но большею частью вмѣстѣ (совмѣстное обученіе); 2) Тщательнымъ выспрашиваньемъ постоянно наблюдать, вѣрно ли ученики поняли преподаваемое (катехизація); 3) Относительно предметовъ, которые надлежитъ запечатлѣть въ памяти, пользоваться особеннымъ пріемомъ, такъ называемымъ буквеннымъ методомъ; 4) На все употреблять извѣстныя таблицы, въ которыхъ изучаемые предметы размѣщены въ надлежащемъ порядкѣ, ясно и по возможности подробно (составленіе таблицъ). Совмѣстное обученіе состоитъ въ томъ, чтобы всѣ ученики за одинъ и тотъ же предметъ принимались въ одно и то же время, а не повторяли бы одинъ за другимъ техническіе термины. На этотъ конецъ учителя должны настаивать: 1) чтобы у дѣтей для складовъ, чтенія и ученія были одинаковыя книги; 2) если ученикамъ приходится что-либо читать или говорить наизустъ, то пріучать ихъ произносить одни и тѣ же слова одинаковымъ тономъ и въ одно и то же время; 3) но для того чтобы ученики не привыкали къ одному и тому же тону, учитель долженъ иногда мѣнять его и заставлять дѣтей складывать, читать и отвѣчать въ этомъ измѣненномъ тонѣ; 4) дѣтей, обладающихъ вообще одинакими способностями и знаніями, соединять въ одинъ классъ и т. д. Буквенный методъ состоитъ въ томъ, что на доскѣ при ученикахъ не спѣша, четко и въ порядкѣ пишутъ начальныя буквы тѣхъ словъ, которыя хотятъ запечатлѣть въ ихъ памяти. Записывая, слѣдуетъ внятно выговаривать слова и пріучать учениковъ быть внимательными какъ къ тому, что говорится, такъ и къ каждой записываемой буквѣ. При видѣ буквъ внимательный ученикъ вспомнитъ также и слова, какія учитель выговаривалъ, записывая ихъ. Какъ слова, такъ и означаемыя ими предметы онъ впечатлѣетъ въ своей памяти въ томъ же порядкѣ, въ какомъ начальныя буквы расположены на доскѣ. Потомъ заставляютъ учениковъ сперва всѣмъ вмѣстѣ, а послѣ также и поодиночкѣ внятно и ясно выговаривать фразу, помогаютъ имъ въ случаѣ ошибки, и продолжаютъ такимъ образомъ до тѣхъ поръ, пока они не усвоятъ ее себѣ. Наконецъ стираютъ буквы и испытываютъ, въ состояніи ли ученики сказать заученное наизустъ. Подъ составленіемъ таблицъ разумѣютъ употребленіе статей, при помощи которыхъ все, подлежащее

изученію, распредѣляется по главнымъ частямъ и побочнымъ предметамъ, по отдѣламъ, приставкамъ и опредѣленіямъ, такъ чтобы учащіеся могли видѣть не только то, что имъ необходимо знать о подобныхъ предметахъ, но также и порядокъ, въ какомъ каждый изъ нихъ слѣдуетъ за другимъ и какъ они связаны между собою. Имѣются двоякаго рода таблицы: 1) устроенныя въ родѣ родословныхъ деревъ съ скобками; 2) такія, въ которыхъ главные и побочные предметы и все къ нимъ принадлежащее отмѣчаются простымъ внесеніемъ начальныхъ буквъ каждаго слова. Напр. Катехетическая таблица: Объясненіе: (К)атехизисомъ (н)азывается (к)нига, (п)о (к)оторой (д)ѣти (и)зучаютъ (з)аконъ (Б)ожій (п)о (в)опросамъ (и) (о)твѣтамъ. Христіанское ученіе опредѣляется слѣдующимъ образомъ:

Вообще.

Сюда относится все, что каждому христіанину	отчасти необходимо знать,	что существуетъ Богъ все создавшій и пр. что Богъ праведный судья и пр.
	отчасти предписано и полезно знать,	апостольскую вѣру, молитву Господню, пѣснь ангеловъ и пр.

Въ особенности.

Сюда относится ясное сознаніе всего, что христіанамъ предписано	принимать на вѣру, надѣяться, любить, употреблять, избѣгать, исполнять, допускать,	что открылъ людямъ Богъ, во что Онъ черезъ свою церковь повелѣваетъ вѣровать и пр.

По буквенному методу:

В.

С о в, ч к х	о н з,	ч с Б, в с и пр. ч Б п с и пр.
	о п и п з	а в, м Г, п а и пр.

В о

С о я с в, ч х п	п н в, н, л, у, из, ис, д,	ч о л Б, в ч О ч с ц п в и пр.

Этотъ методъ даетъ отвлеченное вмѣсто конкретнаго, правила о языкѣ вмѣсто упражненія на дѣлѣ, слова вмѣсто предметовъ. Это не что иное какъ механизмъ обученія, отвѣчающій механически систематизирующему духу, какой

іезуитизмъ отпечатлѣлъ на католической системѣ преподаванія; — созданный нравственнымъ, гуманнымъ и интеллектуальнымъ духомъ Фельбигера, такой методъ впослѣдствіи послужилъ іезуитизму орудіемъ для закоснѣлой формы преподаванія и школъ. Въ личныхъ попыткахъ Фельбигера, какъ говоритъ Геппе,—въ противоположность поддерживаемой дотолѣ въ католицизмѣ монашески и іезуитски-іерархической культуры, хотя можетъ быть и одностороннимъ образомъ —выразился тотъ истый духъ христіанства, который, не помышляя о прославленіи папскаго авторитета и іерархіи наружныхъ церковныхъ институтовъ, обратилъ свое вниманіе на то, что необходимо было для христіанскаго и благочестиваго образованія народа.

Съ 1774 го г. Фельбигеръ перенесъ свою дѣятельность изъ Силезіи въ *Австрію*, куда Марія Терезія пригласила его для преобразованія школъ. *Марія Терезія*, избавивъ свою страну отъ бѣдствій войны, особенно въ послѣднюю треть своего 40-лѣтняго царствованья, когда сынъ ея, увѣнчанный въ 1764-мъ г. германскою короною Іосифъ II, состоялъ при ней соправителемъ, а Кауницъ служилъ опорою внѣшней и внутренней политики, предприняла самыя плодотворныя и рѣшительныя преобразованія. Въ десятилѣтіе отъ 1770-го до 1780-го г. совершилось основаніе австрійской народной школы. Уже въ январѣ 1771-го г., по предложенію нижнеавстрійской учебной коммиссіи, душою которой былъ Гегелинъ, открыли нормальную школу въ Вѣнѣ, а съ 1770-го и до 1772-го г. какъ государственный совѣтъ и министры, такъ и соправитель и императрица были заняты учебнымъ планомъ графа *Пергена*, заявившаго: 1) Необходимо государственною властью установить по возможности вполнѣ разработанный планъ касательно совокупной системы школъ и воспитанія, который во всѣхъ своихъ частяхъ стремился бы къ великой цѣли воспитать истинныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ образованныхъ, способныхъ и ревностныхъ къ службѣ отечеству христіанъ. „Система школъ и воспитанія—имѣя въ виду возвратить родителямъ ихъ самое дорогое и часто даже единственное благо, а государству даровитыхъ и превосходныхъ, или посредственныхъ обыденныхъ и простыхъ людей — должна съ этихъ поръ считаться достойнымъ важнѣйшихъ обсужденій предметомъ и при этомъ слѣдуетъ постоянно и безъ пристрастія къ существующимъ туземнымъ учрежденіямъ принимать въ соображеніе примѣры другихъ государствъ“. Для достиженія цѣли воспитанія школы должны быть распредѣлены слѣдующимъ образомъ: А. Всеобщія тривіальныя училища, а именно а) сельскія „для образованія крестьянина сообразно потребностямъ всей его жиз-

ни“; b) низшія учебныя заведенія въ городахъ, гдѣ мѣщанскимъ дѣтямъ дается первоначальное обученіе; B. Реальныя училища „для молодыхъ людей, назначаемыхъ помимо сельскаго быта ко всякому иному роду жизни и промысла, или къ настоящему изученію наукъ и латини“; C. „Ученыя или латинскія школы и гимназіи для a) молодыхъ дворянъ, b) для сыновей другихъ достаточныхъ родителей, c) для бѣдныхъ, но чрезвычайно даровитыхъ дѣтей“. 2) Надзоръ надъ системою школъ и воспитанія и управленіе ею во всемъ объемѣ и по всѣмъ отраслямъ должны вполнѣ и постоянно подлежать государству. „Правительство обязано имѣть непосредственное наблюденіе за системою школъ и воспитанія и во всякое время опредѣлять и знать въ точности, или имѣть возможность ежеминутно узнавать, кѣмъ, какъ, гдѣ и съ какою цѣлью что-либо преподается“. 3) Обученіе и воспитаніе должны быть рѣшительно изъяты изъ рукъ монаховъ, которымъ они, за исключеніемъ медицинскихъ наукъ, доселѣ почти вполнѣ поручались, и школы необходимо замѣстить одними только мірскими учителями или все-таки свѣтскими духовными лицами. Необходимость этого вытекаетъ изъ двухъ соображеній: a) образованіе юношества въ руководимыхъ монашескими орденами школахъ никоимъ образомъ не удовлетворяетъ требованьямъ, не отвѣчаетъ ожиданіямъ, какія поставляются государствомъ, какія питаются родителями; и b) при устройствѣ, какимъ отличаются эти монашескія корпораціи и по присущему имъ духу нельзя надѣяться, чтобы онѣ когда либо удовлетворяли этимъ требованьямъ, отвѣтили этимъ ожиданіямъ.—Учебный планъ Пергена былъ устраненъ, оттого что графъ Гацфельдъ возсталъ противъ трехъ статей: противъ устраненія духовныхъ лицъ, противъ учрежденія самостоятельной и независимой учебной и ученой главной директоріи, и особенно противъ требуемаго имъ вызова иноземныхъ педагоговъ, что оказывается излишнимъ, „такъ какъ способъ обученія послѣднихъ можно заимствовать изъ ихъ книгъ, а дальнѣйшія поясненія можно вытребовать посредствомъ переписки или отправки къ нимъ довѣреннаго лица“,—а сверхъ того вреднымъ, „такъ какъ это можетъ возбудить вниманіе и подозрѣніе публики относительно новаго способа обученія“. Учебный планъ Пергена „былъ отложенъ по высочайшему повелѣнію“ главнѣйше оттого, что соправитель мнѣніемъ отъ 15-го іюля 1772-го г. заявилъ, что призывъ въ настоящее время одного или нѣсколькихъ ученыхъ, какъ то предлагается Пергеномъ, кажется ему весьма полезнымъ, но крайне несвоевременнымъ предложеніемъ. „Намъ слѣдуетъ — говоритъ Іосифъ — прежде всего добиваться, чтобы всѣ подданные

по возможности научились писать, читать и немного считать; для этого нѣтъ надобности въ ученыхъ; необходимы лишь школы и распространеніе Саганскаго способа обученія, вмѣстѣ съ тѣмъ назначеніе оклада способнымъ учителямъ, подчиненіе духовнаго преподаванія и существенная связь его съ лучшими частями всеобщаго обученія, потомъ улучшеніе всѣхъ грамматическихъ правилъ и сокращеніе безполезныхъ латинскихъ мелочей, затѣмъ стипендіи для особенно даровитыхъ личностей какого бы то ни было сословія, которыя, смотря по ихъ различнымъ дарованіямъ, снабжались бы средствами, чтобы изслѣдовать наиболѣе понятныя для нихъ науки и вполнѣ посвятить себя имъ; сиротскіе дома, фундуши, коллегіи, академіи, изъ коихъ такимъ же образомъ устранялось бы все безполезное и въ которыхъ удерживались бы только дѣйствительно трудолюбивые и подающіе надежду юноши, само собою разумѣется не тѣ, которые находятся тамъ за свои собственныя деньги, но которые содержатся на общественный счетъ или фундушами. Затѣмъ слѣдуетъ размѣстить молодыхъ людей по окончаніи ихъ ученія; низшій классъ, получивъ образованіе, пристроится въ торговомъ званіи, на частной службѣ, наконецъ въ арміи, гдѣ ощущается большой недостатокъ въ унтерофицерахъ. Для дворянъ недавно дѣлались уже предложенія, которыя должны бы повести къ чему нибудь. Въ гражданской службѣ, точно такъ же какъ и въ духовномъ и военномъ званіи, не слѣдовало бы дѣлать различія между дворянами и другимъ сословіемъ; необходимо отмѣнить всякія привилегіи и отдавать преимущество одному только старшинству. Послѣ всѣхъ этихъ учрежденій настанетъ пора пригласить ученыхъ, и мнѣ хотѣлось бы, чтобы по возможности скорѣе достиглась цѣль моихъ желаній и изъ многихъ упомянутыхъ здѣсь предположеній хоть нѣкоторыя исполнились еще при моей жизни“.—Итакъ, отвергнувъ предложенія Пергена, все-таки не пришли еще ни къ какому общему учебному плану; а тѣмъ временемъ отмѣнили орденъ іезуитовъ и наслѣдовали отъ него значительныя суммы для учебныхъ и воспитательныхъ цѣлей,—притомъ большое число латинскихъ іезуитскихъ школъ также не могло существовать долѣе, и потому въ 1773-мъ г. уже было постановлено: „отмѣнить совершенно разныя гимназіи и незначительныя двухъ и трехъ-классныя училища, а взамѣнъ того въ тѣхъ же мѣстностяхъ назначить нѣмецкихъ учителей по введенному методу нормальной школы“; наконецъ при проникавшемъ всюду преобразованіи ученыхъ заведеній, которыя по всѣмъ ступенямъ должны были перейти въ другія руки, нельзя было также оставить безъ вниманія и внѣ связи подготовительную основу„ первоначальныхъ школъ“. Къ этому присоединились еще недоразумѣнія при нормальномъ учи-

лищѣ. Оно нуждалось въ руководителѣ. Наконецъ-то нашли его въ часто упоминаемомъ учебною коммиссіею, придворною канцеляріею и государственнымъ совѣтомъ аббатѣ Саганскомъ. Явился Фельбигеръ. Въ качествѣ главнаго директора учебной системы для австрійскаго государства онъ въ 1774-мъ г. выработалъ „всеобщій учебный уставъ для нѣмецкихъ нормальныхъ, главныхъ и тривіальныхъ школъ во всѣхъ австрійскихъ наслѣдственныхъ владѣніяхъ, основываясь на главной мысли, „что отъ хорошаго воспитанія и руководства въ раннемъ возрастѣ зависитъ будущій строй жизни всѣхъ людей и образованіе ума и образа мыслей всего народа вообще, которое можетъ быть достигнуто только тогда, когда цѣлесообразными воспитательными и учебными заведеніями разсѣется мракъ невѣжества и всякому дано будетъ приличное его званію образованіе". Для достиженія этой цѣли организуются три рода нѣмецкихъ школъ: 1) Въ каждой провинціи, а именно въ мѣстахъ, гдѣ находится учебная коммиссія, нормальныя школы въ качествѣ высшаго реальнаго и образцоваго училища, при одномъ директорѣ съ 4 до 5 учителей. Предметы преподаванія: законъ Божій; склады, чтеніе, правописаніе и каллиграфія, счетъ; нѣмецкій языкъ, латинь, исторія, географія, естествознаніе, геометрія, начальныя основанія межеванія и зодчества, механика; а для подготовки будущихъ учителей сверхъ того методика, управленіе школою и пр. 2) Нѣмецкія главныя училища, съ тѣми же предметами преподаванія, что и въ нормальныхъ школахъ, но только съ болѣе ограниченною цѣлью, съ тремя и не болѣе какъ съ четырьмя учителями и тремя классами,—въ большихъ городахъ и монастыряхъ, такъ что въ каждомъ округѣ провинціи находилось бы по крайней мѣрѣ по одной школѣ. 3) Обыкновенныя нѣмецкія или тривіальныя училища во всѣхъ маленькихъ городахъ, мѣстечкахъ и селахъ, по крайней мѣрѣ во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ находятся приходскія церкви. Въ нихъ назначено преподавать: законъ Божій и священную исторію, нравоученіе, чтеніе по печатному и писанному, скоропись, счетъ. Сверхъ того „надлежащее для поселянъ наставленіе о честности и хозяйствѣ". Законъ Божій во всѣхъ училищахъ преподается священниками. Въ нормальныхъ и главныхъ школахъ для этого назначаются особые учителя изъ духовенства, имѣющіе ежедневно преподавать по крайней мѣрѣ по одному часу и объяснять катехизисъ, священную исторію, нравоученіе и воскресныя проповѣди; въ тривіальныхъ училищахъ пасторы или ихъ викаріи обязаны по крайней мѣрѣ одинъ разъ переспросить катехизисъ. Методъ примѣняется буквенный. Для вышедшихъ изъ школы молодыхъ

людей каждое воскресенье послѣ обѣдни назначаются два часа для повторенія, въ которые учитель подъ вѣдѣньемъ пастора объяеняетъ воскресныя проповѣди, обучаетъ чтенію, чистописанію и счету и повторяетъ пройденное прежде. Во всѣхъ мѣстахъ должны находиться списки обязанныхъ посѣщать школу дѣтей. Въ классномъ журналѣ отмѣчаются присутствіе и неявка учениковъ. Ни одного пастора нельзя назначать для занятія связанной съ попеченіемъ о духовной паствѣ должности, если онъ непредъявитъ выданнаго катехетомъ нормальной школы свидѣтельства въ томъ, что онъ достаточно свѣдущъ въ предписанныхъ учебнымъ уставномъ предметахъ преподаванія и знакомъ съ новымъ учебнымъ методомъ. Учителемъ можетъ быть только тотъ, кто по произведенномъ испытаніи оказалъ удовлетворительныя познанія, кто слѣдовательно въ образцовой или даже въ находящейся по близости главной школѣ по предписанному методу обучался и снабженъ свидѣтельствомъ о хорошо выдержанномъ экзаменѣ. Директоры и учителя при нормальной и главной школахъ получаютъ постоянный окладъ наличными деньгами. Сельскіе учителя содержатся на счетъ общинъ, въ которыхъ они служатъ: самый простой и наиболѣе выгодный способъ состоитъ въ отведеніи имъ извѣстнаго размѣра полей и луговъ; самый дурной способъ замѣнять окладъ учителей состоитъ въ платѣ за ученье, оттого что въ такомъ случаѣ родители часто удерживаютъ своихъ дѣтей дома, лишь бы не платить ничего; сельскимъ учителямъ не возбраняется также помимо учебной должности заниматься еще другимъ честнымъ промысломъ, если только это не мѣшаетъ ихъ главному дѣлу и если отъ того не страдаетъ ихъ достоинство.—Школу должны посѣщать дѣти того и другого пола, родители которыхъ не намѣрены или не въ состояніи содержать домашняго наставника,—а именно по достиженіи ими шестилѣтняго возраста по малой мѣрѣ въ теченіе шести или семи лѣтъ. Ученіе производится ежедневно зимою по утрамъ отъ 8 до 11, а лѣтомъ, по крайней мѣрѣ въ деревнѣ, отъ 7 до 10, послѣ обѣда непремѣнно отъ 2 до 4 часовъ. Въ деревняхъ въ лѣтніе мѣсяцы дѣтей отъ 9-ти до 13-ти-лѣтняго возраста не слѣдуетъ понуждать къ посѣщенію школы. Учитель долженъ обучать заразъ всѣхъ учениковъ одного класса и особенно пользоваться надлежащимъ образомъ совмѣстнымъ чтеніемъ; ему предписывается употреблять въ дѣло таблицы, а въ менѣе обширныхъ предметахъ буквенный методъ; для того чтобы все его преподаваніе было плодотворно и чтобы убѣдиться, поняли ли ученики пройденное, онъ обязанъ умѣть также пользоваться катехизаціею. Всѣ предметы, какіе необходимо изучать юношеству, а слѣдовательно также и религіозныя истины,

необходимо сперва запечатлѣть въ ихъ памяти. Малолѣтнимъ необходимо заучивать наизусть важнѣйшія статьи учебнаго предмета тѣмъ болѣе, что у нихъ часто недостаетъ не только словъ, ни даже и понятій о вещахъ. Однако все изучаемое должно быть хорошо понято; надо побуждать молодыхъ людей, коль скоро они способны на это, выражаться о пройденномъ собственными словами, говорить объ немъ какъ обо всякой другой знакомой имъ вещи; наконецъ все слышанное и читанное слѣдуетъ не только изучить и понять, но также запечатлѣть въ душѣ, и такимъ образомъ влiять на волю. Дисциплина поддерживается соблюденiемъ всего, что предписывается законами школы. Наставникъ да помнитъ, что люди всякаго рода, даже самый нѣжный возрастъ, охотнѣе повинуются ласкѣ и разуму, нежели насилiю;—онъ да избѣгаетъ всего, что могло бы унизить или умалять его достоинство въ глазахъ учениковъ; — и да прибѣгаетъ къ строгости лишь тогда, когда ласка не помогаетъ. Въ школѣ допускаются слѣдующія наказанiя: розги для младшихъ и среднихъ учениковъ, гибкiя трости для болѣе взрослыхъ учениковъ, лишенiе прiятныхъ вещей, стыдъ, имѣющiй прямое отношенiе къ проступку. Но изгоняютъ всякаго рода посрамляющiя наказанiя, какъ то позорнщiя и нарочно придуманныя униженiя, въ родѣ ослиныхъ ушей и т. п.—Непосредственный надзоръ въ нормальныхъ и главныхъ школахъ подлежитъ директору, а въ другихъ училищахъ мѣстнымъ пасторамъ. Для извѣстнаго числа школъ назначается главный смотритель, который объѣзжаетъ округъ по крайней мѣрѣ разъ въ годъ, устроиваетъ находящiяся тамъ школы и наблюдаетъ какъ за внѣшними, такъ и за внутренними ихъ дѣлами. Въ каждой провинцiи находится учебная коммиссiя, состоящая изъ трехъ совѣтниковъ мѣстнаго земства, изъ уполномоченнаго ординарiата и изъ секретаря съ привлеченiемъ директора нормальной школы. Главная дирекцiя нѣмецкихъ школъ въ Вѣнѣ служитъ въ учебныхъ дѣлахъ оффицiальнымъ органомъ высшей власти. „Итакъ—говоритъ Фельбигеръ—государственные люди бдятъ надъ системою школъ; они предохраняютъ отъ упадка пошатнувшiяся заведенiя; черезъ этихъ мужей императрица получаетъ извѣстiя о состоянiи послѣднихъ; черезъ нихъ она раздаетъ свои приказанiя для усовершенствованiя училищъ. Нигдѣ школы не связаны такъ тѣсно съ правительствомъ, какъ въ государствѣ Марiи Терезiи“.—Эта новая учебная система имѣла счастливый починъ. Въ Вѣнѣ вскорѣ оказалось 11 школъ съ 862 учениками и 962 ученицами; въ предмѣстьяхъ Вѣны три главныя и 62 тривiальныя школы съ 4666 учениками и 2286 ученицами; въ деревняхъ близъ Эмса 4 главныя школы съ 1219 учениками, 2 училища

англійскихъ дѣвицъ съ 118 дѣтьми, 761 тривіальная школа съ 21055 учениками и 17 нормальныхъ училищъ.

Учебная реформа Фельбигера болѣе всего распространилась въ *Богеміи*, гдѣ деканъ *Фердинандъ Киндерманъ* изъ Каплица, возведенный за услуги по учебному вѣдомству въ дворянство подъ именемъ *фонъ-Шульштейна*, многое превосходно уже подготовилъ. Онъ вновь организовалъ свою приходскую школу, и она вошла въ такую славу, что вездѣ стали подражать его учебнымъ учрежденіямъ. Въ ней и въ устроенныхъ по его плану народныхъ училищахъ преподавали чтеніе, письмо, счетъ, законъ Божій и священную исторію, нравоученіе, правописаніе, музыку и сельское хозяйство. Когда въ 1773 г. заведеніе Киндермана возведено было въ нормальную школу, то онъ расширилъ его въ томъ отношеніи, что устроилъ при немъ еще ремесленное училище, считая необходимымъ ввести занятія ремеслами въ учебный планъ, потому что такимъ образомъ въ школахъ можно внушить дѣтямъ не только настоящую охоту и способность къ труду, но также благодаря смѣнѣ преподаванія обычныхъ учебныхъ предметовъ ремесленными занятіями, любовь и влеченіе къ школѣ; а сверхъ того этимъ дается еще средство въ ней самой пріобрѣтать необходимыя деньги для покупки учебниковъ и письменныхъ принадлежностей. Онъ указалъ притомъ нуждающимся учителямъ, какъ съ помощью ремесленныхъ классовъ они могли бы улучшить свои средства пропитанія, какъ жены ихъ вязаньемъ, шитьемъ, пряденіемъ, чесаніемъ шерсти и пр., а они сами разведеніемъ деревъ, огородничествомъ, шелководствомъ и пр. могли бы добыть себѣ заработокъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ съ пользою и пріятно восполнить часы досуга. „Выгоды, проистекающія изъ такихъ ремесленныхъ школъ, велики, значительны. Онѣ предотвращаютъ грѣхъ и порокъ и способствуютъ преуспѣянію человѣческаго общества“.

Іосифъ II продолжалъ идти по стопамъ своей матери, которая и прежде уже дѣйствовала въ согласіи съ нимъ. Вотъ его молитва: „Боже праведный! Ты весь терпимость и любовь, солнце Твое свѣтитъ какъ христіанамъ, такъ и богоотступникамъ, Твой дождь оплодотворяетъ поля какъ заблудшихъ, такъ и вѣрующихъ, и зародышъ всякой добродѣтели находится въ сердцѣ даже язычника. Ты, праведный Боже, научаешь меня терпимости и любви, Ты указуешь мнѣ, что различіе мнѣній не препятствуетъ Тебѣ быть благимъ отцемъ всѣхъ людей, и мнѣ ли, созданью Твоему, отстать отъ Тебя, я ли не допущу, чтобы каждый изъ моихъ подданныхъ поклонялся Тебѣ по своему, я ли дерзну преслѣдовать иновѣрцевъ и мечемъ обращать заблудшихъ? Нѣтъ, всемогущій, своею любовью всеобъемлющій Боже,

избави меня отъ этого; хочу уподобиться Тебѣ насколько возможно; хочу какъ и Ты быть долготерпѣливымъ. Съ этой поры въ моемъ государствѣ да прекратится всякое гоненіе за вѣру. Какая религія не поучаетъ любить добродѣтель и гнушаться порока! Итакъ, всякая да будетъ терпима нами. Пусть всякій изъ насъ поклоняется Тебѣ, Боже праведный, по своему крайнему разумѣнію. Развѣ заблужденія ума заслуживаютъ изгнанія изъ общества? Развѣ строгостью привлечемъ къ себѣ сердца, обратимъ заблудшихъ? Съ этихъ поръ да будутъ разорваны гнусныя оковы нетерпимости; взамѣнъ того да соединятъ моихъ подданныхъ навсегда сладостныя узы терпимости и братской любви. Знаю, мнѣ предстоитъ преодолѣть много трудностей: не лиши же меня Твоей помощи, укрѣпи меня Твоею любовью, да превозмогу благополучно всѣ эти препятствія и да исполнится мною законъ нашего божественнаго Учителя, Онъ же самъ весь терпимость и любовь".

Дѣйствія Іосифа отвѣчали его молитвѣ. Въ 1781 г. онъ обнародовалъ эдиктъ вѣротерпимости. Потомъ смягчилъ цензуру. Уже въ первые три года своего царствованія закрылъ 700 монастырей. Многія новыя постановленія споспѣшествовали какъ наружному составу школъ, такъ и внутреннему ихъ строю и улучшенію. Благодаря эдикту вѣротерпимости евангелическія народныя училища въ австрійскихъ владѣніяхъ также приняли болѣе стройный видъ: изданныя для католическихъ школъ постановленія примѣнялись и къ евангелическимъ. Съ 1794 г. въ Вѣнѣ находилось училище обоихъ протестантскихъ вѣроисповѣданій. Подъ вліяніемъ Шульштейна въ Богеміи съ особеннымъ рвеніемъ пеклись о дальнѣйшемъ подъемѣ и народныхъ школъ. Въ 1800 г. въ ней считалось 2644 общественныхъ учебныхъ заведеній, между которыми находилось 2628 мѣщанскихъ училищъ. Первоначальнымъ обученіемъ занимались въ 2544 тривіальныхъ школахъ. Для подготовки мѣщанъ къ профессіямъ служили въ особенности 54 городскія училища, каждое изъ 3 классовъ съ 2—4 учителями; помимо нихъ имѣлось 29 главныхъ школъ, каждая изъ 4 классовъ; въ Пражской нормальной школѣ преподавали 9 учителей. Въ числѣ этихъ заведеній было 2199 католическихъ, 36 проестантскихъ и 21 іудейская.

Несмотря на такой широкій размахъ, австрійская система школъ всетаки страдала внутреннимъ недугомъ. Она была механическая какъ вовнѣ, такъ и внутри. „Въ теоріи—сказалъ Резевицъ въ 1786 г., было конечно все превосходно задумано, чтобы согласно современному государственному строю, нормальными школами отмежевывались, такъ сказать, пригодныя для каждаго сословія въ цивилизованномъ мірѣ знанія и предписывались въ нѣкоторомъ

родѣ самые удобопонятные способы и средства для сообщенія ихъ его уму. Но исполненіе никоимъ образомъ не отвѣчаетъ цѣли, а, напротивъ, уничтожаетъ ее; умъ воспитанниковъ не возбуждается, а напротивъ подавляется такими пріемами; онъ не просвѣтляется, но убивается; не обращается на практическія и полезныя знанія, а напротивъ, обременяется безполезнымъ наборомъ словъ, суевѣріемъ, превратными и непригодными для дѣйствительной жизни идеями; умъ не изощряется, но притупляется. Содержаніе и форма преподаванія заимствованы изъ іезуитскихъ училищъ, и цѣль и методъ ихъ удержаны подъ другимъ лишь названіемъ и видомъ. Это несуразное цѣлое сверхъ того разбивается еще самымъ негоднымъ изъ всѣхъ способовъ обученія, притупляющимъ умъ и оставляющимъ его впустѣ буквеннымъ методомъ, дробясь на части, которыми воспитанникъ не побуждается ни мыслить, ни созерцать, ни чувствовать. Учителя выбираются изъ класса людей, незнакомыхъ ни съ дѣйствительнымъ міромъ, ни съ его дѣлами, не понимающихъ и не цѣнящихъ ни значенія, ни важности ихъ, и взирающихъ на нихъ даже съ презрѣніемъ съ высоты своего воображаемаго святаго величія; горе тому изъ нихъ, кто дерзнулъ бы самъ мыслить, дѣйствовать по собственному воззрѣнію, или снизойти къ понятіямъ своего ученика! Каждому изъ нихъ предписанъ его урокъ, какъ и что мыслить, и онъ обязанъ соблюдать все это ненарушимо. Все и навсегда установлено нормою, содержаніе и форма освящены на вѣки, всякому просвѣщенію и усовершенствованію прегражденъ доступъ, всякая полезная и цѣлесообразная мысль устранена на всѣ будущія времена, и разъ навсегда отмѣчены предѣлы, выходить изъ которыхъ не дозволяется ни подъ какимъ видомъ“.

Потому то по смерти Іосифа II (1790) и Леопольда II (1792), когда австрійская учебная система вслѣдствіе церковной реакціи унизилась до закоснѣлаго, тормозящаго всякое вольное умственное движеніе учебнаго механизма и свободный духъ Фельбигера, Шульштейна и Іосифа долженъ былъ уступить исключительно церковному направленію, Саганскій методъ (собственно Фельбигеровъ, а называемый такъ потому что впервые былъ введенъ въ Саганскихъ школахъ) могъ и тогда быть удержанъ, точно такъ же могли быть предписаны и употреблявшіеся въ школѣ учебники. Скрывавшійся прежде подъ рукою великихъ мужей механизмъ теперь вполнѣ обнаружился. Образованіе учителей походило на натаску. Пріемы преподаванія предписывались имъ до мелочей. При такой окоченѣлости успѣхъ былъ вовсе немыслимъ. Къ тому же еще и религіозная тьма! А гдѣ властвуетъ духъ тьмы, тамъ не можетъ преуспѣвать учебное дѣло, жизненная стихія котораго всегда свѣтъ.

2. ГУМАНИЗМЪ.

32.

Основная мысль гуманизма.

Благодаря Монтеню, Бакону, Ратихію и Коменскому,—благодаря также піэтизму, который языки считалъ вспомогательнымъ средствомъ для толкованія библіи, но при чтеніи языческихъ писателей опасался за религіозность молодыхъ людей, и потому готовъ былъ черпать латинь скорѣе изъ Лактанція и Августина, нежели изъ Цицерона,—но болѣе всего благодаря филантропизму, который исключительно одни общеполезныя знанія считалъ истиннымъ средствомъ образованія и только изъ уваженія къ обычаю, да и то лишь какъ побочнымъ предметомъ занимался древними языками,—потрясена была въ своихъ основахъ старая ученая республика, считавшая, по основанной на давности привычкѣ со временъ Меланхтона и прежде, древніе языки единственными средствами образованія; вмѣстѣ съ тѣмъ она была вынуждена выступить въ качествѣ *гуманизма*, т. е. системы, поставившей цѣлью всякаго образованія гуманность и добивающейся этой цѣли изученіемъ древне классическихъ языковъ. Главныя положенія его слѣдующія: 1) Древніе, языки составляютъ основу всякаго истиннаго образованія; знаніе ихъ дѣлаетъ ученыхъ; а потому оно и должно лечь въ основу всякаго обученія, по крайней мѣрѣ занимающихся науками. Разсматриваемое само по себѣ, изученіе языка служитъ образовательнымъ средствомъ для ума, такъ какъ оно побуждаетъ къ дѣятельности всѣ возможныя душевныя способности и слѣдовательно приноситъ формальную пользу. Но вмѣстѣ съ тѣмъ оно захватываетъ также всѣ отрасли человѣческаго знанія. Греческія и латинскія сочиненія суть источники всякой учености; а кто хочетъ черпать изъ источниковъ, тотъ долженъ знать языки. Священное писаніе, римское право, истинныя основныя начала медицины, философія, теорія и образцы реторики и поэзіи, исторія—все это дошло до насъ изъ Греціи и Рима. Чѣмъ строже какая нибудь изъ современныхъ націй придерживалась изученія древнихъ, тѣмъ прекраснѣе былъ цвѣтъ ея собственныхъ произведеній. Невѣдѣнье древне-классической литературы отзовется неосновательностью, односторонностью и пр. со стороны презирающаго

ее.—2) Грамматическое изученіе должно предшествовать филосовскому, историческому, эстетическому. Безъ грамматики знаніе языка не прочно. Примѣненіе метода, по которому изучаются новѣйшіе языки, не годится тутъ никуда. На мертвомъ языкѣ немногіе лишь говорятъ вѣрно и изящно. Этимъ умѣньемъ обладаютъ далеко не всѣ даже филологи. Итакъ разговорный методъ имѣлъ бы слѣдствіемъ лишь дурное знаніе языка, а къ греческому, на которомъ не говорятъ сами величайшіе филологи, онъ и вовсе не примѣнимъ. Латинскія и греческія стилистическія упражненія, даже поэтическіе опыты полезны, потому что благодаря имъ не только научаются писать полатини, но также и лучше понимать латинскихъ авторовъ. Потому что они во всякомъ ялыкѣ ведутъ къ знанію его основъ.—3) Слишкомъ раннія занятія реальными предметами вредятъ основательному изученію языковъ. Правила языка слѣдуетъ изучать вкратцѣ и слегка, и только ужь въ болѣе зрѣломъ возрастѣ подробно. Языки должно проходить въ школахъ, а науки въ университетахъ.—4) Напрасно впрочемъ думаютъ будто изученіе древнихъ языковъ мѣшаетъ другимъ полезнымъ знаніямъ. Величайшіе ученые были вмѣстѣ съ тѣмъ величайшими почитателями древнихъ. Врядъ ли найдется у какой нибудь націи отличный писатель или ученый, который своимъ направленіемъ и высокимъ значеніемъ не былъ бы одолженъ Грекамъ и Римлянамъ. Лишь черезчуръ раннія занятія всѣми возможными науками въ школахъ порождаютъ поверхностные умы, незнающіе основательно ни одного предмета. Помимо филологическаго, вовсе нѣтъ и ни въ какомъ отношеніи не бываетъ основательнаго научнаго образованія.

Итакъ, гуманизмъ въ своихъ цѣляхъ и путяхъ образованія рѣшительно выступаетъ противъ филантропизма. Первый утверждаетъ именно то, что отрицаетъ другой, и наоборотъ отрицаетъ все, что утверждается послѣднимъ. Нитгаммеръ (—род. въ 1766-мъ г. въ Бейльштейнѣ въ Вюртембергскомъ королевствѣ, въ 1793-мъ г. экстраординарный профессоръ философіи и въ 1797-мъ г. докторъ экстраординарный профессоръ теологіи въ Іенѣ, въ 1804-мъ профессоръ теологіи и совѣтникъ консисторіи въ Вюрцбургѣ, въ 1807-мъ г. совѣтникъ центральной школы и высшихъ учебныхъ заведеній въ Мюнхенѣ—) ясно и твердо постигъ эту противоположность и выразилъ ее такимъ образомъ: 1) По воззрѣнію гуманизма обученіе имѣетъ свою особую независимую цѣль: всеобщее образованіе человѣка; по понятіямъ филантропизма наоборотъ,—одну только относительную цѣль: образованіе человѣка для его будущаго назначенія. 2) По воззрѣнію гуманизма обученіе имѣетъ въ

виду не столько запастись извѣстными знаніями, но попреимуществу изощрять умъ; а филантропизмъ стремится снадбить умъ по возможности бо́льшею массою полезныхъ знаній. 3) Гуманизмъ изощряетъ умъ ученика не съ тѣмъ, чтобы подготовить его къ извѣстнаго рода занятіямъ, а напротивъ, образованіе ума служитъ тутъ само себѣ цѣлью; филантропизму образованіе представляется чѣмъ-то безцѣльнымъ, если оно не служитъ подготовкою ума для извѣстныхъ занятій. 4) Гуманизмъ вообще имѣетъ въ виду не столько образовать воспитанника для дѣйствительнаго міра, на что въ позднѣйшемъ возрастѣ представится еще много времени и поводовъ, а напротивъ—для высшаго духовнаго міра; если ученикъ въ молодости не положитъ твердаго основанія такому образованію, то онъ пожалуй лишится его навсегда, такъ какъ впослѣдствіи за изученіемъ всего, что необходимо для его званія и за дѣлами ему уже некогда будетъ ревностно и съ успѣхомъ заниматься высшимъ умственнымъ образованіемъ; филантропизмъ, напротивъ того считаетъ не цѣлесообразнымъ при самомъ обученіи стремиться уже къ высшему умственному образованію для духовнаго міра, для чего ученикъ лишь въ позднѣйшемъ возрастѣ достигнетъ надлежащей зрѣлости ума; напротивъ, необходимо заблаговременно начать образованіе для дѣйствительности, ознакомить ученика съ предметами, чтобы вслѣдствіе ограничивающагося одними словами обученія онъ не былъ чуждъ этого міра, чтобы онъ не оказался неспособнымъ къ настоящему практическому дѣлу и, чего добраго, не увлекся бы сумасбродными идеями и вытекающею отсюда праздною жизнью.—5) Что касается предметовъ преподаванія, то гуманизмъ ограничивается лишь немногими изъ нихъ, такъ какъ иначе они развлекали бы ученика и мѣшали бы ему заняться основательно; за то въ немногихъ учебныхъ предметахъ слѣдуетъ воспитанника довести до высшей степени сознанія,—тогда какъ филантропизмъ, при возрастающемъ со дня на день расширеніи неизмѣримой области научныхъ свѣдѣній, не ограничивается тѣмъ чтобы въ теченіе всего періода воспитанія занимать ученика нѣкоторыми немногими лишь предметами; надо напротивъ стараться по возможности облегчить кругъ учебныхъ предметовъ, такъ чтобы снабдить воспитанника по возможности болѣе обширнымъ запасомъ знаній. 6) Для изощренія ума по гуманизму пригодны не вещи а идеи, не матерьяльные, а духовные предметы, такъ чтобы воспитанникъ въ предстоящей дѣйствительной жизни не погрязъ совершенно въ области стяжательнаго знанія, тогда какъ филантропизмъ для того же изощренія ума требуетъ не идей, которыя въ строгомъ смыслѣ не что иное какъ слова, а напротивъ вещей,—не духовныхъ, но матерьяль-

ныхъ предметовъ, чтобы умъ, занимаясь лишь буквами и лишенными наглядности словами, не запутался въ области пустопорожняго буквоѣдства и не оказался вполнѣ неспособнымъ для дѣйствительной жизни.—7) По требованьямъ гуманизма ученикъ долженъ пріобрѣтать знанія духовнаго свойства, идеи истины, добра и прекраснаго, съ тѣмъ чтобы впослѣдствіи, въ жизни и въ своихъ будущихъ занятіяхъ, онъ обладалъ образованіемъ гуманности, истиннымъ человѣчнымъ просвѣщеніемъ; тогда какъ по требованьямъ филантропизма эти свѣдѣнія должны быть матерьяльнаго свойства, давать обширное знаніе предметовъ, потому что главная задача воспитанія—снабдить ученика всѣми для его будущей практической жизни необходимыми предварительными свѣдѣньями, такъ чтобы онъ въ жизни былъ въ состояніи возвысить свое занятіе надъ ремесленнымъ промысломъ и, расширяя и улучшая свои издѣлія довести ихъ до совершенства, свойственнаго произведеніямъ цивилизованныхъ націй.—8) Гуманизмомъ требуются поэтому предметы преподаванія въ классической формѣ,—древность, которая и обладаетъ настоящимъ классицизмомъ въ изображеніи истины, добра и прекраснаго въ ихъ высшемъ совершенствѣ,(?.)—а филантропизмомъ требуются предметы по возможности ясные и опредѣленные по формѣ, притомъ не изъ одного только міра древности, такъ какъ во всѣхъ отрасляхъ знанія, особенно въ физикѣ и техникѣ, нынѣ сдѣланы такіе успѣхи какихъ древность даже не чаяла.—9) Что же, наконецъ, касается метода преподаванія то, гуманизмъ смотритъ на ученіе какъ на серьезное дѣло, такъ чтобы ученика напряженною дѣятельностью заранѣе пріучить къ прилежанію и трудолюбію; филантропизмъ стремится всячески облегчить ученіе, чтобы пріохотить ученика къ занятіямъ и такимъ образомъ возбудить и утвердить въ немъ наклонность къ труду.—10) Гуманизмъ передаетъ воспитаннику отдѣльные круги знанія со всѣмъ многообразіемъ ихъ единичныхъ предметовъ, заставляетъ его распредѣлять ихъ строго систематично, съ цѣлью такимъ образомъ пріучить къ логическому мышленію, такъ чтобы впослѣдствіи, отваживаясь въ болѣе обширныя области знанія, онъ не возмнилъ, будто, пробѣжавъ слегка предметъ, онъ уже овладѣлъ ими; филантропизмъ стремится распространить преподаваніе на всю сферу знанія, такъ чтобы воспитанникъ охватилъ ее энциклопедически, потому что кто неспособенъ обозрѣть цѣлое, тотъ и объ отдѣльныхъ кругахъ знанія и ихъ единичныхъ предметахъ имѣетъ лишь неполныя и превратныя представленія.—11) Обученіе гуманизма имѣетъ въ виду извлечь наивозможную пользу изъ умственныхъ способностей, которыя природа прежде всего развиваетъ въ человѣкѣ, и вмѣстѣ

съ тѣмъ довести ихъ до превосходной степени, для чего и надлежитъ упражнять особенно память ученика, и пользоваться ею, потому что такое упражненіе укрѣпляетъ и питаетъ душу, и человѣкъ можетъ считать своею собственностью только то, что онѣ удержалъ въ памяти;—по филантропизму же преподаваніе должно имѣть цѣлью помочь природѣ въ развитіи умственныхъ силъ и особенно по возможности ранѣе возбудить въ ученикѣ такъ называемыя высшія душевныя способности, составляющія главное преимущество человѣка, и довести ихъ до высшей степени развитія, почему и надлежитъ заранѣе изощрять разсудокъ ученика, такъ какъ развитіемъ послѣдняго главнѣйше возбуждается разумъ и человѣкъ можетъ считать своею собственностью только то, что ясно понято имъ. а не то, что лишь затвержено на память.

Послѣ такого вѣрнаго сравненія гуманизма съ филантропизмомъ Нитгаммеръ переходитъ на сторону перваго и затѣмъ представляетъ филантропизмъ въ каррикатурѣ; въ такомъ видѣ онъ конечно вправѣ назвать его „анимализмомъ", причисляя къ филантропизму даже ученье Песталоцци; вслѣдствіе этого онъ и не вникаетъ въ дальнѣйшій всемірноисторическій ходъ развитія педагогики, присовокупляя къ основнымъ воззрѣніямъ гуманизма еще слѣдующее: „Для ограниченныхъ силъ человѣка ширина знанія состоитъ въ обратномъ отношеніи съ глубиною послѣдняго, и у большей части людей оно тѣмъ поверхностнѣе, чѣмъ болѣе разростается въ ширь. Черпать все знаніе изъ глубины—на это не достанетъ ни человѣческихъ силъ, ни времени: но хватать во всемъ вершки—значитъ сдѣлаться пошлымъ и пустымъ; такимъ образомъ можно пожалуй добиться мнимаго лоска, но всякій кто вздумаетъ въ такомъ случаѣ важничать своимъ высокимъ образованіемъ, окажется смѣшнымъ сумасбродомъ. Педантизмъ въ наукѣ и проистекающая отсюда односторонность знанія и образованія, на что справедливо жаловались, произошли не отъ ограниченія немногими научными предметами, но частью оттого что самымъ изученіемъ немногихъ предметовъ занялись односторонне, частью и оттого также что вовсе упустили изъ виду ихъ связи со всею совокупностью знаній. Для избѣжанія столь опасной для насъ односторонности отнюдь не требуется ни соразмѣрнаго съ силами личности расширенія по совокупной области знанія, ни распространенія по многимъ кругамъ послѣдняго: для такой цѣли вполнѣ достаточно, если съ одной стороны болѣе тѣсный кругъ знаній будетъ разсматриваться не съ мелочнымъ педантизмомъ ничтожныхъ и безплодныхъ взглядовъ и пустыхъ замѣтокъ, если онъ будетъ разработываться съ большею осмотрительностью, съ умомъ и энергіею, а съ другой сто-

роны, если въ насъ сохранится ясное сознаніе, что разрабатываемыя нами науки не составляютъ замкнутую въ самой себѣ объединенную совокупность, а напротивъ, что онѣ лишь составныя части одного великаго цѣлаго. Если бы всякій человѣкъ обязанъ былъ все знать и изучать, то ограниченная единичная сила его истощалась бы въ безплодныхъ напряженіяхъ, и онъ отсталъ бы въ истинномъ индивидуальномъ развитіи, а слѣдовательно всеобщее образованіе его также не могло бы преуспѣвать. Пора намъ образумиться и понять, что наша погоня за многими науками и наша страсть превзойти другъ друга въ многознаніи вводитъ въ заблужденіе, лишая насъ истиннаго образованія какъ въ цѣломъ, такъ и въ частностяхъ—радѣя съ благоразумнымъ усердіемъ о сохраненіи и подъемѣ цивилизаціи, мы должны окончательно отказаться отъ мнимой славы всезнаекъ,—не всякому подобаетъ считать знаніе своимъ назначеніемъ и стремиться пріобрѣтать его въ самыхъ широкихъ размѣрахъ; напротивъ, необходимо сознать, что знаніе удѣлъ лишь немногихъ, а дѣятельность удѣлъ всѣхъ на свѣтѣ, и всякій лишь на столько можетъ посвятить свои силы и время наукамъ, насколько это не помѣшаетъ ему достичь высшаго исполненія въ своемъ званіи. Преподаваніе имѣетъ цѣлью изъ воспитанника образовать человѣка; а для образованія человѣка безусловно требуется одно только извѣстное знаніе идей: вотъ къ чему и должно стремиться главнѣйше обученіе тѣхъ, которые добиваются болѣе высокой степени всеобщаго образованія. А это и есть цѣль гуманизма. „Правда, гоняясь за однимъ только средствомъ—за преподаваніемъ языка—старыя школы упустили изъ виду настоящую цѣль, умѣть читать и изучать совершеннѣйшія творенія культуры съ тою легкостью, какая необходима для наслажденія художественнымъ произведеніемъ и для достиженія образованія; языкъ изучали только ради языка, и обученіе не рѣдко извращалось въ механическое усвоеніе словъ и буквъ. Гуманизмъ заблуждается, не потому что исключительною цѣлью обученія ставитъ образованіе человѣка, но потому что, измѣнивъ своему главному направленію, онъ ученое образованіе смѣшалъ съ общечеловѣческимъ и образовалъ изъ своихъ учениковъ болѣе ученыхъ, нежели людей. Правда, гуманизмъ отличался односторонностью, но все таки болѣе благородною въ сравненіи съ филантропизмомъ! И въ самомъ дѣлѣ, слѣдуя филантропизму, вы изъ ребяческой боязни привидѣній запрещаете вашимъ дѣтямъ произносить имя невидимаго Бога, питать и поддерживать вѣру въ Него; вы скрываете отъ нихъ міръ фантазіи, этотъ настоящій міръ юности; вы предпочитаете наполнить все учебное время созерцаніемъ вашихъ кабинетовъ, пес-

трыхъ птицъ, улитокъ, раковинъ, камней и т. п.; вы показываете человѣка ученику только въ анатомическихъ таблицахъ и заставляете его пересчитывать ребра: на Фаустовъ гигіеническій катехизисъ вы промѣняли христіанскій; поступая съ одной стороны сурово относительно ихъ тѣла, вы пріучаете ихъ къ холодной водѣ, къ дождю, снѣгу и морозу, съ цѣлью закалить ихъ, какъ будто имъ предстоитъ провести жизнь въ Лапоніи, а съ другой стороны въ избыткѣ нѣжности вы боязливо охраняете ихъ отъ всякаго умственнаго напряженія, торопитесь пройти поскорѣе первоначальныя основанія, лишь бы дитя не наскучило ими, не требуете въ упражненіи ни совершенства, ни точности, лишь бы не возбудить въ ученикѣ дурного расположенія. То, что вы считаете разумомъ, не что иное какъ раздраженіе животной мысли.

Воззрѣніе Нитгаммера, а вмѣстѣ съ тѣмъ и гуманизма, представителемъ котораго онъ считается, правда одностороннe; но онъ правъ относительно филантропизма. Жанъ Поль такъ судитъ о творенiи Нитгаммера: „Онъ правильно отдаетъ преимущество формальному образованію посредствомъ языка какъ образованію цѣлаго передъ матеріальнымъ посредствомъ предметовъ какъ передъ частнымъ; онъ внутренняго человѣка хочетъ укрѣпить и закалить скорѣе умственнымъ трудомъ нежели умственною пищею. Я радъ, что и прежде уже охотно сочувствовалъ, какъ и теперь сочувствую его прекрасной борьбѣ съ современнымъ направленіемъ, которое своими естественными исторіями, Бертуховскими картинками и прочими наглядными сборниками преобразило учебные классы въ Альпы, гдѣ растеніе выходитъ тоще и малоросло, а цвѣтокъ его не въ мѣру великъ. Благодаря его логично мастерскому изложенію, образовательная сила филологіи служитъ сама себѣ оправданіемъ. Но онъ, какъ кажется, не правъ, исключая изъ сотрудниковъ въ вертоградѣ формальнаго образованія глубоко насаждающаго Песталоцци, который, пожалуй, принадлежитъ даже къ передовымъ дѣятелямъ. Хотя у Песталоцци жатва сначала скудна на видъ, а именно одни только корни, которыхъ нельзя обнаружить на показъ: но его формальное образованіе посредствомъ математики отъ гуманистическаго посредствомъ филологіи отличается только въ средствахъ. Оба учителя направляются съ своими ужинами къ одной и той же цѣли, но сидя на возу лицомъ другъ къ другу, они на одинъ и тотъ же путь смотрятъ лишь съ противоположныхъ сторонъ“. Притомъ же—какъ замѣчаетъ Пальмеръ—Нитгаммеръ долженъ же согласиться и съ тѣмъ, что прежде всего необходимо сообразоваться съ индивидуальностью воспитанника: вѣдь было бы ни съ чѣмъ несообразно, еслибъ талантъ къ идеальному вздумали направить на ма-

теріальное, а талантъ къ матеріальному на идеальное: такимъ образомъ добились бы одной только посредственности и мучили бы ученика понапрасну и вопреки духу свободнаго образованія. Гуманизмъ правъ относительно филантропизма. Онъ спасъ идеальную область жизни и отстоялъ ученость и основательность въ школахъ, поддержалъ уваженіе къ классикамъ и, постояннымъ упоминаніемъ о безсмертныхъ образцахъ, упрочилъ теорію вкуса. Но по мѣрѣ того какъ гуманизмъ стремился къ этой цѣли онъ все болѣе и болѣе уклонялся отъ прежняго односторонняго предпочтенія латинскаго языка къ греческой литературѣ и вступилъ такимъ образомъ въ настоящее царство красоты. Прежде въ качествѣ главнаго автора въ греческомъ читался Новый Завѣтъ, а при немъ употреблялись развѣ еще Кевитъ, воспоминанія Ксенофонта, характеры Ѳеофраста, нѣкоторые гномическіе поэты и о обученіи мальчиковъ Плутарха, т. е. все назидательныя и нравственныя сочиненія, изрѣдка только Гомеръ; сверхъ того не занимавшіеся богословіемъ мало по малу совершенно отказались отъ изученія греческаго: теперь же, напротивъ, на первый планъ выступилъ греческій языкъ, оплодотворяя и оживляя нѣмецкій духъ, а въ гимназіяхъ нельзя уже было болѣе уклоняться отъ нѣмецкаго, хотя Эрнести и позволялъ себѣ еще глумиться надъ роднымъ языкомъ. Переворотъ какъ въ гимназическомъ, такъ вообще и въ ученомъ образованіи отозвался даже наружно еще въ томъ отношеніи, что съ этихъ поръ печаталось менѣе латинскихъ книгъ. По Нимейеру появилось

	1589-го г.		246	латинскихъ	и	116	нѣмецкихъ	соч.
въ пас-	1618	—	461	„	„	270	„	„
хальную	1714	—	209	„	„	419	„	„
ярмарку	1716	—	162	„	„	396	„	„
	1780	—	198	„	„	1917	„	„

Изданія латинскихъ и греческихъ классиковъ, исходившихъ съ этихъ поръ отъ гуманистовъ, прежде всего отличались болѣе правильнымъ текстомъ и болѣе прежняго отвѣчали своей педагогической цѣли. Изданія классиковъ съ нѣмецкими замѣтками по образцу Готшлинга, Эмануила Зинцера и по способу Минелли замѣнились изданіями для начинающихъ Гейне, Шютца, Эрнести, Гедике и пр.; Коменскій, преддверіе и ключъ Музелія, Донатъ, Спекцій, Лангесъ и старая грамматика замѣнились Брёдеромъ, Шеллеромъ, Венкомъ и пр.; словари Шревелія и старшаго Гедериха, Фабера, Кирша, Яни уступили мѣсто Эрнести-Гедериху, Геснеру, Шеллеру, Бауэру, и пр. Взамѣнъ смерти въ филологію проникла жизнь.

Но гуманизмъ только относительно правъ—передъ столь же одностороннимъ реализмомъ. Реализмъ, какъ и филантропизмъ, былъ правъ въ томъ отношеніи, что обратилъ вниманіе на современность и направилъ взоры на дѣйствительность, на природу и ея явленія; но онъ заблуждался, когда, не признавая историческаго развитія, отрицалъ неизмѣримо великое образовательное значеніе классическихъ языковъ и не разработывалъ почвы, на которой, какъ говоритъ Гегель, споконъ вѣка стояла всякая культура, изъ которой она произросла и съ которою находилась въ постоянной связи. Гуманизмъ былъ правъ, удержавъ Грецію и Римъ какъ два мощныхъ образовательныхъ средства и обративъ особенное вниманіе на языки обѣихъ древнеклассическихъ націй, такъ какъ въ одной изъ нихъ проявилась идея красоты, а въ другой идея государства и дѣла, и такъ какъ каждый изъ этихъ народовъ въ государственномъ, художественномъ и научномъ отношеніяхъ представляетъ законченное цѣлое и даетъ относительно полный образецъ какъ жизни вообще, такъ и отдѣльныхъ возрастовъ въ частности. Но заблуждался гуманизмъ въ томъ отношеніи, что совершенно отрекся отъ современности и ея требованій и вмѣстѣ съ тѣмъ не призналъ образовательнаго значенія естественныхъ наукъ и новыхъ языковъ, потому что такимъ образомъ одна половина міра совершенно закрыта для его воспитанниковъ, а слѣдовательно и одна половина человѣческихъ умственныхъ способностей, особенно наблюдательность, вполнѣ лишена развитія.—Такъ какъ оба эти образовательныя начала, коренящіяся въ человѣческой природѣ, едва ли могутъ преуспѣвать въ одномъ и томъ же разрядѣ школъ, то отсюда и слѣдуетъ равноправность гуманистическихъ и реальныхъ научныхъ заведеній, осуществить которую должно быть предоставлено 19-му столѣтію.

33.

Представители гуманизма: Целларій, Геснеръ, Эрнести, Гейне.

Предтечею великихъ гуманистовъ, оказавшихъ значительное вліяніе своими филологическими воззрѣніями и трудами былъ

Христофъ Целларій.

Онъ родился въ Шмалькальденѣ въ 1638-мъ г. ноября 22-го, умеръ въ 1707-мъ іюня 4-го, былъ въ 1666-мъ маги-

стромъ въ Іенѣ, въ 1667-мъ профессоромъ еврейскаго языка и нравоученія въ Вейсенфельсской гимназіи, въ 1673-мъ ректоромъ въ Веймарѣ, въ 1676-мъ въ Цейтцѣ, въ 1688-мъ въ Мерзебургѣ, въ 1693-мъ профессоромъ исторіи и краснорѣчія въ галльскомъ университетѣ. Это—одинъ изъ ученѣйшихъ филологовъ 17-го столѣтія, оказавшій услуги улучшенію въ школахъ ученаго преподаванія вообще и философскаго въ особенности, представитель истиннаго римскаго слога, изслѣдователь въ источникахъ древнѣйшихъ исторій и землеописаній и творецъ новаго усовершенствованнаго метода въ разработкѣ ихъ, основатель семинаріи изящныхъ знаній (Seminarium doctrinae elegantioris) при университетѣ въ Галле. Его изданія греческихъ и латинскихъ писателей, его обработка Фаберова лексикона, латинская грамматика, весьма распространенная памятная книжка (liber memorialis) историческія сочиненія, свѣдѣнье о древнемъ мірѣ (Notitia orbis antiqui), его статьи и рѣчи и т. п. дѣлаютъ его однимъ изъ наиболѣе вліятельныхъ филологовъ даже относительно школъ.—

Къ Целларію во всѣхъ отношеніяхъ примыкаетъ

I. Матѳей Геснеръ,

благодаря которому гимназія наведена на новый путь. Онъ родился въ Ротѣ близъ Нюрнберга въ 1691-мъ г. апрѣля 9-го, окончивъ курсъ въ Іенѣ, сдѣлался въ 1715-мъ конректоромъ въ Веймарѣ, въ 1728-мъ ректоромъ Ансбахской гимназіи, въ 1730-мъ ректоромъ Ѳоминской школы въ Лейпцигѣ, а въ 1734-мъ профессоромъ древней литературы и основателемъ филологической семинаріи при университетѣ въ Геттингенѣ, гдѣ и умеръ въ 1761-мъ г. августа 4-го. Въ университетѣ онъ читалъ лекціи о Гомерѣ, Гораціи, Цицеронѣ, Плиніи и Светоніи, о греческихъ и римскихъ древностяхъ, объ археологіи, латинскомъ стилѣ, реторикѣ и всеобщей энциклопедіи. Онъ оказалъ значительную услугу изученію римскаго языка и римской литературы своимъ изданіемъ Фаберова сборника схоластическаго ученія (Thesaurus eruditionis scholasticae), особенно же своимъ новымъ сборникомъ римскаго языка и римской учености (Novus linguae et eruditionis Romanae thesaurus), гдѣ вкратцѣ изложилъ все богатство нарѣчія Римлянъ. Своими изданіями Квинтиліана, Клавдіана, Горація и пр. онъ возбудилъ плодотворный способъ толкованія древнихъ классиковъ и вытѣснилъ изъ школъ теологическіе учебники. Своею греческою хрестоматіею Геснеръ впервые заставилъ нѣмецкое юношество вникнуть въ духъ Грековъ и войти во вкусъ ихъ. Его руководство къ преподаванію въ школахъ (Institutiones rei scholasticae) излагаетъ дидактику, преимуще-

ству языки и математику, и установляетъ какъ возлагаемыя на учителя требованья, такъ и правильное обращеніе съ учениками. Германъ Заупе судитъ объ этой книгѣ такъ: „Нельзя, конечно, не признать толчка, сообщеннаго Геснеру Ратихомъ, Коменскимъ, Локкомъ, но мысли этихъ педагоговъ освободились у него отъ крайностей своихъ творцовъ и сверхъ того онъ преизобиленъ своеобразными выводами". На своемъ академическомъ поприщѣ Геснеръ также не былъ чуждъ собственно учебному дѣлу: ему поручена была инспекція надъ гимназіями въ брауншвейгъ-люнебургскомъ краѣ, и въ 1757-мъ г. онъ написалъ тамошній учебный уставъ, въ которомъ изложилъ опыты своей учительской дѣятельности и выводы своихъ помышленій о лучшемъ устройствѣ ученыхъ школъ. Въ педагогическихъ воззрѣніяхъ своихъ онъ во многомъ сочувствовалъ идеямъ Ратиха, Коменскаго и Локка облегчить изученіе языка и сдѣлать его привлекательнымъ, такъ что въ „предисловіи къ латинской грамматикѣ" счелъ даже необходимымъ отклонить отъ себя упрекъ, будто онъ пренебрегаетъ грамматикою. „Первые ученые, задумавшіе составить такъ называемую грамматику, безспорно имѣли въ виду облегчить и подчинить правиламъ изученіе языка, насколько онъ составленъ изъ буквъ и письменъ: т. е. они изъискивали средство, при помощи котораго языкъ изучался бы въ кратчайшій срокъ, съ наименьшимъ трудомъ и притомъ такъ, чтобы мы въ объясненіяхъ, рѣчахъ и письмахъ никогда не уклонялись отъ употребленія установившагося среди людей, которые правильно говорятъ и пишутъ. Это такъ же вѣрно, какъ и то, что люди, впервые изобрѣтшіе молотокъ, ножъ или тому подобныя орудія, имѣли единственною цѣлью облегчить тѣмъ извѣстныя работы и исполнять ихъ правильнѣе, точнѣе и тщательнѣе." Но подобно тому какъ тѣ же орудія въ теченіе времени часто до того переполняются украшеніями, что затѣмъ упускается изъ виду ихъ настояще назначеніе, точно такъ же и грамматика мало по малу сдѣлалась черезъ-чуръ ученою и обогатилась мелочными подробностями, такъ что для начальнаго основанія она оказывается непригодною настолько же, насколько самый тонкій и превосходно сдѣланный ланцетъ для рѣзанья хлѣба. И подобно тому какъ лучшій инструментъ вреденъ, если употребляется неправильно, точно такъ же наилучшею грамматикою съ самаго начала отбиваютъ всякую охоту у молодежи, когда въ нѣжномъ возрастѣ томятъ ее безтолковымъ заучиваньемъ наизустъ. Поэтому грамматика для молодыхъ людей должна содержать въ себѣ лишь самое необходимое и употребляться въ связи съ постояннымъ примѣненіемъ правилъ и предписаній. „Языки существовали прежде грамматики, а потому не подлежитъ никакому сомнѣнію, что изучать языкъ безъ

грамматики практически и навыкомъ во сто разъ легче, нежели безъ практики и навыка посредствомъ одной только грамматики. Если бъ пришлось выбирать одно изъ двухъ, то человѣкъ, изучившій языкъ безъ грамматики путемъ практики, все-таки находится въ несравненно лучшемъ положеніи, нежели изучившій грамматику до послѣднихъ мелочей, но за недостаткомъ упражненій не понимающій ничего письменнаго на этомъ языкѣ и не умѣющій на немъ правильно выражаться."—Что изучаютъ по неволѣ и безъ охоты, тому не научатся настоящимъ образомъ: вотъ главное педагогическое правило Геснера. Вотъ также причина, почему онъ возставалъ противъ безтолковаго заучиванья наизустъ латинской грамматики. По той же причинѣ вступился онъ и за звуковой методъ противъ такъ называемаго чтенія по складамъ.—Вѣрный своему изреченію verborum disciplina a rerum cognitione nunquam separanda, *) онъ придавалъ также важное значеніе реальнымъ предметамъ. И въ самомъ дѣлѣ, онъ совѣтовалъ ревностно заниматься географіею, далъ важныя указанія для историческаго преподаванія, придалъ высокое значеніе геометріи, отстаивалъ естественныя науки и требовалъ тщательнаго изученія родного языка, признавая въ немъ классиками Мосгейма, Бюнаца, Рабенера и особенно Геллерта, а въ прозѣ также и Готшеда. „Счастливы будутъ школы, представители которыхъ, любя столь пренебрегаемый родной языкъ и умѣя хорошо изъясняться на немъ, благодаря сношеніямъ съ развитыми людьми и благородными друзьями, предназначенными для иного болѣе знатнаго образа жизни, достигнутъ также и въ нѣмецкомъ обществѣ весьма высокой степени остроумія, живости и силы въ изложеніи, мягкости и вѣжливости. Мы знаемъ честныхъ людей, сдѣлавшихся отличными учителями благодаря именно тому, что они всѣмъ этимъ вещамъ поучались въ нѣмецкомъ обществѣ въ Лейпцигѣ." — Свои воззрѣнія объ организаціи школъ Геснеръ изложилъ въ „Разсужденіяхъ объ устройствѣ гимназіи въ столицѣ". Какъ на всеобщій недостатокъ большей части школъ онъ указываетъ на то, что въ нихъ 1) главнѣйше обращаютъ вниманіе только на воспитанниковъ, которые должны и хотятъ быть такъ называемыми учеными по профессіи; и въ виду этого 2) отъ всѣхъ молодыхъ людей сплошь и рядомъ требуютъ отличнаго знанія латинскаго языка, а при всемъ томъ 3) большею частью безтолково принимаются за его изученіе, такъ что по поводу этого урока молодые люди большею частью заражаются неодолимымъ отвращеніемъ не только къ языку, но и къ ученію вообще и такимъ образомъ всячески губятся ихъ

*) Никогда не слѣдуетъ отдѣлять изученіе словъ отъ знанія предметовъ.

умъ и воля. 4) Напротивъ того, упускается большею частью изъ виду все, что необходимо или по крайней мѣрѣ полезно въ гражданскомъ обиходѣ, какъ въ искусствахъ и профессіяхъ, такъ и въ придворной и военной службѣ: оттого-то люди не выносятъ изъ школы почти ничего, что могло бы имъ пригодиться въ ихъ собственномъ быту, напротивъ, они усвоиваютъ себѣ такія качества, вслѣдствіе которыхъ оказываются неспособными къ своему дѣлу и становятся въ тягость другимъ. Правильно установленная гимназія, напротивъ того, должна быть такого рода и устройства, чтобы молодые люди различныхъ способностей, возрастовъ, свойствъ и назначеній были въ ней удовлетворительно обучаемы и подготовляемы на общую пользу." Относительно будущаго рода жизни молодежь можно раздѣлить на три класса: — готовящіеся въ ремесленники, художники и купцы,—желающіе попытать счастье на войнѣ или при дворѣ, — остающіеся при такъ называемыхъ ученыхъ занятіяхъ. Отсюда слѣдуютъ троякаго рода уроки 1) Общіе всѣмъ тремъ классамъ: „Всѣ безъ исключенія ученики въ школѣ должны умѣть добропорядочно читать и писать на родномъ языкѣ, сочинить понятное и толковое письмо, изучить обыкновенные способы счисленія вмѣстѣ съ первоначальными основаніями межеванія и музыки, упражняться нѣсколько въ рисованіи, пріобрѣсть свѣдѣнья о разнаго рода мѣрахъ и вѣсахъ, также о гражданскихъ обыденныхъ торговыхъ дѣлахъ. По мѣрѣ возможности всѣмъ и всякому необходимо еще запастись нѣкоторыми свѣдѣньями о природѣ и художественныхъ произведеніяхъ и такимъ образомъ частью просвѣтить умъ и освободить его отъ суевѣрій, а частью также пріобрѣсти подготовку для будущей практической жизни. Но главнѣйше слѣдуетъ постоянно и безъ исключенія всѣхъ и всякаго наставлять въ христіанствѣ, а именно въ догматахъ вѣры и въ житейскомъ долгѣ". „Все доселѣ приведенное удобно вмѣщается въ шестилѣтній срокъ, распредѣляемый въ свою очередь на три разряда, въ каждомъ изъ коихъ дѣти отъ 6-ти до 12-ти-лѣтняго возраста проводятъ по два года". „Латинскій языкъ, точно такъ же какъ и начальныя основанія географіи и исторіи проходятся тутъ въ частныхъ урокахъ, на что ежедневно назначается по два часа. Для французскаго языка, рисованія, инструментальной музыки, танцевъ приглашаются особые учителя, и имъ въ каждое полугодіе отводятся наиболѣе удобные часы, не мѣшающіе общему преподаванію". 2) Уроки, свойственные только второму и третьему классу: Когда ученики прошли общій курсъ, то занимаются два года изученіемъ родного и французскаго языковъ, ежедневно читая и переводя съ одного языка на другой. Упражненія въ латинскомъ сводятся

здѣсь болѣе на „такъ называемую рутину и на самую практику, нежели на трудное изученіе грамматики.“ Сверхъ того географія и исторія съ ихъ пособіями, математическія науки и свѣдѣнья о природѣ и искусствахъ. „Частные уроки въ этомъ классѣ назначаются для упражненій, а касательно поступающихъ въ третій—для латинской грамматики и для начала греческаго.“ 3) Уроки, свойственные одному только третьему классу: Латинскій языкъ изучается еще два года и притомъ съ грамматическою и реторическою точностью; сверхъ того ежедневно занимаются бѣглымъ чтеніемъ лучшихъ писателей, попреимуществу Цицерона и Цезаря; въ другой урокъ объясняются лучшія мѣста изъ стихотвореній Виргилія и Горація; дѣлаются и обсуждаются прозаическіе и поэтическіе переводы, приступаютъ къ самостоятельнымъ работамъ и сочиненіямъ и т д. „При этомъ разбираются не по нѣскольку классиковъ заразъ, но одинъ послѣ другого, такъ чтобы легче постигалась связь между предметами и, вслѣдствіе того, успѣшнѣе шло самое изученіе языка. Греческій языкъ, въ этомъ классѣ по возможности преподается всѣмъ вообще.“ „Будущіе теологи нуждаются въ немъ; въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія; врачъ не въ состояніи правильно понять, ни даже выговорить половину употребляемыхъ имъ каждодневно словъ, если онъ не знаетъ погречески; болѣе всего сомнѣваются еще относительно юристовъ, но вѣрно по крайней мѣрѣ то, что нельзя изучить въ совершенствѣ римское право, не умѣя въ подлинникѣ читать греческихъ историковъ и греческіе законы.“ Историческія и математическія знанія расширяются; для повторенія и распространенія богословскихъ свѣдѣній также отводятся часа по два въ недѣлю. Наконецъ преподается краткое введеніе въ философію, но безъ подробныхъ толкованій. — „Желательно имѣть подъ рукою собраніе естественныхъ предметовъ и разныхъ моделей, также маленькую библіотеку, при ней хорошіе снимки съ произведеній природы и искусства, нѣсколько хорошихъ увеличительныхъ стеколъ, зрительную трубу для большихъ планетъ, также ландкарты, два глобуса, сверхъ того хорошія изданія классиковъ“ и пр. — Геснеръ настоящій основатель умѣренной гуманистической школы.—

На плечахъ его стоитъ другой великій педагогъ,

Іоаннъ Августъ Эрнести.

Онъ родился 4-го августа 1707-го г., шестнадцати лѣтъ поступилъ въ Шульпфорту, въ 1726-мъ г. въ Виттенбергскій университетъ, а въ 1728-мъ въ Галле для изученія богословія, съ 1731-го былъ конректоромъ, а съ 1734-го по выходѣ

Геснера ректоромъ Ѳоминской школы въ Лейпцигѣ, причемъ занималъ каѳедру краснорѣчія; будучи въ 1759-мъ г. назначенъ ординарнымъ профессоромъ богословія, онъ отказался отъ ректорства; умеръ 11-го сентября 1781-го г. Его изданіе всѣхъ сочиненій Цицерона, его Гомеръ и Каллимахъ для ученыхъ, его Достопамятности, Облака для употребленія въ школахъ и пр. свидѣтельствуютъ о его заслугахъ въ качествѣ филолога. „Руководство для толкователя Новаго Завѣта“ (institutio interpretis novi testamenti) служитъ свидѣтельствомъ его богословскихъ попытокъ, которыми онъ проложилъ путь къ болѣе свободнымъ основаніямъ для изложенія Священнаго Писанія. Какъ преподаватель гуманизма онъ твердо держался пути и основныхъ началъ, которыми руководился Геснеръ. Онъ давалъ въ первомъ классѣ по 16 уроковъ въ недѣлю, изъ нихъ 6 назначались для рѣчей или семейныхъ писемъ Цицерона и два для Виргилія и героидъ Овидія; въ два греческихъ урока онъ читалъ христоматію Геснера, Достопамятности и Экономію Ксенофонта, Облака Аристофана, а подъ конецъ одно изъ посланій апостола Павла. Изъ остальныхъ уроковъ два назначались для „начальныхъ основаній высшихъ наукъ“, причемъ въ полуторогодичный курсъ проходились геометрія, логика, психологія и естественное богословіе. Съ реторикой связаны были письменныя упражненія; исторія ограничивалась одною древностью. Изъ 25 учебныхъ часовъ въ недѣлю вообще приходились 16 на латинскій, 3 на греческій и два на еврейскій языки. Итакъ у Эрнести центръ тяжести всего ученія въ школѣ лежалъ въ древнихъ языкахъ, „въ которыхъ съ прекрасною формою связано прекрасное содержаніе и благодаря которымъ зрѣлый возрастъ пріобрѣтаетъ государственную и житейскую мудрость, всякій человѣкъ побуждается и поощряется къ нравственному образованію“. Въ своемъ методѣ онъ точное знаніе грамматическихъ правилъ считалъ менѣе важнымъ, нежели тщательное чтеніе, посредствомъ котораго лучше всего надѣялся достичь умѣнья писать полатыни. Для него главнымъ дѣломъ было чтеніе, и притомъ не слишкомъ медленное, останавливающееся по цѣлымъ недѣлямъ на отдѣльныхъ словахъ и предложеніяхъ, а напротивъ болѣе быстрое, пробѣгающее напр. цѣлыя рѣчи Цицерона въ одинъ мѣсяцъ. Онъ требовалъ, чтобы переводъ былъ не слово въ слово, а напротивъ, изящный и согласный съ понятіями, заимствованными изъ знакомства съ общественною жизнью древнихъ, Его объясненіе, насколько было нужно для вѣрнаго пониманія, прежде всего было грамматическое. Съ этимъ онъ связывалъ краткое объясненіе предметовъ. Онъ придавалъ большую важность ясному пониманію содержанія. — При всемъ пристрастіи къ гуманистическимъ занятіямъ,

Эрнести не упускалъ однако изъ виду также и остальные предметы преподаванія. Онъ разработалъ „начальныя основы высшихъ наукъ“, въ которыхъ заключались ариѳметика и начала геометріи, метафизика, психологія, онтологія и полная теологія, діалектика, нравственная часть естественнаго права и полная этика, политика, физика и начала реторики, и гдѣ, въ главѣ о образованіи молодого поколѣнія, онъ изложилъ также свои педагогическія правила о воспитаніи дѣтей. Въ этомъ отношеніи онъ требуетъ, чтобы воспитаніе началось со дня рожденія; чтобы первою заботою былъ сообразный тѣлесный уходъ; чтобы матери сами кормили дѣтей грудью; чтобы дѣтей смолоду охраняли отъ всякихъ вредныхъ привычекъ; чтобы въ приказаніяхъ и запретахъ приводились доводы; чтобы при дисциплинѣ кротость и ласка не смѣнялись быстро строгостью и суровостью, а напротивъ, чтобы съ дѣтьми обходились ровно; чтобы обратили все свое вниманіе на выборъ учителя и будущаго призванія и пр.—Имя Эрнести пользовалось широкою извѣстностью, и школа его распространила гуманизмъ по всей Германіи. Но родина его также успѣла воспользоваться его педагогическимъ воззрѣніемъ, потому что появившійся въ 1773-мъ г. „возобновленный учебный уставъ для Курсаксонскихъ владѣній“ въ первыхъ двухъ частяхъ, содержащихъ въ себѣ княжескія и сельскія, а также латинскія городскія школы, и почти безъ измѣненія просуществовавшихъ съ своими основными началами до 1835-го г., былъ его произведеніемъ, тогда какъ третья часть того же „учебнаго устава“, уряжающая „нѣмецкія, городскія и сельскія школы“, была составлена суперинтендентомъ Христофомъ Гайманомъ и уже вмѣняла учителямъ въ обязанность, чтобы они обучали дѣтей не только закону Божію, чтенію, письму, счету и пѣнью, но сообщали имъ также полезныя свѣдѣнья изъ географіи, всемірной исторіи, естествознанія и хозяйства, также свѣдѣнія объ употребленіи календаря, газетъ и журналовъ.

Гораздо выше Геснера и Эрнести по многостороннему и эстетитескому образованію стоитъ

Христіанъ Готлибъ Гейне.

Онъ родился 25-го сентября 1729-го г. въ Хемницѣ, пробивался сквозь самыя гнетущія условія и сохранилъ благородный, воспріимчивый къ образованію духъ среди житейской нужды („раннимъ товарищемъ моего дѣтства—говоритъ онъ—была бѣдность, а первыми впечатлѣніями были слезы моей матери, лишенной хлѣба для своихъ дѣтей“); увлекшись въ Лейпцигскомъ университетѣ классическою древностью, онъ своимъ Тибулломъ и Эпиктетомъ скоро просла-

вился за границей и наконецъ, благодаря рекомендаціи Рункена, сдѣлался въ 1763-го г. профессоромъ краснорѣчія въ Геттингенѣ на мѣсто Геснера. „Повѣрьте мнѣ, — пишетъ Рункенъ,—въ этомъ мужѣ такой запасъ геніальности и учености, что скоро вся образованная Европа исполнится его славою". Министръ Мюнхгаузенъ повѣрилъ этому смѣлому предсказанію и обратился къ Эрнести, съ тѣмъ чтобы вступить въ переговоры съ Гейне. Пришлось однако сперва разыскать мѣстопребываніе будущаго наставника Германіи, и Эрнести только тогда добился отъ суперинтендента въ Дрезденѣ извѣстія о Гейне, когда тамъ полученъ былъ отвѣтъ на „великій вопросъ", придерживается ли Гейне правовѣрнаго лютеранскаго вѣроисповѣданія. Послѣдній не безъ колебаній рѣшился принять должность, и самъ про себя говорить: „Лишь профессоромъ изучилъ я искусство, которое мнѣ пришлось преподавать". Но вскорѣ онъ освоился съ своимъ новымъ кругомъ дѣятельности и мало по малу образовался также и кружокъ его учениковъ, привязавшихся къ нему сердцемъ и душою Въ первые года онъ объяснялъ особенно Горація, Георгики Виргилія, мѣста изъ трагиковъ, потомъ въ 1766-мъ г. въ первый разъ Иліаду. А съ 1766-го присоединились къ этому греческія древности, въ 1767-мъ археологія. Въ 1764-мъ г. онъ сдѣлался первымъ библіотекаремъ въ университетской библіотекѣ, настоящимъ творцомъ которой былъ онъ самъ. Благодаря своимъ лекціямъ и также своему пятидесятилѣтнему сотрудничеству при основанномъ Галлеромъ обществѣ наукъ въ Геттингенѣ, своему неутомимому соучастію въ „Геттингенскихъ ученыхъ извѣстіяхъ", особенно благодаря дирекціи въ филологической семинаріи, вмѣстѣ съ его изданіями и толкованіями классическихъ писателей, онъ сдѣлался однимъ изъ вліятельнѣйшихъ учителей и ученыхъ Германіи. Средоточіемъ его помысловъ и дѣйствій, съ которыми все остальное состояло въ органической связи, была классическая литература. Она однако была у него не простымъ пособіемъ для другихъ наукъ; она служила ему средствомъ для благороднаго образованія ума къ истинѣ, добру и красотѣ. Онъ самъ хотѣлъ быть —ни законовѣдомъ, ни богословомъ,— всецѣло гуманистомъ, и былъ имъ въ высшемъ и благороднѣйшемъ смыслѣ слова. Его научныя занятія начались съ поэтовъ, и изученіе послѣднихъ въ обширнѣйшемъ смыслѣ вмѣстѣ со всѣмъ, что было связано съ этимъ, постоянно у него преобладало. Все его воззрѣніе на древность было поэтическое,—не то чтобы проза жизни представлялась ему въ разукрашенномъ и слѣдовательно ложномъ свѣтѣ, но оттого что поэтическій элементъ постоянно у него преобладалъ. Потому-то онъ и успѣлъ изученію древности придать новую прелесть и

совершенно иной размахъ: онъ, — говоритъ Гееренъ, — постигъ древность съ ея прекраснѣйшей и вмѣстѣ съ тѣмъ все-таки съ правдивѣйшей стороны. Съ этихъ поръ знаніе древности представилось чѣмъ-то болѣе высокимъ, нежели простая критика словъ и подборъ антикварныхъ замѣтокъ. Притомъ теперь имѣли въ виду не одно только основательное знаніе языка, а главнѣйше образованіе вкуса, облагороженье чувства, совершенствованіе всей духовной природы. Благодаря этому, знаніе древности и классическая литература поднялись изъ школьной пыли и вошли въ кругъ образованнаго міра. При всемъ томъ его изученіе поэтовъ постигалось имъ не съ эстетической, а съ ученой точки зрѣнія. Основою служило знаніе языка, грамматики и метрики. Но онъ не останавливался на этомъ. Толкованіе должно было служить ему не только для основательнаго изученія языка, но главнѣйше для изощренія ума. Онъ считалъ это лучшимъ практическимъ упражненіемъ въ логикѣ. Потому-то прежде всего и старался онъ ясно и точно изложить смыслъ каждаго предложенія, выразить въ прозѣ поэтическую суть поэта, чтобы такимъ путемъ узнать истину и правильность мысли или картины, и вѣрно постигнувъ такимъ образомъ частности, онъ уже стремился представить мысли и предложенія въ связи. „Этимъ путемъ читатель какъ бы возносился надъ писателемъ, надъ поэтомъ; разоблачая идеи автора, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ исправлялъ и свои собственныя".—Изученіе поэтовъ навело Гейне прежде всего на миѳологію, и тутъ онъ впервые установилъ понятіе о миѳѣ, указавъ, что миѳы вообще обнимаютъ все, о чемъ до изобрѣтенья письма мыслилъ и что повѣствовалъ древній міръ на своемъ древнемъ нарѣчіи и въ своемъ образѣ представленія. „Миѳы — пишетъ онъ — вновь получили подобающее имъ значеніе и мѣсто, ихъ слѣдуетъ считать древними сказаньями, первичными источниками и начатками исторіи народовъ, первыми попытками младенческаго міра въ философіи; въ нихъ геній порывался къ поэзіи; благодаря имъ сложился историческій стиль; изъ нихъ вообще вышло образованіе письменности, языка, прежде всего поэтическаго, изъ котораго возникло потомъ ораторское искусство съ его украшеніями, сравненіями, фигурами и тропами. А искусство съ его идеалами, при посредствѣ свойствъ и системы боговъ, всю начальную основу свою заложило въ миѳахъ и миѳическихъ образахъ".—Гейне впервые издалъ могущій служить образцомъ комментарій къ одному изъ древнихъ поэтовъ, и показалъ такимъ образомъ, что значитъ и какъ слѣдуетъ объяснять поэта. Его разработка Тибулла была первою попыткою на этомъ пути.

Разборомъ Виргилія, котораго, какъ онъ говоритъ, трудно читать правильно и безъ толкователя и съ толкователемъ, далъ онъ затѣмъ образецъ—какъ объяснять поэта. Своимъ изданіемъ Пиндара онъ пытался сдѣлать удобопонятнымъ для чтенія величайшаго греческаго лирика. Но важнѣйшимъ трудомъ его была разработка Гомера, причемъ онъ имѣлъ въ виду изложить въ совокупности языкъ поэта, исторію его произведеній, критику текста, миѳологію, землевѣдѣнье, богатырскій міръ, экономію стихотвореній, ихъ поэтическое значеніе и толкованіе отдѣльныхъ предметовъ. При этомъ Гейне въ продолженіе всей своей жизни занимался археологіею и продолжалъ подвизаться на поприщѣ, открытомъ для всѣхъ временъ Іоанномъ Винкельманомъ, который училъ разсматривать творенія искусства какъ художественныя произведенія и который, живя среди художественныхъ сокровищъ Рима и предаваясь наслажденію и вдохновенію, написалъ свою исторію искусства.

Въ качествѣ общественнаго преподавателя Гейне является прежде всего профессоромъ краснорѣчія въ своихъ „академическихъ трудахъ“ (opuscula academica):—это многочисленныя, классическія програмны, которыя распространяются о различныхъ предметахъ древности и свидѣтельствуютъ, что онъ не только чисто, но также легко и со вкусомъ умѣлъ писать полатыни. Его академическія лекціи распадались на публичныя, приватныя и самыя приватныя. Къ приватнымъ относились: греческая и римская литература, греческія и римскія древности, оды и эпистолы Горація. Къ самымъ приватнымъ—Иліада, Одиссея, Пиндаръ и археологія, которую онъ впервые ввелъ въ кругъ академическаго преподаванія. На приватныхъ его лекціяхъ бывало обыкновенно отъ 80 до 100, а на самыхъ приватныхъ о Гомерѣ и Пиндарѣ отъ 60 до 70 слушателей, которыхъ онъ увлекалъ не блестящимъ краснорѣчіемъ, но скорѣе вольнымъ и естественнымъ изложеніемъ, особенно же внутреннимъ содержаніемъ рѣчи, ученостью и превосходнымъ умомъ, благодаря чему онъ вполнѣ владѣлъ своимъ предметомъ. Въ Филологической семинаріи собирался болѣе тѣсный кружокъ его слушателей: тутъ образовались будущіе учителя для школъ, гимназій и академій. Желавшій попасть въ дѣйствительные члены семинаріи обязанъ былъ прочесть пробную лекцію и представить сочиненіе. Такому дѣйствительному члену необходимо было обладать извѣстными знаніями и навыкомъ. Упражненія въ семинаріи заключались въ толкованіяхъ и диспутахъ. Для толкованій избирался то греческій, то латинскій авторъ, на граматическія объясненія обращалось большое вниманіе; строже всего обходились съ такими, которые воображали, буд-

то много знаютъ; но Гейне съ видимымъ удовольствіемъ слѣдилъ за всякимъ развивавшимся талантомъ. Диспуты производились о статьяхъ или сочиненіяхъ, которыя авторы обязаны были представить предварительно какъ ему, такъ и ими самими избранному оппоненту. Въ диспутахъ онъ самъ по долгу бывалъ только слушателемъ, и даже когда возражалъ, то изъ этого еще не слѣдовало, чтобы онъ всегда былъ правъ. Замѣчаніе ученика значило столько же, сколько и слово учителя, лишь бы оно было вѣрно.

Сверхъ того Гейне практическимъ воздѣйствіемъ на систему ученыхъ школъ старался упрочить за классической литературою ея средоточіе. Порученная ему инспекція надъ педагогическимъ институтомъ въ Ильфельдѣ (министръ Мюнхгаузенъ писалъ ему: „если Ильфельдскій институтъ возможно еще спасти отъ паденія, то онъ будетъ одолженъ этимъ единственно вашему попеченію и старанію") повела къ новой организаціи заведенія. Онъ начерталъ учебный планъ, каждое лѣто ѣздилъ на недѣлю въ Ильфельдъ, участвовалъ на конференціяхъ съ учителями, производилъ экзамены, просматривалъ цензурныя книги учениковъ и пр. Онъ преобразовалъ также ученую городскую школу въ Гёттингенѣ: прежнее раздѣленіе классовъ прекратилось и введено было новое по предметамъ и знаніямъ; учебный планъ расширился, школа въ низшихъ классахъ была превращена въ полезное мѣщанское училище, но безъ ущерба для основныхъ началъ ученаго преподаванія. Его пригласили для преобразованія школъ въ Ганноверъ; онъ здѣсь такъ же рѣшилъ поставленную ему задачу. Гейне былъ чрезвычайно живой, дѣятельный человѣкъ. Одна лишь смерть 14-го іюля 1812 г. положила конецъ этой дѣятельности.

Геснеръ, Эрнести и Гейне вызвали новое развитіе въ высшемъ школьномъ образованіи. Они болѣе всего оказали существенное, творчески преобразующее вліяніе на молодыхъ учителей, а при посредствѣ послѣднихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ благодаря образцовымъ классикамъ также на самыя школы: студентовъ исполненныхъ въ университетахъ новымъ духомъ разсылали они въ гимназіи, и школы эти не могли противостоять носимымъ духомъ времени воззрѣніямъ въ связи съ новой филологіей. Геснеръ, Эрнести и Гейне сдѣлали Германію передовою страною филологіи, и нѣмецкія гимназіи возвели на высшую ступень ученыхъ школъ.

34.

Ученыя школы и ихъ ректоры.

Благодаря болѣе всего научнымъ гуманистическимъ героямъ, но притомъ не безъ вліянія со стороны филантропизма, въ *ученыхъ школахъ* водворился эклектизмъ, который при классическихъ языкахъ признаалъ также и реальныя науки, требовалъ тѣсной связи первыхъ съ послѣдними, изучая языкъ не обременялъ ни памяти вокабулами, ни ума отвлеченными правилами, а напротивъ, возбуждалъ осязательно конкретнымъ созерцаніемъ и непрерывными практическими упражненіями въ чтеніи, письмѣ и разговорахъ живое чувство къ языку вообще, хотя съ другой стороны —противорѣча самому себѣ — требовалъ твердаго запечатлѣнія грамматическихъ правилъ и отстаивалъ мнѣніе, что въ дѣлѣ преподаванія всего важнѣе изощрять духовныя способности, возбуждать умъ и руководить къ самомышленію. Этотъ эклектизмъ требовалъ притомъ латинскихъ школъ только для будущихъ ученыхъ, тогда какъ остальныя званія могли бы въ мѣщанскихъ училищахъ изучать болѣе полезные предметы. Изученіе грамматики — такъ разсуждалъ онъ—не исключаетъ практическаго метода: начальныя правила можно преподавать почти играя, какъ въ новѣйшихъ языкахъ; можно самимъ ученикамъ предоставить отыскивать правила и такимъ образомъ воспользоваться грамматикою для умственныхъ упражненій, лишь бы соблюсти при этомъ правильный способъ преподаванія. Методъ въ связи со всеобъемлющимъ знаніемъ, вотъ требованья, возлагаемыя на преподавателя: величайшій филологъ будетъ плохимъ проподавателемъ, — если онъ не обладаетъ ни обширными свѣдѣньями, ни методомъ. Въ преподаваніи методически поступаетъ тотъ, кто въ воспитанникѣ прежде всего пробуждаетъ внѣшнія чувства и 12-тилѣтній возрастъ считаетъ настоящею порою для того, чтобы перейти къ мертвымъ языкамъ. Но и тутъ даже древніе классики писаны еще не про отрока: ему подобаютъ лишь отрывки, хрестоматіи и новѣйшіе писатели на хорошемъ латинскомъ языкѣ, вродѣ Эразма, Мюре и пр. Преподаваніе должно имѣть главною цѣлью ознакомить юношество съ духомъ древности: духъ классической древности возбуждаетъ и питаетъ благородное чувство свободы и вмѣстѣ съ тѣмъ чрезъ исторію предостерегаетъ отъ злоупотребленій этимъ чувствомъ;—но цѣлью воспитанника должна быть энциклопедическая (а потому не только словесная, но также и предметная) подготовка къ университетскимъ занятіямъ.

Среди *католическихъ* высшихъ учебныхъ заведеній съ отвѣчающими имъ принципами первое мѣсто въ Баваріи занимали гимназіи.—Въ Австріи М. Гессъ также хотѣлъ подавить въ послѣднихъ безплодный формализмъ іезуитства своимъ проектомъ касательно устройства „гимназій въ наслѣдственныхъ земляхъ", причемъ указывалось на необходимость учить латинскому и греческому языкамъ подъ руководствомъ и посредствомъ чтенія классическихъ писателей и обращалось вниманіе на невозможность отдѣлить основательное латинское преподаваніе отъ столь же основательнаго греческаго. Однако высочайшій указъ отъ 1776-го г., на который воззрѣнія Коллара и піариста Граціана Маркса оказали существенное вліяніе, во многихъ отношеніяхъ былъ даже попятнымъ шагомъ сравнительно съ іезуитами: онъ главнѣйше обращалъ вниманіе на языкъ, а остальныя науки считалъ побочнымъ дѣломъ, которое въ преподаваніи имѣлось въ виду лишь мимоходомъ. Такимъ-то роковымъ шагомъ и продолжали идти въ 19-мъ столѣтіи: въ 1819-мъ, т. е. въ самый годъ открытія электромагнетизма, въ австрійскихъ гимназіяхъ устранили изъ преподаванія физику и естественную исторію; а въ 1819-мъ—1849-мъ гг. изо 108 урочныхъ часовъ въ гимназіи назначено 60 на латинь, 3 на древности, 8 на греческое, 13 на географію и исторію и 12 на религію.

Въ Баваріи, напротивъ того, по отмѣнѣ іезуитизма гимназіи были переобразованы по учебному уставу, составленному въ 1777-мъ г. духовнымъ совѣтникомъ при монастырѣ Богоматери въ Мюнхенѣ, Генрихомъ Брауномъ. Имущества и доходы, которыми прежде пользовались іезуиты и на которые смотрѣли какъ на постоянный фондъ и какъ на нераздѣльное всегдашнее цѣлое, послужили отчасти для исполненія учебнаго плана для лицеевъ, гимназій и принадлежащихъ къ нимъ приготовительныхъ и первоначальныхъ классовъ, причемъ съ гимназіями связана была реальная школа для мѣщанскихъ дѣтей. Ректоры и профессора гимназій составляли всеобщую, а каждый изъ ректоровъ въ своей гимназіи особую корпорацію, обязанную слѣдить за поддержкою добраго порядка и за воспитаніемъ юношества. Курфюрстъ самъ опредѣлялъ къ должностямъ и обращалъ вниманіе—отнюдь не на рекомендаціи или другія подобныя условія, но единственно на однѣ заслуги. Желавшій занять такую должность испытывался директоромъ въ связи съ профессоромъ изъ Мюнхена, до котораго касался подлежащій учебный предметъ, въ теоретической и практической педагогикѣ, а именно въ лучшихъ методахъ, относящихся къ каждому изъ предметовъ и въ письменныхъ сочиненіяхъ на предназначенныхъ для учительской должности языкахъ, сверхъ того онъ обязанъ былъ прочесть пробную лекцію.

Чтобы успѣшнѣе содѣйствовать и способствовать конечной великой цѣли, т. е. преподаванію и образованію учениковъ, ежемѣсячно собиралась коллегія профессоровъ, съ тѣмъ чтобы указывать на встрѣчающіяся при исполненіи плана обстоятельства, тщательно изслѣдовать источники и причины ихъ, намѣчать ближайшія средства для устраненія обнаруживающихся затрудненій, извѣщать объ удовлетворительности учениковъ вообще и каждаго изъ нихъ въ особенности и рѣшать о переводѣ ученика изъ низшаго класса въ высшій. Приготовительный или начальный классъ служилъ гранью между мѣщанскимъ и ученымъ воспитаніемъ. Изъ дѣтей мѣщанъ для изученія латини въ приготовительномъ классѣ допускались только получившіе дозволеніе и обладавшіе способностью поступить въ гимназію, или же посвятившіе себя письменному дѣлу, книгопечатанью, аптекарскому или иному требующему образованія искусству и пр. А дѣти мѣщанъ, не желавшіе предаться научнымъ занятіямъ, поступали въ реальное училище, образцомъ для котораго служила главная школа курфюрстскаго каноническаго института въ Мюнхенѣ. Въ послѣдней классы не подчинялись другъ другу, такъ что ученики не переходили ежегодно изъ одного въ другой, а напротивъ, классы соотвѣтствовали другъ другу по предметамъ, такъ что всякій могъ останавливаться долѣе на томъ предметѣ, который по отношенію къ будущимъ мѣщанскимъ занятіямъ былъ для него необходимѣе и полезнѣе другихъ, и такимъ образомъ сдѣлаться какъ для себя, такъ и для государства, болѣе дѣльнымъ гражданиномъ. Такъ какъ будущимъ студентамъ надлежало обучаться иначе, нежели ученикамъ реальной школы, то первые изъ приготовительнаго класса поступали въ гимназію. Способъ преподаванія въ послѣдней отличался какъ отъ высшей школы, такъ и отъ реальнаго училища. „Въ высшей школѣ говоритъ одинъ учитель, предполагая, что передъ нимъ юноши съ болѣе зрѣлымъ умомъ; въ гимназіи же способъ преподаванія діалогическій, онъ по краткомъ разъясненіи состоитъ изъ вопросовъ и отвѣтовъ. Въ реальной школѣ изучаютъ науку, напр. математику въ причинной связи (in nexu causarum), а въ гимназіяхъ—въ умозрительной (in nexu rationali)“. Методъ въ преподаваніи религіи былъ историческій: доказательства заимствовались изъ священнаго писанія, изъ преданія и ученія католической церкви; для объясненія пользовались притчами, исторіями, разсказами и примѣрами, большею частью изъ священнаго писанія; когда преподавалась нравственная истина, то она примѣнялась къ практическимъ случаямъ; дознанная истина должна была проникнуть въ душу, такъ чтобы она стала не только познаніемъ, но и дѣйствительнымъ

ощущеніемъ, чувствомъ истины какъ въ сердцѣ, такъ и въ совѣсти. „Для изученія языка, необходимо переходить отъ практики къ теоріи, отъ упражненія къ правиламъ и начинать съ родного“. Въ приготовительномъ классѣ принимались за латинь, когда ученикъ въ своемъ родномъ языкѣ окрѣпъ нѣсколько болѣе,нежели требовалось въ нѣмецкихъ школахъ.Путь къ изученію латинскаго языка оставался все тотъ же, при посредствѣ толкованій и переводовъ: сначала заставляли переводить болѣе съ латинскаго на нѣмецкое, нежели съ нѣмецкаго на латинское. Для упражненія съ нѣмецкаго на латинское избирали хорошій переводъ и потомъ сравнивали съ этимъ классическаго автора, изъ котораго заимствованъ отрывокъ. Впослѣдствіи объясняли свойства хорошаго слога, потомъ предлагали ученикамъ образцы изъ лучшихъ твореній классиковъ, обращали ихъ вниманіе на богатство языка, на красоту выраженій, на силу избранныхъ словъ и слога. „Собственныя сочиненія необходимо задавать ученикамъ болѣе на нѣмецкомъ, нежели на латинскомъ языкѣ,потому-что при будущихъ занятіяхъ болѣе нуждаются въ первомъ. Средствами для хорошаго слога служатъ переводъ, подражаніе и наконецъ собственныя сочиненія.“ „На греческомъ языкѣ также начинаютъ съ практики, и при самомъ даже грамматическомъ объясненіи сначала пропускаютъ все, чего нельзя тотчасъ же употребить въ дѣло и примѣнить“. „Въ исторіи учитель да поясняетъ ученикамъ во-первыхъ причины переворотовъ, во-вторыхъ побужденія человѣческихъ дѣйствій, въ третьихъ: какъ истинное, такъ и мнимое значеніе похвальныхъ съ виду дѣлъ, въ четвертыхъ послѣдствія, въ пятыхъ различіе эпохъ, въ какія выступала каждая изъ дѣйствующихъ личностей, въ шестыхъ видимый промыслъ Божій во всѣхъ событіяхъ, въ седьмыхъ различіе нравовъ и обычаевъ въ древнія, среднія и современныя эпохи“. Философскія науки назначалось проходить лишь подготовительнымъ образомъ. Соотвѣтственно этимъ основнымъ положеніямъ въ Ингольштадской гимназіи преподавались: 1) Въ приготовительномъ классѣ: сущность христіанства и нравоученія въ связи съ священной исторіею, по катехизису Флери; продолженіе начатой въ нѣмецкой школѣ нѣмецкой грамматики и упражненія въ родномъ языкѣ; содержаніе всеобщей исторіи; подготовка къ географіи по Бюшингу; четыре первыя правила ариѳметики по Барту. 2) Въ первомъ грамматическомъ классѣ: болѣе пространное преподаваніе католическаго христіанства и подробное нравоученіе о обязанностяхъ относительно Бога; маленькая грамматика Брауна; маленькая хрестоматія; Федръ, Корнелій Непотъ; основы болѣе обработаннаго слога Гейнекція; начальныя основы греческаго языка Нейгаузера; хрестоматія

Геснера съ переводомъ Бугина; исторія отъ начала міра до рождества Христова, извлеченіе для католическихъ школъ по Шреку; географія по первой части Бюшинга; продолженіе ариѳметики по Шпенглеру. Во второмъ грамматическомъ классѣ: обязанности относительно самого себя; исторія отъ рождества Христова и до нашихъ временъ; исторія Баваріи; географія по второй части Бюшинга; остальное совокупно съ первымъ классомъ. Въ первомъ реторическомъ классѣ: элементарная реторика; обязанности относительно ближнихъ; собраніе болѣе краткихъ стихотвореній Дени; начала реторики Эрнести; Саллюстіевъ заговоръ Катилины; эклоги Виргилія; нѣкоторыя элегіи Овидія; басни Эзопа; миѳологія и римскія древности, въ связи съ греческими, по начальнымъ основаніямъ Брауна и Ньюпорта; геометрія по методѣ Клеро. Во второмъ реторическомъ классѣ: философское краснорѣчіе; обязанности относительно государства и государя въ связи съ общественными обязанностями относительно всѣхъ людей; введеніе въ изящныя науки Батте, въ переводѣ Рамлера; Тацита о нравахъ, обычаяхъ и народахъ въ Германіи; Гарлесовъ Цицеронъ о краснорѣчіи; его же Квинтиліанъ; Горацій; Энеида Виргилія; поэтическая хрестоматія Гарлеса; исторія изящныхъ наукъ и свободныхъ искусствъ; начальныя основанія естествознанія по введенію въ естественную исторію Бюшинга.

Вершинныя точки и слѣдовательно безусловные образцы организаціи *протестанскихъ* гимназій той эпохи представляютъ педагогическій институтъ въ Клостербергенѣ при аббатѣ Фридрихѣ Гавріилѣ Резевицѣ и Берлинскія гимназіи при Ф. Гедике, Мейеротто и Бернгарди.

Педагогическій институтъ въ Клостербергенѣ имѣлъ цѣлью не только приготовить надлежащимъ образомъ настоящихъ студентовъ къ будущему академическому преподаванію, но и снабдить также будущихъ камералистовъ, купцовъ, сельскихъ хозяевъ или офицеровъ предварительными знаніями, могущими образовать ихъ умъ и сдѣлать ихъ способными къ предстоящимъ занятіямъ. А потому изучались не только языки и науки, необходимые для будущаго студента, но также и „могущіе послужить въ пользу каждому человѣку образованнаго класса для его будущаго назначенія и для осмысленнаго образованія его ума.“ Каждое ученіе и каждая наука проходились сами по себѣ какъ одно цѣлое и преподавались въ разныхъ классахъ въ различно установленныхъ предѣлахъ, соотвѣтственно умственнымъ способностямъ и объему наукъ, такъ что преподаваніе переходило постепенно отъ легкаго къ болѣе трудному, отъ элементарнаго къ высшему, отъ краткаго изложенія къ болѣе подробному. Каждый изъ учениковъ такимъ образомъ въ каждой изъ наукъ, смотря по мѣрѣ пріобрѣтен-

ныхъ имъ знаній, переходилъ въ высшій классъ и, не обращая вниманія на его остальныя знанія повышался въ той наукѣ, въ которой оказалъ успѣхи. Въ виду преподаванія учили не только тому, что подготовляетъ молодого человѣка къ настоящимъ академическимъ занятіямъ, но какъ студентовъ, такъ и всѣхъ, не посвящавшихъ себя изученію наукъ, обучали французскому, итальянскому и англійскому языкамъ и наставляли въ полезныхъ для всякаго сословія знаніяхъ, какъ то въ естествовѣдѣніи, исторіи государствъ, ботаникѣ, технологіи, коммерческой наукѣ и въ статистическихъ свѣдѣньяхъ касательно Европы, такъ чтобы положить основу ко всякому умственному образованію, необходимому для разумнаго человѣка въ его будущемъ дѣлѣ. Въ виду этого всѣ непосвящавшіе себя научнымъ занятіямъ отдѣлялись отъ настоящихъ студентовъ въ урокахъ, назначаемыхъ исключительно для ученаго преподаванія, и обучались предметамъ, полезнымъ для ихъ прямого назначенія, а именно упражненіямъ въ нѣмецкомъ стилѣ, новымъ языкамъ, статистикѣ, технологіи и пр. Всякому доставлялась также возможность учиться танцованію, фехтованію, рисованію, токарному искусству, верховой ѣздѣ, музыкѣ и тому подобнымъ свободнымъ искусствамъ и тѣлеснымъ упражненіямъ. Сверхъ того для дальнѣйшаго изученія служили еще библіотека, собраніе машинъ, музей естественныхъ наукъ, физическіе снаряды, дактиліотека Липперта и пр. Въ преподаваніи учителю вмѣнялось въ обязанность: 1) возбуждать и поддерживать вниманіе ученика,—2) заставлять и приучать его подготовляться къ предстоящему уроку,—3) излагать предметъ по возможности ясно и точно и поэтому примѣняться къ юношескому пониманію своихъ слушателей, объяснять и доказывать общее на примѣрахъ, частностяхъ и опытѣ, неизвѣстное выводить изъ извѣстнаго или первое выяснять послѣднимъ,—4) повторять пройденное въ надлежащихъ отдѣлахъ, предлагая вопросы, задавая сочиненія, которыя еще глубже запечатлѣли бы пройденные предметы, внесли бы въ нихъ правильность порядокъ и связь, или вообще пріучали бы умъ къ мышленію,—заставляя всякое занятіе производить съ перомъ въ рукѣ. „Все достаточно ясно понятое, надлежащимъ образомъ пройденное и хорошо изученное можно потомъ заставить вытвердить наизусть и впечатлѣть въ памяти". Въ преподаваніи закона Божія обращали вниманіе не только на то, чтобы по возможности для всякаго возраста и для всякой способности сдѣлать понятными и доступными догматы религіи и особенно христіанства, но и на то, чтобы выяснить и запечатлѣть въ душѣ ихъ значеніе, подобающее имъ достоинство, доставляемыя ими поль-

зу и выгоды, такъ чтобы возбудить стремленіе и склонность уважать, полюбить ихъ и слѣдовать имъ. Это преподаваніе закона Божія, смотря по различнымъ возрастамъ и способностямъ воспитанниковъ, распредѣлялось на три класса, такъ что, начиная съ краткаго содержанія существеннѣйшихъ догматовъ христіанства, ученики постепенно восходили до полнаго ихъ познанія насколько они могутъ предостеречь и охранить человѣка на жизненномъ пути его, поддержать въ убѣжденіи, исправить и руководить его, и насколько они снабжали его доводами и средствами избѣжать невѣрія и безсовѣстности, исполниться любви и благодарности къ Богу и Христу, также питать наклонность и стремленіе къ добру и ко всему угодному Господу. Сверхъ того для возбужденія и поддержанія религіознаго чувства служили также сопровождаемыя пѣніемъ утреннія и вечернія молитвы и читаемыя по временамъ проповѣди, излагавшія сообразно степени пониманія молодыхъ людей дѣла и обязанности послѣднихъ. Въ математическихъ наукахъ ученикамъ, не способнымъ и не обязаннымъ изучать ихъ глубоко, сообщались свѣдѣнья о математическихъ фигурахъ и тѣлахъ, а потомъ начальныя основы геометріи проходились съ ними аналогически и механически; ихъ обучали также межеванью. Кто не имѣлъ ни охоты, ни способностей изучать математику съ доказательствами или по назначенію своему не былъ обязанъ проходить такъ много, тотъ поступалъ въ историко-математическій классъ, гдѣ механическія оптическія, астрономическія и архитектурныя науки въ теченіе года проходились такъ, что поочередно изъ году въ годъ подробно излагалась только одна изъ этихъ наукъ и примѣненіе ея объяснялось на многихъ примѣрахъ и упражненіяхъ, остальныя же объяснялись лишь исторически, а правила ихъ отлично выводились изъ примѣровъ. Въ этомъ же классѣ проходились четыре ариѳметическія дѣйствія съ именованными числами, сверхъ того начальныя основанія дробей, квадратныхъ и кубичныхъ чиселъ съ постояннымъ примѣненіемъ къ случаямъ обыденной жизни, къ торговлѣ и пр. Но обладавшій охотою и способностью къ болѣе глубокимъ математическимъ знаніямъ переходилъ въ теоретико-математическій классъ, гдѣ ариѳметика, геометрія и тригонометрія, а также часть высшей геометріи, проходились съ доказательствами. Въ естествовѣдѣніи цѣль преподаванія состояла въ томъ, чтобы съ одной стороны желающіе впослѣдствіи подробнѣе заняться изученіемъ природы пріохотились къ этому и запаслись необходимыми для того предварительными знаніями, а съ другой стороны, чтобы и остальные также ознакомились съ явленіями и произведеніями природы, „насколько то можетъ быть полезнымъ для обсужденія ихъ и для примѣненія въ дѣйствительной

жизни или для благонравнаго образованія ума". Для умственнаго образованія и развитія душевныхъ способностей читались и разбирались предварительныя упражненія Зульцера такъ, чтобы ученики не только усвоили себѣ содержаніе предмета, но навыкли притомъ читать главнѣйше съ толкомъ, изслѣдовать со вниманіемъ, судить разумно и съ чувствомъ, хорошо и правильно излагать понятое. Достаточно подготовленный такимъ образомъ переводился въ систематико-философскій классъ, гдѣ психологія, логика, общеполезныя для образованія ученія космологіи, сверхъ того естественная теологія и мораль преподавались такъ, что важнѣйшія основы и правила этой науки выяснялись и выводились не столько изъ глубокомысленныхъ умозрѣній, но болѣе изъ наблюденій и опытовъ. Для образованія слога служили 4 класса; изъ нихъ въ четвертомъ обучались граматически правильному чтенію, въ третьемъ упражнялись въ разсказахъ, разбирались и предлагались для подраженія образцовые отрывки, писались письма и дѣловыя статьи; во второмъ практически сообщались правила о примѣрахъ, сравненіяхъ и уподобленіяхъ, о изображеніяхъ и описаніяхъ, объ изяществѣ, о тропахъ и фигурахъ, также о различіи слога; наконецъ въ первомъ теоретически излагались правила Квинтиліана объ образованіи слога и краснорѣчія, разбирались рѣчи и т. п. древнихъ и новыхъ классиковъ и въ видѣ самостоятельныхъ сочиненій заставляли дѣлать извлеченія изъ догматическихъ рѣчей, опроверженія ложныхъ предложеній и мнѣній, сравненія историческихъ характеровъ и т. п. Исторія и географія были соединены, а сверхъ того географія въ особыхъ урокахъ знакомила еще съ странами свѣта, сообщала частныя свѣдѣнья о европейскихъ государствахъ и болѣе подробныя о Германіи,—а исторія преподавалась въ 3 курсахъ, причемъ въ древней исторіи приводились въ то же время главные источники, изъ которыхъ она черпается. Въ древнихъ языкахъ ученики прежде всего обучались правильному словосочиненію, затѣмъ слѣдовалъ грамматическій переводъ легкаго автора, такъ что кромѣ вѣрнаго значенія словъ тщательно развивалось неизвѣстное и трудное сочетаніе ихъ и сопоставлялось въ надлежащую параллель съ роднымъ языкомъ. Послѣ того приступали къ толкованію древнихъ авторовъ, причемъ главною цѣлью было: изслѣдуя значеніе словъ, представить генетическое происхожденіе ихъ изъ склада языка, а смыслъ и оттѣнки — изъ образа мышленія и нравовъ эпохи, вмѣстѣ съ тѣмъ изложить также особенности автора; при сочетаніи же обратить вниманіе на ходъ идей, на распредѣленіе и постановку словъ сообразно изяществу и благозвучію, а при переводахъ выяснять благородство, правильность, красоту или

простоту мыслей и избранныхъ выраженій или ихъ противоположность, указать притомъ на особенности и геній языка, такъ чтобы ученикъ вѣрно постигъ духъ его и вмѣстѣ съ тѣмъ духъ самого автора. Въ латинскомъ языкѣ уроки распредѣлялись такъ, что сперва твердо изучали обыкновенное словосочиненіе потомъ по Корнелію, баснямъ Федра и пр. постепенно переходили къ граматическимъ и къ переводу съ латинскаго, наконецъ по рѣчамъ Цицерона, по его реторическимъ и философскимъ статьямъ и пр., по метаморфозамъ Овидія, Энеидѣ Виргилія и стихотвореніямъ Горація приступали къ толкованію и ближе знакомились какъ съ особенностями латинскаго языка, такъ и съ краснорѣчіемъ и поэзіею Римлянъ. Для бѣглаго чтенія въ латинскихъ урокахъ попреимуществу избирались послѣдовательно латинскіе историки: Евтропій, Юстинъ, Флоръ, Саллюстій, Светоній, Ливій и Тацитъ, такъ чтобы ученики изъ источниковъ наглядно знакомились съ исторіей. Для грамматическихъ упражненій пользовались грамматикою Шеллера; въ высшихъ классахъ сверхъ того дѣлались латинскія сочиненія, экзаменовали и, во время уроковъ, повторяли полатыни.—Для изученія греческаго языка изучали сперва этимологію и переводили изъ книги для чтенія Гедике. Потомъ читали Киропедію Ксенофонта, исторію Геродіана и Ксенофонта, избранные разговоры Лукіана, характеры Ѳеофраста, Иліаду Гомера и діалоги Платона. На еврейскомъ языкѣ начинали съ грамматики и легкихъ ветхо-завѣтныхъ историческихъ отрывковъ, съ тѣмъ чтобы послѣ перейти къ болѣе труднымъ статьямъ, при чемъ глубже вникали въ свойства и грамматическій складъ языка, точнѣе знакомились съ особенными оборотами и способомъ выраженія восточнаго образа мыслей и притомъ поясняли, въ какомъ отношеніи къ Новому Завѣту состоитъ эллинскій языкъ и какъ онъ возникъ. Англійскій и итальянскій языки преподавались лишь приватно, а французскій публично настолько, что мало по малу или посмѣнно переходили къ чтенію слѣдующихъ книгъ: путешествіе Кира, жизнеописаніе знаменитыхъ государей, филологическія бесѣды, нравственныя повѣсти Мармонтеля, вѣкъ Людовика XIV Вольтера, характеры Ѳеофраста, изложенные Брюгеромъ и творенія Расина; сверхъ того урожденный французъ въ особыхъ урокахъ упражнялъ въ разговорахъ и, обѣдая съ учениками за первымъ столомъ, говорилъ съ ними исключительно по-французски.

Въ дисциплинѣ Резевицъ исходилъ отъ того основнаго положенія, что мы какъ въ политическомъ, такъ и въ нравственномъ мірѣ обманываемъ сами себя, думая воспитать людей и управлять ими посредствомъ законовъ и приказаній; и точно, законы хотя и говорятъ, что слѣдуетъ испол-

нять и пр., но они не надѣляютъ ни чувствомъ, ни волею, для того чтобы на самомъ дѣлѣ исполнить одно, или избѣгнуть другого; наказанія возбуждаютъ лишь опасеніе, какъ бы не открылся проступокъ, они воздерживаютъ лишь отъ явнаго нарушенія законовъ, но тѣмъ болѣе побуждаютъ совершать въ тайнѣ то, что потворствуетъ страстямъ, и затѣмъ напрягать всѣ силы ума и дарованій, чтобы утаить, скрыть противозаконный поступокъ, или если онъ обнаружился, уклониться отъ заслуженной кары,—исторія всѣхъ народовъ поучаетъ, чѣмъ суровѣе наказанія и чѣмъ строже и жесточе они исполняются, тѣмъ грубѣе и суровѣе бываетъ и становится самъ народъ,—и наконецъ, награды часто вредятъ нравственному чувству и пріучаютъ молодыхъ людей цѣнить не подвигъ и не естественное нравственное значеніе его, а только произвольное и временно съ нимъ связанное возмездіе. „Въ нравственномъ воспитаніи все дѣло состоитъ въ томъ, чтобы человѣкъ самъ желалъ и по собственному побужденію дѣлалъ лишь доброе, честное, благопристойное и полезное". И воспитанника можно довести до этого. „Всякій человѣкъ чувствуетъ благоговѣніе къ существу, болѣе высокому, болѣе мудрому и могущему, нежели онъ самъ; всякое сердце умиляется любовью къ всеблагому и милосердому; всякому хочется быть уважаемымъ и оказаться достойнымъ уваженія, всякій въ большей или меньшей мѣрѣ, побуждается честолюбіемъ и пр. Все воспитаніе должно имѣть цѣлью возбуждать и направлять эти чувства и побужденія. Средствами для того служатъ: религія, искреннее, непринужденное обращеніе учителей съ учениками, полугодичная цензура, довѣріе къ доброму чувству воспитанника, нравственные классы, такъ что вновь поступающіе сидятъ въ „классѣ испытанія", пока учителя не ознакомились съ ихъ нравомъ и характеромъ,—послѣ чего, не созрѣвшіе еще и не обнаружившіе никакихъ достойныхъ уваженія и довѣрія чертъ, поступаютъ въ „четвертый нравственный разрядъ" и подлежатъ постоянному надзору;—а въ „третій классъ" переходятъ уже проявившіе черты честолюбія, хорошаго образа мыслей и пр., и подающіе надежду, что при болѣе зрѣломъ умѣ они сдѣлаются степенными и благомыслящими: имъ дозволяется гулять съ пріятелемъ изъ нравственнаго класса;—во „второй нравственный классъ" принимаются возбуждающіе большія надежды, которые при ребяческомъ впрочемъ нравѣ все-таки пріобрѣли довѣріе въ томъ, что хотятъ отличиться добрымъ и благороднымъ чувствомъ: предъявивъ билетъ, полученный ими отъ старшаго учителя въ разрядѣ, они въ часы досуга вольны гулять одни; наконецъ въ „первый классъ" поступаютъ уже твердые и благонадежные: они пользуются постоянною свободою, могутъ отъ имени школы требовать себѣ свобод-

наго дня и ходатайствовать за подлежащаго наказанію товарища. При наказаніяхъ постановляется правиломъ: сперва совѣтовать, напоминать, убѣждать, предостерегать, а затѣмъ уже пристыжать, дѣлать выговоры, грозить и потомъ лишь наказывать".

Резевицъ былъ замѣчательный педагогъ. Потому-то и Клостербергенъ его такъ замѣчателенъ. Высокое же значеніе тогдашнихъ гимназій зависѣло большею частью еще отъ личнаго значенія директора. Благодаря такимъ замѣчательнымъ ректорамъ особенно Берлинскія гимназіи сдѣлались замѣчательными и образцовыми заведеніями. Тамъ подвизался

Фридрихъ Гедике.

(Родил. 1755, ум. 1803 г.) Съ 1779 г. онъ былъ директоромъ Фридрихсвердерской, съ 1791 вмѣстѣ съ тѣмъ содиректоромъ, а съ 1793 г. директоромъ Берлино-Кельнской гимназіи, съ 1784 также главнымъ совѣтникомъ консисторіи, и съ 1787 главнымъ членомъ училищнаго совѣта. Свободный отъ тугой привязанности къ старинѣ, но и безъ предубѣжденій къ современной новизнѣ, способный не только составить планъ, но также исполнить его, озирая проницательнымъ и быстрымъ взглядомъ предметы со всѣхъ сторонъ, пробуждая своими сочиненіями идеи и предначертанія, всегда отвѣчавшія времени и обстоятельствамъ,—онъ оказалъ благодѣтельное и плодотворное вліяніе не только на свое училище, но и на обширный кругъ въ особенности прусскихъ школъ, для которыхъ образовалъ много учителей и на устройство которыхъ повліялъ, благодаря своему положенію. Въ Фридрихнердерской гимназіи, при вступленіи его въ должность, находились 1 ученикъ въ первомъ, 2 во второмъ и 8 въ третьемъ классѣ; а въ 1793 г.—310 учениковъ; плата за школу въ теченіе этого времени отъ 360 возрасла до 1900 талеровъ; такого довѣрія добилась гимназія и притомъ въ такое время, когда въ Берлинѣ вообще было въ ходу обученіе дѣтей частными учителями и въ частныхъ школахъ. Фридрихвердерская гимназія получила отъ него организацію, которая благодаря его вліятельному положенію послужила образцомъ для остальныхъ прусскихъ гимназій. Въ его школѣ господствовала такъ называемая параллельная система учебныхъ предметовъ. „У насъ—говоритъ онъ,—не примѣняется прежній порядокъ въ школахъ, вслѣдствіе котораго каждый изъ учителей преподаетъ лишь въ одномъ классѣ и часто въ одномъ и томъ же классѣ по всѣмъ урокамъ имѣется только одинъ или много два учителя. Ни одинъ изъ нашихъ старшихъ учителей не считаетъ для се-

бя унизительнымъ преподавать тотъ или другой предметъ также и въ низшемъ классѣ, и у насъ не рѣдко случается что одинъ и тотъ же учитель преподаетъ какъ въ первомъ такъ и въ послѣднемъ классѣ. Частая смѣна учителей весьма полезна особенно для младшаго возраста, вниманіе котораго при отличномъ даже учителѣ легко ослабѣваетъ, тогда какъ вслѣдствіе смѣны оно наоборотъ постоянно возбуждается и поддерживается. При такомъ устройствѣ выигрываетъ даже самое преподаваніе и методъ учителей, оттого что преподаватель, обучающій въ нѣсколькихъ классахъ, не такъ скоро впадаетъ въ извѣстную однообразную рутину, какъ другой, имѣющій передъ глазами всегда однихъ и тѣхъ же учениковъ. При томъ бо́льшая или меньшая годность и негодность нѣкоторыхъ изъ учителей распредѣляется такимъ образомъ по всему заведенію, а слѣдовательно первая окажется для него полезнѣе, а послѣдняя безвреднѣе". „Такъ какъ часто случается, что молодой человѣкъ оказалъ не одинаковые успѣхи по всѣмъ учебнымъ предметамъ, а напротивъ, въ нѣкоторыхъ изъ нихъ ушелъ сравнительно гораздо далѣе, нежели въ другихъ, то было бы весьма нецѣлесообразно оставлять его по всѣмъ учебнымъ предметамъ въ одномъ и томъ же классѣ. Нашъ планъ уроковъ и распредѣленъ потому такимъ образомъ, что одинъ и тотъ же ученикъ по одному предмету находится въ высшемъ, а по другому въ низшемъ классѣ, не пропуская притомъ другого также полезнаго для него урока. Такъ первоклассникъ у насъ по греческому языку можетъ находиться во второмъ, даже въ третьемъ классѣ; точно также по математикѣ, исторіи и пр. Такимъ только образомъ возможно каждаго изъ учащихся по каждому изъ предметовъ преподаванія помѣстить въ отвѣчающій по способностямъ и познаніямъ классъ. Но для того, чтобы сидящимъ по какому нибудь предмету въ низшемъ классѣ ученикамъ доставить еще болѣе повода заняться съ особеннымъ рвеніемъ именно этимъ предметомъ, я прибѣгнулъ къ такой мѣрѣ: никто изъ учениковъ не можетъ быть причисленъ къ первому отдѣленію своего класса, пока по какому либо предмету онъ принадлежитъ еще къ низшему классу. Дѣло въ томъ, что каждый изъ 6-ти классовъ разбивается на два отдѣленія, и такимъ образомъ мы пользуемся весьма сильнымъ средствомъ поощренія и наградъ для отличныхъ учениковъ, вмѣстѣ съ тѣмъ переводъ изъ высшаго отдѣленія въ низшее служитъ весьма чувствительнымъ наказаніемъ". „Чтобы побудить учениковъ къ труду и добронравію, введены слѣдующія поощрительныя средства: 1) Главная, трехмѣсячная цензура; потомъ обыкновенная ежемѣсячная цензу-

ра, въ которой учитель вноситъ свое общее мнѣніе о классѣ и о тѣхъ ученикахъ, которыми онъ особенно былъ доволенъ или недоволенъ; 2) разрядъ учениковъ въ каждомъ изъ классовъ по всѣмъ урокамъ: при этомъ обращалось вниманіе не только на прилежаніе и успѣхи, но также на постоянно ровное и нравственное поведеніе; этотъ разрядъ утверждался на конференціи всѣхъ учителей для каждаго изъ классовъ и заявлялся при цензурѣ; 3) частныя испытанія въ присутствіи всѣхъ классныхъ учителей; 4) просмотръ письменныхъ сочиненій; 5) большой публичный пасхальный экзаменъ, по окончаніи котораго лучшимъ ученикамъ каждаго класса раздавались книги на память въ знакъ удовольствія ихъ учителей: о достоинствѣ учениковъ судитъ коллегія учителей и вмѣстѣ съ тѣмъ каждый изъ гимназистовъ отмѣчаетъ самъ про себя на запискѣ имена тѣхъ, которыхъ считаетъ въ классѣ наиболѣе достойными такого отличія.“ „Въ низшихъ классахъ помимо того заведены еще особые порядки: a) Лучшимъ и наиболѣе добронравнымъ ученикамъ поручается надзоръ, чтобы на случай отсутствія учителя поддержать порядокъ въ классѣ. b) Въ каждомъ изъ низшихъ классовъ ведется дневникъ, въ которомъ по окончаніи урока учителемъ въ трехъ столбцахъ помѣчаются вопервыхъ не явившіеся, потомъ особенно внимательные и прилежные и наконецъ навлекшіе на себѣ неудовольствіе учителя произведенными въ урокѣ безпорядками или небрежностями. c) Въ каждомъ изъ трехъ низшихъ классовъ назначается по одному особому надзирателю изъ старшихъ учителей, который ежедневно посѣщаетъ свой классъ какъ во время уроковъ, такъ и внѣ ихъ, ежемѣсячно просматриваетъ всѣ письменныя работы, принимаетъ свидѣтельства отъ неявившихся учениковъ и пр. д) Наконецъ въ трехъ низшихъ классахъ имѣется такъ называемая скамья искуса, на которой сажаются вмѣстѣ всѣ отличающіеся безпорядкомъ и лѣностью ученики: такимъ образомъ не только легче за ними наблюдать, но имъ препятствуютъ также мѣшать своимъ сосѣдствомъ лучшимъ товарищамъ или даже соблазнять послѣднихъ. Благодаря этому предупреждаются и отвращаются всякіе болѣе грубые проступки и буйства.—Когда же случались такіе проступки то въ высшихъ классахъ они карались временнымъ перемѣщеніемъ въ низшій или арестомъ,—а въ низшихъ—тѣлеснымъ наказаніемъ. — Уроки въ низшихъ классахъ были: законъ Божій, упражненіе въ правильномъ чтеніи, орѳографическія упражненія въ короткихъ сочиненіяхъ изъ обыденной жизни, въ устномъ изложеніи, въ чистописаніи, умственныя упражненія, географія, естественная исторія антропологія, исторія, латинскій и французскій языки;—въ высшихъ классахъ: нѣмецкій

языкъ, поэтическія упражненія на родномъ языкѣ и литература послѣдняго, латинскій, греческій, французскій и еврейскій языки, законъ Божій, исторія, географія, статистика, естественная исторія и антропологія, опытная физика, математика, общая энциклопедія, исторія философіи, логика, древности и подготовка къ академической жизни.

Въ этой организованной такимъ образомъ школѣ Гедике былъ животворящею душою: онъ почти ежедневно посѣщалъ всѣ классы, справлялся о нравственномъ поведеніи учениковъ, постоянно слѣдилъ за письменными ихъ работами и поддерживалъ съ учителями правильныя совѣщанія, на которыхъ и благодаря которымъ онъ оживлялъ ихъ своимъ собственнымъ порывомъ и при всемъ своемъ радушіи нисколько не поступался въ отношеніи къ нимъ своимъ авторитетомъ, такъ что 8-го сентября 1791-го г. онъ писалъ въ циркулярѣ: „Когда кто-либо изъ господъ учителей, какъ то къ несчастью часто случается, задерживаетъ у себя по 3 или 4 дня одну или нѣсколько цензурныхъ книгъ, то изъ этого возникаетъ конечно много вредныхъ послѣдствій. Потому еще разъ обращаюсь къ вамъ съ столь часто повторяемою просьбою, приниматься тотчасъ же за это дѣло и не вводить меня въ затрудненіе, откладывая и замедляя цензуру". При всемъ томъ онъ къ тѣмъ же учителямъ въ 1793-мъ г. въ прощальной рѣчи обратился съ словами: „Дружба и единодушіе, господствовавшія въ нашемъ кружкѣ, быть можетъ, безпримѣрны." Его здоровый, мужественный видъ, сильный голосъ и прямодушный неподдѣльный тонъ его рѣчей—говоритъ Боннель—дышали увѣренностью, а потому и другимъ также внушали довѣріе.

Съ 1787-го г. Гедике съ своею гимназіею соединилъ семинарію для ученыхъ школъ, на которую главная учебная коллегія назначила по 1000 талеровъ въ годъ и которая состояла подъ личнымъ вѣдѣньемъ Гедике до самой его смерти. Члены этого заведенія подъ надзоромъ директора практически приготовлялись къ своему будущему назначенію. На такой конецъ они въ тоже время считались экстраодинарными учителями гимназіи, такъ что каждому изъ нихъ поручалось около десяти уроковъ въ недѣлю въ разныхъ классахъ и изъ разныхъ гимназическихъ предметовъ. Сверхъ того они обязаны были то и дѣло присутствовать въ качествѣ слушателей на томъ или другомъ урокѣ директора, а также на урокахъ другихъ учителей и своихъ сотоварищей, чтобы ознакомиться съ вводимымъ методомъ. „Чтобы сверхъ того доставить имъ случай, практически упражняться въ нравственномъ педагогическомъ обращеніи съ единичными субъектами, директоръ по временамъ будетъ поручать ихъ опекѣ и покровительству од-

ного или нѣсколькихъ учениковъ, которые вслѣдствіе сильной наклонности къ безпорядку, неряшеству и лѣни нуждаются въ особенномъ надзорѣ и обращеніи.“ Каждый изъ семинаристовъ кромѣ того обязанъ былъ въ трехмѣсячный срокъ написать педагогическую статью о избранномъ имъ самимъ предметѣ. Каждый изъ шести дѣйствительныхъ членовъ, какъ реформатскаго, такъ и лютеранскаго вѣроисповѣданія, получалъ по 120 ртлр. въ годъ изъ кассы королевской семинаріи и впослѣдствіи былъ особенно представляемъ директоромъ къ подходящей учительской должности. Какихъ мужей Гедике сумѣлъ образовать въ этой семинаріи, о томъ свидѣтельствуютъ высоко прославившіяся впослѣдствіи на педагогическомъ поприщѣ имена: Бернгарди, Шпиллекъ,Кепке, Сювернъ, Готгольдъ, Гассельбахъ, Фальбе, Рамбахъ, Дельбрюкъ, Бредовъ, Штейнъ, и Шлейермахеръ.

Но Гедике былъ не только директоромъ гимназіи, онъ былъ также членомъ консисторіи и училищнаго совѣта. И тутъ вь качествѣ практическаго дѣятеля онъ оказался столь же великимъ, какъ и въ гимназіи въ качествѣ педагога. Онъ — такъ его характеризуетъ сослуживецъ, В. Шмидтъ—быстро вникалъ въ свой предметъ, зрѣло обсуждалъ его съ разныхъ сторонъ, уряжалъ свои идеи и ясно излагалъ ихъ въ связи на бумагѣ. Оттого-то подъ его руководствомъ и составлялись мнѣнія, отчеты и общія таблицы, заслужившіе справедливое одобреніе знатоковъ. Несмотря на большое скопленіе актовъ, онъ легко управлялся съ дѣломъ и всегда умѣлъ отдѣлять шелуху отъ зерна.

Основаніе главной учебной коллегіи и введеніе испытанія зрѣлости было большею частью его дѣломъ. „Хотя постановленіе отъ 23-го декабря 1788-го г., всилу котораго испытаніе университетской зрѣлости имѣетъ производиться въ училищѣ передъ выпускомъ ученика, относилось еще не ко всѣмъ ученымъ школамъ безъ исключенія и многими изъ университетскихъ учителей осмѣивалось какъ педантство, а все-таки—замѣчаетъ Бонель—оно было благимъ почином для уряженія какъ предначертанной цѣли ученыхъ школъ, такъ и главныхъ условій успѣшныхъ университетскихъ занятій для каждаго отдѣльнаго лица; и точно вслѣдствіе существовавшаго до тѣхъ поръ эдикта отъ 25-го августа 1708-го г., что-бы мѣстные уроженцы, посѣщавшіе королевскіе прусскіе университеты, при поступленіи предъявляли свидѣтельства, подписанныя ихъ духовникомъ и всѣми учителями, и подвергались у декановъ испытанію, университеты переполнились негодными студентами.

Этотъ практическій дѣятель былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и ученымъ. На поприщѣ педагогики Гедике заявилъ себя мужемъ науки въ своемъ сочиненіи „Аристотель и Ба-

зедовъ или статьи о воспитаніи и учебной системѣ какъ у древнихъ, такъ и у современниковъ", въ которомъ онъ впервые далъ переводъ содержавшихся у Аристотеля, Платона, Квинтиліана и Геліуса мыслей о воспитаніи, присовокупивъ къ этому собственныя мысли о обученіи чтенію, языкамъ, необходимости улучшенія учебной системы и о разныхъ къ тому предложеніяхъ — потомъ въ своей Дѣтской книгѣ для первоначальнаго обученія чтенію безъ азбуки и складовъ, причемъ онъ вмѣсто синтетическаго метода избралъ аналитическій и пытался при помощи словъ и заодно съ словами научить разбирать буквы,—также въ своемъ „Сборникѣ педагогическихъ сочиненій", въ которомъ онъ сообщаетъ превосходныя мысли „о методѣ въ географическомъ преподаваніи" „о связи между научнымъ и филологическомъ преподаваніи въ школѣ", „о методикѣ общественнаго обученія", „о упражненіи памяти", „о латинскомъ письмѣ", о поощреніи къ трудолюбію въ общественныхъ школахъ", „объ устномъ изложеніи учителя- „объ учебникахъ и дѣтскихъ сочиненіяхъ," сверхъ того точныя извѣстія о находившихся подъ его дирекціей (— Фридрихвердерской и Берлино-Кельнской— (гимназіяхъ. Греческая и латинская книга для чтенія Гедике употреблялась въ школахъ до нашихъ временъ, а его Софокловъ греческій Филоктетъ съ примѣчаніями (Sophoclis Philoctetes Graece cum notis) доказываетъ, что онъ въ свое время стоялъ въ уровень съ научными требованіями филологіи.

Гедике былъ поборникъ просвѣщенія, другъ Теллера и Цёлльнера, горячій приверженецъ масонства, откровенный, прямой мужъ, истый педагогъ.

Прежде Гедике еще въ Берлинѣ выступилъ „царь между ректорами",

Г. І. Людвигъ Мейеротто.

Онъ родился 1742-го г. въ Старгардѣ, воспитался въ Іоахимстальской гимназіи, обучался во Франкфуртѣ на Одерѣ, въ 1772-мъ г. занялъ мѣсто учителя въ Іоахимстальской гимназіи, а въ 1775-мъ должность ректора въ томъ же заведеніи. Онъ вновь организовалъ въ анархіи распавшуюся при его поступленіи гимназію. Дисциплина была опять возстановлена. Благія увѣщанія, но также и самыя строгія мѣры, безъ страха и робости, вели къ этой цѣли. Каждый день, часто по вечерамъ, а иногда даже ночью, осматривалъ онъ комнаты; не рѣдко самъ будилъ лѣнивыхъ къ утреннему молебствію. Онъ являлся всюду и всегда неожиданно. Дурные ученики тотчасъ же съ самаго начала изгонялись, а остальные при малѣйшемъ нарушеніи законовъ наказывались арестомъ и карцеромъ. Болѣе

дерзкіе изъ учениковъ, въ надеждѣ на завистливое настроеніе нѣкоторыхъ изъ учителей противъ новаго ректора, затѣяли было мятежный планъ противъ него: онъ мужествомъ, умомъ, рѣшительностью и бдительностью подавилъ возстаніе. Потомъ, уничтоживъ всякую оппозицію, онъ проявилъ родительскую и благодушную кротость къ своимъ ученикамъ. Онъ особенно старался внушить имъ болѣе сильное чувство чести; въ высшихъ классахъ онъ говорилъ имъ не „ты“, но „вы“; онъ часто заходилъ въ комнаты учениковъ, вступая съ ними въ дружескія бесѣды; руководилъ ихъ въ частныхъ занятіяхъ; прилежные и благонравные ученики помѣщались въ комнатахъ, обращенныхъ къ улицѣ, вольны были сами избирать для себя прислугу и, подвергались меньшимъ ограниченьямъ; при выходѣ со двора, въ зимніе мѣсяцы и по воскресеньямъ, середамъ и субботамъ послѣ обѣда шестнадцать изъ лучшихъ гимназистовъ поочередно приводились въ залъ собранія, чтобы имѣть случай навыкнуть къ пристойности и свѣтскости, вести бесѣды со старшими и опытными людьми, разговаривая съ учителями, поучаться отъ нихъ многому, чего не проходятъ въ коллегіяхъ: это было сборнымъ мѣстомъ для родственниковъ учащихся, для избранныхъ учениковъ изъ другихъ высшихъ школъ, для ученыхъ и художниковъ, — тутъ же находились политическія и нѣкоторыя ученыя газеты, разные словари, рисунки, гравюры, художественныя произведенія и пр. Въ школахъ введенъ былъ новый учебный планъ, установившій пять латинскихъ классовъ, отъ которыхъ впрочемъ не зависѣли нѣмецкіе, греческіе и научные классы, такъ что впредь ученикъ въ одно и то же время могъ находиться напр. въ первомъ латинскомъ, четвертомъ греческомъ, второмъ историческомъ, первомъ философскомъ, тогда какъ прежде одни только познанія въ латини рѣшали, къ которому классу принадлежитъ ученикъ.—Именной указъ Фридриха В. отъ 5-го сентября 1779-го г. побудилъ Мейеротто вслѣдствіе запроса отъ министра Зедлица высказаться, насколько его гимназія отвѣчаетъ требованьямъ короля. Въ своемъ изложеніи онъ представляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ полный обзоръ преподаванія и метода своей эпохи: 1) Латинь преподается вездѣ; будущій купецъ также изучаетъ ее. Методъ легкій; но сдѣлать изъ латини живой языкъ неудобно въ многолюдномъ классѣ и въ концѣ концовъ при этомъ выходитъ не латинь классическихъ авторовъ, а совсѣмъ другая. Можно бы многое сократить, если бъ не нужно было ни писать, ни говорить полатини. Но это все таки необходимо для будущихъ ученыхъ, а устроивать особые классы только для будущихъ любителей римской литературы не

удобно въ гимназіи. Обучаютъ читать Цицерона по всѣмъ родамъ его слога, и можно надѣяться что хорошо подготовленный ученикъ съ помощью хорошаго изданія и „ключа“ Эрнести прочтетъ всего Цицерона, если у него хватитъ на то времени. Притомъ Горація и Виргилія; сверхъ того еще Овидія“. 2) Греческому также вездѣ обучаютъ; но ученики не знающіе еще первоначальныхъ основаній латинскаго, безнадежно слабые умы и имѣющіе впослѣдствіи перейти къ сельскому хозяйству, къ торговлѣ и ремеслу, не изучаютъ этого языка. Изъ Ксенофонта читаются отрывки; потомъ еще изъ Плутарха и Лукіана, изъ Геродота и Өукидида.“ 3) „Логика, естественная, пріучающая практическимъ путемъ къ мышленію, сужденію и умозаключенію преподается всѣмъ, даже младшимъ ученикамъ, по крайней мѣрѣ въ теченіе трехъ лѣтъ. Собственно методическая логика проходится по 3 часа въ недѣлю со всѣми желающими поступить въ университетъ. „Вольфомъ“ не пользуются, техническія слова приводятся лишь по необходимости“. 4) Реторика. Проходится въ двухъ классахъ. „Въ низшемъ преподаютъ по сборнику отрывковъ изъ классическихъ нѣмецкихъ и древнихъ авторовъ и упражняются по заданнымъ темамъ въ ясномъ, пріятномъ, живомъ и сильномъ способѣ изложенія по части описаній, разсказовъ, трактатовъ объ истинахъ и о выраженіи чувствъ, насколько все это можетъ встрѣтиться въ обыденной жизни, помимо рѣчей и торжественныхъ статеекъ. Въ высшемъ классѣ то продолжаютъ прежніе уроки по Квинтиліану, то излагаютъ собственно краснорѣчіе по разобраннымъ рѣчамъ Цицерона, то наконецъ знакомятъ съ разными поэтическими произведеніями. Предлагаются также темы и проекты, по которымъ ученики разработываютъ затѣмъ рѣчи“. 5) „Математика по руководству Рувера“. 6) „Философія, а) исторія философіи: философія и ея системы до сихъ поръ преподавались только начиная съ древнѣйшихъ временъ до схоластиковъ; в) Метафизика по всѣмъ ея частямъ; сверхъ того естественное право и нравоученіе“. 7) Нѣмецкая грамматика до сихъ поръ тщательно проходится практически. Предлагаются короткія правила орѳографіи и словосочиненія.“ 8) „Исторія. Подготовка по первоначальнымъ очеркамъ всеобщей исторіи Вернста. Исторія римскаго народа, начиная съ его возникновенія и до паденія. Греческая исторія, начиная съ возникновенія народа до Александра. Отечественная исторія по Пюттеру“. 9) „Географія. Въ видѣ подготовки проходятъ карты главныхъ частей свѣта. Потомъ географія Бранденбургскихъ и сосѣднихъ германскихъ государствъ. Затѣмъ преподается географія Европы. Наконецъ статистика Ахенваля“.

Самъ Мейеротто въ высшихъ классахъ преподавалъ реторику, латинскую филологію и введеніе въ классическую литературу. Къ реторикѣ причислялъ онъ вообще красноречіе, какое и въ обыденной жизни требуется отъ всякаго образованнаго человѣка, и искусство излагать въ связной рѣчи цѣлый рядъ идей вполнѣ, цѣлесообразно и стройно. Въ первомъ классѣ онъ излагалъ хорошій способъ выраженія: ясность, пріятность, силу, истинный языкъ чувствъ, сообразный съ настроеніемъ и характеромъ слогъ, простоту. Притомъ онъ заставлялъ учениковъ изучать подъ своимъ руководствомъ образцовыя изложенія, чтобы они наглядно узнали, такъ сказать подмѣчали какимъ образомъ краснорѣчивый дѣловой человѣкъ поступаетъ, собирая, очищая и распредѣляя матеріалъ для своего изложенія. Во второмъ реторическомъ классѣ наводили ученика въ примѣрахъ на реторическія правила, съ чѣмъ связаны были домашнія письменныя задачи, которыя онъ диктовалъ обыкновенно по нѣскольку, чтобы предоставить ученикамъ выборъ, принаравливая ихъ всегда къ духу воспитанника и къ только что пройденной теоріи; поправляя ихъ, онъ обращалъ вниманіе на правильность рѣчи, на значеніе и пользу идей, и особенно, излагается ли статья въ надлежащей формѣ и представляетъ ли вѣрный образецъ той особенности хорошаго выраженія, какая выведена была изъ примѣровъ въ реторическомъ урокѣ. Упражненія въ декламаціи также примыкали непосредственно къ реторическимъ теоріямъ. Высшій реторическій классъ былъ тѣсно связанъ съ первымъ латинскимъ. Тутъ онъ съ своими воспитанниками читалъ рѣчи Цицерона и, въ весьма подробномъ введеніи къ каждой изъ нихъ, излагалъ условія и факты, какими вызвана была эта рѣчь и форма ея; потомъ онъ разбиралъ вопросы: какую цѣль при сказанныхъ условіяхъ будетъ преслѣдовать ораторъ? какой матеріалъ доставляетъ ему фактъ съ его обстановками? какіе предметы въ виду условій, при которыхъ выступаетъ ораторъ, будетъ онъ излагать подробно, какихъ коснется лишь слегка, какіе вовсе минуетъ? Какой путь въ изложеніи и распредѣленіи матеріаловъ изберетъ для достиженія своей цѣли? При чтеніи рѣчей производились слѣдующія изслѣдованія: изъ какихъ источниковъ черпалъ Цицеронъ предлагаемыя имъ идеи? Почему онъ изъ всего запаса предметовъ именно эти идеи нашелъ цѣлесообразными? Какія особенности, красоты, вліянія обнаруживаются въ облеченіи этихъ идей? и пр. При этомъ часто принимались къ свѣдѣнію мнѣнія Квинтиліана.

Латинскій языкъ Мейеротто преподавалъ по своей „Грамматикѣ въ примѣрахъ изъ классическихъ писателей“, первая часть которой содержитъ въ себѣ примѣры въ обыкновенномъ грамматическомъ порядкѣ. Каждый падежъ, каж-

дое наклоненіе, время, лицо и пр. представлены въ одномъ или нѣсколькихъ примѣрахъ; такъ, между прочимъ, первое склоненіе: Nom. Natura dux optima; Gen. Vitae brevis est ursus, gloriae sempiternus; Dat. Non scholae sed vitae discendum; Acc. Famam curant multi, pauci, conscientiam; Voc. O fortuna, ut nunquam perpetuo es bona. Abl. Vacare Culpa magnum est solatium. Я предлагаю, говоритъ онъ, грамматику безъ опредѣленій, безъ аксіомъ, постановленій, предположеній, словомъ, безъ правилъ, грамматику въ примѣрахъ, и пусть самъ ученикъ выводитъ изъ нихъ правила. Важнѣйшія мѣста слѣдуетъ заучивать наизустъ, что не можетъ затруднить учениковъ, такъ какъ они уже на половину помнятъ ихъ изъ перевода толкованія и пр. Эти мѣста въ видѣ авторитетовъ навсегда сохраняются въ памяти ученика; на нихъ онъ испытуетъ, на нихъ доказываетъ свою латинь. Пусть ученикъ по этому методу также и въ высшихъ классахъ собираетъ изъ своего чтенія классическихъ авторовъ выводы касательно употребленія языка и самостоятельно составляетъ изъ нихъ правила.—Объясняя классическихъ авторовъ. Мейеротто предпочиталъ толковое чтеніе бѣглому. По немногимъ мѣстамъ, которыя объяснялись имъ вполнѣ основательно и со вкусомъ, ученики должны были вникнуть въ духъ древнихъ классиковъ. Чтеніе Цицерона считалъ онъ главнымъ дѣломъ, такъ чтобы ученикъ съ начала уже черпалъ латинь изъ самаго чистаго источника. Къ остальнымъ классикамъ ученикъ долженъ приступить только тогда, когда, благодаря Цицерону, латинь его получитъ какъ бы извѣстный устой. Въ высшихъ классахъ присоединяется къ этому бѣглое чтеніе лучшихъ латинскихъ историковъ и основательное толкованіе нѣкоторыхъ стихотвореній Овидія, Виргилія и Горація, не для того, чтобы изъ учениковъ образовать поэтовъ или наконецъ латинскихъ стихотворцевъ, но чтобы облагодарить ихъ чувство, фантазію и вкусъ.—На основаніи такихъ началъ Мейеротто во второмъ латинскомъ классѣ объяснялъ Георгики и Энеиду Виргилія, сначала также и Ливія: а въ первомъ классѣ рѣчи Цицерона съ присовокупленіемъ правилъ Квинтиліана, Тацита, и оды Горація. При этомъ онъ обращалъ вниманіе на выразительное чтеніе и на такъ называемую конструкцію; требовалъ также объясненія послѣдней, если она могла быть сдѣлана въ разныхъ видахъ. При объясненіи словъ онъ исходитъ отъ простаго, большею частью осязательнаго кореннаго значенія, насколько послѣднее могло быть опредѣлено изъ дошедшаго до насъ употребленія латинскаго языка; наконецъ, ученикъ долженъ былъ не угадать, но въ точности опредѣлить то значеніе, какое по ходу идеи, по цѣли и генію автора исключительно имѣлось здѣсь въ виду.

и это значеніе со всѣми присущими ему оттѣнками передать на нѣмецкомъ языкѣ, хотя бы даже посредствомъ перифразы. Онъ считалъ также важнымъ объяснять особенности латинскихъ оборотовъ, употребленіе частицъ, формальную связь предложеній и образованіе цѣлыхъ періодовъ. Сверхъ того заставлялъ онъ вникать въ главную идею періода и цѣлыхъ отдѣловъ, и выражать ее коротко и ясно собственными словами, послѣ чего она выяснялась еще точнѣе. Онъ тщательно объяснялъ антикварныя, миѳологическія, вообще историческія подробности. Наконецъ, прочитавъ стихотвореніе, разсказъ, рѣчь и пр., онъ училъ обозрѣвать и оцѣнивать это умственное произведеніе, какъ одно цѣлое. Отъ учениковъ онъ требовалъ подготовки; но не во всѣхъ классахъ и не по всѣмъ предметамъ съ одинаковою строгостью. Къ Виргилію всѣ ученики обязаны были приготовляться всякій разъ. Въ первомъ классѣ онъ не настаивалъ на подготовкѣ; но вмѣнялъ строгую подготовку въ непремѣнную обязанность тѣмъ, для которыхъ въ слѣдующемъ урокѣ наступала очередь переводить во всеуслышанье, особенно изъ Горація. Въ одинъ урокъ онъ вызывалъ лишь по три и не болѣе какъ по пяти учениковъ сподрядъ, такъ чтобы на долю каждаго изъ нихъ выпалъ достаточный отдѣлъ урока, и ученикъ могъ высказать свое трудолюбіе и знаніе. Въ первомъ латинскомъ и въ реторическомъ классахъ онъ вызывалъ учениковъ всегда сподрядъ, какъ они были прописаны въ журналѣ; во второмъ латинскомъ классѣ онъ часто отступалъ отъ этого. Ему было пріятно видѣть, когда ученикъ что нибудь записываетъ во время урока, но онъ рѣшительно никого не обязывалъ къ этому; онъ желалъ также, чтобы записанное разработывалось дома; письменныхъ переводовъ онъ вовсе не требовалъ. Въ школѣ Мейеротто былъ серьезенъ; изъ устъ его рѣдко слышались шутки; съ первоклассниками онъ обращался весьма вѣжливо; онъ чрезвычайно рѣдко кому нибудь изъ нихъ дѣлалъ публичный выговоръ за лѣнь и незнаніе; во время урока онъ весьма неохотно вдавался въ порицанія по поводу проступковъ; но при случаѣ дѣлалъ сильный выговоръ. Его строгій видъ не допускалъ ни шалостей, ни вѣтренности въ его классѣ, и примѣръ его во всемъ, что касается благонравія, вліялъ сильнѣе, нежели всякій надзоръ, нежели всевозможныя брани и наказанія. Онъ весьма скупо и осторожно обходился съ публичною похвалою; но никогда не отказывалъ прилежному ученику въ простомъ заявленіи своего удовольствія. Оттого-то онъ въ высшихъ классахъ ничего и знать не хотѣлъ о такъ называемыхъ отмѣткахъ, которыя въ низшихъ считалъ необходимыми, потому что по его правилу для солиднаго ученика единственнымъ мотивомъ должно служить признаваемое имъ

значеніе науки. Его методъ, его преподаваніе, его дисциплина поддерживались его личностью. Непоколебимая честность, твердость разъ навсегда признанныхъ имъ правилъ, ничѣмъ не стѣснявшееся прямодушіе, рѣдкое благочестіе, безустанное трудолюбіе, любовь къ точному порядку, высокое чувство долга, человѣколюбіе, благотворительность въ высшей степени, великодушіе, доброта и искренность, тонкое, нѣжное чувство, безкорыстіе, любовь къ отчизнѣ, чувство дружбы и нѣжнѣйшая привязанность къ своимъ,— вотъ главныя черты его характера, главныя свойства также великаго педагога. Онъ умеръ 24-го сентября 1800-го г.

Ученикомъ Мейеротто былъ директоръ Фридрихъ-вердеровской гимназіи.

Августъ Фердинандъ Бернгарди.

Онъ родился въ Берлинѣ 24-го іюня 1769-го г., обучался у Мейеротто въ Іохимстальской гимназіи, а въ Галле былъ поощряемъ Вольфомъ къ основательнымъ филологическимъ занятіямъ. Возвратясь въ Берлинъ, онъ поступилъ учителемъ въ расцвѣтавшую подъ вѣдѣньемъ Гедике Фридрихвердеровскую гимназію. Тутъ онъ вступилъ въ тѣсную связь съ Тикомъ, съ братьями Шлегелями, съ Шлейермахеромъ и др., съ тѣмъ чтобы „въ начатой борьбѣ противъ разросшихся плевелъ пошлыхъ и бездушныхъ стремленій въ Берлинѣ сдѣлать первый и сильный мѣстный натискъ, низвергнуть въ прахъ критическихъ сумасбродовъ и бичевать ученые недуги и притязанія.“ Онъ обратилъ уже свое главное вниманіе на языкъ и на тайну его формы. Плодомъ этихъ изученій были его „Полная латинская грамматика для школъ и гимназій“ (1795) и его греческая грамматика (1797), особенно же его „Чистое языковѣдѣнье“ (1801), „Прикладное языковѣдѣнье“ (1803) и „Начальныя основы филологіи“ (1805),—все творенія, которыя восхвалялись Вольфомъ и Шлегелемъ, заслужили лестный отзывъ В. Гумбольдта и указывали уже на историческую сторону языка. Назначенный въ 1808-мъ г, директоромъ Фридрихвердеровской гимназіи, онъ обнаружилъ рѣшительную способность въ качествѣ великаго педагога и руководителя школы, такъ что преодолѣвъ всѣ внѣшнія и внутреннія трудности, съ какими приходилось бороться его гимназіи, какъ вслѣдствіе наличныхъ скудныхъ средствъ ея, такъ и вслѣдствіе скуднаго оклада учителей и потому частой ихъ смѣны, онъ прославилъ это заведеніе до такой степени, что въ Михаиловъ день 1812-го тамъ было уже 460 гимназистовъ, тогда какъ при поступленіи его ихъ насчитывалось всего 97. Онъ былъ душою своихъ учениковъ, руководителемъ и наставникомъ учителей, въ средѣ которыхъ находились Шпиллеке, Риб-

бекъ, Конрадъ Шнейдеръ, Цумптъ и др. Онъ вновь организовалъ преподаванiе, хотя самъ менѣе подвизался въ качествѣ учителя, такъ какъ ученикъ отступалъ для него передъ предметомъ и онъ неспособенъ былъ входить въ дружелюбное, задушевное отношенiе съ индивидуальностью единичнаго лица. Въ латинскихъ толкованiяхъ онъ черезъчуръ предавался буквоѣдству; но его введенiя къ авторамъ и его нѣмецкое объясненiе Тацита, выставлявшее этическiя и психологическiя начала, отличались не только остроумiемъ, но вмѣстѣ и живостью. Дисциплину онъ соблюдалъ очень строго „въ духѣ тогдашней эпохи, считавшей необходимымъ ратовать особенно противъ всякой изнѣженности и всякаго баловства молодежи“. Онъ поступалъ при этомъ съ удивительнымъ самоотверженiемъ и преданностiю. Для него, какъ говоритъ Шпиллеке, было равно интересно и одинаково важно какъ погружаться въ глубочайшiя изслѣдованiя, такъ и разбирать обыденные случаи школьной дисциплины. Каждое утро, за часъ до начала урока, старался онъ своимъ влiянiемъ придать вѣсъ внесеннымъ въ классные журналы порицательнымъ отмѣткамъ. И его благородныя, рѣзко выступающiя черты, большiе живые глаза, высокое чело, все лицо съ антично пластичнымъ выраженiемъ на дюжемъ, но чрезвычайно подвижномъ, почти упругомъ станѣ, изобличая умнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ энергическаго мужа, поневолѣ возбуждали въ воспитанникахъ безусловное уваженiе и почтенiе. Напечатанныя подъ заглавiемъ „Взгляды на организацiю ученыхъ школъ“ сочиненiя и рѣчи его, также отъ 1809—11-го гг. составленныя программы „о числѣ, значенiи и отношенiи учебныхъ предметовъ въ гимназiи“, „объ основныхъ положенiяхъ методики“ и „о начальныхъ основахъ дисциплины„, и сверхъ того въ 1814—16-мъ гг. совершившiяся дальнѣйшiя осуществленiя, дополненiя и измѣненiя его плановъ представляютъ собою основанную на разумномъ, почти математическомъ начертанiи организацiю школъ, никогда не упускающую изъ виду дѣйствительности. Гимназiю онъ считалъ учебнымъ заведенiемъ, имѣющимъ главнѣйше цѣлью развитiе познавательной способности, образующимъ молодое поколѣнiе для различныхъ сословiй въ народѣ. Согласно съ этимъ гимназiя распадалась на три образовательныя ступени, изъ коихъ въ его заведенiи каждая заключала въ себѣ подъ конецъ три класса: на ученую, художественную (принимавшую такъ называемыхъ образованныхъ людей, купцовъ, чиновниковъ, механиковъ) и мѣщанскую школы.. Гимназiя должна быть посредницей и связью различныхъ относительно научнаго образованiя направленiй, а именно общечеловѣческаго и нацiональнаго. Изъ этого у

него вытекали два разряда учебныхъ предметовъ: математика, этика, исторія и географія, физика и естественныя науки съ одной, а родной языкъ, господствующая религія, національная исторія, географія, естествознаніе, статистика и законовѣдѣнье съ другой стороны. Но такъ какъ всѣ эти науки въ теченіе вѣковъ исторически возникли у разныхъ народовъ и безъ знанія языка нельзя освоиться съ культурною точкою зрѣнія націи, то сюда примыкаютъ языки въ видѣ третьяго разряда, но только нѣкоторые изъ нихъ какъ представители наиболѣе вліятельныхъ культурныхъ народовъ: французскій, представляющій новѣйшую, греческій—древнѣйшую культуру, и латинскій, который, какъ посредникъ между двумя первыми и какъ родоначальникъ другихъ новѣйшихъ языковъ, заслуживаетъ особаго вниманія. Направленіе къ національному образованію будетъ преобладать на низшей, а къ общечеловѣческому напротивъ того на высшей ступени, такъ что въ первомъ случаѣ дается возможность общечеловѣческаго, а во второмъ—предполагается національное образованіе, тогда какъ среднее занимаетъ мѣсто между тѣмъ и другимъ. Это въ 1809-мъ г. въ видѣ опыта предложенное научное распредѣленіе учебныхъ предметовъ въ гимназіи еще упрощается въ программѣ отъ 1814-го г., по которой гимназія имѣетъ задачею поддержать формальное образованіе относительно объема и глубины, но вмѣстѣ съ тѣмъ требуется, чтобы она въ видѣ введенія въ жизнь дала мѣсто тѣмъ предметамъ, которые вслѣдствіе истиннаго поступательнаго хода культуры сдѣлались необходимыми и чтобы она эти предметы усвоила уму по выведенному изъ идеи формальнаго образованія методу. „Мнѣ хотѣлось бы, пишетъ Бернгарди въ 1815-мъ г., противостать паскудному стремленію и жалкому мнѣнію, будто школа не что иное какъ тайный монетный дворъ, гдѣ чеканятся гроши для будущаго хлѣба. Школы и университеты уподобляются рудникамъ, гдѣ васъ научатъ добывать чистое золото. Добывъ его, вы по влеченію вашего духа можете хоть чеканить его или преобразить въ прекрасные сосуды, смотря по тому, поведетъ ли васъ судьба въ область насущныхъ потребностей или искусствъ и наукъ“. Согласно съ этимъ формальное образованіе служитъ у негоединственною основою гимназическаго обученія, и часть только уже выводныхъ изъ общечеловѣческаго и національнаго направленія предметовъ устраняется изъ гимназіи. Какъ предметы вполнѣ безполезные онъ вычеркнулъ изъ учебнаго плана низшихъ классовъ технологію, умственныя упражненія, законовѣдѣніе, антропологію, гигіену и естественную исторію; послѣдняя, представляя безсвязную, неполную пере-

ченъ естественныхъ произведеній по ихъ признакамъ, служитъ правда увлекательнымъ занятіемъ въ рукахъ искуснаго учителя и возбуждаетъ даже въ родителяхъ пріятное изумленіе по поводу знанія ихъ сыновей, но отнюдь не сообщаетъ основательныхъ свѣдѣній и не доставляетъ полезныхъ результатовъ для жизни. Все потребное для мальчика изъ этихъ во всякомъ случаѣ отрывочныхъ знаній можетъ ему сообщаться по частямъ въ нѣмецкихъ урокахъ, гдѣ помимо ихъ главной цѣли имѣется еще въ виду возбудить живое чувство, фантазію, любопытство и любознательность. Въ высшихъ классахъ онъ допускалъ еще древности и философскую грамматику; но рѣшительно отвергъ эмпирическую психологію, логику и исторію философіи. „За то мы всѣми силами постараемся усвоить себѣ грамматику, древніе языки и матетатику вмѣстѣ съ роднымъ языкомъ; при толкованіяхъ станемъ изощрять философскій смыслъ въ отдѣльныхъ частностяхъ, а на математикѣ—въ цѣломъ и общемъ: и въ томъ и другомъ случаѣ будемъ усиливать и укрѣплять органы мышленія; въ нѣмецкихъ урокахъ станемъ развивать чувство прекраснаго, а въ исторіи представимъ это въ ясномъ разсказѣ безъ велемудрыхъ и нравственныхъ умозрѣній, а посредствомъ простого изложенія стремленій и непрерывнаго ряда фактовъ: ко всему этому, возбужденіемъ религіознаго чувства, присовокупимъ еще высшее значеніе всего чувственнаго и земного. Такимъ образомъ образуемъ гимназистовъ и студентовъ, умственная способность которыхъ исполнится полезными знаніями; въ нихъ разовьется интересъ къ наукѣ и помыслы ихъ будутъ направлены ко всему, что составляетъ прочное достояніе человѣка.“ Іюля 1-го 1820-го г. умеръ Бернгарди,—„этотъ какъ бы отъ природы призванный, твердою волею и порывистымъ духомъ одаренный руководителя школы,“ но вмѣстѣ съ тѣмъ и представитель формализма, который будучи осуществляемъ въ гимназіяхъ не столь великими людьми, неминуемо долженъ былъ отодвинуть ихъ назадъ въ давноминувшія эпохи.

Таковы были вершинныя точки гимназій съ наступленіемъ девятнадцатаго столѣтія. Большая часть ученыхъ школъ далеко отставала отъ нихъ. Не было никакого согласія въ системѣ гимназій между собою: закономъ не было установлено общей цѣли для испытанія учениковъ; не существовало ни общаго гимназическаго, ни училищнаго, ни учебнаго устава; не было никакихъ общихъ научныхъ экзаменаціонныхъ коммиссій. Часто также покидался путь, проложенный Геснеромъ и Эрнести въ филологіи. Въ уни-

верситетахъ не доставало надлежащихъ средствъ для пріобрѣтенія необходимыхъ въ учительской должности познаній: оттого учителя гимназій часто лишены были надлежащей подготовки; преподавателями въ высшихъ школахъ были большею частью богословы. Эти учителя, въ первыя десятилѣтія девятнадцатаго вѣка, наперекоръ реализму, стремившемуся къ господству надъ міромъ, вновь довели большую часть нѣмецкихъ гимназій до крайняго формализма, который высказывался послѣдовательнѣе всего, когда въ 1809-мъ году, Эбель въ Аарау и Ф. Пассовъ въ Конрадинумѣ въ Іенкау, близъ Данцига, пытались возвести греческое въ основу всего гимназическаго обученія. Въ противность этому настала погрузившаяся въ матеріализмъ, сладострастіе, распутство, мелочность и произволъ эпоха французскаго нашествія; соотвѣтственно чему въ Кургессенѣ, приступая къ улучшенію учебной системы, открыли прежде всего (1810) артиллерійское и инженерное училища, а потомъ (1811) лѣсной институтъ. По составленному Кольраушемъ отчету о высшихъ школахъ въ Ганноверѣ, тамъ до 1830-го г. не было еще настоящаго званія высшихъ учителей; до 1830-го г. въ нѣкоторыхъ школахъ, подготовлявшихъ къ академическимъ занятіямъ, находилось всего два, въ другихъ три, въ нѣкоторыхъ лишь четыре учителя; въ древнихъ языкахъ часто не шли далѣе Цицерона и Виргилія, Ксенофонта и Гомера; еврейскому во многихъ заведеніяхъ вовсе не учили; ни также новымъ языкамъ и математикѣ; на исторію и географію обращалось лишь скудное вниманіе; на нѣмецкій языкъ смотрѣли какъ на побочное дѣло. Характеристична для условій въ восемнадцатомъ вѣкѣ исторія Рудольштадтской гимназіи, изложенная Мюллеромъ для періода отъ 1764 до 1840 г. Предлагаемъ здѣсь самую суть его сочиненія. Въ этой гимназіи по „уставу, предписанному для здѣшнихъ городскихъ и сельскихъ школъ (1758)“ ученики всѣхъ 7 классовъ должны были по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ ходить въ церковь, садиться тамъ въ заведенномъ въ школѣ порядкѣ и находиться притомъ подъ надзоромъ учителей. Всѣ умѣющіе читать сбязаны приносить съ собою молитвенникъ, а ученики 3 высшихъ классовъ также библію или греческій новый завѣтъ, съ тѣмъ чтобы слѣдить за встрѣчающимися текстами. При этомъ записывается распредѣленіе проповѣди. Катехизисъ проходится въ церкви по средамъ и пятницамъ, по воскресеньямъ послѣ вечерняго богослуженія и послѣ обѣда въ праздничные дни, при чемъ участвуютъ не конфирмованные еще ученики и должны присутствовать учителя, чтобы препятствовать болтовнѣ и разнымъ шалостямъ.—Ученикамъ запрещается впредь на гуляньяхъ внѣ города и особенно въ набѣгахъ на деревни носить при себѣ

шпаги, какъ то дѣлалось ими до сихъ поръ; но имъ разрѣшается носить шпаги и другія орудія, если они съ дозволенія учителей отправляются въ путь на одинъ или на нѣсколько дней.—Отъ учениковъ перваго класса требуется чтобы было положено хорошее основаніе въ систематической теологіи, чтобы они умѣли читать любого латинскаго автора, бойко говорить полатини, прекрасно и искусно приготовлять заданный урокъ, чтобы они погречески понимали Новый завѣтъ, Плутарха, Исократа, Зосиму и 70 толковниковъ, а сверхъ того одного изъ поэтовъ; они должны понимать поеврейски библію въ буквальномъ смыслѣ, сочинять изящные нѣмецкіе и латинскіе стихи и положить хорошее основаніе въ начальныхъ правилахъ логики, реторики, нравоученія и исторіи. — Распредѣленіе уроковъ: понедѣльникъ: ч. 6—7. Воскресныя проповѣди излагаются полатини и по поводу ихъ производится краткое испытаніе 7—8. Объясненіе краткаго теологическаго руководства Ванделина; во второмъ классѣ краткое теол. руководство Гуттера. 8—9: Новый завѣтъ, обращая особенное вниманіе на классическую и образцовую рѣчь, 1—2: толкованіе Новаго завѣта, 2—3: объясняется еврейская образцовая рѣчь; не евреи приготовляютъ между тѣмъ какой нибудь урокъ. Главный принципъ обученія заключался въ повтореніи и въ томъ, чтобы снабдить учениковъ по возможности болѣе твердымъ знаніемъ. Въ преподаваніи закона Божія требовалось, чтобы ученикамъ предметы излагались „ясно, вразумительно и удобопонятно;“ разбирая назначенныхъ для преподаванія языковъ авторовъ, обращаютъ вниманіе болѣе на основательность и конструкцію, на изящество, нежели на связь между главами и предметами“. Логика преподавалась по краткому руководству Баумейстера 1 годъ, метафизика и философское нравоученіе по его же началамъ философскихъ очерковъ 2 года; на объясненіе Пуфендорфа о долгѣ человѣка и гражданина и на краткое теологическое руководство Ванделина посвящалось 3 года. — Дальнѣйшее развитіе: въ 1780-мъ г. преподавали исторію и теорію изящныхъ наукъ; въ 1791-мъ излагали научную энциклопедію или обзоръ наукъ, пользовались учебникомъ нѣмецкаго правописанія Снелля и преподавали исторію греческой и римской литературы по Эшенбургу. Художественный вкусъ старались развить посредствомъ введенія Клаузингова опыта миѳологической дактиліотеки, а исторію преподавали уже не по Цопфу, а по учебнику всеобщей исторіи Шрекка. Во 2 классѣ проходили первоначальныя основанія антропологіи; учили географію по Фабри, преподавали обзоръ іудейскихъ и христіанскихъ древностей, также тюрингскую и особенно шварцбургскую исторію. Въ 3, 4, 5 преподавали „общеполезныя знанія“, начатки технологіи, естествен-

ной и всеобщей исторіи, въ обоихъ низшихъ классахъ пользовались сочиненіемъ Феддерсена: „Жизнь Іисуса", а съ 1784-го г. во всѣхъ классахъ по одному разу въ годъ читали Глазеровъ „Совѣтъ, какъ снабдить юношество полезнымъ поставленіемъ, чтобы осторожно обращаться съ огнемъ" Начиная съ 1770 г. въ учебномъ планѣ назначены извѣстные часы для математики и физики.—Латинскіе и греческіе авторы мѣнялись, съ 1764-го г. пользовались въ первомъ классѣ Геродіаномъ, а съ 1792-го читали Гомера; полатини въ первомъ классѣ отдѣльныя мѣста изъ Ливія, изъ Германіи Тацита и изъ Помпонія Мелы; во второмъ греческую хрестоматію Гедике, Цезаря о войнѣ съ Галлами. Въ 1810-мъ г. въ высшемъ классѣ значилось: 2 часа Софоклъ, 2 латинскія стилистическія упражненія, 2 Горацій, 1 часъ еврейскій языкъ;—въ первомъ классѣ 2 ч. законъ Божій, 2 латинскія упражненія въ стилѣ и разговорахъ, 1 древности, 1 древняя литература, 1 метрика, 2 Горацій, 2 Виргилій, 1 рѣчи Цицерона, 2 Ливій, 2 Гомеръ, 2 Ксенофонтъ, 2 еврейскій языкъ, 1 Новый завѣтъ, 2 нѣмецкій языкъ, 2 новая исторія, 1 логика:—во второмъ: 2 законъ Божій, 3 латинскія упражненія въ стилѣ и разговорахъ, 1 метрика, 2 Овидій, 2 письма Цицерона, 2 Саллюстій, 2 Цезарь, 2 Гомеръ, 2 греческій учебникъ Якобса, 2 греческая грамматика, 2 еврейскій языкъ, 2 нѣмецкій, 2 древняя исторія,—въ третьемъ: 2 законъ Божій, 2 латинская грамматика, 2 латинскія упражненія въ стилѣ 2 Корнелій Непотъ, 2 латинскій учебникъ Якобса, 2 греческая грамматика, 2 греческій учебникъ Якобса, 6 нѣмецкій языкъ, 2 древняя исторія, 2 географія и естественная исторія, 2 французскій языкъ.—Французскій языкъ только въ третьемъ классѣ былъ обязателенъ. Дальнѣйшее изученіе французскаго, математики и физики совершалось внѣ гимназіи, и директоръ не имѣлъ никакого вліянія ни на распредѣленіе часовъ, ни на преподаваніе этихъ уроковъ.

Итакъ, въ области гимназій то же самое, что и въ области народной и мѣщанской школы — все тотъ же всеобщій свойственный восемнадцатому вѣку характеръ: порывъ къ преобразованіямъ, часто не увѣренный въ своей цѣли, часто также по пути къ ней все еще не увѣренный въ самомъ себѣ.

35.

Университеты въ Германіи и высшія школы въ Англіи и Франціи.

Тотъ же характеръ и въ стремленіи нѣмецкихъ университетовъ. Ихъ не могли миновать движенія гуманизма: какъ у профессоровъ, такъ и у слушателей ихъ пробудилось живое изученіе древностей. Но вмѣстѣ съ тѣмъ на университеты повѣяло также и реализмомъ; открытія, изобрѣтенія и вновь выступившая философія освѣжили ихъ. Вслѣдствіе этого расторглись окоченѣлыя формы, въ которыя до сихъ поръ замкнутъ былъ духъ. Они пытались вступить въ настоящее отношеніе къ народной жизни, хотя стародавній цеховой духъ и чуждая дѣйствительности наука сильно противились этому. Научныя стремленія вступили въ связь съ направленіемъ эпохи и стали оттого разнообразнѣе и многостороннѣе. Философія и разсвѣтъ національной литературы вдохнули особенно протестантскимъ университетамъ новую жизнь. Въ нихъ появились философія, исторія, естественныя науки, предъявляя свою равноправность съ бывшими доселѣ факультетскими науками. Даже католическіе университеты въ Германіи обнаружили новыя побужденія. Въ Вѣнѣ въ 1780-мъ г. читались слѣдующія философскія лекціи: логика, метафизика, практическая логика по Баумейстеру и философская исторія по Брукеру и Бюшингу, политическія науки, теоретическая и опытная физика, естественная исторія, сельское хозяйство, пчеловодство и дѣловой стиль; — въ законовѣдѣніи: естественное право, пандекты и уголовное право, церковное государственное и частное право, всеобщее государственное и народное право, ленное и германское государственное право, государственная исторія;—въ медицинѣ: хирургія и акушерство, химія, ботаника, анатомія, физіологія, фармакогнозія по Бургаву;—въ теологіи: исторія церкви, восточные языки, догматика, нравоученіе, пасторская наука, полемика и богословская учебная исторія. Но всѣ эти научныя занятія шли не безъ свойственнаго католицизму стѣсненія. Такъ напр., чтобы убѣдиться въ успѣхахъ студентовъ въ юридическомъ факультетѣ, назначались ежедневныя, потомъ ежемѣсячныя испытанія, въ теченіе двухъ дней подъ конецъ мѣсяца, и полугодовые экзамены. Не являвшіеся два мѣсяца кряду къ испытанію исключались изъ списка и не допускались къ полугодичному экзамену для полученія свидѣтельства. „Теологи также подвергались еженедѣльно легкому испытанію и сократическимъ бесѣдамъ,

а каждое полугодіе публичному экзамену, по которому опредѣлялись классы". Въ первый университетскій годъ студентъ богословія обязанъ былъ слушать: восточные языки, особенно еврейскій въ связи съ арабскимъ настолько, чтобы онъ могъ понять встрѣчающіеся въ догматикѣ и св. писаніи доводы, греческую грамматику новаго завѣта, полную исторію церкви; во второй годъ: герменевтику (т. е. толкованіе библіи) и патристику; въ третій годъ: догматическое богословіе и нравоученіе; — въ четвертый годъ: церковное право; въ пятый годъ: пасторскую науку. Въ Ингольштадтѣ, по изгнаніи іезуитовъ, членами университета по части теологіи были П. Шолльмеръ, бенедиктинецъ изъ Оберальтейга, и профессоръ Затлеръ, бывшій іезуитъ, оба по догматикѣ; проф. Шмидтъ читалъ нравственное богословіе; проф. Виблеръ теологическія статьи, Новый завѣтъ и пасторскую теологію въ связи съ духовнымъ краснорѣчіемъ; пр. Стефанъ Влетгоферъ, августинецъ, восточные языки и Ветхій Завѣтъ: каждый изъ нихъ съ окладомъ въ шесть сотъ гульденовъ. Въ юридическомъ факультетѣ читалъ профессоръ Пруггеръ уголовное право по Бемеру, ленное право по Маскову, сводъ законовъ и баварское государственное право; профессоръ Зутеръ имперскіе законы по Крамеру или Пюттеру; профессоръ Шмидтъ исторію государствъ по Ахенвалю, имперскую исторію по Пюттеру, государственное право по Маскову; профессоръ Сіарди баварское государственное право и камеральныя науки и пр. Вейнбахъ энциклопедію правъ Шотта, институты по Гейнекціусу, ученіе о пандектахъ Людовика; профессоръ Вейсгауптъ исторію церкви по Берти; церковное право по Берти; церковное право по Раутенштраусу; практическую философію по Федеру; — каждый изъ нихъ получалъ тысячу гульденовъ жалованья. Въ медицинскомъ факультетѣ учили профессоръ Левелингъ понѣмецки анатомическимъ занятіямъ по руководству Якова Винслова, физіологіи по Альбрехту Галлеру, хирургіи по Захаріи Платнеру; профессоръ Стеблеръ патологіи, семіотикѣ, гигіенѣ и терапіи по Бургаву, судебной медицинѣ по Г. Людевигу; профессоръ Карлъ медицинской практикѣ по Бургаву, искусству писать рецепты по Гавбіусу, знанію травъ въ ботаническомъ саду; профессоръ Клоснеръ болѣзнямъ и цѣленію отъ нихъ по Бургаву; профессоръ Руссо начальнымъ основаніямъ химіи по Боэргаву, естественной исторіи по Эркслебену.

Университетскія правленія съ этихъ поръ послѣдовательнѣе и рѣшительнѣе вмѣшивались въ жизнь каждаго изъ студентовъ: послѣдніе стали подлежать надзору, ограниченіямъ и постановленіямъ. Вслѣдствіе этого и въ средѣ студентовъ пробудилось стремленіе соединиться и сомкнуться противъ правленія и стать съ нимъ вразрѣзъ; этотъ духъ

корпораціи и примкнулъ къ національнымъ и племеннымъ различіямъ; возникли ландсманшафты (землячества), которымъ въ 17-мъ столѣтіи предшествовали національныя коллегіи, куда, кромѣ дворянъ и уроженцевъ университетскаго округа, обязаны были поступать всѣ студенты, такъ какъ онѣ составляли предписанное или утвержденное академическимъ вѣдомствомъ раздѣленіе студенчества для лучшаго за нимъ наблюденія. Ландсманшафты, напротивъ того, съ самаго начала стали въ оппозиціонное отношеніе къ вѣдомству: въ Галле они составились, когда одинъ изъ студентовъ теологіи былъ захваченъ въ солдаты, заявивъ при этомъ, что охрана университетскихъ вѣдомствъ оказывается недостаточною. Они были исключительны и принимали не всѣхъ студентовъ, хотя и дѣлали часто попытки всѣхъ подлежащихъ земляковъ понудить къ принятію ландсманшафтскихъ узъ и преслѣдовали непоступавшихъ дуэлями. Они образовали у себя особый судъ и подчиняли ему безпрекословно всѣхъ студентовъ, даже состоявшихъ внѣ корпораціи. Правленіе, поступая послѣдовательно, не могло, конечно, терпѣть эту оппозицію и организацію студентовъ: поэтому съ выступленіемъ ландсманшафтовъ тотчасъ же появились также постановленія противъ нихъ, обратившія вниманіе вопервыхъ на то, что ландсманшафты (которые, вступая въ оборонительное положеніе относительно вѣдомствъ и потому помышляя болѣе о своемъ сохраненіи, нежели о своемъ развитіи, отличались консервативнымъ характеромъ) поддерживали менназимъ, *) тогда какъ позднѣйшія постановленія, между прочимъ іенскія отъ 1765-го г., упрекаютъ ихъ въ томъ, что они издаютъ своевольные законы, избираютъ сеніоровъ и субсеніоровъ, навязываютъ своимъ землякамъ ландсманшафтскія узы,—потомъ, что они въ извѣстныя времена сходятся въ трактирахъ, гдѣ справляютъ судъ, а затѣмъ танцуютъ и кутятъ,—наконецъ, что они подстерегаютъ смѣны вновь прибывшихъ земляковъ, водятъ ихъ на мельницу и въ другія безпутныя мѣста и подстерекаютъ къ дуэлямъ съ невступившими къ нимъ земляками и съ другими ландсманшафтами. Однако запреты не могли отмѣнить послѣднихъ, пока студенческая жизнь сама собою не перешла къ иной и высшей формѣ: именно къ формѣ орденовъ. Ордена возникли въ половинѣ восемнадцатаго столѣтія и въ сущности отличались отъ ландсманшафтовъ тѣмъ, что основывались на взаимномъ притяженіи однородныхъ личностей и на своеобразномъ корпораціонномъ духѣ, порождаемомъ ихъ связью. Съ этимъ соединеніемъ однородныхъ и единомышленныхъ личностей разнымъ союзамъ придавались извѣстный характеръ и из-

*) О пеннализмѣ см. выше.

вѣстное направленіе. Каждый изъ орденовъ представлялъ собою нѣчто въ родѣ товарищества и сообразно духу вре- времени облекалъ себя нѣкотораго рода таинственностію. Въ Іенѣ упоминались: ордена надежды, гармоніи, согласія, бондарей и лиліи. Взамѣнъ ландсманшафтскихъ цвѣтовъ ордена отличались символическими знаками и гербами.

Эти ордена въ теченіе времени слагались въ корпораціи, которыя опять приняли имена и цвѣта ландсманшафтовъ, но въ сущности оставались орденами, основываясь на личныхъ связяхъ и на сложившемся корпоративномъ духѣ. А съ другой стороны, такъ какъ ландсманшафты продолжали существовать обокъ съ орденами, то первые часто переходили въ послѣдніе, не отрѣшаясь отъ прежняго имени и частью такъ же отъ прежней формы. Ландсманшафты, ордена и корпораціи имѣли то общее между собою, что они принимали исключительное и аристократическое положеніе относительно единичныхъ студентовъ, такъ называемыхъ зябликовъ, верблюдовъ, обскурантовъ и пр. и пытались отрѣшить студенческую жизнь отъ народной. Они представляли собою студенчество, справляли свой судъ и составляли студенческое право, такъ называемый комментъ, унаслѣдованный студенческій обычай, сведенный отчасти въ странныя предписанія и мелочныя постановленія. Такимъ образомъ студенчество замкнулось въ узкій и мелочной кружокъ, презирая все нестуденческое, и тогда какъ наука все болѣе переставала быть замкнутою ученостью и все живѣе охватывала народные интересы, въ то же время студенчество на созданной имъ самимъ, фантастическою свободою разукрашенной аренѣ, съ высоты которой не стоило обращать вниманія на пошлую дѣйствительность, составляло своебразный контрастъ какъ къ будущей должностной жизни прежняго студента, такъ и къ отрѣшенному отъ правительственной сферы и отъ всеобщихъ интересовъ, на заботы о женѣ и дѣтяхъ обреченному мѣщанину, словомъ къ филистеру.

Въ Англіи университеты остались такими же, какъ были прежде, цѣпко придерживаясь исторически даннаго. Лекціи профессоровъ не составляли и не составляютъ тутъ существеннаго учебнаго пособія, какъ въ нѣмецкихъ университетахъ. Воспитанники обучаются въ колледжахъ, къ которымъ причислены, и въ каждомъ изъ нихъ находится извѣстное число тюторовъ (частныхъ преподавателей), которые отчасти даютъ уроки, отчасти руководятъ приватными занятіями воспитанниковъ. Читаютъ греческихъ и римскихъ авторовъ, изучаютъ математику, физику и немного филосо-

фію, причемъ учитель задаетъ уроки и повторяетъ ихъ съ студентами. Полное изложеніе науки почти вовсе не дается академическими наставниками и, полными учебными пособіями для основательнаго изученія юриспруденціи и медицины не обладаютъ ни Оксфордъ, ни Кэмбриджъ; государственное право изучается практически у правовѣдовъ, а медицина—въ спеціальныхъ школахъ. Академическое преподаваніе до такой степени ограничено колледжами, что профессоръ греческаго языка рѣдко лишь читаетъ лекціи въ университетѣ, хотя знаніе греческаго необходимо для полученія академической степени. Вслѣдствіе этого колледжи съ теченіемъ времени должны были все болѣе и болѣе размножаться: при Генрихѣ VIII уже возникъ колледжъ I. Христа, въ Кэмбриджѣ, и колледжъ св. Троицы, потомъ въ Оксфордѣ колледжъ Вадгама въ 1613-мъ г., Пемброка въ 1624-мъ г., Гертфорта въ 1710-мъ, Ворсстера въ 1714-мъ, въ Кембриджѣ колледжъ Доунинга въ 1717-мъ г. Колледжъ св. Троицы представляетъ настоящій образецъ организаціи колледжей вообще. Онъ управляется директоромъ (Master) въ качествѣ старшины и восемью старшими членами (Fellows), которые въ случаѣ отлучки замѣняются слѣдующими за ними по старшинству. Члены выбираются изъ студентовъ (Scholars), не достигшихъ еще званія магистра (Master of Arts). Всѣ, по истеченіи семи лѣтъ, сдѣлавшись магистрами, обязаны посвящаться въ пасторы за исключеніемъ двухъ, которымъ разрѣшается оставаться мірянами и изъ которыхъ одинъ воленъ посвятить себя юриспруденціи, а другой медицинѣ. Одни только магистры могутъ жениться. Изъ младшихъ членовъ назначаются 4 наставника (Tutors) и 9 помощниковъ (Assistant Tutors), одинъ старшій деканъ (Senior Dean), одинъ младшій (Junior Dean), одинъ главный профессоръ (Head Lecturer), 4 профессора по извѣстнымъ отдѣльнымъ предметамъ, какъ-то по математикѣ, латинскому и греческому языкамъ, по греческой грамматикѣ; при нихъ находятся 4 младшихъ профессора (Sublecturer). Для содѣйствія при богослуженіяхъ приставлены 4 капеллана (Chaplains) и одинъ органистъ, онъ же и докторъ и профессоръ. Изъ членовъ замѣщаются въ правленіи три должности: старшаго казначея (Senior Bursar), младшаго казначея (Junior Bursar) и эконома (Steward). Колледжи, какъ и вообще университеты, сохранили средневѣковой строй, съ тою лишь разницею, что снабжены бóльшими доходами: у колледжа I. Христа 20.000 ф. стрлг. ежегоднаго дохода, у королевскаго колледжа 22.000, у Оксфорда вообще 134.910, а у Кэмбриджа 102.980 фунтовъ. Но всѣ богатства эти расходуются на не отвѣчающее потребностямъ эпохи воспитаніе. Система общественнаго воспитанія въ Англіи, какъ съ точки зрѣнія своей эпохи изображаетъ ее Резевицъ, нисколько

не способствуетъ сдѣлать націю тѣмъ, что она есть. Школы и университеты коснѣютъ тамъ въ старыхъ формахъ и учрежденіяхъ, какія существовали въ нихъ лѣтъ двѣсти тому назадъ. Тамъ все еще зависитъ лишь отъ личныхъ свойствъ обучающаго и учащаго субъекта, принесетъ ли преподаваніе всеобщую пользу, или выйдутъ ли оттуда образованные, способные и трудолюбивые люди: въ самомъ же общемъ устройствѣ публичнаго воспитанія не представляется къ тому никакого повода и нѣтъ достаточно побудительной силы для этого. И точно, наиболѣе благотворное, что создано въ Англіи въ этомъ отношеніи, слѣдуетъ скорѣе приписать общественному духу и патріотическому рвенію просвѣщенныхъ и дѣятельныхъ лицъ, нежели національнымъ учрежденіямъ или публичнымъ заведеніямъ правительства. Несмотря однако на всѣ недостатки и недуги общественнаго воспитанія, народъ въ Англіи исполненъ болѣе живого національнаго духа и истиннаго патріотизма, нежели въ какомъ либо иномъ европейскомъ государствѣ. Причина этого скрывается прежде всего въ политическомъ устройствѣ націи. Благодаря этому, англичанинъ привыкаетъ считать себя членомъ цѣлаго; смотрѣть на общественныя дѣла какъ на свои собственныя, обсуждать ихъ и принимать въ нихъ живое участіе; чувствовать себя гражданиномъ государства, соучастникомъ и сподвижникомъ общественнаго блага и уважать себя за эти качества; не признавать надъ собою никого кромѣ закона; и вслѣдствіе всего этого сознавать въ себѣ достоинство и преимущество, какія при иномъ воззрѣніи не даются въ равной мѣрѣ сознанію человѣка. Благодаря общественности и взаимному обмѣну такихъ сдѣлавшихся господствующими въ націи идей, онъ съ молоду привыкаетъ къ этому образу мыслей; потому душа его въ зрѣломъ возрастѣ и освоивается съ болѣе обширными и обще-нужными предметами дѣятельности, нежели съ какими въ состояніи и въ силахъ освоиться иной народъ; онъ болѣе надѣется на свою мощь, вездѣ дѣйствуетъ съ большею увѣренностью, особенно оттого также, что ему не заказанъ ни одинъ изъ путей успѣха и гражданской дѣятельности; чувство свободы поощряетъ его попытать и развернуть всѣ свои силы, съ рѣшимостью добиться цѣли, какую онъ мужественно и самоувѣренно поставилъ себѣ. Этому духу нація и одолжена столь многими великими умами, отважными предпринимателями, настойчивыми дѣловыми людьми, столь многими изобрѣтателями всякаго рода. Сюда слѣдуетъ еще прибавить во-вторыхъ, что англичанинъ въ каждой изъ отраслей дѣятельности уже видитъ передъ собою такъ много образцовъ трудолюбія. Начиная съ ремесленника и до крупнаго негоціанта, съ боцмана и до адмирала, съ арендатора и до министра имѣются

на лицо мастера всякаго искусства, которые всеобъемлющимъ, проницательнымъ взглядомъ обозрѣваютъ свое дѣло; пользуются всѣмъ, что можетъ служить къ исполненію или облегченію его; съ неутомимою дѣятельностью стремятся къ совершенству и не пренебрегаютъ никакимъ средствомъ для достиженія елико возможно высшей его степени. Эти образцы воодушевляютъ каждаго изъ англичанъ съ такою же настойчивостью и съ такимъ же рвеніемъ совершить что-нибудь отличное и всегда цѣлесообразное въ своемъ дѣлѣ, и съ такою же твердою рѣшимостью возвысить по возможности цѣну своему произведенію". Изъ практическаго смысла англичанина вытекаетъ также его цѣпкая привязанность къ исторически даннымъ принципамъ воспитанія, которая нѣмцу съ его научной точки зрѣнія должна казаться окоченѣлою и тощею, но сущность которой коренится въ природѣ англичанина и потому даетъ ему, хотя не безусловно лучшій и не самый зрѣлый, но, все-таки, относительно здоровый плодъ, какъ доказалъ это Визе въ своихъ „Нѣмецкихъ письмахъ объ англійскомъ воспитаніи". Онъ говоритъ: „Явленіе знаменательное, какъ у англичанъ тотъ же духъ, который сплачиваетъ современниковъ въ крѣпкій союзъ и въ мощное энергическое содѣйствіе другъ другу, въ поступательномъ ходѣ исторіи проявляетъ все ту же живучесть въ настойчивомъ преслѣдованіи изъ рода въ родъ разъ избраннаго имъ направленія. Прослѣдимъ же за вереницею ихъ философовъ: почти всѣ они издѣваются надъ суетнымъ знаніемъ и пустымъ мудрованіемъ. Имя Бэкона стало почти тожественнымъ съ направленіемъ исходить отъ индивидуальнаго, а не отъ общаго. А Локкъ отстаиваетъ даже соревнованіе, возникающее въ школахъ въ надеждѣ на преміи. Это не совсѣмъ-то въ философскомъ, но за то совершенно въ англійскомъ духѣ. Въ англійскомъ обученіи, какъ вообще, такъ и въ мельчайшихъ частяхъ его, обнаруживается все то же направленіе ко всему выгодному, дѣйствительному, навѣрняка отвѣчающему цѣли, и отвращеніе отъ всякихъ отвлеченныхъ теорій. Англійская литература крайне бѣдна собственно педагогическими сочиненіями; но за то также и столь разнородными проектами воспитанія. Всѣ возможные способы послѣдняго тяготѣютъ здѣсь къ твердому жизненному ядру, къ національности и религіи; если они оказываются дѣйствительно полезными этому ядру, какъ наиболѣе прочному, то ихъ придерживаются съ цѣпкостью, основанной на опытѣ, и потокъ временъ проходитъ надъ ними, не смывая ихъ. Въ Англіи никогда не было такого господства филологіи, какое существовало и могло существовать въ Германіи въ ту эпоху, когда церковь, казалось, забыла свою задачу и исчезъ и заглохъ интересъ къ государству; за то тамъ никогда такъ же не было такого воз-

растающаго равнодушія къ филологическимъ знаніямъ, какъ то по временамъ случалось въ Германіи. Такіе приливы и отливы то любвеобильной преданности, то отверженія, такія проявленія бурнаго и рьянаго періода и слѣдующаго затѣмъ утомленія не встрѣчаются ни въ англійской литературѣ, ни въ юношескихъ порывахъ народа вообще, ни такъ же въ выборѣ средствъ образованія. Англичане прежде всего граждане Англіи и христіане, и въ качествѣ таковыхъ они занимаются между прочимъ также древностью, признаютъ и чтятъ ея высокое значеніе, но вмѣстѣ съ тѣмъ цѣнятъ ее и какъ предметъ, которымъ они могутъ поднять свою національность. Но поставить жизнь древности выше христіанской показалось бы англичанину крайне не научнымъ, такъ какъ онъ не могъ бы допустить такого попятнаго шага въ исторіи". „Притомъ въ Англіи сознаютъ, что образованіе состоитъ не въ знаніяхъ; благодаря этому школы и пользуются тѣмъ важнымъ преимуществомъ, что учители въ нихъ съ своими способами преподаванія охотнѣе подчиняются одной и всеобщей высшей цѣли, тогда какъ въ Германіи часто при разнообразіи учебнаго плана все и всякъ изолируется и въ ней не умѣютъ ни содѣйствовать другъ другу, ни подчиняться. У общественныхъ школъ (public schools) и университетовъ одинъ историческій принципъ: молодого человѣка слѣдуетъ подготовить для вступленія въ ряды взрослыхъ, принадлежащихъ къ этой особенной націи, съ сознаніемъ о достоинствѣ этой особенности, и съ силою также, и въ свою очередь заявить и развить ее далѣе, причемъ увѣрены, что опытомъ дознанные для этого способы обученія болѣе всего отвѣчаютъ вмѣстѣ и свойствамъ человѣческой души".

Какой контрастъ въ сравненіи съ этою цѣпкою привязанностію Англичанина къ исторически данному въ жизни и воспитаніи представляетъ непостоянный и легкомысленный Французъ первой революціи, утратившій историческую основу и оттого то и дѣло производящій опыты какъ въ государствѣ, такъ и въ школѣ, и переходящій отъ одного къ другому, не достигая никакого конечнаго вывода!—Учебные планы слѣдовали одни за другими, организаціи за организаціями. Въ 1791-мъ Талейранъ передалъ чрезъ учредительное собраніе всю систему общественнаго обученія правительству и предоставилъ всѣмъ право преподаванія: въ открываемыхъ впредь первоначальныхъ, второстепенныхъ и департаментскихъ школахъ надлежало добиваться лишь всеобщаго образованія. Этотъ планъ не былъ приведенъ въ исполненіе, и Кондорсе предложилъ законодательному корпусу новый проектъ, по которому латинь низведена была до поверхностнаго знанія, математика и естественныя науки заняли первое мѣсто и предложе-

ны были 5 разрядовъ школъ: первоначальныя, второстепенныя, институты, лицеи и національное общество наукъ и искусствъ. Конвентъ отмѣнилъ затѣмъ всѣ коллежи и факультеты, рѣшилъ завладѣть ихъ имуществомъ, провозгласилъ свободу преподаванія для всѣхъ гражданъ, желающихъ обучать по одобреннымъ конвентомъ учебникамъ, и основалъ въ самомъ Парижѣ центральную школу (Ecole centrale), прозванную впослѣдствіи политехническою (Ecole polytechnique), „реальную высшую школу для образованія военныхъ инженеровъ", въ которой Монжъ создалъ свою „начертательную геометрію". Въ 1795-мъ году возникла нормальная школа (Ecole normale), т. е. семинарія для образованія учителей гимназіи; для республики назначено были 100 нормальныхъ школъ, былъ изданъ общій учебный уставъ. Консульство открыло потомъ, начиная съ 1800 г. опять четыре большія коллежа; въ 1803-мъ г. вновь возстановленъ медицинскій, а въ 1804-мъ юридическій факультетъ; были созданы фармацевтическія школы; въ 1805-мъ г. существовало уже 30 лицеевъ, замѣнившихъ прежніе коллежи, и 250 общинныхъ коллежей. Во время имперіи въ 1808-мъ г. учебная система всей страны была сосредоточена въ университетѣ; „публичное обученіе во всей имперіи поручается исключительно университету; ни одна школа, ни одно учебное заведеніе не могутъ быть открываемы помимо императорскаго университета и безъ вѣдома его начальника; никто не вправѣ открыть школу, не будучи членомъ императорскаго университета и удостоенъ ученой степени въ одномъ изъ его факультетовъ". Учебники, методы, личныя должности и организаціи состояли подъ вѣдомствомъ главнаго попечителя (Grand maitre) и университетскаго совѣта (Conseil de l'Université de France). „Университетъ — говоритъ Бюхелеръ — былъ всецѣло и вполнѣ орудіемъ въ рукахъ правительства; онъ пользовался не свободою преподаванія, а одною только монополіею, онъ достигъ, правда, великолѣпнаго единства и такой же правильности относительно устройства школъ, безпримѣрной въ исторіи педагогики, но это единство и повело къ механизму и къ крайнему однообразію".